РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 5 (май) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

*Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в **Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.*

*Журнал включён в **Science Index**, индексируется в **Google Scholar**, каждой статье присваивается **DOI (Digital Object Identifier)**.*

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***,
академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich**,
Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selirovich**,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Российский научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Российский научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

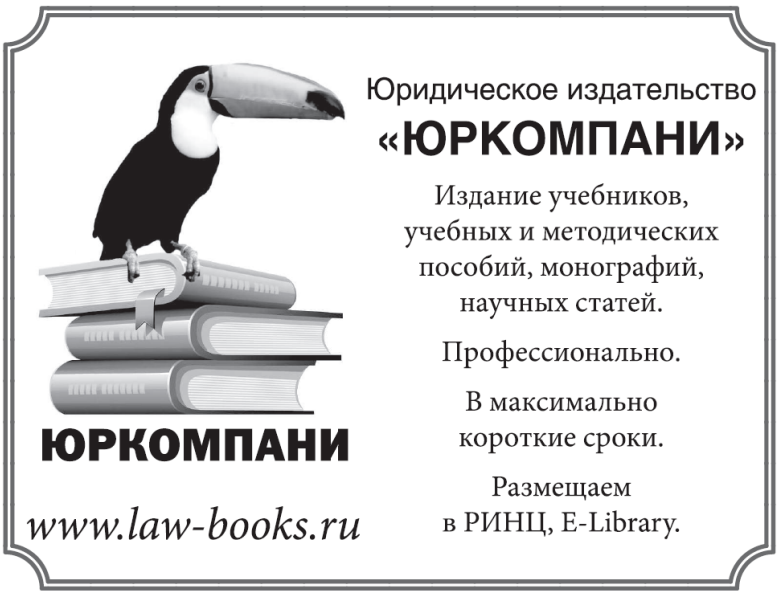
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки

рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов). Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: *mail@law-books.ru* или через форму на Главной странице сайта *«Опубликовать статью РИНЦ»*.

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC *(Library of Congress)*. Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры). Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

– фамилия и инициалы автора (авторов) – в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

– заглавие статьи / монографии – в транслитерации;

– заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

– название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

– название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

– выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») – в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

– указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], – обязательно!

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

– в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

– необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Майстренко Г.А. * Вопросы государственно-правового регулирования в уголовно-исполнительной системе 23

Валиахметов Д.Д. * Территориальное устройство современного государства: теоретический и государственно-правовой аспекты 28

Айсханова Е.С., Тепсуев М.С. * Влияние эпохи Просвещения и великих революций на формирование политического экстремизма 34

Карпенко И.Н. * Эмиссионный мандат Банка России и правовая природа цифрового рубля как обязательства Центрального Банка: критический анализ в свете международных стандартов цифровых валют Центральных Банков 37

Безручкин Е.А. * Возникновение, становление и развитие нормативно-правового регулирования налогообложения добавленной стоимости в государствах ЕАЭС в XX – XXI веках 44

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Фиалковская Е.В. * Социальная помощь детям «группы риска» 53

Азиева П.З., Абдулкадыров М.Д. * Конституционное право на охрану здоровья в Российской Федерации 58

Тищенко Ю.Ю. * Вопросы правоприменительной практики рассмотрения обращений граждан органами внутренних дел 61

Куннуева У.М., Хизриева М.М. * Искусственный интеллект и врачебная тайна: как в интернете нарушается конфиденциальность пациентов 65

Иващенко Е.А., Скидан М.Н. * Цифровая уязвимость в контексте защиты биометрических данных пользователей бионических протезов 70

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Егиазарян Л.Р. * Юридическое укрепление процедур оценки, мониторинга и корректировки стратегий как условие эффективности долгосрочных национальных программ 77

Ильясов О.Р., Лопаева Н.Л., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Ражина Е.В., Кошеленко Л.В. * Технологическая связь и освещение как ключевые факторы безопасности и эффективности работы на железном транспорте 84

Царькова Е.Г. * Правовые основы алгоритмизации управленческих процессов с применением элементов искусственного интеллекта в учреждениях ФСИН России 89

Мухлынина М.М. * Эколого-правовой режим арктической зоны Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития в климатических и экономических реалиях 94

Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. * Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о патриотическом воспитании несовершеннолетних и молодежи 99

Исакова Т.И., Волченко Ю.А. * Проблемы правового регулирования использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении исправительными центрами возложенных на них задач . . 104

Карпова А.В. * Проблема текучести кадров в органах внутренних дел: причины и пути решения 110

Ельчанинов А.П. * «Кадровое обеспечение», «комплектование кадров» и «формирование кадров»: границы понятий и их роль в управлении персоналом уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 116

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Виноградова Е.В. * Аксиология семьи как конституционный нарратив в системе традиционных российских ценностей 121

Патюлин Г.С. * Государственный суверенитет и конституционные права в современном государствоведении: единство, пределы и механизмы взаимодействия 126

Азиева П.З., Абдулкадыров М.Д. * Конституционное право на медицинскую помощь 133

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Диков Р.В. * Типология соглашений о зонах свободной торговли в контексте международного экономического права и права ВТО 136

Чупина И.П., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Петрова И.И. * Обеспеченность сельскохозяйственной продукцией Уральского Федерального Округа как основа выполнения условий доктрины продовольственной безопасности 146

Кротов М.И., Дудина О.И., Малькова Ю.В., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Радионова С.В. * Анализ современного состояния и развития зернопроизводства в сельхозорганизациях Свердловской области 154

Федоров А.Н., Стахеева Л.М., Зарубина Е.В., Чупина И.П., Царева С.В., Бабкина А.А. * Экономические последствия изменения климата 161

Минаева В.В. * Проблемы и перспективы административно-правового регулирования трансграничной передачи данных в банковской сфере на основе DPDP Act 2023 166

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Гагиева Н.Р. * К вопросу о правовом регулировании онлайн-арбитража 174

Мальцагов И.Д. * Приговор суда как итоговое решение по уголовному делу в уголовном процессе . . 179

Иванкин М.А. * Правовая квалификация цифровых прав и проблемы их судебной защиты в имущественном праве 182

Абдулаева М.М., Гаджиахмедова А.А. * Экспертизы. Медико-социальные экспертизы 188

Сергеева А.А. * Предпосылки и спорные аспекты развития института судебного представительства на базе адвокатуры 192

Каграманова С.Р. * Участие прокурора в рассмотрении дел судами по вопросу нарушения законодательства при реализации помощи многодетным семьям 203

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Венгеровский Е.Л., Шадрин А.Д. * Современная трансформация традиционных товарных рынков в контексте деятельности участников цифровых рынков как повод для изменения подходов к их антимонопольному регулированию 207

Натаева З.А., Муртазаева А.А. * Виды посреднических договоров в гражданском праве России 222

Васильева Е.Г., Байтокова К.М. * О правовой природе пени по российскому налоговому законодательству в контексте законодательных новелл 226

Магомадова Э.И. * Сравнительная характеристика и разграничение розничной и оптовой купли-продажи 233

Натаева З.А., Муртазаева А.А.* Виндикация в современном гражданском праве 237

Изутина С.В., Гусева В.Д. * Этические аспекты использования искусственного интеллекта для создания и распространения произведений, защищенных авторским правом 240

Царькова Е.Г. * Правовые аспекты информационного обеспечения деятельности ФСИН России 245

Филатов К.С. * Правовое регулирование использования земель железнодорожного транспорта 251

Анисимова Д.А., Борисова В.В., Изутина С.В. * Товарная экспертиза как ключевой инструмент доказывания в спорах о качестве и безопасности пищевой продукции: практика Роспотребнадзора и судов 259

Белоусов В.В., Сочнева А.С., Шарапова Н.В., Шарапова В.М. * Основные факторы причины и последствия теневых схем оплаты труда 268

Маркаров М.Д. * Институт добросовестного приобретателя и возможность его применения к цифровым правам 272

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Диков Р.В. * Теоретические аспекты правосубъектности ЕАЭС и некоторые проблемы реализации внешней компетенций 277

Прошина М.В. * Виды договоров в исламском торговом праве 287

Юсиф-Зада А.-А. И. оглы * Мусульманско-правовые представления о допустимости трансплантации органов и их значение для правового регулирования в России 291

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Сочнева А.С., Рахманов А.Д., Белоусов В.В., Шарапов Ю.В., Шарапова Н.В. * Архитектура личного цифрового пространства 295

Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Причины и условия отклоняющегося поведения 300

Семенов А.А., Аветисян К.Р. * Организационные и практические аспекты внедрения искусственного интеллекта в деятельности организаций 306

Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Цифровое право и его влияние на правосознание осужденных молодежного возраста: постановка проблемы 314

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Магомадова Э.И. * Правовая сущность договора купли-продажи 320

Ильин Р.Ю. * Перспективы трансформации института семейных соглашений в Российской Федерации: сравнительно-правовой контекст 325

Натаева З.А., Муртазаева А.А. * Гражданско-правовое регулирование патентного права 328

Бухарова Д.Х., Капустина С.А. * Проблема информационной недостаточности в отчетности юридических лиц-субъектов малого и среднего бизнеса при применении упрощенных способов учета 331

Кадимова М.Ш., Османова З.Д. * Особенности правового статуса отдельных субъектов права частной собственности на земельные участки в Российской Федерации 336

Барышников М.Ю. * Частные и публичные интересы в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений 342

Кружкова Т.И., Рущицкая О.А., Куликова Е.С., Фетисова А.В., Батракова С.И., Ларин М.В. * Мероприятия по совершенствованию деятельности Уральской палаты недвижимости 348

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Айсханова Е.С., Хаджиев У.К. * Основные этапы развития учения о личности преступника в отечественной науке 355

Дадашов М.М., Тепсуев М.С., Альтемирова Э.Р. * Причины преступности несовершеннолетних в современной России: системный криминологический анализ 359

Алхастова М.В., Ханкарова З.А. * Перспективы и проблемы использования ольфакторного метода в криминалистическом доказывании 363

Кунц Е.В. * К вопросу уголовно-правовой характеристике организатора преступления 366

Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * К вопросу девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей 370

Соболев Н.Г. * Система факторов детерминации рецидивной преступности у осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима 375

Маказиева З.Д., Ахтаева Э.А. * Тактико-криминалистические особенности использования результатов применения полиграфа при расследовании тяжких преступлений против личности 378

Ковалев О.Г. * Реализация права подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов в условиях следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы 381

Казначеев В.А., Туманова Е.В., Пожималин В.Н., Юрков М.Н. * Психолого-педагогические методы профилактики террористической идеологии среди осужденных в учреждениях ФСИН России 387

Тепсуев М.С., Дадашов М.М., Альтемирова Э.Р. * Субъекты предупреждения преступности в современной России: институциональная система и пределы компетенции 393

Алхастова М.В., Бичаева З.И., Тепсуев М.С. * Психолого-тактические особенности реализации поисковых мероприятий при производстве обыска 397

Майстренко Г.А. * Некоторые вопросы организации труда осужденных в дореволюционной и современной России 400

Ковалев О.Г. * Обязанности осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, тюрьме и исправительных колониях особого режима для отбывания пожизненного лишения свободы 403

Ковалев О.Г. * Право осужденных к лишению свободы на материально-бытовое обеспечение 409

Царькова Е.Г. * Правовые принципы применения робототехнических систем в деятельности учреждений ФСИН России 415

Соболев Н.Г. * Первый пенитенциарный опыт как фактор формирования криминальной идентичности: социально-психологические механизмы 421

Бейсембаева Н.А. * Прокурор – гарант обеспечения законности принятых процессуальных решений органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации 424

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. * Педагогическая антропология в России 431

Дмитриев Г.Г. * Освоение безопасной работы в web 2.0 как необходимый компонент учебных программ по информационной безопасности 437

Казначеев В.А., Никандров Э.Ю., Свиридов Р.Е., Крапивин О.В., Корчиков И.В., Калинина А.М. * Управление стрессом и страхом: психологический аспект тактико-специальных занятий (на примере ФСИН и МВД) 442

Полякова Я.Н. * Компетентность современного офицера ФСИН как результат профессионального образования: управленческий аспект 448

Дмитриева Е.Е., Воробьев Ю.А., Казначеев В.А., Иванов М.В., Доценко Н.А. * Педагогические аспекты профессионально-прикладной физической подготовки в ведомственных образовательных учреждениях МЧС, ФСИН и МВД 453

Ковалев О.Г. * Особенности привлечения к ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы 459

ИННОВАЦИИ В МИРЕ

Тесаков Г.Т. * Правовая природа подписки на цифровые сервисы 465

Царькова Е.Г. * Уголовно-правовые риски и ограничения применения робототехнических систем в учреждениях ФСИН России: теоретико-правовой анализ 469

Панченко В.Ю., Демидов А.Н. * Оценочная модель пределов применения технических мер защиты в Интернете: критерии квалификации и баланс интересов 476

Скопцов Н.А. * Ядерная энергетика и охрана окружающей среды: историко-правовой аспект 482

Смирнова Е.С., Ражина Е.В., Быкова О.А., Лопаева Н.Л., Синько В.Н., Шиловцев А.В. * Влияние антропогенных факторов на биоразнообразие 488

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ

Фиалковская Е.В. * Разработка учебной программы по выявлению и противодействию компьютерным инцидентам для курсов повышения квалификации 491

Васильев Р.В. * Обучение курсантов вузов МЧС России оказанию первой помощи: педагогические подходы и практические аспекты 496

Кашкина Е.В. * Совершенствование процесса профессиональной подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России 501

Лещенко С.А., Лукашенко Д.В. * Совершенствование коммуникативной культуры несовершеннолетних осужденных лингвометодическими средствами в образовательном пространстве 506

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Ильясов О.Р., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Быкова О.А., Павлова Я.С., Барыкина Е.С. * Безопасность и охрана труда в медицинских учреждениях 512

Магомедова Р.Х., Магомеднабиева А.Г. * Юридическая оценка отказа врача в госпитализации как причинно-следственного звена наступления смерти пациента 516

Татикян А.А. * Продление срока действия евразийского патента на лекарственное средство в Российской Федерации: проблемы правовой определённости и соотношение с институтом дополнительного патента 523

Ильясов О.Р., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Быкова О.А., Кошеленко Л.В., Барыкина Е.С. * Анализ статистики несчастных случаев и профессиональных заболеваний в поликлинике 529

Гамзатова П.М., Махова А.А. * Защита персональных данных в здравоохранении: правовые аспекты обработки медицинских данных и соблюдения конфиденциальности пациентов 539

Алиева Е.С., Магомедова Х.Р. * Ятрогения: взгляд через призму врачебной совести и страха ошибки (размышления о сути проблемы) 543

Ильясов О.Р., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Быкова О.А., Павлова Я.С., Барыкина Е.С. * Современные профилактические мероприятия по снижению травматизма медицинских работников поликлиники 549

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Синько В.Н., Шиловцев А.В., Кошеленко Л.В., Егоров С.Г., Ильясов О.Р., Канев П.Н. * История Свердловского дендропарка-выставки (по материалам периодической печати 1950-1970-х гг.) 555

Светлов А.И., Шкаликов Д.А. * Актуальные проблемы правоопреемства государств постсоветского пространства (на примере Российской Федерации как государства-правопреемника СССР) 561

Данилевская-Урбанова И.Л. * Верховный Суд Союза ССР в системе правовой охраны Конституции СССР: баланс суверенитета Федерации и Республик 566

CONTENTS:

POLICY AND LAW

Maistrenko G.A. * Issues of state and legal regulation in the penal system 23

Valiakhmetov D.D. * Territorial structure of the modern state: theoretical and state-legal aspects 28

Ayskhanova E.S., Tepsuev M.S. * Influence of the age of enlightenment and great revolutions on the formation of political extremism 34

Karpenko I.N. * The issuing mandate of the Bank of Russia and the legal nature of the digital ruble as a Central Bank liability: a critical analysis in light of international standards for digital currencies of Central Banks 37

Bezruchkin E.A. * The emergence, formation, and development of legal regulation of value-added taxation in the EAEU states in the 20th and 21st centuries 44

HUMAN RIGHTS

Fialkovskaya E.V. * Social assistance to children at risk 53

Azieva P.Z., Abdulkadyrov M.D. * The constitutional right to health protection in the Russian Federation . . . 58

Tishchenko Yu.Yu. * Issues of law enforcement practice of consideration of citizens 'appeals by internal affairs bodies 61

Kunnueva U.M., Khizrieva M.M. * Artificial intelligence and medical secrecy: how patient privacy is violated on the internet 65

Ivashchenko E.A., Skidan M.N. * Digital vulnerability in the context of protecting users' biometric data bionic prostheses 70

NATIONAL SECURITY

Yegiazaryan L.R. * Legal strengthening of procedures for the evaluation, monitoring and adjustment of strategies as a condition for the effectiveness of long-term national programmes 77

Ilyasov O.R., Lopaeva N.L., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Razhina E.V., Koshelenko L.V. * Technological communication and lighting as key factors in safety and efficiency of work in railway transport 84

Tsarkova E.G. * Legal foundations of algorithmization of management processes using elements of artificial intelligence in institutions of the federal penitentiary service of Russia 89

Mukhlynina M.M. * Ecological and legal regime of the arctic zone of the Russian Federation: current state and prospects of development in climatic and economic realities 94

Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. * Prosecutor's supervision of compliance with the legislation on the patriotic education of minors and youth 99

Isakova T.I., Volchenko Yu.A. * Problems of legal regulation of the use of information (digital) technologies when correctional centers carry out their tasks 104

Karpova A.V. * The problem of staff turnover in the internal affairs agencies: causes and solutions 110

Elchaninov A.P. * «Staffing», «recruitment» and the «formation of personnel»: boundaries of concepts and their role in the personnel management of the penitentiary system of the Russian Federation 116

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Vinogradova E.V. * The axiology of the family as a constitutional narrative in the system of traditional Russian values 121

Patyulin G.S. * State sovereignty and constitutional rights in modern state studies: unity, limits and mechanisms of interaction 126

Azieva P.Z., Abdulkadyrov M.D. * Constitutional right to medical care 133

LAW AND ECONOMICS

Dikov R.V. * Typology of free trade area agreements in the context of international economic and WTO law 136

Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Yegorov S.G., Koshelenko L.V., Petrova I.I. * Provision of agricultural products of the Ural Federal District as a basis for fulfilling the conditions of the food security doctrine 146

Krotov M.I., Dudina O.I., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S., Pilnikova I.F., Radionova S.V. * Analysis of the current state and development of grain production in agricultural organizations of the Sverdlovsk region 154

Fedorov A.N., Stakheeva L.M., Zarubina E.V., Chupina I.P., Tsareva S.V., Babkina A.A. * Economic impacts of climate change 161

Minaeva V.V. * Problems and prospects of administrative and legal regulation of cross-border data transfer in the banking sector based on DPDP Act 2023 166

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Gagieva N.R. * On the issue of legal regulation of online arbitration 174

Maltsagov I.D. * Court verdict as final decision in criminal proceedings 179

Ivankin M.A. * Legal qualification of digital rights and problems of their judicial protection in property turnover 182

Abdulaeva M.M., Gadzhiakhmedova A.A. * Expertise. Medical and social expertise 188

Sergeeva A.A. * Background and controversial aspects of the development of the institution of judicial representation on the basis of the bar 192

Kagramanova S.R. * Prosecutor's involvement in court reviews of cases involving legislative breaches in the delivery of support to large families 203

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Vengerovsky E.L., Shadrin A.D. * Contemporary transformation of traditional commodity markets in the context activities of digital market participants as a reason for changing approaches to their antimonopoly regulation 207

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Types of mediation agreements in Russian civil law 222

Vasilyeva E.G., Baytokova K.M. * On the legal nature of penaties under russian tax legislation in the context of the legislative novels 226

Magomadova E.I. * Comparative characteristics and differentiation of retail and wholesale sales 233

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Vindication in modern civil law 237

Izutina S.V., Guseva V.D. * Ethical aspects of using artificial intelligence to create and distribute copyrighted works 240

Tsarkova E.G. * Legal aspects of information support for the activities of the federal penitentiary service of Russia 245

Filatov K.S. * Regulation of the use of land of railway transport 251

Anisimova D.A., Borisova V.V., Izutina S.V. * Product expertise as a key tool for proving the quality and safety of food products: Rospotrebnadzor and court practice 259

Belousov V.V., Sochneva A.S., Sharapova N.V., Sharapova V.M. * Main factors of cause and consequences of shadow payment schemes 268

Markarov M.D. * Bona fide acquirer institute and its applicability to digital rights 272

INTERNATIONAL RELATIONS

Dikov R.V. * Theoretical aspects of EAEU legal personality and some problems of implementation of external competencies 277

Proshina M.V. * Types of contracts in Islamic commercial law 287

Yusif-Zada A.-A. I. oglu * Islamic legal views on the permissibility of organ transplantation and their significance for legal regulation in Russia 291

CONTROL THEORY

Sochneva A.S., Rakhmanov A.D., Belousov V.V., Sharapov Yu.V., Sharapova N.V. * Architecture of personal digital space 295

Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Causes and conditions of deviant behavior 300

Semenov A.A., Avetisyan K.R. * Organizational and practical aspects of implementing artificial intelligence in organizations 306

Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Digital law and its impact on the legal awareness of youth convicts: problem statement 314

CIVIL AND BUSINESS LAW

Magomadova E.I. * The legal essence of the contract of sale and purchase 320

Ilin R.Iu. * Prospects for the transformation of the institute of family agreements in the Russian Federation: a comparative legal context 325

Nataeva Z.A., Murtazaeva A.A. * Concept and content of civil law regulation of patent law 328

Bukharova D.Kh., Kapustina S.A.* The problem of information insufficiency in the reporting of legal entities-subject of small and medium business when applying simplified methods of accounting 331

Kadimova M.Sh., Osmanova Z.J. * Features of the legal status of individual subjects of private ownership of land plots in the Russian Federation 336

Baryshnikov M.Yu. * Private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports relations 342

Kruzhkova T.I., Rushchitskaia O.A., Kulikova E.S., Fetisova A.V., Batrakova S.I., Larin M.V. * Measures to improve the activities of the Ural chamber of real estate 348

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Ayskhanova E.S., Khadzhiev U.K. * The main stages of the development of the doctrine of the criminal's personality in russian science 355

Dadashov M.M., Tepsuev M.S., Altemirova E.R. * Causes of juvenile delinquency in modern Russia: a systemic criminological analysis 359

Alkhastova M.V., Khankarova Z.A. * Perspectives and challenges to the use of the olfactory method in forensic evidence 363

Kunts E.V. * On the issue of the criminal-law characteristics of a crime organizer 366

Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * To the question of deviant behavior of minority offenders 370

Sobolev N.G. * System of factors determining recidivism among convicts serving sentences in penal institutions of strict regime 375

Makazieva Z.D., Akhtaeva E.A. * Tactical and forensic features of the use of polygraph results in the investigation of serious crimes against the person 378

Kovalev O.G. * Realization of the right of suspects and accused persons to receive and send money transfers in pre-trial detention facilities of the penal system 381

Kaznacheev V.A., Tumanova E.V., Pozhimalin V.N., Yurkov M.N. * Psychological and pedagogical methods of prevention of terrorist ideology among convicts in institutions of the federal penitentiary service of Russia . . 387

Tepsuev M.S., Dadashov M.M., Altemirova E.R. * Subjects of crime prevention in contemporary Russia: institutional system and limits of competence 393

Alkhastova M.V., Bichaeva Z.I., Tepsuev M.S. * Psychological and tactical features of search activities during search 397

Maistrenko G.A. * Some issues of labor organization for convicts in pre-revolutionary and modern Russia 400

Kovalev O.G. * Duties of convicts held in penal isolation cells, cell-type facilities, prisons and correctional colonies of special regime for serving life imprisonment 403

Kovalev O.G. * The right of persons sentenced to imprisonment to material and household support 409

Tsarkova E.G. * Legal principles for the use of robotic systems in the activities of institutions of the federal penitentiary service of Russia 415

Sobolev N.G. * First penitentiary experience as a factor in the formation of criminal identity: socio-psychological mechanisms 421

Beisembaeva N.A. * The prosecutor is a guarantor of the legality of the procedural decisions made by the investigation bodies at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation 424

EDUCATION MANAGEMENT

Zarubina E.V., Egorov S.G., Koshelenko L.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P. * Pedagogical anthropology in Russia 431

Dmitriev G.G. * Mastering safe work in web 2.0 as a necessary component of training programs information security 437

Kaznacheev V.A., Nikandrov E.Yu., Sviridov R.E., Krapivin O.V., Korchikov I.V., Kalinina A.M. * Stress and fear management: the psychological aspect of special tactical training (based on the example of the federal penitentiary service and the ministry of internal affairs) 442

Polyakova Ya.N. * Competence of a modern officer of the federal penitentiary service as a result of professional education: managerial aspect 448

Dmitrieva E.E., Vorobiev Yu.A., Kaznachev V.A., Ivanov M.V., Dotsenko N.A. * Pedagogical aspects of professional applied physical training in departmental educational institutions of the ministry of emercom, the federal penitentiary service, and the ministry of internal affairs 453

Kovalev O.G. * Peculiarities of bringing to justice employees of the penal enforcement system 459

INNOVATION IN THE WORLD

Tesakov G.T. * The legal nature of subscription to digital services 465

Tsarkova E.G. * Criminal law risks and restrictions on the use of robotic systems in institutions of the federal penitentiary service of Russia: theoretical and legal analysis 469

Panchenko V.Yu., Demidov A.N. * Evaluative model of the limits of application of technological protection measures on the internet: qualification criteria and balance of interests 476

Skoptsov N.A. * Nuclear energy and environmental protection: historical and legal aspects 482

Smirnova E.S., Razhina E.V., Bykova O.A., Lopaeva N.L., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. * The impact of anthropogenic factors on biodiversity 488

EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD

Fialkovskaya E.V. * Development of a training program to identify and countering computer incidents for refresher courses 491

Vasiliev R.V. * First aid training for university cadets of the Russian ministry of emergency situations: pedagogical approaches and practical aspects 496

Kashkina E.V. * Improving the process of professional training of cadets in educational organizations of the federal penitentiary service of Russia 501

Leshchenko S.A., Lukashenko D.V. * Improvement of communication culture of juvenile convicts by linguometodic means in educational space 506

MEDICAL LAW

Ilyasov O.R., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Bykova O.A., Pavlova Ya.S., Barykina E.S. * Occupational safety and health in medical institutions. 511

Magomedova R.Kh., Magomednabieva A.G. * Legal assessment of a doctor's refusal to hospitalize as a causal link in the onset of a patient's death 516

Tatikyan A.A. * Extension of the term of a eurasian patent for a medicinal product in the Russian Federation: problems of legal certainty and the relationship with the institution of a supplementary patent 523

Ilyasov O.R., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Bykova O.A., Koshelenko L.V., Barykina E.S. * Analysis of statistics on accidents and occupational diseases in a clinic 529

Gamzatova P.M., Makhova A.A.* Protection of personal data in healthcare: legal aspects of medical data processing and patient confidentiality 539

Alieva E.S., Magomedova Kh.R. * Iatrogenia: a look through the prism of medical conscience and fear of error (reflections on the essence of the problem) 543

Ilyasov O.R., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Bykova O.A., Pavlova Ya.S., Barykina E.S. * Modern preventive measures to reduce injuries among medical workers in outpatient clinics 549

BACKGROUND

Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Koshelenko L.V., Egorov S.G., Ilyasov O.R., Kanev P.N. * The history of the Sverdlovsk arboretum-exhibitions (based on periodicals from the 1950s and 1970s) 555

Svetlov A.I., Shkalikov D.A. * Provide a high-quality translation into english. Current problems of state succession in the post-soviet space (on the example of the russian federation as the successor state of the USSR) 561

Danilevskaia-Urbanova I.L. * The supreme court of the USSR in the system of legal protection of the constitution of the USSR: the balance of sovereignty of the Federation and the Republics 566

- ПОЛИТИКА И ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-23-27

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. *В статье автор рассматривает вопросы законодательной базы по регулированию деятельности в уголовно-исполнительной системе, которая направлена на реализацию ее в ходе повседневной деятельности. Таким направлением этой деятельности является совершенствования законодательной базы на уровне высших органов законотворчества и ведомственной правовой базы. Одним из основных вопросов государственно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы являются Указы Президента и решения Правительства РФ.*

Ключевые слова*: уголовно-исполнительная система, закон, право, правоохранительные органы, правоприменение, государство, исполнение наказания.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ISSUES OF STATE AND LEGAL REGULATION IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. *In this article, the author examines the legislative framework for regulating activities in the penal system, which is aimed at implementing these activities in everyday life. One of the main objectives of this activity is to improve the legislative framework at the level of the highest legislative bodies and the departmental legal framework. The President's decrees and the decisions of the Government of the Russian Federation are among the key issues in the state-legal regulation of the penal system.*

Key words*: Criminal-Executive system, law, law, law enforcement agencies, law enforcement, the State of execution of punishment.*

Совершенствование государственно-правовой базы основывается на регулировании общественных отношений, которые направлены, прежде всего, на обеспечение реализации позитивных интересов общества, представляет собой одну из основных социальных функций государства и права. Поэтому особое значение приобретает тот механизм, с помощью которого достигаются цели государства и права, то есть механизм государственно-правового регулирования. Он позволяет выявить степень эффективности правотворчества и правоприменения в государстве, законности и правопорядка в обществе, уровень правовой культуры населения и принять соответствующие меры по их совершенствованию [5с.13].

В современных условиях важную роль играет эффективное функционирование исполнительной власти, создание оптимальной системы органов, осуществляющих повседневное государственное управление. Именно эта ветвь власти обладает разветвленной системой разнообразных государственных органов с многочисленным кадровым составом государственных служащих, как в центре, так и на местах.

Правоохранительные органы, в число которых входит и уголовно-исполнительная система (УИС), занимают особое место в структуре органов исполнительной власти. Основные вехи истории Российского государства служат этому весомым аргументом: многочисленные войны, народные волнения, революции и иные катаклизмы

вынуждали власти делать основную ставку на карательные механизмы – армию, полицию и тюремную систему. Все это свидетельствует о важности вопросов формирования и деятельности органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, в том числе исполняющих наказание.

Функция исполнения наказаний является объективно необходимой для любого государства. Пока существует преступность, государство должно наказывать лиц, совершивших противоправные деяния. Столь же объективным является и существование органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, которые в совокупности представляют определенную систему. В зависимости от особенностей государственной политики в сфере исполнения наказаний, сложившихся традиций, иных факторов данную систему в различных странах определяют как тюремную или пенитенциарную. В советский период для характеристики органов и учреждений, исполняющих наказания, использовался термин «исправительно-трудовая система». Перемены в российском обществе в XXI века предопределили и наметили изменения политики государства в сфере исполнения наказаний. Данная политика стала называться уголовно-исполнительной, система, ее реализующая, соответственно уголовно-исполнительной.

Определяющим этапом в истории отечественной уголовно-исполнительной системы является создание федеральной службы, подведомственной Министерству юстиции Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была образована Федеральная служба исполнения наказаний, которая отнесена к федеральным органам исполнительной власти. Данное обстоятельство свидетельствует о повышении статуса уголовно-исполнительной системы, значительно расширяет ее возможности в сфере государственно-правового регулирования общественных отношений.

Уголовно-исполнительная система представляет собой один из важнейших социальных институтов, в котором заинтересовано каждое государство. В связи с этим любой социальный институт создается для удовлетворения определенных социальных потребностей, которые характеризуют его место и роль в обществе. По этому нельзя не согласиться с В.И. Селиверстовым, который полагает, что уголовно-исполнительная система XXI века должна стать системой, свободной от узковедомственных интересов, ориентированной на конечную цель своего функционирования – защиту общества от преступных посягательств [6с.19].

Для раскрытия УИС в качестве социального института, занимающего значительное место в государстве, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на два момента: социальное назначение рассматриваемой системы и ее нормативное регулирование.

Функционирование любого социального института регулируется определенными нормами: правовыми, моральными, этическими, обычными и др. В силу особенностей деятельности по исполнению наказаний, которое всегда связано с правоограничениями, данный признак УИС как социального института приобретает особое значение. При этом данная сфера регламентируется правовыми актами различного уровня и юридической силы.

В развитии правового регулирования пенитенциарной деятельности переломным моментом стала передача УИС из ведения Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. В целях этого, были разработаны и внесены на рассмотрение федеральных органов государственной власти около 40 проектов федеральных законов, указов Президента и постановлений Правительства Российской Федерации.

В результате изменения ведомственной принадлежности уголовно-исполнительная система стала более открытой, прозрачной для институтов гражданского общества. Появилась возможность активизировать законотворческую работу, регламентирующую деятельность уголовно-исполнительной системы. Радикально изменились ее взаимоотношения со средствами массовой информации, общественными, правозащитными и религиозными организациями.

Принятие таких нормативных документов, как Закон РФ от 21 июля 1993 года «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Уголовно-исполнительный кодекс РФ 1997 г., других основополагающих актов, позволило обеспечить стабильное функционирование уголовно-исполнительной системы, отвечающее требованиям Минимальных стандартных правил ООН.

29 апреля 2021 г. N 1138-р Правительством РФ утверждена концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. Руководством ФСИН России постоянно проводится работа по планированию, разработки и внесению в высшие законодательные органы проектов изменений и дополнений в УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, затрагивающих различные направления деятельности уголовно-исполнительной системы. Одним из положительных моментов в законотворческой работе УИС было принятия закона о внутренней службе.

В России наблюдается тенденция по гуманизации уголовного законодательства. Это выра-

жается и в смягчении наказаний для определенных категорий осужденных, и в применении альтернативных мер ответственности.

В настоящее время в учреждениях УИС содержится на1 января 2025 года до 313 тыс. осужденных. В соответствии с указанием руководства страны готовится комплекс предложений по декриминализации деяний, не представляющих большой общественной опасности, по переводу их в разряд административных проступков или гражданских деликтов. В связи с этим в Государственной Думе находится ряд проектов законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по расширению применения альтернативных мер наказания и пресечения [7]

Деятельность УИС как социального института регулируется не только правовыми нормами, но и нормами морали, а также подвержена влиянию субкультуры, которая складывается в среде осужденных. В контексте анализа УИС как социального института следует отметить, что неофициальные нормы поведения осужденных носят во многом объективный характер: они не только регулируют поведение среди осужденных, но и оказывают значительное влияние на их взаимоотношения с персоналом исправительных учреждений [8с.18-20].

Таким образом, уголовно-исполнительная система как социальный институт представляет собой совокупность органов и учреждений, деятельность которых направлена на достижение целей наказания в рамках правовых предписаний и определенной среды функционирования, которая обладает для этого соответствующими материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами. Такое понимание уголовно-исполнительной системы имеет существенное значение, как для исследования ее насущных проблем, так и для грамотного проведения тюремной реформы.

Поскольку уголовно-исполнительная система выполняет существенные общественные задачи (в частности, обеспечивает изоляцию осужденных и лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений), следует признать, что ее влияние на общество многогранно и проявляется в различных формах. Прежде всего, оно сказывается на экономических отношениях. На разных этапах развития государства взаимоотношения УИС и экономики были различными. Если в дореволюционный и советский периоды труд осужденных являлся важнейшей частью экономики страны, то в условиях рыночных отношений предприятия УИС приобретают иной статус, меняются формы управления, методы стимулирования труда осужденных. Важным является и то обстоятельство, что в современных условиях производственная деятельность осужденных не преследует цели извлечения прибыли, а получаемые от их труда доходы используются для улучшения условий содержания осужденных, развития производственной базы и социальной сферы мест лишения свободы. Реформирование производственного сектора УИС, которое направлено в первую очередь на формирование у каждого осужденного готовности к включению в обычные условия общественной жизни, т.е. на него ресоциализацию. Однако согласно действующему законодательству исправительные учреждения УИС, к сожалению, обязаны производить ежегодные платежи в федеральные, региональные и местные налоги и сборы, что негативно сказывается на их финансовой стабильности.

Конечно, проблема влияния УИС на экономические отношения в государстве не исчерпывается тем, какие производственные задачи и в каких организационных формах она должна решать, хотя это имеет существенное значение для обеспечения ее нормального функционирования. Более значимыми на современном этапе, особенно в условиях глобального экономического кризиса, являются, на наш взгляд, вопросы расчета затрат государства на содержание пенитенциарной системы, влияния проводимых в рамках уголовной и уголовно-исполнительной политики мероприятий на экономику страны, рассмотрения возможности использования имеющихся в распоряжении уголовно-исполнительной системы трудовых ресурсов. Президент Владимир Путин проработал реформу Федеральной службы исполнения наказаний. На встрече в Кремле 1 декабря с главой службы Аркадием Гостевым он обсудил ее развитие в сегодняшних условиях. Экспертами отмечается, что ФСИН играет все большую роль в экономике, оказывает влияние на общество, а с недавних пор и безопасность страны. Одна из актуальных задач службы силовых структур — подготовиться к возможному всплеску криминала, как это часто бывает после военных кампаний. В ходе встречи директора ФСИН РФ с Президентом Российской Федерации, которая состоялась 01.12.2025г. сказал, что в 2024 году общий объем оказанных услуг, выпущенной продукции в учреждениях УИС превысил 47 млрд. рублей[11].

Уголовно-исполнительная система оказывает существенное влияние на духовную сферу жизни общества. Связано это, прежде всего с тем, что одной из основных ее задач является возвращение в общество полноценного, законопослушного человека. В местах лишения свободы, как уже отмечено, существует особая асоциальная субкультура, воздействие которой неизбежно проявляется и вовне, поскольку ее носители после отбытия наказания оказываются в обществе. Распространение субкультуры мест лишения свободы в общественном сознании объ-

ясняется тем, что за три поколения людей число осужденных к лишению свободы в мире составило свыше 700 млн. чел. Отсюда распространение в обществе уголовного жаргона, культивирование норм и традиций преступного мира, формирование различного рода группировок, включая организованные преступные группы и преступные сообщества.

В решении задачи духовно-нравственного воспитания осужденных, а в конечном счете и предупреждения преступности одно из центральных мест принадлежит Русской Православной Церкви. В настоящее время в субъектах Российской Федерации налажено конструктивное взаимодействие территориальных органов ФСИН России и епархиальных управлений Русской Православной Церкви. Для соблюдения конституционных принципов свободы совести и вероисповедания в учреждениях УИС функционируют культовые заведения различных конфессий. Кроме того, в исправительных учреждениях создано и действует свыше 50 воскресных школ, которые посещают более 10 тысяч осужденных.

Необходимо особо отметить, что реализация прав осужденных на свободу совести и вероисповедания должна происходить при абсолютном соблюдении действующего законодательства, мер безопасности, которые исключали бы возможность возникновения в местах лишения свободы чрезвычайных ситуаций, в частности проникновение в учреждения УИС представителей религиозных сект.

В современной России в уголовно-исполнительной системе функционируют медицинские структуры, которые тесно взаимодействуют с органами здравоохранения страны.

В докладе Уполномоченного по правам человека в России за 2024 год говорится, что вопросы оказания медицинской помощи в исправительных учреждениях остаются в прямом ведении Федеральной службы исполнения наказаний», в котором отмечается, что качество медицинских услуг в учреждениях УИС по-прежнему оставляет желать лучшего [9].

Поступательное развитие уголовно-исполнительной системы осуществляется во многом благодаря тем людям, которые нередко в сложных условиях несут службу. В современных условиях значительно возросли требования, предъявляемые к персоналу УИС. Однако условия выполнения задач, заработная плата сотрудников уголовно-исполнительной системы в целом по России еще не отвечает реальной действительности. Недостаточное денежного довольствия, сложности и характеру работы является основным мотивом увольнения сотрудников, что для многих людей свидетельствует о непрестижности службы в УИС.На расширенном заседании коллегии ФСИН глава ведомства Аркадий Гостев сообщил об увеличении некомплекта личного состава. По его словам, если в 2024 году нехватка составляла порядка 23% сотрудников, или почти 54 тыс. человек, то в прошлом году она достигла 30,5%.

Для обеспечения стабильной работы исправительных учреждений и следственных изоляторов, соблюдения прав и законных интересов осужденных и подследственных необходимы эффективные меры государственной поддержки и материального стимулирования труда персонала уголовно-исполнительной системы, что представляется возможным только при взаимодействии всех государственных и общественных структур. Кроме того, директор ФСИН отметил, что по поручению президента Владимира Путина дополнительно на текущий год выделено финансирование в размере 3,6 млрд руб. на повышение денежного довольствия сотрудников. За 2025 год было направлено 432,1 млн. руб. на оказание мер соцподдержки некоторым категориям сотрудников, а 19,5 млн. руб. — на премирование[12].

Эффективная борьба с правонарушениями, в том числе и коррупционной направленности, невозможна без слаженного функционирования всей правоохранительной системы. Взаимоотношения УИС с другими правоохранительными органами является важной составляющей механизма государственно-правового регулирования общественных отношений. Важно учитывать, что УИС находится на завершающей стадии борьбы с преступностью – на стадии исполнения уголовного наказания. В этом смысле УИС отражает (прежде всего по количеству осужденных к лишению свободы) результаты работы всех важнейших элементов правоохранительной системы: органов внутренних дел, судов, прокуратуры. Данное положение УИС в правоохранительной системе ориентирует на то, чтобы ее реформа осуществлялись с учетом проводимых в стране судебно-правовой и административной реформ.

В условиях продолжающихся преобразований УИС и становления ее в новом качестве большую роль, по мнению руководства ФСИН России, приобретает ведомственная пенитенциарная наука, направленная на поиск путей повышения эффективности исполнения уголовных наказаний, совершенствование исправительного воздействия на осужденных, успешную реализацию государственной уголовно-исполнительной политики, обеспечение эффективного участия УИС в механизме государственно-правового регулирования.

Уголовно-исполнительная система современной России является вполне самостоятельным органом и обладает мощным потенциалом. Вместе с тем ее вправе контролировать другие органы государственной власти, а также обще-

ственные организации, в том числе международные, поскольку именно от ее эффективной деятельности во многом зависит обеспечение стабильности в государстве и обществе. Такое положение УИС выявляет ее значимость в общественном и государственном механизме и предопределяется особенностями построения системы государственного управления в целом. При этом, учитывая федеративное устройство Российского государства, важное теоретическое и практическое значение должно придаваться, на наш взгляд, проблемам грамотного взаимодействия центральных и территориальных органов уголовно-исполнительной системы, а повышение эффективности ее функционирования должно стать заботой не только федеральных, но и региональных властей.

Необходимо отходить от имевшего место в недавнем прошлом мнения о том, что, чем больше людей находится в местах лишения свободы, тем крепче законность и правопорядок в стране. В настоящее время эффективность борьбы с преступностью во многом определяется оказанием уголовно-исполнительной системе целевой государственной поддержки, развитием альтернативных лишению свободы мер наказания, поддержанием престижа пенитенциарной работы.

В свете изложенного, реформа УИС не должна ограничиваться решением внутренних профессиональных задач, а должна проводиться с учетом особенностей развития общества в целом и ее правоохранительной системы в частности. С одной стороны, возможности реформы УИС во многом определяются и обеспечиваются общим состоянием государства и общества, с другой – ее функционирование должно соответствовать сложившимся на определенном этапе общественным отношениям.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025).

[4] Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / ответственный редактор В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2026. – 316 с.

[5] Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 13.

[6] Селиверстов В.И. Проблемы развития уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы России // Развитие теории наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве. – М., 2010. – С. 19.

[7] Доклад о состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – М., 2026.

[8] Антонян Ю.М. Пенитенциарная криминология как научная дисциплина и отрасль криминологии // Пенитенциарная криминология. – Рязань, 2009. – С. 18, 20 и др.

[9] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год (26.02.2025).

[10] Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. (с изм. и доп.).

[11] Доклад директора ФСИН РФ А. Гостева, Президенту РФ В.В. Путину. 01.12.2025.

[12] Материалы расширенного заседания коллегии ФСИН России, март 2026 г.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 09.04.2026).

[3] The Criminal Executive Code of the Russian Federation" dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 17.12.2025).

[4] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation in 4 vols. Volume 1. General part/ executive editor V.M. Lebedev. - M.: Yurayt, 2026. - 316 s.

[5] Matuzov N.I. Legal system and personality. - Saratov, 1987. - S. 13.

[6] Seliverstov V.I. Problems of the development of penal legislation and the penal system of Russia//Development of the theory of punishment in criminal and penal law. - M., 2010. - S. 19.

[7] Report on the state of the penal system of the Russian Federation. - M., 2026.

[8] Antonyan Y.M. Penitentiary criminology as a scientific discipline and branch of criminology//Penitentiary criminology. - Ryazan, 2009. - S. 18, 20, etc.

[9] Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2024 (26.02.2025).

[10] Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030 (as amended and supplemented).

[11] Report of the Director of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation A. Gostev to the President of the Russian Federation V.V. Putin. 01.12.2025.

[12] Materials of the extended meeting of the board of the Federal Penitentiary Service of Russia, March 2026

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-28-33

ВАЛИАХМЕТОВ Данислан Донатович,
студент, 4 курс,
Северо-Западный институт управления –
филиал федерального государственного бюджетног
о образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
e-mail: Danislan03@ya.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и государственно-правовые аспекты территориального устройства современного государства. Анализируется эволюция понятийно-категориального аппарата, рассматриваются основные модели территориальной организации (унитарное государство, федерация, регионалистское государство, конфедерация), выявляются современные тенденции развития территориального устройства. Особое внимание уделяется конституционно-правовым основам территориального устройства Российской Федерации, проблемам федеративных отношений и пространственного развития. На основе проведенного анализа формулируются выводы о трансформации традиционных форм территориального устройства под влиянием процессов децентрализации, регионализации и асимметрии.*

Ключевые слова: *территориальное устройство государства, форма государственного устройства, унитарное государство, федерация, регионалистское государство, конфедерация, государственный суверенитет, территориальная целостность, децентрализация, пространственное развитие.*

VALIAKHMETOV Danislan Donatovich,
4th year student, North-West Institute of Management –
a branch of the federal state budgetary educational institution
of higher education “Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation”

TERRITORIAL STRUCTURE OF THE MODERN STATE: THEORETICAL AND STATE-LEGAL ASPECTS

Annotation. *The article examines the theoretical and state-legal aspects of the territorial structure of the modern state. It analyzes the evolution of the conceptual and categorical apparatus, considers the main models of territorial organization (unitary state, federation, regionalist state, confederation), and identifies current trends in the development of territorial structure. Special attention is paid to the constitutional and legal foundations of the territorial structure of the Russian Federation, problems of federal relations and spatial development. Based on the analysis, conclusions are drawn about the transformation of traditional forms of territorial structure under the influence of decentralization, regionalization and asymmetry.*

Key words: *territorial structure of the state, form of state structure, unitary state, federation, regionalist state, confederation, state sovereignty, territorial integrity, decentralization, spatial development.*

Введение

Территориальное устройство государства относится к числу фундаментальных категорий теории государства и права и конституционного права, определяющих внутреннюю организацию публичной власти, распределение полномочий между центральными и региональными уровнями управления, а также правовое положение терри-

ториальных единиц. Актуальность исследования теоретических и государственно-правовых аспектов территориального устройства современного государства обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, глобализационные процессы и регионализация оказывают существенное влияние на традиционные формы территориальной организации, порождая новые гибридные модели и переходные формы. Во-вторых, вопросы обеспечения территориальной целостности и государственного суверенитета приобретают особую значимость в условиях современных геополитических вызовов. В-третьих, реформирование системы публичной власти в Российской Федерации, включая конституционную реформу 2020 года и принятие новой Стратегии пространственного развития (2024), актуализирует необходимость переосмысления теоретических основ территориального устройства применительно к российским реалиям.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе территориального устройства современного государства в теоретическом и государственно-правовом измерениях, выявлении сущностных характеристик основных моделей территориальной организации и определении тенденций их развития. Задачи исследования включают: уточнение понятийно-категориального аппарата; сравнительный анализ унитарной, федеративной, регионалистской и конфедеративной моделей; выявление современных тенденций трансформации территориального устройства; анализ конституционно-правовых основ территориального устройства Российской Федерации и проблем его совершенствования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой).

1. Понятие территориального устройства государства: теоретический анализ

В юридической науке категория «территориальное устройство государства» (синонимичные понятия — «форма государственного устройства», «государственно-территориальное устройство», «политико-территориальное устройство») традиционно определяется как внутреннее строение государства, его деление на составные части (территории, края, области, республики и т.д.) и принципы их взаимоотношения между собой и центром. Однако при более глубоком рассмотрении обнаруживается, что данное определение требует содержательного уточнения.

Территориальная организация государства представляет собой единство территориального деления и территориального устройства, включающее как формально-юридические аспекты (конституционно-правовое закрепление статуса территориальных единиц, разграничение предметов ведения и полномочий), так и содержательные (фактическое распределение власти, степень централизации/децентрализации).

Форма государственного устройства — это способ территориальной организации государства, влияющий на распределение полномочий между центральной, региональной и местными властями. Она определяет меру централизации и децентрализации власти, соотношение между частями государства и между частями и целым.

В литературе существует также точка зрения, согласно которой территориальная организация государства — это не только деление его единой территории на отдельные части, но и определенная система связей между ними, обеспечивающая единство и целостность государства. Такой подход позволяет рассматривать территориальное устройство как динамическую категорию, отражающую не только статичную структуру, но и процессы взаимодействия различных уровней публичной власти.

Важным аспектом теоретического анализа является соотношение понятий «территориальное устройство» и «административно-территориальное устройство». Административно-территориальное устройство — это разделение территории государства на определенные части, в соответствии с которым строится система органов государственной власти и органов местного самоуправления. Территориальное устройство выступает более широким понятием, охватывающим не только административное деление, но и конституционно-правовой статус территориальных единиц, механизмы разграничения компетенции, формы межрегионального взаимодействия.

2. Основные модели территориального устройства: сравнительно-правовой анализ

Традиционно в теории государства и права выделяются две основные формы территориально-политического устройства государства: унитарное и федеративное. Конфедерация рассматривается как переходная форма, хотя некоторые исследователи выделяют ее в качестве самостоятельной модели. В современной науке также активно используется категория «регионалистское государство», занимающее промежуточное положение между унитарным и федеративным.

2.1. Унитарное государство

Унитарное государство представляет собой простое, единое, цельное государство, не имеющее в своем составе государственных образований. Его территория делится на административ-

но-территориальные единицы, не обладающие признаками государственного суверенитета. Унитарная форма правления характеризуется двумя основными признаками: во-первых, правовым статусом административно-территориальных единиц, входящих в состав государства; во-вторых, осуществлением центральным правительством прямого управления.

Унитарное государство может быть простым (состоящим только из административно-территориальных единиц) и сложным (включающим автономные образования). Регионализация унитарных государств, выражающаяся в предоставлении отдельным территориям особого статуса и расширении их полномочий, является одной из значимых тенденций современного государственного строительства.

В современном мире унитарные государства преобладают по количеству над федерациями. Однако в федерациях проживает более трети населения всего земного шара, что подчеркивает значимость федеративной формы для организации публичной власти в крупных и многонациональных государствах.

2.2. Федеративное государство

Федерация — это сложное союзное государство, состоящее из государств, государственных образований, обладающих юридической и определенной политической самостоятельностью. К числу основных признаков федерации относятся: двухуровневая система органов государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами; наличие двух систем законодательства (федерального и регионального); двухпалатная структура федерального парламента (как правило); конституционно закрепленный принцип верховенства федерального права при сохранении определенной автономии субъектов.

Федеративные системы могут быть симметричными (все субъекты обладают равным конституционно-правовым статусом) и асимметричными (субъекты имеют различный статус и объем полномочий). Современная модель асимметричного федерализма связывается с сохранением принципов политизации и территориализации этничности.

В современной сравнительной конституционно-правовой науке федерализм рассматривается как система, в которой власть распределена между несколькими уровнями управления с дискретными, конституционно защищенными полномочиями. Наряду с федерализмом в унитарных государствах исследуются иные способы разделения властных полномочий: децентрализация и режимы особой автономии, а также возрастающая роль городов в территориальной организации власти.

2.3. Регионалистское государство

Категория «регионалистское государство» занимает особое место в современной теории территориального устройства. Как справедливо отмечает И.В. Лексин, традиционный индуктивный подход к определению признаков федеративных и регионалистских государств (в результате использования которого в числе таких признаков оказывается симметрия или асимметрия конституционного статуса регионов) нуждается в пересмотре.

Для разграничения этих понятий предложено ориентироваться на концептуальное свойство федерации — предназначенность для поддержания отношений союзного (в широком смысле) характера, рассматривая фактические черты конкретных государств как средства обеспечения этого свойства. На основании проведенного анализа современная Россия квалифицируется как регионалистское государство.

Данный подход позволяет более тонко дифференцировать формы территориального устройства, учитывая, что многие современные государства не вписываются в жесткую бинарную оппозицию «унитарное — федеративное».

2.4. Конфедерация

Конфедерация представляет собой временный союз суверенных государств, создаваемый для достижения общих целей (политических, экономических, военных). В отличие от федерации, конфедерация не обладает суверенитетом, ее решения требуют ратификации государствами-членами, а выход из состава конфедерации осуществляется в одностороннем порядке. В современном мире конфедерации как устойчивые формы территориального устройства практически не встречаются, хотя отдельные конфедеративные элементы присутствуют в интеграционных объединениях (Европейский союз, Союзное государство России и Беларуси).

3. Трансформация территориального устройства: современные тенденции

Анализ эволюции территориального устройства современного государства позволяет выделить ряд значимых тенденций.

Во-первых, наблюдается размывание жестких границ между унитарной и федеративной формами. Возникают гибридные модели — «федерализующиеся унитарные государства» (регионалистские государства) и «унитаризирующиеся федерации». Этот процесс отражает общую тенденцию к поиску оптимального баланса между централизацией и децентрализацией.

Во-вторых, процессы децентрализации и регионализации охватывают как унитарные, так и федеративные государства. Территориальное

пространство может быть оптимизировано путем повышения уровня региональной автономии, улучшения координации между центром и регионами, а также усиления контроля центрального правительства над регионами. В Европе в последние десятилетия наблюдаются две тенденции в данной области: с одной стороны, укрепление регионального уровня управления, с другой — сохранение унитарных начал.

В-третьих, усиливается асимметрия территориального устройства. Предоставление отдельным территориям особого статуса (автономии, особые экономические зоны, территории с особым правовым режимом) становится распространенной практикой, что приводит к усложнению территориальной структуры государства.

В-четвертых, возрастает роль городов и городских агломераций в территориальной организации публичной власти. Урбанизация порождает новые вызовы для традиционных моделей территориального устройства, требующие учета специфики крупных городских образований.

В-пятых, территориальное устройство все более тесно увязывается с пространственным развитием. Территориальная организация государства определяется как единство территориального деления и территориального устройства, при этом выделяются факторы динамики моделей территориальной организации государства с учетом необходимости обеспечения суверенитета и безопасности государства.

4. Конституционно-правовые основы территориального устройства Российской Федерации

Территориальное устройство Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую федеративный, региональный и муниципальный уровни.

Конституция Российской Федерации 1993 года (с поправками 2020 года) закрепляет принципы территориального устройства: государственную целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, равноправие и самоопределение народов. Государственная целостность РФ означает, что Российская Федерация — цельное, единое и нераздельное государство; ее субъекты не имеют права выхода из состава РФ.

Российская Федерация включает 89 субъектов, которые различаются по своему конституционно-правовому статусу (республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа). Это создает значительную асимметрию российского федерализма, которая имеет как объективные (исторические, национальные, географические), так и субъективные основания.

Важной особенностью российского территориального устройства является наличие двухуровневой системы территориального деления: административно-территориальное устройство субъектов РФ и муниципальное деление. Как отмечается в литературе, в субъектах Российской Федерации появились две системы территориальных единиц: новые — муниципальные образования, и прежние — административно-территориальные единицы, в которых уже нет местных органов государственной власти. Конституционное право относит вопрос административно-территориального устройства субъектов РФ к их собственной исключительной компетенции.

Современные тенденции административно-территориального устройства и муниципального деления в России включают оптимизацию структуры государственных и местных органов власти на уровне субъектов Федерации, при этом возникают проблемы эффективности управления, финансирования, управления ресурсами и участия граждан в местном самоуправлении.

5. Проблемы и перспективы развития территориального устройства современной России

Анализ современного состояния территориального устройства России позволяет выделить ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления и практического решения.

Во-первых, это проблема неоднородности пространственного развития. В последние годы происходит крайне неравномерное развитие российских территорий, что создает стратегическую опасность для страны. Огромные сельские и отдаленные территории России теряют население, в них отсутствуют стимулы и перспективы роста. Отсутствует механизм перетока позитивных эффектов развития передовых территорий на смежные — отсталые или депрессивные.

Во-вторых, проблемы федеративных отношений. Принятие в конце 2024 года новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации не оправдало надежд на то, что эта разработка в достаточно полной мере восполнит отсутствие в стране документа, определяющего стратегическое видение перспектив ее федеративного устройства. Существующая совокупность институтов и инструментов пространственного развития (макрорегионы, геостратегические территории, перспективные центры экономического роста и др.) лишена достаточной внутренней согласованности и системности.

В-третьих, проблемы соотношения федерального, регионального и муниципального уровней публичной власти. Реформа местного самоуправления, разграничение полномочий и финансовых ресурсов остаются предметом дискуссий.

В-четвертых, проблемы асимметрии федеративных отношений. Различия в конституционно-правовом статусе субъектов Федерации создают предпосылки для неравенства в объемах полномочий, финансовой обеспеченности и качестве управления.

Перспективы развития территориального устройства России связаны с необходимостью разработки и реализации долговременной стратегии российского федерализма и его пространственных характеристик. Достижение баланса приоритетов выравнивания и экономического роста регионов России возможно только на основе системного подхода к реформированию административно-территориального деления, сочетающего территориальные преобразования с реформой системы государственного управления и межбюджетных отношений.

Заключение

Проведенное исследование теоретических и государственно-правовых аспектов территориального устройства современного государства позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Территориальное устройство государства представляет собой сложную системную категорию, включающую формально-юридические (конституционно-правовое закрепление статуса территориальных единиц, разграничение компетенции) и содержательные (фактическое распределение власти, степень централизации/децентрализации) компоненты. Административно-территориальное устройство выступает структурным элементом территориального устройства наряду с конституционно-правовым статусом территориальных единиц и механизмами межрегионального взаимодействия.
2. Традиционная бинарная классификация форм территориального устройства (унитарное государство — федерация) не отражает всего многообразия современных моделей. Категория «регионалистское государство», а также концепция «спектра государственности» позволяют более адекватно описывать переходные и гибридные формы территориальной организации.
3. Современные тенденции развития территориального устройства характеризуются: размыванием границ между унитарной и федеративной формами; усилением процессов децентрализации и регионализации; нарастанием асимметрии; возрастанием роли городов и городских агломераций; интеграцией территориального устройства в стратегии пространственного развития.
4. Территориальное устройство Российской Федерации отличается значительной асимметрией, сложной двухуровневой системой территориального деления и наличием серьезных проблем пространственного развития. Принятие новой Стратегии пространственного развития (2024) не обеспечило системного видения перспектив федеративного устройства, что требует дальнейшей разработки теоретических основ и практических механизмов совершенствования территориальной организации публичной власти.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка критериев эффективности территориального устройства; анализ влияния цифровизации и новых технологий управления на территориальную организацию власти; сравнительно-правовое исследование моделей территориального устройства в государствах с различными правовыми системами; совершенствование правового регулирования федеративных и муниципальных отношений в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Лексин И.В. Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 476–486.

[2] Бухвальд Е.М. Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. № 5. С. 32–43.

[3] Versteeg M., Ginsburg T., Landau D. Federalism and the Territorial Organization of Power // Comparative Constitutional Law and Politics: Analysis, Cases, & Materials. Oxford University Press, 2025. P. 382–422.

[4] Демидов А.С. Современные тенденции административно-территориального устройства и муниципального деления в России: проблемы и перспективы // Актуальные вопросы права, экономики и управления : VII Всероссийская научно-практическая конференция. Чебоксары, 2025. С. 155–157.

[5] Динамика государственного строительства и обеспечение суверенитета и безопасности государства // Электронная библиотека БГУ. 2024.

[6] Дубровина О.Ю. Регионализация унитарных государств: характеристика и особенности // Вопросы политологии. 2026.

[7] Конева Н.С. Конституционно-правовая доктрина публичной власти и территориальные и пространственные пределы власти // CyberLeninka. 2023.

[8] Pesterev V.N. The Model of Modern States Territorial Building: Constitutional and Legal Research // Вестник СГЭУ.

[9] Форма государственного устройства // Википедия. 2025.

[10] Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления. Учебное пособие. Znanium.ru, 2026.

References:

[1] Lexin I.V. The ratio of the federal and regionalist form of government: problems and solutions// Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 12. S. 476-486.

[2] Buchwald E.M. Russian federalism and a new strategy for spatial development//Problems of territory development. 2025. VOL. 29. № 5. S. 32-43.

[3] Versteeg M., Ginsburg T., Landau D. Federalism and the Territorial Organization of Power // Comparative Constitutional Law and Politics: Analysis, Cases, & Materials. Oxford University Press, 2025. P. 382–422.

[4] Demidov A.S. Current trends in the administrative-territorial structure and municipal division in Russia: problems and prospects//Current issues of law, economics and management: VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2025. S. 155-157.

[5] Dynamics of state building and ensuring the sovereignty and security of the state//BSU Electronic Library. 2024.

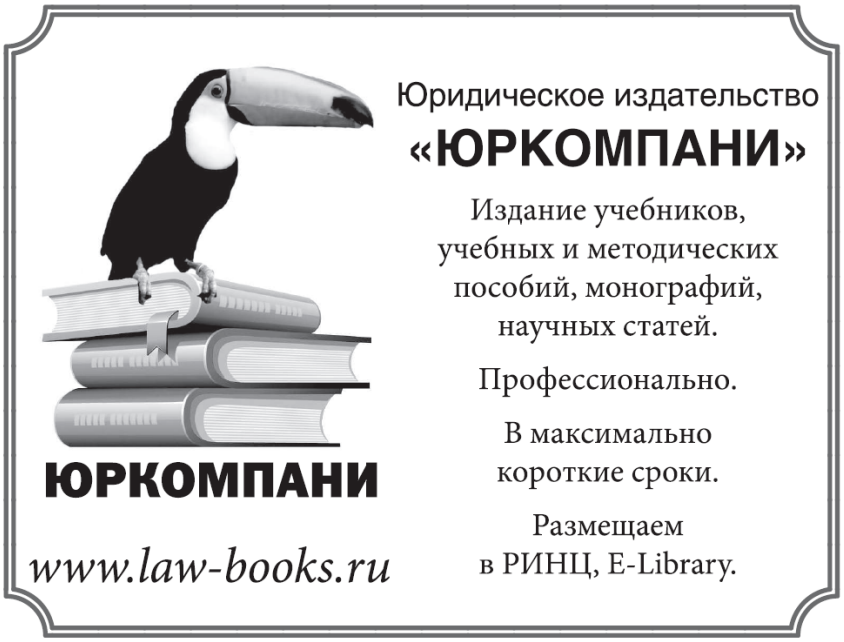
[6] Dubrovina O.Yu. Regionalization of unitary states: characteristics and features//Political science issues. 2026.

[7] Koneva N.S. Constitutional and legal doctrine of public power and territorial and spatial limits of power//CyberLeninka. 2023.

[8] Pesterev V.N. The Model of Modern States Territorial Building: Constitutional and Legal Research // Вестник СГЭУ.

[9] Form of government//Wikipedia. 2025.

[10] Territorial organization of state power and local self-government. Tutorial. Znanium.ru, 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-34-36

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,
зав. кафедрой, к.э.н. доцент
«Уголовное право, процесс и национальная безопасность
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова,
e-mail: k-a-2011@mail.ru

ТЕПСУЕВ М.С.,
доцент кафедры права
Чеченского государственного педагогического
университета, к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. *Актуальность данного исследования обусловлена тем, что разнообразные формы экстремизма представляют собой одну из самых серьёзных угроз стабильности международного правового порядка и обеспечению национальной безопасности стран. Конкретные исторические предпосылки, факторы и условия, стали причиной возникновения и распространения радикальных идеологий и практик в различные исторические эпохи. Изучение данных аспектов требует междисциплинарного подхода, сочетающего методы исторической науки, политологии и социологии, что позволяет проследить преемственность методов радикального воздействия на общественное сознание от древности до наших дней. Важно учитывать, что исторический контекст определяет не только цели экстремистских групп, но и способы их легитимации в глазах сторонников.*

Ключевые слова*: экстремизм, экстремистская деятельность, идеология экстремизма, предупреждение экстремизма, пресечение экстремизма, терроризм, сепаратизм, национализм.*

AYSKHANOVA Ekaterina Sultanovna,
Head of Department, PhD in Economics, Associate Professor,
“Criminal Law, Procedure, and National Security”,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov

TEPSUEV M.S.,
Associate Professor, Department of Law,
Chechen State Pedagogical University,
PhD in History, Associate Professor

INFLUENCE OF THE AGE OF ENLIGHTENMENT AND GREAT REVOLUTIONS ON THE FORMATION OF POLITICAL EXTREMISM

Annotation. *The relevance of this study is due to the fact that various forms of extremism pose one of the most serious threats to the stability of the international legal order and the national security of countries. Specific historical prerequisites, factors, and conditions have led to the emergence and spread of radical ideologies and practices in various historical eras. The study of these aspects requires an interdisciplinary approach that combines the methods of historical science, political science, and sociology, allowing us to trace the continuity of radical methods of influencing public consciousness from ancient times to the present day. It is important to take into account that the historical context determines not only the goals of extremist groups, but also the ways of their legitimization in the eyes of supporters.*

Key words*: extremism, extremist activity, ideology of extremism, prevention of extremism, suppression of extremism, terrorism, separatism, nationalism.*

Эпоха Просвещения, провозгласившая приоритет разума и прав человека, парадоксальным образом создала интеллектуальную почву для возникновения новых форм политического радикализма. Переход от религиозного обоснования насилия к светским идеологиям ознаменовал качественный сдвиг в развитии экстремистских практик. Великая французская революция стала тем историческим рубежом, когда террор был впервые легитимирован как инструмент государственной политики ради достижения абстрактного общественного блага. В научной литературе существуют различные подходы к оценке этого периода. Так, Бастрыкин А. И. и соавторы подчеркивают, что именно в это время сформировалась концепция революционной целесообразности, которая позволяла оправдывать любые преступления интересами нации или прогресса [3]. Этот подход акцентирует внимание на институционализации экстремизма, превращении его из стихийного протеста в системный механизм подавления оппонентов.

Сравнительный анализ взглядов исследователей позволяет выявить тонкие различия в понимании природы революционного экстремизма. Если одни авторы видят в нем неизбежное следствие разрушения старого порядка, то другие, например, Ю. М. Антонян, указывают на психологическую готовность масс к восприятию радикальных идей в условиях резкой смены ценностных ориентиров [1]. В этот период экстремизм начинает приобретать черты мессианства, где политическая программа заменяет религиозный культ. Революционные события в Европе конца восемнадцатого и девятнадцатого веков продемонстрировали, что идеологический фанатизм может быть не менее разрушительным, чем религиозный. Важным аспектом становится появление профессиональных революционеров, для которых радикальное действие становится смыслом жизни и основным методом политической борьбы.

Другой ракурс исследования предлагает А. Г. Хлебушкин, который рассматривает влияние революционных потрясений через призму трансформации правосознания. По его мнению, эпоха великих революций породила правовой нигилизм, ставший одной из ключевых предпосылок экстремизма [2]. Когда закон перестает восприниматься как незыблемая норма и становится лишь средством в руках победившей стороны, открывается путь к оправданию внесудебных расправ и массовых репрессий. Этот период заложил основы для разделения экстремизма на государственный и антигосударственный, причем оба вида использовали схожую риторику освобождения и справедливости. Сравнивая эти позиции, можно сделать вывод, что политический экстремизм Нового времени стал продуктом секуляризации общества, сохранив при этом структуру фанатичной веры в единственно верный путь развития.

Таким образом, влияние эпохи Просвещения и последующих революций на генезис экстремизма заключается в создании мощного идеологического аппарата, способного мобилизовать огромные массы людей на основе светских доктрин. Исторический опыт этого времени показал, что стремление к быстрому и радикальному переустройству общества неизбежно ведет к эскалации насилия. Современные исследователи, такие как М. А. Стародубцева, отмечают, что многие современные политические движения до сих пор используют риторические приемы и организационные формы, зародившиеся в недрах европейских революций [6].

В работах И. А. Ереминой отмечается, что проекции феномена экстремизма в международных отношениях того времени были тесно связаны с реакцией на насильственное навязывание западных ценностей и институтов [7]. Этот процесс породил устойчивые формы антиколониального радикализма, которые сочетали в себе элементы национализма и религиозного фундаментализма, создавая сложную идеологическую базу для будущих конфликтов. Научная тенденция последних лет заключается в переосмыслении колониального наследия как фундаментального фактора, предопределившего современные линии геополитического напряжения.

Национально-освободительные движения девятнадцатого и двадцатого веков часто балансировали на грани между законной борьбой за самоопределение и экстремистскими практиками. В условиях отсутствия легальных политических каналов для выражения протеста, многие движения переходили к методам партизанской войны и террористических актов против колониальной администрации. Как указывает Ю. М. Антонян, психологическая основа такого радикализма заключалась в накопленном чувстве исторической несправедливости и стремлении к немедленному реваншу [1]. Современные исследователи акцентируют внимание на том, что именно в этот период была отработана тактика асимметричных конфликтов, где радикальные группы использовали насилие для привлечения внимания мирового сообщества к своим требованиям. Эта преемственность методов прослеживается и в деятельности современных сепаратистских организаций, что делает изучение колониального периода критически важным для понимания генезиса современного терроризма.

Необходимость проведения современного исследования заключается в том, чтобы выяснить как, распад колониальных империй привел к

возникновению зон нестабильности, ставших инкубаторами для экстремистских идеологий. В монографии Бастрыкина А. И. и соавторов подчеркивается, что искусственные границы, установленные колонизаторами, заложили мины замедленного действия под государственность многих молодых наций [3]. Это создало благоприятную почву для роста националистического экстремизма, который в условиях слабости государственных институтов становился доминирующей политической силой. Современная наука стремится выявить закономерности перехода от антиколониального пафоса к деструктивным формам радикализма, которые сегодня угрожают глобальной безопасности.

Таким образом, колониальная экспансия и последующая борьба за независимость сформировали специфический тип экстремизма, основанный на защите групповых интересов против внешнего врага. Научные тенденции указывают на то, что без учета этого исторического контекста невозможно адекватно оценить природу современных конфликтов в странах Глобального Юга. Е. З. Сидорова отмечает, что история экстремизма в колониальном контексте демонстрирует, как насилие порождает ответное насилие, создавая замкнутый круг радикализации [4]. Изучение этого опыта позволяет современным государствам и международным организациям более точно прогнозировать риски возникновения новых очагов экстремистской активности, связанных с нерешенными вопросами национального самоопределения и историческими обидами, которые продолжают транслироваться через поколения.

Список литературы:

[1] Атонян Ю. М. Экстремизм и его причины : монография. — Москва : Логос, 2010. — 287 с.

[2] Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / отв. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : СЮИ МВД России, 2015. — 198 с.

[3] Бастрыкин А. И., Кириленко В. П., Шамахов В. А. Экстремизм в современном мире : монография. — Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. — 456 с.

[4] Беженцев А. А. Экстремизм: истоки проблемы (древний мир, средние века, новое время) // CyberLeninka. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-istoki-problemy-drevniy-mir-srednie-veka-novoe-vremya. — (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Экстремистский дискурс как угроза информационной безопасности : рецензия на коллективную монографию / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2019. — № 2. — С. 98–115. — URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/2/ekstremistskiy-diskurs-kak-ugroza-informatsionnoy-bezopasnosti/. — (дата обращения: 18.02.2026).

[6] Стародубцева М. А. Историко-правовые и сравнительные аспекты экстремизма // Российский академический журнал. — 2023. — № 1. — С. 112–128. — URL: http://ralj.ru/article/view/(2023)1.8. — (дата обращения: 22.02.2026).

[7] Еремина И. А. Проекции феномена экстремизма и рецепты борьбы с ним в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — № 7. — С. 15–34. — URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248. — (дата обращения: 10.01.2026).

References:

[1] Atonyan Yu. M. Extremism and its causes: monograph. - Moscow: Logos, 2010. - 287 p.

[2] Khlebushkin A. G. Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis: monograph/rev. ed. N. A. Lopashenko. - Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. - 198 s.

[3] Bastrykin A.I., Kirilenko V.P., Shamakhov V.A. Extremism in the modern world: a monograph. - St. Petersburg: CPI SZIU RANEPA, 2019. - 456 p.

[4] Refugees A. A. Extremism: the origins of the problem (ancient world, Middle Ages, modern times)//CyberLeninka. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-istoki-problemy-drevniy-mir-srednie-veka-novoe-vremya. - (accessed on: 15.01.2026).

[5] Extremist discourse as a threat to information security: review of a collective monograph/under the general. ed. A. I. Bastrykina, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhova//Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. — 2019. — № 2. - S. 98-115. — URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/2/ekstremistskiy-diskurs-kak-ugroza-informatsionnoy-bezopasnosti/. - (accessed on: 18.02.2026).

[6] Starodubtseva M.A. Historical, legal and comparative aspects of extremism//Russian Academic Journal. — 2023. — № 1. - S. 112-128. — URL: http://ralj.ru/article/view/(2023)1.8. - (accessed on: 22.02.2026).

[7] I.A. Eremina. Projections of the phenomenon of extremism and recipes for combating it in international relations//World Economy and International Relations. — 2019. — № 7. - S. 15-34. - URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248. - (access date: 10.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-37-43

КАРПЕНКО Ирина Николаевна,
Аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail:249356@edu.fa.ru

ЭМИССИОННЫЙ МАНДАТ БАНКА РОССИИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Аннотация. *В статье исследуются ключевые правовые пробелы российского законодательства о цифровом рубле: отсутствие нормы, прямо квалифицирующей остаток на счёте цифрового рубля как безусловное обязательство ЦБ РФ. Обосновывается, что официальная концепция «третьей формы национальной валюты» является регуляторной метафорой, не соответствующей действующей законодательной конструкции, в соответствии с которой цифровой рубль отнесён к категории безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ). Выявлено принципиальное различие между нормативной конструкцией эмиссии наличных денег (ст. 30 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)») и правовым режимом «открытия счетов» цифрового рубля. Данное расхождение сопоставляется с международными стандартами МВФ и БМР, последовательно характеризующими ЦВЦБ как прямое обязательство центрального банка при любой архитектуре системы. Сформулированы предложения по устранению правовой неопределённости в части защиты прав держателей цифрового рубля.*

Ключевые слова: *цифровой рубль; цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ; CBDC); эмиссионный мандат; обязательство ЦБ РФ; безналичные денежные средства; финансово-правовой режим; платформа цифрового рубля.*

KARPENKO Irina Nikolaevna,
Postgraduate student, Financial University
under the Government of the Russian Federation

THE ISSUING MANDATE OF THE BANK OF RUSSIA AND THE LEGAL NATURE OF THE DIGITAL RUBLE AS A CENTRAL BANK LIABILITY: A CRITICAL ANALYSIS IN LIGHT OF INTERNATIONAL STANDARDS FOR DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS

Annotation. *This article examines key legal gaps in Russian legislation on the digital ruble: the absence of a provision explicitly qualifying the balance of a digital ruble account as an unconditional obligation of the Central Bank of the Russian Federation. It argues that the official concept of a "third form of national currency" is a regulatory metaphor that is inconsistent with the current legislative framework, according to which the digital ruble is classified as non-cash money (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation). A fundamental difference is identified between the regulatory framework for the issuance of cash (Article 30 of the Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)") and the legal regime for "opening accounts" for the digital ruble. This discrepancy is compared with international standards of the IMF and the Bank of Russia, which characterize the balance of a digital ruble account as a direct liability of the central bank regardless of the system architecture. Proposals for eliminating legal uncertainty regarding the protection of the rights of digital ruble holders are also formulated.*

Key words: *digital ruble; central bank digital currency (CBDC); emission mandate; obligation of the Central Bank of the Russian Federation; non-cash funds; financial and legal regime; digital ruble platform.*

Введение

Принятие федеральных законов от 24.07.2023 № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, которые вносят изменения в ГК РФ и ряд законодательных актов, обозначило переход цифрового рубля из стадии концептуальных разработок в сферу действующего права. РФ вошла в ограниченный круг государств, сформировавших нормативную основу для функционирования розничной цифровой валюты центрального банка (далее — ЦВЦБ). Пилотный запуск платформы цифрового рубля, открытие счетов реальным пользователям и введение поэтапной обязанности торговых предприятий и банков принимать платежи в цифровых рублях означают, что формирование финансово-правового режима нового инструмента приобретает непосредственное практическое измерение.

Вместе с тем анализ принятых нормативных актов обнаруживает системные пробелы, способные существенно ограничить эффективность цифрового рубля как публичного финансово-правового института. Из них наиболее принципиальным представляется следующий: действующее законодательство не содержит нормы, прямо и недвусмысленно квалифицирующих остаток цифровых рублей на счёте как безусловное обязательство ЦБ РФ перед держателем. Именно это обязательство, неотделимое в международной доктрине от самого понятия ЦВЦБ, остаётся в российском праве нераскрытым с достаточной степенью нормативной определённости.

Актуальность темы обусловлена двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, ЦБ РФ последовательно позиционирует цифровой рубль как «третью форму национальной валюты», выпускаемую в дополнение к наличным и безналичным рублям [1]. Между тем российский законодатель избрал принципиально иную конструкцию, включив цифровые рубли в состав безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ в редакции ФЗ № 339-ФЗ). Это расхождение не является терминологической оговоркой — оно отражает понимание эмиссионного мандата, статуса законного платёжного средства, пределов ответственности оператора платформы и способов защиты прав пользователей. Во-вторых, нормативная конструкция цифрового рубля в российском праве строится вокруг функций ЦБ РФ как оператора платформы, а не как эмитента денежного обязательства. Это прямо расходится с международными стандартами, в соответствии с которыми розничная ЦВЦБ должна оставаться обязательством центрального банка при любой архитектуре системы [2].

Степень научной разработанности темы. Правовая природа цифрового рубля является предметом активных исследований в российской доктрине финансового права. Вопросы квалификации цифрового рубля как законного платёжного средства, его места в системе гражданских прав, а также финансово-правового режима операций на платформе рассматривались в работах А.В. Турбанова [3], Е.Б. Лаутс [4], А.А. Ситника [5], А.А. Недрова [6] и других. В международной литературе тематика обязательства центрального банка по ЦВЦБ представлена шире — в ключевых материалах МВФ [2; 7] и БМР [8; 9], а также в исследованиях по ЦВЦБ [10]. Вместе с тем соотношение российской нормативной модели с международным подходом — квалификацией ЦВЦБ как обязательства центрального банка остаётся недостаточно изученным.

Цель исследования — обозначить правовые пробелы законодательства РФ в части эмиссионного мандата ЦБ РФ по цифровому рублю, предложить пути их устранения с учётом международных стандартов.

Задачи исследования: критически оценить концепцию «третьей формы» с позиций действующего российского права; определить место цифрового рубля в системе безналичных денежных средств; выявить различие между нормативной конструкцией эмиссии наличных денег и правовым режимом «открытия счетов» цифрового рубля; сопоставить российскую модель с международными стандартами обязательства центрального банка по ЦВЦБ; оценить правовые последствия незакреплённости обязательства для защиты прав пользователей; разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Методология. В настоящем исследовании применялись: формально-юридический метод (анализ содержания нормативных правовых актов); сравнительно-правовой метод (сопоставление российской модели с зарубежными аналогами и международными стандартами МВФ и БМР); метод системного толкования права (установление места цифрового рубля в системе финансово-правовых категорий); историко-правовой метод (прослеживание генезиса нормативной модели). В рамках сравнительно-правового исследования анализировался опыт Ямайки, Нигерии и иных государств, внедривших или активно разрабатывающих ЦВЦБ.

Результаты исследования

Концепция «третьей формы»: коммуникационная метафора или правовая дефиниция?

Термин «третья форма национальной валюты» занял устойчивое место в официальной коммуникации ЦБ РФ. Согласно информации, размещённой на сайте регулятора, цифровой рубль является третьей формой денег, дополнительной к наличным и безналичным рублям [1].

Данная характеристика воспроизводилась последовательно, формируя устойчивый образ нового инструмента как самостоятельного вида денег.

Вместе с тем анализ действующего законодательства обнаруживает принципиальное несоответствие такой трактовки с нормативным содержанием правовых актов. Так, Федеральный закон от 24.07.2023 2023 г. № 339-ФЗ [11] включил цифровые рубли в состав имущественных прав, а именно в категорию безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ). ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» по-прежнему перечисляет лишь две формы валюты РФ: банкноты и монеты Банка России (наличная форма) и средства на банковских счетах и вкладах (безналичная) [12].

Это несоответствие выявлено и зафиксировано в российской правовой доктрине. Так, в статье А.А. Недрова сделан вывод о том, что концепция цифрового рубля как третьей формы денег не соответствует действующему законодательству, а новый финансовый инструмент следует относить к категории безналичных денежных средств [6]. А.В. Турбанов, признавая цифровой рубль разновидностью фиатной валюты, приводит аргументацию, согласно которой законное платёжное средство может существовать как в наличной, так и в безналичной форме [3].

Таким образом, концепция «третьей формы» выполняет коммуникационную функцию: она призвана донести до широкой аудитории, что цифровой рубль дополняет, а не заменяет существующие формы денег. Как описательная метафора она приемлема и понятна, но в юридическом контексте её использование без сопутствующей оговорки создаёт методологическую ошибку: нормативное содержание (ст. 128 ГК РФ) подменяется описанием.

Признание «третьей формы» регуляторной метафорой не означает, что цифровой рубль тождествен обычным безналичным денежным средствам коммерческих банков. Законодательная конструкция создала особый подвид безналичных средств, существенно отличающийся от классических банковских денег по нескольким признакам: счёт ведётся ЦБ РФ как оператором платформы, а не кредитной организацией; остатки не являются пассивом коммерческого банка; начисление процентов на остатки и открытие вкладов в цифровых рублях законодательно запрещены [13]. Тем самым цифровой рубль следует квалифицировать не как «третью форму» в смысле нового вида денег, а как третий институциональный уровень рублёвой платёжной инфраструктуры — специальный финансово-правовой режим цифровых безналичных денежных средств ЦБ РФ.

Место цифрового рубля в системе безналичных денежных средств

Включение цифровых рублей в состав безналичных денежных средств порождает необходимость дифференциации внутри этой категории. В доктрине российского финансового права «безналичные денежные средства» определяются прежде всего как обязательственные права клиента в отношении кредитной организации. В этой конструкции банк является должником клиента, использует остатки на счетах как часть базы для кредитования и выполняет расчётные операции на условиях банковского договора.

Цифровой рубль принципиально выбивается из данной схемы. Его правовая конструкция строится по принципиально иной модели: счёт цифрового рубля ведёт не коммерческий банк, а ЦБ РФ как оператор платформы; остатки на счетах не являются ресурсом кредитной организации; проценты на остатки не начисляются; открытие вкладов и получение кредитов в цифровых рублях запрещено. Следовательно, цифровой рубль не является пассивом коммерческого банка в отличие от классических безналичных денег на банковском счёте.

Из этого вытекает необходимость дифференциации безналичных денежных средств по «эмитентно-инфраструктурному» критерию:

- безналичные денежные средства коммерческих банков — обязательства кредитных организаций перед клиентами по банковским счетам;
- электронные денежные средства — особый вид обязательств операторов ЭДС в соответствии с ФЗ «О национальной платёжной системе» [14];
- цифровые рубли — безналичные денежные средства на платформе ЦБ РФ, не являющиеся пассивом коммерческого банка;
- резервы кредитных организаций.

Такая дифференциация не противоречит действующему законодательству, которое объединяет все перечисленные категории (кроме резервов) под общим термином «безналичные денежные средства». Вместе с тем она позволяет точнее описать правовой режим каждого подвида и устранить доктринальные противоречия, возникающие при их отождествлении. Принципиально важно: именно в рамках этой дифференцированной системы становится очевидным, что цифровой рубль как подвид безналичных средств ЦБ РФ требует специального нормативного определения обязательства оператора-эмитента.

Эмиссионный мандат и нормативная конструкция обязательства: наличные деньги и цифровой рубль

В финансовом праве «эмиссионный мандат» (emission mandate) означает исключительно закреплённое законом полномочие центрального банка создавать деньги в их юридически признанных формах. Конституция РФ (ст. 75) устанавливает, что денежная эмиссия осуществляется исключительно ЦБ РФ [15]. ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» конкретизирует это полномочие применительно к наличным деньгам: банкноты и монета Банка России являются безусловными обязательствами Банка России и обеспечиваются всеми его активами (ч. 1 ст. 30) [16]. Это нормативное закрепление создаёт ясную правовую конструкцию: держатель банкноты обладает прямым безусловным требованием к ЦБ РФ, обеспеченным всей массой его активов. Именно это свойство обеспечивает фундаментальное свойство наличных денег — их ликвидность и независимость от финансового состояния любого посредника.

Применительно к цифровому рублю законодатель избрал принципиально иной язык. Согласно законодательству РФ ЦБ РФ является оператором платформы цифрового рубля, открывает и ведёт счета цифрового рубля. При этом нормы, прямо квалифицирующей остаток на счёте цифрового рубля как безусловное обязательство ЦБ РФ, в законодательстве нет. ФЗ «О национальной платёжной системе» описывает операции с цифровыми рублями как «переводы», а ЦБ РФ фигурирует как «оператор платформы», не как эмитент в смысле ст. 30 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Не менее показательно терминологическое различие. Применительно к наличным деньгам законодательство последовательно использует термин «эмиссия» (ст. 75 Конституции РФ, ст. 4, 29, ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), к цифровому рублю — нейтральную конструкцию «открытие счетов цифрового рубля», избегая слова «эмиссия». Данный выбор не случаен: он отражает стремление законодателя избежать автоматического распространения на цифровой рубль правового режима наличных денег и возникновения коллизий. Вместе с тем результатом этого выбора стала нормативная неопределённость, существенная для защиты прав пользователей. «Эмиссия» порождает прямое безусловное обязательство, обеспеченное всеми активами ЦБ РФ; «открытие счетов» — это операционная функция оператора инфраструктуры. Различие между этими конструкциями не терминологическое, а содержательное: оно определяет, кто несёт ответственность перед держателем при неисполнении обязательства, в каком объёме и какими механизмами обеспечивается защита прав.

Международные стандарты: ЦВЦБ как прямое обязательство центрального банка

В международной финансовой доктрине обязательство центрального банка перед держателем рассматривается как сущностный признак ЦВЦБ, отличающий её от иных форм цифровых денег. Данный подход последовательно проводится в ключевых международных документах.

Ещё в Ежегодном экономическом докладе 2021 г. БМР определил ЦВЦБ как «форму цифровых денег, номинированных в национальной денежной единице, которая является прямым обязательством центрального банка» [9]. В ноябре 2024 г. БМР совместно с группой семи центральных банков опубликовал специальный доклад «Legal aspects of retail CBDCs», в котором среди ключевых правовых вопросов поднимался и вопрос о правах, обязанностях и ответственности участников экосистемы ЦВЦБ. В докладе констатируется, что правовые механизмы, регулирующие денежные потоки, платежи и деятельность центральных банков, разрабатывались без учёта возможности широкого использования ЦВЦБ населением и что юрисдикции могут нуждаться в создании нового правового объекта/актива с особым денежно-правовым и частноправовым режимом [8].

МВФ в документе «Selected Legal Considerations for Central Bank Digital Currencies» последовательно развивает тот же подход. Так, приводится, что страны, выпустившие или изучающие возможность выпуска ЦВЦБ, как правило, квалифицируют её как обязательство центрального банка и что розничная ЦВЦБ должна оставаться обязательством центрального банка при любой системной архитектуре. В документе подчёркивается, что в правовая базп должна последовательно обеспечивать этот статус [2]. Тем самым МВФ акцентирует необходимость нормативного закрепления обязательства не только в принципе, но и применительно к каждому конкретному архитектурному решению.

Доклад МВФ «Central Bank Digital Currency: Further Navigating Challenges and Risks» подтверждает, что ЦВЦБ разрабатывается как обязательство центрального банка, что подразумевает его исключительные полномочия на эмиссию, статус законного платёжного средства [7]. Это обеспечивает конвертируемость с иными формами денег, монетарный суверенитет и «единство денег».

Таким образом, в международной доктрине сложился устойчивый консенсус: квалификация ЦВЦБ как прямого обязательства центрального банка — это системообразующий правовой признак, отличающий ЦВЦБ от частных электронных платёжных средств и стейблкоинов. Именно этот

признак обеспечивает независимость прав держателя от финансового состояния посредников и безусловность требования к центральному банку.

Зарубежный опыт: модели правового закрепления обязательства по ЦВЦБ

Анализ законодательства государств, внедривших или активно разрабатывающих ЦВЦБ, позволяет выделить несколько моделей нормативного закрепления обязательства центрального банка.

Первая модель — явное включение ЦВЦБ в состав монетарных обязательств центрального банка. Показательным примером служит Ямайка: Закон о Банке Ямайки 2022 г. прямо предусматривает, что монетарные обязательства центрального банка включают банкноты, монеты и цифровую валюту центрального банка [2]. Аналогичный законодательный подход прослеживается в ряде других государств Карибского бассейна.

Вторая модель — квалификация ЦВЦБ как специального цифрового денежного обязательства без полного отождествления с наличными. По данной модели развивается правовое регулирование цифровой рупии в Индии, а также в ряде государств Азии. Так, законодательство специально устанавливает обязательство центрального банка по ЦВЦБ, оговаривая его специфические черты (ограничения по процентам, лимитам хранения и т.д.).

Третья модель — нейтральная операционная конструкция без прямого нормативного закрепления обязательства. К этой группе по существу относится РФ. ЦБ РФ описывается как оператор платформы и субъект, открывающий и ведущий счета цифрового рубля, однако явного указания на безусловный характер его обязательства по цифровому рублю в законодательстве нет. Схожая ситуация наблюдалась на начальном этапе в Нигерии (eNaira), где законодательная база в части характера обязательства также сохраняла неопределённость.

Именно юрисдикции третьей группы подвергаются критике со стороны МВФ и БМР как наиболее уязвимые с точки зрения правовой определённости и защиты пользователей [2; 8]. Опыт Нигерии, которая после запуска eNaira была вынуждена уточнять правовую конструкцию в дополнительных нормативных актах, свидетельствует: нормативная неопределённость в части характера обязательства неизбежно проявляется при масштабировании системы и требует своевременного устранения.

Правовые последствия незакреплённости обязательства: защита прав пользователей

Отсутствие в российском законодательстве нормы, прямо квалифицирующей остаток на счёте цифрового рубля как обязательство ЦБ РФ, порождает правовые риски для держателей.

Риск первый — неопределённость при защите прав в случае несостоятельности посредника. Архитектура платформы цифрового рубля предусматривает участие кредитных организаций в качестве посредников, обеспечивающих пользователям доступ к счетам. Несмотря на то что счета ведёт ЦБ РФ, нормативно не закреплено, является ли право пользователя при ликвидации посредника требованием непосредственно к ЦБ РФ. МВФ специально отмечает: правовая база должна прямо защищать держателей розничной ЦВЦБ от несостоятельности посредников [2].

Риск второй — неясность механизма ответственности при сбоях платформы. Платформа цифрового рубля функционирует на основании правил, утверждаемых Советом директоров Банка России. Вместе с тем действующее законодательство не устанавливает ни оснований, ни пределов ответственности ЦБ РФ как оператора платформы перед пользователями за технические сбои, ошибки обработки транзакций или незаконные ограничения операций. Гражданско-правовая ответственность ЦБ РФ, совмещающего роль оператора и регулятора, нуждается в правовом регулировании.

Риск третий — неопределённость правовой природы требования держателя. В классической конструкции безналичных денег на банковском счёте клиент обладает обязательственным правом по отношению к банку (ст. 845 ГК РФ). Применительно к цифровому рублю аналогичного определения права пользователя не установлено. Не определено, является ли право держателя частноправовым требованием к ЦБ РФ, особым имущественным правом и др. Это приобретает практическое значение в случае споров: какую норму применять, в какой суд обращаться?

Совокупность указанных рисков создаёт парадокс: цифровой рубль, существующий на платформе ЦБ РФ, одного из наиболее надёжных институтов, обеспечивает своим держателям меньшую степень нормативно закреплённой защиты, чем традиционные безналичные деньги на банковском счёте коммерческого банка.

Предложения по совершенствованию законодательства РФ

Первое предложение касается закрепления обязательства ЦБ РФ в ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». В статью 30 данного ФЗ целесообразно включить, что остаток цифровых рублей на счёте цифрового рубля, открытом в соответствии с требованиями

настоящего ФЗ, является обязательством ЦБ РФ перед держателем счёта цифрового рубля в пределах соответствующего остатка. Данная формулировка согласует российскую модель с международным пониманием ЦВЦБ как прямого обязательства центрального банка, не превращая цифровой рубль в банковский вклад.

Второе предложение касается нормативного разграничения функций ЦБ РФ. В ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и ФЗ «О национальной платёжной системе» следует разграничить функцию ввода цифровых рублей в обращение и функцию операционного управления платформой (ведение счетов, обработка транзакций). Данное разграничение устраняет нормативную размытость нынешней конструкции, в которой ЦБ РФ именуется исключительно оператором платформы.

Третье предложение направлено на усиление защиты прав пользователей. На уровне федерального законодательства должны быть закреплены: исчерпывающий перечень оснований ограничения операций пользователя, порядок и сроки уведомления, право оспорить ограничение, ответственность ЦБ РФ за незаконное ограничение операций или ненадлежащее исполнение функций оператора платформы.

Четвёртое предложение касается принципа сбалансированности защиты финансовой стабильности. В ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» целесообразно прямо установить, что запрет процентов на остатки, запрет кредитования в цифровых рублях и лимиты операций являются элементами финансово-правовой защиты устойчивости банковской системы от дезинтермедиации, изменение которых требует публичного обоснования соразмерности рискам.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Первый вывод. Концепция «третьей формы национальной валюты» является метафорой, а не правовой дефиницией. Действующее российское законодательство относит цифровой рубль к категории безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ). Более точной является квалификация цифрового рубля как третьего институционального уровня — специального финансово-правового режима цифровых безналичных денежных средств ЦБ РФ, не тождественного ни наличным деньгам, ни классическим банковским безналичным средствам.

Второй вывод. Одним из ключевых правовых пробелов действующего законодательства РФ является отсутствие нормы, прямо квалифицирующей остаток на счёте цифрового рубля как безусловное обязательство ЦБ РФ перед пользователем. Нормативная замена «эмиссии» нейтральным «открытием счетов» влечёт правовую неопределённость, что влияет на защиту прав держателей при несостоятельности посредников, спорах, сбоях.

Третий вывод. Российская модель расходится с доминирующим международным подходом: МВФ устанавливает, что ЦВЦБ должна оставаться обязательством центрального банка при любой системной архитектуре, БМР последовательно определяет ЦВЦБ как прямое обязательство центрального банка. Международный опыт свидетельствует о неизбежности нормативного уточнения, если данный признак при запуске ЦВЦБ не был закреплён.

Четвёртый вывод. Устранение выявленного правового пробела посредством предложенных поправок к ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и ФЗ «О национальной платёжной системе» позволит согласовать российскую модель с международными стандартами, не нарушая избранной конструкции цифрового рубля как безналичных денежных средств на платформе ЦБ РФ. Предложение о включении в ст. 30 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» положения об обязательстве ЦБ РФ в отношении цифрового рубля является минимально необходимым и законодательно реализуемым шагом, который без принципиального пересмотра действующей модели устраняет уязвимое место правового регулирования цифрового рубля.

Список литературы:

[1] Цифровой рубль // Банк России. — URL: https://cbr.ru/dr/

[2] Selected Legal Considerations for Central Bank Digital Currencies // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/ftn063/2025/english/ftnea2025006.pdf

[3] Турбанов А.В. Цифровой рубль как законное платёжное средство // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 1. — С.56-65

[4] Лаутс Е.Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения // Закон. — 2024. — № 9. С. 17-25.

[5] Ситник А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 8. — С.20-36.

[6] Недров А.А. Правовая природа цифрового рубля // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — 2025. — № 1. — С.236-252.

[7] Central Bank Digital Currency: Further Navigating Challenges and Risks // International Mone-

tary Fund. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/pp/2025/english/ppea2025041.pdf

[8] Legal aspects of retail CBDCs // Bank for International Settlements. — URL: https://www.bis.org/publ/othp88_legal.pdf

[9] Annual Economic Report 2021 // Bank for International Settlements. — URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2021e.htm

[10] Blazsek, V., Belikoff, V. A Systematisation of Legal-Regulatory Risks Related to Central Bank Digital Currencies: A Comparative Analysis of the US, the UK and China // Law and Financial Markets Review. — 2025. — №2. — P. 73-101.

[11] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»

[12] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»

[13] Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

[14] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»

[15] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993)

[16] Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ

References:

[1] Digital ruble//Bank of Russia. — URL: https://cbr.ru/dr/

[2] Selected Legal Considerations for Central Bank Digital Currencies // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/ftn063/2025/english/ftnea2025006.pdf

[3] Turbanov A.V. Digital ruble as a legal means of payment//Actual problems of Russian law. — 2024. — № 1. - S.56-65

[4] Lauts E.B. Digital ruble: discussion on the legal nature and prospects for implementation//Law. — 2024. — № 9. S. 17-25.

[5] Sitnik A.A. Digital ruble as an object of financial and legal regulation//Actual problems of Russian law. — 2023. — № 8. - S.20-36.

[6] Nedrov A.A. The legal nature of the digital ruble//Bulletin of Moscow University. Series 21. Governance (state and society). — 2025. — № 1. - P.236-252.

[7] Central Bank Digital Currency: Further Navigating Challenges and Risks // International Monetary Fund. — URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/pp/2025/english/ppea2025041.pdf

[8] Legal aspects of retail CBDCs // Bank for International Settlements. — URL: https://www.bis.org/publ/othp88_legal.pdf

[9] Annual Economic Report 2021 // Bank for International Settlements. — URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2021e.htm

[10] Blazsek, V., Belikoff, V. A Systematisation of Legal-Regulatory Risks Related to Central Bank Digital Currencies: A Comparative Analysis of the US, the UK and China // Law and Financial Markets Review. — 2025. — №2. — P. 73-101.

[11] Federal Law of 24.07.2023 No. 339-FZ “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation”

[12] Federal Law No. 10.12.2003 of 173-FZ “On Currency Regulation and Currency Control”

[13] Federal Law of 24.07.2023 No. 340-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”

[14] Federal Law No. 27.06.2011 of 161-FZ “On the National Payment System”

[15] “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote 12.12.1993)

[16] Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” dated 10.07.2002 No. 86-FZ

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-44-52

БЕЗРУЧКИН Евгений Алексеевич,
аспирант 1 курса юридического факультета
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, направление подготовки: 5.1.2.
Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС В XX – XXI ВЕКАХ

Аннотация. *Исторически государства-члены Евразийского экономического союза (далее – «ЕАЭС») входят в группу бывших республик Советского Союза (далее – «СССР»), имеющих тесные связи и общее экономическое наследие. Несмотря на распад СССР, развитие налоговой системы, в частности НДС, в этих странах происходило параллельно и обладало значительным сходством как в методологии, так и в практических подходах. Сегодня в рамках интеграционного проекта ЕАЭС реализуется политика гармонизации законодательства и синхронизации экономических процессов. Тем не менее, несмотря на активное сотрудничество, отсутствуют полноценные механизмы регулирования НДС на международном уровне ЕАЭС, что создает препятствия для свободного перемещения товаров, услуг и капиталов между странами союза. Исследование состояния НДС в странах ЕАЭС актуально потому, что оно направлено на выявление проблем и перспектив унификации налоговой политики, устранение преград для торговли и инвестиции, а также выработку предложений по совершенствованию налогового законодательства. Результаты подобного исследования важны для дальнейших шагов по построению единого экономического пространства и устойчивому развитию стран-членов ЕАЭС.*

Ключевые слова: *НДС, устойчивое развитие, налогообложение, закон, налоговое законодательство, гармонизация.*

BEZRUCHKIN Evgeny Alekseevich,
First-year postgraduate student, Faculty of Law,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
major: 5.1.2. Public Law (State-Legal) Sciences

THE EMERGENCE, FORMATION, AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF VALUE-ADDED TAXATION IN THE EAEU STATES IN THE 20TH AND 21ST CENTURIES

Annotation. *Historically, the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the "EAEU") are part of a group of former Soviet Union (hereinafter referred to as the "USSR") republics with close ties and a common economic heritage. Despite the collapse of the USSR, the development of tax systems, particularly VAT, in these countries proceeded in parallel and exhibited significant similarities in both methodology and practical approaches. Today, as part of the EAEU integration project, a policy of legislative harmonization and synchronization of economic processes is being implemented. However, despite active cooperation, comprehensive mechanisms for VAT regulation at the international level within the EAEU are lacking, creating obstacles to the free movement of goods, services, and capital between the member states. A study of the status of VAT in the EAEU countries is relevant because it aims to identify problems and prospects for harmonizing tax policies, removing barriers to trade and investment, and developing proposals for improving tax legislation. The results of such a study are important for further steps toward building a single economic space and sustainable development in the EAEU member states.*

Key words: *VAT, sustainable development, taxation, law, tax legislation, harmonization.*

Развитие нормативно-правового регулирования налога на добавленную стоимость в зарубежных государствах в XX веке

Прежде, чем проводить сравнительно-правовое исследование становления НДС в странах ЕАЭС, автор настоящей работы полагает, что стоит описать развитие НДС в европейских странах в силу того, что именно там зародился данный налог в той форме, в которой он сейчас существует и применяется на территории не только ЕС, но и во многих других странах, в том числе и в Российской Федерации (далее – «РФ» или «Россия»), Республике Беларусь (далее – «РБ» или «Беларусь»), Республике Казахстан (далее – «РК» или «Казахстан»), Республике Армения (далее – «РА» или «Армения») и Киргизской Республике (далее – «КР» или «Киргизия»).

Так, разработку НДС приписывают выходцу из Германии Вильгельму фон Сименсу, предложившему в 1919 году введение налога с оборота несмотря на то, что во многих западных стран такая модель налога в той или иной степени уже существовала.

Особую роль в развитии НДС сыграла в свое время Франция, в которой аналогично существовал налог с оборота, взимаемый на каждой стадии производства товаров, работ и услуг. Однако в силу того, что данный налог носил каскадный характер и не предполагал осуществление вычетов крупный бизнес имел определенные преимущества в сравнении с малыми и средними предприятиями. Так, крупные компании могли аккумулировать в себе несколько стадий производства, вследствие чего налог с оборота уплачивался ими только единожды, когда малый и средний бизнес вынужден был нести бремя каскадного эффекта, вследствие чего их расходы на производство продукции были значительно выше и, соответственно, негативно влияли на общую рентабельность.

В целях устранения такого дисбаланса уже в 1948 году именно во Франции была разработана система налоговых вычетов, позволяющая осуществлять возврат ранее уплаченного поставщику налога за счет исчисленного уже ими налога при продаже товаров, что позволило добиться реализации принципа нейтральности НДС в той или иной степени. Успешный опыт Франции предопределил появления данного налога и в других европейских государствах. Например, уже в 1957 году НДС нашел свое отражение в Главе 2 Римского договора 1957 года о создании Европейского Экономического сообщества налоговых юрисдикциях, а также и в таких международных соглашениях, как Преамбула Первой директивы Совета ЕС от 11 апреля 1967 года [1], Шестая директива ЕЭС (Sixth Council Directive 77/388/EEC of 17 May 1977 [2]), которая впоследствии легла в основу становления существующей на данный момент европейской системы НДС.

Становления налога с оборота в СССР

В какой-то степени процесс становления НДС в России имеет схожую историю. Так, п. 13 Декрета от 21 ноября 1918 года установлено, что «… к цене, по которой Высший Совет Народного Хозяйства сдает продукт Народному Комиссариату Продовольствия, может быть прибавляемо начисление в пользу государства» [3]. Таким образом, в самые первые дни своего существования советская власть предприняла попытку введения аналогичного налога с оборота, однако такие действия не возымели положительного эффекта по причине того, что реальные поступления от начислений в бюджет за первое полугодие 1919 года сократились более, чем в 27 раз, вследствие чего данные нововведения были отменены уже в начале1920 года [4].

А уже в 1930 году в СССР был введен налог с оборота, который наравне с отчислениями от прибыли формировал значительную часть доходов государственного бюджета до 1980-ых годов [5].

При этом ключевыми недостатками налога с оборота было следующее:

– однократность (однозвенность) обложения независимо от количество совершенных операций в процессе производства товаров;
– отсутствие механизма устранения двойного налогообложения;
– каскадный эффект (кумуляция налога);
– стимулирование производителей объединять все стадии производства для снижения налогового бремени и увеличения конкурентного преимущества;
– неприспособленность к международной экономической интеграции, несогласованность налога с оборота с налоговыми системами других государств [6].

Примечательно, что Минфин России также указывал на следующие недостатки налога с оборота:

«1) искажение конкуренции производителей из-за отсутствия механизмов равномерного распределения налогового бремени;

2) невозможность возмещения налога, включенного в цену, уплаченную при приобретении средств, предназначенных для производства» [7].

Подводя итог вышесказанному, автор приходит к выводу, что развитие НДС в странах ЕС происходило гораздо интенсивнее благодаря преобладанию рыночной экономики. Именно там

впервые появилась идея налога с оборота, трансформировавшаяся позже в полноценный НДС с механизмом вычетов, устраняющих каскадный эффект и позволяющие избежать повторного налогообложения.

Напротив, в СССР длительное время действовал налог с оборота, характеризующийся множеством недостатков, таких как одноступенчатость обложения, кумулятивный эффект и отсутствие механизмов вычетов. Эта форма налога плохо сочеталась с рыночной экономикой и оказалась неэффективной для современного мирового хозяйства. Именно поэтому после распада СССР государства постсоветского пространства, включая РФ, РБ, РК, КР и РА, стали активно внедрять НДС вместо того, чтобы продолжить использовать налог с оборота

Таким образом, различия в темпах развития НДС на территории государств-членов ЕАЭС и ЕС объясняются фундаментальным отличием экономических моделей: рыночное хозяйство Европы обеспечило быстрое продвижение идеи НДС, тогда как централизованная командная экономика СССР препятствовала формированию полноценного НДС.

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веках

Как указывалось выше, переход к рыночным отношениям потребовал реформирования существующей налоговой системы и её адаптации к новым экономическим условиям. В связи с этим в 1990 году налог с оборота в России был преобразован в налог с продаж, который впоследствии стал основой современного НДС. Основным минусом налога с продаж являлось ограниченное налогообложение лишь отдельных видов сделок, исключая широкий спектр услуг и товарообменных операций.

Это обусловило принятие Федерального закона № 1992-1 от 6 декабря 1991 года «О налоге на добавленную стоимость» [8] (далее – ФЗ № 1992-1), где основным ориентиром послужила Директива Совета Европейского экономического сообщества (Sixth Council Directive 77/388/EEC от 17 мая 1977 года [9]). Данный законодательный акт обеспечивал формирование полноценной многоуровневой системы косвенного налогообложения, охватывающей весь цикл реализации товаров, работ и услуг.

С момента вступления в силу в 2001 году части 2 Налогового Кодекса РФ [10] (далее – НК РФ) регулирование НДС осуществляется Главой 21 НК РФ. ФЗ № 1992-1 и Глава 21 НК РФ, посвященная правовому регулированию НДС, содержат значительное число различий, связанных как с развитием российского законодательства, так и изменениями экономической ситуации в стране:

- структура и содержание – ФЗ № 1992-1 представлял собой отдельный нормативный акт, регулирующий только НДС, когда Глава 21 НК РФ объединяет НДС в рамках одного нормативного акта наряду с другими налогами, что делает налоговую систему более целостной и удобной для понимания;
- объект налогообложения – по ФЗ № 1992-1 объектом налогообложения считались обороты по реализации товаров, работ и услуг, производимых на территории РФ, а по НК РФ – реализация товаров (работ, услуг), передача имущественных прав, выполнение строительно-монтажных работ для собственного потребления и ввоз товаров на территорию РФ;
- осуществление вычетов - ФЗ № 1992-1 в сравнении с НК РФ довольно скудно регулировал порядок осуществления налоговых вычетов по НДС, вследствие чего на практике налогоплательщики сталкивались с большим количеством трудностей;
- и другое.

Переход от ФЗ № 1992-1 к НК РФ ознаменовал значительный прогресс в российском налоговом праве. Современный вариант законодательно закрепляет подробную регламентацию всех элементов налога, улучшен порядок налогового администрирования и созданы эффективные механизмы компенсации расходов налогоплательщиков.

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Казахстан в конце XX – начале XXI веках

Становление НДС в РК по определенным причинам имело схожую историю развития с РФ. В частности, после распада СССР и образования суверенных государств на постсоветском пространстве, государства столкнулись с отсутствием не только необходимого законодательного регулирования налогообложения в условиях рыночной экономики, но и специалистов по налогообложению, способных определять тренды развития законодательства в данной сфере, вследствие чего принятие разнообразных законов происходило по результатам их имплементации положений законодательства зарубежных стран.

Например, в РК 24 декабря 1991 года был принят Закон «О налоге на добавленную стоимость» [11], который конструктивно был похож на принятый 6 декабря 1991 года ФЗ N 1992-1.

В последующем законодателем была предпринята попытка кодифицировать налоговое законодательство государства, вследствие чего появился Закон Республики Казахстан от 24 апреля 1995 года № 2235 «О налогах и других обязательных платежах в бюджет». Порядок взимания и уплаты НДС регулировался Разделом 3 данного закона и включал в себя 6 глав. В сравнении с Законом от 1991 года Закон 1995 года наиболее детально регулировал порядок уплаты НДС, а также осуществление вычетов по НДС.

Третий этап развития не только НДС, но и всей налоговой системы Казахстана, в общем и целом, связан с введением полноценного Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет». Значение данного Налогового кодекса заключалось в структурировании правовой базы по вопросам налогообложения, а также обеспечить прозрачность норм и снижение административных барьеров для бизнеса, заложить правовую основу для будущей цифровизации процессов налогового администрирования.

Новый Налоговый Кодекс обеспечивал более детальное регулирование порядка взимания и уплаты НДС [12]. Например, если в Законе 1995 году порядок осуществления вычетов регулировался преимущественной одной статьей, то в Налоговом Кодексе 2001 года появилась специальная Глава 38, содержащая в себе 7 статей! Кроме этого, наиболее детально определен правовой статус счет-фактуры, налогоплательщиков и объекта налогообложения по НДС, порядок получения преференций и льгот.

И, наконец, четвертый этап развития НДС связан уже с принятием Кодекса Республики Казахстан от 10 декабря 2008 года № 99-IV «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» [13], а в последующем Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» [14] и Налогового кодекса Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII [15] соответственно. По мнению автора настоящей работы, принятие новых налоговых кодексов Республики Казахстан связано в первую очередь с постепенной детализацией правового регулирования, включением новых глав и параграфов, посвящённых специфичным областям налогообложения, таким как цифровая экономика, инвестиционная деятельность и особенности налогообложения финансовых институтов. При этом в части правового регулирования НДС говорить о кардинальных изменениях не приходится – изменения носят точечный характер и по своей природе сравнимы регулярными изменениями НК РФ в части правого регулирования НДС.

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь в конце XX – начале XXI веках

Аналогично и в Беларуси после распада СССР был принят Закон Республики Беларусь от 19 декабря 1991 г. № 1319-XII «О налоге на добавленную стоимость» [16], который по своей сути повторял положения аналогичных законов РФ и РК. В частности, данный закон тоже не был достаточно объемным – он содержал всего 18 статей. С другой стороны, данный закон действовал вплоть до 2010 года, когда в России и Казахстане в это время полноценно функционировали налоговые кодексы.

Данный закон прекратил свое действие в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 29.12.2009 № 72-З «О введении в действие Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь, внесении изменений и дополнений в Общую часть Налогового кодекса Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам налогообложения» [17], который осуществлял полноценное регулирование порядка взимания и уплаты НДС. В частности, НК РБ в сравнении с Законом от 1991 года № 1319-XII наиболее детально определяет, например, объект налогообложения НДС, место реализации товаров, а также работ и услуг, основания для освобождения от уплаты и НДС и многое другое.

Дополнительно стоит отметить, что НК РБ, как и НК РФ, действует до сих пор несмотря на то, что претерпели большое количество изменений.

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Киргизской Республике в конце XX – начале XXI веках

Если говорить про историю развития НДС в Киргизии, то стоит начать с того, что сперва в данном государстве был принят Закон Республики Киргизия от 17 декабря 1991 года № 660-XII «О налогах с предприятий, объединений и организаций» [18]. Примечательно, что в Киргизии отсутствовал закон, регулирующий только порядок взимания и уплаты НДС, как это было тогда в России, Казахстане и Белоруссии.

С другой стороны, Закон Республики Киргизия № 660-XII все же не имел принципиальных отличий от выше рассмотренных законов, принятых в декабре 1991 года в РФ, РБ и РК, – Глава III «Налог на добавленную стоимость» содержала всего 8 статей, что было вовсе недостаточно для полноценного регулирования порядка взимания и уплаты НДС.

В последующем был принят Налоговый кодекс Киргизской Республики от 7 октября 2008 года № 230 [19], который содержал в себе Раздел IX «Налог на добавленную стоимость», состоящий из 6 Глав. Данный Налоговый Кодекс соответствовал законодательным трендам государств постсоветского пространства в части регулирования НДС.

Однако уже 18 января 2022 года был принят Налоговый Кодекс Кыргызской Республики № 3 [20]. Новый Налоговый кодекс Кыргызской Республики привнес существенные изменения по сравнению с прежним кодексом 2008 года. Основные новшества охватывают широкий спектр вопросов, направленных на совершенствование налоговой системы и адаптацию к современным экономическим реалиям:

– автоматизированные процессы: внедрение электронных платформ для подачи налоговых деклараций и осуществления платежей снижает административную нагрузку на бизнес и государственные органы;
– повышенная ответственность: ужесточились санкции за нарушение налогового законодательства, включая штрафы и уголовную ответственность;
– поддержка малого и среднего бизнеса: введены специальные налоговые режимы, направленные на поддержку малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, снижающие налоговую нагрузку и упрощающие процедуру учёта;
– особенности обложения экспорта: предусмотрены налоговые льготы для компаний, инвестирующих в развитие производства и экспортирующих продукцию;
– соответствие мировым нормам: кодификация проведена с учётом рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и других международных организаций, что повышает привлекательность Кыргызстана для иностранных инвесторов;
– и многое другое.

Кроме этого, Налоговый Кодекс 2022 года обеспечил развитие правового регулирования порядка взимания и уплаты НДС [21]. В частности, оптимизация процессов осуществления вычетов по НДС, установление дифференцированной шкалы ставок для отдельных товаров, работ и услуг, электронное администрирование и многое другое.

По состоянию на сегодняшний день правовое регулирование НДС в Киргизии, как и в России, соответствует международным принципам и стандартам, обеспечивает международную интеграцию.

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Армения в конце XX – начале XXI веках

Наконец, Закон Республики Армения «О налоге на добавленную стоимость» от 30 июня 1993 года являлся первым актом, устанавливающим налоговую систему страны в сфере косвенного налогообложения. Этот закон стал основой формирования налоговой политики в переходный период от советской плановой экономики к рыночным отношениям.

Переход к новым экономическим условиям потребовал внесения существенных изменений в первоначальные нормы. В результате, 14 мая 1997 году был принят новый Закон Республики Армения «О налоге на добавленную стоимость» [22], вносившие следующие изменения в части правового регулирования НДС:

– расширен перечень облачаемых НДС операций;
– усовершенствована процедура проверки правильности исчисления налога, расширены полномочия контролирующих органов.
– установление специальных режимов налогообложения для малых предприятий и микропредприятий, упростивших процесс налогообложения и снизившие административную нагрузку;
– и другое.

Таким образом, оба закона существенно различались по своему содержанию и назначению, отражая эволюцию экономических отношений и потребности государства в развитии эффективной налоговой системы.

Далее, 4 октября 2016 года в РА был принят полноценный Налоговый Кодекс [23]. Его принятие было обусловлено необходимостью усовершенствовать действующую налоговую систему, соответствовать требованиям международных стандартов. В частности, НК РА обеспечил:

– создание единой и кодифицированной системы налогообложения – до принятия кодекса налоговое законодательство Армении состояло из множества отдельных законов и постановлений, что создавало путаницу и затрудняло соблюдение норм как для налогоплательщиков, так и для контролирующих органов;
– соответствие международным стандартам;
– снижение издержек при налоговом администрировании – снижение административной нагрузки на налогоплательщиков путем сокращения количества форм отчетности, ускорения обработки документации и расширения возможностей электронного документооборота;

– повышение эффективности сбора налогов – совершенствование механизмов контроля и мониторинга, что позволяет государственным органам эффективнее собирать налоги, минимизировать риски уклонения от уплаты налогов;
– развитие информационной инфраструктуры и распространение цифровых технологий;
– и другое.

Исходя из сказанного, принятие Налогового кодекса Армении в 2016 году стало важной частью общего курса реформ, направленных на обновление и модернизацию налоговой системы, повышение её эффективности.

Таким образом, история возникновения НДС в странах ЕАЭС характеризуется значительной схожестью. Сразу после распада СССР Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия и Армения начали формировать собственную налоговую систему, основанную на общем опыте советского прошлого и заимствовании лучших практик Запада.

Первоначально каждое государство приняло отдельные законы о НДС, похожие друг на друга как по структуре, так и по механизму взимания налога. Например, в России, Беларуси и Казахстане аналогичные законы были приняты почти одновременно (в декабре 1991 года), что свидетельствует о совпадении взглядов на организацию налогообложения.

Со временем возникла необходимость систематизировать налоговое законодательство, что привело к появлению налоговых кодексов. Во всех пяти государствах произошло объединение ранее разрозненных законов в единый кодекс, позволяющий создать более эффективное и прозрачное налоговое администрирование.

Хотя в каждом государстве существуют небольшие отличия в порядке исчисления и уплаты НДС, общая логика развития налога остаётся похожей.

Таким образом, можно утверждать, что история становления НДС в странах ЕАЭС действительно имеет много общего, что связано как с общей историей и культурным наследием, так и с параллельным процессом адаптации налоговой системы к условиям рыночной экономики.

В результате проведенного сравнительно-правового исследования автор настоящей работы приходит к выводу, что развитие НДС в государствах-участников ЕАЭС имеет много общего:

– данные государства имеют общее прошлое в части становления и развития налога с оборота в СССР в XX веке;
– Россия, Белоруссия, Киргизия, Армения и Казахстан после распада СССР были вынуждены в достаточно быстром темпе адаптировать свое налоговое законодательство к изменениям, связанным с переходом к рыночной экономике;
– принятые сразу после распада СССР законы указанных государств о налоге на добавленную стоимость имели много общего, принципиально подразумевали одинаковое правовое регулирование;
– по мере развития государственного управления, социально-экономических отношений в РФ, РБ, РА, РК и КР были приняты налоговые кодексы, что свидетельствует о высоком уровне развития налогового законодательства в данных государствах.

Несмотря на это, каждое государство-член ЕАЭС сохраняет самостоятельность в определении правового регулирования НДС и установлении особенностей налогообложения, что потенциально может создавать трудности для бизнеса, препятствует свободному перемещению товаров и капиталов, тормозит интеграционные процессы.

Вместе с тем, члены ЕАЭС предпринимают усилия по согласованию подходов к налогообложению, созданию одинаковых условий для бизнеса и обеспечению взаимовыгодного сотрудничества. Это проявляется в проведении совместных консультаций, разработке единых методик подсчета налогов и выработке рекомендаций по дальнейшему развитию налоговой политики.

Таким образом, по мнению автора данной работы, следующим логичным этапом интеграции может быть закрепление базовых положений НДС на уровне ЕАЭС, что обеспечило бы сближение налоговых систем России, Белоруссии, Киргизии, Армении и Казахстане.

Список литературы:

[1] First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonisation of legislation of Member States concerning turnover taxes. // conventions.ru. URL: https://www.conventions.ru/directive/64/ (дата обращения: 20.02.2026).

[2] Sixth Council Directive 77/388/EEC of 17 May 1977 on the harmonization of the laws of the Member States relating to turnover taxes - Common system of value added tax: uniform basis of assessment. // EUR-Lex.europa.eu. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1977/388/oj/eng (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1968. – С. 44.

[4] Реформа 1929-1931: соотношение прямых и косвенных налогов. // Учебные материалы. URL: https://works.doklad.ru/view/jw6eYCmM_Pw/2.html (дата обращения: 20.02.2026).

[5] Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. Положение о налоге с оборота предприятий обобществленного сектора. 2 сентября 1930 г. // Распубликовано в № 245 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 5 сентября 1930 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352348-postanovlenie-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-polozhenie-o-naloge-s-oborota-predpriyatiy-obobschestvlennogo-sektora-2-sentyabrya-1930-g (дата обращения: 20.02.2026).

[6] Налоговое право. Особенная часть : Учебник для вузов / С.Г. Пепеляев, П.А. Попов, А.А. Косов и др. ; под ред. С.Г. Пепеляева. – М. : Просвещение, 2017. С. 308 – 310.

[7] Письмо Минфина России от 3 июля 2023 г. № 03-07-14/61587. // КонтурНорматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=452372 (дата обращения: 20.02.2026).

[8] Закон РФ «О налоге на добавленную стоимость» от 06 декабря 1991 года № 1992-1 (утратил силу с 01 января 2001 года) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159/ (дата обращения: 20.02.2026).

[9] Sixth Council Directive 77/388/EEC of 17 May 1977 on the harmonization of the laws of the Member States relating to turnover taxes - Common system of value added tax: uniform basis of assessment. // EUR-Lex.europa.eu. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1977/388/oj/eng (дата обращения: 20.03.2026).

[10] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – N 32. – ст. 3340.

[11] Закон Республики Казахстан от 24 апреля 1995 года N 2235 О налогах и других обязательных платежах в бюджет (утратил силу с 1 января 2002 года) // Uchet Закон. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/history/Z950002235_/05.07.2001 (дата обращения: 20.02.2026).

[12] Обоюднова А. А. Налоговые инструменты сокращения экономического неравенства: сравнительно-правовой анализ / А. А. Обоюднова // Правовой альманах. 2025. № 9(49). С. 67-73.

[13] Кодекс Республики Казахстан от 10.12.2008 N 99-IV ЗРК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» (утратил силу с 1 января 2018 года) // PRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30449190&pos=14;148 (дата обращения: 20.02.2026).

[14] Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» утратил силу с 1 января 2026 года) // PRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36054980 (дата обращения: 20.02.2026).

[15] Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII // Ведомости Парламента Республики Казахстан, № 14-I (2920), 2025 г.

[16] Закон Республики Беларусь от 19.12.1991 № 1319-XII «О налоге на добавленную стоимость» (утратил силу с 1 января 2010 года) // Нормативка.by. URL: https://normativka.by/lib/document/500072369 (дата обращения: 20.02.2026).

[17] Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. №72-З «О введении в действие Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь, внесении изменений и дополнений в Общую часть Налогового кодекса Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам налогообложения» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 4, 2/1624.

[18] Закон Республики Киргизия от 17 декабря 1991 года № 660-XII «О налогах с предприятий, объединений и организаций» (утратил силу с 1 января 2009 года) // Министерство юстиции Республики Киргизия. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-851/edition/506304/ru (дата обращения: 20.02.2026).

[19] Налоговый Кодекс Кыргызской Республики от 17 октября 2008 года № 230 // Министерство юстиции Республики Киргизия. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/202445/edition/1121015/ru (дата обращения: 20.02.2026).

[20] Налоговый Кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 года № 3 // Министерство юстиции Республики Киргизия. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-39/edition/44293/ru (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Ильин А. Ю. Налогообложение крупнейших налогоплательщиков нефтегазовой отрасли: проблемные аспекты и современные тенденции развития / А. Ю. Ильин, М. М. Завьялов // Правовой альманах. – 2022. – № 9(22). – С. 9-20.

[22] Закон Республики Армения «О налоге на добавленную стоимость» от 14 мая 1997 года

(утратил силу с 1 января 2017 года) // National Assembly of the Republic of Armenia | Official Web Page. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1607&lang=rus (дата обращения: 20.02.2026).

[23] Налоговый Кодекс Республики Армения от 4 октября 2016 года // ARLIS. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/205595 (дата обращения: 20.02.2026).

References:

[1] First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonization of legislation of Member States concerning turnover taxes. // conventions.ru. URL: https://www.conventions.ru/directive/64/ (date accessed: 20.02.2026).

[2] Sixth Council Directive 77/388/EEC of 17 May 1977 on the harmonization of the laws of the Member States relating to turnover taxes - Common system of value-added tax: uniform basis of assessment. // EUR-Lex.europa.eu. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1977/388/oj/eng (date accessed: 20.02.2026).

[3] Decrees of the Soviet Government. Vol. IV. November 10, 1918 – March 31, 1919 / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, Institute of History of the USSR Academy of Sciences. – Moscow: Politizdat, 1968. – P. 44.

[4] Reform of 1929-1931: the relationship between direct and indirect taxes. // Study materials. URL: https://works.doklad.ru/view/jw6eYCmM_Pw/2.html (accessed: February 20, 2026).

[5] Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars. Regulations on the turnover tax of enterprises in the socialized sector. September 2, 1930 // Published in No. 245 of the Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of September 5, 1930 // Electronic library of historical documents. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352348-stananov-lenie-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-polozhenie-o-naloge-s-oborota-predpriyatiy-obobschestvlennogo-sektora-2-sentyabrya-1930-g (Accessed: 20.02.2026).

[6] Tax Law. Special Part: Textbook for Universities / S.G. Pepeliaev, P.A. Popov, A.A. Kosov, et al.; edited by S.G. Pepeliaev. – M.: Prosveshchenie, 2017. Pp. 308–310.

[7] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated July 3, 2023, No. 03-07-14/61587. // KonturNormativ. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=452372 (accessed: February 20, 2026).

[8] Law of the Russian Federation "On Value Added Tax" dated December 6, 1991, No. 1992-1 (repealed effective January 1, 2001) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159/ (accessed: February 20, 2026).

[9] Sixth Council Directive 77/388/EEC of 17 May 1977 on the harmonization of the laws of the Member States relating to turnover taxes - Common system of value-added tax: uniform basis of assessment. // EUR-Lex.europa.eu. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1977/388/oj/eng (accessed: 20.03.2026).

[10] Tax Code of the Russian Federation (part two) of 05 August 2000 No. 117-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2000. - No. 32. - Art. 3340.

[11] Law of the Republic of Kazakhstan of 24 April 1995 No. 2235 On taxes and other mandatory payments to the budget (repealed effective 1 January 2002) // Uchet Law. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/history/Z950002235_/05.07.2001 (date of access: 20.02.2026).

[12] Obojudnova A. A. Tax instruments for reducing economic inequality: a comparative legal analysis / A. A. Obojudnova // Legal almanac. 2025. No. 9 (49). Pp. 67-73.

[13] Code of the Republic of Kazakhstan dated 10.12.2008 N 99-IV ZRK "On taxes and other mandatory payments to the budget (Tax Code)" (repealed effective January 1, 2018) // PRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30449190&pos=14;148 (accessed: 20.02.2026).

[14] The Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017 No. 120-VI "On Taxes and Other Mandatory Payments to the Budget (Tax Code)" has ceased to be effective as of January 1, 2026) // PRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36054980 (accessed: 20.02.2026).

[15] Tax Code of the Republic of Kazakhstan dated July 18, 2025 No. 214-VIII // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, No. 14-I (2920), 2025.

[16] Law of the Republic of Belarus dated December 19, 1991 No. 1319-XII "On Value Added Tax" (repealed effective January 1, 2010) // Normativka.by. URL: https://normativka.by/lib/document/500072369 (accessed: February 20, 2026).

[17] Law of the Republic of Belarus of December 29, 2009 No. 72-Z "On the Entry into Force of the Special Part of the Tax Code of the Republic of Belarus, Amendments and Supplements to the General Part of the Tax Code of the Republic of Belarus and the Repeal of Certain Legislative Acts of the Republic of Belarus and Their Individual Provisions on Taxation Issues" // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus, 2010, No. 4, 2/1624.

[18] Law of the Republic of Kyrgyzstan of December 17, 1991 No. 660-XII "On Taxes from

Enterprises, Associations and Organizations" (repealed effective January 1, 2009) // Ministry of Justice of the Republic of Kyrgyzstan. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-851/edition/506304/ru (accessed: February 20, 2026).

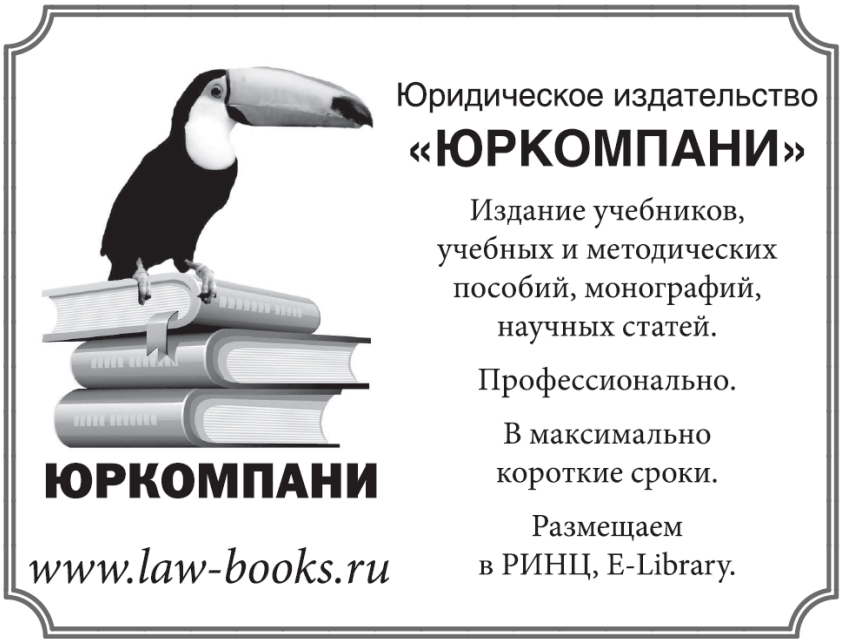
[19] Tax Code of the Kyrgyz Republic of October 17, 2008, No. 230 // Ministry of Justice of the Republic of Kyrgyzstan. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/202445/edition/1121015/ru (date of access: February 20, 2026).

[20] Tax Code of the Kyrgyz Republic of January 18, 2022, No. 3 // Ministry of Justice of the Republic of Kyrgyzstan. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-39/edition/44293/ru (date of access: February 20, 2026).

[21] Ilyin A. Yu. Taxation of the largest oil and gas taxpayers of the legal industry: problematic aspects and modern development trends / A. Yu. Ilyin, M. M. Zavyalov // Legal Almanac. - 2022. - No. 9 (22). - P. 9-20.

[22] Law of the Republic of Armenia "On Value Added Tax" of May 14, 1997 (repealed effective January 1, 2017) // National Assembly of the Republic of Armenia | Official Web Page. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=-show&ID=1607&lang=rus (accessed on February 20, 2026).

[23] Tax Code of the Republic of Armenia of October 4, 2016 // ARLIS. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/205595 (accessed on February 20, 2026).

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-53-57

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ «ГРУППЫ РИСКА»

Аннотация. *История социальных служб помощи уходит корнями в историю милосердия и благотворительности. Важнейшей частью социальной помощи детям является педагогическая составляющая, связанная с воспитанием и образованием ребенка. Дети «группы риска» нуждается в специально организованной, профессиональной социально-педагогической помощи, заключающейся в выявлении, определении и разрешении проблем ребенка с целью реализации и защиты его прав на полноценное развитие и образование.*

Ключевые слова: *дети «группы риска», социальная помощь, депривация, реабилитация, социализация.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

SOCIAL ASSISTANCE TO CHILDREN AT RISK

Annotation. *The history of social assistance services is rooted in the history of charity and benevolence. The most important part of social assistance to children is the pedagogical component, which is related to the upbringing and education of children. Children at risk need specially organized, professional social and pedagogical assistance, which consists in identifying, determining, and resolving the problems of children in order to implement and protect their rights to full development and education.*

Key words: *at-risk children, social assistance, deprivation, rehabilitation, socialization.*

Современный кризис, охвативший общество, характеризуется усилением социальной отчуждённости среди молодёжи, всё большим распространением в детской среде саморазрушающего поведения, что приводит к росту преступности, проституции, наркомании, алкоголизма среди подростков.

По данным ООН, около 30% всех молодых людей принимают участие в противоправных действиях, а 5% - совершают преступления - это так называемые подростки, или, иначе, педагогически запущенные дети «группы риска».

В настоящее время социальное сиротство стало одним из позорнейших явлений нашего общества. В детских домах и интернатах растет более полумиллиона детей. Самое страшное в сиротстве то, что одиночество ребенка резко ломает его развитие как социального существа и как личности. По отношению к таким детям есть понятие как материнская депривиация, что означает никому ненужность. Это ставит требующую безотлагательного решения проблемы оказания комплексной социально-педагогической помощи практически всем категориям детей.

Анализ опыта развития социальной помощи детям показывает, что такая помощь принципиально отличается от социальной работы с любыми категориями взрослого населения. Важнейшей частью социальной помощи детям является педагогическая составляющая, связанная с воспитанием и образованием ребенка, содействием в его развитии и успешной социализации. То есть деятельность, направленная на оказание социальной помощи детям, - это всегда социально-педагогическая деятельность.

Социально-педагогическая деятельность как разновидность педагогической деятельности имеет как общие черты, так и отличительные особенности.

Человек часто оказывается в ситуации, выражающей необходимость изменять себя, либо среду, либо то и другое, то есть человек оказывается перед необходимостью адаптироваться к изменившимся условиям.

Такого рода проблемные ситуации возникают в жизни каждого человека даже в условиях социальной и экономической стабильности.

Основной отличительной особенностью социально-педагогической деятельности является то, что потребность в ней возникает тогда, когда у индивида, личности, группы складывается проблемная ситуация во взаимоотношениях со средой.

Что же касается категории - дети «группы риска», к которой обычно относят детей из неблагополучных семей, плохо успевающих в школе, характеризующихся различными проявлениями девиантного поведения и т. д., то эта категория является неофициальной. Внимание к ней возросло только в последнее время.

Понятие дети «группы риска» может считаться сегодня общепринятым, однако существуют различные его трактовки, поэтому оно нуждается в уточнении и развитии.

Слово риск означает возможность, большую вероятность чего-либо, как правило, негативного, нежелательного, что может произойти или не произойти. Поэтому, когда говорят о детях «группы риска», подразумевается, что эти дети находятся под воздействием некоторых нежелательных факторов, которые могут сработать или не сработать.

Фактически речь идет о двух сторонах риска. С одной стороны, это риск для общества, который создают дети данной категории. Следует отметить, что понятие «группа риска» появилось ещё в советский период именно в контексте приоритета общественных интересов. Это понятие позволяло выделять категории людей, семей, поведение которых могло представлять определенную опасность для окружающих и общества в целом, поскольку противоречило общепринятым нормам и правилам.

Однако в последнее время эта категория детей рассматривается специалистами, прежде всего с точки зрения того риска, которому постоянно подвергаются они сами: риска потери жизни, здоровья, нормальных условий для полноценного развития и т.д.

Разные ученые выделяют различные группы факторов, позволяющих отнести детей и подростков к данной категории.

Олиференко Л.Я., Шульга Т.И., И.Ф. Дементьева считают, что под понятием дети «группы риска» следует подразумевать следующие категории детей.) [4; С. 128]: 1. дети с проблемами в развитии, не имеющими резко выраженной клинико-патологической характеристики; 2. дети, оставшиеся без попечения родителей в силу разных обстоятельств; 3. дети из неблагополучных, асоциальных семей; 4. дети из семей, нуждающихся в социально-экономической и социально-психологической помощи и поддержке; 5. дети с проявлениями социальной и психолого-педагогической дезадаптации.

Таким образом, основная отличительная особенность детей группы риска заключается в том, что формально, юридически они могут считаться детьми, не требующими особых подходов (у них есть семья, родители, они посещают обычное образовательное учреждение), но фактически в силу причин различного характера, от них не зависящих, эти дети оказываются в ситуации, когда не реализуются в полной мере или вообще попираются их базовые права, закрепленные Конвенцией ООН о правах ребенка и другими законодательными актами. Сами дети своими силами не могут разрешить эти проблемы.

Однако необходимо признать, что оказание такого рода помощи - очень сложный и длительный процесс. Изменить ребенка любого возраста, который имеет отрицательный жизненный опыт, негативную оценку себя и своих возможностей, перенес различные травмы (психические, физические, сексуальные), испытывал недостаток любви и заботы со стороны родителей - чрезвычайно трудно. Это требует особых знаний, владения специфическими методами и приемами, требует особой организации, объединяющей многих специалистов разного профиля и позволяющей выявлять, определять и разрешать проблемы таких детей.

Список литературы:

[1] Блонский, П.П. Избранные педагогические произведения. — М.: «Академия педагогических наук РСФСР», 1961.

[2] Макаренко, А.С. Собрание сочинений в четырёх томах. — М.: «Правда», 1987.

[3] Олиференко Л.Я., Шульга Т.И., Дементьева И.Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учебное пособие для студентов вузов М. : Academia, 2002, 256 с.

[4] Шацкий, С.Т. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1980.

[5] Вилкова А.В. Предпосылки, условия и основания снятия судимости: перспективы законодательного совершенствования института / Зинин Г.Ю., Вилкова А.В. Военное право. 2018. № 1 (47). С. 204-209.

[6] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. Т. 73. № 12. С. 2.

[7] Вилкова А.В. Экстремальные психогоненные факторы, действующие на сотрудников пенитенциарных учреждений при чрезвычайных ситуациях / Образование и наука в России и за рубежом. 2017. № 5 (34). С. 66-70.

[8] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[9] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[11] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[12] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[15] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[18] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[19] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[20] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[21] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[22] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[23] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[24] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[25] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершенно-

летних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[26] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[27] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[28] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

References:

[1] Blonsky, P.P. Selected pedagogical works. - M.: “Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR,” 1961.

[2] Makarenko, A.S. Collected works in four volumes. - M.: “Truth,” 1987.

[3] Oliferenko L.Ya., Shulga T.I., Dementieva I.F. Social and pedagogical support for children at risk: Textbook for university students M.: Academia, 2002, 256 p.

[4] Shatsky, S.T. Selected pedagogical works: In 2 vols. M., 1980.

[5] Vilkova A.V. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of a criminal record: prospects for legislative improvement of the institute/ Zinin G.Yu., Vilkova A.V. Military law. 2018. № 1 (47). S. 204-209.

[6] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. T. 73. № 12. P. 2.

[7] A.V. Vilkova. Extreme Psychogenic Factors Affecting Prison Staff in Emergency Situations/Education and Science in Russia and Abroad. 2017. № 5 (34). S. 66-70.

[8] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[9] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[10] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[11] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[12] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[15] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[16] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[18] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[19] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educa-

tional environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[20] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[21] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[22] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[23] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[24] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[25] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[26] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[27] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[28] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-58-60

АЗИЕВА Петимат Зяудиновна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Чеченского государственного университета
им. А.А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛКАДЫРОВ М.Д.,
доцент кафедры «Юриспруденция»
Грозненского государственного нефтяного университета
им. акад. М.Д. Миллионщикова, к.и.н.,
e-mail: patsagova@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу содержания конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) в его нормативном закреплении и реальном воплощении. Автор исследует систему гарантий данного права, включая законодательные, организационные и экономические, выявляет существующие противоречия и пробелы в правовом регулировании. Особое внимание уделяется вопросам доступности и качества медицинской помощи в различных регионах РФ, а также проблемам финансирования системы здравоохранения. На основе анализа судебной практики и научных исследований формулируются предложения по совершенствованию механизмов реализации конституционных гарантий в сфере охраны здоровья.*

Ключевые слова: *конституционное право, охрана здоровья, медицинская помощь, гарантии прав, доступность медицинской помощи, качество медицинской помощи, финансирование здравоохранения, реализация прав, Конституция РФ.*

AZIEVA Petimat Zyaudinovna,
Assistant Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
A.A. Kadyrov Chechen State University

ABDULKADYROV M.D.,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Grozny State Petroleum University.
Academician M.D. Millionshchikova,
Candidate of Historical Sciences

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HEALTH PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the content of the constitutional right to health protection and medical care (Article 41 of the Constitution of the Russian Federation) in its normative consolidation and practical implementation. The author examines the system of guarantees for this right, including legislative, organizational, and economic ones, identifies existing contradictions and gaps in legal regulation. Particular attention is paid to the issues of accessibility and quality of medical care in different regions of the Russian Federation, as well as problems of healthcare system financing. Based on the analysis of judicial practice and scientific research, proposals are formulated for improving the mechanisms for implementing constitutional guarantees in the field of health protection.*

Key words: *constitutional right, health protection, medical care, guarantees of rights, accessibility of medical care, quality of medical care, healthcare financing, implementation of rights, Constitution of the Russian Federation.*

Конституция Российской Федерации провозгласила широчайший перечень основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, нуждающихся в полноценном обеспечении и защите. «Одно из центральных мест в основах правового положения личности в России принадлежит естественному и неотъемлемому праву каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь» (ст. 41 Конституции РФ) [1].

Оно отражает не только ценность человеческой жизни и здоровья, но и обязанность государства обеспечить необходимые условия для их сохранения. В современных условиях, характеризующихся социальной нестабильностью, экономическими кризисами, демографическими вызовами и реформами в сфере здравоохранения, вопрос реализации данного права приобретает особую актуальность.

«По мнению О.В. Лесных, право на охрану здоровья представляет собой комплексное право, включающее доступ к медицинской помощи, санитарно-эпидемиологическое благополучие и социальные гарантии в случае утраты здоровья» [2]. Такое понимание обусловливает необходимость анализа не только правовых норм, но и механизмов их реализации.

Согласно Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946 г.) здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия. Обладание высшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического и социального положения. Здоровье – высшее неотчуждаемое первостепенное благо человека, без которого в той или иной мере утрачивают значение многие другие блага. Кроме того, здоровье населения является одной из составляющих национальной безопасности государства. Именно в силу значимости этого блага государство и право охраняют его от неправомерных посягательств.

Условия развития современной России заставляют иначе, чем ранее, посмотреть на содержание, приоритеты и конкретную реализацию конституционного права на здравоохранение. В настоящее время происходит значительное увеличение части населения, нуждающейся в правовой и социальной поддержке со стороны государства, что требует сохранения, а вместе с тем существенного увеличения объема гарантий по реализации указанных прав. Право на охрану здоровья наряду с такими правами, как право на достойную жизнь, труд, образование, жилище, социальное обеспечение и социальную защиту, создание профсоюзов и т.д., относится к категории социальных прав.

Праву на здравоохранение присущи все черты и характерные особенности социальных прав: социальные права образуют составную часть системы неотъемлемых прав человека; главной характерной чертой социальных прав является то, что они призваны обеспечивать личности удовлетворение важнейших жизненных нужд, без которых не может быть и речи о нормальном человеческом бытии; социальные права являются базой формирования подлинно социального государства; реализация социальных прав становится проблематичной в условиях недостатка материальных и финансовых ресурсов.

Юридическая природа права на охрану здоровья характеризуется как социальное право, предполагающее активное участие государства в его реализации. «Как отмечает С.А. Авакьян, в отличие от гражданских прав, социальные права не могут быть реализованы без институциональной поддержки государства, поскольку они предполагают наличие позитивных обязанностей» [3].

Развитие указанных положений осуществляется через систему федерального законодательства, прежде всего, через Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Закон детализирует механизм реализации конституционного права, вводя принципы охраны здоровья, такие как соблюдение прав и свобод граждан в сфере здравоохранения, приоритет профилактики заболеваний, доступность и качество медицинской помощи (Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ).

Согласно ст. 10 Закона № 323-ФЗ, каждому гражданину гарантируется доступность медицинской помощи вне зависимости от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний, источника финансирования и иных обстоятельств. При этом медицинская помощь в рамках программ государственных гарантий оказывается бесплатно. Эти положения являются прямой реализацией конституционного требования о бесплатности базовой медицинской помощи, закреплённого в части 1 статьи 41 Конституции РФ.

Критерии качества медицинской помощи в российском законодательстве связаны с её своевременностью, эффективностью, безопасностью и удовлетворённостью пациентов. В соответствии с приказом Минздрава России от 10 мая 2017 года № 203н, утверждены единые критерии оценки качества медицинской помощи, что стало значимым шагом к стандартизации здравоохранения (Приказ Минздрава России от 10.05.2017 № 203н).

Анализ юридических гарантий также требует внимания к институциональному механизму

их реализации. Государство, его субъекты и органы местного самоуправления несут солидарную ответственность за обеспечение прав граждан в сфере здравоохранения. «Как отмечает Е.А. Лукашева, система гарантий в этой области должна сочетать нормативные механизмы с организационными и финансовыми» [4].

Согласно статье 17 Федерального закона № 323-ФЗ, органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают участие в реализации государственной политики в области охраны здоровья, формируя региональные программы и финансируя учреждения здравоохранения. Муниципалитеты, в свою очередь, участвуют в оказании первичной медико-санитарной помощи населению, включая профилактические мероприятия и санитарно-гигиеническое просвещение.

На практике реализация данных гарантий сталкивается с рядом проблем, среди которых — неравномерность доступности медицинской помощи в зависимости от региона проживания, дефицит кадров в сельской местности, а также недостаточное финансирование отдельных направлений здравоохранения. «Как указывает А.Ю. Кабышев, требуется системная корректировка законодательства и практика межбюджетного финансирования, чтобы устранить территориальное неравенство в доступе к медицинским услугам» [5].

Право на охрану здоровья в России имеет чёткое нормативное закрепление и институциональную поддержку, однако реализация данного права требует постоянного совершенствования как правовых, так и организационно-финансовых механизмов. Эффективная система гарантий невозможна без устойчивого взаимодействия между федеральными и региональными органами власти, медицинским сообществом и гражданским обществом.

Обзор законов, принятых в области здравоохранения, позволяет сделать вывод: установившаяся структура законодательства о здравоохранении в настоящее время очень неоднородна по своему составу, что обусловлено спецификой регулируемых этим законодательством общественных отношений, а также уровнем законодательной разработанности этой области. Базовая юридическая основа из фундаментальных нормативно-правовых актов в сфере охраны здоровья граждан является достаточно полной. Однако в условиях реформирования сферы здравоохранения требуется усовершенствование норм действующего законодательства и принятие новых законов, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм. и доп. по состоянию на 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Лесных О.В. Конституционное право на охрану здоровья: вопросы теории и практики. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 288 с.

[3] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебник. – М.: Норма, 2021. – 800 с.

[4] Лукашева Е.А. Права человека: проблемы теории и практики. — М.: Норма, 2010. — 384 с.

[5] Кабышев А.Ю. Социальные права граждан в Российской Федерации. — М.: Юриспруденция, 2018. — 256 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended and supplemented as of 2024)//SPS "ConsultantPlus."

[2] Lesnykh O.V. Constitutional right to health protection: questions of theory and practice. - M.: Yurlitinform, 2015. - 288 p.

[3] Avakyan S.A. Constitutional law of Russia: textbook. - M.: Norma, 2021. - 800 s.

[4] E.A. Lukasheva. Human rights: problems of theory and practice. - M.: Norma, 2010. - 384 p.

[5] Kabyshev A.Yu. Social rights of citizens in the Russian Federation. - M.: Jurisprudence, 2018. - 256 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-61-64

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье рассматривается анализ правоприменительной практики рассмотрения обращений граждан органами внутренних дел, тематика интересующих граждан вопросов, недостатки работы в данном направлении.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел, обращение, заявление, жалоба, граждане, рассмотрение, решения.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF CONSIDERATION OF CITIZENS 'APPEALS BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *The article examines the analysis of law enforcement practice of consideration of citizens' appeals by the internal affairs bodies, the topics of interest to citizens, the shortcomings of work in this direction.*

Key words: *internal affairs bodies, appeal, application, complaint, citizens, consideration, decisions.*

В вопросах рассмотрения органами внутренних дел заявлений и обращений граждан первостепенное значение имеет соблюдение и обеспечение их прав, свобод и законных интересов [1]. Поэтому весьма актуальным является осуществление ведомственного контроля за законностью и обоснованностью процессуального решения по результатам проверки сообщений о происшествиях.

В целом, анализируя практику осуществления деятельности различного рода обращениям граждан (на примере субъектов ДФО), можно оценить позитивно. Количество обращений, зарегистрированных в УГИБДД УМВД, МРЭО, ОБ ДПС ГИБДД, ЦАФАП ОДД и ИО ГИБДД УМВД и ОГИБДД на протяжении последних двух-трех лет стабильно снижается. Около 10 % от всех поступивших в УМВД России по субъектам обращений, являются запросы копий документов, либо запросы информации, в том числе по ранее написанным заявлениям, по отказным материалам, уголовным делам, просьбы снять копии при ознакомлении с материалами.

Так, рассмотренные обращения раскрывают следующую тематику интересующих людей вопросов:

– жалобы по поводу отказа в возбуждения уголовных дел;
– вопросы незаконного взимания штрафов за совершённые административные правонарушения;
– жалобы по вопросам безопасности дорожного движения;
– заявления об установке дополнительных знаков, светофоров на аварийных участках дорог, добавлении полос на автодорогах, разметок, реконструкции дорог, с жалобами на нарушения гражданами правил парковки (во дворах, на тротуарах).

Наибольшая активность граждан по вопросам регулирования сферы деятельности органов внутренних дел относится к региональным цен-

трам. Меньшая их часть поступает в поселках и отдалённых районах. Регистрируются обращения о недостатках в работе органов внутренних дел, вместе с тем, увеличивается количество обращений граждан с просьбой объявить благодарность сотрудникам полиции. Граждане и руководство организаций в письмах больше всего благодарят участковых уполномоченных полиции, сотрудников ГИБДД, следователей, оперуполномоченных.

Кроме того, поступают обращения от заявителей с благодарностью руководителям отдельных подразделений УМВД и МО МВД, ОМВД субъектов и территориальных органов за хорошо организованную работу, быстрое реагирование на просьбы граждан, связанные с угрозой их жизни, здоровья, потери имущества, за помощь в розыске близких людей и родственников, грамотную организацию охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий, обеспечение порядка на выборах.

Эффективность реагирования, полнота и объективность рассмотрения обращений граждан являются немаловажными факторами в формировании положительной оценки и доверия к деятельности сотрудников полиции. Часто сотрудники полиции получают нарекания за качество работы с обращениями граждан.

Следует отметить, что на практике имеют место факты нарушений, установленных законодательством сроков проверки по обращениям граждан, что свидетельствует об отсутствии надлежащего контроля со стороны руководства подразделений и территориальных органов внутренних дел за своевременностью их рассмотрения.

Так, в нарушении п. 91 Инструкции [4] ответы заявителям направляются в сроки, превышающие 30 суток, а иногда 60. Анализ материалов проверок по просроченным обращениям показывает, что основными причинами допущенных нарушений являются: низкий уровень знаний сотрудниками полиции требований нормативных правовых актов по данному направлению деятельности, а также халатное отношение к своим обязанностям.

К нарушениям сроков следует относить и трудности у сотрудников полиции при рассмотрении обращений граждан принятых в ходе личного приёма. Например, в нарушение п. 90 Инструкции [4] сроки рассмотрения обращений, поданных в ходе личного приёма начальникам Управления МВД России по субъектам и направленных на рассмотрение территориальному органу, исчислялись не с даты приёма, а с момента регистрации, что является причиной нарушения сроков рассмотрения по ним.

В органах внутренних дел имеются и нарушения, связанные с неполным рассмотрением обращений. Что проявляется нарушениями при подготовке мотивированных заключений по проводимым проверкам заявлений и жалоб граждан, а также недостатках в уведомлениях, направляемых заявителям.

Имеются недостатки и в процессе осуществления контактов с гражданами при рассмотрении повторных обращений. Так, при рассмотрении повторных обращений граждан сотрудники полиции не всегда корректно высказываются по поводу полученных сообщений. Имеются технические недостатки в оформлении процессуальных документов.

Встречаются недостатки и в самой процедуре рассмотрения обращений граждан. Среди них назовем возможность граждан подавать заявления в различные инстанции. Поэтому граждане направляют большое количество обращений в различные инстанции. Увеличивая документопоток. Заявления и жалобы не успевают в срок обрабатываться. В связи с этим предлагается усилить контроль за количеством доставляемых сообщений. Граждане жалуются в различные инстанции и подают заявления одновременно в органы внутренних дел различного территориального уровня (районный, городской, субъекта Федерации, МВД). Для изменения этой ситуации необходимо руководствоваться п.1 ст. 8 Федерального закона[3]следующим положением «...В случае подачи обращения одновременно в несколько органов об этом делается запись в сообщении».

Важным направлением, волнующим руководителей всех звеньев управленческой системы, продолжает оставаться укрепление ответственности и правовой грамотности среди сотрудников, осуществляющих производство по обращениям организаций, юридических лиц и граждан, а также повышение контроля за его надлежащим исполнением непосредственными руководителями.

Необходимо добиться чёткого и профессионального рассмотрения каждого первичного обращения в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России, прежде всего, в территориальных органах внутренних дел на районном уровне. Инициатором бурного развития, внедрения новых форм и методов в работе с обращениями выступает Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций [7,67].

Таким образом, практика показывает, что имеется много недостатков в работе с обращениями граждан и есть основания для проведения специальных действий по его совершенствованию.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февраля.

[3] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[4] Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[5] Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС Консультант Плюс.

[6] Административная деятельность полиции: курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. канд. юрид. наук., проф. В.А. Кудина. – М.: ДГСК МВД России, 2018. – 736 с.

[7] Зимина Е.А. Организация работы с обращениями граждан в министерстве внутренних дел России: правовая основа и основные проблемы // Научное сообщество студентов XXI столетия. М., 2017. С. 67.

[8] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[9] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[10] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[11] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[12] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[15] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[18] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[19] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[20] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практичеУ ское ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993// Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police "//Rossiyskaya Gazeta. 2011. Feb. 8.

[3] Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ "On the Procedure for Consideration of Applications of Citizens of the Russian Federation "//SPS Consultant Plus.

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 12, 2013 No. 707 "On approval of the Instruction on the organization of consideration of citizens' appeals in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "//SPS Consultant Plus.

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 29, 2014 No. 736 "On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving statements and reports of crimes, administrative offenses, incidents" in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation//SPS Consultant Plus.

[6] Police administration: lecture course. 3rd ed., Rev. and additional/ed. Cand. jurid. sciences., prof. V.A. Kudina. - M.: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 736 s.

[7] Zimina E.A. Organization of work with citizens' appeals in the Ministry of Internal Affairs of Russia: legal basis and main problems//Scientific community of students of the XXI century. M., 2017. S. 67.

[8] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[9] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[10] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[11] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[12] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[15] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[16] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[18] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[19] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[20] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-65-69

КУННУЕВА Умузахи Магомедовна,
обучающаяся первого курса,
очной формы обучения, лечебного факультета,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: uma.kunnuyeva@mail.ru

ХИЗРИЕВА Мадина Мусаевна,
обучающаяся первого курса,
очной формы обучения, лечебного факультета,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: madina.khizrieva13@gmail.com

Научный руководитель:
ГАДЖИМАГОМЕДОВА Шумайсат Солеймановна,
старший преподаватель кафедры
«Философия и гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

Соруководители:
ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия и гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАШАЕВА Аида Магомедхановна,
врач-кардиолог,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА: КАК В ИНТЕРНЕТЕ НАРУШАЕТСЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ПАЦИЕНТОВ

Аннотация. *Интенсивное развитие нейронных сетей повлекло за собой глобальные трансформации всех сфер жизни, в том числе медицины и права. И специалисты-медработники, и пациенты убеждены в многообещающем потенциале искусственного интеллекта: применение нейросетей в научных исследованиях и телемедицинских консультациях было признано чрезвычайно эффективным. Однако материалы для обучения ИИ, как и механизмы его функционирования, вызывают множество споров в обществе. Ставится под вопрос этичность использования конфиденциальной информации для получения знаний нейросетью, а зафиксированные случаи утечек данных поспособствовали эксплуатации уязвимостей интернет-систем злоумышленниками. Цель: выявление «слабых мест» в области ИИ-права, анализ нынешней Конституции РФ и законов о нейронных сетях, выдвижение способов повышения безопасности использования и обучения ИИ. Материалы и методы: системный анализ открытых литературных источников и исследований, сведений из авторитетных медиа-изданий, последующий синтез полученной информации. Результаты: формулирование методов повышения безопасности при использовании ИИ в здравоохранении. Заключение: составленные в ходе изучения темы рекомендации могут стать ценным материалом для последующих правовых изменений относительно применения нейронных сетей и их обучения.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, интернет медицинских вещей, врачебная тайна, защита данных, частная жизнь, биоэтика, право.*

KUNNUEVA Umuzakhi Magomedovna,
first-year student, full-time education, medical faculty,
FSBEI HE "Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of the Russian Federation

KHIZRIEVA Madina Musaevna,
first-year student, full-time education, medical faculty,
FSBEI HE "Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Supervisor:
GADZHIMAGOMEDOVA Shumaysat Soleimanovna,
Senior Lecturer, Department of Philosophy and Humanities,
FSBEI HE Dagestan State Medical University

Co-leaders:
KHALIKOV Abdulkhalik Sultansaidovich,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities,
FSBEI HE Dagestan State Medical University

PASHAEVA Aida Magomedkhanovna,
cardiologist

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MEDICAL SECRECY: HOW PATIENT PRIVACY IS VIOLATED ON THE INTERNET

Annotation*. The rapid development of neural networks has led to global transformations in all spheres of life, including medicine and law. Both healthcare professionals and patients are convinced of the promising potential of artificial intelligence: the use of neural networks in scientific research and telemedicine consultations has been recognized as extremely effective. However, the materials used to train AI, as well as its operating mechanisms, are the subject of considerable controversy. The ethics of using confidential information for machine learning process are being questioned and documented cases of data leaks have facilitated the exploitation of vulnerabilities in internet systems by attackers. Objective: identifying weaknesses in AI law, analyzing the current Constitution of the Russian Federation and laws on neural networks, proposing solutions for improving the security of using and training AI. Materials and Methods: A systematic analysis of open literature and research as well as information from reputable media outlets, followed by a synthesis of the obtained information. Results: The development of methods for improving the security of using AI in healthcare. Conclusion: The recommendations drawn up during the study of this topic may become valuable material for subsequent legal changes regarding the use of neural networks and their training.*

Key words*: artificial intelligence, internet of medical things, medical confidentiality, data protection, privacy, bioethics, law.*

Искусственный интеллект (далее ИИ) по праву можно признать самой выдающейся инновацией первых двух десятилетий 21 века. Современные нейронные сети, не являясь искусственным сознанием в истинном смысле данного слова, представляют собой языковые модели, обученные понимать и распознавать смыслы слов, а также генерировать текст самостоятельно, основываясь на изученных материалах. На сегодняшний день ИИ активно применяется во всех возможных отраслях жизни и прогрессирует с огромной скоростью, формируя все более логичные и сложные по своей структуре рассуждения.

Тем не менее, у ИИ, как относительно новой разработки, существует множество уязвимостей. Его внедрение создает риски утечек информации и неправомерного использования деятельности нейросети, а также неспособность государства призвать к ответственности людей, создающих

контент, противоречащий Конституции УК РФ. Являясь полезным инструментом для медработников, ИИ способен создать угрозу раскрытия сведений, составляющих врачебную тайну отдельных пациентов, что весьма опасно для социума в связи с нарушением врачебной этики, без которой медицинская практика невозможна на законодательном уровне. [1]

Целью данной статьи явилось изучение правовых нюансов взаимодействия с нейронными сетями в данный момент, в рамках действующего на территории Москвы123-ФЗ, и теоретизирование о будущем искусственного интеллекта в России после вступления в силу законопроекта «Об основах государственного регулирования применения технологий искусственного интеллекта» в 2027 году и предложение возможных решений для создания безопасной информационной среды для врачей и пациентов.[2]

Наиболее важным аспектом данного вопроса является защита данных, недопущение их распространения вне медицинских систем и надежная охрана информационных здравоохранительных структур.

Для формулирования идей по правовому регулированию искусственного интеллекта в медицинской сфере следует ознакомиться с опытом других государств и обратить внимание на принятые там меры и законы.

В данный момент конституции многих стран мира претерпевают значительные изменения в связи с возникновением ИИ. Всемирная организация здравоохранения в 2021 году выпустила «Руководство по этике и управлению ИИ в здравоохранении», согласно которому законы о применении нейросетей обязаны придерживаться принципов защита автономии человека, обеспечения благополучия и безопасности, прозрачности, ответственности и социального равенства. [3]

В США была разработана концепция «программного обеспечения в роли медицинского устройства» (SaMD). Суть этой концепции состоит в необходимости сертифицировать агентов искусственного интеллекта аналогичным сертификации медицинского оборудования и услуг образом. [4]

В Европейском Союзе был представлен законопроект «Регламент об ИИ» (AI Act), ранжирующий системы нейронных сетей по уровню опасности: чем он выше, тем строже должен вестись мониторинг действий искусственного интеллекта, тем прозрачнее должно быть его устройство. [5]

В России правовое регулирование ИИ в медицине только начинает развиваться. 18 марта 2026 года впервые был опубликован проект ФЗ «Об основах государственного регулирования применения технологий искусственного интеллекта». В нем устанавливаются следующие требования к разработке и машинному обучению:

- Обязательная маркировка ИИ-контента (фотографий, текста, видео) при публикации в интернете;
- Каждый участник взаимоотношения с искусственным интеллектом в случае генерации нарушающих закон материалов понесет наказание соразмерное своей вине в создании контента;
- Разработчикам дозволено использовать защищенные авторским правом объекты без разрешения от непосредственного правообладателя в случае, если разработчик обладает законным доступом к объекту. [6]

Безусловно, законопроект еще будет доработан и откорректирован, поскольку в текущей версии не учитываются многие детали. К примеру, защита прав пациентов, ставшая причиной написания данной статьи, совершенно не освещена, несмотря на масштабные инциденты кражи приватной жизненно-важной информации: киберпреступникам, получившим доступ к исходному коду нейросети, открываются огромные базы данных, собранных со всей мировой сети и включающих в себя секретную документацию вместе с персональной информацией госпиталей, поликлиник и прочих медицинских учреждений. [7] Данные собираются даже из трекеров самочувствия, приложений для диабетиков и перехватываются с серверов радио- и видеонянь. ИИ облегчает планирование фишинг-схем, подбор паролей и поиск «уязвимостей нулевого дня» (т.е. ненадежные фрагменты программы, обнаруженные злоумышленниками сразу после релиза приложения; более того, ограничения и правила нейросетей можно обходить с помощью специальных «промптов» (указаний), в которые хакер может вложить инструкции правонарушения или добиться изъятия необходимой ему информации. [8] Всем этим атакам в первую очередь подвергается Интернет медицинских вещей. Самые часто атакуемые устройства – это инфузионные насосы, аппараты КТ и МРТ, устройства для мониторинга состояния пациента и медицинские рабочие станции.

Среди последствий кибератак – задержки в проведении анализов и процедур, о чем сообщили 56% организаций, увеличение числа осложнений после процедур (53%), продолжительности пребывания пациентов (52%), числа переводов пациентов (44%) и даже более высокие показатели смертности (28%). [9]

Каким же образом можно обезопасить сферу здравоохранения и нивелировать негативные последствия использования ИИ?

В ходе изучения норм нейросетевого права разных стран, обзоров расследований кибер-инцидентов и нынешних стратегий цифрового развития РФ нами были выдвинуты следующие предложения:

- Создание отечественных агентов искусственного интеллекта специально для медицинских организаций, надежно защищенные и существующие в замкнутой интернет-сети здания соответствущих организаций;
- Разработка доктрины «Разделенная солидарная ответственность», предлагающая разделение субъектов медицинской помощи на медицинского оператора (клинику) и инфраструктурно-алгоритмического оператора» (разработчика ИИ и провайдера телемедицины), закрепив их солидарную ответственность за раскрытие врачебной тайны вследствие утечки данных;
- Отслеживание согласия, т.е. замена статичного бумажного ИДС на цифровую контрактную форму, заполняемую в приложении Госуслуги и позволяющую пациенту отслеживать, какая именно нейросеть в данный момент обучается на его снимках или данных, и отзывать это согласие в один клик;
- Поправки к статье 13 ФЗ-323 «Врачебная тайна». Необходимо дополнить часть 3 указанной статьи положением, согласно которому «передача сведений, составляющих врачебную тайну, провайдерам информационно-телекоммуникационных платформ и системам искусственного интеллекта для их обучения, допускается исключительно в изолированных сетях без права выгрузки данных во внешнюю интернет-среду»;
- Изменения в ФЗ-152 «О персональных данных». Ввести запрет на использование телемедицинских данных, полученных с использованием средств ИИ, в рекламных и страховых целях без создания отдельного, специального цифрового согласия через Госуслуги;
- Введение института сертификации ИИ (наподобие SaMD в США). Обязать разработчиков медицинского ИИ проходить сертификацию ФСТЭК России не только на предмет защиты каналов связи, но и на устойчивость ИИ к вышеупомянутым методам обхода ограничений.

Правовое регулирование ИИ в медицине находится в стадии становления, что требует гибкого, но надежного механизма защиты прав участников процесса. Сложная природа технологий диктует необходимость комплексного подхода: жесткие требования к безопасности должны гармонично дополняться нормами биоэтики — этическими кодексами и профессиональными стандартами врачей. Оптимальная модель регулирования призвана стимулировать технологический рост и доступность здравоохранения, одновременно минимизируя потенциальные риски. Формирование такой среды возможно лишь в рамках междисциплинарного диалога между юристами, медиками, разработчиками нейросетей и общественностью, что обеспечит ответственное внедрение инноваций для повышения качества жизни граждан [10].

Список литературы:

[1] Наумов В.Б., Незнамов А.В., Смирнова К.М. Этико-правовые принципы применения технологий искусственного интеллекта в медицине: международные стандарты и российская перспектива // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 2. С. 63-76.

[2] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция)

[3] World Health Organization. Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance. Geneva: WHO, 2021. 165 p.

[4] U.S. Food and Drug Administration. Proposed Regulatory Framework for Modifications to Artificial Intelligence/Machine Learning (AI/ML)-Based Software as a Medical Device (SaMD). FDA, 2019. 20 p.

[5] European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). C0M(2021) 206 final, 2021.

[6] Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации

[7] Петрова Н.Г., Савельев А.И. Ответственность за причинение вреда системами искусственного интеллекта в здравоохранении: проблемы и перспективы регулирования // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 1. С.45-57.

[8] Лебедев В.А., Иванова А.П. Правовые аспекты защиты персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта в медицине // Информационное право. 2022. № 4. С. 32-41.

[9] Атаки на IoT: киберпреступники угрожают пациентам и предприятиям, Infowatch

[10] Карцхия А. А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. — 2020. — № 1 (34). — С. 45-50.

[11] Морозов С.П., Владзимирский А.В., Андрейченко А.Е. Нормативно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в здравоохранении: ключевые аспекты и тенденции // Медицинское право. 2022. № 3. С.14-22.

[12] Шкарин В.В., Берсенева Е.А., Кураева В.М., Савостина Е.А. Искусственный интеллект в здравоохранении: возможности и проблемы внедрения // Вестник Росздравнадзора. 2021. № 3. С. 31-38.

References:

[1] Naumov V.B., Neznamov A.V., Smirnova K.M. Ethical and legal principles of the use of artificial intelligence technologies in medicine: international standards and Russian perspective//Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. 2023. № 2. S. 63-76.

[2] Federal Law “On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data” of 24.04.2020 N 123-FZ (latest edition)

[3] World Health Organization. Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance. Geneva: WHO, 2021. 165 p.

[4] U.S. Food and Drug Administration. Proposed Regulatory Framework for Modifications to Artificial Intelligence/Machine Learning (AI/ML)-Based Software as a Medical Device (SaMD). FDA, 2019. 20 p.

[5] European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). C0M(2021) 206 final, 2021.

[6] On the basics of state regulation of the areas of application of artificial intelligence technologies in the Russian Federation

[7] Petrova N.G., Savelyev A.I. Liability for harm by artificial intelligence systems in healthcare: problems and prospects for regulation//Medical law: theory and practice. 2023. VOL. 9. № 1. S.45-57.

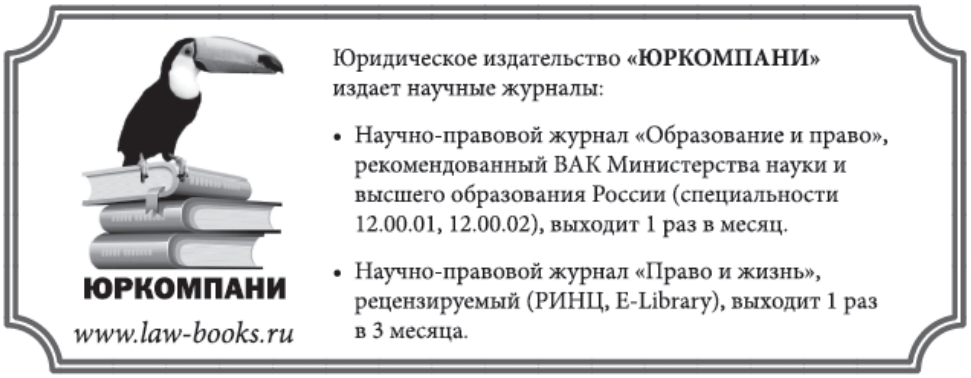
[8] Lebedev V.A., Ivanova A.P. Legal aspects of personal data protection when using artificial intelligence systems in medicine//Information law. 2022. № 4. S. 32-41.

[9] IoT Attacks: Cybercriminals Threaten Patients and Businesses, Infowatch

[10] Karzhia A. A. Artificial intelligence as a means of management in the face of global risks// Monitoring enforcement. — 2020. — № 1 (34). - S. 45-50.

[11] Morozov S.P., Vladzimirsky A.V., Andreichenko A.E. Regulatory regulation of the use of artificial intelligence in healthcare: key aspects and trends//Medical law. 2022. № 3. S.14-22.

[12] Shkarin V.V., Berseneva E.A., Kuraeva V.M., Savostina E.A. Artificial intelligence in healthcare: opportunities and problems of implementation//Bulletin of Roszdravnadzor. 2021. № 3. S. 31-38.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-70-76

ИВАЩЕНКО Елена Аркадьевна,
старший преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Краснодар,
e-mail: arkadevna@mail.ru

СКИДАН Мария Николаевна,
старший преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Краснодар,
e-mail: skidan.mascha@mail.ru

ЦИФРОВАЯ УЯЗВИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИОНИЧЕСКИХ ПРОТЕЗОВ

Аннотация. *Статья обращается к проблематике, находящейся на пересечении биомедицины, цифрового права и защиты прав человека. Затрагиваются вопросы в области защиты биометрических данных, обеспечения цифровой безопасности и формирования этических стандартов взаимодействия человека и машинных систем. Предложен к рассмотрению комплексный подход для решения проблемных моментов, обозначенных в данной работе.*

Ключевые слова: *биометрия, бионическое протезирование, права человека, студенты, цифровая грамотность, цифровая уязвимость, юридические вузы.*

IVASHCHENKO Elena Arkadyevna,
Senior Lecturer at the North Caucasus Branch Lebedev Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

SKIDAN Maria Nikolaevna,
Senior Lecturer at the North Caucasus Branch Lebedev Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

DIGITAL VULNERABILITY IN THE CONTEXT OF PROTECTING USERS' BIOMETRIC DATA BIONIC PROSTHESES

Annotation. *The article addresses issues at the intersection of biomedicine, digital law, and human rights protection. Issues related to the protection of biometric data, ensuring digital security and the formation of ethical standards for human-machine interaction are discussed. An integrated approach to solving the problematic issues identified in this paper is proposed for consideration.*

Key words: *biometrics, bionic prosthetics, human rights, students, digital literacy, digital vulnerability, law schools.*

Введение. Бионические протезы (также известные как миоэлектрические или биоэлектрические) - это современные высокотехнологичные устройства, которые частично или полностью восстанавливают функции утраченной конечности, например, рук или ног. Они управляются с помощью сигналов, которые улавливаются специальными датчиками от тканей человека, после чего микропроцессор преобразует их в движения протеза. Эти протезы позволяют выполнять более сложные действия, чем механические протезы.

По данным «Steplife» (российской инновационной компании, производящей высокотехнологичные бионические протезы для взрослых и детей), ежегодно в России проводится около 70 000 ампутаций, после которых необходимо протезирование конечностей [4]. На фоне этого, российский рынок (высокотехнологичных) протезов, который является одним из крупнейших по числу пациентов, нуждающихся в протезировании, постоянно растёт. Темп роста оценивают в 20-25% в год [1]. По данным Минтруда РФ, порядка 1,5 млн граждан с инвалидностью каж-

дый год обеспечиваются техническими средствами реабилитации за счет федерального бюджета [6]. При этом оценивается, что только около 0,1% населения России нуждается в качественных протезах, и не более 10% этой потребности удовлетворяется [5]. В настоящее время намечается тенденция роста производства высокотехнологичных протезов, что сопряжено с некоторыми неочевидными на данный момент рисками.

Пользователи бионических протезов являются достаточно уязвимой категорией населения, нуждающейся в правовой защите, в частности - в сфере защиты личных данных, поскольку протезы считывают информацию, исходящую из нервной системы человека, которая передается в «мозг» протеза (то есть, на компьютер). Основной массив данных - это биоэлектрические сигналы. Они являются уникальным биометрическим идентификатором, такими же, как отпечатки пальцев. Современные модели протезов могут иметь встроенный GSM-модуль, который необходим для удаленного мониторинга состояния устройства. Это позволяет собирать данные об использовании протеза, его местоположении и активности пользователя. Также некоторые производители предлагают опцию встроенного чипа, наподобие банковской карты - для бесконтактной оплаты.

В результате этого могут возникнуть риски, связанные со сбором конфиденциальной информации (несанкционированный доступ, утечка данных и их использование против воли пользователя протеза). Данная информация может быть украдена, передана третьим лицам (например, взломщик сможет получить контроль над движениями конечностей человека, использовать его уникальные биометрические параметры в противоправных целях) [2,3].

В открытой судебной практике Российской Федерации на сегодняшний день отсутствуют прецеденты, в которых бионические протезы рассматривались бы как средство неправомерного доступа к биометрическим данным. Вместе с тем, в делах, связанных с использованием и обслуживанием бионических и электронных протезов, постепенно формируется правовой пласт, затрагивающий вопросы защиты персональных и биометрических данных, а также необходимость нормативного регулирования интерфейсов и каналов связи медицинских устройств.

Таким образом, с учетом развития технологий в сфере протезирования, тенденции к увеличению пользователей бионических протезов в России и ввиду отсутствия достаточной правовой базы для регулирования спорных вопросов, где затрагиваются права лиц с бионическими протезами, одной из более острых проблем является безопасность частной жизни людей, являющихся их пользователями.

Методы и организация исследования. В основу работы положен теоретический анализ научно-методической литературы, интернет-источников, и материалов открытой судебной практики Российской Федерации. Работа была проведена с целью содействия формированию безопасного цифрового будущего, в котором технологии бионического протезирования укрепляют, а не подрывают права человека. В контексте защиты биометрических данных сделан акцент на повышение цифровой грамотности пользователей и разработку этических стандартов, гарантирующих неприкосновенность личности в мире человеко-машинных интерфейсов.

Целью данной работы являлось создание междисциплинарной площадки для изучения и правового сопровождения вопросов, связанных с защитой биометрических данных пользователей бионических протезов, через взаимодействие юридических вузов, профессиональных сообществ и организаций, представляющих интересы людей с ограниченными возможностями, с опорой на принципы служения, этики и цифровой безопасности.

Задачи:

1. Произвести первичный анализ правовых рисков, связанных с использованием бионических протезов, включая вопросы хранения и обработки биометрических данных.
2. Наметить пути совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере биомедицинских технологий.
3. Внести предложения по организации образовательных и просветительских мероприятий для студентов юридических вузов, направленных на формирование компетенций в области правовой защиты пользователей медицинских и кибернетических устройств.
4. Предложить вариант организации волонтерской деятельности для юридической поддержки людей с бионическими протезами при взаимодействии вузов с государственными структурами и общественными организациями.
5. Содействовать развитию этической и правовой культуры обращения с персональными и биометрическими данными в условиях растущей цифровизации медицины и реабилитации.

При выборе стратегии вмешательства необходимо начать с анализа правовых рисков, связанных с использованием бионических протезов,

что предполагает исследование правовых рисков, возникающих с внедрением и эксплуатацией бионических протезов, оснащённых цифровыми интерфейсами и функциями сбора, хранения и передачи биометрических данных пользователей.

В фокусе внимания находятся вопросы разграничения ответственности между производителями, операторами данных, медицинскими организациями и самими пользователями, а также потенциальные угрозы неправомерного доступа к персональной и биометрической информации.

В рамках данного проекта задача решалась посредством изучения доступной судебной практики Российской Федерации и результатов литературного анализа. Использовались данные, представленные в открытом доступе на портале Судебной системы РФ (sudrf.ru), в обзорах и тематических подборках по ключевым словам «бионический протез» в социальной сети для юристов «Закон.ру», материалы СМИ, академические публикации и правовые обзоры по правовым аспектам IT-интерфейсов и протезирования (CyberLeninka).

По данным мониторинга судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в открытых источниках отсутствуют прецеденты, в которых бионические протезы можно использовать как средство неправомерного доступа к биометрическим системам или как инструмент киберпреступления. Вместе с тем, отмечается рост числа дел, где обсуждаются вопросы цифровой безопасности медицинских устройств, нарушения конфиденциальности персональных данных пациентов и прав пользователей при передаче информации через электронные интерфейсы.

В научной и правовой литературе подчёркивается необходимость системного подхода к регулированию биомедицинских технологий как сферы, объединяющей медицину, информационное право и защиту прав человека. Указывается, что действующая нормативная база РФ (ФЗ-152 «О персональных данных», ФЗ-323 «Об основах охраны здоровья граждан», а также акты в области технического регулирования медицинских изделий) не содержит специальных положений, учитывающих особенности бионических протезов как источников биометрической информации и как возможных объектов кибервоздействия.

Проведённый анализ показал, что правовые риски, связанные с использованием бионических протезов, лежат преимущественно в сфере цифровой безопасности и защиты персональных данных, а не в непосредственном функционале устройств. Отсутствие специальных норм, регулирующих обращение биометрических данных, получаемых с медицинских интерфейсов, создаёт зону неопределённости в вопросах ответственности и правовой защиты пользователей. Кроме того, наблюдается отставание правоприменительной практики от технологического развития: суды рассматривают споры, связанные с медицинскими устройствами и данными пациентов, но не выделяют бионические протезы как особый объект правового регулирования. В связи с этим становится актуальной разработка правовых механизмов идентификации, сертификации и кибербезопасности бионических систем, а также закрепление за пользователем права на контроль и ограничение обработки его биометрических данных.

В рамках разработки предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере биомедицинских технологий считаем целесообразным создать комплексную научную группу, в которую войдут действующие специалисты в области права, представители государственных и общественных организаций, занимающихся вопросами лиц, использующих бионические протезы, а также студентов юридических вузов (в рамках учебных практик и практик по специализации). Силами указанной комплексной научной группы предполагается проводить системный анализ действующего законодательства Российской Федерации и подзаконных актов, регулирующих использование биомедицинских технологий, в том числе бионических протезов и связанных с ними цифровых интерфейсов. Особое внимание необходимо уделять вопросам защиты персональных и биометрических данных пользователей, правового статуса операторов данных, а также ответственности производителей и поставщиков устройств.

Основные этапы работы по указанному направлению можно представить следующим образом:

1. Анализ федеральных законов, постановлений и ведомственных актов, касающихся обращения медицинских изделий с цифровыми компонентами и обработки биометрических данных.
2. Сравнительное изучение международных стандартов и практик правового регулирования в данной сфере (ЕС, США, Япония).
3. Подготовка аналитического отчета о выявленных правовых пробелах и потенциальных рисках цифровой уязвимости пользователей бионических протезов.
4. Формирование предложений по внесению изменений и дополнений в действующие нормативные акты, направленных на усиление правовой защиты граждан.
5. Представление результатов для экспертного обсуждения в государственных и общественных организациях, занимаю-

щихся вопросами инвалидов, медицинского права и цифровой безопасности, а также в юридических вузах - партнёрах проекта.

В связи с этим, ожидаемым результатом следует считать подготовленный аналитический документ с конкретными предложениями по совершенствованию правового регулирования, отражающими баланс между развитием технологий, правами человека и требованиями цифровой безопасности. Результаты планируется использовать для проведения образовательных мероприятий, экспертных дискуссий и публикаций в научных и общественных изданиях.

Организация образовательных и просветительских мероприятий для студентов юридических вузов предусматривает проведение цикла мероприятий, направленных на формирование у студентов юридических компетенций в области правового регулирования биомедицинских технологий и защиты биометрических данных. Обучение будет строиться на принципах междисциплинарности, объединяя правовые, этические и технологические аспекты темы.

Основные этапы работы по указанному направлению:

1. Разработка и утверждение программы учебно-практических модулей («Бионическое право», «Цифровая уязвимость и права человека», «Этика медицинских интерфейсов»).
2. Проведение лекций, мастер-классов и практических семинаров с привлечением экспертов из юридических, медицинских и технических организаций.
3. Создание онлайн-платформы с учебными материалами и кейсами судебной практики.
4. Организация конкурса студенческих проектов по тематике правовой защиты пользователей бионических протезов.

Ожидаемым результатом здесь является повышение уровня правовой и цифровой грамотности студентов, сформированные устойчивые междисциплинарные компетенции и готовность к практической работе в сфере биомедицинского права и киберэтики.

Создание волонтёрской сети юридической поддержки пользователей бионических протезов, на наш взгляд, наилучшим образом может быть организовано в виде студенческого волонтёрства и юридического служения, направленных на оказание консультационной и информационной поддержки людям с бионическими протезами. Работа будет осуществляться во взаимодействии с профильными общественными объединениями, медицинскими центрами и государственными структурами.

Основные этапы выполнения:

1. Отбор и подготовка студентов-волонтёров из юридических вузов - партнёров проекта.
2. Проведение тренингов по этике взаимодействия с людьми с ограниченными возможностями и защите персональных данных.
3. Организация юридических консультаций (онлайн и очный формат) по вопросам правового статуса бионических устройств, гарантий и страхования.
4. Создание единой базы типовых обращений и разработка методических материалов для общественных организаций.
5. Подготовка предложений по созданию постоянно действующей консультативной линии при вузе.

Ожидаемый результат в данном случае - устойчивая волонтёрская сеть, обеспечивающая юридическую и информационную поддержку пользователей бионических протезов. Повышение уровня взаимодействия юридических вузов с общественными организациями и сформированная модель социального партнёрства, основанная на ценностях служения и профессиональной этике.

Содействие развитию этической и правовой культур обращения с персональными и биометрическими данными в условиях растущей цифровизации медицины и реабилитации, как заключительная задача предлагаемого комплексного решения, должно быть направлено на формирование у студентов, специалистов и представителей общественных организаций устойчивых ценностных ориентиров и практических навыков этичного обращения с персональными и биометрическими данными.

В условиях активного внедрения бионических и цифровых технологий в медицину и реабилитацию требуется не только правовое, но и этическое осмысление границ допустимого использования данных, затрагивающих физическую и цифровую идентичность человека. Деятельность в рамках этой задачи включает проведение дискуссионных площадок, тематических круглых столов и кейс-форумов, объединяющих юристов, инженеров, медиков и представителей организаций инвалидов. Предусматривается разработка Кодекса этики обращения с биометрическими данными пользователей медицинских устройств, отражающего принципы добровольного согласия, конфиденциальности, недопустимости дискриминации и ответственности всех участников цифрового взаимодействия.

Основные этапы выполнения:

1. Изучение существующих этических кодексов в медицине, IT и биоинженерии; выделение положений, релевантных для сферы бионического протезирования.

2. Разработка проекта «Этическая хартия защиты биометрических данных пользователей медицинских устройств» с участием студентов юридических вузов и экспертов-практиков.
3. Проведение общественных обсуждений и согласование документа с представителями профильных организаций и академического сообщества.
4. Распространение результатов проекта в виде методических и образовательных материалов, включение разработанных принципов в учебные курсы и волонтёрские программы.

Ожидаемый результат: формирование основ этической и правовой культур обращения с биометрическими данными, обеспечивающих баланс между инновационным развитием технологий и защитой достоинства, автономии и прав человека. Подготовленные документы и просветительские инициативы станут инструментом для дальнейшего диалога между образовательными, медицинскими и правозащитными институтами, закрепляя за проектом роль платформы для ответственного цифрового будущего.

Резюмируя представленные выше данные, можно следующим образом сгруппировать предлагаемые нами средства и методы формирующего вмешательства:

1. Аналитическая и экспертная работа в рамках создания комплексной научной группы (анализ Федеральных Законов, сравнительный анализ международных стандартов и практик правового регулирования в сфере использования бионических протезов, выявление правовых пробелов и потенциальных рисков цифровой уязвимости пользователей бионических протезов, предложения по усилению правовой защиты граждан-представителей целевой группы, участие в экспертных дискуссиях, публикации в научных и общественных изданиях).
2. Организация образовательной деятельности: программы учебно-практических модулей, лекции, мастер-классы, практические семинары в рамках дополнительного образования либо в рамках вариативной части учебного плана, создание цифровых сервисов (например, онлайн-платформы с учебными материалами и кейсами судебной практики), конкурсы студенческих проектов по тематике правовой защиты пользователей бионических протезов.
3. Подготовка волонтёрской деятельности по избранному направлению (отбор волонтеров, проведение тренингов, организация консультаций, единая база типовых образцов, методические материалы, консультативная линия при вузе).
4. Просветительская деятельность в направлении развития этической и правовой культуры обращения с персональными и биометрическими данными в условиях растущей цифровизации медицины и реабилитации (дискуссионные площадки тематические круглые столы и кейс-форумы, Кодекс этики обращения с биометрическими данными пользователей медицинских устройств/Этическая хартия защиты биометрических данных пользователей медицинских устройств).

Важная составляющая предложенного плана работы - это мониторинг эффективности и критерии оценки качества реализации проекта. Предложенные нами варианты взаимодействия между студентами-юристами, практикующими юристами, а также пользователями бионических протезов мы предлагаем реализовывать с частотой 2 раза в месяц, оповещение о возможностях получения услуги - через социальные сети и на сайтах государственных и муниципальных учреждений социального профиля.

Оценку эффективности предполагается производить, исходя из формируемого календарного плана мероприятий, в котором также считаем необходимым изначально указывать плановые показатели охвата, длительность мероприятий и количество задействованных специалистов, организаторов и волонтеров.

Критериями качества реализации проекта предлагаем считать:

1. Количественная оценка:
- количество организованных экспертных мероприятий;
- количество участников экспертных мероприятий;
- количество публикаций в научных и общественных изданиях, рецензий и отзывов на предложения по усилению правовой защиты граждан-пользователей бионических протезов;
- количество оказанных консультаций;
- количество пользователей, получивших услуги консультации;
- количество лиц, задействованных в образовательном процессе в контексте реализации цели и задач данного проекта;
- количество студентов/слушателей, прошедших обучение по тематике правовой защиты пользователей бионических протезов;
- количество волонтеров, привлеченных к реализации консультативных услуг.

2. Качественная оценка:
- процентное соотношение удовлетворенных и неудовлетворённых качеством консульта-

ций (на основании данных анкетирования и опроса);
- обратная связь в виде отзывов от лиц, получивших консультации;
- обратная связь от экспертов (отзывы о представленных в публичном пространстве предложениях по усилению правовой защиты граждан, использующих бионические протезы, рецензии о качестве разработанных учебных и методических материалов).

Не менее важен такой вопрос, как условия финансирования и распределения ресурсов. Ввиду того, что основу деятельности по проекту составляют концепции волонтерства и обучения служением (сочетание практической юридической помощи и академического обучения, направленное на решение социальных проблем), на начальных этапах работы по проекту непосредственная оплата труда задействованных в проекте лиц не предусматривается. Предполагается, что в качестве поощрения студенты-волонтеры могут получать дополнительные баллы для начисления конкурсных стипендий и иных видов материального поощрения, преподаватели, задействованные в образовательном процессе - дополнительные баллы в контракт эффективности, сотрудники государственных и общественных организаций - согласно правилам премирования, установленным в этих организациях.

На основании договоров о сотрудничестве и в порядке взаимопомощи планируется организация мероприятий и финансирование текущих расходов заинтересованными сторонами: со стороны государства (субсидии, гранты), со стороны бизнеса (спонсорская помощь), от образовательных организаций - создание условий для организации и проведения мероприятий (предоставление помещений, организация доступа к информационно-правовым системам и т.п).

При успешной реализации данного подхода в перспективе планируется рассмотреть условия для его масштабирования и привлечения ресурсов (дополнительных денежных средств, специалистов в сфере IT), детальной проработки цифровой среды, необходимой для всесторонней реализации целей и задач данного проекта. Помимо этого, планируется продолжать работу:
- по актуализации видов данных, обрабатываемых бионическими протезами, и их правового статуса;
- по изучению механизмов правовой защиты этих данных при их сборе, передаче и хранении;
- по оценке актуальных рисков несанкционированного доступа, утечки или модификации информации, получаемой с бионических устройств и распределения юридической ответственности между участниками (производитель, оператор, медицинская организация, пользователь);
- по изучению тенденций судебной практики и экспертных мнений относительно регулирования кибербезопасности в сфере медицины и реабилитации.

Список литературы:

[1] В России значительно вырос рынок высокотехнологичных протезов [Электронный ресурс] – материалы информационного ресурса «Деловой Петербург» от 16.01.25. – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2025/11/12/tehnologicheskij-sbor-riskuet (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Василевич Д.Г. Правовые аспекты использования информационных технологий с целью компенсации физических недостатков человека // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-informatsionnyh-tehnologiy-s-tselyu-kompensatsii-fizicheskih-nedostatkov-cheloveka (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Вронская М. В., Виничук П. В. Биометрические данные как объект правовой охраны и защиты: актуальные проблемы // МНИЖ. 2024. №4 (142). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-dannye-kak-obekt-pravovoy-ohrany-i-zaschity-aktualnye-problemy (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Интервью генерального директора Steplife Ивана Худякова (Подкаст «Технологии в лицах») [Электронный ресурс] – материалы сайта компании Steplife от 15.01.25. – Режим доступа: https://steplife.ru/news/rost-sprosa-na-rynke-protezov-gendirektor-steplife-podelilsya-sekretom-vostrebovannosti-otechestvenn/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.03.2026).

[5] Рукопожатие крепкое: как развивается рынок высокотехнологичных протезов [Электронный ресурс] – материалы с сайта медиа-проекта «Эксперт» от 31.03.25. Режим доступа: https://expert.ru/promishlennost/ rukopozhatie-krepkoe/?utm_source=chatgpt.com. (дата обращения: 10.03.2026).

[6] Части тела: как рынок протезов в России пошел на взлет [Электронный ресурс] – материалы с сайта информационного агентства «РБК» от 05.02.25 Режим доступа: https://www.rbc.ru/industries/news/ 65377d919a7947c1f7a2dd21?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.03.2026).

References:

[1] In Russia, the market for high-tech prostheses [Electronic resource] has grown significantly -

materials from the Delovoy Peterburg information resource from 16.01.25. - Access mode: https://www.dp.ru/a/2025/11/12/ tehnologicheskij-sbor-riskuet (access date: 10.03.2026).

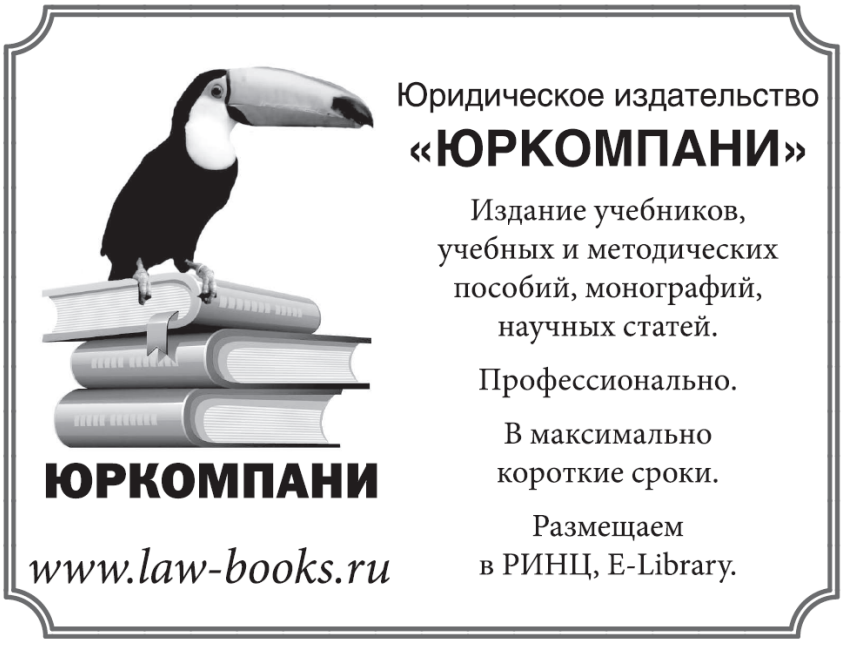
[2] Vasilevich D.G. Legal aspects of the use of information technologies in order to compensate for human physical disabilities//Rev. Sarat. University of New. ser. Ser. Economics. Management. Right. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-informatsionnyh-tehnologiy-s-tselyu-kompensatsii-fizicheskih-nedostatkov-cheloveka (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Vronskaya M.V., Vinichuk P.V. Biometric data as an object of legal protection and protection: current problems//MNIJ. 2024. №4 (142). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-dannye-kak-obekt-pravovoy-ohrany-i-zaschity-aktualnye-problemy (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Interview with Steplife CEO Ivan Khudyakov (Podcast "Technologies in Faces") [Electronic resource] - materials from the Steplife website from 15.01.25. - Access mode: https://steplife.ru/news/rost-sprosa-na-rynke-protezov-gendirektor-steplife-podelilsya-sekretom-vostrebovannosti-otechest-venn/?utm_source=chatgpt.com (accessed on: 10.03.2026).

[5] A strong handshake: how the market for high-tech prostheses is developing [Electronic resource] - materials from the website of the media project "Expert" from 31.03.25. Access mode: https://expert.ru/promishlennost/ rukopozhatie-krepkoe/?utm_source=chatgpt.com. (contact date: 10.03.2026).

[6] Body parts: how did the prosthesis market in Russia take off [Electronic resource] - materials from the website of the RBC news agency from 05.02.25 Access mode: https://www.rbc.ru/industries/news/ 65377d919a7947c1f7a2dd21? utm _ source = chatgpt.com (accessed on: 10.03.2026).

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-77-83

ЕГИАЗАРЯН Людовик Робертович,
Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
e-mail: ludovik.robertovich@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ ПРОЦЕДУР ОЦЕНКИ, МОНИТОРИНГА И КОРРЕКТИРОВКИ СТРАТЕГИЙ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОЛГОСРОЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Аннотация. *В статье исследуются правовые аспекты оценки эффективности, мониторинга и корректировки долгосрочных национальных программ в Российской Федерации. Данные процедуры рассматриваются не как техническое сопровождение управленческих решений, а как значимый элемент правового механизма обратной связи, обеспечивающий проверку реализуемости целей стратегического планирования, согласованность программных мероприятий и возможность своевременного изменения стратегических документов. На основе анализа Федерального закона № 172-ФЗ, подзаконного регулирования и методических документов раскрываются основные недостатки действующей модели.*

Ключевые слова: *стратегическое планирование, долгосрочные национальные программы, государственные программы, оценка эффективности, мониторинг, контроль, корректировка стратегических документов, публичное управление, юридическая ответственность.*

YEGIAZARYAN Ludovik Robertovich,
PhD student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

LEGAL STRENGTHENING OF PROCEDURES FOR THE EVALUATION, MONITORING AND ADJUSTMENT OF STRATEGIES AS A CONDITION FOR THE EFFECTIVENESS OF LONG-TERM NATIONAL PROGRAMMES

Annotation. *The article examines the legal aspects of evaluating the effectiveness, monitoring and adjustment of long-term national programmes in the Russian Federation. These procedures are considered not merely as technical support for managerial decision-making, but as an important element of the legal feedback mechanism that makes it possible to assess the feasibility of strategic planning objectives, ensure the coherence of programme measures, and introduce timely amendments to strategic documents. Based on an analysis of Federal Law No. 172-FZ, subordinate legislation and methodological documents, the article identifies the principal shortcomings of the existing model.*

Key words: *strategic planning, long-term national programmes, state programmes, effectiveness evaluation, monitoring, control, adjustment of strategic documents, public administration, legal responsibility.*

Эффективность долгосрочных национальных программ в Российской Федерации во многом зависит от того, насколько последовательно и юридически определенно урегулированы процедуры оценки, мониторинга и корректировки стратегических документов [4]. Российская система стратегического планирования располагает разветвленной нормативной основой, однако наличие такой основы само по себе не гарантирует согласованного и результативного применения соответствующих механизмов. На практике оценка эффективности, кон-

троль хода реализации программ и последующее изменение стратегических документов нередко сталкиваются с правовыми и организационными затруднениями, которые снижают управляемость всей системы [4].

В юридической науке стратегическое планирование все чаще рассматривается не только как управленческая технология, но и как особая правовая форма деятельности публичной власти. Через стратегические документы государство закрепляет долгосрочные цели, распределяет компетенцию между участниками управления и создает основу для бюджетного, организационного и контрольного сопровождения публичной политики. С. М. Зубарев, анализируя стратегические акты управления, указывает на их не только программно-политическое, но и правовое значение: такие документы включаются в систему публичного управления и задают ориентиры деятельности государственных органов [1]. Д. Р. Мамяшева также обращает внимание на нетипичную природу актов стратегического планирования, поскольку в них сочетаются элементы нормативных, индивидуальных и программных правовых актов [6].

Из этого следует, что оценка, мониторинг и корректировка долгосрочных национальных программ не должны восприниматься как вспомогательные административные действия. По своему функциональному назначению они образуют правовой механизм обратной связи, с помощью которого проверяется, обеспечены ли заявленные государством цели необходимыми ресурсами, организационными решениями и ответственностью исполнителей. Если такая обратная связь не имеет достаточной юридической определенности, стратегическое планирование теряет практическую направленность и рискует превратиться в декларативную форму публичной политики, не подкрепленную действенными средствами реализации.

Ключевое место в правовом регулировании стратегического планирования занимает Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Он закрепляет правовые основы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации. Значение данного закона состоит не только в установлении порядка разработки стратегических документов. Он также предусматривает их корректировку, мониторинг и контроль реализации, понимая последние как деятельность участников стратегического планирования, направленную на комплексную оценку хода и итогов исполнения соответствующих документов.

Вместе с тем системообразующая роль Федерального закона № 172-ФЗ не позволяет считать созданную им модель завершенной. В научной литературе обращается внимание на рамочный характер ряда его положений, недостаточную определенность взаимодействия участников стратегического планирования, а также на слабую юридическую связь между целями, ресурсами, показателями и ответственностью за конечный результат.

Н. М. Казанцев, рассматривая недостатки указанного закона, фактически ставит вопрос о пределах усмотрения публичной власти в сфере стратегического планирования: если оно сводится к одностороннему административному решению, то утрачивает признаки правового механизма и приобретает характер декларативного управленческого акта [5].

Федеральный закон № 172-ФЗ в этой связи следует рассматривать как базовую, но не исчерпывающую правовую конструкцию стратегического планирования. Его дальнейшее развитие особенно значимо в части процедур оценки эффективности, мониторинга и корректировки, поскольку именно эти процедуры позволяют перевести стратегический документ из состояния формально утвержденного акта в сферу реального управленческого действия.

Оценка эффективности долгосрочных национальных программ имеет многоуровневый характер. Она предполагает анализ достижения целевых показателей, выполнения основных мероприятий, кассового исполнения расходных обязательств, а также деятельности ответственных исполнителей. Методика оценки эффективности государственных программ, утвержденная Правительством Российской Федерации, исходит из комплексного подхода: сопоставляются установленные и фактически достигнутые показатели, проверяется исполнение мероприятий, оценивается выполнение расходных обязательств и качество работы ответственных исполнителей. Вместе с тем методическая проработка указанных процедур сама по себе не устраняет их правовой неопределенности. Если нормативные требования сформулированы недостаточно ясно, одни и те же оценочные инструменты могут использоваться различными органами исполнительной власти по-разному, что снижает сопоставимость результатов и ослабляет регулятивное значение самой оценки.

Особого внимания требует вопрос о юридической силе документов стратегического планирования. Она определяется правовой природой актов, которыми соответствующие документы утверждаются или одобряются. В действующей системе такими актами могут быть указы Президента Российской Федерации, постановления

Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Подобная конструкция формирует иерархию стратегических документов, различающихся по юридической силе. Одновременно она создает предпосылки для коллизий между положениями стратегических документов и нормами иных нормативных правовых актов.

Федеральный закон № 172-ФЗ предусматривает мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. На федеральном уровне соответствующие полномочия осуществляют органы, ответственные за разработку и исполнение документов стратегического планирования. В их числе находится Министерство экономического развития Российской Федерации, координирующее работу в данной сфере. На уровне субъектов Российской Федерации мониторинг и контроль осуществляются в отношении документов, утвержденных органами государственной власти соответствующих субъектов.

Более детальный порядок разработки, корректировки, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования устанавливается постановлениями Правительства Российской Федерации. Так, Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1218 определяет правила разработки, корректировки, мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период. Однако отсутствие единого базового акта, закрепляющего общие принципы и процедуры оценки, мониторинга и корректировки применительно ко всем видам долгосрочных программ, сохраняет фрагментарность регулирования и затрудняет единообразное применение соответствующих механизмов.

Мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования выполняют не только управленческую, но и гарантийную правовую функцию. Через них обеспечиваются законность, дисциплина исполнения и результативность государственной политики. С позиции юридической техники мониторинг может быть охарактеризован как система наблюдения и оценки полноты и своевременности реализации мероприятий, предусмотренных планами, посредством сбора, обобщения, систематизации и анализа информации. Контроль предполагает проверку исполнения участниками программы своих обязательств, а также предупреждение отклонений фактически выполненных работ и фактического финансирования от запланированных объемов.

Целевое назначение мониторинга и контроля состоит в предоставлении ответственным органам оперативной и обобщенной информации о реализации планов мероприятий, достаточной для принятия управленческих решений, включая подготовку необходимых изменений. К основным задачам относятся наблюдение за ходом исполнения мероприятий, проверка соблюдения ответственными исполнителями принятых обязательств, выявление рисков, способных повлиять на достижение плановых результатов, и подготовка предложений по их устранению.

Существенным элементом мониторинга является использование контрольных событий и контрольных точек. Они обозначают ключевые этапы реализации мероприятий, достижение которых должно подтверждаться документально. Эффективность реализации основных мероприятий государственных программ оценивается с учетом исполнения контрольных событий за отчетный период. Для каждого контрольного события рассчитывается максимальный коэффициент значимости на основе матричного метода анализа, что позволяет дифференцировать их влияние на итоговую оценку реализации программы.

Однако наличие контрольных событий само по себе не обеспечивает объективности оценки. А. Г. Бреусова, исследуя эффективность государственных программ, отмечает, что оценка должна использоваться не только для фиксации достигнутых показателей, но и для принятия решений о корректировке мероприятий, сроков и объемов финансирования [2]. Следовательно, контрольное событие имеет правовое и управленческое значение лишь тогда, когда оно связано с реальным результатом, а не сводится к формальному совершению административного действия.

В практической плоскости сохраняется риск подмены результата отчетной процедурой. Контрольное событие может считаться исполненным вследствие подготовки доклада, утверждения плана, проведения совещания или размещения информации в системе мониторинга. Между тем такие действия не всегда свидетельствуют о достижении общественно значимого эффекта. Поэтому при юридическом закреплении контрольных событий важно различать процедурные и результативные контрольные точки. Первые подтверждают совершение необходимых административных действий, вторые отражают достижение конкретного социально-экономического результата.

Правовое регулирование мониторинга и контроля остается недостаточно устойчивым. Нерешенными остаются вопросы распределения ответственности между участниками соответствующих процедур, юридических последствий

несвоевременного представления информации или ненадлежащего проведения контрольных мероприятий, а также гарантий защиты контролирующих субъектов от политического и ведомственного давления [4]. Дополнительную сложность создает то, что национальные проекты, государственные программы и программы развития субъектов Российской Федерации, хотя и подчинены общим принципам стратегического планирования, регулируются различными процедурами мониторинга и контроля [4].

Информационное обеспечение этих процедур также имеет самостоятельное юридическое значение. Для сбора и обработки данных используются Федеральная информационная система стратегического планирования и информационные системы управления отдельными программами. Через них ответственные исполнители представляют сведения об исполнении мероприятий и документы, подтверждающие достижение контрольных событий или контрольных точек. При этом техническая и правовая готовность таких систем к полноценному мониторингу остается неоднородной. В результате возникают информационные разрывы, снижается сопоставимость данных и ухудшается качество управленческих решений.

Оценка эффективности долгосрочных национальных программ основана на системе показателей и индикаторов, которые должны иметь нормативное закрепление и регулярно сопоставляться с плановыми значениями. Степень достижения показателей государственных программ определяется с использованием формул, позволяющих рассчитать общую оценку выполнения плановых значений в отчетном году. В такой оценке учитываются как абсолютные показатели достижения целей, так и относительные характеристики, отражающие эффективность использования ресурсов.

Методика оценки объединяет несколько взаимосвязанных блоков. Первый отражает степень достижения показателей государственной программы. Второй связан с реализацией основных мероприятий и опирается на анализ исполнения контрольных событий. Третий характеризует кассовое исполнение расходов, то есть соотношение фактически использованного и запланированного финансирования. Четвертый относится к деятельности ответственного исполнителя и позволяет оценить, насколько организация, отвечающая за реализацию программы, справилась с возложенными на нее задачами.

Проблема состоит в том, что отдельные существенные элементы методологии недостаточно определены на уровне нормативного регулирования и фактически остаются в пределах усмотрения исполнителей. Так, вес отдельных компонентов в общей оценке эффективности может зависеть от специфики программы, однако критерии установления такого веса не всегда сформулированы достаточно ясно. Кроме того, результаты оценки и их значение для последующей корректировки программ нередко интерпретируются в административном порядке, что создает риск избирательного применения оценочных процедур.

В действующей методике весовой коэффициент оценки достижения показателей программы составляет 0,4, а весовой коэффициент оценки эффективности реализации основных мероприятий — 0,3. Это означает, что данные элементы имеют сопоставимое значение для итоговой оценки. Вместе с тем для разных программ соотношение между достижением целевых показателей и исполнением мероприятий может объективно различаться с учетом характера целей, срока реализации, состава участников и особенностей финансирования. Отсутствие четких законодательных ориентиров относительно допустимости и пределов изменения весовых коэффициентов затрудняет адаптацию методики к специфике конкретных программ.

Юридическое закрепление оценки эффективности не должно исчерпываться ведомственными методическими указаниями. Основные принципы и процедуры оценки нуждаются в включении в законодательство о стратегическом планировании. В настоящее время значительная часть методологических положений содержится в приказах министерств и методических рекомендациях, имеющих подзаконный характер и способных изменяться без широкого предварительного обсуждения. Такая конструкция делает методологию нестабильной, осложняет долгосрочное планирование и создает предпосылки для политизации оценочного процесса.

Отдельную проблему образует критерий отнесения программ к категориям эффективности. Если программа признается высокоэффективной при попадании в первую четверть распределения всех программ, среднеэффективной – во вторую четверть и далее по той же логике, классификация приобретает относительный характер. При подобной модели даже при общем неудовлетворительном уровне реализации часть программ неизбежно будет признана высокоэффективной. Это способно создавать видимость благополучия и препятствовать выявлению системных недостатков государственной политики.

Корректировка стратегических документов и планов мероприятий представляет собой способ адаптации государственной политики к изме-

нившимся условиям и результатам реализации программ. Ее правовая основа содержится в Федеральном законе о стратегическом планировании, допускающем изменение документов стратегического планирования при возникновении непредвиденных обстоятельств либо при необходимости привести их в соответствие с новой социально-экономической ситуацией. Однако сами процедуры корректировки во многих случаях урегулированы недостаточно подробно, что оставляет широкий простор для усмотрения при решении вопроса о том, когда, в каком объеме и по каким основаниям должны изменяться стратегические документы.

Порядок внесения изменений в национальные проекты, программы и федеральные проекты определяется специальными методическими указаниями. Они устанавливают этапы подготовки предложений, порядок их согласования и утверждения, а также требования к документированию и обоснованию предлагаемых изменений. Согласно указанным положениям, предложения о корректировке программы подготавливаются ответственным исполнителем с опорой на результаты мониторинга и контроля. Они должны не только фиксировать предполагаемые изменения, но и раскрывать причины их внесения, а также содержать расчет ожидаемых последствий для достижения программных целей.

С правовой точки зрения действующий механизм корректировки сохраняет ряд уязвимых элементов. В первую очередь недостаточно определены критерии, по которым устанавливается сама необходимость изменения программы. При отсутствии таких критериев решение о корректировке может в значительной степени зависеть от усмотрения должностных лиц, что повышает риск политизации соответствующих процедур и их избирательного применения. Не менее значима проблема межведомственного согласования: когда порядок взаимодействия органов власти при внесении изменений описан неполно, управленческий процесс становится менее предсказуемым, а принятие решений может затягиваться. Кроме того, действующее регулирование не обеспечивает в достаточной мере защиту заинтересованных субъектов, в том числе бюджетных учреждений, общественных организаций и граждан, чьи права или законные интересы способны быть затронуты изменением программы.

Особую правовую чувствительность имеют случаи, когда корректировка ведет к снижению целевых показателей. По своему содержанию такое решение может восприниматься как отступление от ранее заявленного уровня публичных обязательств. Именно поэтому в подобных ситуациях значение приобретают процедуры уведомления, обсуждения и консультаций с общественностью; однако в действующем регулировании они закреплены недостаточно последовательно.

Риск-ориентированный подход к управлению государственными программами предполагает регулярное выявление обстоятельств, которые могут препятствовать достижению программных целей, а также разработку мер по снижению соответствующих угроз. Его практическая ценность состоит в переходе от преимущественно реактивной модели управления к более предупредительной: участники стратегического планирования получают возможность учитывать вероятные отклонения до того, как они повлияют на ход реализации программы. Вместе с тем включение риск-ориентированного подхода в механизм корректировки требует более ясной правовой регламентации. В нормативном регулировании должны быть определены процедуры оценки рисков, критерии их значимости и порядок принятия решений о корректировке с учетом результатов такой оценки.

Финансовое обеспечение корректировки программ также имеет самостоятельное правовое значение. Учет внебюджетных источников при планировании финансового обеспечения национальных проектов и государственных программ позволяет расширить ресурсную базу их реализации за счет денежных средств юридических и физических лиц, направляемых на цели, соответствующие целям таких проектов и программ. Однако использование данного инструмента требует сохранения связи между привлеченными ресурсами, установленными целевыми показателями и правовыми требованиями к прозрачности программного финансирования. Вместе с тем такая модель нуждается в дополнительных гарантиях. Должны быть определены порядок использования внебюджетных средств, механизмы контроля за их целевым направлением и правила соотнесения таких средств с бюджетными обязательствами.

Несмотря на сформированную нормативную основу стратегического планирования, процедуры оценки, мониторинга и корректировки долгосрочных национальных программ сохраняют ряд правовых недостатков. Они требуют как доктринального осмысления, так и законодательного уточнения. Наиболее общей проблемой остается фрагментарность регулирования [1]. Нормативная система складывается из Федерального закона о стратегическом планировании, постановлений Правительства Российской Федерации, ведомственных приказов, методических указаний и рекомендаций. Данные акты не всегда образуют внутренне согласованную кон-

струкцию: отдельные положения дублируются, различаются по терминологии либо не обеспечивают единого порядка действий.

Существенным недостатком является и слабая определенность юридической ответственности за ненадлежащее проведение оценки, мониторинга и корректировки. Действующее законодательство не в полной мере закрепляет последствия нарушения обязанностей по мониторингу, представления недостоверной информации или необоснованного игнорирования результатов оценки при принятии решений о корректировке программ. В такой ситуации у ведомств-исполнителей снижается стимул к своевременному и добросовестному представлению данных, а сами процедуры могут приобретать формальный характер.

Еще одна проблема связана с ограниченной прозрачностью. Хотя законодательство предусматривает размещение сведений о ходе реализации программ в открытом доступе, граждане и общественные организации не всегда получают полную, сопоставимую и пригодную для анализа информацию о фактическом исполнении программ и вносимых в них изменениях. В результате общественный контроль оказывается информационно ослабленным, а внешнее воздействие на органы власти в целях обеспечения добросовестного исполнения программ снижается.

Недостаточно урегулированы и гарантии независимости субъектов, осуществляющих мониторинг и контроль [4]. Объективная оценка хода реализации программ предполагает защиту таких субъектов от политического давления и ведомственного влияния со стороны исполнителей. Однако действующее регулирование не формирует достаточных механизмов такой защиты, что ограничивает возможность открытого выявления проблем и представления критических выводов.

Отдельный блок проблем связан с участием заинтересованных сторон в разработке, корректировке и оценке государственных программ. Международные подходы к качественному публичному управлению предполагают открытость таких процедур и проведение консультаций с представителями бизнеса, общественных организаций и граждан. Российское регулирование в этой части остается недостаточно детализированным и не содержит ясных требований к организации подобных консультаций.

Не менее значима проблема связи между результатами оценки эффективности и последующими решениями о финансировании. Процедуры оценки предусмотрены, однако последствия низкой эффективности программы, включая сокращение финансирования, перераспределение ресурсов или пересмотр мероприятий, закреплены недостаточно определенно. В результате даже программы с сомнительными результатами могут продолжать финансироваться без необходимой содержательной корректировки.

Антикоррупционная и антимонопольная составляющие процедур оценки, мониторинга и корректировки также требуют дальнейшего развития. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы предусматривал совершенствование механизмов мониторинга и контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства, однако эти механизмы пока недостаточно интегрированы в систему оценки эффективности государственных программ.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений дальнейшего развития правового регулирования оценки, мониторинга и корректировки долгосрочных национальных программ. Наиболее значимым среди них является принятие специального федерального закона, способного сформировать общую нормативную основу для оценки эффективности, мониторинга и контроля реализации различных видов долгосрочных государственных программ. Такой закон должен распространяться, в частности, на национальные проекты, государственные программы и программы развития субъектов Российской Федерации [4].

Содержание указанного закона целесообразно выстроить вокруг единого понятийного аппарата. В нем должны быть нормативно разграничены и согласованы такие категории, как оценка эффективности, мониторинг, контроль, показатели эффективности и целевые показатели. Терминологическая определенность в данной сфере имеет не только техническое значение. От нее зависит единообразие правоприменения, сопоставимость данных по различным программам и возможность последующего анализа достигнутых результатов. Вместе с тем единое регулирование не должно превращаться в жесткую унификацию: закон мог бы закреплять минимальные обязательные требования к оценке, мониторингу и корректировке программ, оставляя пространство для учета их отраслевой, территориальной и организационной специфики.

Отдельного нормативного закрепления требует вопрос об ответственности за ненадлежащее проведение оценочных и контрольных процедур. Обязанности ответственных исполнителей должны быть сформулированы достаточно определенно: они должны включать регулярное проведение мониторинга, представление достоверной информации, а также учет результатов оценки при решении вопроса о корректировке программы. Неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей должно влечь пред-

усмотренные законом последствия. К их числу могут относиться дисциплинарная ответственность должностных лиц, пересмотр объемов финансирования, а также возможность судебной проверки решений и действий, связанных с реализацией программы.

Значимым элементом предлагаемой модели является участие заинтересованных субъектов в разработке, реализации и оценке государственных программ. Открытое обсуждение самих программ и предлагаемых изменений, консультации с представителями бизнеса, общественных объединений и граждан, а также обязанность рассматривать и мотивированно учитывать поступающие замечания могут повысить качество обратной связи. Такой механизм позволяет выявлять риски и практические затруднения, которые не всегда своевременно обнаруживаются внутри системы публичного управления.

Самостоятельное значение имеет развитие судебного контроля за решениями, принимаемыми в процессе реализации и корректировки программ. Граждане и общественные организации должны располагать процессуальной возможностью оспаривать неправомерные решения органов управления в тех случаях, когда они затрагивают их права или законные интересы, что относится, в частности, к ситуациям необоснованного сокращения финансирования, нарушения процедур оценки и мониторинга либо принятия корректировок без надлежащего учета установленных требований.

Список литературы:

[1] Бражников Д.Ю. Инструменты государственного стратегического планирования в Российской Федерации в XXI веке: определение критериев эффективности // Политика и общество. 2024. №3. С. 56-74.

[2] Бреусова А. Г. Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 128–136.

[3] Гадбин А.Ю. Механизм реализации национальных проектов в Российской Федерации: от указа Президента до практического исполнения // Государственная власть и местное самоуправление № 04/2026. С. 20-34.

[4] Зубарев С. М. Стратегические акты управления в области обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 6. С. 42–51.

[5] Казанцев Н. М. Ляпсусы Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Инновации. 2018. № 8. С. 24–32.

[6] Мамяшева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 2. С. 50–59.

References:

[1] Brazhnikov D.Yu. Instruments of state strategic planning in the Russian Federation in the XXI century: determination of performance criteria//Politics and society. 2024. №3. S. 56-74.

[2] Breusova A. G. Evaluation of the effectiveness of state programs//Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2015. № 2. S. 128-136.

[3] Gadbin A.Yu. Mechanism for the implementation of national projects in the Russian Federation: from the decree of the President to practical implementation//State power and local self-government No. 04/2026. S. 20-34.

[4] Zubarev S. M. Strategic management acts in the field of ensuring national security//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2023. № 6. S. 42-51.

[5] Kazantsev N. M. Lyapsusi of Federal Law No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation “//Innovations. 2018. № 8. S. 24-32.

[6] Mamyasheva D. R. The legal nature of acts of strategic planning//Legal paradigm. 2023. VOL. 22, NO. 2. S. 50-59.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-84-88

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского
ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: Lopaeva77@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shilovtsev@mail.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И ОСВЕЩЕНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ НА ЖЕЛЕЗНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация*. В статье рассмотрен актуальный и важный вопрос, связанный с повышением безопасности и охраны труда на железнодорожном транспорте. Технологическая связь и освещение на рабочих местах оказывают большое влияние на безопасность и эффективность работы железнодорожного транспорта.*

Ключевые слова*: охрана труда, безопасность, освещение, многоканальная связь, условия труда.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,

Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera Nikolaevna,
senior lecturer of the philosophy department,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support of State and
Municipal AdministrationUral Federal University

RAZHINA Eva Valerievna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

TECHNOLOGICAL COMMUNICATION AND LIGHTING AS KEY FACTORS IN SAFETY AND EFFICIENCY OF WORK IN RAILWAY TRANSPORT

Annotation. *This article examines a pressing and important issue related to improving safety and health in rail transport. Technological communications and lighting in workplaces have a significant impact on the safety and efficiency of rail transport.*

Key words: *labor protection, safety, lighting, multi-channel communication, working conditions.*

Цель – разработка комплекса мер по улучшению условий труда работников железнодорожного транспорта.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

– провести анализ условий труда;
– разработать мероприятия по улучшению освещения и коммунальной связи.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

За последние годы в транспортном комплексе России произошли значительные перемены, связанные с проведением рыночных реформ, приватизацией части транспортных средств, акционированием многих транспортных предприятий. Развивается конкуренция на рынке транспортных услуг. Поэтому все в большей степени стабильная и эффективная работа отдельных видов транспорта зависит от квалификации и взаимодействия специалистов в области производственной безопасности технологических про-

цессов и производств, права, экономики, финансов, маркетинга и других экономических и технических специальностей.

ОАО «РЖД», образованное в 2003 г., является самой мощной транспортной компанией России, обеспечивающей 39% совокупного грузооборота и около 41% пассажирооборота, и одной из крупнейшей в мире. По уровню производительности труда, интенсивности использования подвижного состава и инфраструктуры Российские железнодорожные системы развитых европейских государств, а по протяженности электрифицированных линий являются крупнейшими в мире.

Устойчивая и безопасная работа железнодорожного транспорта в значительной мере зависит от уровня технического состояния и эффективности использования средств технологической связи, радиосвязи, вычислительной техники и автоматизированных систем управления. [1]

С 2000 г., когда была выстроена вертикальная структура управления охраной труда на железнодорожном транспорте, значительно повысилась эффективность охраны труда и управляемость ею. Большая работа за этот период проведена по совершенствованию нормативно-правовой базы по охране труда, повышению уровня знаний и ответственности руководителей всех звеньев, внедрению организационно-технических мер по улучшению условий труда, в том числе и внутреннего освещения производственных помещений, и снижению производительного травматизма.

Необходимым условием обеспечения комфортности и жизнедеятельности человека является хорошее освещение. Неудовлетворительное освещение является одной из причин утомления, особенно при напряженных зрительных работах. Продолжительная работа при недостаточном освещении приводит к снижению производительности и безопасности труда. Правильно спроецированное и рационально выполненное освещение производственных помещений оказывает психологическое воздействие на человека, снижает утомление и травматизм, способствует повышению эффективности труда и здоровья человека, прежде всего зрения.

Положительное влияние освещения на производительность труда и его качество не вызывают сомнения. Так, солнечное освещение увеличивает производительность труда в среднем на 10%, а искусственное на 13%, при этом возможность брака снижается на 20-25%.

С 2002 года происходит реконструкция службы связи, помещений, относящихся к данной службе. Новые условия рабочей зоны связистов должны соответствовать нормативно-правовым документам РФ по охране труда, особенно от внутреннего освещения рабочего места. Свет, освещение относится к одному из основных внешних факторов, постоянно воздействующих на человека в процессе труда, что не только приводит к повышению производительности труда ОАО РЖД, но, что более важно и актуально повышается безопасность технологических процессов и производств.

Многоканальная связь получила широкое распространение на железнодорожном транспорте. Особенно большое значение связь приобретает в связи с разбросанностью подразделений железнодорожного транспорта на большие расстояния.[2]

Управление работой отдельных хозяйственных единиц требует организации между командными пунктами и низовыми организациями оперативной (например, телефон) и документальной (телеграф, передача данных, факсимиле) связи.

Обеспечение оперативной отчетности и сбора данных от отдельных подразделений для фиксации проделанной работы и составление оперативных планов возможно только при четко работающей оперативной и документальной связи.

Организация различных видов оперативно-технологической связи требует создания между отдельными станциями, узлами и административными пунктами соответствующего числа каналов связи. Каналы могут быть получены с использованием соответствующей аппаратуры, обеспечивающей ведение нескольких независимых телефонных разговоров по одной линии передачи.

Идея образования нескольких одновременно действующих каналов связи по общей линии передачи с использованием токов различных частот была высказана в 1860 году Г.И. Морозовым. После изобретения телефона Г.Г. Игнатьевым в 1880 году предложил схему для одновременной передачи телеграфных и телефонных сигналов, основанную на их разделении прототипами электрических фильтров. Таким образом, было положено начало принципу частотного разделения различных связей, организуемых по общей цепи. В то же время во Франции Пикар и Кайло разработали схему одновременного телеграфирования и телефонирования, построенную по принципу уравновешенного моста.

Практическое создание многоканальных телефонных систем передачи стало возможным после изобретения в 1895 году радио А.С. Поповым, электронных ламп и применения их для усиления, генерации переменных токов, их модуляции и демодуляции, разработки теории и методов проектирования электрических фильтров, выравнивателей и других элементов.

Оперативно-технологическая связь прошла длительный путь развития на основе разработки и последовательной модернизации своей технической базы, а также поисков новых технических решений. Имеющиеся теперь на железнодорожном транспорте устройства оперативно-технической связи были созданы в результате многолетнего труда большого коллектива транспортных специалистов.

Связь является решающим фактором в достижении успеха конкурирующими коммерческими предприятиями и, следовательно, в экономическом росте и процветании любого региона. Поэтому слияние на пороге 21-го века телеком-муникационных и компьютерных технологий принимает решающее значение – точно так же, как это происходило при активном внедрении электрификации в строительство железных дорог. Высокие требования, предъявляемые к связи, обуславливают необходимость огромных капиталовложений в инфраструктуру; следовательно, тщательное планирование и выбор перспективной системы имеют наивысший приоритет.

Устаревшие коммутаторы и телеграфные аппараты заменяются новыми автоматизированными междугородными коммутаторами «ГранитТ» на базе ПЭВМ. Внедрение компьютеров на междугородней телефонной станции дает возможность сократить рабочие места, появилась возможность учитывать входящие заказы, справки, платные переговоры. Теперь полностью контролируется, с возможностью вывода на печать, продолжительность любого заказа. Значительно улучшилось качество предоставляемых услуг. Передача телеграмм также осуществляется с помощью АРМ-Т, что намного облегчило работу телеграфистов, позволило четко организовать работу: быстро ориентироваться в исходящей и входящей корреспонденции, качественно передавать сообщения, определять очередность срочных телеграмм.

Программа выполняется на IBM-совместимых персональных компьютерах класса Pentium Ⅳ-500МГц и выше с объемами ОЗУ не менее 128 Мбайт, в операционной системе MS WINDOWS 98,2000. Внедрение АРМов позволило сократить количество рабочих мест. Убраны громоздкие старые коммутаторы, телеграфные аппараты, занимающие много места, сделан ремонт.

Визуальные эргономические параметры ЭВМ обеспечиваются путем приобретения высококачественных ЭВМ и их длительным предварительным тестированием, с целью выявить возможные дефекты.

Визуальные эргономические параметры ЭВМ

Наименование параметра	Предельное значение параметра	
	минимальное значение параметра	максимальное значение параметра
Яркость знака (кд/м2)	35	120
Внешнее освещение (лк)	100	250
Угловой размер знака (угл/мин)	16	60

Искусственное освещение в помещениях эксплуатации ПЭВМ осуществляется системой общего равномерного освещения.

В производственных и административно-общественных помещениях, в случаях преимущественной работы с документами, разрешено применение системы комбинированного освещения (к общему освещению дополнительно устанавливаются светильники местного освещения, предназначенные для освещения зоны расположения документов).

Освещенность на поверхности стола в зоне размещения рабочего документа должна быть 300-500 лк, также допускается установка светильников местного освещения для подсветки документов, но с таким условием, чтобы оно не создавало бликов на поверхности экрана и не увеличивало освещенность экрана более чем на 300 лк. [3].

Общее освещение следует выполнять в виде сплошных или прерывистых линий светильников, расположенных сбоку от рабочих мест, параллельно линии зрения пользователя при рядном расположении ПЭВМ. При периметральном расположении компьютеров линии светильников должны располагаться локализовано над

рабочим столом, ближе к его переднему краю, обращенному к работнику.

Для обеспечения нормируемых значений освещенности в помещениях использования ПЭВМ следует проводить чистку стекол оконных рам и светильников не реже двух раз в год и проводить своевременную замену перегоревших ламп.

Следует ограничивать прямую блесткость от источников освещения, при этом яркость светящихся поверхностей (окна, светильники и др.), находящихся в поле зрения, должна быть не более 200 кд/м2, а также отраженную блесткость на рабочих поверхностях (экран, стол, клавиатура и др.) за счет правильного выбора типов светильников и расположения рабочих мест по отношению к источникам естественного и искусственного освещения, при этом яркость бликов на экране ПЭВМ не должна превышать 40 кд/м2 и яркость потолка не должна превышать 200 кд/м2.

Показатель ослепленности для источников общего искусственного освещения в производственных помещениях должен быть не более 20. Показатель дискомфорта в административно-общественных помещениях не более 40, в дошкольных и учебных помещениях не более 15.

Яркость светильников общего освещения в зоне углов излучения от 50 до 90 градусов с вертикалью в продольной и поперечной плоскостях должна составлять не более 200 кд/м2, защитный угол светильников должен быть не менее 40 градусов.

Следует ограничивать неравномерность распределения яркости в поле зрения пользователя ПЭВМ, при этом соотношение яркости между рабочими поверхностями не должно превышать 3:1 - 5:1, а между рабочими поверхностями и поверхностями стен и оборудования 10:1.

В качестве источников света при искусственном освещении следует применят преимущественно люминесцентные лампы типа ЛБ и компактные люминесцентные лампы (КЛЛ). При устройстве отраженного освещения в производственных и административно-общественных помещениях допускается применение металлогалогенных ламп. В светильниках местного освещения попускается применение ламп накаливания, в том числе галогенные.

Для освещения помещений с ПЭВМ следует применять светильники с зеркальными параболическими решетками, укомплектованными электронными пуско-регулирующими аппаратами (ЭПРА). Допускается использование многоламповых светильников с электромагнитными пускорегулирующими аппаратами (ЭПРА), состоящими из равного числа опережающих и отстающих ветвей.

Выводы:

С 2002 года проводится реконструкция службы связи, направленная на соответствие новым условиям труда и нормативно-правовым требованиям РФ по охране труда, включая освещение рабочих мест.

Связь играет решающую роль в управлении подразделениями железнодорожного транспорта, особенно учитывая их разбросанность.

Современные системы связи обеспечивают оперативную и документальную связь, необходимую для отчетности, планирования и эффективного управления.

Список литературы:

[1] Автоматика связь+информатика № 1,6,10 2004 г.

[2] Бикмагамбетов А.Б., Семенов А.В., Ниязбекова Ш.У., Сарбасова С.Б., Рожков В.Д., Фадеева Л.И., Гордова М.А., Омарова Г.Т. Социально-экономический аспект охраны труда в отраслях и сферах в условиях цифровизации // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. — 2024. — № 11. — С. 205–220.

[3] Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы».

References:

[1] Automation, Communications, and Informatics, No. 1, 6, and 10, 2004.

[2] Bikmagambetov A.B., Semenov A.V., Niyazbekova Sh.U., Sarbasova S.B., Rozhkov V.D., Fadeeva L.I., Gordova M.A., Omarova G.T. Socio-economic aspect of labor protection in industries and spheres in the context of digitalization // Forging and stamping production. Material pressure processing. - 2024. - No. 11. - P. 205-220.

[3] Sanitary and epidemiological rules and regulations SanPiN 2.2.2/2.4.1340-03 “Hygienic requirements for personal electronic computers and work organization”.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-89-93

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые аспекты, связанные с алгоритмизацией управленческих процессов в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) с использованием элементов искусственного интеллекта (ИИ). Раскрываются предпосылки цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) и специфика ее нормативного регулирования. Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокой степенью формализации многих управленческих процедур в УИС и невозможностью полной автоматизации принятия юридически значимых решений, затрагивающих права и законные интересы осужденных, сотрудников и иных лиц, что предопределяет необходимость учета конституционных гарантий и принципов правового государства. Автором анализируются риски применения нейросетевых алгоритмов типа «черный ящик», которые не позволяют проследить логику преобразования документированной информации, имеющей правовой статус, и приводят к диссипации (размыванию) такого статуса, а также отмечается опасность подмены профессионального усмотрения должностного лица непрозрачными техническими решениями. На основе методологии, разработанной в отечественной науке информационного права, обосновывается необходимость перехода от полностью автоматизированных систем к интерактивным (диалоговым) экспертным системам, в которых ИИ выполняет вспомогательную, консультативную функцию, а окончательное решение остается прерогативой уполномоченного субъекта. Предлагается авторская модель «кусочно-разрывных» алгоритмов с пошаговым контролем правового статуса обрабатываемой информации уполномоченным должностным лицом ФСИН России, предусматривающая фиксацию ключевых этапов обработки данных, возможность их последующей проверки и оспаривания, а также нормативное закрепление статуса промежуточных результатов. Формулируются принципы правовой алгоритмизации для учреждений и органов УИС (включая законность, прозрачность, верифицируемость, приоритет прав человека, недопустимость произвольного вмешательства в сферу частной жизни), а также конкретные предложения по внесению изменений в ведомственные нормативные акты с целью закрепления правового статуса промежуточных результатов обработки информации, разграничения ответственности оператора и разработчика программного обеспечения и установления требований к документированию алгоритмов. Выводы статьи могут быть использованы в нормотворческой деятельности ФСИН России, при разработке ведомственных систем поддержки принятия управленческих решений с элементами искусственного интеллекта, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области права и информационных технологий для нужд уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, алгоритмизация управленческих процессов, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, интерактивные экспертные системы, «кусочно-разрывные» алгоритмы, правовой статус информации, системы поддержки принятия решений, цифровая трансформация, правовые принципы алгоритмизации.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL FOUNDATIONS OF ALGORITHMIZATION OF MANAGEMENT PROCESSES USING ELEMENTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the legal foundations of algorithmization of management processes in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia with the use of artificial intelligence (AI) elements. It reveals the prerequisites for the digital transformation of the Penal System of the Russian Federation and the specifics of its regulatory framework. The relevance of the study is driven by the contradiction between the high degree of formalization of many management procedures within the penal enforcement system and the impossibility of fully automating legally significant decisions that affect the rights and legitimate interests of convicts, staff, and other persons, which necessitates taking into account constitutional guarantees and the principles of the rule of law. The author analyzes the risks of using «black box» neural network algorithms, which do not allow tracing the logic of transforming documented information that has a legal status, leading to dissipation (blurring) of such status, and also notes the danger of substituting the professional discretion of an official with opaque technical solutions. Based on the methodology developed in the domestic science of information law, the necessity of transitioning from fully automated systems to interactive (dialogue-based) expert systems is substantiated, in which AI performs an auxiliary, consultative function, while the final decision remains the prerogative of the authorized subject. The author proposes an original model of «piecewise-discontinuous» algorithms with step-by-step control of the legal status of the processed information by an authorized official of the Penal System, providing for the recording of key stages of data processing, the possibility of their subsequent verification and challenge, as well as the normative consolidation of the status of intermediate results. The principles of legal algorithmization for institutions and bodies of the Penal System (including legality, transparency, verifiability, priority of human rights, inadmissibility of arbitrary interference in private life) are formulated, as well as specific proposals for amending departmental regulations to establish the legal status of intermediate results of information processing, delineate the responsibility of the operator and the software developer, and set requirements for documenting algorithms. The conclusions of the article can be used in the rule-making activities of the Penal System, in the development of departmental management decision support systems with AI elements, as well as in the educational process for training specialists in law and information technology for the needs of the Penal System of the Russian Federation.*

Key words: *artificial intelligence, algorithmization of management processes, Penal System of the Russian Federation, interactive expert systems, «piecewise-discontinuous» algorithms, the legal status of information, decision support systems, digital transformation, and legal principles of algorithmization.*

Введение

В условиях цифровой трансформации государственного управления внедрение элементов искусственного интеллекта (ИИ) в управленческие процессы учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) приобретает особую актуальность. Вместе с тем, несмотря на высокую степень формализации процедур документооборота, специальных учетов осужденных, дисциплинарной практики и материально-бытового обеспечения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС) отсутствует возможностью сквозной автоматизации решений, затрагивающих правовой статус осужденных, сотрудников и третьих лиц [1, с.64]. Во многом данная проблема состоит в необходимости определения правовой формы алгоритмов, обеспечивающей юридическую значимость промежуточных и итоговых результатов управленческой деятельности.

Процессы управления в учреждениях ФСИН России требуют разграничения полностью автоматизированных алгоритмов, реализуемых без участия человека и чреватых рисками для правового статуса, и интерактивных (диалоговых) алгоритмов, где искусственный интеллект выступает ассистирующим инструментом. Выбор второй модели обусловлен режимными требованиями, защитой персональных данных осужденных и их социальной уязвимостью. В пенитенциарной системе, где решения влияют на лишение свободы, человеческий контроль необходим для сохранения дискреционных полномочий должностных лиц [2, с.115]. Нейросетевые алгоритмы, работающие по принципу «черного ящика», неприменимы для обработки документированной

информации с правовым статусом, поскольку не позволяют проследить логику преобразований. Попытки внедрения систем поддержки решений без фиксации промежуточных результатов в ведомственных актах игнорируют ответственность оператора и противоречат принципам континентального права [3, с.329].

Целью исследования является определение правовых основ алгоритмизации управленческих процессов ФСИН России, строящихся на принципах интерактивности, пошагового контроля правового статуса и сохранения дискреционных полномочий должностного лица.

Материалы и методы

Алгоритм в управленческой деятельности ФСИН России представляет формализованную последовательность действий, предписанную нормативными актами [4, с.198; 5, с.153]. Можно выделить алгоритмы, выполняемые должностными лицами вручную, автоматизированные с частичным участием человека и полностью автоматические. Полная автоматизация несет сопутствующие риски в связи с невозможностью перераспределения персональной ответственности в деятельности ФСИН России, где алгоритмы учета и дисциплины требуют человеческого верифицирования [6, с.242].

Принцип «черного ящика» в работе нейросетей препятствует контролю логики обработки данных с правовым статусом. При этом прецедентная природа обучения таких систем, когда ИИ-алгоритм обучается на размеченных примерах, противоречит континентальной модели с ее нормативностью и запретом аналогии. Концепция «кусочно-разрывных» алгоритмов предполагает промежуточный контроль правового статуса уполномоченным оператором. Объектно-ориентированный подход (фреймы, инкапсуляция, наследование) структурирует управленческую информацию ФСИН России, включая возможность введения фреймов для режимных объектов, инкапсуляция для персональных данных и др. [7, с.51].

Результаты и обсуждение

Вышеизложенное приводит к необходимости выработки системы правовых принципов, обеспечивающих правовую устойчивость алгоритмизации управленческих процессов в учреждениях ФСИН России, с опорой на методологию интерактивных экспертных систем [8, с.48].

Ключевым в данной системе является принцип интерактивности, предполагающий, что элементы ИИ функционируют исключительно как ассистирующие инструменты, формирующие рекомендации или проекты документов, в то время как юридически значимое решение принимает уполномоченное должностное лицо (начальник отряда, учреждения, оперативного отдела). Это в полной мере соответствует режимным требованиям охраняемых объектов УИС, где дискреционные полномочия сотрудников не подлежат полной автоматизации, что предотвращает риски произвольного применения мер поощрения или взыскания без человеческого усмотрения [9, с.134]. Интерактивный режим сохраняет субъектность оператора, исключая сценарии, когда «черный ящик» нейросети подменяет волю должностного лица.

Далее, принцип пошагового контроля предписывает необходимость фиксации промежуточных результатов обработки данных на каждом этапе алгоритма с присвоением им временного правового статуса посредством электронных протоколов или журналов аудита. В контексте деятельности учреждений ФСИН России данное условие становится критичным в процессах учета осужденных, где исходные данные имеют фиксированный статус, а их трансформация требует верификации для предотвращения диссипации [10, с.262].

Принцип юридической ответственности оператора запрещает переложение ответственности на разработчика или владельца программы, закрепляя персональную вину должностного лица ФСИН России за итоговое решение. Данное условие отражает специфику деятельности пенитенциарного ведомства, где ошибки в алгоритмизированных процессах (например, неверный расчет срока лишения свободы) могут повлечь компенсации осужденным. Указанный принцип стимулирует оператора к активному контролю, интегрируя элементы объектно-ориентированного программирования (инкапсуляция данных осужденных в фреймах), и требует электронной подписи на каждом шаге для доказуемости.

Перечисленные принципы образуют правовую матрицу, адаптированную к континентальной системе, где нормативная определенность превалирует над прецедентным обучением ИИ. Для реализации предложенной модели необходимы целенаправленные изменения в ведомственной нормативной базе.

Так, Инструкцию по делопроизводству в учреждениях и органах УИС целесообразно дополнить разделом «Электронные документы, созданные с использованием элементов искусственного интеллекта», определяющим правовой статус проектов, сгенерированных интерактивными системами, где подобные результаты получают статус «проекта с ассистирующим ИИ» до подписания оператором, с обязательной фиксацией протокола обработки. Указанная мера слу-

жит устранению пробелов в учете промежуточных результатов при подготовке характеристик или отчетов об исполнении наказания.

Далее, Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений требуют расширения путем добавления главы «Алгоритмизация управленческих процессов», регламентирующей порядок применения «кусочно-разрывных» алгоритмов в дисциплинарной практике, где на этапах сбора данных о нарушениях ИИ формирует аналитическую справку, но взыскание налагает только начальник учреждения после пошаговой верификации. Нормы должны включать шаблоны журналов аудита и пороги ответственности оператора.

Кроме того, необходимо разработать Типовое положение об интерактивной экспертной системе в учреждении ФСИН России, закрепляющее статус оператора как единственного субъекта юридической значимости, принципы, технические требования к системам и порядок апелляции осужденных по алгоритмизированным решениям. Положение должно предусматривать пилотное внедрение для тестирования рисков диссипации. Указанные изменения служат унификацию практик, а также минимизации судебных рисков и повышению эффективности управления.

Выводы

Предложенная модель правовых основ алгоритмизации управленческих процессов в деятельности ФСИН России гармонизирует цифровизацию с фундаментальными принципами уголовно-исполнительного права, устраняя риски «черного ящика» через интерактивный контроль [11, с.110; 12, с.37]. Адаптация «кусочно-разрывных» алгоритмов к специфике УИС, включая учета осужденных, дисциплинарные меры и др., сохраняет дискреционные полномочия должностных лиц, усиливая гарантии прав осужденных в условиях режимных ограничений. Реализация принципов и нормативных предложений служит реализации высокого потенциала ФСИН России в развитии правовой инфраструктуры ИИ, где технологии служат человеку, а не замещают его ответственность, способствуя стратегической цели цифровой трансформации пенитенциарного ведомства.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. О факторах и профилактике компьютерной зависимости у подростков // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 198-199.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the

Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. On factors and prevention of computer addiction in adolescents // Eurasian Law Journal. 2021. № 8(159). S. 198-199.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime // Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in data processing in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

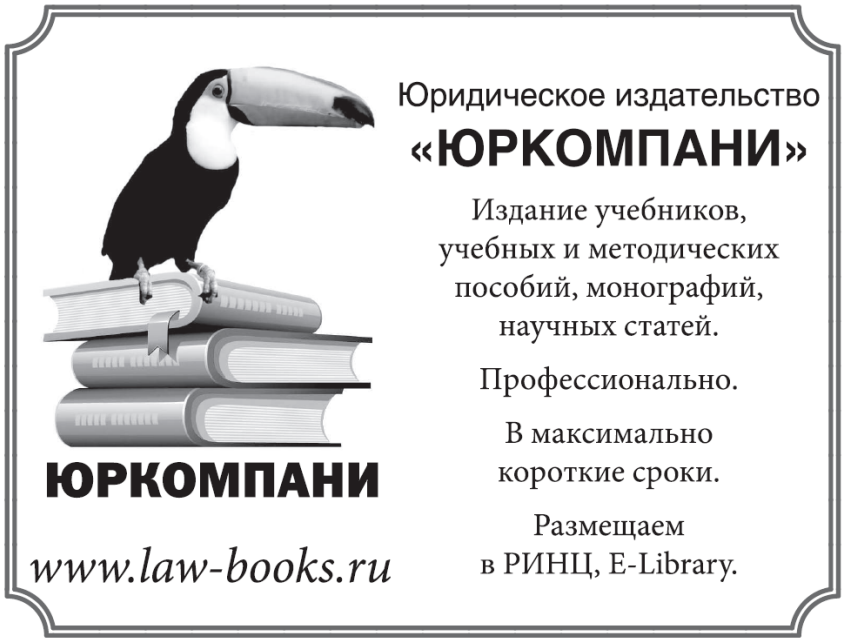
[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects // Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects // Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-94-98

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
экологического, земельного и аграрного права,
ФГБУН «Институт государства и права
Российской академии наук», г. Москва, Россия,
e-mail: muhlyninamm975@mail.ru

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КЛИМАТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы эколого-правового режима Арктической зоны Российской Федерации, который пред-ставляет собой комплекс правовых норм, регулирующих охрану окружающей среды в сложных геополитических и экономических условиях, формулиру-ются предложения по совершенствованию норм экологического законодательства и их применению. Вопросы охраны полярной природы в настоящее время становятся исключительным приоритетом как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Современное экологическое право в Арктическом регионе требует баланса между экономическими интересами, климатическими вызовами и необходимостью сохранения уникальной экосистемы региона.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, экологический правопорядок, Арктическая зона, стратегическое планирование, эколого-правовой режим, климатические и экономические реалии, экологическое право.*

MUKHLYNINA Maria Mikhailovna,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher in the Environmental, Land,
and Agrarian Law Sector, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ECOLOGICAL AND LEGAL REGIME OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT IN CLIMATIC AND ECONOMIC REALITIES

Annotation. *The article examines the current problems of the ecological and legal regime of the Arctic zone of the Russian Federation, which is a set of legal norms regulating environmental protection in difficult geopolitical and economic conditions, and formulates proposals for improving environmental legislation and their application. The protection of polar nature is currently becoming an exceptional priority at both the national and supranational levels. Modern environmental law in the Arctic region requires a balance between economic interests, climate challenges, and the need to preserve the region's unique ecosystem.*

Key words: *national security, environmental law and order, Arctic zone, strategic planning, ecological and legal regime, climatic and economic realities, environmental law.*

Эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации представляет собой комплекс правовых норм, регулирующих охрану окружающей среды в условиях уникальных природно-климатических, экономических и геополитических особенностей региона. Современное состояние и перспективы его развития тесно связаны с глобальными климатическими изменениями и стратегическими экономическими интересами России. Арктика предостав-

ляет собой необычный регион, для развития которого необходима консолидация научного, экспертного и управленческого сообществ, применение лучших практик охраны окружающей среды, флоры и фауны, выработки согласованных решений по сохранению биоразнообразия и определения приоритетных направлений международного сотрудничества, внедрения наилучших технологий для бережного природопользования в арктической зоне. Несмотря на длительный период освоения Арктики, единый комплексный административно–правовой режим Арктической зоны РФ только формируется и этот процесс может сочетать сложившуюся теорию и практику правоприменения с выработкой новых правовых концепций.

Экологическое право в контексте современных российских климатических и экономических реалий и развития Арктического региона представляет собой сложную систему регулирования, учитывающую природу региона, его ресурсный потенциал и глобальные экологические вызовы. Арктика обладает значительными природными ресурсами (углеводороды, минералы, биоресурсы), а также потенциалом для развития Северного морского пути — важного транспортного коридора. Однако освоение этих ресурсов сопряжено с экологическими рисками, включая загрязнение окружающей среды, риски разливов нефти, воздействие на экосистемы. Поддерживает эти представления и директор ФГБУ ГНЦ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт» Макаров А. отмечая, что обсуждение вопросов, касающихся устойчивого развития Арктики и сохранения арктических экосистем особенного актуально в связи с активным развитием Северного морского пути и Трансарктического транспортного коридора. «Ключевым элементом реализации суверенных прав Российской Федерации в Арктической зоне – по мнению Савенков А.Н., - выступает правовой режим Северного морского пути. Данная национальная транспортная артерия является стратегическим элементом экономического суверенитета» [1]. Проблемы экономического развития Арктической зоны зависят от многих факторов, например, от развития нефтегазовой отрасли, связанной с разработкой и внедрением новейших технологий добычи и транспортировки углеводородов на материковой части Арктики и континентальном шельфе [2]. Заместитель директора департамента развития Арктической зоны Российской Федерации и реализации инфраструктурных проектов Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики Габбасов М., говоря об экономическом значении региона, отметил, что: «Сегодня арктическая зона России производит 6,2% валового внутреннего продукта страны и около 10% экспорта России. По мере реализации уже начатых проектов, значение Арктики в экономике, логистике и обеспечении безопасности России будет только возрастать».

Одним из ключевых аспектов правового регулирования Арктической зоны России в настоящее время является экологический суверенитет и правовые механизмы его защиты. Развитие доктрины экологического суверенитета непосредственно связано с эволюцией представлений о содержании экологической функции государства. «Обязанность гражданина подчиняться законам, установленным сувереном (государством), в обмен на защиту жизни, свободы и собственности. Обязанность государства, по мнению Виноградовой В.В. - обеспечивать безопасность, правопорядок и соблюдение правил, ради которых был заключён договор. Важным положением этой концепции является идея о том, что договор действует лишь до тех пор, пока служит общему благу» [3, с. 20]. В научной литературе экологический суверенитет рассматривается как категория публичного права, которая определяет «способность страны проводить курс устойчивого и экологического развития» [4, с. 123]. «Экологический суверенитет, как справедливо отмечает Ивлева Ю.И., - является составным элементом государственного суверенитета, отражающим способность государства самостоятельно определять и реализовывать экологическую политику в пределах своей юрисдикции» [5, с. 411].

Обеспечение ведущих позиций России в освоении Арктической зоны, - по мнению Дементьева О.А., - сохранится при условии согласованности стратегических приоритетов и механизмов реализации экологических требований в области рационального природопользования и охраны окружающей среды, влияющих на процессы изменения климата. В связи с этим модернизация экономики Арктической зоны будет основана на ускоренном развитии минерально-сырьевой базы региона и освоении других природных ресурсов на основе научных и правовых методов сохранения климата на указанных территориях [6, с. 18].

Фундамент экологической безопасности – это достоверные данные, - отмечает министр природных ресурсов и экологии России Козлова А., - объём которых растёт вместе с расширением наблюдательной сети, поддерживается работа действующих станций и модернизируется сеть: в 2025 году по федеральному проекту «Чистый воздух» в 13 городах-участниках установили 18 новых автоматизированных комплексов, теперь чистоту воздуха в стране контролируют 653 стационарных поста, которые размещаются в наиболее уязвимых точках: вблизи заводов, круп-

ных магистралей и в густонаселенных районах. Автоматизированные пункты наблюдения появились в Арктической зоне – в Апатитах, Кировске и Салехарде.

Органами государственной власти выработаны стратегия и тактика государственного управления и социально–экономического развития Арктической зоны РФ, что нашло свое отражение в принятых нормативных правовых актах, ключевыми из которых можно назвать «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.» и «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.», в которой закреплены меры по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, включая создание особо охраняемых природных территорий, адаптацию экономики к изменениям климата, ликвидацию накопленного вреда окружающей среде, развитие системы государственного экологического мониторинга. Отдельно остановимся на особо охраняемых природных территориях, которых в настоящее время в российской Арктике функционирует: 40 заповедных территорий только федерального значения общей площадью свыше 40 миллионов гектар, 16 миллионов гектар из них занимает морская акватория. 12 особо охраняемых природных территорий (5 заповедников, 4 национальных парка, 3 заказника) функционируют в ключевых местообитаниях белого медведя». Значимость особо охраняемых природных территорий в вопросе сохранения арктических экосистем, организации учёта численности и мониторинга белого медведя, направленных на сохранение и восстановление популяции этого вида животных на территории Российской Федерации, невозможно переоценить. Так в 2025 г. в заповеднике «Медвежьи острова» в ходе экспедиций удалось установить, что численность краснокнижных хищников на архипелаге возрастает и сегодня составляет 182 белых медведя. Помимо оценки численности, в заповеднике была помечена спутниковым ошейником российского производства белая медведица. Сигнал от ошейника позволит учёным проследить характер перемещений самки и оценить территорию, на которой она обитает. Ввиду биологических особенностей вида, спутниковыми ошейниками можно метить только белых медведиц, однако для самцов уже также разработана система мониторинга отечественного производства – специальная ушная метка, применение которой позволит получить более полную картину передвижений белых медведей по российской Арктике. Интересен практический опыт и Чукотского автономного округа, где с прошлого года разработана и реализуется комплексная долгосрочная программа изучения и сохранения чукотско-аляскинской популяции белого медведя на период до 2030-го года. Кроме того, создана мультиобъектовая нейросетевая платформа «Арктика-2», которая в автоматическом режиме обрабатывает данные авиамониторинга, выявляя белых медведей, тюленей и антропогенные загрязнения [7].

Белый медведь входит в число 17 приоритетных видов национального проекта «Экологическое благополучие» - это значит, что для его сохранения разработана специальная стратегия и выделяется федеральное финансирование для защиты и восстановления численности. Остров Врангеля называют «главным роддомом» Арктики: здесь высокая плотность родовых берлог белых медведей. Одна из самых отдаленных заповедных территорий России в 2026 г. отмечает юбилей: 50 лет назад острова Врангеля и Геральд получили статус государственного заповедника, став впоследствии объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Природа сурового края поражает своим разнообразием: это единственное в Евразии место с постоянным гнездованием белого гуся, территория по богатству флоры не имеет равных в Арктике — список растений постоянно пополняется. Даже в трудные 90-е годы сотрудники заповедника не прекращали наблюдения, полученные данные — основа для понимания влияния климатических изменений на жизнь полярных обитателей. За полвека «Остров Врангеля» превратился в мощнейший научный форпост России в Арктике. Сотрудники обеспечивают защиту уникальной природы в условиях меняющегося климата, ведут научные исследования с использованием нейросетей и беспилотников. Сегодня заповедник активно внедряет высокие технологии: спутниковая телеметрия, молекулярно-генетические исследования и обширная сеть фотоловушек. Параллельно с наукой развивается экологическое просвещение — в городе Певеке открыт современный информационный центр для знакомства с миром Арктики. Всего по данным мониторинга российская Арктика насчитывает около 6000-7000 белых медведей, более 1000 живёт на острове Врангеля и на Медвежьих островах в Якутии. «Сохранение белого медведя — один из приоритетов нашей работы в Арктике. Бесконтактные способы мониторинга, телеметрия, наблюдения позволяют получать точные данные о состоянии популяции, не нарушая покоя животных. Анализ информации помогает своевременно выявлять угрозы и минимизировать риски для вида», — прокомментировал министр природных ресурсов и экологии России Александр Козлов. [8].

Выделяя особенности социально-экономического развития арктических регионов, хочется

отдельно остановиться на опыте Республики Саха (Якутия), где успешно реализуется проект по созданию торгово-логистических центров для своевременного завоза продуктов в отдаленные труднодоступные районы, а также внедряется новая модель арктической медицины с выездными мобильными многопрофильными медицинскими бригадами. Кроме того, в рамках очистки арктический территорий совместно с Минприроды России осуществляется работа по подъему и утилизации давно затонувших судов. Таким образом, подводя итоги нашего исследования, можно отметить, что эколого-правовой режим Арктической зоны Российской Федерации, ее современное состояние и перспективы развития в климатических и экономических реалиях характеризуется незавершённостью формирования национального правового режима охраны окружающей среды Арктики. Эксперты отмечают, что «в Арктике у нас есть уникальная возможность, которой нет уже нигде на планете: сохранить большие нетронутые экосистемы с их изначальным комплексом биологических видов», что требует расширения системы особо охраняемых природных территорий Арктики, территорий традиционного природопользования, а также проведения инвентаризации границ и правового режима уже действующих подобных территорий, качественных точечных изменений действующего экологического законодательства.

В настоящее время в нашей стране вырабатывается эффективный механизм взаимодействия, синхронизации усилия власти, науки, территориальной охраны природы и крупной промышленности. Современное законодательство, с опорой на общие экологические принципы, призвано нормативно определить обеспечение такого использования природных ресурсов, при котором их добыча не наносила бы существенного ущерба другим ресурсам, сохраняя равновесие между эффективным использованием природы и ее защитой. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 года №176) в свое время выделяла в качестве существенной опасности негативное воздействие на природу нефтеразливов в Арктической зоне РФ. При подготовке предложений в новую, в настоящее время обсуждаемую, Стратегию экологической безопасности России до 2050 года, по нашему мнению, необходимо сместить акценты на зеленые проекты, результатом которых явились бы реальные эффекты — восстановление нарушенных экосистем и территорий, в том числе Арктики.

Новая Стратегия экологической безопасности — это стратегия нашей независимости, в основе которой должна быть заложена концепция природного капитала, это тот недооцененный ресурс, которым обладает Россия. Также необходима системная увязка новая Стратегии экологической безопасности со Стратегией национальной безопасности, Стратегией пространственного развития и Стратегией научно-технологического развития, чтобы выработать полноценный правовой инструментарий для формирования и реализации нового глобального экологического порядка в том числе в Арктике. Таким образом, экологическое право в Арктическом регионе требует баланса между экономическими интересами, климатическими вызовами и необходимостью сохранения уникальной экосистемы региона.

Список литературы:

[1] Савенков А.Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества / А.Н. Савенков // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 22 - 42.

[2]. Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. Transport and logistics infrastructure of the Arctic zone of Russia // Transportation research procedia. 2021. Vol. 54. P. 936–944.

[3] Виноградова В.В. К онтологии правового государства: взаимная ответственность как его системное ядро // Российский научный вестник. 2026. № 1. С.19 - 21.

[4] Данилевская-Урбанова И.Л., Мухлынина М.М. Вопросы формирования экологического суверенитета // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 121–124.

[5] Ивлева Ю.И. Защита суверенитета Арктической зоны Российской Федерации: правовые аспекты // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 410 - 414.

[6] Дементьева О.А. Целевые программы как инструмент экономического развития отдельных территорий (на примере Арктической зоны Российской Федерации) // Законодательство и экономика. 2014. № 12 (368). С. 17 – 21.

[7] В Санкт-Петербурге стартовал международный форум «Вселенная белого медведя». // Новость от 25 марта 2026 с сайта Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/v_sankt_peterburge_startoval_mezhdunarodnyy_forum_vselennaya_belogo_medvedya/ (дата обращения: 12.04.2026).

[8] В сердце Арктики: заповеднику «Остров Врангеля» — 50 лет. // Новость от 23 марта 2026 с сайта Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/v_serdtse_arktiki_zapovedniku_ostrov_vrangelya_50_let/ (дата обращения: 03.04.2026).

References:

[1] Savenkov A.N. The Arctic: Legal Support for Sustainable Development and Cooperation / A.N. Savenkov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 1. pp. 22-42.

[2]. Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. Transport and logistics infrastructure of the Arctic zone of Russia // Transportation research procedia. 2021. Vol. 54. pp. 936-944.

[3] Vinogradova V.V. Towards the ontology of the rule of law: mutual responsibility as its systemic core // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 19-21.

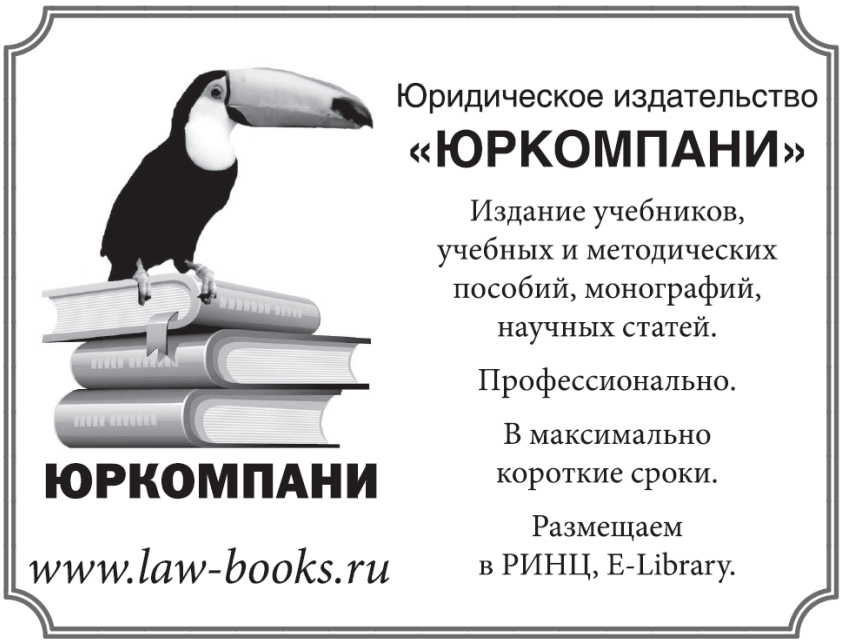
[4] Danilevskaya-Urbanova I.L., Mukhlynina M.M. Issues of Formation of Environmental Sovereignty // Agrarian and Land Law. 2025. No. 2. Pp. 121–124.

[5] Ivleva Yu.I. Protecting the Sovereignty of the Arctic Zone of the Russian Federation: Legal Aspects // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. Pp. 410–414.

[6] Dementyeva O.A. Target Programs as a Tool for Economic Development of Individual Territories (Based on the Arctic Zone of the Russian Federation) // Legislation and Economics. 2014. No. 12 (368). Pp. 17–21.

[7] The International Forum “The Universe of the Polar Bear” Has Kicked Off in St. Petersburg. // News from March 25, 2026, from the website of the Ministry of Natural Resources of Russia. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/v_sankt_peterburge_startoval_mezhdunarodnyy_forum_vselennaya_belogo_medvedya/ (accessed: 12.04.2026).

[8] In the heart of the Arctic: the Wrangel Island Nature Reserve turns 50. // News from March 23, 2026, from the website of the Ministry of Natural Resources of Russia. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/v_serdtse_arktiki_zapovedniku_ostrov_vrangelya_50_let/ (accessed: 03.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-99-103

ШЕРАШЕНКОВА Екатерина Алексеевна,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail smol@ranepa.ru

ФЕДОСКИН Николай Николаевич
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

Аннотация. *В статье анализируются актуальные вопросы прокурорского надзора за правоприменением в сфере защиты интересов несовершеннолетних и молодежи. Приоритетное выделение прокуратурой надзора за защитой прав несовершеннолетних обусловлено задачей строгого контроля исполнения нормативно-правовых актов, регулирующих данные сферы. В предмет надзорной деятельности прокуратуры входит контроль за исполнением нормативных актов, регламентирующих воспитание патриотизма у молодого поколения. Немаловажное значение имеет изучение законодательных норм, на которых базируется патриотическое воспитание молодежи, в том числе выявление недостатков в действующей нормативной базе. В настоящее время отсутствует единый федеральный закон, который бы прямо регламентировал вопросы патриотического воспитания молодежи. Авторы отмечают, что данный факт подтверждает актуальность анализа нормативных документов, регламентирующих патриотическое воспитание среди молодежи со стороны надзорных органов.*

Общественные отношения, связанные с соблюдением законодательства в сфере защиты интересов несовершеннолетних и молодежи, патриотического воспитания, невозможны без теоретического исследования вопросов связанных с исполнением законодательства в данной сфере и вопросов прокурорского реагирования и контроля.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, патриотическое воспитание, права несовершеннолетних, защита прав, национальная безопасность.*

SHERASHENKOVA Ekaterina Alekseevna,
PhD., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

FEDOSKIN Nikolay Nikolaevich
PhD., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION ON THE PATRIOTIC EDUCATION OF MINORS AND YOUTH

Annotation. *The article analyzes current issues of prosecutorial supervision of law enforcement in the field of protection of the interests of minors and youth. The Prosecutor's Office's priority allocation of supervision over the protection of minors' rights is due to the task of strict control over the implementation of regulatory legal acts regulating these areas. The subject of the Prosecutor's Office's supervisory activities includes monitoring the implementation of regulations governing the education of patriotism among the younger generation. It is of great importance to study the legislative norms on which the patriotic education of young people is based, including the identification of shortcomings in the current regulatory framework. Currently, there is no single federal law that would directly regulate the issues of patriotic education of young people. The authors note that these facts confirm the relevance of the analysis of regulatory documents regulating patriotic education among young people by the supervisory authorities. Public relations related to compliance with legislation in the field of protection of the interests of minors and youth, and patriotic education are impossible without a theoretical study of issues related to the implementation of legislation in this area and issues of prosecutorial response and control.*

Key words: *prosecutor's supervision, patriotic education, the rights of minors, protection of rights, national security.*

В 2026 году внешнее информационное давление антироссийской направленности в связи с проведением СВО усиливается, поэтому обеспечение безопасности государства приобретает особую актуальность и значимость, что обусловливает необходимость уделения со стороны государства повышенного внимания вопросам патриотического воспитания населения. Эффективность принимаемых мер определяется тем, как выстроена соответствующая система, насколько разработано правовое обеспечение, с какой степенью действенности осуществляется прокурорский надзор в обозначенной сфере.

Проблематика, связанная с предметом прокурорского надзора, неизменно занимала ведущее место в научных дискуссиях правоведов как советского периода, так и современной эпохи. В современном правовом поле доминирующей является концепция, которая делит предмет прокурорского надзора на две ключевые части: законность мероприятий, осуществляемых компетентными органами и должностными лицами, и законность их правовых актов [1].

А.Я. Сухарев отмечает, что в ведении прокуратуры находится надзор за исполнением нормативных актов федерального уровня и законодательных постановлений, принятых субъектами Российской Федерации [2].

Н.Н. Карпов раскрывает содержание функции прокуратуры, расширяя надзор за счет монолитного массива нормативных законодательных актов, что способствует росту качества и показатель совершенства нормативных актов – это их безусловное соответствие закону [3]. Для М.С. Шалумова значительным представляется подразделение законов, регулирующих надзорные функции прокуратуры, на отраслевые категории, применения в отдельных направлениях этого надзора [4].

В «Настольной книге прокурора» С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус [5] впервые представлен предмет надзорной деятельности прокуратуры по исполнению нормативных актов, регламентирующих воспитание патриотизма у молодого поколения исполнением законодательства в области патриотического воспитания молодежи. В настоящее время отсутствует единый федеральный закон, который бы прямо регламентировал вопросы патриотического воспитания, в том числе и его военно-патриотические составляющие, признанные одной из форм патриотического воспитания, закрепленных в действующих нормативных актах, в частности, в Федеральном законе № 53-ФЗ от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» [6], что подтверждает актуальность анализа нормативных документов, регламентирующих патриотическое воспитание среди молодежи.

Преобладающее число ученых склоняется к тому, что правовое регулирование патриотического воспитания включено не только в нормативные акты воспитательного характера, среди которых находится Федеральный закон об образовании в РФ, но и в совокупность нормативных актов широкого спектра, куда включены документы, содержащие правила реализации патриотического воспитания. Сюда входят правовые нормы, регулирующие правила пользования Государственными символами, сохранение памяти Героев России и участников войны 1941–1945 гг. а также охраны культурного и исторического наследия и иные направления, важные для становления патриотизма.

В Распоряжении Правительства РФ от 23.10.2025 N 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года», предписывается применение мер по патриотическому воспи-

танию молодежи на федеральном уровне [7], а в нормативных актах субъектов, определяющих патриотическое воспитание, должны быть отражены сведения, указанные в федеральном законодательстве.

Точки зрения, касающиеся предмета прокурорского контроля, различаются, однако в Федеральном законе о прокуратуре РФ назван предмет надзора – осуществление надзора за соблюдением Конституции РФ и законов федерального уровня, а объектом выступают органы и издаваемые ими нормативно-правовые акты [8].

В сфере патриотического воспитания молодежи прокурорский контроль за исполнением нормативных актов входит в состав общей системы прокурорского надзора за соблюдением законности.

Регулирование отношений в области патриотического воспитания осуществляется законодательством, обладающим специфическими чертами, в рамках которого выделяются ключевые объекты воспитательного процесса: ведущие направления – историко-патриотическая память, знаковые даты, символика государства, а также совокупность соответствующих мероприятий в рамках программы «Готов к труду и обороне» и многочисленных сходных по замыслу инициатив. В практической реализации патриотического воспитания включаются органы власти и муниципальные организации, педагоги и детско-молодежные патриотические объединения, молодежные организации, организации ветеранов СВО. Типы и формы работы – реконструкции событий, поисковая работа, тематические патриотические фильмы, фестивали, конференции, уроки и прочие встречи, а также места реализации – воинские части, учебные заведения, иные пространства, где осуществляют воспитательную работу в патриотическом ключе.

В Министерстве образования РФ отмечают важность задачи формирования патриотических чувств у подрастающего поколения как одной из важнейших для обеспечения национальной безопасности, поскольку именно она является основой единства нашего народа.

В нынешних реалиях актуален вопрос расширения надзорных полномочий прокуратуры, направленных на патриотическое воспитание молодого поколения, выступающего важнейшим механизмом воплощения конституционной нормы, обязывающей защищать Родину. Контроль за соблюдением закрепленных в Конституции правил военной службы относится к предметам надзорной деятельности прокуратуры в области патриотической работы с молодежью.

В задачи прокурорского контроля за организацией патриотического воспитания молодежи, входит законная реализация мер, обеспечивающих исполнение нормативов. Данный институт имеет двухуровневую структуру, что вызвано тем, что нормативные акты, регулирующие образование, спорт, культуру, науку и воспитание, перечислены в подпункте «е» части 1 статьи 72 Конституции РФ [9], и относящиеся к разделу совместных полномочий Федерации и ее субъектов.

В области прокурорского контроля находится нормативно-правовая база двух уровней – как федерального, так и регионального субъектов федерации, что, к примеру, иллюстрирует Закон Смоленской области № 94-з от 10 июля 2014 года «О патриотическом воспитании в Смоленской области» [10].

Нормотворчество, посвященное патриотическому воспитанию, охватывает не только специализированные акты, но и многочисленные нормативные документы, регламентирующие образовательные и воспитательные процессы. Это обстоятельство является важной характеристикой системы правового регулирования, действующей в обозначенной сфере.

Аналитическое рассмотрение ситуации указывает, что основное направление прокурорского контроля обусловлено надзором за соблюдением норм законодательства, регламентирующих вопросы патриотического воспитания, с акцентом на обязательное выполнение положений Конституции Российской Федерации, особенно в аспекте защиты Отечества и культурных ценностей, а также на реализацию федеральных нормативных актов по данному направлению, с обязательным учетом правомерности действий локальных нормативных правовых актов органов исполнительной власти, муниципалитетов, военных формирований, органов управления образовательных организаций и сообществ общественников.

В настоящее время федеральное законодательство в данной области страдает от недостатка четких определений, что, безусловно, осложняет его применение.

В современной практике патриотического воспитания наблюдается острая потребность в формулировании четких критериев, позволяющих квалифицировать те или иные мероприятия как патриотические, а также в разработке методик их оценки на предмет соответствия правовым нормам.

Для повышения результативности нормативного регулирования в области патриотического воспитания необходимо четко прописать его правовой статус и конкретизировать перечень ценностей, входящих в его состав, чтобы увеличить степень однозначности в рассматриваемых вопросах.

Проблемы совершенствования патриотического воспитания должны стать предметом дальнейших изучений и комплексного анализа. Также важным является всестороннее исследование способов взаимосвязи составляющих образовательной системы в этой сфере. Помимо этого, требуется разработка эффективных технологий осуществления прокурорского контроля за законностью процессов патриотического воспитания молодых граждан.

Таким образом, в сфере прокурорского надзора за исполнением законов о патриотическом воспитании несмотря на наличие ряда позитивных тенденций, накоплен значительный пласт проблем и противоречий, как законодательного, так и правоприменительного характера, существенно снижающих эффективность защиты прав и законных интересов молодежи. Анализ новейших публикаций по прокурорскому надзору фиксирует дефицит системного теоретического освещения института полномочий прокурора; отдельные научные материалы обеспечивают предметное изучение исполнения полномочий в рамках отдельных надзорных компетенций и иных направлений прокурорской практики. В то же время базисом всякой науки служит выявление закономерных связей для обоснованного формирования выводов, а также для систематизации и классификации исследуемых понятий и явлений. Прокурорский надзор не исключение: в некоторой степени освещаются особенности реализации полномочий по определенным надзорным направлениям либо в контексте иных функций прокурорских органов. Наука, однако, не может обойтись без выявления закономерностей, формулировки достоверных выводов, а также без систематизации понятий и явлений, что относится и к отрасли прокурорского надзора, включая надзор за соблюдением законодательства о патриотическом воспитании несовершеннолетних и молодежи.

Список литературы:

[1] Отческая Т.И. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие / Т.И. Отческая, Т.Г. Воеводина. – М.: Проспект, 2021. – 168 с.

[2] Прокурорский надзор: учебник / О. А. Кожевников, В. С. Балакшин, С. Л. Дегтярев [и др.]; под ред. О. А. Кожевникова. – М.: Юстиция, 2022. – 153 с.

[3] Багуцкий, Н. В. Проблемные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних / Н. В. Багуцкий, Ю. В. Дадаева // Вестник экономики и права. – 2025. – № 105. – С. 65-78.

[4] Ульянов А.Ю. Прокуратура в единой системе публичной власти: монография / А.Ю. Ульянов. – М.: РИОР, 2024. – 128 с.

[5] Настольная книга прокурора / Под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. - М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Изд-во Юрайт, 2022. – 1159 с.

[6] Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 04.11.2025) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025) // «Собрание законодательства РФ», 30.03.1998, N 13, ст. 1475.

[7] Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 N 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года» // «Собрание законодательства РФ», 27.10.2025, N 43, ст. 6466.

[8] Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

[9] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

[10] Закон Смоленской области от 10.07.2014 N 94-з (ред. от 26.09.2024) «О патриотическом воспитании в Смоленской области» // «Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области», 11.07.2014, № 6 (часть IV).

References:

[1] T.I. Otcheskaya, T.G. Voevodina. - M.: Prospect, 2021. - 168 s.

[2] Prosecutorial supervision: textbook/O. A. Kozhevnikov, V. S. Balakshin, S. L. Degtyarev [and others]; ed. O. A. Kozhevnikov. - M.: Justice, 2022. - 153 s.

[3] Bagutsky, N.V. Problematic issues of prosecutorial supervision of the implementation of laws on minors/N.V. Bagutsky, Yu.V. Dadaeva//Bulletin of Economics and Law. – 2025. – № 105. - S. 65-78.

[4] A.Yu. Ulyanov. Prosecutor's Office in the unified system of public authority: monograph/A.Yu. Ulyanov. - M.: RIOR, 2024. - 128 s.

[5] The board book of the prosecutor/Under the general. ed. S.G. Kekhlerova and O.S. Kapinus. - M.: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Publishing House Yurayt, 2022. - 1159 s.

[6] Federal Law of 28.03.1998 N 53-FZ (as amended by 04.11.2025) " On Military Duty and Military Service" (amended and supplemented, entry by

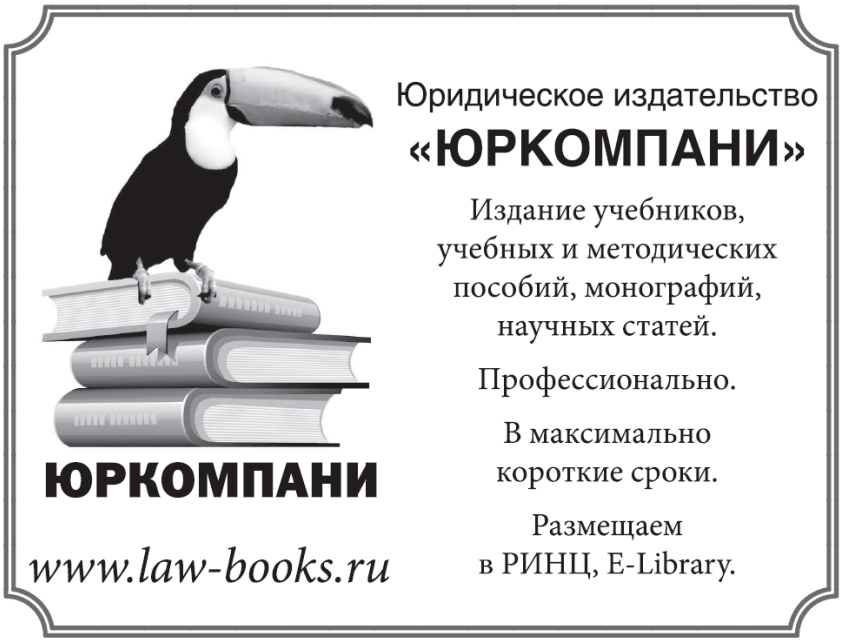
virtue of 15.11.2025) //" Collection of Legislation of the Russian Federation, "30.03.1998, No. 13, Art. 1475.

[7] Order of the Government of the Russian Federation of 23.10.2025 No. 2970-r "On approval of a set of measures for patriotic education and spiritual and moral education of young people in the Russian Federation until 2028 "//" Collection of legislation of the Russian Federation," 27.10.2025, No. 43, Art. 6466.

[8] Federal Law of 17.01.1992 N 2202-I (as amended by 03.02.2025) " On the Prosecutor's Office of the Russian Federation "//" Collection of Legislation of the Russian Federation," 20.11.1995, No. 47, Art. 4472.

[9] "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

[10] Law of the Smolensk Region dated 10.07.2014 N 94-z (as amended by 26.09.2024) " On Patriotic Education in the Smolensk Region "//" Bulletin of the Smolensk Regional Duma and Administration of the Smolensk Region," 11.07.2014, No. 6 (part IV).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-104-109
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИСАКОВА Татьяна Игоревна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель юридического факультета
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
e-mail: kolesn_tanya@mail.ru

ВОЛЧЕНКО Юрий Алексеевич,
адвокат (регистрационный номер 42/1454)
некоммерческая организация
«Коллегия адвокатов центрального района
г. Новокузнецка Кемеровской области № 38»,
e-mail: volchenko.jua@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ ЦЕНТРАМИ ВОЗЛОЖЕННЫХ НА НИХ ЗАДАЧ

Аннотация. *В статье исследуются правовые проблемы, возникающие в процессе внедрения и применения средств персонального контроля (электронных браслетов и мобильных контрольных устройств) при исполнении наказания в виде принудительных работ. Актуальность темы обусловлена цифровой трансформацией уголовно-исполнительной системы, закрепленной в Концепции развития УИС до 2030 года, и расширением перечня технических средств надзора в исправительных центрах. Автором отмечается преемственность правового регулирования: используемый инструментарий ранее был апробирован в практике уголовно-исполнительных инспекций при надзоре за осужденными к ограничению свободы. На основе анализа юридической литературы и норм действующего законодательства выявляются ключевые пробелы и противоречия. Особое внимание уделяется отсутствию в законе четких критериев для определения круга лиц, подлежащих электронному мониторингу, что связано с различиями в правовом статусе осужденных к принудительным работам и к ограничению свободы. Обосновывается вывод о наличии правовой неопределенности в вопросе ответственности за отказ от использования средств контроля и за их умышленную порчу. В статье формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, включая дополнение статьи 60.15 УИК РФ новым составом злостного нарушения, а также обосновывается необходимость разработки ведомственных методических рекомендаций для унификации практики применения персональных средств контроля в исправительных центрах.*

Ключевые слова: *принудительные работы, исправительный центр, средства персонального контроля, электронный браслет, электронный мониторинг, цифровая трансформация, уголовно-исполнительная система, ответственность осужденных, злостное нарушение, правовое регулирование.*

ISAKOVA Tatiana Igorevna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer at the Faculty of Law
at the Kuzbass Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

VOLCHENKO Yuriy Alekseevich,
Lawyer (registration number 42/1454)
Non-Profit Organization
“Bar Association of the Central District of Novokuznetsk,
Kemerovo Region No 38”

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION (DIGITAL) TECHNOLOGIES WHEN CORRECTIONAL CENTERS CARRY OUT THEIR TASKS

Annotation. *The article examines the legal problems arising in the process of implementation and application of personal control means (electronic bracelets and mobile control devices) in the execution of compulsory labor punishment. The relevance of the topic is determined by the digital transformation of the penal system, enshrined in the Concept of Development of the Penal System until 2030, and the expansion of the list of technical means of supervision in correctional centers. The author notes the continuity of legal regulation: the used tools were previously tested in the practice of penal enforcement inspections supervising convicts sentenced to restraint of liberty. Based on the analysis of legal literature and current legislation, key gaps and contradictions are identified. Special attention is paid to the absence in the law of clear criteria for determining the category of persons subject to electronic monitoring, which is associated with differences in the legal status of convicts sentenced to compulsory labor and restraint of liberty. The conclusion about the presence of legal uncertainty regarding responsibility for refusing to use control means and for their intentional damage is substantiated. The article formulates specific proposals for improving penal enforcement legislation, including supplementing Article 60.15 of the Penal Code of the Russian Federation with a new type of malicious violation, and also justifies the need to develop departmental methodological recommendations to unify the practice of applying personal control means in correctional centers.*

Key words: *compulsory labor, correctional center, personal control means, electronic bracelet, electronic monitoring, digital transformation, penal enforcement system, responsibility of convicts, malicious violation, legal regulation.*

Современные технологические решения в сфере контроля за лицами, осужденными к принудительным работам, приобретают особую актуальность в условиях цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Возрастающее значение данных средств обусловлено необходимостью повышения эффективности надзора, обеспечения правопорядка и оптимизации деятельности соответствующих учреждений.

Данный вектор развития непосредственно соотносится с положениями Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, в которой в числе приоритетных направлений модернизации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы обозначены цифровая трансформация, внедрение современных информационно-коммуникационных технологий и развитие научно-технического потенциала [6]. В качестве одного из приоритетных инструментов реализации обозначенных задач законодатель рассматривает систему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, применяемых исправительными центрами (далее - Система). Указанная Система направлена на предупреждение преступлений и иных правонарушений, обеспечение соблюдения установленного порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ, а также на получение и фиксацию информации о поведении осужденных.

Следует отметить, что в последнее время нормативно закрепленный перечень таких средств был дополнен средствами персонального контроля, к числу которых отнесены электронный браслет и мобильное контрольное устройство [7]. Расширение данного инструментария свидетельствует о стремлении к повышению адресности и эффективности надзорных мероприятий в условиях цифровизации уголовно-исполнительной системы.

Прежде чем перейти к рассмотрению некоторых проблемных аспектов применения средств персонального контроля при исполнении наказания в виде принудительных работ, представляется необходимым подчеркнуть, что соответствующий правоприменительный опыт не носит принципиально нового характера. Законодатель ранее уже закреплял возможность использования средств персонального надзора и контроля, включая электронный браслет, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство и ретранслятор [8]. По своему содержанию указанный перечень фактически воспроизводил систему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями при осуществлении надзора за лицами, осужденными к наказанию в виде ограничения свободы [9]. Таким образом, внедрение аналогичных средств в сферу исполнения принудительных работ свидетельствует о преемственности правового регулирования и исполь-

зовании уже апробированных механизмов контроля в новых условиях исполнения наказаний.

В юридической литературе неоднократно обосновывалась целесообразность внедрения системы электронного мониторинга осужденных к принудительным работам. К числу ключевых аргументов в пользу их применения относится снижение уровня рецидивной преступности. Отмечается, что осуществление постоянного дистанционного контроля за поведением осужденных способствует повышению дисциплинированности, формированию правопослушного поведения и, как следствие, уменьшает вероятность совершения ими новых преступлений в период отбывания наказания [1, с. 93].

Кроме того, неоднократно указывается на пробел в правовом регулировании, выражающийся в отсутствии специальной ответственности осужденных к наказанию в виде ограничения свободы за умышленное повреждение оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее - СЭМПЛ) [2, с. 61].

Следует подчеркнуть, что обозначенная проблема в полной мере сохраняет актуальность и в отношении лиц, осужденных к принудительным работам. В действующем правовом регулировании отсутствуют специальные положения, устанавливающие ответственность за умышленную порчу средств персонального контроля данной категорией осужденных, что создает риски злоупотреблений и требует соответствующей корректировки нормативной базы.

В дополнение к обозначенным проблемам в юридической литературе предпринимаются попытки систематизации технических недостатков, возникающих в процессе эксплуатации СЭМПЛ. Так, Т.А. Холиков, А.В. Васильев и А.П. Осипов обобщили указанные недостатки в зависимости от причин их возникновения.

К первой группе ими отнесены проблемы, обусловленные просчетами, допущенными на стадии проектирования СЭМПЛ. Вторую группу составляют недостатки, связанные с низким уровнем технической подготовки сотрудников и некорректным выполнением требований инструкций по эксплуатации системы. Третья группа включает затруднения, вызванные незнанием технических возможностей и непониманием принципов функционирования СЭМПЛ, а также недостаточными теоретическими знаниями в сфере построения сетей связи с использованием стандарта GSM и функционирования систем спутникового позиционирования GPS [3, с. 240-243].

Наряду с обозначенными недостатками, во многом корреспондирующими с проблемами применения СЭМПЛ в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, в условиях внедрения системы персонального контроля в практику исправительных центров актуализируются и иные вопросы правового характера.

В этой связи целесообразно выделить ряд дополнительных проблем, обусловленных как особенностями правового статуса осужденных к принудительным работам, так и организационно-техническими аспектами деятельности исправительных центров.

Переходя к вопросу конкретизации круга лиц, в отношении которых целесообразно применение средств персонального контроля, следует отметить существенные различия между категориями осужденных к ограничению свободы и к принудительным работам. Так, использование СЭМПЛ в отношении лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, мотивировано возложением на них различных ограничений, которые суд закрепляет в решении: запрет выезда за пределы территории муниципального образования, обязательство находиться в месте постоянного проживания в определенные часы суток и иные ограничения.

Даже рассматривая перспективы расширения применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в отношении осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях, в научной литературе высказывается позиция о необходимости дифференцированного подхода. Так, М. Л. Сироткина обоснованно обращает внимание на целесообразность использования соответствующего оборудования не в отношении всего контингента осужденных, а лишь применительно к отдельным категориям, определяемым с учетом степени риска и особенностей их правового статуса [4, с. 50].

В то же время для осужденных к принудительным работам правовое регулирование пока не предусматривает аналогичных ограничений, что делает вопрос применения персональных средств контроля в их отношении преимущественно риторическим. При этом следует учитывать, что осужденные к принудительным работам обязаны постоянно находиться на территории исправительного центра, за исключением случаев, прямо предусмотренных действующим законодательством. Такая особенность исполнения наказания предопределяет необходимость разработки критериев и алгоритмов индивидуального применения средств персонального контроля, исходя из степени риска противоправного поведения и специфики трудовой занятости осужденных.

В связи с изложенным представляется целесообразным разработка уполномоченным ведомством как минимум методических рекомендаций по применению персональных средств

контроля в отношении осужденных к принудительным работам. Данный документ должен содержать конкретные критерии и категории осужденных, для которых использование соответствующего оборудования имеет принципиальное значение, с учетом уровня риска совершения правонарушений, особенностей режима отбывания наказания и трудовой занятости. Формализация таких рекомендаций позволит унифицировать практику применения средств персонального контроля, повысить эффективность надзора и снизить вероятность правоприменительных ошибок в деятельности исправительных центров.

Кроме того, среди правовых проблем следует выделить отсутствие на сегодняшний день нормативно закрепленной ответственности осужденных к принудительным работам за отказ от применения в отношении них средств персонального контроля.

В настоящее время отказ осужденного к ограничению свободы от использования технических средств надзора и контроля рассматривается законодателем как злостное уклонение от отбывания наказания и влечет применение последствий, предусмотренных частью 5 статьи 58 УК РФ [5, с. 25]. Тем самым законодатель исходит из того, что уклонение от электронного контроля подрывает сам механизм обеспечения исполнения наказания и требует усиленной правовой реакции.

В отношении же осужденных к принудительным работам аналогичная норма отсутствует, что формирует правовую неопределенность. При фактическом внедрении средств персонального контроля в деятельность исправительных центров отсутствует прямое указание на последствия отказа от их использования, что может существенно снизить эффективность электронного мониторинга и создать предпосылки для произвольного толкования правоприменителем.

С учетом изложенного представляется обоснованным внесение изменений в часть 2 статьи 60.15 УИК РФ посредством дополнения перечня злостных нарушений новым пунктом «и» следующего содержания: «отказ от использования средств персонального контроля». Такое решение позволит обеспечить системность правового регулирования, устранить существующий пробел и повысить превентивный потенциал цифровых механизмов надзора при исполнении наказания в виде принудительных работ.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что внедрение средств персонального контроля в механизм исполнения наказания в виде принудительных работ является закономерным этапом цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Опираясь на уже апробированный опыт применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в отношении осужденных к ограничению свободы, законодатель создал основу для повышения эффективности надзора в исправительных центрах. Однако, как показало исследование, простое распространение существующих технических решений на новую категорию осужденных без должной адаптации правового регулирования порождает ряд серьезных проблем, способных нивелировать потенциал данных средств.

Ключевым выводом работы является констатация фрагментарности и недостаточной проработанности правового института применения средств персонального контроля к осужденным к принудительным работам. Главной проблемой выступает отсутствие в законодательстве четких критериев и дифференцированного подхода к определению круга лиц, в отношении которых применение электронных браслетов и мобильных устройств является обязательным или целесообразным. В отличие от наказания в виде ограничения свободы, где использование средств электронного мониторинга подконтрольных лиц напрямую связано с необходимостью контроля за соблюдением конкретных судебных ограничений, при принудительных работах такие цели размыты, что требует разработки ведомственных методических рекомендаций, устанавливающих алгоритмы отбора осужденных для электронного мониторинга исходя из оценки риска противоправного поведения и индивидуальных особенностей личности.

Не менее существенным представляется выявленный правовой пробел, касающийся отсутствия специальных норм об ответственности осужденных к принудительным работам как за умышленное повреждение средств персонального контроля, так и за отказ от их использования. В то время как для осужденных к ограничению свободы подобные действия квалифицируются как злостное уклонение от отбывания наказания, в анализируемой сфере правоприменитель оказывается в ситуации неопределенности, что снижает превентивный эффект и создает риски безнаказанного саботажа надзорных мероприятий. В связи с этим представляется обоснованным внесение изменений в часть 2 статьи 60.15 Уголовно-исполнительного кодекса РФ посредством дополнения перечня злостных нарушений указанием на отказ от использования средств персонального контроля, а также умышленное повреждение или уничтожение таких средств, что позволит унифицировать правовые последствия деструктивного поведения осужденных.

Дальнейшее совершенствование правоприменительной практики видится также в разработке Федеральной службой исполнения наказа-

ний методических рекомендаций, детально регламентирующих процедуру применения средств персонального контроля в исправительных центрах, включая критерии отбора осужденных, порядок разъяснения им правил эксплуатации оборудования, а также алгоритм действий сотрудников при выявлении технических неполадок или попыток вмешательства в работу устройств. Реализация предложенных мер будет способствовать формированию целостного и непротиворечивого правового института, позволяющего в полной мере использовать преимущества цифровых технологий для обеспечения режима отбывания наказания, предупреждения правонарушений и достижения целей исправления осужденных к принудительным работам.

Список литературы:

[1] Ковалев, О. Г. Исполнение наказаний в виде принудительных работ: современные тенденции и перспективы / О. Г. Ковалев // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт) : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Благовещенск, 16–17 марта 2023 года. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2023. – С. 90-95. – DOI 10.22250/97859349344171_90. – EDN LRDBMJ.

[2] Зыкова, П. А. Проблемы применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций / П. А. Зыкова // Вестник молодого ученого Кузбасского института : Сборник научных статей. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 60-61. – EDN№ KDPTOQ.

[3] Холиков, Т. А. Обзор проблемных вопросов, возникающих в процессе эксплуатации системы ФГИС СЭМПЛ, и способов их устранения / Т. А. Холиков, А. В. Васильев, А. П. Осипов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Самара, 03–04 июня 2021 года / Самарский юридический институт ФСИН России. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 239-243. – EDN SXSHBN.

[4] Сироткина, М. Л. Расширенные возможности применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М. Л. Сироткина, В. А. Жуков // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 19 октября 2023 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 48-52. – EDN BRNSTZ.

[5] Комбаров, Р. В. Исполнение наказания в виде ограничения свободы: проблемы теории и практики / Р. В. Комбаров ; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики.. – Вологда : Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 58 с. – ISBN 978-5-94991-600-1. – EDN AEOZTR.

[6] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года» от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021 г. - № 20. - Ст. 3397 с изм. и допол. в ред. от 27.05.2023.

[7] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых администрациями исправительных центров для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» от 31.12.2016 № 2932-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2017 г. - № 2 (ч.II). - Ст. 472 с изм. и допол. в ред. от 21.05.2025.

[8] Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых исправительными центрами для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам» от 04.06.2012 № 553 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012 г. - № 24. - Ст. 3189 утратило силу с 14.01.2017 на основании постановления Правительства Российской Федерации от 31.12.2016 № 1592.

[9] Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» от 31.03.2010 № 198 // Российская газета. - 2010 г. - № 72.

References:

[1] Kovalev, O. G. Execution of punishments in the form of forced labor: modern trends and prospects/O. G. Kovalev//Goals of punishment: criminal, penal, criminological and other aspects (domestic and foreign experience): Collection of materials of the international scientific and practical conference,

Blagoveshchensk, March 16-17, 2023. - Blagoveshchensk: Amur State University, 2023. - S. 90-95. – DOI 10.22250/97859349344171_90. – EDN LRDBMJ.

[2] Zykova, P. A. Problems of using the electronic monitoring system for controlled persons by employees of criminal executive inspections/P. A. Zykov//Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute: Collection of scientific articles. - Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. - S. 60-61. – EDN№ KDPTOQ.

[3] Kholikov, T. A. Review of problematic issues arising during the operation of the FSIS SEMPL system and ways to eliminate them/T. A. Kholikov, A. V. Vasiliev, A. P. Osipov//Penitentiary safety: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Samara, June 03-04, 2021/Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. - S. 239-243. – EDN SXSHBN.

[4] Sirotkina, M. L. Expanded possibilities of using the electronic monitoring system for controlled persons in institutions of the penitentiary system/M. L. Sirotkina, V. A. Zhukov//Actual problems of the activities of units of the penitentiary system: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, October 19, 2023. - Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book," 2023. - S. 48-52. – EDN BRNSTZ.

[5] Kombarov, R.V. Execution of punishment in the form of restriction of freedom: problems of theory and practice/R.V. Kombarov; Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2021. - 58 p. - ISBN 978-5-94991-600-1. – EDN AEOZTR.

[6] Order of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2030" dated 29.04.2021 No. 1138-r//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2021 - No. 20. - Art. 3397 rev. and addendum. as amended by 27.05.2023.

[7] Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by the administrations of correctional centers to prevent crimes, violations of the procedure and conditions for serving forced labor and to obtain the necessary information about the behavior of those sentenced to forced labor" dated 31.12.2016 No. 2932-r//Collection of legislation of the Russian Federation. - 2017 - No. 2 (part II). - Art. 472 with rev. and additional. as amended by 21.05.2025.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by correctional centers to prevent crimes, violations of the procedure and conditions for serving forced labor and to obtain the necessary information about the behavior of those sentenced to forced labor" dated 04.06.2012 No. 553//Collection of legislation of the Russian Federation. - 2012 - No. 24. - Art. 3189 became invalid with 14.01.2017 on the basis of the Decree of the Government of the Russian Federation of 31.12.2016 No. 1592.

[9] Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by criminal executive inspections to ensure supervision of convicts sentenced to punishment in the form of restriction of freedom" dated 31.03.2010 No. 198//Rossiyskaya Gazeta. - 2010 - No. 72.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-110-115

КАРПОВА Александра Владимировна
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

ПРОБЛЕМА ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ системного кризиса, связанного с дефицитом кадров в органах внутренних дел Российской Федерации. На основе анализа официальных заявлений руководства МВД и экспертных оценок выделяются ключевые причины массового оттока сотрудников. К числу основных факторов отнесены: несоответствие уровня денежного довольствия современным экономическим реалиям и высокая нагрузка на личный состав, которая усиливается многолетним дефицитом комплектования ключевых служб (участковых, патрульно-постовой службы, уголовного розыска). Отмечается, что колоссальная бюрократическая нагрузка и профессионализация служебных рисков приводят к массовому профессиональному выгоранию и снижению престижа профессии. Рассматриваются основные направления кадровой политики, ориентированные на стабилизацию ситуации, включая меры по повышению социальной защищенности сотрудников, реформированию системы подготовки кадров и поиску организационных резервов для оптимизации нагрузки. Делается вывод о необходимости системного подхода, сочетающего материальное стимулирование с восстановлением социального статуса сотрудника полиции.*

Ключевые слова: *органы внутренних дел, кадровый дефицит, текучесть кадров, профессиональное выгорание, социальные гарантии, имидж полиции, кадровая политика.*

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,
Lecturer in the departments of special disciplines
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Political Sciences

THE PROBLEM OF STAFF TURNOVER IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES: CAUSES AND SOLUTIONS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the systemic crisis associated with personnel shortages in the internal affairs agencies of the Russian Federation. Based on an analysis of official statements from the Ministry of Internal Affairs leadership and expert assessments, the key reasons for the mass attrition are identified. Key factors include a discrepancy between salary levels and current economic realities and a high workload, exacerbated by long-standing staffing shortages in key services (district police officers, patrol and post services, and criminal investigation). It is noted that the colossal bureaucratic burden and the professionalization of service risks lead to widespread professional burnout and a decline in the prestige of the profession. The article examines the key areas of personnel policy aimed at stabilizing the situation, including measures to improve social security for employees, reform the training system, and identify organizational reserves to optimize workload. It concludes that a systemic approach is needed, combining financial incentives with the restoration of the social status of police officers.*

Key words: *internal affairs agencies, personnel shortage, staff turnover, professional burnout, social guarantees, police image, personnel policy.*

Кадровый состав представляет основу любого ведомства, а для органов внутренних дел этот тезис приобретает особое, подчас определяющее значение. От того, кто приходит на службу, как долго задерживается и с каким профессионализмом действует, напрямую зави-

сит не только раскрываемость преступлений, но и доверие граждан к правоохранительной системе в целом. В последние годы проблема текучести личного состава в МВД России из чисто ведомственной переросла в общегосударственную, затрагивающую основы общественной безопасности. В настоящее время разрыв между числом увольняющихся и вновь поступающих на службу сотрудников достиг критических значений. Наиболее остро эта ситуация проявляется в подразделениях, которые несут основную нагрузку по охране общественного порядка и непосредственной работе с населением, глава ведомства В.А. Колокольцев заявляет «в ППС нехватка кадров оценивается в 40%, в уголовном розыске — 30%, в следствии — 27%, среди участковых — более четверти» [1]. Следствием кадрового голода становится рост нагрузки на оставшийся персонал, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему оттоку сотрудников. Этот замкнутый круг руководство ведомства уже охарактеризовало как «работу за гранью возможностей». По итогам 2025 года, количество уволившихся (80 тыс.) почти вдвое превысило количество поступивших (32 тыс.) [2]. Поэтому внимание к проблеме не случайно. Сами сотрудники называют основными причинами ухода бессмысленную бюрократическую нагрузку и отсутствие времени на нормальную оперативную работу. Таким образом, сложившееся положение требует не экстренных, а системных решений, которые будут затрагивать как материальное, так и организационное, и статусное положение полицейского. Отказ от устранения первопричин оттока кадров будет и впредь вести к накоплению проблем в правоохранительной сфере. В этой связи цель нашей работы – определить ключевые факторы, побуждающие сотрудников покидать службу, а также предложить действенные механизмы для восстановления кадрового потенциала органов внутренних дел. Для этого потребуется проанализировать характер и структуру увольнений, выделить главные группы причин и оценить эффективность мер, уже предложенных законодателями и руководством ведомства.

Прежде чем говорить о возможных путях стабилизации кадровой обстановки, необходимо детально разобраться в том, что именно заставляет сотрудников покидать службу. Причины увольнений – это не единичный фактор, а целый комплекс пересекающихся проблем. Анализ показывает, что сегодня мы сталкиваемся с действием нескольких разнонаправленных сил, которые, накладываясь друг на друга, создают критический отток персонала. При всем многообразии факторов, влияющих на решение сотрудника об уходе, принято выделять несколько устойчивых групп причин. Они делятся на экономические, которые напрямую зависят от оплаты труда и обеспеченности жильем, организационные, проявляющиеся в процессах, порожденных самой системой управления и документооборота, и социально-психологические, обусловленные эмоциональным выгоранием и утратой смыслов. Далее следует остановиться на каждой из них подробнее.

1. Экономические факторы.

Как показывает практика, при принятии решения об увольнении сотрудник редко называет какую-то одну причину. Чаще всего срабатывает целый клубок проблем. Однако если попытаться выделить самый первый, самый ощутимый толчок к размышлениям «стоит ли оставаться», то это, как правило, финансовое положение. Именно экономическая нестабильность и неудовлетворенность денежным довольствием выступает тем стартовым механизмом, который заставляет человека искать другие варианты. Рассмотрим, какие конкретные материальные аспекты сегодня подталкивают людей к уходу из органов. Министр внутренних дел прямо указал на низкий уровень заработной платы как на одну из ключевых причин оттока кадров. По словам заместителя министра Игоря Зубова, «престижность службы в полиции сейчас упала» [3], и одна из причин — несоответствие зарплаты и предоставляемых сотрудникам социальных льгот рыночным условиям. Председатель Московского межрегионального профсоюза полиции и Росгвардии Михаил Пашкин называет зарплаты основной причиной кадрового кризиса. В 2026 году он заявил: «Я сомневаюсь, что люди пойдут работать за 70 тысяч. Даже курьеры получают гораздо больше сотрудника полиции, который жизнью порой рискует» [4]. Продолжительный период времени ситуация усугублялась тем, что в период стажерства, который сопровождался от двух до шести месяцев, будущие сотрудники могли рассчитывать лишь на 50% оклада. Это существенно снижало мотивацию к поступлению на службу, особенно для выпускников вузов, имеющих альтернативные варианты трудоустройства.

Среди всех мер социальной защиты, предоставляемых государством сотрудникам органов внутренних дел, жилищное обеспечение занимает особое место. В отличие от денежного довольствия, размер которого можно оценить ежемесячно, жилье — это фундаментальная, долговременная гарантия, формирующая основу стабильности для сотрудника и его семьи. Без решения жилищного вопроса человек не может планировать будущее, чувствовать себя защищенным и, как следствие, быть полностью включенным в служебную деятельность. Актуальность

проблемы не вызывает сомнений, поскольку конституционное право на жилище (ст. 40 Конституции РФ) для сотрудников ОВД реализуется в особом порядке. Законодательство предусматривает три основных механизма: предоставление служебного жилого помещения, передача жилья в собственность, а также единовременная социальная выплата на его приобретение или строительство. Появление в 2011 году последнего механизма, безусловно, стало прогрессом, однако на практике его внедрение столкнулось с серьезными препятствиями.

Количество сотрудников, вставших на очередь на получение социальной выплаты, уже многократно превысило финансовые возможности государства. Дефицит бюджета и ограниченность ведомственного жилищного фонда привели к тому, что в очереди годами, а иногда и десятилетиями, ожидают своей очереди тысячи семей. Таким образом, жилищная проблема — это не просто социальная напряженность, а прямой фактор, влияющий на текучесть кадров. Сотрудник, утративший надежду на получение жилья от государства, теряет и мотивацию к дальнейшей службе.

2. Организационные факторы

Экономические причины — будь то невысокое денежное довольствие или многолетнее ожидание жилищной выплаты — создают устойчивый фон неудовлетворенности. Парадокс кадровой ситуации в МВД в том, что сегодня из ведомства уходят не только те, кому не хватает зарплаты или жилья, но и сотрудники с устойчивым финансовым положением, выслугой лет, опытом. Здесь вступают в силу иные, неэкономические обстоятельства. Они коренятся не в недостатке средств, а в том, как организован сам служебный процесс. Перейдем к их рассмотрению.

По свидетельству председателя профсоюза сотрудников полиции Михаила Пашкина, не менее половины потенциальных увольнений можно было бы предотвратить, если бы в подразделениях работали грамотные руководители, способные выстроить здоровые отношения с личным составом [5]. Этот тезис неизбежно переводит разговор в плоскость организационных факторов — тех особенностей служебного распорядка, системы управления и внутренней культуры, которые подчас выталкивают человека из органов быстрее, чем низкая зарплата.

Одним из организационных факторов является стиль управления и межличностные отношения. Массовый отток сотрудников многие связывают с дефицитом управленческой культуры руководителей, например, элементарного уважения со стороны начальства. Многих сотрудников заставляет уходить из системы, даже при сравнительно приемлемом уровне дохода, повседневная служебная рутина, «крики», «унижения» и токсичная атмосфера. Этот тезис высвечивает тревожную закономерность: руководящие должности постепенно покидают (или их целенаправленно освобождают) те, кто держится за человеческое отношение к подчиненным. Руководители, не желающие лишать премий без повода и вгонять сотрудников в переработки ради формальных показателей, в этой системе задерживаются наадолго. Таким образом, на корпоративном уровне складывается порочный круг, где негативный стиль управления становится не случайностью, а нормой, способствующей дальнейшему опустошению рядов.

Следующим организационным фактором является чрезмерная бюрократическая нагрузка и эрозия функционала. В числе основных претензий увольняющихся — бессмысленная, по их определениям, «писарская работа», которая съедает время, необходимое для реального выполнения оперативных задач. Министр Колокольцев поручил максимально снизить нагрузку на сотрудников за счет сокращения документооборота и цифровизации «рутинных функций» [6]. Даже при колоссальном дефиците кадров, когда работающие сотрудники вынуждены трудиться буквально на пределе и за гранью нормативных возможностей, объем бумажной отчетности не только не снижается, но порой увеличивается, как следствие, профессиональные навыки полицейских в таких условиях деградируют. Опасность этого процесса в том, что он становится самоподдерживающимся. Погоня за плановыми цифрами отучает сотрудников от реальной оперативной работы и ведет к постепенному омертвлению квалификации, успех измеряется не реальными делами, а их письменной проекцией. Такая трансформация делает их невостребованными после увольнения на гражданке, а саму службу — карьерным путем без перспектив, что провоцирует уход даже у тех, кто не нашел другого места. Перспективное направление — не просто внедрение новых систем, а их интеграция таким образом, чтобы данные вводились один раз и использовались многократно. Это требует не только техники, но и пересмотра самих управленческих процедур. Требуется подлинная оптимизация нагрузки. Речь должна идти не о переименовании должностей, а о реальном сокращении бумажной работы. Сегодня она отнимает основную часть служебного времени.

Нельзя обойти стороной и организационный фактор — противоречия, заложенные в самом управлении кадрами. Эти противоречия глубже, чем стиль руководства или объем отчетности, они коренятся в устройстве кадровой системы. С одной стороны, официально декларируется жест-

кий, многоступенчатый отбор: психологическая диагностика, проверки, длительная стажировка. С другой — кадровый голод вынуждает руководство постоянно делать исключения, фактически разрушая собственные правила. Это подрывает принцип равного доступа к государственной службе и ставит под угрозу профессионализм ведомства, потому что настоящий оперативник, следователь или участковый получает знания и опыт годами. Отдельный пласт проблем — влияние семейно-родственных связей. Формальные принципы подбора и ротации соседствуют с неформальными практиками. Возникает двойной стандарт, и рядовые сотрудники воспринимают его крайне болезненно. Система оказывается в противоречии сама с собой. То, что раньше ценилось — династии, передача опыта от старших к младшим, — сегодня нередко объявляется конфликтом интересов. Преемственность рушится, ценные специалисты уходят, их вымывает механистичной ротацией.

Двойствен и правовой статус сотрудника. Формально он гражданин, но на деле связан ведомственными нормами, которые часто расходятся с гражданским законодательством. При служебных спорах и увольнениях это оборачивается неравенством. Люди чувствуют себя незащищенными, а любой конфликт с начальством — заведомо проигрышным. В итоге кадровая политика упирается в фундаментальные противоречия: между требованиями безопасности и жесткой экономией, между старыми бюрократическими методами и новыми вызовами, между обещаниями социальной защиты и ее реальным уровнем. Пока эти противоречия не разрешатся, любые точечные меры будут давать лишь временный эффект.

3. Психологические факторы.

Однако дело не только в зарплате и организации труда. Есть еще факторы, которые живут внутри самого человека. Их называют психологическими: эмоциональное истощение, потеря интереса к работе, ощущение собственной беспомощности. Они не менее опасны, чем любые материальные трудности.

Любая профессиональная деятельность имеет физиологические пределы. Когда эти пределы систематически превышаются, наступает истощение. В МВД, как признают на самом верху, этот порог давно пройден. Сотрудники не просто устают — они работают на износ. И это не метафора, а констатация факта. Рассмотрим, из чего складывается такая нагрузка и почему она становится фатальной для кадровой стабильности. Сотрудники работают в условиях хронической нехватки времени и систематических переработок. Глава ведомства признал, что личный состав трудится на пределе нормативных возможностей, а зачастую и за их гранью. При этом оплата сверхурочных и своевременное предоставление отпусков, по его же словам, остаются проблемными зонами, которые до сих пор не решены.

Запредельная нагрузка неизбежно ведет к следующему этапу — профессиональному выгоранию. Это уже не просто усталость, а глубокая деформация, когда человек перестает видеть смысл в своей работе и в своей жизни в целом. Рассмотрим этот феномен применительно к сотрудникам ОВД. Постоянные контакты с криминальной средой, необходимость мгновенно принимать решения в экстремальных ситуациях, колоссальная ответственность — все это рано или поздно приводит к профессиональному выгоранию. В экспертных комментариях отмечается, что моральное истощение перестало быть исключением и превратилось в рядовое явление, привычное для многих сотрудников.

Есть и еще один фактор, который часто упускают из виду. Привлечь новых людей на службу мешает не только низкая зарплата, но и, по имеющимся данным, отсутствие карьерного роста в сочетании с неразвитостью социальных гарантий. Для молодых специалистов, особенно имеющих высшее образование, невозможность спланировать свое продвижение по службе становится мощным демотивирующим фактором. Они не видят разумных оснований оставаться в системе, которая не предлагает им ясных профессиональных перспектив.

Перечисленные выше факторы — экономические, организационные и психологические — действуют одновременно, усиливая друг друга. Кадровый голод нарастает, нагрузка на оставшихся сотрудников увеличивается, следовательно, увольнения продолжаются. Система оказалась в замкнутом круге. Вопрос уже не в том, можно ли его разорвать, а в том, какие меры для этого предлагаются и насколько они адекватны масштабу проблемы. Кадровый кризис требует системного ответа, который охватывал бы несколько направлений одновременно.

Кадровый голод нарастает так быстро, что ждать результата от действия долгосрочных реформ у руководства просто нет времени. Нужны меры, которые дадут эффект здесь и сейчас. Поэтому основной упор делается на законодательные послабления. Так, например, отменена обязательная стажировка, для граждан, впервые поступающих на службу. Стажировка продолжительностью от двух до шести месяцев, по мнению авторов инициативы, «негативно отражается на процессе комплектования ОВД». Принятие закона позволит новичкам быстрее влиться в работу. Стажировку предполагается заменить индивидуальным обучением под руководством

непосредственного начальника и наставника из числа опытных сотрудников. Также планируется изменить срок первого контракта с сотрудником, впервые поступившим на службу в полицию: от одного до пяти лет (вместо прежних фиксированных четырех лет). Это позволит упростить процедуру увольнения, если возникнет такая необходимость.

Отмена стажировки и упрощенный порядок приема сами по себе не удерживают человека на службе. Они лишь облегчают вход, но не создают мотивации оставаться. Если сотрудник не чувствует себя защищенным — ни материально, ни юридически, — он уйдет так же быстро, как и пришел. Здесь ключевую роль играют социальные гарантии: жилье, медицина, пенсия. Руководство МВД признает, что чувствительные вопросы — своевременные отпуска, оплата переработок — пока не решены, но требуют решения. Денежное довольствие должно быть конкурентоспособным на рынке труда. Пока разрыв с другими секторами сохраняется, рассчитывать на устойчивый приток молодых кадров не приходится. Повышение зарплат анонсировано, однако конкретные параметры пока не определены. В некоторых регионах сотрудники получают ежемесячную доплату, например, в Липецкой области сотрудникам ППС установлена ежемесячная выплата в размере 10 тыс. рублей [7]. Кроме того, рассматриваются меры по совершенствованию ситуации жилищного обеспечения сотрудников, так как необходима реальная, а не декларируемая очередь на жилье. Основная инициатива масштабного реформирования системы — с 1 января 2027 года распространить на сотрудников МВД принципы накопительно-ипотечной системы (НИС), которая успешно действует в армии. По замыслу, это позволит сотруднику приобрести жилье в первые годы службы за счет целевого государственного займа. Также продолжается работа по пересмотру и актуализации размера пенсий лицам, проходившим службу.

В начале марта 2026 года на расширенном заседании коллегии МВД Президент РФ обозначил один из путей преодоления острейшего кадрового кризиса в ведомстве [8]. Инициатива по привлечению ветеранов боевых действий в штат правоохранительных органов получила поддержку на самом высоком уровне. Она рассматривается как одна из приоритетных мер, направленных на восстановление кадрового потенциала МВД. Ставка в данном случае делается на особые профессиональные навыки и устойчивость к стрессу, которые приобретаются в реальных боевых условиях и которые невозможно в полной мере сформировать в обычных условиях службы.

И наконец, важно вернуть профессии общественный престиж. Полицейский не должен восприниматься как человек с палочкой или источник отчетности. Позитивное, а главное — правдивое освещение работы полиции в медиа способно постепенно изменить отношение граждан.

Кадровый голод не должен означать снижение планки. Напротив, чем меньше людей приходит, тем тщательнее надо оценивать каждого. Но оценка должна начинаться не в приемной комиссии, а задолго до нее. Профориентационная работа со школьниками — первый рубеж. Если человек с детства не понимает, куда идет и зачем, он с высокой вероятностью уйдет в первые же два года. Второй элемент — система наставничества, которая не сводится к формальному шефству, а предполагает реальную передачу опыта. Третий — создание стимулов для тех, кто уже зарекомендовал себя. Опытный сотрудник должен видеть не только ответственность, но и выгоду от того, что готовит новичков. В 41 регионе некомплект превышает четверть штатной численности [9]. Это означает, что единая федеральная кадровая политика здесь не работает — или работает во вред. Нужен дифференцированный подход: в одних регионах — экстренные меры по привлечению, в других — удержание, в третьих — ротация.

Проведенный анализ позволяет утверждать: ни одна изолированная мера не способна переломить ситуацию. Для этого необходим постоянный, а не эпизодический мониторинг, результаты которого должны оперативно влиять на управленческие решения. Кадровая устойчивость держится на четырех столпах — деньгах, жилье, нагрузке и общественном признании. Ослабление любого из них неизбежно ведет к оттоку. Сегодня ослаблены все четыре. Вывод однозначен: восстановление возможно лишь при одновременном, синхронном усилении каждого из этих направлений. Откладывать или выбирать приоритеты — значит обрекать реформу на провал.

Список литературы:

[1] Сайт: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 Число уволившихся из МВД за год на 40% превысило количество нанятых сотрудников

[2] Сайт: https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2026/02/19/kolokoltsev-zayavil-o-rekordnom-ottoke-kadrov-iz-organov-mvd-rossii/ Колокольцев заявил о рекордном оттоке кадров из органов России

[3] Сайт: https://s30587928945.mirtesen.ru/blog/43713478981/Kolokoltsev-rasskazal-o-probleme-s-komplektovaniem-kadrov-v-MVD Колокольцев рассказал о проблеме с комплектованием кадров в МВД

[4] Сайт: https://mirnov.ru/amp/obshchestvo/vlast-i-zakon/ja-b-v-policiyu-poshel-esli-b-ne-zarplata.html Я б в полицию пошел, если б не зарплата…

[5] Сайт: https://www.mk.ru/amp/social/2026/01/28/pashkin-nazval-unizheniya-so-storony-nachalstva-prichinoy-massovogo-ukhoda-iz-policii.html Пашкин назвал унижения со стороны начальства причиной массового ухода из полиции

[6] Сайт: https://www.interfax.ru/russia/1078136 Глава МВД поручил снизить нагрузку на полицейских путем оптимизации рутинных функций

[7] Сайт: https://oblsovet.ru/news/45325/ Депутаты обсовета продлили предоставление ежемесячных выплат сотрудникам правоохранительных органов

[8] Сайт: https://www.pnp.ru/social/putin-poruchil-aktivnee-nabirat-veteranov-svo-na-rabotu-v-mvd.html Путин поручил активнее набирать ветеранов СВО на работу в МВД

[9] Сайт: https://tass.ru/obschestvo/26496185 Колокольцев сообщил о проблеме с комплектованием кадров в МВД

References:

[1] Site: https://www.kommersant.ru/doc/8443130 The number of those who quit the Ministry of Internal Affairs for the year exceeded the number of hired employees by 40%

[2] Site: https://tvkrasnodar.ru/obshchestvo/2026/02/19/kolokoltsev-zayavil-o-rekordnom-ottoke-kadrov-iz-organov-mvd-rossii/Kolokoltsev announced a record outflow of personnel from Russian authorities

[3] Site: https://s30587928945.mirtesen.ru/blog/43713478981/Kolokoltsev-rasskazal-o-probleme-s-komplektovaniem-kadrov-v-MVD Kolokoltsev spoke about the problem with staffing in the Ministry of Internal Affairs

[4] Сайт: https://mirnov.ru/amp/obshchestvo/vlast-i-zakon/ja-b-v-policiyu-poshel-esli-b-ne-zarplata.html Я б в полицию пошел, если б не зарплата…

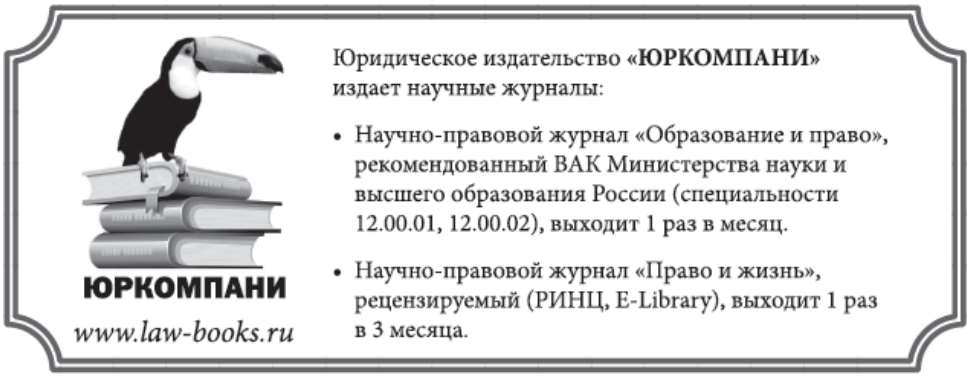
[5] Site: https://www.mk.ru/amp/social/2026/01/28/pashkin-nazval-unizheniya-so-storony-nachalstva-prichinoy-massovogo-ukhoda-iz-policii.html Pashkin called humiliation by his superiors the reason for the mass departure from the police

[6] Site: https://www.interfax.ru/russia/1078136 The head of the Ministry of Internal Affairs instructed to reduce the burden on police officers by optimizing routine functions

[7] Site: https://oblsovet.ru/news/45325/ Deputies of the regional council extended the provision of monthly payments to law enforcement officers

[8] Website: https://www.pnp.ru/social/putin-poruchil-aktivnee-nabirat-veteranov-svo-na-rabotu-v-mvd.html Putin instructed to actively recruit SVO veterans to work in the Ministry of Internal Affairs

[9] Site: https://tass.ru/obschestvo/26496185 Kolokoltsev reported a problem with staffing in the Ministry of Internal Affairs

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-116-120

ЕЛЬЧАНИНОВ Андрей Петрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник центра
изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной
системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: petrovich2102@rambler.ru

«КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ», «КОМПЛЕКТОВАНИЕ КАДРОВ» И «ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ»: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЙ И ИХ РОЛЬ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена теоретико-практическому анализу понятий «кадровое обеспечение», «комплектование кадров» и «формирование кадров» в контексте управления персоналом уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). Автор анализирует нормативно-правовую базу и научные подходы к определению этих терминов, выявляет их содержательные различия и точки пересечения. Особое внимание уделяется роли каждого процесса в системе управления кадрами УИС от стратегического планирования кадрового потенциала до практической реализации подбора и адаптации сотрудников. На основе анализа текущей кадровой политики УИС выявлены проблемные зоны, связанные с размытостью терминологии и отсутствием четкого распределения функций между этапами работы с кадрами. В работе уточняются определения каждого понятия с учетом специфики УИС, выстраивается логическая последовательность этапов работы с кадрами. Предложены рекомендации по совершенствованию кадровой работы в УИС за счет более четкого разграничения понятий и согласования соответствующих процедур. Результаты исследования могут быть использованы при разработке ведомственных нормативных правовых актов, программ обучения сотрудников кадровых служб и стратегий кадрового потенциала УИС.*

Ключевые слова: *кадровое обеспечение, формирование кадров, комплектование кадров, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, работа с кадрами, кадровая политика.*

ELCHANINOV Andrey P.,
PhD (Law), Senior researcher the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

«STAFFING», «RECRUITMENT» AND THE «FORMATION OF PERSONNEL»: BOUNDARIES OF CONCEPTS AND THEIR ROLE IN THE PERSONNEL MANAGEMENT OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the theoretical and practical analysis of the concepts of «staffing», «recruitment» and «personnel formation» in the context of personnel management of the penitentiary system of the Russian Federation (hereinafter referred to as the UIS). The author analyzes the regulatory framework and scientific approaches to the definition of these terms, identifies their substantive differences and points of intersection. Special attention is paid to the role of each process in the personnel management system of the management system, from strategic planning of human resources to the practical implementation of recruitment and adaptation of employees. Based on the analysis of the current personnel policy of the management System, problem areas have been identified related to the vagueness of terminology and the lack of a clear distribution of functions between the stages of working with personnel. The paper clarifies the definitions of each concept, taking into account the specifics of the management system, and builds a logical sequence*

of stages of working with personnel. Recommendations are proposed for improving the personnel work in the management system due to a clearer delineation of concepts and coordination of relevant procedures. The results of the study can be used in the development of departmental regulations, training programs for personnel services and strategies for the personnel potential of the management system.

Key words*: staffing, personnel formation, recruitment, penal enforcement system of the Russian Federation, work with personnel, personnel policy.*

Введение. Эффективность функционирования УИС напрямую зависит от качества кадрового потенциала, который формируется посредством взаимосвязанных процессов кадрового обеспечения, комплектования кадров, формирования кадров. Несмотря на частое употребление этих терминов в научной литературе и ведомственных документах, часто в значении слов-синонимов, их содержательные границы остаются размытыми, что приводит к смешению понятий и затрудняет выстраивание эффективной кадровой политики. Размытость границ между понятиями затрудняет стратегическое планирование кадрового потенциала, организацию подбора и отбора кандидатов на должности УИС, организацию программ профессионального развития и адаптации сотрудников.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью четкого разграничения указанных понятий для совершенствования организационно-правового обеспечения работы с кадровым составом УИС. Объектом исследования выступает система управления персоналом УИС. Предмет исследования – понятия «кадровое обеспечение», «формирование кадров», «комплектование кадров». В работе применяются методы сравнительного анализа, системного подхода, нормативно-правового анализа и обобщения практики кадровой работы в УИС.

Основная часть. Содержательные особенности понятий «кадровое обеспечение», «формирование кадров», «комплектование кадров», в том числе применительно к деятельности УИС, исследовались различными учеными, среди которых можно назвать: А. Я. Кибанова [1], В. И. Огородникова [2], О. В. Кочкину [3], Е. Н. Мазаник [4], Д. А. Брыкова [5] и др.

Следует отметить, что анализ правовых актов, регламентирующих кадровую деятельность в УИС, показал отсутствие нормативно закрепленных дефиниций понятий «кадровое обеспечение», «формирование кадров», «комплектование кадров». Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Далее – Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ) содержит главу 11 «Формирование кадрового состава уголовно-исполнительной системы», в которой само понятие не раскрывается, а лишь формулируются принципы «формирования кадрового состава» (статья 77).

Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» среди полномочий ФСИН России закрепляет за этим органом кадровое обеспечение центрального аппарата ФСИН России, ее территориальных органов, учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов. При этом понятие «кадровое обеспечение» не определяется. Приказы и распоряжения Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний также четко не определяют исследуемые понятия. Концепция развития УИС на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, упоминает о формировании высококвалифицированного кадрового состава лишь один раз в разделе XVIII. Совершенствование условий несения службы (выполнения работы), не раскрывая этого понятия.

Единых подходов в определении понятий «кадровое обеспечение», «формирование кадров», «комплектование кадров» не выработано и научным сообществом. Так, А.П. Комков и Д.А. Брыков понятие «кадровое обеспечение» применительно к деятельности УИС определяют как комплексный результат реализации кадровой работы и кадровой политики, который выражается в качественном укомплектовании учреждений и органов ФСИН России сотрудниками, имеющими необходимые компетенции [5, с. 40-41].

Н.У. Шогенова, определяя понятие «формирование кадров», отмечает целенаправленность и непрерывность этого процесса. По ее мнению, данная категория объединила действия кадровых аппаратов учреждений и органов ФСИН России по подбору, отбору кадров, их развитию и образованию, а также их рациональное использование и расстановку [6].

О.В. Кочкина под комплектованием УИС кадровым составом понимает процесс замещения вакантных должностей квалифицированными сотрудниками. При этом она считает понятие «комплектование» шире понятия «формирова-

ние» [3, с. 119]. Этапами комплектования она признает: кадровое планирование; подбор, отбор кадров; расстановку и адаптацию [7, с. 133-134]. Позиция О.А. Плохого [8, с. 12] в вопросе этапов комплектования в целом соответствует позиции О.В. Кочкиной в этом вопросе. Однако он не относит к этапам комплектования адаптацию сотрудников после их назначения на должность.

Е.Н. Мазаник определяет комплектование как процесс по подбору, отбору и расстановки кадров [4, с. 276].

Обобщив позиции вышеперечисленных авторов, можно видеть, что ими предложены два подхода в определении понятия «комплектование кадрами»: узкое и широкое. В первом случае (Е.Н. Мазаник) этот термин ассоциируется лишь с подбором, отбором и расстановкой кадров. В широком понимании (О.В. Кочкина) понятие «комплектование кадров» включает в себя еще процессы кадрового планирования и начальной адаптации сотрудников, назначенных на должности в учреждениях и органах УИС. Таким образом, широкое понимание «комплектование кадров» почти полностью совпадает по смыслу с определением понятия «формирование кадров», которое приводит в своем исследовании Н.У. Шогенова. С нашей точки зрения узкий подход в понимании комплектования кадров более предпочтителен, поскольку он более соответствует значению слова «комплектование».

В словаре русского языка значение этого слова определяется как составление комплекта, добавление до комплекта [9]. Дефиниция понятия, сформулированная Н.У. Шогеновой, в значительной степени соответствует основным направлениям формирования кадрового состава УИС, закрепленных в Федеральном законе № 197-ФЗ. Среди таких направлений закон называет не только применение кадровых технологий при приеме на службу, но и подготовку на плановой основе кадров для замещения должностей в УИС, работу с резервом для выдвижения на вакантные должности, организацию аттестации сотрудников на предмет профессиональной пригодности, создание условий для профессионального и должностного роста.

Обобщая приведенные выше позиции, определяющие подходы в определении понятий «кадровое обеспечение», «формирование кадров», «комплектование кадров», представляется, что соотношение этих понятий применительно к деятельности УИС можно представить в следующем виде.

Кадровое обеспечение, по нашему мнению, в рассматриваемой триаде понятий, является наиболее широким понятием, охватывающим всю совокупность мероприятий, направленных на создание условий для эффективной служебной деятельности сотрудников УИС. Оно включает в себя:

- планирование потребности в кадрах;
- профессиональную переподготовку и подготовку персонала УИС;
- подбор, отбор и назначение сотрудников на должности УИС;
- расстановку и ротацию сотрудников;
- социальное и пенсионное обеспечение сотрудников;
- стимулирование и мотивацию работы персонала;
- оценку эффективности служебной деятельности;
- поддержание на должном уровне служебной этики и корпоративной культуры.

Кадровое обеспечение носит системный и непрерывный характер, охватывает весь цикл работы с персоналом – от прогнозирования потребности в персонале до увольнения и постслужебной адаптации.

Понятие «формирование кадрового состава» представляет собой процесс создания устойчивого, сбалансированного и квалифицированного коллектива сотрудников УИС, способного выполнять возложенные на систему задачи. Оно включает в себя следующие кадровые процессы:

- внедрение современных кадровых технологий;
- подбор, отбор и назначение сотрудников на должности УИС;
- развитие кадрового резерва;
- расстановку и ротацию сотрудников;
- карьерное продвижение сотрудников;
- оптимизацию штатной численности сотрудников УИС.

Формирование кадрового состава ориентировано на долгосрочную перспективу и предполагает не только заполнение вакантных должностей, но и создание условий для должностного и профессионального роста сотрудников, стабильности системы, преемственности опыта.

Понятия «формирование кадрового состава» и «кадровое обеспечение» соотносятся как часть и целое. Комплектование кадрами УИС – наиболее конкретный и ограниченный по времени процесс, заключающийся в подборе, отборе кадров, в назначении и расстановке сотрудников на должности УИС. Этот кадровый процесс включает в себя ряд этапов:

- выявление потребности в новых сотрудниках;
- подбор и отбор кандидатов службу в УИС;
- оформление и прием на службу в УИС;

– первичную адаптацию к условиям службы вновь назначенных сотрудников.

Комплектование кадрами носит оперативный характер и является начальной стадией работы с персоналом УИС. Оно решает задачу заполнения конкретных вакансий, но не охватывает вопросы долгосрочного развития сотрудников УИС.

Заключение. Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать ряд обобщений. Понятийный аппарат, определяющий кадровые процессы в УИС, является многоуровневой системой взаимообусловленных категорий, находящихся в тесной взаимосвязи. Между тем, анализ нормативных правовых актов и научной литературы указывает на терминологическую неопределенность и недостаточную концептуальную проработанность базовых дефиниций, определяющих кадровые процессы, обеспечивающие деятельность УИС. В частности, нормативно не определены такие ключевые понятия как «кадровое обеспечение», «формирование кадрового состава», «комплектование кадрами», что приводит к проблемам в реализации кадровой политики ФСИН России: затрудняется планирование кадрового потенциала, снижается эффективность подбора и адаптации сотрудников, возникают сложности в оценке результативности кадровой работы. В проведенном исследовании данные понятия определены через перечисление процессов, их составляющих. Так, под кадровым обеспечением понимается процесс и результат формирования кадрового состава УИС, включающий планирование потребности в персонале, его подбор, отбор, развитие и рациональное использование для достижения целей деятельности УИС. Формирование кадрового состава в УИС – это деятельность органов управления и кадровых подразделений ФСИН России, нацеленная на создание профессионального ядра сотрудников, способных выполнять задачи по исполнению уголовных наказаний. Комплектование кадрами – это непрерывный процесс поиска, отбора, приема на работу и первичной адаптации персонала для замещения вакантных должностей УИС и обеспечения ее эффективной деятельности.

В исследовании также представлено соотношение этих понятий, которое можно представить в виде нижеописанной иерархичной структуры. Кадровое обеспечение, являясь наиболее широким понятием из рассматриваемой триады, охватывает все аспекты работы с персоналом на протяжении всего периода службы. Формирование кадрового состава, являясь промежуточным звеном, включает в себя понятие «комплектование кадрами», а также предполагает развитие, карьерное продвижение, ротацию персонала в процессе службы. Комплектование кадрами, являясь наиболее узким понятием, ограничивается подбором, отбором, расстановкой кадров и первичной адаптацией назначенных на должности УИС сотрудников. Четкое разграничение этих понятий позволяет выстроить эффективную систему управления персоналом в УИС, обеспечивающую как своевременное заполнение вакансий, так и долгосрочное развитие кадрового потенциала.

Список литературы:

[1] Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 304 с.

[2] Огородников В.И., Кочкина О.В. Место и роль эффективных этапов кадрового комплектования в уголовно-исполнительной системе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 1021–1025. [Электронный ресурс] // URL: https://e-koncept.ru/2015/85205.htm (дата обращения: 27.04.2026).

[3] Кочкина О.В. Комплектование кадров как одно из стратегических и тактических направлений в уголовно-исполнительной системе // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 118–124.

[4] Мазаник Е.Н. К вопросу о комплектовании кадров органов внутренних дел // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Могилев, 20 марта 2015 года. Том Часть 2. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2015. С. 276–278.

[5] Комков А.П., Брыков Д.А. Теоретические и правовые основы кадрового обеспечения правоохранительной деятельности сотрудников УИС // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 5(66). С. 37–41.

[6] Шогенова Н. У. К вопросу о понятии формирования кадрового состава уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2(14). С. 26–28.

[7] Кочкина О.В. Организационно-правовая деятельность по кадровому комплектованию сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 257 с.

[8] Плохой О.А. Развитие организационных и правовых основ комплектования кадров правоохранительных органов Российской Федерации (1990–2005 гг.). По материалам ОВД и ФСИН России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 189 с.

[9] Словарь русского языка: Т. 2. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

References:

[1] A.Ya. Kibanov. Basics of Personnel Management: Textbook. M.: INFRA-M, 2005. 304 pp.

[2] Ogorodnikov V.I., Kochkina O.V. Place and role of effective stages of staffing in the penitentiary system//Scientific and methodological electronic journal "Concept." 2015. T. 13. S. 1021-1025. [Electronic resource]//URL: https://e-koncept.ru/2015/85205.htm (access date: 27.04.2026).

[3] Kochkina O.V. Staffing as one of the strategic and tactical directions in the penitentiary system// Applied legal psychology. 2017. № 3. S. 118 → 124.

[4] Mazanik E.N. On the issue of staffing the internal affairs bodies//Fighting crime: theory and practice: abstracts of reports III the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Mogilev, March 20, 2015. Volume Part 2. Mogilev: Educational institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus," 2015. S. 276 → 278.

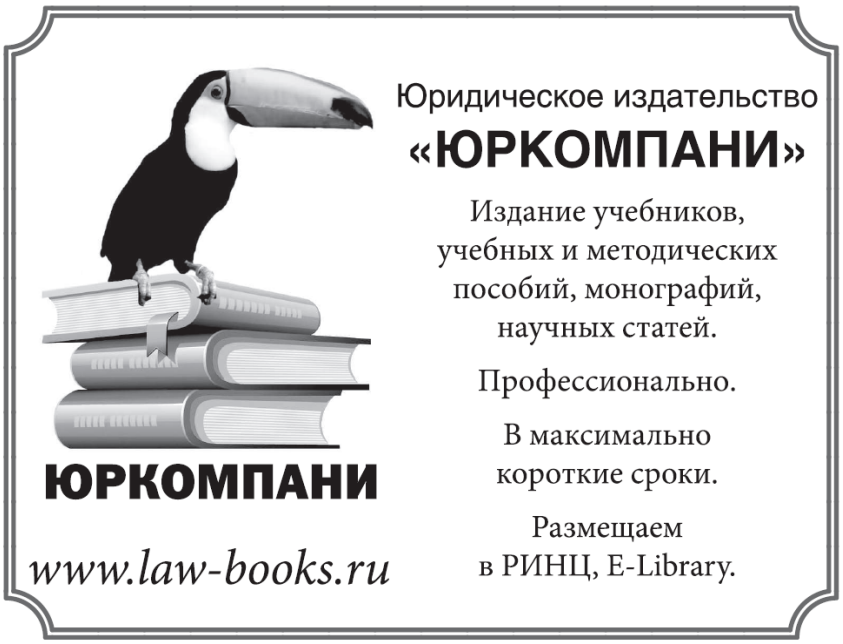
[5] Komkov A.P., Brykov D.A. Theoretical and legal foundations of staffing law enforcement officers//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 5(66). S. 37 → 41.

[6] Shogenova N.U. On the question of the concept of the formation of the personnel of the penal system//Penal law. 2012. № 2(14). S. 26 → 28.

[7] O.V. Kochkina. Organizational and legal activities for staffing by employees of institutions and bodies of the penal system: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2019. 257 pp.

[8] Bad O.A. Development of organizational and legal foundations of staffing of law enforcement agencies of the Russian Federation (1990-2005). Based on materials from the Department of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service of Russia: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2006. 189 pp.

[9] Dictionary of the Russian language: T. 2 ./ Ed. A.P. Evgenieva. M.: Russian language, 1986. 736 pp.

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-121-125

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Россия, г. Москва,
e-mail: evsfrf@gmail.com

АКСИОЛОГИЯ СЕМЬИ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ НАРРАТИВ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *В статье исследуется аксиологическое измерение семьи в российском конституционном праве через призму нарративного подхода. Конституционная реформа 2020 г. активизировала дискурс о семье как фундаментальной ценности, интегрированной в систему традиционных российских устоев. На основе анализа конституционных новелл, правовых позиций Конституционного Суда РФ, документов стратегического планирования, а также научных работ автор обосновывает тезис о том, что аксиология семьи представляет собой не просто совокупность нормативных положений, а целостный конституционный нарратив, выполняющий ценностно-мировоззренческую, идентификационную и суверенизационную функции. Особое внимание уделяется месту семьи в иерархии конституционных ценностей, механизмам её конституционализации и роли нарратива семейных ценностей в обеспечении национальной идентичности и суверенитета России.*

Ключевые слова*: аксиология семьи, конституционные ценности, конституционный нарратив, традиционные российские ценности, конституционная реформа 2020 г., семейные устои, конституционная идентичность.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

THE AXIOLOGY OF THE FAMILY AS A CONSTITUTIONAL NARRATIVE IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES

Annotation. *The article explores the axiological dimension of the family in Russian constitutional law through the prism of the narrative approach. The 2020 constitutional reform has intensified the discourse on the family as a fundamental value integrated into the system of traditional Russian foundations. Based on the analysis of constitutional novellas, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, strategic planning documents, and scientific works, the author substantiates the thesis that the axiology of the family is not just a set of normative provisions, but a holistic constitutional narrative that performs value-based, ideological, identification, and sovereignty functions. Special attention is paid to the place of the family in the hierarchy of constitutional values, the mechanisms of its constitutionalization, and the role of the narrative of family values in ensuring Russia's national identity and sovereignty.*

Key words: *family axiology, constitutional values, constitutional narrative, traditional Russian values, constitutional reform of 2020, family foundations, constitutional identity.*

Современная российская юридическая наука переживает этап активного переосмысления категории «конституционные ценности». Анализу правового содержания этого понятия посвящены работы ведущих ученых стран [1; 2]. Исследование конституционных ценностей «в аспекте модели «концепт-конструкт»» [3] позволяет обосновать подход единства их статуса, преодолевая фрагментарность теоретических представлений. В рамках этого методологического поворота особое значение приобретает аксиологический анализ института семьи, который в последние годы занял центральное место в системе традиционных российских ценностей.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, конституционная реформа 2020 г. внесла принципиальные изменения впервые прямо закрепив традиционные семейные ценности и определив брак как союз мужчины и женщины. Во-вторых, принятие Указа Президента [4] перевело ценностный дискурс из плоскости политических деклараций в сферу стратегического планирования. В-третьих, семья в современном российском конституционализме стала не просто объектом защиты, но и активным элементом формирования национальной идентичности и обеспечения культурного суверенитета.

Цель настоящей статьи — выявить аксиологическое содержание семьи как конституционного нарратива в системе традиционных российских ценностей, определить её место в иерархии конституционных ценностей и проанализировать механизмы конституционализации семейных устоев

Обращение к аксиологической проблематике в конституционном праве не дань научной моде, а закономерный этап развития правовой мысли, отражающий переход от формально-нормативного понимания конституции к её восприятию как ценностно-ориентированного документа. Как отмечается в научной литературе, основная задача исследователей конституционной аксиологии «определение содержания понятия конституционной аксиологии, выявления ее структуры в виде системы ценностей современного правового государства, центральное место среди которых отведено семье» [5].

Конституционные ценности не существуют изолированно - они образуют иерархическую систему, где каждому элементу принадлежит определённое место, а семья выступает одним из фундаментальных устоев российской государственности.

Вопрос о месте семьи в иерархии конституционных ценностей является дискуссионным в современной науке. Авторская позиция о «равенстве элементов единой системы конституционных ценностей» [3], основанная на правовых позициях Конституционного Суда РФ применительно к семье требует уточнения.

С одной стороны, Конституция РФ не устанавливает формальной иерархии ценностей, что позволяет говорить об их системном единстве. С другой стороны, анализ конституционных новелл 2020 г. показывает, что семья, материнство, отцовство и детство получили особый статус — они не только перечислены среди предметов совместного ведения, но и стали основой для формирования новой ценностной парадигмы российской государственности. В этом смысле семья может рассматриваться как фундаментальная конституционная ценность, выполняющая системообразующую функцию по отношению к другим традиционным устоям [6; 7].

Конституционная реформа 2020 г. стала поворотным моментом в развитии российского законодательства о семье. Впервые на конституционном уровне закреплена поддержка традиционных семейных ценностей, включая: защиту семьи, материнства, отцовства и детства; защиту института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Особое значение имеет включение защиты семьи, материнства, отцовства и детства в число предметов совместного ведения Российской Федерации и её субъектов (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Как подчёркивает В.В. Гошуляк, «цель принятой поправки к Конституции РФ состояла в том, чтобы поднять на конституционный уровень защиту традиционных семейных ценностей - семьи, материнства, отцовства, детства, заботы о родителях» [8, с. 8]. Более того, эта норма не является декларативной, она определяет предмет совместного ведения, который подлежит разграничению между федеральными и региональными органами государственной власти, вовлекая в процесс защиты семьи все уровни публичной власти.

Конституционный Суд РФ сыграл ключевую роль в конкретизации и развитии конституционного нарратива семейных ценностей. В постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П Суд сформулировал принципиально важную правовую позицию: «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства».

Суд подчеркнул, что «в основе законодательного подхода к решению вопросов демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины». При проверке соответствия Конституции положений, содержащихся в Законе о поправке 2020 г. Конституционный Суд указал, что Россия вправе решать отдельные вопросы, затрагивающие сексуальные и связанные с ними межличностные отношения, опираясь на «традиционные представления о семейных ценностях в контексте особенностей традиционного и конфессионального состава российского общества». Эти правовые позиции придают аксиологии семьи не только декларативное, но и императивное звучание.

Можно предположить, что конституционный нарратив семьи как ценностная категория формируется на четырёх взаимосвязанных уровнях.

Первый уровень — нормативный. Конституционные нормы о защите семьи, браке как союзе мужчины и женщины, создании условий для воспитания детей формируют базовый каркас нарратива. Поправки 2020 г. закрепили в Конституции многопоколенческую модель семьи — не только отношения между супругами, но и уважение детей к старшим, доверие и забота нескольких поколений друг о друге.

Второй уровень - интерпретационный. Правовые позиции Конституционного и других судов РФ конкретизируют абстрактные ценностные категории, придавая им юридическую определённость. Именно через судебную интерпретацию формулировка «крепкая семья» как традиционная ценность получает своё наполнение.

Третий уровень — стратегический. Доктринальные документы (Стратегия национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей) транслируют ценностные ориентиры в плоскость государственного планирования и правоприменения.

Четвёртый уровень — дискурсивный. Нарратив семьи как ценности воспроизводится в публичных выступлениях государственных деятелей, решениях судов общей юрисдикции и, что не менее важно, в образовательных программах и информационном пространстве.

Одна из ключевых характеристик аксиологии семьи в российском конституционном нарративе — её интеграция в более широкую систему традиционных ценностей. Семья не существует изолированно, она взаимосвязана с патриотизмом, исторической памятью, духовностью, созидательным трудом.

В этом контексте семья выступает не только как самостоятельная ценность, но и как механизм трансляции иных традиционных устоев — патриотизма (воспитываемого в семье), исторической памяти (передаваемой от старших поколений младшим), духовности (формируемой в семейном окружении).

Конституционный нарратив семьи в России выполняет важную идентификационную функцию. Через ценностное закрепление семьи государство формирует представление о российской цивилизационной идентичности, противопоставляемой либеральным моделям, где семья понимается шире — как союз, не обязательно основанный на браке мужчины и женщины.

Общероссийская идентичность как конституционная ценность является одним из ключевых элементов системы традиционных устоев. Семья в этом контексте становится не просто частным делом граждан, а публично-значимым институтом, от благополучия которого зависит национальная безопасность и суверенитет России. В ранее упомянутом Указе Президента России прямо указывается, что традиционные ценности, включая семью, позволяют «защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала».

Отнесение защиты семьи к предметам совместного ведения РФ и её субъектов имеет не только конституционно-правовое, но и глубокое аксиологическое значение. Как отмечает В.В. Гошуляк, «поправками к Конституции РФ государство стремилось выстроить комплексную систему защиты семьи в Российской Федерации и сделать её приоритетом в государственной политике, привлекая к этому процессу все уровни публичной власти» [8, с. 9]. Это означает, что аксиология семьи не навязывается «сверху» единообразно, а адаптируется к региональной специфике с учётом культурных, религиозных и исторических особенностей субъектов РФ. Такой подход укрепляет легитимность ценностного нарратива, делая его «своим» для различных регионов.

Включение защиты семьи в систему обеспечения национальной безопасности придаёт аксиологии семьи мобилизационное измерение. В Указе Президента России среди угроз традиционным ценностям прямо названы «отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности» и «разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Аксиология семьи, таким образом, приобретает защитную функцию. Она не только провозглашает позитивные идеалы, но и маркирует чуждые российскому обществу ценностные системы.

Эта защитная функция тесно связана с обеспечением культурного суверенитета государства, который ставится в один ряд с суверенитетом политическим, военным, продовольственным и научным.

Обращаясь к проблеме конституционной идентичности как важнейшему элементу системы традиционных ценностей семья выступает одним из её базовых компонентов. Семейные ценности становятся «контрфорсом» внешнему давлению, элементом, который позволяет России сохранять свою самобытность в условиях глобальных трансформаций. Конституционная идентичность, включающая в себя аксиологию семьи, не сводится к формальным признакам государственности; она пронизывает правосознание граждан, формирует их мировоззрение и, в конечном счёте, легитимирует существующий конституционный порядок.

Несмотря на активную конституционализацию семейных ценностей, в научной литературе сохраняется ряд дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего осмысления.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Аксиология семьи становится самостоятельным направлением конституционно-правовых исследований. В российской юридической науке сформировался устойчивый интерес к ценностному измерению конституционного права, центральное место в котором отведено семье.
2. Конституционная реформа 2020 г. привела к формированию целостного конституционного нарратива семьи как ценности. Этот нарратив структурирован на нормативном (конституционные новеллы), интерпретационном (правовые позиции КС РФ), стратегическом (указы Президента, стратегии национальной безопасности) и дискурсивном уровнях.
3. Семья встроена в более широкую систему традиционных российских ценностей, выполняя системообразующую функцию. Через семью транслируются патриотизм, историческая память, духовность, межпоколенческая солидарность. Аксиология семьи является базовой детерминантой формирования духовно-нравственного наследия российского общества и сохранения культурной идентичности российской нации.
4. Конституционный нарратив семьи выполняет идентификационную, защитную и суверенизационную функции. Через ценностное закрепление семьи формируется российская цивилизационная идентичность, противопоставляемая либеральным моделям, обеспечивается культурный суверенитет государства, а защита семьи включается в систему национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Савенков А.Н. Ценности конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5-16.

[2] Виноградова Е.В. Конституционная идентичность и суверенитет. К вопросу о ценности российского теоретического наследия и его значения для развития государственного права // Российский научный вестник. 2026. №3. С.158-163.

[3] Виноградова Е.В. Иерархия системы конституционных ценностей: от концепта к конструкту // Правовое государство: теория и практика. 2023. Т. 19, № 2 (72). С. 26.

[4] Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 18.04.2026).

[5] Агеева А.В., Банщикова С.Л. Семья как конституционная ценность в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 7.

[6] Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.,

[7] Летова Н.В. Материнство и детство как основа семейной политики: современность и историческое наследие.// Государство и право. 2023. №3. С.120-127.

[8] Гошуляк В.В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С.8-9.

References:

[1] Savenkov A.N. Values of the Constitution of the Russian Federation in a Changing World // State and Law. 2019. No. 3. pp. 5-16.

[2] Vinogradova E.V. Constitutional Identity and Sovereignty. On the Value of the Russian Theoretical Heritage and Its Significance for the Development of State Law // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 3. pp. 158-163.

[3] Vinogradova E.V. Hierarchy of the System of Constitutional Values: From Concept to Construct // The Rule of Law: Theory and Practice. 2023. Vol. 19, No. 2 (72). P. 26.

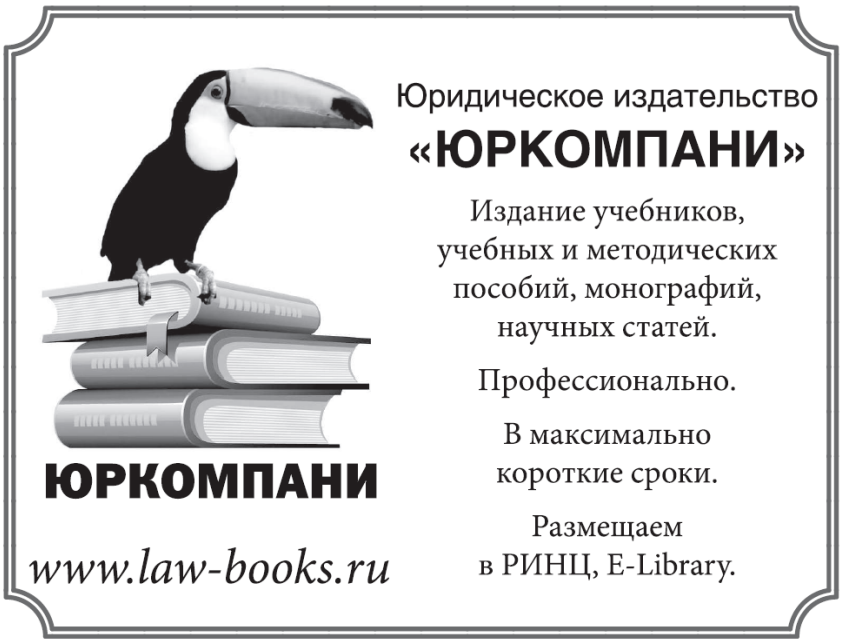
[4] Decree of the President of the Russian Federation No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” dated November 9, 2022 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (date of access: 18.04.2026).

[5] Ageeva A.V., Banshchikova S.L. Family as a Constitutional Value in the Russian Federation // Siberian Legal Review. 2018. No. 1. P. 7.

[6] Krasheninnikov P.V., Badulina E.V. Support for the Institution of the Family: Constitutional Amendments // Family and Housing Law. 2020. No. 4. Pp. 19–24.,

[7] Letova N.V. Motherhood and childhood as the basis of family policy: modernity and historical legacy.// State and Law. 2023. No. 3. pp. 120-127.

[8] Goshulyak V.V. Family protection as a subject of joint jurisdiction of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation // Current issues of Russian law. 2023. No. 5. pp. 8-9.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-126-132
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
младший научный сотрудник
сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук,
e-mail: g.patulin@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ЕДИНСТВО, ПРЕДЕЛЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье исследуется диалектическое единство государственного суверенитета и конституционных прав человека в современном государствоведении. Автор обосновывает положение о том, что государственный суверенитет и конституционные права не находятся в противоречии, а образуют органическую систему, в которой права человека выступают внутренним содержанием и формой реализации суверенитета, а суверенитет – необходимым условием реального обеспечения и защиты этих прав.*

На основе анализа классических политико-правовых учений и современных подходов раскрывается эволюция представлений о пределах суверенитета, его функциональной обусловленности задачами государства и его связи с народным суверенитетом. Показана роль конституционных прав как механизма легитимации государственной власти, формирования доверия граждан к государству и обеспечения устойчивости суверенной государственности. Особое внимание уделяется государствоведческому измерению проблемы: конституционные права рассматриваются как нормативно закрепленные условия жизнедеятельности личности, определяющие пределы и содержание публичной власти, а также как фактор внутренней консолидации общества и воспроизводства суверенитета.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, конституционные права человека, народный суверенитет, государствоведение, пределы суверенитета, самоограничение, легитимность государственной власти, доверие граждан к государству, традиционные ценности, идентичность.*

PATIULIN Georgii Sergeevich,
Junior Research Fellow at the
Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

STATE SOVEREIGNTY AND CONSTITUTIONAL RIGHTS IN MODERN STATE STUDIES: UNITY, LIMITS AND MECHANISMS OF INTERACTION

Annotation. *The article explores the dialectical unity of state sovereignty and constitutional human rights in modern state studies. The author substantiates the proposition that state sovereignty and constitutional rights are not in conflict, but form an organic system in which human rights constitute the internal content and form of realization of sovereignty, while sovereignty serves as a necessary condition for the real ensuring and protection of these rights.*

Drawing on the analysis of classical political and legal doctrines and contemporary approaches, the article reveals the evolution of ideas concerning the limits of sovereignty, its functional conditioning by the tasks of the state, and its connection with popular sovereignty. The role of constitutional rights is demonstrated as a mechanism for legitimizing state power, fostering citizens' trust in the state, and ensuring the stability of sovereign statehood. Particular attention is paid to the state-studies dimension of the problem: constitutional rights are viewed as normatively enshrined conditions of human life and activity that define the limits and content of public power, as well as a factor of internal societal consolidation and the reproduction of sovereignty.

Key words: *state sovereignty, constitutional human rights, popular sovereignty, state studies, limits of sovereignty, self-restraint of sovereignty, legitimacy of state power, citizens' trust in the state, traditional values, constitutional identity.*

Суверенитет является одним из ключевых конституционных принципов Российской Федерации. В процессе развития российской государственности в современных условиях актуализируется необходимость детального исследования содержания государственного суверенитета, продолжающего сохранять свою значимость как в контексте международных отношений, так и в функционировании мирового сообщества. В современном контексте суверенитет государства вытекает из гуманистических соображений и подвергается его корректировке. Государство теперь рассматривается не как самоценность, а как инструмент, реализующий публичные функции, необходимые для обеспечения безопасности и благосостояния своих граждан. Если государство не выполняет свои обязательства перед гражданами, находящимися под его юрисдикцией, его суверенитет может быть поставлен под сомнение. Это лежит в основе формирования многоуровневой системы управления, основанной на принципах солидарности и взаимной ответственности в международном сообществе [2, p. 398-399]. Концепция абсолютного суверенитета оказывается несовместимой с необходимостью универсального правового регулирования и международного контроля, которые служат для защиты глобальных интересов и обеспечения правопорядка. Абсолютизация суверенитета предоставляет теоретическое оправдание сторонникам концепции «гуманитарной интервенции», которая предполагает использование вооруженной силы одним или несколькими государствами с целью предотвращения массовых и грубых нарушений прав человека. Хотя данная теория часто используется для обоснования интервенций под предлогом защиты прав граждан, на практике она нередко приводит к агрессивным действиям и незаконным вторжениям на территории суверенных государств. Действия, оправдываемые гуманитарными мотивами, становятся противоправными, если они осуществляются без санкции Совета Безопасности ООН. Совет Безопасности представляет собой важный универсальный правовой механизм, призванный регулировать международные действия и предотвратить нарушение суверенитета государств. Без одобрения Совета Безопасности такие интервенции считаются нарушением международного права и суверенитета государств, поскольку они ставят под угрозу основополагающие принципы международного порядка и правопорядка [11, с. 297-298].

Следует отметить, что в современной западной науке понятие суверенитета все реже используется для обоснования правопорядка [3; 4; 5]. Вряд ли можно согласиться с таким к нему подходом, ведь право и государство дихотомически связаны друг с другом, а суверенность, суверенитет государства является сущностным его атрибутом. Именно суверенитет позволяет государству устанавливать и поддерживать правопорядок.

Противопоставление между государственным суверенитетом и конституционными правами человека – явление частое, но отнюдь не неизбежное. Государственный суверенитет, определенный как право государства на самоопределение и управление своими внутренними делами без внешнего вмешательства, поддержание своей самоидентичности является одним из основополагающих принципов современного права. В то же время, права человека, его конституционные права, представляют собой неотъемлемые свободы и права, которые должны быть гарантированы каждому человеку независимо от его местоположения или гражданства.

Существует несколько подходов к определению конституционных прав, каждый из которых подчеркивает различные аспекты этой концепции. Философский основывается на философских принципах и идеях о сущности человека. Конституционные права рассматриваются как неотъемлемые и неотчуждаемые атрибуты человеческого бытия, которые присущи каждому человеку по простой причине его существования. Согласно правовому подходу, конституционные права человека определяются и защищаются через законодательные нормы и международные договоры. Социологический подход, в котором конституционные права рассматриваются с точки зрения социальных отношений и условий как необходимые для обеспечения справедливости, равенства и человеческого достоинства в обществе правила и модели социальных взаимодействии.

Эти подходы не противоречат, но дополняют друг друга – вместе они помогают лучше понять и определить суть конституционных прав человека и их значение в современном обществе, раскрывают их комплексную природу как нормативно закрепленных условий жизнедеятельности личности. Вместе с тем в рамках современного государствоведения данные права целесообразно анализировать не изолированно, а в их системной связи с природой государства и харак-

теристиками его суверенитета. В государствоведческом смысле государство представляет собой сложную социально-политико-правовую систему, включающую институциональный, нормативный и ценностный уровни. В этой системе конституционные права человека выступают не только как юридически закрепленные возможности, но и как элемент, обеспечивающий внутреннюю устойчивость государственной организации общества. Поэтому представляется верным определение, согласно которому они являют собой нормативно сформулированные условия жизни и деятельности людей, которые, чтобы быть обеспеченными, гарантированными, реализуемыми и защищенными требуют юридической позитивации в текстах нормативных актов государств, прежде всего – в конституциях (которые, как правило, определяют и правовую природу суверенитета государства) [6, с. 14; 12, с. 23].

Идея государственного суверенитета во многом определяет восприятие конституционных прав, их объем, содержание и отношение к их реализации. В государствах с различными социально-экономическими системами права человека приобретают специфические черты, отражающие характер самой государственной организации [14, с. 94]. В то же время нельзя отрицать и обратного – конституционные права определяют правовую природу государственного суверенитета. С позиций государствоведения это означает, что конституционные права выступают не внешним элементом по отношению к государству, а внутренним компонентом его структуры, через который реализуются цели и функции государственной власти. В рамках государствоведческого анализа суверенитет следует рассматривать не только как юридическое свойство государственной власти, но как интегративную характеристику государства, отражающую его способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации и воспроизводству общественных отношений.

Обязанность граждан подчиняться государству обусловлена его правом устанавливать общеобязательные нормы поведения посредством осуществления правотворческой функции, в чем проявляется внутренний суверенитет. Однако в государствоведческом измерении данное нормотворчество не может носить произвольный характер: оно должно быть социально обусловленным, экономически обоснованным и юридически легитимным. Только при таком подходе государство сохраняет способность к устойчивому функционированию, поскольку нормативное регулирование в этом случае опирается на признание его обществом. Без учета социальной действительности невозможно создать нормы, обеспечивающие поддержание доверия граждан к закону и действиям государства, которое является необходимым условием существования сильной суверенной государственности. В государствоведческом аспекте доверие выступает внутренним механизмом воспроизводства суверенитета, обеспечивая добровольное признание государственной власти и снижая необходимость применения принуждения. В этой связи конституционные права человека выполняют не только охранительную функцию, но и функцию формирования доверия, выступая связующим звеном между государством и обществом. И с этой точки зрения нет и не может (не должно!) быть никаких противоречий между внутренним суверенитетом государства и нормативно закрепленными условиями жизни и деятельности людей – конституционными правами. Это косвенно подтверждается и концепцией народного суверенитета.

Как отмечал Дж. Локк, власть государства ограничена необходимостью обеспечения общего блага и защиты собственности [10]. В государствоведческом смысле это означает, что суверенитет изначально не является абсолютным: он функционально обусловлен задачами государства и реализуется в пределах, определяемых правами человека как базовыми условиями общественного существования. Таким образом, права человека формируют как основание, так и пределы публичных властных полномочий, предоставленных государству. Правовая связь между человеком и государством, а также обязанность подчиняться законам, возникают из взаимодействия людей, выражающегося в взаимном признании их естественных и неотчуждаемых прав.

Идея о суверенитете государственной власти, рассматриваемая как независимость и верховенство, первоначально могла бы казаться несовместимой с понятием конституционных прав. Однако даже в рамках абсолютистской теории, представленной Т. Гоббсом, суверенитет ограничен естественным законом и направлен на его соблюдение, то есть на обеспечение мира и безопасности подданных [7]. Ж. Боден также исходил из того, что абсолютная власть подразумевает подчинение законам Бога и природы [1]. Т.е. даже в рамках абсолютистских концепций суверенитет не носит произвольного характера и соотносится с естественными законами и задачами обеспечения общественного порядка. С точки зрения государствоведения это свидетельствует о том, что суверенитет всегда имеет функциональную направленность и связан с обеспечением устойчивости государственной системы.

С философским течением Ж.-Ж. Руссо и его последователей, которые утверждали, что подлинным носителем суверенитета является народ (нация), а государственные органы и пра-

вительство действуют лишь в рамках мандата народа и общественного договора (социального контракта), проблема суверенитета начинает приобретать ярко выраженный национальный характер. Согласно этой концепции, суверенитет становился средством легитимации публичной власти, обеспечивая такое состояние государственной власти, при котором она основана на воле народа и не подчиняется интересам других народов или иностранных правительств [13].

В рамках социального контракта национальное государство, как организатор общественных дел, имеет право действовать независимо от других властей, как внутри страны, так и за ее пределами, при условии, что такие действия одобрены народом. Это понимание суверенитета привело к формированию взгляда, согласно которому народ, как источник власти, является гарантом государственного суверенитета и высшим судьей по вопросам управления своим правительством и государством. В государствоведческом измерении это означает, что источник устойчивости государства переносится в общество, а сама государственная власть рассматривается как производная от коллективной воли граждан.

В Новое время сформировались современные представления о личной свободе, автономии и частной сфере как границах для вмешательства государства. Эти концепции акцентируют внимание на индивидуальных правах и подчеркивают необходимость ограничения публичной власти в интересах защиты личных свобод и автономии. Одним из наиболее привлекательных аспектов традиционного понимания суверенитета, уходящего корнями в Вестфальскую систему, является его способность легитимизировать национальные интересы как приоритетные цели внутренней и внешней политики государства. В этом контексте суверенитет предоставляет государствам возможность формулировать свои внешнеполитические и внутренние цели в соответствии с национальными интересами, без учета внешних влияний.

После заключения Вестфальского мира в Европе в 1648 году, идея суверенитета оказала значительное влияние на развитие современных демократических доктрин, утверждающих учредительную власть народа, его право выбирать и сменять правителей. Эта идея также способствовала формированию концепции прав человека, даже несмотря на то, что практическое осуществление политической власти и социальная структура оставались во многом неизменными по сравнению с предыдущими историческими эпохами.

Таким образом, под влиянием этих политических и юридических идей была выработана модель суверенного национального государства, которая сочетала в себе демократические и правовые принципы. Эта модель получила широкое признание в современном международном праве и стала основой для формирования современного правового и политического порядка.

Суверенитет национального государства представляет собой необходимое условие для обеспечения верховенства права и, соответственно, утверждения прав человека - конституционных прав - на национальном уровне. Без суверенитета и автономных, ответственных действий государства создание эффективного национального режима защиты конституционных прав становится практически невозможным. Суверенитет подразумевает не только высшую власть внутри ограниченной территории, но и право государства не допускать внешнего вмешательства в свои внутренние дела. Это предполагает, что существование международных стандартов прав человека может рассматриваться, и зачастую рассматривается многими правительствами, как вмешательство во внутренние дела государств [17, с. 78].

Итак, современное понимание народного суверенитета восходит к идеям Ж.-Ж. Руссо, который связал его с концепцией общественного договора, идентифицировал народный суверенитет с осуществлением «общей воли», которая служит фактической основой общественного договора и представляет собой верховную власть в государстве. Народ рассматривался как единое целое, одновременно состоящее из граждан, каждый из которых имеет пропорциональную долю власти, реализуемую через выборы.

Понятие народного суверенитета подразумевает, что источником и носителем власти является народ. Это представление опирается на более общее понимание народа как совокупности граждан. В связи с этим возникает вопрос о соотношении непосредственно народной власти и власти, осуществляемой через органы и должностные лица. Учитывая, что государство является инструментом народовластия и в своей деятельности ограничено правами граждан, следует признать политическую «первичность» непосредственно народной власти. Органы и должностные лица, наделенные полномочиями, формируются и назначаются по результатам выборов, что является проявлением народного суверенитета.

«Материализация» народного суверенитета происходит через конституционное и законодательное закрепление прав и свобод человека и гражданина. В литературе отмечается, что основные права выполняют функцию защиты от государственной власти. Конституционный строй требует таких прав для защиты граждан от возможного злоупотребления властью, поскольку даже в правовом государстве возможно совер-

шение несправедливости. В государствоведческом аспекте это означает, что права человека выступают формой институционализации суверенитета, переводя абстрактную категорию народовластия в конкретные юридические механизмы участия граждан в осуществлении власти.

Б.С. Эбзеев подчеркивает взаимосвязь между различными категориями конституционных прав и свобод человека и народным суверенитетом, указывая на то, что они соотносятся как часть и целое на философском уровне. Эта взаимосвязь отражает сущность народной власти, участие в которой может осуществляться каждым дееспособным гражданином через реализацию соответствующих прав [18, с. 346, 347, 361].

Конституционное и законодательное закрепление прав и свобод играет ключевую роль в реализации народного суверенитета. Личные и гражданские права в большей степени выступают как ограничения государственной власти, тогда как политические права и свободы имеют особое значение. По мнению Б.Н. Топорнина, политические права являются «необходимым средством реализации народного суверенитета» [9, с. 46]. Е.И. Козлова отмечает, что народный суверенитет «реально и практически реализуется через политические права каждого гражданина» [8, с. 203], признавая эти права как естественные, а не просто предоставленные государством. В этом смысле закрепление и осуществление политических прав и свобод служит основным механизмом реализации народного суверенитета и воспроизводства государственной власти как системы. Поэтому в рамках современного государствоведения конституционные права человека не следует рассматривать как ограничение государственного суверенитета. Напротив, они выступают его внутренним содержанием и формой реализации, обеспечивая легитимность государственной власти и ее устойчивость.

Сильное современное суверенное государство при реализации своего суверенитета не может не учитывать конституционных прав граждан, а сами эти права, определяя сферу невмешательства государства в частную жизнь граждан (или наоборот, меру необходимого активного в ней участия) ни в коей мере не ограничивают правотворческую, регулятивную функции государства, в которых воплощается и через которые раскрывается внутренний суверенитет.

Государственный суверенитет следует рассматривать не как самоцель, а как характеристику государства, обеспечивающую его способность эффективно выполнять свои функции и защищать национальные интересы. В некоторых случаях для обеспечения этих интересов может быть целесообразно применять принцип самоограничения суверенитета. Это предполагает, что государство, осознавая свои внутренние и внешние обязательства, добровольно ограничивает свои полномочия в определенных областях, чтобы обеспечить более гармоничное и устойчивое развитие и функционирование как на национальном, так и на международном уровнях. Самоограничение суверенитета представляет собой проявление зрелости государственной власти и ее способности к саморегуляции. В государствоведческом смысле это свидетельствует о переходе от примитивной модели суверенитета как абсолютной власти к сложной модели, основанной на балансе интересов государства, общества и личности

Такое самоограничение может способствовать поддержанию доверия населения к закону и действиям государства, улучшению условий для защиты конституционных прав человека, укреплению сильной суверенной государственности, одновременно сохраняя способность государства эффективно осуществлять свои ключевые функции и обеспечивать защиту национальных интересов. Подтверждением тому в современной российской действительности может служить изданный в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [16] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15], несомненно направленный на укрепление и развитие отечественной суверенной государственности. В п. 5 Основ к традиционным ценностям, которые надлежит поддерживать, обеспечивать и передавать будущим поколениям отнесены в первую очередь жизнь, достоинство, права и свободы человека, гарантирование которых обеспечит благодатную почву для укрепления указанных в том же пункте патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, гуманизма, милосердия, справедливости, взаимопомощи и взаимоуважения, исторической памяти и преемственности поколений, а также единства народов России. Нормативное закрепление традиционных ценностей, включая права и свободы человека, свидетельствует о признании их системообразующей роли в укреплении суверенной государственности. В государствоведческом измерении это означает ориентацию государственной политики на воспроизводство ценностных оснований суверенитета.

Таким образом, в рамках современного государствоведения государственный суверенитет и конституционные права человека образуют единую систему, в которой права человека выступают не внешним ограничителем, а внутренним

содержанием суверенной государственной власти. Суверенитет проявляется как способность государства к самосохранению и самовоспроизводству, а конституционные права – как механизм обеспечения этой способности через легитимацию власти, формирование доверия и участие граждан в управлении. В этом заключается принципиальное значение рассматриваемой проблемы: устойчивость суверенного государства определяется не объемом его властных полномочий, а степенью их укорененности в системе прав и свобод человека.

Список литературы:

[1] Bodin J. Les six livres de la Republique. Paris: LGF, 1993. 607 p.

[2] Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 397–411.

[3] Priban J. Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism. L., Routledge, 2015. 262 p.

[4] Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 35-57.

[5] Варламова Н.В. Права человека и суверенитет // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом освещении. Материалы двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. С. 85-93.

[6] Виноградова Е.В. Место государственного суверенитета в парадигме российской конституционной идентичности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 2(62). С. 14-17.

[7] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.

[8] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М.: Юрист, 1995. 520 с.

[9] Конституционный статус гражданина. Отв. ред. Б.Н. Топорнин М.: Наука, 1989. 205 с.

[10] Локк Дж. Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 532 с.

[11] Права человека и процессы глобализации современного мира. / отв. ред. Е.А. Лукашева М.: Норма, 2007. 462 с.

[12] Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 512 с.

[13] Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М.: Соцэкгиз, 1938. 124 с.

[14] Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 510 с.

[15] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. N 46. Ст. 7977.

[16] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. N 26 (часть I). Ст. 3378.

[17] Хелд Д, Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004. 575 с.

[18] Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.

References:

[1] Bodin J. Les six livres de la Republique. Paris: LGF, 1993. 607 p.

[2] Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 397–411.

[3] Priban J. Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism. L., Routledge, 2015. 262 p.

[4] Antonov M.V. Methods of Theoretical Jurisprudence in the Context of Globalization // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 12, No. 4. Pp. 35–57.

[5] Varlamova N.V. Human Rights and Sovereignty // The Modern State and the Individual in Historical and Philosophical-Legal Interpretation. Proceedings of the Twelfth Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V.S. Nersesyants. Moscow: Norma, 2018. pp. 85-93.

[6] Vinogradova E.V. The Place of State Sovereignty in the Paradigm of Russian Constitutional Identity // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2022. No. 2(62). pp. 14-17.

[7] Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Ecclesiastical and Civil State. Moscow: Sotsekgiz, 1936. 503 p.

[8] Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Jurist, 1995. 520 p.

[9] Constitutional Status of a Citizen. Ed. B.N. Topornin, Moscow: Nauka, 1989. 205 p.

[10] Locke, J. Selected Philosophical Works. Moscow: Sotsekgiz, 1960. Vol. 2. 532 p.

[11] Human Rights and the Processes of Globalization of the Modern World. / Ed. E.A. Lukasheva, Moscow: Norma, 2007. 462 p.

[12] Human Rights: Textbook. / Ed. E.A. Lukasheva. 3rd ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 512 p.

[13] Rousseau, J.-J. On the Social Contract, or Principles of Political Law // Treatises. Moscow: Sotsekgiz, 1938. 124 p.

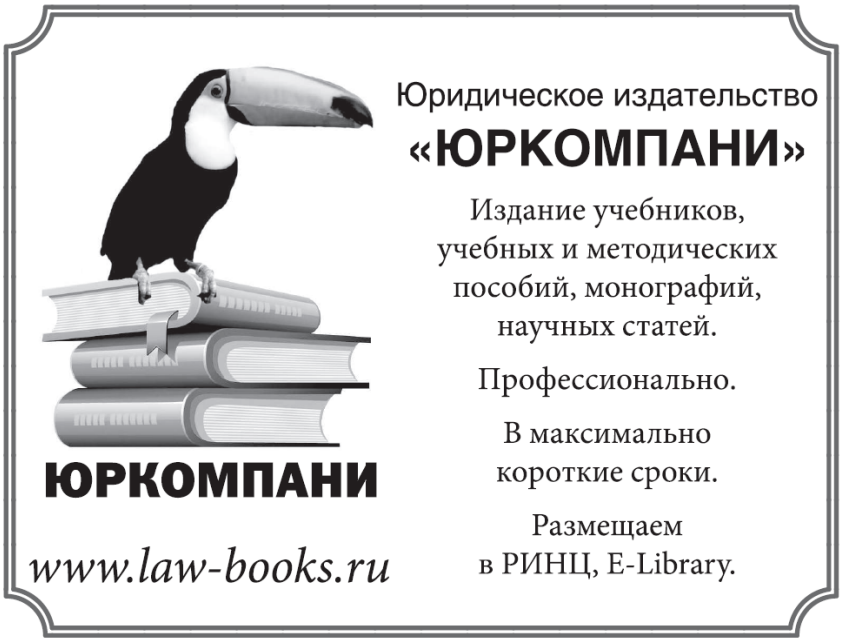
[14] Tunkin, G.I. Theory of International Law. Moscow: International Relations, 1970. 510 p.

[15] Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.

[16] Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.

[17] Held D, Goldblatt D., McGrew E., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Moscow: Praxis, 2004. 575 p.

[18] Ebzeev B.S. Individual and State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties. Moscow: Norma, 2007. 384 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-133-135
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

АЗИЕВА Петимат Зяудиновна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

АБДУЛКАДЫРОВ М.Д.,
доцент кафедры «Юриспруденция»
Грозненского государственного нефтяного университета
им. акад. М.Д. Миллионщикова, к.и.н.,
e-mail: patsagova@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция содержания и механизмов обеспечения конституционного права на медицинскую помощь в условиях стремительного развития цифровых технологий (искусственный интеллект, большие данные, телемедицина) и возникновения сложных биоэтических дилемм. Автор анализирует, как новые технологии меняют ландшафт оказания медицинской помощи, создавая возможности для повышения доступности и персонализации, но одновременно порождая риски, связанные с защитой персональных данных, цифровым неравенством, ответственностью за решения, принимаемые с использованием ИИ. Рассматриваются вопросы правового регулирования телемедицины, использования биоматериалов, генетических данных в контексте обеспечения конституционных прав граждан. Ставится проблема адаптации конституционно-правовых гарантий к вызовам современности.*

Ключевые слова: *конституционное право, медицинская помощь, цифровизация здравоохранения, искусственный интеллект (ИИ), телемедицина, персональные данные, биоэтика, генетическая информация, правовое регулирование, инновации.*

AZIEVA Petimat Zyaudinovna,
Assistant Professor, Department of Theory and History
of State and Law, A.A. Kadyrov Chechen State University

ABDULKADYROV M.D.,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Grozny State Petroleum University. Academician M.D. Millionshchikova,
Candidate of Historical Sciences

CONSTITUTIONAL RIGHT TO MEDICAL CARE

Annotation. *The article explores the evolution of the content and mechanisms for ensuring the constitutional right to medical care in the context of the rapid development of digital technologies (artificial intelligence, big data, telemedicine) and the emergence of complex bioethical dilemmas. The author analyzes how new technologies are changing the landscape of healthcare delivery, creating opportunities for increased accessibility and personalization, but simultaneously generating risks related to personal data protection, digital inequality, and liability for decisions made using AI. Issues of legal regulation of telemedicine, the use of biomaterials, and genetic data in the context of ensuring the constitutional rights of citizens are considered. The problem of adapting constitutional and legal guarantees to the challenges of our time is raised.*

Key words: *constitutional right, medical care, digitalization of healthcare, artificial intelligence (AI), telemedicine, personal data, bioethics, genetic information, legal regulation, innovations.*

В современную эпоху стремительного технологического прогресса медицина вступила в фазу, которую учёные всё чаще называют биотехнологической или биоэтической революцией. Новые методы лечения, включая генную терапию, редактирование генома

(CRISPR-Cas9), телемедицину, искусственный интеллект в диагностике и роботизированную хирургию, кардинально изменяют подходы к оказанию медицинской помощи. Эти процессы не только трансформируют медицинскую практику, но и оказывают глубокое влияние на правовые основы, регулирующие право человека на медицинскую помощь. «Как подчеркивает М.Ю. Тихомиров, право должно адекватно реагировать на вызовы научно-технического прогресса, чтобы не утратить свою актуальность и легитимность» [1].

Биоэтика повлияла на новый разворот медицины к биомедицине, а благополучие человека сделало предметом смежных дисциплин: медицины, этики, права, технологий; в результате таких интеграционных связей закономерным стал вопрос о создании нормативных основ (их параметров) и, возможно, конституционализации биоэтического благополучия. Так же как концепт прав человека, сформировал тренд пациенториентированности в современной медицине, так и биоэтика поставила этические и нормативные границы современным биотехнологиям и нейротехнологиям. И этот процесс взаимной «работы» продолжается.

Право на медицинскую помощь, закреплённое в статье 41 Конституции РФ, традиционно рассматривалось в контексте доступности, качества и бесплатности медицинских услуг. Однако появление новых медицинских технологий поднимает вопросы, которые ранее не входили в сферу конституционно-правового регулирования: этичность вмешательства в геном, юридические основания для использования искусственного интеллекта в диагностике, равенство доступа к высокотехнологичной помощи. «По мнению Е.А. Лукашевой, именно биоэтика сегодня становится связующим звеном между правом, медициной и философией, формируя новые правовые ориентиры» [2].

Основной проблемой становится то, что традиционные юридические категории часто не охватывают инновационные ситуации. Например, вопросы согласия пациента на участие в экспериментальной терапии или защита прав при использовании больших данных в медицинских целях требуют пересмотра стандартов правового регулирования. Кроме того, возникает необходимость учитывать индивидуальные особенности пациентов при принятии решений с участием алгоритмов ИИ. Как отмечает В.А. Четвернин, правовые системы испытывают напряжение от несоответствия между инновационной реальностью и устоявшимися юридическими конструкциями [3].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и анализе правовых последствий внедрения медицинских инноваций в контексте действия конституционного права на медицинскую помощь. Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач: определить, какие формы медицинской помощи трансформируются под воздействием технологий; выявить новые риски и вызовы, связанные с биоэтическими дилеммами; проанализировать отечественное и зарубежное законодательство в сфере медико-биологических технологий; оценить перспективы изменения конституционно-правовой доктрины в области здравоохранения.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволяющие анализировать действующее законодательство и практику его применения, а также прогностический метод, с помощью которого возможно моделирование будущих изменений нормативных конструкций. Особое значение имеет междисциплинарный подход, сочетающий правовую аналитику с биоэтическими концепциями. Исследование строится на анализе нормативных правовых актов РФ, международных соглашений, а также рекомендаций Всемирной организации здравоохранения и Совета Европы.

Необходимость правовой адаптации к вызовам технологической революции в медицине становится очевидной. Конституционное право на медицинскую помощь требует переосмысления в свете новых этических и технологических реалий. Только при этом условии возможно гарантировать баланс между эффективностью медицинских инноваций и защитой прав человека, в том числе права на информированное согласие, личную неприкосновенность и справедливый доступ к медицинским услугам.

Современные цифровые технологии в здравоохранении открывают новые горизонты для реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Телемедицина, электронные медицинские карты, алгоритмы искусственного интеллекта — всё это призвано повысить доступность и качество медицинских услуг. Вместе с тем данные технологии порождают целый ряд правовых вызовов, касающихся врачебной тайны, ответственности, этичности и цифрового неравенства.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» стал первым нормативным актом, комплексно закрепившим правовые основы телемедицины. Согласно закону, телемедицинские консультации могут предоставляться только при наличии предварочного очного контакта между врачом и пациентом. Однако на

практике возникает множество проблем: как быть в экстренной ситуации, если очный приём невозможен? Как установить диагноз дистанционно и кто несёт ответственность в случае врачебной ошибки? Как отмечает А.В. Панов, существующие нормы пока недостаточно регулируют вопросы экспертной оценки качества телемедицинских услуг [4].

Важным компонентом цифровизации здравоохранения является использование электронных медицинских карт, включая Единую медицинскую информационно-аналитическую систему (ЕМИАС), функционирующую в ряде регионов РФ. Эти системы значительно ускоряют обработку информации, способствуют координации между медицинскими учреждениями и уменьшают риск утери данных. Однако наряду с преимуществами они несут и серьёзные риски. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает строгие правила обработки конфиденциальной медицинской информации, но на практике происходят утечки и несанкционированный доступ. Как указывает И.В. Шувалова, врачебная тайна в цифровую эпоху требует новых гарантий, включая многоуровневую защиту, шифрование и юридически значимую идентификацию пользователей [5].

Использование искусственного интеллекта (ИИ) в диагностике и принятии медицинских решений приобретает всё большее значение. ИИ способен анализировать большие массивы данных, выявлять паттерны, незаметные врачу, и предлагать наиболее вероятные диагнозы. Однако на сегодняшний день отсутствует чёткое правовое регулирование ответственности за ошибки, допущенные алгоритмами. Сложности усугубляются феноменом так называемого «чёрного ящика» — невозможностью объяснить, как ИИ пришёл к тому или иному выводу. Как подчёркивает А.Е. Сивицкий, в условиях правовой неопределённости бремя последствий ложится на врача, даже если ошибка была результатом сбоя алгоритма [6].

Особое внимание в условиях цифровизации необходимо уделять проблеме цифрового неравенства. Пожилые граждане, жители сельских территорий и социально уязвимые группы нередко оказываются в положении, при котором доступ к электронным медицинским системам и телемедицине ограничен. По мнению Т.В. Ячменевой, без комплексной государственной политики в области цифровой инклюзии есть риск, что право на медицинскую помощь станет доступным только для «цифрово грамотных» граждан [7].

Цифровизация здравоохранения — это не только возможность для реализации положений статьи 41 Конституции РФ, но и вызов правовой системе. Она требует системного регулирования, учёта биоэтических принципов, правовой адаптации к технологическим рискам, а также активной позиции государства в устранении цифрового неравенства. Только при соблюдении этих условий цифровые технологии смогут действительно способствовать обеспечению права каждого гражданина на охрану здоровья.

Список литературы:

[1] Тихомиров М.Ю. Публичное право: Вызовы XXI века. — М.: Юриспруденция, 2016. — 368 с.

[2] Лукашева Е.А. Права человека: проблемы теории и практики. — М.: Норма, 2010. — 384 с.

[3] Четвернин В.А. Право и биомедицина. — М.: Норма, 2017. — 256 с.

[4] Панов А.В. Правовое регулирование телемедицины в России // Медицинское право. — 2019. — № 3. — С. 42–47.

[5] Шувалова И.В. Персональные данные и электронная медицина: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2021. — № 10. — С. 82–89.

[6] Сивицкий А.Е. Искусственный интеллект и медицинская ответственность: вызовы праву // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2022. — № 3. — С. 45–50.

[7] Ячменева Т.В. Цифровое неравенство как фактор социальной уязвимости // Социологические исследования. — 2023. — № 1. — С. 89–95.

References:

[1] Tikhomirov M.Yu. Public law: Challenges of the XXI century. - M.: Jurisprudence, 2016. - 368 p.

[2] E.A. Lukasheva. Human rights: problems of theory and practice. - M.: Norma, 2010. - 384 p.

[3] Chetvernin V.A. Law and Biomedicine. - M.: Norma, 2017. - 256 s.

[4] Panov A.V. Legal regulation of telemedicine in Russia//Medical law. — 2019. — № 3. - S. 42-47.

[5] Shuvalova I.V. Personal data and electronic medicine: problems of legal regulation//Journal of Russian law. — 2021. — № 10. - S. 82-89.

[6] Sivitsky A.E. Artificial intelligence and medical responsibility: challenges to law//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. — 2022. — № 3. - S. 45-50.

[7] T.V. Yachmeneva. Digital inequality as a factor of social vulnerability//Sociological research. — 2023. — № 1. - S. 89-95.

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-136-145

ДИКОВ Роман Витальевич,
Аспирант кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли
при Министерстве экономического развития РФ,
Россия,
e-mail: roman.prc@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ СОГЛАШЕНИЙ О ЗОНАХ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА И ПРАВА ВТО

Аннотация. *Предметом исследования в данной статье является правовая природа соглашений о создании зон свободной торговли (ЗСТ) как особого вида международных договоров в системе международного экономического права и права международных договоров. Автор рассматривает соотношение общего правового режима Всемирной торговой организации (ВТО), основанного на принципе наибольшего благоприятствования (РНБ), и специального режима ЗСТ, который выступает регулируемым исключением из этого принципа. В рамках предмета детально анализируется процедурный механизм взаимодействия ЗСТ с правом ВТО, включая обязательства по уведомлению, работу Комитета по региональным торговым соглашениям (КРТС) и Механизм транспарентности 2006 г. Кроме того, исследуются ключевые признаки соглашений о ЗСТ, предлагается их новая типология (от классических до соглашений исключительной степени интеграции), а также анализируются эволюционные и географические аспекты развития таких соглашений, включая вопрос о трансформации ЗСТ в таможенные союзы. В статье использованы формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ (включая сопоставление подходов ВТО и практики заключения ЗСТ), анализ документов (решений ОРС ВТО, Механизма транспарентности) и доктринальный метод. Научная новизна исследования заключается в пересмотре устоявшегося в доктрине международного права и международных отношений деления соглашений о зонах свободной торговли на «ЗСТ» и «ЗСТ+», которое автор обоснованно признаёт утратившим объяснительную силу в условиях усложнения международных экономических отношений. Предлагается авторская четырёхуровневая типология таких соглашений: классические ЗСТ, ЗСТ низкой степени интеграции, ЗСТ высокой степени интеграции и ЗСТ исключительной степени интеграции. Также дополнительно вводится градация уровней интеграции (протекционистский, умеренный, либерализационный характеры), что позволяет более точно дифференцировать реальное содержание конкретных договоров. Новизной также обладает вывод об отсутствии эволюции ЗСТ в таможенные союзы, особенно в отношении межрегиональных соглашений, стороны которых не имеют общих границ.*

Ключевые слова*: зоны свободной торговли, таможенные союзы, интеграция, ЕАЭС, ВТО.*

DIKOV Roman Vitalievich,
Post-graduate student International Law Department
Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic
Development of the Russian Federation,
Russia

TYPOLOGY OF FREE TRADE AREA AGREEMENTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL ECONOMIC AND WTO LAW

Annotation. *The subject of this research article is the legal nature of agreements on the establishment of free trade areas (FTAs) as a special type of international treaties within the system of international economic law and the law of international treaties. The author examines the relationship between the general legal regime of the World Trade Organization (WTO), which is based on the Most Favored Nation (MFN) principle, and the special regime of FTAs, which acts as a regulated exception to this principle. The subject matter includes a detailed analysis of the procedural mechanism for the interaction of FTAs with WTO law, including notification obligations, the work of the Committee on Regional Trade Agreements (CRTA), and the 2006 Transparency Mechanism. Furthermore, key features of FTA agreements are explored, a new typology is proposed (ranging from classical to agreements of exceptional integration), and evolutionary and geographical aspects of the development of such agreements are analyzed, including the issue of the transformation of FTAs into customs unions. The article employs a formal-legal method, comparative legal analysis (including a comparison of WTO approaches and FTA conclusion practices), document analysis (decisions of WTO dispute settlement bodies, Transparency Mechanism), and doctrinal method. The scientific novelty of the research lies in the reevaluation of the established division of free trade zone agreements into "FTA" and "FTA+" in the doctrine of international law and international relations, which the author reasonably recognizes as having lost its explanatory power in the context of the complexities of international economic relations. The author proposes a four-level typology of such agreements: classic FTAs, low-integration FTAs, high-integration FTAs, and FTAs of exceptional integration. Additionally, a grading system for levels of integration (protectionist, moderate, liberalization characteristics) is introduced, allowing for a more precise differentiation of the real content of specific treaties. The novelty also includes the conclusion regarding the absence of evolution of FTAs into customs unions, particularly concerning interregional agreements whose parties do not share common borders.*

Key words: *free trade areas, custom unions, integration, EAEU, WTO.*

Введение

Активное развитие международных экономических отношений на современном этапе сопровождается ростом числа региональных торговых соглашений, среди которых особое место занимают соглашения о создании зон свободной торговли (далее – ЗСТ). Выступая в виде формы углубления экономического сотрудничества и интеграции между государства и / или интеграционными объединениями такие соглашения одновременно существуют в достаточно сложной правовой системе: с одной стороны, они являются исключениями из режима наибольшего благоприятствования (далее – РНБ) в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО) , а с другой стороны - формируют самостоятельные правовые режимы, нередко выходящие за пределы традиционного регулирования в понимании ст. XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ).

Многолетняя история существования ЗСТ в доктрине международного экономического права сохраняет ряд теоретических и практических дискуссионных аспектов. В частности, требуют уточнения правовая природа таких соглашений (как особого вида международных договоров), характер их соотношения с правом ВТО, а также критерии дифференциации соглашений в условиях усложнения структуры мировой торговли, появления новых сфер сотрудничества и распространения зоны интеграции на межрегиональном уровне.

Особую актуальность приобретает проблема классификации соглашений о ЗСТ в свете утраты объяснительной силы традиционного и устоявшегося деления таких соглашений на «ЗСТ» и «ЗСТ+». Данный подход, широко распространенный как в отечественной, так и в зарубежной литературе, в настоящее время уже не позволяет в полной мере отразить степень и глубину интеграции, отраслевой охват и стратегические цели договаривающихся сторон. Более того, стоит принять во внимание, что вопрос эволюции ЗСТ в таможенные союзы, а также «региональный» аспект таких соглашений, вызывают вопросы и требуют дополнительных и актуальных на сегодняшний день пояснений.

Целью настоящей статья является комплексный анализ правовой природы соглашений о создании ЗСТ, их места в системе международного экономического права и права ВТО, а также в разработке обновленной типологии таких соглашений, адекватно отражающей текущее многообразие форм экономической интеграции под эгидой ЗСТ. Для достижения этой цели автором определяется соотношение общего режима РНБ и специального режима ЗСТ как регулируемого исключения; исследуется процедурный механизм заключения ЗСТ в рамках права ВТО; выделяются ключевые признаки соглашений о ЗСТ; и предлагается авторская четырех уровневая типология (классические ЗСТ, ЗСТ низкой, высокой и исключительной степени интеграции) в сочетании с градацией уровней интеграции (про-

текционистский, умеренный, либерализационный); а также анализируются эволюционные и географические аспекты развития ЗСТ, включая вопрос об их трансформации в таможенные союзы.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и доктринальный методы, а также сравнительно-правовой анализ.

Соотношение правового режима ЗСТ и многосторонней торговой системы ВТО

Не требует доказательств то, что соглашение о создании ЗСТ является международным договором в понимании положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (п. «а» ст. 2 ВКПМД) [1] и, соответственно, источником права согласно ст. 38 Статута Международного суда ООН. В. Рифаген указывает на то, что договорной режим – это подсистема международного права, представляющая совокупность норм поведения, процессуальных норм и статусных положений, которые образовывают правой круг, допускающий взаимосвязь с другими подсистемами в отличии от замкнутой системы с конкретной сферой правоотношений [2]. Поскольку ЗСТ берет свое начало из пакета соглашений ВТО Л. П. Ануфриева отмечает, что «ни одно соглашение “пакета ВТО” не изолировано от действия норм права международных договоров и ВКПМД [3]. Данной позиции придерживаются П. Ван ден Боше и В. Здук [4], П. Лами [5], Дж. Повелин [6]. А. С. Смбатян [7] и Н. Е. Тюрина [8].

Поскольку право заключения договоров представляет собой не право, принадлежащее государству, а его компетенцию, вытекающую из его суверенитета [9], то рассматривая данный вопрос через призму времени и современного субъектного состава международно-правовой системы следует отметить, что данный принцип применим и к международным организациям, за исключением того, что у государств компетенция – универсальная, а у международных организаций – специальная. «Без наличия у организации правоспособности заключать международные договоры, – пишет А. Н. Талалаев, – она не может считаться субъектом международного права» [10]. Также согласно преамбуле Венской конвенции о праве договоров между государствами и международным организациями, или между международными организациями 1986 г. (не вступила в силу), «международная организация обладает такой правоспособностью заключать договоры, которая необходима для выполнения ее функции и достижения ее целей» [11]. Это означает, что все субъекты международного права (в том числе и интеграционные объединения, коим является ЕАЭС) правомочны заключать такой договор, на основании которого создаются ЗСТ.

Достаточно продолжительное время с момента образования суверенных государств двусторонние и / или многосторонние международные экономические отношения регулировались специальными международными двусторонними и / или многосторонними договорами. Такой метод регулирования торговли был изменен посредством введения в систему международных отношений сначала многостороннего соглашения ГАТТ-1947, а затем соглашений пакета ВТО, фундамент функционирования которых зиждется на принципе наибольшего благоприятствования, который, как отмечается Апелляционным органом ВТО в отчете WT/DS246/AB/R по спору European Communities – Conditions for the granting of tariff preferences to developing countries является «краеугольным камнем ГАТТ» и «одним из столпов торговой системы ВТО» [12].

ВТО была создана с целью либерализации и регулирования торгово-экономических отношений между всеми государствами-членами, однако, регулирует и РТС, которые, в понимании статьи XXIV ГАТТ, являются «исключениями». Т. К. Гуляева отмечает, что хоть право ВТО и рассматривается как система международно-правовых обязательств, отступление от которых недопустимо, оно также легально позволяется членам отступать от принятых обязательств (в том числе, представление РНБ) при заключении РТС [13]. А. Ю. Васькина также отмечает, что обязательство по предоставлению РНБ не является абсолютным [14]. Это означает, что РТС (включая ЗСТ) представляют собой легальное и регулируемое исключение из принципа РНБ, допустимое в рамках права ВТО.

Поскольку право ВТО является системой специальных международно-правовых принципов и норм, содержащихся в договорах, принятых в рамках ВТО, неразрывно связанная с системой международного права и выступающая ее составной частью [15] это означает, что РТС выступает как особенный правовой режим торговли в рамках общего правового режима многосторонней торговой системы ВТО. В споре 1999 года между Турцией и Индией о турецком текстиле Апелляционный орган ВТО заявил, что: «положения ГАТТ 1994 года “не препятствуют” образованию таможенного союза» [16], требования, изложенные в п. 5 ст. 24, следует толковать в свете п. 4 ст. XXIV [17], а также, что «образование таможенного союза, должно полностью отвечать требованиям пп. 8(a) и 5(a) ст. XXIV» [18]. Однако положения ГАТТ гласят о том, что положения не препятствуют образованию территориями договаривающихся сторон ЗСТ, или принятию временного соглашения, необходимого для образования ЗСТ. Эти исключения позволяют членам принимать меры, которые в противном случае

были бы несовместимы с ВТО, когда они стремятся к экономической интеграции среди группы членов ВТО [19]. Следовательно, соглашение о ЗСТ является специальным международным договором экономического характера, «регулируемым исключением» из правил ВТО, или особым правовым режимом в рамках международной торговой системы, относящимся к праву ВТО как lex specialis. Вышеизложенное также означает, что стороны обязаны получить одобрение в рамках многосторонней торговой системы ВТО на функционирование такого особого правового режима торговли. Стороны соглашения должны доказать членам ВТО, что целью ЗСТ должно быть содействие торговле между составляющими их территориями, а не создание барьеров для торговли других договаривающихся сторон с этими территориями [20].

Процедурный механизм взаимодействия ЗСТ с правом ВТО

Соглашение о ЗСТ попадает под процедуры права ВТО еще на этапе проекта или временного соглашения (ст. 7 XXIV ГАТТ). Международно-правовой основной данной процедуры являются: п. 7 ст. XXIV ГАТТ, ст. V ГАТС, а также ст. 1 и 3 «Механизма транспарентности для региональных торговых соглашений» [21]. Последний правовой источник позволяет Комитету по региональным торговым соглашениям ВТО обеспечивать «прозрачность» таких соглашения; соответствие праву ВТО; и проведение превентивного анализ влияния такого «регионального исключения» на многостороннюю торговую систему. Стоит отметить, что в рамках ВТО существуют четыре органа, которые напрямую или косвенно выполняют функции мониторинга вопросов РТС: Комитет по региональным торговым соглашениям (Комитет по РТС), Комитет по торговле и развитию (КТР), Совет по торговле товарами (СТТ) и Совет по торговле услугами (СТУ) [22], ключевым органом из которых является КРТС, созданный в результате Сингапурской конференции министров в 1996 году, для получения информации о РТС, ее рассмотрения и предоставления отчетов Советам по товарам, а также услугам для любого РТС, подпадающего либо под статью XXIV, либо под статью V ГАТС [23]. В дополнение к этому у Российской Федерации также есть обязательства по направлению уведомлений и копии соглашений, в случае заключения таковых в целях создания ЗСТ или ТС, в Комитет по РТС ВТО [24]. Таким образом можно отметить, что в ВТО создана система органов и нормативных актов для мониторинга создания и функционирования РТС.

Ст. 7 XXIV ГАТТ гласит, что любой субъект (член ВТО), решающий вступить в ТС или ЗСТ, или во временное соглашение, ведущее к образованию ТС или ЗСТ, уведомляет об этом остальных членов ВТО. Все уведомления, направленные в соответствии с пунктом 7(a) ст. XXIV, рассматриваются рабочей группой (в настоящее время – Комитет по региональным торговым соглашениям, но об этом далее) в свете соответствующих положений ГАТТ 1994 и Договоренности о толковании статьи XXIV [25]. Как справедливо отмечает Дж-Анн Крауфорд: «Члены ВТО не всегда соблюдают обязанность по уведомлению, хотя формулировка ст. XXIV ГАТТ предполагает, что уведомление о РТС должно быть направлено до его вступления в силу. Уведомления, как правило, поступают после его вступления в силу, в некоторых случаях спустя месяцы или даже годы» [26]. Предполагается, что такие «лазейки», а именно «Стороны не должны сохранять такое соглашение или, соответственно вводить его в силу, если они не готовы изменить его в соответствии рекомендациями» находятся в статье 7(b) ст. XXIV ГАТТ и передачу информации в Секретариат ВТО в формате «стремление информировать ВТО об участии в переговорах» и «насколько и когда это доступно общественности, информацию о РТС, включая его официальное название, сферу действия и дату подписания, предполагаемый график его вступления в силу или временного применения» указанные в пп. (a) и (b) соответственно ст. 1 «Механизма транспарентности для региональных торговых соглашений». Кроме этого, ст. 3 вышеуказанного Механизма гласит: «Как правило, это происходит не позднее, чем непосредственно после ратификации РТС сторонами или решения любой из сторон о применении соответствующих частей соглашения, и до начала применения преференциального режима между сторонами». Таким образом можно заключить, что РТС могут быть заключены и даже вступить в силу несмотря на позднее уведомление всех членов и органов ВТО об интеграции с третьей стороной (членом или не членом ВТО). То есть компетентные органы ВТО, указанные ранее, а также Секретариат ВТО, фактически приступают к анализу положений РТС post facto. Точный график рассмотрения РТС составляется Секретариатом ВТО по согласованию со сторонами на момент уведомления, но не может превышать 1 (один) год с даты уведомления (ст. 6).

После получения уведомления Секретариат ВТО под свою ответственность и в консультации со сторонами готовит фактологическую презентацию (ст. 7(b)) о таком, уже, возможно, действующем РТС. Данные, которые необходимо направить в Секретариат, перечислены в Приложении 1 к Механизму, и должны быть направлены последним в срок, не превышающий 10 недель (ст. 8). Для РТС, охватывающего торговлю товарами, это включает уступки каждой стороны, примененные

в год вступления в силу на уровне тарифной позиции, а также полный перечень преференциальных пошлин, которые будут применяться в течение переходного периода, если соглашение будет внедряться поэтапно (ст. 25 Приложения к Механизму). Важно отметить, что фактологическая презентация Секретариата ВТО не используется в качестве основы для процедур урегулирования споров или для создания новых прав и обязательств для членов (ст. 10). Это означает, что процедура рассмотрения РТС носит преимущественно информационно-аналитический, а не правовой характер, а фактологическая презентация Секретариата не создаёт правовых последствий для споров.

Также существует порядок последующего уведомления и отчетности, изложенный в главе D Механизма. По окончании срока имплементации РТС стороны должны представить в ВТО краткий письменный отчет о выполнении обязательств по либерализации, предусмотренных РТС, в соответствии с первоначальным уведомлением (ст. 15). Обязательные уведомления об изменениях, влияющих на реализацию РТС или действие уже реализованного РТС, должны быть направлены как можно скорее после их внесения. Изменения, подлежащие уведомлению, включают, в частности, изменения преференциального режима между сторонами и правил РТС. Стороны должны предоставить краткое изложение внесенных изменений, а также любые сопутствующие тексты, приложения и протоколы (ст. 14).

Окончанием процесса нотификации соглашения о ЗСТ является подтверждение от ВТО, именуемое Отчетом об окончании периода имплементации (англ. – «End-of-Implementation (EOI) Report»). Для соблюдения механизма «прозрачности» для РТС необходимо соблюсти норму ст. 15, направив отчет “Notification of changes affecting the implementation of a Regional Trade Agreement”. Хотя официальный формат пока не принят, стороны используют проект отчёта на сайте ВТО [27]. Секретариат ВТО присваивает номер EOI, который стороны ЗСТ подготовили в соответствии с полученными рекомендациями от иных членов ВТО, и публикует его в общем доступе на своем сайте. Так, например, Соглашение о свободной торговле и экономической интеграции между Китаем и Макао было подписано и вступило в силу 17 октября 2003 г., уведомление о заключении Соглашения поступило в Секретариат ВТО 27 декабря 2003 г., а Отчет об окончании периода имплементации Соглашения был выпущен только в 2020 г. [28], т. е. спустя 17 лет функционирования ЗСТ. Исходя из этого можно отметить, что такой отчет носит фактически постфактумный и необязательный характер, а сам отчёт не является актом формального одобрения ВТО.

Также можно отметить, что формального подтверждения о том, что то или иное соглашение о ЗСТ соответствует праву ВТО не существует. Как отмечает Дж. Матис и Дж. Бретон: «региональные члены сами участвуют в процессе достижения консенсуса и могут “блокировать” любую неблагоприятную рекомендацию, поддержанную большинством» [29]. K. Тайвук также отмечает, что порядок единогласного принятия решения – это еще одна причина сложности утверждения отчета о результатах такой экспертизы [30]. Кроме этого, стоит отметить, что п. 10 ст. XXIV ГАТТ гласит о том, что члены ВТО могут большинством в две трети одобрить предложения, которые не полностью соответствуют требованиям п. 5-9 включительно, при условии, что такие предложения ведут к образованию таможенного союза или зоны свободной торговли [31].

Несмотря на «региональные торговые исключения» в праве ВТО, они также остаются в зоне регулирования право ВТО, в связи с чем можно констатировать тот факт, что ВТО оказывает непосредственное влияние на вопросы интеграции между субъектами международного права. Этой позиции также придерживаются А. Ю. Конторин и В. С. Волков, отмечая: «все РТС создаются и осуществляют деятельность в соответствии с принципами и правилами ВТО» [32].

Признаки и типология соглашений о ЗСТ

Для идентификации соглашений о ЗСТ необходимо определить его ключевые признаки:

1) Первым признаком, обуславливающим определение такого соглашения как специального международного экономического договора, является отсылочная норма в положениях такого договора на создании ЗСТ в соответствии с положениями соглашений ВТО;
2) Вторым признаком является направление деятельности такого договора, а именно торговля товарами, услугами, инвестиции и т. д.
3) Третьим признаком является субъектный состав. Стороной такого соглашения может выступать субъект, обладающий либо суверенитетом (государство), либо международной правосубъектностью и соответствующей компетенцией (международная организация / интеграционное объединение), причем количество таких субъектов в договоре может быть ограничено исключительно договаривающимися сторонам;
4) Четвертым признаком является наличие или отсутствие органов, созданных во исполнение и контроля за реализации такого соглашения, а также механизмов по разрешению споров, или отсылочная норма к ОРС ВТО.

Представленная характеристика с высокой долей вероятности позволит определить, что перед исследователем действительно находится соглашение о создании ЗСТ в толковании нормативно-правовых актов ВТО.

Рост количества соглашений о ЗСТ в многосторонней торговой системе обуславливает необходимость их классификации. Е. И. Бельская предлагает следующую классификацию таких соглашений: правовой статус; направление деятельности; характеристика и компетенция органов за контролем реализации соглашения; наличие нормативно-правовых актов; наличие механизмов по разрешению споров; соотношение правовых режимов соглашения и национальных правовых систем; соотношение с правом ВТО. Также во многих работах исследователи классифицируют такие соглашения разделяя их на ЗСТ и ЗСТ+.

Однако текущее развитие торговых отношений субъектов международных отношений и уровень их интеграции с учетом технологического прогресса заставляет пересмотреть текущую классификацию и предложить новую. Возьмем также на себя смелость заявить о том, что такое условное бинарное разделение на ЗСТ и ЗСТ+ «кануло в Лету» и науке необходима новая типология таких соглашений, поскольку «мир соглашений о создании ЗСТ» стал слишком сложным и не отражает фундаментальных отличий между степенями интеграции договаривающихся сторон, не учитывает новые сферы экономического взаимодействия и не отражает геополитических и стратегических целей такого соглашения.

Отмечается, что формат ЗСТ+ стал включать в себя все экономические отношения, которые не входят в области торговли товарами, поскольку основным отличием между ЗСТ и ЗСТ+ является то, что в рамках обыкновенного ЗСТ стороны договариваются о снижении и / или отмене тарифов и количественных ограничений в сфере торговли товарами, в то время как ЗСТ+ включает в себя такие дополнительные положения как: торговля услугами, инвестиции, гармонизация технических регламентов и многое другое, что позволяет охарактеризовать такое соглашения как более глубокую степень интеграции договаривающихся сторон. Новые сферы, которые возможно даже не были еще известны нормотворцам ГАТТ и ВТО того времени, не вписываются в старую парадигму РТС, сегодня стали ключевыми положениями таких договоров, например – цифровая торговля, устойчивое развитие, экологические стандарты, социальная политика (чем активно пользуется ЕС), однако, включение таких положений зависит от воли договаривающихся сторон.

В этой связи логично предположить, что одно соглашение ЗСТ+ может отличаться по объему регулируемых правоотношений от другого соглашения ЗСТ+ несмотря на, допустим, идентичное функциональное наименование такого договора. Это является еще одним фактором, обуславливающим необходимость создания определенной типологии.

Представим наше видение такой типологии:

1) Классическое соглашение о создании ЗСТ. Оно регулирует исключительно сферу торговли товарами и связанных с эти регулирование правовых режимов (таможенное администрирование, технические барьеры, санитарные и фитосанитарные меры и т.д.). В данном соглашении, собственно, как и во всех последующих типах, стороны предоставляют друг-другу национальный режим доступа товаров на свои рынки, имеют определенные органы, следящие за реализацией такого соглашения, и имеется определенный порядок разрешения споров;
2) Соглашение о создании ЗСТ низкой степени интеграции. Включает в себя такие сферы регулирования как услуги, так и инвестиции. Отмечается, что торговля исключительно товарами на текущем этапе развития государств перестала быть единственным актуальным направлением [33], поскольку сектора торговли услугами занимает уже более 25% в мировой торговле, а это означает, что сектор услуг и инвестиций в таких преференциальных соглашениях имеет место быть;
3) Соглашение о создании ЗСТ высокой степени интеграции. Включается в себя все вышеперечисленные типы, а также предусматривает положения о регулировании новых сферы взаимодействия по типам цифровой торговли, экологических стандартов, социальной политики и иного;
4) Соглашения о создании ЗСТ исключительной степени интеграции. Данный тип соглашений подразумевает под собой наличие положений о сближении правовых систем сторон, «экспорте» культурных ценностей и эволюции понятий «силы» и «влияния» из военно-политической категории в экономико-юридическую область.

Также следует отметить, что в таких типах прослеживается разный уровень интеграции. Имеется в виду, что, например, правила определения происхождения товара, которые являются краеугольным камнем и ядром соглашения о создании любой ЗСТ, может находиться на разном уровне и быть ближе либо в сторону либерализации, либо в сторону протекционизма. И совокуп-

ность таких положений позволит определить каким же больше является то или иное соглашение о создании ЗСТ – несет ли оно в себе ядро интеграции и либерализации экономических отношений между субъектами такого соглашения, либо создает преференциальный доступ для ряда товаров, однако сохраняет протекционистский режим во избежание негативного влияния таких экономических отношений. В этой связи предложим условную градацию уровней интеграции таких типов соглашений:

1) Уровень 1: протекционистский характер;
2) Уровень 2: умеренный характер;
3) Уровень 3: либерализационный характер.

На основании представленной типологии и уровней интеграции соглашений о создании ЗСТ отметим, что в нашем понимании, соглашение о создании ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом относится к типу классического соглашения о создании ЗСТ умеренного характера, в то время как соглашение о создании ЗСТ между ЕС и Вьетнамом является соглашением особого степени интеграции либерализационного характера.

Некоторые аспекты РТС: эволюция ЗСТ и географический аспект

Также стоит отметить еще несколько интересных на наш взгляд моментов. М. Хердеген в своем труде «Принципы международного экономического права» пишет, что «в долгосрочной перспективе существует сильная тенденция к преобразованию зон свободной торговли в таможенные союзы» [34], Б. Балаша, как мы ранее отмечали, также именует соглашение о ЗСТ и ТС – этапами интеграции. Известно, что принципиальным отличием ТС, который имеет более высокую степень интеграции, от зоны свободной торговли является применение общих тарифов и общих торговых правил по отношению к третьей стороне. Стандарт для внутренней торговли между государствами-участниками ЗСТ, а именно отмена пошлин и других ограничительных мер регулирования торговли практически во всей торговле между государствами-участниками, идентичен стандарту для внутренней торговли между государствами-участниками ТС. Однако, стоит отметить, что между ними (ТС и ЗСТ), на наш взгляд, не существует поэтапных отношений, в рамках которых ЗСТ «перерастают» в ТС. Думается, что многие из существующих ЗСТ, особенно заключенные между субъектами разных регионов и не имеющие общих границ, не превратятся в ТС в будущем. На наш взгляд стороны, стремящиеся к интеграции, часто определяют степень интеграции с самого начала, учитывая исторический контекст и текущую ситуацию в своих отношениях. Сомнительно предположить, что ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом эволюционирует настолько, что Вьетнам станет частью ТС ЕАЭС.

Также очевидно, что в настоящее время термин «региональные» в аббревиатуре РТС подразумевает некую условность, и в целом, можно отметить, что лишился смысла, который в него закладывали создатели. Думается, что по задумке нормотворцев ГАТТ / ВТО РТС ограничивались общими границами государств или, хотя бы, одним континентом. Однако в настоящее время ЗСТ существуют на межконтинентальном, а точнее, «мегарегиональном» уровне. Комиссия ВТО также признает, что РТС «вышли» за пределы слова «региональные». Вместо того, чтобы называть эти соглашения «региональными торговыми соглашениями», их часто называют «преференциальными торговыми соглашениями» (далее – ПТС) [35]. В Докладе ВТО о мировой торговле за 2011 год говорится: «Половина действующих в настоящее время ПТС не являются строго “региональными”. Появление межрегиональных ПТС было особенно заметно в последнее десятилетие. Тенденция к более широкому географическому охвату ПТС еще более выражена в тех ПТС, которые в настоящее время находятся в стадии переговоров или недавно были подписаны (но еще не вступили в силу). Практически все они являются межрегиональными» [36]. Данная позиция Комиссии ВТО была обозначена еще 2011 году, и с тех пор ситуация не изменилась, а количество ПТС продолжает увеличиваться. В этой связи представляется логичным предполагать, что стороны, создавшие ЗСТ и не имеющие общих границ, не будут рассматривать ТС в качестве дальнейшего «этапа» экономической интеграции. Схожей позиции также придерживаются и японские ученые [37].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Правовая природа ЗСТ. Соглашение о создании зоны свободной торговли является международным договором в значении Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и одновременно выступает специальным источником права в системе международного экономического права.
2. Соотношение с правом ВТО. В рамках многосторонней торговой системы ВТО ЗСТ представляет собой «регулируемое исключение» из принципа наибольшего благоприятствования, обладающее характером lex specialis по отношению к общему правовому режиму ВТО. Несмотря на исключительный характер, ЗСТ остаются в зоне норматив-

ного регулирования ВТО, а их создание и функционирование должны соответствовать условиям статьи XXIV ГАТТ и Механизма транспарентности.

3. Процедурный механизм. Процедурный механизм взаимодействия ЗСТ с правом ВТО (уведомление, фактологическая презентация, рассмотрение в Комитете по РТС) носит преимущественно постфактумный характер и не предполагает формального одобрения. Отсутствие консенсусного решения о соответствии ЗСТ праву ВТО связано с правом государств-членов блокировать неблагоприятные рекомендации, а также с правилом двух третей голосов, предусмотренным п. 10 ст. XXIV ГАТТ.
4. Типология ЗСТ. Традиционное бинарное деление на ЗСТ и ЗСТ+ утратило объяснительную силу. Предложенная авторская типология (классические ЗСТ, ЗСТ низкой, высокой и исключительной степени интеграции) в сочетании с градацией уровней интеграции (протекционистский, умеренный, либерализационный) позволяет более точно отражать содержание конкретных соглашений.
5. Эволюционный и географический аспекты. Утверждение о неизбежном «перерастании» ЗСТ в таможенные союзы не подтверждается эмпирически: многие ЗСТ, особенно межрегиональные и не имеющие общих границ, не эволюционируют в сторону более высокой степени интеграции. Термин «региональные» в РТС стал условным, что признаётся и самой ВТО, использующей понятие «преференциальные торговые соглашения».
6. Практическое значение ЗСТ. Соглашения о ЗСТ являются гибким инструментом реализации внешней компетенции интеграционных объединений (например, ЕАЭС), позволяющим в рамках правового поля ВТО выстраивать преференциальные торговые отношения независимо от географического региона и обеспечивать определённую устойчивость торговых связей даже в условиях применения санкционных мер.

Список литературы:

[1] П. а, ст. 2 ВКПМД гласит: «”Договор” означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования». Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года. [Электронный ресурс] // ООН [Сайт]. Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

[2] Цитата по Салия М. Р. Международные стандарты в теории и практике «права ВТО»: монография. – Москва: Проспект, 2019. – с. 21; Riphagen W. Special Rapporteut to the ILC on State Responsibility, Fourth Report, YBILC. Vol. 2. 1982. P. 202. Para 16.

[3] Право ВТО: теория и практика применения: монография / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2016, с. 55;

[4] Van den Bossche, P., Zdouc, W. The Law and Policy of the World Trade Organization. 3d ed. Cambridge: Cambridge University Press,

[5] Lamy P. The place of the WTO and its LAW in the International Order // European Journal of International Law, 2007. URL: http;//www.ejil.org/pdfs/17/5/109.pdf

[6] Pauwelyn J. The Role of Public International Law in the WTO: How Far Can We Go? // The American Journal of International Law. 2001. No. 3. Vol. 95. P. 538

[7] Смбатян А. С. Всемирная торговая организация: уникальность и адекватность // Право ВТО. 2012. № 1. С. 4-10

[8] Тюрина Н. Е. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 52-58

[9] Оппенгейм Ласса Френсис Лоуренс. Международное право. Том I: Мир. Полутом 2. 1949 г. С. 411

[10] Талалаев А. Н. Право международных договоров. Договоры с участием международных организаций. М.: Международные отношения, 1989. с. 60

[11] Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations. Done at Vienna on 21 March 1986 (не вступила в силу).

[12] Appellate Body Report. European Communities – Conditions for the granting of tariff preferences to developing countries, (2004), WT/DS246/AB/R, para. 101 https://www.wto.org/english/Tratop_e/dispu_e/cases_e/ds246_e.htm

[13] Гулиева Т. К. Соотношение «права ВТО» и национального права государств-членов: монография – М. Юстицинформ, 2017 – с.22-23

[14] Васькина А. Ю. Международно-правовые обязательства государства, связанные с присоединением к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва. 2017. С. 61;

[15] Салия М. Р. Международные стандарты в теории и практике «права ВТО»: монография. – Москва: Проспект, 2019. – с. 21;

[16] Applellate Body Report, Turkey – Textiles, (1999), WT/DS34/AB/R, Para. 45 https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/34abr_e.pdf

[17] «Договаривающиеся стороны признают желательным расширение свободы торговли путем развития, посредством добровольных соглашений, более тесного объединения экономик стран-участниц таких соглашений»

[18] Applellate Body Report, Turkey – Textiles, (1999), WT/DS34/AB/R, Para. 55 https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/34abr_e.pdf

[19] Peter Van den Bossche, W Zdouc. The Law and Policy of the World Trade Organization. P.662

[20] Сайт: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm#articleXXIV

[21] Сайт: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/trans_mecha_e.htm

[22] Сайт: https://notifications.wto.org/en/notification-requirements/regional-trade-agreements

[23] James Mathis, Jennifer Breaton. Regional Trade Agreements and the WTO: Implications for eastern and Southern Africa. rade Law Centre for Southern Africa, Danish International Development Assistance, Swedish International Development Cooperation Agency. 2011. P. 8.

[24] См.: Report of the Working Party on the Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization. Para. 1449.

[25] Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (Regional Trade Agreements) https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/understanding_24_e.htm

[26] Jo-Ann Crawford. A new transparency mechanism for regional trade agreements. Singapore Year Book of International Law and Contributors. (2007) 11 SYBIL 133–140

[27] Сайт: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/trans_mecha_e.htm

[28] Сайт: https://rtais.wto.org/UI/PublicShowRTAIDCard.aspx?rtaid=56

[29] James Mathis, Jennifer Breaton. Regional Trade Agreements and the WTO: Implications for eastern and Southern Africa. rade Law Centre for Southern Africa, Danish International Development Assistance, Swedish International Development Cooperation Agency. 2011. P. 9.

[30] К. Тайвук. Совместное существование региональных торговых соглашений и многостороннего соглашения как ВТО. Международное частное право

[31] ГАТТ

[32] Конторин А.И., Волков В.С. — Всемирная торговая организация: уйти нельзя, остаться. Решение российской дилеммы в контексте торговли сельскохозяйственной продукцией // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 2.

[33] Сайт: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_trade_statistics_e.htm

[34] Principles of International Economic Law. M. Herdegen. British Library Cataloguing in Publication Data. 2013. p. 317

[35] Peter Van den Bossche, W Zdouc. The Law and Policy of the World Trade Organization. P.662

[36] World Trade Report 2011, The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-existence to Coherence (WTO, 2011), https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf

[37] J. Nakagawa, A. Shimizu, S. Taira, C. Mamiya, International Economic Law, 3rd edition. 2019. P. 259

References:

[1] Clause a, Art. 2 of the Code states: “”Treaty” means an international agreement concluded between states in writing and governed by international law, regardless of whether such agreement is contained in one document, in two or more related documents, and also regardless of its specific name.” 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. [Electronic resource]//UN [Site]. Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

[2] Quote from Salia M. R. International standards in the theory and practice of “WTO law”: monograph. - Moscow: Prospect, 2019. - p. 21; Riphagen W. Special Rapporteut to the ILC on State Responsibility, Fourth Report, YBILC. Vol. 2. 1982. P. 202. Para 16.

[3] WTO law: theory and practice of application: monograph/ed. L.P. Anufrieva. M.: NORMA: INFRA-M, 2016, p. 55;

[4] Van den Bossche, P., Zdouc, W. The Law and Policy of the World Trade Organization. 3d ed. Cambridge: Cambridge University Press,

[5] Lamy P. The place of the WTO and its LAW in the International Order // European Journal of International Law, 2007. URL: http;//www.ejil.org/pdfs/17/5/109.pdf

[6] Pauwelyn J. The Role of Public International Law in the WTO: How Far Can We Go? // The American Journal of International Law. 2001. No. 3. Vol. 95. P. 538

[7] Smbatyan A. S. World Trade Organization: uniqueness and adequacy//WTO law. 2012. № 1. S. 4-10

[8] Tyurina N.E. Fragmentation of international law in the context of “WTO law “//Russian Law Journal. 2013. № 3. S. 52-58

[9] Oppenheim Lassa Francis Lawrence. International law. Volume I: The World. Semi-volume 2. 1949 S. 411

[10] Talalaev A. N. Law of international treaties. Treaties involving international organizations. M.: International relations, 1989. from. 60

[11] Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations. Done at Vienna on 21 March 1986.

[12] Appellate Body Report. European Communities – Conditions for the granting of tariff preferences to developing countries, (2004), WT/DS246/AB/R, para. 101 https://www.wto.org/english/Tratop_e/dispu_e/cases_e/ds246_e.htm

[13] Guliyeva T. K. Ratio of "WTO law" and national law of member states: monograph - M. Justicinform, 2017 - pp. 22-23

[14] Vaskina A. Yu. International legal obligations of the state related to accession to the Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow. 2017. S. 61;

[15] Salia M. R. International standards in the theory and practice of "WTO law": monograph. - Moscow: Prospect, 2019. - p. 21;

[16] Applellate Body Report, Turkey – Textiles, (1999), WT/DS34/AB/R, Para. 45 https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/34abr_e.pdf

[17] "The Contracting Parties recognize the desirability of increasing freedom of trade through the development, through voluntary agreements, of closer integration of the economies of the countries participating in such agreements"

[18] Applellate Body Report, Turkey – Textiles, (1999), WT/DS34/AB/R, Para. 55 https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/34abr_e.pdf

[19] Peter Van den Bossche, W Zdouc. The Law and Policy of the World Trade Organization. P.662

[20] Сайт: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm#articleXXIV

[21] Сайт: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/trans_mecha_e.htm

[22] Сайт: https://notifications.wto.org/en/notification-requirements/regional-trade-agreements

[23] James Mathis, Jennifer Breaton. Regional Trade Agreements and the WTO: Implications for eastern and Southern Africa. rade Law Centre for Southern Africa, Danish International Development Assistance, Swedish International Development Cooperation Agency. 2011. P. 8.

[24] См.: Report of the Working Party on the Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization. Para. 1449.

[25] Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (Regional Trade Agreements) https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/understanding_24_e.htm

[26] Jo-Ann Crawford. A new transparency mechanism for regional trade agreements. Singapore Year Book of International Law and Contributors. (2007) 11 SYBIL 133–140

[27] Сайт: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/trans_mecha_e.htm

[28] Сайт: https://rtais.wto.org/UI/PublicShowRTAIDCard.aspx?rtaid=56

[29] James Mathis, Jennifer Breaton. Regional Trade Agreements and the WTO: Implications for eastern and Southern Africa. rade Law Centre for Southern Africa, Danish International Development Assistance, Swedish International Development Cooperation Agency. 2011. P. 9.

[30] K. Tyvuk. Co-existence of regional trade agreements and multilateral agreement as WTO. Private international law

[31] GATT

[32] Kontorin A.I., Volkov V.S. - World Trade Organization: you can't leave, stay. Solving the Russian dilemma in the context of agricultural trade// International Law and International Organizations. – 2023. – № 2.

[33] Сайт: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_trade_statistics_e.htm

[34] Principles of International Economic Law. M. Herdegen. British Library Cataloguing in Publication Data. 2013. p. 317

[35] Peter Van den Bossche, W Zdouc. The Law and Policy of the World Trade Organization. P.662

[36] World Trade Report 2011, The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-existence to Coherence (WTO, 2011), https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf

[37] J. Nakagawa, A. Shimizu, S. Taira, C. Mamiya, International Economic Law, 3rd edition. 2019. P. 259

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-146-153
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры философии
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент, зав. кафедрой философии
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент, доцент кафедры философии
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ПЕТРОВА Ирина Ильинична,
кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры философии
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: petrova iril@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА КАК ОСНОВА ВЫПОЛНЕНИЯ УСЛОВИЙ ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В данной статье проведен анализ самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией Уральского федерального округа. В таблице 1 показан уровень обеспечения РФ и Уральского федерального округа основными сельскохозяйственными продуктами на начало 2026 г. В таблице 2 приведен анализ самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией по регионам Уральского федерального округа. Целью статьи является изучение перспективных направлений развития в сельском хозяйстве Уральского федерального округа. Исходя из цели, задачи исследования заключаются в следующем: провести анализ развития производства сельскохозяйственной продукции в регионах федерального округа; изучить проблемы и перспективы развития АПК на внутреннем рынке. Материалами исследования в данной статье послужили статистические данные по развитию сельского хозяйства на территории УФО, а также федеральные и региональные программы по поддержке данного направления. В статье использованы такие методы исследования как метод факторного анализа,*

где задействован анализ влияния отдельных факторов на результирующий показатель, а также методы анализа и синтеза. Результатами исследования являются данные на рисунках 1, 2, 3 и 4, где показана статистика производства основных сельскохозяйственных продуктов в регионах УФО.

Ключевые слова*: обеспеченность сельскохозяйственной продукцией, сельскохозяйственные предприятия, Доктрина продовольственной безопасности, новые технологии, государственная поддержка, продовольственная безопасность, инновации, модернизация оборудования.*

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Associate Professor Professor, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Head Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University

YEGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

PETROVA Irina Ilyinichna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

PROVISION OF AGRICULTURAL PRODUCTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT AS A BASIS FOR FULFILLING THE CONDITIONS OF THE FOOD SECURITY DOCTRINE

Annotation*. This article analyzes the Ural Federal District's self-sufficiency in agricultural products. Table 1 shows the level of supply of basic agricultural products in the Russian Federation and the Ural Federal District as of the beginning of 2026. Table 2 provides an analysis of self-sufficiency in agricultural products by region within the Ural Federal District. The purpose of this article is to examine promising areas for agricultural development in the Ural Federal District. Based on this objective, the research objectives are as follows: to analyze the development of agricultural production in the regions of the federal district; and to examine the challenges and prospects for the development of the agro-industrial complex in the domestic market. The research materials in this article are based on statistical data on agricultural development in the Ural Federal District, as well as federal and regional programs supporting this sector. The article utilizes research methods such as factor analysis, which analyzes the influence of individual factors on the*

resulting indicator, as well as analytical and synthesis methods. The results of the study are presented in Figures 1, 2, 3, and 4, which show statistics on the production of key agricultural products in the Ural Federal District.

Key words: *agricultural supply, agricultural enterprises, food security doctrine, new technologies, government support, food security, innovation, equipment modernization.*

Уральский федеральный округ находится в сложных климатических условиях, которые не всегда являются благоприятными для ведения сельского хозяйства, поэтому АПК не является ведущей отраслью в УФО. Доля Уральского федерального округа в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции России на 2025 год составила 5%. Основными направлениями нужно отметить животноводство (молочное и мясное скотоводство, свиноводство, птицеводство) и растениеводство (выращивание зерновых, масличных культур, картофеля, овощей). Что касается выполнения порогового значения Доктрины продовольственной безопасности, по некоторым видам продукции УФО не только выполняет, но и перевыполняет показатели. Рассмотрим данные показатели в *таблице 1.*

Таблица 1. Уровень самообеспечения РФ и Уральского федерального округа основными сельскохозяйственными продуктами на начало 2026 г. (в %) [1]

№ п/п	Вид сельскохозяйственной продукции	Норма обеспечения в соответствии с Доктриной	Самообеспеченность РФ на 2026 год	Самообеспеченность УФО на 2026 год
1	Зерно	95	149	124
2	Мясо и мясопродукты	85	102	82
3	Молоко и молокопродукты	90	85	73
4	Яйцо	90	98	102
5	Рыба и рыбопродукты	85	138	101
6	Картофель	95	91	92
7	Овощи и бахчевые	90	89	46
8	Фрукты и ягоды	60	42	20

В целом УФО практически выполняет поставленные нормы Доктрины продовольственной безопасности, но наблюдаются отставания по молоку и молочным продуктам, фруктам и ягодам. По данным на 2025 год, округ полностью обеспечивает себя птицеводческой продукцией и яйцами. Лидерами в производстве сельскохозяйственной продукции в УФО являются Челябинская, Свердловская и Тюменская области. Ханты-Мансийский и Ямало - Ненецкий автономные округа из-за суровых климатических условий имеют минимальную долю в производстве сельхозпродукции, но в Ханты-Мансийском округе достигнута самообеспеченность по рыбной продукции (36%) и мясу птицы (25%).

Далее в *таблице 2* проанализируем самообеспеченность сельскохозяйственной продукцией по регионам Уральского федерального округа.

Таблица 2. Самообеспеченность сельскохозяйственной продукцией по регионам Уральского федерального округа [9]

Регион	Показатели самообеспеченности
Свердловская область	Полностью обеспечивает себя яйцом и картофелем. По молочной продукции обеспеченность в 2025 году составляла 74 %. Лидер по производству молока в УФО.
Челябинская область	Почти полностью обеспечивает себя основными продуктами. В 2025 году внесла наибольший вклад в производство сельхозпродукции в УФО (30 % от общего объёма по округу). Лидер по производству яиц в УФО. В 2025 году собран рекордный за 35 лет урожай зерновых - почти 2,4 млн. тонн
Тюменская область	Полностью обеспечивает себя мясом птицы и молочной продукцией. За последние годы введено в эксплуатацию 18 современных молочных комплексов
Курганская область	Полностью обеспечена продукцией растениеводства (100 %), но не обеспечивает себя яйцами. Значительная часть сельхозпроизводства сосредоточена в хозяйствах населения. На их долю приходится около 37% производства скота и птицы, 64 % - молока, 75,8 % - яиц

Выше уже говорилось, что Ямало – Ненецкий и Ханты – Мансийский округа имеют минимальную долю в производстве продукции, поэтому в таблице 2 Тюменская область была рассмотрена без автономных округов. Но в Ямало-Ненецком автономном округе развито оленеводство - на территории округа сосредоточено около половины поголовья северных оленей в России.

В УФО по данным на начало 2026 года, в хозяйствах всех категорий насчитывается 693,5 тыс. голов крупного рогатого скота, из них коров - 313,4 тыс. голов. Самое многочисленное поголовье крупного рогатого скота в Свердловской области - 238,4 тыс. голов. Челябинская область является лидером по поголовью свиней, которых на начало 2026 года насчитывается 621,9 тыс. голов (47,4% от общего поголовья свиней в УФО).

В регионе развито племенное животноводство. Только в Челябинской области расположено 6 племенных заводов по разведению герефордской породы крупного рогатого скота и 4 племенных репродуктора этой же породы. В Свердловской области есть 1 племенной репродуктор по разведению скота герефордской породы.

Если мы рассмотрим самообеспеченность УФО картофелем, как основным продуктом после зерна, то здесь нельзя положиться на конкретные цифры, так как погодные условия изменяются каждый год. Помимо этого, происходит и изменение в структуре посевов. В основном федеральный округ практически полностью обеспечивает себя данным продуктом.

По данным региональной статистики на конец 2025 года Свердловская область полностью обеспечила себя картофелем. Однако в целом по УФО ситуация может отличаться в зависимости от региона. Например, в Челябинской области ранее фиксировался дефицит картофеля собственного производства. Дефицит картофеля покрывают поставки из Египта, Китая и Казахстана. На *рисунке 1* проанализируем производство картофеля в 2025 году по УФО в целом.

Рисунок 1. Валовой сбор картофеля по Уральскому федеральному округу в 2025 году

По производству молочной продукции нужно отметить, что в УФО насчитывается 606 предприятий – производителей молока. Лидером по объемам производства молочной продукции является Свердловская область, на долю которой в 2025 году пришлось 47 % всего молока федерального округа. Свердловская область заняла 10-е место в России по данному показателю. Поголовье коров в УФО на конец 2025 года составило 313,4 тыс. голов. В Свердловской области насчитывалось 205,5 тыс. коров. Среди других регионов УФО значимый объём молока производила Челябинская область. Производство молока в УФО рассмотрим на *рисунке 2.*

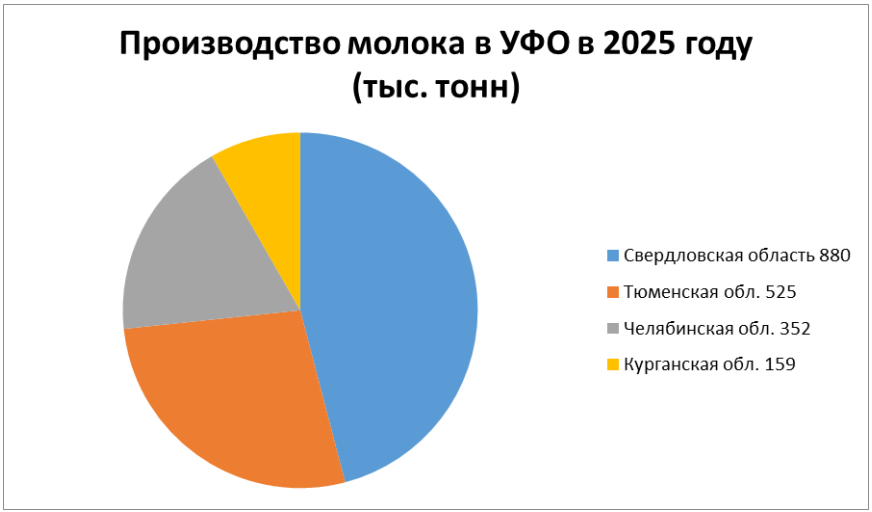

Рисунок 2. Производство молока в УФО в 2025 году

Производство фруктов и ягод в Уральском федеральном округе (УФО) характеризуется низким уровнем самообеспеченности и рядом сложностей, связанных с климатическими условиями, инфраструктурой и экономическими факторами. УФО обеспечивает себя фруктами и ягодами всего на 20 %, что намного ниже уровня Доктрины продовольственной безопасности. Причинами такой низкой обеспеченности в первую очередь являются климатические и погодные условия. Помимо этого с 1990 – х годов произошло существенное сокращение земель под плодово – ягодные культуры. В советское время практически во всех городах Свердловской, Челябинской областей, в большинстве городов Курганской области и в некоторых муниципалитетах Тюменской области существовали ягодные питомники, которые были ликвидированы [4]. Валовой сбор плодово – ягодных культур рассмотрим на *рисунке 3.*

Рисунок 3. Валовой сбор плодово – ягодных культур в УФО в 2025 году

Производство овощей в УФО ведется как в открытом, так и в закрытом грунте. Значительную долю производства обеспечивают агрохолдинги, которые внедряют в свое производство новые технологии. Лидерами по выращиванию овощей в округе являются Челябинская и Свердловская области. В Челябинской области главными производителями являются агрокомплексы «Чурилово» в Челябинске и «Агропарк Урал» в Усть-Катаве, которые входят в группу компаний «РОСТ». Рост производства стал возможен благодаря модернизации оборудования, внедрению биологических методов защиты растений и оптимизации площадей под огурцы и томаты.

В Свердловской области одним из крупнейших производителей овощей является АО «Тепличное». Компания использует голландские технологии, капельный полив и выращивание растений на минеральных матах. Валовой сбор овощей открытого грунта рассмотрим на *рисунке 4.*

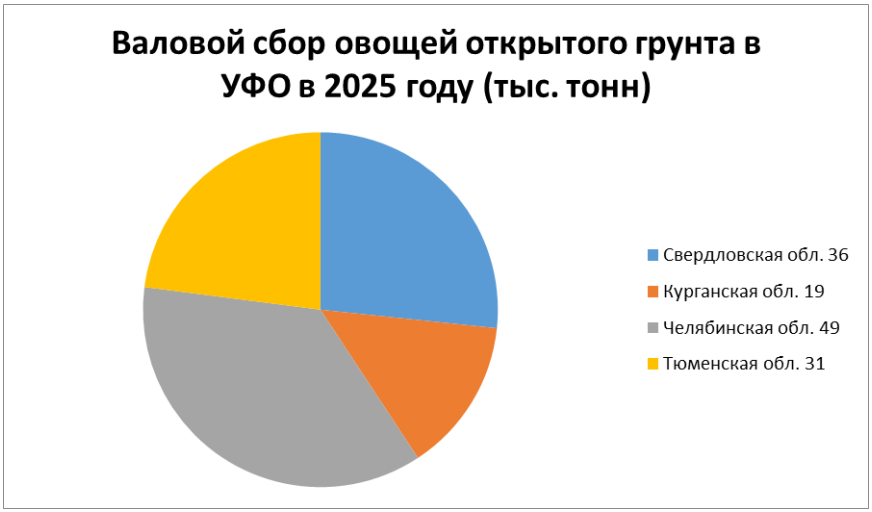

Рисунок 4. Валовой сбор овощей открытого грунта в УФО в 2025 году

Из таблиц и рисунков можно отметить следующие негативные факторы, которые наблюдаются в сельском хозяйстве УФО. В первую очередь нужно отметить изношенность сельскохозяйственной техники [5], [7]. Второй проблемой остается зависимость от импортных семян некоторых культур, особенно свеклы. Недостаток квалифицированных кадров также влияет на даль-

нейшее развитие сельскохозяйственных отраслей. Недостаток инвестиций и устаревшая инфраструктура являются тоже негативными факторами для ведения сельскохозяйственной деятельности. И еще одной причиной являются природно – климатические риски, т.к. практически все территории УФО находятся в зоне рискованного земледелия.

Для повышения самообеспеченности в УФО реализуются следующие меры:

- создаются селекционные центры в растениеводстве и животноводстве [6];
- внедряются новые технологии в сельское хозяйство, модернизируется оборудование [10];
- предоставляется государственная поддержка по 21 направлению, включая гранты «Агростартап», субсидии на возмещение строительных затрат, поддержку хлебопекарных предприятий [8];
- реализуется федеральный проект «Развитие овощеводства и картофелеводства», в рамках которого УФО планирует увеличить производство картофеля на 25%, а овощей открытого грунта - на 39%;
- развивается система агрострахования [3].

Среди перспективных направлений нужно отметить развитие промышленного садоводства (например, выращивание жимолости и облепихи), строительство дополнительных теплиц и семенных заводов [2].

Таким образом, хотя УФО достиг значительных успехов в обеспечении продовольственной безопасности, для дальнейшего роста необходимо решать проблемы с технологиями, кадрами, логистикой и зависимостью от импорта.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» - [Электронный ресурс]: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106 (дата обращения 20.04.2026).

[2] Постановление Правительства РФ от 18.03.2021 № 415 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» - [Электронный ресурс]: https://base.garant.ru/400501899/ (дата обращения 23.04.2026).

[3] Федеральный проект «Развитие отраслей овощеводства и картофелеводства» - [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513951/5cabd63829e5beebf9aa3d174498cf483a25f04b/ (дата обращения 20.04.2026).

[4] Бекбергенева Д.Е., Баранник В.А. Продовольственная безопасность Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4. С. 38 - 43.

[5] Булетова Н. Е., Шаркевич И.В. Приоритеты продовольственной безопасности в контексте национальной политики социально-экономического развития // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 5. С. 1239 - 1256.

[6] Мельников Б. А. Продовольственная самообеспеченность регионов Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 7. С. 1923 - 1946.

[7] Савина О.В. Анализ основных критериев обеспечения продовольственной безопасности региона (на материалах Рязанской области) // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12. № 2. С. 66 - 76.

[8] Торженова Т. В., Мамонов Р. А., Терентьев А. С. Основные приоритеты в обеспечении продовольственной безопасности России // Russian Journal of Management. 2025. №. 4. С. 50 - 56.

[9] Чупина И. П., Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Егоров С. Г., Фатеева Н. Б. Самообеспеченность Уральского федерального округа сельскохозяйственной продукцией как одна из приоритетных задач продовольственной безопасности регионов страны //Аграрное и земельное право. 2025. № 8. С.85 – 88.

[10] Шабашева Ю. Е. Перспективы развития аграрного сектора России в обеспечении продовольственной безопасности страны // Экономическая безопасность. 2022ю Т. 5, № 4. С. 1499 - 1516.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” - [Electronic resource]: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106 (date of access April 20, 2026).

[2] Resolution of the Government of the Russian Federation of March 18, 2021 No. 415 “On Amendments to the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials, and Food Markets” - [Electronic resource]: https://base.garant.ru/400501899/ (date of access April 23, 2026).

[3] Federal project “Development of vegetable and potato growing industries” - [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513951/5cabd63829e5beebf9aa3d174498cf483a25f04b/ (date of access 04/20/2026).

[4] Bekbergeneva D.E., Barannik V.A. Food Security of the Russian Federation // Economy and Business: Theory and Practice. 2022. No. 4. pp. 38-43.

[5] Buletova N.E., Sharkevich I.V. Food Security Priorities in the Context of the National Policy of Socioeconomic Development // Economic Security. 2024. Vol. 7, No. 5. pp. 1239-1256.

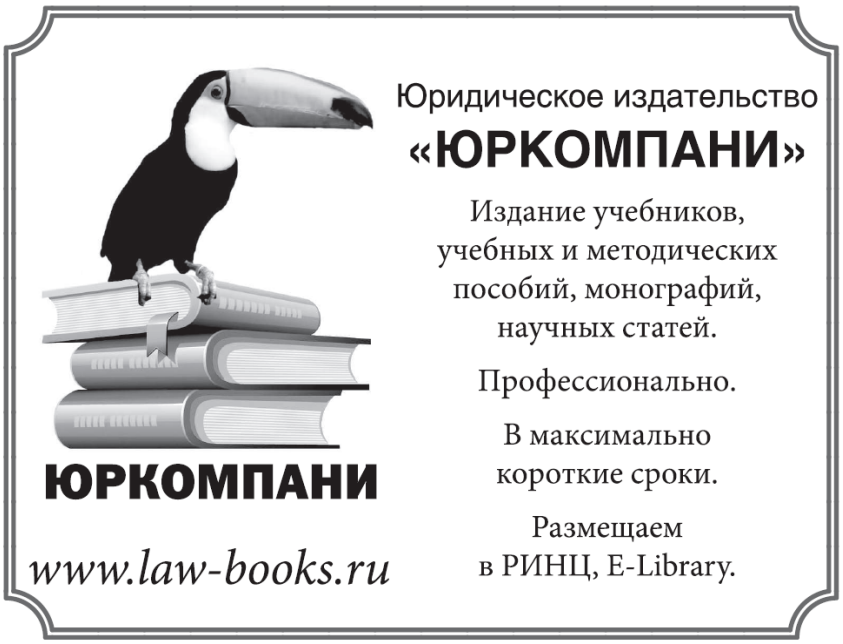
[6] Melnikov B.A. Food Self-Sufficiency of the Regions of the Russian Federation // Economic Security. 2024. Vol. 7, No. 7. pp. 1923-1946.

[7] Savina O.V. Analysis of the main criteria for ensuring food security in the region (based on the Ryazan region) // Russian Journal of Management. 2024. Vol. 12. No. 2. pp. 66-76.

[8] Torzhenova T.V., Mamonov R.A., Terentyev A.S. Main priorities in ensuring food security in Russia // Russian Journal of Management. 2025. No. 4. pp. 50-56.

[9] Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Egorov S.G., Fateeva N.B. Self-sufficiency of the Ural Federal District in agricultural products as one of the priority tasks of food security of the country's regions // Agrarian and land law. 2025. No. 8. Pp. 85–88.

[10] Shabasheva Yu. E. Prospects for the Development of the Russian Agricultural Sector in Ensuring the Country's Food Security // Economic Security. 2022. Vol. 5, No. 4. Pp. 1499–1516.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-154-160
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КРОТОВ Михаил Иванович,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: aktual111@mail.ru

ДУДИНА Ольга Игоревна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: almas-78@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля

Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗЕРНОПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬХОЗОРГАНИЗАЦИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В современных условиях оценка эффективности развития отдельных отраслей сельского хозяйства во взаимосвязи с ведущими (главными) отраслями является важным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие производственной системы в целом. Зерновая отрасль Свердловской области является важным элементом формирования кормовых ресурсов ведущей отрасли – скотоводства. В представленной научной работе проведен анализ развития зернопроизводства региона за период 2020-2024 годы, а также влияние отдельных факторов на отрасль. Зерновая отрасль в регионе сосредоточена в южных районах области, как правило, в крупных сельскохозяйственных организациях с высоким уровнем интенсификации производства. Высокая производительность в производстве зерновых подтверждается низкой трудоёмкостью и относительно высокой урожайностью в регионе. Эф-*

фективность реализации зерна во многом зависит от валового производства. Перепроизводство ведет к снижению закупочных цен и рентабельности отрасли. Для региона, где развито скотоводство, зерновая отрасль рассматривается в виде кормовой базы, обеспечивающей устойчивое развитие сельхозпроизводителей. В свою очередь, развитие растениеводства способствует вводу в оборот неиспользованных сельскохозяйственных земель и развитию инфраструктуры на селе. Представленные выводы в работе могут быть использованы в качестве рекомендаций по устойчивому развитию сельского хозяйства и обеспечению продовольственной безопасности отдельных регионов и страны в целом.

Ключевые слова*: зернопроизводство, эффективность производства, эффективность реализации, анализ, кормовые ресурсы, интенсификация производства, молочное скотоводство, продовольственная безопасность региона.*

KROTOV Mikhail Ivanovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Accounting and Auditing
Department Ural State University of Economics

DUDINA Olga Igorevna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department

Ural State University of Economics

MALKOVA Yulia Vadimovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
Ural State Agrarian University

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF GRAIN PRODUCTION IN AGRICULTURAL ORGANIZATIONS OF THE SVERDLOVSK REGION

Annotation*. In modern conditions, assessing the effectiveness of the development of individual agricultural sectors in conjunction with the leading (main) industries is an important factor ensuring the sustainable development of the production system as a whole. The grain industry of the Sverdlovsk region is an important element in the formation of feed resources of the leading industry – cattle breeding. The presented scientific paper analyzes the development of grain production in the region for the period 2020-2024, as well as the impact of individual factors on the industry. The grain industry in the region is concentrated in the southern regions of the region, as a rule, in large*

agricultural organizations with a high level of production intensification. High productivity in grain production is confirmed by low labor intensity and relatively high yields in the region. The efficiency of grain sales largely depends on gross production. Overproduction leads to lower purchase prices and profitability of the industry. For a region where cattle breeding is developed, the grain industry is considered as a fodder base that ensures the sustainable development of agricultural producers. In turn, the development of crop production contributes to the introduction of unused agricultural land and the development of infrastructure in rural areas. The presented conclusions can be used as recommendations for the sustainable development of agriculture and ensuring food security in individual regions and the country as a whole.

Key words*: grain production, production efficiency, sales efficiency, analysis, feed resources, production intensification, dairy cattle breeding, food security of the region.*

Введение.

Зернопроизводство как отрасль, играет важное значение, в обеспечении продовольственной безопасности страны и отдельных её регионов. Анализ зерновой отрасли в Свердловской области представляет важную составляющую исследования.

«Зерновое производство в Свердловской области играет важную роль в формировании кормовых ресурсов (собственного производства), для развития молочного скотоводства региона. Стабильное развитие зерновой отрасли сказывается на молочном скотоводстве, следовательно, на устойчивом развитии сельских территорий, поскольку обеспечивает развитие социальной и экономической инфраструктуры.

Развитие зернопроизводства в Свердловской области не вызывает сомнения, поскольку отрасль имеет приоритетное значение для развития кормопроизводства» [5, 6].

Материал и методы исследования.

При проведении анализа использовались официальные данные электронных ресурсов, в частности «Анализ производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций Свердловской области за 2020-2024 годы», Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области, научной литературы по данному направлению исследования. Для проведения анализа использовались статистико-экономические и монографические методы исследования [7].

Цель научной работы – на основе проведенного анализа современного состояния и развития зернопроизводства в сельхозорганизациях Свердловской области, выявить факторы, обеспечивающие устойчивое развитие отрасли и на основе этого дать рекомендации по формированию адаптационных свойств развития зерновой отрасли в современных условиях.

Практически все крупные производители молока в регионе занимаются производством зерновых с целью нивелирования возможных рисков, связанных с ухудшением ситуации в обеспечении животноводства кормами. К таким сельхозпроизводителям относятся СПК «Килачевский», ООО «Агрофирма «Ирбитская», Колхоз «Урал», ООО «Агрофирма «Нива», СПК «Завет Ильича», СПК «Колхоз Дружба», АО «Каменское», СПК «колхоз имени Кирова», СПК «Птицесовхоз «Скатинский», АО «Щелкунское», СПК «Труд», ООО «Радуга», ООО «Яр», ООО «Зерновая компания «Финагро», АО «Птицефабрика «Свердловская», АО «Совхоз «Сухоложский», ООО «Агрофирма «Восточная» и другие.

В разрезе управлений министерства сельского хозяйства региона основные объемы производства зерновых сельхозорганизаций сосредоточены в Ирбитском (104545 тонн), Талицком (80183 тонн), Камышловском (66297 тонн), Байкаловском (58526 тонн), Богдановичском (48725 тонн) районах. На долю представленных районов приходится больше 50% произведенного зерна в Свердловской области в 2024 году [1].

Свердловская область является промышленно-развитым регионом, несмотря на это сельскому хозяйству отдается приоритетное значение, в целях обеспечения продовольственной безопасности региона и его жителей. Ведущей отраслью сельского хозяйства региона является скотоводство, требующее обеспечение поголовья животных кормовыми ресурсами, к которым относится, в том числе зерновая отрасль. Основные показатели, характеризующие эффективность производства зерна в области, представлены в *таблице 1.*

Таблица 1. Эффективность производства зерна в сельхозорганизациях Свердловской области

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение 2024 к 2020 гг.	
						абсолютное, +-	относительное, %
Уборочная площадь, га	322727	314765	333531	313105	313110	-9617	97,0
Урожайность, ц/га	20,9	16,5	27,4	20,9	23,7	2,8	113,4
Валовой сбор, тонн	673529	520933	913340	655764	740947	67418	110,0
Затраты труда на производство 1 ц, чел/час	0,50	0,61	0,36	0,49	0,41	-0,1	82,0
Производственная себестоимость, руб./кг	8,19	11,37	8,31	10,98	10,41	2,2	127,1

Источник: составлено авторами на основе [1]

За исследуемый период 2020-2024 годы производственные показатели развития зерновой отрасли в регионе свидетельствуют об эффективности производства. Так, за анализируемый период объем производства зерна в сельхозорганизациях увеличился на 10% с 673,5 до 740,9 тыс. тонн, что обеспеченно ростом урожайности на 13,4% до 23,7 ц/га. При этом отмечается снижение посевов под зерновыми на 3% (или на 9617 га).

Положительная динамика роста урожайности зерна позволяет хозяйствам региона сдержать себестоимость его производства. В 2024 году по сравнению с 2020 годом производственная себестоимость 1 кг зерна выросла на 27,1% с 8,19 до 10,41 руб. Трудоёмкость продукции за последние пять лет уменьшилась на 18% составив в 2024 году 0,41 чел./час на 1 центнер зерна.

Проведенный анализ также показывает зависимость показателей урожайности и эффективности производства зерновых. Отмечается, что в периоды, где выше урожайность эффективность производства выше и наоборот.

Значительная часть зерновых производимых в регионе используется на собственные нужды (семена, корма). Реализация зерновых осуществляется в большей степени на комбикормовые заводы Свердловской области по рыночным ценам. В *таблице 2* представлены показатели эффективности реализации зерновых хозяйствами региона.

Таблица 2. Эффективность реализации зерна в сельхозорганизациях Свердловской области

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение 2024 к 2020 гг.	
						абсолютное, +-	относительное, %
Объем реализации, тонн	219886	153324	223582	243245	300886	81000	136,8
Уровень товарности, %	32,65	29,43	24,48	37,09	40,61	7,96	-
Коммерческая себестоимость, руб./кг	7,86	9,85	9,44	9,31	10,82	3,0	137,7

Цена реализации, руб./кг	10,6	14,39	11,64	9,32	9,89	-0,7	93,3
Прибыль (убыток) от реализации, тыс. руб.	574127	700759	491762	2963	-281162	-855289	-
Уровень рентабельности (убыточности), %	33,2	46,1	23,3	0,10	-8,60	-41,8	-
Окупаемость затрат	1,349	1,461	1,233	1,001	0,914	-0,435	67,8

Источник: составлено авторами на основе [1]

В 2024 году по сравнению с 2020 годом, на фоне роста объемов производства отмечаются более высокие темпы увеличения реализации зерновых. За анализируемый период уровень товарности зерна увеличился с 32,65 до 40,61 процентов, на фоне роста объемов реализации с 219,9 до 300,9 тыс. тонн (на 36,8%).

К сожалению, несмотря на эффективность производства продукции (рост урожайности, снижение трудоёмкости), рыночная конъюнктура сложилась неблагоприятно для сельхозпроизводителей. За последние пять лет коммерческая себестоимость зерна увеличилась на 37,7%, тогда как цена реализации снизилась на 6,7%. Данная динамика показателей привила к тому, что отрасль показала убыточность в 8,6%. В 2024 году убыток от реализации зерна составил 281,2 тыс. руб. Окупаемость затрат в отрасли снизилась 32,2% до 0,914.

Данные таблицы 2 показывают, что ухудшение результатов реализации зерновых началось с 2023 года и усилилось в 2024 году. Такая ситуация обусловлена общей ситуацией на рынке зерновых, а именно переизбыток производства и падения цен на данную продукцию.

Для Свердловской области сложившаяся ситуация на рынке зерна не носит критического характера, поскольку отрасль рассматривается как кормовая база (производимое зерно 3-4 класса). Значительные объемы зерновых производятся крупными сельхозпроизводителями в южных районах Свердловской области.

Важным направлением повышения эффективности производства в регионе отводится интенсификации производства. В *таблице 3* рассмотрим наличие техники в сельскохозяйственных организациях Свердловской области.

Таблица 3. Наличие основных видов сельскохозяйственной техники в сельхозорганизациях Свердловской области на конец года, ед.

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение 2024 к 2020 гг.	
						абсолютное, +-	относительное, %
Тракторы	3508	3487	3637	3468	3451	-57	98,4
Плуги	866	851	911	856	852	-14	98,4
Культиваторы	728	705	737	687	677	-51	93,0
Сеялки	745	752	739	693	674	-71	90,5
Комбайны зерноуборочные	555	533	534	517	532	-23	95,9
Комбайны кормоуборочные	308	299	301	285	283	-25	91,9

Источник: составлено авторами на основе [2, 7]

Представленные данные таблицы 3 показывают, что за период 2020-2024 годы в сельхозорганизациях региона происходит существенное снижение парка сельхозтехники, что объясняет снижение посевных площадей зерновых. В 2024 году по сравнению с 2020 годом в абсолютном выражении существенно снизилось количество тракторов на 57 ед., сеялок на 71 ед., культиваторов на 51 ед. При этом количество зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов снизилось соответственно на 23 и 25 единиц.

Сокращение количества сельскохозяйственной техники и оборудования сказывается на обеспеченности на площади сельскохозяйственных угодий, в том числе посевных, что в конечном счете может отразиться на эффективности производства продукции растениеводства (*таблица 4*).

Таблица 4. Обеспеченность техникой в сельхозорганизациях Свердловской области, ед.

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Изменение 2024 к 2020 гг.	
						абсолютное, +-	относительное, %
Количество тракторов на 1000 га посевных площадей	5,91	5,99	6,17	5,97	6,03	0,12	102,02
Количество зерноуборочных комбайнов на 1000 га посевов зерновых	2,17	2,24	2,08	2,19	2,23	0,06	102,65
Количество кормоуборочных комбайнов на 1000 га посевов кормовых культур	0,98	0,94	1,02	0,92	0,97	-0,01	99,06

Источник: составлено авторами на основе [2, 3]

Несмотря на снижение численности техники, обеспеченность ею остается стабильной, что связанно со снижением посевных площадей в целом, в том числе под зерновыми и кормовыми культурами. Так, в 2024 году по сравнению с 2020 годом обеспеченность тракторами на 1000 га посевных площадей выросла на 2,0% с 5,91 до 6,03 единиц; зерноуборочными комбайнами на 1000 га посевов зерновых на 2,7% с 2,17 до 2,23 единиц. На этом фоне отмечается незначительное снижение обеспеченности кормоуборочными комбайнами на 1000 га посевов кормовых культур.

Вывод.

Проведенный анализ показывает, что зерновая отрасль в Свердловской области развивается как дополнительная отрасль, имеющая решающее значение при формировании кормовой базы для развития животноводства. Значительные объемы производства зерновых сосредоточенны в южных районах региона. Производством зерна занимаются, как правило, крупные производители, специализирующие на молочном скотоводстве.

При этом крупные игроки отрасли производят зерновые с применением интенсивных технологий, применяя ресурсосберегающие технологии не только в основной отрасли, но и в дополнительных отраслях. Анализ эффективности производства зерновых в регионе показывает, что отрасль подвержена влиянию общей рыночной конъюнктуры в целом по стране. Имеет ярко выраженное свойство, которое проявляется в том, что при высокой урожайности (валовом сборе), рентабельность отрасли снижается, что напрямую связано с переизбытком производства и экспортных ограничениях.

Опыт развития сельскохозяйственных организаций Свердловской области показывает, что зерновая отрасль обеспечивает следующие конкурентные преимущества:

- формирование резервов кормовых ресурсов, в виде зерновых фондов сформированных на сельскохозяйственных предприятиях;
- обеспечивает сдерживание роста себестоимости производства продукции животноводства, за счет развития собственной кормовой базы;
- формирование интеграционных связей между производителями зерна и комбикормовой промышленности;
- ввод дополнительных сельскохозяйственных земель в оборот и развитие сельских территорий, путем создания рабочих мест и дополнительной инфраструктуры.

Список литературы:

[1] Анализ производственно-финансовой деятельности сельскохозяйственных организаций Свердловской области» за 2020-2024 годы https://mcxso.midural.ru/article/show/id/105 (дата обращения 04.02.2026 г).

[2] Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [Электронный ресурс] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Техника2024.doc (дата обращения 17.02.2026 г).

[3] Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [Электронный ресурс] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Посевные2024.doc (дата обращения 17.02.2026 г).

[4] Кротов М.И., Скворцова Е.Г. Анализ современного состояния парка сельхозтехники и оборудования в организациях Свердловской области // Теория и практика мировой науки. 2025. №5. С. 49-52. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82467456_41645791.pdf.

[5] Кротов М.И., Малькова Ю.В. Интеграция как фактор устойчивого развития сельских территорий // Стратегическое развитие инновационного потенциала отраслей, комплексов и организаций: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. 2024. С. 342-347. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_75194858_31425759.pdf.

[6] Малькова Ю.В., Кот Е.М., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В., Крохалев А.А. Современное состояние и развитие зернопроизводства Свердловской области // Российский научный вестник. 2025. №11. С. 177-183.

[7] Скворцов Е.А., Кротов М.И., Скворцова Е.Г. Развитие скотоводства Свердловской области в условиях внешнеэкономических ограничений // Фундаментальные исследования. 2024. № 12. С. 158-165; DOI: 10.17513/fr.43756.

References:

[1] Analysis of the production and financial activities of agricultural organizations in the Sverdlovsk region" for 2020-2024 https://mcxso.midural.ru/article/show/id/105 (accessed 02/04/2026).

[2] Administration of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Kurgan region [Electronic resource] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Техника2024.doc (accessed 17.02.2026).

[3] Administration of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region and the Kurgan region [Electronic resource] URL: https://66.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Посевные2024.doc (accessed 17.02.2026).

[4] Krotov M.I., Skvortsova E.G. Analysis of the current state of the agricultural machinery and equipment fleet in organizations of the Sverdlovsk region // Theory and practice of world science. 2025. No.5. pp. 49-52. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82467456_41645791.pdf .

[5] Krotov M.I., Malkova Yu.V. Integration as a factor of sustainable rural development // Strategic development of the innovative potential of industries, complexes and organizations: collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference. 2024. pp. 342-347. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_75194858_31425759.pdf .

[6] Malkova Yu.V., Kot E.M., Gorbunova O.S., Pilnikova I.F., Petryakova S.V., Krokhalev A.A. The current state and development of grain production in the Sverdlovsk region // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 177-183.

[7] Skvortsov E.A., Krotov M.I., Skvortsova E.G. The development of cattle breeding in the Sverdlovsk region under conditions of foreign economic constraints // Fundamental research. 2024. No. 12. pp. 158-165; DOI: 10.17513/fr.43756.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-161-165
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ФЕДОРОВ Александр Николаевич,
старший преподаватель кафедры почвоведения,
агроэкологии и химии имени профессора Н А. Иванова,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail:1profkom@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ethos08@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЦАРЕВА Светлана Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры управления качеством и экспертизы товаров и услуг,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: svetlana.tzareva2011@yandex.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,
старший преподаватель кафедры математики и ИТ,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: anna-alikieva@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изменение климата перестало быть исключительно экологической проблемой, в последние десятилетия оно стало одним из главных ключевых проблем для мировой экономики, особенно для сельского хозяйства. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата уже в текущем десятилетии частота экстремальных погодных явлений могут варьироваться на 30–50 % во всех регионах земного шара, в зависимости от выбросов парниковых газов и других факторов, что напрямую влияет на урожайность, кормовую базу, условия содержания сельскохозяйственных животных и др. [12].*

Авторами сформулирована актуальность темы исследования, в данной научной статье рассматривается влияние изменения климата на мировую экономику. Поставленная цель исследования достигнута решением намеченных задач по ходу исследования: рассмотрены ключевые проблемы изменение климата влияющие на мировую экономику и на сельское хозяйство в целом и их экономические последствия. Особое внимание уделено мерам смягчения последствий, их предотвращения и адаптации к климатическим изменениям. Определены методы, материалы исследования и обозначена практическая значимость научной статьи.

По результатам проведенного исследования сделано заключение: изменение климата уже оказывает значительное влияние на мировую экономику, и в ближайшие десятилетия по

данным экспертов этот тренд будет усиливаться. Для минимизации ущерба необходимы скоординированные действия на международном уровне, инвестиции в «зелёные» технологии и адаптация инфраструктуры к новым климатическим реалиям. Реализация этих мер позволит не только снизить экономические потери, но и создать новые возможности для устойчивого развития.

Ключевые слова*: изменение климата, глобальное потепление, экономический ущерб, стихийные бедствия, смягчение последствий, устойчивое развитие.*

FEDOROV Alexander Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Soil Science,
Agroecology and Chemistry named after Professor N. A. Ivanov,
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Ph.D., Associate Professor, Associate Professor,
Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor,
Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

TSAREVA Svetlana Vladimirovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Quality
Management and Expertise of Goods and Services,
Ural State University of Economics

BABKINA Anna Anatolyevna,
Senior Lecturer,
Department of Mathematics and IT,
Ural State Agrarian University

ECONOMIC IMPACTS OF CLIMATE CHANGE

Annotation*. The relevance of the research topic is due to the fact that climate change has ceased to be an exclusively environmental problem, in recent decades it has become one of the main key problems for the world economy, especially for agriculture. According to the Intergovernmental Panel on Climate Change, already in the current decade, the frequency of extreme weather events can vary by 30-50% in all regions of the world, depending on greenhouse gas emissions and other factors, which directly affects yields, food supply, conditions for keeping farm animals, etc. [12].*

The authors formulated the relevance of the research topic, this scientific article examines the impact of climate change on the global economy. The set goal of the study was achieved by solving the set tasks during the study: the key problems of climate change affecting the global economy and agriculture in general and their economic consequences were considered. Particular attention is paid to mitigation measures, their prevention and adaptation to climate change. Methods, research materials are identified and the practical significance of the scientific article is indicated.

According to the results of the study, a conclusion was made: climate change is already having a significant impact on the global economy, and in the coming decades, according to experts, this trend will intensify. Minimizing damage requires coordinated action at the international level, invest-

ment in green technologies, and adaptation of infrastructure to new climate realities. The implementation of these measures will not only reduce economic losses, but also create new opportunities for sustainable development.

Key words: *climate change, global warming, economic damage, natural disasters, mitigation, sustainable development.*

Цель данной работы – рассмотреть изменения климата на мировую экономику и предложить меры смягчения последствий.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть ключевые проблемы изменение климата для мировой экономики;
- оценить основные экономические последствия изменения климата;
- выявить пути решения проблемы;
- рассмотреть климатические проблемы. влияющие на сельское хозяйство и экономические последствия;
- рассмотреть внедрение мер адаптации в сельском хозяйстве:
- описать выводы по исследуемой теме.

В связи с невозможностью применения эксперимента использован теоретический, абстрактно-логический метод исследования и метод дедукции,

При исследовании были использованы специальные издания современных исследователей, интернет-ресурсы, приведенные в списке литературы.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть применены как лекционный материал для обучающихся среднего профессионального обучения и бакалавров по экономическим дисциплинам, а также в научных статьях с учетом специфики темы.

Основная часть. В последние десятилетия изменение климата стало одним из главных ключевых проблем для мировой экономики. Рост концентрации парниковых газов в атмосфере приводит к повышению средней температуры на планете, что вызывает перепады природных катаклизм и учащение экстремальных погодных явлений. По данным Всемирной метеорологической организации, каждое десятилетие с 1980 года было теплее предыдущего [2].

Международные организации — ООН, МВФ, Всемирный банк и Всемирный экономический форум — относят глобальное потепление к числу самых серьёзных экономических рисков текущего десятилетия [6]. Если выбросы парниковых газов не будут существенно сокращены в ближайшие 20–30 лет, температура на земле может подняться на плюс 4,5 – 5 градусов, что может создать угрозу для жизни людей на земле [1], [7].

Какие же основные экономические последствия изменения климата мы можем наблюдать сейчас?

Первое - это рост количества стихийных бедствий и его масштабы. Увеличение частоты ураганов, наводнений, засух и лесных пожаров напрямую влияет на экономический ущерб. По данным MunichRe [10], в 2019 году убытки от природных катастроф составили более 200 млрд. Самые большие материальные потери несут развитые страны, но людские жертвы чаще всего фиксируются в государствах с низким и средним уровнем доходов.

Второе — это дефицит водных ресурсов. Проблема нехватки воды приемлемого качества затрагивает около 40 % населения мира. К 2030 году дефицит воды может затронуть до 5 млрд человек. По оценкам Всемирного банка [3], экономические потери от нехватки воды к 2050 году могут составить 6 – 14 % ВВП стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Третье последствие это тепловой стресс и как следствие снижение производительности труда. Тепловой стресс сокращает работоспособность, особенно в строительном секторе. К 2030 году эта отрасль может потерять до 19 % рабочего времени. Наибольшие риски наблюдаются в Южной Азии и Западной Африке [8].

Повышение уровня мирового океана угрожает прибрежным городам и объектам инфраструктуры, что наносит большой ущерб инфраструктуре городов. По оценкам, к 2100 году подъём уровня воды на 1 м может затронуть более 600 млн. человек и нанести ущерб в размере до 1 трлн. [9].

Влияние на здоровье населения. Загрязнение воздуха, нехватка воды и пищи, температурные аномалии увеличивают нагрузку на системы здравоохранения. Экономические потери от роста заболеваемости могут достигать 2–3 % мирового ВВП к 2050 году [4].

Ну и последнее это - разрушение экосистем. Изменение климата приводит к сокращению биоразнообразия, что снижает доступность природных ресурсов. Например, повышение кислотности океана из за поглощения CO 2 угрожает рыбному промыслу, который обеспечивает продовольствием миллионы людей [12].

Что же можно ожидать в будущем? При сохранении текущих темпов выбросов парниковых газов к 2100 году глобальная экономика может потерять до 20 % ВВП. Наиболее уязвимыми окажутся страны тропического и субтропического поясов, государства с высокой плотностью населения в прибрежных зонах, зависимые

от природных ресурсов. Даже при реализации мер по сдерживанию потепления до 2 градусов экономические потери к 2050 году оцениваются в 5–10 % мирового ВВП [7], [13].

Какие же есть пути решения проблемы? Для минимизации экономических последствий изменения климата необходимо перейти на возобновляемые источники энергии: такие как - солнечная, ветровая, гидроэнергетика энергии. Повысить энергоэффективности промышленности и ЖКХ, внедрить технологий улавливания и хранения углекислого газа. Можно развивать использование экологических видов транспорта: электромобили, общественный транспорт на альтернативных видах топлива. Внедрять проекты по сокращению выбросов метана в сельском хозяйстве.

Изменение климата влияет не только на города, но и на сельское хозяйство. Сельское хозяйство — одна из самых уязвимых отраслей экономики перед лицом климатических изменений. Непредсказуемая погода всё чаще выбивает почву из под ног фермеров: то затяжные дожди, то внезапная засуха, то заморозки в непривычное время года. Разберёмся, какие именно проблемы возникают и как они влияют на экономику всего мира.

Основные проблемы:

Засуха. В регионах, традиционно считавшихся благоприятными для земледелия, периоды без дождей стали длиннее, а запасы почвенной влаги — меньше. Это напрямую снижает урожайность зерновых, сахарной свёклы, подсолнечника [11].

Наводнения и переувлажнение. Избыток осадков приводит к подтоплению полей, гибели части урожая и задержке уборочной кампании. В 2021–2022 годах сильные дожди в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока сделали невозможным выход техники на поля, по причине раскисшей почвы [11].

Температурные аномалии. Ранние весенние оттепели с последующими заморозками губительны для плодовых деревьев и ягод. Почки распускаются раньше срока, а затем гибнут от возвратных холодов. Аналогично страдают озимые культуры, если зима выдаётся малоснежной и с резкими перепадами температур [5], [11].

Распространение вредителей и болезней. Тёплая и влажная погода создаёт идеальные условия для размножения патогенов таких как фитофтора и мучнистая роса также теперь встречаются насекомые вредители такие как колорадский жук, саранча и др. где раньше в некоторых регионах их почти не было, теперь же фермерам приходится тратить больше средств на пестициды и фунгициды [11], [12].

Деградация почв. Эрозия, засоление, потеря плодородия ускоряются из за изменения режима осадков и повышения температуры. В степных районах участились пыльные бури, выносящие плодородный слой [11].

Нестабильность кормовой базы. Для животноводства критически важно наличие качественных кормов. Засухи сокращают урожайность трав на сенокосах и пастбищах, а частые дожди и наводнения портят заготовленное сено, в результате чего растут затраты на покупку кормов, падает продуктивность скота [11].

Рассмотрим климатические проблемы влияющие на сельское хозяйство и экономические последствия:

Рост издержек. Фермерам приходится вкладываться в системы орошения, защитные сооружения, более устойчивые сорта и породы, средства защиты растений. Всё это увеличивает себестоимость продукции.

Колебания цен. Неурожаи приводят к скачкам цен на продовольствие. Потребитель в итоге платит больше, а фермеры не могут планировать доходы на несколько лет вперёд.

Снижение экспортного потенциала. Россия — один из крупнейших экспортёров зерна. Климатические риски ставят под угрозу стабильность поставок и репутацию надёжного партнёра.

Отток кадров. Неустойчивость доходов заставляет молодых специалистов искать работу в городах, а не в сельском хозяйстве.

Старение сельского населения — ещё одна серьёзная проблема.

По прогнозам ФАО [12], к 2050 году урожайность в некоторых традиционных аграрных регионах может снизиться на 20–30 %, если тенденции сохранятся. Особенно это затронет культуры, чувствительные к температуре и влажности: пшеницу, кукурузу, рис.

Рассмотрим внедрение мер адаптации в сельском хозяйстве:

- выведение засухоустойчивых и жаростойких сортов сельскохозяйственных культур;
- внедрение капельного орошения и других водосберегающих технологий;
- диверсификация культур для снижения рисков;
- создание страховых фондов для поддержки фермеров в случае гибели урожая;
- развитие точного земледелия с использованием датчиков влажности, температуры и спутникового мониторинга;
- восстановление почвенного плодородия через севооборот и применение органических удобрений.

Заключение

Таким образом, изменение климата уже оказывает значительное влияние на мировую экономику, и в ближайшие десятилетия этот

тренд будет усиливаться. Для минимизации ущерба необходимы скоординированные действия на международном уровне, инвестиции в «зелёные» технологии и адаптация инфраструктуры к новым климатическим реалиям. Реализация этих мер позволит не только снизить экономические потери, но и создать новые возможности для устойчивого развития.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 14.07.2022 № 304-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов». Собрание законодательства РФ. 2022. № 29. Ст. 5231. (дата обращения 02.03.2026).

[2] Всемирная метеорологическая организация (ВМО). Глобальный климат: отчёт о состоянии в 2023 году. Женева: ВМО, 2024. (дата обращения 02.03.2026).

[3] Всемирный банк. WaterScarcityandClimateChange: GrowingRisksforAgriculture. Вашингтон: Всемирный банк, 2022. (дата обращения 02.03.2026).

[4] Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). ClimateChangeandHealth: GlobalImpactAssessment. Женева: ВОЗ, 2023. (дата обращения 02.03.2026).

[5] Глобальное потепление: причины, последствия и доказательства изменений на Земле [Электронный ресурс]. https://daily.afisha.ru/poleznye-stati/30482-globalnoe-poteplenie-prichiny-posledstviya-i-dokazatelstva-izmeneniy-na-zemle/ (дата обращения 02.03.2026).

[6] Международный валютный фонд (МВФ). Доклад о перспективах мировой экономики. Вашингтон: МВФ, 2023. (дата обращения 02.03.2026).

[7] Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Шестой оценочный доклад. 2022. (дата обращения 02.03.2026).

[8] Международная организация труда (МОТ). Workingon a WarmerPlanet: [Электронный ресурс]. TheImpactofHeatStressonLabourProductivityandDecent Work. Женева: МОТ, 2019. (дата обращения 02.03.2026).

[9] Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО. SeaLevelRiseandCoastalZones: GlobalAssessment. Париж: ЮНЕСКО, 2021. (дата обращения 02.03.2026).

[10] MunichRe. NatCatSERVICE: AnnualReportonNaturalCatastrophes 2019. Мюнхен: MunichRe, 2020. (дата обращения 02.03.2026).

[11] Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО). Состояние мировых земельных и водных ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Рим: ФАО, 2021. (дата обращения 02.03.2026).

[12] Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). GlobalBiodiversityOutlook 5. Найроби: ЮНЕП, 2020. (дата обращения 02.03.2026).

[13] Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН). Анализ выполнения Парижского соглашения. Бонн: РКИК ООН, 2023. (дата обращения 02.03.2026).

References:

[1] Federal Law No. 14.07.2022 of 304-FZ “On the Limitation of Greenhouse Gas Emissions.” Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 29. Art. 5231. (date of circulation 02.03.2026).

[2] World Meteorological Organization (WMO). Global Climate: Status Report 2023. Geneva: WMO, 2024. (date of circulation 02.03.2026).

[3] World Bank. WaterScarcityandClimateChange: GrowingRisksforAgriculture. Washington: World Bank, 2022. (date of circulation 02.03.2026).

[4] World Health Organization (WHO). ClimateChangeandHealth: GlobalImpactAssessment. Geneva: WHO, 2023. (date of circulation 02.03.2026).

[5] Global Warming: Causes, Effects and Evidence of Change on Earth [Electronic Resource]. https://daily.afisha.ru/poleznye-stati/30482-globalnoe-poteplenie-prichiny-posledstviya-i-dokazatelstva-izmeneniy-na-zemle/ (дата обращения 02.03.2026).

[6] International Monetary Fund (IMF). Global Economic Outlook Report. Washington: IMF, 2023. (date of circulation 02.03.2026).

[7] Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). Sixth assessment report. 2022. (date of circulation 02.03.2026).

[8] International Labour Organization (ILO). Workingon a WarmerPlanet: [Electronic Resource]. TheImpactofHeatStressonLabourProductivityand-Decent Work. Geneva: ILO, 2019. (date of circulation 02.03.2026).

[9] UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission. SeaLevelRiseandCoastalZones: GlobalAssessment. Paris: UNESCO, 2021. (date of circulation 02.03.2026).

[10] MunichRe. NatCatSERVICE: AnnualReportonNaturalCatastrophes 2019. Munich: MunichRe, 2020. (date of circulation 02.03.2026).

[11] Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). State of the World’s Land and Water Resources for Food and Agriculture. Rome: FAO, 2021. (date of circulation 02.03.2026).

[12] United Nations Environment Programme (UNEP). GlobalBiodiversityOutlook 5. Nairobi: UNEP, 2020. (date of circulation 02.03.2026).

[13] United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). Analysis of the implementation of the Paris Agreement. Bonn: UNFCCC, 2023. (date of circulation 02.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-166-173

МИНАЕВА Валентина Владимировна,
студентка 4 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: Minaevavalya19@yandex.ru

Научный руководитель:
КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна,
кандидат юридических наук,
заместитель заведующего кафедрой
административного и финансового права по научной работе
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
ORCID ID: 0009-0004-9822-3110,
e-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ НА ОСНОВЕ DPDP ACT 2023

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается действующее регулирование трансграничной передачи данных в Индии с учётом особенностей банковской сферы. Анализируются основные административно-правовые источники права, такие как общий и основополагающий закон The Digital Personal Data Protection Act, подзаконный акт, детализирующий регулирование The Digital Personal Data Protection Rules, а также акты Резервного банка Индии, имеющие особое значение в части регламентирования передачи данных в банковской сфере в том числе в силу прямого указания на это в законе. Именно указанные источники составляют основу правового регулирования процедуры трансграничной передачи данных, устанавливают особенности статуса банков в качестве субъектов, ответственный за обработку особо значимых данных. Отмечается ряд проблем сложившейся системы регулирования, а именно, с одной стороны, гибкость и адаптивность к изменяющимся условиям политики и международной безопасности, но, с другой стороны, отсутствие стабильности, чрезмерные полномочия Правительства в части принятия подзаконных актов по ряду ключевых вопросов регулирования, а также недостаточная конкретность норм, несмотря на принятие детализирующих правил. Также выделяются характерные особенности существующего режима защиты данных в Индии, а именно применение подхода “негативного списка”, акцент на цифровых данных и введение специального субъекта, связанного с особо значимыми данными. Это позволяет сделать вывод о наличии основы для формирования уникального механизма регулирования трансграничной передачи данных, который с учётом особенностей банковской сферы обеспечивает высокий стандарт защиты и предоставляет широкую дискрецию банкам при организации передачи данных в зарубежные юрисдикции.*

Ключевые слова: *трансграничная передача данных, банки, режим защиты данных, персональные данные, DPDP Act, DPDP Rules, Резервный банк Индии, Республика Индия.*

MINAEVA Valentina Vladimirovna,
4nd year student of the International Law Faculty,
Federal State Autonomous Educational

Institution of Higher Education
«Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation»

Academic Supervisor:
KRIVELSKAYA Olga Valentinovna,
PhD in Law, Deputy Head of the Department of Administrative and
Financial Law for Research at MGIMO MFA of Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER DATA TRANSFER IN THE BANKING SECTOR BASED ON DPDP ACT 2023

Annotation. *This article examines the current regulation of cross-border data transfer in India, taking into account the specifics of the banking sector. It analyzes the main administrative and legal sources, such as the general and fundamental source, The Digital Personal Data Protection Act; the secondary legislation detailing the regulation, The Digital Personal Data Protection Rules; and the regulations of the Reserve Bank of India, which are of particular importance in regulating data transfer in the banking sector due to the direct reference to this regulations in the DPDP Act. These sources form the basis for legal regulation of cross-border data transfer procedures and establish the specific status of banks as entities responsible for processing particularly sensitive data. A number of problems with the existing regulatory system are noted, namely, on the one hand, flexibility and adaptability to changing political conditions and international security; on the other hand, a lack of stability, excessive government powers in terms of adopting secondary legislation on a number of crucial regulatory issues, and insufficient specificity of the regulations, despite the adoption of detailed rules. The article also highlights key features of India's existing data protection regime, including the use of a "negative list" approach, a focus on digital data, and the introduction of a designated entity for sensitive data. This suggests the existence of a foundation for developing a unique regulatory mechanism for cross-border data transfers that, while taking into account the specifics of the banking sector, ensures a high standard of protection and grants banks broad discretion when arranging data transfers to foreign jurisdictions.*

Key words: *cross-border data transfer, banks, data protection regime, personal data, DPDP Act, DPDP Rules, Reserve Bank of India, Republic of India.*

Принятие The Digital Personal Data Protection Act (далее — DPDP Act) является значимым шагом в развитии законодательства Индии в сфере защиты персональных данных, поскольку ранее единое регулирование отсутствовало, было лишь отраслевое регламентирование режима конфиденциальности. При этом значимым фрагментом существовавшего ранее режима защиты данных являлась банковская сфера, где акты Резервного банка Индии восполняли пробелы регулирования. С 2023 года идёт процесс формирования единой системы законодательства и подзаконных актов Индии, в которой DPDP Act занимает значимое, но не исключительно ключевое значение.

Введение

Необходимость создания единого законодательного акта в сфере защиты цифровых персональных данных и конфиденциальности информации в Индии существовала длительное время. Особенно ярко данный пробел в законодательстве был подчеркнут в решении Верховного суда Индии 2017 года по делу судьи К.С. Путтасвами против Союза Индии (Justice K.S. Puttaswamy v. Union of India, (2017) 10 SCC 1 (India)), которое также называется "Решение о праве на неприкосновенность частной жизни", что стало импульсом к активизации законотворческой деятельности по данному вопросу. Актуальность темы защиты данных именно в банковской сфере в Индии обусловлена тем, что за последние несколько лет количество пользователей банковских услуг в цифровой форме стремительно растёт: на 2025 год оно составляет 350 миллионов клиентов сети из 550 взаимосвязанных банков, использующих 77 мобильных приложений [6, с. 87]. Одновременно с этим возросло количество случаев утечки данных пользователей банковских карт и систем идентификации граждан, что представляет собой угрозу национальной безопасности страны. В связи с этим необходимо было принять новое регулирование, обеспечивающее более высокий уровень защиты данных.

После длительной деятельности нескольких рабочих групп индийского Парламента, проведения общественных слушаний был подготовлен и принят DPDP Act, ставший основой для нового уникального режима защиты данных в Индии.

Анализ положительных и отрицательных сторон действующего регулирования передачи персональных данных в банковской сфере в Индии имеет важное значение по ряду причин. Во-первых, Индия является одной из перспективных юрисдикций для расширения экономических связей, в том числе в банковской сфере при осуществлении международных расчётов, что неизбежно связано с трансграничной передачей данных в условиях глобальной цифровизации экономики. Понимание особенностей регулирования и возможных рисков важно для более успешного взаимодействия при трансграничной экономической деятельности. Во-вторых, изучение опыта государства позволит использовать достижения и избежать сложностей при улучшении отечественного законодательства. DPDP Act является примером попытки индийских законодателей создать сбалансированную систему защиты данных и поддержку национальной безопасности и глобальной цифровой экономической деятельности.

Научных статей, посвящённых анализу данной сферы правового регулирования в праве Индии на русском языке найдено не было. Работы по данной темативе преимущественно написаны индийскими исследователями, в том числе Ганга В. (Ganga V.), Кашяп П. К. (Kashyap P. K.), Каткури С. (Katkuri S.), Кермина М. П. (Kermina M. P.), Сингх Р. К. (Singh R. K.), Тандон У. (Tandon U.), Гупта Н.К. (Gupta N.K.).

DPDP Act в системе актов, регулирующих трансграничную передачу данных

На настоящий момент административно-правовое регулирование трансграничной передачи данных в банковской сфере в Индии осуществляется на основе ряда актов. С 2023 года действует единый закон, регулирующий защиту персональных данных в цифровой среде DPDP Act. Более детализированная процедура реализации требований DPDP Act закреплена в подзаконном акте The Digital Personal Data Protection Rules (далее – DPDP Rules), принятые Министерством электроники и информационных технологий Индии в 2025 году и вводимым в действие в трехэтапном порядке до 2027 года. Такая модель внедрения регулирования создаёт условия, в которых организации имеют возможность осуществить необходимую подготовку к переходу на полное соблюдение требований DPDP Act. Именно в рамках третьего этапа, то есть в 2027 году вступят в силу положения, регулирующие требования при передаче персональных данных к SDF (Rule 13) и порядок трансграничной передачи данных (Rule 15). Важное значение имеют акты Резервного банка Индии, имеющие приоритетное значение для банков в силу прямого закрепления этого правила в DPDP Act (пункт 2 Раздела 16).

Принятый в 2023 году DPDP Act является основным и общим законом, регулирующим защиту персональных данных. Как отмечается в Разделе 38 данного закона, он направлен на дополнение, а не отмену иных действующих законов, однако в случае коллизии применению подлежат положения именно DPDP Act. Его особенностями является включение в сферу регулирования именно данных в цифровой среде, без учёта информации оффлайн (Раздел 3), а также отсутствие разделения данных на специальные категории в зависимости от степени обеспечиваемой защиты, тогда как специальный субъект, ответственный за обработку особо значимых данных специально выделяется (Раздел 10) [5, с. 2].

Соответственно, система административно-правового регулирования трансграничной передачи данных в Индии состоит как из законов, так и из подзаконных актов, причём Правительство управомочено принимать дополнительные указания и иные акты, закрепляющие ограничения в данной сфере (пункт 1 Раздела 16). С одной стороны, это обеспечивает гибкость регламентирующих актов в быстро меняющихся условиях цифровой экономики. С другой стороны, регулирование не является стабильным, что увеличивает риски экономической деятельности в данной сфере [3, с. 22].

Также несмотря на публикацию DPDP Rules, направленных на детализацию положений DPDP Act, режим защиты данных в Индии продолжает быть основанным на чрезмерно широких и гибких формулировках, в связи с чем субъекты, передающие данные, сталкиваются с неопределённостью стандартов, которые они должны соблюдать. В результате может сформироваться непоследовательная правоприменительная практика, основанная на субъективной оценке соблюдения законодательства [2, с. 7]. При этом ответственность за нарушения в сфере персональных данных предусмотрена в виде штрафа в размере до 250 млн рупий.

Правовое регулирование трансграничной передачи данных в Индии

Основными принципами действующего регулирования является согласие и прозрачность, ограничение целей, минимизация данных, точность, ограничение срока хранения, гарантии

безопасности и подотчетность. Использование цифровых персональных данных должно осуществляться исключительно в законных, справедливых и прозрачных целях, при ограничении несанкционированного использования и передачи законного права собственности на данные доверителям [4, с. 113].

Вопросу трансграничной передачи данных посвящён Раздел 16 DPDP Act. В пункте 1 данного раздела содержится указание на правомочие Правительства посредством соответствующего уведомления ограничить передачу персональных данных субъектам, ответственным за обработку данных (Data Fiduciary) в страну или на территорию за пределами Индии. Соответственно, индийское регулирование в сфере трансграничной передачи данных основано на так называемом подходе “негативного списка” («blacklist approach”). Это означает, что передача данных за пределы Индии допустима при отсутствии установления ограничений, в частности, в виде запрета на передачу данных в конкретные юрисдикции посредством принятия Правительством “черного списка” государств в рамках уведомления. Такой подход индийского регулирования отличается от более распространённых механизмов “адекватности”, при котором передающего данные субъекты обязаны самостоятельно оценивать уровень защиты данных в иной юрисдикции, и подхода “белого списка”, при котором устанавливается обязанность передачи данных исключительно в одобренные юрисдикции, содержащиеся в соответствующем перечне [1, с. 2109].

Реализация такого механизма предусматривает перераспределение обязанности оценки соответствия уровня защиты данных национальным критериям между Правительством и субъектом, передающим данные [5, с. 9]. Так дискреция исполнительных органов в данной сфере расширяется, при этом полностью необходимость проверки соблюдения обязанности по оценке рисков субъектом, передающим данные, не исключается, что подчёркивается в Разделе 10, посвящённому обязанностям субъектов, обрабатывающих данные. То есть соблюдение требований DPDP Act о трансграничной передаче данных будет обеспечиваться при учёте ограничений “черного списка” юрисдикций, а субъекты передачи данных обязаны при передаче данных в “разрешённые” юрисдикции продолжают осуществлять проверку соблюдения требований к процедуре передачи данных и условиям её хранения. Таким образом обеспечивается двойная проверка допустимости осуществления трансграничной передачи данных [4, с. 117].

С одной стороны, благодаря этому у индийских стартапов, цифровых платформ и ТНК на международном уровне есть значительная свобода действий при осуществлении трансграничных операций и создании облачных инфраструктур на основе данных. С другой стороны, отсутствует определённость относительно возможного введения ограничений со стороны Правительства в отношении каких-либо юрисдикций в зависимости от политических изменений или интересов национальной безопасности. В связи с этим ведение экономической деятельности в сфере цифровых данных с контрагентами из Индии связано с риском внезапного дополнения “черного списка” юрисдикций [3, с. 23].

Другим важным аспектом деятельности, связанной с применением трансграничной передачи данных является локализация данных. DPDP Act в рассматриваемом Разделе 16 не устанавливает обязанность хранения данных исключительно в Индии. Однако в пункте 2 Раздела 16 DPDP Act содержится следующая норма: «Ничто из изложенного в этом разделе не ограничивает применимость действующего в Индии закона, который предусматривает более высокий уровень защиты персональных данных или ограничения на их передачу ответственным лицом за пределы Индии в отношении любых персональных данных, ответственного лица или их совокупности». То есть DPDP Act не отменяет специальное регулирование, договорную конфиденциальность, обязанности по трудовому праву или профессиональную ответственность, а дополняет их специальной системой управления данными [3, с. 22], закрепляется приоритет более строгих секторальных норм над правилами DPDP Act.

В банковской сфере к таковым источникам норм относятся акты Резервного банка Индии, которые закрепляют специальные и более строгие требования к обработке и передаче данных именно в банковском секторе. Основным актом Резервного банка Индии в сфере обработки банками данных является Master Direction on Information Technology Governance, Risk, Controls and Assurance Practices, вступивший в силу с 1 апреля 2024 года и заменивший ряд отдельных актов. Однако вопросы именно трансграничной передачи данных в данном акта не затрагиваются, только в Разделе 17, посвящённом процедуре обработке данных, предусматриваются требования к механизму передачи данных, которые применимы к аналогичной процедуре трансграничного характера.

Специальное регулирование передачи данных за рубеж содержится в ещё действующем Circular on Storage of Payment System Data 2018 года, который предусматривает жёсткие требо-

вания о локализации хранения данных в Индии при обязательном возврате копии данных в течение 24 часов в случае обработки данных за рубежом. Также ограничения в части передачи данных в виде обязательной локализации клиентских данных действуют в отношении KYC-данных, то есть персональных и идентификационных сведений, используемых в рамках процедуры "Знай своего клиента" в силу положений Know Your Customer (KYC) Master Direction 2016 года.

Ряд иных актов Резервного банка Индии косвенно затрагивает вопрос трансграничной передачи данных в банковской сфере. Например, Master Direction on Outsourcing of Information Technology Services и Master Direction on Managing Risks and Code of Conduct in Outsourcing of Financial Services 2023 года устанавливают требования к управлению рисками, контролю за обработкой данных и соответствии процедуры обработки в иностранных юрисдикциях требованиям законодательства Индии.

Таким образом, акты Резервного банка Индии закрепляют особые требования при трансграничной передаче данных банками в части обязательной локализации хранения в Индии, управлению рисками и контролю за обработкой данных. Это секторальное регулирование не вступает в противоречие с общими требованиями DPDP Act, является специальными актами в сфере трансграничной передачи данных в банковской сфере. Наличие подобных строгих требований обеспечивает повышенный уровень защиты данных, что необходимо в сфере особо значимых данных в банковской среде. Также серьёзный уровень защиты данных укрепляют позиции бизнеса на рынке и может стимулировать дополнительные инвестиции в локальную инфраструктуру передачи данных [1, с. 2117]. При этом выполнение указанных требований связано с увеличением операционных расходов на соответствующие системы обеспечения и центры обработки данных.

Обязанности банков как SDF в контексте DPDP Act

Отчасти регулирование передачи данных в банковской сфере осуществляется в Разделе 10 DPDP Act, в котором закрепляются особые обязанности в сфере персональных данных для Significant Data Fiduciaries — Субъектов, ответственных за обработку особо значимых данных (далее – SDF). Данный статус присваивается субъектам, обладающим персональными данными иных лиц, Правительством на основании оценки ряда факторов, связанных с характером обрабатываемых персональных данных, существующими рисками и их значением для защиты национальных интересов в силу пункта 1 Раздела 10. Соответственно, к таким субъектам отнесены крупные банки и иные финансовые организации, поскольку они имеют доступ к большим объёмам особо чувствительных данных клиентов, и в связи с этим обязаны обеспечивать достаточный уровень их защиты [5, с. 4].

На SDF возложена юридическая обязанность по соблюдению ряда требований к порядку получения, обработки и передачи персональных данных в пункте 2 Раздела 10 DPDP Act. В частности, SDF обязаны назначить специалиста, ответственного за соблюдение законодательства в сфере защите данных, независимого аудитора, осуществляющего периодическую оценку соблюдения требований законодательства относительно порядка обработки значимых данных. Отдельно в данном пункте прописывается, что такая оценка должна включать в себя описание прав субъектов данных и целей обработки их персональных данных, оценку рисков для прав субъектов данных и управление ими, а также другие вопросы, связанные с этим процессом, которые могут быть установлены в законодательных актах.

Обработка данных в банковской сфере, в том числе их передача, связана с повышенными рисками и, соответственно, повышенными обязанностями ответственных субъектов. В индийском законодательстве повышенные обязанности проявляются в императивном требовании о наличии в ответственной за обработку значимых персональных данных организации двух специальных сотрудников: специалиста по соблюдению правил в сфере персональных данных и аудитора в данной сфере. Вероятно, именно данные специалисты будут участвовать в процедуре оценки уровня защиты персональных данных в иностранной юрисдикции при осуществлении трансграничной передачи данных. Также открытый список требований, которые должны быть соблюдены и на соответствие которых будет проводить проверку аудитор свидетельствует о значимости специального секторального регулирования в банковской сфере в виде актов, издаваемых Резервным банком Индии.

Отдельное регулирование статуса SDF содержится в Правиле 13 DPDP Rules. В частности, закрепляются следующие обязанности данных субъектов: проведение оценки воздействия на защиту данных и соответствующего аудита для обеспечения эффективного соблюдения положений законодательства один раз в 12 месяцев и направление отчёта по итогам проверки и аудита в Совет по защите данных (создан в силу Главы 5 DPDP Act); осуществление осмотрительной проверки безопасности технических мер, используе-

мых при работе с персональными данными; соблюдение требований об ограничении в сфере трансграничной передачи персональных данных, принимаемых соответствующим комитетом Правительства.

Дополнения к регулированию в части регулирования трансграничной передачи данных в Правиле 15 DPDP Rules отсутствуют. Отличие заключается лишь в том, что акцент смещён с необходимости соответствия требования об уровне защиты данных в иностранной юрисдикции на обязанность субъекта, передающего данные, соблюдать требования общих и специальных распоряжений Правительства о предоставлении персональных данных любому иностранному субъекту. Из буквального толкования данного Правила можно сделать вывод о том, что ограничения в сфере трансграничной передачи данных могут быть введены не только в рамках "чёрного списка" юрисдикций, но и в иной форме, поскольку отмечаются "общие и специальные распоряжения Правительства". В связи с этим возможно ограничение не только по кругу юрисдикций, но и по категориям данных, которые допустимо передавать в зарубежные юрисдикции. Однако на настоящий момент какое-либо дополнительное регулирование, в том числе устанавливающее "черный список", ещё не принято. При этом необходимо отметить, что к самому договору о передаче данных дополнительные требования не предъявляются, что отличает индийское регулирование в данной сфере [2, с. 9]. С одной стороны, это снижает административную нагрузку на субъектов, передающих данные. При этом само регулирование является гибким, есть возможность при необходимости адаптировать его к изменениям в международной политике, тенденциям международного правового регулирования в данной сфере или отраслевым рискам. Но, с другой стороны, передающие данные субъекты обязаны особо внимательно следить за обновлениями законодательства, чтобы оценивать перспективные риски введения ограничений как на определённые юрисдикции, так и на конкретные виды данных.

В части определения понятия субъекта, передающего данные, вне зависимости от того, является ли он SDF или нет, ключевой проблемой индийского регулирования является отсутствие категории "совместных субъектов, обрабатывающих данные". Данный институт выделяется в иных регулированиях в целях возможности разделения как полномочий при принятии решений, так и ответственности за деятельность в сфере обработки данных, что особенно часто применяется в банковской сфере в рамках отдельных видов предоставления финансирования. В частности, кредитор и платёжный агрегатор совместно влияют на процедуру обработки данных. Вследствие отсутствия категории "совместных субъектов" возможна ситуация, когда ответственность будет либо исключаться в отношении обоих участвующих субъектов, либо дублироваться в пересекающихся областях ответственности. Это одинаково негативно влияет на правоприменительную практику, поскольку субъекты могут стремиться уклониться от ответственности при применении правовых лакун [1, с. 2112].

Дополнительные аспекты регулирования трансграничной передачи данных

Необходимо учитывать, что трансграничную передачу данных нельзя рассматривать изолированно, это один из видов взаимодействия с персональными данными, который должен содержать обязательные компоненты: соблюдение процедуры получения согласия на это в рамках заключения договора, а также обязательное осуществление оценки рисков. DPDP Act предусмотрел новые требования к согласию (Раздел 6), в связи с чем многие субъекты, в том числе, банки, были обязаны пересмотреть положения соглашения на обработку и использование персональных данных. В частности, оно должно стать более точным и ясным, необходимо было перевести его на несколько языков, используемых в Индии, а также добавить графы, в которых физические лица могли бы прямо указать своё согласие на совершение отдельных действий помимо подписи как общего согласия на условия документа, в частности, возможно отдельно выделить согласие на передачу данных в зарубежные юрисдикции. Наиболее удобно реализовать данные изменения возможно при применении так называемых платформ управления согласием, которые позволяют применять несколько языков и добавлять отдельные графы для согласия в зависимости от условий основного договора с банком. Также возможно создать специальные порталы для отзыва согласия и получения дополнительных согласий от клиентов по запросам на доступ к данным [3, с. 23].

В части регулирования процедуры передачи данных необходимо учитывать положения DPDP Rules, которые напрямую не регулируют трансграничную передачу данных, однако содержат требования, которые следует соблюдать при осуществлении данной процедуры. Во-первых, Правило 6 предусматривает ряд мер безопасности при работе с данными, в том числе осуществление шифрования, контроля доступа, маскировки, мониторинга и резервного копирования.

Во-вторых, Правило 7 закрепляет обязанность по уведомлению в случае нарушения законодательства, в том числе в случае неправомерных действий иностранных субъектов, взаимодействующих с данными из Индии. Тогда необходимо осуществлять двойное уведомление, то есть уведомление как собственника данных, так и Совет по защите данных. В-третьих, к данным, переданным за рубеж, применяются положения о хранении и удалении, установленные в Правиле 8. В-четвёртых, передача данных не отменяет права владельцев данных из Правила 14, в том числе права на доступ, исправление и удаление, то есть при непрерывном цикле использования данных в иностранной юрисдикции. В дополнение необходимо учитывать, что в силу Правила 23 Правительство вправе запрашивать информацию относительно обрабатываемых данных у соответствующих субъектов, в связи с чем даже при трансграничной передаче данных передающие субъекты обязаны продумывать механизм оперативного получения необходимой информации.

Соответственно, обязанности субъектов, передающих данные, содержащиеся в ряде положений DPDP Rules, следует учитывать и при осуществлении трансграничной передачи данных. Такое широкое регулирование, характерное для Индии, приводит к обязанности субъектов самостоятельно разрабатывать точные стандарты работы с данными с учётом особенностей взаимодействия с иностранной юрисдикцией. В банковской сфере это имеет особое значение, поскольку на банки-SDF возложена особая ответственность за защиту особо значимых данных.

Заключение

Таким образом, административно-правовое регулирование трансграничной передачи данных в банковской сфере в Индии осуществляется именно на основе положений DPDP Act, но не исключительно его нормами. Значимую роль играют акты Резервного банка Индии, положения DPDP Rules, а также акты Правительства по установлению ограничений на передачу данных в определённые юрисдикции или на передачу конкретных видов данных, которые будут приняты в дальнейшем – это составляет уникальную систему контроля трансграничной передачи данных, основанных на подходе “негативного списка”. В связи с этим при трансграничной передаче данных обеспечивается двойная проверка уровня защиты данных в иностранной юрисдикции как Правительством, так и передающим субъектом, который обязан учитывать как вероятность введения ограничений при несоблюдении требований в конкретной юрисдикции, так и наличие высокой ответственности за причинение ущерба пользователям в связи с угрозой безопасности их данных. Важный аспект локализации данных именно в банковской сфере регулируется актами Резервного банка Индии как специальными нормами в данной сфере. Наличие подобных требований также отличает индийское регулирование, однако такое строгое регулирование обеспечивает повышенный уровень защиты данных, что особенно важно в банковской среде, требует дополнительных затрат, но и стимулирует привлечение инвестиций в юрисдикцию с высокими стандартами защиты данных. Ещё одной особенностью режима данных в Индии является выделение субъектов, ответственных за обработку особо значимых данных, тогда как институт совместных субъектов, обрабатывающих данные, отсутствует. Это создаёт повышенные обязанности по защите данных для субъектов, получивших первый статус, и образует правовые лакуны в случае совместной работы с данными при отсутствии второго. Ряд общих требований, содержащихся в DPDP Act и DPDP Rules, также налагают дополнительные обязанности на банки в особенности при осуществлении трансграничной передачи данных.

Уникальный режим защиты данных в Индии обладает гибкостью, необходимой в быстро меняющихся условиях цифровой экономики, распределяет обязанности по контролю за стандартами обработки данных в иностранной юрисдикции между Правительством и передающим субъектом, что повышает степень защиты. Однако само регулирование является недостаточно детализированным, стабильным и проработанным, что стимулирует законодателей на его улучшение.

Список литературы:

[1] Ganga V. (2025) Cross-border data transfers and data localization under India‘s DPDPA 2023 – A comparative analysis with EU-GDPR // Indian Journal of Law and Legal Research. V. VII I. I. P. 2106 - 2120.

[2] Kashyap P. K. (2023) Digital Personal Data Protection Act, 2023: A new light into the data protection and privacy law in India. ICREP Journal of Interdisciplinary Studies. V. 2 I. I. P. 1-12.

[3] Katkuri S. (2025) A critical analysis of the Digital Personal Data Protection Act, 2023 // International Journal of Law. № 11. P. 22-24.

[4] Kermina M. P. (2023) The 2023 Digital Personal Data Protection Act: Evaluating its Strength in Protecting Citizen Data // Jus Corpus Law Journal. V. 4, I. 1. P. 112-119.

[5] Singh R. K. (2024) Analysing personal data protection (DPDP) bill, 2023 // International Journal of advanced legal research.V. 4, I. 3 . P. 1-19.

[6] Tandon U., Gupta, N.K. (2025) International Privacy in the Age of Artificial Intelligence: Critical Analysis of India‘s DPDP Act 2023 // Legal Issues in the Digital Age. V. 6. № 2. P. 87–117.

References:

[1] Ganga V. (2025) Cross-border data transfers and data localization under India’s DPDPA 2023 – A comparative analysis with EU-GDPR // Indian Journal of Law and Legal Research. V. VII I. I. P. 2106 - 2120.

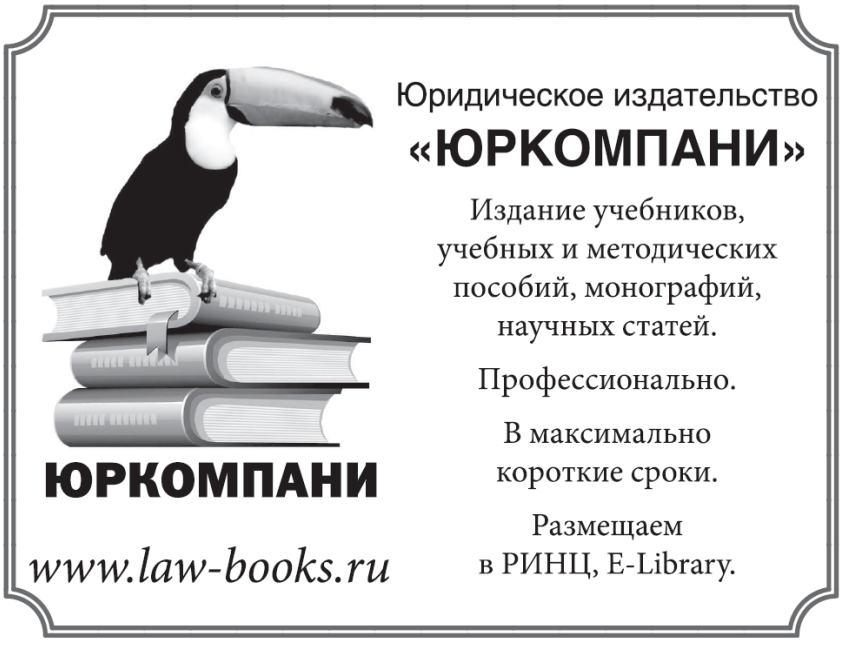
[2] Kashyap P. K. (2023) Digital Personal Data Protection Act, 2023: A new light into the data protection and privacy law in India. ICREP Journal of Interdisciplinary Studies. V. 2 I. I. P. 1-12.

[3] Katkuri S. (2025) A critical analysis of the Digital Personal Data Protection Act, 2023 // International Journal of Law. № 11. P. 22-24.

[4] Kermina M. P. (2023) The 2023 Digital Personal Data Protection Act: Evaluating its Strength in Protecting Citizen Data // Jus Corpus Law Journal. V. 4, I. 1. P. 112-119.

[5] Singh R. K. (2024) Analysing personal data protection (DPDP) bill, 2023 // International Journal of advanced legal research.V. 4, I. 3 . P. 1-19.

[6] Tandon U., Gupta, N.K. (2025) International Privacy in the Age of Artificial Intelligence: Critical Analysis of India’s DPDP Act 2023 // Legal Issues in the Digital Age. V. 6. № 2. P. 87–117.

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-174-178
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ГАГИЕВА Наталья Русланбековна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры правовых дисциплин
Филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова в Г. Пятигорске,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОНЛАЙН-АРБИТРАЖА

Аннотация. *В статье говорится о правовой природе онлайн-арбитража и его механизме в разрешениях споров. Ставится вопрос о том, является ли онлайн-арбитраж по правовой природе арбитражем или включает процедуры урегулирования споров. Особое внимание уделяется выбору места проведения третейского разбирательства. В условиях дистанционного взаимодействия определение юридической локации приобретает дополнительную сложность ввиду разнообразия факторов: местонахождения участников процесса, выбранной платформы или технической поддержки процедуры. Раскрывается возможность использования современных электронных средств взаимодействия, что позволяет обеспечить высокий уровень информационной защиты и сохранения конфиденциальности при передаче данных между участниками процесса. Электронные документы вместе с электронной подписью обладают полноценной юридической значимостью при условии соблюдения требований законодательства, гарантируя достоверную фиксацию всех процессуальных действий. Данная статья также определяет классические принципы третейского процесса с учётом особенностей электронного взаимодействия участников. Уделяется особое внимание правовой базе Российской Федерации, которая создает начальные условия для функционирования онлайн-арбитражей. Однако эффективное развитие этой сферы требует углубленной модернизации законодательства с учётом динамики цифровой среды и появления новых технологических вызовов. Необходимо законодательное закрепление процессуальных требований к проведению онлайн-арбитража. В нормативных актах необходимо прямо предусмотреть ключевые стандарты разбирательства: независимость и беспристрастность арбитров, гарантии равноправия сторон, состязательность процесса, строгую конфиденциальность, а также законность принимаемых решений. Кроме того открыта проблема чёткого определения процессуальных сроков – от подачи документов и представления доказательств до организации слушаний и вынесения итоговых решений. Особое значение имеет проблема признания и исполнения решений онлайн-арбитражей, в том числе при международных юридических конфликтах. Развитие законодательства в этой сфере требует разработки прозрачных стандартов признания арбитражных вердиктов с учётом специфики цифрового формата работы арбитража.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, онлайн-арбитраж, процессуальные споры.*

GAGIEVA Natalia Ruslanbekovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
Branch of Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF ONLINE ARBITRATION

Annotation. *The article discusses the legal nature of online arbitration and its mechanism for resolving disputes. It raises the question of whether online arbitration is truly an arbitration process or whether it includes dispute resolution procedures. The article also focuses on the choice of the location for the arbitration proceedings. In the context of remote communication, determining the legal location becomes more challenging due to various factors such as the location of the participants, the chosen platform, and the technical support for the proceedings. The article explores the*

potential of using modern electronic means of communication, which can provide a high level of information security and confidentiality in the transfer of data between participants. Electronic documents, along with electronic signatures, have full legal significance, provided that the legal requirements are met, ensuring that all procedural actions are accurately recorded. This article also defines the classical principles of the arbitration process, taking into account the specifics of electronic interaction between participants. Special attention is paid to the legal framework of the Russian Federation, which creates the initial conditions for the functioning of online arbitration. However, the effective development of this area requires in-depth modernization of legislation, taking into account the dynamics of the digital environment and the emergence of new technological challenges. It is necessary to establish legal requirements for conducting online arbitration. Regulatory acts should explicitly provide for key standards of the proceedings: The independence and impartiality of the arbitrators, the guarantees of equality of the parties, the adversarial nature of the process, strict confidentiality, and the legality of the decisions made are of particular importance. In addition, there is a clear need to define the procedural deadlines, from the submission of documents and evidence to the organization of hearings and the issuance of final decisions. Of particular importance is the problem of recognition and enforcement of online arbitration decisions, including in the context of international legal conflicts. The development of legislation in this area requires the creation of transparent standards for the recognition of arbitration verdicts, taking into account the specific features of the digital format of arbitration.

Key words*: legal regulation, online arbitration, procedural disputes.*

Правовая система Российской Федерации в области арбитражного разбирательства последовательно модернизируется под воздействием внедрения цифровых технологий, включая дистанционные формы разрешения споров. Хотя термин «онлайн-арбитраж» прямо не закреплён в действующем законодательстве, существующая нормативная база предоставляет широкие возможности для использования электронных коммуникаций и удалённых средств при проведении процедур третейского разбирательства [1, С. 64].

Онлайн-разбирательство представляет собой самостоятельный вид альтернативного разрешения конфликтов с использованием информационно-коммуникационных технологий для организации документооборота, передачи заявлений сторон и обмена материалами дела. В отличие от полностью автоматизированных сервисов на базе искусственного интеллекта или алгоритмов принятия решений без участия человека, онлайн-арбитраж предполагает рассмотрение дела профессиональными арбитрами – независимыми специалистами с необходимой квалификацией. Арбитры сохраняют центральную роль в оценке обстоятельств дела по своему усмотрению; эта особенность принципиальна для легитимности таких процедур и признания решений национальными судами [2, С. 75].

Использование современных электронных средств взаимодействия позволяет обеспечить высокий уровень информационной защиты и сохранения конфиденциальности при передаче данных между участниками процесса. Электронные документы вместе с электронной подписью обладают полноценной юридической значимостью при условии соблюдения требований законодательства, гарантируя достоверную фиксацию всех процессуальных действий.

С правовой точки зрения функционирование онлайн-арбитража базируется на классических принципах третейского процесса с учётом особенностей электронного взаимодействия участников. Можно выделить несколько ключевых аспектов его правовой сущности:

Во-первых, деятельность таких арбитражей подчиняется нормам внутреннего законодательства соответствующих государств наряду с международно-правовыми актами – такими как Нью-Йоркская конвенция 1958 года – которые устанавливают требования к арбитражному соглашению, процедуре рассмотрения спора, а также обеспечивают возможность признания выносимых решений за рубежом [3, С. 60].

Во-вторых, цифровое третейское производство применяется к различным категориям конфликтов из сферы электронной торговли или интернет-договоренностей при условии добровольного согласия участников процедуры и допустимости такой формы рассмотрения согласно применяемым правовым режимам. Сюда входят споры по дистанционным сделкам купли-продажи товаров или оказания услуг через сеть Интернет.

В-третьих, несмотря на виртуальный формат разбирательства сохраняются фундаментальные процессуальные стандарты: равноправие сторон процесса; состязательность; открытость действий арбитра; предоставление возможности представлять доказательства всеми участниками [4, С. 50-60].

В-четвёртых, переход к использованию информационно-коммуникационных технологий порождает ряд специфических вопросов: обе-

спечение безопасности персональных данных; применение электронных способов идентификации сторон; признание допустимости документов в цифровой форме как доказательств; поддержание конфиденциальности сведений о споре.

Завершающим элементом статуса онлайн-арбитража является вопрос принудительного исполнения итоговых актов даже за пределами одной страны – это ставит во главу угла соответствие международным стандартам по признаваемости таких решений государственными юрисдикциями различных государств мира.

Регламентация онлайн-арбитража на территории Российской Федерации основана на комплексе правовых актов, формирующих базовые условия для организации процессов арбитражного рассмотрения и признания их результатов.

Прежде всего, закон «Об арбитраже» допускает заключение соглашений о передаче спора на рассмотрение третейского суда не только на бумажном носителе, но и посредством любых электронных средств связи. Это отражает современные тенденции развития бизнеса и способствует распространению дистанционных методов урегулирования конфликтов [5, С. 104].

Во-вторых, закон чётко определяет правила формирования состава третейских судов и очерчивает рамки их компетенции; деятельность таких судов осуществляется исключительно на основании волеизъявления сторон согласно согласованным ими процедурам.

В-третьих, закон также детализирует различные процессуальные вопросы: порядок организации слушаний (в том числе удалённых), представление участниками дела необходимых доказательств – как письменных или устных пояснений, так и электронных документов – а также механизмы оценки этих сведений судьями. Все перечисленные положения сформулированы без привязки к конкретной технологической платформе или медиа формату передачи информации – что делает возможным проведение разбирательства полностью онлайн [6, С. 134].

В-четвёртых, особое значение имеют положения о признании и принудительном исполнении решений третейских судов: они гарантируют сохранность достигнутых результатов разрешения споров вне зависимости от используемой платформы заседаний или формы документооборота между сторонами процесса.

Пятая важная особенность рассматриваемого законодательства заключается в установлении правовых норм, регулирующих международный арбитраж, а также процедуры признания и исполнения решений иностранных арбитражных судов на территории РФ [7, С. 68].

Кроме того, положения Федерального закона «Об арбитраже» предусматривают возможность использования электронных документов и цифровых доказательств. Такой подход соответствует современным мировым тенденциям внедрения цифровых технологий в арбитражное производство и способствует эффективному проведению разбирательств с применением онлайн-платформ.

В целом законодательство создает прочную основу для дальнейшего развития системы арбитража в России с учётом современных технологических возможностей. Это способствует формированию устойчивой практики разрешения споров и обеспечивает необходимую правовую предсказуемость, как для традиционных, так и дистанционных форматов деятельности.

Значительное влияние на регулирование онлайн-арбитража оказывает также ФЗ от 7.07.1993г. №5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о МКА). Несмотря на отсутствие в тексте данного нормативного акта прямых положений об электронных процедурах, его нормы распространяются на разбирательства с применением средств электронного взаимодействия.

Закон о МКА чётко определяет понятие международного коммерческого арбитража через наличие трансграничной составляющей и предпринимательскую природу спора. Эти подходы сохраняют свою актуальность в условиях активного распространения электронной коммерции – сегодня значительная часть подобных сделок совершается дистанционно с использованием информационных технологий.

В законе закреплены основные требования к организации процесса: правила проведения слушаний, порядок представления доказательств, регламент вынесения решений. Применение этих норм в цифровой среде требует гибкой интерпретации с учётом особенностей ведения споров в виртуальном пространстве.

Особое внимание уделяется выбору места проведения разбирательства. В условиях дистанционного взаимодействия определение юридической локации приобретает дополнительную сложность ввиду разнообразия факторов: местонахождения участников процесса, выбранной платформы или технической поддержки процедуры [8, С. 117].

В целом Федеральный закон о международном коммерческом арбитраже создает необходимую правовую основу для внедрения цифровых технологий в арбитражные процедуры. Вместе с тем активное развитие онлайн-коммуникаций требует дополнительного теоретического анализа и совершенствования отдельных аспектов практического применения данного закона.

Во-первых, анализ положений законодательства Российской Федерации, регулирующих

сферу онлайн-арбитража, выявляет несколько ключевых особенностей. Национальная правовая система проявляет гибкость и адаптивность при внедрении современных технологических решений для разрешения споров. Законодательство предоставляет участникам процесса широкий выбор процедурных механизмов и допускает использование электронных средств связи для организации и проведения арбитражных разбирательств [9, С. 74].

Во-вторых, на законодательном уровне закреплены фундаментальные принципы международного коммерческого арбитража, что способствует признанию и исполнению решений российских арбитражных органов за пределами страны. Это укрепляет доверие к процедурам онлайн-арбитража среди участников трансграничных сделок.

Третьим важным аспектом является сохранение нейтральности по отношению к различным технологиям: действующие нормативные акты не привязаны к конкретным видам или форматам цифровых платформ, что обеспечивает их универсальность при внедрении новых программно-технических решений.

Вместе с тем сохраняется потребность в последовательном совершенствовании национального регулирования – особенно это касается вопросов обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных участников процесса и учета инновационных технологий.

Таким образом, правовая база Российской Федерации создает начальные условия для функционирования онлайн-арбитражей. Однако эффективное развитие этой сферы требует углубленной модернизации законодательства с учётом динамики цифровой среды и появления новых технологических вызовов [10, С. 65].

Законодательное закрепление процессуальных требований к проведению онлайн-арбитража приобретает принципиальное значение. В нормативных актах необходимо прямо предусмотреть ключевые стандарты разбирательства: независимость и беспристрастность арбитров, гарантии равноправия сторон, состязательность процесса, строгую конфиденциальность, а также законность принимаемых решений. Кроме того требуется чётко определить процессуальные сроки – от подачи документов и представления доказательств до организации слушаний и вынесения итоговых решений. Такой подход позволит минимизировать риски неопределённости процедур и повысить уровень доверия к электронным средствам урегулирования споров.

Особое значение имеет проблема признания и исполнения решений онлайн-арбитражей, в том числе при международных юридических конфликтах. Развитие законодательства в этой сфере требует разработки прозрачных стандартов признания арбитражных вердиктов с учётом специфики цифрового формата работы арбитража.

Кроме того одним из приоритетов становится создание комплексной системы повышения квалификации специалистов – юристов-практиков, медиаторов и арбитров – задействованных в онлайн-разбирательствах. Реализация профильных образовательных программ обеспечит высокий профессиональный уровень участников процедуры разрешения споров через цифровые площадки и поспособствует более широкому распространению метода онлайн-арбитража в правоприменительной практике.

Список литературы:

[1] Алексеева Т.В. Институты альтернативного разрешения споров в России: проблемы и перспективы развития : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.15 / Алексеева Татьяна Вениаминовна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. - Москва, 2020. - 201 с.

[2] Андерссон Ф., Исакссон Т., Юханссон М., Нильссон У. Арбитраж в Швеции / Под ред. Дж. Херре; пер. с англ. Д. Васильевой, Ю. Загонек, М. Петрика, А. Ульи; отв. ред. пер. Н. Петрик. М.: Статут, 2014. С. 116.

[3] Борисова Л.В. Понятие и направления совершенствования электронного правосудия в России /Л.В Борисова // Фундаментальные проблемы, перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях. - М., 2020.

[4] Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. /А.М. Васильев. - М.: Юридическая литература, 1976. - 356 с.

[5] Вилкова Н.Г., П.Я. Грешников, А.П. Сергеев [и др.]; сост. и отв. ред. И.П. Грешников. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: Сборник статей / - 2-е изд., перераб. и доп. [Электронное издание]. - Москва : Статут, 2019. - 303 с.

[6] Галковская Н.Г., Вутын В.Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений /Н.Г. Галковская, В.Е. Вутын. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 134.

[7] Дремова Е.В. Примирительное правосудие в России: историко- правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Дремова Екатерина Викторовна; [Место

защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. - Москва, 2022. - 199 с.

[8] Котельников А.Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.15 / Котельников Андрей Геннадьевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. - Екатеринбург, 2008. - 288 с.

[9] Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж / С.А. Курочкин. – М.: Статут, 2017. – 288 с.

[10] Миронова С.Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. /С.Н. Миронова. - М.: Волтерс Клувер, 2010. - 254 с.

References:

[1] Alekseeva T.V. Institutes of Alternative Dispute Resolution in Russia: Problems and Development Prospects: Dissertation... Candidate of Law: 12.00.15/Alekseeva Tatyana Veniaminovna; [Place of protection: FSAEI HE “Peoples’ Friendship University of Russia”]. - Moscow, 2020. - 201 s.

[2] Andersson F, Isaksson T, Johansson M, Nilsson U. Arbitration in Sweden/Ed. J. Herre; per. From English. D. Vasilyeva, Yu. Zagonek, M. Petrika, A. Hives; resp. ed. Per. N. Petrik. M.: Statute, 2014. S. 116.

[3] Borisova L.V. Concept and directions for improving e-justice in Russia/L.V. Borisova//Fundamental problems, prospects of civil and business law, civil and arbitration process in modern economic conditions. - M., 2020.

[4] Vasiliev A.M. Legal categories: Methodological aspects of the development of a system of categories of legal theory ./A.M. Vasiliev. - M.: Legal literature, 1976. - 356 p.

[5] Vilkova N.G., P.Ya. Greshnikov, A.P. Sergeev [et al.]; comp. and resp. ed. I.P. Greshnikov. International commercial arbitration and private law issues: Collection of articles/- 2nd ed., Revised. and [Electronic Edition]. - Moscow: Statute, 2019. - 303 p.

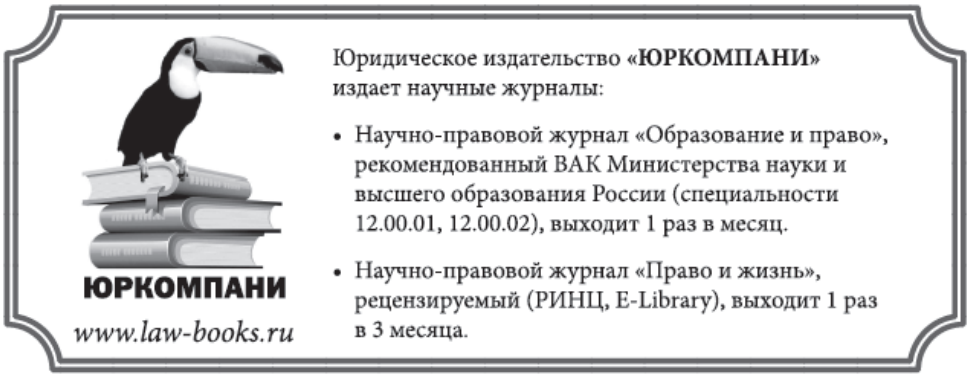
[6] Galkovskaya N.G., Vutyn V.E. Online arbitration as a means of resolving cross-border economic disputes. Problems of enforcement of online arbitration decisions/N.G. Galkovskaya, V.E. Vutyn .//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2017. № 24. S. 134.

[7] E.V. Dremova. Conciliatory justice in Russia: historical and legal research: dissertation... Candidate of Legal Sciences: 5.1.1 ./Dremova Ekaterina Viktorovna; [Place of protection: FSAEI HE “Peoples’ Friendship University of Russia”]. - Moscow, 2022. - 199 s.

[8] Kotelnikov A.G. The legal nature of the arbitration agreement and the consequences of its conclusion: dissertation... Candidate of Law: 12.00.15/ Kotelnikov Andrey Gennadievich; [Place of protection: Ur. state. jurid. acad.]. - Yekaterinburg, 2008. - 288 p.

[9] Kurochkin S.A. Arbitration and international commercial arbitration/S.A. Kurochkin. – M.: Statute, 2017. – 288 p.

[10] S.N. Mironova. Using the Internet to resolve civil disputes ./S.N. Mironova. - M.: Wolters Kluver, 2010. - 254 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-179-181
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

МАЛЬЦАГОВ И.Д.,
доцент, канд. юрид. н., доцент кафедры уголовного права, процесса и нац. Безопасности ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», e-mail: mail@law-books.ru

ПРИГОВОР СУДА КАК ИТОГОВОЕ РЕШЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В данной статье действительно важно акцентировать внимание на различиях и взаимосвязи понятий «судебное решение» и «приговор суда». Судебное решение в целом охватывает любые решения, принимаемые судом, включая гражданские, административные и уголовные дела. Приговор же суда является специфическим видом судебного решения, относящимся исключительно к уголовному процессу и касающимся уголовной ответственности.*

Ключевые слова: *правосудие, судебное решение, приговор суда, структура, приговор суда.*

MALTSAGOV I.D.,
Associate Professor, Candidate Jurid. n., Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Nat. safety FSBEI HE "A.A. Kadyrov Chechen State University"

COURT VERDICT AS FINAL DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *In this article, it is really important to focus on the differences and the relationship between the concepts of "court decision" and "court verdict." The judgment generally covers any decisions made by the court, including civil, administrative and criminal cases. The verdict of the court is a specific type of court decision related exclusively to criminal proceedings and concerning criminal liability.*

Key words: *justice, court decision, court verdict, structure, court verdict.*

Статья 118 Конституции РФ действительно подчеркивает исключительное право судов на осуществление правосудия, что является основополагающим принципом правового государства [1]. Это право обеспечивает независимость судебной власти и гарантирует защиту прав и свобод граждан.

Приговор суда является не только итогом судебного разбирательства данного дела по существу, но и основным элементом в системе правосудия. Законность, обоснованность и справедливость вынесенного судом приговора имеют основное значение, которые формируют благоприятное отношение общества к самой судебной системе. К представителям судебной системы предъявляются высокие требования к качеству вынесенного приговора, в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом (УПК РФ), направленные на исключение ошибок и злоупотреблений, что способствует укреплению правопорядка.

Также необходимо отметить, что в результате вынесения обоснованного и мотивированного приговора дают возможность сторонам понимать логику принятых судебных решений, которые позволяют возможность обжалования вынесенных решений, в случае несогласия с ними, что не только гарантирует права участников уголовного судопроизводства, но и повышает общую правосознательность в обществе.

Несомненно, в целях более эффективной защиты прав личности необходима прочная нормативно-правовая база в связи с чем возникает потребность в постоянном совершенствовании Уголовно-процессуального кодекса, исходя из изменений как в обществе, так и в международных стандартах.

Ключевую роль в обеспечении справедливости и законности в обществе играет независимый и беспристрастный суд, и проводимые реформы необходимо направлять на укрепление

демократических принципов и гармонизацию уголовного законодательства с европейскими стандартами, что позволит создать наиболее эффективную систему уголовного правосудия.

Как мы отметили, основным индикатором правосудия является качество принимаемых судебных решений, и что немаловажно, любой выносимый судебный акт должен не только быть законным и обоснованным, что обеспечить доверие к судебной системе. Важно также учитывать, что специфика уголовного процесса требует более детального подхода к терминологии и определению судебных актов, что подчеркивает уникальность этой области права.

УПК РФ дает определение понятию приговора и порядка вынесения постановления. Определение понятия приговора, данное в п. 28 ст. 5 УПК РФ, «содержит основные признаки приговора, которые характеризуют его содержание как итоговое решение по уголовному делу в суде» [2].

По утверждению некоторых ученых-процессуалистов в понятие «приговор» необходимо включить моменты процедуры вынесения приговора, т.е. обозначить, что «приговор — это решение, вынесенное судом, на основе разбирательства доказательств, представленных в суде, а также, что данный процессуальный документ постановлен в совещательной комнате» [3].

Другие же предлагают подчеркнуть, что приговор - окончательное судебное решение, обладающее силой закона. Третьи же считают необходимым указать, что «приговор - это решение о виновности или невиновности подсудимого в совершении преступления, по обвинению в котором он предан суду» [6].

Приговор — решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания по результатам разбирательства в первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 УПК РФ).

Судебный приговор является окончательным ответом на основной вопрос уголовного дела, ставший предметом судебного рассмотрения.

Приговор является основным правоприменительным актом, процедура постановления которого наделяется особыми процессуальными правилами (тайна совещания судей при постановлении приговора; вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора).

Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона.

Законность, справедливость и обоснованность приговора суда, это три понятия, на которых держится правосудие, и нарушение хотя бы одного из них, приговор считается неправосудным и подлежит отмене.

Приговор суда должен учитывать не только юридические, но и моральные аспекты. Он должен быть соразмерным тяжести преступления и личности виновного, а также учитывать обстоятельства дела. Справедливость приговора подразумевает, что наказание чрезмерно суровым либо чрезмерно мягким [2].

При постановлении приговора суда в совещательной комнате разрешаются вопросы в соответствии со ст. 299 УПК РФ.

Приговор суда состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

В вводной части приговора указывают место и время провозглашения приговора, данные о составе суда и участниках процесса. Также указывают данные подсудимого и часть, пункт и статью Уголовного кодекса РФ, которые он нарушил.

В описательно-мотивировочной части приговора судьи излагают суть предъявленного обвинения и мотивы, по которым они приняли окончательное решение.

В соответствии со ст. 273, суд проводит судебное следствие, целью которой является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Суд при рассмотрении РФ уголовного дела по существу не относится ни к стороне обвинения, и ни к стороне защиты: основная задача - справедливое рассмотрение дела.

Приговором называется вынесенное судом именем РФ решению по уголовному делу о виновности либо невиновности подсудимого в совершении инкриминированного деяния.

Согласно ст. 296 УПК РФ суд постановляет приговор именем РФ, что определяет его значение как важнейшего акта правосудия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета - 2017. - № 83.

[3] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, №1, ст.

[4] Ендольцева А. Уголовно-процессуальное право. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 696 с.

[5] Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. - 288 с.

[6] Ермошин Г. Т. Современные проблемы правового регулирования статуса судей в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № (7). С. 83-92.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 N 6-FKZ, dated 30.12.2008 N 7-FKZ, dated 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 01.07.2020 N 11-FKZ)//Collection of Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, No. 31, Art. 4398.

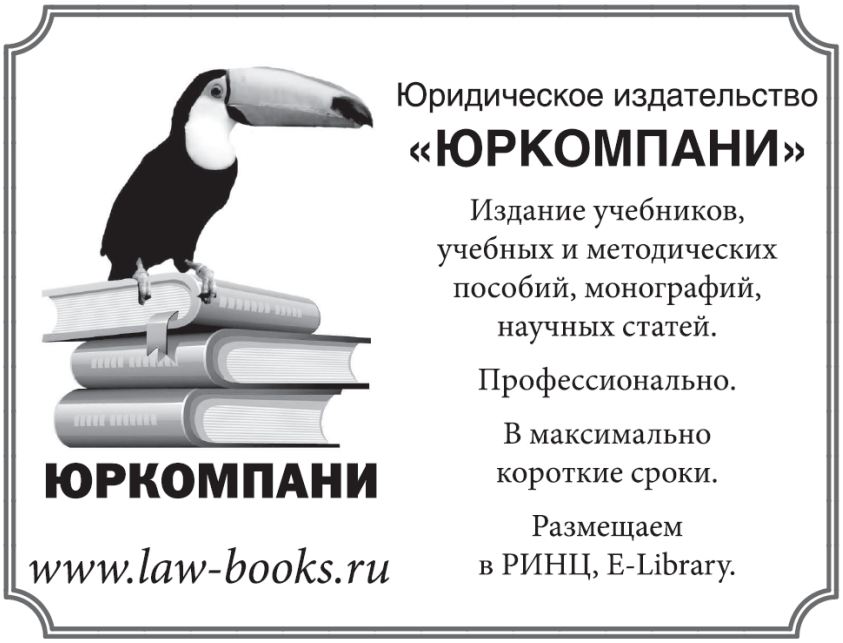
[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 27.12.2018) //Rossiyskaya Gazeta - 2017. - № 83.

[3] Federal Constitutional Law of 31.12.1996 No. 1-FKZ (as amended by 29.07.2018) “ On the Judicial System of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.01.1997, No. 1, art.

[4] Endoltseva A. Criminal procedure law. - M.: Unity-Dana, 2014. - 696 s.

[5] Inogamova-Khegai L.V. Conceptual foundations of competition of criminal law norms: monograph. - M.: NORMA, INFRA-M, 2015. - 288 p.

[6] Yermoshin G.T. Modern problems of legal regulation of the status of judges in the Russian Federation//Actual problems of Russian law. 2016. № (7). S. 83-92.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-182-187
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИВАНКИН Матвей Алексеевич,
студент института экономики и управления, КемГУ,
e-mail: ivankinmatvej.1@gmail.com

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ИМУЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Предмет исследования – правовая природа цифровых прав как объектов гражданских прав. Цель – выявление правовой квалификации цифровых прав и проблем их судебной защиты в имущественном обороте. Методология включает общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Результаты: обосновано, что цифровые права не являются бестелесными вещами или обычными обязательственными правами; предложено рассматривать их как самостоятельную категорию объектов. Область применения – судебная практика, законодательная деятельность, правоприменение. Новизна заключается в разработке критериев разграничения цифровых прав и иных объектов, а также в выявлении специфических препятствий для судебной защиты. Выводы: необходима унификация подходов к определению момента перехода цифровых прав, допустимости виндикации и способов фиксации нарушений.*

Ключевые слова: *цифровые права, имущественный оборот, судебная защита, правовая квалификация, токены, виндикация.*

IVANKIN Matvey Alekseevich,
student of the Institute of Economics and Management, KemSU

LEGAL QUALIFICATION OF DIGITAL RIGHTS AND PROBLEMS OF THEIR JUDICIAL PROTECTION IN PROPERTY TURNOVER

Annotation. *Subject – the legal nature of digital rights as objects of civil rights. Purpose – to identify the legal qualification of digital rights and problems of their judicial protection in property turnover. Methodology includes general scientific (analysis, synthesis, system approach) and specific legal (formal legal, comparative legal) methods. Results: it is substantiated that digital rights are neither intangible assets nor ordinary obligatory rights; they should be considered an independent category of objects. Application – judicial practice, legislative activity, law enforcement. Novelty lies in developing criteria for distinguishing digital rights from other objects and identifying specific obstacles to judicial protection. Conclusions: unification of approaches to determining the moment of transfer of digital rights, admissibility of vindication, and methods of recording violations is required.*

Key words: *digital rights, property turnover, judicial protection, legal qualification, tokens, vindication.*

Введение

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, включая экономику и право, стала одним из определяющих трендов последнего десятилетия. Появление новых технологических феноменов — распределённых реестров (блокчейн), смарт-контрактов, токенов, цифровых финансовых активов — объективно потребовало от правовой системы адекватного ответа на вопрос о том, какое место эти новые объекты занимают в системе гражданского оборота. Российский законодатель сделал важный шаг в этом направлении, легализовав в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) понятие «цифровые права» [1]. Однако сам факт включения данной нормы в ГК РФ не решил, а во многом лишь обострил дискуссию о правовой природе цифровых прав, их квалификации, а также о том, какие механизмы судебной защиты применимы к ним в случае нарушения [4, с. 3–4].

Проблема усугубляется тем, что имущественный оборот всё активнее включает в себя цифровые права как объекты купли-продажи, залога, уступки и иных сделок. При этом суды, арбитражные и общей юрисдикции, сталкиваются с ситуациями, когда классические конструкции вещных и обязательственных прав оказываются неприменимыми или применимыми лишь с большой натяжкой [3, с. 18–19]. Недостаточная

теоретическая разработанность вопроса о правовой квалификации цифровых прав порождает правовую неопределённость, а следовательно — снижает защищённость участников оборота и инвестиционную привлекательность цифровых активов.

Цель настоящей работы состоит в комплексном анализе правовой природы цифровых прав, выявлении их сущностных признаков, позволяющих отграничить их от иных объектов гражданских прав, а также в систематизации проблем, возникающих при их судебной защите в имущественном обороте, и в предложении путей их решения. Для достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи: анализируется легальное определение цифровых прав и доктринальные подходы к их квалификации; исследуются признаки цифровых прав как самостоятельной категории объектов; выявляются основные группы проблем судебной защиты; предлагаются конкретные изменения в законодательство и правоприменительную практику.

1. Понятие и правовая природа цифровых прав: доктринальные подходы

Легальное определение цифровых прав содержится в статье 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровыми правами признаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1]. Ключевыми признаками, вытекающими из данного определения, являются: во-первых, указание на цифровые права в законе (закрытый или открытый перечень — вопрос дискуссионный); во-вторых, их обязательственный или «иной» характер; в-третьих, зависимость содержания и порядка осуществления от правил конкретной информационной системы (как правило, распределённого реестра) [6].

Однако данное определение оставляет открытым ряд принципиальных вопросов. Что именно означает «иные права»? Могут ли ими быть вещные права, зафиксированные в цифровой форме? Каковы критерии «правил информационной системы» — могут ли они изменяться в одностороннем порядке оператором системы? Как соотносятся цифровые права с такими традиционными объектами, как безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права требования? Законодатель не даёт прямых ответов, оставляя их доктрине и судебной практике.

В российской цивилистике сложилось несколько основных подходов к квалификации цифровых прав.

Первый подход (его сторонниками являются, в частности, Л.А. Новоселова, Д.И. Степанов) рассматривает цифровые права как разновидность бестелесных вещей либо как особую форму фиксации традиционных прав [4, с. 7–9]. Согласно этой позиции, блокчейн выступает всего лишь как технологический способ удостоверения права, но не меняет его правовой природы. Например, токен, удостоверяющий право требовать передачи товара, по своей сути остаётся обязательственным правом, просто зафиксированным в распределённом реестре. Достоинство данного подхода — в его консервативности и стремлении «вписать» новые явления в существующую систему без её перестройки. Недостаток — в игнорировании специфических свойств цифровых прав, таких как их неразрывная связь с закрытым ключом, возможность существования только в рамках конкретной информационной системы, особый порядок передачи (транзакция в реестре, а не цессия).

Второй подход (М.А. Егоров, А.В. Габов) исходит из того, что цифровые права представляют собой самостоятельный объект гражданских прав, не сводимый ни к вещам, ни к обязательственным правам, ни к бездокументарным ценным бумагам [2, с. 46–48]. Сторонники этого подхода указывают, что цифровое право обладает рядом уникальных свойств: а) оно существует исключительно в цифровой среде и не имеет материального носителя в традиционном понимании; б) его принадлежность лицу определяется фактом владения закрытым криптографическим ключом, а не записью в реестре в классическом смысле (хотя запись в реестре также имеет место); в) распоряжение цифровым правом происходит путём совершения транзакции в информационной системе, а не путём заключения отдельного договора цессии или передачи вещи. Эти особенности, по мнению сторонников данного подхода, требуют признания цифровых прав самостоятельной категорией с возможным последующим формированием особого правового режима.

Третий подход (А.И. Савельев, некоторые авторы) можно назвать функциональным [5, с. 36–38]. Согласно ему, правовая квалификация конкретного цифрового права зависит от его экономической сущности: если токен по своим функциям аналогичен ценной бумаге (удостоверяет совокупность имущественных прав), к нему применяются правила о ценных бумагах; если он аналогичен корпоративному праву — правила корпоративного законодательства; если он удостоверяет право требовать передачи вещи — правила обязательственного права. При этом сам по себе цифровой формат не создаёт новой право-

вой категории. Достоинство данного подхода — гибкость и экономическая адекватность. Недостаток — правовая неопределённость, поскольку одинаковые по технологии токены могут квалифицироваться по-разному в зависимости от их экономического содержания, что создаёт риски для оборота.

Автор настоящей статьи, критически оценивая все три подхода, приходит к выводу, что наиболее обоснованной является позиция, признающая цифровые права самостоятельной категорией объектов гражданских прав. Однако эта самостоятельность не означает полного разрыва с традиционными институтами. Цифровые права могут выполнять функции, аналогичные функциям вещей (например, выступать средством платежа — криптовалюта), ценных бумаг (цифровые финансовые активы) или обязательственных прав (утилитарные цифровые права) [6]. Их особенность заключается в способе существования, фиксации, передачи и осуществления, который не совпадает ни с одним из известных способов. Именно эта технологическая специфика обосновывает необходимость выделения цифровых прав в отдельную категорию.

2. Отграничение цифровых прав от смежных правовых категорий

Для уточнения правовой квалификации цифровых прав необходимо провести их разграничение с такими категориями, как вещи (включая безналичные деньги), бездокументарные ценные бумаги и обязательственные права, зафиксированные в обычной письменной форме.

Цифровые права и вещи. Согласно статье 128 ГК РФ, к вещам относятся объекты материального мира [1]. Цифровые права, напротив, не имеют материального воплощения. Даже запись в распределённом реестре — это не сама вещь, а информация о праве. Поэтому отнесение цифровых прав к вещам противоречило бы фундаментальному принципу разграничения вещных и обязательственных прав. Недопустима, например, виндикация цифрового права как вещи (хотя, как будет показано далее, проблема защиты добросовестного приобретателя требует аналогичных механизмов) [3, с. 20].

Цифровые права и бездокументарные ценные бумаги. На первый взгляд, между ними много общего: и те и другие существуют в бездокументарной форме, фиксируются в реестре, передаются путём совершения записи о переходе права. Однако бездокументарная ценная бумага (ст. 142 ГК РФ) удостоверяет обязательственные и иные права, но при этом соблюдение формы фиксации строго регламентировано законом [1]. Цифровое же право может существовать в информационной системе, правила которой не всегда соответствуют законодательным требованиям (например, смарт-контракт на базе Ethereum). Более того, бездокументарная ценная бумага предполагает наличие лица, обязанного по ней (эмитента). Цифровое право может не иметь такового (криптовалюта Bitcoin не предполагает какого-либо должника). Следовательно, приравнивание всех цифровых прав к бездокументарным ценным бумагам невозможно [4, с. 10–11].

Цифровые права и обязательственные права в традиционном понимании. Обязательственное право всегда предполагает конкретного кредитора и должника, а также содержание требования, определённое договором или законом. Цифровое право, особенно в децентрализованных системах, может не иметь должника (как в случае с биткоином — это право требования к сети, но кто именно должник? Ответа нет). Кроме того, уступка обязательственного права (цессия) требует оформления договора и уведомления должника. Передача цифрового права осуществляется простой транзакцией в реестре, без какого-либо уведомления [5, с. 40–42]. Поэтому квалификация всех цифровых прав как обязательственных также не является корректной.

Таким образом, автор приходит к выводу, что цифровые права занимают самостоятельное место в системе объектов гражданских прав, образуя новую категорию, которая лишь частично пересекается по своим функциям с традиционными категориями, но не совпадает с ними полностью. Признание этой самостоятельности имеет ключевое значение для решения проблем судебной защиты, поскольку определяет, какие способы защиты могут применяться по аналогии, а какие требуют специального законодательного регулирования.

3. Проблемы судебной защиты цифровых прав в имущественном обороте

Анализ судебной практики (преимущественно арбитражных судов и судов общей юрисдикции за 2020–2024 годы) позволяет выделить три основные группы проблем, с которыми сталкиваются участники оборота при судебной защите цифровых прав.

3.1. Проблема доказывания факта обладания цифровым правом и его утраты

Первая и наиболее острая проблема связана с доказыванием того, что конкретное лицо является обладателем цифрового права. В децентрализованных блокчейн-системах (например, Ethereum, Bitcoin) учёт записей ведётся псевдонимно: адрес кошелька представляет собой строку символов, не содержащую прямо информации о владельце. Лицо доказывает своё право

на цифровые активы, предъявляя закрытый ключ или подписывая им определённое сообщение. Однако в судебном процессе предъявление закрытого ключа сопряжено с риском его компрометации. Кроме того, суд не имеет технической возможности самостоятельно проверить, что именно данное лицо владело ключом в момент спорных правоотношений [3, с. 20–21].

Проблема усугубляется, когда цифровые права хранятся у профессионального хранителя (криптовалютной биржи, кастодиана). В таких случаях фактически учёт прав ведётся внутренним реестром биржи, который может быть оспорен. Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы: одни суды принимают в качестве доказательства выписки из внутреннего реестра биржи, другие требуют предоставления закрытых ключей или подтверждения транзакций в публичном блокчейне [2, с. 49–50].

Автором предлагается следующий путь решения: законодательно закрепить презумпцию принадлежности цифрового права лицу, которое указано в реестре владельцев цифровых прав (если такой реестр ведётся в соответствии с законом), либо лицу, которое может подтвердить владение закрытым ключом способом, установленным судом (например, путём подписания электронной подписью определённого текста). При этом должна быть предусмотрена возможность оспаривания этой презумпции. Кроме того, целесообразно ввести институт судебного доступа к информации о транзакциях (через операторов узлов блокчейн-сетей или специализированных экспертов) [4, с. 12–13].

3.2. Проблема выбора способа защиты: вопрос о виндикации цифровых прав

Классический вещно-правовой способ защиты — виндикационный иск (статьи 301–302 ГК РФ) — по буквальному смыслу закона применим только к индивидуально-определённым вещам [1]. Цифровые права вещами не являются. Следовательно, формально виндикация к ним неприменима. Однако в имущественном обороте регулярно возникают ситуации, когда цифровое право выбывает из владения помимо воли его обладателя (хищение криптовалюты, несанкционированное списание токенов, взлом кошелька). В таких случаях потерпевший желает истребовать свои цифровые права у добросовестного приобретателя [5, с. 44–45].

Проблема обостряется тем, что добросовестный приобретатель, купивший токены на бирже, может и не знать о том, что они были похищены. Применение по аналогии правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг (статьи 149.2, 149.3 ГК РФ) возможно, но небесспорно, поскольку бездокументарные ценные бумаги удостоверяют права по отношению к эмитенту, а цифровые права могут такого эмитента не иметь [1; 2, с. 50–51].

Автор полагает, что оптимальным решением было бы распространение по аналогии закона правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг на все цифровые права, за исключением тех, которые по своей природе не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя (например, криптовалюта, выполняющая функцию денег, — в силу свойств публичной достоверности и оборотоспособности). В качестве альтернативы предлагается ввести в ГК РФ специальную статью о восстановлении цифровых прав при их неправомерном списании, предусматривающую механизм «обратной транзакции» (revers transaction) в информационной системе, если это допускается её правилами [3, с. 21–22].

3.3. Коллизионные проблемы при трансграничном обороте цифровых прав

Цифровые права по своей природе трансграничны. Распределённый реестр может одновременно находиться на серверах в десятках стран. Определить «место нахождения» цифрового права в классическом коллизионном смысле практически невозможно. Это порождает проблему выбора применимого права при рассмотрении споров. Российские суды в ряде дел отказывали в защите именно по мотиву невозможности установить применимое право, либо применяли право страны ответчика (lex fori по принципу наиболее тесной связи), что не всегда обоснованно [4, с. 13–14].

В доктрине предлагаются разные коллизионные привязки: право страны места нахождения оператора информационной системы; право страны места регистрации эмитента (если эмитент есть); право страны места обычного проживания владельца цифрового права; право страны, выбранное сторонами в смарт-контракте [5, с. 46–47]. Каждая из этих привязок имеет достоинства и недостатки.

Автор считает наиболее перспективным закрепление в Гражданском кодексе РФ правила о том, что к отношениям, связанным с цифровыми правами, при отсутствии соглашения сторон применяется право страны оператора информационной системы, а если оператора нет (децентрализованная система) — право страны места жительства или основного места деятельности лица, которое является эмитентом цифрового права. Если эмитент также отсутствует (как в случае с Bitcoin), предлагается применять право страны суда (lex fori) с оговоркой о публичном порядке [6]. Такое решение хотя и не является идеальным, но обеспечивает определённость и предсказуемость.

4. Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики

На основе проведённого анализа автор формулирует следующие предложения по совершенствованию российского гражданского законодательства и практики его применения.

1. Целесообразно дополнить статью 128 ГК РФ прямым указанием на цифровые права как на самостоятельную категорию объектов гражданских прав, поместив их в отдельный пункт после вещей, денег, ценных бумаг и имущественных прав [1; 2, с. 51].
2. В статью 141.1 ГК РФ следует внести уточнения, раскрывающие признаки информационной системы, в рамках которой могут существовать цифровые права, а также установить, что правила такой системы не могут противоречить императивным нормам законодательства [1; 6].
3. Ввести в раздел II ГК РФ (право собственности и другие вещные права) специальную норму о применении виндикационных правил к цифровым правам по аналогии, либо создать отдельный институт восстановления цифровых прав при их неправомерном выбытии [3, с. 22].
4. Дополнить раздел VI ГК РФ (международное частное право) новой статьёй, определяющей коллизионные привязки для цифровых прав, с учётом их децентрализованного характера [4, с. 14].
5. Рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дать разъяснения о допустимых доказательствах принадлежности цифровых прав (включая использование криптографических методов) и о порядке оценки таких доказательств [2, с. 52; 3, с. 19].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Цифровые права представляют собой самостоятельную категорию объектов гражданских прав, обладающую уникальными признаками: существование исключительно в цифровой среде, связь с закрытым криптографическим ключом, особый порядок передачи путём транзакции в информационной системе, отсутствие обязательного должника (в децентрализованных системах) [2; 4; 5]. Эти признаки не позволяют сводить цифровые права ни к вещам, ни к обязательственным правам, ни к бездокументарным ценным бумагам.

Судебная защита цифровых прав в имущественном обороте сталкивается с тремя основными группами проблем: доказывание принадлежности права, выбор способа защиты (особенно вопрос о виндикации) и коллизионное регулирование при трансграничном обороте [3; 4; 5]. Каждая из этих проблем требует самостоятельного решения.

Предложенные автором пути решения включают: введение презумпции принадлежности цифрового права лицу, указанному в реестре либо подтвердившему владение ключом; распространение по аналогии закона правил о виндикации бездокументарных ценных бумаг на цифровые права (с определёнными исключениями); закрепление в законодательстве коллизионной привязки к праву страны оператора информационной системы или, при его отсутствии, к праву страны эмитента либо суда [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Реализация указанных предложений позволит повысить правовую определённость и эффективность судебной защиты участников оборота цифровых прав, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию цифровой экономики в Российской Федерации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на детальную разработку механизма восстановления цифровых прав при их неправомерном списании, а также на анализ судебной практики применения предлагаемых норм после их возможного принятия.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Егорова М.А. Цифровые права как новый объект гражданского оборота // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 3. – С. 45–52.

[3] Левушкин А.Н., Смирнова И.Г. Проблемы судебной защиты цифровых прав в условиях цифровой экономики // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 18–21.

[4] Новоселова Л.А. Цифровые права: понятие, признаки, место в системе объектов гражданских прав // Хозяйство и право. – 2019. – № 12. – С. 3–14.

[5] Савельев А.И. Криптовалюта и токены: правовая квалификация и пределы оборота // Закон. – 2018. – № 6. – С. 35–48.

[6] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 16.04.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

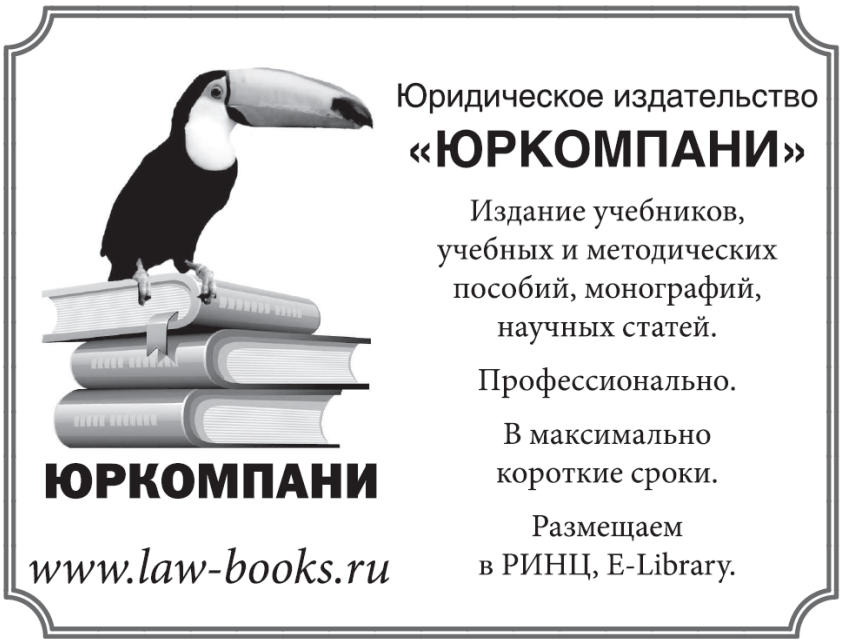
[2] Egorova M.A. Digital rights as a new object of civil circulation//Bulletin of arbitration practice. – 2021. – № 3. - S. 45-52.

[3] Levushkin A.N., Smirnova I.G. Problems of judicial protection of digital rights in the digital economy//Russian Justice. – 2020. – № 11. - S. 18-21.

[4] Novoselova L.A. Digital rights: concept, characteristics, place in the system of objects of civil rights//Economy and law. – 2019. – № 12. - S. 3-14.

[5] Savelyev A.I. Cryptocurrency and tokens: legal qualifications and turnover limits//Law. – 2018. – № 6. - S. 35-48.

[6] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31. - Art. 5018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-188-191

АБДУЛАЕВА Муминат Мурадовна,
обучающаяся первого курса, очной формы обучения, лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАДЖИАХМЕДОВА Амина Артуровна,
обучающаяся первого курса, очной формы обучения, лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭКСПЕРТИЗЫ. МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. *Потребность в социальной защите, вызванная стойкими нарушениями здоровья, ежегодно затрагивает миллионы граждан России. В то же время, действующая система медико-социальной экспертизы сталкивается с существенными проблемами и вызовами. Анализ этих препятствий является ключевым для формирования стратегических направлений развития, способных обеспечить более качественную и эффективную социальную защиту. Одним из направлений совершенствования функционирования медико-социальной экспертизы в России, по нашему мнению, можно считать решение проблем обеспечения доступности механизмов цифровизации, для граждан старше 55-60 лет с нарушениями здоровья, посредством преобразований институционального характера.*

Ключевые слова: *экспертиза, медико-социальная экспертиза, институциональные основы, эффективность, организационная схема, инвалиды, ограниченные возможности здоровья.*

ABDULAEVA Muminat Muradovna,
first-year student, full-time education, medical faculty, FSBEI HE "Dagestan State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

GADZHIAKHMEDOVA Amina Arturovna,
first-year student, full-time education, medical faculty, FSBEI HE "Dagestan State Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation

EXPERTISE. MEDICAL AND SOCIAL EXPERTISE.

Annotation. *The need for social protection caused by persistent health disorders affects millions of Russian citizens every year. At the same time, the current system of medical and social expertise faces significant problems and challenges. The analysis of these obstacles is key to the formation of strategic development directions that can provide better and more effective social protection. One of the directions for improving the functioning of medical and social expertise in Russia, in our opinion, can be considered the solution of the problems of ensuring the availability of digitalization mechanisms for citizens over 55-60 years old with health disorders through institutional transformations.*

Key words: *expertise, medical and social expertise, institutional foundations, efficiency, organizational chart, disabled people, limited health opportunities.*

Введение. Постановка задачи исследования.

Путь российской медико-социальной экспертизы, как и любой крупной социальной системы, был долог и извилист, отражая эволюцию государственного подхода к людям с ограниченными возможностями. Он начался задолго до появления термина «МСЭ», уходя корнями в бурные годы послереволюционной России [5]. По распоряжению Правительства РФ от 14.07.2012 № 1270-р эти учреждения перешли в ведение Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, где и находятся по сей день. Эта передача подчеркнула социальную направленность МСЭ, отделив ее от сугубо медицинского ведомства и интегрировав в систему социального обеспечения [5].

В настоящее время, медико-социальная экспертиза (МСЭ) в России — это система государственных учреждений, которая определяет потребность граждан в мерах социальной защиты на основе оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма. Основная цель — установление инвалидности, разработка индивидуальной программы реабилитации или абилитации (ИПРА), а также определение степени утраты трудоспособности.

Основу деятельности медико-социальной экспертизы (МСЭ) составляют федеральные и отраслевые нормативно-правовые акты. Они служат фундаментом для определения ключевых принципов, целей и способов социальной защиты инвалидов, а также формируют правовые рамки функционирования МСЭ [1]. Кроме того, эти документы детально описывают процедуры проведения экспертиз [2, 3].

Система МСЭ организована по трем уровням:

1. Федеральное бюро МСЭ: Является высшим экспертным звеном, осуществляющим методическое руководство, надзор за работой нижестоящих бюро и проведение наиболее сложных и спорных экспертиз.
2. Главные бюро МСЭ по субъектам РФ: Представляют региональный уровень, отвечающий за организацию и контроль деятельности бюро в рамках конкретного субъекта РФ. Они также занимаются рассмотрением апелляций на решения нижестоящих бюро и проведением углубленных экспертиз при необходимости.
3. Бюро МСЭ в городах и районах: Составляют базовый уровень системы, функционируя как филиалы главных бюро.

Основными изменениями последних лет в системе МСЭ можно отметить, что начиная с 2022 года данные между учреждениями МСЭ и медицинскими организациями передаются в электронном виде, а результаты экспертизы поступают в личный кабинет на портале «Госуслуги».

Особого внимания также заслуживает Приказ Минтруда России от 10 декабря 2024 года N 686н, который вступает в силу 24 марта 2025 года. Этот приказ актуализирует форму и порядок составления акта МСЭ, предусматривая использование Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере. Это значительный шаг к цифровизации и повышению доступности услуг, что также способствует снижению административных барьеров. Кроме того, данный приказ прямо указывает на отнесение участия в СВО к причинам инвалидности, что является важным нововведением, учитывающим текущую геополитическую ситуацию.

Очевидно, что для обеспечения качественной экспертизы необходим полный и актуальный перечень медицинских обследований. Он утвержден Приказом Минздрава России от 16 мая 2024 года N 259н/238н. Этот документ определяет объем и характер исследований, позволяющих получить исчерпывающие клинико-функциональные данные о состоянии здоровья гражданина, что критически важно для принятия обоснованных экспертных решений. Новый подход к формированию ИПРА был разработан с учетом увеличения сроков действия исследований и исключением избыточных обследований, что позволяет оптимизировать процесс подготовки документов для МСЭ и снизить нагрузку на граждан и медицинские учреждения, делая процедуру более удобной и эффективной.

Наконец, в контексте цифровизации и обеспечения доступности услуг, важно отметить Приказ Минтруда РФ от 08 ноября 2023 года N 792Н, вступивший в силу с 01 января 2024 года. Он устанавливает порядок и условия обеспечения проведения медико-социальной экспертизы без доступа к персональным данным гражданина, что повышает прозрачность и беспристрастность процесса, а также защищает конфиденциальность информации.

Несмотря на значительный прогресс в развитии системы медико-социальной экспертизы в России, ее функционирование сопряжено с рядом проблем и вызовов. Их анализ позволяет выработать стратегические направления для дальнейшего совершенствования, обеспечивая более эффективную социальную защиту граждан.

Обеспечение доступности цифровых технологий для лиц старше 55-60 лет, как фактор повышение эффективности функционирования МСЭ

Для миллионов граждан России, чье здоровье имеет стойкие нарушения, ежегодная потреб-

ность в социальной защите является реальностью. В этой ситуации медико-социальная экспертиза (МСЭ) приобретает значение не просто формальной процедуры, а важнейшего государственного инструмента. Она является краеугольным камнем социальной политики, соединяя медицинские диагнозы с механизмами государственной поддержки. Функции МСЭ выходят далеко за рамки простого определения инвалидности, охватывая вопросы восстановления и развития способностей, а также полноценного включения людей с ограниченными возможностями в общественную жизнь.

По нашему мнению, основным направлениями совершенствования работы МСЭ являются организационные аспекты, которые иногда называют институциональными аспектами деятельности и взаимодействия граждан и организаций МСЭ. Указанные институциональные преобразования в работе МСЭ, связаны, прежде всего с повышением уровня цифровизации и электронного документооборота. Так, например, при переходе на электронный формат документов, с 1 марта 2026 года справка о факте установления инвалидности, выписка из акта МСЭ и индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА) формируются в электронном виде в ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере». Они подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью руководителя бюро МСЭ и направляются в личный кабинет на портале «Госуслуги». Бумажная версия остаётся доступной по желанию гражданина.

Консультативное сопровождение процедур прохождения медицинского обслуживания, получение результатов медицинских обследований и подготовки документации для отдельных категорий граждан, возраст которых превышает 55 лет, представляет в настоящее время большую проблему. Дело в том, что в современном мире цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг становится все более актуальной и важной темой. С развитием информационных технологий и интернета возможности для улучшения качества предоставляемых государственных услуг становятся все более широкими. Что в полной мере относится к функционированию МСЭ. Однако на пути цифровизации государственного управления возникают различные препятствия, которые необходимо преодолеть для эффективной реализации процесса.

Одной из серьезных проблем процесса цифровизации и функционирования профильных порталов является недостаточная информированность пользователей о правилах и требованиях, связанных с оказанием государственных услуг. Так, не по всем услугам на портале представлен алгоритм действий, который необходимо выполнить для получения услуги, что приводит к ошибкам в документации, отказам в предоставлении услуги и обращению повторно. Например, при оказании услуги Социальным фондом России «назначение пенсии» на портале госуслуг нет информации о том, что гражданин обязан дополнительно подать заявление о доставке пенсии, при этом шаблон заявления на сайте есть. Отсутствие заявления замедляет процесс назначения выплаты. Так же, нет информации при заполнении заявления на получение социальных выплат на расчетный счет карты об обязательном использовании банковской карты системы «мир». Банком отклоняется операция, проводится работа сотрудником фонда по выяснению реквизитов счета, получателем заполняется новое заявление через сайт и снова обрабатывается в Социальном фонде для дальнейшего обеспечения поступления выплат.

Как справедливо отмечает отдельными исследователя проблемы, что «несмотря на достаточно высокий уровень информатизации, в сфере предоставления госуслуг ситуация сегодня такова, что обращение к госуслугам в России до сих пор часто начинается в «цифровом» виде, а заканчивается в бумажном» [12].

По нашему мнению, на самых первых шагах, больного имеющего стойкое нарушение здоровья, после консультации лечащего врача в поликлинике по месту жительства, необходимо проконсультировать у специалистов, имеющих квалификацию в области цифровой грамотности. Это могут быть отдельные работники как в системе МСЭ, так и в системе здравоохранения, имею ввиду работники поликлиник. Указанные институциональные изменения в работе МСЭ или системе здравоохранения могут существенно облегчить и ускорить процессы назначения инвалидности и дальнейшей реабилитации для лиц старшего возраста, а именно лиц старше 55 лет, так как именно этой категории – пожилым людям, особенно сложно адаптироваться к цифровым технологиям, указанная категория граждан сталкиваются с трудностями в освоении базовых навыков работы с электронными устройствами, пониманием принципов работы интернета и программного обеспечения.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 24 ноября 1995 года №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»

[2] Постановление Правительства РФ от 05 апреля 2022 года №588 «О признании лица инвалидом»

[3] Приказ Минтруда России от 30 декабря 2020 года №979н «Об утверждении Порядка орга-

низации и деятельности федеральных учреждений медико-социальной экспертизы»

[4] Классификации и критерии, используемые при осуществлении МСЭ, утверждённые приказом Минтруда РФ от 26 июля 2024 года №374н.;

[5] Сайт: https://psystars.ru/kursovaya/osnovnyie-napravleniya-mediko-sotsialnoy-deyatelnosti/

[6] История развития медико-социальной экспертизы в постсоветской и современной России // Научная статья по специальности «Науки о здоровье». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-v-postsovetskoy-i-sovremennoy-rossii

[7] Медико-социальная экспертиза: нормативно-правовые основы для пациентов и их родственников / ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России. URL: https://www.fbmse.ru/docs/normativno-pravovye-osnovy-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-dlya-patsientov-i-ih-rodstvennikov.pdf

[8] Исторические этапы развития и становления службы медико-социальной экспертизы в России // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-i-stanovleniya-sluzhby-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-v-rossii

[9] История ФГБУ ФБ МСЭ // Официальный сайт Федерального бюро медико-социальной экспертизы. URL: http://www.gbmse.ru/o-byuro/istoriya-fgbu-fb-mse/

[10] Правовое регулирование отношений, связанных с проведением медико-социальной экспертизы // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173076/069c9b109e9005f2411516e534f40f0c0570b808/

[11] Установление инвалидности: основные положения и порядок проведения медико-социальной экспертизы. URL: https://invalidnost.com/ustanovlenie-invalidnosti.

[12] Островецкая Ю.А. Проблемы цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 9-2. С. 266-272

References:

[1] Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 “On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation”

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of April 05, 2022 No. 588 “On recognition of a person as disabled”

[3] Order of the Ministry of Labor of Russia dated December 30, 2020 No. 979n “On approval of the Procedure for the organization and activities of federal institutions of medical and social expertise”

[4] Classifications and criteria used in the implementation of ITU, approved by order of the Ministry of Labor of the Russian Federation of July 26, 2024 No. 374n;

[5] Сайт: https://psystars.ru/kursovaya/osnovnyie-napravleniya-mediko-sotsialnoy-deyatelnosti/

[6] History of the development of medical and social expertise in post-Soviet and modern Russia// Scientific article on the specialty “Health Sciences.” URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-v-postsovetskoy-i-sovremennoy-rossii

[7] Medical and social expertise: regulatory framework for patients and their relatives/FSBI FB ITU Ministry of Labor of Russia. URL: https://www.fbmse.ru/docs/normativno-pravovye-osnovy-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-dlya-patsientov-i-ih-rodstvennikov.pdf

[8] Historical stages of development and formation of the medical and social expertise service in Russia//CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-i-stanovleniya-sluzhby-mediko-sotsialnoy-ekspertizy-v-rossii

[9] History of the FSBI FB ITU//Official website of the Federal Bureau of Medical and Social Expertise. URL: http://www.gbmse.ru/o-byuro/istoriya-fgbu-fb-mse/

[10] Legal regulation of relations related to medical and social expertise//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173076/069c9b109e9005f2411516e534f40f0c0570b808/

[11] Disability identification: basic provisions and procedure for medical and social expertise. URL: https://invalidnost.com/ustanovlenie-invalidnosti.

[12] Ostrovetskaya Yu.A. Problems of digital transformation of state and municipal services//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. № 9-2. P. 266-272

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-192-202
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

СЕРГЕЕВА Арина Александровна,
Аспирант ФГНИУ ИЗиСП при Правительстве РФ,
г. Москва,
e-mail: Arinaserg15032000@yandex.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ И СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА БАЗЕ АДВОКАТУРЫ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию концепции универсализации судебного представительства на базе адвокатуры, проблемных аспектов ее реализации, анализу правовых позиций по указанному вопросу. Отдельно рассматривается недавно разработанный Минюстом России проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».*

Автором изучаются предпосылки введения подобного регулирования, предполагающего преимущественное представительство в судах лиц, обладающих статусом адвоката, особенности правового института адвокатуры. Отмечается важность наличия требований и стандартов, предъявляемых к судебному представителю, учитывая сформировавшийся процессуальный принцип окончательности судебного решения и существенный в данной связи публично-правовой характер деятельности, осуществляемый адвокатами.

Особенное внимание уделено изложенным в научных статьях и на форумах опасениям юристов и граждан в связи с переходом частнопрактикующих юристов в адвокатуру, вносимых взносов в адрес адвокатских палат субъектов Российской Федерации и конечной стоимости юридической помощи, уплачивать которую доверителям. Кроме того, актуальны и вопросы стажа по юридической специальности, который необходим для приобретения статуса адвоката, доступности и качества юридической помощи, соответствие положениям Конституции Российской Федерации. В этой связи автором отдельно было исследовано несколько постановлений и определений Конституционного суда Российской Федерации.

Методологическая основа исследования: формально-юридический метод, диалектический метод и другие методы.

Ключевые слова: *адвокатура, судебное представительство, адвокатская монополия, квалифицированная юридическая помощь.*

SERGEEVA Arina Alexandrovna,
postgraduate of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

BACKGROUND AND CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF JUDICIAL REPRESENTATION ON THE BASIS OF THE BAR

Annotation. *The work is devoted to the study of the concept of universalization of judicial representation on the basis of advocacy, problematic aspects of its implementation, analysis of legal positions on this issue. The recently developed Russian Ministry of Justice draft of the Federal Law «On the introduction of changes in individual legislative acts of the Russian Federation» is considered separately.*

The author examines the preconditions for the introduction of such a regulation, which assumes the predominant representation in the courts of persons with the status of an attorney, the peculiarities of the legal institution of the advocacy and its differences from the provision of legal services by lawyers. It is important to have requirements and standards imposed on the judicial representative, taking into account the established procedural principle of final judgement and the significant public legal nature of the activities carried out by attorney in this regard.

Special attention is paid to the fears of lawyers and citizens expressed in scientific articles and forums in connection with the transition from private practice to the advocacy, contributions made to chambers of attorneys-at-law of the constituent entities of the Russian Federation and the final cost of legal assistance, pay the trust. In addition, issues of seniority in the legal profession, which is necessary to acquire the status of an attorney, accessibility and quality of legal assistance, compliance with the provisions of the Constitution of the Russian Federation are also relevant. In this regard, the author separately examined several rulings and determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Methodological basis of research: formal legal method, dialectical method and other methods.

Key words: *advocacy, judicial representation, attorney's monopoly, qualified legal assistance.*

В настоящее время в профессиональной юридической среде особую актуальность приобрёл вопрос модернизации нормативного регулирования института судебного представительства. Значимым этапом в развитии данной сферы стала подготовка Министерством юстиции проекта федерального закона, предусматривающего внесение изменений в действующие нормативные акты (далее — законопроект). Его разработка затрагивает интересы как практикующих юристов, так и лиц, прибегающих к юридической помощи при защите своих прав.

В рамках настоящего исследования ставится задача комплексного анализа перспектив консолидации юридического сообщества на основе института адвокатуры, функционирующего по единым стандартам оказания правовой помощи. Особое внимание уделяется оценке возможных последствий подобного подхода для уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Для достижения поставленных целей представляется необходимым рассмотреть наиболее дискуссионные и значимые положения, вызывающие наибольший отклик среди представителей профессионального сообщества.

Разработка указанного законопроекта фактически актуализировала длительно существующую дискуссию о целесообразности введения так называемой модели исключительного участия адвокатов в судебном представительстве. Данный вопрос на протяжении более чем десятилетия остаётся предметом активных научных и практических споров, начиная с момента утверждения государственной программы развития сферы юстиции в 2014 году, которая задала вектор последующих реформ [5]. Вопросы правового упорядочивания сферы оказания юридических услуг в последние годы неоднократно становились предметом обсуждения на различных институциональных площадках. Соответствующая проблематика рассматривалась как на уровне государственных структур, так и с участием представителей профессионального юридического сообщества, а также в рамках научных и образовательных организаций [19].

Вопрос универсализации судебного представительства в различных публикациях зачастую именуется «адвокатской монополией», имеются даже попытки дать определение этому термину [15]. Представляется, что подобный подход нельзя признать в полной мере обоснованным, поскольку предлагаемые изменения затрагивают лишь сферу судебного представительства, оставляя вне регулирования значительный массив процессуальных форм. Более того, проектируемые положения не распространяются на иные виды юридической помощи, такие как консультирование, подготовка договорной документации и иные сопутствующие услуги. Следует также учитывать, что, декларируя стремление к унификации требований через обязательность адвокатского статуса, законопроект одновременно сохраняет возможность участия в процессе иных лиц — в частности, близких родственников, обладающих юридическим образованием или ученой степенью, а также отдельных категорий специалистов, включая патентных поверенных и работников государственных юридических бюро.

Вместе с тем заслуживает поддержки позиция разработчиков, указывающих на отсутствие единых профессиональных и этических стандартов в сфере оказания юридической помощи, а также действенных механизмов дисциплинарного воздействия на недобросовестных участников рынка. Указанные обстоятельства объективно способствуют распространению услуг ненадлежащего качества. При этом государственные механизмы воздействия на подобных лиц остаются ограниченными, что затрудняет как их отстранение от профессиональной деятельности, так и предотвращение дальнейших нарушений.

Таким образом, несмотря на отдельные дискуссионные аспекты, целевая направленность законопроекта представляется социально значимой, поскольку ориентирована на обеспечение гарантированного права на получение квалифицированной юридической помощи, закреплённого в статье 48 Конституции Российской Федерации. Именно данное положение следует рассматривать в качестве ключевого ориентира при оценке предлагаемых изменений.

Следует отметить, что в отечественной правовой системе реализация указанного права в значительной степени обеспечивается институтом адвокатуры, на который возложена публично значимая функция защиты прав и законных интересов лиц, нуждающихся в юридической поддержке. В научной литературе подчёркивается, что адвокатура на современном этапе выступает одним из базовых элементов демократического правопорядка, обеспечивая не только формальное закрепление прав и свобод в нормативных актах, но и их фактическую защиту посредством профессиональной правозащитной деятельности [17]. В определённой степени дополнительным подтверждением возросшей роли адвокатуры можно считать и учреждение профессионального праздника — Дня российской адвокатуры, что символически подчёркивает значение данного института в системе национального права.

В этой связи становится очевидной необходимость предъявления к адвокатам повышенных требований, как в части уровня профессиональной подготовки, так и в аспекте соблюдения этических стандартов. Закреплённое на конституционном уровне право на получение квалифицированной юридической помощи объективно влечёт за собой обязанность государства создавать условия для его полноценной реализации. Это предполагает не только формальное закрепление соответствующих гарантий, но и формирование эффективной нормативной базы, обеспечивающей доступность юридической помощи и установление надлежащих требований к профессиональной компетенции лиц, её оказывающих.

Вместе с тем, даже признавая обоснованность усиленных требований к адвокатуре, следует учитывать, что рассматриваемый законопроект ориентирован на выстраивание унифицированной системы оказания юридической помощи преимущественно в рамках данного института (по крайней мере в части судебного представительства). Тем самым предполагается распространение единых профессиональных и этических стандартов на более широкий круг практикующих юристов, которым для участия в соответствующей деятельности потребуется приобретение адвокатского статуса.

И конечно избранный способ реализации – ограничение допуска в суды в качестве представителей лиц, не подчиняющихся единым стандартам, вызывает опасения практикующих юристов относительно рисков и последствий такой разработки. Раскрывая поставленный нами в начале исследования вопрос обзора мнений представителей юридического сообщества с целью вычленения реальных рисков универсализации судебного представительства, мы сможем понять, является ли большое количество негативных реакций банальным нежеланием юристов нести дополнительное бремя ответственности с потенциальной возможностью быть исключенными из профессии за свои нарушения, или побочные эффекты от подобных изменений действительно так велики, что саму идею следует срочно исключить из повестки.

Конечно, предметно рассмотреть все мнения рамках данной статьи не представляется возможным. Только на сайте Zakon.ru десятки очерков [23]. При этом мы вполне можем вычленить «болевые точки» – проблемные аспекты, которые красной нитью идут через большинство позиций.

В первую очередь это опасение нарушения конституционных прав и противоречие позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 16.07.2004 № 15-П [6]. С точки зрения лиц, обращающихся за юридической помощью, ключевое значение приобретают вопросы стоимости таких услуг и, как следствие, их фактической доступности. Помимо этого, существуют и иные проблемные аспекты, связанные уже с практической реализацией обсуждаемого законопроекта. К их числу можно отнести требования к продолжительности профессионального стажа, необходимого для получения статуса адвоката, а также недостаточную проработанность вопросов, касающихся изменения налоговой нагрузки. Указанные направления целесообразно рассматривать в качестве приоритетных для анализа.

Особое место среди обозначенных проблем занимает вопрос соблюдения конституционных гарантий, включая права, закреплённые в статьях 34 и 45 Конституции Российской Федерации, а также их соотношение с правовыми позициями органа конституционного контроля. Данный аспект представляется наиболее сложным и многогранным. В научной литературе обращается внимание на то, что ранее уже предпринимались попытки изменить регулирование судебного представительства, в частности в рамках арбитражного процесса. Так, прежняя редакция соответствующей нормы предусматривала ограничение круга представителей, допуская к участию в деле только работников организации либо адвокатов.

Однако такая конструкция была признана несоответствующей Конституции Российской Федерации высшим органом конституционного контроля. В результате был сделан вывод о недопустимости установления подобного ограничения, что фактически свидетельствует о неудачности ранее предпринятых попыток введения так называемой адвокатской монополии в сфере арбитражного судопроизводства [18].

При этом, если рассматривать в совокупности позиции Конституционного суда Российской

Федерации о возможности государства устанавливать квалификационные требования для оказания юридической помощи, выявляется следующее.

Прежде всего, высший орган конституционного контроля указывает на публично-правовую природу отношений, складывающихся в сфере оказания юридической помощи. В частности, в одном из решений подчёркивается, что такие отношения неразрывно связаны с выполнением государством конституционной обязанности по обеспечению каждому доступа к правовой помощи и возможности обращения к квалифицированным специалистам [7]. Именно по этой причине данная сфера выходит за рамки частных интересов и приобретает общественно значимый характер, а сама юридическая помощь рассматривается как деятельность, имеющая публично-правовую направленность.

Далее, наличие публичного элемента в указанных отношениях объясняется и их тесной связью с реализацией права на судебную защиту. Поскольку оказание юридической помощи осуществляется в контексте функционирования судебной системы, оно фактически становится частью механизма осуществления правосудия. Следовательно, доступ к квалифицированной правовой поддержке выступает не только субъективным правом лица, но и необходимым условием эффективной работы судебной власти. Вероятно, именно этим объясняется подход разработчиков законопроекта, которые акцентируют внимание на судебном представительстве как ключевом элементе реализации данного права и предлагают корректировку процессуального законодательства.

Наконец, третьим, принципиально важным аспектом является вопрос о пределах и содержании полномочий государства в части установления требований к профессиональной подготовке лиц, оказывающих юридическую помощь. Обращаясь к ранее сформулированным правовым позициям органа конституционного контроля, в том числе выраженным в его решениях середины 2000-х и конца 1990-х годов, можно проследить линию, в соответствии с которой государство вправе определять критерии допуска к юридической деятельности, однако такие меры должны быть соразмерными и не нарушать баланс между публичными интересами и правами участников соответствующих правоотношений [8]. В обобщённом виде правовые позиции органа конституционного контроля позволяют определить основной ориентир для установления требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих юридическую помощь: такие требования должны носить соразмерный характер и соответствовать принципу юридического равенства.

Не ставя целью детальный разбор указанных правовых позиций, целесообразно отметить, что решающее значение имеет используемый подход к их толкованию, на основании которого было признано несоответствие одной из норм арбитражного процессуального законодательства конституционным положениям, закрепляющим равенство, право на судебную защиту, допустимые пределы ограничения прав и принципы осуществления правосудия.

В частности, в соответствующем решении подчёркивается, что невозможность для организации привлечь представителя для защиты своих интересов в суде фактически приводит к ограничению права на судебную защиту и подрывает реализацию принципов состязательности и равноправия сторон. Одновременно указывается, что право на участие в судебном процессе через представителя, выбранного по усмотрению лица, не является абсолютным: оно не предполагает безусловного допуска любого лица к выполнению представительских функций.

Исходя из логики высшей судебной инстанции конституционного контроля, на государство возлагается обязанность обеспечивать реализацию права на судебную защиту, в том числе через установление порядка доступа к квалифицированной юридической помощи. В этих целях законодатель вправе вводить определённые преференции для лиц, обладающих специальным статусом, например адвокатов, при их допуске к участию в судебном представительстве, если такие меры продиктованы публичными интересами.

Вместе с тем ключевым условием правомерности подобного регулирования является соблюдение баланса между публичными задачами и правами участников процесса. Это касается, в том числе, определения критериев допуска представителей организаций к участию в судебном разбирательстве.

Следовательно, установление специальных правил и требований к лицам, выступающим в качестве представителей в суде, относится к компетенции законодателя. Однако реализация данного полномочия допустима лишь при условии, что вводимые ограничения не носят чрезмерного характера и не препятствуют реализации права на судебную защиту. В противном случае возникает риск нарушения конституционных гарантий.

С учётом изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что предлагаемая модель унификации судебного представительства в целом не вступает в прямое противоречие с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации. Основанием для такого вывода служит характер мотивировки, положенной в основу признания неконституционным

соответствующего положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Так, анализ правовой позиции суда позволяет установить, что ключевым аргументом выступило не отрицание допустимости приоритета адвокатского представительства как такового, а констатация несоразмерности и несбалансированности установленного регулирования. В частности, ограничение круга представителей организаций исключительно адвокатами и штатными сотрудниками при одновременном отсутствии сопоставимых требований к представителям граждан было признано нарушающим принципы юридического равенства и справедливости.

Следовательно, сама по себе идея установления единых квалификационных требований к лицам, осуществляющим судебное представительство, не исключается конституционно-правовым подходом. Напротив, в ряде последующих актов Конституционного Суда Российской Федерации подчёркивается допустимость законодательного закрепления специальных условий допуска к участию в судопроизводстве при условии соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Так, в определениях от 24.02.2022 № 389-О и от 28.02.2023 № 303-О акцентируется внимание на праве законодателя формировать критерии профессиональной пригодности представителей, исходя из специфики соответствующих видов судопроизводства. Аналогичный подход прослеживается и в постановлении от 28.01.1997 № 2-П, в котором указывается на обязанность государства не только гарантировать право на получение квалифицированной юридической помощи, но и создавать институциональные и нормативные условия для подготовки таких специалистов, включая установление требований к их профессиональному уровню.

Таким образом, регулирование допуска к судебному представительству может рассматриваться как элемент реализации конституционной обязанности государства по обеспечению надлежащего качества юридической помощи. Однако при этом определяющее значение приобретает соблюдение принципа соразмерности, предполагающего недопустимость чрезмерного ограничения права лица на выбор представителя.

Переходя к следующему аспекту, необходимо отметить, что существенные дискуссии вызывает вопрос экономической доступности юридической помощи в условиях возможной «адвокатизации» судебного представительства. В научной и профессиональной среде достаточно широко распространена позиция, согласно которой внедрение подобной модели не гарантирует автоматического повышения качества оказываемых услуг, но при этом может привести к росту их стоимости и, как следствие, снижению доступности для широкого круга лиц [12].

Размер вознаграждения за оказание юридической помощи формируется под воздействием совокупности факторов и не сводится исключительно к учёту трудозатрат специалиста либо сопутствующих расходов, связанных с выполнением профессиональных обязанностей. Существенную роль играют также обязательные платежи, включая налоговую нагрузку, а также иные финансовые издержки, характерные для соответствующего правового статуса. В частности, адвокаты, помимо общих обязательств, несут дополнительные расходы в виде взносов в адвокатские образования, а также платежей на пенсионное и медицинское страхование.

В этой связи представляется необходимым выделить несколько значимых обстоятельств. Прежде всего, согласно пояснительным материалам к разрабатываемому законопроекту, предполагается наделение Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации полномочиями по установлению предельного уровня взносов в первый год членства. Такая мера направлена на устранение существующих диспропорций, связанных с завышенными платежами в отдельных регионах, и формирование более унифицированного подхода. Для лиц, планирующих получение адвокатского статуса, это может иметь принципиальное значение, поскольку снижение финансового барьера потенциально способствует выравниванию условий доступа к профессии и, как следствие, сглаживанию различий в стоимости юридических услуг.

Второй аспект обусловлен правовой природой отношений между адвокатом и доверителем, которые носят гражданско-правовой характер. Оказание юридической помощи осуществляется на основании соглашения, оформляемого в письменной форме и представляющего собой разновидность гражданско-правового договора. Существенным элементом такого соглашения является условие о размере и порядке выплаты вознаграждения за оказанные услуги.

При этом указанные договорные отношения подчиняются общему принципу свободы договора, в силу которого стороны самостоятельно определяют условия сотрудничества, включая стоимость юридической помощи. В данном контексте заслуживает внимания практика применения так называемого «гонорара успеха», закреплённая актами Федеральной палаты адвокатов. Данная конструкция предполагает установление вознаграждения в зависимости от достигнутого результата оказания юридической помощи, что

допускается в большинстве категорий дел, за исключением уголовного и административного судопроизводства [24].

В продолжение следует отметить, что споры, связанные со взысканием вознаграждения по подобным соглашениям, подлежат рассмотрению в судебном порядке по правилам гражданского судопроизводства. При этом возможность обращения в адвокатскую палату субъекта с жалобой на действия адвоката выступает дополнительным механизмом воздействия дисциплинарного характера.

Важно учитывать, что признание действий адвоката ненадлежащими в рамках дисциплинарного производства может оказывать влияние на судебную оценку спора, равно как и установленные судом обстоятельства способны использоваться в качестве аргумента при рассмотрении вопроса о привлечении адвоката к ответственности в профессиональном сообществе. Таким образом, указанные процедуры находятся во взаимосвязи и могут взаимно дополнять друг друга.

Вместе с тем применение законодательства о защите прав потребителей к подобным отношениям исключается, что прямо вытекает из разъяснений высшей судебной инстанции, согласно которым соответствующие нормы не распространяются на отношения, возникающие из соглашения об оказании юридической помощи [9].

Завершающим фактором, способным повлиять на рост стоимости юридических услуг, выступает налоговая составляющая. Значительная часть практикующих юристов в настоящее время осуществляет деятельность в статусе самозанятых либо индивидуальных предпринимателей, применяя специальные налоговые режимы. В этой связи их обеспокоенность представляется обоснованной, поскольку предлагаемые изменения не затрагивают вопросы налогового регулирования.

Формально подобная ситуация объяснима: рассматриваемый законопроект не направлен на изменение налогового законодательства. Более того, действующие нормы прямо предусматривают, что корректировка правил налогообложения не может осуществляться в рамках актов, имеющих иной предмет правового регулирования. Следовательно, любые изменения в данной сфере требуют принятия самостоятельного нормативного акта.

Тем не менее, проблема налогообложения лиц, переходящих из статуса индивидуального предпринимателя или самозанятого в статус адвоката, носит принципиальный характер. Отсутствие чётко урегулированных условий такого перехода способно повлиять как на экономическую привлекательность профессии, так и на структуру рынка юридических услуг в целом. В случае реализации предлагаемых реформ данный вопрос требует оперативного и системного решения.

В целом можно отметить, что, несмотря на широкое обсуждение возможного удорожания юридической помощи, данная проблема не является непреодолимой. Одним из потенциальных инструментов её сглаживания могло бы стать временное смягчение финансовой нагрузки при вхождении в адвокатское сообщество, например, за счёт снижения или отмены вступительных взносов на переходный период. Подобная мера способствовала бы более мягкой трансформации рынка и снижению барьеров для специалистов.

Вместе с тем ключевым условием обеспечения доступности юридической помощи остаётся системный контроль за её стоимостью. Только при наличии эффективных механизмов мониторинга можно объективно оценить последствия проводимых реформ.

В случае принятия соответствующих изменений приоритетной задачей государственных органов, судебной системы и разработчиков реформ должно стать формирование комплексной оценки доступности юридической помощи как на уровне отдельных регионов, так и в масштабах всей страны. В рамках такого мониторинга необходимо учитывать динамику численности адвокатского сообщества, распределение нагрузки между специалистами (особенно в удалённых территориях), а также состояние системы бесплатной юридической помощи, в которой ключевую роль играют адвокаты и государственные юридические структуры.

В научном сообществе отмечается, что такие бюро являются наиболее эффективными в рамках предоставления бесплатной юридической помощи [16], и их деятельность имеет большое значение для доступности правовой помощи в Российской Федерации.

Таким образом, ответ на ключевой теоретический вопрос о сохранении доступности юридической помощи в условиях реализации предложенных изменений может быть получен исключительно в плоскости их практического применения. Вместе с тем эффективность такой реализации напрямую зависит от степени её предварительной проработанности, в том числе с учётом прогнозируемого расширения адвокатского корпуса и связанных с этим организационных и экономических последствий.

Безусловно, наряду с рассмотренными аспектами существует ряд частных вопросов, вызывающих обеспокоенность профессионального сообщества. К их числу относятся, в частно-

сти, порядок и прозрачность сдачи квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, особенности участия в уголовном судопроизводстве, а также территориальная привязка адвокатской деятельности. Однако указанные проблемы носят, скорее, прикладной характер и могут быть разрешены в процессе последующей нормативной и организационной доработки при условии принятия самой концепции унифицированного судебного представительства.

Особого внимания, наряду с вопросами налогообложения, требует проблема зачёта стажа юридической деятельности. Существующая модель предполагает, что отдельным категориям практикующих юристов для получения статуса адвоката может потребоваться дополнительный период работы в качестве помощника или стажёра, если их предыдущая деятельность не соответствует критериям, установленным действующим законодательством. Подобный подход вызывает обоснованные возражения, поскольку длительная профессиональная практика, например в статусе индивидуального предпринимателя или самозанятого в сфере оказания юридических услуг, объективно свидетельствует о наличии необходимых компетенций. В этой связи представляется целесообразным учёт такого опыта при формировании окончательной редакции законопроекта.

Подводя итог, следует отметить, что наряду с обозначенными рисками в профессиональной среде высказываются и позитивные оценки предлагаемых изменений, связанные с перспективой формирования в Российской Федерации единой, институционально устойчивой адвокатуры, способной обеспечить высокий уровень юридической помощи и повысить стандарты правовой защиты [15] или в целом об оправданности внесения в институт представительства изменений, ужесточающих требования к профессионализму его участников, с учетом опасений о том, что допуск в качестве представителя в суде не только у адвокатов, но и у любых иных лиц с высшим юридическим образованием может свести к минимуму положительный эффект улучшения качества судебного представительства [25].

Подобная точка зрения наряду с вышеизложенными заслуживает внимания, при этом, на наш взгляд, необходимо продолжать вести постоянную работу в целях повышения качества оказания юридических услуг, ведь нельзя отрицать большое количество жалоб в этой сфере. Самим Минюстом России в пояснительной записке к недавно размещенному законопроекту не приводится полной статистики, однако отмечено, что с 2013 года им рассмотрено более 10 тыс. обращений с подобными жалобами. В открытом доступе на сайте Управления Роспотребнадзора по Москве [26] содержится информация о том, что за последние 4 года (на 2022 год) количество обращений потребителей почти удвоилось, и прослеживается тенденция к существенному увеличению количества жалоб более чем на 15-20%. При этом подобные практики распространены во всех регионах России и рискам подвержено даже неплатежеспособное население в связи с оказанием услуг в кредит.

Следует согласиться с позицией о сохранении проблемы отсутствия единых профессиональных стандартов для всех представителей юридической профессии [11]. Независимо от занимаемой позиции по вопросу приоритетного участия адвокатов в судебном представительстве, представляется очевидным, что сфера оказания юридических услуг длительное время оставалась недостаточно урегулированной в части единых требований к качеству и механизмов его контроля. Отсутствие таких инструментов объективно порождает риски, связанные с ненадлежащим уровнем правовой помощи, оказываемой участникам судебного процесса.

Ключевая проблема заключается в выборе модели устранения данного пробела. С одной стороны, возможен путь интеграции практикующих юристов в адвокатское сообщество с распространением на них существующих профессиональных стандартов. С другой — допускается создание самостоятельного регулирующего института, например саморегулируемой организации, наделённой соответствующими контрольными полномочиями. Каждый из указанных подходов сопряжён с определёнными сложностями: второй вариант предполагает фактически формирование новой системы «с нуля» — с разработкой квалификационных требований, механизмов допуска к профессии, дисциплинарной ответственности и процедур оценки качества деятельности.

В этих условиях более реалистичным и институционально обоснованным представляется первый подход, учитывая уже существующую инфраструктуру адвокатуры, обладающей необходимыми механизмами профессионального регулирования. В её рамках действуют нормы профессиональной этики, корпоративные стандарты и процедуры дисциплинарного контроля, что обеспечивает определённый уровень гарантий для получателей юридической помощи.

Разумеется, это не означает отсутствия профессиональных и этических ориентиров у иных категорий юристов. Однако в условиях фрагментарности правового регулирования консолидация профессионального сообщества, если рассматривать её как стратегическую цель, объективно требует опоры на уже сформированные стандарты и институциональные механизмы. В

данном контексте речь идёт не только о формальном допуске к профессии, но и о формировании устойчивого понимания профессиональной ответственности перед доверителем.

При этом сама по себе процедура получения статуса адвоката, включая сдачу квалификационного экзамена, не гарантирует автоматического соблюдения высоких профессиональных стандартов. Тем не менее, в текущих условиях даже наличие формализованных требований и механизмов контроля представляет собой шаг вперёд по сравнению с ситуацией, при которой значительная часть юридических услуг оказывается вне системного регулирования качества, что в конечном итоге способно негативно отражаться на уровне защиты прав граждан.

Вместе с тем достижение заявленной цели — повышения уровня защиты прав граждан и организаций — возможно лишь при условии всесторонней и детальной проработки как обозначенных в настоящем исследовании, так и сопутствующих проблем. В противном случае существует риск воспроизведения негативных исторических практик, связанных с фактическим существованием неформального рынка юридической помощи.

Исторический опыт показывает, что при недостаточной институциональной обеспеченности и ограниченной доступности квалифицированной правовой помощи неизбежно возникает спрос на альтернативные, зачастую неконтролируемые формы представительства. Ещё до судебной реформы XIX века подобные явления уже имели место: при отсутствии достаточного числа профессиональных защитников и высокой стоимости их услуг функции представителей нередко выполняли лица, не обладающие необходимой квалификацией и действующие исключительно в собственных интересах. Как отмечается в научной литературе, в таких условиях наибольшую активность проявляли именно недобросовестные субъекты, воспринимающие оказание юридической помощи как способ извлечения выгоды.

С учётом этого представляется принципиально важным, чтобы реформирование института судебного представительства сопровождалось не только ужесточением требований к субъектам оказания юридической помощи, но и обеспечением её реальной доступности, организационной устойчивости и достаточной численности профессионального сообщества. Лишь при соблюдении данного баланса возможно избежать формирования «теневых» практик и обеспечить достижение целей, заложенных в предлагаемых преобразованиях [13]. Соответственно, предпринимаемые законодателем меры должны приводить к обратному по своей природе результату — не к сужению доступности правовой помощи, а к её упорядочению и повышению качества. Лишь при таком подходе модель, основанная на унификации судебного представительства, способна выполнить свою ключевую функцию — вытеснение с рынка лиц, не обладающих необходимым уровнем профессиональной подготовки и неспособных обеспечивать надлежащее оказание юридической помощи.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 06.10.2022. № 0001202210060013.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3012.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. ст. 4532.

[4] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

[5] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 24.04.2014, ст. 0001201404240018.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета, № 158, 27.07.2004.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электрон.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи

с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997 г., № 7, ст. 871.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета, № 156, 11.07.2012.

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 303-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мороза Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав гражданки Мороз Надежды Ивановны частью второй статьи 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электрон.

[11] Астапова Е.В. Формирование системы квалифицированной юридической помощи в России // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6 (79). С. 33–39.

[12] Вайнермен Ф.В. К вопросу о понятии адвокатской монополии и о праве на её существование в российском законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. С. 99-105.

[13] Гаврилов С.Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозаступничества и судебного представительства (XV – начало XX веков). Под общ. ред. Е.в. Семеняко, Г.К. Шарова, А.В. Крохмалюка. – Москва, 2009. – 352 С.

[14] Зарина Александра Михайловна Адвокатская монополия: миф или реальность // Евразийская адвокатура. 2024. № 6 (71).

[15] Корнеева, А. Д. Адвокатская монополия: предпосылки формирования и проблемы реализации / А. Д. Корнеева // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 50. – С. 1361-1367.

[16] Наталья Владимировна Джагарян, Карина Олеговна Поломошнова Особенности предоставления бесплатной юридической помощи в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2024. №4.

[17] Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации : учебник /– 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2008. – 528 с.

[18] Фисун, А. В. О недостатках введения адвокатской монополии / А. В. Фисун // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-4(49). – С. 97-100.

[19] Круглый стола ИЗиСП при Правительстве РФ «Будущее юридической профессии: инхаусы vs рульфы; рульфы vs ньюльфы, адвокаты vs судебные представители?» [Электронный ресурс] // URL: https://izak.ru/institute/announcements/kruglyy-stol-budushchee-yuridicheskoy-professii-inkhausy-vs-rulfy-rulfy-vs-nyulfy-advokaty-vs-sudebn/ (дата обращения: 15.08.2025).

[20] Федеральный портал подготовки нормативных правовых актов [Электронный ресурс] // URL: https://regulation.gov.ru/projects/158248 (дата обращения: 16.08.2025).

[21] Обсуждение адвокатской монополии от Минюста [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/20/obsuzhdenie_advokatskoj_monopolii_ot_minyusta; (дата обращения: 16.08.2025).

[22] Про адвокатскую монополию // URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/17/pro_advokatskuyu_monopoliyu (дата обращения: 16.08.2025).

[23] «Адвокатская монополия» или конкуренция профессионалов? Где подмена понятия? [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/18/advokatskaya_monopoliya_ili_monopoliya_professionalov__gde_podmena_ponyatiya (дата обращения: 16.08.2025).

[24] Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи, утвержденные решением совета ФПА России от 02.04.2020 (протокол № 12) [Электронный ресурс] // URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-inclusion-in-the-agreement-between-the-lawyer-and-the-principal-terms-of-remuneration-dependin/ (дата обращения: 16.08.2025)

[25] Адвокатская монополия как способ борьбы с правовым нигилизмом [Электронный ресурс] // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/advokatskayamonopoliyakaksposobborbyspravovymnigilizmom/#:~:text=%D0%98%D0%B4%D0%B5%D1%8F%20%D0%B0%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7,%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D0%B8%2C%20%D0%B0%20%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9 (дата обращения: 19.08.2025).

[26] Официальный сайт Управления Роспотребнадзора по Москве // URL: https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/11271-o-zashchite-prav-potrebitelej-nekachestvennykh-yuridicheskikh-uslug (дата обращения: 19.08.2025).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru. 06.10.2022. № 0001202210060013.

[2] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 30.12.2021) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 16.04.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

[4] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 23. Art. 2102.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 312 "On approval of the state program of the Russian Federation "Justice "//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) of 24.04.2014, Art. 0001201404240018.

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.07.2004 No. 15-P "In the case of checking the constitutionality of part 5 of Article 59 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with the requests of the State Assembly - the Kurultay of the Republic of Bashkortostan, the Governor of the Yaroslavl Region, the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory, complaints of a number of organizations and citizens "//Rossiyskaya Gazeta, No. 158, 27.07.2004.

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.01.2007 No. 1-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of the Corporate Security Agency limited liability company and citizen V.V. Makeeva "//Access from the ConsultantPlus reference legal system. - Text: electron.

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.01.1997 No. 2-P "In the case of checking the constitutionality of part four of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with complaints from citizens B.V. Antipova, R.L. Gitis and S.V. Abramova "//Collection of legislation of the Russian Federation. 1997, No. 7, Art. 871.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 No. 17 "On the Consideration by the Courts of Civil Cases on Consumer Rights Protection Disputes "// Rossiyskaya Gazeta, No. 156, 11.07.2012.

[10] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.02.2023 No. 303-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Moroz Sergey Alexandrovich about violation of his constitutional rights and the constitutional rights of citizen Moroz Nadezhda Ivanovna, part two of Article 49 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation "//Access from the reference legal system" ConsultantPlus. " - Text: electron.

[11] Astapova E.V. Formation of a system of qualified legal assistance in Russia//Lawyer-Pravoveda. 2016. № 6 (79). S. 33-39.

[12] Weinerman F.V. On the concept of a lawyer's monopoly and the right to exist in Russian legislation//Legal Bulletin of Samara University. 2017. S. 99-105.

[13] Gavrilov S.N. History of the legal profession in Russia: genesis and evolution of forms of human rights and judicial representation (XV - early XX centuries). Under the general. ed. E.V. Semenyako, G.K. Sharova, A.V. Krokhmalyuk. - Moscow, 2009. - 352 C.

[14] Zarina Alexandra Mikhailovna Lawyer monopoly: myth or reality//Eurasian advocacy. 2024. № 6 (71).

[15] Korneeva, A. D. Lawyer monopoly: prerequisites for the formation and problems of implementation/A. D. Korneeva//Innovations. Science. Education. – 2022. – № 50. - S. 1361-1367.

[16] Natalya Vladimirovna Dzhagaryan, Karina Olegovna Polomoshnova Features of the provision of free legal assistance in the constituent entities of the Russian Federation: questions of theory and practice//Legal Bulletin of Samara University. 2024. №4.

[17] Steshenko L.A., Shamba T.M. Advocacy in the Russian Federation: textbook/- 2nd ed., Revised. - M.: Norma, 2008. - 528 p.

[18] Fisun, A.V. On the disadvantages of introducing a lawyer monopoly/A.V. Fisun//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – № 10-4(49). - S. 97-100.

[19] IZiSP Round Table under the Government of the Russian Federation "The Future of the Legal Profession: Inkhaus vs Rulfs; rulfs vs newlfs, lawyers vs court representatives?" [Электронный ресурс] // URL: https://izak.ru/institute/announcements/kruglyy-stol-budushchee-yuridicheskoy-professii-inkhausy-vs-rulfy-rulfy-vs-nyulfy-advokaty-vs-sudebn/ (дата обращения: 15.08.2025).

[20] Federal portal for the preparation of regulatory legal acts [Electronic resource]//URL: https://regulation.gov.ru/projects/158248 (date of reference: 16.08.2025).

[21] Discussion of the lawyer monopoly from the Ministry of Justice [Electronic resource]//URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/20/obsuzhdenie_advokatskoj_monopolii_ot_minyusta; (accessed on: 16.08.2025).

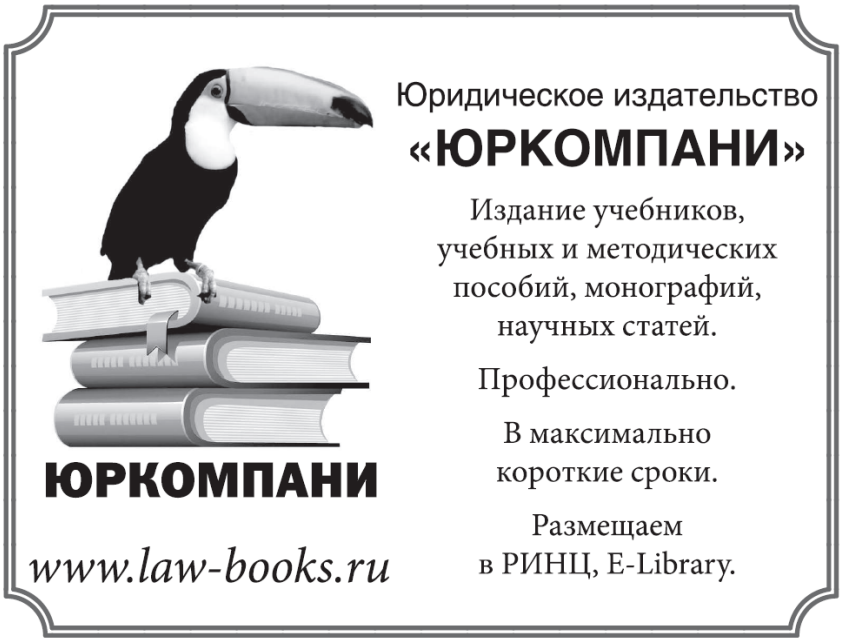
[22] About the lawyer monopoly//URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/17/pro _ advokatskuyu _ monopoliyu (accessed: 16.08.2025).

[23] “Lawyer monopoly” or professional competition? Where is the substitution of the concept? [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2025/07/18/advokatskaya_monopoliya_ili_monopoliya_professionalov__gde_podmena_ponyatiya (дата обращения: 16.08.2025).

[24] Rules for the inclusion in the agreement of a lawyer with the principal of a condition on remuneration depending on the result of legal assistance, approved by the decision of the FPA Council of Russia dated 02.04.2020 (protocol No. 12) [Electronic resource]//URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-inclusion-in-the-agreement-between-the-lawyer-and-the-principal-terms-of-remuneration-dependin/ (date of appeal: 16.08.2025)

[25] Attorney monopoly as a way to combat legal nihilism [Electronic Resource]//URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/advokatskaya-monopoliya-kak-sposob-borby-s-pravovym-nigilizmom/ #:~: text =%D0%98%D0%B4%D0%B5%D1%8F%20%D0%B0%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%B0%20%D0%B8%D0%B7,%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D0%B8%2C%20%D0%B0%20%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9 (accessed on: 19.08.2025).

[26] Official website of the Office of Rospotrebnadzor in Moscow//URL: https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/napravlenie/zpp/11271-o-zashchite-prav-potrebitelej-nekachestvennykh-yuridicheskikh-uslug (date of reference: 19.08.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-203-206

КАГРАМАНОВА Сусанна Рафиковна,
Магистр,
Московский государственный юридический университет (МГЮА им. О. Е. Кутафина),
e-mail: susana-1996@mail.ru

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ СУДАМИ ПО ВОПРОСУ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОМОЩИ МНОГОДЕТНЫМ СЕМЬЯМ

Аннотация. *В статье рассматривается несомненная роль прокурора в участии рассмотрения дел судами по вопросу нарушения законодательства при реализации помощи многодетным семьям. Особенность обращения прокурора в суд с заявлением (иском) определяется конституционным характером защиты прав граждан и охраняемого законом интереса общества (государства).*

Ключевые слова: *генеральная прокуратура, участие в суде, многодетная семья, прокурорский надзор, исполнение и нарушение законодательства.*

KAGRAMANOVA Susanna Rafikovna,
Master of Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PROSECUTOR'S INVOLVEMENT IN COURT REVIEWS OF CASES INVOLVING LEGISLATIVE BREACHES IN THE DELIVERY OF SUPPORT TO LARGE FAMILIES

Annotation. *This article highlights the indispensable role of the prosecutor in the judicial review of cases involving legislative breaches in the delivery of support to large families. The unique aspect of a prosecutor's recourse to the court with an application (lawsuit) stems from the constitutional imperative to safeguard citizens' rights and the state's (society's) legally protected interests.*

Key words: *General Prosecutor's Office, participation in court proceedings, large families, prosecutorial supervision, enforcement, and violations of legislation.*

Одним из наиболее результативных способов защиты нарушенных прав и законных интересов многодетных семей и их членов семьи является обращение органов прокуратуры в суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Целями участия прокурора в рассмотрении судами дел являются сохранение приоритетности закона, единство и стабильность законности, охрана прав и защита свобод человека и гражданина.

Участие прокурора в рассмотрении дел судами проходит в двух формах. Традиционно выделяются такие формы, как дача заключения и подача заявления в суд, где можно увидеть активную процессуальную роль сотрудников прокурорской системы. Автор статьи рассмотрит последнюю форму участия прокурора в рассмотрении дел судами как значимую меру в восстановлении и защите нарушенных прав семей с большим количеством детей, в том числе и их членов семьи.

Многие деятели правовой науки полагают, что обращение в суд с заявление в защиту прав свобод и интересов других лиц является весомой в гражданском, административном и арбитражном процессе. Эффективность этого участия заключается в том, что прокурор выступает в виде гарантии защиты прав граждан, а также это завершающее правое ненадзорное средство прокурорского реагирования.

Вместе с тем, в соответствии с законом прокурор имеет право на участие по необязательным категориям дел, не обозначенных в статье 45 ГПК РФ.

Прокурор в соответствии с действующим процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело, где видит явные нарушения, на любой стадии процесса. Полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством нашей страны и конкретизируется в соответствующих приказах Генерального прокурора.

Ввиду ограничения объема статьи, автором предлагается рассмотреть участие прокурора в гражданском процессе, которое имеет приоритетные значения по предотвращению нарушений норм права, с использованием предоставленных ему законом полномочий. Инструментом прокурора выступает правовое принуждение к лицу, нарушавшему закон, при этом, прокурор выявляет и фиксирует нарушения с целью не только карательной меры, но и профилактической.

Особенность обращения прокурора в суд первой инстанции с заявлением (так и с исковым заявлением) определяется конституционным характером защиты прав граждан и охраняемого законом интереса общества (государства).

Автор предлагает рассмотреть следующую судебную практику. По кассационному представлению Генеральной прокуратуры РФ суд отменил состоявшиеся судебные акты по иску прокурора о предоставлении во внеочередном порядке жилого помещения многодетной семье с учетом права на дополнительную жилую площадь ребенка-инвалида. Так, районный суд удовлетворил требования прокурора. Была возложена обязанность на орган муниципальной власти предоставить жилое помещение на семью из пяти человек, в составе которой имеется ребенком-инвалидом с тяжелым хроническим заболеванием. В апелляционном суде вынесенное решение было отменено, суд определил, что требования прокурора необходимо частично удовлетворить. По новому судебному акту, ответчик должен обеспечить вне очереди жилое помещение только ребенку-инвалиду, в мотивировке было указано то, что иные члены многодетной семьи не обладают внеочередным правом. Кассационная инстанция апелляционное определение оставила в силе. Не согласившись с кассационным определением прокуратура подала соответствующее представление, указав доводы о том, что предоставление жилого помещения лишь на ребенка-инвалида, нуждающегося в регулярном уходе в силу его состояния здоровья, в случае самостоятельного проживания может повлечь грубое нарушение его законных интересов, не разрывая право жить и воспитываться в семье.

Другой пример тоже показывает важность своевременного участия прокурора в процессуальном порядке. Благодаря своей успешной надзорной деятельности в рамках проверочных мероприятий выявил явные не соответствия в соблюдении требований земельного законодательства при предоставлении земельных участков многодетным (малоимущим и нуждающимся) семьям. Было установлено, что гражданка (данные обезличены), чьи права в процессуальном порядке защищала прокуратура, является многодетной матерью. Истица в материальном понимании обратилась в администрацию муниципального образования с заявлением о постановке на учет, чтобы ей передали в аренду земельный участок для индивидуального жилищного строительства как лицу, имеющему трех и более детей. На момент рассмотрения дела, многодетная мать состояла в списке лиц, имеющих право на предоставление земельного участка в собственность, вместе с тем, невзирая на требования Земельного Кодекса и Закона субъекта «О предоставлении гражданам, имеющим трех и более детей, в собственность бесплатно земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности», органом местного самоуправления не были приняты меры по своевременному обеспечению землей такой категории семьи. Суд первой инстанции решил обязать администрацию«сформировать и поставить на кадастровый учет и включить в перечень земельных участков, предназначенных для предоставления в собственность бесплатно гражданам, имеющим трех и более детей, для индивидуального жилищного строительства и личного подсобного хозяйства на территории муниципального образования».

Нередки случаи нарушений прав многодетных семей при подготовке и выдаче удостоверения многодетной семьи в органах социальной защиты населения. Например, функциями по подготовке и выдаче документа «Удостоверение многодетной семьи города Москвы» наделен Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы с делегированием полномочий по приему, оформлению и выдаче Удостоверения управлениям социальной защиты населения районов города Москвы (ныне - ГКУ «Социальное казначейство города Москвы»).

Так, столичный суд апелляционной инстанции удовлетворил исковые требования прокурора г. Москвы и обязала УСЗН ЮЗАО г. Москвы выдать многодетному отцу (данные обезличены) «Удостоверение многодетной семьи г. Москвы». Исковое заявление было мотивировано тем, что в

ходе прокурорской проверки было направлено представление в адрес указанного органа с целью устранения допущенных недостатков, но в указанный представлении срок допущенные нарушения не были устранены, поэтому прокуратура была вынуждена обратиться в суд. Незаконный отказ был дан в связи с отсутствием данных органов регистрационного учета о месте жительства детей в г. Москве. Супруг совместно с супругой и несовершеннолетними детьми проживают в г. Москве на основании договора безвозмездного пользования жилым помещением с соответствующей регистрацией.

К сожалению, органы исполнительной власти в лице ее субъектовых представителей могут незаконно исключить многодетную семью из списка лиц, претендующих на приобретение бесплатное жилья по договору социального найма жилого помещения.

Так, столичной окружной прокуратурой была проведена проверка законности принятия Департаментом жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы решений о снятии семьи с жилищного учета. В ходе прокурорской проверки выявлена причина - ошибочность вывода Департамента жилищной политики и жилищного фонда города Москвы (ныне - Департамент городского имущества города Москвы) об утрате оснований, дающих право на получение жилья по договору социального найма, и неправильное применение норм жилищного законодательства привело к нарушению жилищных прав многодетной семьи. По данному факту прокуратура обратилась в суд районного звена с исковыми требованиями о восстановлении на учете нуждающихся в жилых помещениях по целевой программе г. Москвы «Жилище», которые были удовлетворены в полном объеме.

В заключение хочется подчеркнуть то, что эффективным ненадзорным средством прокурорского реагирования является обращение прокурора с заявление в суд. Именно эта форма участия прокурора обеспечивает полное восстановление нарушенных прав и интересов многих многодетных семей.

Прокуроры, выступая процессуальными истцами в судах, придают значимость рассмотренных вопрос и, выступая от имени Российской Федерации, может обращать свое внимание на имеющиеся пробелы в законодательстве, выступив в дальнейшем с законотворческой инициативой.

Вынеся положительное решение в пользу «процессуального истца», а, соответственно, в пользу многодетных семей, формируется единообразная положительная судебная практика. Нарушения процессуального и материального законов государственными (муниципальными) органами власти указываются в решениях соответствующего суда при процессуальном участии прокурора. Суды субъекта Российской Федерации публикуют такие решения на официальных сайтах, что позволяет ознакомиться с хронологией и решением дела в электронном формате.

Следует помнить, что критерием эффективности работы конкретного прокурора вне зависимости от уровневого звена является результаты их рассмотрения, то есть полное удовлетворение исковых требований при четком формировании требований к суду и реальное восстановление прав большой ячейки общества на стадии исполнения судебных решений.

Список литературы:

[1] Отческий И.Е., Отческая Т. И., Володина Д. В.: «Участие прокурора в рассмотрении судами гражданских, арбитражных и административных дел // М. Проспект. Курс лекций. 2017. С. 50.

[2] Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2014. №4. С. 234.

[3] Федеральный закон № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Официальный сайт Генеральный прокуратуры РФ. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e492978/?ysclid=mofx6g6oqz781812145 (дата обращения: 26.04.2026).

[5] Официальный сайт Брюховецкого районного суда Краснодарского края. - Режим доступа: https://bruxovecky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=430589229&case_uid=a6af98ee-5fec-4626-aadf-f57de3af0e11&delo_id=1540005 (дата обращения: 26.04.2026).

[6] Официальный сайт Московского городского суда г. Москвы. - Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/998c5ccd-4826-4225-a8d7-560560beeab4?participant=Ашуров+Э.А.о. (дата обращения: 26.04.2026).

References:

[1] Otchesky I.E., Otcheskaya T.I., Volodina D.V.: “The participation of the prosecutor in the consideration of civil, arbitration and administrative cases by the courts//M. Prospect. Course of lectures. 2017. S. 50.

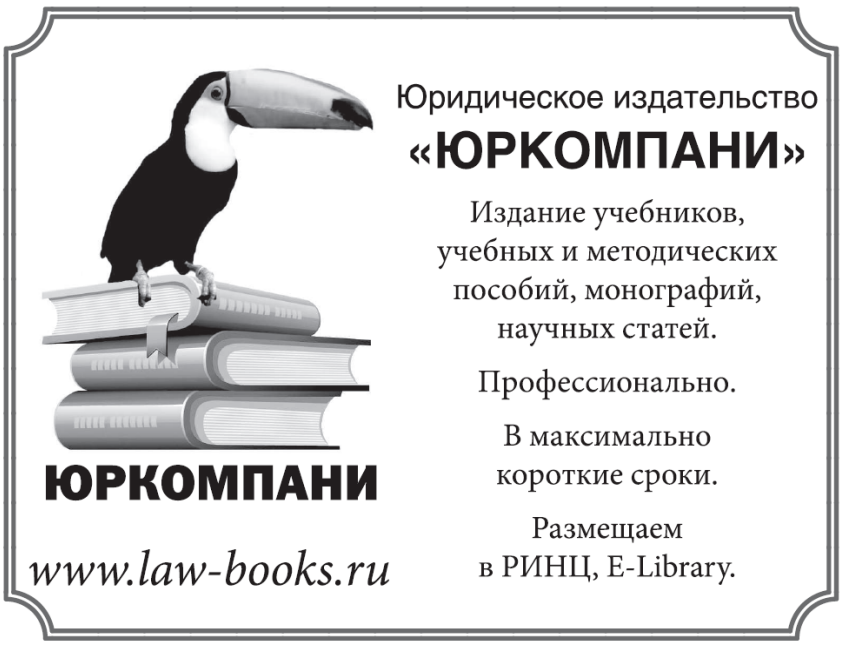
[2] Novikov A.V., Slabkaya D.N. Actual problems of the prosecutor's participation in civil proceedings//Scientific results of the year: achievements, projects, hypotheses. 2014. №4. S. 234.

[3] Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation "//SPS" ConsultantPlus. "

[4] The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - Access mode: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e492978/?ysclid=mofx-6g6oqz781812145 (access date: 26.04.2026).

[5] Official website of the Bryukhovetsky District Court of the Krasnodar Territory. - Access mode: https://bruxovecky--krd.sudrf.ru/modules.php?-name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=430589229&case_uid=a6af98ee-5fec-4626-aadf-f57de3af0e11&delo_id=1540005 (access date: 26.04.2026).

[6] Official website of the Moscow City Court of Moscow. - Access mode: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/998c5ccd-4826-4225-a8d7-560560beeab4?participant=Ашуров+Э.А.о. (access date: 26.04.2026).

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА-

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-207-221

ВЕНГЕРОВСКИЙ Евгений Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Юридического факультета ГАУГН,
г. Москва,
e-mail: elv-2312@mail.ru

ШАДРИН Алексей Дмитриевич,
магистр юриспруденции,
преподаватель Юридического факультета ГАУГН,
г. Москва,
e-mail: aleksey.shadrin.antitrust@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ РЫНКОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ КАК ПОВОД ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К ИХ АНТИМОНОПОЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Аннотация. *В статье авторы рассматривают два аспекта развития современных товарных рынков на конкретных примерах. Первый аспект – трансформацию рынков, считающихся традиционными, в цифровые; второй – особенности развития на российском рынке цифровых экосистем, обращаясь к включению в их структуры кредитных организаций, а также особенностям антимонопольного регулирования торговли продовольственными товарами посредством торговых сетей и сервисов доставки через т.н.з. dark store. При подготовке исследования авторы используют такие методы как анализ и синтез, обращаясь к юридической литературе и аналитическим материалам о развитии отдельных товарных рынков, правоприменительной практике. Также авторы прибегают к сравнительно-правовому методу, обращаясь к зарубежным источникам доктрины и правоприменительной практики. Рассматривая особенности и перспективы развития товарных рынков на примерах девелоперского бизнеса и автомобилестроения, авторы обращаются к российским и зарубежным аналитическим материалам. По итогам анализа экономических и технологических изменений на указанных рынках, а также российского и зарубежного инструментария авторы приходят к выводу о необходимости изменения подходов к восприятию таких рынков как традиционных, предлагают функциональные решения к анализу состояния конкуренции на товарных рынках (в т.ч. через активное применение А/Б тестирование), которые могут позволить более корректно определить рыночную власть участников товарных рынков. Также авторы рассматривают особенности развития цифровых экосистем в России, обращая внимание на особенности перекрестного субсидирования сервисов и участие кредитных организаций в этом процессе, а также дисбаланс в регулировании онлайн и офлайн продовольственного ритейла. Авторы предлагают ликвидировать этот дисбаланс, а также законодательно ограничить возможности перекрестного субсидирования внутри цифровых экосистем для обеспечения конкуренции между онлайн и офлайн игроками, а также развития конкуренции на цифровых рынках.*

Ключевые слова: *конкурентное право, антимонопольное регулирование, «шестой антимонопольный пакет», товарные рынки, анализ состояния конкуренции на товарных рынках, цифровые платформы, цифровые рынки, экосистемы, традиционные рынки, девелопмент, банки, автомобильный рынок, умный дом, ритейл, ценообразование, перекрестное субсидирование, цифровая компонента товара.*

VENGEROVSKY Evgeny Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Faculty of Law,
State University of Humanities

SHADRIN Aleksey Dmitrievich,
Master of Law, Lecturer, Faculty of Law,
State University of Humanities

CONTEMPORARY TRANSFORMATION OF TRADITIONAL COMMODITY MARKETS IN THE CONTEXT ACTIVITIES OF DIGITAL MARKET PARTICIPANTS AS A REASON FOR CHANGING APPROACHES TO THEIR ANTIMONOPOLY REGULATION

Annotation. *In this article, the authors examine two aspects of the development of modern commodity markets through specific examples. The first aspect concerns the transformation of markets traditionally regarded as conventional into digital markets; the second addresses the development of digital ecosystems in the Russian market, with particular attention to the inclusion of credit institutions within their structures, as well as the peculiarities of antitrust regulation of food retail through retail chains and delivery services operating via so-called dark stores. In preparing the study, the authors employ such methods as analysis and synthesis, drawing on legal scholarship, analytical materials on the development of particular commodity markets, and enforcement practice. The authors also apply the comparative legal method, referring to foreign doctrinal sources and law enforcement practice. Examining the features and prospects of commodity market development through the examples of the real estate development industry and the automotive sector, the authors rely on both Russian and foreign analytical materials. Based on the analysis of economic and technological changes in these markets, as well as Russian and foreign regulatory instruments, the authors conclude that approaches to perceiving such markets as "traditional" require reconsideration. They propose functional solutions for analyzing the state of competition in commodity markets, including the active use of A/B testing, which may allow for a more accurate determination of the market power of market participants.*

The authors also examine the specific features of digital ecosystem development in Russia, emphasizing the role of cross-subsidization of services and the participation of credit institutions in this process, as well as the regulatory imbalance between online and offline food retail. The authors propose eliminating this imbalance and introducing legislative restrictions on cross-subsidization within digital ecosystems in order to ensure competition between online and offline market participants and to promote competition in digital markets.

Key words: *competition law, antitrust regulation, "Sixth Antimonopoly Package", commodity markets, analysis of competition conditions in commodity markets, digital platforms, digital markets, ecosystems, traditional markets, real estate development, banks, automotive market, smart home, retail, pricing, cross-subsidization, digital component of a product.*

Введение

В настоящее время цифровые рынки стали центром внимания со стороны различных регуляторов, что, нет сомнения, связано с высокими темпами их развития: как транзакционных, так и не транзакционных цифровых платформ. Эта тенденция характерна не только для России, но и для зарубежных стран. В настоящей статье мы подробно остановимся на нескольких особенностях развития товарных рынков, которые, по нашему представлению, в наибольшей степени отражают тенденцию, вынесенную в заглавие настоящей статьи.

Сегодня мировая экономика находится на пороге следующего технологического перехода, который знаменуется бурным развитием технологий, состоявшимся проникновением цифровых технологий во все отрасли экономики, включая тяжелую металлургию, автомобильную промышленность, образовательные услуги и офлайн ритейл. Вездесущая цифровизация, нет сомнения, не повод говорить о том, что участники всех товарных рынков после внедрения цифровых технологий в свои производственные процессы разом стали участниками цифровых товарных рынков. Конечно, это не так. Цифровые технологии служат средством сокращения издержек на единицу продукции и совершенствования производства, ровно с этими же целями происходило внедрение в производственные процессы паро-

вых машин, а немногим более 100 лет назад и конвейерного производства. Наше же внимание привлекает не столько этот процесс, сколько постепенное размывание цифровой и нецифровой составляющей в конечном товаре, предлагаемом потребителю, а также особенности экспансии цифровых платформ на традиционных рынках, в результате которых выстраиваются конгломератные экосистемы, представленные не только цифровыми сервисами, но и вполне традиционными бизнесами, например, банками.

В настоящее время, в т.ч. в свете активной работы антимонопольного органа над «шестым антимонопольным пакетом», возобновилась активная дискуссия относительно иммунитетов для результатов интеллектуальной деятельности в антимонопольном законодательстве, которые используются правообладателями для контроля рынков и злоупотребления рыночной властью на них [6, с. 41-43]. В частности, в рамках X юбилейной Международной научно-практической конференции «Антимонопольная политика: наука, практика, образование» дискуссия шла в ключе непонимания ее участников сохранения таких иммунитетов и вообще их появления в действующем законодательстве. Отметим, что в настоящее время существует риск допущения гораздо более опасной ситуации – перехода традиционных рынков в цифровые и наоборот с сохранением действующих подходов к их рассмотрению по отдельности.

Авторы настоящего исследования не исключают, что за счет такого положения дел участники товарных рынков смогут усилить свое рыночное положение. Результаты таких действий могут быть гораздо более серьезными для рынков чем те, к которым, как пытается убедить антимонопольный орган, товарные рынки привели иммунитеты для результатов интеллектуальной деятельности, поскольку лежат не только в плоскости пределов осуществления исключительных прав, а в структурных изменениях товарных рынков, которые приводят к смешению цифровых и традиционных товаров. Отдельного внимания заслуживает и участие в инфраструктуре, в т.ч. корпоративной структуре владельцев цифровых платформ участников финансовых рынков, которые могут выступать в настоящее время источниками субсидирования деятельности операторов цифровых платформ и бизнеса таких платформ, так и развиваться за счет сетевых эффектов, которые для платформенного бизнеса характерны.

Особенности трансформации товаров на строительном и автомобильном рынках

Обычно к участникам цифровых товарных рынков относятся операторы (владельцы) цифровых платформ, которые могут быть как транзакционными, так и нет. К этой же категории относят крупные компании, занимающиеся разработками в сфере информационных технологий (как программ, так и оборудования) и вводящие в оборот товары, в которых такие разработки воплощены. А.Н. Варламова отмечает, что цифровой товар – это прежде всего IT-товар (цифровой контент), а значит, в части продуктовых границ цифровой товарный рынок привязан к цифровому товару, к которым указанный автор относит мобильные приложения, интернет-рекламу, электронную продажу туристических услуг, «общение в соцсетях» (услуги потребительской коммуникации) [4, с. 11-12]. Стоит при этом согласиться с позицией А.А. Арутюнян и А.Д. Бербеневой о том, что создать унифицированный критерий или показатель для оценки границ рынка в отношении цифровых платформ невозможно и, напротив, было бы даже вредно, поскольку исключило бы гибкий подход к рынкам, которые находятся в состоянии перманентной эволюции, в отличие от традиционных товарных рынков, которые, как правило, значительно более стабильны в плане своих характеристик [1, с. 88]. Однако и традиционные рынки в настоящее время проходят этап качественного развития и перестройки своих товаров, в рамках которого цифровая составляющая увеличивает свою долю в и цене товара, и в его ценности для конечного потребителя.

Рыночная власть за счет инфраструктурных особенностей деятельности цифровых платформ, таких как базы пользовательских данных и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности становятся актуальными и для традиционных товарных рынков и цифровых платформ, однако сетевые эффекты, стоит признать, характерны, конечно, именно для платформ как транзакционных, так и нет [1, с. 88]. Совершенно верно Н.М. Розанова отмечает тренд массовой кастомизации товара, которая приходит на смену массовому производства традиционных товаров и является не только результатом деятельности цифровых платформ, но и интерактивного диалога потребителей и производителей [7, с. 67]. Классические фирмы в индустрии 5.0 исчезают, роль действующего лица переходит к экосистемам, которые могут объединять разрозненные во времени и пространстве элементы различных типов отраслей [7, с. 69].

Такую трансформацию проходят рынки, которые всегда считались и продолжают считаться традиционными, в т.ч. рынок автомобильный и девелоперский. Указанные отрасли цифровизация охватила давно, что касается производственных процессов: сюда относится и применение роботизированных технологий при производстве автомобилей (как непосредственно при сборке, так и при доставке деталей к стан-

циям сборки), использование технологий искусственного интеллекта и цифровых двойников в процессе проектирования новых моделей и зданий, тестирования предполагаемых к внедрению технологий и решений на цифровых моделях, а не только на макетах и в реальных условиях. В то же время с усилением указанной выше тенденции мы можем наблюдать активную цифровизацию в этих секторах непосредственно в плоскости взаимодействия с потребителями. Выпускаемый этими отраслями товар становится цифровым. Если угодно, квартира или автомобиль становятся похожи на смартфон: отделить от цифровой составляющей товар, который раньше не предлагался вместе с цифровой составляющей (квартиру или машину) становится все сложнее.

Согласно отчету Фонда «Институт экономики города», «Умный» многоквартирный дом: функции и возможности цифрового управления» от 2022 года (далее – «Отчет умный МКД») умные дома становятся новой нормой, в т.ч. и в потребительском поведении, и в коммерческой деятельности застройщиков, позволяя им выполнять показатели по планам устойчивого развития. Данные этого же отчета подтверждают выводы Н.М. Розановой о том, что потребители в современной экономике участвуют в формировании свойств потребляемого ими товара, что приводит к его кастомизации, которая затрагивает не только столицу, но и регионы. Отчет умный МКД, указывая на дороговизну технологий «умного дома» в особенности в многоквартирном доме, тем не менее описывает ее развитие и внедрение (создание условий для его внедрения) застройщиками как тренд, которому отрасль будет следовать, включая внимание государственных регуляторов к этому вопросу. Здесь отметим, что развитию технологии «умного дома» практически в полном объеме посвящено Распоряжение Правительства РФ от 24.07.2025 № 1970-р «Об утверждении Концепции цифровизации многоквартирных домов на территории Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – «Концепция»). Концепция указывает на необходимость внедрения технологий «умного дома» при строительстве многоквартирных домов для обеспечения эффективности потребления ресурсов, а также оптимизации стоимости управления многоквартирными домами за счет предотвращения аварий и минимизации затрат на устранение их последствий. Стоит отметить, что Концепция указывает в т.ч. на необходимость увеличения количества цифровых услуг на затрагиваемом рынке, а также увеличения доли вводимых в эксплуатацию многоквартирных домов, предусматривающих систему «умного дома».

Нет сомнения, что перед застройщиками стоит непростая задача по продвижению технологии «умный дом» и убеждению потребителей в высокой потребительской ценности этого сервиса. Полагаем, отдельные категории потребителей, прежде всего, представители молодежи не нуждаются в подобном маркетинге, однако для более возрастных категории такие усилия являются необходимыми. При этом такая потребительская ценность не является выдуманной, согласно Отчету умный МКД такая технология предлагает потребителям большой функционал, связанный не только с управлением функционалом систем внутри квартиры, но и с управлением коммунальными услугами и платежами за них, их оптимизацией, повышением эффективности взаимодействия с управляющей компанией.

В такой парадигме развития отрасли необходимо понимать, что расширение использования технологий «умного дома», во-первых, позволит собирать застройщиками как разработчиками таких систем большого количества данных о потребительском поведении их клиентов не только на этапе приобретения жилья, но и на всем цикле его использования. Для крупных игроков, таких как группы компаний «ПИК» или «Самолет» охват лиц и объем собираемых и обрабатываемых данных может быть сопоставим с данными цифровых платформ, на регулирование деятельности которых национальным антимонопольным регулятором сегодня брошены немалые силы.

Во-вторых, стоит принимать во внимание, что для цифровых товарных рынков увеличение масштабов не является принципиальным с точки зрения тиражирования готового товара, поскольку основные издержки приходятся именно на его разработку, а не выпуск каждой дополнительной единицы (копии) соответствующего технологического решения. Такие выводы нам позволяет делать Отчет «Отрасль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в России в 2021–2023 гг. (на основе аналитического отчета Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, ЦМАКП)». Объемы ввода в эксплуатацию жилья крупнейшими застройщиками вряд ли потребуют длительного возврата таких инвестиций. По сути, именно реализация этих квадратных метров, которые сами по себе являются товарами с собственной высокой потребительской стоимостью (отличающейся от подписок к сервисам или носителей, на которых приобретается программное обеспечение или иные подобные продукты их потребителями), и выполнят ту самую задачу дистрибуции разработанного технологического решения, которое нельзя не приобрести, покупая соответствующие квадратные метры.

Но вот в чем основной вопрос: какой процент от общей стоимости квадратного метра

жилья в подобных домах будет составлять стоимость инвестиций в такую цифровизацию для конечного потребителя, и какова ее доля в себестоимости такого квадратного метра? Полагаем, что в текущих реалиях российского рынка девелопмента ответ на такой вопрос могут иметь только непосредственно застройщики, учитывая особенности и сегментации жилья по классам, что, полагаем, будет влиять на функционал технологически решений, которые застройщик предложит потенциальным жильцам. Сложная многофакторная сегментация товаров создает на практике трудности с определением границ товарных рынков и, как следствие, анализа состояния конкуренции на рынке обращения соответствующего товара. С указанным, не исключаем, может быть связано и избегание антимонопольным органом проведения полноценного анализа на рынках строительства (это ярко демонстрирует Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 № 307-ЭС25-1629 по делу № А56-6783/2024 по т.н.з. «Делу Балтийской Жемчужины»).

В-третьих, переход к подобному управлению многоквартирными домами создает для застройщиков возможность улучшить качество их товара, однако формирует площадку для злоупотреблений с многокомпонентными вариантами ценообразования на такой товар: например, через включение в состав предлагаемого потребителю товара определенного объема услуг, который будет предоставляться за счет цифровых технологий, однако в дальнейшем ставить возможность получения таких услуг в зависимость от приобретения потребителем определенных по стоимости «пакетов» подписки, дополнительных услуг или непосредственно продления оказания первоначально базовых услуг только за дополнительную плату. В таком случае, как представляется авторам настоящего исследования, сложно рассматривать услуги в рамках системы «умный дом», как комплементарные по отношению к приобретению непосредственно жилого помещения, поскольку возможность пользоваться жилым помещением на столько ставится в зависимость от услуг системы «умный дом», что рассматривать их как потенциально различные рынки, включая возможность замены системы управления на другую, не представляется возможным.

Следовательно, рассматриваемое программное решение становится необходимым элементом для реализации помещения, а его ценность для потребителя возрастает в разы. Особенно, если помыслить ситуацию, в которой только через приобретение подписок системой «умный дом» будет возможно пользоваться лифтами, получать доступ на этажи или лестничные клетки, осуществлять подключение помещения к проводному интернету и телефонной связи и т.д. Замена провайдера таких услуг, которая с высокой вероятностью потребует замены и оборудования, и программного обеспечения во всем многоквартирном доме, потребует высоких затрат, которые вряд ли позволят сделать вывод о том, что провайдер таких услуг заменим по результатам проведения «теста гипотетического монополиста». Хотя, конечно, производитель всей системы или ее отдельных компонентов может быть сторонним и не принадлежать группе лиц застройщика, поскольку не каждый девелопер посчитает рациональным разработку собственных программных продуктов.

Подобная ситуация, как представляется, может напомнить обстоятельства дела № 1-14-21/00-11-15 о нарушении антимонопольного законодательства, которое было возбужденное ФАС России по заявлению российской компании Яндекс против корпорации Google, по поводу предустановки программных продуктов заявителя на мобильные телефоны с операционной системой «Андроид». Как схожие (по фактуре) можно обозначить Решение ФАС России от 28.08.2020 по делу № 11/01/10-24/2019 или Решение ФАС России от 29.07.2022 по делу № 11/01/10-30/2021, которыми компания Apple была признана занимающей доминирующее положение на рынке распространения приложений для мобильных устройств, которые сама же и произвела, т.е. функционирующих на операционной системе iOS.

Фактически проблема, рассмотренная в деле Google, функционально была решена формулированием условий недискриминационного доступа для производителей отечественного программного обеспечения к предустановке их разработок на соответствующие мобильные устройства. Вероятно, в текущих условиях есть необходимость формулирования правил реализации девелоперами рассматриваемых технологий на условиях, которые позволят сменить оператора соответствующих систем управления домами без замены самой системы, предусматривающей не только юридические, но и технические гарантии возможности получения доступа к подобным сетям третьим лицам. В первую очередь, здесь будет иметь значение возможность автономного существования системы управления конкретным домом от всей экосистемы девелопера. Во вторую, совместимость со сторонними технологиями. В третью, передача необходимых для смены новому провайдеру группой лиц текущего провайдера услуг управления условий и ключей доступа – собственно юридическая.

Однако такое решение не дает ответов и рецептов на случаи, когда речь идет не о пере-

даче инфраструктуры, а об установлении цен на товары, а также дальнейшем управлении объемом услуг, которые приобретатель жилого помещения рассчитывает получить при покупке, а также получать его в дальнейшем. При этом важно, что в подобных ситуациях не только права и законные интересы потребителей могут быть затронуты, но и права и законные интересы конкурентов, которые не намерены фактически продать товар худшего качества, выдавая его за более качественный за счет внедрения технологий или ограничения объема услуг, которые фактически будут оказаны, по отношению к заявленным при реализации жилья. Полагаем, что при несоответствии такого объема услуг деяния девелопера могут быть квалифицированы как акт недобросовестной конкуренции путем введения в заблуждения, что прямо запрещено ст. 14.2 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – «Закон о защите конкуренции»), или же как не связанные с антимонопольным законодательством нарушения, а как нарушения, например, законодательства о защите прав потребителей.

Однако ввиду тесной связанности таких товаров как жилое помещение и услуг системы «умный дом», для рассматриваемых в настоящей работе целей их необходимо рассматривать как единый товар и проводить оценку состояния конкуренции не отдельно на рынке жилых помещений и услуг системы «умный дом», поскольку и характеристики товара, и его цена будут зависеть от комбинирования в выводимом на рынок товаре как особенностей планировочных и строительных решений и технологий, так и технологий, касающихся управления недвижимым имуществом. Пользователями таких решений в одном многоквартирном доме окажутся сотни людей, а не один индивидуальный пользователь, как в случаях с предустановкой программного обеспечения на радиоэлектронную продукцию, которая ориентирована на индивидуальное использование. Представляется, что ввиду изложенного выше, важным фактором для определения состояния конкуренции на затрагиваемом товарном рынке будут иметь значения качественные характеристики товара и их потенциальное изменение в процессе эксплуатации жилья, независимо от цены приобретения, поскольку ее корректировка в подобных случаях невозможна.

Добавим также, что приложения, которые девелоперские компании разрабатывают или заказывают как для обеспечения их потребителей цифровым инструментом управления их жильем, становятся своеобразными маркет-плейсам. Помимо управления функционалом собственного жилья клиент получает доступ к специальным предложениям от провайдеров различных услуг и товаров (от клининговых услуг до бытовой техники или предметов роскоши), которыми может воспользоваться с применением скидок или специальных условий. Последние зависят от договоренностей девелопера и стороннего провайдера, желающего быть представленным на такой площадке. Вряд ли, конечно, такое взаимодействие может составить конкуренцию таким маркетплейсам как Ozon или Wildberries, но может повысить лояльность клиентов девелоперов к их проектам и комплементарным товарам (услугам), провайдерами которых являются компании групп лиц девелоперских холдингов.

Отметим, что подобная трансформация товара характерна не только для девелоперской отрасли, примерно 10 лет назад она началась на автомобильном рынке. Автомобиль перестал быть продуктом исключительно отрасли машиностроения не только в ключе значительного внедрения цифровых технологий в системы автомобиля (датчиков движения, подушек безопасности, силовой электроники и т.д.), взаимодействие с которыми осуществляют инженеры или осуществляющий техническое обслуживание персонал, но и механизмов управления автомобилем его владельцем, включая и технологии дистанционного управления. Анализ развития рынка программного обеспечения автомобильной отрасли (Automotive software and electronics 2030 Mapping the sector's future landscape) McKinsey & Company наглядно иллюстрирует взаимосвязанность развития секторов производства отдельных автокомпонентов и программного обеспечения в зависимости друг от друга, а также общих тенденций в изменении спроса и предложения на автомобили как готовую продукцию. Согласно данным указанного анализа для автомобильного рынка характерно как изменение модели взаимодействия автопроизводителей между собой, а также поставщиков различных уровней, изменения ролей и влияния таких поставщиков.

Как отмечают специалисты McKinsey & Company, традиционные отношения между производителем и поставщиком, особенно в области инновационного программного обеспечения и разработки оборудования, уступают место таким моделям взаимоотношений как стратегическое партнерство, приобретение пакетов акций участников цепочки производства готового автомобиля, различным формам альянсов и совместных предприятий. Конкурирующие автомобильные концерны, таки как BMW и Daimler или GM и Honda вынуждены вступать в кооперации в форме совместных предприятий, чтобы разделить высокие затраты на развитие новых технологий в автомобильной сфере, в особенности технологий автономного вождения, отличающи-

еся наибольшим ежегодным приростом. Следовательно, с точки зрения инструментария антимонопольного регулирования, как представляется, в части взаимодействия самих автопроизводителей, фронтирным может выступать контроль за экономической концентрацией, что мы и наблюдаем в практике Еврокомиссии.

Так, при согласовании совместной деятельности BMW и Daimler, которое выразилось в совместном владении 6 совместными предприятиями, Решениями Еврокомиссии от 07.11.2018 было выдано предписание (которое в дальнейшем корректировалось 31.01.2022). Регулятор применительно к сервисам каршеринга в т.ч. предписал сохранять возможность доступа к совместно развиваемым сервисам для третьих лиц, а также не прекращать (не отказываться от исполнения) договоры с третьими лицами, развивающими аналогичные технологические решения, во избежание создания нового привратника («gatekeeper») за счет вертикальных пересечений между бизнесом сторон совместного предприятия и самого предприятия.

Что касается российских реалий, то положения в т.ч. п. 4 ч. 2 и ч. 11 ст. 33 Закона о защите конкуренции позволяют российскому антимонопольному органу выдавать как вечные, так и темпоральные предписания, а также пересматривать их содержание в связи с изменением рыночной конъюнктуры. Бурное развитие в вертикальном направлении в России, правда не на автомобильном рынке, ведет компания МТС, которая за последние годы поддержала большое количество стартапов, купила немало компаний (например, Ponominaly и Ticketland, систему распознавания лиц VisionLabs, площадку по онлайн-бронированию отелей Bronevik и контрольную долю в разработчике сервисов видео-конференц-связи Webinar, а также в картографической платформе «Навител», 70% сервиса аренды самокатов «Юрент»), запустила собственные сервисы, например, онлайн кинотеатр Kion. При подготовке настоящего исследования авторы не смогли в «Базе решений и правовых актов ФАС России» найти решения регулятора по указанным сделкам. В то же время полагаем, что вовлеченные в сделку лица и их группы, вероятно, получили предписания по указанным сделкам, поскольку, в т.ч. с учетом их системы и потенциальных рисков «вертикальной» интеграции сервисов, работающих на разных товарных рынках под контролем крупного оператора проводных и беспроводных услуг связи, потенциальная опасность от подобной интеграции очевидна.

Что касается реформирования антимонопольного регулирования монополистической деятельности в связи с обозначенной выше тенденцией развития товарных рынков, стоит обратиться к «шестому антимонопольному пакету» – Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»» (ID проекта: 159126), разработанному ФАС России. В указанном проекте антимонопольный орган предлагает, применительно к актам монополистической деятельности с использованием результатов интеллектуальной деятельности, считать незаконными действия по осуществлению исключительных прав, которые «направлены на недопущение, ограничение или устранение конкуренции на товарном рынке», при введении товара в оборот. Схожие формулировки, напоминающие о формах вины и ее установлении в процессуальных отношениях, урегулированных антимонопольным законодательством (которая в них de lege lata не устанавливается), используются применительно к институту недобросовестной конкуренции в действующем законодательстве и вызывают дискуссии. При этом законопроект не вносит дополнений о порядке определения такой направленности и вообще о том, что может служить признаком такой направленности, а что – признаком обратной направленности (при отсутствии в действующем антимонопольном законодательстве соответствующих правил). Также проект не содержит отсылок к планируемым изменениям в анализе состоянии конкуренции на товарных рынках и особенностям разграничения случаев, когда антимонопольное нарушение допущено на рынке традиционного товара, а когда нет. Полагаем, что этот аспект важен, как минимум, для целей определения размеров штрафных санкций за акты монополистической деятельности.

Применительно к рассматриваемой законодательной инициативе авторы настоящей работы согласны с позицией Н.Н. Вознесенского о том, что ее реализация без изменения подходов к анализу товарных рынков и методикам оценки стоимости товаров, приведет фактически к контролю антимонопольного органа над осуществлением прав на результаты интеллектуальной деятельности, что может повлечь привлечение к ответственности за поведение, не являющееся антиконкурентным по своей сути [5, с. 50-51].

Возвращаясь к особенностям трансформации автомобильного рынка, отметим, что аналитики McKinsey пишут о готовности для целей поиска ключевых компонентов, а также для получения доступа к интеллектуальной собственности, организации разработки интеллектуальной собственности или обеспечения безопасности критически важных поставок, крупных концернов делиться своими платформенными технологиями, а также вступать в стратегические партнерства с т.н.з поставщиками первого уровня, совместно разрабатывая как программное обе-

спечение, так и оборудование. При этом наиболее вовлеченными в этот процесс являются крупные участники товарных рынков, такие как Daimler и Bosch, а не стартапы. Вступают в подобные коллаборации и международные гиганты IT-индустрии, в т.ч. Microsoft, Google, разрабатывающие и в партнерстве с автопроизводителями, продукты для автомобильной индустрии.

Можно отметить, что указанные тенденции связаны с высокой стоимостью новых разработок и увеличением цифровой составляющей в автомобиле как конечном продукте, что проявляется как в системах, непосредственно связанных с использованием основного функционала автомобиля и технологий автономного вождения, так и в мультимедийных технологиях, которые самым непосредственным образом влияют на пользовательский опыт потребителя взаимодействия с автомобилем. Описанная выше трансформация взаимодействия автопроизводителей и поставщиков характеризуется сложностью взаимодействия внутри объединений, а также глубокой интеграцией систем различных производителей, создающих добавленную стоимость конечного продукта. Указанное, нет сомнения, служит серьезным барьером для входа на рынок и получения контракта или субконтракта с автопроизводителем для новых поставщиков автокомпонентов и технологических решений.

Усиливает, без сомнения, влияние как на автопроизводителей, так и на поставщиков уровнем ниже, поставщиков первого уровня риск коммерциализации технологий именно ими, а не автопроизводителями. При этом аналитики McKinsey делают достаточно четкий вывод о том, что растущая сложность программного обеспечения и электронных систем в автомобилях, необходимых для реализации автономного вождения и других функций будущего, сделает невозможным разработку и обслуживание системы в одиночку, а высокие затраты на исследования и разработки, особенно для программного обеспечения, требуют большой ресурсной базы. Такая глубокая интеграция обусловлена в т.ч. необходимостью сдерживания роста цен на автомобили, поскольку реализация описываемых выше проектов и решений, была бы возможна к реализации единицами участников рынка и потребовала бы при этом кратного роста цен. Именно это обстоятельство, отмеченное международными аналитиками, как представляется, и формирует основной вызов для антимонопольного регулирования рынка автомобилей.

Как мы уже указали выше, инструментарий антимонопольного регулирования в рамках контроля за экономической концентрацией позволяет эффективно работать с созданием конгломератов автопроизводителей и их поставщиков, однако на естественную трансформацию товарного рынка этот инструментарий оказать влияние не может. Из представленного выше анализа отчета McKinsey & Company можно сделать вывод о том, что автомобильный рынок переживает серьезную трансформацию, в результате которой ключевое место в индустрии может перейти к компаниям, разрабатывающим цифровые решения, автопроизводители потеряют прежнее влияние, а сам автомобиль как товар из средства передвижения окончательно модифицируется в цифровой продукт.

При этом на пути к этой трансформации из публикаций СМИ уже можно видеть негативные эффекты для потребителей в части качественных характеристик товаров, которые автопроизводители предлагают к покупке потребителям, а далее изменяют их фактически в процессе потребления соответствующего товара. Так, например, концерн BMW еще в 2022 году ввел платную подписку на такие опции своих автомобилей как обогрев рулевого колеса, передних кресел, оповещение о дорожных камерах через онлайн магазин Connected Drive. Подобную практику внедряют Hyundai и Audi, обосновывая такие решения желанием сократить дистанцию с потребителями, а также указывая на позитивный эффект от такого решения для лиц, уже являющихся клиентами компании, поскольку они смогут дистанционного активировать дополнительные функциональные возможности своих автомобилей, которые приобрели ранее. Полагаем, что возможности автопроизводителей управлять потребительскими свойствами автомобилей продемонстрировал и скандал с занижением экологического вреда от дизельных двигателей ряда автопроизводителей, более известный как «Дизельгейт».

Несмотря на подобные заявления компаний, которые можно оценивать при определенных условиях как позитивно влияющие на положение потребителей на этих товарных рынках, опасения вызывает не только возможность автопроизводителей подключить изначально не заложенные в соответствующую комплектацию автомобиля функции, но и дистанционно отключить существующие. Не исключает такой функционал и реализацию на автомобилях функции т.н.з. геоблокинга. Вероятно, подобное мало отвечает интересам конечных потребителей. Сложно представить, что покупатель дорогого автомобиля испытает позитивные эмоции от того, что через год после покупки ранее функционировавший исправно обогрев руля ему придется дополнительно оплачивать. Еще интереснее выглядит ситуация с геоблокингом: при отсутствии представительства, зависимого корпоративно или независимого от производителя дистрибьютора в

стране может привести к тому, что покупатели автомобилей этого бренда могут быть лишены доступа к использованию автомобиля в принципе, если автопроизводитель сочтет необходимым и возможным бороться с неавторизованным импортом его продукции в страну, которую он не рассматривает как рынок своего присутствия.

Такая практика может приводить, с одной стороны, к последствиям, которые мы описали применительно к товарным рынкам жилой недвижимости в части функционала «умного дома», и которые могут быть квалифицированы как акты недобросовестной конкуренции – запроса после покупки автомобиля его программным обеспечением дополнительных оплат за тот функционал, который потребитель рассчитывал получить, приобретая автомобиль. С другой стороны, к тому, что автомобиль как товар в принципе становится цифровым как с точки зрения управления его основными функциями, необходимыми непосредственно для выполнения им основного своего функционального назначения (доставки пассажиров или грузов из точки «А» в точку «Б»), но и дополнительными, которые увеличивают его и стоимость, и потребительскую ценность, влияя на комфорт владения автомобилем и его использования.

Учитывая результаты исследования McKinsey & Company подобные тенденции могут привести к тому, что конкурировать в действительности за внимание потребителя и его деньги будут не автомобильные бренды, например, те же Hyundai, BMW или Audi, а компании, продающие автопроизводителям соответствующее оборудование и программное обеспечение, которое позволяет не только внедрять подобные модели подписки, но и создавать более инновационный автомобиль, обладающим большим потенциалом востребованности у потребителей.

Товар автопроизводителей представляет собой автомобиль как средство передвижения, дополненные функционалом, увеличивающим его потребительскую ценность и позволяющим соответствующим участникам рынка увеличить свою долю на нем, а также приобрести искомую репутацию. В то же время, как мы продемонстрировали выше, этот товар стремительно меняет свой функционал и уже превратился в цифровой продукт, в производственной цепочке которого вес набирают поставщики первого уровня, среди которых и разработчики тех самых систем и программного обеспечения для автомобильной отрасли. В таких условиях, как представляется, даже для считающихся традиционными товарных рынков, на первый план при определении товаров-субститутов и лица, обладающей реальной рыночной властью, выходит не столько цена, сколько потребительские свойства товаров, их качественные характеристики, которые часто определяются цифровой составляющей. Хотя цена, конечно, остается и, полагаем, останется параметром, влияющим на определение и продуктов, и географических границы рынка, а также на допустимость применения отдельных практик селекции и сегментирования, применяемых по отношению к потребителям, поскольку позволяет дифференцировать товары по категориям потребителей и с т.ч.з их платежеспособности, а значит и реализации в товарах инноваций иного свойства, сохранением за брендом полученной репутации и ориентации на производство определенного товара для массового потребителя или нишевого товара. Для таких рынков как жилой и коммерческой недвижимости, а также автомобильного подобная сегментация особенно характерна. Это мы можем утверждать, опираясь в т.ч. на отчеты консалтинговой компании Nikoliers (Предварительные итоги 2025 | Россия | Москва | Санкт-Петербург | Жилая недвижимость»; «Итоги 2025 | Россия | Москва | Санкт-Петербург | Гостиничная недвижимость»; Итоги 2025 | Россия | Москва | Офисная недвижимость») и Аналитический отчет аудиторско-консалтинговой компании «Деловой профиль» «Российский автомобильный рынок в 2025 году» соответственно.

Указанное обусловлено тем, что участники товарных рынков используют результаты интеллектуальной деятельности для производства конечных товаров, анализ стоимости которых в конечном товаре для потребителя может быть затруднен. При этом такое развитие, как мы постарались продемонстрировать выше, не обязательно сопряжено с развитием именно цифровых платформ или исключительно цифровых товаров, на которые, включая фармацевтические и IT-компании, если судить по риторике антимонопольного органа последних лет, и ориентирован «шестой антимонопольный пакет». Однако он, нет сомнения, затронет и разработчиков информационно-технологических решений и радиоэлектронной продукции, фармацевтические компании, издательства и т.д. – т.е. те отрасли, которые в текущих условиях крайне важны и необходимы национальной экономике, для которых разработанный законопроект в случае принятия, вероятно, не изменит регуляторную нагрузку, но создаст большие условия правовой неопределенности.

Полагаем, что в таких условиях и традиционный анализ состояния конкуренции, в т.ч. и рассмотренных нами выше рынков, должен предусматривать в рамках «теста гипотетического монополиста» не только исследование изменение спроса на товар в зависимости от изменения издержек на его приобретение, но и исследовать изменения в потребительском поведении через

инструментарий так называемого SSNDQ-теста. Несмотря на то, что расшифровка результатов опроса потребителей о их предпочтениях и их изменении относительно качественных характеристик товаров может быть затруднена, полагаем, что посредством использования такой метрики положение участника рынка может быть определено более корректно, чем при использовании исключительно ценовой метрики [9, с. 22, 24].

Подобные метрики применяются антимонопольными органами мира, в т.ч. и ФАС России, в рамках антимонопольных расследований на цифровых рынках. Полагаем, что приведенный нами выше анализ эволюции товарных рынков, считающихся наиболее традиционными как по инструментарию, используемому в конкурентной борьбе, так и по потребительским предпочтениям, а также подходу и регуляторов, и потребителей к оценке рыночного положения основных акторов этих рынков дает основания для расширения применения указанного подхода.

Такой анализ позволит, во-первых, в случаях опроса конечных потребителей-физических лиц, более точно определить степень лояльности потребителей как клиентов, их привязанность к сервисам, которые предлагает в т.ч. девелопер или автопроизводитель, которые препятствуют им переключить свой спрос на конкурирующие товары (при проведении исключительно ценового теста выявить подобные особенности бывает затруднительно). Во-вторых, подобного рода анализ, особенно если есть возможность провести репрезентативное А/Б-тестирование *(возможно, для перспективных оценок стоит использовать алгоритмы «многоруких бандитов», которые позволят определить рыночное положение компании в перспективе, в зависимости в т.ч. и от особенностей изменения свойств предлагаемого им товара)*, позволят определять причины такой лояльности – конкретные решения, удерживающие потребителя в инфраструктуре актора рынка. Последнее особенно важно, поскольку сами компании для получения репрезентативной обратной связи о внедряемых ими решениях или выводимых на рынок новых продуктах часто используют подобные тесты, которые и позволяют «настроить» товар под нужды потребителя, сделать его максимально удобным, интуитивным в использовании, а значит, улучшить качество опыта потребителя от взаимодействия с товаром. Логичным представляется использование для обеспечения законности поведения компаний в новой эпохе методов, которыми сами эти компании пользуются для получения рыночной власти.

В ситуациях, когда речь идет о развитии хозяйствующим субъектом своего бизнеса на нескольких рынках (например, на рынке автомобилей и рынке программного обеспечения для их эксплуатации, как мы это продемонстрировали ранее) подобный анализ может стать базой для анализа наличия т.н.з. перекрестного финансирования бизнеса. Весьма часто в подобных ситуациях направление бизнеса, которое только начинают развивать финансируется за счет уже формирующего денежный поток направления, однако ситуация в дальнейшем может измениться. Из аналитики McKinsey & Company можно сделать вывод о том, что нечто подобное происходит на рынке производства автомобилей и связанных с ним рынках, наблюдается тенденция к усилению позиций производителей программного обеспечения по отношению к производителям автомобилей.

В контексте разработанного антимонопольным органом «шестого антимонопольного пакета», отметим, что, прежде чем предлагать подобные изменения регуляторной среды, необходимо провести подготовительную работу по совершенствованию инструментов определения и границ товарных рынков, и рыночных цен на них. Полагаем, что антимонопольный орган заинтересован в такой подготовке для обеспечения законности своих решений, а бизнес – для обеспечения более предсказуемой регуляторной среды, в которой ему приходится работать. Ввиду изложенного разумной мерой до принятия «шестого антимонопольного пакета» является разработка совместно с бизнес-объединениями подходов к анализу состояния конкуренции на рынках и цен на товары в условиях изменчивости их свойств. Полагаем, что мотивация прозрачности регуляторной среды является вполне достаточной для бизнеса в части в раскрытии (необходимой для разработки подобных подходов) информации о механизмах ценообразования на товары.

Что касается проблем доступа к инфраструктуре как на автомобильном рынке, так и жилья, возможна разработка правил, подобных тем, что были приняты для маркет-плейсов. На этих рынках затруднена сегментация, а значит в условиях цифровизации их товаров, риски обвинения в антимонопольных нарушениях также высоки. Уверенны, что именно риск уличения в злоупотреблении доминирующим положением движет Wildberries и Ozon при заключении добровольных соглашений и присоединении к добросовестным принципам и практикам, а также при добровольном исполнении предупреждений антимонопольного органа. Аналогичная мотивация может быть и у участников рынков, на которых мы остановились в настоящей статье. Однако рассматривая особенности доступа к их инфраструктуре необходимо учитывать, что она может быть интегрирована с программным обеспече-

нием, которое предназначено исключительно для внутреннего использования, доступ в этот сегмент нарушит конфиденциальность коммерчески чувствительной для таких предприятий информации. Применительно к автомобильному рынку эта задача приобретает особую актуальность в контексте обеспечения доступа к сведениям, необходимым для технического обслуживания и ремонта автомобилей - необходимость которого является единственной целью в секторе промышленности (согласно Национальному плану развития конкуренции в РФ на 2026-2030 годы). На основе опыта, который будет получен в результате внедрения подобных решений на автомобильном рынке, полагаем, можно будет формировать подобные планы и на иных рынках, включая жилую и коммерческую недвижимость.

Применительно же к антимонопольным расследованиям реформировать, а фактически разработать, необходимо и методики определения цен на товары, которых на дату настоящего исследования для цифровых рынков так и не были разработаны, несмотря на широкий опыт ФАС России по рассмотрению дел на цифровых товарных рынках. При этом «шестой антимонопольный пакет» ориентирован на контроль в т.ч. за компаниями, которые реализуют товары не столько цифровые, сколько считающиеся традиционными, но включающими в себя цифровую составляющую. На этих рынках, как мы попытались продемонстрировать выше, сложнее определить и продуктовые границы, и цифровой компонент в цене конечного товара, который не типичен с т.ч.з. эффекта масштаба, как он работает на традиционных товарных рынках.

Разумным в подобных условиях развития товарных рынков представляется метод сопоставимых рынков, по крайней мере на первых этапах, в процессе разработки подходов, применимых именно в новых условиях, поскольку при дефиците информации и особой нелинейности переложения затрат на разработку результатов интеллектуальной деятельности в цену конечного товара или группы товаров, определить действительно ли есть нарушение в действиях субъекта, будет весьма затруднительно. Однако необходимо понимать реальную ограниченность возможностей его применения, ввиду сложности выявления сопоставимых товарных рынков по причине необходимости совпадения значительного количества факторов антимонопольный орган чаще прибегает к затратному методу [8, с. 80-81]. Такое состояние дел, как представляется, с одной стороны, может ухудшить положение потребителей, т.к. цифровой компонент в цене конечного товара довольно сложно установить затратным методом. С другой стороны, с учетом инициативы «шестого антимонопольного пакета» для участников уже не только цифровых товарных рынков возрастают риски неопределенности как определения их рыночного положения антимонопольным органом, так и рыночного характера установленной ими цены, ее справедливости понесенным на его разработку и производство затратам. Мотивация как у антимонопольного органа, так и у бизнеса в части поиска оптимальных решений и разработки методик определения конкурентных цен на товары та же – необходимость обеспечения законности принимаемых регулятором решений, с одной стороны, а с другой – потребность в относительно предсказуемой и прогнозируемой регуляторной среде.

Особенности развития банковского бизнеса и торговли продовольственными товарами в деятельности цифровых экосистем

Говоря о сложностях определения справедливых рыночных цен на изменяющихся товарных рынках, нельзя не обратить внимание на проблему перекрестного субсидирования, которая характерна для многих направлений бизнеса (и даже проектов в рамках одного направления). Для любого предприятия характерно и нормально поддерживать за счет дающего прибыль направления или проекта перспективные, в настоящее время не приносящие необходимого для самофинансирования дохода направления, которые в рассматриваемый момент прибыль не приносят, а пока находятся в инвестиционном цикле, требующем вложений. Применяются подобные механизмы и государством для регулирования цен для социально менее защищенных участников рынков, например, на рынках железнодорожных перевозок, электроэнергетики или оказания таких коммунальных услуг как водоснабжение, теплоснабжение, водоотведение.

В то же время применение подобных мер на конкурентных товарных рынках или рынках, которые находятся на этапе становления может быть губительным для развития конкуренции, если такой бизнес субсидируется крупным участником рынка, в т.ч. цифровой платформой, которая намерена развивать бизнес в смежных сферах или непосредственно в реальном секторе, используя как финансовые, так и технологические ресурсы [2, с. 240]. Применительно к одному из таких рынков Я.И. Кузьминов на Петербургском международном юридическом форуме в 2025 году очень точно отметил, что на зарождавшемся как конкурентном, рынке агрегаторов такси, мы в настоящее время получили фактически монополиста. Вопрос ученого о том, как же так получилось, к сожалению, остался без ответа. Но не рискуем ли мы сегодня, фактически выстраивая иные подходы и отдельно обсуждая цифровые рынки именно в контексте развития цифро-

вых платформ, создать на рынках дисбалансы на традиционных рынках? В подобных ситуациях мы имеем дело с классическим поведением монополиста, который устанавливает низкую цену на товар, чтобы увеличить аудиторию своих потребителей, а после получения искомого охвата повышает ее. При этом затраты на скидки, которые фактически являются инвестицией компании в собственную деятельность, будут включены в такую цену, поскольку ей как рыночному участнику необходимо выпавшие доходы возместить. Возмещать их она будет в подобных случаях за счет своих клиентов.

Аналитические исследования деятельности экосистем указывают на имманентность перекрестного субсидирования деятельности их сервисов: именно за счет него поддерживается существование отдельных сервисов в рамках экосистемы, которые, вплетаясь в единый контур за счет систем лояльности, единого личного кабинета и т.д. формируют экосистему, оператор которой и получает возможность для расширения рынков присутствия и усиления своего положения на этих рынках [3, с. 113]. По этой причине высоки риски монополизации рынков, которые сейчас конкурентны или находятся в состоянии активного развития, что характеризует барьеры входа на них относительно равными, в т.ч. в силу отсутствия на отдельных рынках акторов, которые могут соответствовать параметрам вертикально-интегрированных компаний или выстраивания ими стратегий рыночного поведения, которые могут восприниматься как барьер.

В настоящее время такие риски мы видим в следующих двух тенденциях развития цифровых рынков в России. Первая тенденция заключается в том, что банковские структуры выстраивают экосистемы из цифровых платформ, что позволяет субсидировать деятельность участников цифровых рынков. Холдинги с участием банковских организаций в таких условиях получают значительные преимущества по отношению к иным участникам рынков, например, сервисов доставки еды, онлайн кинотеатров, сервисов путешествий и т.д., в части развития указанных направлений бизнеса. Локомотивом этого бурного развития являются банковские организации, которые, с одной стороны, финансируют непрофильные бизнесы как инвестиционные проекты, с другой, получают уже сейчас данные о привычках и поведении не только потребителей их профильных (банковских) услуг, но и непрофильных цифровых сервисов. Наивно при этом полагать, что инвестиции в развитие цифровых сервисов с сохранением их ценовой доступности банки возвращать не планируют. Логика поведения здесь та же – инвестировать в развитие сервисов со стратегией максимально возможного роста бизнеса с сохранением привлекательных цен с последующим возвратом убытков за счет изменения цен и особенностей сбытовой политики.

Вторая тенденция заключается в том, что сами цифровые компании, в т.ч. Ozon, Яндекс или Wildberries, развивают непрофильные для себя направления, такие как банковский бизнес или розничная реализация продовольственных товаров с совпадением каналов продаж с торговыми сетями. При этом в СМИ появляются публикации о интеграции упомянутых цифровых платформ с крупнейшими российскими банками, что может усилить возможности субсидирования как развитие основных производственных средств платформы, а также осуществлять перекрестное субсидирование пока развивающихся сервисов. Следовательно, подобные объединения с высокой вероятностью породят негативные экстерналии как на рынки присутствия цифровой платформы, усилив ее рыночное положение, так и рынок банковских услуг за счет получения банком-партнером доступа к более широкой аудитории потенциальных клиентов, а также программам лояльности цифровой платформы-партнера. При этом в таких объединениях речь идет о синергии уже действующих бизнесов со значительной рыночной властью, а не органическим развитием, пусть и крупного материнского), бизнеса в новые для него сектора. Поэтому упомянутый нами негативный для конкуренции рыночный эффект во времени наступит быстрее, его масштабы будут шире, в т.ч. за счет отсутствия временного промежутка, который требуется только запускаемому бизнесу на получение клиентской базы, запуск программ лояльности, а равно на стимулирование спроса на товары нового бизнеса через программы лояльности, запускаемые материнской структурой при реализации собственных товаров.

Что касается открытия цифровыми платформами иных направлений бизнеса, отметим бурное развитие в последнее время бизнеса по розничной продаже продовольственных товаров. Это развитие происходит в следующих условиях развития национального антимонопольного законодательства. Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – «Закон о торговле») и Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – «Закон о платформенной экономике»), не предусматривают одинаковых правил реализации продовольственных товаров через торговые сети и маркетплейсами. Указанное касается и воз-

можности получения товаров фактически на реализацию, и вопросов дополнительных услуг по продвижению товаров и скидок – для торговых сетей de lege lata установлен более жесткий режим осуществления хозяйственной деятельности. При этом маркетплейсы обладают не меньшей возможностью влияния на поведение производителей продовольственных товаров, если сравнивать это влияние с торговыми сетями. В дополнение к охвату аудитории, который имеют маркетплейсы, получая рыночную власть за счет сетевых эффектов, у них сохраняется возможность и перекрестного субсидирования развиваемых направлений. В свою очередь Закон о платформенной экономике в числе программ продвижения товаров регулирует скидки, субсидируемые за счет продавцов товаров на цифровых платформах, но не упоминает инвестиционные скидки операторов таких платформ. Такое положение дел, как представляется авторам настоящей статьи, позволяет операторам цифровых платформ определять политику инвестиционных скидок без ограничений действующего закона, оказывая дополнительное влияние на пользователей платформы – продавцов.

Применительно к рынку реализации продовольственных товаров в розницу оно создает неравное положение для цифровых платформ и торговых сетей: первые получают явные преимущества в развитии своего онлайн бизнеса, поскольку в отношении него не действуют какие-либо ограничения, сопоставимые с регулированием деятельности торговых сетей. В то же время с функциональной точки зрения реализация продовольственных товаров с доставкой в рамках последней мили от классического магазина торговой сети или от склада (т.н.з. dark store) не имеют существенных для рассматриваемого вопроса отличий. При этом, возвращаясь к вопросу перекрестного субсидирования, даже в рамках одной ветки бизнеса возможно субсидирование его офлайн части (которая, как представляется, подпадает под регулирование Закона о торговле) за счет онлайн части. В отличие от рассмотренных нами ранее девелоперского и автомобильного рынков, такая модель новый товар не создает, т.к. функционально товар не претерпевает схожих изменений, но происходит изменение каналов продаж товаров – в нашем примере продовольственных.

Таким образом, на примере рассмотренных выше товарных рынков мы видим в российском юридическом ландшафте дифференциацию в регулировании офлайн и онлайн бизнеса с созданием преференций к развитию операторов цифровых платформ через снижение нагрузки по сравнению с их офлайн конкурентами. Полагаем, что при наличии выявленного антимонопольным органом коллективного доминирования двух крупных маркетплейсов (согласно Аналитическому отчету о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов), подготовленному ФАС России), такой подход вряд ли можно назвать оправданным.

Таким образом, авторы настоящего исследования полагают, что вектор развития современного антимонопольного законодательства в основе своей должен иметь создание равных (недискриминационных) условий для развития как офлайн, так и онлайн бизнеса. Послабления, создающие преференций в онлайн, как представляется, могут быть предусмотрены как исключения с целью создания стимулов развития конкурентов работающим в России крупным акторам. Сформулировать подобные условия, как представляется, возможно через институт общих исключений, предусмотренный ч. 2 ст. 13 Закона о защите конкуренции, и позволяющий регулировать поведение участников товарных рынков как через ограничение договорных условий или наоборот – их допустимость, так и через размер долей на товарных рынках их участников. При этом такая мера вводится в действие постановлениями Правительства России, принятие или изменение которых гораздо более быстрый и гибкий процесс (по сравнению с изменением текущих законов). Таким образом, эта мера, с учетом высокой динамики развития цифровых рынков, позволит достаточно быстро адаптировать регулирование к меняющимся условиям.

Полагаем также разумным ввести ограничения на финансирование сервисов в рамках экосистем в части размеров и(или) источников финансирования деятельности и скидок на них, включая ограничения или полный запрет на перекрестное субсидирование. Например, полный запрет на перекрестное субсидирование может быть установлен адресно или при наличии установленного антимонопольным органом доминирующего положения одного из сервисов экосистемы на товарном рынке. Полный запрет на подобное субсидирование может быть введен для кредитных организаций в структурах экосистем, поскольку они обладают значительной ликвидностью, по сравнению с бизнесами других секторов, которая может использоваться для заемного или equity финансирования сервисов, входящих в создаваемые такими организациями или с их участием экосистемы.

Относительно включения кредитных организаций в экосистемы также полагаем разумным полный (или зависимый от рыночной доли оператора цифровой платформы и(или) кредитной организации) запрет на совмещение деятельно-

сти с операторами цифровых платформ в рамках одной группы лиц. Такой механизм, как представляется, позволит разграничить equity финансирование платформ от заемного финансирования, отсечь перекрестное фиксирование. При этом мы понимаем, что подобная реформа является весьма радикальной для российского рынка, поэтому ее внедрение, нет сомнения, должно быть поэтапным и не исключать из обсуждения не только Банк России, но и участников рынков. Отметим, что подобные решения не новы для российской правовой системы и активно применяются на рынке электроэнергетики для размежевания не только деятельности на конкурентных и неконкурентных рынках (совмещение генерации электрической энергии с ее передачей в границах одной ценовой зоны), но и майнинговой деятельности в т.ч. с ее генерацией или купле-продажей, для недопущения дефицитов выработки таковой и отпуска ее потребителям.

Также стоит принять во внимание, что текущие сложившиеся экосистемы, в которые кредитные организации включены, вряд ли можно будет эффективно разделить. По этой причине разумным решением применительно к ним представляется создание стимулов, возможно даже адресных, к конкурированию их сервисов с сохранением текущей корпоративной структуры. Нет сомнения, что такое решение содержит риски формирования олигополистических рынков, но конкуренция в такой структуре рынка тем не менее представляется приоритетнее наличия одного доминанта, чья рыночная власть не может быть никем уравновешена. Яркой иллюстрацией позитивных потребительских ожиданий даже от подобной структуры рынка стали публикации СМИ на фоне информации о планах Wildberries развивать направление агрегатора такси.

Полагаем, что предлагаемые нами меры позволят обеспечить сбалансированное антимонопольное регулирование цифровых товарных рынков, обеспечить возможности выхода на них новых игроков и, стимулировать конкуренцию между крупными акторами этих рынков. Отметим, что в ручном адресном регулировании деятельности последних не видим каких-либо существенных рисков для эффективного функционирования товарных рынков и стабильности правовой системы, поскольку, учитывая количество таких игроков, подход не приведет к казуистическому характеру антимонопольного законодательства, а напротив будет способствовать тонкой настройке регулирования рассматриваемых нами рынков. Более того, на момент написания настоящей работы ФАС России через выдачу предупреждений адресно регулирует деятельность ряда операторов цифровых платформ в России.

Заключение

В приведенном в статье анализе мы постарались на нескольких примерах продемонстрировать трансформации, которые проходят признаваемые традиционными товарные рынки, а также особенности развития бизнеса на цифровых товарных рынках в России. Такие изменения требуют как изменений действующего законодательства, так и подходов к анализу состояния конкуренции на соответствующих рынках, равно как и к определению товаров как таковых, особенно если свойства товара, который воспринимается как традиционный, в значительной степени начинают определяться цифровыми решениями.

Что же касается деятельности экосистем, то в регулировании их деятельности важное место занимают особенности финансирования отдельных сервисов и ценообразования на их товары (работы, услуги), а значит, допустимость или недопустимость перекрестного субсидирования, включая подмену заемного финансирования equity финансированием. Полагаем, что регулирование как текущей операционной деятельности, так и возможностей построения на рынке определенных корпоративных структур должно строиться вокруг решения относительно допустимости и границах допустимости перекрестного финансирования сервисов и источников такого финансирования. При этом эффективными институтами конкурентного права, которые могут позволить достичь баланса в регулировании, нам видятся контроль за экономической концентрацией применительно к сделкам, направленным на выстраивание структур из функционирующих предприятий, а также общие исключения для регулирования операционной деятельности акторов рынка. В то же время сделаем оговорку, что предложенные нами решения исходят из текущей конъюнктуры развития национальных товарных рынков с учетом экономических отношений с зарубежными правопорядками. Полагаем, что в условиях реальных возможностей выхода на российский рынок зарубежных игроков, приведенные выше меры должны быть пересмотрены для обеспечения баланса между протекционизмом в отношении национальных игроков и созданием (или снижением) разумных регуляторных барьеров для входа на национальный рынок зарубежных игроков, которые в настоящее время представлены в России несколько ограничено.

Список литературы:

[1] Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. – 2022. – № 3 (3). – С. 79-96.

[2] Борзило Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: Научно-практическое руководство. – М.: Статут, 2014. – 335 с.

[3] Бурова А.Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11. – С. 111 - 117.

[4] Варламова А.Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. – 2025. – № 4. – С. 6 - 12.

[5] Вознесенский Н.Н. Отмерив в шестой раз. О целесообразности изменения подхода к антимонопольному регулированию действий и соглашений правообладателей на рынках программного обеспечения // Юрист. – 2025. – № 10. – С. 41 - 51.

[6] Пузыревский С.А. К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. – 2024. – № 11. – С. 39 - 45.

[7] Розанова Н. М. Индустрия 5.0: золотой век или прыжок в темноту? / Н. М. Розанова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 61-77.

[8] Тараданкина А.А., Лисиченкова М.А. Методы доказывания монопольно высоких цен в практике антимонопольных органов // Закон. – 2024. – № 7. – С. 80 - 85.

[9] Nademi Niousha. The Hypothetical Monopolist Test Expanded - Quality Considerations through SSNDQ and SSNIC (June 11, 2025). // SSRN. URL: https://ssrn.com/abstract=5289169. (дата обращения: 15.05.2026).

References:

[1] Arutyunyan A.A., Berbeneva A.D. Evolution of Antimonopoly Regulation of Digital Platforms // Digital Law. - 2022. - No. 3 (3). - Pp. 79-96.

[2] Borzilo E.Yu. Antimonopoly Risks of Entrepreneurial Activity: Scientific and Practical Guide. - M.: Statut, 2014. - 335 p.

[3] Burova A.Yu. Digital Ecosystem as a Way of Doing Business: A Legal View // Actual Problems of Russian Law. - 2023. - No. 11. - Pp. 111-117.

[4] Varlamova A.N. Categories of “Digital Platform” and “Digital Commodity Market” for the Purposes of Competition Law // Competition Law. – 2025. – No. 4. – Pp. 6-12.

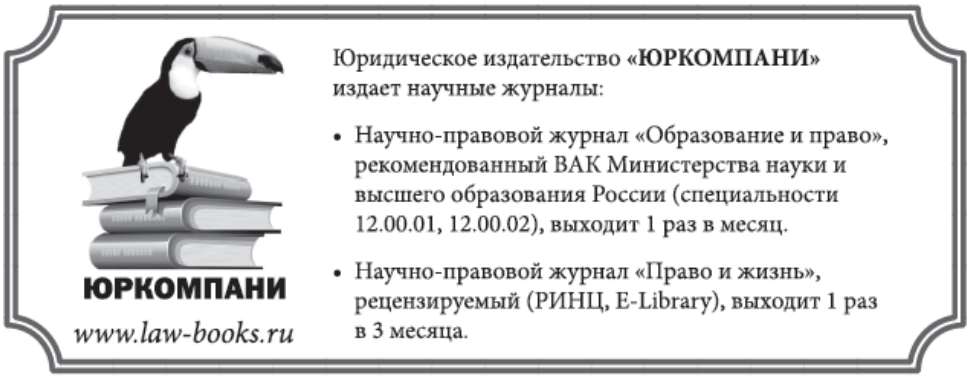
[5] Voznesensky N.N. Measuring for the Sixth Time. On the Expediency of Changing the Approach to Antimonopoly Regulation of Actions and Agreements of Copyright Holders in Software Markets // Jurist. – 2025. – No. 10. – Pp. 41-51.

[6] Puzyrevsky S.A. On the Issue of Abolishing Antimonopoly Immunities in Relation to Intellectual Property // Jurist. – 2024. – No. 11. – Pp. 39-45.

[7] Rozanova N.M. Industry 5.0: Golden Age or a Leap into the Dark? / N.M. Rozanova // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – No. 6. – Pp. 61-77.

[8] Taradankina A.A., Lisichenkova M.A. Methods of proving monopolistically high prices in the practice of antimonopoly authorities // Law. - 2024. - No. 7. - Pp. 80 - 85.

[9] Nademi Niousha. The Hypothetical Monopolist Test Expanded - Quality Considerations through SSNDQ and SSNIC (June 11, 2025). // SSRN. URL: https://ssrn.com/abstract=5289169. (Accessed: 15.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-222-225

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г.Грозный, e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, e-mail: mail@law-books.ru

ВИДЫ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. *Статья исследует виды посреднических договоров в гражданском праве России, их классификацию и проблемы применения в условиях цифровизации. Анализируются договоры поручения, комиссии, агентирования и медиации, их правовые особенности и судебная практика. Рассмотрены вопросы квалификации смешанных договоров и влияние международных стандартов. Предложены меры по адаптации законодательства к новым вызовам, включая регулирование электронных платформ.*

Ключевые слова: *посреднические договоры, договор поручения, агентский договор, медиация, цифровизация, судебная практика.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence, State National Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov

TYPES OF MEDIATION AGREEMENTS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the types of mediation contracts in Russian civil law, their classification, and application challenges in the context of digitalization. Contracts of mandate, commission, agency, and mediation are analyzed, along with their legal features and judicial practice. Issues of qualifying mixed contracts and the influence of international standards are considered. Measures to adapt legislation to new challenges, including the regulation of electronic platforms, are proposed.*

Key words: *mediation contracts, mandate contract, agency agreement, mediation, digitalization, judicial practice.*

Договор поручения, закрепленный в ст. 971 Гражданского кодекса РФ, представляет собой соглашение, по которому одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия [1]. Ключевым признаком договора является его безвозмездный характер по умолчанию, если иное не предусмотрено соглашением или законом. Например, доверитель может обязаться выпла-

тить вознаграждение поверенному, но отсутствие такого условия не делает договор недействительным. Второй признак — фидуциарность, то есть доверительный характер отношений, требующий от поверенного добросовестности и лояльности.

Фидуциарная природа договора проявляется в праве доверителя отменить поручение, а поверенного — отказаться от него в любой момент (п. 1 ст. 977 ГК РФ). Это отличает поручение от возмездных договоров, где односторонний отказ обычно ограничен. «Как отмечает М.И. Брагинский, фидуциарность также обязывает поверенного действовать исключительно в интересах доверителя, избегая конфликтов» [3]. Примером служит представительство в суде: адвокат, действуя по поручению, не вправе принимать решения, противоречащие позиции клиента [4].

Судебная практика подчеркивает специфику договора поручения. В Постановлении Пленума ВС РФ № 45 от 29.11.2021 указано, что действия адвоката в рамках поручения должны строго соответствовать полномочиям, указанным в доверенности [5]. Нарушение этого принципа, например, подписание мирового соглашения без согласия доверителя, влечет недействительность сделки. При этом поверенный несет ответственность за убытки, причиненные недобросовестным исполнением обязанностей (ст. 993 ГК РФ).

От договора возмездного оказания услуг поручение отличается направленностью на юридические действия, а не на выполнение фактических работ. Например, юрист, составляющий исковое заявление, действует по договору услуг, а при подаче его в суд — по поручению. «Как указывает В.В. Витрянский, грань между этими договорами часто размыта, что требует тщательного анализа условий» [2].

Современные вызовы связаны с цифровизацией. Электронные доверенности (ст. 185.1 ГК РФ) упростили оформление поручений, но повысили риски мошенничества. «Для минимизации злоупотреблений Е.А. Суханов предлагает внедрить обязательную двухфакторную аутентификацию при выдаче цифровых полномочий» [6].

Договор комиссии регулирует отношения, при которых комиссионер обязуется совершить от своего имени, но за счет комитента одну или несколько сделок. Ключевая особенность — комиссионер выступает самостоятельным участником сделки, приобретая права и обязанности, которые впоследствии передаются комитенту. Например, риелторское агентство, заключая договор купли-продажи квартиры от своего имени, действует в интересах клиента, но формально становится стороной сделки.

Комиссионер не становится собственником имущества, даже если временно владеет им. Его задача — исполнить поручение комитента, соблюдая условия договора. Вознаграждение комиссионера обычно составляет процент от суммы сделки, что стимулирует эффективность. Если комитент отказывается от принятия исполнения, комиссионер вправе требовать компенсации расходов и выплаты вознаграждения.

Судебная практика демонстрирует типичные споры по договору комиссии. В деле № А40-54321/2022 агентство недвижимости заключило сделку по цене ниже согласованной с клиентом. Суд обязал агентство возместить разницу, так как комиссионер превысил полномочия, нарушив инструкции комитента. Это подчеркивает важность четкого определения условий в договоре, включая ценовые рамки и порядок согласования действий.

Комиссионер несет ответственность за сохранность имущества комитента. Например, при передаче товара на реализацию он обязан обеспечить его целостность и страхование. Убытки, возникшие по вине комиссионера (утрата, повреждение), подлежат возмещению. Однако если ущерб вызван обстоятельствами, которые невозможно было предвидеть (форс-мажор), ответственность снимается.

Прекращение договора комиссии возможно по инициативе любой стороны. Комитент вправе отменить поручение, компенсировав комиссионеру понесенные расходы. Комиссионер может отказаться от исполнения, если это не нанесет ущерба комитенту. Например, при банкротстве комитента или утрате доверительных отношений.

Договор комиссии широко применяется не только в сфере недвижимости, но и в торговле, логистике, на фондовом рынке. Брокеры, действуя как комиссионеры, заключают сделки с ценными бумагами от своего имени, но в интересах клиентов. Это позволяет инвесторам минимизировать риски и сосредоточиться на стратегии.

Главное преимущество договора — гибкость. Комитент сохраняет анонимность в сделках, а комиссионер использует профессиональные навыки для достижения результата. Однако риск злоупотреблений требует детальной проработки условий, включая отчетность, сроки и механизмы контроля.

Агентский договор представляет собой гибридную модель, сочетающую элементы поручения и комиссии. В соответствии со ст. 1005 ГК РФ, агент обязуется совершать юридические и фактические действия от своего имени или от имени принципала за вознаграждение. Гибкость договора позволяет сторонам адаптировать его условия под специфику разных сфер, таких как реклама, логистика и IT-услуги. Например, рекламное агентство, действуя от своего имени, заключает договоры с медиаплощадками, продвигая продукт принципала.

В отличие от договора поручения, агент может действовать как от имени принципала, так и от собственного, что расширяет его полномочия. В сравнении с комиссией, агентский договор охватывает не только сделки, но и фактические действия (например, проведение маркетинговых исследований). Это делает его универсальным инструментом для длительного сотрудничества. Например, логистический агент не только организует доставку грузов, но и взаимодействует с таможней, страховыми компаниями и складами.

В рекламной индустрии агенты управляют бюджетами, размещают объявления и анализируют эффективность кампаний. В IT агентский договор используется для продвижения программного обеспечения: разработчик передает права на распространение продукта агенту, который заключает лицензионные соглашения с клиентами. В логистике агенты оптимизируют цепочки поставок, подбирая перевозчиков и контролируя сроки.

Вознаграждение агента может быть фиксированным, процентным от суммы сделок или комбинированным. Например, в digital-маркетинге агент часто получает процент от рекламного бюджета. Если договор предусматривает действие агента от имени принципала, расходы (на рекламу, транспорт) обычно возмещаются отдельно.

Агентский договор может быть прекращен по соглашению сторон, истечению срока или одностороннему отказу. Принципал вправе отказаться от договора, выплатив агенту вознаграждение за выполненные действия. Агент, в свою очередь, обязан уведомить принципала заранее, чтобы минимизировать убытки. Например, при расторжении договора с IT-агентом разработчик должен получить доступ к аккаунтам и данным клиентов.

Агент несет ответственность за нарушение условий договора, например, за срыв сроков поставки или недостоверную рекламу. Принципал обязан компенсировать расходы, связанные с исполнением поручения, если они были одобрены. Споры часто возникают из-за размытых формулировок в договоре, поэтому важно четко прописывать цели, полномочия и порядок отчетности.

Ст. 421 ГК РФ закрепляет принцип свободы договора, позволяя сторонам комбинировать элементы различных соглашений в рамках одного документа. Смешанные договоры обеспечивают гибкость, адаптируя правовые конструкции под уникальные условия сотрудничества. Например, сочетание агентского договора и франшизы позволяет объединить обязанности по продвижению бренда (франчайзинг) с индивидуальным поиском клиентов (агентирование).

В деле № А56-7890/2023 компания-франчайзор передала агенту право использовать товарный знак и бизнес-модель, обязав его одновременно привлекать клиентов по агентской схеме. Агент получал вознаграждение как за выполнение плана продаж, так и за каждую заключенную сделку. Суд признал договор смешанным, выделив в нем элементы франчайзинга (лицензия на бренд) и агентирования (поиск контрагентов).

Главное преимущество смешанных договоров — возможность учесть специфику проекта без нарушения законодательства. Например, в логистике совмещают договор перевозки и хранения, оптимизируя цепочку поставок. Однако нечеткое распределение обязанностей ведет к спорам. В кейсе № А56-7890/2023 суд указал, что условия о штрафах за невыполнение плана продаж относятся к франчайзингу, а требования к отчетности — к агентированию.

Чтобы минимизировать риски, необходимо:

– Четко разделять в тексте элементы разных договоров;
– Указывать, какие нормы ГК РФ применяются к каждому блоку;
– Исключать противоречия между условиями.

Смешанные договоры остаются мощным инструментом, но требуют профессиональной юридической проработки.

Современные вызовы требуют пересмотра традиционной классификации посреднических договоров. Внедрение цифровых стандартов и гармонизация с международным правом — ключевые направления развития.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

[2] Витрянский, В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / В. В. Витрянский. — М. : Статут, 2020. — 736 с.

[3] Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский. — М. : Статут, 2011. — 1056 с.

[4] Алексеев, С. С. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев. — М. : Проспект, 2022. — 768 с.

[5] Постановление Пленума ВС РФ № 45 от 29.11.2021 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о защите прав потребителей» // Бюллетень ВС РФ. — 2022. — № 1.

[6] Суханов, Е. А. Цифровые активы в гражданском праве / Е. А. Суханов // Закон. — 2023. — № 3. — С. 12–19.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.04.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 5. - Art. 410.

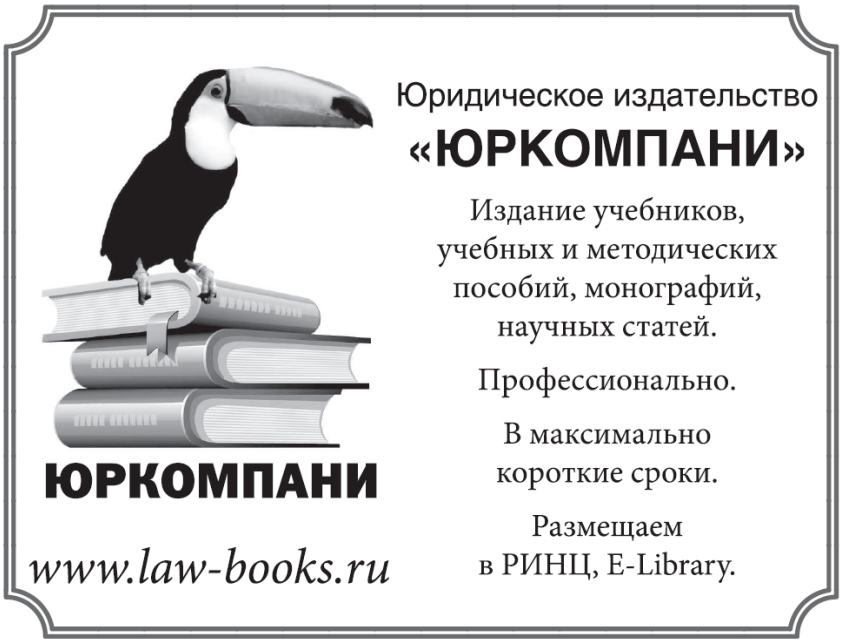
[2] Vitryansky, V.V. Contract Law. Contracts for the performance of work and the provision of services/V.V. Vitriansky. - M.: Statute, 2020. - 736 s.

[3] Braginsky, M. I. Contract Law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services/M. I. Braginsky. - M.: Statute, 2011. - 1056 s.

[4] Alekseev, S. S. Civil law: textbook/S. S. Alekseev. - M.: Prospect, 2022. - 768 s.

[5] Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces No. 45 of 29.11.2021 " On Certain Issues of Judicial Practice in Consumer Protection Cases "// Bulletin of the RF Armed Forces. — 2022. — № 1.

[6] Sukhanov, E. A. Digital assets in civil law/E. A. Sukhanov//Law. — 2023. — № 3. - S. 12-19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-226-232
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ВАСИЛЬЕВА Евгения Григорьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
Краснодар, Россия,
e-mail: vasileva_e80@mail.ru

БАЙТОКОВА Камилла Мухаджировна,
Студентка, бакалавр,
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
Краснодар, Россия,
e-mail: kamilla.baytokova@mail.ru

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПЕНИ ПО РОССИЙСКОМУ НАЛОГОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Аннотация. *Работа посвящена комплексному исследованию правовой природы института пени, занимающему важное место в гражданском праве и налоговом праве. Актуальность заключается в кардинальных изменениях в налоговом законодательстве, произошедших в результате принятия Федерального закона от 14.07.2022 № 263-ФЗ, внедрившего совокупную обязанность, ЕНС, ЕНП и существенно изменившего порядок начисления, взимания налоговых пеней, вызвав множество вопросов в правоприменительной практике. Авторы отмечают, что ожидаемые в 2026 году изменения в рамках Федерального закона № 425-ФЗ от 28.11.2025 года свидетельствуют о непрерывной адаптации института пени к меняющимся цифровым решениям в обновленных правовых условиях налогового администрирования в РФ. Авторами установлена сложная, видоизмененная правовая природа института пени в контексте законодательных новелл (Федерального закона от 14.07.2022 г. № 263-ФЗ и Федерального закона № 425-ФЗ от 28.11.2025 г.), требующая существенных изменений системы сложившихся институтов налогового права в результате влияния на формирование обновленной системы финансового права в РФ.*

Ключевые слова: *пеня, правовая природа, совокупная обязанность, единый налоговый счет (ЕНС), единый налоговый платеж (ЕНП), способы обеспечения исполнения обязательств, элементы, гражданско-правовая конструкция.*

VASILYEVA E.G.,
Candidate of Law, Associate Professor,
North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice after V.M. Lebedev,
Krasnodar, Russia

BAYTOKOVA K.M.,
Student, bachelor North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice after V.M. Lebedev, Krasnodar, Russia

ON THE LEGAL NATURE OF PENATIES UNDER RUSSIAN TAX LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE LEGISLATIVE NOVELS

Annotation. *The work is devoted to a comprehensive study of the legal nature of the institution of penalties, which occupies an important place in civil law and tax law. The relevance lies in the fundamental changes in tax legislation that occurred as a result of the adoption of Federal Law № 263-FZ dated 07.14.2022, which introduced the combined duty, the ENS, and the EPP and significantly changed the procedure for calculating and collecting tax penalties, raising many questions in law enforcement practice. The authors note that the changes expected in 2026 within the framework of Federal Law №425-FZ dated 11.28.2025 indicate the continuous adaptation of the institute of penalties to changing digital solutions in the updated legal conditions of tax administration in the Russian Federation. The authors have established the complex, modified legal nature of the institution of penalties in the context of legislative innovations (Federal Law № 263-FZ of 07.14.2022 and Federal Law № 425-FZ of 11.28.2025) requiring significant changes in the system of established tax law institutions as a result of the impact on the formation of the updated system of financial law in the Russian Federation.*

Key words: *penalty fee, legal nature, unified tax bill (ENS), ways to ensure the fulfillment of obligations, measure of responsibility.*

Согласно определению, представленному в «Толковом словаре Ожегова», пеня - это денежное взыскание или штраф, применяемый за несвоевременное исполнение обязательств, установленных законом или договором за просрочку платежа [14].

В соответствии со статьей 330 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник должен уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств [2].

В науке гражданского права, как подчеркивает Е.А. Суханов, пеня представляет собой заранее установленную законом или договором денежную сумму, подлежащую уплате должником кредитору при несоблюдении условий обязательства или ненадлежащем их исполнении [10].

Институт пени, берет свое начало еще в римском праве. Изначально он представлял собой двойственное правовое образование, сочетающее в себе возместительную и санкционную функции, служил важным механизмом для надлежащего обеспечения обязательств.

В российском дореволюционном праве, которое во многих аспектах правового регулирования опиралось на римское право, неустойка традиционно рассматривалась как предварительно установленная денежная сумма. Тем не менее, из-за отсутствия закрепленного законом механизма для её изменения, размер неустойки часто не соответствовал реальному, возникшему в результате нарушения обязательств ущербу. Согласно этой концепции, пени представляют собой сумму, заранее согласованную сторонами для компенсации потенциальных потерь кредитора, которые возникают вследствие нарушения обязательства. О.С. Иоффе, один из представителей данной теории характеризовал пени как «ликвидные убытки» - то есть убытки, заранее оцененные и зафиксированные сторонами [11]. Такой подход значительно упрощал процесс возмещения, и избавлял кредитора от необходимости доказывать причинно-следственную связь и определенный размер убытков в каждом конкретном случае. О.С. Иоффе также отмечал, что размер пени мог быть установлен выше фактических убытков, если на то имелось соглашение сторон. Однако в этой теории присутствуют недостатки, она не в полной мере объясняет штрафной характер пени, который проявляется в возможности их взыскания, даже при отсутствии реального ущерба [11]. Кроме того, значительное расхождение между заранее определённым размером пени и фактическим убытками, может привести к несправедливости в отношении одной из сторон.

В советский период в условиях плановой экономики преобладала штрафная функция неустойки, а её компенсаторное значение было практически утрачено. Основная роль пени заключалась в стимулировании должника к надлежащему и своевременному исполнению обязательств, а также в дисциплинировании участников гражданских правоотношений. Цивилисты, такие как М.И. Брагинский и В.В. Витрянский в своих научных трудах по договорному праву подчёркивали, что неустойка служит не только возмещением потерь кредитора, но и выполняет функцию «предупреждения нарушения договорных обязательств» [9].

В современной российской цивилистической доктрине, наиболее распространенным является дуалистический подход. Он рассматривает пени как инструмент, одновременно выполняющий две ключевые функции: компенсационную - направленную на возмещение убытков кредитора и штрафную - выступающую в качестве санкций за нарушение обязательств. Таким образом, пени не только стимулируют должника к надлежащему исполнению обязательств, но и обеспечивают возмещение потерь кредитора, при их неисполнении или ненадлежащем исполнении.

В.Ф. Яковлев в своих исследованиях подчеркивал комплексный характер пени. Он отмечал, что пени выполняют как компенсаторную, так и стимулирующую функцию, а в некоторых случаях могут рассматриваться как мера ответственности [16].

Важным аспектом в понимании института пени в гражданском праве является необходимость соблюдения баланса интересов сторон. Этот принцип предполагает справедливое соотношение между размером пени и фактическими или потенциальными последствиями нарушения обязательства. Так чрезмерно высокая пеня может быть расценена как неосновательное обогащение кредитора, что нарушает основополагающий принцип равенства участников гражданских правоотношений. И наоборот, слишком низкий размер пени не сможет обеспечить должную защиту прав кредитора и утратит стимулирующую функцию для должника к надлежащему исполнению обязательств [6]. В данном контексте А.Г. Карапетов подчёркивал, основополагающее значение права суда на снижение неустойки, в случае её несоразмерности последствиям нарушения. Он рассматривал принцип соразмерности, как важнейшей инструмент для защиты должника от безосновательных требований кредитора и его необоснованного обогащения [13].

Для обеспечения данного баланса российское законодательство предусматривает конкретные механизмы. Ключевым является статья 333 ГК РФ, дающая суду право уменьшать явно несоразмерную неустойку. Однако данная возможность действует только в рамках гражданского права, в налоговом законодательстве пеня имеет строго фиксированный размер и не подлежит снижению в судебном порядке. Таким образом, институт пени находит свое применение не только в гражданском, но и в налоговом законодательстве.

В статье 75 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ), пени - это гражданско-правовой институт в налоговом праве, гражданско-правовая конструкция, механизм, отличающийся по своему содержанию от гражданско-правового аналога. В соответствии с указанной статьей, пени представляют собой денежную сумму, подлежащую внесению налогоплательщиком, плательщиком сбора или налоговым агентом в случае не своевременной уплаты налогов или сборов [3]. Иными словами, это финансовая санкция за нарушение сроков уплаты обязательных платежей в бюджет.

Несмотря на схожее название и определенную внешнюю аналогию с гражданским правом, сущность пени, как правового института, подвергается существенной трансформации, при применении в сфере налогового законодательства. Происходит видоизменение данного института с учётом особенностей налоговых правоотношений. Как подчёркивает М.В. Карасёва, применение гражданско-правовых конструкций в налоговом праве представляет собой многогранный и неоднозначный процесс, который требует не простого заимствования, а тщательной адаптации и модификации [18]. Обязательным является учёт специфики налогового регулирования, его целей публично-правовой природы. Признавая неразрывную связь между гражданским и налоговым правом, необходимо подчеркнуть важность сохранения их самостоятельности. М.В. Карасёва акцентирует внимание на том, что налоговые правоотношения, будучи публично-правовыми по своей природе, зачастую возникают на основе гражданско-правовых действий, таких как сделки или договоры [18]. Гражданское право формирует экономическую основу имущественных правоотношений, которые впоследствии становятся объектом налогообложения. Тем не менее, несмотря на эту взаимосвязь, налоговое право не является лишь отражением гражданского права. Оно преследует собственные фискальные и регулирующие цели, имеет уникальные принципы и методы правового регулирования, которые могут не совпадать с гражданско-правовыми нормами [12]. Применение гражданско-правовых институтов в налоговом праве имеет свои ограничения и особенности. М.В. Карасёва отмечает недопустимость переноса гражданско-правовых понятий без учета публично-правовой специфики налогового законодательства [18].

Налоговое законодательство должно обладать правом на собственную интерпретацию гражданско-правовых терминов для достижения целей налогообложения. Примером может случить расширенное или суженное толкование понятий «доход», «реализация», «имущество» в налоговом контексте по сравнению с гражданским правом. Принцип автономии налогового права позволяет устанавливать собственные правила классификации юридических фактов для целей налогообложения, даже если они расходятся с гражданско-правовой квалификацией. Также прямое заимствование гражданско-правовых конструкций связано с существенными проблемами. Различия в целях и методах регулирования: гражданское право фокусируется на равенстве и автономии воли частных лиц (диспозитивный метод), тогда как налоговое право регулирует публично-правовые отношения на основе властного подчинения (императивный метод).

Убеждены, что простое перенесение норм без учёта этой специфики может нарушать баланс интересов сторон и эффективность регулирова-

ния. Прямое заимствование создает риски злоупотребления правом, использования формальных гражданско-правовых сделок, без реального экономического содержания. М.В. Карасёва подчёркивает необходимость чёткого законодательного регулирования, поскольку многие проблемы возникают из-за пробелов и недостаточной ясности налогового законодательства [18]. Более полное и точное регулирование этих вопросов на законодательном уровне позволит минимизировать произвольное правоприменение и обеспечит предсказуемость налоговых последствий гражданско-правовых сделок [12].

Судебная практика играет ключевую роль в преодолении коллизий между гражданским и налоговым правом. Судебные органы Российской Федерации формируют подходы к толкованию и применению гражданско-правовых конструкций в налоговых спорах, определяют границы и условия такого применения, разрешают возникшие противоречия между формальной гражданско-правовой квалификацией и налогово-правовой сущностью.

М.В. Карасёва в своих научных трудах настаивает на независимости налогового права и налогового законодательства вопросах квалификации юридических фактов и отношений, даже если последние регулируются гражданским правом [12]. Она акцентируют внимание на том, что налоговое законодательство, руководствуясь общественными интересами, вправе и должно отступать от буквального толкования гражданско-правовых норм, принимая во внимание экономическую сущность операций [18].

Именно эти принципы лежат в основе изменений, внесенных в систему уплаты налогов и начисления пени с 1 января 2023 года, вступлением в силу Федерального закона от 14.07.2022 № 263-ФЗ [4]. Ключевое нововведение заключается в унификации объекта начисления пени, которая теперь не детализируется по конкретным видам налогов, а рассчитывается исходя из общей суммы задолженности по единому налоговому счету. До 2023 года пеня начислялась на сумму недоимки по каждому конкретному налогу, сбору или страховому взносу, если соответствующие обязательства не были исполнены в установленный срок. Это требовало от налогоплательщика и налогового органа детального учёта по каждому виду обязательства [4].С введением ЕНС согласно новой редакции пункта 1 статьи 75 НК РФ, пени начисляются исключительно на сумму отрицательного сальдо единого налогового счёта налогоплательщика [4]. Это означает, что пеня возникает не тогда, когда пропущен срок уплаты конкретного налога (например, налог на добавленную стоимость, налог на прибыль организаций), а лишь в том случае, если общий баланс денежных средств, учтенных на ЕНС налогоплательщика становится отрицательным, то есть когда общая сумма его налоговых обязательств превышает сумму внесённых им платежей.

Единый налоговый счёт (ЕНС) - это механизм учёта начисленных и уплаченных налогов, сборов и страховых взносов для каждой организации или физического лица, на котором формируется совокупная налоговая обязанность. ЕНС функционирует как единый баланс, банковский счет или «кошелёк» налогоплательщика, куда поступают все его платежи (ЕНП) и откуда списывают все налоговые обязательства в очередности установленной Налоговым кодексом РФ. Если на ЕНС недостаточно средств для покрытия всех обязательств, даже если по отдельным налогам срок уплаты наступил, пеня не начисляется, поскольку общее сальдо не является отрицательным. Момент возникновения и исчисления пени также изменился, она начисляется со дня возникновения отрицательного сальдо на ЕНС. Например, если налогоплательщик должен был уплатить налог 28 числа, но средства на ЕНС поступили только 30 числа, и в период с 28 по 29 число сальдо было отрицательным, пеня будет начислена за эти два дня. Если же на 28 число на ЕНС имелась достаточная сумма (например, за счёт переплаты по-другому налогу), то отрицательные сальдо не возникает, и пеня начислена не будет [4]. Этот подход призван, стимулировать налогоплательщиков к поддержанию положительного или нулевого сальдо на своем ЕНС, предоставляя им большую гибкость управления своими налоговыми платежами, обязательствами. Сами ставки пени, установленные пунктами 2, 3, 4 статьи 75 НК РФ, после введения ЕНС не изменились, но теперь они применяются к сумме отрицательного сальдо. Для организаций сохраняется дифференцированный подход: за просрочку до 30 календарных дней включительно начисляется в размере 1/300 ключевой ставки Центрального Банка РФ, а с 31 дня просрочки далее - в размере одна 1/150 ключевой ставки. Для физических лиц (включая индивидуальных предпринимателей) ставка остается единой - 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ за каждый календарный день просрочки независимо от её длительности [3].

С 1 января 2025 года закреплено правило, мораторий, согласно которому, пени исчисляется на сумму недоимки, превышающей положительное сальдо единого налогового счёта (ЕНС) на соответствующий календарный день просрочки, увеличенное на сумму резервированных средств. Это положение введено пунктом 3 статьи 75 НК РФ и действует на постоянной основе [4].

В рамках налоговой реформы 2026 года, ввиду принятия Федерального закона № 425-ФЗ

от 28.11.2025 года [5], законодатель предлагает дополнительно закрепить, что основанием для формирования задолженности на ЕНС будут решения контролирующих органов об отмене ранее предоставленной отсрочки или рассрочки при нарушении ее условий налогоплательщиком [5]. В этом случае соответствующая сумма будет отражаться на ЕНС со дня, следующего за истечением одного месяца со дня принятия такого решения. Отметим, что в настоящее время порядок отражения таких сумм не урегулирован. Следует указать, что при взыскании государственной пошлины по решению суда, задолженность по ней отражается на ЕНС со дня выдачи судом исполнительного документа [3]. Поправками вводятся более гибкие варианты момента отражения денежных средств. Сумма может быть отражена со дня, следующего за датой, с которой судебный акт подлежит исполнению; либо со дня, следующего за истечением трёхмесячного срока со дня вступления решения суда в силу; либо со дня выдачи судом исполнительного документа [5]. Уточняется ситуация с приостановлением действия актов. На ЕНС не будут отражаться суммы налогов, сборов, страховых взносов, указанные в акте налогового органа. Даже если действие такого акта приостановлено судом или вышестоящим налоговым органом - запись не появится до отмены приостановки судом или принятия решения вышестоящим органом [5]. В настоящий момент аналогичные права действуют лишь в отношении решения о привлечении к ответственности, новелла расширяет сферу применения и на иные акты. Наконец, суммы налогов временно не уплачиваемые в связи с рассмотрением заявления о предоставлении отсрочки или рассрочки, не будут отражаться на ЕНС до вступления в силу решения о предоставлении или об отказе в предоставлении такой меры [5]. При этом следует отметить, что в спорных или оспариваемых ситуациях, пеня не начисляется, что способствует сокращению количества налоговых споров. Таким образом, предложенные изменения призваны снизить правовую неопределённость при учете задолженностей, но при этом требуют от налогоплательщика внимательного контроля над сроками и уведомлениями.

Ученые и практики анализируют последствия внедрения ЕНС и отмечают, как потенциальные преимущества в виде упрощения администрирования и повышение гибкости для налогоплательщиков, так и возможные проблемы, связанные с контролем за ЕНС и риском, когда одна небольшая недоимка может повлечь за собой начисление пени на всю сумму отрицательного сальдо ЕНС и повлиять на размер совокупной обязанности. Отметим практические последствия для налогоплательщиков. С внедрением ЕНС и связанные с ним изменения порядка начисления пени признаны упростить налоговое администрирование и контроль для налогоплательщиков. Налогоплательщики получили возможность более гибко управлять своими расчётами с бюджетом. Наличие переплаты по одному из виду налога автоматически перекрывают недоимку по-другому, предотвращая начисления пени, если общее сальдо на ЕНС остается положительным или нулевым, с учетом положений п.8 ст.45 НК РФ.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Федеральный закон от 14.07.2022 года 263-ФЗ внедрил в налоговую систему Российской Федерации инновационный институт «совокупной обязанности», и такие новые категории как: ЕНС, ЕНП, сальдо ЕНС и задолженность как новый структурный элемент, отличный как по правовой природе так и по содержанию от недоимки. Данное нововведение привело к переконструированию и полной модернизации отдельных институтов налогового права, что представляет собой трудоемкий и многогранный процесс, требующий всестороннего научного исследования. Поскольку переход от института «налогового обязательства» к «совокупной обязанности» требует более детального и комплексного анализа в рамках науки финансового права, а также обновленного подхода к интеграции действующего законодательства в РФ и формирования новой системы финансового права и налоговой системы РФ соответственно. Трансформация налогового обязательства в совокупную обязанность выступает новым шагом к более справедливой, прозрачной и эффективной налоговой системе, отвечающей требованиям проводимой цифровизации в обществе. Трансформация гражданско-правовых конструкций в налоговом праве отвечающих за цифровизацию налоговой системы в России открывает новые горизонты для государственной финансовой политики и принципиально изменяет традиционные подходы к налоговому администрированию в РФ.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 28.11.2025) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[3] Федеральный закон от 12.07.2024 № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 29. Ст. 4245.

[4] Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, от-дельные законодательные акты Российской Федерации и признании утра-тившими силу законодательных актов (отдельных положений законодатель-ных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 48. Ст. 6789.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 263-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (в ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Граждан-ского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5. Ст. 2; 2021. № 8. Ст. 4.

[7] Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения: в 5 кн. Кн. 1 / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. - 3-е изд., стереотип. - Москва: Статут, 2011. - 840 с.

[8] Винницкий, Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики: монография. - Москва: Статут, 2023. - 480 с.

[9] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2008. - 720 с.

[10] Иоффе, О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право. -Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. — 837 с.

[11] Карасева, М. В. Финансовое правоотношение - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 288 с.

[12] Карапетов, А. В. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. - Москва: Статут, 2005. - 286 с.

[13] Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. - Москва: Мир и Образование, 2024. - 1376 с. - ISBN 978-5-94666-876-5.

[14] Пепеляев, С. Г. Налоговое право: учебник. - Москва: Юристъ, 2004. - 591 с.

[15] Яковлев, В. Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. - Москва: Статут, 2012. - 952 с.

[16] Карасева, М. В. Гражданско-правовые конструкции в налоговом пра-ве // Финансовое право. - 2015. - № 12. - С. 3-10.

[17] Кудряшова, Е. В. Эволюция института пени в налоговом праве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2023. - № 2 (151). - С. 138-147.

[18] Савицкая, А. С. Пени в системе налоговых санкций: дискуссионные вопросы правовой природы // Налоги. - 2021. - № 2. - С. 15-21.

[19] Цинделиани, И. А. Совокупная обязанность в системе налогового права России / И. А. Цинделиани, Е. Г. Васильева // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. - 2025. - № 2. - С. 21-37.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ (as amended by 31.07.2025) //RF NW. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Tax Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 31.07.1998 dated 146-FZ (as amended by 28.11.2025) //RF NW. 1998. № 31. Art. 3824.

[3] Federal Law of 12.07.2024 No. 263-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation “//SZ RF. 2024. № 29. Art. 4245.

[4] Federal Law of 28.11.2025 No. 425-FZ “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Separate Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition of Legislative Acts (Individual Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation as Valid “//NW of the Russian Federation. 2025. № 48. Art. 6789.

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2000 No. 263-O// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. № 2.

[6] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended by 22.06.2021) “ On the application by the courts of certain provisions of the Citizens’ Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 5. Art. 2; 2021. № 8. Art. 4.

[7] Braginsky, M.I. Contract Law. General provisions: 5 books Kn. 1/M.I. Braginsky, V.V. Vitriansky. - 3rd ed., Stereotype. - Moscow: Statute, 2011. - 840 s.

[8] Vinnitsky, D. V. Russian tax law: problems of theory and practice: monograph. - Moscow: Statute, 2023. - 480 s.

[9] Civil law: textbook: in 4 vols. 1: General part/ rev. ed. E.A. Sukhanov. - 4th ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2008. - 720 s.

[10] Ioffe, O.S. Selected works: in 4 vols. T. 3: Compulsory law. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 837 p.

[11] Karaseva, M.V. Financial legal relationship - 2nd ed., Revised. and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2017. - 288 p.

[12] Karapetov, A. V. Forfeit as a means of protecting the rights of the creditor in Russian and foreign law. - Moscow: Statute, 2005. - 286 s.

[13] Ozhegov, S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions/ed. L. I. Skvortsova. - 28th ed., Revised. - Moscow: World and Education, 2024. - 1376 p. - ISBN 978-5-94666-876-5.

[14] Pepeliaev, S. G. Tax law: textbook. - Moscow: Lawyer, 2004. - 591 s.

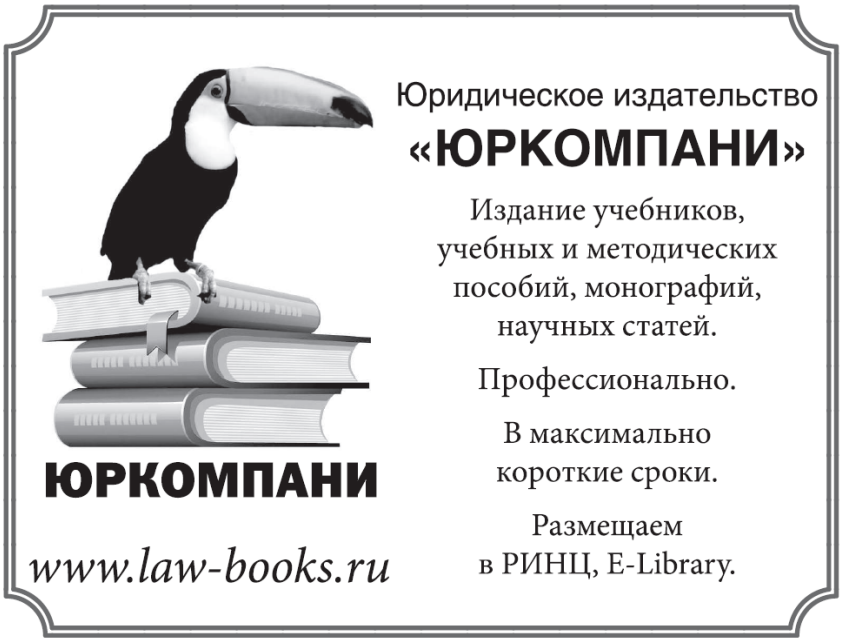
[15] Yakovlev, V.F. Selected works. Vol. 2: Civil law: history and modernity. - Moscow: Statute, 2012. - 952 s.

[16] Karaseva, M. V. Civil Law Structures in Tax Law//Financial Law. - 2015. - № 12. - S. 3-10.

[17] Kudryashova, E.V. Evolution of the Institute of Penalties in Russian Tax Law//Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2023. - № 2 (151). - S. 138-147.

[18] Savitskaya, A. S. Peni in the system of tax sanctions: debatable issues of a legal nature//Taxes. - 2021. - № 2. - S. 15-21.

[19] Tsindeliani, I. A. Cumulative duty in the tax law system of Russia/I. A. Tsindeliani, E. G. Vasilyeva//Bulletin of Moscow University. Series 26. Government audit. - 2025. - № 2. - S. 21-37.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-233-236

МАГОМАДОВА Э.И.,
Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: zeka0708@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РАЗГРАНИЧЕНИЕ РОЗНИЧНОЙ И ОПТОВОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблематика обретает дополнительную весомость в свете двойственной задачи: с одной стороны, требуется обеспечить надёжную охрану прав конечного приобретателя — лица, заведомо более уязвимого в экономическом плане во взаимоотношениях с профессиональным торговцем, а с другой — гарантировать устойчивость и прогнозируемость коммерческих связей в оптовой сфере. От того, насколько верно будет определена юридическая природа конкретного соглашения, напрямую зависит установление подлежащего применению регуляторного режима, объём корреспондирующих прав и обязанностей контрагентов, набор мер принуждения и инструментарий восстановления нарушенных имущественных интересов.*

Ключевые слова: *право, договор, купля-продажа, договор поставки, договор розничной купли-продажи, товар, цена.*

MAGOMADOVA E.I.,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny

COMPARATIVE CHARACTERISTICS AND DIFFERENTIATION OF RETAIL AND WHOLESALE SALES

Annotation. *This article examines a problem that becomes more significant in light of the dual objective: on the one hand, it is necessary to ensure the reliable protection of the rights of the end purchaser, who is known to be economically more vulnerable in their relationship with a professional trader, and on the other hand, to guarantee the stability and predictability of commercial relations in the wholesale sector. The legal nature of a particular agreement directly affects the regulatory regime to be applied, the scope of the corresponding rights and obligations of the parties, the range of enforcement measures, and the tools for restoring violated property interests.*

Key words: *law, contract, purchase and sale, supply contract, retail purchase and sale contract, goods, price.*

Институт купли-продажи по праву считается одним из фундаментальных и наиболее востребованных механизмов гражданского оборота. Ежедневно неисчислимое множество физических лиц становится участниками сделок розничного типа, удовлетворяя посредством них собственные бытовые, семейные и иные персональные нужды. Параллельно с этим в коммерческой плоскости именно договор поставки, выступающий ключевым инструментом оптового товарообмена, обеспечивает перемещение материальных ценностей по цепочке «изготовитель — оптовый посредник — розничное звено», гарантируя тем самым бесперебойность функционирования всей товаропроводящей инфраструктуры страны.

Поступательное развитие рыночных механизмов и интенсификация коммерческого оборота диктуют необходимость предельно ясной юридической регламентации многообразных форм реализации товаров, а также их недвусмысленного отграничения друг от друга.

Во-вторых, за последние годы ощутимые метаморфозы претерпела нормативная база,

стоящая на страже интересов потребителей, что напрямую воздействует на правовой ландшафт розничных продаж.

В-третьих, стремительная экспансия электронных каналов сбыта и форматов удалённого приобретения продукции порождает целый спектр новых правовых коллизий, сопряжённых с корректной идентификацией заключаемых соглашений и выбором применимых к ним законодательных предписаний.

В-четвёртых, судебные инстанции регулярно сталкиваются с затруднениями при необходимости провести демаркационную линию между оптовыми поставками и розничной реализацией, что настоятельно требует доктринального осмысления и выработки унифицированных критериев оценки.

Ошибочная юридическая идентификация соглашения влечёт за собой применение неподобающего правового режима: к примеру, неоправданное распространение на коммерсанта гарантийных механизмов Закона о защите прав потребителей либо, в противоположной ситуации, лишение физического лица полагающихся ему преференций. [6, с. 512].

Базовые критерии разграничения допустимо представить в нижеследующей систематизированной форме.

По цели приобретения товара — данный параметр выступает центральным, что многократно подтверждалось позицией Верховного Суда РФ.

В розничной купле-продаже вещь обретается для удовлетворения личных, семейных, бытовых потребностей, не коррелирующих с предпринимательской деятельностью. В оптовой же (поставке) — для вовлечения в коммерческий оборот (последующая перепродажа, производственное потребление, ресурсное обеспечение деятельности юридического лица).

По субъектному составу — в рознице в амплуа продавца выступает комме рсант, специализирующийся на розничной реализации, а покупателем является по преимуществу гражданин. В оптовой купле-продаже обе стороны представляют собой профессиональных фигурантов рыночного пространства (коммерческие организации либо индивидуальные предприниматели).

По характеру правового регулирования — розничная купля-продажа подчинена императивным предписаниям (Закон о защите прав потребителей, Правила продажи), каковые контрагенты не вправе корректировать в направлении, ущемляющем интересы потребителя. Оптовая купля-продажа (поставка) регламентируется в основном диспозитивными нормами, открывая перед сторонами широкий горизонт договорной автономии.

По публичности договора — розничное соглашение обладает качеством публичности (ст. 426 ГК РФ):

– реализатор не управомочен ответить отказом потребителю в заключении сделки при наличии товара;
– стоимостные и прочие параметры устанавливаются унифицированно для всех приобретателей. В оптовой купле-продаже аналогичное требование отсутствует.

По порядку заключения:

– розничный контракт чаще всего оформляется путём акцепта публичной оферты (экспонирование продукции на витрине, предложение в каталоге или посредством интернет-ресурса) с выдачей расчётного документа;
– оптовая купля-продажа требует, как правило, предварительного письменного согласования эссенциальных условий (номенклатура, объём, временные рамки поставки).

По срокам исполнения:

– в рознице товар передаётся незамедлительно либо в пределах непродолжительного оговорённого периода;
– в оптовой купле-продаже отгрузка производится, как правило, периодически (отдельными партиями) на всём протяжении действия договора.

По ответственности сторон:

– в рознице реализатор отвечает при условии наличия вины (действует презумпция виновности продавца, каковую он вправе попытаться опровергнуть);
– в оптовой купле-продаже контрагенты как субъекты предпринимательства несут бремя ответственности вне зависимости от вины, за исключением форс-мажорных ситуаций (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

По праву на односторонний отказ:

– в рознице означенным правомочием наделён по преимуществу потребитель (возможность отказа от товара надлежащего качества в четырнадцатидневный период, право на отклонение дистанционной покупки).
– в оптовой купле-продаже оба участника вправе аннулировать соглашение при существенном нарушении обязательств визави (ст. 523 ГК РФ).

По подсудности споров:

– тяжбы, проистекающие из розничной купли-продажи с участием гражданина, могут разбираться по месту проживания потреби-

теля (альтернативная территориальная подсудность), что образует собой процессуальную привилегию;
– конфликты же из оптовой купли-продажи (поставки) подлежат рассмотрению согласно генеральным правилам — по адресу местонахождения ответчика.[7,с.48].

Наибольшую сложность в правоприменительной плоскости представляет демаркация договоров, заключаемых с индивидуальными предпринимателями. По общему принципу, ИП признаётся коммерсантом, и совершаемые им покупки презюмируются оптовыми.

Однако, если индивидуальный предприниматель приобретает товар для удовлетворения личных нужд (скажем, автомобиль для семейных поездок, бытовую технику для обустройства жилища), подобное соглашение надлежит квалифицировать в качестве розничного с экстраполяцией на него норм Закона о защите прав потребителей.

Верховный Суд РФ в своих руководящих разъяснениях (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17) указал: коль скоро товар приобретается у реализатора, осуществляющего предпринимательскую деятельность по розничной продаже, отношения сторон подпадают под регуляцию Закона о защите прав потребителей, за исключением казусов, когда продукция обретается для использования в предпринимательских целях.

Бремя аргументации того обстоятельства, что товар приобретён не для личного употребления, возлагается на продавца.

Судебно-арбитражная практика содержит примеры, когда судебные органы производили переквалификацию соглашения о поставке в розничную куплю-продажу. В частности, если продавец в тексте договора с ИП зафиксировал, что товар обретается «для личного использования», либо, когда количественные параметры товара очевидно не отвечают коммерческим масштабам (допустим, одна единица продукции, единственная пачка офисной бумаги), суд может распространить на отношения сторон нормативные положения о розничной реализации. [8, с. 23–37].

Возможна и противоположная коллизия: когда физическое лицо на систематической основе осуществляет закупку значительных партий товара (электронных устройств, строительных материалов) с целью их дальнейшей перепродажи, судебная инстанция вправе констатировать оптовый характер таких отношений и отказать в применении специализированного потребительского законодательства.

Прикладное значение разграничения манифестирует себя в нескольких аспектах:

– прежде всего, от верной юридической квалификации зависит, какой именно правовой режим будет применяться к взаимоотношениям контрагентов (императивный с защитными механизмами для потребителя либо диспозитивный, базирующийся на паритете участников);
– во-вторых, это детерминирует объём корреспондирующих прав и коррелятивных обязанностей, в частности — наличие у покупателя правомочия на одностороннее отклонение товара, временные рамки заявления претензий относительно выявленных дефектов;
– в-третьих, от произведённой квалификации зависит дистрибуция бремени доказывания: в рознице именно продавец обязан подтвердить, что изъяны возникли после передачи товара вследствие действий покупателя; в поставке же приобретатель доказывает сам факт отгрузки некачественной продукции;
– в-четвёртых, разнятся и объёмы ответственности: согласно Закону о защите прав потребителей — пеня в размере одного процента от стоимости товара за каждые сутки просрочки; по договору поставки — как правило, фиксированная процентная ставка, согласованная контрагентами, либо учётная ставка Центробанка.

Подытоживая изложенное, следует заключить, что демаркация оптовой и розничной купли-продажи осуществляется по совокупности параметров, стержневым из которых выступает целевая направленность приобретения товара. Законодатель намеренно конструирует различающиеся правовые режимы: императивный, оберегающий потребителя в рознице, и диспозитивный, гарантирующий свободу усмотрения профессиональным участникам оборота в опте. Корректная идентификация договора позволяет контрагентам избрать адекватный инструментарий отстаивания своих прав и минимизировать риски наступления неблагоприятных имущественных последствий вследствие применения несоответствующего правового режима.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[3] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

[4] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи...» (ред. от 23.09.2023) // СЗ РФ. 2021. № 2. Ст. 375.

[5] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. — 11-е изд., стер. — М.: Статут, 2021. — 780 с

[6] Сергеев А.П. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 2. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2024. — 512 с.

[7] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 480 с.

[8] Дедиков С.В. Договор поставки: актуальные вопросы правового регулирования // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 23–37.

[9] Фролова Н.М. Защита прав потребителей при дистанционной торговле: новые вызовы и решения // Закон. 2023. № 5. С. 55–68.

[10] Шерстобитов А.Е. Проблемы разграничения оптовой и розничной купли-продажи в судебной практике // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 42–59.

[11] Петров А.В. Критерии квалификации договора поставки: анализ судебных подходов // Арбитражные споры. 2025. № 1. С. 15–30.

[12] Сидорова Е.В. Ответственность предпринимателей по договору поставки: от теории к практике // Гражданское право. 2024. № 3. С. 28–40.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 24.07.2023) //RF NW. 1996. № 5. Art. 410.

[2] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 “On Protection of Consumer Rights” (as amended by 04.08.2023) //Vedomosti SND and the Armed Forces of the Russian Federation. 1992. № 15. Art. 766.

[3] Federal Law of 28.12.2009 No. 381-FZ “On the Basics of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation” (as amended by 25.12.2023) //RF NW. 2010. № 1. Art. 2.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 No. 2463 “On approval of the Rules for the sale of goods under a retail purchase and sale agreement...” (as amended by 23.09.2023) //NW RF. 2021. № 2. Art. 375.

[5] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book 2: Property Transfer Agreements. - 11th ed., Erased - M.: Statute, 2021. - 780 s

[6] Sergeev A.P. Civil law: textbook. In 3 vol. 2. - 6th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2024. - 512 s.

[7] E.A. Sukhanov. Civil law: textbook. In 4 vols. Vol. 3: Compulsory law. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2023. - 480 s.

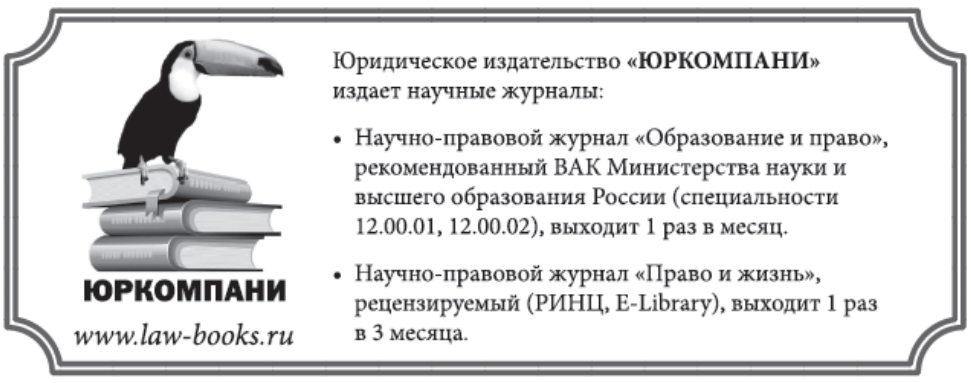
[8] S.V. Dedikov. Supply contract: current issues of legal regulation//Economy and law. 2024. № 2. S. 23-37.

[9] N.M. Frolova. Protection of consumer rights in distance selling: new challenges and solutions// Law. 2023. № 5. S. 55-68.

[10] Sherstobitov A.E. Problems of delimitation of wholesale and retail sale in judicial practice//Bulletin of Civil Law. 2022. № 4. S. 42-59.

[11] A.V. Petrov. Supply Contract Qualification Criteria: Analysis of Court Approaches//Arbitration Disputes. 2025. № 1. S. 15-30.

[12] E.V. Sidorova. Responsibility of entrepreneurs under the supply contract: from theory to practice//Civil law. 2024. № 3. S. 28-40.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-237-239

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный, e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, e-mail: mail@law-books.ru

ВИНДИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Основное внимание уделяется современным проблемам применения норм о виндикации, в частности, коллизии между интересами собственника и добросовестного приобретателя. На основе изучения доктрины и актуальной судебной практики автор исследует условия удовлетворения иска, бремя доказывания и пределы защиты владения. Результатом работы являются предложения по оптимизации правового регулирования в целях обеспечения справедливого баланса между стабильностью гражданского оборота и неприкосновенностью права собственности.*

Ключевые слова: *виндикационный иск, виндикация, истребование имущества, добросовестный приобретатель, незаконное владение, вещно-правовая защита, право собственности, титульное владение.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence, State National Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov

VINDICATION IN MODERN CIVIL LAW

Annotation. *The main focus is on contemporary issues in applying vindication rules, particularly the conflict between the interests of the owner and the bona fide acquirer. Based on a study of legal doctrine and current judicial practice, the author examines the conditions for granting the claim, the burden of proof, and the limits of possessory protection. The outcome of the research includes proposals for optimizing the legal framework to ensure a fair balance between the stability of civil transactions and the inviolability of property rights.*

Key words: *vindication claim, vindication, recovery of property, bona fide purchaser, unlawful possession, proprietary protection, property right, title possession.*

Современные условия развития гражданского оборота характеризуются высокой степенью мобильности имущества, многообразием форм его отчуждения и усложнением имущественных связей. В этой связи увеличивается количество споров, связанных с утратой фактического владения вещью, ее неправомерным удержанием и последующим переходом к добросовестным либо недобросовестным приобретателям. Это придает институту виндикации особую практическую значимость и делает его востребованным инструментом судебной защиты.

Изучение виндикационного иска имеет важное значение как для теории гражданского права,

так и для правоприменительной деятельности. Правильное понимание условий его предъявления, предмета и субъектного состава, а также соотношения с иными способами защиты позволяет обеспечить баланс интересов собственника и иных участников гражданских правоотношений. Комплексный анализ виндикации способствует формированию единообразной судебной практики и повышению уровня правовой защищенности участников имущественного оборота.

В статье Е. Л. Бондарь рассматривается правовая природа виндикационного иска, его исторические корни в римском и германском праве, а также современные проблемы применения данного института в российском законодательстве. Автор подчёркивает, что виндикация направлена на возврат конкретной индивидуально-определённой вещи, сохранившейся в натуре, и требует наличия у истца титула — права собственности или иного вещного права. Особое внимание уделяется сложностям квалификации правоотношений в судебной практике, в том числе в ситуации так называемого «бабушкиного иска», когда истцы перекладывают на суд задачу определения способа защиты.

Важным аспектом исследования является разграничение виндикационного и негаторного исков, а также анализ защиты прав добросовестного и недобросовестного приобретателей. Бондарь отмечает, что у добросовестного владельца вещь может быть истребована только в строго определённых случаях, например, при безвозмездном приобретении или если имущество выбыло из владения собственника помимо его воли. При этом подчёркивается, что негаторный иск, в отличие от виндикационного, не предполагает истребования вещи из чужого владения, а направлен на устранение препятствий в осуществлении права собственности, и на него не распространяется срок исковой давности.

В заключении автор указывает на отсутствие универсального понимания виндикации в правоприменительной практике, что приводит к затруднениям в квалификации правоотношений и увеличению нагрузки на суды. В этой связи приводится следующее положение: «Несмотря на то, что настоящий способ защиты известен отечественному и зарубежному правоприменителю, далеко не всегда понимание виндикации позволяет квалифицировать правоотношения надлежащим образом, что создает существенные препятствия экономии судебного процесса и порождает в определенных случаях такие ситуации, когда истец уверен в том, что его право нарушено, но при этом не дает должной оценки обстоятельствам и квалификацию сложившимся правоотношениям, оставляя эти вопросы на усмотрение суда» [1]. Таким образом, статья актуализирует необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и унификации подходов к применению виндикационного иска для обеспечения эффективной защиты вещных прав.

В статье Д. В. Орешкина проводится структурный анализ основных элементов виндикационного иска — сторон, объекта и предмета — с акцентом на условия его удовлетворения в современной правоприменительной практике. Автор подчёркивает, что объектом виндикации может выступать только индивидуально-определённая вещь, сохранившаяся в натуре, в то время как предмет иска характеризуется им как двуединое требование: об изъятии вещи из чужого незаконного владения и о её возврате законному владельцу. При этом Орешкин отмечает сохраняющиеся в доктрине разногласия относительно разграничения понятий объекта и предмета иска, а также критикует позицию, отождествляющую эти категории, как недопустимую, поскольку это подменяет требование о возврате самим имуществом.

Особое внимание в работе уделено субъектному составу виндикационного правоотношения. Автор, ссылаясь на положения ст. 305 ГК РФ, обосновывает право титульного владельца на предъявление виндикационного иска, аргументируя это взаимопроникновением вещных и обязательственных элементов в гражданских правоотношениях. Кроме того, рассматривается специфическое положение давностного владельца, который, не будучи титульным, может защищать своё фактическое владение по правилам статей 301 и 304 ГК РФ по аналогии закона, хотя такой иск не является виндикационным в строгом смысле. Эти положения демонстрируют сложность и неоднозначность определения круга лиц, управомоченных на вещно-правовую защиту.

В заключении автор указывает на недостаточную детализацию норм Гражданского кодекса, регулирующих виндикацию, и на необходимость их уточнения для устранения теоретических и практических противоречий. В этой связи он отмечает: «Всё это позволяет говорить о двуединости предмета виндикационного иска: с одной стороны, таковым является требование о выбытии вещи из чужого незаконного владения, а с другой стороны, требование о возврате ее собственнику/титульному владельцу» [2]. Таким образом, статья актуализирует потребность в совершенствовании законодательного регулирования института виндикации для обеспечения эффективной и предсказуемой защиты вещных прав в условиях усложнения гражданского оборота.

Список литературы:

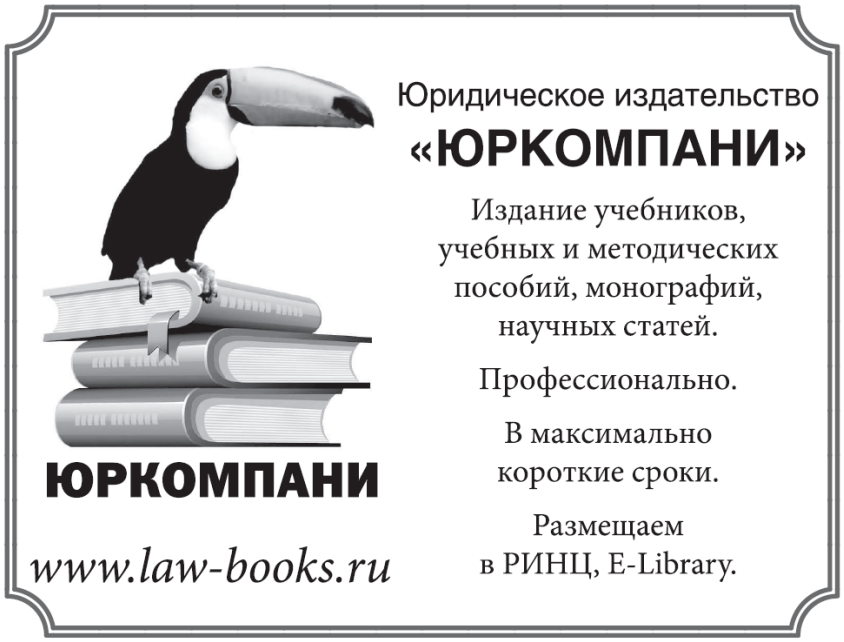
[1] Бондарь Е. Л. К вопросу о правовой природе виндикационного иска // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-vindikatsionnogo-iska (дата обращения: 04.12.2025);

[2] Орешкин Дмитрий Вадимович Элементы виндикационного иска и условия для его удовлетворения // Наука без границ. 2017. №10 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-vindi-kat-sionnogo-iska-i-usloviya-dlya-ego-udovletvoreniya (дата обращения: 04.12.2025).

References:

[1] Bondar E. L. On the legal nature of the vindication claim//International Journal of Humanities and Sciences. 2021. №3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-vindikatsionnogo-iska (дата обращения: 04.12.2025);

[2] Oreshkin Dmitry Vadimovich Elements of a vindication claim and conditions for its satisfaction// Science without borders. 2017. №10 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-vindikat-sionnogo-iska-i-usloviya-dlya-ego-udovletvoreniya (дата обращения: 04.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-240-244

ИЗУТИНА Светлана Викторовна,
к. ю. н, доцент,
кафедра гражданско-правовых дисциплин
РЭУ имени Г. В. Плеханова,
e-mail: lana.2029@mail.ru

ГУСЕВА Варвара Дмитриевна,
Бакалавр 4 курс,
факультета ВШП РЭУ имени Г. В. Плеханова,
e-mail: varvargusy@gmail.com

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ СОЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ АВТОРСКИМ ПРАВОМ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются этические проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта (ИИ) для создания и распространения произведений, защищенных авторским правом. Анализируются вопросы авторства, ответственности, нарушения авторских прав и влияния на творческий процесс. Предлагаются подходы к этическому регулированию данной сферы. анализируется международный опыт регулирования и предлагаются рекомендации для минимизации рисков.*

Ключевые слова: *Искусственный интеллект, авторское право, этика, машинное обучение, творчество, авторство, ответственность, нарушение авторских прав, интеллектуальная собственность.*

IZUTINA Svetlana Viktorovna,
to. n, Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

GUSEVA Varvara Dmitrievna,
Bachelor 4th year,
Faculty of Higher School of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics

ETHICAL ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO CREATE AND DISTRIBUTE COPYRIGHTED WORKS

Annotation. *This article examines the ethical issues that arise when using artificial intelligence (AI) to create and distribute copyrighted works. The issues of authorship, responsibility, copyright infringement and the impact on the creative process are analyzed. Approaches to the ethical regulation of this sphere are proposed. The international regulatory experience is analyzed and recommendations for minimizing risks are proposed.*

Key words: *Artificial intelligence, copyright, ethics, machine learning, creativity, authorship, responsibility, copyright infringement, intellectual property.*

Бурное развитие ИИ ставит под вопрос существующие правовые и этические нормы в сфере авторского права. Искусственный интеллект (ИИ) открывает новые возможности для создания и распространения произведений искусства, литературы, музыки и других видов творческой деятельности. ИИ-системы способны генерировать тексты, создавать изображения, сочинять музыку и даже разрабатывать программное обеспечение. Однако, вместе с тем, использование ИИ в этой области поднимает ряд сложных этических вопросов, связанных с авторством, ответственностью и соблюдением авторских прав.

В традиционном понимании авторское право защищает произведения, созданные человеческим интеллектом и творческим трудом. Искусственный интеллект, особенно генеративные модели (например, GPT, Midjourney, Stable Diffusion), способен создавать произведения, визуально и стилистически неотличимые от работ человека. Это открывает новые возможности для искусства, маркетинга и образования, но одновременно ставит вопросы: - Кто является автором произведения — ИИ, разработчик или пользователь? - Этично ли обучать ИИ на защищенных авторским правом материалах без согласия правообладателей? - Как предотвратить злоупотребления, такие как плагиат или создание дезинформации? Эти проблемы требуют междисциплинарного подхода, сочетающего правовые, технологические и этические решения.

Целью данной статьи является анализ этических аспектов использования ИИ для создания и распространения произведений, защищенных авторским правом. Мы рассмотрим основные этические проблемы, возникающие в этой области, и предложим подходы к их решению.

Одним из ключевых этических вопросов, связанных с использованием ИИ в творчестве, является вопрос об авторстве. Традиционно, авторское право защищает произведения, созданные человеком.[1] Однако, когда ИИ генерирует произведение, возникает вопрос: кто является автором этого произведения?

Существует несколько точек зрения на этот вопрос:

– ИИ не может быть автором. Согласно этой точке зрения, ИИ – это всего лишь инструмент, подобно кисти художника или пишущей машинке. Автором произведения является человек, который использует ИИ для создания произведения.
– ИИ может быть автором. Эта точка зрения предполагает, что ИИ обладает достаточной степенью автономности и творческой активности, чтобы считаться автором произведения.
– Совместное авторство. В этом случае, автором произведения считаются как человек, который использовал ИИ, так и сам ИИ.[2]

В настоящее время, большинство законодательств в области авторского права придерживаются первой точки зрения: ИИ не может быть автором произведения. Однако, с развитием ИИ и его способностей к самостоятельному творчеству, эта точка зрения может быть пересмотрена.

В США и ЕС произведения, созданные без «значительного участия человека», не охраняются авторским правом. В Великобритании компьютерно-генерированные работы могут защищаться, но авторство присваивается разработчику алгоритма.[3]

Аналогичный принцип закреплен и в нормах российского права. Согласно первой части статьи 1228 Гражданского кодекса РФ, создателем интеллектуальной собственности признается физическое лицо, чьим креативным трудом она была создана. Это положение является одним из основных камней преткновения в вопросе юридической защиты творений, сгенерированных искусственным интеллектом, и служит аргументом в пользу отнесения всех произведений ИИ к общественному достоянию из-за отсутствия автора-человека.[1]

Другой важный этический вопрос касается ответственности за нарушение авторских прав при использовании ИИ. Если ИИ использует в своей работе материалы, защищенные авторским правом, кто несет ответственность за это нарушение? Это может включать как юридическую, так и моральную ответственность. Например, если нейросеть создает контент, который нарушает авторские права или содержит ложную информацию, кто будет нести ответственность за эти нарушения? Важно заранее определить и документировать все аспекты ответственности, чтобы избежать юридических проблем в будущем.

Существует несколько возможных вариантов:

1. Разработчик ИИ. Разработчик ИИ может нести ответственность, если он не предпринял достаточных мер для предотвращения использования ИИ материалов, защищенных авторским правом.
2. Пользователь ИИ. Пользователь ИИ может нести ответственность, если он знал или должен был знать, что ИИ использует в своей работе материалы, защищенные авторским правом.
3. ИИ. В будущем, с развитием юридических концепций, ИИ, возможно, будет признан субъектом права и сможет нести ответственность за свои действия.[4]

Если ИИ создает музыку в стиле Бетховена или картину в манере Ван Гога, нарушаются ли моральные права оригинальных авторов? Пример — иск Getty Images против Stability AI за использование изображений для обучения Stable Diffusion без лицензии.

В ряде государств зафиксированы случаи судебных решений, закрепляющих авторские права на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом, за разработчиками этих систем. Тем не менее, в основной массе юрисдик-

ций правовые нормы еще не приведены в соответствие с современной ситуацией, и многие аспекты применения ИИ остаются неурегулированными.[5]

Сегодня, когда речь идет о нарушении авторских прав с применением ИИ, виновным, как правило, признается создатель или применяющий эту технологию. Но по мере совершенствования ИИ, его умения учиться без посторонней помощи и принимать собственные решения, проблема установления ответственности приобретает все большую неоднозначность.

Использование ИИ в творчестве оказывает значительное влияние на творческий процесс и роль человека в создании произведений искусства. ИИ может использоваться для:

1) Автоматизации рутинных задач. ИИ может автоматизировать такие задачи, как поиск информации, редактирование текста, создание эскизов и т. д., что позволяет художникам и писателям сосредоточиться на более творческих аспектах своей работы.
2) Генерации новых идей. ИИ может использоваться для генерации новых идей и концепций, которые могут вдохновить художников и писателей на создание новых произведений.
3) Создания произведений искусства. ИИ может самостоятельно создавать произведения искусства, такие как картины, музыкальные композиции и литературные произведения.[6]

Одним из примеров использования нейросетей является создание и распознавание рисунков. Это может включать как художественные произведения, так и технические чертежи. Важно учитывать, как такие технологии могут использоваться и какие этические и правовые вопросы они поднимают.

В результате использования ИИ роль человека в творческом процессе может измениться. Художники и писатели могут стать кураторами или соавторами произведений, созданных ИИ. Это может привести к изменению представлений о творчестве и авторстве.

Для обеспечения этичного использования ИИ в творчестве необходимо руководствоваться следующими принципами:

Прозрачность. Необходимо обеспечить прозрачность использования ИИ в творчестве, чтобы зрители и слушатели знали, что произведение было создано с использованием ИИ. Это поможет поддерживать доверие и честность в отношении с аудиторией.

Ответственность. Необходимо определить, кто несет ответственность за нарушение авторских прав и другие этические проблемы, возникающие при использовании ИИ в творчестве. Это поможет избежать юридических проблем и обеспечить справедливое распределение ответственности.

Приватность. Соблюдайте законы и нормы, касающиеся защиты данных. Это включает в себя обеспечение анонимности данных пользователей и защиту от несанкционированного доступа.

Уважение авторских прав. Необходимо уважать авторские права других лиц и использовать ИИ таким образом, чтобы не нарушать эти права.

Развитие творческого потенциала человека. Использование ИИ должно способствовать развитию творческого потенциала человека, а не заменять его.

Справедливость. Необходимо обеспечить справедливое распределение выгод от использования ИИ в творчестве.[7]

Должна существовать прозрачность и маркировка контента. Отсутствие четкого обозначения ИИ-контента ведет к манипуляциям. Дипфейки и фальшивые новости могут нанести вред репутации людей.

ИИ заменяет художников, копирайтеров, музыкантов, снижая ценность человеческого труда, происходит угроза профессиям. Алгоритмы могут воспроизводить предвзятость исходных данных (например, расовые или гендерные стереотипы).[8]

В качестве примера можно привести нейросети, способные «удалять» одежду с изображений людей. Это поднимает важные вопросы морального и юридического характера, касающиеся конфиденциальности и разрешения на использование фотографий. Подобные инструменты могут быть использованы для создания порочащих материалов без ведома человека, что нарушает его право на личную жизнь. Необходимо разрабатывать и применять защитные механизмы для предотвращения злоупотреблений и обеспечения соблюдения моральных принципов.

Необходимость правового регулирования использования ИИ в творчестве становится все более очевидной. Необходимо разработать законодательство, которое бы определяло:

1) Права и обязанности разработчиков и пользователей ИИ.
2) Порядок защиты авторских прав при использовании ИИ.
3) Ответственность за нарушение авторских прав при использовании ИИ.
4) Порядок разрешения споров, связанных с использованием ИИ в творчестве.

В Российской Федерации прямое законодательное регулирование применения искусствен-

ного интеллекта в творческой деятельности отсутствует, в том числе и в Гражданском кодексе РФ. Тем не менее, некоторые статьи кодекса оказывают косвенное влияние на вопросы, касающиеся авторских прав на контент, созданный с использованием ИИ.

Статья 1257 ГК РФ, озаглавленная «Автор произведения», устанавливает критерии определения автора научного, литературного или художественного произведения.[1] К примеру, если автор применяет ИИ для создания текстового контента, именно он будет считаться автором, так как ИИ выступает лишь как инструмент, исполняющий его указания и не обладающий самостоятельным творческим потенциалом.

Статья 1263 ГК РФ, посвященная «Аудиовизуальному произведению», разъясняет это понятие и определяет круг лиц, считающихся авторами. Если ИИ задействован в создании отдельных составляющих аудиовизуального произведения, таких как сценарий или музыкальное сопровождение, то автором этих элементов будет признан человек, использовавший ИИ в процессе работы.[1]

Статья 1270 ГК РФ «Исключительное право на произведение» закрепляет за автором исключительное право на использование созданного им произведения любым способом, не противоречащим законодательству. В отношении произведений, созданных при помощи ИИ, это подразумевает, что все исключительные права принадлежат лицу, применявшему ИИ для генерации контента.[1]

При формировании законодательной базы и стратегий, касающихся искусственного интеллекта, критически важно принимать во внимание нужды всех заинтересованных лиц, вовлеченных в эту сферу. Сюда входят создатели ИИ, которые вкладывают существенные средства в разработку надежных и эффективных продуктов, а также потребители ИИ, которым необходимо гарантировать безопасность и моральность применения этих технологий. Помимо этого, необходимо учитывать приоритеты государства, стремящегося к сбалансированному регулированию, которое стимулирует инновации, гарантирует защиту прав и обеспечивает безопасность всех участников. Лишь при таком подходе возможно создание благоприятной среды, в которой искусственный интеллект сможет полностью реализовать свой потенциал, принося пользу всему обществу.[9]

Необходимо найти баланс между защитой авторских прав и стимулированием инноваций в области ИИ.

Использование ИИ для создания и распространения произведений, защищенных авторским правом, поднимает ряд сложных этических вопросов. Необходимо разработать этические принципы и правовые нормы, которые бы регулировали эту сферу и обеспечивали справедливое и эффективное использование ИИ в творчестве. Важно помнить, что ИИ – это всего лишь инструмент, и его использование должно служить на благо человека и развития творческого потенциала. Дальнейшие исследования необходимы для более глубокого понимания влияния ИИ на творческий процесс и развития эффективных механизмов регулирования данной сферы.

Применение нейронных сетей в процессе создания контента предоставляет обширный спектр перспектив, однако обязывает к тщательному рассмотрению аспектов этики и права. Следование этим принципам позволит вам применять технологические решения осознанно и в рамках закона. Необходимо учитывать, что прогресс технологий неразрывно связан с эволюцией законодательной базы и моральных норм, и наша цель – оставаться в курсе изменений и своевременно адаптироваться к ним.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. 13.06.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) //[Электронный ресурс] // URL: https:// www. consultant.ru

[2] Каштанова Т. А. «Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России». // [Электронный ресурс] //https.//elibrary.ru

[3] Богданова О. В. «Этические и правовые аспекты использования нейросетей в создании контента». // [Электронный ресурс] // http://ivo.garant.ru

[4] Мария Великова «Авторское право на работы нейросетей и можно ли их использовать в коммерческих целях». //[Электронный ресурс] :// https.//workspace.ru

[5] Лукашова А. В. «Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью»// Вопросы российской юстиции. 2023.№ 28. С. 122–132

[6] Вешеняк Н.Е. «Искусственный интеллект и авторские права: международный опыт, этические дилеммы и путь регулирования в России». - «Вестник науки» № 3 (72) том 3. Март 2024

[7] Каштанова Т. А. «Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России». // [Электронный ресурс]//https.//elibrary.ru

[8] «Изучение этических проблем при создании произведений искусства с использованием искусственного интеллекта». - статья. //[Электронный ресурс] //https.//falconediting.com

[9] Петров А. С. Авторские права на материалы, сгенерированные нейросетью / А. С. Петров // Моя профессиональная карьера. 2023. – №47 (2). – С. 348–351.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ (ed. 13.06.2023 With amendments and additions, entry. effective 29.06.2023) //[Online]//URL: https ://www.consultant.ru

[2] T. Kashtanova “Prospects for the legal protection of works created using artificial intelligence in Russia. “//[Electronic resource]//https .//elibrary.ru

[3] Bogdanova O. V. “Ethical and legal aspects of using neural networks in creating content. “//[Electronic resource]// http://ivo.garant.ru

[4] Maria Velikova “Copyright on the work of neural networks and whether they can be used for commercial purposes. “//[Electronic pecypc] ://https .//workspace.ru

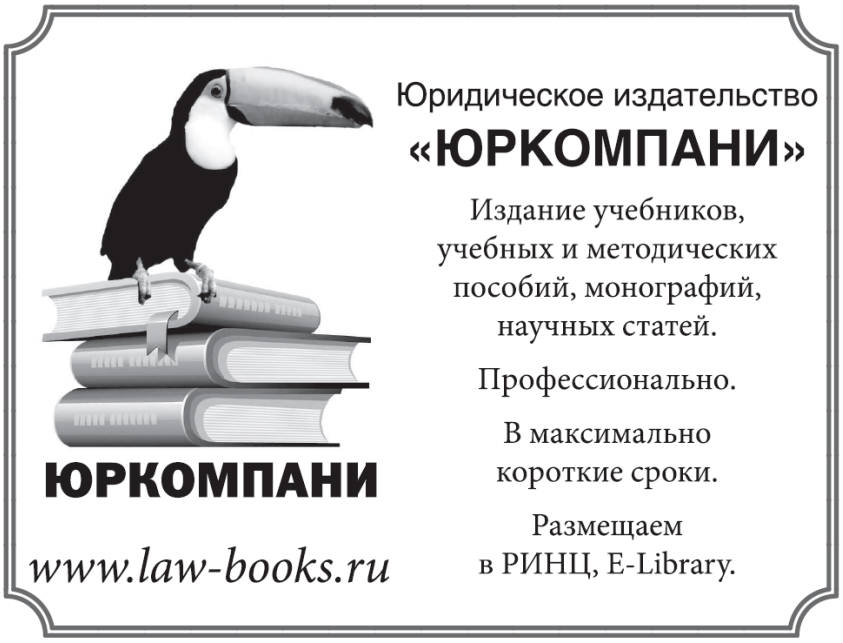
[5] Lukashova A. V. “Copyright and works generated by the neural network “//Issues of Russian justice. 2023.№ 28. S. 122-132

[6] Veshenyak N.E. “Artificial intelligence and copyright: international experience, ethical dilemmas and the path of regulation in Russia.” - “Bulletin of Science” No. 3 (72) volume 3. March 2024

[7] T. Kashtanova “Prospects for the legal protection of works created using artificial intelligence in Russia. “//[Electronic pecypc]//https .//elibrary.ru

[8] “Exploring ethical issues in creating art using artificial intelligence.” - article .//[Electronic resource]//https .//falconediting.com

[9] Petrov A.S. Copyright for materials generated by the neural network/A.S. Petrov//My professional career. 2023. – №47 (2). - S. 348-351.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-245-250
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена уточнению понятия информационного обеспечения применительно к деятельности Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). Несмотря на то, что данный термин широко используется в ведомственном нормотворчестве и повседневной практике учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), его содержание не раскрывается ни в федеральном законодательстве, ни в ведомственных приказах ФСИН России, что приводит к терминологической множественности, когда под информационным обеспечением понимают и простую передачу сведений, и работу с базами данных, и техническое оснащение, и статистическую отчетность. Такая неопределенность затрудняет правовое регулирование и создает риски для правоприменения. В работе подчеркивается, что в УИС информация выполняет не только управленческую, но также охранительную, правозащитную, режимную и доказательственную функции. Поэтому информационное обеспечение не может сводиться к технологическим операциям с данными. Автором проводится критический анализ существующих доктринальных подходов, которые в большинстве своем сформированы применительно к иным видам деятельности (следственной, оперативно-разыскной, экономической) и не учитывают специфику учреждений УИС. В качестве основного результата исследования предлагается четырехаспектная модель, позволяющая раскрыть сущность информационного обеспечения в деятельности ФСИН России. Первый аспект (функциональный) охватывает действия по сбору, систематизации, обработке, хранению, передаче и предоставлению информации, необходимой для выполнения задач УИС. Второй (гуманистический) отражает роль информационного обеспечения в гарантировании прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также сотрудников, в обеспечении доступа к информации о правах, процессах подачи жалоб, условиях содержания и получения помощи. Третий аспект (правовой) представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих обращение информации, ее защиту, а также разграничение допустимого информационного воздействия от неправомерного вмешательства. Четвертый аспект (организационно-технический) включает ведомственные информационные системы, защищенные каналы связи, базы данных, средства криптографической защиты, процедуры аутентификации и иные технические решения, создающие устойчивую инфраструктуру для работы с данными. На основе предложенной модели автором формулируется определение информационного обеспечения деятельности ФСИН России, которое охватывает как процессуальную, так и институциональную стороны рассматриваемого явления. Обосновывается необходимость легального закрепления определения информационного обеспечения в одном из концептуальных ведомственных актов или в перспективном федеральном законе об основах деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Сделан вывод, что такое закрепление служит устранению терминологической неопределенности, разграничению понятия информационного обеспечения, информатизации, цифровизации и программно-технического сопровождения, а также создает понятийный фундамент для правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в пенитенциарной сфере.*

Ключевые слова: *информационное обеспечение, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, правовая дефиниция, информационные процессы, цифровая трансформация, биометрические данные, верификация, информационная безопасность.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL ASPECTS OF INFORMATION SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to clarifying the concept of information support in relation to the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia. Although this term is widely used in departmental rule-making and in the daily practice of institutions of the penal system of the Russian Federation, its content is not defined either in federal legislation or in departmental orders of the Penal System. This leads to terminological multiplicity, whereby information support is understood to mean everything from simple data transmission and database management to technical equipment and statistical reporting. Such uncertainty complicates legal regulation and creates risks for law enforcement. The paper emphasizes that within the penal system, information performs not only managerial but also protective, human rights, security, and evidentiary functions. Therefore, information support cannot be reduced to mere technological data operations. The author provides a critical analysis of existing doctrinal approaches, most of which have been developed for other types of activities (investigative, operational, economic) and do not take into account the specific characteristics of penal institutions. The main result of the study is a four-aspect model that reveals the essence of information support in the activities of the Penal System. The first aspect (functional) covers the actions of collecting, systematizing, processing, storing, transmitting, and providing information necessary for fulfilling the tasks of the penal system. The second aspect (humanistic) reflects the role of information support in guaranteeing the rights and legitimate interests of suspects, accused persons, convicts, and employees, as well as in ensuring access to information about rights, complaint procedures, conditions of detention, and access to assistance. The third aspect (legal) represents the body of legal norms regulating the handling of information, its protection, and the distinction between permissible informational influence and unlawful interference. The fourth aspect (organizational-technical) includes departmental information systems, secure communication channels, databases, cryptographic protection tools, authentication procedures, and other technical solutions that create a stable infrastructure for data management under conditions of regime secrecy. Based on the proposed model, the author formulates a definition of information support for the activities of the Penal System that encompasses both the procedural and institutional dimensions of the phenomenon in question. The necessity is substantiated of legally entrenching this definition in a conceptual departmental act or in a prospective federal law on the foundations of the Penal System of the Russian Federation. It is concluded that such entrenchment serves to eliminate terminological uncertainty, to distinguish the concept of information support from informatization, digitalization, and software-technical support, and also to create a conceptual foundation for the legal regulation of artificial intelligence technologies in the penitentiary sphere.*

Key words*: information support, Penal System of the Russian Federation, legal definition, information processes, digital transformation, biometric data, verification, information security.*

Введение

Совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) неразрывно связано с развитием информационных процессов, обеспечивающих управление режимными объектами, а также реализацию прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных [1, С. 114; 2, С. 64]. В условиях цифровизации правоохранительной деятельности особую значимость приобретает не только техническое оснащение учреждений и органов УИС, но и понятийная определенность базовых категорий, посредством которых описываются информационные процессы и их правовое сопровождение. В связи с этим проблема информационного обеспечения деятельности ФСИН России выходит далеко за рамки узко организационного вопроса и приобретает характер теоретико-правовой и нормотворческой задачи, связанной с унификацией терминологии, устранением нормативной неопределенности и формированием согласованной модели цифрового управления в пенитенциарной сфере.

Актуальность исследования обусловлена значимостью информационного обеспечения УИС, касающегося фактически всех ключевых направлений деятельности ФСИН России от ведения учетов, статистической отчетности, орга-

низации ведомственного документооборота и межведомственного обмена данными до обеспечения режима, охраны, надзора, контроля за исполнением наказаний, правового информирования лиц, содержащихся в учреждениях УИС, и сопровождения внедрения цифровых технологий, включая интеллектуальные аналитические системы [3, С. 330; 4, С. 159]. Вместе с тем, при столь широком практическом применении соответствующий термин не получил в федеральном законодательстве и ведомственных нормативных актах ФСИН России четкой дефиниции, что порождает терминологическую множественность, при которой под информационным обеспечением могут пониматься как обычное представление сведений, так и сложные организационно-технические и правовые механизмы обработки, защиты, хранения данных.

Материалы и методы

Методологию исследования информационного обеспечения целесообразно начать с анализа самого слова «обеспечение», поскольку именно оно задает исходную смысловую рамку для всей категории. В русском языке данный термин традиционно связывается, с одной стороны, с предоставлением необходимых средств, условий и гарантий, а с другой – с процессом действия, направленного на достижение определенного результата. Тем самым в понятии «обеспечение» обнаруживаются два смысловых пласта: статический, отражающий наличие совокупности условий, ресурсов и гарантий, и динамический, описывающий деятельность по созданию и поддержанию таких условий. Эта двойственность особенно важна для правовой науки, поскольку позволяет рассматривать информационное обеспечение не только как процесс, но и как устойчивое состояние организованности информационной среды.

Перенос указанной методологии на деятельность ФСИН России показывает, что термин «информационное обеспечение» не может быть сведен исключительно к сбору и передаче сведений. В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации информация выполняет не только управленческие, но и охранительные, правозащитные, режимные и доказательственные функции [5, С. 154; 6, С. 241]. Следовательно, понятийный аппарат должен отражать не отдельные технологические операции, а целостную систему правовых, организационных и технических средств, обеспечивающих функционирование УИС в условиях изоляции, повышенной безопасности и строгой регламентации поведения участников соответствующих отношений.

Анализ существующих доктринальных дефиниций информационного обеспечения показывает, что большинство из них формировалось применительно к следственной, оперативно-разыскной, управленческой либо экономической деятельности, и не учитывает специфику УИС. В научной литературе сложились различные подходы к определению сущности информационного обеспечения. Ряд исследователей ограничивают его технологической составляющей, трактуя как процесс сбора, накопления, обработки и предоставления информации, необходимой для подготовки и принятия управленческих решений [7, С. 52]. Другие авторы делают акцент на структурно-коммуникационном аспекте, сосредоточивая внимание на информационных потоках и каналах связи [8, С. 50; 9, С. 135]. Третья группа ученых, признавая обеспечительную функцию информационного обеспечения по отношению к управленческим решениям, вместе с тем оставляет вне поля анализа правовой режим информации, специфику ее оборота, а также механизмы защиты прав и законных интересов граждан [10, С. 262; 11, С. 110].

Подобный функциональный подход имеет эвристическую ценность, однако он недостаточен для объяснения информационного обеспечения ФСИН России. Если рассматривать его только как процесс получения и передачи сведений, то из поля зрения выпадают важнейшие элементы, включая правовые основания обращения информации, гарантии доступа к ней, ограничения, обусловленные режимом исполнения наказаний, а также организационно-техническую инфраструктуру, без которой сами информационные операции невозможны. Кроме того, чисто технологическое понимание данной категории ведет к подмене понятий, когда информационное обеспечение отождествляется с автоматизацией, цифровизацией или программным сопровождением, хотя эти явления представляют лишь отдельные средства, а не всю сущность соответствующего правового института.

Особой критики заслуживают трактовки, в которых информация рассматривается как продукт или услуга. Для пенитенциарной сферы подобная модель методологически непригодна, поскольку деятельность ФСИН России осуществляется в рамках публично-правового режима, где информация выступает не товаром и не сервисом, а элементом воздействия, инструментом правового регулирования и гарантией реализации законных интересов личности [12, С. 37]. Сведение информационного обеспечения к услуге нивелирует его управленческую природу и не позволяет объяснить, почему информационные

процедуры в учреждениях УИС сопровождаются жесткими требованиями к достоверности, полноте, режимности и защищенности сведений.

Рассматриваемая проблематика усиливается отсутствием в федеральном законодательстве дефиниции «информационного обеспечения» применительно к УИС. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет базовые категории информационной сферы, однако не раскрывает содержание информационного обеспечения как самостоятельного правового понятия. Ведомственные акты ФСИН России также, как правило, используют данный термин без его содержательного определения, принимая его смысл очевидным из контекста. На практике это приводит к множественности употребления: информационное обеспечение связывается то со статистической отчетностью, то с учетами, то с правовым сопровождением, то с функционированием информационных систем, то с межведомственным обменом сведениями.

В условиях цифровизации отсутствие единого понятийного каркаса порождает фрагментарность правового регулирования, затрудняет координацию между подразделениями, снижает качество ведомственного нормотворчества и создает риски правоприменительных ошибок. Для ФСИН России, функционирующей в режиме повышенной ответственности, появление терминологической неопределенности несет риски, связанные с вероятностью смешения вопросов информационной безопасности, защиты персональных данных, ведения специальных учетов и технической эксплуатации программных комплексов. Следовательно, выработка научно обоснованного определения информационного обеспечения выступает не академическим мероприятием, а необходимым условием правовой определенности и управленческой эффективности.

Результаты и обсуждение

Наиболее продуктивным представляется подход, согласно которому сущность информационного обеспечения в деятельности ФСИН России раскрывается через четыре взаимосвязанных аспекта: функциональный, гуманистический, формально-определенный и статический. Такая модель позволяет преодолеть односторонность существующих доктринальных конструкций и охватить как динамику информационных процессов, так и их правовую и организационную инфраструктуру.

Функциональный, или динамический, аспект характеризует информационное обеспечение как совокупность действий по сбору, систематизации, обработке, хранению, передаче и предоставлению информации, необходимой для реализации задач и функций ФСИН России. В этом смысле речь идет не просто о технической обработке данных, а о целенаправленной деятельности, обеспечивающей принятие управленческих решений, осуществление надзора и контроля, планирование режима, документирование правонарушений, аналитическое сопровождение служебной деятельности и межведомственное взаимодействие. Именно данный аспект наиболее очевиден в повседневной практике УИС, однако он отражает лишь процессуальную сторону явления.

Гуманистический аспект имеет особое значение для пенитенциарного ведомства, поскольку ФСИН России действует в сфере, где меры государственного принуждения непосредственно связаны с правами человека. Информационное обеспечение здесь должно рассматриваться как элемент механизма гарантирования прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также сотрудников УИС. Оно обеспечивает доступ к информации о правах, порядке обращения с жалобами и заявлениями, условиях содержания, возможностях получения юридической помощи, медицинской информации в пределах допустимого режима, а также к сведениям, необходимым для реализации процедурных гарантий. Одновременно информационное обеспечение способствует прозрачности деятельности администрации учреждений и укреплению доверия к законности принимаемых решений.

Формально-определенный, или правовой, аспект выражает информационное обеспечение как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в данной сфере. Этот аспект особенно важен там, где в деятельности ФСИН России используются разнообразные информационные массивы, режимные данные, персональные сведения, служебная информация ограниченного доступа и результаты аналитической обработки. Наличие правового аспекта означает, что информационное обеспечение не существует вне нормативной формы, оно опирается на конституционные гарантии, положения законодательства об информации, о персональных данных, о безопасности, об исполнении уголовных наказаний, а также на ведомственные приказы, регламенты и инструкции, устанавливающие порядок обращения со сведениями и их защиту. Без данного аспекта невозможно обеспечить законность информационных процедур и разграничить допустимое информационное воздействие от неправомерного вмешательства.

Статический аспект раскрывает информационное обеспечение как совокупность организационно-технических решений, создающих устойчивую инфраструктуру для функционирова-

ния информационных процессов в ФСИН России. Сюда относятся ведомственные информационные системы, каналы защищенной связи, базы данных, механизмы резервирования, средства криптографической защиты, процедуры аутентификации, журналы доступа, правила хранения и архивирования сведений, а также организационные меры, обеспечивающие сохранность данных и непрерывность их использования в условиях повышенной режимной закрытости. Статический аспект описывает не деятельность, а опорную среду, без которой сама деятельность информационного характера невозможна или становится юридически и технически ненадежной.

Предлагаемая четырехаспектная модель позволяет сформулировать более точное определение информационного обеспечения деятельности ФСИН России. Под информационным обеспечением следует понимать основанную на нормах права, организационно и технически закрепленную, направленную на реализацию задач уголовно-исполнительной системы Российской Федерации деятельность и состояние информационной среды, выражающиеся в сборе, обработке, хранении, передаче, предоставлении и защите сведений, необходимых для управления учреждениями и органами УИС, обеспечения режима, законности, прав и законных интересов осужденных, подозреваемых, обвиняемых и сотрудников ФСИН России.

Выводы

Предложенный подход имеет непосредственное значение для совершенствования ведомственного нормотворчества. Во-первых, он создает основу для унификации терминологии в приказах, регламентах и концептуальных документах ФСИН России. Во-вторых, позволяет разграничить информационное обеспечение, информатизацию, цифровизацию и программно-техническое сопровождение, что особенно важно в условиях активного внедрения электронных сервисов, аналитических платформ. В-третьих, формирует понятийный фундамент для правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в УИС, поскольку любое их внедрение требует ясного определения целей, границ, режимов доступа и ответственности.

Представляется обоснованным включение определения информационного обеспечения деятельности ФСИН России в один из концептуальных ведомственных актов либо в перспективный федеральный закон об основах деятельности УИС. Легальное закрепление данной категории позволило бы устранить терминологическую неопределенность, обеспечить согласованность правового регулирования и создать научно обоснованную основу для цифровой трансформации ФСИН России.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The use of identity systems to ensure security at sensitive facilities of the ugo-catch-executive system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents// Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in government institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in the processing of data in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penal system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects//Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-251-258
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ФИЛАТОВ Кирилл Сергеевич,
Аспирант 2 года обучения
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: fks17@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. *Железнодорожный транспорт имеет существенное значение для социально-экономического развития страны. Важная роль этого вида транспорта подчеркивается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р, а также Транспортной стратегией Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р. Непосредственное влияние на стабильность всей железнодорожной отрасли оказывает правовой режим земель, предназначенных для функционирования железнодорожной транспортной системы. Целью исследования является анализ правового регулирования использования земель железнодорожного транспорта. Проанализировано воздействие на земельный правопорядок экономических и организационных реформ на железнодорожном транспорте. Для достижения цели исследования использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой метод, формально юридический метод. Исследованы основные проблемы установления и соблюдения правового режима земель железнодорожного транспорта. По результатам исследования, сделан вывод о том, что экономические преобразования и развитие железнодорожной сети, а также внедрение системных подходов к освоению и развитию территорий, прилегающих к железнодорожному полотну, находят отражение в правовом режиме земель железнодорожного транспорта, обуславливая особенности их использования и оборота. Специфика земельно-правового режима во многом связана с особым статусом ОАО «Российское железные дороги» как основного правообладателя земель, находящихся в публичной собственности, с предоставлением ему прав передачи земельных участков в пользование иным лицам. Процессы территориального развития оказываются причиной увеличения легальных видов использования полос отвода железных дорог, что усложняет правовой режим земель железнодорожного транспорта в этой части.*

Ключевые слова*: земли железнодорожного транспорта, земли транспорта, железнодорожный транспорт, использование земель транспорта.*

FILATOV Kirill Sergeevich,
2nd year postgraduate student,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

REGULATION OF THE USE OF LAND OF RAILWAY TRANSPORT

Annotation. *Trail transport is of significant importance for the socio-economic development of the country. The importance of this mode of transport is emphasized in the Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/28/2024 No. 4146-r "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036" and in the Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/27/2021 No. 3363-r "On the Transport Strategy of the Russian Federation up to 2030 with a forecast for the period up to 2035". The legal regime of land designated for the operation of the rail transport system directly impacts the stability of the entire railway industry. The aim of this study is to analyze the legal regulation of rail transport land use. The impact of economic and organizational reforms in rail transport on the land legal system is analyzed. To achieve the research objective, methods of analysis, synthesis, comparative legal methods, and formal legal methods were used. The key issues in establishing and enforc-*

ing the legal regime for land of rail transport were examined. The study concluded that economic transformations and development of the railway network, as well as the implementation of systemic approaches to the development of territories adjacent to the railway line, are reflected in the legal regime of railway lands, determining the specifics of their use and circulation. The specifics of the land legal regime are largely related to the special status of Joint-stock company "Russian Railways" as the primary holder of publicly owned lands, granting it the right to transfer land plots for use by others. Territorial development processes are leading to an increase in the legal uses of railway right-of-ways, which complicates the legal regime of railway lands in this area.

Key words*: land of railway transport, land of transport, railway transport, use of land of railway transport.*

Железнодорожный транспорт имеет существенное значение для социально-экономического развития страны. Согласно публичной статистике ОАО «РЖД», грузооборот железнодорожных грузовых перевозок в 2024 году составил 2523,8 млрд тарифных тонно-км [9], а пассажиропоток составил свыше 1 млрд 284,1 млн пассажиров [17]. Для сравнения, например, воздушные грузовые перевозки за 2024 год, согласно данным Росавиации, составили 487,7 тыс. т. грузов [24].

Важная роль этого вида транспорта в современных условиях подчеркивается в Распоряжении Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» [23], а также в Распоряжении Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» [22]. Важное значение для развития отрасли имеет сбалансированный правовой режим земель, предназначенных для функционирования железнодорожной транспортной системы. Для обеспечения деятельности организаций и эксплуатации объектов железнодорожного транспорта Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) предусмотрены особые условия правового регулирования использования земель (статья 90 и иные статьи ЗК РФ). Данные земли входят в состав категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения (Глава XVI ЗК РФ), отнесены к подкатегории земель «земли транспорта».

Проблемы правового режима земель железнодорожного транспорта являются постоянным предметом исследования. Правовое регулирование использования земель этой подкатегории изучалось в трудах Тарасенко О.В [26], Солдатовой Л.В.[25], Чернобай Е.Ю.[33], Ивакина В.И. [6], Прокопович Г.А.[20] и др.

Говоря о землепользовании в сфере железнодорожного транспорта, необходимо учитывать специфику земли как объекта земельных отношений, поскольку именно функции конкретного земельного участка в определенных видах деятельности становятся основой для земельных правоотношений и механизма правового регулирования [1]. Такую особую функцию выполняют и земли в рассматриваемой сфере. В частности, Солдатова Л.В. определяет земли железнодорожного транспорта как земли предоставляемые и используемые для размещения и обеспечения безопасного функционирования железнодорожного транспорта [25,с.22], подчеркивая тем самым основную функцию этих земель.

Безопасность и возможность беспрепятственного движения по железным дорогам лежит в основе необходимости установления специального регулирования полос отвода и охранных зон железных дорог. Баланс интересов в земельных отношениях не в последней степени взаимосвязан с подходом к государственной организации транспортных перевозок по железным дорогам.

В советский период железнодорожный транспорт был в исключительной государственной собственности и до 1991 года управление перевозками находилось в ведении Министерства путей и сообщения СССР [4]. В период 1990-2000-ых был осуществлен ряд преобразований экономических, в том числе и земельных отношений. В рамках земельной реформы была отменена исключительная государственная собственность на землю, были установлены начала для начала приватизации земель [2; 28], а право частной собственности на землю было закреплено на конституционном уровне в ст.36[7]. Среди итогов реформирования земельных правоотношений за 1991-1998 год отмечалось в том числе формирование земельного рынка и инфраструктуры, введение платы за пользование землей [15]. Этап преобразований был завершен принятием ЗК РФ [5], которым был определен правовой режим земель транспорта и установлены особенности правового режима земель железнодорожного транспорта. Согласно ст.90 п.2 ЗК РФ были установлены цели, для которых могут предоставляться земли железнодорожного транспорта, также данным пунктом установлено, что порядок установления и использования полос отвода железных дорог определяется Правительством Российской Федерации. Одновременно происходил процесс приватизации государственных и

муниципальных предприятий [3]. Также в рамках реформ была введена новая система коммерческих и некоммерческих юридических лиц.

Преобразования затронули и железнодорожную сферу. В период 1990-х годов в отношении железнодорожного транспорта не проводилась приватизация, железные дороги оставались в государственной собственности, в ведении созданного в этот период Министерства путей и сообщения Российской Федерации [14]. В результате реформы в 2000-х годов был реализован подход, в рамках которого железнодорожная инфраструктура осталась в федеральной публичной собственности. В тот же период произошло разделение функций государственного регулирования и управления железнодорожным транспортом. Для осуществления хозяйственного управления было учреждено ОАО «Российские железные дороги», а Министерство путей и сообщения РФ в 2004 году было упразднено [16].

Опыт России имеет отличия от сложившихся зарубежных подходов к организации функционирования железнодорожного транспорта. Так Хусаинов Ф.И. в своих исследованиях выделяет американский и европейский подход. Американский подход не предполагает существование единой инфраструктуры, принадлежащей публичному собственнику, вместо нее существует множество собственников железнодорожной инфраструктуры и транспорта [32]. Например, в штате Огайо железнодорожная сеть принадлежит нескольким компаниям таким как Genesee & Wyoming Inc [35], Gulf & Ohio Railways Inc [36] и др. Европейский подход предполагает существование единой инфраструктуры с публичным собственником, при этом могут существовать хозяйственные субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность по перевозке граждан с собственным парком вагонов. Например, в Германии таким публичным собственником является Deutsche Bahn [34]. В России, в силу государственных и экономических преобразований реализован собственный подход в организации железнодорожного транспорта, имеющий некоторые общие черты с европейским подходом и сочетающий публичный и частные элементы.

Преобразования в хозяйственных и земельных правоотношениях, повлияли на правоотношения в области земель, занятых железнодорожным транспортом. Вследствие того, что объекты железнодорожного транспорта в 1991 году остались в федеральной собственности [10], земельным законодательством в начале 1990-ых годов было установлено, что земли железнодорожного транспорта находятся в федеральной собственности. Согласно Указу Президента РФ от 16.12.1993 № 2144 «О федеральных природных ресурсах» [27] было определено, что к федеральным природным ресурсам относятся земельные участки, занятые транспортными системами, которые находятся в федеральной собственности. В дальнейшем в принятом в 1995 году Федеральном законе «О федеральном железнодорожном транспорте» от 25.08.1995 № 153-ФЗ в ст.5 было установлено, что земли железнодорожного транспорта являются землями федерального значения [30]. Далее в принятом в 2001 году ЗК РФ ст.27 п.5 ч.7 [5] было установлено, что земельные участки в государственной или муниципальной собственности, предоставленные для размещения объектов инфраструктуры транспорта общего пользования, ограничены в обороте. Таким образом, сохранилось единство земли и занятой ею железнодорожной инфраструктурой в рамках единого собственника в лице государства. При этом отметим, что в принятом в 2003 году Федеральном законе «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 № 17-ФЗ понятие земель железнодорожного транспорта изменилось [29].

Одним из изменений вследствие преобразований стало изменение процедуры предоставления земель железнодорожного транспорта. Сформировался новый порядок предоставления земель в аренду ОАО «РЖД», которое вправе передавать земельные участки в субаренду иным, заинтересованным в использовании данных земель, субъектам. Согласно Федеральному закону «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта» от 27.02.2003 № 29-ФЗ, регулирующего статус ОАО «РЖД», одним из основных принципов осуществления деятельности ОАО «РЖД» является сохранение единства и централизованного управления инфраструктурой железнодорожного транспорта общего пользования. Как следует из ст.4 данного закона в уставный капитал ОАО «РЖД» вносится имущество федерального железнодорожного транспорта. В отношении пользования ОАО «РЖД» земельными участками установлено следующее. Так, если земельный участок предоставлен или предназначен для размещения объектов федерального железнодорожного транспорта, ограничиваемых в обороте в соответствии с п.1 ст.8 данного Закона, как, например, магистральные железнодорожные линии, а также земельные участки, на которых размещены железнодорожные станции и железнодорожные вокзалы, то внесение таких земельных участков в уставный капитал ОАО «РЖД» не допускается. Они являются федеральной собственностью и предоставляются ОАО «РЖД» на основании договора аренды в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29.04.2006 № 264 «О порядке пользования земельными участками, являющи-

мися федеральной собственностью и предоставленными открытому акционерному обществу «Российские железные дороги». Согласно условиям пользования землями, переданными ОАО «РЖД» на основании договоров аренды, предусмотренным Постановлением от 29.04.2006 № 264, ОАО «РЖД» заключает договор аренды с территориальным органом Росимущества. Указанное Постановление также определяет содержание существенных условий такого договора аренды. Среди них должно быть обязательное условие о праве передачи земельного участка в субаренду гражданам и юридическим лицам в пределах срока действия договора аренды земельного участка без согласия Росимущества при условии его уведомления об этой передаче. Минэкономразвития утверждены ставки арендной платы для ОАО «РЖД» в каждом регионе [19] При этом отмечается, что ставки арендой платы существенно ниже рыночной [33, с.130]. Однако для договоров, которые заключены с 01.01.2026 [11] применяются ставки арендной платы, установленные Постановлением Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 [13]. Согласно указанному Постановлению, арендная плата рассчитывается исходя из процента от кадастровой стоимости земельного участка. Необходимо подчеркнуть, что в аренде ОАО «РЖД» находятся не только земли железнодорожного транспорта из категории земель промышленности, транспорта и иного специального назначения, но и из категории земель населенных пунктов.

Интерес в получении земельных участков у ОАО «РЖД» в субаренду для использования, может возникнуть у разных групп лиц. В первую очередь, необходимо указать, что в рамках реформы железнодорожного транспорта созданы коммерческие организации - операторы собственных парков вагонов, осуществляющие предпринимательскую операторскую деятельность на железных дорогах, они формируют рынок транспортных услуг. Также иные организации заинтересованы в использовании земель транспорта для осуществления коммерческой деятельности, связанных с железнодорожной отраслью, так и иной деятельностью.

Согласно ст. 90 п. 2 ЗК РФ устанавливается две основные цели использования земель железнодорожного транспорта: во-первых, для обеспечения деятельности организаций и, во-вторых, для эксплуатации объектов железнодорожного транспорта. Несмотря на то, что данное в федеральных законах определение земель транспорта указывает на необходимость использования земель преимущественно в целях обеспечения деятельности организаций и эксплуатации железнодорожных объектов, тем не менее, исходя из абз.2 подп.3 п.2 ст.90 ЗК РФ правовой режим земель железнодорожного транспорта дифференцирован. Так, согласно указанной выше норме, свободные земельные участки в пределах полос отвода железных дорог могут передаваться в аренду гражданам и юридическим лицам для сельскохозяйственного использования, оказания услуг пассажирам, складирования грузов, устройства погрузочно-разгрузочных площадок, сооружения прирельсовых складов и иных целей при условии соблюдения требований безопасности движения. Таким образом, перечень возможного использования в границах полос отвода железнодорожного транспорта не является закрытым, однако перечень ограничений, установленных законодательством существенный. Согласно Постановлению Правительства РФ от 12.10.2006 № 611 «О порядке установления и использования полос отвода и охранных зон железных дорог»[12], например, в том числе нельзя допускать размещение капитальных зданий и сооружений, многолетних насаждений и других объектов, ухудшающих видимость железнодорожного пути и создающих угрозу безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта.

Необходимо отметить ожидаемые изменения в правовом режиме земель железнодорожного транспорта вследствие технического развития данной транспортной сферы. В Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года[22] отмечается, что ключевой проблемой и вызовом является отсутствие высокоскоростного железнодорожного сообщения. В данный момент происходит процесс развития высокоскоростных железнодорожных магистралей, которые обуславливают появление новой инфраструктуры на железнодорожном транспорте. Так, например, осуществляется строительство высокоскоростной магистрали между Москвой и Санкт-Петербургом на основе заключенного в 2024 году концессионного соглашения о инфраструктуры высокоскоростного железнодорожного транспорта общего пользования[21]. Также в 2024 году Федеральный закон «О Железнодорожном транспорте» и Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 №18-ФЗ были дополнены положениями, которые урегулировали ряд вопросов в данной сфере [31]. Так было определено понятие инфраструктуры высокоскоростного железнодорожного транспорта, предназначенной для эксплуатации высокоскоростного железнодорожного подвижного состава; а также критерий отнесения железнодорожного состава к подвижному - скоростью более 200 километров

в час. Такой скоростной транспорт является в том числе объектом повышенной опасности, который требует как создания особой технологической системы обеспечения безопасности движения [8], так и принятия ряда мер, связанных с использованием земель транспорта. Для обеспечения безопасности Минтрансом установлены правила технической безопасности [18], которым установлены требования к эксплуатации сооружений и устройств инфраструктуры и путевого хозяйства высокоскоростного железнодорожного транспорта и других. Таким образом, по мере развития и распространения высокоскоростного железнодорожного транспорта актуальным станет вопрос уточнения правового режима правового режима земель в границах прохождения высокоскоростных магистралей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, возможно сделать вывод о том, что сформированный на основе политических и социально-экономических, преобразований на рубеже веков правовой режим земель железнодорожного транспорта продолжает трансформироваться под влиянием ряда организационных, технологических и экономических факторов. Так, возможно сделать вывод, что избран путь сохранения единой железнодорожной транспортной инфраструктуры, с передачей функций управления и распоряжения значительной частью земель железнодорожного транспорта, находящихся в публичной собственности, хозяйствующему субъекту - ОАО «РЖД». Такая модель, по нашему мнению, способствует развитию инфраструктурных проектов, а также оптимальному взаимодействию с иными субъектами, которые заинтересованы в использовании земель железнодорожного транспорта. Необходимость согласования функционирования железнодорожного транспорта с территориальным развитием становится одной из причин расширения перечня допустимых направлений использования полос отвода земель железнодорожного транспорта. Технологическое развитие, в том числе создание инфраструктуры высокоскоростных магистралей потребует уточнения правового режима всех земель железнодорожного транспорта в целях обеспечения его безопасного и бесперебойного функционирования.

Список литературы:

[1] Галиновская Е.А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление: монография- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[2] Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе»// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 29 ноября 1990 г., № 26, ст. 327

[3] Закон РФ от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 4 июля 1991 г., № 27, ст. 927

[4] Закон СССР от 15.04.1991 № 2104-1 «О железнодорожном транспорте». «Ведомости СНД СССР и ВС СССР» 1991 № 18, ст. 519

[5] Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, № 44, ст. 4147

[6] Ивакин, В. И. Правовой режим земель железнодорожного транспорта как объекта природной среды / В. И. Ивакин // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 4(40). – С. 269-274

[7] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)//»Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237

[8] На высоких скоростях. Высокоскоростные магистрали приходят в Россию// URL: https://www.kommersant.ru/doc/8194213?ysclid=mlh084icsd73301534 (дата обращения 22.03.2026)

[9] Погрузка на сети ОАО «РЖД» в 2024 году составила 1,181 млрд тонн//URL:https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=310553&ysclid=m6mhvux2w2390321122 (дата обращения 26.03.2026)

[10] Постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 16 января 1992 г., № 3, ст. 89

[11] Постановление Правительства РФ от 01.12.2025 № 1974 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации, 8 декабря 2025 г. № 49 ст. 7583

[12] Постановление Правительства РФ от 12.10.2006 № 611 «О порядке установления и использования полос отвода и охранных зон железных дорог». - электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[13] Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной

платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 30 ст. 3821

[14] Постановление Правительства РФ от 18.07.1996 № 848 «Об утверждении Положения о Министерстве путей сообщения Российской Федерации». «Собрание законодательства РФ», 29.07.1996, № 31, ст. 3746

[15] Постановление Правительства РФ от 26.06.1999 № 694 «О федеральной целевой Программе «Развитие земельной реформы в Российской Федерации на 1999 - 2002 годы»// Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 1999 г., № 27, ст. 337

[16] Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации»//»Собрание законодательства РФ», 09.08.2004, № 32, ст. 334

[17] Почти 1,3 млрд пассажиров перевезено на сети ОАО «РЖД» в 2024 году//://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=310554&ysclid=m6mi45rxx9933131381 (дата обращения 30.03.2026)

[18] Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 25 сентября 2025 г. № 350 «Об утверждении Правил технической эксплуатации высокоскоростного железнодорожного транспорта». - электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[19] Приказ Минэкономразвития России от 04.12.2006 № 396. «Об утверждении ставок арендной платы за земельные участки, являющиеся федеральной собственностью и предоставленные открытому акционерному обществу «Российские железные дороги», по субъектам Российской Федерации». // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 5, 29.01.2007.

[20] Прокопович, Г. А. Правовой режим земель железнодорожного транспорта: проблемы и решения / Г. А. Прокопович // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 4(112). – С. 24-27

[21] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июня 2024 г. № 1397-р «О заключении концессионного соглашения о финансировании, создании, эксплуатации инфраструктуры высокоскоростного железнодорожного транспорта общего пользования от станции Крюково (Алабушево) до станции Санкт-Петербург-Главный, приобретении и эксплуатации высокоскоростного железнодорожного подвижного состава, предназначенного для перевозки пассажиров и (или) багажа на созданной инфраструктуре по маршруту «Москва - Санкт-Петербург», с ООО «ВСМ Две Столицы» без проведения конкурса (с изменениями и дополнениями)»- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[22] Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года». - электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[23] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». - электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[24] Российские грузовые авиаперевозки выросли впервые за три года/ http://www.ato.ru/content/rossiyskie-gruzovye-aviaperevozki-vyrosli-vpervye-za-tri-goda?ysclid=m6o00duu7a311863778 (дата обращения 22.03.2026)

[25] Солдатова Л.В..Правовой режим земель железнодорожного транспорта: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.06 / Солдатова Лариса Владимировна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Саратов, 2008 - 187 с.

[26] Тарасенко О.В. Правовой режим земель транспорта: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.06/ Тарасенко Оксана Валерьевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Москва, 2009. — 202 с.

[27] Указ Президента РФ от 16.12.1993 № 2144 «О федеральных природных ресурсах// Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 1993 г. № 51 ст. 4932

[28] Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»// Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 2 января 1992 г., № 1, ст. 53

[29] Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 13.01.2003, № 2, ст. 169

[30] Федеральный закон от 25 августа 1995 г. № 153-ФЗ «О федеральном железнодорожном транспорте»// Собрание законодательства Российской Федерации от 28 августа 1995 г. № 35, ст. 3505

[31] Федеральный закон от 30.11.2024 № 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» и статьи 2 и 81 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[32] Хусаинов Ф.И. Реформа железнодорожной отрасли: проблемы незавершённой либерализации// Аналитический доклад для Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2014 – 180 с.

[33] Чернобай Е.Ю. Правовой режим земель полосы отвода железных дорог: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.06 / Чернобай Екатерина Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2014. - 224 с.

[34] Deutsche Bahn.URL: https://www.bahn.de/ (дата обращения 19.03.2026)

[35] Genesee & Wyoming Inc.URL: https://www.gwrr.com/ (дата обращения 19.03.2026)

[36] Gulf & Ohio Railways. URL:https://gulfanadohio.com/ (дата обращения 19.03.2026)

References:

[1] Galinovskaya E.A. Land legal relationship as a socio-legal phenomenon: monograph - electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[2] Law of the RSFSR of November 23, 1990 “On Land Reform “//Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR of November 29, 1990, No. 26, Art. 327

[3] Law of the Russian Federation of 03.07.1991 No. 1531-1 “On the privatization of state and municipal enterprises in the Russian Federation “//Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR of July 4, 1991, No. 27, Art. 927

[4] USSR Law No. 2104-1 dated 15.04.1991 “On Railway Transport.” “Vedomosti SND of the USSR and the USSR Armed Forces” 1991 No. 18, Art. 519

[5] Land Code of the Russian Federation” dated 25.10.2001 No. 136-FZ// “Collection of Legislation of the Russian Federation,” 29.10.2001, No. 44, Art. 4147

[6] Ivakin, V. I. Legal Regime of Railway Transport Lands as an Object of Natural Environment/V. I. Ivakin//Transport Law and Safety. – 2021. – № 4(40). - S. 269-274

[7] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)// Rossiyskaya Gazeta dated December 25, 1993 No. 237

[8] At high speeds. High-speed highways come to Russia//URL: https://www.kommersant.ru/doc/8194213?ysclid=mlh084icsd73301534 (date of contact 22.03.2026)

[9] Loading on the Russian Railways network in 2024 amounted to 1.181 billion tons//URL: https://company.rzd.ru/ru/9397/
page/104069?id=310553&ysclid=m6mh-vux2w2390321122 (date of circulation 26.03.2026)

[10] Decree of the Armed Forces of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 3020-1 “On the delimitation of state property in the Russian Federation on federal property, state property of republics within the Russian Federation, territories, regions, autonomous regions, autonomous districts, cities of Moscow and St. Petersburg and municipal property “// Vedomosti Congress of People’s Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR of January 16, 1992, No. 3, Art. 89

[11] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2025 No. 1974 “On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation, December 8, 2025 No. 49 Art. 7583

[12] Decree of the Government of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 611 “On the Procedure for the Establishment and Use of Right-of-Way and Protection Zones of Railways.” - electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[13] Decree of the Government of the Russian Federation of 16.07.2009 No. 582 “On the basic principles of determining rent when renting land plots owned by the state or municipal property, and on the Rules for determining the amount of rent, as well as the procedure, conditions and terms for paying rent for land owned by the Russian Federation”//Collection of legislation of the Russian Federation dated July 27, 2009 No. 30, Art. 3821

[14] Decree of the Government of the Russian Federation of 18.07.1996 No. 848 “On approval of the Regulation on the Ministry of Railways of the Russian Federation.” Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.07.1996, No. 31, Art. 3746

[15] Decree of the Government of the Russian Federation of 26.06.1999 No. 694 “On the Federal Target Program “Development of Land Reform in the Russian Federation for 1999-2002 “//Collection of Legislation of the Russian Federation of July 5, 1999, No. 27, Art. 337

[16] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.07.2004 No. 395 “On Approval of the Regulation on the Ministry of Transport of the Russian Federation “//” Collection of Legislation of the Russian Federation, “09.08.2004, No. 32, Art. 334

[17] Almost 1.3 billion passengers were transported on the Russian Railways network in 2024//:// company.rzd.ru/ru/9397/page/104069? id = 310554 & ysclid = m6mi45rx9933131381 (date of appeal 30.03.2026)

[18] Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation of September 25, 2025 No. 350 “On approval of the Rules for the technical operation of high-speed railway transport.” - electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[19] Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 396 dated 04.12.2006 . “On approval of rental rates for land plots that are federal property and provided to the open joint-stock company Russian Railways, by constituent entities of the Russian Federation. “//Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies, No. 5, 29.01.2007.

[20] Prokopovich, G. A. The legal regime of railway transport lands: problems and solutions/G. A. Prokopovich//Agrarian and land law. – 2014. – № 4(112). - S. 24-27

[21] Order of the Government of the Russian Federation of June 5, 2024 No. 1397-r "On the conclusion of a concession agreement on the financing, creation, operation of public high-speed railway infrastructure from Kryukovo station (Alabushevo) to the St. Petersburg-Glavny station, the acquisition and operation of high-speed railway rolling stock intended for the transportation of passengers and (or) baggage on the created infrastructure on the route "Moscow - St. Petersburg," with LLC "VSM Two Capitals" without a competition (as amended and supplemented) "- electronic resource: SPS "ConsultantPlus"

[22] Order of the Government of the Russian Federation of 27.11.2021 No. 3363-r "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035." - electronic resource: SPS "ConsultantPlus"

[23] Order of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast until 2036." - electronic resource: SPS "ConsultantPlus"

[24] Russian air cargo increased for the first time in three years/ http://www.ato.ru/content/rossiyskie-gruzovye-aviaperevozki-vyrosli-vpervye-za-tri-goda?ysclid=m6o00duu7a311863778 (circulation date 22.03.2026)

[25] Soldatova L.V. Legal regime of railway transport lands: thesis... Candidate of Law: 12.00.06/ Soldatova Larisa Vladimirovna; [Place of defense: Mosk. state university named after M.V. Lomonosov]. - Saratov, 2008 - 187 p.

[26] Tarasenko O.V. Legal regime of transport lands: thesis... Candidate of Law: 12.00.06/Tarasenko Oksana Valerievna; [Place of defense: Mosk. state university named after M.V. Lomonosov]. - Moscow, 2009. - 202 s.

[27] Decree of the President of the Russian Federation of 16.12.1993 No. 2144 "On Federal Natural Resources//Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation of 1993 No. 51 Art. 4932

[28] Decree of the President of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 323 "On urgent measures to implement land reform in the RSFSR "// Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation of January 2, 1992, No. 1, Art. 53

[29] Federal Law of 10.01.2003 No. 17-FZ "On Railway Transport in the Russian Federation "//" Collection of Legislation of the Russian Federation," 13.01.2003, No. 2, Art. 169

[30] Federal Law of August 25, 1995 No. 153-FZ "On Federal Railway Transport "//Collection of Legislation of the Russian Federation of August 28, 1995 No. 35, Art. 3505

[31] Federal Law of 30.11.2024 No. 448-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Railway Transport in the Russian Federation" and Articles 2 and 81 of the Federal Law "Charter of Railway Transport of the Russian Federation" Access from the legal system "ConsultantPlus"

[32] Khusainov F.I. Reform of the railway industry: problems of incomplete liberalization//Analytical report for the Expert Institute of the National Research University "Higher School of Economics." 2014 - 180 p.

[33] Chernobay E.Yu. Legal regime of railway right-of-way lands: thesis... Candidate of Law: 12.00.06/Chernobay Ekaterina Yurievna; [Place of defense: Mosk. state. jurid. acad. them O.E. Kutafina]. - Moscow, 2014. - 224 s.

[34] Deutsche Bahn.URL: https://www.bahn.de/ (accessed on 19.03.2026)

[35] Genesee & Wyoming Inc.URL: https://www.gwrr.com/ (Accessed 19.03.2026)

[36] Gulf & Ohio Railways. URL: https://gulfandohio.com/ (access date 19.03.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-259-267

АНИСИМОВА Дарья Алексеевна,
лаборант-исследователь,
e-mail: Leskova6011@yandex.ru

БОРИСОВА Виолетта Викторовна,
лаборант-исследователь,
e-mail: violettaborisova205@gmail.com

ИЗУТИНА Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова,
e-mail: izutina.sv@rea.ru

ТОВАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ДОКАЗЫВАНИЯ В СПОРАХ О КАЧЕСТВЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ: ПРАКТИКА РОСПОТРЕБНАДЗОРА И СУДОВ

Аннотация. *В современных условиях обеспечения качества и безопасности пищевой продукции является одной из приоритетных задач государственной политики в сфере защиты прав потребителей. Ключевым инструментом юридически значимой оценки потребительских свойств товара выступает товарная экспертиза, результаты которой образуют фундамент доказательственной базы как в административном, так и в гражданском судопроизводстве будь это судебная или досудебная стадии. Настоящая статья посвящена комплексному анализу роли товарной экспертизы в механизме доказывания по спорам, связанным с оборотом пищевой продукции. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, а также метод системного толкования правовых норм в совокупности с изучением обширной правоприменительной практики Роспотребнадзора и судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции, которые играют важную роль при формировании судебной практики и последующего их применения судами. Научная новизна работы заключается в выявлении устойчивой тенденции трансформации товарной экспертизы из вспомогательного средства доказывания в системообразующий элемент риск-ориентированного надзора, интегрированного с цифровыми началами, а именно платформами мониторинга, что значительно упрощает контроль в данной сфере. В статье исследуются ключевые проблемы, выявленные из практики, а также предложены меры, способствующие решению представленных проблем. В работе обосновывается вывод о том, что товарная экспертиза в современных условиях выступает не только способом фиксации правонарушения, но и ключевым элементом правового механизма, обеспечивающим объективизацию доказывания и баланс публичных интересов с правами хозяйствующих субъектов.*

Ключевые слова: *товарная экспертиза; защита прав потребителей; качество пищевой продукции; риск-ориентированный надзор; судебная практика; Роскомнадзор.*

ANISIMOVA Daria Alekseevna,
Laboratory researcher

BORISOVA Violett Viktorovna,
Laboratory researcher

IZUTINA Svetlana Viktorovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
at the Plekhanov Russian University of Economics

PRODUCT EXPERTISE AS A KEY TOOL FOR PROVING THE QUALITY AND SAFETY OF FOOD PRODUCTS: ROSPOTREBNADZOR AND COURT PRACTICE

Annotation. *In today's conditions, ensuring the quality and safety of food products is one of the priority tasks of state policy in the field of consumer rights protection. The key tool for a legally significant assessment of the consumer properties of a product is a product examination, the results of which form the foundation of the evidence base in both administrative and civil proceedings, whether in court or in the pre-trial stage. This article provides a comprehensive analysis of the role of product examination in the mechanism of proof in disputes related to the circulation of food products. The methodological basis of the study is based on general scientific methods of analysis and synthesis, the formal-legal method, as well as the method of systemic interpretation of legal norms, combined with the study of the extensive law enforcement practice of Rospotrebnadzor and court decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction, which play an important role in shaping judicial practice and its subsequent application by courts. The scientific novelty of the work lies in identifying a steady trend of the transformation of commodity expertise from an auxiliary means of proof into a system-forming element of risk-oriented supervision, integrated with digital principles, namely monitoring platforms, which significantly simplifies control in this area. The article explores key issues identified from practice and proposes measures to address these issues. The paper substantiates the conclusion that commodity examination in modern conditions is not only a way of recording an offense, but also a key element of the legal mechanism that ensures the objectification of proof and the balance between public interests and the rights of business entities.*

Key words: *product examination; consumer rights protection; food product quality; risk-based supervision; judicial practice; Roskomnadzor.*

В соответствии со статьей 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в случае возникновения разногласий относительно причин появления недостатков товара обязанность по организации и оплате экспертизы возлагается на продавца либо изготовителя. Вместе с тем потребитель не лишён права инициировать проведение независимого экспертного исследования за собственный счёт.

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 72 утверждён перечень родов и видов судебных экспертиз, выполняемых федеральными бюджетными судебно-экспертными учреждениями системы Минюста России. Указанным нормативным актом товароведческая экспертиза определяется как исследование:

– непродовольственных товаров промышленного производства, в том числе с целью установления их стоимости;
– продовольственных товаров.

Отдельно выделяется автотовароведческая экспертиза, предметом которой являются транспортные средства.

Проведение товароведческой экспертизы позволяет установить потребительские свойства продукции посредством анализа различных показателей, а также определить её количественные и качественные характеристики.

Содержание товароведческой экспертизы заключается в исследовании товарных и потребительских свойств изделий с использованием специальных знаний для выявления их фактического качества, что подтверждается разъяснениями, содержащимися в информационном письме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № С1-7/ОП-520.

Основная задача товароведческой экспертизы состоит в комплексной оценке ключевых характеристик товара, к которым относятся ассортимент, качество, количество и стоимость. Именно по данным критериям традиционно проводится классификация видов товароведческих исследований.

Товароведческая экспертиза может осуществляться как на досудебной стадии, так и в рамках судебного разбирательства. Физические и юридические лица вправе самостоятельно обратиться за проведением такого исследования до обращения в суд. Полученное заключение впоследствии может быть представлено в качестве доказательства по делу.

В то же время досудебная товароведческая экспертиза не обладает всеми признаками судебного экспертного заключения. В соответствии с пунктом 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23, результаты внесудебного исследования квалифицируются процессуальным законодательством как «иное доказательство», а не как полноценное судебное экспертное заключение.

Товароведческая экспертиза, как правило, инициируется покупателем в случае возникновения разногласий с продавцом относительно обнаруженных в товаре недостатков. По истечении гарантийного срока обязанность по организации и оплате экспертного исследования, как правило, возлагается на самого потребителя.

Основанием для проведения товароведческой экспертизы со стороны продавца выступает письменное обращение (претензия) покупателя, выявившего дефекты продукции. Недостатки могут быть как препятствующие использованию товара, так и нарушающие его нормальные свойства, в том числе внешний вид (сколы, повреждения и т. д.). Если товар находится на гарантии и этот срок не истек, то требовать независимой товароведческой экспертизы можно за счет продавца. Например, если мобильный телефон перестал работать спустя неделю после его приобретения. Как и любое независимое исследование, товароведческая экспертиза, которая проводится по инициативе одной из сторон сделки, должна быть объективной. Это значит, что результаты исследования следует оформить так, чтобы их можно было проверить и исключить сомнения в заинтересованности кого-либо в получении нужных данных в интересах одной из сторон (ст. 8 закона № 73-ФЗ). Если покупатель решил провести независимую товароведческую экспертизу, перед началом он обязан уведомить об этом продавца. Лучше всего направить ему список вопросов и наименование учреждения, в которое обратился покупатель, а также точно описать характеристики исследуемого товара и указать возможные причины дефектов. Итоговое заключение товароведческой экспертизы следует направить продавцу и написать заявление об устранении недостатков за его счет. Сюда же следует отнести и расходы в виде затрат на экспертизу. Чтобы заключение товароведческой экспертизы имело юридическую силу для дальнейшего использования в суде в качестве доказательства, оно должно быть составлено по правилам АПК, ГПК, КАС, УПК, т. е. фактически не должно отличаться от того заключения, которое проводилось бы по акту суда. В процессуальных кодексах указаны обязательные реквизиты и сведения, которые должны содержаться в заключении судебной товароведческой экспертизы (ст. 86 АПК, ст. 86 ГПК, ст. 82 КАС, ст. 204 УПК). При их отсутствии заключение не будет иметь юридической силы. Проследите, что заключение, которое вы получаете в рамках досудебной товароведческой экспертизы, также соответствует этим требованиям. Также заключение товароведческой экспертизы должно соответствовать требованиям статей 16 и 25 закона № 73-ФЗ, а также отвечать признакам: достоверности, обоснованности. Прежде чем просить о проведении товароведческой экспертизы, проверьте полномочия и квалификацию эксперта. Эти сведения должны быть подтверждены соответствующим дипломом, членством в организации, характеристикой или представлением, трудовой книжкой эксперта. Для экспертиз подобного рода рекомендуется обращать внимание на стаж работы эксперта, а также на виды товаров, которые им чаще всего изучаются и оцениваются. [1]

Рассмотрим материалы судебной практики, касаемо проведения товароведческой экспертизы.

Анализ доклада Управления Роспотребнадзора по Астраханской области за 2022 год [2] показывает, что в период действия моратория на проведение проверок (Постановление Правительства РФ № 336) значение товарной экспертизы существенно возросло. Ее результаты стали основой как для инициирования контрольно-надзорных мероприятий, так и для формирования доказательственной базы по делам о нарушении требований к качеству и безопасности пищевой продукции.

Во-первых, лабораторные исследования выступали фактическим основанием для проведения внеплановых проверок при наличии угрозы жизни и здоровью населения. Например, сведения о возможном обороте метанолсодержащей продукции в ООО «Электротехническая компания» послужили поводом для контрольных мероприятий, а результаты исследований ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии» стали ключевым доказательством, обосновавшим проведение проверки и последующее административное производство.

Во-вторых, экспертиза имеет существенное процессуальное значение при квалификации правонарушений, поскольку позволяет идентифицировать продукцию и определить ее безопасность. Так, в деле о фальсификации молочной продукции бренда «Новая деревня» (ООО «Молпромкубань») лабораторные заключения выявили повышенное содержание фитостеринов, что подтвердило факт подмены молочного жира и позволило квалифицировать действия по ч. 2 ст. 14.7 и ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ. Аналогичным образом обнаружение метанола в антиобледенительной

жидкости «АntiЛёд» подтвердило потенциальную угрозу причинения вреда и стало основанием для привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 14.43 КоАП РФ.

В-третьих, результаты товарной экспертизы играют важную роль в доказывании вины изготовителя. Экспертные заключения формируют основу доказательственной базы как в административном, так и в гражданском судопроизводстве. В частности, в деле ООО «Молпромкубань» подтверждение выпуска небезопасной продукции позволило не только привлечь производителя к административной ответственности, но и добиться судебного решения о прекращении противоправных действий в отношении неопределенного круга потребителей.

В-четвертых, экспертиза при оценке условий хранений. Применение инструментальных методов контроля позволяет фиксировать нарушения температурного режиме хранения, что напрямую влияет на качество продукции. Примером может послужить дело, в котором в ходе проверки ИП Щетинина В.А. (рынок «Большие Исады») замеры температуры подтвердили несоблюдение требований СанПиН, что свидетельствует о неразрывной связи инструментального контроля с оценкой безопасности продукции.

Схожие выводы содержатся и в Государственном докладе «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году» [3]. В нем подчеркивается, что в условиях ограничений на проведение плановых проверок именно результаты лабораторных и инструментальных исследований становятся ключевым основанием для внепланового контроля и важнейшим элементом формирования административной и судебной практики в сфере защиты прав потребителей. Товарная экспертиза в современной системе государственного контроля постепенно приобретает системообразующее значение.

Во-первых, она тесно связана с развитием риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности. Согласно государственному докладу, количество индикаторов риска нарушения обязательных требований было увеличено с 34 до 47. Анализ данных государственной информационной системы маркировки «Честный знак» выявил более 13 тыс. срабатываний индикаторов, что послужило основанием для проведения свыше 5 тыс. внеплановых проверок. Таким образом, цифровая аналитика выступает первоначальным сигналом, после которого назначаются инструментальные и лабораторные исследования продукции.

Во-вторых, экспертные заключения имеют прямые юридические последствия. Именно результаты исследований становятся основанием для квалификации правонарушений и применения мер ответственности. В 2024 г. было составлено свыше 16 тыс. протоколов об административных правонарушениях, преимущественно по ст. 14.43 КоАП РФ. Судами также выносились решения о конфискации продукции и ее уничтожении, а материалы ряда проверок передавались в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел по фактам обращения опасной продукции.

В-третьих, правовые последствия использования экспертных заключений.

Результаты лабораторных и товароведческих исследований служат основой для квалификации выявленных нарушений и применения мер административного воздействия. В 2024 году было составлено 16 927 протоколов об административных правонарушениях, преимущественно по ст. 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. По итогам судебного рассмотрения вынесено 1 335 постановлений о конфискации продукции общей стоимостью 129,3 млн рублей, а также выдано 526 предписаний об уничтожении небезопасной пищевой продукции. В 69 случаях материалы проверок, содержащие результаты экспертных исследований, были направлены в правоохранительные органы; по 12 из них возбуждены уголовные дела по ст. 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это подчёркивает значимость экспертных заключений как доказательственного средства в административном, гражданском и уголовном процессе.

Показательным является дело, связанное с деятельностью ООО «Молпромкубань». В результате лабораторных исследований, проведённых специалистами ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Астраханской области» и ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Волгоградской области», было установлено несоответствие молочной продукции требованиям технического регламента Таможенного союза ТР ТС 033/2013. Обнаружение фитостеринов свидетельствовало о замене молочного жира растительными компонентами, что подтвердило факт фальсификации продукции. Указанные экспертные заключения сформировали основу доказательственной базы, позволив привлечь изготовителя к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.7 и ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ с назначением штрафа в размере 200 тысяч рублей.

Несмотря на привлечение хозяйствующего субъекта к административной ответственности, противоправная деятельность фактически не была прекращена, поскольку производитель не предпринял необходимых мер по изъятию небезопасной продукции из гражданского оборота. В сложившейся ситуации именно результаты товароведческой экспертизы приобрели значение

юридически значимого факта, достаточного для запуска механизмов гражданско-правовой защиты прав неопределённого круга потребителей.

Территориальный орган Роспотребнадзора обратился в суд с исковым заявлением, в котором ключевыми доказательствами выступили экспертные заключения, подтверждающие факт производства и реализации фальсифицированной продукции. На основании данных доказательств Краснодарский краевой суд, рассматривая дело в апелляционном порядке, возложил на ООО «Молпромкубань» обязанность прекратить противоправные действия.

Из приведённой правоприменительной практики следует, что товароведческая экспертиза выполняет не только функцию установления признаков административного правонарушения, но и играет системообразующую роль в процессе доказывания по гражданским делам. Она создаёт правовые предпосылки для перехода от единичного применения мер ответственности к пресечению деятельности, потенциально опасной для неопределённого круга потребителей. В данном контексте экспертные заключения приобретают характер самостоятельного и достаточного доказательства, на основе которого формируется дальнейшая доказательственная конструкция, включая установление причинно-следственной связи между действиями производителя и нахождением в обороте продукции, не отвечающей требованиям безопасности.

Взаимодействие экспертных методов с цифровыми инструментами контроля.

Государственный доклад также фиксирует тенденцию к интеграции традиционных экспертных исследований с цифровыми системами мониторинга, в частности с государственной системой маркировки товаров «Честный знак». При проведении проверок, инициированных на основании срабатывания индикаторов риска в государственной информационной системе мониторинга товаров, нарушения требований к маркировке были выявлены у 31 % проверенной продукции, что составило 604 669 единиц. Кроме того, обращения граждан, направленные через мобильное приложение «Честный знак» (15 866 сообщений), в 43,96 % случаев подтвердили наличие признаков нарушений и могли служить основанием для назначения последующих экспертных исследований.

Обобщая положения Государственного доклада, можно сформулировать ряд выводов:

– товароведческая экспертиза органично встроена в модель риск-ориентированного государственного надзора и выполняет функцию подтверждения и верификации данных, полученных в результате цифрового мониторинга;
– широкое использование лабораторных и инструментальных методов, охватывающее около 77 % контрольных мероприятий, способствует повышению объективности процесса доказывания и снижает влияние субъективного усмотрения должностных лиц;
– экспертное заключение выступает универсальным доказательственным инструментом, обеспечивающим преемственность и взаимосвязь между административным, уголовным и гражданским судопроизводством;
– система маркировки «Честный знак» выполняет роль предварительного аналитического фильтра, позволяющего более эффективно отбирать объекты для проведения углублённого инструментального и лабораторного контроля.

Сопоставление докладов Роспотребнадзора за 2022 и 2024 гг. позволяет говорить о заметной трансформации роли товарной экспертизы. Масштаб применения инструментальных методов также существенно возрос, что усилило значение экспертных заключений как в административных производствах, так и в судебных спорах, включая дела в защиту неопределенного круга потребителей.

Можно отметить тенденцию трансформации товарной экспертизы из вспомогательного средства доказывания, применяемого в критических ситуациях (угроза жизни или несуществующие в жизни предприятий). Она переходит в необходимый элемент риско-ориентированного государственного надзора. Если ранее экспертные исследования использовались главным образом для подтверждения факта нарушения, то в настоящее время их функции расширились и включают верификацию цифровых данных, обоснование проведения внеплановых проверок в условиях моратория, а также формирование доказательственной базы при защите прав неопределённого круга потребителей в гражданском судопроизводстве.

В 2022 году, в условиях только введенного моратория на проверки, экспертиза выполняла преимущественно роль некого фильтра, который преодолевает запреты при наличии непосредственной угрозы жизни и здоровью граждан. Доказательственное значение экспертизы было локальным несмотря на то, что ее ценность оставалась высокой. Но проводимая экспертиза была связана с конкретными случаями выявления фальсифицированной или опасной продукции.

Уже к 2024 году товарная экспертиза приняла не локальный характер, а стала неотъемле-

мой частью постоянно функционирующей системы управления рисками в сфере рынка потребителей. Ключевым фактором выступила интеграция с цифровыми системами. В первую очередь речь идет об интеграции с ГИС МТ, имеющее название «Честный знак». Срабатывание индикаторов риска в цифровой среде стало служить основанием для проведения традиционных лабораторных исследований, которые, в свою очередь, выполняют функцию подтверждения и уточнения полученных цифровых данных.

Таким образом, в современных реалиях и цифровизации, наблюдается тенденция интеграции товарной экспертизы в цифровую экосистему государства. На сегодняшний день проявляется модель, в которой экспертные данные используются не только в случае оглашения нарушений и в последствии к административной ответственности, но и также для формирования доказательственной базы в гражданском судопроизводстве. В том числе если мы говорим о делах, которые связаны с защитой прав неопределенного круга потребителей.

Анализ судебной практики (решение арбитражного суда и обзора Роскомнадзора) [4, 5] позволяют выделить несколько принципиальных положений относительно доказательственного значения товарной экспертизы.

Во-первых, заключение эксперта фактически выступает единственным надлежащим доказательством соответствия продукции требованиям технических регламентов и государственных стандартов. Такие выводы признаются достоверными лишь при условии соблюдения установленной процедуры исследования. В случае отклонения от обязательных методик, результаты лишаются доказательственной силы. Примером может послужить решении Арбитражного суда Смоленской области по делу № А62-6573/2022 указано, что сведения о соответствии продуктов питания требованиям ГОСТ могут быть получены исключительно в рамках процедур, отвечающих требованиям ст. 68 АПК РФ. Нарушение порядка отбора образцов, условий проведения лабораторных испытаний либо требований к квалификации специалистов влечёт признание полученных результатов ненадлежащими доказательствами.

Во-вторых, особое значение имеет соблюдение правил проведения органолептической оценки. Даже при наличии полномочий на проведение экспертизы общественные организации обязаны следовать требованиям государственных стандартов. Так в одном из дел, судебная экспертиза выявила многочисленные нарушения процедуры (оценка цветовых характеристик при ненадлежащем освещении; предварительная термическая обработка продукции до начала испытаний; применение сладкого чая для восстановления чувствительности дегустаторов; а также проведение оценки запаха в помещении с посторонними ароматами). Суд пришел к выводу, что нарушение методологии проведения исследований рассматривается как совокупность существенных изъянов процедуры, ставящих под сомнение достоверность всех полученных результатов.

В-третьи, разграничение общественного контроля и экспертной деятельности. Формирование юридически значимых выводов о несоответствии продукции обязательным требованиям возможно лишь на основании исследований, проведенных аккредитованными лабораториями. Общественные организации вправе лишь выступать с инициативой для проверки и фиксации выявленных нарушений. Участие организаций, не обладающих соответствующей аккредитацией и не соблюдающих требования профильных стандартов (в том числе ГОСТ ISO/IEC 17025, а также ГОСТ ISO 8586), не обеспечивает надлежащей доказательственной силы результатов.

В-четвертых, при предмете доказывания оцениваются только свойства продукции, но и в том числе корректность проведенного исследования. В спорах о защите деловой репутации, связанных с распространением сведений о некачественной продукции, то есть сведений, порочащих деятельность компании, предметом товарной экспертизы становится и качество самого товара и качество непосредственного проведенного исследования над товаром. Обзоры судебной практики подтверждают, что суды проверяет условия, которые были предприняты для проведения исследования (процедура отбора образцов; условия транспортировки и хранения образцов; соответствие помещения и оборудования, установленных в ГОСТ). В случае установления процессуальных нарушений при проведении первичной проверки, считается, что это достаточное основание для признания таких полученных результатов недостоверными.

В-пятых, значение экспертных заключений при квалификации правонарушений. Обобщение практики Роспотребнадзора показывает, что результаты лабораторных испытаний и товароведческих исследований выступают основным доказательством при установлении состава административных правонарушений, связанных с оборотом фальсифицированной продукции, несоблюдением требований технических регламентов (ст. 14.43 КоАП РФ) и недостоверным декларированием товаров (ст. 14.44 КоАП РФ). Обнаружение в ходе экспертизы отклонений от заявленных характеристик, включая несоответ-

ствие жирно-кислотного состава или микробиологических показателей, формирует объективную сторону соответствующего правонарушения.

В-шестых, приоритет научно обоснованных экспертных выводов над субъективными оценками. В судебной практике закрепился подход, согласно которому субъективные мнения потребителей либо участников общественных проверок о вкусовых, органолептических или визуальных свойствах продукции не могут служить альтернативой результатам судебной экспертизы, проведённой с соблюдением утверждённых методик. Так, в решении по делу № А62-6573/2022 суд указал, что ссылки на подобные оценки носят декларативный характер и не восполняют отсутствие доказательств соблюдения стандартизированной процедуры исследования.

На основании анализа нормативных положений и правоприменительной практики можно выделить ряд системных проблем, а также возможные направления их разрешения.

1. Проблема разграничения правового статуса досудебной и судебной экспертизы.

Внесудебные исследования, проводимые по инициативе сторон до обращения в суд, обладают более низкой доказательственной силой и в соответствии с процессуальным законодательством квалифицируются как «иные доказательства», а не как полноценные экспертные заключения (п. 13 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 23). Такая правовая неопределённость затрудняет унификацию требований к содержанию и методике проведения досудебных экспертиз. Несоблюдение формальных критериев, предъявляемых к судебным экспертным заключениям (в частности, требований ст. 86 ГПК РФ и 86 АПК РФ), нередко приводит к признанию таких документов ненадлежащими доказательствами и отказу суда в их приобщении к материалам дела.

В качестве возможного решения представляется целесообразным нормативное закрепление единых процессуальных стандартов проведения внесудебных экспертных исследований. В частности, представляется обоснованным дополнение Федерального закона № 73-ФЗ положениями, устанавливающими обязательные требования к методике проведения досудебных экспертиз, порядку фиксации условий исследования, а также оформлению результатов, включая использование фотофиксации и иных средств документирования. Одновременно в процессуальные кодексы (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) может быть введена норма, согласно которой нарушение установленных требований ГОСТ, санитарных правил и технических регламентов при отборе, хранении и исследовании образцов влечёт признание экспертного заключения недопустимым доказательством.

2. Проблемы сопряжения традиционных экспертных методов с цифровыми системами мониторинга.

Развитие государственных информационных систем, в частности системы маркировки товаров, актуализировало вопрос о правовой верификации данных, формируемых в цифровой среде. На практике экспертные исследования выполняют функцию подтверждения достоверности индикаторов риска, выявленных посредством автоматизированного анализа данных. Вместе с тем действующее законодательство не содержит исчерпывающего регулирования порядка трансформации таких «цифровых сигналов» в процессуально значимые основания для проведения инструментальных и лабораторных контрольных мероприятий. Это обстоятельство создаёт риск как избыточного административного вмешательства, так и, напротив, пропуска потенциально опасных нарушений.

В целях устранения указанной правовой неопределённости представляется целесообразным совершенствование нормативной базы. В частности, Федеральный закон № 248-ФЗ может быть дополнен положением, предусматривающим признание срабатывания индикаторов риска в государственных информационных системах, включая систему маркировки товаров, самостоятельным основанием для назначения внеплановых контрольных мероприятий с обязательным проведением экспертного исследования. Кроме того, в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» возможно введение категории «цифровой предэкспертизы», под которой следует понимать автоматизированный анализ данных маркировки, предшествующий назначению лабораторных испытаний. На уровне подзаконного регулирования целесообразно утвердить единый порядок передачи цифровых данных из государственных информационных систем в экспертные учреждения. Одновременно могут быть внесены изменения в статьи 71 Гражданского процессуального кодекса и 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающие признание таких данных допустимыми доказательствами без необходимости их нотариального удостоверения.

3. Разграничение полномочий общественных объединений и аккредитованных экспертных организаций.

Анализ судебной практики показывает наличие проблемы смешения правовых статусов общественного контроля и товароведческой экспертизы. Исследования, проводимые организа-

циями, не обладающими аккредитацией либо не соблюдающими требования стандартов, регулирующих деятельность испытательных лабораторий, не могут рассматриваться в качестве надлежащих доказательств в административном или гражданском процессе. Отсутствие чётко закреплённых критериев разграничения приводит к формированию недостаточно качественной доказательственной базы уже на начальном этапе выявления нарушений.

Для разрешения данной проблемы представляется обоснованным внесение изменений в статью 45 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», закрепляющих положение о том, что заключения общественных объединений не подменяют собой судебную экспертизу и должны сопровождаться указанием на отсутствие у организации аккредитации в национальной системе аккредитации. В процессуальном законодательстве (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ) может быть установлено требование о включении эксперта в государственный реестр Министерства юстиции Российской Федерации, а для экспертных организаций - наличие действующей аккредитации. Дополнительно в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях целесообразно закрепить норму, согласно которой заключение, подготовленное неаккредитованным лицом, не может признаваться единственным доказательством по делу без подтверждения его выводов аккредитованной испытательной лабораторией.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях товарная экспертиза выходит за рамки сугубо прикладного исследования продукции и приобретает значение ключевого элемента правового механизма защиты прав потребителей. Практика, отраженная в материалах Роспотребнадзора, свидетельствует о существенной трансформации роли экспертизы. Если ранее лабораторные исследования применялись эпизодически, то в настоящее время они интегрированы с цифровыми системами мониторинга. Увеличение количества индикаторов риска и широкое использование инструментальных методов контроля, сопровождающих большинство проверок, указывают на то, что экспертиза стала основным механизмом подтверждения информации, полученной из цифровых источников. С правовой точки зрения экспертные исследования выполняют двойственную функцию. В материально-правовом аспекте они позволяют установить факты фальсификации или небезопасности продукции, что служит основанием для привлечения к административной либо уголовной ответственности. В процессуальном плане экспертное заключение выступает центральным доказательством по спорам о качестве товара и имеет приоритет перед субъективными оценками участников рынка или потребителей.

Таким образом, в современной правоприменительной практике товарная экспертиза выполняет функцию объективного критерия оценки качества и безопасности продукции и является необходимым условием применения мер ответственности. Она превратилась из вспомогательного доказательственного средства в один из ключевых инструментов контрольно-надзорной деятельности и судебной защиты, обеспечивающий баланс между публичными интересами безопасности и правами хозяйствующих субъектов.

Список литературы:

[1] Товароведческая экспертиза: как подготовиться к спору // Электронный ресурс – URL: https://www.arbitr-praktika.ru/article/2645-tovarovedcheskaya-ekspertiza?ysclid=mn1yi3syu4482843764 (дата обращения: 20.04.2026)

[2] Доклад о результатах надзора в сфере защиты прав потребителей Управления Роспотребнадзора по Астраханской области за 2022 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/info/doclad/446031 (дата обращения: 21.04.2026).

[3] Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kamyshlovsky-region.ru/about/info/informatsiya-rospotrebnadzora/GD_ZPP.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Решение Арбитражного суда Смоленской области по делу № А62-6573/2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c6e5440-91bc-428e-8215-624cbcb4704f/09913c95-740c-4f3f-b602-bf71a69-dc99c/A62-6573-2022_20231115_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.04.2026)

[5] «Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека за 3 квартал 2017 года» (утв. Роспотребнадзором) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/39a/obzor-pravoprimenitelnoy-praktiki-3-kv-2017.pdf?ysclid=mme2487hds61897527 (дата обращения: 21.04.2026)

References:

[1] Merchandising expertise: how to prepare for a dispute//Electronic resource - URL: https://www.arbitr-praktika.ru/article/2645-tovarovedches-

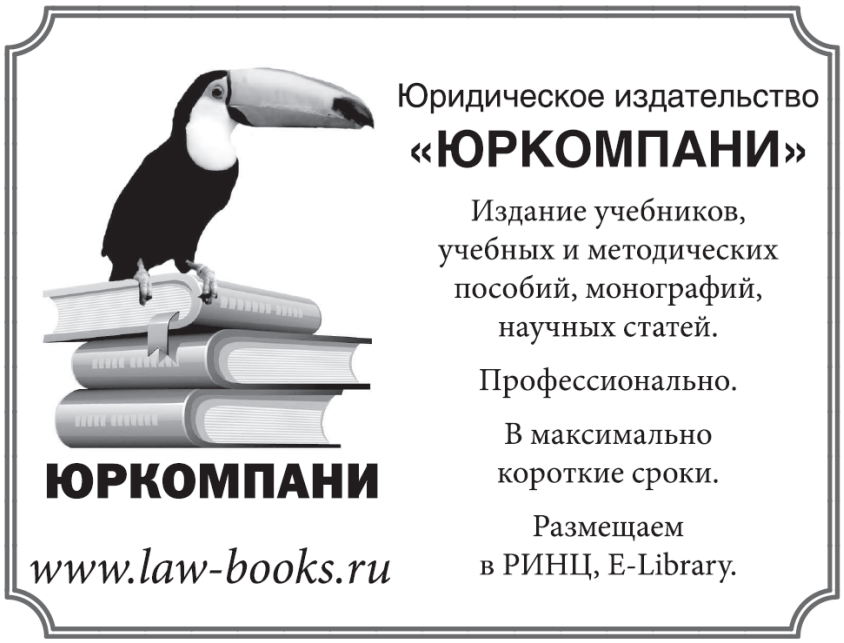
kaya-ekspertiza?ysclid=mn1yi3syu4482843764 (contact date: 20.04.2026)

[2] Report on the results of supervision in the field of consumer protection of the Office of Rospotrebnadzor in the Astrakhan Region for 2022 [Electronic resource] - Access mode: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/info/doclad/446031 (date of reference: 21.04.2026).

[3] State report "Protection of consumer rights in the Russian Federation in 2024" [Electronic resource] - Access mode: https://kamyshlovsky-region.ru/about/info/informatsiya-rospotrebnadzora/GD_ZPP.pdf (date of reference: 21.04.2026).

[4] Decision of the Arbitration Court of the Smolensk Region in case No. A62-6573/2022 [Electronic resource] - Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4c6e5440-91bc-428e-8215-624cbcb-4704f/09913c95-740c-4f3f-b602-bf71a69dc99c/A62-6573-2022_20231115_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of appeal: 21.04.2026)

[5] "Review of the law enforcement practice of the control and supervisory activities of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare for the 3rd quarter of 2017" (approved by Rospotrebnadzor) [Electronic resource] - Access mode: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/39a/obzor-pravoprimenitelnoy-praktiki-3-kv-2017.pdf?ysclid=mme2487hds61897527 (contact date: 21.04.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-268-271
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

БЕЛОУСОВ Вадим Владимирович,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: belous0vvadim@yandex.ru

СОЧНЕВА Анастасия Сергеевна,
студент кафедры менеджмента и предпринимательства,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: anastasiia.sochneva2006@mail.ru

ШАРАПОВА Наталья Владимировна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: scharapov.66@mail.ru

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: agroprom23@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕНЕВЫХ СХЕМ ОПЛАТЫ ТРУДА

Аннотация. *В статье рассмотрены причины теневых схем оплаты труда как для работодателя, так и для работника. Проанализирован феномен «серой» заработной платы. Отмечены негативные последствия теневых схем оплаты: потеря социальных гарантий, низкая пенсия и правовая незащищенность. Указаны способы выявления «серых» схем и рекомендации по защите трудовых прав. Отмечено, что легализация доходов – необходимое условие долгосрочной финансовой стабильности.*

Ключевые слова: *административная ответственность, серая заработная плата, теневые схемы, налоговые риски, уклонение от уплаты налогов.*

BELOUSOV Vadim Vladimirovich,
Student, Accounting and Auditing Department,
Ural State University of Economics

SOCHNEVA Anastasia Sergeevna,
Student, Department of Management and Entrepreneurship,
Ural State University of Economics

SHARAPOVA Natalia Vladimirovna,
Doctor of Economics,
Head of the Department of Accounting and Auditing,
at the Ural State University of Economics

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Accounting and Auditing
at the Ural State University of Economics

MAIN FACTORS OF CAUSE AND CONSEQUENCES OF SHADOW PAYMENT SCHEMES

Annotation. *This article examines the causes of shadow wage schemes for both employers and employees. The phenomenon of "gray" wages is analyzed. The negative consequences of shadow wage schemes are highlighted: loss of social security, low pensions, and legal insecurity. Methods for identifying "gray" schemes and recommendations for protecting labor rights are outlined. It is noted that income legalization is a necessary condition for long-term financial stability.*

Key words: *administrative liability, gray wages, shadow schemes, tax risks, tax evasion.*

Выбор теневых схем оплаты труда обусловлен несколькими факторами, такими как: экономические выгоды, социально-правовые аспекты. Одним из главных причин можно назвать желание работодателя снизить налоговую нагрузку, уклоняясь от уплаты налогов и страховых взносов. С другой стороны, работники также заинтересованы в получении большей суммы денег «на руки», теневые схемы позволяют избежать удержания налогов непосредственно из заработной платы, увеличивая тем самым реальную доходность работника. Экономическая нестабильность и высокая инфляция могут подтолкнуть работодателя и сотрудников к поиску альтернативных способов сохранения доходов.

«Серая зарплата» является промежуточным вариантом между неофициальным и официальным трудоустройством. Работодатель и сотрудник договаривается, что с части заработной платы (чаще всего минимальной оплаты труда) будут удерживаться все законодательно положенные отчисления, а часть (остаток заработной платы) будет выдан «в конверте», снижая нагрузку работодателя в виде страховых взносов.[8]

Чаще всего с частично неофициальными доходами сталкиваются сотрудники частных фирм небольшого и среднего масштаба – особенно в сферах закупок, туризма и общепита, а также управленцы высшего звена. Исследования показывают, что примерно 25% работников в этих отраслях живут по такой схеме.

Отдельно стоит упомянуть пограничный случай, который не всегда относят к «серым» зарплатам. Система характерна для госсектора (речь о ситуации, когда работодатель твердо обещает только минимальную ставку, а остальной доход выплачивает в виде премий) Причина проста: оклады там зафиксированы правительственными документами и давно оторваны от рыночной реальности, поэтому единственный способ доплатить сотрудникам – это премии.

Когда премиальная система закреплена внутренними правилами компании – скажем, у продавцов доход привязан к проценту от сделок – такую схему никак не назовешь «серой». [3,6] Но совсем другое дело, если механизм начисления премии не закреплен в локальных актах организации. [4,7] В этом случае сотрудник оказывается в заведомо проигрышной позиции: он надеется на определенную сумму, а в конце месяца получает меньше лишь потому, что начальник решил, будто он работал недостаточно хорошо.

От выплат «в конверте» страдает не только государственный бюджет. В проигрыше оказываются и сами работники – как те, кто сознательно соглашается на такую схему, так и те, кто просто не в курсе своих прав. Вот список потерь:

Никаких гарантий. Обещанную сумму вам могут не выплатить, и прикрыться будет нечем.

Мизерная оплата больничного листа по нетрудоспособности, отпускные, отпуск по беременности и родам, выходные пособия. Все эти выплаты считают не с реального дохода, а только с официального, «белого» минимума.

Низкая будущая пенсия. Страховые взносы в фонды социального страхования идут исключительно с легальной части зарплаты. Простая формула: чем выше официальный доход, тем больше пенсия.

Налоговые вычеты не работают в полную силу. Вернуть деньги за покупку квартиры, лечение или учебу можно только с тех сумм, которые начислены и выплачены официально, прошли через бухгалтерию.

Кредит в банке не одобрят или дадут ниже требуемой суммы. Банк требует документального подтверждения доходов, а справку о «конвертах» ему не предъявишь.

Туризм в другие страны, визу в некоторые страны не получить. Консульства многих государств запрашивают выписки с официальными поступлениями – их просто не будет.

Штрафовать сотрудника за то, что он получает часть зарплаты в конверте, никто не будет. Всё потому, что по закону именно компания-работодатель выступает налоговым агентом. Это на нее возложена обязанность посчитать налог, вычесть его из зарплаты и перечислить государству. Если же у работодателя по каким-то причинам не получилось удержать НДФЛ у сотрудника, он обязан сам сообщить об этом подчиненному и в налоговую службу.

Но и здесь есть нюансы. Если компания по какой-то причине не перевела НДФЛ в бюджет, обязанность по уплате ложится на самого сотрудника – он должен до 30 апреля следующего года подать декларацию 3-НДФЛ и отчитаться о своих доходах. Впрочем, это правило распространяется не на всех, а только на тех, кто работает на

физических лиц или на организации, не признаваемые налоговыми агентами (скажем, на некоммерческие структуры). По сути, речь идет о фрилансерах – людях без постоянного работодателя: репетиторах, дизайнерах, горничных и им подобных.

Понять, что зарплата «серая», можно по косвенным признакам. Самые явные: отсутствие на руках подписанного трудового договора; наличие договора, в котором либо вообще нет строчки про оклад, либо там стоит сумма значительно меньше той, что вы получаете каждый месяц; регулярная выдача части дохода наличкой без отражения в документах.

Налоговые санкции за серые зарплаты прописаны в статьях 122 и 123 Налогового кодекса. Их применяют в двух случаях: когда организация не начислила и не заплатила страховые взносы, а также когда она не удержала и не перечислила НДФЛ с «зарплаты а конверте» части.

Следует отметить и про административную ответственность. Кодекс об административных правонарушениях (статья 5.27) позволяет наказывать работодателя за серые схемы как за прямое нарушение трудового законодательства. Меры зависят от рецидива. «Первый раз: предупреждение или штраф – для директоров и индивидуальных предпринимателей 1-5 тысяч рублей, для организации-юрлица 30-50 тысяч. При повторном нарушении: для должностных лиц – 10-20 тысяч либо дисквалификация (отстранение от должности) на 1-3 года» [5]. Для индивидуальных предпринимателей (ИП) – от 10 до 20 тысяч рублей; для организации – от 50 до 70 тысяч рублей.

Кроме того, применяется и уголовная ответственность за нарушение ведения бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности, (статья 199.1 Уголовного кодекса РФ). «Некорректный учет затрат приводит к искажению финансовой отчетности и снижению точности управленческого анализа» [2]. Статья 199.1 УК РФ вступает в силу, если налоговая недоимка компании за три года подряд достигла крупного порога – более 15 миллионов рублей. Руководителям, виновным в такой схеме, грозит широкий спектр наказаний.

Основными контролирующими органами являются налоговая служба и трудовая инспекция. Чаще всего поводом для проверки становится жалоба – от самих сотрудников или от конкурентов. Они изучают кадровые и финансовые документы: трудовые договоры, расчетные листки, отчеты по налогам и страховым взносам. А еще сравнивают официальные оклады и премии со среднерыночными показателями по отрасли и региону – если цифры подозрительно низкие, это повод копать глубже.

«Заработная плата (оплата труда работника) – это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты» [1,9]. Поэтому стоит уделить внимание своевременной и в полном размере выплаты заработной платы

Вывод. Выбор теневых схем оплаты труда обусловлен комплексом экономических, социальных и правовых факторов. Несмотря на предполагаемые преимущества, такие схемы несут риски как для работодателя, так и для работника, включая юридические последствия и потерю социальной защиты.

Список литературы:

[1] Александрова, Н. А. Влияние социальной политики организации на уровень доходов персонала / Н. А. Александрова, Н. В. Шарапова, В. М. Шарапова // Экономика труда. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 607-618. – DOI 10.18334/et.5.2.39192. – EDN XUGKJF.

[2] Бухарова, Д. Х. Вопросы организации учета заработной платы в управленческом формате / Д. Х. Бухарова, О. И. Дудина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 6(159). – С. 134-142. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.11.014. – EDN RTFANQ.

[3] Бухгалтерская (финансовая) отчетность экономического субъекта источник для анализа финансовых рисков / В. М. Шарапова, Ю. В. Шарапов, О. С. Горбунова [и др.] // Образование и право. – 2023. – № 6. – С. 304-309. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-304-309. – EDN LVWIZD.

[4] Коковихин, А. Ю. Компенсационный менеджмент / А. Ю. Коковихин, Н. В. Шарапова. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2018. – 332 с. – ISBN 978-5-00118-213-9. – EDN ZAZUAH.

[5] Петров, А. Я. Заработная плата: о концепции законодательного регулирования / А. Я. Петров // Государство и право. – 2025. – № 7. – С. 78-84. – DOI 10.31857/S1026945225070085. – EDN NRCXHK.

[6] Попов, А. Ю. Экономическая безопасность в системе управления финансовой устойчивостью организации / А. Ю. Попов // Сурский вестник. – 2022. – № 3(19). – С. 90-95. – DOI 10.36461/2619-1202_2022_03_015. – EDN BIMAOC.

[7] Романова, М. В. Порядок премирования и депремирования работников: оформление локального нормативного акта организации и вопросы налогообложения / М. В. Романова // Налоговая политика и практика. – 2024. – № 10(262). – С. 56-60. – EDN OEQNIK.

[8] Сенотрусов, И. Д. Компенсация упущенной выгоды работникам, осуществляющим свою деятельность по сдельной форме оплаты труда / И. Д. Сенотрусов // Научные записки академии. – 2023. – № 2(46). – С. 5-8. – EDN RHWDHB.

[9] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

References:

[1] Alexandrova, N. A. Influence of the social policy of the organization on the level of staff income/N. A. Alexandrova, N. V. Sharapova, V. M. Sharapova//Labor Economics. – 2018. - T. 5, NO. 2. - S. 607-618. – DOI 10.18334/et.5.2.39192. – EDN XUGKJF.

[2] Bukharova, D. Kh. Issues of organizing wage accounting in a management format/D. Kh. Bukharova, O. I. Dudin//Economics and management: problems, solutions. – 2025. - T. 11, NO. 6 (159). - S. 134-142. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.02025.06.11.014. – EDN RTFANQ.

[3] Accounting (financial) statements of an economic entity source for financial risk analysis/V. M. Sharapova, Yu. V. Sharapov, O. S. Gorbunova [et al.]//Education and law. – 2023. – № 6. - S. 304-309. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-6-304-309. – EDN LVWIZD.

[4] Kokovikhin, A. Yu. Compensation Management/A. Yu. Kokovikhin, N. V. Sharapova. - Kazan: Buk Limited Liability Company, 2018. - 332 p. - ISBN 978-5-00118-213-9. – EDN ZAZUAH.

[5] Petrov, A. Ya. Salary: on the concept of legislative regulation/A. Ya. Petrov//State and law. – 2025. – № 7. - S. 78-84. – DOI 10.31857/S1026945225070085. – EDN NRCXHK.

[6] Popov, A. Yu. Economic security in the financial stability management system of the organization/A. Yu. Popov//Sursky Bulletin. – 2022. – № 3(19). - S. 90-95. – DOI 10.36461/2619-1202_2022_03_015. – EDN BIMAOC.

[7] Romanova, M.V. Procedure for Bonuses and Bonuses to Employees: Preparation of a Local Regulatory Act of the Organization and Taxation Issues/M.V. Romanova//Tax Policy and Practice. – 2024. – № 10(262). - S. 56-60. – EDN OEQNIK.

[8] Senotrusov, I. D. Compensation for lost profits to employees carrying out their activities in piece-rate form of remuneration/I. D. Senotrusov//Scientific notes of the Academy. – 2023. – № 2(46). - S. 5-8. – EDN RHWDHB.

[9] Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 29.12.2025, as amended on 06.02.2026) [Electronic Resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-272-276

МАРКАРОВ Михаил Давидович,
Аспирант ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
Руководитель следственного отдела по городу Солнечногорск Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К ЦИФРОВЫМ ПРАВАМ

Аннотация. *В статье проанализирован институт добросовестного приобретателя и возможности применения данного института к цифровым правам в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что институт добросовестного приобретателя применительно к цифровым правам следует рассматривать не как прямое заимствование вещно-правовой конструкции, а как возможную гражданско-правовую модель защиты интересов прежнего обладателя и последующего приобретателя. Автор статьи обосновывает необходимость закрепления специальных правил, которые позволят правоприменителю оценивать законность перехода цифровых прав, добросовестность поведения приобретателя и возможность восстановления нарушенного имущественного положения прежнего обладателя.*

Ключевые слова: *цифровые права, добросовестный приобретатель, криптовалюта, цифровые объекты, гражданский оборот.*

MARKAROV Mikhail Davidovich,
Graduate student of the FSAEI HE "Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba",
Head of the Investigation Department for the city of Solnechnogorsk of the Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Moscow Region

BONA FIDE ACQUIRER INSTITUTE AND ITS APPLICABILITY TO DIGITAL RIGHTS

Annotation. *The article analyzes the institution of a bona fide acquirer and the possibility of applying this institution to digital rights in the Russian Federation. It was concluded that the institution of a bona fide acquirer in relation to digital rights should not be considered as a direct borrowing of a material legal structure, but as a possible civil law model for protecting the interests of the previous owner and the subsequent acquirer. The author of the article justifies the need to consolidate special rules that will allow the law enforcer to assess the legality of the transfer of digital rights, the bona fide behavior of the acquirer and the possibility of restoring the violated property status of the previous owner.*

Key words: *digital rights, bona fide acquirer, cryptocurrency, digital objects, civil circulation.*

На протяжении последних десятилетий наблюдается глобальная цифровизация общественных отношений, затрагивающая и гражданский оборот. Как отмечают В.В. Севостьянов и О.А. Минеев, данный процесс не может рассматриваться как временное состояние или отдельный этап технического развития, речь идет о целенаправленном векторе общественно-экономической трансформации [5]. Цифровизация гражданского оборота, с одной стороны, упрощает совершение сделок, ускоряет обмен имущественными благами, расширяет возможности дистанционного взаимодействия между участниками оборота, но, с другой стороны, порождает новые риски, связанные с неправомерным доступом к цифровым системам, утратой контроля над цифровыми объектами и многими другими вопросами.

На это указывают статистические сведения о росте противоправных действий, затрагивающих цифровые объекты, учетные записи, криптокошельки, ключи доступа и иные элементы

информационной инфраструктуры. Так, в 2023 году Росфинмониторинг указывал на осуществление мониторинга более 25 тыс. участников операций с криптовалютами, проведение около 120 расследований и возбуждение более 60 уголовных дел, связанных с таким оборотом [9]. В 2024 году ведомство зафиксировало двукратный рост подозрительных операций с использованием криптовалюты, связав данную динамику с мошенничеством, коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и иными противоправными действиями [10].

По сведениям Chainalysis в 2024 году объем похищенных криптоактивов увеличился примерно на 21 процент и достиг 2,2 млрд долларов, а количество отдельных инцидентов возросло с 282 до 303 [11]. В 2025 году объем похищенной криптовалюты превысил 3,4 млрд долларов [12]. Значительная часть таких посягательств была обусловлена компрометацией приватных ключей, выступающих техническим средством легитимации обладателя актива и распоряжения им.

В результате указанных действий потерпевшее лицо утрачивает фактический контроль над цифровым объектом. Распространение подобных случаев обусловливает необходимость формирования правовых механизмов, способных обеспечивать защиту участников гражданского оборота не только уголовно-правовыми, но и гражданско-правовыми средствами. Одним из таких механизмов может выступать институт добросовестного приобретателя.

Сущность института добросовестного приобретателя состоит в обеспечении устойчивости гражданского оборота в ситуациях, при которых имущество приобретено у лица, не управомоченного на его отчуждение, однако приобретатель не знал и по обстоятельствам дела не должен был знать об отсутствии такого правомочия. Традиционно данный механизм рассматривается в рамках вещно-правового регулирования и направлен на установление баланса между интересом прежнего собственника в сохранении принадлежащего ему имущества и интересом приобретателя, который получил имущество возмездно, действовал добросовестно и проявил необходимую степень осмотрительности. В связи с этим существенное значение имеет характер выбытия имущества из владения собственника. Если собственник сам создал внешнюю видимость управомоченности другого лица, передав ему вещь, документы, ключи и т.д. (для вещей) или доступ к информационной системе (для цифровых прав), допустив тем самым переход прав, либо не проявив разумной осмотрительности при охране имущества, риск неблагоприятных последствий может быть возложен на него. Если же имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, приоритет получает защита первоначального правообладателя. Такая логика положена в основу ст. 302 ГК РФ и последовательно прослеживается в судебной практике.

Представляется, что правовая модель, содержащаяся в институте добросовестного приобретателя, может быть адаптирована к иным объектам, не имеющим вещной природы, но обладающим имущественным характером. К числу таких объектов относятся цифровые права. Законодатель определяет цифровые права как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, соответствующей установленным законом признакам (ст. ст. 128 и 141.1 ГК РФ [1]). Обладателем цифрового права, если иное не предусмотрено законом, признается лицо, имеющее по правилам такой системы возможность распоряжаться соответствующим правом. Следовательно, для оборота цифрового права решающее значение имеет не физическое владение объектом, а запись в информационной системе, наличие доступа и цифровая легитимация лица в качестве управомоченного субъекта.

В случае утраты прежним обладателем доступа к информационной системе и последующего совершения третьим лицом сделки с цифровыми правами возникает следующая правовая ситуация: для информационной системы и ее участников переход права является состоявшимся, поскольку операция совершена с использованием надлежащего доступа, ключа, учетной записи или иного средства идентификации, вместе с тем воля прежнего обладателя на отчуждение цифрового права в действительности отсутствует. По своей правовой природе такая ситуация близка к классической ситуации с добросовестным приобретателем. Между тем правила ст. 302 ГК РФ не могут применяться к цифровым правам напрямую. Цифровое право является имущественным правом, а не вещью, поэтому его защита не может строиться по модели виндикации [7]. Корректнее говорить об использовании аналогичной по функционалу гражданско-правовой конструкции, направленной на защиту добросовестного приобретателя цифрового права и определение того, на кого должны возлагаться неблагоприятные последствия неправомерного доступа к информационной системе.

Такой подход обусловлен самой природой оборота цифровых прав. Приобретатель ориентируется на данные информационной системы, поскольку именно они подтверждают наличие права, возможность распоряжения им и принадлежность соответствующего цифрового объекта определенному лицу. В этом смысле информационная система выполняет легитимирующую

функцию, сходную с функцией публичных реестров в отношении отдельных объектов гражданских прав. Приобретатель, действующий возмездно, разумно и осмотрительно, проверивший доступные сведения и не имевший оснований сомневаться в правомерности распоряжения, нуждается в гражданско-правовой защите при предъявлении требований со стороны прежнего обладателя. Иное решение существенно повышало бы риски вторичного оборота цифровых прав и снижало бы доверие участников гражданского оборота к информационным системам.

В доктрине уже высказываются позиции о возможности распространения идеи добросовестного приобретения за пределы вещно-правовых отношений. Такой позиции придерживается О.В. Ушаков, указывающий на принципиальную схожесть правовых последствий для классического вещного права и для обязательственных прав требований имущественного характера [6]. Аналогичной позиции придерживается Д.В. Лоренц, указывая, что ошибка в смарт-контракте либо несанкционированный доступ третьих лиц к токенам способны привести к появлению недостоверных сведений в распределенном реестре, вследствие чего возникает риск неправомочного отчуждения цифровых прав [8]. Именно в таких ситуациях, по мнению вышеуказанного автора, встает вопрос о защите добросовестного приобретателя цифрового права.

Примечательно, что применительно к отдельным цифровым объектам, прежде всего цифровым финансовым активам, элементы указанного механизма уже получили нормативное закрепление в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – Закон о цифровых финансовых активах). Согласно ст. 4 Закона о цифровых финансовых активах такие объекты учитываются в информационной системе в виде записей, а переход удостоверенных ими прав к новому приобретателю связывается с внесением в информационную систему записи о таком переходе. Обладателем цифровых финансовых активов признается лицо, включенное в реестр пользователей информационной системы и имеющее доступ к ней посредством уникального кода, позволяющего получать информацию о принадлежащих ему активах и распоряжаться ими. В ст. 6 Закона о цифровых финансовых активах закреплено, что оператор обязан обеспечить возможность восстановления доступа обладателя цифровых финансовых активов к записям информационной системы, если такой доступ был утрачен, целостность и достоверность информации о цифровых финансовых активах, корректность алгоритмов создания, хранения и обновления информации, а также хранение сведений о сделках и их участниках. Кроме того, оператор обязан внести или изменить записи о цифровых финансовых активах на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, акта уполномоченного органа либо свидетельства о праве на наследство, если соответствующий документ предусматривает переход цифровых финансовых активов в порядке универсального правопреемства.

Из приведенных положений следует, что при отчуждении цифрового объекта вследствие несанкционированного доступа прежний обладатель должен располагать возможностью судебной защиты. Конкретный способ защиты зависит от характера нарушения и правовых последствий совершенной операции. В соответствующей ситуации могут применяться различные способы гражданско-правовой защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, а также иные способы, соответствующие характеру нарушенного права (признание права, внесение исправительной записи, возложение на оператора информационной системы обязанности восстановить учет, взыскание убытков с виновного лица, взыскание неосновательного обогащения, денежное возмещение причиненных потерь и т.д.).

В этой связи показательно Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, вынесенное по делу о проверке конституционности ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах [4]. Поводом для рассмотрения дела стала ситуация, при которой суды отказали в защите имущественного требования, сославшись на несоблюдение порядка информирования об обладании цифровым объектом и совершении сделок с ним. Конституционный Суд РФ указал на недопустимость такого подхода применительно к лицам, законно получившим соответствующий цифровой объект способом, не связанным с майнингом. Оспариваемая норма признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она препятствует судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровым объектом и его законного использования в обороте. Данная позиция имеет важное значение для рассматриваемого вопроса, поскольку отражает общий подход, согласно которому цифровой объект, обладающий имущественным содержанием, не может произвольно исключаться из сферы судебной защиты только вследствие особенностей его цифровой природы, если лицо приобрело его на законном основании, действовало добросовестно и не знало либо не должно было знать о возможных нарушениях при его переходе.

Дополнительным аргументом в пользу возможности экстраполяции механизма добросовестного приобретателя является содержание охраняемого имущественного интереса прежнего правообладателя. В вещно-правовых отношениях интерес собственника состоит в восстановлении господства над индивидуально определенным имуществом. Собственник, лишившийся вещи помимо своей воли, заинтересован не в получении денежного эквивалента, а в возврате самого имущества. Такая логика лежит в основе виндикационной защиты. На первый взгляд может показаться, что данная модель не соотносится с цифровыми правами, поскольку они не обладают вещной природой и не связаны с индивидуально определенным объектом. Однако цифровые права неоднородны по своему содержанию. Если цифровые права удостоверяют денежное требование, например право на получение определенной суммы от обязанного лица, интерес прежнего обладателя имеет денежный характер. В таком случае восстановление цифровых прав и взыскание их стоимости могут иметь сопоставимый экономический результат.

Иная ситуация возникает, когда цифровые права предоставляют обладателю возможность требовать передачи вещи, выполнения работы, оказания услуги, передачи исключительного права, осуществления прав участия в непубличном акционерном обществе либо реализации иного специфического имущественного правомочия. В подобных случаях интерес прежнего обладателя не сводится к получению денежной компенсации. Его правовая цель заключается в восстановлении возможности осуществлять именно те права, которые были утрачены вследствие неправомерного доступа или неправомочного распоряжения. Данная особенность особенно заметна применительно к утилитарным цифровым правам [2], поскольку их неправомерное отчуждение затрагивает возможность прежнего обладателя реализовать конкретное имущественное требование, закрепленное в цифровой форме.

Мы полагаем, что применительно к цифровым правам вопрос о защите прежнего обладателя и добросовестного приобретателя должен решаться с учетом содержания соответствующего права. Если восстановление записи в информационной системе позволяет вернуть лицу возможность осуществлять принадлежащее ему имущественное правомочие, такой способ защиты должен быть предусмотрен в действующем законодательстве.

В заключении отметим, что институт добросовестного приобретателя применительно к цифровым правам следует рассматривать не как прямое заимствование вещно-правовой конструкции, а как возможную гражданско-правовую модель защиты интересов прежнего обладателя и последующего приобретателя. Ее применение требует учета особенностей информационной системы. Наиболее оправданным представляется закрепление специальных правил, которые позволят правоприменителю оценивать законность перехода цифровых прав, добросовестность поведения приобретателя и возможность восстановления нарушенного имущественного положения прежнего обладателя. Предложенный механизм позволит сохранить устойчивость оборота цифровых прав без произвольного исключения из защиты лица, действовавшего добросовестно.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

[3] Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 4. Ст. 372.

[5] Севостьянов В.В., Минеев О.А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 64-69.

[6] Ушаков О.В. Добросовестное приобретение цифровых прав на примере токена // Актуальные вопросы права в банковской сфере : материалы Международного правового банковского форума, 24–25 сентября 2020 года / редкол.: В.Д. Богатырев, А.Г. Безверхов, А.В. Юдин [и др.] ; Самарский университет. Самара: Издательство Самарского университета, 2020. С. 549-558.

[7] Никитин, В. И. Вопросы квалификации преступлений в сфере обращения криптовалют в условиях цифровой экономики / В. И. Никитин // Правовой альманах. – 2026. – № 1(50). – С. 36-43.

[8] Лоренц Д.В. Бестелесное имущество: проблемы добросовестного приобретения и приобретательная давность в Германии и России // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 213-223.

[9] Росфинмониторинг контролирует более 25 тыс. участников операций с криптовалютами // ТАСС. 2023. 9 марта. URL: https://tass.ru/ekonomika/17227663 (дата обращения: 29.03.2026).

[10] Росфинмониторинг зафиксировал двукратный рост подозрительных операций с криптовалютой // ТАСС. 2023. 30 ноября. URL: https://tass.ru/ekonomika/19420611 (дата обращения: 29.03.2026).

[11] Chainalysis. $2.2 Billion Stolen in Crypto in 2024 but Hacked Volumes Stagnate. 2024. 19 December. URL: https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2025/ (дата обращения: 29.03.2026).

[12] Chainalysis. 2025 Crypto Theft Reaches $3.4 Billion. 2025. 18 December. URL: https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2026/ (дата обращения: 29.03.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 30.11.1994 dated 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Federal Law No. 02.08.2019 of 259-FZ “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[3] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, part I. Art. 5018.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Art. 372.

[5] Sevostyanov V.V., Mineev O.A. Digitalization of civil circulation in the context of the digital socio-economic paradigm: main problems and development prospects//Legal Concept = Legal paradigm. 2022. VOL. 21. № 1. S. 64-69.

[6] Ushakov O.V. Conscientious acquisition of digital rights using the example of a token//Current issues of law in the banking sector: materials of the International Legal Banking Forum, September 24-25, 2020/editorial: V.D. Bogatyrev, A.G. Bezverkhov, A.V. Yudin [and others]; Samara University. Samara: Samara University Publishing House, 2020. S. 549-558.

[7] Nikitin, V.I. Issues of qualification of crimes in the field of cryptocurrency circulation in the digital economy/V.I. Nikitin//Legal almanac. – 2026. – № 1(50). - S. 36-43.

[8] Lorenz D.V. Disembodied property: problems of conscientious acquisition and acquisition age in Germany and Russia//Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 504. S. 213-223.

[9] Rosfinmonitoring controls more than 25 thousand participants in operations with cryptocurrencies//TASS. 2023. March 9. URL: https://tass.ru/ekonomika/17227663 (access date: 29.03.2026).

[10] Rosfinmonitoring recorded a twofold increase in suspicious operations with cryptocurrency//TASS. 2023. Nov. 30. URL: https://tass.ru/ekonomika/19420611 (access date: 29.03.2026).

[11] Chainalysis. $2.2 Billion Stolen in Crypto in 2024 but Hacked Volumes Stagnate. 2024. 19 December. URL: https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2025/ (дата обращения: 29.03.2026).

[12] Chainalysis. 2025 Crypto Theft Reaches $3.4 Billion. 2025. 18 December. URL: https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2026/ (дата обращения: 29.03.2026).

- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-277-286

ДИКОВ Роман Витальевич,
Аспирант кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли
при Министерстве экономического развития РФ,
Россия,
e-mail: roman.prc@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЕАЭС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация*. Предметом исследования в представленной статье является международная правосубъектность Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и компетенция Союза в сфере осуществления внешних связей, прежде всего в части заключения международных договоров с третьими государствами. Автор детально анализирует правовую природу ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции, исследует содержание его правосубъектности (включая наделение полномочиями, наличие прав и обязанностей, способность нести ответственность) и ограничения, вытекающие из функционального характера такой правосубъектности. В рамках предмета также рассматривается Соглашение о международных договорах ЕАЭС с третьими сторонами от 2018 года, выявляются этапы заключения таких договоров и роль государств-членов в каждом из них. Кроме того, рассматриваются конкретные инструменты реализации внешнеэкономической компетенции Союза, такие как соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) и меморандумы о сотрудничестве. В статье использованы формально-юридический метод, метод сравнительного анализа (в том числе с практикой Европейского союза и международных институтов правосудия), а также анализ документов и доктринальный подход. Научная новизна работы заключается в комплексном критическом анализе процедуры заключения международных договоров ЕАЭС с третьими сторонами, в ходе которого выявлена несамостоятельность Союза на каждом этапе – от инициирования до подписания и вступления в силу. В отличие от большинства работ, описывающих правосубъектность ЕАЭС формально, автор акцентирует практические последствия многократных согласований с государствами-членами и отсутствия чётких сроков на подготовку соглашений. Основные выводы: (1) ЕАЭС обладает международной правосубъектностью, которая носит производный и функционально ограниченный характер; (2) основным инструментом внешних связей выступают соглашения о ЗСТ, однако их заключение сопряжено с бюрократическими и временными издержками; (3) Союз ограничен в реализации своей компетенции, поскольку требуется внутригосударственное согласование, а решения Высшего совета фактически возвращают вопросы на национальный уровень, что дублирует полномочия; (4) для укрепления правосубъектности ЕАЭС автор предлагает расширить полномочия органов Союза и сократить излишние согласования.*

Ключевые слова*: правосубъектность, внешняя компетенция, ЕАЭС, ЗСТ, международная право, международные договоры, Европейский союз.*

DIKOV Roman Vitalievich,
Post-graduate student International Law
Department Russian Foreign Trade Academy
of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation,
Russia

THEORETICAL ASPECTS OF EAEU LEGAL PERSONALITY AND SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF EXTERNAL COMPETENCIES

Annotation. *The subject of the study in the presented article is the international legal personality of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Union's competence in the area of external relations, primarily regarding the conclusion of international treaties with third states. The author analyzes in detail the legal nature of the EAEU as a regional economic integration international organization, explores the content of its legal personality (including the delegation of powers, presence of rights and obligations, ability to bear responsibility), and the limitations arising from the functional nature of such legal personality. Within the subject, the 2018 Agreement on International Treaties of the EAEU with Third Parties is also examined, identifying the stages of concluding such treaties and the role of member states in each of them. Furthermore, specific instruments for implementing the Union's foreign economic competence are discussed, such as free trade zone agreements (FTZ) and memoranda of cooperation. The article employs a formal-legal method, a comparative analysis method (including with the practice of the European Union and international justice institutions), as well as document analysis and a doctrinal approach. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive critical analysis of the procedure for concluding international treaties of the EAEU with third parties, during which the Union's lack of autonomy at each stage—from initiation to signing and entry into force—has been revealed. Unlike most works that describe the EAEU's legal personality formally, the author emphasizes the practical consequences of multiple consultations with member states and the absence of clear deadlines for preparing agreements. Key conclusions: (1) the EAEU has international legal personality, which is derivative and functionally limited; (2) the primary instrument for external relations is FTZ agreements, but their conclusion is associated with bureaucratic and time costs (for example, negotiations with Serbia took four years); (3) the Union is limited in implementing its competence since domestic coordination is required, and decisions of the Supreme Council effectively return issues to the national level, duplicating powers; (4) to strengthen the EAEU's legal personality, the author proposes to expand the powers of the Union's bodies and reduce unnecessary coordination.*

Key words: *Legal Personality, External Competence, EAEU, FTA, International Law, International Treaties, European Union.*

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как субъекта международных отношений, а также необходимостью повышения эффективности его внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в условиях формирования полицентричного мира. Несмотря на формальное наличие у Союза международной правосубъектности, реальный механизм заключения им международных договоров, в частности соглашений о зонах свободной торговли, сталкивается со значительными бюрократическими и временными издержками, что замедляет интеграционные процессы.

Научная новизна работы заключается в комплексном критическом анализе процедуры заключения международных договоров ЕАЭС с третьими сторонами. В отличие от большинства исследований, описывающих правосубъектность Союза формально-догматически, автор детально выявляет несамостоятельность ЕАЭС на каждом этапе – от инициирования до вступления соглашений в силу. Новизна состоит также в демонстрации того, что решения Высшего совета фактически возвращают вопросы на национальный уровень, дублируя полномочия государств-членов, а не реализуя наднациональную компетенцию.

Международная правосубъектность Союза.

В конце XIX – начале XX века в доктрине господствовало представление, что международное право регулирует исключительно отношения между государствами, и только они обладают международной правосубъектностью [1]. Государства остаются основными субъектами и главными действующими лицами международных отношений. Однако, будучи создателями международного права, они правомочны учреждать и наделять правосубъектностью иные образования, в частности международные организации [19]. Это означает, что первичными субъектами международного права, в следствии естественноисторического процесса, являются государства, а производными, или вторичными, субъектами международного права выступают организации или иные государствоподобные образования, которые наделены международной правоспособностью своими создателями.

Международные организации создаются исключительно на основании международного договора. По мнению Я. Клабберса – идея международных организаций состоит в том, что если государства наделены суверенитетом, территорией и населением и являются первичными субъектами международного права, то у организаций этих характеристик нет и их правосубъектность

носит функциональный характер [4] и определяется реализацией переданных государствами-членами полномочий на основании международного договора. Данный тезис подтверждается Консультативным заключением Международного Суда ООН о возмещении ущерба, возникшего на службе ООН, от 11 апреля 1949 г. [22]: «В то время как государство обладает всей полнотой международных прав и обязанностей, признанных международным правом, права и обязанности такого образования, как Организация, должны зависеть от его целей и функций, прямо определенных или подразумеваемых его учредительными документами и развитых на практике». Также Статья 2 Проекта Статей об ответственности международных организаций КМП в 2008 г. устанавливает, что термин «международная организация» означает «организацию, учрежденную на основании международного договора или иного документа, регулируемого международным правом, и обладающую своей собственной международной правосубъектностью» [23]. Тем самым отмечается, что международный договор является основной функционирования международной организации.

Международным договором, регулирующим деятельность организации, является ее учредительный акт / устав. Учредительный акт (устав) организации имеет двойственную природу: с одной стороны, это международный договор между государствами-членами, с другой – «конституция» нового субъекта права. В Консультативном заключении о правомерности использования государством ядерного оружия в вооруженном конфликте от 8 июля 1996 г. МС ООН отметил, что учредительные акты являются договорами особого типа, цель которых – создание новых субъектов права, наделенных автономией для реализации общих целей [24].

Международный договор, на основании которого создается международная организация, наделяет последнюю международной правосубъектностью. Однако, международная организация не может рассматриваться как простая сумма государств, поэтому она должна обладать особой правосубъектностью, отличающейся от простого суммирования правосубъектности ее членов [25]. Именно от воли государств-членов международной организации, выраженной в учредительном договоре, зависит является ли международная организация субъектом международного права [26]. Правосубъектность организации возникает только при наличии волеизъявления ее создателей, передающих ей часть своей компетенции. В отсутствие институционального оформления организация не сможет вырабатывать и выражать собственную волю, поэтому данное оформление также является необходимым условием возникновения правосубъектности [17]. В Консультативном заключении от 20 декабря 1980 г. Международный Суд ООН по вопросу толкования Соглашения между ВОЗ и Египтом 1951 г. отметил: «Международная организация – субъект международного права, связанный обязанностями, вытекающими для него из общих норм международного права, также из учредительного акта и из договоров, в которых эта организация участвует» [27]. Это означает, что международные организации выступают в международных отношениях как стороны — субъекты конкретных правоотношений по уполномочию государств, наделенных международной правосубъектностью и в рамках той компетенции, которая им предоставляется уставом [9]. А это, в свою очередь, означает, что правосубъектность может быть ограниченной. Этот вывод подтверждается решением Международного суда в деле от 1949 г.: «Правосубъектность международной организации является ограниченной целями и функциями, указанными в учредительном документе организации» [22].

Евразийский экономический союз обладает международной правосубъектностью в соответствии с учредительным Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. В п. 2 ст. 1 Договора указывается следующее: «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью» [28]. Тем самым объявляется, что Союз является субъектом международного права, поскольку осуществляет свою деятельность, в частности, на основе уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности (ст. 3 Договора о ЕАЭС), сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон [29]. Международная правосубъектность ЕАЭС включает следующие элементы:

1) наделение полномочиями со стороны государств-членов;
2) наличие самостоятельных прав и обязанностей;
3) способность нести международно-правовую ответственность [8].

Проводя аналогию с ЕАЭС, в Консультативном заключении Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 10 марта 2006 г. по вопросам формы передачи полномочий государствами Евразийскому экономическому сообществу и их реализации [30] установлено, что «Евразийское экономическое сообщество является международной организацией, полноправным субъектом международного права и обладает полномочиями, четко определенными государствами-членами в ее учредительном акте. Изменить объем и характер полномочий ЕврАзЭС

государства-члены вправе в порядке, установленном статьей 19 Договора, – посредством подписания отдельного протокола, являющегося неотъемлемой частью Договора, либо путем заключения нового международного договора. При этом все государства-члены должны выразить своё согласие на обязательность для них такого международного договор».

Таким образом, ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Компетенция Союза в части осуществления внешних связей

В то время как для государств не существует ограниченного перечня задач, поскольку государства в силу своего суверенитета сами могут устанавливать задачи, выполнение которых они считают необходимым, международные организации создаются для достижения определенных целей. От целей зависит компетенция международной организации (задачи и полномочия), установленные в учредительном договоре [26]. Так как правосубъектность международной организации носит функциональный характер [4] и зависит от функций, то следует иметь в виду, что и компетенции, и функции международной организации носят ограниченный характер [26]. Правосубъектность образует фундамент компетенции международной организации. Компетенция организации может быть более или менее широкой, но правосубъектность представляет собой «величину постоянную» [31].

Международная организация не может обладать большими правами, чем совокупность государств-членов, и может обладать только теми правами, которыми она была наделена. В заключении по делу о компетенции Европейской комиссии по Дунаю от 8 декабря 1927 г. Постоянная палата международного правосудия указала: «Так как Европейская комиссия не является государством, а международным институтом, имеющим специальную цель, она имеет только те функции, которые предоставлены ей Окончательным Статутом для реализации этой цели; однако, она может осуществлять данные полномочия во всей полноте, если Статутом не предусмотрено ограничений» [32]. Так, например, правоспособность международной организации заключать договоры регулируется правилами этой организации [33]. Наличие правосубъектности само по себе еще не служит подтверждением права заключать международные договоры, и все зависит от положений учредительного документа данной организации [21]. Например, полномочия заключать международные договоры Европейским Союзом и Евразийским экономическим союзом прописаны в Уставных документах этих организаций (ст. 207, 216 ДФЕС и п.1 ст. 7, п. 2 ст. 114 Договора о ЕАЭС).

В настоящее время источником компетенции ЕАЭС в части внешнеэкономических отношений выступает часть вторая Договора о ЕАЭС «Таможенный союз», а в особенности раздел IX «Внешнеторговая политика» [11]. Основная направленность этих правовых норм состоит в регулировании преимущественно внешней торговли товарами. Внешнеторговая политика Союза и государств-членов осуществляется посредством создания зон свободной торговли с третьими государствами и соглашениями о торгово-экономическом сотрудничестве. Э.М. Энтин также отмечает, что «внешнеторговая политика ЕАЭС реализуется посредством заключения международных договоров с третьими странами… В отношении внешней торговли товарами на основании международных договоров Союза или государств-членов ЕАЭС применяет режим наибольшего благоприятствования или режим свободной торговли…» [20]. В свою очередь – вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза (абз. 2 п. 1 ст. 7 Договора о ЕАЭС). На сегодняшний день уже подписаны соглашения о создании ЗСТ со следующими государствами: Республика Вьетнам [34]; Республика Сербия [35]; Республика Сингапур [36] (не вступило в силу); Исламской Республикой Иран [37]; Объединенными Арабскими Эмиратами [38]; Индонезией [39], временное торговое соглашение с Монголией [40]; заключено соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве [41] и соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы с Китайской Народной Республикой [42]. В настоящее время ведутся переговоры по соглашениям с Египтом [43], Индией [44], и Тунисом (организована совместная исследовательская группа) [45]. Также в Распоряжении Коллегии ЕЭК от 07.10.2025 № 142 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2026 год»», среди государств, с которыми планируется интенсификация деятельность по заключению соглашения о ЗСТ фигурируют: Республика Индонезия, Арабская Республика Египет, Республика Тунис и Республика Индия [46]. Тем самым подтверждается, что основным инструментом реализации компетенции ЕАЭС в части внешнеэкономических и меж-

дународных связей является заключение соглашений о создании зон свободной торговли с третьими государствами.

Помимо международных договоров с третьими сторонами ЕАЭС реализует свою компетенцию по внешним связям через подписание меморандумов с третьими сторонам [47], которые по своей природе не являются источниками права и не содержат юридических норм. Я. Клабберс определяет такие договоры понятием «морально обязывающие соглашения или соглашения мягкого права» [4]. Назначение таких соглашений – связать стороны не посредством международного права (юридически), а политически и морально. Так, Международный Суд ООН в 1978 г. в деле по Континентальному шельфу Эгейского моря между Грецией и Турцией Суд не установил своей юрисдикции на основании совместного Коммюнике премьер-министрами двух государств и отметил: «В международном праве не существует норм, которые могли бы помешать совместному коммюнике представлять собой международный договор… Все зависит от природы акта и содержащихся норм» [48]. Так, Судом не было установлено, что это Коммюнике представляет собой международный правовой договор, а значит не имеет международноправовых норм и в следствии этот не подходит под юрисдикцию Суда. Иными словами, данное Коммюнике представляет собой договор «мягкого права» или меморандум, и не несет в себе юридических норм, а значит и ответственности сторон, кроме политической и моральной. Со стороны ЕАЭС подписантом меморандумов со стороны ЕАЭС выступает Комиссия ЕАЭС в соответствии с п.6 Приложения №1 к Договору о ЕАЭС (Положение о Евразийской экономической комиссии).

Процедура заключения международных договоров детализирована в Соглашении о международных договорах ЕАЭС с третьими сторонами от 14 мая 2018 г. [49] и состоит из преамбулы, 6 разделов и 24 статей. Порядок взаимодействия государств-членов и ЕЭК при заключении договоров определяется Советом Комиссии, однако данный документ не опубликован в открытом доступе (вероятно, в соответствии с пп. 4 п. 133 Регламента ЕЭК

Анализ вышеуказанного Соглашения позволяет разделить процедуру заключения международного договора между ЕАЭС и третьими сторонами на следующие этапы:

1) Инициирование. Предложение вносится государством-членом, членом Совета ЕЭК или третьей стороной. Коллегия ЕЭК уведомляет правительства государств-членов и запрашивает их позиции. Важно отметить, что только при консенсусе всех членов начинается предварительный анализ экономической целесообразности и подготовка концептуальных положений (минимум 20 дней по Регламенту ЕЭК). При отсутствии согласия хотя бы одного члена Комиссия направляет третьей стороне отказ, согласованный с государствами.
2) Совместная исследовательская группа. Для заключения договоров в формате ЗСТ (в понимании ст. XXIV ГАТТ) формирование совместной исследовательской группы из представителей государств-членов, ЕЭК и третьей стороны обязательно. Группа изучает структуру торговли, экономические последствия и готовит концептуальные положения. Доклад СИГ после согласования с государствами-членами направляется в Совет Комиссии для передачи в Высший совет.

Анализ положений Соглашения демонстрирует, что каждое действие Коллегии Комиссии на этапах «Инициирование» и «Совместная исследовательская группа» сопровождается необходимостью получения согласования государств-членов для дальнейших действий. Такой подход несет в себе большие временные издержки и требует изменений в сторону уменьшения бюрократизированности процедуры. Об этом свидетельствует, среди прочего, например: подготовкой материалов, аналитической справки, проектом договора или его концептуальными положениями занимается Коллегия Комиссии (п.3 ст. 3). Поэтому после выполнения мероприятия п. 3 ст. 3 Соглашения и предоставлении информации Совету Комиссии Совет Комиссии полномочен вынести вопрос о начале переговоров на рассмотрение Высшего Евразийского экономического совета и об одобрении концептуальных положений проекта международного договора минуя формирование совместной исследовательской группы. Однако, Совет Комиссии после получения информации от Коллегии Комиссии вправе сформировать совместную исследовательскую группу. В таком случае работа по подготовке аналитической справки, проекта договора или его концептуальных положений будет проделана дважды.

3) Переговоры. Проводятся на основании решения Высшего совета переговорной делегацией, состоящей из представителей государств-членов и ЕЭК, в рамках директив, утвержденных Советом Комиссии. Каждое государство определяет руководителя своей национальной части. Все документы, передаваемые третьей стороне, подлежат письменному согласованию с государствами-членами. Руководитель делегации вправе выдвигать лишь инициативы, предварительно одобренные членами

Союза. После каждого раунда отчет направляется государствам на согласование.

4) Внутригосударственное согласование и перевод. Проект договора направляется государствам-членам с переводом на рабочий язык Союза (русский). По запросу государств обеспечивается перевод на их государственные языки (например, требование Закона Республики Армения «О международных договорах»). Отсутствие у ЕЭК официального перевода порождает проблемы толкования уже после согласования текста и увеличивает время, требуемого для заключения соглашения.
5) Подписание и вступление в силу. Подписание от имени Союза осуществляется по решению Высшего совета только после выполнения всеми государствами-членами внутригосударственных процедур. Аналогичный порядок действует для выражения согласия на обязательность договора, прекращения или приостановления его действия.

Вся процедура заключения международного договора Союзом с третьей стороной носит достаточно ограниченный характер. Союз обладает компетенцией для заключения международных договоров с третьей стороной, однако выполнение этапов подписания соглашения, сопровождающееся неоднократными согласованиями государств-членов, оказывают большое влияние на время заключения международных соглашений и показывает несамостоятельность ЕАЭС на каждом этапе принятия решения по вопросам заключения международного соглашения. В силу многократных повторных согласований с участием государств-членов, а также учитывая Порядок взаимодействия, в котором нет четко указанных сроков по подготовке международного соглашения (как например в п. 3 ст. 12 и п. 8 ст. 9 Соглашения) срок подготовки международного договора растягивается. Так, например Совет Комиссии решил принять к сведению информацию о ходе подготовки проекта доклада совместной исследовательской группы по целесообразность создания зоны свободной торговли с Вьетнамом (Решение №51) 20 июня 2012 г. [50], а Высший совет принял решение о старте переговоров только 19 декабря 2012 г. [51], то есть спустя полгода. В рамках заключения соглашения с Республикой Сербия прослеживается аналогичная тенденция: переговоры были объявлены на основании решения Высшего совета №6 от 31 мая 2016 г., а вступило в силу Соглашение только 11 декабря 2020 г. – спустя четыре года. В Высший совет входят главы государств-членов ЕАЭС, они же спускают с «наднационального уровня» ЕАЭС на национальный уровень своих государств некоторые вопросы по процедуре заключения соглашения между третьей стороной, государством-членом и ЕАЭС, Руководитель переговорной делегации ЕАЭС вместе с руководителями переговорных делегаций от государств-членов дублируют вопросы на согласование в уполномоченные органы своих государств на этапе переговоров, что очень напоминает «дублирование полномочий» и показывает несамостоятельность ЕАЭС в принятии решений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции со свойственной ей международной правосубъектностью и ограниченной компетенцией в соответствии с ее Учредительным актом.

Источником компетенции в части внешнеэкономических сношений является часть вторая Договора о ЕАЭС «Таможенный союз», а в особенности раздел IX «Внешнеторговая политика». В свою очередь основным инструментами реализации внешнеэкономической компетенции Союза являются: международные договоры с третьей стороной о создании зон свободной торговли, соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, а также акты «мягкого права» – меморандумы. Кроме этого, данную компетенцию наполняет и возможность предоставления статуса государства-члена.

Несамостоятельность Союза заключается в том, что Союз, обладая компетенцией, ограничен в реализации полномочий по заключению соглашений, т. к. на большинстве этапов подготовки международного договора Комиссии требуются согласование государств-членов и выполнение внутригосударственных процедур; сроки этапов подготовки международного соглашения не установлены международным договором в рамках Союза, а только порядком взаимодействия; подписание международного договора, прекращение, приостановление или выход Союза также осуществимы только после выполнения государствами-членами соответствующих внутригосударственных процедур. Время, потраченное на проведение неоднократных повторных согласований государств-членов, а также для проведений их внутригосударственных процедур, оказывает негативное влияние на сроки заключения межгосударственных соглашений.

Список литературы:

[1] Birkenhead. International law, 6 ed., p. 31;

[2] Brownlie I. Principles of public international law. P. 649.

[3] Iwasawa Yu. International law. University of Tokyo Press, 2020. – 468-470 pp.;

[4] Jan Klabbers, International Law (3rd edition) Cambridge University Press; December 2020. – 110 p.

[5] Бальхаева С.Б., Помазанский А.Е. Правовой статус международных организаций как третьих сторон международных договоров в соответствии с принципом pacta tertiis nec nocent nec prosunt // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 156.

[6] Бекяшев К.А., Основы международного права: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2022. – 269 с.

[7] Джагитян Э.П., Перская В.В., Ревенко Н.С., Рыльская М.А., Соколова Е.С., Ткаченко А.А., Фам Тхи Хоанг Ань. Зона свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам: первичный анализ эффектов торговой интеграции: монография/под. ред. Перской В.В. и Ревенко Н.С. – М.: ИНФРА-М, 2019 – 29 с.;

[8] Идрышева С.К., Альжанова А.Д. Правосубъектность Евразийского экономического союза. Сущность, понятие, принципы, природа международных организаций и прав международных организаций. DOI: 10.7256/2226-6305.2016.1.17244 – 7 с.;

[9] Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: Учебник. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 225 с.;

[10] Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник/ отв. ред. С.Ю.Кашкин. – Москва: Проспект, 2020 – 169 с.;

[11] Козлов Д.В. Право ЕАЭС: учебник/Д.В.Козлов; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. – 190 с.;

[12] Международное право = Volkerrecht / Вольфган Граф Вицтум и др. – М.: Инфотропик Медиа, 2015 – 428 с.;

[13] Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. – 138 с.;

[14] Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография/К.А.Бекяшев, Д.К. Бекяшев, С.Ю.Кашкин [и др.]; отв. ред. Е.Г.Моисеев. – Москва: Проспект, 2017

[15] Право Евразийского экономического союза: учебное пособие / отв. ред. Е.Г.Моисеев. – Москва: Проспект, 2020. – 30 с.;

[16] Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Проспект, 2020. – 106 с.;

[17] Толстых В.Л., Курс международного права – 332 с.;

[18] Турланов Д.А., Турланова И.М. 2021. Международно-правовые аспекты внешнеторговой политики Евразийского экономического союза. – Московский журнал международного права. №3. С. 63–77. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77

[19] Эдуардо Хименес Де Аречага, Современное международное право – М.: Книга по требованию, 2013. – 255 с.;

[20] Энтин Л.М. Энтин М.Л. Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021 – 78 с.;

[21] Я. Броунли. Международное право (кн. 2). Перевод с английского С.Н.Андрианова, под редакцией Г.И.Тункина. Издательство «Прогресс», Москва, 1977 – 413 с.

[22] Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C. J. Reports 1949, p. 180. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf

[23] Доклад КМП. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf

[24] Advisory Opinion of 8 July 1996, I.C.J. Reports 1996, p. 66 (paragraphs 19 (p. 74-75)

[25] Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография/К.А.Бекяшев, Д.К. Бекяшев, С.Ю.Кашкин [и др.]; отв. ред. Е.Г.Моисеев. – Москва: Проспект, 2017 – 44 с.;

[26] Международное право = Volkerrecht / Вольфган Граф Вицтум и др. – М.: Инфотропик Медиа, 2015 – 428 с.;

[27] Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion, I. C.J. Reports 1980, p. 73.

[28] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

[29] Право Евразийского экономического союза: учебное пособие / отв. ред. Е.Г.Моисеев. – Москва: Проспект, 2020. – 30 с.;

[30] Консультативное заключение Экономического Суда Содружества Независимых Государств № 01-1/3-

05. URL: http://sudsng.org/download_files/rh/2006/ZK_01-1_3-05_10032006.pdf

[31] Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др.;

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Проспект, 2020. – с. 106;

[32] Series B – No. 14, December 8th, 1927 Jurisdiction of the European Commission of the Danube (between Galatz and Braila). The PCIJ.

[33] Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21.03.1986

[34] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147849/iatc_02062015

[35] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, And the Republic of Serbia, Of the Other Part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423624/iatc_28102019

[36] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, And the Republic of Singapore, Of the Other Part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01223248/iatc_04102019

[37] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/242/9798/

[38] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, of the one part, and The United Arab Emirates, of the other part. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/55b/ql3zzje0crbhq1dftfp6kls8w5rv7pnp/EAEU_UAE-EPA-for-website.pdf

[39] Free Trade Agreement Between The Eurasian Economic Union And Its Member States, Of The One Part, And The Republic Of Indonesia, Of The Other Part. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/indonesia.php

[40] Interim trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, Of the One Part, and Mongolia, of the other part. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/e24/kx6qsabt5s31z84i58jet4ywfnrgcesz/Interim-Trade-Agreement-EAEU_Mongolia.pdf

[41] Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018

[42] Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422104/iatc_17062019

[43] Решение ВЕЭС № 17 от 26.12.2016 – О начале переговоров с Арабской Республикой Египет о заключении соглашения о зоне свободной торговли

[44] Решение ВЕЭС № 14 от 26.12.2016 – О начале переговоров с Республикой Индией о заключении соглашения о зоне свободной торговли.

[45] О формировании совместной исследовательской группы по изучению вопроса о целесообразности заключения соглашения о свободной торговле с Тунисской Республикой. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/451/9883/

[46] Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2026 год. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/25r00142/ (дата обращения: 20.04.2026)

[47] Полный список заключенных меморандумов опубликован на правовом портале Евразийского экономического союза.

[48] Aegean Sea Continental Shelf Judgment, I.C.J. Reports 1978, p. 3

[49] Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14.05.2018 г.

[50] Решение №51 от 20.06.2012 ЕЭК

[51] Решение №27 от 19.12.2012 ВЕЭС. URL: scd_20122012_27 (eaeunion.org) (дата обращения: 20.04.2026)

References:

[1] Birkenhead. International law, 6 ed., p. 31;

[2] Brownlie I. Principles of public international law. P. 649.

[3] Iwasawa Yu. International law. University of Tokyo Press, 2020. – 468-470 pp.;

[4] Jan Klabbers, International Law (3rd edition) Cambridge University Press; December 2020. – 110 p.

[5] Balkhaeva S.B., Pomazansky A.E. The legal status of international organizations as third parties to international treaties in accordance with the principle of pacta tertiis nec nocent nec prosunt//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 1. S. 156.

[6] Bekyashev K.A., Fundamentals of International Law: A Study Guide. - Moscow: Prospect, 2022. - 269 p.

[7] Dzhagityan EP, Perskaya VV, Revenko NS, Rylskaya MA, Sokolova ES, Tkachenko AA, Pham

Thi Hoang An. EAEU-Vietnam Free Trade Area: Primary Analysis of Trade Integration Effects: Monograph/Sub. ed. Perskoy V.V. and Revenko N.S. - M.: INFRA-M, 2019 - 29 p.;

[8] Idrysheva S.K., Alzhanova A.D. Legal personality of the Eurasian Economic Union. The essence, concept, principles, nature of international organizations and the rights of international organizations. DOI: 10.7256/2226-6305.2016.1.17244 - 7 p.;

[9] Kalamkaryan RA, Migachev Yu.I. International Law: Textbook. - M.: Eksmo Publishing House, 2004. - 225 s.;

[10] Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Law of the Eurasian Economic Union: textbook/ed. ed. S.Yu. Kashkin. - Moscow: Prospekt, 2020 - 169 p.;

[11] D.V. Kozlov. EAEU law: textbook/D.V. Kozlov; Southern Federal University. - Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2019. - 190 s.;

[12] International law = Volkerrecht/Wolfgan Graf Witztum et al. - M.: Infotropic Media, 2015-428 p.;

[13] International Law: Textbook/Rev. ed. Doctor of Legal Sciences, prof. S.A. Egorov. - M.: Statute, 2016. - 138 s.;

[14] International legal foundations for the creation and functioning of the Eurasian Economic Union: monograph/K.A. Bekyashev, D.K. Bekyashev, S.Yu. Kashkin [and others]; resp. ed. E.G. Moiseev. - Moscow: Prospect, 2017

[15] Eurasian Economic Union Law: textbook/rev. ed. E.G. Moiseev. - Moscow: Prospekt, 2020. - 30 s.;

[16] Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: a collection of materials for the XII Annual scientific readings in memory of Professor S.N. Bratus/V.F. Yakovlev, T. Ya. Khabrieva, V.K. Andreev and others; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2020. - 106 s.;

[17] Tolstykh V.L., Course of International Law - 332 p.;

[18] Turlanov D.A., Turlanova I.M. 2021. International legal aspects of the foreign trade policy of the Eurasian Economic Union. - Moscow Journal of International Law. №3. C. 63–77. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77

[19] Eduardo Jiménez De Arechaga, Modern International Law - M.: Book on Demand, 2013. - 255 s.;

[20] Entin LM Entin ML European Law. Branches of law of the European Union and the Eurasian Economic Union. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2021 - 78 p.;

[21] J. Brownley. International Law (c. 2). Translated from English by S.N. Andrianov, edited by G.I. Tunkin. Progress Publishing House, Moscow, 1977-413 p.

[22] Reparation for injuries suffered in the service of the United Nations, Advisory Opinion: I.C. J. Reports 1949, p. 180. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf

[23] ILC report. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf

[24] Advisory Opinion of 8 July 1996, I.C.J. Reports 1996, p. 66 (paragraphs 19 (p. 74-75)

[25] International legal foundations for the creation and functioning of the Eurasian Economic Union: monograph/K.A. Bekyashev, D.K. Bekyashev, S.Yu. Kashkin [and others]; resp. ed. E.G. Moiseev. - Moscow: Prospect, 2017 - 44 p.;

[26] International law = Volkerrecht/Wolfgan Graf Witztum et al. - M.: Infotropic Media, 2015-428 p.;

[27] Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion, I. C.J. Reports 1980, p. 73.

[28] Eurasian Economic Union Treaty of May 29, 2014

[29] Law of the Eurasian Economic Union: textbook/rev. ed. E.G. Moiseev. - Moscow: Prospekt, 2020. - 30 s.;

[30] Economic Court of the Commonwealth of Independent States Advisory Opinion No. 01-1/3-05. URL: http://sudsng.org/download_files/rh/2006/ZK_01-1_3-05_10032006.pdf

[31] Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: a collection of materials for the XII Annual scientific readings in memory of Professor S.N. Bratus/V.F. Yakovlev, T. Ya. Khabrieva, V.K. Andreev and others; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2020. - p. 106;

[32] Series B – No. 14, December 8th, 1927 Jurisdiction of the European Commission of the Danube (between Galatz and Braila). The PCIJ.

[33] Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations of 21.03.1986

[34] Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147849/iatc_02062015

[35] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, And the Republic of Serbia, Of the Other Part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423624/iatc_28102019

[36] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, And the Republic of Singapore, Of the Other Part. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01223248/iatc_04102019

[37] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/242/9798/

[38] Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and Its Member States, Of the One Part, of the one part, and The United Arab Emirates, of the other part. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/55b/ql3zzje0crbhq1dftfp6kls8w5rv7pnp/EAEU_UAE-EPA-for-website.pdf

[39] Free Trade Agreement Between The Eurasian Economic Union And Its Member States, Of The One Part, And The Republic Of Indonesia, Of The Other Part. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/indonesia.php

[40] Interim trade agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, Of the One Part, and Mongolia, of the other part. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/e24/kx6qsabt5s31z84i58jet4ywfnrgcesz/Interim-Trade-Agreement-EAEU_Mongolia.pdf

[41] Agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the People's Republic of China, on the other. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018

[42] Agreement on the exchange of information on goods and vehicles of international transport moving through the customs borders of the Eurasian Economic Union and the People's Republic of China. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422104/iatc_17062019

[43] Decision of the SEEC No. 17 of 26.12.2016 - On the start of negotiations with the Arab Republic of Egypt on the conclusion of an agreement on a free trade zone

[44] Decision of the SEEC No. 14 of 26.12.2016 - On the start of negotiations with the Republic of India on the conclusion of an agreement on a free trade zone.

[45] On the formation of a joint research group to study the feasibility of concluding a free trade agreement with the Republic of Tunisia. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/451/9883/

[46] On the Main Directions of International Activities of the Eurasian Economic Union for 2026. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/25r00142/ (accessed on: 20.04.2026)

[47] The full list of concluded memoranda is published on the legal portal of the Eurasian Economic Union.

[48] Aegean Sea Continental Shelf Judgment, I.C.J. Reports 1978, p. 3

[49] Agreement on international treaties of the Eurasian Economic Union with third states, international organizations or international integration associations of 14.05.2018

[50] Decision No. 51 of the ECE 20.06.2012

[51] Decision No. 27 of the SEPP 19.12.2012. URL: scd _ 20122012 _ 27 (eaeunion.org) (Accessed on: 20.04.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-287-290
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ПРОШИНА Марта Валерьевна,
магистр права,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии Труда и Социальных отношений,
Партнер юридической компании R&A Group Ltd,
e-mail: mail@law-books.ru

ВИДЫ ДОГОВОРОВ В ИСЛАМСКОМ ТОРГОВОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные виды договоров, используемых в исламском торговом праве, а также особенности их правовой природы, содержания и условий действительности. Автор исходит из того, что исламское договорное право сочетает юридические, религиозные и нравственные начала, поэтому торговая сделка оценивается не только с позиции формального согласования условий, но и с точки зрения соответствия предписаниям шариата. Особое внимание уделяется договору купли-продажи как базовой конструкции исламского торгового оборота. Анализируются его отдельные разновидности, включая продажу по сниженной цене, доверительную продажу, мурабаха, тавлия, вади'а, продажу с отсрочкой платежа, salam и istisna. Отдельно раскрывается договор иджара, применяемый как в сфере найма услуг, так и в арендных и лизинговых отношениях. В статье также рассматривается договор хиба, близкий по содержанию к договору дарения, и показывается значение фактической передачи вещи для признания такого договора действительным. Значительное место занимает анализ оснований расторжения и признания сделок недействительными, включая различные формы хияр, связанные с дефектами товара, обманом, нарушением условий договора, невозможностью передачи вещи и иными обстоятельствами. Делается вывод о том, что исламское торговое право строится на сочетании свободы торгового оборота, добросовестности, запрета неопределенности и необходимости соблюдения религиозно-правовых ограничений, направленных на поддержание справедливости между сторонами сделки.*

Ключевые слова: *исламское торговое право, договор, купля-продажа, мурабаха, иджара, хиба, хияр, шариат, торговая сделка, недействительность договора.*

PROSHINA Marta Valeryevna,
Postgraduate student of the
Department of Civil Law and Procedure
Academy of Labor and Social Relations,
Managing Partner of the law firm "R&A Group Ltd."

TYPES OF CONTRACTS IN ISLAMIC COMMERCIAL LAW

Annotation. *The article examines the main types of contracts used in Islamic commercial law, as well as the specific features of their legal nature, content and conditions of validity. The author proceeds from the premise that Islamic contract law combines legal, religious and moral principles; therefore, a commercial transaction is assessed not only from the standpoint of formal agreement between the parties, but also in terms of compliance with Sharia requirements. Particular attention is paid to the contract of sale as the basic construction of Islamic commercial circulation. The article analyzes its individual varieties, including sale at a reduced price, trust sale, murabahah, tawliyah, wadi'ah, deferred payment sale, salam and istisna. Special consideration is given to the contract of ijarah, which is applied both in the sphere of services and in lease and leasing relations. The article also examines the contract of hiba, which is close in content to a gift contract, and shows the importance of actual transfer of the thing for recognizing such a contract as valid. A significant part of the research is devoted to the grounds for termination and invalidation of transactions, including various forms of khiyar related to defects of goods, fraud, breach of contractual terms, impossibility of trans-*

fer and other circumstances. The article concludes that Islamic commercial law is based on a combination of freedom of trade, good faith, prohibition of uncertainty and compliance with religious and legal restrictions aimed at maintaining fairness between the parties to a transaction.

Key words: *Islamic commercial law, contract, sale, murabahah, ijarah, hiba, khiyar, Sharia, commercial transaction, invalidity of contract.*

Торговля в исламском мире сильно развита. В связи с этим, вопросы и правила торговли подробно регламентированы. Исламское право требует от людей, занимающихся торговлей, знания таких критериев, как: 1) правила торговли; 2) не выделять мусульман среди покупателей; 3) не проявлять суровости в отношении цен на товары; 4) идти навстречу человеку, с которым заключена торговая сделка в случае, если тот раздумает и попросит аннулировать эту сделку [1, с. 210]. К торговцу предъявляется также требования совершеннолетия и вменяемости.

Торговля в исламском договорном праве осуществляется, в основном, путем заключения договора купли-продажи. Так, в доктрине выделяется несколько типов договоров купли-продажи: в зависимости от способа определения цены продажи и времени совершения платежа [2, с. 62].

Если говорить про первую классификацию, то в зависимости от способа определения цены продажи выделяют распродажу по сниженным ценам (musawamah). Этот вид договора характерен тем, что продавец и покупатель определяет цену товара путем торга, но при этом продавец не раскрывает себестоимость товара. Для продажи товаров по заранее известной себестоимости существует другой тип договора-доверительная продажа (amanah). Доверительная продажа предназначена для тех случаев, когда покупатель не имеет специальных знаний о товаре, то есть покупатель полностью доверяет продавцу в части информации о качестве товара и его себестоимости. В качестве «платы за доверие» продавец может установить определённое вознаграждение. Если продавец каким-либо образом дезинформировал покупателя, то покупатель имеет право вернуть товар при условии, если товар не имеет повреждений.

Договоры доверительной купли-продажи подразделяются на три вида:

-продажа с наценкой (murabahah);

-продажа без наценки (tawliyah);

-продажа с убытками (wadi'ah);

Во всех трех договорах продавец обязан сообщить себестоимость товара, наличие всех дефектов в товаре, маржу и способ её определения (при продаже с наценкой), а также подтвердить добросовестность прошлого продавца.

Если говорить про деление договоров купли-продажи в зависимости от момента передачи товара и денег за товар, то обычно деньги за то товар и сам товар передаются одновременно, однако шариатом не запрещено платить за товар в момент заключения договора, а передавать товар позже. Такие договоры часто заключаются в сфере сельского хозяйства. Не запрещены шариатом и продажи товара с отсрочкой платежа (Bay' Bi-thaman Aaji). Если товар покупается с отсрочкой, то продавец должен сообщить о разнице в цене товара при моментальной покупке или покупке с отсрочкой. По данному вопросу среди учёных нет единой точки зрения относительно того, является ли наценка за передачу товара с отсрочкой нарушением принципа запрета на ростовщичество (риба). С одной стороны, это фактическое взимание дополнительных процентов с покупателя, а с другой стороны при продаже товаров с отсрочкой соблюдается основной принцип совершения платежей- допустимость (ibahah). Стоит согласиться с мнением второй группы учёных, поскольку при продаже товара с отсрочкой продавец лишается возможностью сразу пользоваться своими денежными средствами, покупать товары, обеспечивать прибыль.

Также существует договор промышленной продажи (istisna), где предметом договора признается создание из сырья исполнителя индивидуально-определённой вещи. Отличие договора промышленной продажи от договора salam заключается в том, что в договоре salam продаа ется фактически готовый товар, который определён родовыми признаками, а в договоре промышленной продажи продается в том числе процесс производства (труда) и изготавливаемая уникальная вещь.

В целом же для всех договоров купли-продажи установлены определенные правила, а именно:

1. Предмет договора-наименование, количество и вес товара должны быть заранее известны сторонам договора;
2. В случае наличия залога в договоре купли-продажи заложенное имущество нельзя продавать без согласия на то собственника имущества;
3. Разрешено отдавать товар в часть уплаты долга (аналог отступного) или для расчёта при оказании услуг [3, с. 75].

Согласно нормам мусульманского права разрешается продавать имущество, являющееся предметом договора аренды, однако арендатор

сохраняет право держать это имущество (мульк) до истечения срока аренды. Новый владелец может аннулировать сделку, если срок аренды его не устраивает.

Интересным с точки зрения анализа является договорная конструкция договора найма (иджара). По данному договору одна сторона-исполнитель (мустаджир) оказывает определённого рода услуги за плату заказчику (аджир). Существенными условиями договора найма является размер платы за услуги мустаджира и само наименование услуг исполнителя. Фактически данный договор напоминает договор оказания услуг по российскому праву. При этом, важно отметить, что иджара применяется, в том числе и для аренды жилых и нежилых помещений. Также важно отметить, что иджара является реальным договором, то есть считается заключённым с момента передачи недвижимого имущества и передачи работы. Однако, в случае найма конкретных услуг мустаджир может включить в договор условие о предоплате за свои услуги. Говоря про аренду земли, то шариатом устанавливается обязанность указывать конкретную цель аренды земли (обработка, посев и др.), без указания цели аренды такой договор будет считаться неопределённым, а, следовательно, незаключённым.

Также интересно отметить, что иджара является одновременно и договором лизинга, по которому одна сторона (лизингодатель) приобретает и сдает в лизинг другой стороне (лизингополучателю) некое имущество (как движимое, так и недвижимое) на определённый срок, за что получает вознаграждение в виде арендных платежей, размер которых согласовывается сторонами заранее [4, с. 290]. При чём иджара используется, в том числе, исламскими банками для покупки недвижимости и сдачи в аренду своим клиентам. Также в исламском договорном праве существует подвид договора иджара-иджара ва иктина. Особенность данного договора заключается в том, что стороны договариваются об обязательном выкупе предмета лизинга в конце срока действия договора. Данный вид договора часто используется в исламском праве для покупки дорогостоящего оборудования (здания, крупные сооружения, заводы), а также для финансирования строительства жилья.

Также стоит проанализировать договор хиба, который фактически является договором дарения в исламском праве. Договор дарения соответствует нормам шариата, поскольку в Коране содержится положение: «Посылайте друг другу подарки для усиления вашей любви» [5, с. 216], что фактически легитимирует договор дарения. Для того, чтобы договор дарения считался действительным, необходимо 3 элемента: предложение вещи, принятие вещи и одобрение вещи. Таким образом, с точки зрения деления договоров на консенсуальные и реальные, договор дарения в исламском праве будет являться реальным в силу того, что считается заключённым с момента передачи вещи. Именно процедуре овладения в исламском праве уделяют достаточно большое внимание. Это связано с тем, что овладения должно происходить в месте совершения сделки, тогда можно чётко отследить волю дарителя и волю одаряемого. Именно поэтому в исламских странах запрещено дарение будущей вещи, поскольку нельзя овладеть тем, чего ещё не существует.

Интересным моментом также является то, что дарения части делимой вещи согласно нормам шариата считается порочным, а дарение части неделимой вещи является действительным.

Говоря о процедуре отмены дарения, то в исламском мире право на отмену дарения различается в зависимости от того, кем является одаряемый. Если одаряемый является посторонним человеком, то дарение отменить проще. Однако, в любом случае дарение будет невозможно отменить, если вещь уже дала определённые плоды или доходы, имеются какие-либо приращения (пристройки к жилому дому, посевы на земельном участке). Кроме того, невозможно отменить дарение, если одаряемый умер, а вещь перешла во владение наследникам одаряемого.

В целом же, общим условием возврата дарителю подарка является согласие обоих сторон данной сделки.

В мусульманском договорном праве существуют 11 оснований для расторжения и признания сделки недействительной:

1. Хияр ал-Маджлис: право на расторжение договора в месте заключения сделки (пока стороны не разошлись);
2. Хияр ал-габн: право на признание сделки недействительной, если сделка была совершена вследствие обмана;
3. Хияр аш-шарт: право на расторжение договора, если это прямо прописано в договоре;
4. Хияр ат-тадис – предмет сделки был фальсифицирован;
5. Хияр ат-тахаллоф аш-шарт: действительность сделки была поставлена под отлагательное условие, и данное условие не было выполнено сторонами;
6. Хияр ал-эйб: право на расторжение договора в случае обнаружения существенных недостатков (эйб) или недоброкачественности товара;
7. Хияр аш-ширкет: право расторжения торгового договора с торговой компанией. Аннулирование торговой сделки в случае, если обнаружено, что часть проданного товара принадлежит другому лицу, не согласному

со сделкой. Тогда покупатель имеет право расторгнуть договор или же получить деньги за товар;

8. Хияр ар-руят – договор по лицезрению. В случае, если после получения вещи покупатель обнаруживает, что вещь не соответствует действительности, то договор может быть признан недействительным. За покупателем остается право на замену товара на аналогичный;
9. Хияр ат-таахир: право на расторжение договора, если покупатель заключил сделку с продавцом, по которой обязался взять у него товар за наличные деньги, но не представил их в течение трех дней. В этом случае продавец имеет право расторгнуть сделку, поскольку покупатель не ставил условия об отсрочке платы за товар. Если предметом договора являются скоропортящиеся товары, то сделка может быть расторгнута в первый день.
10. Хияр ал-хейван: право на расторжение договора в течение трёх дней, если вместо одного животного продано другое животное;
11. Хияр ат-таазур ат-таслим: право на расторжение договора по независящим от сторон обстоятельствам, например, вследствие невозможности передать товар покупателю (прим. проданная лошадь убежала) [1, с. 45].

Исламское торговое право не допускает произвольного признания (без наличия определенных выше оснований) сделки недействительной или её расторжения. Причиной расторжения договора могут служить явные и скрытые дефекты товара. Но если покупатель, заметив явный дефект товара, сразу не потребует расторжения сделки, то потом он не имеет права требовать расторжения договора, но при этом у покупателя остается право на возмещение убытков за дефект вещи [6, с. 135–138].

Таким образом, в исламском торговом праве важен не только и не столько юридический аспект, сколько религиозный и социальный.

Интересным является вопрос о возможности заключения договора страхования и соотношения его с принципом запрета на ростовщичество (риба). Египетский экономист Салах Лабиб считает, что заключение договоров страхования допустимо с точки зрения шариата. Страховые компании в исламских странах выступают как посредники между держателями полисов, внесшими деньги в общих интересах, а потому их деятельность якобы соответствует исламскому принципу «такафуль» - сотрудничества и взаимной поруки сторон без эксплуатации человека человеком [7, с. 88].

Также в исламском торговом праве важным является то, что условия договора не должны противоречить целям договора. Иначе такой договор можно признать недействительным. Например, при заключении договора купли-продажи, вещь сразу переходит в собственность покупателю в полном объеме. В связи с этим, любые договоренности, препятствующие немедленной передаче имущества, недопустимы.

Список литературы:

[1] Рахманов Р. А., Рузиев Р. Ж. Исламское право: учебник. — Уфа, 2010. — С. 45, 210.

[2] Амиров А. Т. Типы и виды договоров купли-продажи в исламском праве // Законодательство. — 2021. — № 2. — С. 62–63.

[3] Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Структура и основные институты. — М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. — С. 75.

[4] Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. — М.: Издательский дом Марджани, 2010. — С. 290.

[5] Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. / пер. с англ.; под ред. Н. И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. А. Х. Саидов. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — С. 216.

[6] Муромцев Г. И. Мусульманское право и правовые системы государств Африки // Правоведение. — 1968. — № 3. — С. 135–138.

[7] Роэ М. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М. Кудратов; под общ. ред. Д. Мухетдинова. — М.: Медина, 2019. — С. 88.

References:

[1] Rakhmanov R. A., Ruziev R. Zh. Islamic Law: Textbook. - Ufa, 2010. - Pp. 45, 210.

[2] Amirov A. T. Types and Kinds of Sale and Purchase Agreements in Islamic Law // Legislation. - 2021. - No. 2. - Pp. 62-63.

[3] Syukiyainen L. R. Muslim Law. Structure and Main Institutions. - Moscow: Publishing House of the Institute of Islamic and Political Sciences of the USSR Academy of Sciences, 1984. - P. 75.

[4] Bekkin R. I. Islamic Economic Model and Modernity. - Moscow: Publishing House Mardzhani, 2010. - P. 290.

[5] Hidoya. Commentaries on Muslim Law: in 2 parts / translated from English; ed. N. I. Grodekova; editor, author of the preface, introduction and scientific commentary A. Kh. Saidov. - Moscow: Wolters Kluwer, 2010. - P. 216.

[6] Muromtsev G. I. Muslim Law and Legal Systems of African States // Jurisprudence. - 1968. - No. 3. - P. 135-138.

[7] Roe M. Islamic Law: History and Modernity / translated from German by A. Mukhamatchina; scientific editor M. Kudratov; under the general editorship of D. Mukhetdinov. - Moscow: Medina, 2019. - P. 88.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-291-294
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЮСИФ-ЗАДА Аслан-Ага Ильгар оглы,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
Управляющий партнер юридической компании
«R&A Group Ltd.»,
e-mail: jurist_yusifzada@mail.ru

МУСУЛЬМАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОПУСТИМОСТИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуются мусульманско-правовые представления о допустимости трансплантации органов и тканей человека, а также их значение для совершенствования российского правового регулирования. Актуальность темы обусловлена тем, что трансплантация находится на пересечении медицины, гражданского права, биоэтики и религии, а потому ее правовая оценка не может ограничиваться только техническими медицинскими критериями. Особое значение проблема приобретает для России как светского и одновременно многоконфессионального государства, где доверие к институтам донорства зависит не только от качества нормативных процедур, но и от учета ценностных представлений различных религиозных сообществ. Цель исследования состоит в выявлении тех элементов исламской правовой доктрины, которые могут иметь значение для развития этически чувствительной модели регулирования трансплантации в российском правопорядке. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, герменевтический и биоэтический методы. Показано, что современная мусульманско-правовая мысль не исходит из абсолютного запрета трансплантации, а формирует модель условной допустимости, основанную на целях шариата, охране жизни, запрете причинения вреда, свободном согласии донора и недопустимости коммерциализации человеческого тела. Сделан вывод, что для российского права значение исламского подхода состоит не в религиозной замене светских норм, а в усилении гарантий информированного согласия, запрета торговли органами, уважения к телу умершего и общественного доверия к посмертному донорству.*

Ключевые слова: *трансплантация, исламское право, Фикх, биоэтика, донорство, религия, достоинство, право.*

YUSIF-ZADA Aslan-Agha Ilgar ogly,
Postgraduate student
of the Department of Civil Law and Procedure
Academy of Labor and Social Relations,
Managing Partner of the law firm “R&A Group Ltd.”

ISLAMIC LEGAL VIEWS ON THE PERMISSIBILITY OF ORGAN TRANSPLANTATION AND THEIR SIGNIFICANCE FOR LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Annotation. *The article examines Islamic legal views on the permissibility of human organ and tissue transplantation and their significance for improving Russian legal regulation. The relevance of the topic is determined by the fact that transplantation lies at the intersection of medicine, civil law, bioethics and religion; therefore, its legal assessment cannot be limited to technical medical criteria only. The issue is particularly important for Russia as a secular and, at the same time, multi-confessional state, where trust in donation institutions depends not only on the quality of legal procedures but also on the consideration of value-based attitudes of various religious communities. The purpose of the study is to identify those elements of Islamic legal doctrine that may be relevant for developing an ethically sensitive model of transplantation regulation in the Russian legal order. The methodology includes formal legal, comparative legal, systemic, hermeneutic and bioethical methods. The ar-*

ticle shows that contemporary Islamic legal thought does not proceed from an absolute prohibition of transplantation but forms a model of conditional permissibility based on the objectives of Sharia, protection of life, prohibition of harm, free consent of the donor and inadmissibility of commercialization of the human body. It is concluded that, for Russian law, the significance of the Islamic approach lies not in replacing secular norms with religious rules but in strengthening guarantees of informed consent, prohibition of organ trade, respect for the deceased body and public trust in postmortem donation.

Key words: *transplantation, Islamic law, Fiqh, bioethics, donation, religion, dignity, law.*

Трансплантация органов и тканей человека находится на пересечении медицины, гражданского права, биоэтики и религии. Ее социальная ценность очевидна: пересадка органа способна спасти жизнь пациента либо восстановить его здоровье. Однако юридическая допустимость такой процедуры не может определяться только медицинской целесообразностью. Трансплантация затрагивает телесную неприкосновенность, человеческое достоинство, пределы распоряжения собственным телом, отношение к телу умершего и запрет коммерческого оборота органов.

Для мусульманских сообществ эта проблема имеет особую остроту, поскольку вопрос о донорстве и пересадке органов оценивается через категории фикха: охрану жизни, недопустимость причинения вреда, уважение к телу человека и запрет превращения человеческой телесности в источник имущественной выгоды. В современной литературе подчеркивается, что исламская биоэтика формируется не как отрицание медицины, а как поиск нравственных пределов ее применения [2, с. 280; 3, с. 264].

Цель статьи состоит в выявлении содержания мусульманско-правовых представлений о допустимости трансплантации органов и определении их значения для российского регулирования. Для достижения цели используются формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, герменевтический и биоэтический методы. Исследование исходит из того, что для России как светского и многоконфессионального государства религиозно-этические подходы важны не как источник обязательных норм, а как фактор общественного доверия к институтам донорства и трансплантации.

Трансплантология стала устойчивой частью современной медицины во второй половине XX века. Первая успешная трансплантация почки, проведенная в 1954 году, обозначила новый этап медицинской практики и одновременно поставила перед правом сложные вопросы: о критериях смерти, допустимости посмертного изъятия органов, пределах риска для живого донора, справедливом распределении донорских органов и запрете их купли-продажи [1, с. 352].

Биоэтика в данной сфере выступает необходимым способом оценки медицинского вмешательства. Орган или ткань человека не являются обычным объектом имущественного оборота. Даже после отделения от тела они сохраняют связь с личностью, ее телесной целостностью и достоинством. Поэтому правовое регулирование трансплантации должно защищать донора, реципиента и общественный интерес в развитии медицины, но одновременно исключать превращение частей человеческого тела в товар.

Российское законодательство в целом следует данной логике. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» связывают трансплантацию с медицинской необходимостью, информированным добровольным согласием, защитой здоровья донора и реципиента, а также запретом коммерциализации. Вместе с тем эти нормы преимущественно устанавливают процедуру допустимости трансплантации и не всегда отвечают на вопрос о том, как учитывать религиозно-этические опасения граждан, особенно при посмертном донорстве.

Исламское право, или фикх, опирается на Коран, сунну Пророка Мухаммеда, иджму и кияс. При разрешении современных биомедицинских вопросов особое значение приобретает концепция макасид аш-шариа, то есть целей и намерений шариата. Одной из ключевых целей является охрана жизни (хифз ан-нафс). Именно она позволяет рассматривать трансплантацию как потенциально дозволенное средство спасения человека, если соблюдены необходимые нравственные и правовые пределы [2, с. 280; 4, с. 99].

Вторым принципом выступает правило о недопустимости вреда: «нет вреда и нет воздаяния вредом». В трансплантации оно означает, что ожидаемая польза для реципиента должна превышать возможный вред для донора, а медицинское вмешательство не должно становиться формой эксплуатации. Поэтому изъятие органа у живого донора недопустимо, если оно создает несоразмерный риск для его жизни и здоровья либо лишает его жизненно важной функции.

Современная мусульманско-правовая доктрина, следовательно, не строится на абсолютном запрете трансплантации. Более точным явля-

ется вывод о модели условной допустимости. Ее содержание включает медицинскую необходимость, добровольное и осознанное согласие живого донора, уважительное отношение к телу умершего, учет выраженной при жизни воли либо позиции семьи при посмертном донорстве, а также категорический запрет торговли органами [3, с. 264; 4, с. 99].

Указанный подход получил развитие в решениях мусульманских религиозно-правовых институтов. Международная исламская академия фикха в конце 1980-х годов признала допустимость пересадки органов при соблюдении условий необходимости, согласия и отсутствия коммерческой составляющей. Сходные позиции отражены в дискуссиях и фетвах Египта, Турции, Ирана, Великобритании и Северной Америки. Вместе с тем современная научная литература показывает, что внутри исламской мысли сохраняется разнообразие подходов к критерию смерти мозга, семейному согласию и риску давления на социально уязвимого донора [4, с. 99; 5, с. 1-12].

Российское право имеет светский характер, поэтому нормы шариата не могут напрямую подменять законодательное регулирование. Однако религиозно-этические подходы могут использоваться как ориентир правовой политики. Их значение состоит в том, что они выявляют условия общественной приемлемости трансплантации: прозрачность процедуры, уважение к телу человека, действительную добровольность согласия, запрет купли-продажи органов и защиту слабой стороны медицинского отношения.

Содержательно российская модель во многом совпадает с базовыми ограничениями, выработанными исламской доктриной. Трансплантация допускается при медицинской необходимости; изъятие у живого донора требует информированного добровольного согласия; несовершеннолетние и недееспособные лица защищены от недопустимого донорства; коммерческий оборот органов исключается; посмертное изъятие связано с волеизъявлением гражданина либо правом близких родственников заявить несогласие. Эти положения образуют общий биоэтический минимум, основанный на охране жизни, добровольности и человеческом достоинстве.

Наиболее чувствительным остается вопрос посмертного донорства. В условиях презумпции согласия часть граждан может воспринимать действующий механизм как недостаточно понятный. Для верующих мусульман значение имеют не только медицинские показания, но и вопрос о дозволенности изъятия органов после смерти, сохранении уважения к телу умершего и возможности семьи выразить религиозно мотивированное несогласие. Поэтому правовое регулирование нуждается в более развитом разъяснительном сопровождении.

Практически это может выражаться в трех направлениях. Во-первых, институт информированного добровольного согласия должен рассматриваться не как формальная подпись, а как результат понятного объяснения медицинских, правовых и этических последствий. Во-вторых, необходимы просветительские механизмы с участием медицинских организаций, юристов и представителей религиозных сообществ. В-третьих, следует последовательно усиливать запрет коммерциализации органов, поскольку именно он является общим для российского права, международной биоэтики и исламской правовой традиции [1, с. 352; 5, с. 1-12; 6, с.108-118].

Особого внимания требует гражданско-правовой режим органов и тканей человека. Отделенные биологические материалы получают материальное выражение, но не утрачивают связь с личностью источника. Поэтому их нельзя полностью приравнивать к обычным вещам. В цивилистической литературе справедливо отмечается, что отношения по трансплантации требуют специальной модели регулирования, отличной от классического вещного оборота и обычного договора медицинских услуг [7, с. 164; 8, с. 260].

С учетом мусульманско-правового подхода такая модель должна строиться вокруг запрета товарного оборота органов. Гражданское право может закреплять пределы согласия, ответственность за нарушение условий использования биоматериала, защиту личных неимущественных прав донора и реципиента, компенсацию вреда и механизмы предотвращения злоупотреблений. Однако признание необходимости правовой защиты биологических материалов не должно вести к их коммерциализации.

Мусульманско-правовые представления о допустимости трансплантации органов основаны не на отрицании современной медицины, а на балансе между охраной жизни, уважением к человеческому телу, свободой согласия и запретом коммерческого оборота органов. Современная исламская доктрина в большинстве случаев допускает трансплантацию при наличии медицинской необходимости, отсутствия несоразмерного вреда для донора и исключения имущественной выгоды из факта передачи органа.

Для российского правового регулирования значение этих подходов состоит в усилении этической чувствительности законодательства без отказа от его светского характера. Перспективным является развитие процедур разъяснения

гражданам порядка выражения согласия или несогласия на посмертное донорство, учет религиозно-этических факторов при информировании пациентов и родственников, а также установление специальных гражданско-правовых гарантий защиты биологических материалов человека без признания их товаром. Такой подход позволяет соединить медицинскую эффективность, правовую определенность и уважение к ценностному многообразию российского общества.

Список литературы:

[1] Витч Р. М., Росс Л. Ф. Этика трансплантации. 2-е изд. Вашингтон: Издательство Джорджтаунского университета, 2015. 352 с.

[2] Сачедина А. Исламская биомедицинская этика: принципы и применение. Оксфорд; Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2009. 280 с.

[3] Моазам Ф. Биоэтика и трансплантация органов в мусульманском обществе: исследования в области культуры, этнографии и религии. Блумингтон: Издательство Университета Индианы, 2006. 264 с.

[4] Али М. Семь граней фетвы: трансплантация органов и ислам // Религии. 2020. Том 11. № 2. С. 99.

[5] Падела А. И., Дуйвенбод Р. Этика донорства органов, донорство после установления факта смерти по показаниям системы кровообращения и ксенотрансплантация с точки зрения ислама // Ксенотрансплантация. 2018. Том 25. Iss. 3. P. e12421. 1-12 с.

[6] Каракулина Е. В., Хомяков С. М., Александрова О. А., Лысиков И. В., Шеденко С. В., Готье С. В. Пути совершенствования нормативно-правового регулирования вопросов организации трансплантации (пересадки) органов и (или) тканей человека в Российской Федерации // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2022. Т. 24. № 2. С. 108-118.

[7] Алсынбаева Э. М. Гражданско-правовое регулирование оказания медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2013. 164 с.

[8] Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве: учебное и практическое пособие. М.: БЕК, 1995. 260 с.

References:

[1] Veatch, R. M. and Ross, L. F. (2015). The Ethics of Transplantation. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2015. 352 p.

[2] Sachedina, A. (2015). Islamic Biomedical Ethics: Principles and Applications. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 280 p.

[3] Moazam, F. (2016). Bioethics and Organ Transplantation in Muslim Societies: Studies in Culture, Ethnography, and Religion. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 264 p.

[4] Ali, M. (2015). Seven Facets of Fatwa: Organ Transplantation and Islam. Religions. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 99.

[5] Padela A. I., Duivenbod R. Ethics of Organ Donation, Donation after Establishment of Death Based on Circulatory System Indications, and Xenotransplantation from an Islamic Perspective // Xenotransplantation. 2018. Vol. 25. Iss. 3. P. e12421. 1-12 p.

[6] Karakulina E. V., Khomyakov S. M., Aleksandrova O. A., Lysikov I. V., Shedenko S. V., Gauthier S. V. Ways to Improve the Legal Regulation of Human Organ and (or) Tissues Transplantation in the Russian Federation // Bulletin of Transplantology and Artificial Organs. 2022. Vol. 24. No. 2. P. 108-118.

[7] Alsynbaeva E. M. Civil-legal regulation of the provision of medical services for the transplantation of human organs and tissues: dis. ... Cand. of Law. Ufa, 2013. 164 p.

[8] Maleina M. N. Man and Medicine in Modern Law: a textbook and practical guide. Moscow: BEK, 1995. 260 p.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-295-299
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

СОЧНЕВА Анастасия Сергеевна,
студент кафедры менеджмента и предпринимательств,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: anastasiia.sochneva2006@mail.ru

РАХМАНОВ Артем Дмитриевич,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: yroflanov@bk.ru

БЕЛОУСОВ Вадим Владимирович,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: yroflanov@bk.ru

ШАРАПОВ Юрий Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры бизнес-информатики
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: sharapov.66@mail,ru

ШАРАПОВА Наталья Владимировна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: sharapov.66@mail.ru

АРХИТЕКТУРА ЛИЧНОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация*. Статья посвящена исследованию методов очистки информационного пространства и восстановлению концентрации внимания человека. Рассмотрены психологические причины одержимости социальными сетями: как работает дофаминовая петля и для чего разработчики делают ленту бесконечной. Проведен обзор современных тенденций потребления информации и их влияние на когнитивные процессы. Рассмотрены методы фильтрации информации, проанализированы существующие инструменты и стратегии для управления информационным потоком. Рассмотрены методы и инструменты для управления информацией и успешного освоения новых задач. Дано понятие цифровой детокс по исследованию эффективности временного отказа от цифровых устройств. Предлагается цифровая организация окружения, необходимость учиться управлять уведомлениями, устанавливать временные интервалы для проверки сообщений и почты. комплексный подход к решению проблемы информационной перегрузки, сочетающей технологические инновации и психологические практики.*

Ключевые слова*: интернет, социальные сети, гормон радости, гормон привязанности, гормон стресса, телефон, фильтрация информации, цифровая усталость, цифровой детокс.*

SOCHNEVA Anastasia Sergeevna,
Student, Department of Management and Entrepreneurship,
Ural State University of Economics,

RAKHMANOV Artem Dmitrievich,
student, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

BELOUSOV Vadim Vladimirovich,
student, Accounting and Auditing Department,
Ural State University of Economics

SHARAPOV Yuri Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Business Informatics,
Ural State University of Economics

SHARAPOVA Natalya Vladimirovna,
Doctor of Economics,
Head of the Accounting and Auditing Department at the
Ural State University of Economics

ARCHITECTURE OF PERSONAL DIGITAL SPACE

Annotation. *This article explores methods for clearing information space and restoring human concentration. It examines the psychological causes of social media obsession: how the dopamine loop works and why developers make the feed endless. It also provides an overview of current information consumption trends and their impact on cognitive processes. Information filtering methods are discussed, and existing tools and strategies for managing information flow are analyzed. Methods and tools for managing information and successfully mastering new tasks are considered. The concept of digital detox is explored, based on research into the effectiveness of temporarily abandoning digital devices. It proposes digital organization of the environment, the need to learn to manage notifications, and set time intervals for checking messages and email. It also proposes a comprehensive approach to solving the problem of information overload, combining technological innovations and psychological practices.*

Key words: *internet, social media, joy hormone, attachment hormone, stress hormone, phone, information filtering, digital fatigue, digital detox.*

Введение: Современный мир характеризуется беспрецедентным потоком информации, поступающей их различных источников. Это создает уникальную проблему информационной перегрузки. Которая негативно сказывается на способности человека концентрироваться и эффективно обрабатывать данные. В современном мире «социальные сети стали неотъемлемой частью жизни человека» [2]. Ежедневно человеческий разум все чаще зависает в инфопространстве. Мы начинаем утро с проверки телефона, в течение дня листаем ленту и засыпаем с телефоном в руках. В среднем каждый человек проводит минимум 2,5 часа за экраном телефона или компьютера. Но чем мы платим за такую привычку? Бесконечный скроллинг ленты приводит к потере концентрации и внимания, постоянной тревожности и ощущению, что жизнь проходит мимо нас.

Основная часть. Отметим какие «признаки могут указывать на развитие зависимости от социальных сетей, человек чувствует себя негативно, когда у него нет возможности пользоваться социальными сетями, например нет сети интернет, когда разряжен телефон» [5] Представим обычное утро современного человека. Звенит будильник, но вместо того, чтобы проснуться и начать заниматься утренними делами, мы берем в руки телефон. Это действие стало уже настолько привычным и обыденным, что мы уже даже не задумываемся над этим. Согласно исследованиям, в среднем человек проводит 2,5 часа в социальных сетях, а в некоторых странах этот показатель доходит даже до 4 часов. Причем многие из нас даже не представляют, как можно жить иначе. Мы открываем интернет, чтобы почитать новости или просто полистать ленту. Это ритуал кажется безобидным, но на самом деле он запускает важные процессы. Дело в том, что каждый интересный пост вызывает у нас выброс дофамина - гормона радости. Наш мозг утроен так, что он не различает полезную привычку от вредной, и поэтому он с радостью поощряет нас, когда мы берем в руки телефон. Получается такая небольшая награда, за то, что мы просто зашли в приложение, и к которой постоянно хочется возвращаться снова и снова. И выходит так, что мы попадаем в замкнутый круг: мы листаем ленту, получаем легкий дофамин и хотим листать еще и еще.

Почему же мы так одержимы социальными сетями? Мы можем провести в интернете несколько часов подряд и даже не заметить этого. Исходя из исследования, «53% населения мира – это 4,14 миллиарда человек, и все они являются активными пользователями соц. сетей. В среднем каждый интернет – пользователь про-

водит на социальных платформах почти 2,5 часа в день. В некоторых странах, например в Филиппинах, доходит до 4х часов. При этом общее время составляет около 7 часов в день» [8], и треть из них приходится на социальные сети. Но почему же мы к ним так сильно привязаны? На самом деле причин несколько, и все они работают одновременно, создавая настоящую ловушку.

Самая главная причина – это наш мозг и его система вознаграждения. Разработчики социальных сетей отлично знают об этом и специально проектируют приложения так, чтобы мы не могли оторваться. Короткие видео работают как идеальный наркотик: мы просто не успеваем устать от сюжета, потому что уже начинается следующий ролик. Таким образом мозг не насыщается до конца, ему хочется еще и еще. Алгоритмы не дремлют – они запоминают, что нам нравится и снова и снова подсовывают эти темы. В итоге формируется «дофаминовая игла», когда хочется ещё и мы не можем остановиться.

Вторая гормональная ловушка связана с кортизолом – гормоном стресса. Когда мы постоянно сидим в социальных сетях, у нас возникает страх что-то пропустить. Нам кажется, что прямо сейчас в ленте происходит что-то очень важное, и если мы это пропустим, то окажемся «не в теме». Мы начинаем постоянно проверять телефон, даже когда нет никаких уведомлений. Это создает кортизоловую тревогу – постоянное напряжение и боязнь пропустить что-то интересное и важное.

Эта тревога не дает нам расслабиться. Мы проверяем ленту за завтраком, на работе и перед сном. И каждый раз, наблюдая, что ничего интересного не произошло, тревога никуда не уходит – она лишь ненадолго затихает, чтобы через пару минут вернуться снова.

Третья гормональная ловушка связана с окситоцином – гормоном привязанности и доверия. В реальной жизни окситоцин вырабатывается, когда мы проводим время с близкими, обнимаем их и смотрим им в глаза. В интернете же мы можем получать только фальшивый окситоцин. Нам кажется, что мы общаемся, когда ставим лайки или пишем комментарии под постом. «Существует мнение, что желание постоянно находиться в социальных сетях можно приравнять к игровой и наркотической зависимости. Неосознанное нахождение в интернете забирает время, которое можно было бы потратить на живое общение и интересные активности» [8]. Человек – существо социальное, и ему жизненно необходимо получать одобрение окружающих, но не виртуально, а в реальности.

Через час листания ленты мы чувствуем усталость и раздражение, но отложить телефон всё равно нет сил, потому что мы попали в гормональную ловушку.

Но раз мы поняли как эта ловушка работает, то у нас есть все шансы обойти ее стороной. Не стоит удалять все аккаунты и полностью отказываться от социальных сетей, это вызовет только тревогу и срыв. Лучше действовать постепенно и с заботой о себе.

Рассмотрим методы фильтрации информации, проанализируем инструменты и стратегии управления информационным потоком. В условиях современной информационной эпохи, умение управлять огромным объемом данных стало критически важным навыком для каждого человека. Постоянно сталкиваясь с потоком новостей, статей, постов в соцсетях, рекламных объявлений и других, для сохранения здравомыслия необходимо научиться фильтровать этот хаос и извлекать из него полезную информацию.

Традиционные методы фильтрации существуют давно и свою эффективность показывают даже в цифровом веке.

Первое, с чего можно начать – это на один вечер отказаться от телефона. Цифровой детокс – это осознанный отказ от гаджетов, чтобы восстановить психоэмоциональное состояние и вернуть контроль над временем. Это путь к внутреннему спокойствию и улучшению концентрации внимания. В эпоху постоянного подключения к цифровым устройствам и бесконечного потока информации, многие испытывают чувство усталости, стресса. Одним из «эффективных способов борьбы с этими проблемами является цифровой детокс» [6], временный отказ от использования электронных устройств и социальных сетей. Такой метод позволяет восстановить баланс между реальной жизнью и виртуальной средой, тем самым улучшая психоэмоциональное состояние человека.

Отметим, что цифровой детокс представляет собой сознательное ограничение или полное прекращение взаимодействия с электронными устройствами, такими как смартфоны, компьютеры, планшеты и телевизоры, на определенный период времени. [1,4] Целью этого процесса является снижение зависимости от технологий, восстановление внутреннего покоя и улучшение качества жизни. То есть не в том, чтобы отказаться от техники, а в том, чтобы переосмыслить свои привычки. Как же провести эффективный цифровой детокс. Желательно заранее спланировать и определить продолжительность своего детокса (день, неделя, месяц). Поставить конкретную цель, удалить приложения-виновники

(самые отвлекающие приложения, (такие как соцсети и игры), заменить цифровые активности аналогичными, читать бумажные книги, гулять на природе, заниматься спортом, играть на музыкальных инструментах. Завести дневник наблюдений и записывать свои ощущения и изменения в настроении, уровне энергии. Важно, что после завершения детокса, необходимо установить лимиты на использование гаджетов ежедневно.

Начать лучше с малого, например, провести один вечер без экрана. После 18:00 отложите телефон и прочитайте книгу, либо же проведите вечер за общением с родными и близкими. Такой формат будет не резким и не страшным, но зато вы сразу почувствуете разницу.

Следующий шаг, который можно сделать – это отключить уведомления. Они – главные воры нашего внимания. Каждый звук, каждый значок на экране заставляет наш мозг вырабатывать дофамин и ждать вознаграждения, что усиливает зависимость от социальных сетей. В этом случае нужно зайти в настройки и отключить уведомления для всех приложений соцсетей, новостных каналов и игр. Оставьте только звонки и сообщения от самых близких людей, если вы их ждете. Это убирает импульсивное желание постоянно проверять телефон и возвращает контроль над вниманием.

Так же можно установить четкие лимиты времени. Исследование проведенное, психологом Мелиссой Хант, и её коллегами в 2018 году, показало: если сократить время, которое провели в социальных сетях до 30 минут в день, уровень тревожности и депрессии значительно снижается. Участники эксперимента, которые ограничили использование соцсетей 10-ти минутами на платформу в день, через 3 недели чувствовали себя гораздо лучше, чем те, кто сидел безлимитно. [3,7]

Рассмотрим цифровую организацию окружения. В первую очередь необходимо научиться управлять уведомлениями, т.е. отключать ненужные уведомления, установить временные интервалы для проверки сообщений и почты. При организации рабочего (учебного) пространства на компьютере желательно организовать файл - менеджмент (хранить файлы в упорядоченных папках с понятными именами), использовать горячие клавиши, для сокращения времени на выполнение рутинных операций.

В этой статье нет магии. Вы не станете другим человеком после одного дня без телефона. Но зато мы узнали кое-что ценное: знание того, как устроена эта ловушка. И рассмотрели простые шаги, чтобы из нее выбираться.

Не нужно удалять аккаунты, ненужно полностью избегать соцсети. Достаточно одного правила: телефон – это инструмент, а не пульт от вашей жизни. Берите его тогда, когда это действительно нужно, а не когда он «позовет» вас уведомлением. Начните с малого. Один вечер – один час – один завтрак. А дальше – как пойдет.

Мир полон отвлекающих факторов и информационных потоков, поэтому создание благоприятной среды становится ключевым фактором для достижения высокой производительности любой полезной деятельности. Эта среда включает в себя как физическое окружение, так и цифровое пространство, создаваемое вокруг человека.

Список литературы:

[1] Воронина, Н. С. Цифровой детокс от социальных сетей среди студенческой молодежи / Н. С. Воронина, Ю. А. Королева // Общественные науки и современность. – 2025. – № 2. – С. 114-127. – DOI 10.31857/S0869049925020095. – EDN JAWKEH.

[2] Любавин, П. М. Уйти vs остаться: почему люди покидают социальные сети? / П. М. Любавин // Человек. Социум. Общество. – 2026. – № 5. – С. 127-135. – EDN SLKKKL.

[3] Осадчев, Р. С. Информационная избыточность как фактор риска в современном обществе / Р. С. Осадчев // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 1-2. – С. 318-322. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.2-pp.318. – EDN QZHIMM.

[4] Панченко, А. Н. Цифровой детокс: как отдохнуть от гаджетов и восстановить душевное равновесие / А. Н. Панченко // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 6-2. – С. 184-189. – EDN JKKRKP.

[5] Ревунов, С. Е. Цифровая гигиена как способ борьбы с влиянием социальных сетей на психику / С. Е. Ревунов, А. А. Пермовский, Н. А. Бархатов // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 87-4. – С. 454-456. – EDN BHFWKH.

[6] Цифровой детокс и децифровизация как инструмент защиты прав граждан в экономическом и общественном пространстве / Е. В. Стовба, Е. И. Шевалдина, А. В. Стовба, К. С. Шевалдина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2026. – № 2. – С. 77-83. – DOI 10.17513/vaael.4481. – EDN DOPMSD.

[7] Не бегство от реальности, а возвращение: психолог объяснила, как отказ от соцсетей способствует глубокой концентрации [Электронный ресурс] // URL: https://dzen.ru/a/adkxDzSu1GtphjLM?ysclid=mo6z0bcu4f485806647 (дата обращения 25.04.2026)

[8] Использование социальных медиа может закрыть данные потребности [Электронный ресурс] // URL: https://sleep.vot-tac.ru/ves/ispolzovanie-sotsialnyh-media-mozhet-zakryt-dannye-potrebnosti.html (дата обращения 28.04.2026)

References:

[1] Voronina, N. S. Digital detox from social networks among student youth/N. S. Voronina, Yu. A. Korolev//Social Sciences and Modernity. – 2025. – № 2. - S. 114-127. – DOI 10.31857/S0869049925020095. – EDN JAWKEH.

[2] Lyubavin, P.M. Leave vs stay: why do people leave social media ?/P.M. Lyubavin//Man. Socium. Society. – 2026. – № 5. - S. 127-135. – EDN SLKKKL.

[3] Osadchev, R. S. Information redundancy as a risk factor in modern society/R. S. Osadchev//Science of the XXI century: current directions of development. – 2023. – № 1-2. - S. 318-322. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.2-pp.318. – EDN QZHIMM.

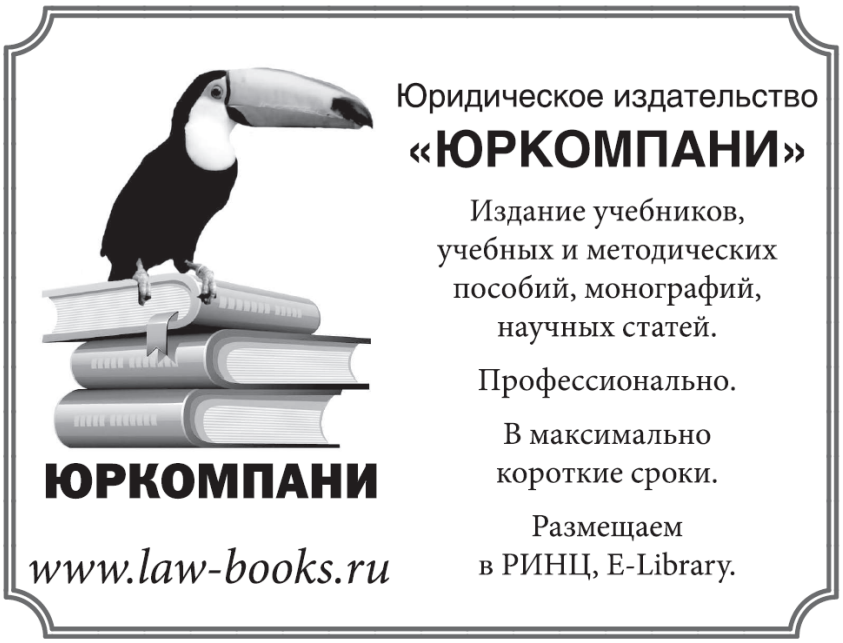
[4] Panchenko, A. N. Digital detox: how to take a break from gadgets and restore mental balance/A. N. Panchenko//Humanitarian Scientific Journal. – 2025. – № 6-2. - S. 184-189. – EDN JKKRKP.

[5] Revunov, S. E. Digital hygiene as a way to combat the influence of social networks on the psyche/S. E. Revunov, A. A. Permovsky, N. A. Barkhatov//Problems of modern pedagogical education. – 2025. – № 87-4. - S. 454-456. – EDN BHFWKH.

[6] Digital detox and de-digitalization as a tool for protecting the rights of citizens in the economic and public space/E. V. Stovba, E. I. Shevaldina, A. V. Stovba, K. S. Shevaldina//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2026. – № 2. - S. 77-83. – DOI 10.17513/vaael.4481. – EDN DOPMSD.

[7] Not escapism, but return: the psychologist explained how the rejection of social networks contributes to deep concentration [Electronic resource]//URL: https://dzen.ru/a/adkxDzSu1GtphjLM?ysclid=mo6z0bcu4f485806647 (date of contact 25.04.2026)

[8] The use of social media can close the demand data [E-resource]//URL: https://sleep.vottac.ru/ves/ispolzovanie-sotsialnyh-media-mozhet-zakryt-dannye-potrebnosti.html (contact date 28.04.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-300-305

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы отклоняющегося поведения подростков. Существует целый ряд факторов и предпосылок, способствующих возникновению и развитию девиантного поведения подростков.*

Ключевые слова: *девиантное поведение, несовершеннолетние правонарушители, асоциальная группа, профилактика.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

CAUSES AND CONDITIONS OF DEVIANT BEHAVIOR

Annotation. *The article discusses the issues of deviant behavior of adolescents. There are a number of factors and prerequisites contributing to the emergence and development of deviant behavior in adolescents.*

Key words: *deviant behavior, juvenile delinquents, antisocial group, prevention.*

Существует целый ряд факторов и предпосылок, способствующих возникновению и развитию девиантного поведения подростков.

Отклоняющееся поведение имеет сложную природу, обусловленную самыми разнообразными факторами, находящимися в сложном взаимовлиянии. Человеческое развитие определяется взаимодействием многих факторов: наследственности, среды, воспитания, собственной практической деятельности человека.

Основные причины различных девиаций в поведении российских подростков таковы: деформация социально-экономических, идейно-политических, нравственно-правовых и культурных ценностей общества, вызванная разделением государства; разочарование подростков и молодежи в идеалах взрослых и отсутствие твердых нравственно-культурных ориентиров и целей жизни; нравственно-правовая и профессиональная неподготовленность подростков и молодежи к вступлению в рыночные отношения; социаль-

ное расслоение населения на идеологическом, нравственно-культурном и материальном уровнях; криминализация общества и микросреды подростков; снижение социальной значимости и престижа обучения и воспитания в общеобразовательных учреждениях; социальная и правовая незащищенность подростков, неразработанность правовых основ профилактики девиантного поведения в условиях рыночных отношений; отсутствие единой семейной и подростково-молодежной политики в государстве, разобщенность субъектов профилактической деятельности; несовершенство законодательства по охране и защите прав несовершеннолетних, недостатки в работе правоохранительных органов; ослабление воспитательно-профилактической работы с детьми и подростками по месту жительства в связи с разрушением материально-технической базы спортивно-оздоровительных, технических и творческих кружков, секций, клубов, массовым закрытием и сокращением числа дошкольных детских учреждений, летних лагерей отдыха; свертывание работы по организации досуга детей; повышение уровня безработицы, ухудшение материального благополучия людей, увеличение количества малообеспеченных семей и, как следствие, нарастание социальной на-пряженности, конфликтности, агрессивности, озлобленности и бездушия в обществе; пропаганда в электронных средствах информации, кино, печати псевдокультуры, сексуальной распущенности и порнографии, жестокости и насилия.

Росту девиантного поведения способствует также ряд условий: различные деформации в деятельности, отношениях и общении социально полезных групп, которые отчуждают детей и подростков, делают их изолированными и неуспешными в по¬зитивной деятельности и общении (деформации в семейных отношениях, недостатки в учебно-воспитательной работе образовательных учреждений, производственных коллективов, общественных организаций и других первичных коллективов); возникающее на основе этих деформаций недоверие в отношениях подростков со взрослыми и здоровой микросредой, а также появление первых отклонений в деятельности и поведении подростков, отсутствие у них твердых нравственных взглядов и убеждений; перенос общественно-организаторской и коммуникативной активности подростков в сферу свободного общения и спекулятивно-коммерческой деятельности, которые носят у них поисковый характер, и в связи с этим увеличение у них неформальной, стихийно возникающей, неорганизованной деятельности и отношений; постепенное отчуждение подростков от первичных социально полезных групп (семьи, класса, учебной группы, производственного коллектива и др.), что влечет за собой нарушения в механизмах социализации личности; появление в рамках социально полезных групп первых признаков асоциально-криминальных групп, выражающихся в аморальных взглядах, нормах и ценностях, вступающих в противоречие с установками официальных органов; наличие за пределами социально полезных групп отчужденных лиц и групп асоциально-криминальной направленности, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством, вымогательством и т. д.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В. Воспитание несовершеннолетних девочек как духовно-нравственный аспект / Вилкова А.В./ В сборнике: Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Под общей редакцией А.А. Вотинова. 2016. С. 126.

[2] Вилкова А.В. К вопросу о педагогических условиях риторического совершенствования сотрудников органов внутренних дел в процессе обучения на курсах повышения квалифкации / Вилкова А.В./ Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 59-64.

[3] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. Т. 73. № 12. С. 2.

[4] Шерайзина Р.М. Гендерный аспект духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних девочек /Вилкова А.В., Шерайзина Р.М. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 10 (173). С. 8-12.

[5] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[6] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[7] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[8] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[12] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[15] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[16] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[17] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[18] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[19] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[20] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[21] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[22] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[23] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[24] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[25] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Поля-

кова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[26] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[27] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[28] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[29] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[30] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[31] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[32] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[33] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

References:

[1] Vilkova A.V. Education of underage girls as a spiritual and moral aspect/Vilkova A.V./In the collection: The penal system at the present stage: interaction of science and practice materials of the International Scientific and Practical Interdepartmental Conference. Under the general editorship of A.A. Votinova. 2016. S. 126.

[2] A.V. Vilkova. On the question of the pedagogical conditions for rhetorical improvement of employees of the internal affairs bodies in the process of training in advanced training courses/A.V. Vilkova/Siberian Pedagogical Journal. 2016. № 3. S. 59-64.

[3] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. T. 73. № 12. P. 2.

[4] Sherayzina R.M. Gender aspect of spiritual and moral education of underage girls/Vilkova A.V., Sherayzina R.M.

Statements of the penal system. 2016. № 10 (173). S. 8-12.

[5] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[6] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[7] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[8] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional develop-

ment of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[12] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[13] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[15] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[16] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[17] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[18] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[19] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[20] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[21] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[22] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[23] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[24] B. Shvyrev. Procedure for Organizing Fire Safety Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[25] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[26] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[27] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[28] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[29] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of con-

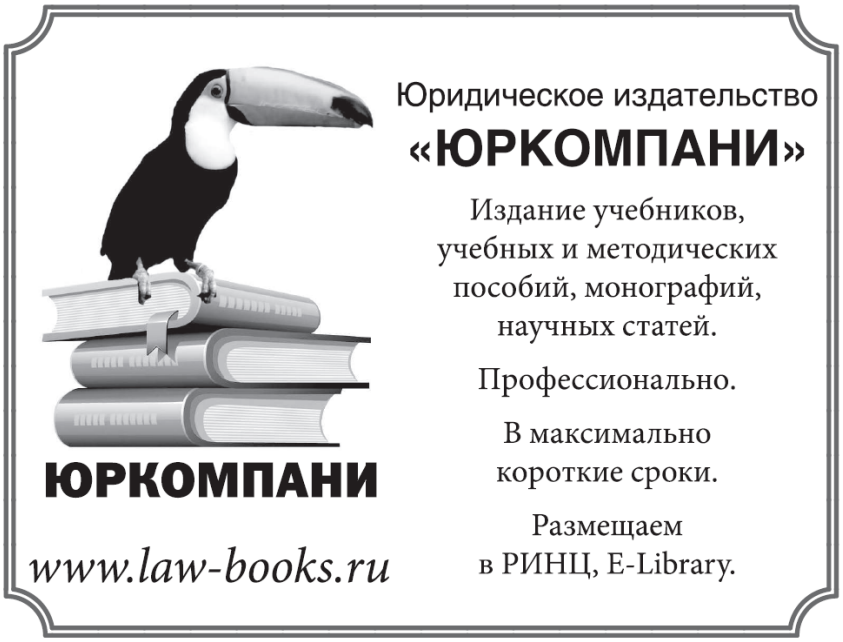
victs: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[30] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[31] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[32] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[33] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-306-313

СЕМЕНОВ Александр Александрович,
научный сотрудник ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,
Старший преподаватель кафедры
информационных технологий и организации
расследования киберпреступлений
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности внедрения искусственного интеллекта в организациях, включая выбор задач, работу с данными и вопросы безопасности. Подчеркивается необходимость поэтапного внедрения нейросетей и корректной подготовки обучающих данных. Анализируются риски, связанные с конфиденциальностью, уязвимостями и адверсариальными атаками, а также вопросы оценки эффективности и ресурсного обеспечения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, внедрение ИИ, нейросети, машинное обучение, датасеты, конфиденциальность данных, адверсариальные атаки, безопасность, вычислительные ресурсы, оптимизация затрат.*

SEMENOV Aleksandr Aleksandrovich,
Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS"
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information
Technology and Cybercrime Investigation Organization
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

ORGANIZATIONAL AND PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ORGANIZATIONS

Annotation. *This article examines the specifics of implementing artificial intelligence in organizations, including task selection, data management, and security issues. It emphasizes the need for a phased implementation of neural networks and the correct preparation of training data. Risks associated with privacy, vulnerabilities, and adversarial attacks are analyzed, as well as issues of performance assessment and resource provision.*

Key words: *artificial intelligence, AI implementation, neural networks, machine learning, datasets, data privacy, adversarial attacks, security, computing resources, cost optimization.*

Рассмотрим организационные аспекты применения искусственного интеллекта, т. е. его внедрение в различные сферы деятельности.

Машинное обучение развивается децентрализовано экспериментальным путем и направлять процесс его развития бессмысленно. Эти утверждения будто бы оказываются в противоре-

чии с тем, что последние годы крупные зарубежные и отечественные компании тратят существенные суммы на обучение больших языковых моделей. Обучение этих нейросетей требует затрат огромных ресурсов и, следовательно, по определению доступно только большим компаниям или государственным учреждениям. Однако надо видеть разницу между хаотичным появлением новых подходов и направленным развитием тех из них, которые показали свою эффективность. Другими словами:

Если изобретение новых типов нейросетей едва ли поддается управлению, то освоение уже придуманных – вполне направляемый процесс.

Соответственно, под внедрением искусственного интеллекта следует понимать освоение уже разработанных методов и подходов машинного обучения и практическое применение соответствующих нейросетей.

Машинное обучение – слишком широкая область знаний, не направленная на какую-то конкретную практическую задачу или область как, например, ядерная физика может быть направлена на развитие энергетики, генная инженерия – на лечение болезней и т. д. Вместе с тем представление об искусственном интеллекте непрофильного специалиста сильно засорено влиянием темы нейроморфных вычислений и другими общефилософскими соображениями. В результате широко распространено ошибочное представление о том, что искусственный интеллект – это некоторая разумная сущность, способная решать произвольные задачи. Как следствие, при постановке задачи внедрения искусственного интеллекта в некоторое крупное учреждение или компанию зачастую часто представляют себе объект внедрения как некоторую многофункциональную систему, в которой искусственный интеллект должен занять место в голове (*рисунок 1, слева*).

Рисунок 1. Объект внедрения как некоторая многофункциональная система

В действительности, разумеется, должно происходить наоборот: искусственный интеллект реализуется в виде отдельных нейросетей, каждая из которых выполняет свою элементарную функцию где-то в системе (рисунок 1, справа). Некоторая сложность осознания этой конструкции заключается в том, что возможность применения искусственного интеллекта для совершенствования конкретных функций возникает чаще всего не в тех подразделениях, где есть специалисты по искусственному интеллекту, и, напротив, специалисты по искусственному интеллекту в некоторой организации могут не иметь представления о конкретных прикладных задачах, решаемых другими сотрудниками организации.

Внедрение искусственного интеллекта в крупной организации должно происходить снизу вверх путем определения из числа элементарных практических задач, возникающих на местах тех задач, которые в настоящее время могут эффективно решаться с помощью нейросетей, и постепенного внедрения соответствующих нейросетей для решения этих отдельных задач.

Для решения каждой отдельной задачи нужен датасет. Подготовка датасета необходимого объема может быть трудоемкой, но гораздо чаще проблема заключается не в разметке, а в доступе к данным как таковым. В особенности остро проблема стоит в ситуациях, когда эти данные являются конфиденциальными. Понимание того, что создание нейросетей требует наличия обучающих данных, не распространено повсеместно, поэтому конфиденциальность данных часто оказывается непреодолимым препятствием. В связи с этим распространены попытки создать нейросеть, выполняющую целевую задачу на смоделированных данных, сильно или даже до неузнаваемости отличающихся от реальных.

Обучение нейросетей на искусственных/модельных/ синтетических данных с дальнейшим инференсом на реальных данных работает в редчайших случаях, в большинстве же случаев обученная нейросеть не будет работать.

Для преодоления ограничений конфиденциальности в некоторых случаях доступны следующие приемы:

1) из конфиденциальных данных можно извлечь только необходимую для обучения нейросети информацию, а остальную либо совершенно не использовать, либо заменить на безликие номера;
2) процесс обучения нейросети можно выполнить по месту хранения конфиденциальных данных, при необходимости даже без подключения к интернету;
3) можно осуществить частичную обработку конфиденциальных данных с помощью нескольких первых слоев нейросети, обученной на не конфиденциальных данных, после чего передать полученные значения для дальнейшего обучения оставшейся части нейросети.

В общем случае обучающий датасет должен состоять строго точно из таких же данных, которые будут подаваться в нейросеть в инференсе, и никак иначе.

Например, первый прием часто используется в медицине для обучения нейросетей-помощников, при этом специалисты по машинному обучению не знают, кому принадлежат конкретные медицинские сведения.

Еще одним вопросом в контексте безопасности является мыслимая способность самой нейросети по собственной воле нанести какой-то урон, например, передать секретные данные или даже занести компьютерный вирус.

Причиной этих заблуждений чаще всего является то, что нейросети и искусственный интеллект мысленно приравнивают к компьютерным программам и, соответственно, приписывают им те же уязвимости. Как мы знаем, нейросеть – это алгоритм, чаще всего описанный в некотором файле с известным форматом. В любом случае, нейросеть не может ничего сделать самостоятельно без фреймворка или библиотеки, исполняющих вычисления этой нейросети. Фреймворки и библиотеки уже являются программным обеспечением, рассмотрение вопроса наличия в них уязвимостей теоретически имеет смысл. Однако на практике чаще всего исполь-

зуют широко распространенные фреймворки и библиотеки, зачастую с открытым исходным кодом. Вероятность наличия уязвимостей в таком программном обеспечении невелика, а вероятность наличия намеренно заложенных уязвимостей совершенно ничтожна. Если, однако, требуется стопроцентная уверенность в безопасности программного обеспечения, то без особого труда можно выполнить соответствующие проверки используемых фреймворков и библиотек также, как и для любого другого программного обеспечения.

Нейросети не могут содержать программных уязвимостей, их теоретически могут содержать только программные средства, используемые для обучения и инференса нейросетей, что маловероятно.

С обработкой конфиденциальной информации связан также мыслимый риск ее извлечения из нейросети. Такого рода опасения могут иметь место только в части случаев. Например, сверточная нейросеть, выполняющая детекцию объектов на видео, при обучении обобщила весь увиденный датасет в несколько мегабайт данных, из которых совершенно невозможно извлечь хоть какую-то единицу оригинальной информации. Напротив, трансформер декодерного типа, который при обучении ознакомился с текстом конфиденциального содержания, может содержать фрагмент исходной информации в закодированном виде и выдать его при диалоге с пользователем.

Не из всех нейросетей возможно извлечь исходную конфиденциальную информацию, использованную при обучении.

Ложно также представление о том, что программное обеспечение может умышленно заложить в нейросеть какой-нибудь недостаток, например, что нейросеть, обученная распознавать военную технику с помощью вредоносного фреймворка, не будет в инференсе распознавать технику определенной страны. Гипотетическое закладывание злоумышленником таких свойств в нейросеть, обучаемую неизвестным человеком на неопределенном заранее датасете, невозможно, теоретически оно возможно только через закладывание особенностей в датасет. С другой стороны, знание разработчиком происхождения датасета и понимание используемого формата описания нейросети, строения составляющих ее слоев и параметров процесса машинного обучения дают ему полное представление о том, какие данные из датасета и как закладываются в нейросеть и, следовательно, исключают возможность постороннего вмешательства.

При этом, даже если из нейросети нельзя извлечь конфиденциальную информацию, использованную при обучении, само по себе описание нейросети вместе со значениями весов может составлять существенный интерес для врага или злоумышленника. В самом простом случае полное описание нейросети может составлять коммерческую ценность или давать представление о тактико-технических характеристиках устройств и систем, использующих эту нейросеть. Кроме того, существуют способы нахождения уязвимостей нейросетей.

Адверсариал атака/adversarial attack – процесс нахождения особенностей входных данных нейросети, к которым нейросеть особенно чувствительна и изменение которых может резко изменить точность ее работы.

Принцип адверсариал атак следующий: у нейросети фиксируют веса, а в качестве весов воспринимают значения входных данных. При этом градиентный спуск выполняют как бы в обратную сторону, т. е. пытаются так изменить входные данные, чтобы ошибка работы нейро-

сети была максимизирована. Обнаружено, например, что даже очень качественно обученные сверточные нейросети могут давать диаметрально противоположные результаты на двух изображениях, отличающихся несколькими пикселями. Наиболее продвинутые методы в этой области позволяют находить устойчивые паттерны, которые при попадании в состав входных данных делают нейросеть совершенно неработоспособной. Так, например, есть ряд работ, где разработчики придумали рисунок для футболки, из-за которого нейросеть становится неспособной распознать человека или его лицо (*рисунок 2*).

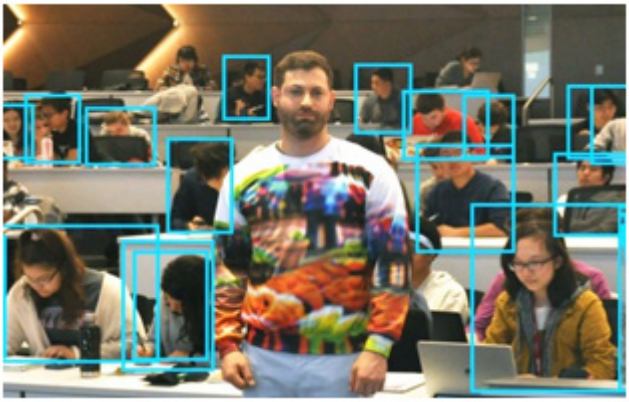

Рисунок 2. Нейросеть распознает человека и его лицо.

Можно представить себе применение адверсариал атаки к нейросети, извлеченной из образца военной или специальной техники, для создания камуфляжа. Отсюда прогнозируется, что в ближайшем будущем в области безопасности нейросетей будут развиваться параллельно как способы атаки (т. е. нахождения уязвимостей нейросетей), так и способы защиты (т. е. способов обучения нейросетей, устойчивых к атакам).

Попадание описания обученной нейросети в руки злоумышленника дает ему теоретическую возможность нейтрализовать действие нейросети.

Еще одним распространенным заблуждением является идея о том, что нет способа оценить качество работы нейросети, нейросеть работает непредсказуемо и т. д. Такого рода опасения имеют корни в непонимании природы нейросетей. В действительности нейросети зачастую выполняют задачи, функционально аналогичные тем, что раньше выполнялись традиционными алгоритмами, и к ним, соответственно, применяют те же метрики качестве что и к традиционным алгоритмам. Например, точность машинного перевода рекуррентными нейросетями текстов с языка на язык оценивается теми же способами, что и для алгоритмов предыдущих поколений. Тем не менее, на практике часто возникает позыв дать человекоподобное объяснение результату работы нейросети, грубо говоря, спросить у нее: «почему ты сделала так, а не так?». Разумеется, с уже обученной нейросетью такое сделать невозможно, однако в редких случаях удается создать нейросеть, которая в процессе своей работы создает промежуточную информацию, частично объясняющую логику ее работы.

Машинное обучение по определению создает алгоритм, который человек не был способен сам создать и, следовательно, едва ли может объяснить логику его работы. По этой причине в общем случае объяснимость логики работы нейросети недостижима, стремление к приданию результатам работы нейросети объяснимости может только ухудшить качество конечного результата.

В силу того, что машинное обучение в современном его понимании является совершенно новой областью знаний, среди специалистов по нему абсолютно подавляющее большинство составляют молодые люди до 30–35 лет. Конечно, встречаются исключения, однако в среднем в настоящее время от коллектива специалистов по искусственному интеллекту следует ожидать, что он будет состоять преимущественно из людей младшей возрастной категории. Спрос на этих специалистов стабильно растет, в основном со стороны преуспевающих коммерческих компаний. Соответственно, ожидания от уровня зарплаты и условий труда у таких специалистов несколько завышены, в связи с чем длительное время содержать подобный коллектив может быть затруднительно. Для крупных ведомств и организаций, решающих научно-технические задачи, целесообразно содержать небольшое количество профильных специалистов в этой области для решения ими части задач и постановки других задач внешним организациям. Освоение машинного обучения непрофильными специалистами, уже находящимися в штате организации, может значительно повысить их возможности на рынке труда и, таким образом, привести к потере организацией ценных сотрудников.

Аппаратное обеспечение разработки или эксплуатации нейросетей зачастую оказывается даже дороже, чем оплата труда специалистов. При оценке необходимых вычислительных ресурсов следует четко разделять стадии машинного обучения и инференса, а зависимости от постановки решаемой задачи требования к оборудованию на них могут кардинально отличаться. Важным аспектом выбора оборудования должно быть наличие поддерживающих это оборудование фреймворков и/или библиотек, так как создание подобных собственным силами требует привлечения специалистов по низкоуровневой оптимизации программ (которых еще меньше, чем специалистов по машинному обучению) и может занять существенное время.

Выбор моделей, объема и конфигурации оборудования должен исходить из оценки объема выполняемых вычислений и срока, в течение которого эти вычисления выполняются. Ориентироваться при этом на номинальные значения производительности во флопсах, указываемые поставщиком оборудования, нельзя, так как на практике эффективность использования оборудования сильно зависит от конкретной задачи и часто в несколько раз ниже 100 %. Кроме того, распараллеливание вычислений чаще всего нетривиально, поэтому нельзя вычислять мощность некоторого вычислительного оборудования просто как сумму слагаемых, в него входящих.

Оценка требуемого для выполнения машинного обучения или эксплуатации нейросетей вычислительного оборудования и соответствующих затрат чрезвычайно важна.

Правильнее всего выполнить самостоятельно или найти данные о тестах производительности, выполненных в схожих условиях (обучение или инференс, похожая архитектура нейросети, близкие размеры входных данных, не во многие разы отличающиеся размеры батча), и сделать соответствующие оценки, аккуратно разобравшись с используемыми единицами исчисления и табличными значениями характеристик видеокарт. К этому следует относиться особенно внимательно при оценке стоимости работ, выполняемых сторонней организацией по заказу, поскольку в данном вопросе существует огромный соблазн выполнить оценку поверхностно «сверху», выбрать оборудование подороже или еще как-нибудь перестраховаться.

Если заказчик работ не выполняет такую оценку или не ознакамливается с оценкой, выполненной исполнителем работы, то можно ожидать, что объем средств, затрачиваемых на вычислительной оборудование, в несколько раз превзойдет необходимый.

Кроме закупки оборудования существует еще опция его аренды. При аренде оборудования одним из ключевых вопросов становится степень его загрузки полезной работой. Наиболее выгодные предложения и тарифы на аренду вычислительного оборудования предоставляются исходя из расчета, что покупатель использует оборудование круглосуточно (подобно тому, как аренда

гаража оплачивается за календарный период вне зависимости от того, стоит в гараже автомобиль или нет). Соответственно, аренда оборудования и загрузка его вычислениями раз в несколько дней фактически эквивалентна переплате в несколько раз. Как правило, арендодатели закладывают такие цены, чтобы оборудование окупало себя за один-два года, соответственно аренда оборудования в течение года или более длительного срока вполне вероятно окажется дороже, чем закупка точно такого же оборудования и его самостоятельная эксплуатация.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. – URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я, Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Глотов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Гончар В.В. О важности формирования единообразного понятийного аппарата необходимого для расследования преступлений в сфере компьютерной информации// Вестник Экономической безопасности. 2018. №1. С. 225-230.

[21] Орлова А.А., Гончар В.В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 25-29.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b2658928 51cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_ Detection_of_Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (access date: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J.,Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. – URL: https://www. researchgate.net/publication/ 301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_ with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. –URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (access date: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (access date: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (access date: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. - URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d-6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (accessed on: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. - URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (access date: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (access date: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (access date: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (access date: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (accessed on: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (access date: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (access date: 11.01.2026).

[16] ONNX official website. – URL: https://onnx.ai/.

[17] Fundamentals of artificial intelligence technologies: a textbook/A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya, Kikotya, 2025. - 190s.

[18] Financial monitoring: training manual/V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 s.

[19] Tisen O.N. Countering modern methods and methods of recruitment to international terrorist organizations//Russian Justice. 2018, №9. S. 51-54.

[20] Gonchar V.V. On the importance of forming a uniform conceptual apparatus necessary for investigating crimes in the field of computer information// Bulletin of Economic Security. 2018. №1. S. 225-230.

[21] Orlova A.A., Gonchar V.V. Features of the investigation of crimes committed in the field of information technology//Business security. 2021. № 4. S. 25-29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-314-319
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, адвокат,
Адвокатская палата Псковской области,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования выбрано цифровое право и его воздействие на правовое сознание осужденных молодежного возраста. Для достижения указанной цели использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия, обобщение, опрос, наблюдение. Проведенное исследование позволило прийти авторам к выводам о том, что цифровое право играет ключевую роль в формировании правосознания молодежи, которые совершили преступление и отбывают наказание в условиях лишения свободы либо без таковой. Оно способно создать правовые рамки и условия для коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц в отношении которых применяется пробация, а также предотвратить повторные правонарушения, в том числе в цифровой среде. Для достижения положительных результатов необходимо проводить мероприятия по профилактике противоправного поведения в цифровой среде. Традиционные формы правового воспитания молодежи не всегда оказываются эффективными, поскольку осужденные молодежного возраста чаще ориентируется на неформальные источники информации - социальные сети, блоги, интернет-мемы, что требует адаптации профилактических программ под эти каналы коммуникации. Авторы считают критически важным привлечение специалистов в области цифровой безопасности, психологов и педагогов для комплексного подхода к решению проблемы предупреждения и профилактики преступлений молодежи в информационном пространстве. Современные вызовы диктуют необходимость разработки гибких, адаптированных к цифровой эпохе стратегий, которые помогут не только снизить уровень преступности в онлайн-среде, но и сформировать у осужденных молодежного возраста устойчивые правовые ценности и навыки законопослушного поведения. В дальнейших исследованиях авторам предстоит глубже проанализировать эффективность применяемых мер в уголовно-исполнительной системе Российского государства, а также выявить новые тренды в цифровом правовом пространстве, что позволит своевременно реагировать на изменения и минимизировать риски противоправного поведения среди молодого поколения.*

Ключевые слова*: правосознание, правовое поведение, лица молодежного возраста, осужденные, молодежь, цифровая среда, цифровое право, информационное пространство, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Lawyer,
Pskov Region Bar Association

DIGITAL LAW AND ITS IMPACT ON THE LEGAL AWARENESS OF YOUTH CONVICTS: PROBLEM STATEMENT

Annotation*. The purpose of the study was digital law and its impact on the legal consciousness of convicts of youth age. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general and private scientific) were used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, analogy, generalization, questioning, observation. The study allowed the authors to come to the conclusion that digital law plays a key role in the formation of the legal consciousness of young people who have committed a crime and are serving a sentence in prison or without it. It can create a legal framework and conditions for resocialization, social adaptation and social rehabilitation, adaptation of persons in respect of whom probation is applied, as well as prevent repeated offenses, including in the digital environment. To achieve positive results, it is necessary to carry out measures to prevent illegal behavior in the digital environment. Traditional forms of legal education for young people do not always turn out to be effective, since convicts of youth age are more often guided by informal sources of information - social networks, blogs, Internet memes, which requires the adaptation of preventive programs to these communication channels. The authors consider it critical to involve digital security specialists, psychologists and teachers for an integrated approach to solving the problem of preventing and preventing youth crimes in the information space.*

Modern challenges dictate the need to develop flexible, digitally adapted strategies that will help not only reduce crime in the online environment, but also create sustainable legal values and law-abiding behavior in youth convicts. In further research, the authors will have to further analyze the effectiveness of the measures used in the penal system of the Russian state, as well as identify new trends in the digital legal space, which will allow them to respond in a timely manner to changes and minimize the risks of illegal behavior among the younger generation.

Key words*: legal consciousness, legal behavior, youth, convicts, youth, digital environment, digital law, information space, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение. В современном обществе цифровые технологии занимают одно из главных мест в повседневной жизни молодежи. Согласно отчету «Digital 2026», подготовленному компаниями Meltwater и We Are Social, количество пользователей интернета в 2026 году превысило 6 миллиардов человек (2021 г. – 4,66 миллиарда человек), в том числе 5,66 миллиарда человек или 68,7% населения Земли, являются пользователями социальных сетей (2021 г. – 4,2 миллиарда человек). А генеративный искусственный интеллект преодолел рубеж в миллиард пользователей. Среднестатистический интернет-пользо-ватель проводит около 2,5 часов в день на соцплатформах. Основная потребность такого времяпровождения обусловлена желанием пользователей общения с близкими и друзьями [1].

Данные способы коммуникации, обучения и самовыражения присущи большей части молодежи, в том числе той, которая совершила уголовно наказуемое деяние. При этом такой способ времяпрепровождения является обыденной повседневностью.

С развитием информационных технологий развивается и цифровое право. Оно представляет совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в информационном пространстве (цифровой среде). Понимание и соблюдение таких норм становится особенно важным для осужденных молодежного возраста, поскольку именно в этом возрасте формируется правосознание, система ценностей, взглядов и убеждений.

Рассуждая о воздействии цифрового права на правосознание осужденных моложеного возраста подчеркнем следующее. Во-первых, правовое сознание способствует формированию у молодых людей представления о границах допустимого (законопослушного) поведения в интернете и за его пределами. Законы, регламентирующие понятия киберпреступлений, защищающие персональные данные граждан, интеллектуальную собственность и другие формы цифровой деятельности, помогают осужденным молодого возраста осознать ответственность за свои действия в виртуальном пространстве.

Во-вторых, цифровое право открывает новые возможности для профилактики противоправного поведения молодежи, которым назначено уголовное наказание за совершение преступления. Например, образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности и правовой культуры, способствуют формированию у подростков навыков критического мышления и уважения к законам. В результате снижается вероятность вовлечения в противоправные действия, такие как кибербуллинг, распространение запрещенного контента и совершение повторных преступлений (к примеру, мошенничество через цифровую среду).

Однако влияние цифрового права на правосознание осужденных молодежного возраста не всегда однозначно. С одной стороны, доступность информации и возможность анонимного общения в интернете могут способствовать формированию деструктивных установок и нарушению норм поведения. С другой стороны, эффективное применение цифрового права и развитие правовой культуры способны стать мощным инструментом для коррекции и социализации молодежи, склонной к противоправным действиям.

Методы и принципы исследования. Методологическую основу исследования влияния информационного пространства и существующих норм цифрового права на правосознание осужденных молодежного возраста составили диалектический метод познания, а также методы логического познания всесторонней действительности: анализ, синтез, индукция и дедукция, определение, сравнение, аналогия, обобщение, опрос, наблюдение.

Основные результаты. Интерес к изучению цифрового права в последние годы значительно возрос со стороны правоведов, ученых, юристов и практиков. Это связано с массовым проникновением интернета в повседневную жизнь, о котором говорилось выше, расширением цифровых сервисов и параллельным ростом количества противоправных действий, совершаемых с использованием цифровых платформ лицами молодежного возраста.

В марте 2026 года на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что по итогам прошлого года доля тяжких и особо тяжких составов среди преступлений, совершаемых подростками, превысила 40 % [2]. Более половины (60 %) юношей и девушек совершили преступления в составе группы. Порядка 70 % совершаемых несовершеннолетними преступлений составляют кражи и другие преступления против собственности [3].

В сегодняшних условиях развития цифрового права молодое поколение, активно вовлеченное в информационное пространство, становится не только объектом его воздействия, но и одной из наиболее уязвимых групп относительно правонарушений в сети Интернет. При этом молодежь достаточно часто вовлекается в совершение преступлений в составе группы через цифровую среду, мессенджеры, соцсети. Например, киберпреступления, мошенничество, незаконный оборот наркотических средств.

Для осужденных молодежного возраста, активно пользующихся интернетом, цифровое право становится одним из факторов, формирующих правосознание и определяющих правомерные и неправомерные границы поведения в цифровом пространстве. Правовое сознание молодого человека отражает понимание законов и норм, регулирующих цифровое взаимодействие, а также представления о том, какие действия в сети допустимы, а какие являются нарушением законодательства. Понимание цифровых прав и обязанностей помогает снижать уровень вовлеченности осужденных молодого возраста в противоправные действия, такие как кибербуллинг, распространение вредоносного контента, компьютерные мошенничества и другие виды киберпреступлений.

Отметим, что растущий уровень цифровизации повседневной жизни проникает во все сферы деятельности молодежи: учебу, общение, развлечения, трудовую деятельность. В таком контексте цифровое право становится неотъемлемой частью правовой грамотности и социальной ответственности молодого поколения. Осознание необходимости соблюдения норм цифрового права может способствовать повышению уровня их правосознания, преодолению и борьбе с имеющимися формами деформаций правового сознания, предотвращению и предупреждению правонарушений (преступлений).

Рассмотрим возможность влияния практических механизмов цифрового права на профилактику противоправного поведения осужденных молодежного возраста. Под такими механизмами цифрового права будем понимать комплекс мероприятий и нормативных регулирований, направленных на предупреждение правонарушений (преступлений) и формирование у осужденных молодежного возраста ответственности за свои действия в Интернет-пространстве, к которым отнесем следующие: правовое информирование и образование; мониторинг и контроль онлайн-активности; внедрение технических средств защиты и ограничения доступа к незаконному контенту.

Одним из важных аспектов реализации указанных механизмов является создание специали-

зированных образовательных программ, которые интегрируются в школьные и внеучебные курсы, в том числе в местах лишения свободы, способствуя формированию у осужденных молодежного возраста осознанного отношения к законам цифрового мира. Эти программы не только разъясняют правовые нормы, но и развивают критическое мышление, умение распознавать угрозы и эффективно реагировать на них.

Кроме того, цифровое право обеспечивает основу для разработки и внедрения инструментов автоматического мониторинга интернет-пространства, которые позволяют выявлять и блокировать противоправный контент, а также предупреждать административные и уголовные правонарушения (преступления). Важное место занимают платформы для взаимодействия государственных органов с населением, где молодежь может получить консультации, сообщить о преступлениях и получить психологическую поддержку, что особенно актуально для лиц молодежного возраста, которые отбывают наказание без изоляции от общества. Разработка и совершенствование таких сервисов под данную категорию лиц будет способствовать повышению их правовой грамотности и укреплению доверия молодых граждан к правовым институтам [4, с. 11].

В качестве примера приведем обычное посещение молодежью порталов государственных и негосударственных услуг. Так известный всем портал государственных услуг «Госуслуги» дает широкий спектр услуг, предоставляемых государственными органами и учреждениями: получение документов, выписок, справок, запись в медицинские учреждения, а негосударственные - предлагают услуги в различных формах и видах. Сопутствуют данным сервисам проблемы качества оказанных услуг. При возникновении претензий к исполнителю со стороны осужденного молодежного возраста трудно доказать причинно-следственную связь между полученной в интернете услугой и результатом, повлекшим ущерб: отсутствует договор, нет объективной информации о лице-исполнителе услуги [5, с. 318].

Также осужденные молодежного возраста как участники многообразных отношений в киберпространстве попадают в сферу повседневной виртуальной деятельности человека, которая становиться объектом, например, нейромаркетинговых исследований, проводимых с целью изучения запросов потребителей и оперативного получения скрытой информации о предпочтениях своих клиентов [6, с. 105].

Поэтому технологические решения, основанные на цифровом праве, включают в себя системы фильтрации и родительского контроля, ограничивающие доступ к материалам, способным негативно влиять на психику подростков и склонять их к противоправным действиям. Также применяются механизмы аутентификации и идентификации пользователей, которые усиливают ответственность за размещаемый контент и предотвращают анонимное совершение правонарушений. В рамках профилактической работы активно используются социальные сети и мессенджеры, где с помощью чат-ботов и интерактивных ресурсов реализуются просветительские кампании и программы психологической поддержки осужденных молодежного возраста [7].

Значимым элементом цифрового права является создание правовой базы, регулирующей работу образовательных учреждений, в том числе функционирующих на территории исправительных учреждений, и молодежных организаций в цифровой среде.

Современное законодательство в сфере цифрового права стимулирует развитие проектов, направленных на социализацию молодежи, вовлечение ее в позитивные цифровые инициативы и формирование проактивной гражданской позиции [8, с. 81]. В результате такого комплексного подхода происходит не только повышение уровня их правовой культуры, но и снижение случаев противоправного поведения, обусловленного недостатком знаний и осведомленности о правовых последствиях.

Таким образом, практические механизмы цифрового права представляют собой эффективный инструмент профилактики и коррекции противоправного поведения осужденных молодежного возраста. Они объединяют образовательные, технические и правовые меры, способствуя формированию у молодых людей ответственного отношения к цифровым активностям и соблюдению норм права. В условиях быстрого развития технологий и постоянного расширения цифровой среды именно такой системный подход обеспечивает повышение уровня их правосознания и укрепляет социальную стабильность после отбытия уголовного наказания.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где авторы выступали с докладами на научно-представительских мероприятиях «Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития» (2024 г.) и «Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук» (2025 г.), проводимых на базе Московского областного филиала Московского университета МВД России с докладами на темы: «Профилактика противоправного поведения среди несовершеннолетних, осужденным к лишению свободы и без изоляции от общества» (2024 г.), «К вопросу подростковой преступ-

ности и особенностях ее профилактики в современных условиях» (2024 г.), «Правосознание и возможные формы его деформации в условиях развития информационного пространства» (2025 г.).

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к выводам о том, что в условиях развития глобализации информационного пространства и развития интернет-пространства цифровое право становится одной из ключевых отраслей современного правового регулирования. Оно направлено на установление правовых норм и механизмов, регулирующих отношения, возникающие в виртуальной среде, где молодежь проводит значительную часть своего времени. Особенно важное значение цифровое право приобретает в контексте трансформации правосознания осужденных молодежного возраста [9, с. 20]. Современные вызовы и угрозы, связанные с ростом киберпреступности, распространением дезинформации и нарушением цифровых прав, требуют системного подхода к формированию у молодежи правовой культуры, которая учитывала бы особенности цифрового пространства [10, с. 190].

Перспективы развития цифрового права в ближайшие годы тесно связаны с ускорением технологий и возрастающей цифровой грамотностью населения. Правовые нормы будут все более адаптироваться к новым видам цифровых коммуникаций, средствам искусственного интеллекта, блокчейн-технологиям и виртуальной реальности, что существенно расширит сферу их применения и повысит эффективность правоприменения в уголовно-исполнительной системе. В этой связи цифровое право будет играть ключевую роль в формировании устойчивого правосознания осужденных молодежного возраста, стимулируя их понимание ответственности и прав в сети Интернет. Необходимость внедрения образовательных программ, направленных на повышение цифровой правовой культуры, становится очевидной - они смогут помочь подросткам и молодым людям осознать последствия противоправного поведения в цифровом и оффлайн-пространствах.

Список литературы:

[1] Digital 2026: internet users pass 6 Billion as AI and social media reach new milestones. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 22.04.2026).

[2] Путин заявил о росте подростковой преступности «впервые за длительное время». URL: https://www.forbes.ru/society/556572-putin-zaavil-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-vpervye-za-dlitel-noe-vrema (дата обращения: 22.04.2026).

[3] Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10%. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (дата обращения: 22.04.2026).

[4] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Самодеятельные организации в учреждениях УИС: опыт прошлых лет и правовые новеллы в условиях становления пенитенциарной пробации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 10-13.

[5] Мельникова О.В., Сапогов В.М. Административные правонарушения и противоправное поведение несовершеннолетних: вопросы профилактики, правового просвещения и правового информирования в РФ // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 314-326.

[6] Сапогов В.М. Несовершеннолетние в правовой жизни общества. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. 200 с.

[7] Ковалев О.Г. Пути преодоления деформации правосознания осужденных молодежного возраста, в отношении которых применяется пенитенциарная пробация // Образование и право. 2025. № 1. С. 407-411.

[8] Ковалев О.Г. Правовая коммуникация как инструмент преодоления деформации правосознания осужденных молодежного возраста // Международный научный вестник. 2025. № 2. С. 78-83.

[9] Ковалев О.Г. Влияние добровольческих формирований уголовно-исполнительной системы и волонтерской деятельности на патриотическое воспитание работников УИС // Глобальный научный потенциал. 2025. № 1 (166). С. 18-20.

[10] Лещенко О.В. Правовое сознание несовершеннолетних осужденных, содержащихся в условиях изоляции от общества: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Курск, 2017. 219 с.

References:

[1] Digital 2026: internet users pass 6 Billion as AI and social media reach new milestones. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analitich-eskii-obzor/cennosti-molodezhi (access date: 22.04.2026).

[2] Putin announced an increase in juvenile delinquency “for the first time in a long time.” URL: https://www.forbes.ru/society/556572-putin-zaavil-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-vpervye-za-dlitel-noe-vrema (access date: 22.04.2026).

[3] Prosecutor General’s Office: in the Russian Federation in 2025, teenage crime increased by 10%. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (access date: 22.04.2026).

[4] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Amateur organizations in penal institutions: experience of past years and legal novels in the context of the formation of penitentiary probation // Penal system: law, economics, management. 2024. № 3. pp. 10-13.

[5] Melnikova O.V., Sapogov V.M. Administrative offenses and unlawful behavior of minors: issues of prevention, legal education and legal information in the Russian Federation // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2022. T. 47, №. 2. S. 314-326.

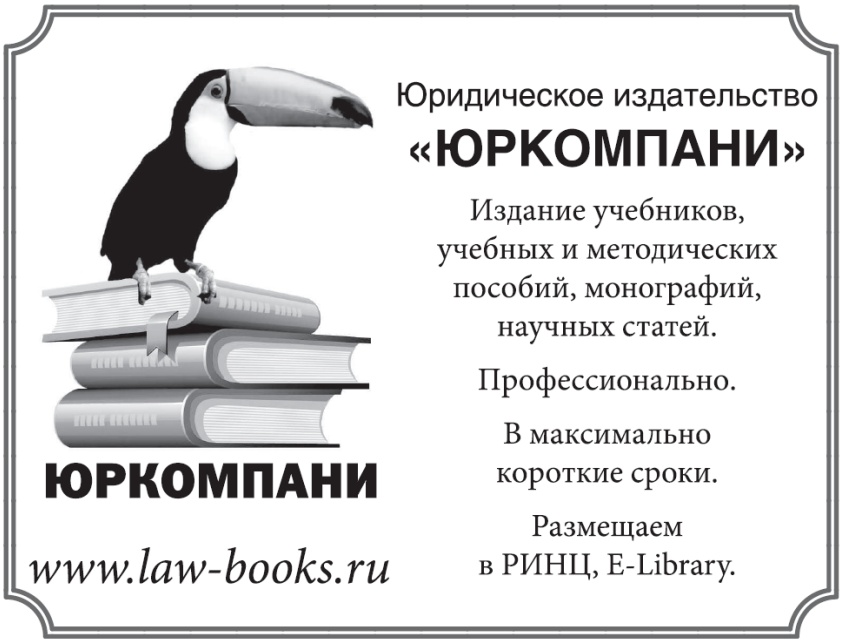
[6] Sapogov V.M. Minors in the legal life of society. Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2024. 200 p.

[7] Kovalev O.G. Ways to overcome the deformation of the legal consciousness of convicts of youth age, in respect of whom penitentiary probation is applied //Education and law. 2025. № 1. pp. 407-411.

[8] Kovalev O.G. Legal communication as a tool to overcome the deformation of the legal consciousness of convicts of youth age // International Scientific Bulletin. 2025. № 2. pp. 78-83.

[9] Kovalev O.G. The influence of volunteer formations of the penal system and volunteer activities on the patriotic education of employees of the penal system // Global scientific potential. 2025. № 1 (166). pp. 18-20.

[10] Leshchenko O.V. Legal consciousness of juvenile convicts held in isolation from society: questions of theory and practice: dis.... cand. jurid. sciences: 12.00.01. Kursk, 2017. 219 p.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-320-324

МАГОМАДОВА Э.И.,
Старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный университет им. А.А.Кадырова»,
г.Грозный,
e-mail: zeka0708@mail.ru

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Аннотация. *В данной статье рассматривается правовая сущность договора купли-продажи. А также вопросы юридического оформления отношений купли-продажи, которые неизменно находятся в эпицентре цивилистической мысли. Фундаментальные аспекты данного договорного типа получили всестороннее освещение в трудах корифеев отечественного правоведения, среди которых следует особо выделить работы М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Е.А. Суханова, А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.*

Ключевые слова: *сущность договора, договор, купля-продажа, договор поставки, договор розничной купли-продажи, товар, цена.*

MAGOMADOVA E.I.,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny

THE LEGAL ESSENCE OF THE CONTRACT OF SALE AND PURCHASE

Annotation. *This article discusses the legal essence of the contract of sale and purchase. It also addresses the legal framework for sales and purchase relations, which are at the forefront of legal thought. The fundamental aspects of this contract type have been comprehensively covered in the works of the leading Russian legal scholars, including M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky, E.A. Sukhanov, A.P. Sergeev, and Yu.K. Tolstoy.*

Key words: *essence of a contract, contract, purchase and sale, supply contract, retail purchase and sale contract, goods, price.*

Договор купли-продажи принадлежит к числу наиболее массовых и исторически укоренённых цивилистических институтов, призванных опосредовать переход титула собственника от одного субъекта к другому на компенсационной основе. Корни данной юридической конструкции уходят в глубину веков: ещё в эпоху античности римское право выработало модель emptio-venditio, в рамках которой на продавца (venditor) возлагалась обязанность предоставить вещь (товар) в обладание покупателя (emptor), а последний, в свою очередь, принимал на себя встречное денежное обязательство — уплатить оговорённую стоимость. Именно эта римская формула послужила прообразом современных представлений о рассматриваемом соглашении. [13, с. 57-59.]. В отечественном правопорядке нормативный массив, посвящённый купле-продаже, сосредоточен в главе 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)-(Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.), которая, открывает вторую часть Кодекса, тем самым подчёркивая его архиважное положение в системе законодательных координат и его непреходящую востребованность в обыденной жизни российского социума.

Трудности, связанные с юридической квалификацией соответствующих сделок в правоприменительной плоскости, находили отражение в работах А.В. Петрова, Е.В. Сидоровой, Н.М. Фроловой. Специфика охраны прав потребителей в розничном сегменте детально прорабатывалась такими авторами, как А.Е. Шерстобитов и В.Ф. Яковлев. Нюансы соглашения о поставке,

равно как и проблемы его дифференциации от пограничных договорных моделей, становились предметом научного анализа в публикациях В.С. Ема и С.В. Дедикова.(См., например: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2021; Сергеев А.П. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 2. — М.: Проспект, 2024.).

Тем не менее, приходится констатировать, что исследования, носящие сводный характер и посвящённые корреляции правовых конструкций оптовой и розничной реализации товаров, их размежеванию согласно актуальным нормативным установлениям и с учётом новейших тенденций судебного толкования, представлены в доктрине довольно фрагментарно. Значительный круг вопросов по-прежнему остаётся предметом острых научных дискуссий и ожидает дальнейшей углублённой разработки.

Объектная область исследования охватывает совокупность социальных интеракций, возникающих в процессе оптового и розничного товарообмена, а также прикладные аспекты имплементации релевантных юридических предписаний.

Предметная сфера сконцентрирована на корпусе нормативных актов российского гражданского законодательства, регламентирующих оптовые поставки и розничную продажу, на материалах судебной интерпретации данных норм, а также на концептуальных построениях, выработанных наукой гражданского права применительно к исследуемой области.

Целевая установка работы видится в проведении всестороннего анализа юридических моделей оптовой и розничной реализации товаров, в обнаружении их имманентных отличительных черт, формулировании чётких критериев демаркации и выявлении узких мест, возникающих при их правовой оценке в деятельности юрисдикционных органов.[14, 612 с.].

Законодательная дефиниция анализируемого договора содержится в пункте 1 статьи 454 ГК РФ и звучит следующим образом: «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму (цену)». Приведённая формулировка даёт возможность вычленить ключевые, сущностные параметры (юридическое естество) данного договорного типа.

Прежде всего, договор купли-продажи квалифицируется как консенсуальный. Данное свойство означает, что момент его заключения приурочен к достижению участниками консенсуса относительно всех эссенциальных условий в предусмотренной правопорядком форме (ст. 432 ГК РФ). Соответственно, весь комплекс корреспондирующих прав и коррелятивных обязанностей возникает у контрагентов непосредственно с мгновения подписания соглашения, а не с факта физического вручения имущества. Действия же по передаче, приёму и оплате вещи представляют собой уже стадию реализации ранее возникших обязательственных уз.

Во-вторых, договор купли-продажи носит возмездный характер. Продавец рассчитывает на получение встречного удовлетворения в форме денежного эквивалента (цены), тогда как покупатель обретает сам товар. Именно возмездность служит водоразделом, отделяющим куплю-продажу от договора дарения (ст. 572 ГК РФ), имманентным признаком которого выступает безвозмездность.

В-третьих, рассматриваемый договор является двусторонним (синаллагматическим). Обязанностные векторы распределены между обеими сторонами: продавец несёт бремя передачи вещи и одновременно управомочен требовать внесения платы, а покупатель, будучи обязанным оплатить товар, вправе настаивать на его вручении. Подобное распределение бремени и правомочий и обусловливает двусторонне-обязывающую природу договора.

Телеологическая направленность договора купли-продажи заключена в переносе права собственности на товар с фигуры продавца на фигуру приобретателя. В этом состоит его глубинная экономическая миссия — обслуживание товарообменных процессов, опосредуемых денежным инструментарием. Переход вещного права регламентируется предписаниями ст. 223 ГК РФ, согласно которым право собственности у приобретателя движимой вещи по договору возникает с момента её фактического вручения, если только иное правило не вытекает из существа закона или содержания самого контракта.

Объектом (предметом) договорного обязательства выступает товар. В соответствии с положениями ст. 455 ГК РФ, в качестве товара может фигурировать любое имущество, не исключённое из хозяйственного оборота, при непременном соблюдении ограничений, налагаемых ст. 129 ГК РФ. Законодатель также санкционирует реализацию не только наличествующих, но и будущих товаров (то есть тех объектов, которые ещё только предстоит произвести или закупить продавцу в обозримой перспективе).

Принципиально отметить, что правовая трактовка термина «товар» отличается большей широтой по сравнению с его сугубо экономическим пониманием. В цивилистическом смысле к товарам причисляются не только телесные объ-

екты, но и иные имущественные ценности (к примеру, обязательственные права), хотя применительно к последним действует особый регуляторный режим (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Тем не менее, классическая модель купли-продажи сориентирована прежде всего на вещные объекты.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что договор купли-продажи образует собой базисную, фундаментальную договорную матрицу, нацеленную на возмездное отчуждение имущественных благ в собственность. Её юридическая природа детерминирована такими атрибутивными свойствами, как консенсуальность, возмездность и взаимность, что в совокупности позволяет экстраполировать данную модель на регулирование широчайшего спектра товарно-денежных интеракций.[15, 642 с.].

Договор купли-продажи относится к числу древнейших и наиболее широко распространённых институтов гражданского права. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) не ограничивается лишь общей дефиницией купли-продажи, содержащейся в ст. 454, а выстраивает разветвлённую систему её самостоятельных разновидностей. Пункт 2 ст. 454 ГК РФ относит к числу отдельных видов купли-продажи следующие договорные конструкции: розничная купля-продажа, поставка товаров, поставка товаров для государственных и муниципальных нужд, контрактация, энергоснабжение, продажа недвижимости, продажа предприятия. Подобное законодательное обособление продиктовано своеобразием субъектного состава, целевой направленности приобретения товара, процедуры заключения и исполнения договора, а также характера нормативной регламентации (императивной либо диспозитивной).

Система договоров купли-продажи может быть структурирована по нескольким классификационным основаниям.

По субъектному составу и цели приобретения товара:

Розничная купля-продажа (ст. 492–505 ГК РФ) характеризуется тем, что в роли покупателя выступает гражданин, приобретающий продукцию для удовлетворения личных, семейных, домашних потребностей, не сопряжённых с осуществлением предпринимательской деятельности. Данная разновидность отмечена публичным характером договора (ст. 426 ГК РФ) и подпадает под действие специального законодательства об охране прав потребителей (Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»2). Продавец не управомочен отказать потребителю в заключении соглашения при фактическом наличии товара, а стоимостные и прочие условия устанавливаются единообразно для всех приобретателей.

Оптовая купля-продажа в отечественном гражданском праве не образует автономного договорного типа, а опосредуется договором поставки (ст. 506–524 ГК РФ). Оптовая купля-продажа предполагает, что оба контрагента являются профессиональными участниками рыночных отношений (коммерческие организации либо индивидуальные предприниматели), а товар приобретается для его последующего вовлечения в предпринимательский оборот (последующая перепродажа, производственное потребление, иные коммерческие цели).

Нормативная регламентация оптовой купли-продажи носит преимущественно диспозитивный характер — стороны вправе согласовать условия, отступающие от предписаний ГК РФ, и отвечают за нарушение обязательств независимо от наличия вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). В отличие от розницы, договор поставки, как правило, предполагает установление долгосрочных хозяйственных связей и передачу товаров отдельными партиями в согласованные временные интервалы.

Поставка товаров для государственных и муниципальных нужд (ст. 525–534 ГК РФ) представляет собой особую разновидность оптовой купли-продажи, где в качестве покупателя фигурирует публично-правовое образование (государство или муниципалитет) в лице уполномоченных органов. Отличается специфическим порядком заключения (государственный или муниципальный контракт), финансированием за счёт бюджетных ассигнований и возможностью односторонней корректировки условий контракта государственным заказчиком в установленных законом пределах.

Контрактация (ст. 535–538 ГК РФ) являет собой разновидность купли-продажи сельскохозяйственной продукции, при которой производитель (аграрный товаропроизводитель) принимает на себя обязательство передать выращенную (произведённую) им продукцию заготовителю для целей переработки или дальнейшего сбыта. Своеобразие данного договора заключается в том, что производитель несёт ответственность исключительно при наличии вины (п. 3 ст. 538 ГК РФ), что отличает его от генерального правила о безвиновной ответственности предпринимателя.

По объекту договора:

Купля-продажа товаров (движимого имущества) — наиболее распространённая форма, объемлющая розничную и оптовую (поставка) куплю-продажу.

Купля-продажа недвижимости (ст. 549–558 ГК РФ) требует обязательной государственной регистрации перехода права собственности.

Продажа предприятия (ст. 559–566 ГК РФ) как целостного имущественного комплекса, задействованного в предпринимательской дея-

тельности, включает не только материальные объекты, но и права требования, долговые обязательства, объекты интеллектуальной собственности.

Энергоснабжение (ст. 539–548 ГК РФ) имеет дело со специфическим объектом (электрическая или тепловая энергия), передаваемым через присоединённую сеть, и сочетает в себе элементы как купли-продажи, так и оказания услуг.

По способу заключения и исполнения:

Выделяются договоры, заключаемые посредством публичной оферты (розничная купля-продажа — экспонирование товара на витрине, предложение в каталоге или на интернет-площадке); договоры, заключаемые путём переговоров и подписания единого документа (оптовая купля-продажа / поставка, продажа недвижимости); договоры, заключаемые на торгах (реализация государственного и муниципального имущества, поставка для государственных нужд).

Соотношение розничной и оптовой купли-продажи заслуживает особо пристального внимания, ибо именно эти две разновидности обслуживают львиную долю товарного оборота. Розничная купля-продажа призвана удовлетворять конечное потребление граждан, тогда как оптовая (поставка) опосредует движение товарных масс между профессиональными участниками рыночного пространства. Ключевое различие, как неоднократно акцентировал Верховный Суд РФ, коренится в цели приобретения товара: для личного, семейного, домашнего использования (розница) либо для нужд предпринимательской деятельности (опт). Это различие влечёт за собой кардинально разнящиеся правовые последствия. Регулирование розничной купли-продажи отличается императивным характером — большинство предписаний Закона о защите прав потребителей не подлежат изменению соглашением сторон в ущерб интересам потребителя.[16, 584 с.]. Напротив, оптовая купля-продажа (поставка) регламентируется преимущественно диспозитивными нормами, предоставляя контрагентам широкий простор для договорного усмотрения. Розничный договор является публичным: продавец не вправе ответить отказом потенциальному покупателю при условии наличия товара. В оптовой купле-продаже аналогичное требование отсутствует. Ответственность в рознице зиждется на принципе вины (продавец отвечает, если не сумеет доказать, что дефект возник после передачи товара по вине самого приобретателя), в то время как в оптовой купле-продаже стороны, будучи предпринимателями, отвечают вне зависимости от вины, исключая лишь форс-мажорные обстоятельства. Наконец, право на одностороннее расторжение договора в рознице принадлежит по преимуществу потребителю, а в оптовой купле-продаже — обоим контрагентам при наличии существенного нарушения договора со стороны визави (ст. 523 ГК РФ).

Значение систематизации видов договора купли-продажи состоит в нижеследующем: она создаёт условия для корректной правовой квалификации фактически складывающихся отношений сторон; детерминирует, какой именно правовой режим подлежит применению (генеральные положения § 1 главы 30 ГК РФ либо специальные правила соответствующего параграфа); содействует сторонам в выборе надлежащего инструментария защиты нарушенных прав; способствует унифицированному применению цивилистических норм в судебной практике.

Таким образом, система договоров купли-продажи в российском гражданском праве образует собой иерархически упорядоченную структуру, цементируемую общим понятием купли-продажи (родовой признак — возмездное отчуждение имущества в собственность) и дифференцируемую по видовым критериям (субъекты, объект, цель, процедура заключения). Наибольшей значимостью для товарного оборота обладают договоры розничной купли-продажи и оптовой купли-продажи (поставки), которые будут подвергнуты детальному компаративному анализу в следующей главе настоящей работы.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993.- № 237.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1996. - № 5. - Ст. 410.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2001. - № 44. - Ст. 4147

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1996. - № 1. - Ст. 16.

[5] Закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. – 1993. - № 5

[6] Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. – 1997. - № 30. - Ст. 3594

[7] Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 1998. - № 7. - Ст. 785

[8] Федеральный закон от 15 мая 2001 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в

Гражданский кодекс Российской Федерации и Закон Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2001 г. - № 21. - Ст. 2063

[9] Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре» // СЗ РФ. – 2000. - № 2. - Ст. 149

[10] Бойко Т. Недвижимость: парадоксы закона и логика права // ЭКО. – 2016. - № 9. – С. 57-58.

[11] Болтанов Е.С. Операции с недвижимостью: купля - продажа, дарение, наследование, налогообложения / Серия «Закон и общество» - Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 212 с.

[12] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2016. – 800 с.

[13] Витрянский В. Купля-продажа // Хозяйство и право. – 2015. - №1. – С. 57-59.

[14] Гражданское право. Том II (1) / Под ред. Е. А, Суханова. – М.: Бек, 2016. – 612 с.

[15] Гражданское право. Учебник / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. Ч. 2. – М.: Проспект, 2017. – 642 с.

[16] Гражданское право. Часть вторая. / Под ред. А. Г. Калпина. – М.: Юристъ, 2015. – 584 с.

[17] Ильченко А. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним. // Законодательство. - 2017. - № 4. – С. 28-32

[18] Козырь О.М. Недвижимость в новом Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. – М.: Инфра-М, 2014. – 480 с.

[19] Крашенников П. В. Право собственности и иные вещные права на жилое помещение // Юрист. - 2015.- № 4. - С. 32-39.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993//Rossiyskaya Gazeta. – 1993.- № 237.

[2] Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ dated January 26, 1996. Part Two (amended and supplemented)//NW RF. – 1996. - № 5. - Art. 410.

[3] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended and supplemented)//NW RF. – 2001. - № 44. - Art. 4147

[4] Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended and supplemented)//SZ RF. – 1996. - № 1. - Art. 16.

[5] Law of the Russian Federation of July 4, 1991 No. 1541-1 “On the privatization of housing stock in the Russian Federation” (amended and supplemented)//Rossiyskaya Gazeta. – 1993. - № 5

[6] Federal Law of July 21, 1997 No. 122-FZ “On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with It “//NW RF. – 1997. - № 30. - Art. 3594

[7] Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ “On Limited Liability Companies” (amended and supplemented)//RF NW. – 1998. - № 7. - Art. 785

[8] Federal Law of May 15, 2001 No. 54-FZ “On Amendments and Additions to the Civil Code of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation “On Privatization of Housing Stock in the Russian Federation “//NW RF. - 2001 - No. 21. - Art. 2063

[9] Federal Law of January 2, 2000 No. 28-FZ “On the State Land Cadastre “//SZ RF. – 2000. - № 2. - Art. 149

[10] Boyko T. Real estate: paradoxes of law and the logic of law//IVF. – 2016. - № 9. - S. 57-58.

[11] Boltanov E.S. Real estate operations: purchase - sale, donation, inheritance, taxation/Series “Law and Society” - Rostov n/a: Phoenix, 2014. - 212 p.

[12] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book Two: Property Transfer Agreements. - M.: Statute, 2016. - 800 s.

[13] Vitryansky V. Purchase and sale//Economy and law. – 2015. - №1. - S. 57-59.

[14] Civil law. Volume II (1)/Ed. E. A, Sukhanova. - M.: Beck, 2016. - 612 s.

[15] Civil law. Textbook/Ed. A.P. Sergeev and Yu. K. Tolstoy. PART 2. - M.: Prospect, 2017. - 642 s.

[16] Civil law. Part two ./Ed. A. G. Kalpin. - M.: Lawyer, 2015. - 584 p.

[17] Ilchenko A. State registration of rights to real estate and transactions with it .//Legislation. - 2017. - № 4. - S. 28-32

[18] Kozyr O.M. Real estate in the new Civil Code of Russia//Civil Code of Russia: Problems. Theory. Practice: Sat. in memory of S.A. Khokhlov/ Otv. ed. A.L. Makovsky. - M.: Infra-M, 2014. - 480 s.

[19] Krashennikov P.V. Ownership and other property rights to residential premises//Lawyer. - 2015.- № 4. - S. 32-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-325-327

ИЛЬИН Роман Юрьевич,
магистрант кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: ramzes1627@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЕЙНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальных проблем договорного регулирования семейных отношений в условиях правовых реалий 2025–2026 гг. Автор исследует теоретическую дихотомию понятий «соглашение» и «договор», выявляет дефекты судебной квалификации категории «крайне неблагоприятное положение». На основе синтеза отечественного и зарубежного опыта (США, Франция, Австралия) предлагаются механизмы укрепления стабильности семейных контрактов. Особое внимание уделено цифровым активам и защите прав лиц в фактических брачных союзах.*

Ключевые слова: *брачный договор, семейное право, крайне неблагоприятное положение, цифровые активы, фактический брак, автономия воли.*

ILIN Roman Iurevich,
Undergraduate student of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

PROSPECTS FOR THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF FAMILY AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL CONTEXT

Annotation. *The article is devoted to the analysis of topical problems of contractual regulation of family relations in the legal realities of 2025-2026. The author investigates the theoretical dichotomy of the concepts of "agreement" and "contract", identifies defects in the judicial qualification of the category of "extremely unfavorable situation". Based on the synthesis of domestic and foreign experience (USA, France, Australia), mechanisms for strengthening the stability of family contracts are proposed. Special attention is paid to digital assets and the protection of the rights of persons in de facto marriage unions.*

Key words: *prenuptial agreement, family law, extremely unfavorable situation, digital assets, de facto marriage, autonomy of will.*

Актуальность темы исследования продиктована стремительной трансформацией структуры имущественных активов современной семьи и объективным запросом на расширение диспозитивных начал в национальном семейном праве. В условиях правовой реальности 2025–2026 гг. традиционные, императивно заданные модели раздела имущества все чаще уступают место индивидуальному договорному регулированию. Однако сложившаяся судебная практика демонстрирует отсутствие единого концептуального подхода к оценке действительности таких сделок, что порождает правовую неопределенность и требует выработки новых законодательных ориентиров. Целью настоящей статьи является обоснование предложений по совершенствованию Семейного кодекса РФ на основе критического анализа отечественной доктрины и адаптации прогрессивного зарубежного опыта.

Системное изучение норм семейного законодательства позволяет выявить глубокую иерархическую зависимость между ключевыми категориями отрасли. Представляется обоснованным утверждение, что «соглашение» выступает родо-

вым понятием, охватывающим любые согласованные волеизъявления субъектов семейных правоотношений — от алиментных обязательств до определения места жительства несовершеннолетних детей. В этой системе договор занимает место наиболее формализованной, преимущественно имущественной разновидности соглашения [1]. В отличие от классических гражданско-правовых сделок, семейное соглашение обладает специфической фидуциарной природой. Здесь автономия воли сторон имплицитно ограничена публичным интересом защиты экономически более слабого участника и сохранением стабильности семейного союза.

Особого научно-практического внимания в данном контексте заслуживает оценочная категория «крайне неблагоприятного положения», закрепленная в ст. 44 СК РФ. Судебная практика последних лет обнаруживает деструктивную тенденцию: суды зачастую признают брачный договор недействительным лишь на основании его существенного отступления от принципа равенства долей, характерного для законного режима собственности. Мы полагаем, что законный режим не должен восприниматься правоприменителем как императивный идеал справедливости при наличии зафиксированной воли дееспособных сторон. Для минимизации субъективизма необходимо конкретизировать данную норму на законодательном уровне. Предлагается установить, что признак дефектности сделки наступает исключительно в ситуации полного лишения одного из супругов права собственности на нажитое в браке имущество, если при этом у него отсутствуют иные источники дохода или жилые помещения для проживания.

В контексте расширения диспозитивного инструментария семейного права особую теоретическую и практическую сложность представляет вопрос о конкуренции брачного договора с иными семейно-правовыми соглашениями, в частности, с соглашением о разделе общего имущества супругов. В современной юрисдикционной практике нередко возникают ситуации «параллельного регулирования», когда стороны, стремясь к максимальной детализации своих имущественных отношений, заключают серию взаимосвязанных сделок. Подобная фрагментация правового режима активов создает риск противоречивости условий, что в ситуации конфликта интерпретируется судами через призму ст. 10 ГК РФ как злоупотребление правом. Мы полагаем, что брачный договор должен рассматриваться как комплексный акт, обладающий приоритетом над разовыми соглашениями о разделе имущества, если последние затрагивают те же объекты гражданских прав. Отсутствие в СК РФ четких правил о соотношении различных форм договорного регулирования порождает правовой вакуум, который зачастую заполняется судебным усмотрением, не всегда учитывающим истинную волю контрагентов. Данная коллизия требует введения законодательной презумпции единства договорного режима имущества супругов, согласно которой условия брачного договора поглощают положения иных соглашений, если иное прямо не предусмотрено сторонами. Такой подход позволит исключить искусственное дробление имущественной массы и обеспечит предсказуемость правовых последствий для кредиторов, чьи интересы зачастую страдают от «каскадного» заключения супругами нескольких взаимоисключающих сделок.

Развитие доктрины семейного права к 2026 году также требует переосмысления механизмов судебного контроля через призму зарубежных превентивных моделей. Анализ юрисдикций США, в частности штата Калифорния, позволяет выделить эффективный инструмент — семидневный интервал между предоставлением окончательного проекта контракта и его фактическим подписанием [2]. Введение подобного «периода раздумья» в российское законодательство позволило бы практически полностью исключить фактор психологического давления или внезапности принятия решения в момент заключения сделки. Более того, целесообразно рассмотреть вопрос об обязательном участии независимых консультантов для каждой из сторон, что в австралийской практике выступает абсолютным гарантом осознанности отказа от законного режима общности активов.

Не менее показателен французский опыт, характеризующийся развитым механизмом обеспечения интересов третьих лиц (кредиторов). Французский законодатель устанавливает строгий регламент транспарентности: ключевые условия брачного контракта подлежат фиксации в специализированных реестрах, что делает имущественный статус супругов прозрачным для участников оборота [3, с. 160]. В условиях российского рынка, где сокрытие активов через брачные договоры становится проблемой для банковского сектора, создание открытого информационного реестра семейных соглашений видится своевременным и необходимым шагом. Это позволит обеспечить баланс между частной тайной семейной жизни и стабильностью гражданского оборота.

Трансформация самой природы имущества в цифровую эпоху ставит перед семейным правом новые вызовы. К 2026 году цифровые активы — криптовалюты, NFT-токены, права на коммерческие аккаунты — стали неотъемлемой частью

семейного капитала. Отсутствие в текущей редакции СК РФ механизмов идентификации и раздела таких прав создает почву для злоупотреблений. Мы обосновываем необходимость закрепления в законе обязанности сторон по раскрытию информации о наличии цифровых активов на стадии заключения договора. Умышленное сокрытие подобных сведений должно квалифицироваться как основание для последующего оспаривания соглашения. Это приблизит российский подход к практике англосаксонских стран, где детальное декларирование имущественного статуса в приложениях к договору является императивным требованием.

Параллельно с этим, современные социальные тенденции диктуют потребность в легализации имущественных соглашений лиц, находящихся в фактических брачных отношениях (сожительстве). В настоящее время участники таких союзов в России вынуждены использовать не вполне подходящие конструкции гражданского права (долевую собственность, дарение), что не обеспечивает должного уровня защиты, особенно при наличии общих детей. Обращение к опыту Швеции и Австралии в части регулирования «de facto relationship» позволяет предложить введение в СК РФ глав, легализующих соглашения о совместном проживании. Это позволит партнерам самостоятельно определять режим нажитых активов, не дожидаясь государственной регистрации брака, что в конечном итоге повысит социальную защищенность наиболее уязвимых членов общества.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что современный брачный договор перестал быть лишь инструментом раздела собственности. Это сложный механизм правового планирования семейной жизни, соединяющий в себе несколько режимов принадлежности активов (совместный, долевой и раздельный). Дальнейшее развитие данного института в Российской Федерации должно следовать вектору укрепления автономии воли при одновременном совершенствовании процедурных фильтров. Предложенные изменения, включая дополнение ст. 41 СК РФ требованием о семидневном интервале перед подписанием и расширение предмета договора за счет организационных условий (несение семейных расходов, образование детей), позволят трансформировать брачный контракт в полноценную «семейную конституцию», обеспечивающую правовую определенность и предупреждение конфликтов в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Титаренко Е. П. Понятие и виды соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 4. — С. 21–24.

[2] Хазова О. А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // Закон. — 2020. — № 10. — С. 158–164.

[3] Мамазакиров Р. У. Институт брачного договора: правоприменительная практика в Кыргызской Республике и опыт зарубежных стран // Вестник РГСУ. — 2020. — № 2 (22). — С. 62–68.

References:

[1] Titarenko E.P. The concept and types of agreements in family law//Family and housing law. — 2014. — № 4. - S. 21-24.

[2] Khazova O. A. On the issue of marriage contracts and marriage agreements abroad//Law. — 2020. — № 10. - S. 158-164.

[3] Mamazakirov R.U. Institute of Marriage Contract: Law Enforcement Practice in the Kyrgyz Republic and the Experience of Foreign Countries// Bulletin of the Russian State Social University. — 2020. — № 2 (22). - S. 62-68.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-328-330

НАТАЕВА Залина Амадиевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г.Грозный, e-mail: mail@law-books.ru

МУРТАЗАЕВА Айшат Асвадовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАТЕНТНОГО ПРАВА

Аннотация. *В условиях глобального рынка высококачественная продукция с инновационными решениями действительно имеет больше шансов на успех. Патентная документация играет ключевую роль в этом процессе, так как она защищает интеллектуальную собственность и предоставляет правообладателям эксклюзивные права на использование своих изобретений.*

Ключевые слова: *Патентное право, системы, патентный документ, принцип.*

NATAEVA Zalina Amadievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure Kadyrov Chechen State University, Grozny

MURTAZAEVA Aishat Asvadovna,
Assistant of the Department of Jurisprudence, State National Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov

CONCEPT AND CONTENT OF CIVIL LAW REGULATION OF PATENT LAW

Annotation. *In the conditions of the global market, high-quality products with innovative solutions really have a better chance of success. Patent documentation plays a key role in this process, as it protects intellectual property and provides copyright holders with exclusive rights to use their inventions.*

Key words: *Patent law, systems, patent document, principle.*

Основная цель патентования — поощрение инноваций и развитие технологий, предоставляя изобретателям временные монополии на использование своих творений в обмен на раскрытие информации о них обществу. Патенты могут быть выданы на различные виды технических решений, включая изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Каждый из этих объектов имеет свои особенности и требования для патентоспособности. Например, изобретение должно быть новым, иметь изобретательский уровень и промышленную применимость, в то время как полезные модели могут иметь менее строгие требования. Патентный документ, как ценный источник информации, содержит не только технические детали, но и правовые аспекты, такие как сведения о правах на объект, авторстве и приоритете. Эти документы являются важными для исследователей, инженеров, бизнесменов и юристов, так как они помогают понимать состояние техники, выявлять новизну решений и защищать свои интересы в сфере интеллектуальной собственности.

Важной частью патентного права также является механизм разрешения споров, связанных с нарушением патентных прав, а также вопросы лицензирования и передачи прав на патенты. Патентное право обеспечивает баланс между интересами изобретателей и общества, способствуя технологическому прогрессу и экономическому развитию.

Системы патентования могут значительно варьироваться в зависимости от законодательства конкретной страны или региона. Рассмотрим подробнее основные системы:

1. Заявительская и авторская системы: - Заявительская система:

Патент выдается первому подателю заявки, что стимулирует конкуренцию и быстроту подачи заявок. Эта система более распространена в странах с развитыми экономиками. - Авторская система: Патент принадлежит автору изобретения или его правопреемнику, независимо от того, кто подал заявку. Эта система может более точно отражать интересы изобретателей.

2. Явочная система: - При данной системе патентное ведомство проверяет, соблюдены ли формальные требования к заявке и относится ли объект к категории непатентоспособного. Явочная система позволяет быстрее выдавать патенты, но может привести к увеличению числа споров о праве собственности на изобретения.
3. Проверочная система: - В этой системе проводится более глубокая экспертиза, включая оценку новизны и изобретательского уровня. Это повышает качество патентов, но может замедлить процесс их получения.
4. Отложенная система: - Проверка осуществляется по запросу заявителя или заинтересованных лиц, что позволяет заявителям сначала получить патент, а затем по необходимости проводить экспертизу. Эта система может быть удобной для бизнеса, который хочет сохранить свои разработки в секрете на ранних этапах.

Каждая из этих систем имеет свои плюсы и минусы, и выбор системы зависит от целей защиты интеллектуальной собственности, а также от особенностей национального законодательства.

Патентные документы являются важным источником информации о текущих достижениях и технологиях в различных областях. Благодаря их унифицированной структуре и международной классификации, такие документы становятся доступными для специалистов и исследователей по всему миру. Международная патентная классификация (МПК) позволяет эффективно искать патенты по определенным темам, что особенно полезно для исследователей, разработчиков и представителей бизнеса, интересующихся конкурентоспособностью и новыми технологиями.

Стандарты Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) обеспечивают единообразие в оформлении патентных документов. Это включает в себя не только структуру, но и библиографические данные, которые представляют собой ключевую информацию о патенте, такую как автор, дата подачи и публикации, номер патента и многое другое.

Коды INID, используемые для идентификации элементов библиографии, помогают избежать языковых барьеров, что делает патентные документы более понятными для международной аудитории. Это особенно важно в глобальной экономике, где инновации и технологии быстро развиваются и имеют транснациональный характер.

Также стоит упомянуть, что имеется и классификация. Классификация является важным инструментом в организации знаний и информации, особенно в таких областях, как патентование и научные исследования. Она позволяет структурировать информацию, облегчая поиск и анализ данных. В контексте патентов классификация помогает систематизировать изобретения по темам, что значительно упрощает процесс поиска нужной информации для исследователей, изобретателей и юридических специалистов. Системы классификации обычно имеют иерархическую структуру, где более общие категории делятся на более узкие, что способствует более точному описанию и учету различных изобретений. Например, в патентной классификации могут выделяться основные сектора, такие как механика, электроника, биотехнологии, а затем внутри каждого из этих секторов могут создаваться более узкие подкатегории. Использование многоступенчатых систем классификации также позволяет учитывать быстрое развитие технологий и новых направлений исследований. Это делает классификацию динамичным инструментом, способным адаптироваться к изменениям в научной и технической среде.

В классификации изобретений используются два основных принципа: предметно-тематический и функциональный. Эти принципы помогают систематизировать и упорядочить информацию об изобретениях, что облегчает процесс поиска и анализа.

1. Предметно-тематический принцип: - Основан на классификации объектов по их назначению и применению в определённых отраслях. Например, все изобретения, относящиеся к сельскому хозяйству, группируются в один класс. Такой подход позволяет легко находить информацию по конкретной

тематике, однако может не учитывать многофункциональность некоторых изобретений, которые могут применяться в различных областях.

2. Функциональный принцип: - Основывается на тождественности выполняемых функций. В этом случае изобретения группируются по их функциям или эффектам, которые они производят, независимо от области их применения. Это позволяет более точно классифицировать изобретения, которые могут использоваться в разных сферах, но выполняют схожие задачи, например, устройства для подачи деталей, которые могут применяться в различных отраслях.

Каждая из этих систем имеет свои преимущества и недостатки. Предметно-тематический подход хорошо подходит для традиционных и специализированных областей, тогда как функциональный принцип более универсален и гибок, позволяя классифицировать изобретения по их основным функциям.

Классификация также может иметь практическое значение для патентования, исследований и разработки новых технологий, поскольку помогает организовать знания и облегчить доступ к информации о существующих изобретениях.

Подводя итог, следует сказать, рассматривая данный вопрос, важно отметить необходимость активного взаимодействия правотворческих органов с другими институтами государства, обеспечивающими интеллектуальную деятельности граждан. Именно такая стратегия позволит сформировать высокий уровень правосознания в обществе.

Список литературы:

[1] Гущин В.В., Пономарева Н.Г. Проблемные вопросы наследования патентных прав // Образование и право. 2022. № 7. С. 79.

[2] Шведова В.В. Новый ГОСТ на патентные исследования – тормоз инновационного развития России // Право и управление. 2022. № 9. С. 56.

[3] Кокорев А.С. Факторы конкурентоспособности и финансовой устойчивости компании // Московский экономический журнал. 2020. № 9. С. 56.

[4] Жарова А.К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг // Государство и право. 2020. № 3. С. 32-38.

[5] Будкин О.О. Проблемы доказывания охраноспособности объектов авторского права // Образование и право. 2022. № 3. С. 112.

References:

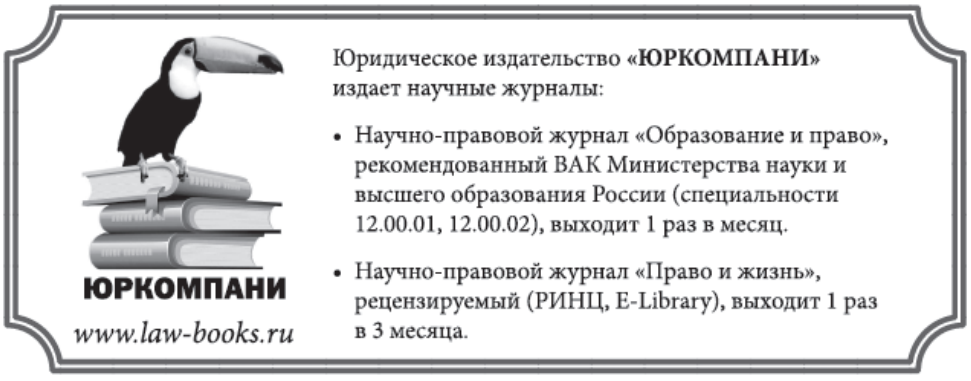
[1] Gushchin V.V., Ponomareva N.G. Problematic issues of inheritance of patent rights//Education and law. 2022. № 7. S. 79.

[2] V.V. Shvedova. The new GOST for patent research is a brake on the innovative development of Russia//Law and management. 2022. № 9. S. 56.

[3] Kokorev A.S. Factors of competitiveness and financial stability of the company//Moscow Economic Journal. 2020. № 9. S. 56.

[4] Zharova A.K. On the approach to the classification of information technology services//State and law. 2020. № 3. S. 32-38.

[5] Budkin O.O. Problems of proving the security of copyright objects//Education and law. 2022. № 3. S. 112.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-331-335
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

БУХАРОВА Дина Хасановна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральский государственный экономический университет,
e-mail: buharova_dh@usue.ru

КАПУСТИНА София Александровна,
студент 2 курса,
профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»,
Уральский государственный экономический университет,
e-mail: sofiya.kapustina.92@bk.ru

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ В ОТЧЕТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ-СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УПРОЩЕННЫХ СПОСОБОВ УЧЕТА

Аннотация. *В условиях цифровизации и стремительных изменений российской экономики особое значение приобретает проблема качества информационной базы для принятия управленческих решений. Упрощенный учет и отчетность, предоставленные субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП), при всей своей привлекательности в части снижения административной нагрузки, ограничивают возможности раскрытия ключевых показателей финансово-хозяйственной деятельности. Сокращение объема представляемой информации затрудняет оценку финансового состояния, деловой активности, инвестиционной привлекательности предприятий, создавая информационную асимметрию между хозяйствующими субъектами и заинтересованными пользователями, включая кредиторов, инвесторов, государственные органы. Упрощенная отчетность агрегирует показатели по укрупненным статьям, исключая детализацию активов и обязательств, доходов и расходов, что осложняет выявление рисков, оценку платежеспособности и прогнозирование развития бизнеса.*

В статье проведен анализ нормативной базы упрощенного учета (гл. 26.2 Налогового кодекса РФ, ФСБУ 4/2023), структуры бухгалтерской отчетности малых предприятий. Выявлено, что основные последствия упрощенного учета проявляются в: невозможности полноценного анализа структуры капитала и ликвидности; отсутствии прозрачности в формировании себестоимости продукции; затруднении доступа к кредитным ресурсам из-за недостаточности сведений для банков; снижении инвестиционной привлекательности; ограничении возможностей государственного регулирования и мониторинга реального сектора; искажении статистических данных, используемых для формирования экономической политики.

На основе комплексного подхода предложены рекомендации по совершенствованию учетной и отчетной практики, включая дифференцированное применение упрощенных форм, расширение состава обязательных пояснений к бухгалтерской отчетности, внедрение элементов автоматизированного учета и контроля, формирование системы отраслевых показателей для сопоставимости данных.

Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости баланса между снижением административной нагрузки на малый бизнес и обеспечением достаточности информации для принятия обоснованных экономических решений.

Ключевые слова*: упрощенная система налогообложения, бухгалтерская отчетность, малый и средний бизнес, дефицит информации, финансовый анализ, риски.*

BUKHAROVA Dina Khasanovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Accounting and Audit,
Ural State University of Economics

KAPUSTINA Sofia Aleksandrovna,
2nd year student,
profile "Accounting, Analysis and Audit",
Ural State University of Economics

THE PROBLEM OF INFORMATION INSUFFICIENCY IN THE REPORTING OF LEGAL ENTITIES-SUBJECT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS WHEN APPLYING SIMPLIFIED METHODS OF ACCOUNTING

Annotation. *In the context of digitalization and rapid changes in the Russian economy, the problem of the quality of the information base for making managerial decisions is of particular importance. Simplified accounting and reporting provided to small and medium-sized enterprises (SMEs), while attractive in terms of reducing the administrative burden, limit the ability to disclose key indicators of financial and economic activity. The reduction in the amount of information provided makes it difficult to assess the financial condition, business activity, and investment attractiveness of enterprises, creating information asymmetry between business entities and interested users, including creditors, investors, and government agencies. Simplified reporting aggregates indicators by large categories, excluding the details of assets and liabilities, revenues, and expenses, which complicates the identification of risks, assessment of solvency, and forecasting of business development.*

The article analyzes the regulatory framework for simplified accounting (Chapter 26.2 of the Tax Code of the Russian Federation, FSBU 4/2023), as well as the structure of financial statements for small enterprises. It is revealed that the main consequences of simplified accounting include: the inability to fully analyze the structure of capital and liquidity; the lack of transparency in the formation of production costs; difficulties in accessing credit resources due to insufficient information for banks; a decrease in investment attractiveness; limited opportunities for government regulation and monitoring of the real sector; and the distortion of statistical data used for economic policy formulation.

Based on a comprehensive approach, recommendations have been proposed for improving accounting and reporting practices, including the differentiated use of simplified forms, expanding the scope of mandatory explanations for financial statements, introducing elements of automated accounting and control, and establishing a system of industry-specific indicators for data comparability.

The practical significance of this work lies in justifying the need for a balance between reducing the administrative burden on small businesses and ensuring that there is sufficient information to make informed economic decisions.

Key words*: simplified taxation system, accounting reports, small and medium-sized businesses, information deficit, financial analysis, and risks.*

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) является базовым элементом рыночной экономики, обеспечивающим гибкость рынка, создание рабочих мест, диверсификацию производства и услуг. В России, согласно Федеральному закону № 209-ФЗ от 24.07.2007, к субъектам МСП относятся организации с численностью до 250 человек и выручкой до 2 млрд рублей в год, дополнительно есть требования к составу учредителей [2]. По данным Единого реестра МСП на 10.01.2026, в РФ зарегистрировано 6,83 млн субъектов МСП, из них 32,1% - юридические лица [7].

Стремление государства к сокращению административной нагрузки на малый бизнес привело к формированию системы упрощенных режимов учета и отчетности, регламентированных главой 26.2 Налогового Кодекса РФ (далее – НК РФ), Положением по бухгалтерскому учету 4/99 «Бухгалтерская отчетность организации» (далее – ПБУ 4/99) (до 2025 г.), Федеральным стандартом бухгалтерского учета 4/2023 «Бухгалтерская отчетность организации» (далее – ФСБУ 4/2023), Федеральным законом № 402-ФЗ от 06.12.2011 «О бухгалтерском учете» . Однако эти меры, способствуя снижению затрат предприятий на учетные функции, одновременно создают дефицит информации, необходимой как для внешних пользователей (банков, инвесторов, органов статистики и налогового контроля), так и для управленческого анализа внутри предприятия. Информационная закрытость становится барьером для привлечения инвестиций, получения кредитов, участия в тендерах и государственных закупках [5, 8].

Проблемы информационной прозрачности малого бизнеса приобретают особую актуальность в период реформирования бухгалтерского учета (с 2025 г. действует ФСБУ 4/2023 вместо ПБУ 4/99), внедрения цифровых платформ отчетности и ужесточения требований к экономической безопасности [9]. В то же время отсутствие системного понимания последствий упрощения учета для качества экономических решений и состояния предпринимательской среды определяет научную и практическую значимость данного исследования.

Юридические лица, применяющие упрощенную систему налогообложения (УСН), обязаны вести бухгалтерский учет в соответствии с Федеральным законом № 402-ФЗ [3]. При этом индивидуальные предприниматели на УСН вправе не вести бухгалтерский учет, ограничиваясь учетом доходов и расходов в Книге учета (КУДиР).

Упрощенная система учета предусматривает:

– использование кассового метода признания доходов и расходов;
– закрытый перечень расходов, учитываемых при налогообложении (ст. 346.16 НК РФ) [1];
– право на применение упрощенных форм бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах (Приказ Минфина № 157н, ФСБУ 4/2023) [4];
– возможность отказа от ведения ряда регистров аналитического и синтетического учета.

Упрощенный учет разрешает использование сокращенного план счетов (около 20-30 счетов вместо 60), то есть ряд типовых бухгалтерских счетов объединяются:

– имеется возможность совместить счета для всех затрат, связанных с реализацией работ и услуг организации на 20 счете (то есть происходит избегание счетов 23 «Вспомогательное производство», 26 «Общехозяйственные расходы», 28 «Брак в производстве», 29 «Обслуживающие производства и хозяйства» и 44 «Расходы на продажу»;
– все запасы могут учитывается на счете 10 «материалы», вместо разделения на 07 (оборудование к установке), 11 (животные на выращивание и откорм) и 10 раздельно;
– производственные организации готовую продукцию могут учитывать на счете 41 «Товары», вместо использования отдельного счета 43 «Готовая продукция»;
– все виды расчеты с контрагентами можно вести на счете 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторам», вместо использования конкретизированных счетов 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», 71 «Расчеты с подотчетными лицами», 73 «Расчеты с персоналом по прочим операциям», 75 «Расчеты с учредителями», 79 «Внутрихозяйственные расходы» и 76 отдельно.

Вследствие такого довольно крупного упрощения происходит излишнее для кризисных времен агрегирование информации, то есть организация не следит за отдельными, порой ключевыми статьями расходов, что, в итоге, выльется в сложности, например, при принятии оперативных решений или при учете налоговой базы на УСН.

С 01.01.2025 вступил в силу ФСБУ 4/2023, который заменил ПБУ 4/99. Новый стандарт не изменил порядок ведения учета, однако уточнил требования к оформлению отчетности, структуре пояснений и критериям существенности информации. Малые предприятия по-прежнему могут применять сокращенные формы отчетности, группируя показатели по укрупненным статьям без детализации [4].

Упрощенная бухгалтерская отчетность включает в себя бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах без обязательного представления отчета о движении денежных средств, отчета об изменениях капитала и развернутых пояснений. Показатели в балансе группируются по разделам без расшифровки, например:

– внеоборотные активы (без разбивки на основные средства, нематериальные активы, финансовые вложения);
– оборотные активы (без детализации запасов, дебиторской задолженности, денежных средств);
– краткосрочные обязательства (без указания кредиторской задолженности по видам, займов).

В отчете о финансовых результатах не раскрываются: расходы по обычным видам деятельности (себестоимость, коммерческие и управленческие расходы); структура прочих доходов и расходов. Такое обобщение исключает возможность проведения полноценного финансового анализа, оценки рентабельности по видам деятельности, определения ликвидности и платежеспособности предприятия [6, 9].

Определим последствия нераскрытия информации для различных групп пользователей:

1. Для кредитных организаций. Отсутствие детализации баланса и отчета о финансовых результатах затрудняет оценку кредитоспособности заемщика. Банки запрашивают дополнительные справки, выписки по счетам, налоговые декларации, что увеличивает срок рассмотрения заявки и повышает вероятность отказа [6].
2. Для инвесторов. Упрощенная отчетность не позволяет оценить рентабельность капитала, структуру активов, наличие скрытых

обязательств. Инвесторы предпочитают работать с предприятиями, представляющими полную отчетность, что снижает инвестиционную привлекательность малого бизнеса.

3. Для органов государственного регулирования. Агрегированные данные искажают статистику по отраслям, затрудняют мониторинг эффективности мер поддержки, не позволяют выявлять теневой оборот и схемы «дробления бизнеса» [5].
4. Для управленческого учета. Руководитель малого предприятия, опираясь на упрощенную отчетность, не получает достаточной информации для оперативного управления: структуры затрат, рентабельности по видам продукции, динамики дебиторской и кредиторской задолженности. Это скажется на качестве управленческих решений, ограничивая возможности планирования и прогнозирования.

Сформулируем рекомендации по совершенствованию учетной и отчетной практики субъектов МСП, ориентированные на повышение достоверности и прозрачности отчетных данных; обеспечение релевантной информационной базы для принятия управленческих решений; соблюдение баланса между нормативными требованиями и реальными возможностями малых предприятий.

Дифференцированное применение упрощенных форм. Предлагается установить критерии, при которых предприятие обязано представлять развернутую отчетность (например, при участии в государственных закупках, при получении субсидий, при превышении определенного объема выручки).

Расширение состава обязательных пояснений. Включение в состав пояснений информации о структуре доходов и расходов, основных средствах, кредиторской и дебиторской задолженности, расходах на персонал.

Внедрение автоматизированных систем учета. Использование программных решений (1С, СБИС, облачные платформы) позволяет вести полноценный учет без существенного увеличения трудозатрат. Автоматизация снижает риск ошибок, повышает оперативность формирования отчетности.

Формирование системы отраслевых показателей. Разработка методических рекомендаций по раскрытию ключевых показателей для конкретных отраслей (торговля, производство, услуги), — что обеспечит сопоставимость данных и повысит качество статистических обобщений.

Усиление роли профессионального сообщества. Повышение квалификации бухгалтеров малых предприятий, внедрение образовательных программ и консультационной поддержки со стороны региональных центров поддержки предпринимательства.

В заключении обобщим вышенаписанное призывом к субъектам МСП подходить к выбору упрощения учета, а следовательно, и официальной отчетности, с нацеленностью на перспективу, на развитие бизнеса, а не на сиюминутную выгоду.

Упрощенный учет и отчетность субъектов малого и среднего бизнеса, при всей своей привлекательности с точки зрения снижения административной нагрузки, создают ряд системных проблем, связанных с информационной асимметрией, ограничением возможностей финансового анализа, затруднением доступа к кредитам и инвестициям, искажением статистических данных. В условиях цифровизации экономики и усиления требований к прозрачности хозяйственной деятельности необходим баланс между упрощением процедур и обеспечением достаточности информации для принятия обоснованных экономических решений. Предложенные рекомендации по дифференцированному применению форм отчетности, расширению состава пояснений, внедрению автоматизации и формированию отраслевых стандартов могут способствовать повышению информационной прозрачности малого бизнеса при сохранении его конкурентных преимуществ.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.12.2025). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 26.04.2026).

[2] Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 26.04.2026).

[3] Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 15.12.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 26.04.2026).

[4] Приказ Минфина России от 04.10.2023 № 157н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46132/ (дата обращения: 26.04.2026).

[5] Бурик, О. В. Система государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / О. В. Бурик, М. В. Сытникова. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – 132 с. – ISBN 978–5–7389–3629–6.

[6] Голова, Е. Е. Роль анализа бухгалтерской отчетности в анализе финансовых результатов / Е. Е. Голова, С. И. Гражданцев // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2020. – № 4(23). – С. 12.

[7] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба РФ. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 26.04.2026).

[8] Плужникова, И. И. Преодоление информационной асимметрии как средство повышения успешности предприятий малого и среднего бизнеса / И. И. Плужникова, П. Г. Рябчук // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6, № 2(19). – С. 220–222.

[9] Шарапова, Н. В. Учетно-аналитическая концепция формирования финансового потенциала предприятия и его составных элементов / Н. В. Шарапова, В. А. Зова // Финансовый бизнес. – 2025. – № 12(270). – С. 207–212. – EDN FTNYVJ.

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ (rev. dated 29.12.2025). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (access date: 26.04.2026).

[2] Federal Law of 24.07.2007 No. 209-FZ “On the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation” (as amended by 12.12.2023). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (access date: 26.04.2026).

[3] Federal Law No. 06.12.2011 “On Accounting” dated 402-FZ (as amended 15.12.2025). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (access date: 26.04.2026).

[4] Order of the Ministry of Finance of Russia dated 04.10.2023 No. 157n “On Approval of the Federal Accounting Standard FSBU 4/2023 “Accounting (Financial) Reporting.” - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46132/ (access date: 26.04.2026).

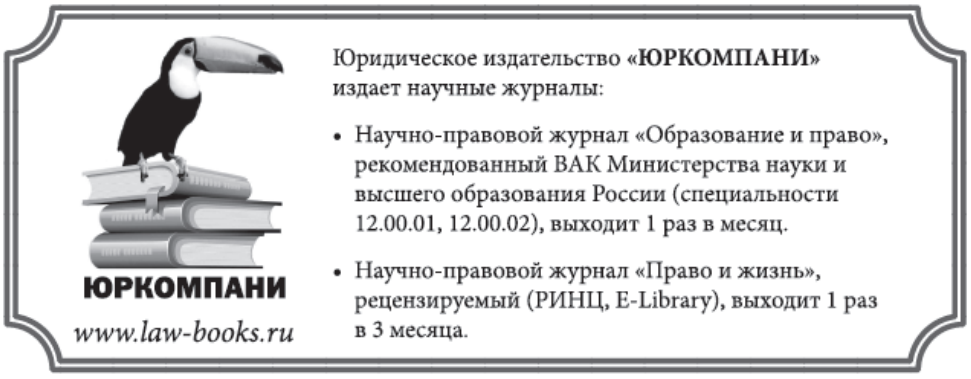
[5] Burik, O. V. System of state financial support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation/O. V. Burik, M. V. Sytnikova. - Khabarovsk: Pacific State University, 2022. - 132 p. - ISBN 978-5-7389-3629-6.

[6] Golova, E. E. The role of the analysis of financial statements in the analysis of financial results/E. E. Golova, S. I. Grazhdantsev//Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk GAU. – 2020. – № 4(23). - S. 12.

[7] Unified register of small and medium-sized businesses//Federal Tax Service of the Russian Federation. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (access date: 26.04.2026).

[8] Pluzhnikova, I. I. Overcoming information asymmetry as a means of increasing the success of small and medium-sized businesses/I. I. Pluzhnikova, P. G. Ryabchuk//Azimuth of scientific research: economics and management. – 2017. - T. 6, NO. 2 (19). - S. 220-222.

[9] Sharapova, N.V. Accounting and analytical concept of the formation of the financial potential of the enterprise and its constituent elements/N.V. Sharapova, V.A. Zova//Financial business. – 2025. – № 12(270). - S. 207-212. – EDN FTNYVJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-336-341
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КАДИМОВА Маихалум Шамсудиновна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса юридического института
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
e-mail: manna.kadimova@mail.ru

ОСМАНОВА Загидат Джума кызы,
магистрант юридического института
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
e-mail: oz978j@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового статуса различных субъектов права частной собственности на земельные участки в Российской Федерации. В центре внимания - конституционные основы этого права и их практическое значение. Делается вывод о приоритетной роли граждан Российской Федерации в системе земельных отношений.*

При этом показано, что иностранные граждане и лица без гражданства могут участвовать в обороте земель лишь в пределах ограничений, установленных законом. Их правовое положение во многом зависит от публичных интересов государства. Отдельно рассматривается статус бипатридов. Он не является однозначным: с одной стороны, такие лица признаются полноправными гражданами РФ, с другой – сохраняют устойчивую правовую связь с иностранным государством. Это порождает ряд вопросов, которые действующее законодательство решает не всегда последовательно. Анализируется также применение принципа единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости.

Ключевые слова*: право частной собственности на земельные участки, иностранные граждане, апатриды, бипатрид, ограничение земельных прав.*

KADIMOVA Mayhalum Shamsudinovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedure at the Law Institute Dagestan State University

OSMANOVA Zagidat Juma kizi,
graduate student at the Law Institute
Dagestan State University

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF INDIVIDUAL SUBJECTS OF PRIVATE OWNERSHIP OF LAND PLOTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the legal status of various subjects of private ownership rights to land plots in the Russian Federation. It focuses on the constitutional foundations of this right and their practical significance. The study concludes that citizens of the Russian Federation hold a priority position within the system of land relations. At the same time, it is shown that foreign citizens and stateless persons may participate in land transactions only within the limits established by law. Their legal status largely depends on the public interests of the state. The paper also considers the status of individuals with dual or multiple citizenship. This status is not straightforward: on the one hand, such individuals are recognized as full citizens of the Russian Federation; on the other, they retain a legal connection with a foreign state. This creates a number of issues that current legislation does not always address consistently. The article also analyzes the application of the principle of the unity of fate of a land plot and the buildings located on it.*

Key words: *private land ownership, foreign citizens, stateless persons, dual citizen, restrictions on land rights.*

Земля в правовой системе любого государства занимает особое положение. Она выступает не только объектом гражданского оборота, но и важнейшим природным ресурсом, пространственной основой экономической деятельности, а также фактором обеспечения суверенитета и национальной безопасности. В этой связи регулирование отношений собственности на землю соединяет в себе элементы как частноправового, так и публично-правового воздействия. Право частной собственности на земельные участки, будучи признанным и гарантированным на конституционном уровне, одновременно сопровождается системой ограничений, обусловленных особой социальной и экономической значимостью земли. Именно поэтому определение круга субъектов, обладающих правом приобретения земельных участков в собственность, представляет собой одну из ключевых проблем современного земельного права.

Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан и их объединений иметь в частной собственности землю (ст.36). Эта статья устанавливает круг субъектов права частной собственности на земельные участки, указывая на «граждан» и их объединения в качестве основных правообладателей. Законодатель, формулируя вышеприведенную норму, исходил из приоритета защиты публичных интересов государства. Однако, буквальное толкование термина «граждане» порождает серьезную правовую коллизию. Возникает вопрос: распространятся ли конституционное право частной собственности на землю на иностранных граждан, лиц без гражданства?

Преобладающая в отечественной конституционно-правовой науке позиция исходит из ограничительного толкования рассматриваемой нормы. Термин «граждане» в контексте части 1 статьи 36 трактуется как указание именно на граждан Российской Федерации [5]. Такое понимание органично вытекает из внутренней логики Конституции: когда Основной закон намерен распространить то или иное основное право на всех находящихся на территории России, он последовательно использует универсальное понятие «каждый» (статьи 20, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35). Напротив, когда право принадлежит исключительно российским гражданам, законодатель прибегает к точному выражению «граждане Российской Федерации» (статьи 31, 32, 33). Употребление в статье 36 обезличенного «граждане» без уточняющего определения, таким образом, воспринимается не как случайность, а как сознательный акцент на приоритетном положении именно российских граждан в сфере земельной собственности. Такой подход подтверждается и историко-правовым контекстом принятия Конституции 1993 года, когда допуск иностранных лиц к земельной собственности рассматривался как чувствительный вопрос, связанный с защитой суверенитета и формированием новой модели земельного оборота. В этой связи отсутствие уточнения «Российской Федерации» в тексте статьи 36 рассматривается как отражение приоритетного характера права граждан РФ, а не как расширение круга субъектов. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 апреля 2004 г. № 8-П также исходит из того, что ст. 36 не устанавливает исчерпывающего перечня субъектов права собственности на землю, но закрепляет приоритет граждан РФ. При этом допускается, что иностранные лица могут приобретать земельные участки лишь в пределах и на условиях, прямо установленных федеральным законом, что делает их положение производным и ограниченным по сравнению с гражданами РФ [2].

Таким образом, мы приходим к выводу, что конституционное право частной собственности на землю в его полном объёме принадлежит гражданам Российской Федерации, тогда как для иностранных граждан, апатридов и иностранных юридических лиц оно носит ограниченный и производный характер, определяемый федеральным законодательством.

Проблема правового статуса апатридов и бипатридов сохраняет высокую актуальность в современной юридической науке. Их правосубъектность формируется на пересечении норм международного и национального права. В соответствии с Конвенцией 1954 года о статусе лиц без гражданства апатрида – это лицо, которое не рассматривается гражданином какого-либо государством в силу его закона. При этом отсутствие гражданства само по себе не означает утраты правосубъектности. Лица без гражданства являются самостоятельными участниками общественных отношений и обладают общей гражданской правоспособность [6]. Однако отсутствие устойчивой политико-правовой связи с каким-либо государством существенно влияет на их правовое положение. В частности, апатриды не пользуются дипломатической защитой какого-либо государства, что в ряде случаев затрудняет реализацию имущественных и иных социально-экономических прав [12]. По этой причине их статус традиционно рассматривается в праве как требующий специального нормативного регулирования. В российском законодательстве ключевым актом в данной сфере выступает Федеральный закон «О правовом положении иностранных

граждан в Российской Федерации», положения которого в значительной мере распространяются и на лиц без гражданства. Следовательно, на них распространяются и ограничения, установленные земельным законодательством для иностранных лиц, включая запрет на приобретение отдельных категорий земельных участков.

Сложным представляется и статус бипатридов - лиц с двойным или множественным гражданством. Согласно Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации», наличие иностранного гражданства не освобождает бипатрида от обязанностей российского гражданина. Их правовое положение носит двойственный характер: они выступают полноправными российскими гражданами, однако сохраняют связь с другим государством. Это порождает коллизии и ставит вопрос о применимости ограничений, установленных для иностранцев.

Исходной нормативной основой выступает ст. 62

Конституции Российской Федерации: наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства. Данная норма имеет системообразующее значение, поскольку закрепляет приоритет российского гражданства в рамках внутреннего правопорядка и исключает автоматическое приравнивание бипатрида к иностранному гражданину в публично- и частноправовых отношениях.

В земельно-правовом регулировании данный конституционный принцип конкретизируется через разграничение субъектов земельных прав на основании формального гражданско-правового статуса. В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации, ограничения права собственности на земельные участки установлены для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц (ст. 15 ЗК РФ, ст. 3 ФЗ № 101 - ФЗ). При этом иностранные лица ограничены в приобретении права собственности на отдельные категории земель. Юридически значимым является то обстоятельство, что указанные ограничения не распространяются на граждан Российской Федерации независимо от наличия у них второго гражданства. В российской правовой конструкции бипатрид рассматривается исключительно как гражданин Российской Федерации, что прямо следует из принципа единства гражданства внутри страны. Следовательно, сам по себе факт наличия иностранного гражданства не трансформирует его правовой статус в земельных отношениях и не влечёт ограничений в осуществлении права частной собственности на земельные участки.

В последние годы в связи с обострением геополитической ситуации в российском законодательстве появился новый пласт ограничений, связанных с введением понятия «государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» [1]. (недружественные иностранные государства). Перечень таких государств утвержден распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 №430-р и последующими актами, определяющими перечень государств, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, её юридических и физических лиц. Эти ограничения активно применяются в финансовой сфере, в сфере корпоративного управления, в сделках с активами и ряде других областей [9]. Однако важно подчеркнуть, что ни Земельный кодекс Российской Федерации, ни специальные федеральные законы о земельном обороте не содержат прямого регулирования, устанавливающего ограничения для граждан Российской Федерации, обладающих вторым гражданством государства, включённого в перечень «недружественных». Другими словами, в действующей нормативной системе отсутствует прямая коллизионная норма, которая связывала бы наличие второго гражданства с ограничением вещных прав на земельные участки. Такая ситуация вызывает вопрос о допустимости и пределах дифференциации правового режима граждан Российской Федерации по признаку иностранного гражданства. С одной стороны, введение прямых ограничений в земельном праве для бипатридов вступало бы в противоречие с конституционным принципом равенства граждан и положениями ст. 62 Конституции Российской Федерации. Но, с другой стороны, игнорирование факта наличия у гражданина устойчивой правовой связи с иностранным государством, особенно в условиях обострения геополитических отношений, может порождать дополнительные риски для публичных интересов государства [11].

В контексте демократического правового государства, где человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации), разрешение вопроса о правовом статусе бипатридов как собственников земельных участков должно строиться на принципах пропорциональности и индивидуального подхода. В научной литературе предлагается принятие специального федерального закона «О правовом положении граждан Российской Федерации, обладающих гражданством иностранного государства», идея которого была обоснована ещё А. И. Мелиховым [10]. Согласно его позиции, закон должен установить не статусные, а функциональные ограничения:

разрешительный порядок приобретения и владения земельными участками в приграничных территориях, зонах с особым режимом и на крупных массивах земель сельскохозяйственного назначения, с обязательным судебным контролем и возможностью обжалования. Ограничения допустимы лишь при наличии конкретных обстоятельств (фактическое проживание за рубежом, наличие экономических связей с недружественным государством, нарушение обязанности уведомления о втором гражданстве), что полностью соответствует требованиям пропорциональности и, выработанным практикой Конституционного Суда Российской Федерации. Предполагается, что подобное регулирование обеспечивает баланс между частными интересами гражданина и публичными интересами государства в сфере национальной безопасности и территориальной целостности, не нарушая при этом фундаментальных принципов демократического правового государства. Однако принятие отдельного закона о правовом положении бипатридов может вызвать неоднозначные конституционно-правовые последствия. В этой связи, на наш взгляд более, предпочтительным представляется использование уже существующих правовых механизмов регулирования. Корректировка отдельных положений Земельного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», а также законодательства о государственной границе позволяет достичь необходимого баланса между публичными интересами и конституционными гарантиями, не создавая при этом отдельного правового режима для данной категории граждан.

Важным элементом регулирования земельных прав бипатридов должен стать критерий места их постоянного проживания [8]. Постоянное проживание на территории Российской Федерации выступает объективным показателем реальной социальной, экономической и правовой связи лица с государством, а следовательно - наиболее убедительным свидетельством его интеграции в российский правопорядок. Такой подход позволяет преодолеть формально-статусное регулирование и перейти к оценке фактического поведения и связей индивида. На наш взгляд, бипатрид, постоянно проживающий в России, уплачивающий налоги, участвующий в общественной жизни и несущий все обязанности гражданина, должен пользоваться презумпцией полноты конституционных прав, включая право частной собственности на землю по ст. 36 Конституции РФ. Напротив, систематическое проживание за пределами страны, особенно в государствах, создающих риски для национальной безопасности, может служить основанием для введения специального разрешительного порядка или временных ограничений в отношении стратегически значимых категорий земель. Данный критерий полностью соответствует требованиям Конституционного Суда РФ о необходимости соблюдения принципов соразмерности, необходимости и разумности ограничений прав и свобод [3]. При этом место жительства не должно становиться единственным и абсолютным критерием, а должно учитываться в системной связи с иными обстоятельствами. Внедрение критерия постоянного проживания позволило бы существенно снизить уровень правовой неопределённости, обеспечить более тонкий баланс между частными и публичными интересами и укрепить легитимность ограничений в глазах граждан.

Особую проблему в реализации ограничений права собственности лиц без гражданства и иностранных граждан на земельные участки представляет применение принципа единства судьбы земельного участка и находящихся на нём объектов недвижимости [7]. Хотя данный принцип закреплён в качестве одного из основных начал земельного законодательства (ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации), на практике он часто вступает в противоречие с нормой статьи 271 Гражданского кодекса Российской Федерации. В итоге, складывается достаточно простая, но эффективная схема обхода законодательных запретов. Иностранный гражданин или апатрид, не имея права приобретать в собственность земельный участок на приграничной территории или землю сельскохозяйственного назначения, может возвести на таком участке объект недвижимости (например, индивидуальный жилой дом). В дальнейшем, опираясь на право собственности на строение, он приобретает право пользования земельным участком в объёме, необходимом для эксплуатации этого объекта. Таким образом, через строительство фактически происходит легализация контроля над «запрещённым» земельным участком.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 12 ноября 2019 г. № 2970-О указал, что при принудительном прекращении права собственности иностранного гражданина на земельный участок, расположенный на приграничной территории, допускается раздельное отчуждение самого земельного участка и расположенного на нем здания либо сооружения [4]. Данная позиция направлена на защиту имущественных прав собственника объекта недвижимости. Вместе с тем такое толкование фактически ослабляет действие установленных законодательством ограничений.

Как отмечает Т. В. Белова, подобный подход к применению принципа единства судьбы земельного участка и находящегося на нем объекта

недвижимости «способен нивелировать достижение цели, поставленной законодателем» при введении ограничений прав иностранных граждан и лиц без гражданства на отдельные категории земель [7]. В результате установленные законом ограничения могут утрачивать практическую эффективность, прежде всего применительно к земельным участкам, расположенным на приграничных территориях.

Сложившаяся ситуация требует дополнительного законодательного уточнения содержания принципа единства судьбы земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости. Его применение в публично-правовых целях позволило бы исключить ситуации, при которых иностранные граждане и лица без гражданства сохраняют фактический контроль над стратегически значимыми земельными участками через право собственности на расположенные на них объекты недвижимости. В противном случае существующие ограничения приобретают лишь формальный характер.

Список литературы:

[1] Российская Федерация. Президент (2024-2030; В. В. Путин). О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента РФ от 05.03.2022 N 95 (ред. от 01.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Российская Федерация. Конституционный суд РФ. По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 N 8-П // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47600/ (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Российская Федерация. Конституционный суд РФ. По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 N 14-П // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116027/ (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Российская Федерация. Конституционный суд РФ. По запросу Геленджикского городского суда Краснодарского края о проверке конституционности пункта 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 15 и пунктом 1 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, пунктами 1 и 2 статьи 238 и статьей 552 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2019 N 2970-О // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339280/ (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Анисимов, А. П. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки граждан и их объединений / А. П. Анисимов, А. И. Мелихов, А. Ю. Чикильдина // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2009. - №3. – С. 114 – 125.

[6] Безуглов, А. Д. К вопросу о конституционном статусе лиц, не являющихся гражданами российской федерации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2021. - №1. – С.100 – 105.

[7] Белова, Т. В. Пределы и ограничения права собственности иностранных граждан на земельные участки / Т. В. Белова // Имущественные отношения в РФ. - 2024. - №12 (279). – С. 75 – 87.

[8] Бобряшева, М.А. Бипатриды как участники земельных отношений в России / М. А. Бобряшева // Экономика и право. – 2010. - №5-6 (100 – 101). – С. 53 – 55.

[9] Ковров, В. Ф. Экономические санкции в отношении России: контрсанкции, последствия и перспективы / В. Ф. Ковров, З. Ф. Абрарова, О. Б. Маяцкая // Дискуссия. - 2023. - №4 (119). – С. 87 – 106.

[10] Мелихов, А. И. Право частной собственности на земельные участки: конституционно-правовой аспект: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. И. Мелихов; Волгогр. акад. МВД России. - Волгоград, 2007. — 29 с.

[11] Пронякина, С. Ю. Ограничения прав и свобод бипатридов: причины и следствия / С. Ю. Пронякина // Universum: экономика и юриспруденция. - 2021. - №5 (80). – С. 28 – 31.

[12] Трифонова, К. В. Безгражданство как конституционно-правовой статус / К. В. Трифонова, С. Н. Трифонов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. -2019. - №4. – С. 501 – 508.

References:

[1] Russian Federation. President (2024-2030; V.V. Putin). On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors: Decree of the

President of the Russian Federation of 05.03.2022 N 95 (as amended by 01.07.2025) //SPS Consultant Plus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/ (access date: 10.04.2026).

[2] Russian Federation. Constitutional Court of the Russian Federation. In the case of checking the constitutionality of the Land Code of the Russian Federation in connection with the request of the Murmansk Regional Duma: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.04.2004 N 8-P//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47600/ (access date: 10.04.2026).

[3] Russian Federation. Constitutional Court of the Russian Federation. In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 10 of Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and Article 20.1 of the Law of the Russian Federation "On the Police" in connection with complaints from citizens L.N. Kondratyeva and A.N. Mumolin: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.06.2011 N 14-P//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116027/ (access date: 10.04.2026).

[4] Russian Federation. Constitutional Court of the Russian Federation. At the request of the Gelendzhik City Court of the Krasnodar Territory to verify the constitutionality of paragraph 4 of Article 35 of the Land Code of the Russian Federation in conjunction with paragraph 3 of Article 15 and paragraph 1 of Article 35 of the Land Code of the Russian Federation, paragraphs 1 and 2 of Article 238 and Article 552 of the Civil Code of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.11.2019 N 2970-O//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339280/ (access date: 10.04.2026).

[5] Anisimov, A. P. Constitutional and legal regulation of the right of private property to land plots of citizens and their associations/A. P. Anisimov, A. I. Melikhov, A. Yu. Chikildin//Issues of state and municipal administration. - 2009. - №3. - S. 114-125.

[6] Bezuglov, A. D. On the constitutional status of persons who are not citizens of the Russian Federation//Rev. Sarat. University of New. ser. Ser. Economics. Management. Right. - 2021. - №1. - S.100 - 105.

[7] Belova, T.V. Limits and restrictions on the right of ownership of foreign citizens to land plots/ T.V. Belova//Property relations in the Russian Federation. - 2024. - №12 (279). - S. 75 - 87.

[8] Bobryasheva, M.A. Bipatridy as participants in land relations in Russia/M.A. Bobryasheva//Economics and Law. – 2010. - №5-6 (100 – 101). - S. 53-55.

[9] Kovrov, V.F. Economic sanctions against Russia: counter-sanctions, consequences and prospects/V.F. Kovrov, Z. F. Abrarova, O. B. Mayatskaya//Discussion. - 2023. - №4 (119). - S. 87-106.

[10] Melikhov, A. I. Private ownership of land plots: constitutional and legal aspect: specialty 12.00.02 "Constitutional law; constitutional litigation; municipal law": abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences/A. I. Melikhov; Volgogr. acad. Ministry of Internal Affairs of Russia. - Volgograd, 2007. - 29 s.

[11] Pronyakina, S. Yu. Restrictions on the rights and freedoms of bipatrides: causes and consequences/S. Yu. Pronyakina//Universum: economics and jurisprudence. - 2021. - №5 (80). - S. 28 - 31.

[12] Trifonova, K.V. Statelessness as a constitutional and legal status/K.V. Trifonova, S.N. Trifonov// Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. -2019. - №4. - S. 501-508.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-342-347
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

БАРЫШНИКОВ Марат Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва,
e-mail: marat210374@yandex.ru

ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В настоящей научной статье автор кратко рассматривает особенности частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений. Автор исследует общую характеристику правового регулирования гражданско-правовых отношений как таковых, далее рассматривает непосредственно частные и публичные интересы, приводит конкретные примеры. В заключении научной статьи автор отмечает актуальные правовые проблемы, направления для совершенствования законодательства и правоприменительной практики по данному вопросу. Объектом исследования являются частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений. Методы исследования: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретическим и практическим работникам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений в современном российском праве. Может выступать основой для дальнейших теоретических и практических разработок по теме.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, физкультура, спорт, частные интересы, публичные интересы, гражданско-правовые отношения, законодательство.*

BARYSHNIKOV Marat Yuryevich,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Civil and Business Law
of the All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia), Moscow

PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE CIVIL REGULATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS RELATIONS

Annotation. *In this scientific article, the author briefly examines the features of private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports relations. The author examines the general characteristics of the legal regulation of civil law relations as such, then considers directly private and public interests, and gives specific examples. In the conclusion of the scientific article, the author notes current legal problems, directions for improving legislation and law enforcement practice on this issue. The object of research is private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports relations. The aim of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports*

relations. Research methods: formal legal, comparative, comparative analysis, dialectical, generalization, concretization, systematization and system method, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the research consists in the preparation of a comprehensive study, the formation of author's conclusions on the features of private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports relations. This scientific article, therefore, will be useful for theoretical and practical workers studying and teaching staff in the humanities and other fields of study, as well as for a wider range of readers interested in the peculiarities of private and public interests in the civil regulation of physical culture and sports relations in modern Russian law. It can serve as a basis for further theoretical and practical developments on the topic.

Key words: *legal regulation, physical education, sports, private interests, public interests, civil law relations, legislation.*

Для современного российского государства сфера физической культуры и спорта выступает крайне актуальной. Здоровый образ жизни находится «в моде», широко распространен среди населения различных социальных слоев и возрастных категорий, является одной из ключевых целей национальной политики государства, что можно наблюдать, в частности, в положениях Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 24.11.2020 г. № 3081-р (далее – Стратегия).

С точки зрения правового регулирования физкультурно-спортивные отношения выступают межотраслевым объектом, поскольку параллельно регламентируются различными отраслями права. В настоящее время высокую востребованность приобретает и качественно новая, самостоятельная отрасль права, – спортивное право, предметом правового регулирования которой выступает узкая сфера правоотношений. В теории можно также встретить и более детальное подразделение спортивного права – например, на футбольное, баскетбольное право и т.д., однако говорить о реальном выделении подотраслей пока рано [8].

Одной из отраслей, активно участвующих в правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений, выступает гражданское право, гармонично сочетающее в своем составе совокупность частных и публичных начал.

С одной стороны, физкультурно-спортивные отношения необходимо рассматривать как правоотношения публично-правового характера. Физическая культура и спорт рассматриваются государством как основа устойчивого развития общества и качества жизни населения страны, источник международного авторитета России в данной области, укрепления международного сотрудничества. С другой же, остается актуальной и ключевой нацеленность на человека, конкретную личность, чьи физкультурно-спортивные навыки необходимо сформировать, развить, поддерживать на должном уровне или развивать, что предполагается нужным для сохранения здоровья, активного долголетия, обеспечения физического и духовного благополучия личности и населения страны в целом. Эти положения Стратегии также лежат в основе и гражданско-правового регулирования физкультурно-спортивных отношений [3; 5] (*схема 1*).

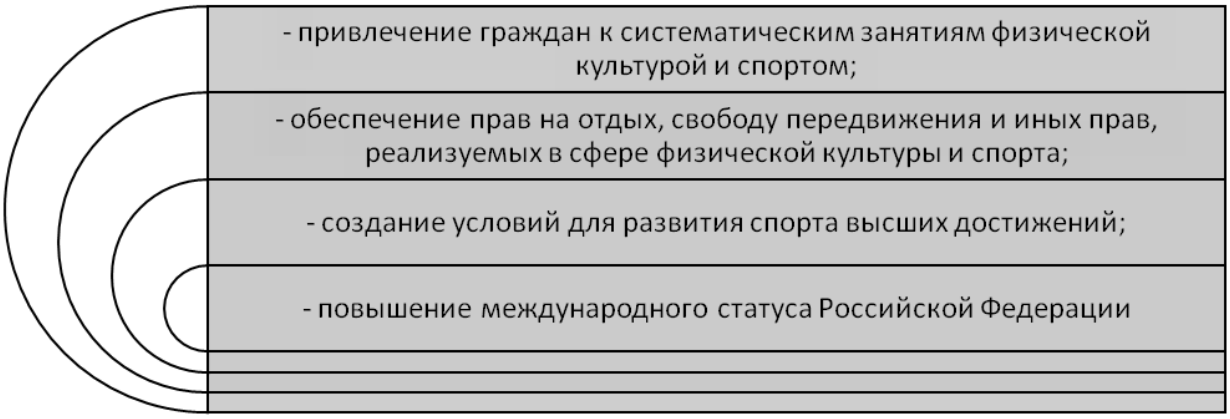

Схема 1. Категории публично-правовых отношений в области физкультуры и спорта – объекты правового регулирования, согласно Стратегии

Проанализируем, прежде всего, публично-правовой аспект. К примеру, главой 2 профильного ФЗ № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» определены особенности правового статуса физкультурно-спортивных организаций (ст. 1). В частности, установлено, что в качестве таковых могут выступать коммерческие или некоммерческие организации, создаваемые в различных организационно-правовых формах, обладают выраженным целевым назначением – это участие в развитии различных видов спорта, организации работы по развитию физкультуры и т.д. Кроме того, данным нормативно-правовым актом регламентируются следующие гражданско-правовые аспекты правоотношений:

– особенности правового статуса местных и региональных спортивных федераций, общероссийских спортивных федераций и других аналогичных субъектов;
– учредительные документы таких юридических лиц;
– особенности реорганизации таких юридических лиц;
– правовые особенности реализации агентских функций в данной области [3; 8];
– иное.

Рассматриваемый нормативно-правовой акт выступает ключевым в системе правового регулирования физкультурно-спортивных отношений в современной России.

Активно применяется в регламентации физкультурно-спортивных отношений Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), в особенности – часть 2 документа. Так, в публично-правовом аспекте распространено применение таких договоров как договор оказания услуг, подряда, агентский, купли-продажи, проката и ряд других. Многие из таких договоров одновременно выступают и частным, и публичным источником правового регулирования, поскольку, с одной стороны, представляют интересы публичного субъекта правоотношений (например, это федерация определенного вида спорта), с другой же, конкретного лица, которое, к примеру, членом такой федерации является. Тот же агентский договор крайне распространен в физкультурно-спортивных отношениях, является ярким примером сочетания частного и публичного в таких правоотношениях [5].

Среди подзаконных актов в качестве примеров источников правового регулирования публичных начал в физкультурно-спортивных отношениях можно привести, в частности, Распоряжение Правительства РФ от 18.03.2026 г. № 528-р, которым утверждается стратегическое направление в области цифровой трансформации физической культуры и спорта на период до 2030 г. В контексте именно гражданско-правового регулирования предполагается, что в обозримом будущем и публичные, и частные отношения максимально возможно перейдут в электронный формат, в России продолжат свое развитие цифровые платформы (в т.ч. государственного характера), через которые в значительной степени будут реализованы физкультурно-спортивных отношения.

Таким образом, в первую очередь, публичными интересами в физкультурно-спортивных отношениях выступает государство как публично-правовой субъект. Также в подобном роде следует рассматривать субъекты РФ, муниципальные образования, публично-правовые образования (например, публичные юридические лица) в области физической культуры и спорта, которые одновременно и являются непосредственно публично-правовыми субъектами, и принимают участие в гражданско-правовых отношениях. Всегда гражданско-правовые отношения в рассматриваемой области направлены на развитие государства как субъекта публичного права, защиту его законных интересов [4; 9].

Если же речь идет именно о частных интересах в области гражданско-правового регулирования физкультурно-спортивных отношений, то здесь, главным образом, субъектом правоотношений выступает конкретная личность, физическое лицо. Например, это спортсмен, играющий за какой-либо спортивный клуб, его правоотношения с которым регламентированы через заключение гражданско-правового (или трудового) договора. Через заключение публичной оферты регулируется, к примеру, приобретение электронных билетов на спортивные мероприятия через официальные сайты спортивных клубов или ресурсы билетных операторов. Прокат спортивного инвентаря в спортивных клубах и на различных спортивных объектах, абонементы в тренажерных залах и другое – довольно широкий перечень правоотношений частного характера регламентирован именно нормами гражданского права. Причем речь здесь идет не только лишь о положениях договорного или обязательственного права – так, к примеру, правовые особенности использования результатов интеллектуальной деятельности (например, музыкальных произведений во время выступлений спортсменов на различных соревнованиях) регламентированы нормами 4 части ГК РФ, посвященной регулированию права интеллектуальной собственности. Можно привести и ряд других аналогичных примеров [9].

Таким образом, частные начала в правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений представлены следующими группами правоотношений:

– правовой статус частного субъекта правоотношений – главным образом, спортсмена;
– права и обязанности, особенности участия такого лица в договорных отношениях физкультурно-спортивного характера;
– авторское право, где автором в т.ч. может выступать и сам спортсмен – к примеру, если речь идет о программе его выступления на каких-либо соревнованиях;
– иное.

Проанализируем частно-правовые начала на примере договора на оказание платных услуг по спортивной подготовке (далее – договор). Прежде всего, отметим, что стороной в таком договоре выступает потребитель, а это значит, что на рассматриваемые правоотношения в полной мере распространяются нормы законодательства о защите прав потребителей. Таким образом, предметом договора является оказание услуг по спортивной подготовке в соответствии с утвержденной программой.

Среди условий договора выделим следующие подразделы:
– права и обязанности сторон;
– стоимость услуг и порядок осуществления расчетов (существенные условия);
– срок действия договора, возможность пролонгации (также существенные условия);
– ответственность сторон, разрешение споров;
– дополнительные и особые условия;
– адреса и реквизиты сторон, подписи.

Отметим, что в рассматриваемом примере значимым источником правового регулирования выступает локальная документация юридического лица, отсылки к положениям которой можно обнаружить в договоре – например, устав или положение.

В конечном итоге, как видно из представленного анализа, в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений можно отметить два ключевых момента. Во-первых, в публичных началах в центре внимания (что логично) оказывается публичный субъект, представленный либо государством, либо субъектом РФ или муниципальным образованием, либо публичным юридическим лицом (публично-правовым субъектом). Несмотря на публичный характер, спектр гражданских правоотношений, в которых принимают участие такие лица, довольно широк – в большинстве случаев их регулирование осуществляется нормами ГК РФ. В свою очередь, частные начала подразумевают в субъектном составе конкретное частное лицо, которым чаще всего в данных правоотношениях выступает спортсмен либо иное лицо, занимающееся физкультурой или спортом. Здесь необходимо говорить о наибольшей актуальности норм договорного и обязательственного права, о договорном регулировании.

Во-вторых, как уже упоминалось выше, в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений можно наблюдать гармоничное сочетание частных и публичных начал, поскольку сама сущность правоотношений рассматриваемой категории предполагает их частно-публичный характер. Данный тезис подтверждается приведенными выше положениями Стратегии, в которых отмечается, что современное российское государство сегодня в одинаковой степени заинтересовано и в развитии государства в целом, и в развитии каждого его гражданина в частности. Иными словами, национальная политика в области регулирования физкультурно-спортивных отношений носит системный и комплексный характер, обладает частно-правовым свойством [6].

Практическим примером сочетания частного и публичного в физкультурно-спортивных отношениях может быть спортивная квалификация спортсмена. С одной стороны, данный статус регламентирован общими публично-правовыми источниками, т.е., требования, предъявляемые для спортсменов, желающих получить ту или иную квалификацию, являются общими для всех, не предполагают исключений. С другой стороны, присвоение спортивной квалификации персонализировано и несет в т.ч. имущественную составляющую, т.к. предполагает либо приобретение каких-либо льгот или финансово-экономических, иных привилегий, либо непосредственно выплату денежного вознаграждения. Таким образом, правовой статус правоотношений данной области одновременно регламентированы нормами и публичного, и частного права.

В таблице 1 перечислены иные примеры частных и публичных начал в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений (*таблица 1*).

Таблица 1. Иные примеры частных и публичных начал в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений

Частные начала	Источник правового регулирования	Публичные начала	Источник правового регулирования
правовой статус некоммерческих физкультурно-спортивных организаций	ФЗ «О некоммерческих организациях»	различные формы сотрудничества государств как публично-правовых субъектов, в т.ч. имущественного	Соглашение между Правительством РФ и Правительством Азербайджанской республики о сотрудничестве в области спорта Меморандум о сотрудничестве в области спорта БРИКС, Совместное заявление Министров спорта стран БРИКС
Частно-правовые начала и источники правового регулирования:			
государственная наградная система (имущественный аспект): Указы Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы РФ», «О некоторых мерах по совершенствованию государственной наградной системы РФ»			
Положение о постоянно действующем арбитражном учреждении «Национальный центр Спортивного арбитража» при АНО «Спортивная арбитражная палата»			
Трехстороннее отраслевое соглашение по организациям сферы физической культуры и спорта РФ на 2024-2026 гг. (утв. Минспортом России)			
иное			

Важно, что только сочетание частного и публичного позволяет осуществлять правовое регулирование физкультурно-спортивных отношений в должной степени эффективности, необходимо рассматривать в равной степени значимости и государство, и конкретного спортсмена.

Кратко отметим ключевые выводы по результатам представленного исследования по теме.

Предметом изучения в научной статье стали частные и публичные интересы в гражданско-правовом регулировании физкультурно-спортивных отношений.

Так, автор кратко анализирует примеры частных и публичных начал, актуальных для современного российского права, в т.ч. в контексте формирования качественно новой отрасли российского права – спортивного права.

Автором отмечается: публичные интересы в данной области выражены через присутствие государства в правоотношениях как публично-правового субъекта в той или иной форме – очевидно, что сегодня развитие физкультуры и спорта рассматриваются законодателем как одна из значимых целей национальной политики. В т.ч. это касается и развития международного сотрудничества.

Если же речь идет именно о частных началах, то здесь центральным субъектом правоотношений выступает конкретное физическое лицо, частный субъект – чаще всего это спортсмен или лицо, занимающееся физкультурой или спортом. Широко распространено правовое регулирование через договорные отношения.

Отдельно автор акцентирует внимание на том, что регламентация правоотношений данной категории сочетает в себе частные и публичные начала, является системной и комплексной областью. Это можно наблюдать и по приведенным в научной статье примерам источников правового регулирования [7].

Схематически в работе приведены примеры, источники частных, публичных и частно-правовых начал.

В настоящий момент необходим поиск оптимального баланса публичных и частных начал в регулировании физкультурно-спортивных отношений. Роль государства, безусловно, должна оставаться весомой, но от функции надзора она должна смещаться в сторону расширения обяза-

тельств по реализации социальной функции. Именно в этом направлении видится необходимость усиления публичных начал на современном этапе. В этой связи возрастает значение качественного нормативного регулирования и разумных контрольных механизмов.

Полагаем, в дальнейшем совершенствование правового регулирования физкультурно-спортивных отношений продолжится, равно как и развитие спортивного права как такового. Не исключаем также возникновение новых отраслей и подотраслей права, связанных с областью физической культуры и спорта (футбольное право, баскетбольное право и т.д.).

Список литературы:

[1] Алексеев С.В. Правовые основы профессиональной деятельности в спорте: учебник для вузов [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://lkuor.ru/wp-content/uploads/2020/03/правовые-основы-профессиональной-деятельности-в-спорте.pdf

[2] Ахапкин, С. К. Правовая природа и источники спортивного права в Российской Федерации / С. К. Ахапкин. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 4 (451). С. 216-219.

[3] Гасанов Т.Н. Соотношение публичных и частных интересов при правовом регулировании спортивных отношений [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://istina.msu.ru/conferences/presentations/813952241/

[4] Зазулина Е.В., Махмудов М.М. Спортивное право как комплексная отрасль права: концептуально-правовые вопросы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7. С. 101-106.

[5] Ибрагимов И.Р. Физическая культура и спорт как объект гражданско-правового регулирования в РФ // Журнал «Научное обозрение». 2020. № 13.

[6] Коваленко Е.Ю., Тыдыкова Н.В. Соотношение частного и публичного начал в регулировании физкультурно-спортивных отношений // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 11. С. 15-22.

[7] Людвиг С.Д. Особенности нормативного регулирования общественных отношений в области спорта [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/p60_1.pdf

[8] Михайлова Е.В. К проблеме защиты интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований как субъектов гражданско-правовых отношений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 2. С. 2-6.

[9] Неволина Л.А. Спортивное право: опыт и проблемы законотворчества и правоприменения в отношении молодых спортсменов [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/123146/1/978-5-7996-3688-3_2023_112.pdf

[10] Спортивное право : учебное пособие / Н.В. Антонова, М.Г. Астаева, Д.А. Басангов [и др.] ; редкол. Н.В. Антонова, Т.Е. Мельник, И.А. Шулятьев. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2025. – 232 с.

References:

[1] Alekseev S.V. Legal basis of professional activity in sports: textbook for universities [Electronic resource] Access mode: URL: https://lkuor.ru/wp-content/uploads/2020/03/правовые-основы-профессиональной-деятельности-в-спорте.pdf

[2] Akhapkin, S.K. Legal nature and sources of sports law in the Russian Federation/S.K. Akhapkin. Text: immediate//Young scientist. 2023. № 4 (451). S. 216-219.

[3] Hasanov T.N. The ratio of public and private interests in the legal regulation of sports relations [Electronic resource] Access mode: URL: https://istina.msu.ru/conferences/presentations/813952241/

[4] Zazulina E.V., Makhmudov M.M. Sports law as a complex branch of law: conceptual and legal issues//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 7. S. 101-106.

[5] Ibragimov I.R. Physical culture and sports as an object of civil law regulation in the Russian Federation//Journal “Scientific Review.” 2020. № 13.

[6] Kovalenko E.Yu., Tydykova N.V. The ratio of private and public principles in the regulation of physical culture and sports relations//Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. № 11. S. 15-22.

[7] Ludwig S.D. Features of the regulation of public relations in the field of sports [Electronic resource] Access mode: URL: https://vestnik-rosnou.ru/sites/default/files/p60_1.pdf

[8] E.V. Mikhailova. On the problem of protecting the interests of the Russian Federation, the constituent entities of the Russian Federation and municipalities as subjects of civil law relations// Municipal service: legal issues. 2025. № 2. S. 2-6.

[9] Nevolina L.A. Sports law: experience and problems of lawmaking and law enforcement against young athletes [Electronic resource] Access mode: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/123146/1/978-5-7996-3688-3_2023_112.pdf

[10] Sports law: textbook/N.V. Antonova, M.G. Astaeva, D.A. Basangov [et al.]; redcol. N.V. Antonova, I.E. Melnik, I.A. Shulyatiev. - Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2025. - 232 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-348-354
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: e.s.kulikova@mail.ru

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

БАТРАКОВА Светлана Игоревна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: s-batrakowa@mail.ru

ЛАРИН Михаил Вячеславович,
преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lar.mic@yandex.ru

МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРАЛЬСКОЙ ПАЛАТЫ НЕДВИЖИМОСТИ

Аннотация. *Свердловской области Уральская палата недвижимости (УПН) на протяжении более 15 лет обеспечивает защиту интересов профессиональных участников рынка недвижимости, добровольно принявших на себя дополнительную ответственность за соблюдение высоких морально-этических принципов ведения бизнеса. Профессиональное объединение принимает активное участие в формировании цивилизованного рынка недвижимости на основе действующего законодательства путем внедрения и постоянного совершенствования системы профессиональных стандартов для его участников. Для достижения миссии УПН необходимо совершенствовать свою деятельность во всех направлениях. В современных условия саморегулируемые организации должны быть мобильны относительно изменяющихся условий внешней среды: динамики рынка, поведения его участников, изменения законодательства и др. Цель статьи – на основе анализа деятельности УПН предложить рекомендации по повышению эффективности ее деятельности.*

Ключевые слова: *Уральская палата недвижимости, рынок, Свердловская область, риэлторская деятельность, городская агломерация.*

KRUZHKOVA Tatiana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

RUSHCHITSKAIA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasiia Viktorovna,
Senior lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

BATRAKOVA Svetlana Igorevna,
Senior lecturer of the Department of Foreign Language
s of the Ural State Agrarian University

LARIN Mikhail Vyacheslavovich,
Lecturer of the Department
of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

MEASURES TO IMPROVE THE ACTIVITIES OF THE URAL CHAMBER OF REAL ESTATE

Annotation. *For more than 15 years, the Ural Chamber of Real Estate (UPN) in the Sverdlovsk Region has been protecting the interests of professional real estate market participants who voluntarily assumed additional responsibility for observing high moral and ethical principles of doing business. The professional association takes an active part in the formation of a civilized real estate market based on current legislation through the introduction and continuous improvement of a system of professional standards for its participants. To achieve the mission of UPN, it is necessary to improve its activities in all directions. In modern conditions, self-regulatory organizations should be mobile in relation to changing environmental conditions: market dynamics, behavior of its participants, changes in legislation, etc. The purpose of the article is to propose recommendations based on the analysis of the activities of the UPN to improve the effectiveness of its activities.*

Key words: *Ural Chamber of Real Estate, market, Sverdlovsk region, real estate activity, urban agglomeration.*

Рынок жилья - это динамично развивающаяся система. В ходе развития она подвержена влиянию рисков, имеющих различную природу возникновения. В процессе адаптации и развития рынка жилья огромную роль играет УПН. Однако, выполняя свои функции, палата не на полную мощность реализует свой потенциал. Следовательно, УПН не реализует возможные конкурентные преимущества. В связи с этим авторами в данной статье предложен ряд мероприятий, которые необходимо осуществить для повышения эффективности деятельности УПН в сфере развития рынка жилья Свердловской области.

Таблица 1. Проектируемые мероприятия

Наименование мероприятия	Краткое содержание мероприятия
1. Сформировать имидж УПН как влиятельной региональной ассоциации	- расширение рекламной кампании и усиление взаимосвязей со СМИ -лоббирование интересов членов УПН в отношениях с другими участниками рынка
2. Усовершенствовать систему членских взносов и предоставления платных услуг	- установить размер вступительных взносов с учетом среднего уровня дохода компаний - оптимизировать уровень цен на услуги
3. Организовать системное взаимодействие с органами власти	- проведение общих мероприятий по выявлению зон взаимовыгодного сотрудничества с участием депутатов, представителей политических партий, объединений
4. Внедрить новую методику анализа рынка	- выбор приоритетных направлений анализа рынка - определение возможных методов проведения анализа
5. Ввести новую обучающую программу	- разработка и тестирование новых обучающих курсов
6. Открыть представительства и филиалы в городах области	- открытие представительств в городах-спутниках Екатеринбурга - открытие филиалов в крупных городах Свердловской области, географически расположенных в разных направлениях

Для реализации своей миссии и достижения поставленных целей УПН, в первую очередь, следует проводить активную политику, направленную на привлечение новых членов. Для этого необходимо обеспечить устойчивое стремление участников рынка недвижимости стать членом УПН. Приоритетными задачами в данном направлении должны стать:

– формирование имиджа НП УПН как влиятельной региональной ассоциации, объединяющей большую часть риэлторских организаций, подтвердивших свой профессионализм;
– создание среды внешней поддержки, состоящей из профессиональных и институциональных участников рынка и СМИ;
– повышение имиджа профессии «риэлтор» и повышение имиджа риэлтора как члена УПН;
– достижение новых договоренностей с другими участниками рынка по предоставлению льгот и преференций членам УПН.

Одна из стратегических целей Ассоциации – это обеспечение экономической стабильности. Данная цель должна достигаться, прежде всего, с учетом финансовых интересов членов НП УПН. Для реализации вышеизложенного, необходимо:

– усовершенствовать, либо разработать новую, и внедрить систему размеров ежегодных членских взносов с привязкой к величине среднего уровня доходов населения в регионе;
– рассчитать эффективность предоставления платных услуг на основе определения средней доходности агентств недвижимости и оптимизации уровня цен на услуги;
– формирование механизма конструктивного взаимодействия с дочерними структурами, предполагающего создание базы для эффективной деятельности НП УПН, а также обеспечение условий для оказания этими структурами качественных услуг членам НП УПН;
– укрепить финансово–хозяйственный механизм в подразделениях НП УПН на основе их финансовой самостоятельности и распределения зон ответственности.

В результате анализа деятельности УПН на рынке жилья Свердловской области было выявлено недостаточное взаимодействие Ассоциации

с органами власти, в частности по вопросам правового обеспечения риэлторской деятельности и взаимовыгодного сотрудничества в области формирования единого информационного пространства. В целях повышения результативности сотрудничества с органами власти необходимо:

– организовать системное взаимодействие с органами власти не только на уровне субъекта Российской Федерации, но и на муниципальном уровне (непосредственное сотрудничество с депутатами, представителями политических партий, движений и объединений, имеющих влияние на законодательный процесс);
– сформулировать единые цели и выгоды от создания и пользования общей информационной базой.

В результате анализа рынка жилья и рассмотрения методик его проведения выявлено, что существенным содержательным недостатком является разработка методик без учета специфики развития городов и регионов определенного типа.

С учетом выявленных слабых сторон предлагается следующий концептуальный подход к формированию комплексной методики анализа городского рынка жилья (*Рис. 1*). Предполагается, что предлагаемая методика с точки зрения целей анализа ориентирована на выявление современных тенденций и прогнозирование развития рынка жилья разных типов городов, а также принятие решений в сфере государственной (муниципальной) политики развития жилищного рынка. Полученные исследовательские результаты также могут быть использованы в сфере девелопмента, на стадии выбора сфер инвестирования. С точки зрения степени охвата рыночных процессов данная методика предназначена для проведения комплексного анализа рынка недвижимости определенного пространственного уровня.

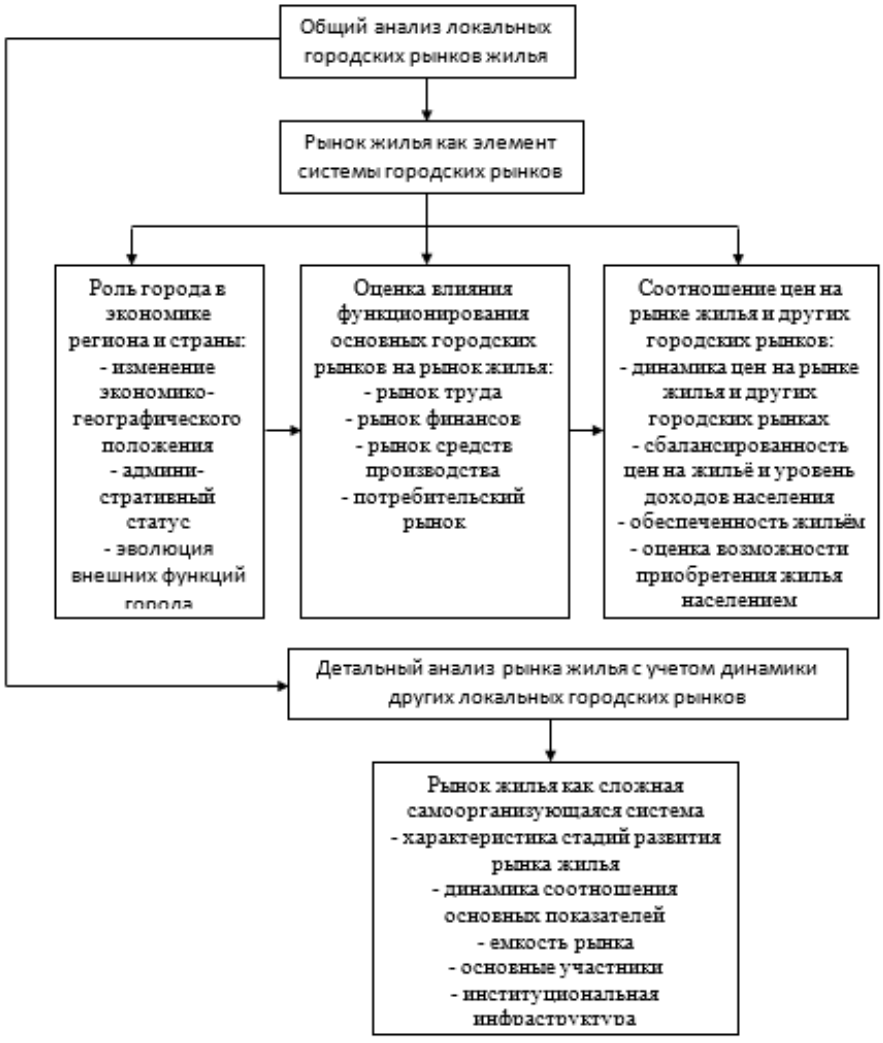

Рисунок 1. Концептуальный подход к анализу формирования комплексной методики анализа городского рынка жилья

Внедрение новой методики анализа связано с определенными затратами. Поскольку существующая методика основывается только на анализе первичного и вторичного рынка жилья Екатеринбурга, то для введения новой методики необходимо переобучить специалистов, что, безусловно, требует времени. Работа в рамках новой методики предполагает способность специалиста ориентироваться в различных показателях не только рынка жилья, но и других локальных рынков. Например, уметь устанавливать взаимосвязь между численностью населения, площадью территории, уровнем дохода, уровнем жизни, ценами на продовольственные и непродовольственные товары и уровнем цен на жильё. В итоге, чтобы переобучить сотрудников и получить практические результаты, потребуется минимум 80 дней *(Таблица 2*).

Таблица 2. План переобучения специалистов, анализирующих рынок

Мероприятие	Срок, дн.
Теоретическое обучение основам проведения комплексной методики анализа жилья	21
Практическое освоение теоретического материала	45 (длительность выбрана с учетом циклов проявляющихся тенденций на разных локальных рынках)
Анализ эффективности применения полученных знаний (в том числе сопоставление реальных и прогнозируемых показателей)	14

В ходе анализа функций УПН стало понятно, что обучение – это одна из сильнейших сторон палаты. Партнерство имеет мощнейший учебный центр, специалисты которого выезжают в города области и за её пределы для проведения обучающих курсов. Также, исходя из вышепроведенного сравнительного анализа деятельности УПН с другими региональными ассоциациями, важно отметить, что Уральская палата недвижимости предлагает широкий спектр обучающих курсов: курсы для агентов и брокеров, курсы повышения квалификации разных уровней, международное обучение, курсы для ипотечных консультантов, мастер-классы с известными специалистами, различные семинары и тренинги. Становится очевидным, что обучающие услуги УПН востребованы, поэтому дальнейшее развитие данного направления деятельности определенно имеет место быть.

Для усиления конкурентного преимущества предлагается внедрить систему дистанционного обучения по направлению «Основы риэлторской деятельности для начинающих». Введение данной системы основано на использовании интернет-технологий, в частности, онлайн-трансляций с интерактивным участием всех сторон. Данная программа ориентирована на желающих пройти обучение, которые живут и работают в отдаленных от Уральской столицы городах.

Таблица 3. Характеристика обучающего курса «Основы риэлторской деятельности для начинающих»

Характеристики программы	Содержание характеристик
Форма обучения	Дневная, с 09:00 до 18:00. Перерыв: с 12:00 до 13:00
Продолжительность	7 дней; суббота, воскресенье – выходные
Стоимость, руб.	8 500 (НДС не облагается)

Система скидок	для членов УПН, с полным тарифом – 4 500 руб. для членов УПН, с базовым тарифом – 5 400 руб. для кандидатов в члены УПН – 6 300 руб. Скидки по членству предоставляются при наличии копии удостоверения агентства, высланной по факсу или почтой
Оплата	Производится минимум за 2 дня до начала обучения путем переведения денежных средств на банковский счет
Содержание курса	- право на рынке недвижимости - практика риэлторской деятельности - эффективное взаимодействие с клиентом - финансовые вопросы рынка недвижимости - договорные отношения в сфере недвижимости - информационное обеспечение работы риэлторских фирм.
Окончание курса	По окончанию курса проводится экзамен по адресу г. Екатеринбург, ул. Бебеля, 124. По его результатам слушателям выдается квалификационный аттестат, который: - подтверждает квалификацию риэлтора; - необходим для получения агентством сертификата соответствия

Внедрение новой обучающей программы требует определенных затрат, представленных в *таблице 4*.

Таблица 4. Затраты на внедрение обучающей программы «Основы риэлторской деятельности для начинающих»

Вид затрат	Количественное выражение
Временные	1 месяц - на разработку, 1 месяц – на апробацию и внедрение
Стоимостные: 1.заработная плата IT-специалиста (увеличение премиальной части); 2.дополнительное техническое оснащение аудитории (проектор, микрофон) 3.адаптация содержания существующей обучающей программы к новому формату и проведение обучения (ежемесячная доплата специалисту по обучению) 4.прочие (электричество, канцелярские принадлежности, сотовая связь) Итого:	 4 000 рублей 20 000 рублей 5 000 рублей 3 000 рублей 32 000 рублей

Для успешного внедрения дистанционного обучения IT-специалисту необходимо разработать пошаговую инструкцию по использованию техническими средствами в процессе интерактивного онлайн обучения. После этого уже специалисты учебного центра должны в полном объеме довести данную информацию до потребителей услуг и получить обратную связь о понятности изложенной информации.

Таким образом, в рамках развития Екатеринбургской агломерации определенно важно формирование единого жилищного рынка. УПН, в свою очередь, может стать в данном процессе основным участником путем развития сети филиалов и представительств и подготовки кадров.

Список литературы:

[1] Лейфер Л.А. Методы анализа состояния рынка недвижимости: индикаторы рынка и характеристики ликвидности объектов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 6(261). – С. 20-36.

[2] Малкина М.Ю., Щулепникова Е.А. Анализ состояния и тенденций рынка жилой недвижимости в РФ // Экономический анализ: теория и практика. 2022. № 20 (275). С. 2-3.

[3] Мозговая К.Д. Статистический анализ и прогнозирование развития рынка жилой недвижимости в России // Парадигма. – 2025. – № 6-3. – С. 68-72.

[4] О добровольной сертификации услуг на рынке недвижимости // Есть вариант. 2023. №14. 248 с.

[5] Победин А.А. Проблемы развития екатеринбургской городской агломерации // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. №2(3). С. 1-4

[6] Тарасевич Е.И. Анализ инвестиций в недвижимость // Рынок жилья и недвижимость. - 2020. - № 12. – С.26 – 31.

[7] Тарасевич Е.И. Современные принципы анализа рынка недвижимости // Вопросы оценки. 2021. № 3. С.22-35.

[8] Недвижимость в интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.bn.ru/uploads/2009_11/12577573251364906724 (дата обращения: 01.03.2026).

[9] Основные факторы, влияющие на стоимость жилой и нежилой недвижимости [Электронный ресурс]. URL: http://www.kb-yarmarka.ru/?page=cat&id=100256 (дата обращения: 01.03.2026).

[10] Официальный сайт Уральской палаты недвижимости. Полезная информация для клиентов агентств недвижимости [Электронный ресурс]. URL: http://upn.ru/for_clients.htm?leftmenu=1 (дата обращения: 01.03.2026).

References:

[1] Leifer L.A. Methods of analyzing the state of the real estate market: market indicators and liquidity characteristics of objects//Property relations in the Russian Federation. – 2023. – № 6(261). - S. 20-36.

[2] Malkina M.Yu., Shchulepnikova E.A. Analysis of the state and trends of the residential real estate market in the Russian Federation//Economic analysis: theory and practice. 2022. № 20 (275). S. 2-3.

[3] Brain K.D. Statistical analysis and forecasting of the development of the residential real estate market in Russia//Paradigm. – 2025. – № 6-3. - S. 68-72.

[4] On voluntary certification of services in the real estate market//There is an option. 2023. №14. 248 pp.

[5] Pobedin A.A. Problems of the development of the Yekaterinburg urban agglomeration//Municipality: economy and management. 2022. №2(3). S. 1-4

[6] Tarasevich E.I. Analysis of real estate investments//Housing and real estate market. - 2020. - № 12. - S.26 - 31.

[7] Tarasevich E.I. Modern principles of real estate market analysis//Valuation issues. 2021. № 3. S.22-35.

[8] Real estate on the Internet [Electronic resource]. URL: http://www.bn.ru/uploads/2009_11/12577573251364906724 (access date: 01.03.2026).

[9] The main factors affecting the value of residential and non-residential real estate [Electronic resource]. URL: http://www.kb-yarmarka.ru/?page=-cat&id=100256 (access date: 01.03.2026).

[10] Official website of the Ural Chamber of Real Estate. Useful information for clients of real estate agencies [Electronic resource]. URL: http://upn.ru/for_clients.htm?leftmenu=1 (access date: 01.03.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-355-358
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,
зав. кафедрой, к.э.н., доцент
«Уголовное право, процесс и национальная безопасность
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
e-mail: k-a-2011@mail.ru

ХАДЖИЕВ У.К.,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной
технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: einstein_95@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация. *Личность правонарушителя рассматривается как результат сложного взаимодействия факторов наследственности и воспитания. Современные эмпирические исследования подтверждают, что игнорирование любого из перечисленных аспектов приводит к односторонним выводам.*

Выделение психопатологических черт без учёта условий жизни не обеспечивает адекватного представления о мотивационных основаниях преступного поведения.

Ключевые слова*: личность правонарушителя, наследственность, воспитание, эмпирические исследования, биосоциальный подход.*

AYSKHANOVA Ekaterina Sultanovna,
Head of Department, PhD in Economics,
Associate Professor, "Criminal Law, Procedure,
and National Security," Chechen State University
named after A.A. Kadyrov

KHADZHIEV U.K.,
Senior Lecturer, Customs Department Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher Education,
Grozny State Oil Technological University
named after M.D. Millionshchikov

THE MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY IN RUSSIAN SCIENCE

Annotation. *The personality of an offender is considered as a result of a complex interaction of hereditary and upbringing factors. Modern empirical studies confirm that ignoring any of these aspects leads to one-sided conclusions.*

The identification of psychopathological traits without taking into account living conditions does not provide an adequate understanding of the motivational basis for criminal behavior.

Key words: *personality of an offender, heredity, upbringing, empirical studies, biosocial approach.*

Личность рассматривается как активный субъект, поведение которого определяется сложным взаимодействием внутренних потребностей и внешних социальных требований.

Процесс формирования личности правонарушителя всегда индивидуален и неповторим. У одного индивида ведущую роль в совершении преступления могут сыграть патологические

черты характера, у другого — крайне неблагоприятная жизненная ситуация. Задача криминологии состоит в том, чтобы выявить типичные сочетания этих факторов для различных категорий преступников. Это позволяет создавать более эффективные модели предупредительного воздействия [2].

Развитие отечественной криминологической мысли в изучении личности правонарушителя прошло длительный и сложный путь, отражающий изменения политических условий и научных подходов. На дореволюционном этапе исследователи опирались преимущественно на классическую школу уголовного права и идеи раннего позитивизма. В центре внимания находился волевой характер поступка, однако уже тогда предпринимались попытки учитывать влияние социальных факторов. Учёные стремились соединить юридическую строгость с данными о личности нарушителя.

После 1917 года начался советский этап, ознаменованный кардинальной перестройкой методологии. В 1920-е годы активно развивались исследования преступности и личности правонарушителя, применялись комплексные методы анализа. Значительный вклад внесли учёные, в том числе М.Н. Гернет, уделявшие внимание биосоциальной природе преступного поведения. Однако к середине 1930-х годов эти исследования были свернуты по идеологическим причинам, а сама криминология на время утратила статус самостоятельной науки [3].

Возобновление интереса к изучению личности преступника произошло в конце 1950-х — начале 1960-х годов. В этот период были сформулированы ключевые теоретические положения, определившие дальнейшее развитие дисциплины. Правонарушитель стал рассматриваться как результат воздействия определённых общественных отношений, а не просто носитель негативных качеств. Тогда же были заложены основы системного анализа деформаций сознания, связанных с преступным поведением [5].

В 1970–1980-е годы отечественная криминология достигла значительного развития в рамках марксистско-ленинской методологии. В трудах В.Н. Кудрявцева и других исследователей была подробно описана структура личности преступника, включающая социально-демографические, психологические и правовые характеристики. Основной акцент делался на социальной обусловленности преступности, тогда как биологические факторы рассматривались как второстепенные. Предполагалось, что устранение социальных противоречий приведёт к исчезновению преступности [5].

В отечественной научной традиции выделяются несколько ключевых направлений изучения генезиса преступного поведения.

Одно из направлений основано на обработке социально-демографических показателей с целью формирования статистического портрета типичного правонарушителя.

Другое направление связано с выявлением психологических деформаций, таких как повышенная агрессивность, социальная отчуждённость и дефицит эмпатии; эти параметры рассматриваются как важные переменные при проектировании программ ресоциализации и индивидуальной профилактики [6].

Рассмотрение исторической эволюции научных подходов позволяет проследить переход от формально-юридических конструкций к комплексным междисциплинарным моделям.

Каждый этап развития данной области знания внес вклад в формирование понятийного аппарата, которым сегодня пользуются юристы и социологи. В результате складывается целостное представление, учитывающее взаимосвязь социально-демографических и психологических факторов.

Системное осмысление эволюции теоретических подходов необходимо для разработки более эффективных мер профилактики и программ ресоциализации. Это позволяет опираться как на качественные, так и на количественные данные, а также уточнять диагностические критерии, применяемые в криминологической практике.

Представленные данные отражают постепенный переход научного интереса от преимущественно биологических объяснений к комплексному социально-психологическому анализу. Каждый этап характеризуется собственными методами и исследовательскими установками, что связано как с уровнем развития науки, так и с общественными запросами своего времени. При этом современные подходы не отвергают прежние наработки, а объединяют их, формируя более полное представление о личности правонарушителя.

Анализ выявленных закономерностей показывает, что развитие отечественного учения о личности преступника происходило в тесной связи с изменениями уголовной политики. Переход к интегративному подходу позволяет рассматривать человека во всей сложности его природы, не ограничиваясь только социальными или биологическими объяснениями. Это, в свою очередь, формирует базу для дальнейшего развития профилактических мер и совершенствования механизмов государственного регулирования [2].

В последние годы заметно возрос интерес к изучению мотивационной сферы личности. В условиях цифровизации трансформируется не только сама преступная деятельность, но и психологический портрет правонарушителя. Появляются новые категории субъектов, чьё поведение обусловлено стремлением к самореализации в виртуальном пространстве.

В связи с этим перед криминологией стоит задача регулярного обновления теоретических оснований и разработки новых инструментов воздействия [3].

Сохраняют свою значимость и социально-демографические характеристики, которые традиционно остаются важным объектом анализа. Такие показатели, как пол, возраст, уровень образования и семейное положение, по-прежнему рассматриваются в качестве существенных факторов, связанных с криминогенным поведением.

Современные статистические данные позволяют выявлять корреляции между этими признаками и вероятностью совершения определенных видов преступлений. Такой анализ необходим для адресного применения профилактических мер в отношении групп риска [6].

Актуальность проблемы соотношения биологического и социального в структуре личности сохраняется в числе наиболее дискуссионных вопросов отечественной психологической и криминологической науки.

Несмотря на преобладание социальных интерпретаций, в последние годы в научных публикациях отмечается возрастание интереса к генетическим и нейрофизиологическим характеристикам индивида.

В ряде исследований было показано, что биологические характеристики могут выступать в качестве предпосылок (предикторов), способствующих формированию антисоциальных установок при воздействии неблагоприятных социальных факторов.

Такой интегративный подход рассматривается как средство минимизации односторонних выводов и повышения объективности эмпирических исследований [1].

В рамках обзора применялись методы историко-сопоставительного анализа и систематизации отечественной литературы по проблематике личности правонарушителя и ресоциализации осужденных.

Ведущая тенденция современных практик была определена на основании анализа нормативных документов, эмпирических исследований и методических разработок, акцентирующих переход от карательных мер к воспитательно-психологическим воздействиям.

Аналитическая процедура включала сопоставление целей исправления поведения с доступными программами коррекции и ресоциализации [2]. # Результаты

Полученные в обзорных исследованиях данные свидетельствуют о смещении практико-теоретического фокуса в сторону разработки коррекционных программ, основанных на понимании механизмов формирования преступного умысла.

Установлено, что такое смещение повышает потенциал снижения уровня рецидивной преступности и способствует долгосрочному обеспечению общественной безопасности.

Наряду с этим зафиксировано накопление богатого эмпирического материала отечественной криминологии, начиная с первичных классификаций и до современных комплексных психологических портретов правонарушителя [3].

Эволюция отечественных представлений о личности преступника отражает переход гуманитарного знания к многофакторному анализу, при котором учитывается уникальность каждого случая и одновременно выявляются общие закономерности криминализации.

Перспективы дальнейшего развития направления связываются с интеграцией цифровых технологий в исследования и профилактику противоправного поведения, что может способствовать разработке более адресных и эффективных мер обеспечения правопорядка в обществе [6].

Список литературы:

[1] Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25 . – Ст. 2954.

[3] Аникеева Н.А. Криминологическое прогнозирование: теория и практика: монография. – Минск: Академия МВД, 2010. – С. 56

[4] Афанасьева О.Р., Глеба О.В. Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения// Международный исследовательский журнал. - № 3-2. - 2017. – С. 118-121

[5] Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2016. - № 3. - С. 40-49.

[6] Ахъядов Э. С. Личность преступника: понятие и структура // Молодой ученый. - 2016. - №9. - С. 796-797.

[7] Воротынцева Д.А. Нейрокриминология как новейшее перспективное направление науки. – М.: Изд. НИЦ «Империя», 2016. – С. 12-15

[8] Гончарова М.В. Методологические подходы к определению личности корыстного преступника-рецидивиста // Российский следователь. – 2014. - № 2. - С. 29-32

[9] Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Аванесов Г.А., - 6-е изд., перераб. и доп. - М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 576 с.

[10] Керимова З.К. Личность рецидивиста как объект изучения в криминологии // Юридический вестник ДГУ. - 2015. - № 3. - С. 122-125.

[11] Цеева С.К. Личности преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2015. - №2 (158). – С. 308

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote 12.12.1993

[2] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ//Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – №25 . - Art. 2954.

[3] Anikeeva N.A. Criminological forecasting: theory and practice: monograph. - Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2010. - S. 56

[4] Afanasyeva O.R., Gleba O.V. Criminological forecasting of individual criminal behavior//International Research Journal. - № 3-2. - 2017. - S. 118-121

[5] Afanasyeva O.R., Goncharova M.V. Criminological portrait of the personality of a criminal//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. - 2016. - № 3. - S. 40-49.

[6] Akhyadov E. S. Identity of the criminal: concept and structure//Young scientist. - 2016. - №9. - S. 796-797.

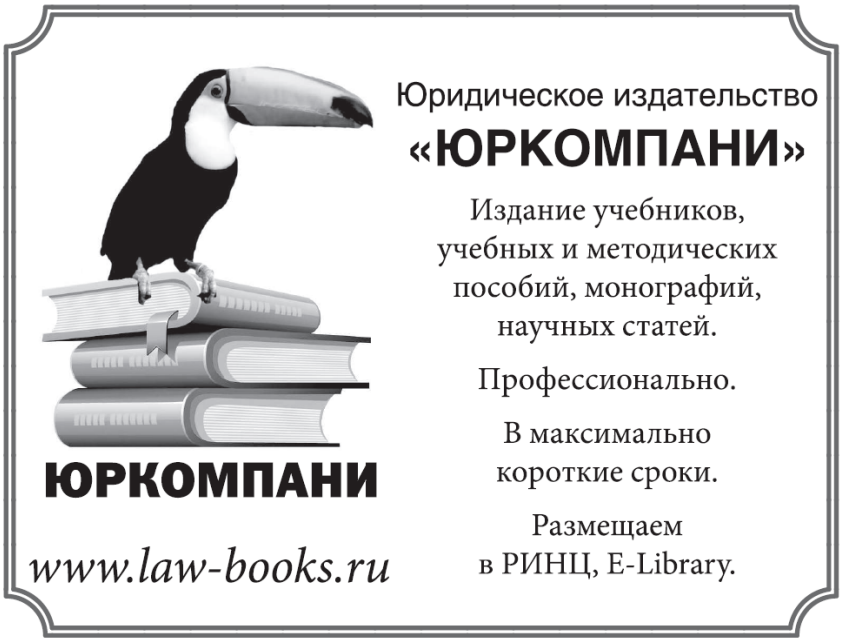
[7] D.A. Vorotyntseva. Neurocriminology as the newest promising area of science. - M.: Ed. SIC “Empire,” 2016. - S. 12-15

[8] Goncharova M.V. Methodological approaches to determining the identity of a selfish recidivist criminal//Russian investigator. – 2014. - № 2. - S. 29-32

[9] Criminology: Textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence “/ed. Avanesov G.A., - 6th ed., Revised. and add. - M.: UNITY-DANA, 2015. - 576 p.

[10] Kerimova Z.K. The personality of a recidivist as an object of study in criminology//Legal Bulletin of DSU. - 2015. - № 3. - S. 122-125.

[11] Tseeva S.K. The personality of the criminal: concept, structure and typology//Bulletin of Adygea State University. - 2015. - №2 (158). - S. 308

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-359-362
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ДАДАШОВ Муса Махамедович,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени М.Д. Миллионщикова,
Грозный, Россия,
e-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru

ТЕПСУЕВ Магомед Султанович,
доцент кафедры права
Чеченского государственного
педагогического университета,
к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

АЛЬТЕМИРОВА Элина Рустамовна,
ассистент кафедры уголовного права,
процесса и национальной безопасности
ЧГУ им. А.А. Кадырова,
e-mail: elina.altemirova18@mail.ru

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проводится системный криминологический анализ причин преступности несовершеннолетних в современной России. Обосновывается, что ювенальная преступность формируется в результате сложного взаимодействия социальных, экономических и социально-психологических детерминант, каждая из которых приобретает криминогенное значение лишь во взаимосвязи с другими факторами. Раскрывается соотношение причин и условий преступности, анализируются макро- и микросоциальные факторы, включая неблагополучие семьи, деформации воспитательной среды, недостатки профилактической деятельности и влияние цифрового пространства. Особое внимание уделяется возрастной незрелости личности несовершеннолетнего и механизму трансформации внешних воздействий во внутренние криминогенные установки. Делается вывод о необходимости комплексного профилактического подхода, сочетающего социальные, педагогические, психологические и правовые меры предупреждения подростковой преступности.*

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних; причины преступности; условия преступности; детерминация преступности; ювенальная криминология; семейное неблагополучие; социальная среда; цифровая среда; профилактика преступности; криминогенная мотивация.*

DADASHOV Musa Mahamedovich,
Associate Professor of the Department of Information
Law and Jurisprudence Grozny State Oil Technical University
named after M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia

TEPSUEV Magomed Sultanovich,
Associate Professor of the Department of Law
of the Chechen State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

ALTEMIROVA Elina Rustamovna,
Assistant Professor at the Department of Criminal Law,
Process and National Security of the Kadyrov State University

CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN RUSSIA: A SYSTEMIC CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *The article presents a systemic criminological analysis of the causes of juvenile delinquency in modern Russia. It is argued that juvenile crime emerges as a result of complex interaction between social, economic and socio-psychological determinants, each acquiring criminogenic significance only in combination with other factors. The paper examines the correlation between causes and conditions of crime and analyses macro- and micro-social influences, including family dysfunction, deficiencies in educational and preventive systems, and the impact of the digital environment. Particular attention is paid to the age-related immaturity of the minor's personality and to the mechanism through which external influences are transformed into internal criminogenic attitudes. The article concludes that effective prevention requires an integrated approach combining social, pedagogical, psychological and legal measures aimed at reducing juvenile delinquency.*

Key words: *juvenile delinquency; causes of crime; conditions of crime; crime determination; juvenile criminology; family dysfunction; social environment; digital environment; crime prevention; criminogenic motivation.*

Проблема преступности несовершеннолетних не утрачивает значимости даже в периоды статистической стабилизации. Снижение официальных показателей не означает исчезновения самой тенденции: участие подростков в противоправной деятельности продолжает оставаться чувствительным индикатором состояния общества. Речь идёт не только о количестве преступлений, но прежде всего о формировании криминогенных установок на этапе, когда личность ещё находится в процессе становления.

Ювенальная преступность отличается тем, что почти напрямую отражает состояние ключевых социальных институтов. За каждым подростком-правонарушителем стоит определённая социальная история — семья, школа, ближайшее окружение, информационная среда. Несовершеннолетний не действует в вакууме: его поведение складывается под воздействием конкретных моделей общения, способов разрешения конфликтов и ценностных ориентиров. В этом смысле подростковая преступность выступает своеобразным «зеркалом» социальных дисфункций.

Современная российская действительность добавляет к традиционным факторам новые обстоятельства. Цифровая среда изменила характер социализации: границы общения расширились, а контроль со стороны взрослых ослаб. Семейные структуры становятся менее устойчивыми, экономическое расслоение усиливает ощущение несправедливости, а подросток, не обладая зрелой системой ценностей, оказывается особенно восприимчивым к внешним влияниям.

В научной литературе причины преступности несовершеннолетних традиционно описываются через перечень социальных, экономических и психологических факторов. Однако перечисление не объясняет механизма. Более продуктивным представляется подход, при котором рассматривается не сумма причин, а их взаимное наложение, накопительный эффект и роль конкретной микросреды в трансформации внешнего воздействия во внутреннюю установку.

Цель настоящего исследования — выявить и осмыслить комплекс причин преступности несовершеннолетних в современной России, проследив механизм их взаимодействия в формировании устойчивой девиантной направленности поведения.

Обращение к проблеме причин подростковой преступности требует уточнения базовой криминологической категории — детерминации. Преступность рассматривается не как случайное стечение отдельных правонарушений, а как социально обусловленное явление. При этом принципиально различать причины и условия. Причина инициирует поведение, условие создаёт фон, в котором оно становится возможным и закрепляется.

А.А. Родионова справедливо подчёркивает, что «результаты являются следствием взаимодействия причин, находящихся в постоянной связи с условиями, причём последние выступают средой, влияющей на эффективность действия причины» [1]. Для подростковой преступности это особенно показательно: ни один фактор сам по себе не формирует преступника. Лишь сочетание неблагоприятных обстоятельств и личностной уязвимости создаёт криминогенную ситуацию.

Подросток отличается от взрослого степенью сформированности ценностных ориентиров. Его взгляды и установки ещё подвижны, а потому сильнее зависят от ближайшего окружения. Следовательно, анализ детерминации ювенальной преступности невозможен без учёта возрастной специфики восприятия социальных противоречий.

Системный подход позволяет избежать упрощения. Он предполагает исследование взаимодействия факторов — социальных, экономических, психологических — в их совокупности, а не в изоляции.

Говоря об объективных детерминантах, прежде всего следует иметь в виду состояние социальной среды, в которой формируется подросток. Речь идёт о противоречиях социально-экономического развития, деформациях института семьи, недостатках профилактической системы и изменении ценностных ориентиров.

Г.В. Рябцев обращает внимание на то, что «преступность несовершеннолетних нельзя понять через анализ отдельных факторов — её необходимо рассматривать как явление, имеющее множество граней и основанное на взаимодействии причин и условий» [2]. Такой подход позволяет избежать односторонних объяснений.

На макроуровне значимы экономическая нестабильность, социальная дифференциация, ограниченность возможностей социальной мобильности. Подросток, сталкивающийся с очевидным разрывом между ожиданиями и реальностью, нередко испытывает чувство фрустрации. При отсутствии поддерживающих институтов это состояние может трансформироваться в девиантное поведение.

Микросреда — семья, школа, ближайшее окружение — оказывает не менее существенное влияние. Разрушение внутрисемейных связей, безнадзорность, конфликтность, асоциальные модели поведения взрослых формируют искажённые представления о допустимом. Подросток, не обладающий устойчивыми механизмами саморегуляции, легче усваивает негативные образцы.

Исследование А.Н. Дидык подчёркивает, что «причины и условия преступности несовершеннолетних представляют собой структуру социальных явлений, предопределяющих преступность как своё следствие» [3]. Эта позиция акцентирует внимание на системных деформациях среды.

Семейное неблагополучие остаётся одним из наиболее устойчивых факторов риска. Дефицит контроля, эмоциональная холодность, злоупотребление алкоголем, конфликтность создают атмосферу, в которой формируются искажённые поведенческие модели. При этом важно понимать: речь не идёт о механической зависимости — неблагополучие не означает неизбежность преступления. Однако вероятность криминализации существенно возрастает.

Серьёзной проблемой остаётся организация досуга. Сокращение доступных форм занятости, формальный характер внеурочной работы, отсутствие трудового воспитания лишают подростков конструктивных способов самореализации. В результате поиск признания нередко переносится в неформальные группы, где девиантные нормы становятся способом самоутверждения.

Недостатки профилактической деятельности усугубляют ситуацию. Запаздывание реагирования на первые проявления девиации способствует закреплению антисоциальных установок.

Ни одна социальная причина не действует напрямую. Она опосредуется личностью. Г.Ю. Лесников и А.А. Самойлова указывают, что «непосредственные причины противоправного поведения лежат в социально-психологической плоскости — в личности несовершеннолетнего, где проявляются искажённые интересы и деформация правовой психологии» [4]. Это положение принципиально: среда создаёт условия, но преступное решение принимает конкретный субъект.

Подростковый возраст связан с поиском идентичности, стремлением к признанию и высокой эмоциональной реактивностью. Неуспеваемость, конфликты в коллективе, ощущение социальной изоляции усиливают потребность в альтернативном самоутверждении.

Современная цифровая среда добавляет новые риски. Социальные сети становятся пространством формирования самооценки и одновременно источником давления. Виртуальное пространство снижает ощущение ответственности, размывает границы допустимого, формирует зависимость от внешнего одобрения. Для психологически неустойчивого подростка это может стать дополнительным криминогенным фактором.

Преступность несовершеннолетних представляет собой результат сложного переплетения объективных и субъективных детерминант. Социальная нестабильность, семейное неблагополучие, недостатки воспитательной и профилактической работы создают криминогенную среду, однако решающую роль играет трансформация этих воздействий во внутренние установки личности.

Ключевым институтом первичной социализации остаётся семья. Школа и организация досуга формируют вторичный уровень социализации. Их дисфункции усиливают уязвимость подростка. Влияние цифровой среды дополняет традиционные факторы, усложняя механизм криминализации.

Предупреждение подростковой преступности возможно лишь при комплексном подходе, предполагающем согласованное взаимодействие семьи, образовательных организаций, органов профилактики и правоохранительных структур. Только системная работа позволяет снизить уровень криминализации и обеспечить устойчивую правовую социализацию несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] А. А. Родионова Причины И Условия Преступности В России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №5-4 (92);

[2] Рябцев Григорий Владимирович Причины и условия преступности несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. №1 (6);

[3] Дидык Анастасия Николаевна Причины и условия преступности несовершеннолетних // Вопросы науки и образования. 2018. №2 (14);

[4] Лесников Геннадий Юрьевич, Самойлова Анастасия Андреевна Причины и условия преступности несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. 2021. №3.

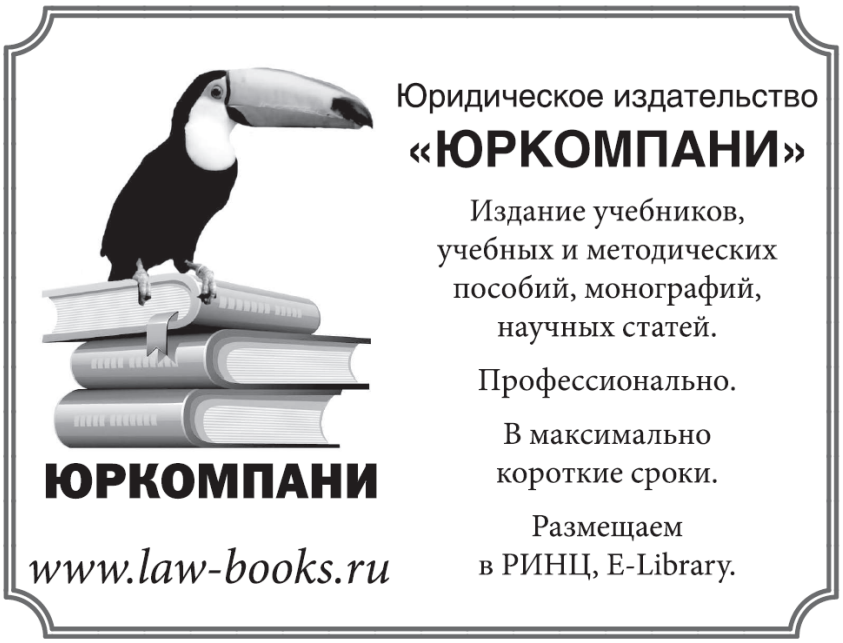
References:

[1] A. A. Rodionova Causes and Conditions of Crime in Russia//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. №5-4 (92);

[2] Ryabtsev Grigory Vladimirovich Causes and conditions of juvenile delinquency//Innovative economy: prospects for development and improvement. 2015. №1 (6);

[3] Didyk Anastasia Nikolaevna Causes and conditions of juvenile delinquency//Issues of science and education. 2018. №2 (14);

[4] Lesnikov Gennady Yuryevich, Samoilova Anastasia Andreevna Causes and conditions of juvenile delinquency//Journal of Applied Research. 2021. №3.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-363-365

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: alkhastovam@gmail.com

ХАНКАРОВА Зара Абуязитовна,
старший преподаватель кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: hankarova25@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЛЬФАКТОРНОГО МЕТОДА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Аннотация. *Статья посвящена критическому анализу современного состояния криминалистической одорологии. Автор исследует теоретические аспекты природы запаховых следов и практические сложности их процессуального закрепления. В работе рассматриваются коллизии, возникающие при оценке судом результатов использования биодетекторов (собак-детекторов), и предлагаются пути минимизации субъективизма при производстве ольфакторных экспертиз. Особое внимание уделено необходимости внедрения инструментальных методов анализа запаховых профилей.*

Ключевые слова: *одорология, запаховые следы, ольфакторная экспертиза, доказывание, биодетектор, следственная тактика, верификация данных.*

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University

KHANKAROVA Zara Abuyazitovna,
Senior Lecturer, Department of Jurisprudence Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millionshchikov"

PERSPECTIVES AND CHALLENGES TO THE USE OF THE OLFACTORY METHOD IN FORENSIC EVIDENCE

Annotation. *The article is devoted to a critical analysis of the current state of forensic odorology. The author explores the theoretical aspects of the nature of odor traces and the practical difficulties of their procedural fixation. The paper examines the conflicts that arise when the court evaluates the results of the use of biodetectors (dog detectors), and suggests ways to minimize subjectivity in the production of olfactory examinations. Special attention is paid to the need to introduce instrumental methods for analyzing odor profiles.*

Key words: *odorology, odor traces, olfactory examination, evidence, biodetector, investigative tactics, data verification.*

Криминалистическая одорология сегодня находится на стыке классической криминалистической техники и достижений молекулярной биологии. В отличие от трасологических следов, запаховая информация обладает свойством «всепроникаемости» и непрерывности

генерации субъектом. Научно доказано, что индивидуальный запах человека — это генетически детерминированный признак, не зависящий от внешних факторов (диеты, парфюмерии, условий среды).

Однако в правоприменительной практике одорология зачастую сталкивается с недоверием, обусловленным невидимым характером следа. Как справедливо отмечает С. А. Шейфер, «проблема одорологии заключается не в отсутствии научной базы, а в сложности обеспечения неизменности следовой информации в процессе её изъятия и транспортировки» [1, с. 115]. Именно высокая летучесть органических соединений (ЛОС) требует от следователя соблюдения филигранной точности при фиксации одорологического объекта на месте происшествия.

Эффективность использования запаховых следов напрямую коррелирует со временем их обнаружения. В криминалистической доктрине принято считать, что изъятие запаха должно быть приоритетным действием, предшествующим любым иным манипуляциям. Использование дактилоскопических порошков или химических реагентов неизбежно ведет к деградации одорологического профиля.

Основным инструментом фиксации остается метод адсорбции на стерильный байковый носитель под герметичным экраном из фольги. Критически важным представляется учет физических свойств поверхности-носителя. На пористых объектах (древесина, текстиль, бумага) запах удерживается значительно дольше и прочнее, чем на гладких (металл, стекло). И. Е. Быховский подчеркивал, что «тактический успех одорологического поиска зависит от способности следователя реконструировать динамику движений преступника и выявить точки наиболее длительного контакта с предметами обстановки» [2, с. 84].

Одной из наиболее перспективных, но процедурно сложных сфер является создание банков данных запаховых следов (депозитариев). В отличие от дактилоскопических карт, одорологический архив — это физическое хранилище стеклянных емкостей с адсорбентами. Срок хранения таких объектов в условиях герметичности и температурного контроля может составлять десятилетия.

Создание подобных коллекций позволяет реализовывать тактику «накопления доказательственной массы» по нераскрытым преступлениям прошлых лет. Если на нескольких местах совершения тяжких деяний изымаются идентичные запаховые пробы, это дает следствию объективное основание для объединения дел в одно производство, даже при отсутствии биологических следов (ДНК). Проблема здесь кроется в отсутствии единого федерального регламента ведения таких учетов, что порождает определенный ведомственный хаос в хранении объектов.

Центральный дискуссионный вопрос современной одорологии — это использование собак в качестве детекторов при производстве экспертиз. В научном сообществе не прекращаются споры о допустимости использования «живого прибора» в уголовном процессе. Противники метода указывают на невозможность полной объективизации поведения животного и риск влияния «подсказок» со стороны кинолога (эффект «умного Ганса»).

Однако современные методики «слепого опыта», разработанные В. И. Старовойтовым и Т. Ф. Моисеевой, позволяют практически полностью нивелировать данные риски. Экспертиза признается достоверной только при условии стабильного воспроизведения результата тремя независимыми биодетекторами в условиях, исключающих контакт эксперта с искомым запахом до момента фиксации реакции собаки.

Тем не менее, будущее метода видится в переходе к инструментальной одорологии. Разработка «электронного носа» (высокочувствительных газовых хроматографов) позволит перевести ольфакторный анализ в плоскость математических графиков и цифровых профилей, что окончательно снимет вопросы о субъективизме экспертных оценок. Е. Р. Россинская справедливо указывает на то, что «цифровизация одорологического следа — это единственный путь к его легитимизации в глазах судебной власти» [3, с. 198].

В текущей судебной практике результаты ольфакторных исследований чаще всего рассматриваются как косвенные доказательства («иные документы» или заключение эксперта). Судьи проявляют осторожность, если обвинение строится исключительно на одорологии.

Для повышения веса данных доказательств необходимо обеспечить безупречность протокольного оформления изъятия запаха. Любое сомнение в стерильности инструментов или герметичности упаковки трактуется как неустранимое нарушение процессуальной формы. Следователь обязан детально фиксировать в протоколе осмотра места происшествия не только сам факт изъятия, но и характеристики используемых адсорбентов, время экспозиции и условия окружающей среды.

Резюмируя проведенный анализ, следует констатировать, что криминалистическая одорология является мощным, но требующим фили-

гранной точности инструментом расследования. Переход от «полевой» работы ищеек к высокотехнологичным ольфакторным лабораториям — это качественный скачок в развитии криминалистической техники.

Перспективы метода связаны с созданием гибридных систем идентификации, сочетающих биологическую чувствительность биодетекторов с беспристрастностью цифровых анализаторов. Только системный подход к фиксации, депонированию и экспертному исследованию запаховых следов позволит обеспечить полноценную реализацию принципа неотвратимости наказания в условиях современного уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Норма, 2009. — 240 с.

[2] Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы следственных действий. — М.: Юрид. лит., 1977. — 192 с.

[3] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2020. — 464 с.

[4] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.

[5] Старовойтов В. И. Криминалистическое исследование запаховых следов человека. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 176 с.

[6] Моисеева Т. Ф. Методы и средства экспертных исследований: учебник. — М.: РГУП, 2016. — 230 с.

[7] Образцов В. А. Криминалистика: партитура следственного действия. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 312 с.

[8] Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистической тактики. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. — 224 с.

[9] Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

[10] Судебная одорология: теория и практика / под ред. А. И. Винберга. — М.: Наука, 1980. — 210 с.

References:

[1] Shafer S.A. Proofs and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. - M.: Norma, 2009. - 240 s.

[2] Bykhovsky I.E. Procedural and tactical issues of investigative actions. - M.: Jurid. lit., 1977. - 192 s.

[3] Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. - M.: Norma, 2020. - 464 s.

[4] Belkin R. S. Forensic course: in 3 vols. T. 3: Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Lawyer, 1997. - 480 s.

[5] V. Starovoitov. Forensic study of human odor traces. - M.: Yurlitinform, 2013. - 176 s.

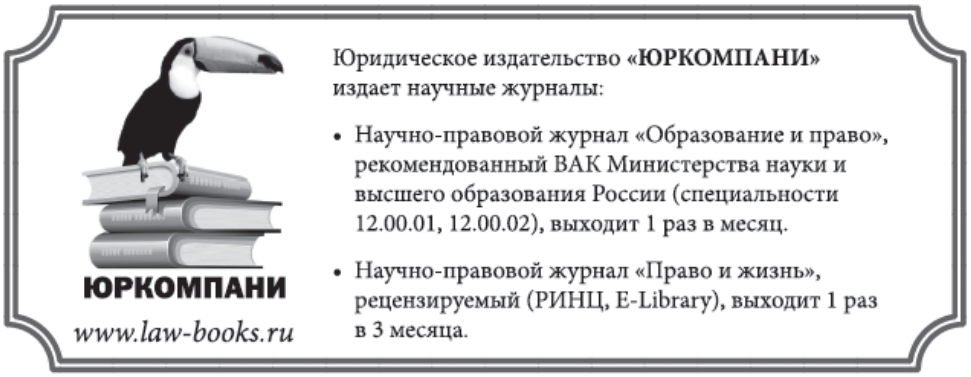
[6] Moiseeva T. F. Methods and means of expert research: textbook. - M.: RGUP, 2016. - 230 s.

[7] Obraztsov V. A. Forensics: score of investigative action. - M.: Yurlitinform, 2011. - 312 s.

[8] Konovalov S. I. Theoretical and methodological foundations of forensic tactics. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. - 224 s.

[9] Ishchenko E.P. Forensics: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

[10] Judicial odorology: theory and practice/ed. A.I. Vinberg. - M.: Nauka, 1980. - 210 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-366-369

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 73kuntc@mail.ru

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В отечественной юридической литературе встречается критика относительно неполноты определения, не позволяющей непосредственно из него установить, какие именно действия следует считать деятельностью организатора. Роль организатора обширна, нередко поглощает собой рол других соучастников преступления. Введение в законодательное определение дополнительных критериев ограничит усмотрение суда, которая может быть применена к фактическим обстоятельствам дела. Неоднозначность научных подходов к уголовно-правовой характеристике организатора преступления, предопределила суть настоящей статьи.*

Ключевые слова: *наказание, организатор, преступление, соучастие, уголовная ответственность.*

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Punishments Involving Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for the Study of Security in Institutions of the Penitentiary System, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

ON THE ISSUE OF THE CRIMINAL-LAW CHARACTERISTICS OF A CRIME ORGANIZER

Annotation. *In Russian legal literature, there is criticism regarding the incompleteness of the definition, which does not allow one to directly determine which actions should be considered the activities of an organizer. The role of an organizer is broad, often encompassing the roles of other accomplices in the crime. The introduction of additional criteria into the legislative definition will limit the court's discretion, which can be applied to the factual circumstances of the case. The ambiguity of scientific approaches to the criminal-law characterization of a crime organizer predetermined the essence of this article.*

Key words: *punishment, organizer, crime, complicity, criminal liability.*

Организатором преступления является лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими [1, с. 107].

Определение организатора преступления, изложенное в ч. 3 ст. 33 УК РФ, критикуется за имеющуюся в нем тавтологию («организатор – лицо, организовавшее…»), перекочевавшую из УК РСФСР 1960 года и которая не позволяет определить существенные признаки самого про-

цесса организации преступления [2, с. 234]. В связи с этим, ряд отечественных ученых затрагивают проблему относительно формулировки нормы ст. 33 УК РФ и существа отношений, составляющих его [3, с. 202].

Толковый словарь Ожегова определяет глагол «организовывать» как «основать, подготовить, объединить, упорядочить, устроить что-либо» [4]. Сходного определения придерживается Малый академический словарь, однако приводит и дополнительное указание: «подготавливать и осуществлять, налаживать что-либо, «объединять, сплачивать для какой-либо цели», «вносить во что-либо известный порядок, планомерность, упорядочивать» [5].

С учетом указанных выше определений, наиболее правильной является последняя формулировка термина. Роль организатора преступления заключается в придании формы преступному замыслу, организации последовательности действий, распределении ролей, иных подготовительных мероприятий, необходимых для реализации преступного замысла исполнителем.

При этом организатор не участвует в непосредственном совершении преступления. Его роль осуществлена на стадии обеспечения его совершения.

Руководство исполнением преступления заключается в управлении действиями исполнителя или соисполнителей и иных соучастников преступного деяния на стадии непосредственного совершения ими преступления. Показательным будет пример из судебной практики. Так, гр-ну М. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренного предусмотренных ч. 2 ст. 167, ч. 1ст. 150 УК РФ. Судом установлено, что у гр-на М. возник умысел, направленный на умышленное уничтожение, путем поджога автомобиля, с причинением значительного ущерба собственнику. Реализуя свой преступный умысел, гр-н М., не желая быть непосредственным исполнителем данного преступления, обладая организаторскими качествами, используя свой авторитет старшего по возрасту, понимая, что пользуется доверием у несовершеннолетних, приискал и привлек к совершению преступления, за денежное вознаграждение в качестве исполнителей двух несовершеннолетних. Гр-н М. действуя в роли организатора преступления, разработал план, в соответствии с которым взял на себя организацию преступления, подготовку к его совершению и приискании средств его совершения. В соответствии с разработанным планом совершения преступления гр-н М. сообщил несовершеннолетним, являющимися исполнителями преступления о месте хранения автомобиля, а также проинструктировал о мерах конспирации и способе совершения поджога. Таким образом, гр-н М. совершил организацию умышленного уничтожения чужого имущества, путем поджога с причинением значительного ущерба. Приговором Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 167, ч. 1 ст. 150 УК РФ [6].

Следует отметить, что если будет дана неправильная оценка судом существенных фактов, это приводит к ошибочной квалификации деяния и вынесению необоснованного приговора [7, с. 42].

Организация преступной группы или преступного сообщества является самостоятельным составом преступления вне зависимости от достижения преступного результата, для целей которого она была сформирована. Некоторые ученые отмечают, что создание группы или сообщества (к примеру, бандформирования), пусть и в целях единственного преступления, не исключает потенциальной опасности таких группы или сообщества в будущем времени, возможности для их участников совершать повторные преступления. Кроме того, отмечается, что умысел на совершение преступления не может быть доказан иначе, кроме как из объективных действий соучастников. В связи с этим, доказать отсутствие умысла на иные преступления не представляется возможным в отсутствие доказательств [8, с. 122]. Таким образом, объективная сторона организатора преступной группы или преступного сообщества осуществляется, а преступление считается завершенным с момента создания такого объединения, его готовности к реализации преступных намерений.

Более того, отличительной особенностью организатора преступления как соучастника является его отрешенность от исполнителя при наличии прикосновенности к другим формам соучастия (подстрекательство, пособничество). Действиями по организации преступления организатор придает конкретную форму абстрактному умыслу, побуждая не просто на совершение преступления, но на совершение его конкретным способом и средствами. Прикосновенность к пособничеству выражается в совершении действий, способствующих совершению преступления, либо его необнаружению или уклонению от ответственности за его совершение.

Судебной практикой обозначены пределы роли организатора в совершении преступления. Организатор является одним из наиболее опасных соучастников, поскольку может совмещать

роли любого иного соучастника, в том числе непосредственно участвуя в преступлении как его исполнитель. Особая роль организатора прямо влияет на наказание, вменяемое ему как соучастнику, вплоть до квалификации совершенного им преступления по более строгой статье, нежели вменяемая исполнителю совместного с организатором преступного замысла.

В уголовно-правовой доктрине существует дискуссия об опасности роли организатора относительно роли исполнителя преступления. При анализе более чем 1000 обвинительных приговоров организатор преступления всегда получает наиболее строгое, по сравнению с другими соучастниками, наказание [8, с. 121]. При этом, подвергается критике позиция, при которой в действующей практике уголовного правоприменения роль организатора поглощается ролью исполнителя. Поглощение роли организатора ролью исполнителя при определении наказания не позволяет произвести адекватную оценку вклада соучастника в осуществление преступного замысла, в связи, с чем наказание, вынесенное в связи с этим не учитывает общественной опасности действий организатора [8, с. 121].

При исследовании вопроса особенности уголовной ответственности организатора преступления как вида соучастника, необходимо отметить следующее: организатор преступления является одним из наиболее общественно опасным видом соучастников, поскольку его действия по организации совершения преступления обеспечивают достижение преступного результата, они несут как предварительный, так и текущий характер, несут признаки постоянной деятельности. Деятельность организатора поглощает роли подстрекателя и пособника, не охватывая при этом роль исполнителя, его умысел может быть отделен от умысла исполнителя в целях назначения справедливого наказания, а ответственность организатора неизбежно является более строгой по отношению к иным видам соучастникам.

Список литературы:

[1] Голубовский, В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части : Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / В. Ю. Голубовский, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 736 с.

[2] Чиняков, О. Е. Организатор преступления: понятие и уголовно-правовое значение / О. Е. Чиняков, В. Ю. Перепелкин, И. П. Асанова // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 232-238/

[3] Кунц Е. В. Понятие соучастия: сравнительно-правовое исследование // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. – С. 202-207.

[4] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: http://www.ozhegov.com/words/20710.shtml (дата обращения 30.04.2026).

[5] Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

[6] Приговор Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 11.09.2024 по делу № 1-89/2024. URL: https://krasnogorsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=383484873&case_uid=203d8653-862c-4d82-9368-99df1963e245&delo_id=1540006 (дата обращения 30.04.2026).

[7] Голубовский В. Ю. Некоторые суждения о свойствах приговора // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : Сборник трудов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Кострома, 24–25 апреля 2025 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2025. – С. 41-47.

[8] Молчанов, Д. М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части / Д. М. Молчанов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12(133). – С. 118-133.

References:

[1] Golubovsky, V. Yu. Criminal Law of Russia. General and Special Parts: Textbook for students of higher educational institutions studying in the field of “Jurisprudence” and the specialty “Jurisprudence” / V. Yu. Golubovsky, M. F. Kostyuk, E. V. Kunts. - Moscow: Limited Liability Company “Prospect”, 2020. - 736 p.

[2] Chinyakov, O. E. Organizer of a Crime: Concept and Criminal-Law Significance / O. E. Chinyakov, V. Yu. Perepelkin, I. P. Asanova // Gaps in Russian Legislation. – 2023. – Vol. 16, No. 2. – Pp. 232-238/

[3] Kunts E. V. The Concept of Complicity: A Comparative Legal Study // Scientific Works of the Federal Penitentiary Service Research Institute of Russia: Scientific and Practical Quarterly Publication. – Moscow: Federal Penitentiary Service Research Institute of Russia, 2025. – Pp. 202-207.

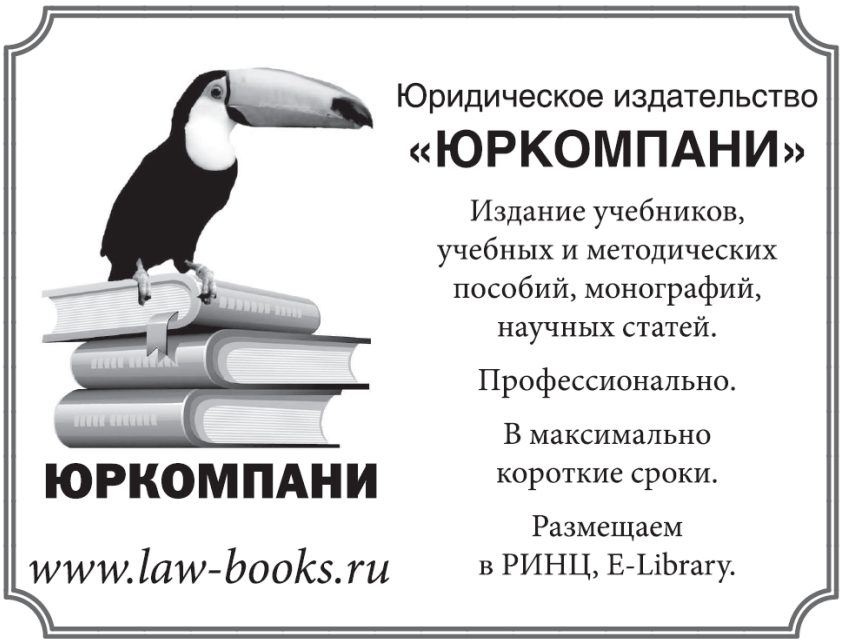
[4] Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. URL: http://www.ozhegov.com/words/20710.shtml (date accessed 30.04.2026).

[5] Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes / edited by A. P. Evgenyeva. Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999. 702 p.

[6] Verdict of the Krasnogorsk District Court of Kamensk-Uralsky, Sverdlovsk Region, dated September 11, 2024, in case No. 1-89/2024. URL: https://krasnogorsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=383484873&case_uid=203d8653-862c-4d82-9368-99df1963e245&delo_id=1540006 (accessed April 30, 2026).

[7] Golubovsky V. Yu. Some opinions on the properties of the sentence // Problems of law enforcement at the present stage: Collection of works of the IV All-Russian (with international participation) scientific and practical conference, Kostroma, April 24-25, 2025. - Kostroma: Kostroma State University, 2025. - Pp. 41-47.

[8] Molchanov, D. M. The organizer of a crime in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and special norms on complicity of the Special Part / D. M. Molchanov // Actual problems of Russian law. - 2021. - Vol. 16, No. 12 (133). - Pp. 118-133.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-370-374

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

К ВОПРОСУ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы девиантного поведения подростков. Общеизвестно, что подростки в наше время являются одним из наименее социально защищенных слоев населения. Следовательно, если не заниматься выявлением и профилактикой девиантного поведения в подростковом возрасте, то эта проблема не исчезнет, а в современных условиях еще и обострится.*

Ключевые слова: *девиантное поведение, несовершеннолетние правонарушители, асоциальная группа.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

TO THE QUESTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORITY OFFENDERS

Annotation. *The article discusses the issues of deviant behavior of adolescents. It is well known that adolescents are one of the least socially protected segments of the population in our time. Therefore, if we do not identify and prevent deviant behavior in adolescence, this problem will not disappear, but will become more acute in modern conditions.*

Key words: *deviant behavior, juvenile delinquents, asocial group.*

Каждому обществу свойственны такие формы социальных отклонений и в тех масштабах, какие определяются конкретно-историческими условиями его существования социальными, экономическими, политическими, нравственными и прочими. Объем социальных отклонений позволяет судить о нравственном климате данного общества, уровне законности и правопорядка, степени сплоченности социальных групп.

В настоящее время много говорят и пишут о нравственном воспитании подрастающего поколения. Но одной из проблем, препятствующих нравственному воспитанию, является проблема девиантного поведения.

На наш взгляд, для предупреждения такого поведения следует использовать православные традиции и обычаи. Их содержание должно находиться в основе формирования приемов предупреждения правонарушений несовершеннолетних.

Православные традиции и обычаи – относительно древние, основаны на христианской религии и ее историческом воплощении в российском обществе в качестве господствующих религиозных отношений. Передаваемые из поколения в поколение принципы и образцы поведения служат основой духовного формирования личности и обеспечивают твердые критерии и гарантии высоконравственных человеческих ценностей, идеалов и требований. Выполнение православными традициями своих социальных функций в той или иной степени способствует воспитанию в людях лучших человеческих качеств, что, в свою очередь, позволяет достигать главной цели – предупреждения совершения правонарушений.

Современная Россия переживает сложнейший этап своей истории. Социально-экономические преобразования последних десяти лет вызвали изменения во всех институтах социализации детей и подростков. На фоне тяжелого социально экономического, демографического, идейно-политического положении страны, крушения традиционных ценностей, отсутствия семейной политики и т.д. такие институты социализации, как семья, образовательные учреждения, трудовые коллективы, молодежные и детские объединения, утратили прежнюю роль в воспитании подрастающего поколения. Все это отразилось на состоянии, структуре и динамике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

По данным российских исследователей, за последний год преступность несовершеннолетних в стране снизилась на 5,4 %, а ее удельный вес – с 8,4 до 7, 4%. Уменьшился удельный вес тяжких преступлений – с 74,3 до 58,3%. Но в структуре преступности продолжают преобладать кражи – 39,7%, хулиганские действия – 13,8%, грабежи – 9,5%.

Тревожно то, что каждый четвертый подросток в момент преступления находился в алкогольном или наркотическом состоянии. Почти 78% преступлений совершаются несовершеннолетними в составе различных по степени организованности групп. Групповой характер преступности несовершеннолетних является наиболее опасным криминальным показателем. Это обусловлено тем, что группа нивелирует многие положительные личностные качества подростков, направляет их социализацию по негативному пути.

Жизнь современных подростков протекает в условиях сложного межличностного взаимодействия в официальных и неофициальных группах. С одной стороны, они живут и действуют в обстановке открытой, непосредственной коллективности, так как входят в учебные, общественные и другие коллективы, а с другой – их антиобщественная деятельность протекает в скрытых, возникающих и сложившихся асоциальных группах различной степени криминогенности. Психологические особенности этого взаимодействия в условиях ослабления воспитательно-профилактической работы по месту жительства и повсеместного распространения асоциально-криминальной субкультуры разрушают официальные институты социализации личности в семье, образовательных учреждениях, общественных организациях.

Социальный вакуум в подростково-молодежной среде не может сохраняться долго. Вместо официальных групп позитивной направленности в настоящее время возникает множество неофициальных или неформальных подростково-молодежных групп различной направленности вплоть до криминальных.

Данная проблема изучается давно, но, несмотря на это, в современном мире она не становится менее актуальной. Девиантное поведение, как правило, формируется в подростковом возрасте, ведь в течение этого периода осуществляется своеобразный переход от детства к взрослости, от незрелости к зрелости, пронизывающий все развитие подростка: физиологическое, интеллектуальное, нравственное, а также разнообразные виды его деятельности. Кроме того, общеизвестно, что подростки в наше время являются одним из наименее социально защищенных слоев населения. Следовательно, если не заниматься выявлением и профилактикой девиантного поведения в подростковом возрасте, то эта проблема не исчезнет, а в современных условиях еще и обострится.

Список литературы:

[1] Профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания» Приказ №10н. /М., 2013 г.

[2] Сухарева Е.В. Психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя при массовых беспорядках: первоначальная подготовка стажеров / Вилкова А.В., Сухарева Е.В. / В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС (материалы круглого стола), под общей редакцией ведущего научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С.В. Гарника. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. С. 54-59.

[3] Антипов А.Н. Некоторые проблемы применения медиативных процедур (правовой аспект) / Вилкова А.В., Антипов А.Н. Военное право. 2018. № 1 (47). С. 136-141.

[4] Быков А.В., Тимофеева Е.А., Вилкова А.В., Фумм А.М., Яковлева О.Н., Белоносов В.О. Пенитенциарная система Франции на современном этапе. Аналитический обзор / Самара, 2017.

[5] Тимофеева Е.А. Деятельность пенитенциарных учреждений и подготовка кадров в пенитенциарной системе Китайской Народной Республики (на примере Шанхайского региона)/ Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы. Самара, 2017.

[6] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. Т. 73. № 12. С. 2.

[7] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[8] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[9] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[10] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[11] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[14] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[17] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[18] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[19] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[20] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[21] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[22] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[23] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[24] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[25] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

References:

[1] Professional standard “Specialist in the field of education” Order No. 10n ./M., 2013.

[2] Sukhareva E.V. Psychological and pedagogical characteristics of the educator’s personality during mass riots: initial training of trainees/Vilkova A.V., Sukhareva E.V./In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions (materials of the round table), under the general editorship of a leading researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnica. M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. S. 54-59.

[3] Antipov A.N. Some problems of the application of mediative procedures (legal aspect)/Vilkova A.V., Antipov A.N. Military law. 2018. № 1 (47). S. 136-141.

[4] Bykov A.V., Timofeeva E.A., Vilkova A.V., Fumm A.M., Yakovleva O.N., Belonosov V.O. The penitentiary system of France at the present stage. Analytical review/Samara, 2017.

[5] Timofeeva E.A. Activities of penitentiary institutions and training in the penitentiary system of the People’s Republic of China (on the example of the Shanghai region)/Timofeeva E.A., Vilkova A.V. Analytical materials. Samara, 2017.

[6] Sergeeva M.G. The interaction of labor market and educational services market considering social partnership mechanism and spe policycificity of the regional educational / Sergeeva M.G., Flyagina V.Yu., Taranenko I.V., Krasnova E.V., Vilkova A.V. Ponte. 2017. T. 73. № 12. P. 2.

[7] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[8] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[9] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[10] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[11] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[14] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[15] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[17] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and

social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[18] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[19] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[20] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

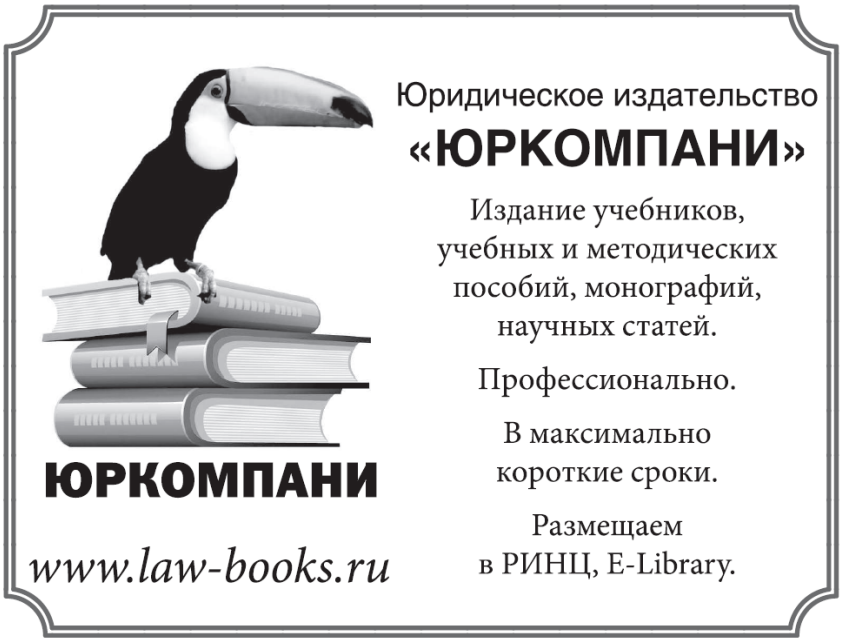
[21] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[22] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[23] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[24] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[25] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-375-377
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

СИСТЕМА ФАКТОРОВ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРОГОГО РЕЖИМА

Аннотация. *Статья посвящена проблеме детерминации рецидивной преступности среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима. На основе анализа научной литературы и результатов эмпирического исследования автором выделяется система взаимосвязанных факторов, обосновывается вывод о системном характере выделенного криминогенного комплекса. В заключении подчеркивается, что профилактика рецидивной преступности должна представлять собой системную, непрерывную и индивидуализированную работу, сочетающую лечение зависимостей, содействие в трудоустройстве, решение жилищных вопросов и психологическую коррекцию личности.*

Ключевые слова: *рецидивная преступность; исправительные учреждения строгого режима; детерминанты преступности; уголовно-исполнительная система.*

SOBOLEV Nicholai Gourgenovich,
senior researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor

SYSTEM OF FACTORS DETERMINING RECIDIVISM AMONG CONVICTS SERVING SENTENCES IN PENAL INSTITUTIONS OF STRICT REGIME

Annotation. *The article addresses the problem of determinants of recidivism among persons serving sentences in penal institutions of strict regime. Based on an analysis of scientific literature and the results of an empirical study, the author identifies a system of interrelated factors and substantiates the conclusion regarding the systemic nature of the identified criminogenic complex. The conclusion emphasizes that the prevention of recidivism should represent systematic, continuous, and individualized work combining addiction treatment, employment assistance, housing solutions, and psychological correction of the individual.*

Key words: *recidivism; strict-regime penal institutions; determinants of crime; penal system.*

Профилактика рецидивной преступности как общественно-опасного явления, на сегодняшний день является одним из главных направлений политики государства. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с тем, что лица, неоднократно совершающие преступления, остаются устойчивым источником криминальной угрозы, демонстрируя глубокое неприятие социальных норм и ценностей [1]. Особое место в контексте данной проблемы занимают осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима. Эта категория представляет собой наиболее «сложный» контингент, многие из них отбывают наказание за совершение особо тяжких преступлений, рецидив преступлений и опасный рецидив преступлений.

В научной литературе неоднократно поднимались вопросы детерминации рецидивной преступности, выделялись различные группы факторов: от социально-экономических до индивидуально-психологических (работы Е.А. Антонян, Н.Е. Колесникова, Ю.Е. Суслова и др.). Однако

системный характер взаимосвязи между психофизиологическими, социально-экономическими и социально-психологическими факторами применительно к данной специфической категории осужденных изучен недостаточно, что и определило направление настоящего исследования.

В статье представлена часть научного исследования, описывающая систему факторов, детерминирующих совершение преступлений лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима. В отличие от простого перечисления разрозненных обстоятельств, зафиксированных в статистике или отдельных научных работах, в рамках нашего подхода сделан акцент на выявлении внутренних связей между различными уровнями детерминации – от индивидуально-психофизиологических до социально-средовых. Такой подход позволил не только зафиксировать наличие тех или иных проблем (например, трудности трудоустройства или употребление психоактивных веществ), но и понять, как они взаимно усиливают друг друга, формируя устойчивый криминогенный комплекс.

Основные результаты. Проведённый анализ позволил выделить систему взаимосвязанных факторов, которые можно сгруппировать в блоки: психофизиологический блок, социально-экономический блок, социально-психологический блок.

1. Психофизиологический блок. В ходе исследования была выявлена доминирующая роль состояния наркотического и алкогольного опьянения в совершении повторных преступлений после освобождения. Выявленное обстоятельство может указывать на глубокую аддиктивную проблему у рассматриваемой категории осужденных. Полученные результаты коррелируют с исследованием Е.А. Антонян, в котором отмечается что каждый третий, совершающий повторное преступление, страдает алкоголизмом, каждый четвертый – наркоманией, каждый двенадцатый (8,3 %) заражен ВИЧ-инфекцией [2]. При этом употребление психоактивных веществ (далее – ПАВ) может свидетельствовать не только о наличии химической зависимости, но и о наличии дисфункциональной, избегающей копинг-стратегии, возникающей при столкновении с проблемами после освобождения из исправительного учреждения (отсутствие работы, жилья, социальная изоляция, психологическая травма и т.д.), влиянии привычного социального окружения, для которого алкоголь и наркотические средства являются частью ритуала, способом коммуникации [3].
2. Социально-экономический блок. Неблагоприятное материальное положение – это не просто отсутствие денег. Эта проблема часто является прямым следствием ключевой постпенитенциарной проблемы – системного затруднения в трудоустройстве. Лица, освобождающиеся из исправительного учреждения, часто сталкиваются с дискриминацией на рынке труда, с отсутствием необходимых профессиональных навыков, предвзятым отношением со стороны потенциальных работодателей. Это полностью или частично лишает их возможности устроиться на высокооплачиваемую работу, способствуя возвращению к криминальным способам решения материальных проблем. Полученные данные частично коррелируют с результатами исследования Ю. Е. Суслова, А. Ф. Федорова, А. В. Беспаловой, в котором было выявлено, что неоднократно судимые лица часто до осуждения не имеют постоянного источника доходов [4]. К этому же блоку относится фактор отсутствия жилья, что было выделено осужденному в числе основных трудностей, с которыми они столкнулись после освобождения. При этом отсутствие жилья может быть как следствие социально-экономического неблагополучия, так и причиной углубления кризиса (без прописки/регистрации крайне затруднительно бывает устроиться на официальную работу, оформить социальные пособия, получить медицинскую помощь и т.д.).
3. Социально-психологический блок. Как показано исследование Н.Е. Колесникова, осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима, имеют ряд личностных особенностей, например, неадекватная самооценка (завышенная или заниженная), избирательность в общении, скрытность, сдержанность [5]. Кроме того, автор отмечает, что этим осужденным характерна ригидность, конфликтность, импульсивность, неуверенность в себе, осторожность, пассивность, эгоистичность, тревожность, подозрительность и т.д. В рамках сказанного следует отметить и другое исследование, которое продемонстрировало, что среди ключевых причин совершения повторных преступлений являются отрицательные морально-психологические качества осужденных, вера в свою безнаказанность [6]. В рамках социально-психологического блока следует отметить и фактор раннего попадания в места лишения свободы, разрыв социально-полезных связей, многократность судимостей, способствующих усвоению и укреплению норм криминальной субкультуры [7].

Заключение. Рецидивная преступность среди ранее судимых мужчин, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима, обусловлена устойчивым взаимодействием целого комплекса факторов. Выделенные блоки (психофизиологический, социально-экономический и социально-психологический) действуют не изолированно, а во взаимной связи, воспроизводящий криминальное поведение. Ввиду этого использование отдельных мер (например, только помощь в трудоустройстве либо исключительно психологическая коррекция) не даст значимого эффекта. Требуется системная, непрерывная и индивидуализированная работа, включающая лечение и профилактику зависимостей, содействие в трудоустройстве и решении жилищных вопросов, восстановление социально полезных связей, а также психологическую коррекцию тех личностных особенностей, которые препятствуют успешной ресоциализации. Только такой многоуровневый подход позволяет преодолеть факторы, детерминирующие рецидивную преступность, в частности, через целенаправленное психолого-педагогическое воздействие, которое должно начинаться уже в период отбывания наказания.

Список литературы:

[1] Кряжева С.Г., Москвитина М.М. Наркотическая и алкогольная зависимости как детерминанта совершения повторных преступлений // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11-15.

[2] Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 с.

[3] Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М.: Юрид. лит., 1968. 136 с.

[4] Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф., Беспалова А.В. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект // Психология и право. 2024. № 14(4), С. 68-84.

[5] Колесникова Н.Е. Личные особенности осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 40-44.

[6] Звонов А.В., Пичугин С.А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 11-14.

[7] Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. К вопросу о факторах рецидивной преступности: результаты исследования / С. Г. Кряжева, Н. Г. Соболев // Юридическая наука. – 2026. – № 2. – С. 307-308.

References:

[1] Kryazheva S.G., Moskvitina M.M. Drug and alcohol dependence as a determinant of the commission of repeated crimes//Drug control. 2022. № 3. S. 11-15.

[2] Antonyan E.A. Identity of the recidivist: criminological and criminal executive research: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2014. 345 pp.

[3] Kovalev A.G. Psychological foundations of correction of the offender. M.: Jurid. lit., 1968. 136 s.

[4] Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bespalova A.V. Modern problems of repeated crime. Socio-psychological aspect//Psychology and law. 2024. NO. 14 (4), S. 68-84.

[5] Kolesnikova N.E. Personal characteristics of convicts serving sentences in a strict regime colony// Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. № 1 (6). S. 40-44.

[6] Zvonov A.V., Pichugin S.A. Analysis of the reasons and conditions for the commission of repeated crimes by those sentenced to punishments and other criminal law measures not related to isolation from society//Penitentiary science. 2013. № 2 (22). S. 11-14.

[7] Kryazheva S.G., Sobolev N.G. To the question of the factors of recurrent crime: research results/S. G. Kryazheva, N. G. Sobolev//Legal science. – 2026. – № 2. - S. 307-308.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-378-380

МАКАЗИЕВА Зара Даутовна,
старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: zara6756@mail.ru

АХТАЕВА Э.А.,
старший преподаватель кафедры «Таможенное дело» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М.Д. Миллинщикова,
e-mail: eliza.mazhaeva@mail.ru

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируются теоретические и прикладные проблемы интеграции психофизиологических исследований с применением полиграфа в процесс доказывания по уголовным делам. Автор рассматривает полиграф не только как средство получения ориентирующей информации, но и как мощный тактический инструмент психологического воздействия на допрашиваемое лицо. В работе предложены алгоритмы использования результатов тестирования для нейтрализации ложных установок подозреваемых и актуализации мотивов к чистосердечному признанию.*

Ключевые слова: *криминалистика, полиграф, психофизиологическое исследование, тактика допроса, изобличение во лжи, тяжкие преступления, невербальные реакции.*

MAKAZIEVA Zara Dautovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Chechen State University named after A. A. Kadyrov

AKHTAEVA E.A.,
Senior Lecturer, Department of Customs Affairs, Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millinshchikov

TACTICAL AND FORENSIC FEATURES OF THE USE OF POLYGRAPH RESULTS IN THE INVESTIGATION OF SERIOUS CRIMES AGAINST THE PERSON

Annotation. *The article analyzes the theoretical and applied problems of integrating psychophysiological research using a polygraph into the process of proving criminal cases. The author considers the polygraph not only as a means of obtaining orienting information, but also as a powerful tactical tool for psychological influence on the interrogated person. The paper suggests algorithms for using test results to neutralize the false attitudes of suspects and actualize motives for an honest confession.*

Key words: *criminology, polygraph, psychophysiological research, interrogation tactics, exposure of lies, serious crimes, non-verbal reactions.*

Проблема верификации показаний и изобличения во лжи является центральной в криминалистической тактике с момента её зарождения. При расследовании тяжких преступлений против личности (убийств, изнасилований), где зачастую отсутствуют прямые очевидцы, а доказательственная база носит косвенный характер, значение психофизиологических методов исследования (ПФИ) трудно переоценить. Полиграф в данном контексте выступает как высокотехнологичный метод регистрации непроизвольных реакций организма на значимые стимулы, связанные с обстоятельствами преступления.

Несмотря на то, что результаты ПФИ в российской судебной практике до сих пор имеют дискуссионный доказательственный статус, их тактическое значение для следствия является безусловным. Как отмечает Р. С. Белкин, «криминалистика не может игнорировать достижения естественных наук, если они способствуют установлению истины, даже если их процессуальная оболочка еще находится в стадии формирования» [1, с. 302].

В основе работы полиграфа лежит теория «информационного следа». В памяти преступника обстоятельства совершенного деяния запечатлены с максимальной яркостью. При предъявлении в ходе теста деталей, известных только следствию и исполнителю (например, специфическое орудие убийства или уникальный предмет с места происшествия), мозг испытуемого мгновенно идентифицирует этот стимул как «опасный».

Это вызывает каскад вегетативных реакций: изменение КГР (кожно-гальванической реакции), задержку дыхания, скачок артериального давления. Психологическая уникальность ситуации заключается в том, что «тело не умеет лгать», даже если субъект сохраняет полное внешнее спокойствие. А. Р. Ратинов указывал, что именно этот разрыв между сознательным контролем поведения и непроизвольной реакцией организма является «брешью в психологической защите преступника» [2, с. 148].

Главная научная ценность полиграфа для следователя заключается не в самой диаграмме (полиграмме), а в том, как её результаты будут реализованы в последующем допросе. Представляется возможным выделить следующие тактические комбинации:

1. Прием «демонстрации неопровержимости». Следователь, не раскрывая всех деталей, сообщает допрашиваемому, что полиграф зафиксировал его осведомленность о конкретных деталях преступления. Психологический эффект строится на убеждении субъекта в том, что скрывать истину далее бессмысленно.
2. Прием «актуализации переживаний». Результаты теста используются для того, чтобы показать допрашиваемому неустойчивость его позиции. Видя, что прибор «узнал» правду, человек часто испытывает состояние психологического надлома, которое при грамотном поведении следователя может перерасти в катарсис и признание вины.
3. Использование результатов ПФИ для поиска материальных улик. Если полиграф показал реакцию на определенный сектор местности (при поиске тела или орудия преступления), это позволяет значительно сузить радиус поисковых мероприятий, экономя силы и средства следственно-оперативной группы.

Одной из наиболее острых проблем остается принцип добровольности. Прохождение полиграфа возможно только при наличии письменного согласия лица. Отказ от тестирования формально не может трактоваться как признак виновности, однако в следственной практике он неизбежно становится маркером для выдвижения более жестких поисковых версий.

Как подчеркивает О. Я. Баев, тактическое использование полиграфа должно быть «ювелирным», чтобы не превратиться в инструмент психологического насилия [3, с. 211]. Недопустимо вводить испытуемого в заблуждение относительно возможностей прибора или использовать ложные интерпретации результатов для оказания давления. Этическая чистота ПФИ — залог признания его результатов судом в качестве косвенных доказательств.

Критическим звеном в системе применения полиграфа является фигура специалиста-полиграфолога. Субъективизм в расшифровке полиграмм остается главным аргументом противников этого метода. В научной литературе подчеркивается необходимость стандартизации методик (например, метода контрольных вопросов или метода тестов на знание виновного).

Е. Р. Россинская справедливо указывает на необходимость развития компьютерных алгоритмов анализа данных, которые бы минимизировали влияние человеческого фактора [4, с. 312]. Только при достижении высокой степени математической достоверности результатов ПФИ сможет претендовать на роль полноценного судебного доказательства по уголовным делам о тяжких преступлениях.

Будущее психофизиологических исследований видится в интеграции полиграфа с другими методами нейровизуализации и анализа больших данных. Возможность бесконтактной регистрации параметров (через айтрекинг или анализ термической карты лица) открывает новые гори-

зонты для криминалистики. Однако это ставит перед наукой новые вызовы: как совместить технологическую эффективность с правом человека на защиту от несанкционированного доступа к его «внутреннему миру»?

Подводя итог, следует констатировать, что использование результатов полиграфа при расследовании тяжких преступлений против личности является сложным, многоаспектным процессом, сочетающим в себе технические, тактические и психологические элементы. Эффективность этого метода детерминирована профессионализмом следователя и его способностью трансформировать сухие данные прибора в живую тактику изобличения преступника.

Дальнейшее совершенствование законодательства и методических рекомендаций позволит превратить полиграф из средства «ориентирующей информации» в надежный инструмент обеспечения законности и справедливости в уголовном процессе.

Список литературы:

[1] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.

[2] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

[3] Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 456 с.

[4] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2020. — 464 с.

[5] Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа: системный подход и современное состояние // Вестник криминалистики. — 2016. — № 2. — С. 45–54.

[6] Образцов В. А. Криминалистика: партитура следственного действия. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 312 с.

[7] Коновалов С. И. Проблемы и перспективы применения полиграфа в уголовном судопроизводстве. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. — 192 с.

[8] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. — М.: Норма, 2009. — 240 с.

[9] Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

[10] Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. — М.: ГЕОТАР-Медиа, 2021. — 608 с.

[11] Варламов В. А. Детектор лжи. — М.: ПЕР СЭ, 2004. — 352 с.

References:

[1] Belkin R. S. Forensic course: in 3 vols. T. 3: Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Lawyer, 1997. - 480 s.

[2] A. Ratinov Forensic Psychology for Investigators. - M.: Yurlitinform, 2001. - 352 s.

[3] Baev O. Ya. Investigative tactics: a training manual. - M.: Yurlitinform, 2013. - 456 p.

[4] Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. - M.: Norma, 2020. - 464 s.

[5] Kholodny Yu. I. Survey using a polygraph: a systematic approach and the current state//Bulletin of Criminalistics. — 2016. — № 2. - S. 45-54.

[6] Obraztsov V. A. Forensics: investigative score. - M.: Yurlitinform, 2011. - 312 s.

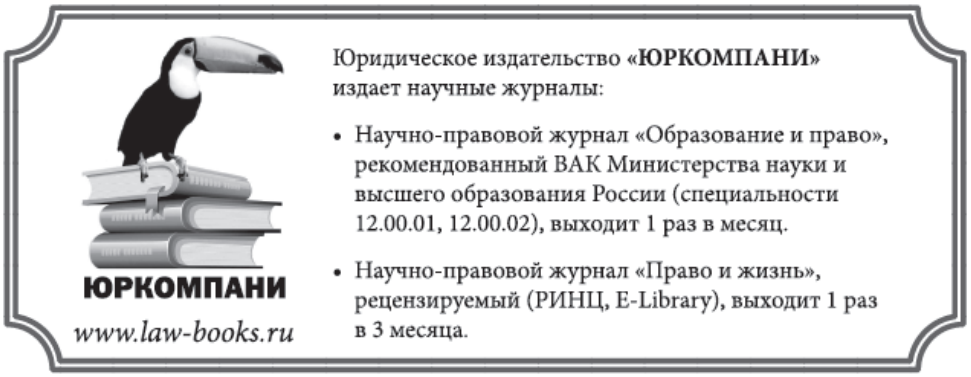
[7] Konovalov S.I. Problems and prospects for the use of a polygraph in criminal proceedings. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2018. - 192 s.

[8] Shafer S.A. Evidence and Criminal Evidence. - M.: Norma, 2009. - 240 s.

[9] Ishchenko E.P. Forensics: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

[10] Forensics: a textbook for universities/ed. R. S. Belkin. - M.: GEOTAR-Media, 2021. - 608 s.

[11] Varlamov V. A. Lie detector. - M.: PER SE, 2004. - 352 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-381-386
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ НА ПОЛУЧЕНИЕ И ОТПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ В УСЛОВИЯХ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые, организационные и психологические аспекты реализации права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах на получение и отправление денежных переводов. Для ее достижения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, включенное наблюдение, с помощью которых осуществлялся анализ положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Право подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в СИЗО УИС на получение и отправление денежных переводов, относится к дополнительным материальным правам указанных лиц, содержащихся под стражей. Правовую основу его реализации составляют законодательные и ведомственные правовые акты, содержащие положения, определяющие порядок получения и отправления денежных переводов. В настоящее время создана и реализуется современная правовая база, регламентирующая рассматриваемое право подозреваемых и обвиняемых. Отметим, что право подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов содержит не только юридические, организационные аспекты, но и психологические, позволяющие в определенной степени нивелировать субъективные трудности лиц, заключенных под стражу обусловленные существенным ограничением свободы их передвижения, социальных контактов и общения с другими людьми, материально-бытовыми ограничениями, вызванными нахождением в СИЗО УИС.*

В данной связи возможность получения и отправления денежных переводов позволяет подозреваемым и обвиняемым сохранять их социальные контакты и связи, адаптироваться к условиям ограничения свободы при нахождении в СИЗО УИС. Поддерживать положительные психологические характеристики (эмоциональное состояние, жизненные планы, волевую активность и др.). Преодолевать и купировать негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, страха, депрессии и суицидального поведения, вызванные привлечением лица к уголовной ответственности, нахождении в изоляторе. Адаптироваться к условиям СИЗО, мобилизовывать психологические резервы организма по преодолению негативных эмоций, связанных с нахождением в изоляторе. Получение и отправление подозреваемыми и обвиняемыми денежных переводов осуществляется в установленном порядке, в строгом соответствии с внутренним распорядком содержания под стражей, устанавливаемом в СИЗО УИС. Гарантом соблюдения права подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов выступает ведомственный контроль со стороны ФСИН России и ее территориальных органов, а также прокурорский надзор.

Ключевые слова: *подозреваемые и обвиняемые, получение и отправление денежных переводов, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

REALIZATION OF THE RIGHT OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS TO RECEIVE AND SEND MONEY TRANSFERS IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal, organizational and psychological aspects of the realization of the right of suspects and accused of committing crimes held in pre-trial detention facilities to receive and send money transfers. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, included observation, which were used to analyze the provisions of domestic penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational literature. The right of suspects and those accused of committing crimes who are in the pre-trial detention center to receive and send money transfers is one of the additional material rights of these persons in custody. The legal basis for its implementation consists of legislative and departmental legal acts containing provisions defining the procedure for receiving and sending money transfers. A modern legal framework has been created and is being implemented to regulate the right of suspects and accused persons under consideration. It should be noted that the right of suspects and accused persons to receive and send money transfers contains not only legal and organizational aspects, but also psychological ones, which make it possible to offset to a certain extent the subjective difficulties of persons in custody caused by significant restrictions on their freedom of movement, social contacts and communication with other people, and material and household restrictions caused by being in PRE-TRIAL DETENTION center. In this regard, the possibility of receiving and sending money transfers allows suspects and accused persons to maintain their social contacts and connections, to adapt to the conditions of restriction of freedom while in jail. To maintain positive psychological characteristics (emotional state, life plans, volitional activity, etc.). To overcome and stop negative emotional states of stress, frustration, fear, depression and suicidal behavior caused by bringing a person to criminal responsibility, being in isolation. To adapt to the conditions of the pre-trial detention center, to mobilize the psychological reserves of the body to overcome the negative emotions associated with being in the isolation ward. Money transfers are received and sent by suspects and accused persons in accordance with the established procedure, in strict accordance with the internal rules of detention established in the pre-trial detention center. Departmental control by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies, as well as prosecutor's supervision, acts as a guarantor of the right of suspects and accused persons to receive and send money transfers.*

Key words: *suspects and accused, receiving and sending money transfers, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, departmental control, prosecutor's supervision.*

Введение. Право подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) на получение и отправление денежных переводов относится к дополнительным материальным правам указанных лиц, содержащихся под стражей.

Правовую основу его реализации составляют законодательные и ведомственные правовые акты, содержащие положения, определяющие порядок получения и отправления денежных переводов. К ним относятся:

– Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», определивший в статье 17 основные права лиц, содержащихся под стражей, направления их обеспечения в условиях СИЗО УИС [1];
– уголовно-процессуальный закон (статьи 46-47 УПК РФ, содержащие указания на необходимость обеспечения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, к которым, в том числе, применена такая процессуальная мера пресечения как содержание под стражей) [2];
– статья 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующая права осужденных, в том числе, оставленных в СИЗО УИС для отбывания наказания [3];
– раздел 10 Правил внутреннего распорядка СИЗО УИС (далее ПВР СИЗО УИС), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07. 2022 г. № 110, конкретизировавших порядок получения и отправления денежных переводов подозреваемыми и обвиняемыми [4, с. 229-235].

Таким образом, в настоящее время создана и реализуется современная правовая база, регламентирующая рассматриваемое право подозреваемых и обвиняемых. Отметим, что право подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов содержит не только юридические, организационные аспекты, но и психологические, позволяющие в определенной степени нивелировать субъективные трудности лиц, заключенных под стражу обусловленные существенным ограничением свободы их передвижения, социальных контактов и общения с другими людьми, материально-бытовыми ограничениями, вызванными нахождением в СИЗО УИС.

В данной связи возможность получения и отправления денежных переводов позволяет подозреваемым и обвиняемым сохранять их социальные контакты и связи, адаптироваться к условиям ограничения свободы при нахождении в СИЗО УИС. Поддерживать положительные психологические характеристики (эмоциональное состояние, жизненные планы, волевую активность и др.). Преодолевать и купировать негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, страха, депрессии и суицидального поведения, вызванные привлечением лица к уголовной ответственности, нахождении в изоляторе [5, с. 20-23]. Адаптироваться к условиям СИЗО, мобилизовывать психологические резервы организма по преодолению негативных эмоций, связанных с нахождением в изоляторе [6, с.81-83].

Обеспечение и соблюдение рассматриваемого права подозреваемых и обвиняемых осуществляется в контексте исполнения принципов содержания под стражей, предусматривающих всестороннюю заботу государства о лицах, содержащихся под стражей [7, с. 198-204].

Таким образом, право подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов является значимым многоаспектным феноменом, актуальным для современной практики привлечения лиц, совершивших преступления к уголовной ответственности.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических аспектов реализации права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах на получение и отправление денежных переводов применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, включенное наблюдение, с помощью которых осуществлялся анализ положений отечественного уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы.

Основные результаты. Рассматриваемое право подозреваемых и обвиняемых весьма подробно и конкретно отражено в пунктах 97-99, 104-105. Работник бухгалтерии СИЗО проверяет наличие денег на лицевом счете подозреваемых и обвиняемых, изъявивших желание отправить телеграмму или электронное письмо. Именно на лицевых счетах указанных лиц, в соответствии с пунктом 104 ПВР СИЗО хранятся переведенные им от родственников и иных лиц в адрес СИЗО денежные средства. Эти средства по заявлению подозреваемого или обвиняемого могут быть потрачены на приобретение продуктов питания и вещей первой необходимости в магазине изолятора, получение дополнительных платных услуг, включая медицинские, парикмахерские, услуги по протезированию зубов и другие, регламентированные ведомственным правовым актом, путем безналичного расчета.

Ключевым понятием анализируемого правового института является «перевод денежных средств». Законодатель подчеркивает речь в данном случае идет о денежных средствах, находящихся на их лицевых счетах. При этом перевод осуществляется посредством банковского или почтового перевода, основанием осуществления которого является заявление подозреваемого (обвиняемого) на имя начальника СИЗО или лица его замещающего. На таком заявлении до его подписания руководителем, работником бухгалтерии делается отметка о наличии денежных средств на лицевом счету. В тексте заявления указываются реквизиты банковского счета, на которые следует перечислить денежные средства, либо адрес, по которому следует их перевести. Заявление подписывается начальником учреждения (лицом его замещающим) в течение трех рабочих дней со дня его подачи и передается в бухгалтерию СИЗО для исполнения. Прием заполненных бланков и заявлений осуществляют уполномоченные должностные лица изолятора [8].

Таким образом, получение и отправление подозреваемыми и обвиняемыми денежных переводов осуществляется в установленном порядке, в строгом соответствии с внутренним распорядком содержания под стражей, устанавливаемом в СИЗО УИС [9, с. 254-260]. Поскольку не допускается нарушение режимных требований, предъявляемых к подозреваемым и обвиняемым о запрете использования наличных денежных средств и других запрещенных на территории СИЗО УИС вещей и предметов [10, с. 345-352]. Реализация рассматриваемого права подозреваемых также соответствует режимным правилам, устанавливаемым в СИЗО УИС, направленных на

обеспечение надзора и контроля за поведением лиц, содержащихся под стражей [11, с. 243-248].

Гарантом соблюдения права подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов выступает ведомственный контроль со стороны ФСИН России и ее территориальных органов, а также прокурорский надзор [12]. Осуществляемый старшими помощниками прокуроров субъектов федерации в процессе проведения ежемесячных плановых проверок в СИЗО УИС [13, с. 6-8].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Право подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в СИЗО УИС на получение и отправление денежных переводов, относится к дополнительным материальным правам указанных лиц, содержащихся под стражей. Правовую основу его реализации составляют законодательные и ведомственные правовые акты, содержащие положения, определяющие порядок получения и отправления денежных переводов.

В настоящее время создана и реализуется современная правовая база, регламентирующая рассматриваемое право подозреваемых и обвиняемых. Отметим, что право подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов содержит не только юридические, организационные аспекты, но и психологические, позволяющие в определенной степени нивелировать субъективные трудности лиц, заключенных под стражу обусловленные существенным ограничением свободы их передвижения, социальных контактов и общения с другими людьми, материально-бытовыми ограничениями, вызванными нахождением в СИЗО УИС.

В данной связи возможность получения и отправления денежных переводов позволяет подозреваемым и обвиняемым сохранять их социальные контакты и связи, адаптироваться к условиям ограничения свободы при нахождении в СИЗО УИС. Поддерживать положительные психологические характеристики (эмоциональное состояние, жизненные планы, волевую активность и др.). Преодолевать и купировать негативные эмоциональные состояния стресса, фрустрации, страха, депрессии и суицидального поведения, вызванные привлечением лица к уголовной ответственности, нахождении в изоляторе. Адаптироваться к условиям СИЗО, мобилизовывать психологические резервы организма по преодолению негативных эмоций, связанных с нахождением в изоляторе.

Получение и отправление подозреваемыми и обвиняемыми денежных переводов осуществляется в установленном порядке, в строгом соответствии с внутренним распорядком содержания под стражей, устанавливаемом в СИЗО УИС. Гарантом соблюдения права подозреваемых и обвиняемых на получение и отправление денежных переводов выступает ведомственный контроль со стороны ФСИН России и ее территориальных органов, а также прокурорский надзор.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 23.04.2026).

[2] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[4] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[5] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[6] Ковалев О.Г. Педагогические и правовые проблемы социальной адаптации осужденных // Перспективы науки. 2024. № 9 (180). С. 81-83.

[7] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[8] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 23.04.2026).

[9] Ковалев О.Г. Внутренний распорядок в местах содержания под стражей и его влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 254-260.

[10] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обысково-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.

[11] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Современные подходы обеспечения надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 8. С. 243-248.

[12] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[13] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 6-8.

References:

[1] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” // Consultant.ru (accessed 04/23/2026).

[2] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[3] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[4] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[5] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[6] Kovalev O.G. Pedagogical and legal problems of social adaptation of convicts // Perspectives of science. 2024. No. 9 (180). pp. 81-83.

[7] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[8] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system” // Garant.ru (accessed 04/23/2026).

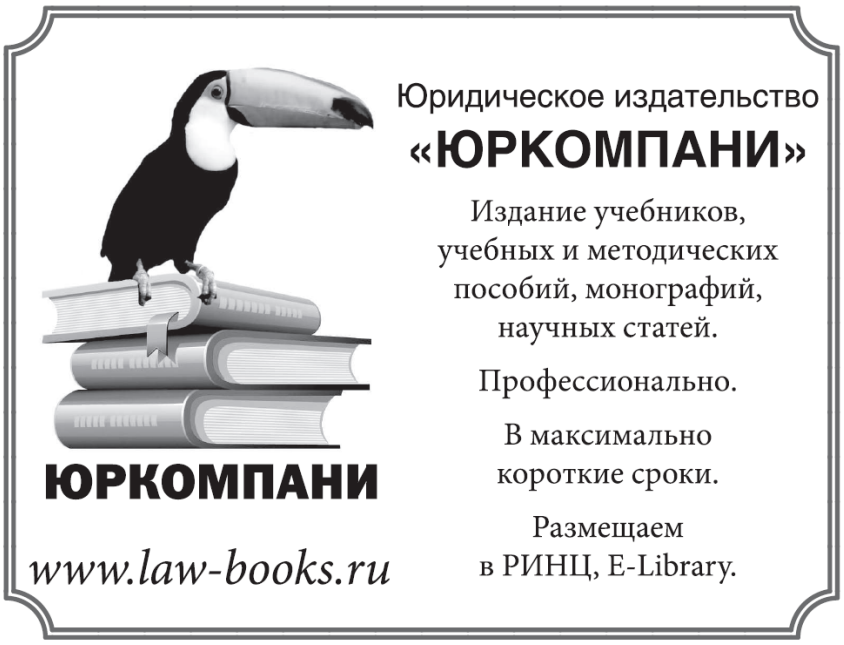
[9] Kovalev O.G. Internal regulations in places of detention and its impact on the observance of the rights and legitimate interests of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2, pp. 254-260.

[10] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the safety of penitentiary institutions // // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. pp. 345-352.

[11] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Modern approaches to supervision in pre-trial detention facilities of the penal system: organizational, legal and psychological analysis // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 243-248.

[12] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[13] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 3. pp. 6-8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-387-392

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

ТУМАНОВА Екатерина Владимировна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Псковского филиала Университета ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

ЮРКОВ Михаил Николаевич,
старший преподаватель кафедры физической и огневой подготовки, ФКОУ ВО Кузбасского института ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье анализируются психолого-педагогические методы профилактики террористической идеологии среди осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. На основе анализа эмпирического опыта апробации специализированных психокоррекционных программ обосновывается необходимость адресного, личностно-ориентированного подхода к работе с осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности. Выделяются ключевые направления психологической коррекции (когнитивное, эмоционально-аффективное, поведенческое) и педагогические методы воспитательного воздействия, направленные на дерадикализацию личности. Предлагаются рекомендации по совершенствованию системы профилактической работы в исправительных учреждениях ФСИН России.*

Ключевые слова: *профилактика террористической идеологии, психолого-педагогические методы, дерадикализация, психокоррекционная программа, осужденные за экстремизм, ценностно-смысловая сфера личности.*

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Physical, Firearms, and Tactical-Special Training, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TUMANOVA Ekaterina Vladimirovna,
Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor, Institute for the Training of State and Municipal Employees, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

YURKOV Mikhail Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Physical and Firearms Training, Federal State Educational Institution of Higher Education, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL METHODS OF PREVENTION OF TERRORIST IDEOLOGY AMONG CONVICTS IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *This article analyzes psychological and pedagogical methods for preventing terrorist ideology among inmates in Russian penal institutions. Based on empirical experience testing specialized psychocorrectional programs, the need for a targeted, person-centered approach to working with those convicted of terrorist and extremist crimes is substantiated. Key areas of psychological correction (cognitive, emotional-affective, and behavioral) and pedagogical methods of educational intervention aimed at deradicalization are highlighted. Recommendations for improving the preventive work system in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia are offered.*

Key words: *Prevention of terrorist ideology, psychological and pedagogical methods, deradicalization, psychocorrectional program, persons convicted of extremism, value-semantic sphere of the individual.*

В научной работе анализируются психолого-педагогические методы профилактики террористической идеологии среди осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. На основе анализа эмпирического опыта апробации специализированных психокоррекционных программ обосновывается необходимость адресного, личностно-ориентированного подхода к работе с осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности. Выделяются ключевые направления психологической коррекции (когнитивное, эмоционально-аффективное, поведенческое) и педагогические методы воспитательного воздействия, направленные на дерадикализацию личности. Предлагаются рекомендации по совершенствованию системы профилактической работы в исправительных учреждениях ФСИН России.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом числа подозреваемых, обвиняемых и осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. Данная категория спецконтингента представляет собой особую группу риска, требующую применения специфических форм и методов исправительного воздействия. Как подчеркивают исследователи, стабильное увеличение количества осужденных данной категории, а также случаи их участия в различных чрезвычайных происшествиях в учреждениях УИС обусловливают необходимость использования личностного, адресного подхода в коррекционной психологической и воспитательной работе с ними.

При этом проблема профилактики террористической идеологии в пенитенциарных учреждениях приобретает особую остроту в силу ряда факторов. Во-первых, сама среда исправительного учреждения, характеризующаяся изоляцией от общества, высокой степенью скученности и ограниченностью внешних коммуникаций, создает благоприятную почву для радикализации отдельных групп осужденных. Во-вторых, осужденные за терроризм и экстремизм, как правило, обладают устойчивыми идеологическими установками, сформированными до осуждения или в процессе предварительного следствия, что делает традиционные методы воспитательной работы малоэффективными. В-третьих, существует проблема распространения влияния радикальных идеологий на иные категории осужденных, что требует разработки комплексных профилактических мероприятий.

Нормативную основу организации профилактической деятельности в данном направлении составляет, в частности, приказ ФСИН России от 24 ноября 2017 г. № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», который указывает на необходимость индивидуального

подхода в психологической и воспитательной работе с лицами, осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности.

Целью настоящей работы является анализ психолого-педагогических методов профилактики террористической идеологии среди осужденных, выявление эффективных подходов к психокоррекционной и воспитательной работе с данной категорией лиц, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию данной деятельности в учреждениях ФСИН России.

Психологический портрет осужденного за преступления террористической направленности: целевые ориентиры профилактической работы:

Эффективность психолого-педагогического воздействия на осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности во многом определяется глубиной понимания их личностных особенностей, мотивационной сферы и психологических механизмов вовлечения в деструктивную идеологию.

Как показывает практика, осужденные данной категории в большинстве своем являются людьми взрослыми, часто имеющими семьи и устойчивые социальные связи до осуждения. Однако их характеризует ряд специфических психологических особенностей, которые необходимо учитывать при построении коррекционной работы. Среди таких особенностей можно выделить:

1. Искажение ценностно-смысловой сферы личности. Террористическая идеология подменяет общечеловеческие ценности псевдорелигиозными или псевдоидеологическими конструктами, что приводит к оправданию насилия в отношении «чужих» и отрицанию права иных социальных групп на существование.
2. Нарушение временной перспективы личности. Исследования с применением методики Ф. Зимбардо (ZTPI) демонстрируют, что для данной категории осужденных характерны неадаптивные модели временной перспективы: доминирование фаталистического настоящего при отсутствии ориентации на позитивное будущее.
3. Деформация самоотношения и идентичности. Как отмечают специалисты, работающие с данной категорией осужденных, одним из характерных проявлений радикализации является отказ от идентификации с собственной национальной и культурной традицией при одновременном принятии наднациональной «чистой» идентичности, предлагаемой радикальными идеологами.
4. Иррациональные установки мышления. Для осужденных террористической направленности характерно дихотомическое (черно-белое) мышление, разделение мира на «наших» и «врагов», абсолютизация отдельных религиозных или идеологических догматов.

Указанные психологические особенности выступают в качестве целевых ориентиров для психокоррекционной работы. Иными словами, задача пенитенциарного психолога заключается в том, чтобы способствовать трансформации указанных деформаций в сторону адаптивных моделей мышления, переживания и поведения.

Методологические подходы к профилактике террористической идеологии в пенитенциарной практике

Анализ практического опыта работы исправительных учреждений ФСИН России позволяет выделить два основных методологических подхода к психолого-педагогической профилактике террористической идеологии среди осужденных: репрессивно-ограничительный и ресоциализационно-терапевтический.

Первый подход, ориентированный на изоляцию и ограничение влияния радикально настроенных осужденных, предполагает создание специализированных учреждений или локальных участков с особыми условиями содержания. В научной литературе обосновывается необходимость изоляции осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности от основной массы содержащихся лиц, а также их разделения между собой в зависимости от индивидуальных особенностей. Данный подход находит отражение и в законодательных инициативах, предлагающих создание специализированных исправительных учреждений для данной категории осужденных в условиях Крайнего Севера.

Однако, как справедливо отмечают исследователи, исключительно ограничительные меры не решают проблему дерадикализации осужденных. Более того, изоляция единомышленников в замкнутом пространстве может, напротив, способствовать консолидации радикальных групп и углублению их идеологической убежденности. Именно поэтому на первый план выходит ресоциализационно-терапевтический подход, предполагающий целенаправленное психолого-педагогическое воздействие на личность осужденного с целью изменения его ценностно-смысловых ориентаций.

В рамках ресоциализационного подхода выделяются два ключевых направления: программы психокоррекционной работы и воспитательно-идеологическая работа.

Психокоррекционные программы как метод профилактики террористической идеологии

Наиболее системно разработанным инструментом профилактики террористической идеологии в учреждениях ФСИН России являются специализированные психокоррекционные программы для лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности.

Одной из таких программ является «Базовая программа психологической коррекции личности для лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности».

Содержательно программа ориентирована на три взаимосвязанные сферы личности осужденного:

1. Когнитивная сфера предполагает работу с системой убеждений, ценностей и смысловых ориентаций. Целью психокоррекционного воздействия является осознание осужденными разрушительного влияния экстремистской идеологии для общества и для них самих, развитие критического мышления, способности к рефлексии собственных убеждений. В ходе занятий осужденные знакомятся с альтернативными мировоззренческими моделями, учатся анализировать пропагандистские конструкции экстремистского толка.
2. Эмоционально-аффективная сфера включает работу с эмоциональными состояниями, характерными для данной категории осужденных: агрессией, тревогой, чувством несправедливости, «гнева праведника». Психологическая работа направлена на изменение восприятия окружающей действительности, формирование более адаптивных способов эмоционального реагирования, снижение враждебности по отношению к окружающим.
3. Поведенческая сфера ориентирована на формирование навыков социально приемлемого поведения, конструктивного разрешения конфликтов, взаимодействия с представителями администрации и другими осужденными. Особое значение придается подготовке осужденных к освобождению, формированию навыков ресоциализации в обществе.

Эмпирическая проверка эффективности данной программы проводилась с применением стандартизированных психодиагностических методик (тест временной перспективы Ф. Зимбардо, многомерный опросник исследования самоотношения, методика «Смысложизненные ориентации»). Полученные результаты демонстрируют наличие позитивных личностных изменений в поведенческой, когнитивной и аффективной сферах личности осужденных экспериментальной группы. Значимые изменения по сравнению с контрольной группой были зафиксированы по шкалам временной перспективы (снижение фаталистического отношения к настоящему и повышение ориентации на будущее), самоотношения (повышение самоуважения и самопринятия) и смысложизненных ориентаций (появление целей в жизни и интереса к ее эмоциональной насыщенности).

Воспитательные методы и педагогические технологии профилактики

Психокоррекционная работа с осужденными за террористические и экстремистские преступления должна быть дополнена системой воспитательных мероприятий, реализуемых сотрудниками воспитательных служб исправительных учреждений. Как подчеркивается в научной литературе, необходим комплексный подход, сочетающий режимные, оперативные, воспитательные, психологические меры и меры общественного воздействия.

К числу наиболее эффективных педагогических методов профилактики террористической идеологии относятся:

1. Информационно-просветительские методы включают проведение лекций, бесед, дискуссий на темы, связанные с разоблачением экстремистской идеологии, разъяснением положений традиционных религий о недопустимости насилия, формированием толерантного мировоззрения. Важно, чтобы данная работа проводилась не только сотрудниками УИС, но и приглашенными специалистами — представителями традиционных религиозных конфессий, которые призваны донести до осужденных аутентичное понимание религиозных догматов, исключающее радикальные интерпретации.
2. Методы формирования идентичности и патриотизма, предполагающие обращение к истории, культуре, национальным традициям. Как показывает практика работы с осужденными, подверженными радикальной идеологии, одной из задач является восстановление разорванной связи человека с его национально-культурной идентичностью. Рассказ об истории страны, национальных героях, подлинных образцах

мужества и самоотверженности способствует формированию здорового патриотизма как альтернативы космополитичному радикализму.

3. Методы критического мышления и медиаграмотности, направленные на развитие у осужденных способности распознавать манипулятивные техники экстремистской пропаганды, анализировать информационные сообщения, отличать факты от интерпретаций. В условиях, когда значительная часть осужденных имеет доступ к информации через мобильные устройства, формирование навыков информационной гигиены приобретает особую актуальность.
4. Методы вовлечения в социально-полезную деятельность предполагают привлечение осужденных к труду, обучению, участию в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, деятельности общественных организаций. Занятость и наличие позитивных социальных связей являются факторами, снижающими риск рецидива экстремистской активности после освобождения.

Проблемы и перспективы совершенствования профилактической работы

Несмотря на наличие разработанных программ и накопленного опыта, система психолого-педагогической профилактики террористической идеологии в учреждениях ФСИН России сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, сохраняется проблема кадрового обеспечения. Как отмечается в научных публикациях, необходимо не только обеспечить начальника отряда и сотрудников психологической службы необходимыми методическими материалами, способствующими выявлению лиц, которые могут быть подвержены влиянию радикальных идей, но и повысить их квалификацию в данной сфере. В этой связи заслуживает поддержки разработка программ повышения квалификации для сотрудников психологической службы, осуществляющих сопровождение лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления.

Во-вторых, существует проблема формального подхода к реализации профилактических мероприятий. Как подчеркивается в научной литературе, необходима разработка эффективных мер по борьбе с проблемой растущего влияния радикальных религиозных идей на осужденных, что является сложной задачей, поскольку решить ее разовыми или радикальными мерами проблематично. Требуется системная, непрерывная работа, результаты которой manifestируются в долгосрочной перспективе.

В-третьих, актуальной остается проблема вовлечения институтов гражданского общества (религиозных организаций, некоммерческих организаций, волонтерских объединений) в процесс профилактики террористической идеологии. Как отмечают исследователи, активное привлечение институтов гражданского общества, в том числе с использованием материальных стимулов, может существенно повысить эффективность профилактической работы.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации:

1. Профилактика террористической идеологии среди осужденных в учреждениях ФСИН России требует комплексного подхода, сочетающего репрессивно-ограничительные меры (изоляция, раздельное содержание) с ресоциализационно-терапевтическими (психокоррекционные программы, воспитательная работа).
2. Наиболее разработанным инструментом психологического воздействия на осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности являются специализированные психокоррекционные программы. Апробация базовой программы психологической коррекции личности, проведенная в исправительных учреждениях, подтверждает ее достаточную эффективность и возможность внедрения в практическую деятельность всех территориальных органов ФСИН России.
3. Ключевыми целевыми ориентирами психолого-педагогической работы с данной категорией осужденных являются: развитие критического мышления и отказ от иррациональных установок (когнитивная сфера); снижение агрессии и враждебности, изменение эмоционального восприятия окружающей действительности (эмоциональная сфера); формирование навыков социально-приемлемого поведения и подготовка к ресоциализации (поведенческая сфера).
4. В целях повышения эффективности профилактической работы рекомендуется: а) обеспечить систематическое повышение квалификации сотрудников психологических и воспитательных служб в сфере противодействия террористической идеологии; б) развивать практику привлечения представителей традиционных религиозных конфессий и институтов гражданского общества к работе с осужденными; в) внедрить систему мониторинга динамики психологического состояния осужденных, подверженных радикальной идеологии, с использованием стандартизированных психодиагностических методик.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку дифференцированных программ психокоррекционной работы с учетом возраста, национальности, степени идеологической убежденности и других индивидуальных особенностей осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности.

Список литературы:

[1] Опыт разработки и апробации базовой программы для психологической и воспитательной работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / С.Х. Шамсунов, П.Н. School of Economics // Penitentiary Science. – 2021. – Vol. 15. – Iss. 4. – P. 904-911. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-904-91;

[2] Improving the effectiveness of countering extremist crimes using the example of joint type institutions / А.П. Скиба, А.Ж. Кокиев // Penal Law. – 2025. – Vol. 20(1-4). – Iss. 1. – P. 24-32;

[3] Бухарова, А. Е. Противодействие терроризму и экстремизму как приоритетное направление деятельности ФСИН России / А. Е. Бухарова, А. П. Шумаров // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–18 мая 2023 года. – Воронеж: Строки, 2023. – С. 451-455. – EDN EQIKEQ;

[4] Яковенко, И. С. Роль ФСБ России в обеспечении безопасности государства в контексте борьбы с терроризмом и экстремизмом. Взаимодействие ФСБ и ФСИН России / И. С. Яковенко, М. С. Дзырук, А. Ю. Медведева // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Воронеж, 14–15 мая 2025 года. – Воронеж: ИП Копыльцов П.И., 2025. – С. 447-451. – EDN JALCVA;

[5] Громов, Л. С. Противодействие экстремизму в учреждениях ФСИН России / Л. С. Громов // Развитие современной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 10 апреля 2023 года. – г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 48-51. – EDN TQZJKJ;

[6] Приказ ФСИН России от 24.11.2017 № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы».

References:

[1] Experience in the development and testing of a basic program for psychological and educational work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/S.Kh. Shamsunov, P.N. School of Economics//Penitential Science. – 2021. – Vol. 15. – Iss. 4. – P. 904-911. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-904-91;

[2] Improving the effectiveness of countering extremist crimes using the example of joint type institutions / А.П. Скиба, А.Ж. Кокиев // Penal Law. – 2025. – Vol. 20(1-4). – Iss. 1. – P. 24-32;

[3] Bukharova, A.E. Countering terrorism and extremism as a priority area of activity of the Federal Penitentiary Service of Russia/A.E. Bukharova, A.P. Shumarov//Technique and safety of facilities of the penitentiary system: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 17-18, 2023. - Voronezh: Lines, 2023. - S. 451-455. – EDN EQIKEQ;

[4] Yakovenko, I. S. The role of the FSB of Russia in ensuring the security of the state in the context of the fight against terrorism and extremism. Interaction between the FSB and the Federal Penitentiary Service of Russia/I. S. Yakovenko, M. S. Dzyruk, A. Yu. Medvedeva//Technique and safety of facilities of the penitentiary system: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. In 4 volumes, Voronezh, May 14-15, 2025. - Voronezh: IP Kopyltsov P.I., 2025. - S. 447-451. – EDN JALCVA;

[5] Gromov, L. S. Countering extremism in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia/L. S. Gromov//Development of modern science: experience in theoretical and empirical analysis: Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, April 10, 2023. - Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. - S. 48-51. – EDN TQZJKJ;

[6] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 24.11.2017 No. 1111 “On the Organization of Measures to Counter Terrorism and Extremist Activities in Institutions and Bodies of the Penal System.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-393-396

ТЕПСУЕВ Магомед Султанович,
доцент кафедры права
Чеченского государственного
педагогического университета,
к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ДАДАШОВ Муса Махамедович,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
Грозненский государственный нефтяной
технический университет имени М.Д. Миллионщикова,
Грозный, Россия,
e-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru

АЛЬТЕМИРОВА Элина Рустамовна,
ассистент кафедры уголовного права,
процесса и национальной безопасности
ЧГУ им. А.А. Кадырова,
e-mail: elina.altemirova18@mail.ru

СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. *В статье анализируется соотношение общесоциального и специально-криминологического уровней предупреждения преступности в контексте определения круга субъектов профилактической деятельности. Обосновывается, что разграничение указанных уровней имеет принципиальное значение для понимания предмета криминологии и пределов компетенции субъектов предупреждения преступности. На основе анализа подхода В.Д. Ларичева и О.Ю. Исаева аргументируется тезис о том, что общесоциальные меры, направленные на развитие экономики, социальной сферы и духовной жизни общества, не обладают самостоятельной криминологической природой, поскольку не преследуют в качестве непосредственной цели предотвращение преступлений и не реализуются субъектами, наделёнными специальной профилактической компетенцией. Делается вывод о необходимости чёткого институционального разграничения субъектов предупреждения преступности и уточнения критериев их отнесения к системе криминологической профилактики.*

Ключевые слова: *предупреждение преступности; субъекты предупреждения преступности; общесоциальные меры; специально-криминологическое предупреждение; компетенция; институциональный анализ; криминологическая политика.*

TEPSUEV Magomed Sultanovich,
Associate Professor of the Department of Law
of the Chechen State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

DADASHOV Musa Mahamedovich,
Associate Professor of the Department
of Information Law and Jurisprudence Grozny State Oil
Technical University named after M.D. Millionshchikov,
Grozny, Russia

ALTEMIROVA Elina Rustamovna,
Assistant Professor at the Department of Criminal Law,
Process and National Security of the Kadyrov State University

SUBJECTS OF CRIME PREVENTION IN CONTEMPORARY RUSSIA: INSTITUTIONAL SYSTEM AND LIMITS OF COMPETENCE

Annotation. *The article analyzes the correlation between general social and special criminological levels of crime prevention in the context of defining the range of subjects involved in preventive activities. It is argued that distinguishing these levels is crucial for understanding the subject matter of criminology and the limits of competence of crime prevention actors. Based on the approach proposed by V.D. Larichev and O.Yu. Isaev, the author substantiates the thesis that general social measures aimed at economic, social, and moral development of society do not possess an independent criminological nature, since they do not pursue crime prevention as a direct objective and are not implemented by subjects endowed with special preventive competence. The article concludes that a clear institutional differentiation of crime prevention subjects and refinement of criteria for their inclusion in the system of criminological prevention are necessary.*

Key words: *crime prevention; subjects of crime prevention; general social measures; special criminological prevention; competence; institutional analysis; criminological policy.*

Разговор о предупреждении преступности сегодня всё чаще выходит за пределы привычной уголовно-правовой риторики. Реакция на уже совершённые преступления — необходима, но она не решает главной задачи: сокращения самого источника криминогенности. Репрессивный механизм работает с последствиями. Профилактика — с причинами. И именно здесь возникает вопрос: кто конкретно отвечает за предупреждение преступности и где заканчиваются пределы его компетенции?

На практике профилактическая деятельность распределена между множеством институтов. Однако их взаимодействие далеко не всегда выстроено системно. Функции нередко пересекаются, полномочия формулируются расплывчато, межведомственное сотрудничество носит формальный характер. В итоге профилактика подменяется отчётами, а реальное воздействие на криминогенные процессы оказывается фрагментарным.

В научной литературе понятие «субъект предупреждения преступности» также трактуется неодинаково. Одни исследователи ограничивают его круг правоохранительными органами. Другие включают в него весь комплекс государственных структур. Третьи добавляют органы местного самоуправления, образовательные учреждения, общественные объединения и семью. Такая вариативность отражает не богатство подходов, а отсутствие единой институциональной модели.

Между тем именно ясность в определении субъектов профилактики позволяет понять, где профилактика действительно осуществляется, а где речь идёт лишь о сопутствующем антикриминогенном эффекте иной деятельности.

Цель настоящей статьи — рассмотреть систему субъектов предупреждения преступности в современной России как целостную институциональную конструкцию и определить пределы их компетенции.

Предупреждение преступности — это не разовые мероприятия и не декларативные программы. В криминологическом смысле речь идёт о целенаправленном воздействии на причины и условия преступности до их перерастания в конкретное противоправное поведение. Это работа «на опережение».

Субъект предупреждения преступности — это институт, который обладает реальной возможностью влиять на криминогенные факторы и делает это в рамках своей компетенции. Такой подход сразу выводит обсуждение за пределы исключительно правоохранительной системы. Органы уголовной юстиции — важнейший, но не единственный элемент профилактики.

«В научной литературе подчёркивается, что предупреждение преступности представляет собой сложный и многогранный процесс, направленный на выявление и устранение её корней; воздействие при этом осуществляется на ранней стадии, когда криминогенные факторы ещё поддаются нейтрализации, что позволяет решать задачи борьбы с преступностью без активизации репрессивного механизма уголовной юстиции» [1]. Это принципиально: профилактика — самостоятельное направление государственной политики, а не вспомогательное приложение к наказанию.

Разграничение общего и специального предупреждения здесь неизбежно. Общее предупреждение формируется через правовую и социально-экономическую среду. Специальное — через деятельность органов и структур, непосредственно ориентированных на нейтрализацию конкретных криминогенных факторов.

Таким образом, субъект предупреждения — это не любой участник социальной жизни, а институт, обладающий целевой установкой на профилактику и наделённый соответствующими полномочиями.

Особая модель профилактики складывается в местах лишения свободы. Здесь концен-

трация лиц с криминальным опытом и специфика режима требуют чёткого распределения функций. Ошибка в координации может иметь прямые последствия для безопасности.

В исправительном учреждении невозможно возложить профилактику на одну службу. Режимные подразделения обеспечивают изоляцию и контроль. Оперативные аппараты выявляют преступные намерения. Воспитательные службы работают с установками личности. Производственные и образовательные подразделения создают альтернативу криминальной субкультуре.

Как подчёркивают М.В. Повная и Ю.Ю. Тищенко, субъекты предупреждения преступности в исправительных учреждениях образуют систему, в которой «в зависимости от характера деятельности и основных обязанностей соответствующих отделов и служб ИУ реализацию функции предупреждения преступности осужденных могут осуществлять специализированные и неспециализированные субъекты», причём многосубъектность требует «наличия специального механизма координации, обеспечивающего согласие усилий, взаимодействие, наиболее полное использование сил и средств каждого субъекта профилактики с учетом его общей компетенции» [2].

Специализированные субъекты — режимные, оперативные и подразделения безопасности — ориентированы непосредственно на пресечение преступных проявлений. Неспециализированные — воспитательные, медицинские, образовательные службы — не занимаются оперативной деятельностью, но формируют условия, в которых криминальное поведение теряет устойчивость.

Ключевым остаётся вопрос координации. Без чёткого распределения ответственности профилактика либо дублируется, либо проваливается в «серых зонах» межведомственных пересечений.

Если исправительное учреждение — это пространство вторичной профилактики, то семья — её первичная форма. Именно здесь закладываются базовые модели поведения и отношение к норме.

Л.М. Каржаубаева справедливо указывает, что семья является «важным субъектом предупреждения преступности несовершеннолетних», поскольку в ней формируются социальные роли и ценностные ориентиры личности; неблагоприятный нравственно-психологический климат, злоупотребление алкоголем родителями, отсутствие эмоционального контакта и контроля создают предпосылки асоциального поведения, причём материальное благополучие само по себе не гарантирует профилактического эффекта — решающим остаётся характер внутрисемейных отношений [3].

Криминогенное значение имеет не только открытая девиация в семье, но и постепенная утрата воспитательной функции. Формальное безразличие, двойные стандарты, агрессия, эмоциональное отчуждение — всё это разрушает внутренние механизмы самоконтроля подростка.

Сегодня нередко происходит подмена воспитания обеспечением. Родители создают материальный комфорт, но не формируют нравственные ориентиры. Внешнее благополучие маскирует внутреннюю пустоту. И именно в этой пустоте возникают альтернативные источники влияния.

Семья остаётся единственным институтом, способным осуществлять раннюю профилактику — до вмешательства школы или правоохранительных органов.

Разграничение общего и специального предупреждения — не теоретическая формальность, а вопрос институциональной ясности.

В.Д. Ларичев и О.Ю. Исаев подчёркивают, что общесоциальные меры — экономические, социальные, духовно-нравственные — осуществляются субъектами не с целью предупреждения преступлений, а в рамках задач социального развития; предупреждение преступности выступает побочным результатом, поскольку такие субъекты «не решают круга задач по предупреждению преступлений, не обладают определенной компетенцией в области предупреждения преступлений» и не ставят соответствующую цель [4].

Это ключевой момент. Повышение уровня жизни, развитие образования или культуры действительно снижают криминогенность среды. Но это эффект, а не целенаправленная профилактическая политика.

Субъект предупреждения преступности должен обладать не только фактическим влиянием, но и специальной компетенцией, закреплённой нормативно. Иначе границы профилактики размываются, а сама категория теряет аналитическую чёткость.

Общесоциальные меры образуют фундамент профилактики, но не подменяют её как самостоятельную деятельность.

Система субъектов предупреждения преступности в современной России многоуровнева и институционально сложна. В неё входят органы государственной власти, правоохранительные структуры, учреждения исполнения наказаний, социальные службы и семья. Однако их объединяет не сам факт существования, а целевая направленность на нейтрализацию криминогенных факторов.

Проблема не в недостатке субъектов, а в чёткости их компетенции и согласованности действий. Без этого профилактика распадается на набор разрозненных мероприятий.

Чёткое разграничение общего и специального предупреждения позволяет сохранить научную и практическую определённость. Общесоциальные меры создают условия, но специализированная профилактика обеспечивает целенаправленное воздействие.

Эффективная модель предупреждения преступности возможна только при институциональной ясности, координации и ответственности каждого субъекта за свой участок профилактической работы.

Список литературы:

[1] Кобец Петр Николаевич О субъектах предупреждения преступности // Символ науки. 2015. №9-2;

[2] Повная Марина Владимировна, Тищенко Юрии Юрьевич Субъекты предупреждения преступности в исправительных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2022. №11 (215);

[3] Каржаубаева Л. М. Семья - важный субъект предупреждения преступности несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. 2009. №3;

[4] Ларичев Василий Дмитриевич, Исаев Олег Юрьевич Относятся ли общесоциальные меры к предупреждению преступности? (постановка вопроса // Научный портал МВД России. 2011. №3.

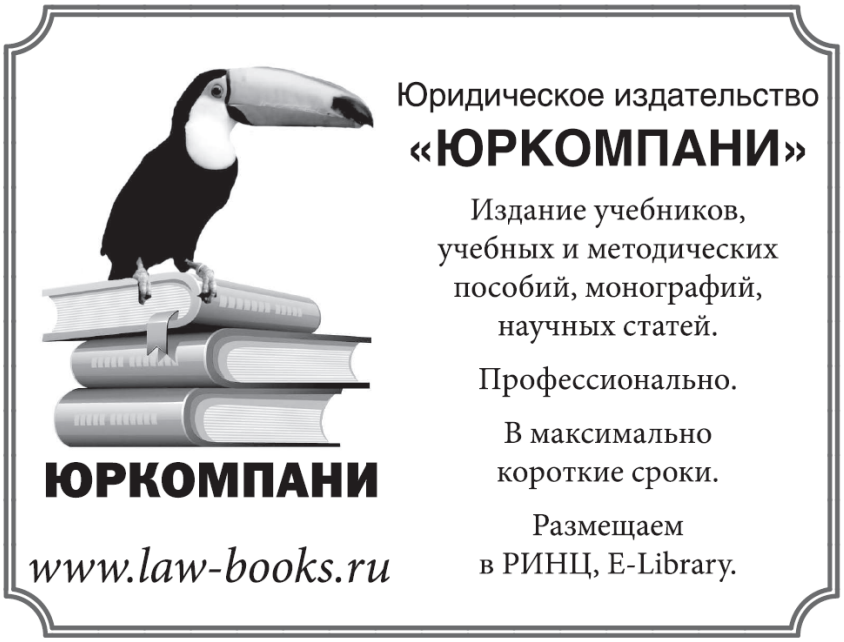
References:

[1] Kobets Petr Nikolaevich On subjects of crime prevention//Symbol of science. 2015. №9-2;

[2] Povnaya Marina Vladimirovna, Tishchenko Yuri Yuryevich Subjects of crime prevention in correctional institutions//Law and state: theory and practice. 2022. №11 (215);

[3] Karzhaubaeva L. M. Family is an important subject of juvenile crime prevention//Actual problems of Russian law. 2009. №3;

[4] Larichev Vasily Dmitrievich, Isaev Oleg Yuryevich Are general social measures related to crime prevention? (question//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. №3.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-397-399

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: alkhastovam@gmail.com

БИЧАЕВА Залина Ибрагимовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: Bichaeva.zalina@mail.ru

ТЕПСУЕВ М.С.,
доцент кафедры права Чеченского государственного педагогического университета, к.и.н., доцент
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОИСКОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА

Аннотация. *В статье подвергнуты критическому анализу аспекты психологического взаимодействия субъектов при производстве обыска. Автор акцентирует внимание на механизмах рефлексивного управления поведением обыскиваемого, верификации невербальных признаков сокрытия искомых объектов. Рассмотрены прикладные вопросы нейтрализации тактического противодействия через призму когнитивной психологии и криминалистики.*

Ключевые слова: *криминалистическая тактика, следственные действия, обыск, рефлексия, невербальное поведение, сокрытие следов, психологический контакт.*

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University

BICHAEVA Zalina Ibragimovna,
Assistant Professor of the Department of Jurisprudence, Grozny State Petroleum Technical University named after M.D. Millionshchikov

TEPSUEV M.S.,
Associate Professor, Department of Law, Chechen State Pedagogical University, PhD in History, Associate Professor

PSYCHOLOGICAL AND TACTICAL FEATURES OF SEARCH ACTIVITIES DURING SEARCH

Annotation. *The article critically analyzes aspects of the psychological interaction of subjects during a search. The author focuses on the mechanisms of reflexive control of the searched person's behavior, verification of non-verbal signs of hiding the desired objects. The applied issues of neutralizing tactical counteraction through the prism of cognitive psychology and criminology are considered.*

Key words: *forensic tactics, investigative actions, search, reflection, non-verbal behavior, concealment of traces, psychological contact.*

Традиционно обыск рассматривается в криминалистической литературе как одно из наиболее инвазивных и конфликтогенных следственных действий. Его результативность, вопреки распространенному заблуждению, определяется не столько технической оснащенностью поисковой группы, сколько глубиной психолого-тактического анализа ситуации следователем. В современных условиях, характеризующихся интеллектуализацией преступной деятельности, стандартные алгоритмы поиска зачастую пасуют перед подготовленным противодействием.

Актуальность проблемы продиктована тем, что субъект, стремящийся скрыть следы преступления, сегодня использует не только физические, но и психологические барьеры. Следовательно, назрела необходимость пересмотра тактического инструментария в пользу усиления рефлексивного компонента поисковой деятельности.

Психологическая канва обыска неразрывно связана с понятием «информационного конфликта». Как справедливо указывал А. Р. Ратинов, деятельность следователя в данной ситуации носит ярко выраженный имитационный характер: необходимо не просто смотреть, а «мыслить за обыскиваемого» [1, с. 165]. Рефлексия здесь выступает как инструмент моделирования логики сокрытия.

Центральным звеном является выявление «доминанты сокрытия». У лица, знающего о местонахождении тайника, формируется устойчивый очаг возбуждения. Любое перемещение субъекта поиска в пространстве неизбежно интерпретируется обыскиваемым через призму угрозы обнаружения этой доминанты. Данный механизм порождает комплекс психофизиологических реакций, которые практически не поддаются произвольному контролю со стороны неподготовленного человека.

Для демаскировки скрываемых объектов представляется целесообразным применение следующих тактических комбинаций:

1. Метод направленной вербальной стимуляции («Зондирование»). Суть приема заключается в вербализации следователем плана предстоящих перемещений. Произнося фразу: «Приступим к осмотру библиотеки», следователь обязан фиксировать не только мимику, но и вегетативные проявления у обыскиваемого (изменение ритма дыхания, сглатывание слюны, микротремор пальцев). Е. Е. Центров отмечает, что именно первичная, мгновенная реакция на слово является наиболее информативной, так как «цензура сознания» срабатывает с задержкой в 0,5–1 секунду [2, с. 14].
2. Создание «контролируемых пауз» и изменение темпоритма. Искусственное замедление поиска в зонах, не вызывающих опасений у фигуранта, с последующим резким переходом к подозрительным участкам, создает эффект когнитивного диссонанса. Обыскиваемый, настроившийся на монотонный процесс, теряет бдительность и не успевает вовремя включить механизмы психологической защиты (например, напускное безразличие).
3. Тактика «двойного захода». Данный прием эксплуатирует феномен «психологической разрядки». После поверхностного осмотра сектора, где предположительно находится тайник, группа переходит в другое помещение. Обыскиваемый испытывает ложное чувство безопасности. Внезапное возвращение следователя к первоначальному объекту провоцирует наиболее острые поведенческие срывы, прямо указывающие на локализацию искомого.

Противодействие со стороны обыскиваемых лиц редко носит хаотичный характер. Чаще всего это выверенная стратегия, включающая создание «ложных целей» или «информационных ловушек». Психологический расчет преступника прост: заставить следователя потратить максимум ресурсов на вскрытие пустого сейфа или пола, чтобы вызвать у него чувство фрустрации и усталости.

Как подчеркивал И. Е. Быховский, профилактика подобных ошибок кроется в «неукоснительной системности» [3, с. 52]. Следователь должен психологически дистанцироваться от промежуточных успехов или неудач, сохраняя установку на сплошное обследование пространства. Любая эмоциональная вовлеченность (радость от находки или раздражение от неудачи) снижает когнитивный контроль и играет на руку противоборствующей стороне.

Трансформация преступности в сторону киберпространства изменила и «портрет» обыскиваемого. Современный фигурант зачастую убежден в неуязвимости своих данных за счет шифрования или облачного хранения. Психологическая задача следователя здесь — разрушить эту иллюзию в первые секунды контакта. Тактически это реализуется через блокирование возможности дистанционного уничтожения данных. Момент «цифрового шока», когда субъект осознает, что его устройства изъяты в разблокированном виде, является идеальным для проведения первого допроса «по горячим следам».

Подводя итог, следует констатировать, что психолого-тактическая архитектура обыска — это сложная система рефлексивного взаимодействия. Успех мероприятия детерминирован уме-

нием следователя сепарировать случайные реакции от симптоматических, а также способностью сохранять психологическое превосходство в условиях длительного стресса. Перспективным направлением видится дальнейшая интеграция в криминалистику методов профайлинга и анализа микровыражений лица, что позволит поднять тактику поиска на качественно новый уровень.

Список литературы:

[1] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

[2] Центров Е. Е. Психологические основы обыска и выемки // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. — 2016. — № 4. — С. 12–21.

[3] Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы обыска. — М.: Юридическая литература, 1961. — 224 с.

[4] Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 456 с.

[5] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.

[6] Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. — М.: Норма, 2004. — 184 с.

[7] Глазырин Ф. В. Психология следственных действий: монография. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. — 136 с.

[8] Образцов В. А. Криминалистика: партитура следственного действия. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 312 с.

[9] Коновалов С. И. Проблемы теории и практики тактических приемов обыска. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. — 192 с.

[10] Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. — М.: ГЕОТАР-Медиа, 2021. — 608 с.

References:

[1] A. Ratinov Forensic Psychology for Investigators. - M.: Yurlitinform, 2001. - 352 s.

[2] Centers E. E. Psychological foundations of search and seizure//Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Right. — 2016. — № 4. - S. 12-21.

[3] Bykhovsky I.E. Procedural and tactical issues of the search. - M.: Legal literature, 1961. - 224 s.

[4] Baev O. Ya. Investigative tactics: a textbook. - M.: Yurlitinform, 2013. - 456 p.

[5] Belkin R. S. Forensic course: in 3 vols. T. 3: Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Lawyer, 1997. - 480 s.

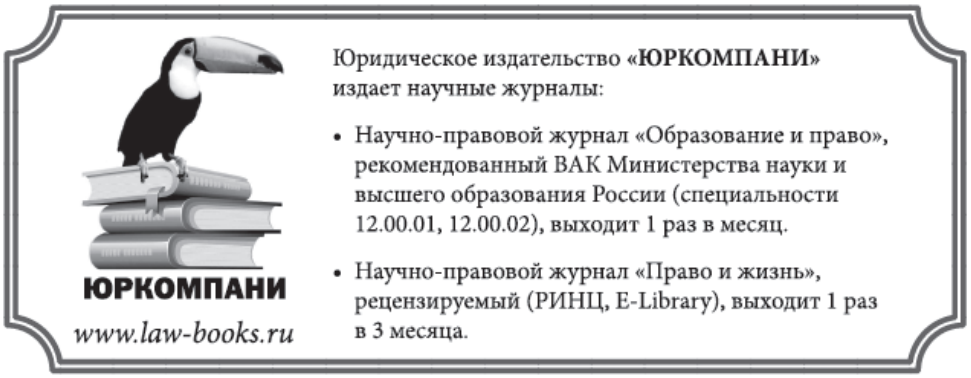
[6] Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary significance. - M.: Norma, 2004. - 184 s.

[7] Glazyrin F.V. Psychology of investigative actions: monograph. - Volgograd: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1983. - 136 s.

[8] Obraztsov V. A. Forensics: score of investigative action. - M.: Yurlitinform, 2011. - 312 s.

[9] Konovalov S.I. Problems of theory and practice of tactical search techniques. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2018. - 192 s.

[10] Forensics: a textbook for universities/ed. R. S. Belkin. - M.: GEOTAR-Media, 2021. - 608 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-400-402

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В 2026 году уголовно-исполнительной системе России исполнилось 147 лет. За это время отечественные места заключения пережили немало преобразований, оказавших на них как положительное, так и негативное влияние. Конечно, очень многое было сделано, что называется, «с нуля», однако, к сожалению, некоторые проблемы, например, организация труда осужденных, до сих пор остаются лишь частично решенными. При этом зачастую проблемы тюремного труда в дореволюционной и современной России весьма схожи. В статье предпринята попытка проанализировать вопросы организации труда арестантов в период тюремной реформы 1879 года с целью учета практического опыта.*

Ключевые слова: *тюрьма, труд, осужденный, лишение свободы, уголовно-исполнительная система, исправление, перевоспитание.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

SOME ISSUES OF LABOR ORGANIZATION FOR CONVICTS IN PRE-REVOLUTIONARY AND MODERN RUSSIA

Annotation. *In 2026, the Russian penal system celebrated its 147th anniversary. During this time, Russian prisons have undergone numerous transformations, both positive and negative. While significant progress has been made, some issues, such as the organization of prison labor, remain unresolved. Interestingly, the challenges faced by prison labor in pre-revolutionary and modern Russia share many similarities. The article attempts to analyze the issues of the organization of prisoners' labor during the prison reform of 1879 in order to take into account practical experience.*

Key words: *prison, labor, convict, imprisonment, penal system, correction, re-education.*

В середине XIX века разнообразие названий мест лишения свободы, видов и целей наказаний, которые в них исполнялись, неизбежно приводило к юридической путанице, существенным трудностям при издании законов, спорам в судебной практике, увеличивало и без того не маленький документооборот.

Россия не осталась чужда общему вниманию в Европе к тюремному вопросу: к 1830-1840-м годам относится большое количество указаний и циркуляров, имевших своей целью упорядочить тюремное дело и ввести в тюрьмах исправительные начала [6, с. 28]. С 1845 года одна за другой начали свою работу правительственные комиссии по подготовке тюремной реформы, одним из главных положений которой стала организация в местах лишения свободы тюремного труда.

Общеизвестно, что лишение свободы как основной вид наказания не может исполняться без вовлечения осужденных в трудовую деятельность. Она является основой исправления осужденного и возвращения в общество законопослушного гражданина. При этом безусловно за труд должно выплачиваться денежное вознаграждение, а при назначении работ следует учитывать социально-демографические и психологические характеристики спецконтингента. Еще в конце XIXвека известный ученый-пенитенциарист И.Я. Фойницкий писал, что «тюрьма, претендую-

щая оказать обществу услугу возвращением ему полезных членов, отнюдь не должна позорить в их глазах того, на чем основывается вся польза их обществу – работу» [8, с. 243].

В частности, комиссия по тюремным преобразованиям 1872 года полагала, что строгая обязательность правильной, продолжительной работы каждый день может иметь сама по себе важное воспитательное значение на арестанта, так как большая часть преступлений совершается из-за привычки к праздности и неверному взгляду на значение труда. Для того, чтобы обязательная работа не служила лишь элементом кары для преступника, но и получила для него нравственное значение, необходимо, чтобы ее польза была для арестантов очевидной, как в самой организации их труда, так и в конечном результате. Важно также учитывать, что подневольный арестантский труд может отрицательно сказаться на его исправлении, поэтому важно при организации трудовой деятельности принимать во внимание профессиональную подготовку и желание осужденных[1, с. 185-186].

Таким образом тюремный труд приносит государству определенный доход, формирует привычку осужденного честно и систематически работать, что благоприятным образом должно сказаться на его постпенитенциарной адаптации.

По мнению тюремных реформаторов, для решения вопроса организации тюремного труда необходимо привлекать специалистов той или иной производственной сферы. При этом арестанты должны трудиться не меньше, чем свободные люди. Однако на практике в дореволюционной России сложилась ситуация, когда условия содержания и труда арестантов были лучше, чем у большинства податного населения [7, с. 43].

Важно понимать, что все преобразования по тюремной части, в том числе и в отношении тюремного труда, должны проводиться безупречными в нравственном отношении, знающими и практическими опытными чиновниками, знающими Россию и способными объективно оценить сложившуюся на местах ситуацию и принять необходимые меры. Не следует, на наш взгляд, чрезмерно увлекаться европейским и американским тюремным опытом, пусть и положительным. Россия – самобытная страна с большим историческим прошлым, и вряд ли ей подходят меры, характерные для стран иного экономического и жизненного уклада. Сказанное подтверждают и архивные сведения: тюремная система пореформенной России соответствовала, а иногда и превосходила более развитые европейские державы по одному из центральных показателей благополучия пенитенциарных систем – смертности заключенных [2, с.132].

Арестантский труд впервые был признан обязательным в соответствии с Законом от 06 января 1886 года «О порядке занятия арестантов работами и получаемого от сего дохода», который был введен в действие на основании Высочайшего утвержденного мнения Государственного Совета. До этого арестантский труд существовал только в тех тюрьмах, в которых размеры помещений и количество заключенных позволяли устройство мастерских. Но даже в таких тюрьмах ветхость зданий и недостаточность жилых помещений зачастую заставляла переоборудовать мастерские в камеры. К этому добавлялась и нехватка персонала для надзора за арестантами при организации внешних работ [4, с. 701].

Для привлечения покупателей и формирование спроса на продукцию, сделанную осужденными, тюремные власти принимали различные меры к ознакомлению местного населения с результатами арестантского труда: проводились выставки-ярмарки арестантских изделий, размещались объявления в средствах массовой информации, изделия передавались на комиссионную продажу в магазины, находились рынки сбыта в соседних регионах. Кроме того, тюремная система в дореволюционной России, не являясь в силу возложенных на нее задач полноценным субъектом производственного рынка, как и сегодня, выполняла запросы государственных, в первую очередь силовых, структур[5, с. 51].

Следует отметить, что и спустя практически 150 лет в современной уголовно-исполнительной системе вопросы обеспечения осужденных трудом и их трудового воспитания имеют важное значение и весьма схожи с дореволюционными. Организованная трудовая деятельностьв исправительных учреждениях, включая в необходимых случаях профессиональное обучение, способствует возвращению осужденных к трудовому образу жизни после освобождения.

От администрации исправительного учреждения зависит многообразие форм труда, обеспечение возможности и создание соответствующих условий для трудовой деятельности осужденных. В результате такой целенаправленной работы у осужденных формируется понимание необходимости трудовой деятельности, привычки трудиться, осознания ценности своего и чужого труда. Не менее важным является приобретение в исправительной колонии первичного трудового стажа, поскольку более трети осужденных до момента лишения свободы нигде не работали, что в свою очередь будет иметь значение после освобождения [3, с. 36-37].

В условиях санкций, резкого сокращения притока в Россию иностранной продукции, тюремные изделия при правильной организации

труда в исправительных учреждениях могли бы составить, а в отдельных случаях и составляют конкуренцию мелким предпринимателям. Руководством ФСИН России уделяется внимание на осужденных к труду в современных экономических условиях. Так, при докладе директора ФСИН России А. Гостева, Президенту России В.В. Путину в декабре месяце 2025 г. сказал, что в 2024 году общий объем оказанных услуг, выпущенной продукции в учреждениях УИС превысил 47 млрд. рублей[9].

В последнее время высказываются различные мнения о возможностях использования труда заключенных: от занятия их на строительстве и в сельском хозяйстве, до допуска предпринимателей к промышленным зонам, которые расположенным на территории исправительных колоний. Грамотная организация трудового процесса в местах лишения свободы в условиях кризиса и санкций позволит расширить производство, и компенсировать отток мигрантов из России. Руководством ФСИН России уделяется внимание на осужденных к труду в современных экономических условиях. Как отмечается в материалах коллегии ФСИН России, что в дальнейшем по расширению экономической деятельности в УИС будет удаляться достаточное внимание с привлечением бизнеса.

Список литературы:

[1] Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года. – М., 2004. – 555 с.

[2] АрпентьеваМ.Р. К.К. Грот и тюремные реформы в России // Гротовские чтения: мат-лыIV Межрегиональной научн.-практ.конф. – Самара, 2016. – С. 128-143.

[3] Брылева Е.А. Особенности трудового воспитания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы как один из инструментов ресоциализации// Проблемы правого регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы: сб. мат-лов Всероссийской научн.-практ.конф. – Ч. 2. – М., 2014. – С. 36-38.

[4] Муравьев Н.В. Организация тюремного труда в России// Журнал Министерства юстиции. – 1907. – № 2.

[5] Соллогуб В.А. Об организации в России тюремного труда // Северная почта. – 1866. – №№ 140-142.

[6] Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем.– Киев, 1875. – 69 с.

[7] Упоров И.В., Бондарев П.А. Труд осужденных в монархической России. – Краснодар, 2001. – 91 с.

[8] Фойницкий И.Я. На досуге. – СПб., 1898. – 608 с.

[9] Доклад директора ФСИН РФ А. Гостева, Президенту РФ В.В. Путину 01.12.2025г.

References:

[1] Alekseev V.I. Prison reform in Russia in 1879. - M., 2004. - 555 s.

[2] ArpentievaM.R. K.K. Grot and prison reforms in Russia//Grotov readings: mat-lyIV Interregional Scientific and Practical Conference. - Samara, 2016. – C. 128-143.

[3] Bryleva E.A. Features of labor education of minors sentenced to imprisonment as one of the tools of resocialization//Problems of legal regulation of the penal system: Sat. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference - PART 2. - M., 2014. - S. 36-38.

[4] Muravyov N.V. Organization of prison labor in Russia//Journal of the Ministry of Justice. – 1907. – № 2.

[5] Sollogub V.A. On the organization of prison labor in Russia//Northern Post. – 1866. – №№ 140-142.

[6] Thalberg D.G. Historical essay on prison reform and modern European prison systems. - Kyiv, 1875. - 69 s.

[7] Uporov I.V., Bondarev P.A. Labor of convicts in monarchical Russia. - Krasnodar, 2001. - 91 s.

[8] Foinitsky I.Ya. At leisure. - St. Petersburg, 1898. - 608 s.

[9] Report of the Director of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation A. Gostev to the President of the Russian Federation V.V. Putin 01.12.2025

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-403-408
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЯЗАННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ШТРАФНЫХ ИЗОЛЯТОРАХ, ПОМЕЩЕНИЯХ КАМЕРНОГО ТИПА, ТЮРЬМЕ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ ОСОБОГО РЕЖИМА ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые и организационные аспекты реализации обязанностей осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, тюрьме и исправительных колониях особого режима для отбывания пожизненного лишения свободы. Для ее достижения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались организационно-правовые аспекты реализации обязанностей указанных категорий осужденных, закрепленные в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Правовое положение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ, как релевантный юридический институт современного национального уголовно-исполнительного права, состоит из важных элементов: прав, обязанностей и запретов осужденных. Указанные элементы органически взаимосвязаны между собой и оказывают позитивное влияние на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию. Их системная, продуманная и взвешенная реализация, базирующаяся на междисциплинарном применении юридических и психолого-педагогических концептов, обеспечивает правопорядок в местах лишения свободы, стабильную и управляемую оперативную обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС), пенитенциарную безопасность. Обязанности осужденных, отбывающих лишение свободы в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР специфичны по своему содержанию, отличаются максимально строгими условиями содержания осужденных к лишению свободы, значительным ограничением их прав и правового статуса в целом. В перечисленных помещениях действуют особые режимные и надзорные требования, установленные уголовно-исполнительным законом в дополнение к пяти основным обязанностям, закрепленным в статье 11 УИК РФ, а также 21 обязанность, отраженная в пункте 10 ПВР УИС 2022 г. Более детальному рассмотрению подверглись пять специфических обязанностей, перечисленных в пункте 11 Правил. Обеспечение прав осужденных, рассмотренных категорий в контексте реализации возложенных на них обязанностей является одной из приоритетных задач работников ИУ УИС, предметом ведомственного контроля ФСИН России и ее территориальных органов, надзора органов прокуратуры Российской Федерации.*

Ключевые слова*: обязанности осужденных, лишение свободы, штрафные изоляторы, помещения камерного типа, тюрьмы, исправительные колонии особого режима, уголовно-исполнительная система, пожизненное лишение свободы.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

DUTIES OF CONVICTS HELD IN PENAL ISOLATION CELLS, CELL-TYPE FACILITIES, PRISONS AND CORRECTIONAL COLONIES OF SPECIAL REGIME FOR SERVING LIFE IMPRISONMENT

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational aspects of the implementation of the duties of convicts held in penal isolation cells, cell-type facilities, prisons and correctional colonies of a special regime for serving life imprisonment. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which analyzed the organizational and legal aspects of the implementation of the duties of these categories of convicts, enshrined in the national penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice. and the Federal Penitentiary Service of Russia. The legal status of persons sentenced to imprisonment serving their sentences in the Penitentiary Institution, as a relevant legal institution of modern national penal enforcement law, consists of important elements: the rights, duties and prohibitions of convicts. These elements are organically interconnected and have a positive impact on the correction of convicts, their re-socialization, social adaptation and social rehabilitation. Their systematic, thoughtful and balanced implementation, based on the interdisciplinary application of legal, psychological and pedagogical concepts, ensures law and order in places of detention, a stable and manageable operational environment in institutions of the penal correction system (hereinafter referred to as the Penal correction system), and penitentiary security. The duties of convicts serving their sentences in the SIZO, PKT, EPKT, OK, CCI, prison and IC OR are specific in their content, characterized by the strictest conditions of detention of those sentenced to imprisonment, significant restrictions on their rights and legal status in general. The listed premises are subject to special regime and supervisory requirements established by the Penal Enforcement Act in addition to the five basic duties set out in Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as 21 duties reflected in paragraph 10 of the Criminal Code Code of 2022. The five specific responsibilities listed in paragraph 11 of the Rules were reviewed in more detail. Ensuring the rights of convicted persons of the categories considered in the context of the implementation of their duties is one of the priority tasks of the staff of the Penitentiary Institution, the subject of departmental control of the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies, and the supervision of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.*

Key words*: duties of convicts, imprisonment, penal isolation cells, cell-type facilities, prisons, correctional colonies of special regime, penal system, life imprisonment*

Введение. Правовое положение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (далее ИУ), как релевантный юридический институт современного национального уголовно-исполнительного права, состоит из важных элементов: прав, обязанностей и запретов осужденных. Указанные элементы органически взаимосвязаны между собой и оказывают позитивное влияние на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию [1, с. 32-34]. Их системная, продуманная и взвешенная реализация, базирующаяся на междисциплинарном применении юридических и психолого-педагогических концептов, обеспечивает правопорядок в местах лишения свободы, стабильную и управляемую оперативную обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС), пенитенциарную безопасность [2].

Обязанности осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах (далее ШИЗО, помещениях камерного типа (далее ПКТ), единых помещениях камерного типа (далее ЕПКТ), одиночной камере (далее ОК), транзитно-пересыльном пункте (далее ТПП), тюрьме и исправительных колониях особого режима для отбывания пожизненного лишения свободы (далее ИК ОР) весьма специфичны по своему содержанию, отличаются максимально строгими условиями содержания осужденных к лишению свободы, значительным ограничением их прав и правового статуса в целом. В перечисленных помещениях действуют особые режимные и надзорные требования, установленные уголовно-исполнительным законом в дополнение к пяти основным обязанностям, закрепленным в статье 11 УИК РФ [3].

В ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР содержатся осужденные, признанные дисциплинарной комиссией ИУ злостными нарушителями режима отбывания лишения свободы [4, с. 238-243]. Состоящие на профилактическом учете учреждений по различным правовым основаниям и определенным статьей 82.1. УИК РФ [5, с. 130-132]. Порядком, утвержденным Приказом Минюста России от 26.01.2026 № 17 «Об утверждении

Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [6]. Склонные к побегу, совершению действий дезорганизующих деятельность ИУ, совершению групповых неповиновений и массовых беспорядков и другие [7, с. 166-174].

Поэтому вполне закономерно, что с учетом изложенного законодатель предусмотрел раздельное содержание указанных категорий осужденных к лишению свободы, создание для этого специальных изоляторов, помещений и камер [8, с. 244-248].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных аспектов реализации обязанностей осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, тюрьме и исправительных колониях особого режима для отбывания пожизненного лишения свободы применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались организационно-правовые аспекты реализации обязанностей указанных категорий осужденных, закрепленные в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Основные результаты. Осуществленный теоретико-правовой анализ обязанностей осужденных, отбывающих лишение свободы в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР показал, что на них распространяются пять основных обязанностей, закрепленных в статье 11 УИК РФ, а также 21 обязанность, отраженная в пункте 10 Правил внутреннего распорядка ИУ УИС 2022 г. (далее ПВР УИС). Данные основные (общие) обязанности, касающиеся всех осужденных к лишению свободы, были рассмотрены в ранее проведенных научных исследованиях [9, с. 218-224]. Поэтому остановимся более подробно на пяти специфических обязанностях, перечисленных в пункте 11 указанных Правил.

Осужденные к лишению свободы, назначенные дежурными по камере в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР обязаны:

- расписываться в журнале назначения дежурных по камерам об ознакомлении с обязанностями дежурного по камере [10];
- получать и сдавать инвентарь для уборки камеры;
- следить за чистотой в камере, мыть бачок для питьевой воды, производить уборку камерного санитарного узла, а по окончании прогулки – прогулочного двора [11, с. 274-279];
- следить за сохранностью камерного инвентаря, оборудования и другого имущества, обеспечивать их использование по назначению [12];
- при входе в камеру администрации ИУ и сопровождаемых лиц оповещать их о численности осужденных к лишению свободы, находящихся в камере, и проводимых мероприятиях согласно распорядку дня осужденных к лишению свободы [13].

Необходимо отметить, что обеспечение прав осужденных, отбывающих лишение свободы в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР в контексте реализации возложенных на них уголовно-исполнительным законом обязанностей является одной из приоритетных задач работников ИУ УИС [14, с. 203-208]. Совершенствованием ведомственного контроля и надзора за их содержанием в указанных изоляторах, помещениях и камерах [15, с. 503-507]. Прокурорского надзора специализированных прокуроров за законностью содержания осужденных, соблюдению их прав, выполнении ими установленных законом обязанностей и запретов [16].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

– Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;
– Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
– Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», которая состоится в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29.02. 2024 г. Доклад на тему «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности».

Заключение. Правовое положение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ, как релевантный юридический институт современного национального уголовно-исполнительного права, состоит из важных элементов: прав, обязанностей и запретов осужденных. Указанные элементы органически взаимосвязаны между собой и оказывают позитивное влияние на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию. Их системная, продуманная и взвешенная реализация, базирующаяся на междисциплинарном применении юридических и психолого-педагогических концептов, обеспечивает правопорядок в местах лишения свободы, стабильную и управляемую оперативную обстановку в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС), пенитенциарную безопасность.

Обязанности осужденных, отбывающих лишение свободы в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК, ТПП, тюрьме и ИК ОР специфичны по своему содержанию, отличаются максимально строгими условиями содержания осужденных к лишению свободы, значительным ограничением их прав и правового статуса в целом. В перечисленных помещениях действуют особые режимные и надзорные требования, установленные уголовно-исполнительным законом в дополнение к пяти основным обязанностям, закрепленным в статье 11 УИК РФ, а также 21 обязанность, отраженная в пункте 10 ПВР УИС 2022 г. Более детальному рассмотрению подверглись пять специфических обязанностей, перечисленных в пункте 11 Правил.

Обеспечение прав осужденных, рассмотренных категорий в контексте реализации возложенных на них обязанностей является одной из приоритетных задач работников ИУ УИС, предметом ведомственного контроля ФСИН России и ее территориальных органов, надзора органов прокуратуры Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Педагогические и психологические механизмы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных: опыт правового регулирования // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 11 (164). С. 32-34.

[2] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития / Монография. Псков 2024. 199 с.

[3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[4] Ковалев О.Г. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент правового института применения мер взыскания // Право и управление. 2026. № 1. С. 238-243.

[5] Ковалев О.Г., Васильева А.Ю. Теоретические основы организации профилактического учета в исправительных колониях // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 130-132.

[6] Приказ Минюста России от 26.01.2026 № 17 «Об утверждении Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 10.04.2026).

[7] Карпов А.А., Ковалев О.Г. Детерминанты совершения групповых неповиновений и массовых беспорядков в отечественных пенитенциарных учреждениях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3 С. 166-174.

[8] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Влияние раздельного содержания осужденных к лишению

свободы на особенности реализации средств обеспечения режима в исправительных учреждениях // Закон и право. 2024. № 3. С. 244-248.

[9] Ковалев О.Г. Основные обязанности осужденных и их влияние на воспитательную работу в учреждениях, исполняющих наказания // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 218-224.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 10.04.2026).

[11] Ковалев О.Г. Применение к осужденным, отбывающим лишение свободы мер взыскания (организационно-правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 274-279.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[13] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[14] Ковалев О.Г. Ограничение прав осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (сравнительно-правовой анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 203-208.

[15] Ковалев О.Г. К вопросу совершенствования надзора за содержанием осужденных в строгих условиях и штрафных изоляторах исправительных колоний // Образование и право.2024. № 4. С. 503-507.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Kovalev O.G. Pedagogical and psychological mechanisms of resocialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts: experience of legal regulation // Global scientific potential. 2024. Vol. 1. No. 11 (164). pp. 32-34.

[2] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of integrated security of institutions of the penal system at the present stage of its development / Monograph. Pskov 2024. 199 p.

[3] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[4] Kovalev O.G. Malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the legal institution of the application of penalties // Law and management. 2026. No. 1. pp. 238-243.

[5] Kovalev O.G., Vasilyeva A.Yu. Theoretical foundations of the organization of preventive accounting in correctional colonies // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 130-132.

[6] Order of the Ministry of Justice of Russia dated January 26, 2026 No. 17 “On Approval of the Procedure for the Preventive Registration of suspects, accused and convicted persons in correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system of the Russian Federation” // Consultant.ru (accessed 04/10/2026).

[7] Karpov A.A., Kovalev O.G. Determinants of group disobedience and mass riots in domestic penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3, pp. 166-174.

[8] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The influence of the separate detention of persons sentenced to imprisonment on the specifics of the implementation of the means of ensuring the regime in correctional institutions // Law and Law. 2024. No. 3. pp. 244-248.

[9] Kovalev O.G. The main duties of convicts and their impact on educational work in institutions executing punishments // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 218-224.

[10] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system” // Garant.ru (accessed 04/10/2026).

[11] Kovalev O.G. The application of penalties to convicts serving imprisonment (organizational, legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 274-279.

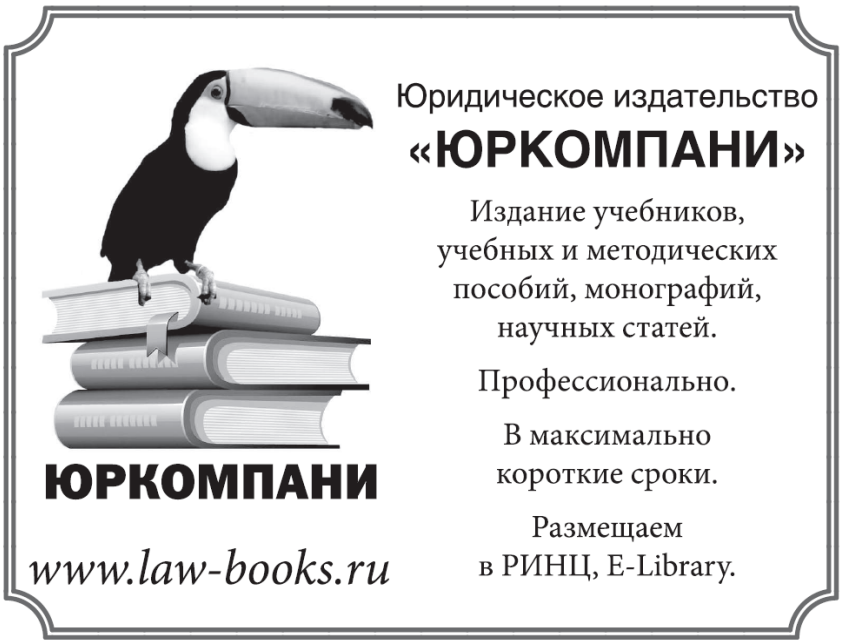
[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[13] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[14] Kovalev O.G. Restriction of the rights of persons sentenced to imprisonment serving sentences in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions of the penal system (comparative legal analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 203-208.

[15] Kovalev O.G. On the issue of improving supervision over the detention of convicts in strict conditions and penal isolation cells of correctional colonies // Education and Law. 2024. № 4. pp. 503-507.

[16] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-409-414
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Аннотация. *Целью исследования выбраны организационно-правовые особенности материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для ее реализации использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, содержащие правовые нормы по материально-бытовому обеспечению осужденных к лишению свободы. Материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы с позиций теории национального уголовного и уголовно-исполнительного права можно рассматривать как правовую категорию, содержащую совокупность специфических прав осужденных, гарантированных им Конституцией РФ, законодательными и ведомственными правовыми актами. Рассматриваемая категория состоит из прав осужденных на: жилищно-бытовые условия; приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; обеспечение питанием в порядке и в соответствии с установленными нормами; обеспечение вещевым довольствием во исполнение Приказа Минюста России от 30.09.2025 № 249; получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены в соответствии с уголовно-исполнительным законом, ведомственными правовыми актами. Права осужденных к лишению свободы на жилищно-бытовые условия; обеспечение вещевым довольствием и получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены регламентированы уголовно-исполнительным законом (статьей 99 УИК РФ), положения которого конкретизированы и детализированы в Приказах Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 и от 30.09.2025 г. № 248. Рассмотренные права осужденных к лишению свободы оказывают не только позитивное влияние на их социально-психологические характеристики, эмоциональные состояния, но и воспитательно-профилактическое воздействие, направленное на предупреждение возможного противоправного поведения, совершения пенитенциарных преступлений. Обеспечение безопасности учреждений и органов УИС.*

Ключевые слова*: лишение свободы, право осужденных, материально-бытовое обеспечение, нормативные правовые акты, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO MATERIAL AND HOUSEHOLD SUPPORT

Annotation. *The purpose of the study is to identify the organizational and legal features of the material and household provision of persons sentenced to imprisonment in correctional institutions of the penal system. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia containing legal norms on materi-*

al and household support for persons sentenced to imprisonment were analyzed. From the standpoint of the theory of national criminal and penal enforcement law, material and household support for those sentenced to imprisonment can be considered as a legal category containing a set of specific rights of convicts guaranteed to them by the Constitution of the Russian Federation, legislative and departmental legal acts. The category in question consists of the rights of convicts to: housing and living conditions; purchase of food and basic necessities; provision of food in order and in accordance with established norms; provision of clothing supplies in accordance with the Order of the Ministry of Justice of Russia dated 30.09.2025 No. 249; receipt of public utilities and personal hygiene products in accordance with the penal enforcement Act, departmental legal acts. The rights of persons sentenced to imprisonment to housing and living conditions; provision of clothing and communal services and personal hygiene products are regulated by the Penal Enforcement Law (Article 99 of the Criminal Code of the Russian Federation), the provisions of which are specified and detailed in the Orders of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022. No. 110 and No. 248 dated 30.09.2025. The considered rights of persons sentenced to imprisonment have not only a positive impact on their socio-psychological characteristics, emotional states, but also an educational and preventive effect aimed at preventing possible illegal behavior and the commission of penitentiary crimes. Ensuring the security of institutions and bodies of the penitentiary system.

Key words: *deprivation of liberty, the right of convicts, material and household support, regulatory legal acts, correctional institutions, penal enforcement system, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы с позиций теории национального уголовного и уголовно-исполнительного права можно рассматривать как правовую категорию, содержащую совокупность специфических прав осужденных, гарантированных им Конституцией РФ, законодательными и ведомственными правовыми актами [1]. Рассматриваемая категория состоит из прав осужденных на:

- жилищно-бытовые условия [2, с. 66-77];
- приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости [3, с. 62-67];
- обеспечение питанием в порядке и в соответствии с установленными нормами, определяемыми Правительством РФ (Постановление Правительства РФ от 07.05.2006 № 275 и Постановление Правительства РФ от 26.01.2011 № 24, а также Постановлением Правительства РФ от 18.04.2018 № 471 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205, утвердившим минимальные нормы питания для осужденных к лишению свободы, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов Федеральной службы безопасности на мирное время» [4]. Приказом ФСИН России от 23.05.2025 г. № 327 «Об утверждении Порядка организации питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторах УИС РФ» [5];
- обеспечение вещевым довольствием во исполнение Приказа Минюста России от 30.09.2025 № 249 «Об обеспечении вещевым довольствием осужденных к лишению свободы, осужденных к принудительным работам, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, а также детей в возрасте до четырех лет, содержащихся вместе с матерями в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, и детей, содержащихся в домах ребенка исправительных учреждений»;
- получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены в соответствии с уголовно-исполнительным законом, Приказами Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 и от 30.09.2025 г. № 248 [6].

Предметом настоящего исследования стали права осужденных к лишению свободы на жилищно-бытовые условия; обеспечение вещевым довольствием и получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых особенностей материально-бытового обеспечения, осужденных к лишению свободы в условиях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные право-

вые акты Минюста и ФСИН России, содержащие правовые нормы по материально-бытовому обеспечению осужденных к лишению свободы.

Основные результаты. Теоретико-правовым исследованием установлено, что права осужденных к лишению свободы на жилищно-бытовые условия; обеспечение вещевым довольствием и получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены регламентированы уголовно-исполнительным законом (статьей 99 УИК РФ), положения которого конкретизированы и детализированы в Приказах Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 и от 30.09.2025 г. № 248.

Так, в части первой указанной правовой нормы закреплено, что норма жилой площади на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях (далее ИК) не может быть менее двух квадратных метров [7, с. 355-360]. В тюрьмах – двух с половиной квадратных метров, в женских колониях и в лечебных исправительных учреждениях – трех квадратных метров, в ВК – трех с половиной квадратных метров, в ЛПУ УИС – пяти квадратных метров [8, с. 186-191].

Закон во второй части статьи 99 УИК РФ обязал администрацию ИУ предоставлять осужденным спальные места и постельные принадлежности. Обеспечивать их одеждой и обувью по сезону, пригодными для ношения, соответствующих размеров с учетом пола осужденного, климатических условий, индивидуальными средствами гигиены (как минимум зубной щеткой и зубной пастой, туалетной бумагой, одноразовыми бритвами для мужчин и средствами личной гигиены для женщин [9].

Нормы вещего довольствия, осужденных к лишению свободы, порядок их обеспечения ими, описание предметов вещевого довольствия осужденных, правила ношения одежды и обуви, выдаваемых осужденным, порядок учета и выдачи им вещевого довольствия утверждаются Приказом Минюста России от 30.09.2025 № 249 и Приложениях №1,3,5,6 указанного ведомственного правового акта [10].

В период отбывания лишения свободы, осужденные из заработной платы, пенсий и иных доходов возмещают стоимость одежды, обуви, коммунально- бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены за исключением стоимости специальной одежды и обуви, лечебно-профилактического питания [11].

Законодатель в части шестой статьи 99 УИК РФ определил категории осужденных которым гарантированно право на улучшенные жилищно-бытовые условия:

– беременных женщин;
– кормящих матерей;
– несовершеннолетних осужденных;
– осужденных инвалидов первой или второй группы [12].

Также осужденные наделены правом дополнительно приобретать разрешенные к использованию в ИУ одежду и обувь, в том числе спортивную в зависимости от условий отбывания лишения свободы в ИК общего, строгого, особого режима, тюрем и ВК [13, с.189-191].

Важным правом осужденных, отбывающим лишение свободы, в сфере материально-бытового обеспечения, не работающих по независящим от них причинам, а также не получающие пенсии, является обеспечение их предметами первой необходимости за счет государства [14].

Одним из факторов, позитивно влияющим на выполнение в ИУ режимных требований, выступает закрепленная в Правилах внутреннего распорядка ИУ 2022 г. положения о проведении не менее одного раза в месяц в нерабочее время проверки-смотров всех осужденных, во время которых проверяется их внешний вид, в том числе состояние стрижки, одежды, обуви [15, с.126-128].

Таким образом, рассмотренные права осужденных к лишению свободы оказывают не только позитивное влияние на их социально-психологические характеристики, эмоциональные состояния, но и воспитательно-профилактическое воздействие, направленное на предупреждение возможного противоправного поведения, совершения пенитенциарных преступлений. Обеспечение безопасности учреждений и органов УИС [16].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

– V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление»,

приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы с позиций теории национального уголовного и уголовно-исполнительного права можно рассматривать как правовую категорию, содержащую совокупность специфических прав осужденных, гарантированных им Конституцией РФ, законодательными и ведомственными правовыми актами. Рассматриваемая категория состоит из прав осужденных на: жилищно-бытовые условия; приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; обеспечение питанием в порядке и в соответствии с установленными нормами; обеспечение вещевым довольствием во исполнение Приказа Минюста России от 30.09.2025 № 249; получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены в соответствии с уголовно-исполнительным законом, ведомственными правовыми актами.

Права осужденных к лишению свободы на жилищно-бытовые условия; обеспечение вещевым довольствием и получение коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены регламентированы уголовно-исполнительным законом (статьей 99 УИК РФ), положения которого конкретизированы и детализированы в Приказах Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 и от 30.09.2025 г. № 248.

Рассмотренные права осужденных к лишению свободы оказывают не только позитивное влияние на их социально-психологические характеристики, эмоциональные состояния, но и воспитательно-профилактическое воздействие, направленное на предупреждение возможного противоправного поведения, совершения пенитенциарных преступлений. Обеспечение безопасности учреждений и органов УИС.

Список литературы

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

[2] Ковалев О.Г., Андреева М.М. Прокурорский надзор как важнейший фактор соблюдения законности в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Материалы круглого стола с международным участием. Псков, 2020. С. 66-77.

[3] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 07.05.2006 № 275 и Постановлением Правительства РФ от 26.01.2011 № 24, а также Постановлением Правительства РФ от 18.04.2018 № 471 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2005 г. № 205» // Garant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[5] Приказ ФСИН России от 23.05.2025 г. № 327 «Об утверждении Порядка организации питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторах УИС РФ» // Garant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[6] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2025 г. № 248 «О внесении изменений в Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», утвержденные Приказом Минюста России 4 июля 2022 г. № 110 в части обеспечения питанием осужденных к лишению свободы, содержащихся в ИУ УИС // Garant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[7] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима // Право и управление. 2026. № 1. С. 355-360.

[8] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования мест отбывания лишения свободы в национальном уголовно-исполнительном законодательстве // Российский научный вестник. 2025. № 9. С. 186-191.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[10] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30.09.2025 № 249 «Об обеспечении вещевым довольствием осужденных к

лишению свободы, осужденных к принудительным работам, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, а также детей в возрасте до четырех лет, содержащихся вместе с матерями в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, и детей, содержащихся в домах ребенка исправительных учреждений» // Garant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[13] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[14] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 12.04.2026).

[15] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[16] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития // Монография. Псков 2024. 199 с.

References:

[1] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[2] Kovalev O.G., Andreeva M.M. Prosecutorial supervision as the most important factor in the observance of legality in institutions and bodies executing criminal penalties // In the collection: Current issues of ensuring the security of the penal system. Materials of the round table with international participation. Pskov, 2020. pp. 66-77.

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 275 dated 05/07/2006 and Decree of the Government of the Russian Federation No. 24 dated 01/26/2011, as well as Decree of the Government of the Russian Federation No. 471 dated 04/18/2018 “On Amendments to Decree of the Government of the Russian Federation No. 205 dated April 11, 2005” // Garant.ru (accessed 04/12/2026).

[5] Order No. 327 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 05/23/2025 “On Approval of the Procedure for Catering convicts and Persons in Custody in institutions carrying out criminal penalties in the form of imprisonment and pre-trial detention facilities of the Penal Correction System of the Russian Federation” // Garant.ru (accessed 04/12/2026).

[6] Order No. 248 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.09.2025 “On Amendments to the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction System”, approved by Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation on July 4, 2022 regarding the provision of food to convicts to the deprivation of liberty held in the penal Institution // Garant.ru (accessed 04/12/2026).

[7] Kovalev O.G. On the issue of observing the rights of convicts serving imprisonment in correctional colonies of the general regime // Law and Administration. 2026. No. 1. pp. 355-360.

[8] Kovalev O.G. Features of the legal regulation of places of imprisonment in the national penal enforcement legislation // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 9. pp. 186-191.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[10] Order No. 249 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.09.2025 “On providing clothing allowances for persons Sentenced to Imprisonment, sentenced to Forced Labor, Suspects and Accused Persons Held in Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, as well as children under the age of Four who are held with their Mothers in Pre-trial detention facilities of the Penal correction system, and children held in correctional institutions’ children’s homes” // Garant.ru (accessed 04/12/2026).

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

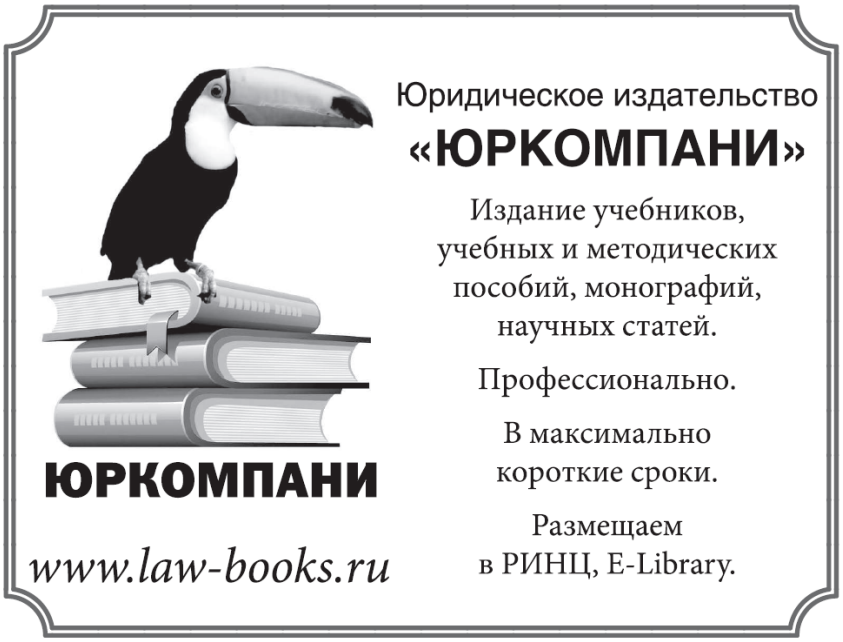
[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[13] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[14] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 04/12/2026).

[15] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of correctional institutions and ITS) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[16] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of integrated security of institutions of the penal system at the present stage of its development // Monograph. Pskov 2024. 199 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-415-420

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена формированию системы правовых принципов применения робототехники в учреждениях ФСИН России в условиях роста автономности технических средств и отсутствия специальных норм, комплексно регулирующих их использование в пенитенциарной сфере. Подчеркиваются преимущества внедрения роботов в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), включая возможность непрерывного наблюдения, снижение нагрузки на личный состав, повышение устойчивости контроля и расширение возможностей фото- и видеофиксации обстановки на охраняемом объекте, а также более точную локализацию потенциально опасных зон и оперативную маршрутизацию реагирования. Отмечается, что использование робототехники создает предпосылки для перераспределения функций между человеком и технической системой, что требует нормативно закрепленного разграничения задач автоматизированного мониторинга, аналитической поддержки и принятия юридически значимых решений. Обосновывается, что внедрение робототехнических систем в деятельность УИС не может строиться только на технической целесообразности и ведомственном усмотрении, поскольку автономность, программная изменяемость и повышенная причиняющая способность таких систем затрагивают конституционные права осужденных, полномочия сотрудников и пределы уголовно-правовой ответственности, порождая также риск «размывания» субъекта ответственности при ошибках алгоритма или сбоях эксплуатации. Предлагается система правовых принципов применения робототехники в учреждениях ФСИН России, включающая принципы законности, функциональной определенности, соразмерности, алгоритмической прозрачности, сохранения существенного человеческого контроля, технологической верифицируемости, дифференциации правового режима по уровню автономности и персонализированного распределения ответственности, а также защиты прав человека и режимной безопасности данных. Приводится аргументация указанных принципов, подчеркивается, что именно системный подход, а не фрагментарные запреты, обеспечивает создание качественного методологического каркаса для будущего ведомственного, уголовно-исполнительного и уголовно-правового регулирования процессов внедрения робототехнических систем в деятельность учреждений УИС и минимизацию рисков произвольного или непропорционального использования таких технологий.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система Российской Федерации, робототехническая система, искусственный интеллект, автономная интеллектуальная система, правовые принципы, пенитенциарная безопасность, алгоритмическая прозрачность, человеческий контроль, цифровизация УИС, правовые риски, режим исполнения наказания, дифференциация ответственности, видеоаналитика, робот-патрульный.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL PRINCIPLES FOR THE USE OF ROBOTIC SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to the formation of a system of legal principles for the use of robotic systems in the activities of institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the context of increasing autonomy of technical means and the absence of special norms comprehensively regulating their use in the penitentiary sphere. The advantages of introducing robots into the activities of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation are highlighted, including the possibility of continuous monitoring, reducing the burden on personnel, increasing the stability of control, expanding the possibilities of photo and video recording of the situation at a protected facility, as well as more precise localization of potentially dangerous zones and operational routing of response. It is noted that the use of robotics creates prerequisites for the redistribution of functions between humans and technical systems, which requires a normatively established differentiation of tasks of automated monitoring, analytical support, and making legally significant decisions. It is argued that the introduction of robotic systems into the activities of the penal enforcement system cannot be based solely on technical feasibility and departmental discretion, since the autonomy, software modifiability, and increased harmful potential of such systems affect the constitutional rights of convicts, the powers of employees, and the limits of criminal liability, also creating a risk of «blurring» the subject of responsibility in the event of algorithm errors or operational failures. A system of legal principles for the use of robotics in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia is proposed, including the principles of legality, functional certainty, proportionality, algorithmic transparency, preservation of meaningful human control, technological verifiability, differentiation of the legal regime according to the level of autonomy, personalized distribution of responsibility, as well as protection of human rights and regime data security. The rationale for these principles is provided, and it is emphasized that it is precisely a systemic approach, rather than fragmentary prohibitions, that ensures the creation of a high-quality methodological framework for future departmental, penal enforcement, and criminal law regulation of the processes of introducing robotic systems into the activities of penal institutions and minimizes the risks of arbitrary or disproportionate use of such technologies.*

Key words: *Federal Penitentiary Service of Russia, robotic system, artificial intelligence, autonomous intelligent system, legal principles, penitentiary security, algorithmic transparency, human control, correctional digitalization, legal risks, prison regime, differentiation of liability, video analytics, patrol robot.*

Введение

Преимущества использования робототехнических систем в учреждениях ФСИН России в настоящее время перестают быть чисто прогностической категорией и получают предметное подтверждение в пилотных проектах цифровизации УИС [1, с.62]. Так, в 2026 г. в Самарской области в двух исправительных колониях протестирован автономный робот-патрульный, оснащенный системами навигации, видеонаблюдения и аналитики, который способен самостоятельно патрулировать заданную территорию, фиксировать нарушения режима, передавать данные и реагировать на нештатные ситуации. Для пенитенциарной системы такой эксперимент обеспечивает ряд положительных эффектов, включая возможность непрерывного автоматизированного контроля, снижение нагрузки на сотрудников, повышение устойчивости надзорных процедур и расширение массива объективно фиксируемых данных о событиях на режимной территории. Вышеизложенное подчеркивает актуальность вопросов, связанных с правовыми принципами применения робототехники в УИС, которое должно начинаться не с запретов, а с точного понимания институциональной выгоды, которую государство получает от роботизации ФСИН России [2, с.114].

Применение робототехники в пенитенциарных учреждениях имеет высокий положительный эффект, во многом за счет возможности повышения безопасности пространства, в котором цена ошибки традиционно высока. Человек ограничен временем наблюдения, физической выносливостью, погодными условиями, обзором и скоростью одновременной обработки сигналов, тогда как робототехническая система может поддерживать дежурный режим контроля без утомления, непрерывно записывая происходящее и передавая данные оператору в режиме реального времени [3, с.330; 4, с.160]. Для учреждений ФСИН России данный фактор выражается в получении дополнительного канала объективной фиксации и, как следствие, снижении зависимости от субъективных объяснений участников инцидента и расширении доказательственной базы для служебных проверок или дисциплинарного производства [5, с.152].

Следующим положительным эффектом служит возможность перераспределения человеческого ресурса. На примере внедрения робота-патрульного отмечается снижение нагрузки на сотрудников и совершенствование охраны объектов УИС. Для правового анализа это обстоятельство существенно, поскольку любое высво-

бождение кадрового ресурса в местах лишения свободы должно оцениваться не только как экономический эффект, но и как фактор повышения качества исполнения основных обязанностей персонала, включая индивидуальную профилактику, документирование происшествий, оперативное реагирование на конфликты, работу с осужденными, относящимися к группам риска [6, с.242]. Робот в данном контексте выполняет функцию технологического усилителя надзорной и информационной инфраструктуры учреждения.

Еще одно преимущество связано с расширением спектра задач, выполняемых в среде повышенного риска. Роботы как сложные цифровые объекты сочетают программную и аппаратную компоненты, способны перемещаться в разных средах, действовать на удалении от оператора и выполнять алгоритмически сложные функции. Для учреждений УИС эти факторы открывают возможности не только патрулирования, но и доставки грузов, мониторинга периметра, досмотра опасных участков, сопровождения режимных мероприятий, использования мобильных камер в труднодоступных зонах.

Вместе с тем, каждое технологическое преимущество одновременно образует новую правовую проблему, поскольку алгоритм, повышающий точность контроля, способен также повысить масштаб вреда при ошибке настройки, сбое или намеренном неправомерном использовании. Такая двойственная природа роботизации делает вопрос о соответствующих правовых принципах центральным. В деятельности пенитенциарного ведомства робототехнические системы не являются обычным техническим оснащением, подобным бытовой электронике или пассивным средствам учета. С учетом встроенных возможностей искусственного интеллекта (ИИ) они могут участвовать в принятии решений, влияющих на режим, маршруты движения, фиксацию нарушений, идентификацию лиц и порядок реагирования на тревожные события, что приводит к возникновению источника неопределенности, в котором ответственность распределяется между оператором, разработчиком, поставщиком и должностным лицом, принявшим систему в эксплуатацию [7, с.56; 8, с.47].

Материалы и методы

Под робототехнической системой для целей деятельности учреждений ФСИН России предлагается понимать совокупность программных и аппаратных компонентов, предназначенных для выполнения задач охраны, надзора, досмотра, доставки, контроля доступа или иной служебной функции в пенитенциарной среде с возможностью автономного либо полуавтономного исполнения отдельных операций. Для ФСИН России это определение принципиально, поскольку позволяет отделить робототехническую систему от обычной камеры наблюдения, от отдельного программного модуля и от стандартного механизма без элементов алгоритмической адаптации. Искусственный интеллект в рассматриваемой сфере не сводится к любой цифровой обработке информации. Поскольку отличие искусственного интеллекта от обычного программного обеспечения состоит в функционале, позволяющем имитировать когнитивные функции, самообучаться и выбирать алгоритм действий вне заранее установленной программы, для учреждений УИС эта разница приобретает прямое юридическое значение: если система лишь воспроизводит заранее заданный сценарий, зона правовой оценки концентрируется на корректности настройки и эксплуатации; если же система самостоятельно выбирает вариант реагирования в заранее не определенной ситуации, возникает качественно иной уровень риска для прав осужденных, безопасности личного состава и распределения ответственности [9, с.136].

Автономная интеллектуальная система, внедряемая в учреждениях ФСИН России, может быть описана как устройство-робот, способное в пределах заложенной цели принимать самостоятельные решения в ситуации неполной определенности без немедленной команды оператора. Такая система способна патрулировать маршрут, выделять аномалии поведения, приоритезировать сигналы тревоги, менять траекторию движения или инициировать предусмотренный протокол оповещения [10, с.262]. Вместе с тем, чем шире объем автономных решений, тем строже должна быть система правовых принципов, ограничивающих допустимое использование робототехники в УИС.

Результаты и обсуждение

Основу такой системы составляет принцип законности применения робототехнических систем в деятельности учреждений ФСИН России. Его содержание не исчерпывается общим требованием действовать в рамках закона. В отношении пенитенциарной робототехники принцип законности означает, что каждая функциональная задача робота должна иметь нормативно определенную цель, допустимый объем воздействия, круг уполномоченных операторов, порядок документирования и пределы использования полученных данных. Так, если робот-патрульный фиксирует нарушение режима, право учреждения использовать этот материал должно опираться на установленный правовой режим хранения, передачи и проверки данных, а не на одно лишь техническое наличие видеозаписи.

Следующий принцип определяется как функциональная определенность. Допустимость применения робототехнической системы в УИС должна определяться наличием заранее определенных задач и решений, которые ей предстоит принимать. Рассматриваемый в качестве модельного примера робот-патрульный предназначен для патрулирования, фиксации нарушений и передачи информации. Такой набор функций юридически обозрим, поскольку система наблюдает, сообщает и поддерживает надзорный процесс. Иная ситуация возникла бы, если той же платформе без отдельного правового регулирования делегировали бы автоматическое применение специальных средств, блокировку проходов или принятие решений, влияющих на порядок изоляции конкретного осужденного [11, с.110]. Функциональная определенность предотвращает постепенное расширение полномочий системы за пределы первоначальной задачи.

Принцип соразмерности означает, что уровень технологического вмешательства, глубина сбора данных и степень автономности системы должны соответствовать легитимной пенитенциарной цели и не выходить за ее пределы. Так, например, робот, способный непрерывно собирать изображение, траектории движения, поведенческие паттерны и биометрические данные, требует гораздо более строгого режима обоснования, чем устройство, ограниченное визуальным патрулированием периметра. Соразмерность имеет и уголовно-правовое измерение в силу повышенной причиняющей способности роботов, возможности действовать на удалении и автономно выполнять объективную сторону преступления при минимальном человеческом участии. При использовании робототехники в учреждении УИС из этого тезиса вытекает простой вывод: чем выше способность системы причинить физический, организационный или правовой вред, тем уже должен быть круг ее допустимых автономных действий. Робот, который наблюдает, и робот, который физически блокирует проход или активирует специальное оборудование, не могут регулироваться единым стандартом допустимости.

Следующий принцип сводится к алгоритмической прозрачности как нормативному требованию. Здесь прозрачность означает не публичное раскрытие исходного кода, а возможность верифицировать, по каким данным, при каких настройках и по каким логическим правилам система приняла конкретное решение. Например, если робот-патрульный зафиксировал нарушение режима, у правоприменителя должна быть возможность проверить, что именно система распознала как нарушение, на основании какого сигнала, в какое время, с какой точностью и не была ли ситуация следствием ошибочной калибровки. Без такой верифицируемости любая ссылка на «объективность алгоритма» утрачивает юридическую ценность. Алгоритмическая прозрачность особенно значима при использовании систем с элементами искусственного интеллекта. Поскольку ИИ способен выбирать алгоритм действий вне заранее установленной программы, предсказуемость поведения системы снижается по мере роста автономности. В случае применения таких систем в деятельности УИС это означает необходимость ведения обязательных журналов событий, протоколов обучения, фиксации версий модели, архивирования исходных параметров и возможности последующего экспертного воспроизведения алгоритмического решения.

Принцип существенного человеческого контроля выступает центральным ограничителем допустимой автономии роботов в учреждениях УИС. Смысл принципа состоит в том, что решения, способные затронуть жизнь, здоровье, достоинство, режим содержания или объем ограничений прав осужденного, не могут полностью передаваться автономной системе без реальной возможности вмешательства уполномоченного лица. Так, робот-патрульный осуществляет мониторинг и передает данные, а не замещает человека в применении ограничительных мер. На этой стадии технологического развития должно быть закреплено правило, не позволяющее в дальнейшем трансформировать функцию наблюдения в функцию автономного принуждения без пересмотра всей нормативной модели. Существенный человеческий контроль предполагает наличие как минимум трех элементов, включая возможность оператора изменить или прекратить действие системы до наступления деструктивных последствий, обязанность человека подтверждать критически значимые решения и полную прослеживаемость того, кто именно принял итоговое решение при конфликте сигналов и данных. Для учреждений ФСИН России к таким решениям могут быть отнесены изменение режима доступа, маркировка события как угрозы, инициирование мер по изоляции, применение специальных средств, использование материалов автоматической идентификации как основания для дисциплинарного либо процессуального реагирования и др.

Следующий принцип определяется как технологическая верифицируемость и отличается от принципа прозрачности тем, что акцентируется не на понимании логики алгоритма, а на технической возможности доказать исправность, корректность и устойчивость системы в конкретный момент эксплуатации. Учреждение не вправе

опираться на выводы робота как на юридически значимую информацию, если не обеспечена доказуемая надежность самой системы.

Далее следует принцип дифференциации правового режима по уровню автономности и по характеру служебной функции. Роботы могут выступать и как предмет посягательства, и как средство совершения преступления, а также могут существенно повышать общественную опасность деяния за счет удаленности оператора, грузоподъемности, мобильности и координации нескольких устройств. Как следствие, не может быть установлен единый правовой режим для всех робототехнических систем. Робот-патрульный, робот-доставщик, робот досмотрового назначения, стационарная платформа биометрической идентификации и автономная система аналитики поведения должны регулироваться различными наборами ограничений, требований к оператору и правилами допустимости использования результатов их работы. Дифференциация необходима и по уровню автономности. Устройство, действующее только по прямой команде человека, допускает один стандарт ответственности. Система, выбирающая маршрут и выделяющая отклонения поведения в автоматическом режиме, требует более сложной регламентации. Платформа, самостоятельно определяющая вариант реагирования в неопределенной ситуации, должна подпадать под наиболее строгий режим допуска, документирования и контроля. Без такого разграничения ведомство рискует либо искусственно затормозить полезную роботизацию, либо, наоборот, легализовать опасную автономность под видом обычного технического оснащения.

Следующий принцип состоит в персонализированном распределении юридической ответственности. Робот не является субъектом преступления, хотя способен фактически полностью выполнить объективную сторону деяния, если человек ограничился постановкой цели или программированием. Для учреждений ФСИН России этот вывод означает, что внедрение робототехнической системы обязательно должно сопровождаться предварительным юридическим картированием ответственности за выбор системы, за ее поставку, за настройку, за обновление, за обучение модели, за допуск к эксплуатации, за ежедневный контроль и за принятие решений на основе полученных системой данных. Если эти зоны не разведены заранее, любое вредное последствие может сопровождаться институциональным «размыванием вины».

Ключевым является принцип защиты прав человека, который означает, что робототехническая система не может использоваться для создания режима тотального непрерывного анализа личности без ясной правовой цели и достаточных гарантий оспаривания решений. Ограничения допустимы лишь в том объеме, который прямо вытекает из закона и целей исполнения наказания. Поэтому автоматическая квалификация поведения как «опасного», «подозрительного» или «аномального» не должна порождать правовые последствия без проверки уполномоченным сотрудником и без процессуальной возможности поставить под сомнение надежность алгоритма.

Выводы

С учетом вышеизложенного может быть сформулирован ряд выводов. В частности, целесообразно закрепление в ведомственном акте классификации робототехнических систем по уровню автономности, по виду функции и по степени допустимого воздействия на права и безопасность лиц, находящихся в учреждениях УИС. Без подобных мер внедрение робототехники будет строиться на локальных экспериментах и закупочных решениях, а не на единых правовых стандартах. Далее, необходима разработка обязательного протокола алгоритмической отчетности для всех систем с элементами искусственного интеллекта, используемых в УИС, включая хранение логов, фиксацию версий, журналирование изменений модели и порядок предоставления данных для служебной проверки и уголовного процесса. Кроме того, важно встраивание в закупочную и приемочную процедуру робототехнических систем правовой экспертизы. Современные пилотные проекты по внедрению робототехники акцентируют внимание на технических возможностях, устойчивости к условиям эксплуатации и интеграции с системами безопасности. Однако этого недостаточно для правомерного развития цифровизации УИС. Важно, чтобы системы, внедряемые в УИС, оценивались по матрице юридических критериев, включая допустимость функции, уровень автономности, объем собираемых персональных и биометрических данных, наличие режима журналирования, возможность человеческого вмешательства, потенциальные уголовно-правовые риски и совместимость с режимом исполнения наказания [12, с.37]. Законность, функциональная определенность, соразмерность, алгоритмическая прозрачность, существенный человеческий контроль, технологическая верифицируемость, дифференциация правового режима, персонализированное распределение ответственности, защита прав человека и режимная безопасность данных образуют не перечень пожеланий, а необходимый минимум для правомерной роботизации учреждений ФСИН России.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The use of identity systems to ensure security at sensitive facilities of the ugo-catch-executive system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents// Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in government institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in the processing of data in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penal system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects//Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-421-423
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ПЕРВЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема влияния первого пенитенциарного опыта на формирование криминальной идентичности у несовершеннолетних осужденных. Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем рецидивной преступности среди лиц, впервые осужденных в этом возрасте, и недостаточной разработанностью комплексных педагогических стратегий профилактики. В результате теоретического анализа выделены ключевые социально-психологические механизмы формирования криминальной идентичности в условиях пенитенциарной изоляции. В заключении обоснована необходимость разработки специализированных психокоррекционных программ и системы постпенитенциарного сопровождения.*

Ключевые слова: *первый пенитенциарный опыт; несовершеннолетние осужденные; криминальная идентичность; социально-психологические механизмы; педагогическая профилактика; уголовно-исполнительная система.*

SOBOLEV Nicholai Gourgenovich,
senior researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor

FIRST PENITENTIARY EXPERIENCE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CRIMINAL IDENTITY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS

Annotation. *The article addresses the problem of the influence of first penitentiary experience on the formation of criminal identity among juvenile convicts. The relevance of the study is determined by the high rate of recidivism among individuals first convicted at this age and the insufficient development of comprehensive pedagogical prevention strategies. The theoretical analysis reveals key socio-psychological mechanisms of criminal identity formation under conditions of penitentiary isolation. The conclusion substantiates the need for the development of specialized psychocorrectional programs and a system of post-penitentiary support.*

Key words: *first penitentiary experience; juvenile convicts; criminal identity; socio-psychological mechanisms; pedagogical prevention; penal system.*

Проблема рецидивной преступности среди лиц, впервые осужденных в несовершеннолетнем возрасте, остается одной из наиболее острых в современной пенитенциарной педагогике и психологии. Раннее попадание в места лишения свободы, приходящееся на сензитивный период личностного становления (14–17 лет), нередко выступает не столько мерой исправления, сколько фактором устойчивой криминализации. Несмотря на наличие отдельных исследований в данной области, комплексный анализ социально-психологических механизмов, опосредующих влияние первого пенитенциарного опыта на формирующуюся личность несовершеннолетнего, до сих пор остается недостаточно разработанным. Это затрудняет разработку эффективных педагогических стратегий профилактики повторных преступлений и постпенитенциарного сопровождения.

Первый пенитенциарный опыт определяется как первое пребывание осужденного в местах лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте (14–17 лет) в условиях воспитательной колонии (далее – ВК). Данный опыт качественно отличается от взрослого, так как совпадает с периодами активного личностного становления, формирования ценностей и социальной идентичности. Как показало наше предыдущее исследование, значимым фактором риска рецидива является не столько сама ранняя изоляция, сколько ее совпадение с сензитивным периодом развития в 16–17 лет [1].

Ввиду сказанного, выявление и анализ социально-психологических механизмов, опосредующих влияние первого пенитенциарного опыта на формирующуюся личность несовершеннолетнего, представляется необходимым условием для разработки эффективных стратегий ресоциализации и профилактики совершения повторных преступлений. Далее рассмотрим ключевые социально-психологические механизмы формирования криминальной идентичности в условиях пенитенциарной изоляции:

Идентификация с криминальной ролью. Помещение несовершеннолетнего в учреждение УИС инициирует процесс активной идентификации с криминальной ролью, что обусловлено, прежде всего, действием механизмов социально-психологической адаптации к условиям изоляции [2]. Данный процесс имеет глубокие личностные последствия. Принимая криминальную роль, несовершеннолетний постепенно интернализирует соответствующие нормы, ценности и образцы поведения, которые начинают регулировать его деятельность, общение и самосознание.

Кроме того, идентификация с криминальной ролью подкрепляется неформальной системой статусов и ролей, существующей в исправительном учреждении. Несовершеннолетний вынужден занимать определенное место в неформальной иерархии, что дополнительно фиксирует его в криминальной субкультуре и препятствует формированию просоциальной идентичности. Важно подчеркнуть, что данный процесс может запускаться уже в первые дни пребывания в учреждении, когда адаптационный кризис наиболее острый, а критичность мышления снижена в силу стресса и возрастных особенностей.

Блокировка конструктивных каналов социализации. Изоляция несовершеннолетнего в сензитивный период может привести к разрыву с ключевыми институтами социализации – семьей, школой, референтной группой сверстников. В этом случае несовершеннолетний исключается из образовательного процесса, ослабляются или утрачиваются семейные связи.

В условиях пенитенциарного учреждения основным источником социализации могут становиться другие осужденные, значительная часть которых характеризуется выраженной криминальной зараженностью. Существуют исследования, демонстрирующие, что позитивные образцы законопослушного поведения в таких условиях либо отсутствуют, либо не воспринимаются несовершеннолетними как релевантные [3].

Изоляция как психологическая травма и «криминальное образование». Пребывание в местах лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте выступает травматическим фактором. Условия изоляции усугубляют имеющиеся психологические состояния у несовершеннолетних и могут провоцировать развитие посттравматического стрессового расстройства, следствием которого могут стать озлобленность, недоверие к окружающим и глубокая деформация эмоционально-волевой сферы и т.д. [4].

Важно подчеркнуть, что травматическое воздействие пенитенциарной среды имеет комплексный характер. Оно включает в себя: а) травму принудительной изоляции (разрыв с привычным окружением, утрата автономии и личного пространства); б) травму угрозы насилия; в) травму унижения (утрата прежнего социального статуса, принудительное подчинение неформальным правилам криминальной субкультуры); г) травму неопределенности (отсутствие ясных перспектив, незнание точного срока освобождения для части осужденных, нестабильность межличностных отношений в среде осужденных).

Параллельно с этим происходит интенсивный обмен криминальным опытом. Совместное отбывание наказания осужденными, специализирующимися в определенных видах преступной деятельности, создает условия для углубления специализированного криминального знания, обмена опытом и формирования устойчивых криминальных связей [5].

Проведенный анализ позволяет заключить, что первый пенитенциарный опыт, приобретаемый несовершеннолетними в возрасте, является критическим фактором, опосредующим формирование устойчивой криминальной идентичности. Выявленные в статье социально-психологические механизмы действуют системно, усиливая друг друга и создавая высокий риск рецидивного поведения в постпенитенциарный период. Ввиду сказанного, дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку и апробацию специализированных психокоррекционных программ, учитывающих индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних с разным сроком и первым пенитенциарным опытом, а также на создание эффективной системы постпенитенциарного сопровождения.

Список литературы:

[1] Москвитина, М. М., Кряжева С.Г. Анализ актуального состояния повторной преступности среди осужденных, ранее отбывавших наказание в несовершеннолетнем возрасте // Вопросы ювенальной юстиции. – 2022. – № 1. – С. 24–29.

[2] Степанова, М. Я. Противодействие рецидивной преступности среди несовершеннолетних // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 135–144.

[3] Bollich-Ziegler K.L., et al. Do correctional facilities correct our youth? Effects of incarceration and court-ordered community service on personality development // Journal of Personality and Social Psychology. – 2021. – Vol. 121, № 4. – P. 894–913.

[4] Baetz C.L., Surko M., Bart A. et al. The Risk for Readmission to Juvenile Detention: The Role of Trauma Exposure and Trauma-related Mental Health Disorders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2024. – Vol. 17, № 2. – P. 527–539.

[5] Damm A.P., Gorinas C. Prison as a criminal school: Peer effects and criminal learning behind bars // Journal of Law and Economics. – 2020. – Vol. 63, № 1. – P. 149–180.

References:

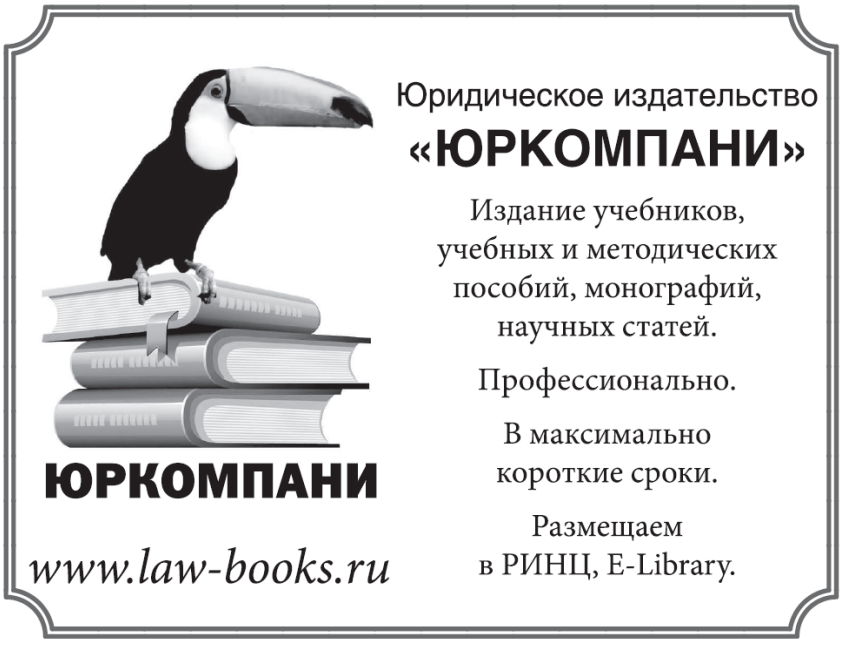
[1] Moskvitina, M. M., Kryazheva S.G. Analysis of the current state of repeated crime among convicts who have previously served sentences at a minor age//Juvenile justice issues. – 2022. – № 1. - S. 24-29.

[2] Stepanova, M. Ya. Countering recidivism among minors//Rostov Scientific Journal. – 2017. – № 3. - S. 135-144.

[3] Bollich-Ziegler K.L., et al. Do correctional facilities correct our youth? Effects of incarceration and court-ordered community service on personality development // Journal of Personality and Social Psychology. – 2021. – Vol. 121, № 4. – P. 894–913.

[4] Baetz C.L., Surko M., Bart A. et al. The Risk for Readmission to Juvenile Detention: The Role of Trauma Exposure and Trauma-related Mental Health Disorders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2024. – Vol. 17, № 2. – P. 527–539.

[5] Damm A.P., Gorinas C. Prison as a criminal school: Peer effects and criminal learning behind bars // Journal of Law and Economics. – 2020. – Vol. 63, № 1. – P. 149–180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-424-430

БЕЙСЕМБАЕВА Наталья Александровна,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью
органов внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы,
старший лейтенант юстиции,
e-mail: nataliabei01@yandex.ru

ПРОКУРОР – ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИНЯТЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *На основе проведенного анализа научных взглядов, изменений уголовно-процессуального законодательства России, личной практики прокурорского надзора автором статьи рассматриваются основные полномочия прокурора на стадии возбуждении уголовного дела за органами дознания и дознавателями, которые определяют некоторые точечные проблемы их реализации и пути их разрешения.*

Автором статьи сформулированы требования к сотрудникам прокуратуры, способные повлиять на эффективность выполнения поставленных перед ними задач. Предлагается внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ, дополнив ст. 37 УПК Российской Федерации положением о незамедлительном возбуждении уголовного дела органами внутренних дел (дознание) на основании вынесенного постановления прокурором в рамках прокурорского надзора за процессом и результатом доследственной проверки по сообщениям о преступлениях.

Ключевые слова: *полномочия, прокурор, уголовное дело, дознание, орган дознания, уголовное преследование, постановление, законность, дознаватель, процессуальные решения, возбуждение, отказ, указания, проверка.*

BEISEMBAEVA Natalia Alexandrovna,
applicant for the degree of candidate of legal sciences,
prosecutor of the department for supervision of the procedural activities
of the internal affairs and justice bodies of the Moscow prosecutor's office,
senior lieutenant of justice

THE PROSECUTOR IS A GUARANTOR OF THE LEGALITY OF THE PROCEDURAL DECISIONS MADE BY THE INVESTIGATION BODIES AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Based on the analysis of scientific views, changes in Russia's criminal procedure legislation, and the author's personal experience in prosecutorial supervision, the article examines the main powers of the prosecutor at the stage of initiating a criminal case, as well as the responsibilities of the investigative bodies and investigators, which identify specific issues and potential solutions.*

The author formulates requirements for prosecutors that can influence the effectiveness of their tasks. It is proposed to amend the current criminal procedure legislation of the Russian Federation by supplementing Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a provision on the immediate initiation of a criminal case by the internal affairs bodies (inquiry) based on a decision issued by a prosecutor as part of the prosecutor's supervision over the process and the result of the pre-investigation check on reports of crimes.

Key words: *powers, prosecutor, criminal case, investigation, investigative body, criminal prosecution, resolution, legality, investigator, procedural decisions, initiation, refusal, instructions, verification.*

Актуальность настоящего исследования состоит в усиленном прокурорском надзоре за исполнением уголовно – процессуального кодекса России в деятельности сотрудников органов дознания, поскольку их решения и действия приводят к серьезным нарушениям конституционного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Прокурор, является одним из главных гарантов по обеспечению законности в рамках производства по уголовным делам, принимает решения, определяющие ход и результаты стадии возбуждения уголовного дела, дает согласие дознавателю на принятие ряда важнейших процессуальных решений, дает указания для производства определенных процессуальных действий, от которых зависит достижение цели - назначения уголовного судопроизводства.

В современной России процессуальный статус должностного лица, выступающего от имени государства на стадии возбуждения уголовного дела, нуждается в укреплении, а его имеющиеся полномочия – в конкретизации и формировании действенных процессуальных механизмов их реализации.

Целью исследования выступает рассмотрение основных полномочий прокурора по надзору за законностью в деятельности органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела современной России.

Задачами исследования выступают положения по определению объема имеющихся полномочий прокурора, обозначению проблем реализации прокурорских полномочий, определению путей их разрешения для эффективности производства по уголовным делам на стадии возбуждения уголовного дела на современном этапе развития России.

Методология исследования представлена диалектическим методом, формально-логическим методом, методами анализа и синтеза.

Результаты

Органы дознания, как субъект уголовного процесса и дознание, как форма предварительного расследования представляет собой комплексный государственный правоохранительный механизм, на который возложены задачи по проведению доследственных проверок по сообщениям о преступлениях и расследованию преступлений небольшой и средней тяжести.

В ходе надзорной деятельности прокурорами выявляется значительное количество существенных нарушений, допускаемых органами дознания, дознавателями органов внутренних дел России при принятии процессуальных решений, в связи с чем, вопросы необходимости наличия у прокурора широких полномочий и эффективной их реализации в научной и практической среде остаются дискуссионными.

По мнению автора настоящей статьи, именно от должного прокурорского участия, выражающееся в его четкой последовательности действий, в умении добиваться поставленных целей, от определения правильной скоординированности действий с сотрудниками органов дознания, от оперативности принятия решений в связи с выявленными нарушениями уголовно-процессуального законодательства России, с последующим принципиальным и действенным прокурорским надзором, с обязательным последующим контролем за их устранением, напрямую определяют эффективность производства по уголовным делам, которые зависят от объема прокурорских полномочий и задач, поставленных государством и высшим должностным лицом (Генеральным прокурором) в системе прокуратуры Российской Федерации.

Полномочия и функции должностного лица, призванного от имени государства обеспечивать права и интересы граждан нашли свое отражение в статье 37 УПК Российской Федерации[1] и в Федеральном законе.[2]

Отведенная в системе прокурорских полномочий первостепенная роль надзирающего прокурора состоит в обеспечении законности, обоснованности процессуальных решений и действий органов дознания и дознавателей, определяющей реализацию важной прокурорской функции, функции надзора и уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела.

В истории становления и развития прокурорской деятельности в России наблюдались периоды, когда полномочия прокурора по своему объему претерпевали различные изменения, но первостепенную роль в обеспечении законности принятых процессуальных решений по уголовным делам органами дознания, дознавателями провозглашалась законом, именно, за прокурором.

Ранее объем имеющихся полномочий прокурора не разделяли, не по формам, не по видам, не по формам расследования.

Масштабные изменения относительно полномочий прокурора произошли в 2007 году с при-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 27.05.2026).

[2] Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс //https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 27.05.2026).

нятием Федерального закона[1], не повлекших кардинальных изменений относительно его главной роли в отношении деятельности должностных лиц органов дознания и дознавателей.

Проведенный анализ различных научных суждений о роли надзирающего прокурора за дознанием показал, что на протяжении многих лет не утихают дискуссии о пересмотре полномочий прокурора, направленных на эффективность прокурорского надзора за деятельностью органов внутренних дел на стадии возбуждения уголовного дела.

Изменения российского законодательства в 2007 году о необоснованном лишении прокурора возбуждать уголовные дела и давать согласия следователям на возбуждение уголовного дела, привело к обсуждению вопроса о сокращении прокурорского участия в согласовании вопроса возбуждения уголовных дел дознанием, с предложением делегировать это начальнику органа (подразделения) дознания, усиливая, тем самым внутренний ведомственный контроль.

Кандидат юридических наук А.Ю. Синдеев в своей диссертационной работе считает, что процессуальные решения прокурора в досудебном производстве являются фундаментом для дальнейшего производства по уголовному делу, тем самым обеспечивая защиту прав потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения [1].

В своем диссертационном исследовании А.Г. Тетерюк высказывается о важности опосредованного уголовного преследования прокурора за деятельностью органов дознания по противодействию преступности, в связи с необоснованно высокими предъявляемыми требованиями к эффективной реализации деятельности органов дознания и их сложной реализации в современных реалиях. В связи чем полагает, что именно от деятельности прокурора зависит и определяется деятельность органов дознания по противодействию преступности [2], с чем нельзя не согласиться. Надзирающий прокурор в ходе осуществления своей деятельности на различных стадиях уголовного процесса сталкивается с выполнением ряда задач, используя весь спектр имеющихся полномочий, предоставленных законодателем, о которых в научной среде имеются неоднозначные и полярные мнения. А.В. Спирин предлагает освободить дознавателя от необоснованной «прокурорской опеки», расширив его процессуальную самостоятельность [3]. О.В. Химичева в своем исследовании, подчеркивает, что прокурор в ходе своей деятельности действует независимо и свободно от своих поднадзорных ведомств и считает, что какое-либо расширение или дублирование его полномочий начальнику подразделения дознания послужит дополнительной гарантией в обеспечении законности принимаемых решений дознавателями [4, с. 11]. Д.А. Емельянова, К.А. Синкин предлагают полномочия прокурора при производстве органом дознания разграничить

на группы, в основе которые будут лежать его функции: уголовное преследование и надзор [5].

Автор данной статьи, исходя из своего личного прокурорского опыта, убеждения предлагает исследовать теоретические аспекты полномочий прокурора, закрепленных в уголовно-процессуальном законе России на стадии возбуждения уголовного дела, обсудить проблемы их реализации при осуществлении прокурорского надзора при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, проведенной корпусом дознания органов внутренних дел России.

Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

В указанной стадии уголовного процесса закреплены первостепенные и основополагающие положения, определяющие содержание стадии возбуждения уголовного дела.[2] В законе, регулирующим производство по уголовным делам, в статье 145 УПК РФ, закреплены виды решений, принимаемые органом дознания, дознавателем, на стадии по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях.

Несмотря на урегулированность многих вопросов, возникающих на данной стадии уголовного процесса, остаются неразрешенными важные проблемы, имеющие отношение к защите прав граждан, пострадавших от преступлений.

Личный опыт прокурорской деятельности также подтверждает, что наибольшее количество нарушений законов выявляется, именно, на данной стадии проверки сообщений о преступлениях, вызывающие особую обеспокоенность за грубые нарушения действия принципа разумных сроков уголовного судопроизводства. Данное положение ситуации находит обоснованное подтверждение в количестве поданных жалоб граждан в органы прокуратуры на неправомерные действия или бездействия должностных лиц органов дознания, дознавателей органов внутренних дел России.

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Рос. газ. 2007. 8 июня.

[2] Перечень поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140 - 143 УПК РФ); порядок проверки сообщения о преступлении (ст. 144, 145 УПК РФ); порядок принятия процессуального решения (ст. 146 - 149 УПК РФ).

В учетно-регистрационной дисциплине нарушения, выявляемые сотрудниками прокуратуры, достаточно разнообразны и выражаются, прежде всего, в укрытии сообщений о преступлениях от их регистрации и учета, вынесения неоднократных, незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе без выполнения каких-либо проверочных мероприятий после неоднократных отмен надзирающим прокурором.

Основными причинами, по мнению автора настоящего исследования, является непрофессионализм дознавателей органов внутренних дел, склонность к совершению неправомерных действий, небрежное, халатное исполнение своих служебных обязанностей, помимо прочего, влияет и нехватка кадрового состава, отсутствие надлежащего ведомственного контроля со стороны руководства, которое часто меняется.

В связи с этим, первостепенным направлением надзорной деятельности прокурора является надзор за исполнением органами дознания, дознавателями правовых положений при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Принимаемые решения органов дознания, дознавателей находятся в пристальном поле зрения прокурора и подлежат в случае их нарушения незамедлительному реагированию.

Генеральный прокурор Российской Федерации Гуцан А.В. в своем докладе обозначил проблему вынесения незаконных и необоснованных решений дознанием, отметив, что даже при наличии достаточных сведений о совершенном преступлении по тысячам материалам проверки годами не принимаются законные и обоснованные решения. Вместе с тем, приводя статистические данные, обозначил и о тенденции роста отмененных прокурорами постановлений о возбуждении уголовных дел в связи с негативной практикой органами расследования возбуждать уголовные дела при отсутствии законных поводов и оснований, а лишь на основании непроверенных публикациях в СМИ и социальных се тях [6].

А.В. Агутин, считает, что, предъявляя высокие профессиональные и моральные требования к прокурору, как должностному лицу, качественно выполнять надзорные задачи на стадии возбуждения уголовного дела будут способствовать продуктивности всей уголовно-процессуальной деятельности [7].

И.В. Стуканог в своей научной работе разработал определенные требования к профессиональным полномочиям прокурора [8].

Так, в стадии возбуждения уголовного дела прокурор уполномочен:

- проверять исполнение требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1). Данный вопрос регулируется лишь на уровне ведомственных нормативных актов [9], в связи с чем, обозначенная проблема требует научного обсуждения, с принятием специального федерального закона.

Генеральный прокурор РФ нацеливает прокуроров на тщательный и качественный подход к вопросам изучения материалов доследственных проверок на законность и обоснованность принятых решений. Акцентирует на необходимость принимать меры к личному опросу заявителя о преступлении (с приобщением опроса к материалу проверки), а также и других заинтересованных лиц с целью проверки информации на достоверность и полноту[1], используя свое право на отмену незаконных решений по сообщениям о преступлениях, о принятии мер к незамедлительной организации дополнительной доследственной проверки сообщений о преступлениях, с последующим обязательным контролем о недопущении вынесения необоснованного процессуального решения, игнорируя указания надзирающего прокурора. Требуется от прокурора сосредоточить внимание на недопущение нарушения разумного срока уголовного судопроизводства органами расследования[2].

Несмотря на огромный пласт принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела, надзирающими прокурорами в ходе проведении проверок, в том числе, при рассмотрении жалоб граждан, отменяя значительное количество незаконных решений, достигаются определенные надзорные задачи, однако порой лишь после вмешательства вышестоящей прокуратуры. Кроме этого, следует акцентировать внимание на принципиально важном рычаге прокурора в современной России - вынесение им мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в органы расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений россий-

[1] Приказ Генпрокуратуры РФ № 147, МВД РФ № 209, ФСБ РФ № 187, Следственного комитета РФ № 23, ФСКН РФ № 119, ФТС РФ № 596, ФСИН РФ № 149, Минобороны РФ № 196, ФССП РФ № 110, МЧС РФ № 154 от 26.03.2014 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 04.08.2014 N 33432).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. N 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

ского уголовного законодательства. Это определило появление в 2010 году повода к возбуждению уголовного дела согласно Федеральному закону[1] в часть 1 статьи 140 УПК РФ.

Автор настоящей статьи отмечает, что по результатам вынесенного постановления прокурором, нередко дознание берет на себя ответственность по принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с чем, вопрос о лишении полномочия прокурора права самостоятельно возбуждать уголовные дела остается актуальным и находит свое отражение в большом массиве научных исследованиях В.С. Шадрина, Е.Р. Ергашева, В.А. Лазаревой, Ш.М. Абдул-Кадырова, Э.Р. Исламова, А.В. Чубыкина, Е.В. Коломеец и ряда других изыскателей.

По мнению ученых - процессуалистов изменения законодательства от 2007 года привели к неэффективной реализации прокурорских полномочий, с учетом сложившегося исторического и международно-правового опыта.

Изложенные научно – практические мнения сводятся к следующему выводу: вернуть указанное полномочие прокурору с целью обеспечения своевременности возбуждения уголовного дела, в случае принятия незаконного процессуального решения на стадии возбуждения уголовного дела.

В своем научном исследовании Синдеев А.Ю. отмечает, что прокурора необходимо наделить правом на проведение проверки сообщений о преступлениях, возможностью самостоятельного принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела [10].

Иной точки зрения поддерживает ученый Гасымов А.Н., который предлагает закрепить в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ обязанность уполномоченных участников уголовного процесса незамедлительно возбудить уголовное дело по поступившим от прокурора материалам прокурорской проверки [11]. Автор данного изыскания не склоняется к мнению большинства и считает, что в настоящее время возвращение полномочия прокурору по возбуждению уголовного дела – весьма излишне, но видится необходимым, с учетом имеющихся проблем и с целью эффективной реализации имеющегося полномочия внести изменения в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, следующего содержания[2].

Генеральный прокурор России этому полномочию уделил достаточно внимания, указывая прокурорам: о необходимости обеспечивать своевременное вынесение мотивированного постановления по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства, и лишь при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления; контролировать своевременную регистрацию и проведение процессуальной проверки; в случае отказа должностных лиц в регистрации и рассмотрении - незамедлительной реакции прокурора, выраженной в форме акта прокурорского реагирования и дальнейшем отстаивании своей позиции.[3] Таким образом, вынесение такого постановления должно являться обязательным для органов дознания, расследования, которое означает инициирование прокурором начала законного уголовного преследования.

Следующим основным прокурорским полномочием является требование прокурора от органов дознания, дознавателей устранения нарушений федерального законодательства при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях (так и при производстве дознания).

Автор статьи придерживается мнения ученых о необходимости и важности использования данного полномочия и рассматривает его, как самостоятельный акт прокурорского реагирования, адресованный должностному лицу органа дознания, призванный в кратчайшие сроки устранить выявленные нарушения в ходе проведенной проверки учетно-регистрационной дисциплины или в ходе изучения уголовного дела.

Помимо иных дискуссионных вопросов, освещенных в научной среде, основной проблемой, по мнению автора статьи, в настоящее время и видится в неисполнении требований прокурора, в том числе формализм со стороны сотрудников органов внутренних дел России к их исполнению.

В уголовно-процессуальном законе закреплены полномочия прокурора при осуществлении надзора за законной и обоснованной дея-

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» от 28.12.2010 № 404-ФЗ [Электронный ресурс]: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/32485 (дата обращения: 24.05.2026).

[2] «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства».

Указанные случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (пп. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (пп. 3–6). В таких случаях до принятия уполномоченными должностным лицами процессуального решения о возбуждении уголовного дела возможно проведение доследственной проверки в сроки, установленные чч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ.

[3] Указание Генпрокуратуры РФ от 17.10.2023 № 707/49 «Об организации работы, связанной с реализацией полномочий, предоставленных п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ».

тельностью дознания, имеют место быть, как в стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве по уголовным делам, в целом. [1]

Заключение

Прокурор выступает главной фигурой уголовного процесса, целью которого является обеспечение единообразного понимания законов и неукоснительного соблюдения принципов уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, дознавателей сочетает в себе сложный механизм действий и решений сотрудников прокуратуры, призванных обеспечивать законность принимаемых решений поднадзорными органами с целью защиты прав и законных интересов граждан.

Наличие имеющихся полномочий прокурора в законедо настоящего времени не нашли однозначной оценки ученых-процессуалистов, что требует и обосновывает их активное обсуждение. Вместе с тем, прокурор располагает существенным объемом полномочий по незамедлительному реагированию на нарушения уголовно-процессуального закона на стадии возбуждения уголовного процесса при спланированности своих действий и оперативности принятия решений через актуальный и должный контроль по выявлению, пресечению и устранению нарушений, допущенных органом дознания. В настоящее время следует актуализировать и акцентировать внимание прокуроров на эффективном использовании имеющихся у них полномочий и о повышении должного прокурорского реагирования на нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при возбуждении уголовного дела.

Список литературы:

[1] Синдеев, А.Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : специальность 12.00.09 – «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Синдеев Андрей Юрьевич ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. – 211 с.

[2] Тетерюк, А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания : уголовно-процессуальный и организационный аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Тетерюк Александр Григорьевич; [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. — Нижний Новгород, 2011. —242 с.

[3] Спирин, А.В. Процессуальная деятельность органов дознания. Есть ли необходимость в «прокурорской опеке»? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 56-61.

[4] Химичева, О.В. О совершенствовании правовой регламентации дознания в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 7-11.

[5] Емельянова, Д.А., Синкин, К.А. «Полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами, осуществляющими дознание, и их реализация в стадии предварительного расследования» // Российско-Азиатский правовой журнал / Российское право: история и современность. 2022. № 2. С. 5-9.

[6] Доклад Генерального прокурора РФ на расширенном заседании Коллегии посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2025 год и задач по укреплению законности и правопорядка на 2026 год от 19.03.2026 [Электронный ресурс]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (дата обращения: 24.05.2026).

[7] Агутин, А.В. К вопросу о «древе» целей прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 73.

[8] Стуканог, И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Стуконог Игорь Валериевич; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. — Москва, 2020. — 34 с.

[9] Григорьева, М.А. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве : учебное пособие / М. А. Григорьева, Н. А. Данилова, В. С. Шадрин. — Санкт-Петербург :СанктПетербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 108 с.

[10] Синдеев, А.Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : специальность 12.00.09 – «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени канди-

[1] Требовать от органов дознания устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания; отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (п. 6); разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также самоотводы (п. 9); передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ; изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 12).

дата юридических наук / Синдеев Андрей Юрьевич ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. – 211 с.

[11] Гасымов, А.Н. Эффективность прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования: теоретико-правовые и прикладные проблемы : специальность 5.1.4 – «Уголовно правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гасымов Аяз Ниязович; [Место защиты: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»], — Москва, 2026. – 215 с.

References:

[1] Sindeev, A.Yu. Procedural decisions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings and their legal consequences: specialty 12.00.09 - “Criminal process”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/Andrey Yuryevich Sindeev; Federal State State Educational Institution of Higher Education “University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation,” 2021. - 211 s.

[2] Teteryuk, A.G. Prosecutorial supervision of the inquiry: criminal procedural and organizational aspects: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09/ Teteryuk Alexander Grigorievich; [Place of protection: Nizhegor. acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. - Nizhny Novgorod, 2011. - 242 s.

[3] Spirin, A.V. Procedural activity of inquiry bodies. Is there a need for “prosecutor’s custody” ?// Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. S. 56-61.

[4] Khimicheva, O.V. On improving the legal regulation of inquiry in the Russian Federation//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2. S. 7-11.

[5] Emelyanova, D.A., Sinkin, K.A. “The powers of the prosecutor in the supervision of bodies carrying out inquiries and their implementation at the stage of preliminary investigation “//Russian-Asian Law Journal/Russian Law: History and Modernity. 2022. № 2. S. 5-9.

[6] Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at an expanded meeting of the Collegium on the results of the work of the prosecutor’s office for 2025 and tasks to strengthen law and order for 2026 from 19.03.2026 [Electronic resource]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (date of appeal: 24.05.2026).

[7] Agutin, A.V. On the question of the “tree” of the goals of prosecutorial supervision at the stage of initiating a criminal case//Business in law. 2013. № 3. S. 73.

[8] Stukanog, I.V. Procedural powers of the prosecutor to ensure compliance with the deadlines in the pre-trial stages of criminal proceedings: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.09/Stukonog Igor Valerievich; [Place of protection: University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation]. - Moscow, 2020. - 34 s.

[9] Grigorieva, M.A. Prosecutorial supervision of the implementation of laws in pre-trial proceedings: a textbook/M.A. Grigorieva, N.A. Danilova, V.S. Shadrin. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2018. - 108 s.

[10] Sindeev, A.Yu. Procedural decisions of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings and their legal consequences: specialty 12.00.09 - “Criminal process”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/Andrey Yuryevich Sindeev; Federal State State Educational Institution of Higher Education “University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation,” 2021. - 211 s.

[11] Gasymov, A.N. Effectiveness of prosecutorial supervision over the procedural activities of preliminary investigation bodies: theoretical, legal and applied problems: specialty 5.1.4 - “Criminal legal sciences”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/Gasymov Ayaz Niyazovich; [Place of defense: “Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation”], - Moscow, 2026. - 215 s.

-УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-431-436
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: palamit@rambler.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИИ

Аннотация*. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокой реформы системы отечественного образования и воспитания. Для реформирования образования важно обращение к российским традициям образования и воспитания, которые в течение десятилетий многократно доказали свою эффективность. Педагогическая антропология в нашей стране разрабатывается уже более ста лет, ее идеи и педагогические принципы стали методологией целого ряда педагогических практик. В статье рассматриваются особенности и основные идеи российской педагогической антропологии как научной школы и как психологической и педагогической практики.*

Авторы кратко рассматривают основные этапы истории педагогической антропологии в России, а также основные идеи выдающихся представителей российской педагогической антропологии в их внутренней логике: К. Д. Ушинского, Н. И.Пирогова, П. Ф. Каптерева, Л. С. Выготского, Ш. А. Амонашвили и ряда других. Особое внимание уделено применению методологии и идей педагогической антропологии в современных российских педагогических концепциях и образовательных практиках.

Ключевые слова*: педагогика, психология, педагогическая антропология, воспитание, образование, гуманистическая педагогика, возрастная динамика, «зона ближайшего развития», педагогическая практика, методология.*

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
PhD, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
management and economic theory
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Michailovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of Philosophy
of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY IN RUSSIA

Annotation. *The relevance of the topic of research is due to the need for deep reform of the system of domestic education and upbringing. To reform education, it is important to appeal to the Russian traditions of education and upbringing, which have proven their effectiveness many times over the decades. Pedagogical anthropology in our country has been developed for more than a hundred years, its ideas and pedagogical principles have become the methodology of a number of pedagogical practices. The article examines the features and main ideas of Russian pedagogical anthropology as a scientific school and as a psychological and pedagogical practice.*

The authors briefly consider the main stages of the history of pedagogical anthropology in Russia, as well as the main ideas of prominent representatives of Russian pedagogical anthropology in their internal logic: K. D. Ushinsky, N. I. Pirogov, P. F. Kapterev, L. S. Vygotsky, S. A. Amonashvili and several others. Particular attention is paid to the use of methodology and ideas of pedagogical anthropology in modern Russian pedagogical concepts and educational practices.

Key words*: pedagogy, psychology, pedagogical anthropology, education, education, humanistic pedagogy, age dynamics, "zone of closest development," pedagogical practice, methodology.*

Педагогическая антропология представляет собой одну из социально-гуманитарных наук, которая находится на стыке педагогики и антропологии и изучает личность человека как субъекта воспитания и образования. Цель педагогической антропологии заключается в том, чтобы понять природу человека, закономерности его развития и воспитания и на этой основе выработать подходы к обучению, учитывающие индивидуальные и социальные особенности личности. Педагогическая антропология в нашей стране разрабатывается уже более ста лет и она стала методологией современного образования и воспитания.

Выделим основные особенности педагогической антропологии как науки:

– Целостность восприятия человека: личность рассматривается не фрагментарно, а

как единое целое, в единстве ее биологических, психологических, социальных и духовных качеств [3, с. 11].

- Учет возрастной динамики: педагогическая антропология изучает отдельные возрастные этапы жизни человека от рождения до зрелости, особенности каждого возрастного периода и их влияние на обучение и воспитание.
- Учет культурного контекста – обязателен для педагогической антропологии: в процессах воспитания и образования учитываются традиции, ценности и нормы общества, в котором растёт и развивается человек. Человек на любом этапе своей жизни рассматривается в социальном и культурном контексте.
- Практическая направленность. Результаты исследований в области педагогической антропологии применяются в педагогической практике: при разработке учебных программ, методов обучения и воспитания.

Педагогическая антропология стала эффективной и востребованной методологической основой многих современных методик образования и воспитания.

В России педагогическая антропология как самостоятельное научное направление сформировалась в XIX веке, она была основана на традициях отечественной философии и педагогики. Изначально педагогической антропологии была присуща интенция на реализацию научных знаний о человеке с практическими задачами образования и воспитания.

Развитие педагогической антропологии в России связано с именами выдающихся учёных и педагогов, чьи идеи оказали значительное влияние на отечественную педагогику.

Основоположником педагогической антропологии в России считается Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870). В своём труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869) К. Д. Ушинский заложил основы антропологического подхода в педагогике. Ученый утверждал, что воспитание должно опираться на знание природы человека — его физиологических, психологических и социальных особенностей. Он подчёркивал важность учёта национальных традиций и культуры в образовании, считая, что школа должна формировать не только знания, но и нравственные качества личности [9, с. 155].

Пётр Фёдорович Каптерев (1849–1922) развивал идеи К. Д. Ушинского, уделяя особое внимание психологии обучения и воспитания. П. Ф. Каптерев рассматривал образование как процесс, который должен способствовать всестороннему развитию личности, и подчёркивал роль постоянного самообразования и саморазвития в этом процессе. Ученый ввёл понятие «педагогический процесс», которое включает в себя не только обучение, но и воспитание, формирование мировоззрения и социальных навыков [6, с. 73].

Одним из основателей педагогической антропологии в России был выдающийся российский хирург Николай Иванович Пирогов (1810 - 1881). Его идеи заложили основы гуманистического подхода в образовании. Педагогическая концепция Н. И. Пирогова строилась на антропологическом фундаменте, где педагогика должна опираться на глубокое знание природы человека, его потенциала и целей воспитания.

Главная цель воспитания по Н. И. Пирогову заключается в формировании свободной сознательной личности, стремящейся к идеалам добра, правды, веры, справедливости и патриотизма. Ученый считал, что задача воспитания — превратить добрые инстинкты детской натуры в сознательное стремление к нравственным идеалам, сформировать твёрдые убеждения, волю и гражданские добродетели [8, с. 39]. При этом Н. И. Пирогов придавал особое значение периоду детства и ранней юности, так как именно в это время закладываются основы личности.

Отметим, что антропологический подход к образованию и воспитанию ребенка у Н. И. Пирогова включал признание единства детской души и отрицание дуализма личности. Он выделял в ребёнке «образ Божий» — «девственно фантастический мир дитяти», детскую простоту и единство личности. Центральная педагогическая задача, по его мнению, — предотвратить или отсрочить раскол личности, выраженный в противоречии между «быть», то есть осознавать себя самоценной личностью, стремиться к идеалам и «казаться», то есть играть роль, а не жить полноценной жизнью [8, с. 211].

Лев Семёнович Выготский (1896–1934) – выдающийся отечественный психолог, хотя и не относился всецело к школе педагогической антропологии, внёс значительный вклад в педагогическую антропологию через свои исследования в области детской психологии и дефектологии. Его концепция «зоны ближайшего развития» показала, как взаимодействие со взрослыми и сверстниками влияет на развитие ребёнка [4, с. 247]. Л. С. Выготский подчёркивал социальную природу образования и воспитания, утверждая, что развитие высших психических функций происходит в процессе общения и совместной деятельности детей.

Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970) в своей педагогической практике воплотил антропологический подход, делая акцент на гуманизме и уважении к личности ребёнка. В работах «Сердце отдаю детям»,

«Рождение гражданина» выдающийся педагог писал о необходимости видеть в каждом ученике индивидуальность, учитывать его интересы и способности. Сухомлинский считал, что воспитание должно быть основано на любви и доверии, а школа является, в первую очередь, местом, где ребёнок учится быть человеком.

Шалва Александрович Амонашвили (род. 1931) продолжил гуманистические традиции в педагогике, разработав концепцию гуманно личностного подхода. Он утверждает, что ребёнок — не объект воздействия, а субъект развития, и что обучение должно строиться на уважении к его внутреннему миру. В центре педагогической системы Амонашвили стоит нравственный принцип безусловного принятия ребёнка. Подчеркнем, что последовательное воплощение этого принципа ведет к отказу от авторитарного стиля общения с ребенком; к признанию права ребёнка на ошибку; к учёту индивидуальных особенностей каждого ребенка, а также к созданию атмосферы доверия и безопасности при любом взаимодействии с ребенком [1, с. 113].

Амонашвили подчёркивает важность создания атмосферы сотрудничества и поддержки в школе, где каждый ученик чувствует себя ценным и значимым [1, с. 99].

Кратко остановимся на истории педагогической антропологии в нашей стране. В России до 1917 года представителями педагогической антропологии были П. Ф. Лесгафт и К. А. Ветцель, Г. Я. Трошин, К. К. Сент-Илер, М. И. Демков, В. А. Вагнер, А. Ф. Лазурский.

В советское время идеи педагогической антропологии были интегрированы в психологию и педагогику. В 1930 е годы многие функции педагогической антропологии взяла на себя педагогическая и возрастная психология [5, с. 185]. Выдающимися психологами, разрабатывающими идеи и подходы педагогической антропологии, основанные на комплексном изучении человека, были Б. Г. Ананьев, Л. С. Выфготский, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, Л. С. Выготский, Философ Э. В. Ильенков подчеркивал роль общения и диалога в формировании личности, образовании и воспитании.

В 1990-е годы возрождается интерес к педагогической антропологии, происходит институциализация педагогической антропологии, создаются учебные курсы и научно-педагогические школы. В педагогические вузы страны вводится учебная дисциплина «Педагогическая антропология», активно издаются программы, учебники практикумы по педагогической антропологии, разрабатываются педагогические системы и отдельные методики на основе педагогической антропологии. Идеи и методы педпгогической антропологии разрабатывают Б. М. Бим-Баден, Г. М. Коджаспирова, Г. Б. Корнетов, В. Б. Куликов, В. И. Максакова, А. П. Огурцов, В. И. Слободчиков, и др.

Выделим и кратко проанализируем основные идеи педагогической антропологии в России:

Первая идея – это разработка антропологического принципа в отечественной педагогике. Образование должно исходить из природы человека, учитывать его возрастные, индивидуальные и культурные особенности. Этот принцип впервые в нашей стране был сформулирован К. Д. Ушинским и стал основой отечественной педагогической традиции [10, с. 63].

Вторая идея – это гуманизм и уважение к личности ребенка. Воспитание и обучение должны быть направлены на развитие достоинства человека, его свободы и ответственности. Эта идея прослеживается в работах В. А. Сухомлинского и Ш. А. Амонашвили, она утверждает глубокие нравственные основы российского образования и воспитания.

Третьей идеей является социальная обусловленность развития личности. Человек формируется только в процессах постоянного взаимодействия с обществом, культурой и средой. Л. С. Выготский глубоко раскрыл, как социальное окружение влияет на психическое и интеллектуальное развитие ребёнка [4, с. 49].

Четвертая идея - это единство обучения и воспитания. Образование не сводится к передаче знаний — оно должно способствовать формированию нравственных, эстетических и гражданских качеств личности. Эта мысль проходит через труды П. Ф. Каптерева и других педагогов.

Пятая идея – важность не только интеллектуального, но эмоционального и духовного развития ребенка в процессе образования и воспитания. Педагогическая антропология подчёркивает, что полноценное развитие человека невозможно без внимания к его чувствам, переживаниям и духовным потребностям [6, с. 7]. Это особенно актуально в условиях современного общества, где технологический прогресс часто отодвигает на второй план традиционные духовно-нравственные ценности, что особенно четко прослеживается в современной западной культуре.

Шестая идея – о роли деятельности в развитии личности. Активное участие ребёнка в обучении и творчестве способствует его развитию. Идеи деятельностного подхода, развитые в советской психологии, нашли отражение в педагогической антропологии.

Подчеркнем, что рассмотренные идеи российской педагогической антропологии оказали и продолжают оказывать глубокое влияние на раз-

витие отечественной системы образования. Эти идеи легли в основу многих педагогических концепций и практик, которые применяются в школах и вузах.

Так, в школьном образовании в нашей стране используется идея индивидуализации обучения: учёт индивидуальных особенностей учеников стал важной частью современной педагогики [7, с. 153]. Учителя стремятся адаптировать методы обучения под потребности и способности каждого ребёнка, что соответствует подходу и методологии педагогической антропологии. Также в школьном образовании реализуется идея гуманизации образования: принципы уважения к личности ученика, поддержки его инициативы и самостоятельности внедряются в школьную практику, что, безусловно, создает благоприятную атмосферу для развития личности. Идеи Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития легли в основу развивающего обучения, которое активно используется в российских школах. Программы, направленные на развитие критического мышления, творческих способностей и социальной компетентности учащихся сегодня строятся с учётом антропологических принципов [2, с. 7].

Российские вузы стремятся не только дать студентам профессиональные знания, но и воспитать в них гражданскую позицию, этические ценности и способность к саморазвитию, что соответствует идее педагогической антропологии о всестороннем развитии человека. Изучение человека как целостной системы требует интеграции знаний из разных областей — психологии, социологии, философии, биологии. В учебные планы педагогических вузов сегодня включены учебные дисциплины, в которых объединяются гуманитарные и естественные науки, и таким образом реализуется междисциплинарный подход [11, с. 105].

Отметим, что идеи педагогической антропологии стимулируют исследования в области психологии образования, возрастной педагогики и инклюзивного обучения. Это способствует совершенствованию образовательных методик и технологий.

Развитие онлайн образования и цифровых технологий ставит новые вопросы перед педагогической антропологией: как сохранить гуманистический подход в виртуальной среде, как учитывать особенности цифрового поколения?

Особенно значимым наследием педагогической антропологии сегодня является то, что в условиях распада глобализации и формирования экономических и культурных панрегионов идеи и методы педагогической антропологии помогают формировать у российской молодёжи уважение к традиционным духовно-нравственным ценностям, российской культуре и истории, а также ответственность за будущее нашей страны.

Таким образом, педагогическая антропология в России прошла долгий путь от первых идей К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова до современных исследований. Её принципы и идеи остаются актуальными и сегодня, они активно используются в отечественном образовании и воспитании. Они помогают строить образование как процесс, направленный на развитие человека и гражданина во всей полноте его способностей и возможностей.

Список литературы:

[1] Амонашвили Ш. А. Педагогическая симфония. - М.: Амрита, 2019. - 312 с.

[2] Бельский В. Ю. Русская традиция педагогической антропологии в современной философии образования // Социально-гуманитарное обозрение. - 2019. - № 2. - С. 5–8.

[3] Бороздина О. С. Модель человека в педагогической антропологии К. Д. Ушинского // Тенденции развития науки и образования. - 2021. - № 77 (2). - С. 10–14.

[4] Выготский Л. С. Педагогическая психология. - М.:АСТ, 2008.-378 с.

[5] Гуревич П. С., Филатов О. К. Педагогическая антропология. История развития: учебник для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 308 с.

[6] Каптерев П. Ф. Культура и личность как факторы воспитания и образования. - М.: Амрита, 2022. - 276 с.

[7] Реморенко И. М. Маятники самоопределения в педагогической антропологии К. Д. Ушинского // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. - 2022. - Т. 16, № 4. - С. 151–168.

[8] Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 387 с.

[9] Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. - Том 1. - Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 2013. - 371 с.

[10] Ушинский К. Д. Воспитание человека: Избранное. - М.: Карапуз, 2000. - 193 с.

[11] Фирсова А. Е. Применение антропологического подхода в современной отечественной педагогической теории и инновационной образовательной практике: монография. – Волгоград: Сфера, 2023. – 146 с.

References:

[1] Amonashvili Sh. A. Pedagogical Symphony. - M.: Amrita, 2019. - 312 pp.

[2] Belsky V. Yu. Russian tradition of pedagogical anthropology in the modern philosophy of education//Social and humanitarian review. - 2019. - № 2. - P. 5-8.

[3] Borozdina O.S. Human model in pedagogical anthropology K. D. Ushinsky//Trends in the development of science and education. - 2021. - № 77 (2). - P. 10-14.

[4] Vygotsky L. S. Pedagogical psychology. - M.; AST, 2008. - 378 p.

[5] Gurevich P. S., Filatov O. K. Pedagogical anthropology. Development history: textbook for universities. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 308 pp.

[6] Kapterev P. F. Culture and personality as factors of upbringing and education. - M.: Amrita, 2022. - 276 p.

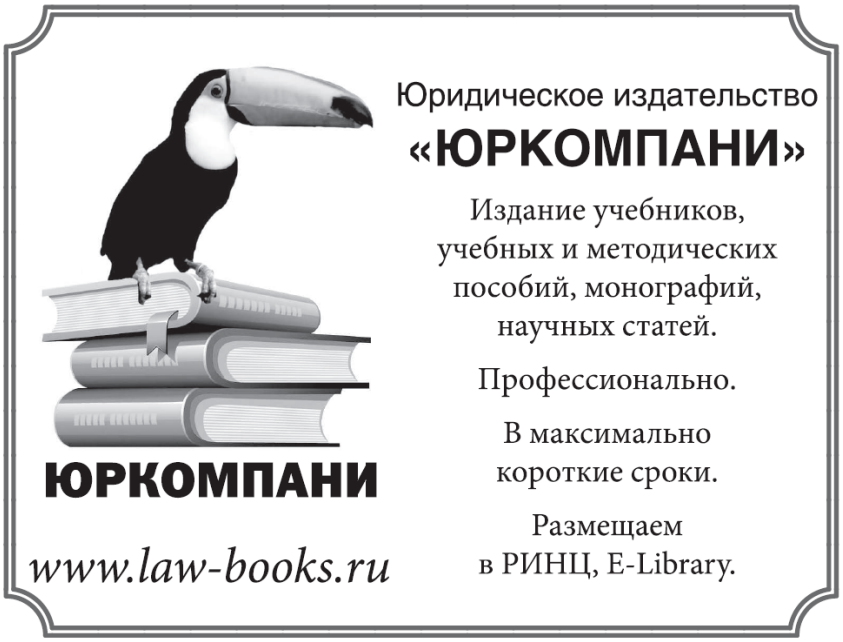
[7] Remorenko I. M. Pendulums of self-determination in pedagogical anthropology K. D. Ushinsky//Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser.: Pedagogy and psychology. - 2022. - T. 16, № 4. - P. 151-168.

[8] Pirogov N. I. Selected pedagogical works - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 387 p.

[9] Ushinsky K. D. Man as a subject of education. Experience in pedagogical anthropology. - Volume 1. - St. Petersburg: Publishing house «Lan», 2013. - 371 p.

[10] Ushinsky K. D. Education of man: Favorites. - M.: Karapuz, 2000. - 193 pp.

[11] Firsova A.E. Application of the anthropological approach in modern domestic pedagogical theory and innovative educational practice: monograph. - Volgograd: Sphere, 2023. - 146 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-437-441

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ
НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ОСВОЕНИЕ БЕЗОПАСНОЙ РАБОТЫ В WEB 2.0 КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В работе авторы рассматривают Web 2.0 как вероятную угрозу информационной безопасности организации. Авторы отмечают что существующие технические и программные средств контроля не обеспечивают адекватную защиту от этих угроз, что придает большее значение надлежащему охвату таких угроз в ходе учебных программ по Информационной Безопасности и повышению осведомленности сотрудников не только подразделений информационной безопасности, но и обычного персонала организации. Лучшим активом компании в защите конфиденциальных данных являются сотрудники, которые прошли обучение по противодействию рискам, связанным с работой в мире Web 2.0.В статье приводятся практические рекомендации по использовании их в программах обучения.*

Ключевые слова: *Web 2.0, информационная безопасность, учебная программа, обучение сотрудников.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

MASTERING SAFE WORK IN WEB 2.0 AS A NECESSARY COMPONENT OF TRAINING PROGRAMS INFORMATION SECURITY

Annotation. *In the work, the authors consider Web 2.0 as a likely threat to the information security of an organization. The authors note that the existing technical and software controls do not provide adequate protection against these threats, which attaches greater importance to the proper coverage of such threats during Information Security training programs and raising awareness among employees not only of information security units, but also of ordinary personnel of the organization. The company's best asset in protecting sensitive data is employees who have been trained on countering risks associated with working in the world of Web 2.0. The article provides practical recommendations for using them in training programs.*

Key words: *Web 2.0, information security, curriculum, employee training.*

Специалисты по обеспечению конфиденциальности и безопасности пришли к выводу, что технологии, которые сегодня работают для защиты компании, могут перестать быть эффективными завтра. Постоянно меняющиеся меры безопасности обусловлены не только внедрением новых технологий, но и быстрыми темпами адаптации и инноваций, которые демонстрируют злоумышленники. Злоумышленники используют новые уязвимости почти сразу же, как только исправляются существующие или возникают новые, создавая постоянную игру в догонялки между специалистами по безопасности и злоумышленниками. Хуже всего то, что за последние несколько лет появились различные сообщения о растущем подпольном рынке украденных электронных данных. Этот подпольный рынок достиг такого уровня, что хакеры могут зарабатывать большие деньги, используя небольшой набор специальных навыков таких как взлом почтового аккаунта, файрвола или браузера, а также взлом различных платных программных

продуктов, стоимость которых для корпоративных нужд составляет сотни тысяч долларов. При этом рынок хакеров не регулируется власти ни одного государства, что стирает границы для киберпреступности и значительно увеличивает ассортиментпредлогаемых услуг. Используя просторы интернета организованные преступные группы совершают нападения и организованные компании не зависимо от места расположения жертвы угрозы вовлекая в театр кибератаки участников из различных стран. Таким образом растущий спрос на персональные и конфиденциальные данные подогревает растущий криминальный бум хакерской активности.

Неспособность существующих технических средств контроля обеспечить адекватную защиту от этих угроз придает большее значение надлежащему охвату таких угроз в ходе учебных программ по Информационной Безопасности и повышению осведомленности сотрудников не только подразделений информационной безопасности, но и обычного персонала.

Для сохранения эффективности программы обучения Информационной безопасности должны периодически пересматриваться, чтобы отражать политические реалии и существующую практику компаний, а также постоянно меняющуюся природу угроз и современного уровня программных и аппаратных средств. За последние десятилетия усовершенствования защиты сетей и защиты операционных систем привели к тому, что злоумышленники изменили свои стратегии атак на использование программных приложений (таких как браузеры, текстовые процессоры и цифровые форматы, такие как PDF) и социальных сетей, часто объединяя эти атаки в смешанном режиме.

Поскольку компании используют преимущества Web 2.0, т.е. интернет-приложения, программное обеспечение как услуги и облачные вычисления - у злоумышленников появляются новые возможности для получения, изменения или уничтожения данных компании. Существующие технологические средства контроля пока не доказали свою эффективность в противодействии этим новым и быстро развивающимся угрозам. Существующие политики должны быть обновлены (или созданы заново), а методы должны быть скорректированы, чтобы обеспечить постоянную безопасность и конфиденциальность персональных и коммерческих данных. На сегодняшний день лучшим активом компании в защите конфиденциальных данных являются сотрудники, которые прошли обучение по противодействию рискам, связанным с работой в мире Web 2.0.

Опытные пользователи информационных ресурсов часто хорошо разбираются в таких терминах, как брандмауэр и антивирус, они часто убеждены в том, что эти технологии обеспечивают практически непробиваемую защиту от всех потенциальных рисков атак. Однако после инцидента эти пользователи уверяют, что они были «в полной безопасности» при посещении Интернета, поскольку они были защищены популярной антивирусной программой. Имеющиеся в открытом доступе статистические обзоры киберпреступности по развитым странам, касающиеся безопасности в Интернете и утечки данных в 2018 и 2019 годах, показали, что хакеры используют вредоносное программное обеспечение (ПО) для обхода средств защиты, заражения компьютеров и установления долгосрочного контроля или наблюдения за пользовательской активностью и / или сетевым трафиком, несмотря на распространенные бытовые версии антивирусных программ. Из-за деликатного характера темы, немногие компании готовы поделиться уроками, извлеченными из расследования взлома данных.

Большинство взломанных записей осуществляется с использованием хакерских программ и вредоносных программ. При этом большинство атак являются простыми, только каждая десятая атака использует «сложные» методы. Эти атаки приносят наибольший вред порядка 90% потерянных данных, для их реализации злоумышленник использует специальные вредоносные программа которые крайне сложно обнаружить и удалить с помощью современных средств контроля безопасности.

Сотрудники должны знать, что текущее состояние технологий безопасности не может обеспечить полной защиты от современных атак, особенно от целевых атак. Причина этого (обычно временного) пробела в защите проста: антивирусные компании должны наблюдать и собирать образцы вредоносного программного обеспечения в естественных условиях, прежде чем они смогут обновить свои программы для правильного обнаружения и / или удаления вредоносного программного обеспечения. И все же процесс не идеален. Антивирусные программы всегда отстают от потенциальной угрозы. Используя аналогию текущего момента в мире, очевидно, что сначала население заболевает вирусом и спустя некоторое время разрабатывается вакцина. Противостоять такой ситуации возможно с использованием эвристического подхода к анализу программного обеспечения с целью обнаружения вредоносного кода. Но наиболее эффективным способом является своевременное обу-

чение сотрудников и актуализация программы повышения квалификации по информационной безопасности.

Не менее опасными являются смешанные угрозы, атаки, использующие несколько вредоносных методов для достижения максимального вреда и быстрого заражения. По мере того, как корпорации экспериментируют с перемещением данных в облако или выходом в социальные сети, чтобы задействовать расширенную базу пользователей, пользователи обнаруживают, что взаимодействуют с новыми средами. Тем не менее, пользователи часто не знают о дополнительных векторах угроз, связанных с этими средами. Когда пользователи покидают хорошо охраняемые границы внутренней сети компании для доступа к службам Web 2.0, они часто делают это с помощью программных приложений, которые до сих пор оказывались весьма уязвимыми. Интернет-браузеры, которые обычно являются средством выбора для доступа к службам Web 2.0, легко подвергаются риску и часто используются на ранних стадиях атаки. Основной вектор доступа к сервисам Web 2.0 является не надежным с точки зрения безопасности. Наиболее распространенным методом доставки вредоносного ПО является сценарий, при котором злоумышленник скомпрометировал систему, а затем установил на нее вредоносное ПО. В то время как некоторые атаки требуют действий пользователя, таких как загрузка, установка или щелчок по пиктограмме, существует класс атак, называемых «атаками с диска», которые заражают компьютер без какого-либо вмешательства пользователя, кроме посещения зараженного сайта. Такие атаки входят в тройку наиболее распространенных в Web 2.0.

Чтобы минимизировать вероятность и потенциальный ущерб от современных вредоносных программ и смешанных угроз, отделы ИТ и безопасности могут применять технологические средства управления, такие как:

- Периодически проверять права доступа пользователей и удалять ненужные.
- Периодически просматривать журналы доступа на наличие признаков использования общих учетных данных.
- Предоставлять пользователям «усиленные» браузеры (или приложения Web 2.0).
- Предоставлять пользователям «изолированную» рабочую среду.
- Убедитесь, что процесс исправления распространяется как на операционные системы, так и на установленные приложения.
- Обеспечьте защиту пользователям дома и в дороге.

В то время как корпоративные пользователи обычно защищены несколькими уровнями технологий безопасности, пользователи дома или в дороге часто более уязвимы. Таким образом описанный выше материал целесообразно включать в эффективную программу обучения сотрудников по направлению Информационная безопасность.

Список литературы:

[1] Вилкова, А. В. Проблемы непрерывного обучения персонала информационной безопасности / А. В. Вилкова,В. М. Литвишков, Б. А. Швырев // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 29–31.

[2] James Governor, Dion Hinchcliffe, Duane Nickull. Web 2.0 Architectures: What Entrepreneurs and Information Architects Need to Know. — O'Reilly, 2009. — 276 p. — ISBN 978-0596514433.

[3] Amy Shuen. Web 2.0: A Strategy Guide. — O'Reilly, 2008. — 272 p. — ISBN 978-0-596-52996-3.

[4] Bernd W. Wirtz et al. Strategic Development of Business Models (англ.) // Long Range Planning. — 2010. — Vol. 43, no. 2-3. — P. 272-290. — ISSN 0024-6301. — doi:10.1016/j.lrp.2010.01.005. Архивировано 5 ноября 2012 года.

[5] Jones, B. Web 2.0 Heroes: Interviews with 20 Web 2.0 Influencers. — Wiley, 2008. — 273 p. — ISBN 9780470241998.

[6] Skudalova, O. V. Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development /O. V. Skudalova et al. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, no. 8.– Pp. 2996–3002.

[7] Pedley, D. Understanding the UK cyber security skills labour market / D. Pedley, D. McHenry, H. Motha, J. Shah.– URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf.

[8] Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a callfor views, Executive Summary. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executive-summary.

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[10] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[11] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[12] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[13] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

[14] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 2. Москва. 2022.

[15] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 3. Москва. 2022.

[16] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[18] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[20] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[21] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[22] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

References:

[1] Vilkova, A. V. Problems of continuous training of information security personnel/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov, B. A. Shvyrev//World of Science, Culture, Education. – 2019. – № 4 (77). - S. 29-31.

[2] James Governor, Dion Hinchcliffe, Duane Nickull. Web 2.0 Architectures: What Entrepreneurs and Information Architects Need to Know. — O'Reilly, 2009. — 276 p. — ISBN 978-0596514433.

[3] Amy Shuen. Web 2.0: A Strategy Guide. — O'Reilly, 2008. — 272 p. — ISBN 978-0-596-52996-3.

[4] Bernd W. Wirtz et al. Strategic Development of Business Models (англ.) // Long Range Planning. — 2010. — Vol. 43, no. 2-3. — P. 272-290. — ISSN 0024-6301. — doi:10.1016/j.lrp.2010.01.005. Archived 5 November 2012 at the Wayback Machine.

[5] Jones, B. Web 2.0 Heroes: Interviews with 20 Web 2.0 Influencers. — Wiley, 2008. — 273 p. — ISBN 9780470241998.

[6] Skudalova, O. V. Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development /O. V. Skudalova et al. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, no. 8.– Pp. 2996–3002.

[7] Pedley, D. Understanding the UK cyber security skills labour market / D. Pedley, D. McHenry, H. Motha, J. Shah.– URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf.

[8] Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a callfor views, Executive Summary. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executivesummary.

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[10] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[11] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[12] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[13] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2022.

[14] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 2. Moscow. 2022.

[15] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 3. Moscow. 2022.

[16] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

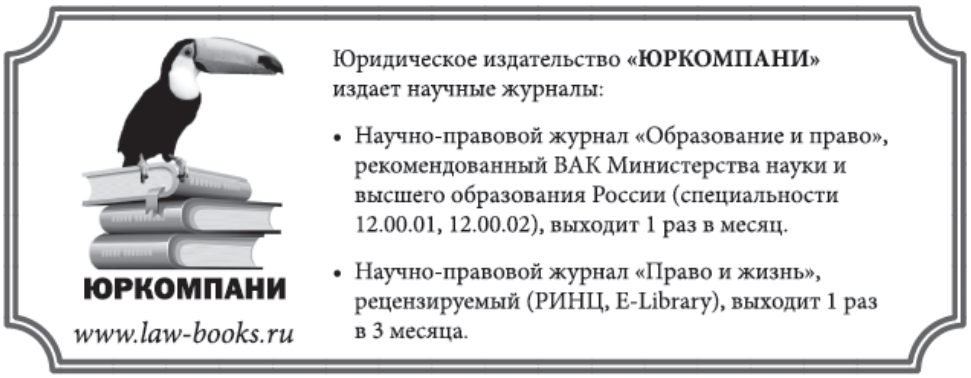
[18] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[19] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[20] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[21] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[22] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-442-447
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук, доцент кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

НИКАНДРОВ Эдуард Юрьевич,
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Псковского филиала Университета ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

СВИРИДОВ Руслан Евгеньевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

КРАПИВИН Олег Владимирович,
Доцент Института Академии ФСИН России кафедра физической подготовки и спорта, e-mail: o.krapivin@list.ru

КОРЧИКОВ Иван Владимирович,
преподаватель кафедры физической и огневой подготовки ФКОУ ВО Кузбасского института ФСИН России, e-mail: mail@law-books.ru

КАЛИНИНА Анна Михайловна,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e-mail: mail@law-books.ru

УПРАВЛЕНИЕ СТРЕССОМ И СТРАХОМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФСИН И МВД)

Аннотация. *В статье рассматриваются психологические аспекты управления стрессом и страхом в процессе тактико-специальной подготовки сотрудников ФСИН России и МВД. Анализируются особенности экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности, психологические механизмы возникновения стресса и страха, а также методические подходы к формированию психологической устойчивости в ходе тактико-специальных занятий. Обосновывается необходимость интеграции психологической подготовки в систему тактико-специального обучения, рассматриваются современные методы и технологии психологической коррекции. Особое внимание уделяется межведомственному аспекту подготовки сотрудников правоохранительной и пенитенциарной систем.*

Ключевые слова: *управление стрессом, страх, психологическая устойчивость, тактико-специальная подготовка, ФСИН России, МВД России, экстремальные ситуации, профессионально-психологическая подготовка.*

KAZNACHEEV Valery Aleksandrovich,
Candidate of Psychological Sciences Associate Professor, Department of Physical, Fire, and Tactical-Special Training Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

NIKANDROV Eduard Yuryevich,
Lecturer, Department of Physical, Fire, and Tactical-Special Training Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SVIRIDOV Ruslan Evgenievich,
Lecturer, Department of Fire and Tactical-Special Training Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KRAPIVIN Oleg Vladimirovich,
Associate Professor, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Department of Physical Training and Sports

KORCHIKOV Ivan Vladimirovich,
Lecturer, Department of Physical and Firearms Training, Federal State Educational Institution of Higher Education, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

KALININA Anna Mikhailovna,
Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

STRESS AND FEAR MANAGEMENT: THE PSYCHOLOGICAL ASPECT OF SPECIAL TACTICAL TRAINING (BASED ON THE EXAMPLE OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE AND THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS)

Annotation. *This article examines the psychological aspects of stress and fear management during tactical and special training for employees of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs. It analyzes the characteristics of extreme situations in professional activities, the psychological mechanisms underlying stress and fear, and methodological approaches to developing psychological resilience during tactical and special training. The need to integrate psychological training into the tactical and special training system is substantiated, and modern methods and technologies for psychological correction are discussed. Particular attention is given to the interdepartmental aspect of training for law enforcement and penitentiary personnel.*

Key words: *stress management, fear, psychological stability, tactical and special training, Federal Penitentiary Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, extreme situations, professional psychological training.*

В современном мире сотрудники правоохранительных органов, таких как ФСИН и МВД, сталкиваются с высоким уровнем стресса и страха в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей. Эффективное управление этими эмоциональными состояниями является ключевым для поддержания как личного здоровья сотрудников, так и общей эффективности работы организации. Психологическая подготовка играет в этом процессе важную роль, помогая развивать устойчивость к психологическим нагрузкам и умение адекватно реагировать на критические ситуации.

Тактико-специальные занятия, включающие сценарии реальных операций, обеспечивают не только физическую, но и психологическую подготовку. Они направлены на формирование навыков управления стрессом и страхом, что особенно важно в условиях реальной угрозы. Использование специализированных методик и тренингов в рамках этих занятий позволяет повысить психологическую устойчивость сотрудников, что в конечном итоге способствует повышению безопасности и эффективности их работы.

Психологическая устойчивость является ключевым фактором успеха в профессиональной

деятельности сотрудников правоохранительных органов, таких как ФСИН и МВД. Тактико-специальные занятия, проводимые в этих ведомствах, направлены не только на оттачивание физических навыков и приемов, но и на формирование умения управлять стрессом и страхом. Эти психологические аспекты критически важны, поскольку сотрудники часто сталкиваются с высоким уровнем психоэмоционального напряжения во время выполнения своих обязанностей.

Стресс и страх на работе в правоохранительных органах могут возникать по различным причинам: от острой угрозы физической безопасности до психологического давления, связанного с необходимостью принятия решений в условиях неопределенности и ограниченного времени. В такой обстановке психологическая устойчивость становится не просто желательной характеристикой, а необходимым условием для эффективного выполнения задач и профессионального самосохранения.

Тактико-специальные занятия помогают развивать умения контролировать свои эмоции, поддерживать ясность ума и способность к рациональному анализу даже в экстремальных условиях. Одним из аспектов подготовки является тренировка умения оставаться спокойным и собранным, что непосредственно влияет на возможности адекватного реагирования на угрозы и вызовы. Это достигается через систематическую работу, которая включает в себя как практические упражнения с реальной физической нагрузкой, так и задачи на развитие психологической гибкости и устойчивости.

Управление стрессом и страхом в рамках тактико-специальных занятий охватывает использование различных методик, среди которых могут быть тренировки по автогенной тренировке, программы ментальной подготовки, симуляционные упражнения для закрепления способности сохранять самоконтроль в критических ситуациях. Это комплексный подход, который требует не только времени и усилий на его освоение, но и постоянной поддержки со стороны психологов и инструкторов.

Важное значение в данных занятиях играют также элементы коллективной работы, которые помогают формировать чувство взаимной поддержки и доверия между сотрудниками. Способность действовать как единый, слаженный механизм и оказывать поддержку друг другу в условиях высокого психологического напряжения — важные компоненты психологической устойчивости.

Таким образом, психологическая подготовка и управление страхом и стрессом в рамках тактико-специальных занятий в ФСИН и МВД служат не только улучшению профессиональных качеств сотрудников, но и их личностному росту и психологическому благополучию.

Психологические аспекты стресса и страха в деятельности ФСИН и МВД

Управление стрессом и страхом играет ключевую роль в успешном выполнении задач сотрудниками ФСИН и МВД, особенно в условиях, когда они сталкиваются с высоким уровнем опасности и психологическим давлением. Это требует от личного состава не только профессиональной подготовки, но и способности эффективно справляться с эмоциональным напряжением.

Стресс и страх в работе сотрудников данных ведомств могут проявляться в различных формах. Например, оперативные сотрудники МВД регулярно сталкиваются с риском для жизни во время задержания преступников или при проведении антитеррористических операций. Сотрудники ФСИН часто работают в условиях повышенного напряжения из-за необходимости контролировать и обеспечивать безопасность в местах лишения свободы, где возможны конфликты и бунты.

Психологический аспект управления стрессом и страхом включает в себя несколько ключевых компонентов. Во-первых, это обучение и подготовка, которые должны включать разработку навыков саморегуляции и контроля над эмоциональными реакциями. Это помогает сотрудникам поддерживать профессионализм даже в критических ситуациях. Во-вторых, важно создание системы психологической поддержки внутри ведомств. Регулярная работа с психологами, возможность обсудить сложные ситуации в безопасной обстановке, использование групповых и индивидуальных консультаций способствуют снижению эмоционального напряжения и предотвращению профессионального выгорания.

Также крайне важно обратить внимание на превентивные программы, которые могут включать тренинги по управлению стрессом, развитие устойчивости, техники релаксации и медитации. Эти методы позволяют сотрудникам научиться снижать уровень тревожности и стресса, что существенно повышает их работоспособность и способность к принятию правильных решений в экстремальных ситуациях.

Особое внимание следует уделить адаптации сотрудников к постоянно меняющимся условиям и требованиям, что включает в себя не только физическую, но и психологическую адаптацию. Создание условий для обучения и совер-

шенствования техники справления с негативными и травматичными событиями, которые неизбежно возникают в процессе служебной деятельности, становится залогом успешного и долгосрочного служения.

Наконец, важно учитывать человеческий фактор: каждый сотрудник уникален, и подходы к управлению стрессом и страхом должны быть индивидуальными. Это требует тщательной диагностики и персонализированного подхода в организации психологической службы ведомств. Создание адаптированных программ, внимание к личным и профессиональным особенностям сотрудников помогает повысить эффективность реализации мероприятий по управлению стрессом и обеспечивает лучшую психологическую поддержку сотрудникам в сложных условиях их служебной деятельности.

Сотрудники органов ФСИН и МВД регулярно сталкиваются с высокими уровнями стресса и страха во время выполнения своих обязанностей, особенно в ходе тактико-специальных операций. Эффективное управление этими состояниями не только повышает успешность миссий, но и способствует сохранению психологического здоровья сотрудников. Рассмотрим наиболее эффективные методы управления стрессом и страхом, применяемые в таких условиях.

Один из основных методов — это регулярное прохождение психологической подготовки, в которую входят тренинги по развитию резистентности к стрессу и техники быстрого восстановления после стрессовых ситуаций. Такие тренинги помогают сотрудникам научиться распознавать признаки стресса и применять эффективные стратегии его снижения, такие как дыхательные упражнения, медитация или использование методик визуализации успеха.

Программы ментальной подготовки часто включают элементы когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), которые помогают сотрудникам переосмысливать и корректировать потенциально деструктивные или иррациональные мысли, возникающие в стрессовых ситуациях. Регулярные занятия по КПТ могут значительно уменьшить уровень испытываемого страха и повысить устойчивость к психологическим напряжениям.

Еще один важный инструмент — это тренировки на моделирование реальных операционных условий, которые являются частью тактико-специальной подготовки. Имитации экстремальных ситуаций, таких как заложники, нападения или другие высокорискованные сценарии, позволяют участвующим привыкать к высокому уровню стресса в контролируемой среде. Постепенно это способствует формированию способности сохранять самообладание и оперативно принимать решения под давлением.

Роль руководителя в управлении стрессом и страхом также не может быть недооценена. Эффективные лидеры не только демонстрируют конструктивные методы борьбы со стрессом на личном примере, но и создают атмосферу открытости и поддержки в команде. Они регулярно обсуждают вопросы психологической готовности и ментального здоровья, тем самым способствуя снижению стигмы вокруг этих тем.

Важной составляющей программ по управлению стрессом является обучение техникам самопомощи. Сотрудники ознакамливаются с методами, которые могут применять самостоятельно в экстремальных условиях, такими как процедуры саморегуляции или использование формул самоуспокоения.

На заключительном этапе психологической подготовки могут использоваться современные технологии, например виртуальная реальность (VR). Такие симуляции позволяют сотрудникам многократно переживать различные условия кризисных ситуаций, что обеспечивает более глубокую эмоциональную обработку и повышает уровень подготовленности к реальным вызовам.

Таким образом, комплексное применение перечисленных методов позволяет достичь значительных успехов в управлении стрессом и страхом среди сотрудников ФСИН и МВД во время тактико-специальных операций. Это не только повышает эффективность выполнения задач, но и способствует общему улучшению качества жизни и профессионального благополучия персонала.

Практические техники и тренировки для повышения психологической готовности сотрудников

Современные подходы к психологической подготовке сотрудников ФСИН и МВД включают в себя ряд эффективных практик и методик, основанных на последних достижениях в области психологии стресса и управления эмоциями. Одной из ключевых задач такой подготовки является научить личный состав противостоять психологическому давлению, что необходимо для успешного выполнения служебных обязанностей в экстремальных ситуациях.

Первоначальный акцент делается на формировании умения распознавать собственные эмоциональные состояния и управлять ими. Тренировки по стрессоустойчивости часто включают в себя занятия по самоконтролю. Сотрудники учатся идентифицировать признаки повышенного стресса и применять техники его снижения.

К таким техникам можно отнести дыхательные упражнения, медитацию, регулярные физические упражнения, которые помогают не только снижать напряжение, но и повышать общий уровень физической подготовленности.

Особое внимание в тренингах уделяется развитию когнитивной гибкости. Сотрудники обучаются техникам когнитивного переосмысления, позволяющим переоценивать и рационализировать потенциально стрессовые ситуации, видя в них не только угрозы, но и возможности для профессионального роста. Это способствует снижению боязни перед неизвестными и потенциально опасными обстоятельствами.

Военно-прикладные аспекты включают в себя тренировки практических навыков подразделений, что также содействует укреплению психологической устойчивости. Сценарные упражнения и моделирование экстремальных ситуаций (например, освобождение заложников, действия в условиях НСЧ) позволяют сотрудникам на практике применять приобретенные знания и навыки, учиться принимать быстрые и эффективные решения под давлением.

Кроме того, важным элементом является налаживание эффективного общения внутри коллектива. Работа в команде, основанная на взаимопонимании и поддержке, существенно снижает уровень стресса и повышает общую эффективность выполнения задач. Игровые методы обучения, такие как ролевые игры и командные стратегические упражнения, способствуют укреплению командного духа и научивают управлению эмоциями в коллективе.

Не последнюю роль играет и постоянное психологическое сопровождение. Регулярные встречи с психологом помогают сотрудникам обсуждать возникающие проблемы в безопасной среде, анализируя и обсуждая свои действия и чувства после прохождения тренингов или особо сложных операций. Это обеспечивает не только профессиональное, но и личностное развитие личного состава.

Использование этих методов и техник в рамках программы психологической подготовки позволяет подготовить сотрудников, способных эффективно действовать в любых, даже самых сложных условиях, сохраняя ясность ума и спокойствие, что является ключом к успешному выполнению задач в рамках ФСИН и МВД.

Эффективное управление стрессом и страхом является ключевым компонентом профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, включая ФСИН и МВД. Опыт и исследования подчеркивают значимость психологической подготовки в рамках тактико-специальных занятий. На основе анализа текущих подходов и специфики работы данных ведомств можно сформулировать ряд итогов и рекомендаций по интеграции психологической подготовки в систему обучения.

Прежде всего, необходимо систематизировать подход к обучению управлению стрессовыми ситуациями. Комплексные программы должны включать как теоретические знания о природе стресса и страха, так и практические навыки их преодоления. Важно разрабатывать специфические методики, ориентированные на реалии служебной деятельности в ФСИН и МВД, что поможет сотрудникам быть подготовленными к различным экстремальным условиям.

Ключевым аспектом является регулярное проведение тренингов, направленных на развитие умения сохранять самообладание и оперативно принимать решения в кризисных ситуациях. Эти мероприятия должны проводиться как на начальном этапе подготовки сотрудников, так и в процессе их профессионального развития. Такой подход позволит формировать и поддерживать необходимый уровень психологической устойчивости.

Рекомендуется внедрение современных технологий и психологических инструментов в учебный процесс. Применение виртуальной реальности для симуляции стрессовых ситуаций может стать одним из эффективных методов. Такие тренировки позволяют безопасно «погрузить» сотрудника в условия, максимально приближенные к реальности, помогают анализировать его реакции и находить оптимальные стратегии поведения.

Важным аспектом интеграции психологической подготовки является обеспечение доступа к квалифицированным психологам и наставникам. Следует обратить внимание на необходимость регулярного психологического консультирования сотрудников, что поможет своевременно выявлять и корректировать проблемы, связанные с профессиональной деятельностью. Это также способствует снижению уровня профессионального выгорания.

Не менее важно уделять внимание и методам восстановления после стрессов. Программы релаксации, медитации и физические упражнения должны стать неотъемлемой частью обучающих курсов. Эти методы способствуют более быстрому восстановлению сил и улучшению общего психологического состояния сотрудников.

Заключительно, обращение внимания на социально-психологическую атмосферу в коллективе и развитие коммуникативных навыков также являются важными факторами успешной интеграции психологической подготовки в обра-

зовательную систему ФСИН и МВД. Создание доверительной и поддерживающей среды в коллективе повысит общую устойчивость сотрудников к стрессам.

Таким образом, комплексный подход к психологической подготовке, включающий обучение управлению эмоциональными реакциями, использование инновационных технологий, наличие квалифицированной психологической помощи и внимание к социально-психологическому климату в коллективе, являются ключевыми составляющими успешной интеграции данного аспекта в систему подготовки сотрудников ФСИН и МВД.

Список литературы:

[1] Киселев А.М. Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях: дис. … докт. пед. наук. — Рязань, 2009. — 361 с.

[2] Шлома Д.С. Психологическая подготовка сотрудников УИС при выполнении тактико-специальных задач в учреждениях ФСИН России // Педагогическое мастерство: материалы XLIX Междунар. науч. конф. — Казань: Молодой ученый, 2023. — С. 24-28.

[3] Киселев А.М. Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях // Энциклопедия «Известные ученые». — URL: https://famous-scientists.ru/dissertation/2672 (дата обращения: 15.04.2026).

[4] Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: профессионально-психологическая подготовка // Материалы V Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. — Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020.

[5] Рукопашный бой как средство развития психофизических способностей курсантов Академии ФСИН России // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. — 2024. — № 7. — С. 45-48.

References:

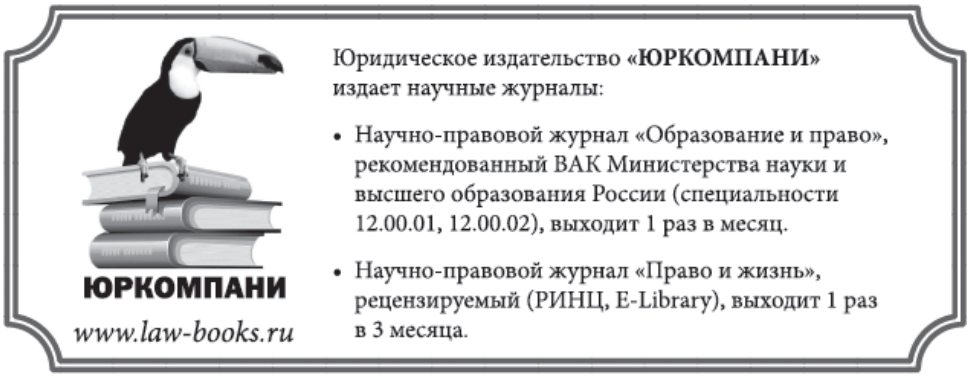
[1] Kiselev A.M. System for improving the professional training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for actions in extreme situations: dis.... doc. ped. sciences. - Ryazan, 2009. - 361 s.

[2] Shloma D.S. Psychological training of employees of the penal system when performing tactical and special tasks in the institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Pedagogical skills: materials XLIX International. scientific. conf. - Kazan: Young scientist, 2023. - S. 24-28.

[3] Kiselev A.M. System for improving the professional training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for actions in extreme situations//Encyclopedia “Famous Scientists.” - URL: https://famous-scientists.ru/dissertation/2672 (access date: 15.04.2026).

[4] Actual problems of psychological practice in law enforcement agencies: professional and psychological training//Materials of the V All-Russian Interdepartmental Scientific and Practical Conference. - Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky, 2020.

[5] Hand-to-hand combat as a means of developing the psychophysical abilities of cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia//Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft. — 2024. — № 7. - S. 45-48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-448-452

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА ФСИН КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье представлен обзор основных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению понятия «компетентность». Рассматривается профессиональная компетентность как основная составляющая профессионального становления офицера ФСИН. Раскрыты пути реализации формирования профессиональной компетентности личности офицера ФСИН. Определено формирование профессиональной компетентности офицера как сложный много компетентный процесс, который направлен на развитие важных вопросов самореализации на протяжении всей профессиональной деятельности.*

Ключевые слова: *компетентность, профессиональная компетентность, компетентностный подход, профессиональное образование, офицер ФСИН.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

COMPETENCE OF A MODERN OFFICER OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE AS A RESULT OF PROFESSIONAL EDUCATION: MANAGERIAL ASPECT

Annotation. *The article provides an overview of the main approaches of domestic and foreign researchers to the definition of the concept of "competence." Professional competence is considered as the main component of the professional development of the FSIN officer. Ways of implementing the formation of professional competence of the personality of the FSIN officer are disclosed. The formation of an officer's professional competence is defined as a complex, highly competent process that is aimed at developing important issues of self-realization throughout the entire professional activity.*

Key words: *competence, professional competence, competence approach, professional education, FSIN officer.*

Эффективное функционирование любого силового ведомства как сложного социально-технического механизма зависит от соответствующей системы управления и его всесторонним ресурсным обеспечением. Главным элементом указанных подсистем является человек. Кроме того, по своим потенциальным психолого-педагогическим возможностям силовые структуры способны выполнять помимо основных задач по поддержанию обороноспособности и целостности государства, другие социально значимые функции, например, функцию общенационального воспитания.

Исходя из этого возникает потребность в росте требований к моральным, психологическим и профессиональным качествам офицеров ФСИН к их профессиональному образованию. Что понимается под результатом профессиональ-

ного образования? Традиционно – это профессиональное мастерство. Но о профессиональном мастерстве можно вести речь того специалиста, в нашем случае офицера ФСИН, который некоторое время осуществлял практическую деятельность и достиг положительных результатов. Профессиональное образование офицеров – это процесс всестороннего гармоничного развития, приобретения личностью в результате обучения общих и специальных знаний, практических умений и навыков, развитие познавательных и интеллектуальных способностей с целью создания потенциальных возможностей будущего специалиста к эффективной профессиональной деятельности.

Философы и психологи выделяют пять основных видов деятельности:

– познавательную,
– преобразующую (практичную и проектировочную),
– ценностно-ориентировочную,
– общение,
– эстетическую.

В этом аспекте всестороннее гармоничное развитие личности предполагает достаточный уровень развития способностей к одновременному осуществлению всех видов деятельности или, иначе говоря, развитие потенциалов личности, соответствующих этим пяти основным видам деятельности. [1]. Исходя из этого, по нашему мнению, под результатом профессионального образования офицера ФСИН надо понимать процесс обретения личностью потенциальных возможностей к эффективной профессиональной деятельности (всех ее видов).

В современной научной литературе возможность осуществлять профессиональную деятельность определяют термином «профессиональная компетентность», под которой понимают сложное интегрированное качество личности, причем, речь идет не об отдельных знаниях или умениях, а о свойстве, позволяющем человеку осуществлять деятельность. Данный подход четко выражен в определении Дж. Бергоуна: «Компетентность – способность и готовность к выполнению задач. Она включает в себя знания, умения, понимание и волю» [2]. Отсюда можно сделать вывод, что результатом профессионального образования офицера является достижение профессиональной компетентности.

Целью статьи является определение компетентности современного офицера ФСИН в системе профессионального образования через призму управленческого аспекта. Речь идет об уровне компетентности, то есть уровне профессионального образования. Такой подход к определению результата профессионального образования дает:

во-первых, возможность выразить через компетентность значение традиционной триады «знания, навыки, умения», как через их связующее звено;

во-вторых, возможность отличить компетентного специалиста от некомпетентного по способности среди множества решений выбирать наиболее оптимальное, аргументировано опровергать ложные решения, то есть владеть критичностью мышления;

в-третьих, компетентность предполагает постоянное обновление знаний, овладение новой информацией для успешного решения профессиональных задач.

Исходя из этого, компетентность является составляющей профессиональной культуры, пересекающейся с профессиональными ценностями и стереотипами. Через деятельность специалист интегрируется в общество, поэтому общечеловеческие ценности (духовность, гуманность, нравственность) должны доминировать как в принятии профессиональных решений, так и в целом в повседневной жизнедеятельности. Самый высокий уровень в системе ценностей, а значит и компетентности обусловливает чувство общественной (профессиональной) ответственности офицера за результаты своей деятельности, общественного долга и соблюдение морально-этических норм.

Профессиональная ответственность – интегративное качество личности специалиста, которое характеризуется добросовестным, последовательным и творческим выполнением профессиональных функций и обязанностей. Одним из ведущих признаков профессиональной ответственности является готовность выйти за пределы своих обязанностей, проявить инициативу [3]. С точки зрения системного анализа компетентность офицера можно распределить на несколько видов (по видам его деятельности). Прежде всего, по нашему мнению, это управленческая компетентность и связанная с ней психолого-педагогическая компетентность (формированию, особенно второй, к сожалению, сегодня уделяется мало внимания). А самая главная, с которой связана и познавательная и проектно-практическая, эстетическая – интеллектуальная компетентность. Интеллектуальная компетентность– особый тип организации знаний, обеспечивающий возможность принятия эффективных решений, в частности в экстремальных условиях.

К элементам знаний, характеризующих компетентного человека, относятся:

– разнообразие (множество различных знаний о разном);
– артикулированность (элементы знания четко определены и взаимосвязаны);

– гибкость (содержание отдельных элементов знания и связи между ними могут быстро меняться под влиянием объективных факторов даже в том варианте, когда знание превращается в незнание);
– быстрота актуализации (оперативность и легкая доступность знания);
– возможность его использования в различных ситуациях (в том числе способность к переносу знаний в другую ситуацию);
– наличие ключевых элементов;
– категориальный характер (определяющая роль того типа знаний, которое подается в виде общих принципов, подходов, идей);
– владение не только декларативным знанием (о том, «что»), но и процедурным (о том, «как»);
– наличие информации о собственном знании. [4].

Компетентность в управленческой деятельности проявляется в развитости у офицера ФСИН трех принципиальных качеств: системного видения сложных проблем и стратегического подхода к их решению; видения перспектив; умения надлежащим образом распределить права, обязанности и ответственность среди командного состава любого уровня так, чтобы эффективность ее функционирования была самой высокой.

В структуре управленческой деятельности офицера определяются три основных группы функций, которые касаются организации жизнедеятельности подразделения, воспитания персонала и стратегической прогнозно-аналитической (проектировочной) работы. Каждая выступает важным компонентом управления и имеет достаточно насыщенное содержание. Компетентность управленческой деятельности офицера ФСИН состоит в принятии решений в сложных ситуациях, варианты которого должны быть подготовлены с надлежащим обоснованием, надежным информационным обеспечением, сравнительным анализом с указанием рисков и возможных убытков.

Социокультурная компетентность как важнейшее качество личности, необходимое для успешной жизнедеятельности любого субъекта, была предметом специального изучения в Совете Европы. В ее структуре было определено пять базовых компетентностей:

1) Политическая и социальная компетентность (предполагает способность брать на себя ответственность, умение принимать совместное решение, принимать участие в функционировании и развитии демократических институтов);
2) Культурная компетентность (способствует как пониманию различий, так и готовности жить в согласии с людьми других культур, языков, религий);
3) Коммуникативная компетентность (определяет коммуникативные способности, умение общаться с разными людьми, в среде которых он живет и работает, что предусматривает не только умение правильно строить свое высказывание как в устной, так и в письменной форме, но и умение искать и находить компромиссы, уважать другое мнение, подавлять личную агрессивность);
4) Компетентность, связанная с возникновением информационного общества, ориентирована не только на овладение новыми технологиями, но и на понимание их сильных и слабых сторон, способностями критического отношения к распространяемой информации и рекламе каналами СМИ и интернета;
5) Компетентность, предполагающая способность и желание учиться всю свою жизнь, обновлять и совершенствовать полученные знания применительно к постоянно меняющимся условиям; потребность в развитии не только в профессиональном, но и личностном. Данное качество обеспечивает мобильность офицера в обществе, может стать гарантом его успеха и социальной защищенности [5].

Безусловно, основополагающей компетентностью должна быть профессиональная – как возможность выполнять задачи по назначению. Но эта широкая проблема требует более детального обсуждения. Конечно, распределение видов компетентности современного офицера ФСИН можно сделать и более детальным. Но, используя метод обобщения, абстрагирование от несущественного, вышеуказанные виды раскрывают основное содержание компетентности офицера – как комплексного качества личности, результата его профессиональной подготовки.

Таким образом, одной из основных целей подготовки офицерских кадров является формирование профессионально компетентного специалиста. Исходя из этого, продуктом образовательной организации ФСИН является компетентный во всех видах профессиональной деятельности офицер, способный к творчеству и самосовершенствованию. Цель как прогнозируемый результат профессионального образования офицера формируется требованиями деятельности, ее характеристиками и условиями – временными, пространственными, техническими и т.д.

Список литературы:

[1] Гузеев М.С.Педагогические условия формирования лидерской компетентности будущих

офицеров силовых ведомств // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2020. - №1. - С. 38-40.

[2] Вилкова А.В., Полякова Е.Н. Основные формы и методы индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Глобальный научный потенциал. - 2018. - №2 (83). - С. 6-7.

[3] Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2018. - №4. - С. 7-8.

[4] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Илюшина И.Л. Информационно-коммуникационные технологии как инструмент повышения качества образовательного процесса// Человеческий капитал. - 2019. - №12 (132). - С. 142-148.

[5] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Григорьева М.А. О влиянии деструктивного поведения на личностный выбор индивида // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. - 2019. - №5 (125). - С. 141-147.

[6] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[8] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[10] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[11] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[12] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[13] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[14] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

References:

[1] Guzeev M.S. Pedagogical conditions for the formation of the leadership competence of future officers of law enforcement agencies//Criminal executive system: law, economics, management. - 2020. - №1. - S. 38-40.

[2] Vilkova A.V., Polyakova E.N. Basic forms and methods of individual educational work with employees of the penitentiary system//Global scientific potential. - 2018. - №2 (83). - S. 6-7.

[3] Vilkova A.V. Professional training of the personnel of the penal system: spiritual and moral education//Penal system: law, economics, management. - 2018. - №4. - S. 7-8.

[4] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Ilyushina I.L. Information and communication technologies as a tool to improve the quality of the educational process// Human capital. - 2019. - №12 (132). - S. 142-148.

[5] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Grigorieva M.A. On the influence of destructive behavior on the individual's personal choice//Human capital. Scientific and practical journal. - 2019. - №5 (125). - S. 141-147.

[6] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[7] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary

Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[8] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[9] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

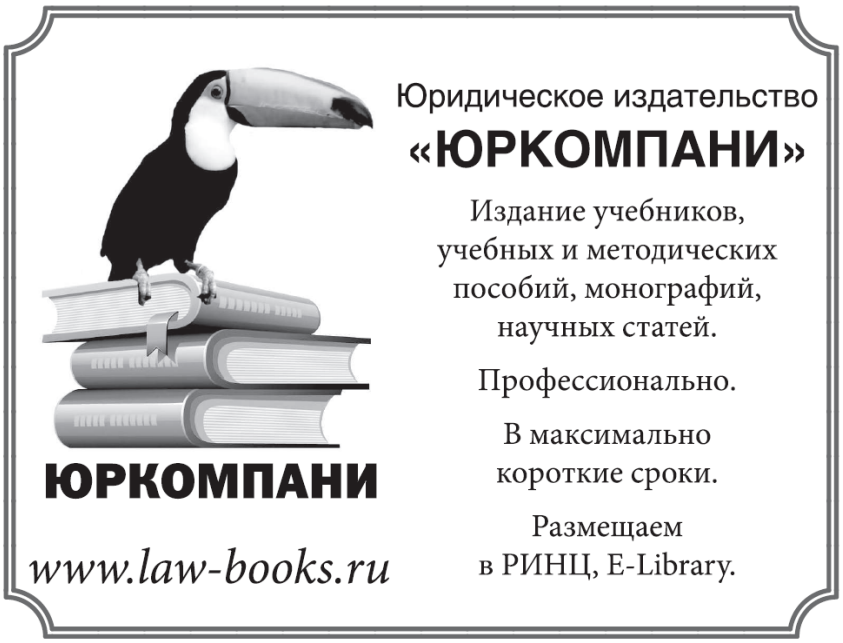
[10] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[11] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[12] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[13] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[14] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-453-458
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ДМИТРИЕВА Елена Егоровна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Рязанского филиала Московского университета
МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОРОБЬЕВ Юрий Алексеевич,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Академии ФСИН России (г. Рязань),
e-mail: mail@law-books.ru

КАЗНАЧЕЕВ Валерий Александрович,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры физической, огневой и
тактико-специальной подготовки
Самарского юридического института ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ИВАНОВ Максим Валерьевич,
преподаватель кафедры физической,
огневой и тактико-специальной подготовки
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОЦЕНКО Наталья Анатольевна,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО
«РГУП им. В.М. Лебедева» г. Краснодар,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МЧС, ФСИН И МВД

Аннотация. *В статье рассматриваются педагогические аспекты профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП) курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений МЧС, ФСИН и МВД. Обосновывается необходимость межведомственной унификации педагогических подходов при сохранении специфики профессиональных задач. Выделены ключевые педагогические принципы, методы и организационные формы ППФП. Предложена модель интеграции психофизической подготовки в единое педагогическое пространство. Статья адресована преподавателям ведомственных вузов, адъюнктам и соискателям.*

Ключевые слова: *профессионально-прикладная физическая подготовка, педагогические аспекты, ведомственные образовательные учреждения, МЧС, ФСИН, МВД, психофизическая готовность, педагогическая модель.*

DMITRIEVA Elena Egorovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V. Ya. Kikotya

VOROBIEV Yuri Alekseevich,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor Associate Professor,
Department of Russian and Foreign Languages Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)

KAZNACHEV Valery Aleksandrovich,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of Physical, Fire,
and Tactical-Special Training Samara Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

IVANOV Maxim Valerievich,
Lecturer, Department of Physical, Fire,
and Tactical-Special Training Pskov Branch
of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

DOTSENKO Natalya Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department Department of Social Sciences,
Humanities, and Natural Sciences North Caucasus Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "V.M. Lebedev Russian State University
of the Armed Forces" Krasnodar

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL APPLIED PHYSICAL TRAINING IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF EMERCOM, THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE, AND THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Annotation. *This article examines the pedagogical aspects of professionally applied physical training (PAPT) for cadets and students at departmental educational institutions of the Ministry of Emergency Situations, the Federal Penitentiary Service, and the Ministry of Internal Affairs. It substantiates the need for interdepartmental unification of pedagogical approaches while preserving the specific nature of professional tasks. Key pedagogical principles, methods, and organizational forms of PAPT are highlighted. A model for integrating psychophysical training into a unified pedagogical framework is proposed. The article is intended for faculty at departmental universities, adjunct students, and postgraduate students.*

Key words: *professionally applied physical training, pedagogical aspects, departmental educational institutions, Ministry of Emergency Situations, Federal Penitentiary Service, Ministry of Internal Affairs, psychophysical readiness, pedagogical model.*

Современный этап развития силовых ведомств России характеризуется возрастанием требований к уровню психофизической готовности специалистов. Профессиональная деятельность сотрудников МЧС, ФСИН и МВД сопряжена с экстремальными условиями, дефицитом времени, высокими физическими и нервно-эмоциональными нагрузками. В этой системе профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) выступает не как вспомогательная дисциплина, а как базовый элемент формирования профессиональной надежности.

Однако, как показывает анализ литературы (А.А. Нестеров, 2021; В.Н. Ковалев, 2022; Д.Ю. Морозов, 2023), педагогические аспекты ППФП в ведомственных образовательных учреждениях до настоящего времени разработаны фрагментарно. Преобладает ведомственная замкнутость, недостаточно используются достижения общей педагогики, педагогической психологии и теории физического воспитания.

Цель исследования — выявить и систематизировать педагогические аспекты ППФП в ведомственных образовательных учреждениях МЧС, ФСИН и МВД, определить пути повышения их эффективности.

Педагогический процесс, направленный на профессионально-прикладную физическую подготовку, включает ряд ключевых аспектов. Во-первых, это индивидуализация тренировочного процесса с учётом физических возможностей, состояния здоровья и профессиональной

направленности каждого обучающегося. Такой подход позволяет максимально эффективно задействовать потенциал организма, снижая риск травматизма и перегрузок. Во-вторых, важную роль играет интеграция теоретических знаний с практическими занятиями.

Не менее значимым является воспитательный компонент физической подготовки. Занятия способствуют формированию волевых качеств, высокой степени самодисциплины, ответственности и взаимопомощи, что особенно актуально в условиях коллективной и зачастую опасной профессиональной деятельности. Педагогическая задача состоит в том, чтобы через систему тренировок и упражнений развивать не только силу и выносливость, но и морально-психологическую готовность к действиям в сложных и непредсказуемых ситуациях.

Организационно-методическая сторона процесса включает разработку современных программ и методик обучения, соответствующих государственным стандартам и индивидуальным особенностям ведомств. Особое внимание уделяется внедрению инновационных технологий, использованию средств контроля и мониторинга физического состояния обучающихся, а также проведению регулярной оценки и коррекции программ подготовки. Это обеспечивает высокий уровень профессиональной пригодности выпускников и готовность к выполнению служебных задач на должном уровне.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе системно-деятельностного и компетентностного подходов. Использовались методы: теоретический анализ нормативно-правовых документов (приказы Минобрнауки, ведомственные приказы по физической подготовке), обобщение педагогического опыта, сравнительный анализ учебных программ ведомственных вузов, метод педагогического моделирования.

Результаты и их обсуждение

1. Специфика профессиональных задач и требования к физической готовности

Педагогический аспект ППФП начинается с анализа целевого компонента. Сравнительный анализ показывает:

Ведомство Доминирующие профессиональные действия Ключевые физические качества

МЧС Работа в СИЗОД, эвакуация пострадавших, работа на высоте, в очаге пожара Общая выносливость, силовая выносливость, координация, вестибулярная устойчивость

ФСИН Охрана и надзор, пресечение побегов, применение спецсредств, действия с массой Взрывная сила, быстрота реакции, специальная выносливость, стрессоустойчивость

МВД Преследование, задержание, борьба, огневая подготовка, действия в толпе Скоростно-силовые качества, ловкость, переключение внимания, психомоторная стабильность

Педагогическая задача — трансформировать эти требования в систему учебных нормативов и педагогических условий.

2. Принципы ППФП в ведомственных образовательных учреждениях

На основе обобщения выделены специфические педагогические принципы ППФП:

– Принцип экстремального моделирования — создание учебных ситуаций, имитирующих реальные профессиональные действия (например, «теплодымокамера» в МЧС, «штурм здания» в МВД, «подавление массовых беспорядков» во ФСИН).
– Принцип сопряженного развития физических и психических качеств — физическое упражнение одновременно тренирует устойчивость к стрессу, переключение внимания, принятие решений.
– Принцип вариативной избыточности двигательных навыков — формирование не одного, а нескольких способов решения одной двигательной задачи (например, различные варианты болевых приемов).
– Принцип педагогической рефлексии — обязательный разбор выполнения упражнений с акцентом на ошибки, вызванные утомлением или эмоциональным напряжением.

3. Методы и организационные формы

Педагогически обоснованными методами ППФП выступают:

– Круговой метод с контролем функционального состояния (пульсометрия, шкала Борга).
– Метод проблемных ситуаций (например, отказ техники при задержании — требуется переключение на другой прием).
– Метод контрастных заданий (максимальное усилие — расслабление — максимальное усилие).

Организационные формы: учебно-тренировочные занятия (50% времени — ППФП), комплексные тактико-специальные учения с физической нагрузкой, факультативы по прикладным видам спорта (рукопашный бой, пожарно-прикладной спорт, кросс с препятствиями).

4. Модель интеграции психофизической подготовки

Разработана педагогическая модель, включающая три взаимосвязанных блока:

1. Диагностический блок — исходный уровень физической и психофизической готовности (тесты Купера, Люшера, САН, время реакции).
2. Формирующий блок — циклы ППФП (базовый — от 8 до 12 недель, специализированный — 4-6 недель, экстремальный — 2 недели перед итоговой аттестацией).
3. Контрольно-корректирующий блок — зачеты по профессионально-прикладным нормативам, экспертные оценки, моделирование отказов.

Педагогическим новшеством является введение «коэффициента психофизической надежности» (отношение успешности выполнения упражнения в стандартных условиях к успешности в усложненных). Его динамика служит критерием эффективности ППФП.

5. Проблемы и противоречия

Педагогический анализ выявил следующие противоречия:

– Между интегративным характером реальной деятельности и дисциплинарной разобщенностью физической, тактической и психологической подготовки.
– Между нормативной базой (часы на ППФП) и объективной потребностью в увеличении прикладного компонента.
– Между массовым характером обучения и необходимостью индивидуального подхода при формировании психофизической готовности.

Заключение:

Педагогические аспекты профессионально-прикладной физической подготовки в ведомственных образовательных учреждениях МЧС, ФСИН и МВД представляют собой систему принципов, методов и организационных форм, ориентированных на формирование психофизической надежности специалиста. Наиболее перспективным направлением является интеграция физического и психического компонентов в едином педагогическом процессе с использованием экстремального моделирования и педагогической рефлексии. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой межведомственного образовательного стандарта ППФП и экспериментальной проверкой эффективности предложенной модели.

Профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) в ведомственных образовательных учреждениях МЧС, ФСИН и МВД играет ключевую роль в формировании готовности сотрудников к выполнению специфических служебных задач, требующих высокой физической выносливости, силы и ловкости. Анализ современного состояния ППФП свидетельствует о наличии как существенных достижений, так и вызовов, которые необходимо учитывать для повышения эффективности образовательного процесса и соответствия требованиям профессиональной деятельности.

Сегодня профессионально-прикладная физическая подготовка в ведомственных учреждениях основывается на интеграции теоретических знаний и практических навыков, что обеспечивает комплексный подход к развитию физических качеств, необходимых для успешного выполнения служебных функций. Основное внимание уделяется не только общему физическому состоянию, но и специфическим аспектам, обусловленным особенностями службы, например, выносливости при длительных маршах, силе при работе с тяжёлым оборудованием, быстроте реакции в экстремальных ситуациях и стрессоустойчивости.

В то же время анализ учебных программ показывает необходимость их адаптации к современным реалиям и технологическому прогрессу. Внедрение инновационных методик, современных физических тестов и использования цифровых технологий в процессе обучения создаёт дополнительные возможности для повышения мотивации обучающихся и объективного мониторинга их физического состояния. Однако, несмотря на имеющиеся положительные тенденции, наблюдается ряд системных проблем, таких как недостаточная материально-техническая база, ограниченность времени на тренировочные занятия, а также разночтения в квалификационных требованиях к физической подготовке среди различных ведомств.

Перспективы развития ППФП связаны с необходимостью гармонизации федеральных стандартов и ведомственных нормативов, что позволит единообразно поддерживать высокий уровень физической готовности персонала. Важным шагом становится усиление межведомственного взаимодействия с целью обмена опытом и ресурсами, что способствует взаимному обогащению методических подходов и повышению качества подготовки. Одновременно важно развивать индивидуализированные программы тренировок, которые учитывают физиологические особенности, возраст и уровень физической подготовки каждого обучаемого, что способствует более эффективному достижению профессиональных стандартов.

Кроме того, значительное внимание должно уделяться психологической подготовке в сочетании с физической, так как успешное выполнение

профессионально-прикладных задач требует не только физической силы, но и способности к быстрому принятию решений в стрессовых ситуациях. Ведущие научные исследования подтверждают эффективность комплексного подхода, где физическая подготовка идёт рука об руку с развитием психологической устойчивости и навыков саморегуляции.

Таким образом, перспектива развития ППФП в ведомственных образовательных учреждениях видится в создании адаптивной, инновационной и междисциплинарной системы подготовки, способной оперативно реагировать на вызовы современности и обеспечивать высокий уровень профессиональной готовности сотрудников МЧС, ФСИН и МВД. Для этого необходимо продолжать совершенствовать нормативно-методическую базу, развивать материально-техническую оснащённость, укреплять кадровый потенциал педагогов и внедрять современные технологии обучения. Эффективное выполнение этих задач будет способствовать формированию у обучающихся устойчивых физических

Список литературы:

[1] Сучков, С. Л. Самостоятельная физическая подготовка как компонент физической подготовки курсантов вузов системы МВД / С. Л. Сучков, В. А. Филиппова // Вопросы педагогики. – 2023. – № 2-2. – С. 36-38. – EDN TIZVKQ.

[2] Родионова, В. Д. Физическая подготовка как психофизиологическое средство противодействия стрессовым ситуациям для курсантов вузов МВД России / В. Д. Родионова // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : Сборник научных трудов VIII Международной конференции, Москва, 05–06 июня 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 385-388. – EDN FNGRUR.

[3] Повышение уровня физической подготовки курсантов вузов МВД России средствами гиревого спорта / А. В. Сарычев, И. Н. Архипцев, Н. В. Демченко [и др.] // Человек. Спорт. Медицина. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 123-131. – DOI 10.14529/hsm230215. – EDN DDUCJU.

[4] Драндров, Г. Л. Методика рейтингового контроля физической подготовки курсантов вузов МВД России / Г. Л. Драндров, Н. Ю. Муратшина // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 6. – С. 2. – EDN LDEBMC.

[5] Бисекенов, А. С. Занятия по физической подготовке как фактор, способствующий формированию морально-психологической устойчивости у курсантов вузов ФСИН России / А. С. Бисекенов, А. А. Перфильев // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, Самара, 27 апреля 2018 года. Том Часть 3. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 41-43. – EDN VPFSAA.

[6] Варинов, В. В. Подвижные игры на учебных занятиях по физической подготовке в ведомственном вузе ФСИН России / В. В. Варинов // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 16–17 октября 2024 года. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 330-331. – EDN JZHUTA.

[7] Садков, А. В. Роль прикладной физической подготовки в образовательном процессе в вузах ФСИН России / А. В. Садков // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 138-142. – EDN ZBQDFB.

[8] Кокшаров, Е. В. Физическая подготовка как фактор достижения профессиональных результатов у курсантов вузов МЧС России / Е. В. Кокшаров // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: Сборник научных трудов IX Международной конференции (памяти первого начальника Московского университета МВД России Владимира Яковлевича Кикотя) Москва, 26–27 июня 2025 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 255-257. – EDN AKPIDF.

[9] Аганов, С. С. Психолого-педагогические условия, необходимые для эффективного управления физической подготовкой в вузах МЧС России / С. С. Аганов // Социально-педагогические аспекты физического воспитания молодежи: сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции, Ульяновск, 25–26 июня 2016 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2016. – С. 10-12. – EDN YGSIET.

References:

[1] Suchkov, S. L. Independent physical training as a component of the physical training of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs/S. L. Suchkov, V. A. Filippova//Questions of pedagogy. – 2023. – № 2-2. - S. 36-38. – EDN TIZVKQ.

[2] Rodionova, V. D. Physical training as a psychophysiological means of countering stressful situations for cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia/V. D. Rodionova//Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of performance: state and prospects: Collection of scientific works of the VIII International Conference, Moscow, June 05-06, 2024. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2024. - S. 385-388. – EDN FNGRUR.

[3] Increasing the level of physical training of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia by means of kettlebell lifting/A. V. Sarychev, I. N. Arkhiptsev, N. V. Demchenko [and others]//Person. Sports. Medicine. – 2023. - T. 23, NO. 2. - S. 123-131. – DOI 10.14529/hsm230215. – EDN DDUCJU.

[4] Drandrov, G. L. Methodology of rating control of physical training of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia/G. L. Drandrov, N. Yu. Muratshina//Modern problems of science and education. – 2019. – № 6. - S. 2. – EDN LDEBMC.

[5] Bisekenov, A. S. Physical training classes as a factor contributing to the formation of moral and psychological stability among cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. S. Bisekenov, A. A. Perfiliev//Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage: Materials of the International Scientific Conference of Adjuncts, Graduate Students, Cadets and Students, Samara, April 27, 2018. Volume Part 3. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. - S. 41-43. – EDN VPFSAA.

[6] Varinov, V.V. Mobile games in physical training classes at the departmental university of the Federal Penitentiary Service of Russia/V.V. Varinov//Criminal executive system today: interaction of science and practice: Materials of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 16-17, 2024. - Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. - S. 330-331. – EDN JZHUTA.

[7] Sadkov, A. V. The role of applied physical training in the educational process in the universities of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. V. Sadkov//Collection of scientific works of employees of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service/Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2018. - S. 138-142. – EDN ZBQDFB.

[8] Koksharov, E.V. Physical training as a factor in achieving professional results among cadets of universities of the EMERCOM of Russia/E.V. Koksharov//Professional education of employees of the internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of performance: state and prospects: Collection of scientific works of the IX International Conference (in memory of the first head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Vladimir Yakovlevich Kikot) Moscow, June 26-27, 2025. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2025. - S. 255-257. – EDN AKPIDF.

[9] Aganov, S. S. Psychological and pedagogical conditions necessary for effective management of physical training in universities of the Ministry of Emergencies of Russia/S. S. Aganov//Social and pedagogical aspects of physical education of young people: a collection of scientific works of the XIV International Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, June 25-26, 2016. - Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2016. - S. 10-12. – EDN YGSIET.

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-459-464
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые особенности привлечения к ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Для ее выполнения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Анализировалось уголовное, административное, гражданское, трудовое и уголовно-исполнительное законодательство в контексте возможного привлечения сотрудников УИС за противоправное поведение и преступление к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. Эффективная профессиональная деятельность сотрудников служб и подразделений УИС по преодолению современных вызовов исполнению уголовных наказаний, достижению целей и решению задач, сформулированных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, опирается не только на соблюдение прав и социальных гарантий сотрудников, но привлечение их к различным видам ответственности при совершения противоправных действий и преступлений. Можно констатировать о наличии органической взаимосвязи указанных важнейших правовых категорий. Их влияния на состояние психологического климата в коллективах сотрудников УИС, успешное выполнения профессиональных компетенций, предусмотренных их функционалом. Наступление профессионального выгорания, а также коррупционного поведения как вида аддитивного поведения сотрудников УИС. Особенности привлечения сотрудников УИС отражены в статье 15 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ. Нормативный правовой акт выделил указал пять видов ответственности, применяемых в отношении сотрудников УИС, допустивших противоправное поведение или совершивших преступление (дисциплинарную, гражданско-правовую, материальную, административную и уголовную). На современном этапе профилактики противоправного поведения сотрудников УИС, в том числе с использованием видов и мер ответственности важным условием их применения выступает комплектование и осуществление с ними профессиональной подготовки, проведение служебной подготовки на всех этапах службы сотрудников в УИС, формирование позитивной мотивации профессиональной деятельности сотрудников в различных службах и подразделениях УИС. Важными элементами реализации ответственности сотрудников УИС является ведомственный контроль за учреждениями и органами УИС со стороны ФСИН России и ее территориальных органов, а также прокурорский надзор.*

Ключевые слова*: сотрудник, уголовно-исполнительная система, ответственность, противоправное поведение, преступление, национальное законодательство, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

PECULIARITIES OF BRINGING TO JUSTICE EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal features of bringing to justice employees of the penal enforcement system. For its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation. The article analyzed criminal, administrative, civil, labor and penal enforcement legislation in the context of the possible involvement of employees of the penitentiary system for illegal behavior and crime to disciplinary, civil, administrative and criminal liability. Effective professional activity of employees of the penitentiary services and divisions to overcome modern challenges to the execution of criminal penalties, achieve goals and solve problems formulated in the Concept of the Development of the Penal system of the Russian Federation for the period up to 2030, is based not only on respect for the rights and social guarantees of employees, but also on bringing them to various types of responsibility when committing illegal acts and crimes. It can be stated that there is an organic relationship between these most important legal categories. Their influence on the state of the psychological climate in the teams of employees of the management system, the successful implementation of professional competencies provided for by their functionality. The onset of professional burnout, as well as corrupt behavior as a type of additive behavior of UIS employees. The specifics of attracting UIS employees are reflected in Article 15 of Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018. The regulatory legal act identified five types of liability applied to employees of the penitentiary system who have committed unlawful behavior or committed a crime (disciplinary, civil, material, administrative and criminal). At the present stage of prevention of illegal behavior of employees of the penitentiary system, including the use of types and measures of responsibility, an important condition for their application is the acquisition and implementation of professional training with them, conducting professional training at all stages of service of employees in the penitentiary system, the formation of positive motivation for the professional activities of employees in various services and departments of the penitentiary system. Important elements of the implementation of the responsibility of the employees of the penitentiary system are departmental control over the institutions and bodies of the Penitentiary System by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies, as well as prosecutor's supervision.*

Key words*: employee, penal enforcement system, responsibility, unlawful behavior, crime, national legislation, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Эффективная профессиональная деятельность сотрудников служб и подразделений уголовно-исполнительной системы (далее УИС) по преодолению современных вызовов исполнению уголовных наказаний, достижению целей и решению задач, сформулированных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р опирается не только на соблюдение прав и социальных гарантий сотрудников, но привлечение их к различным видам ответственности при совершения противоправных действий и преступлений [1].

Теоретико-правовое и эмпирическое исследование с использованием контент-анализа законодательных актов в рассматриваемой сфере позволяет констатировать об органической взаимосвязи указанных важнейших правовых категорий. Их влияния на состояние психологического климата в коллективах сотрудников УИС, успешное выполнения профессиональных компетенций, предусмотренных их функционалом. Наступление профессионального выгорания, а также коррупционного поведения как вида аддитивного поведения сотрудников УИС [2, с. 404-408].

Таким образом, юридическую категорию ответственности сотрудников УИС можно рассматривать в качестве специального института предупреждения и пресечения их возможного противоправного поведения и преступной деятельности во время нахождения на службе в УИС. Правовые подходы реализации ответственности рассматриваемой категории граждан во многом коррелируют с сотрудниками других правоохранительных органов, что позволяет говорить о сформировавшейся в современной России политики на данном направлении, проявляющейся в законодательных и ведомственных правовых актах, нуждающихся в специальном комплексном анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения порядка и правовых особенностей привлечения к ответственности сотрудников УИС применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. Анализировалось уголовное, административное, гражданское, трудовое и уголовно-исполнительное законодательство в контексте возможного привлечения сотрудников УИС за противоправное поведение и

преступление к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Основные результаты. Особенности привлечения сотрудников УИС отражены в статье 15 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Законодатель в данной правовой норме указал пять видов ответственности, применяемых в отношении сотрудников УИС, допустивших противоправное поведение или совершивших преступление (дисциплинарную, гражданско-правовую, материальную, административную и уголовную).

Анализ статистических данных, содержащихся в аналитических материалах Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, служебных проверок, проводимых ФСИН России и ее территориальных органов, показывают, что наиболее распространенным видом на современном этапе выступает дисциплинарная ответственность [3]. Она наступает, в соответствии со статьями 47, 49-53 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ за нарушение служебной дисциплины путем наложения на сотрудников УИС дисциплинарных взысканий [4].

Как показывает анализ дисциплинарной практики учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, спектр дисциплинарных проступков сотрудников весьма широкий (нарушения трудового распорядка, функциональных обязанностей, требований служебной этики и т.д.). Неисполнения антикоррупционного законодательства в части полноты, своевременности и достоверности представляемых деклараций о доходах и расходах сотрудников и членов их семей [5].

На сотрудников, причинивших вред гражданам и организациям своими противоправными действиями при исполнении служебных обязанностей, распространяется гражданско-правовая ответственность по его возмещению, предусмотренная статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации [6]. Более того, в случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, ФСИН России имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего ФСИН России может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим исковым заявлением.

За ущерб, причиненный учреждению и органу УИС, сотрудник несет материальную ответственность в порядке и случаях, установленных трудовым законодательством, например, статьями 238-250 Трудового кодекса РФ за ущерб, причиненный работодателю [7].

Совершение сотрудником УИС административного правонарушения влечет наступление административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статьей 1.1 КоАП РФ) [8].

За совершение преступления сотрудник несет уголовную ответственность в соответствии со статьей 1 Уголовного кодекса Российской Федерации [9]. Сотрудники УИС совершают, как и представители других правоохранительных органов, должностные, преступления, в том числе коррупционной направленности [10, с. 161-163]. При этом релевантными в настоящее время являются не только правовые, но и психологические вопросы профилактики противоправного поведения сотрудников, в частности проведения их психодиагностики на предмет определения степени их коррупционной зараженности [11, с. 84-88].

На современном этапе профилактики противоправного поведения сотрудников УИС, в том числе с использованием видов и мер ответственности важным условием их применения выступает комплектование и осуществление с ними профессиональной подготовки [12, с. 291-298]. Проведение служебной подготовки на всех этапах службы сотрудников в УИС [13, с. 173-177]. Формирование позитивной мотивации профессиональной деятельности сотрудников в различных службах и подразделениях УИС [14, с. 45-48]. Направленной, в том числе, на формирование правосознание сотрудников УИС, неприятие ими коррупционного поведения вызванного наличием специфических коррупционных рисков [15, с. 252-257].

Важными элементами реализации ответственности сотрудников УИС является ведомственный контроль за учреждениями и органами УИС со стороны ФСИН России и ее территориальных органов. Надзор органов прокуратуры, в результате проверочной деятельности которых выявляются нарушения закона сотрудниками УИС в процессе осуществления служебной деятельности [16]. Соблюдения прав и социальных гарантий сотрудников УИС, гарантированных им Конституций Российской Федерации, законодательными актами [17, с. 95-98].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

– Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему

«Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

– Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».
– Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».
– Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС».

Заключение. Эффективная профессиональная деятельность сотрудников служб и подразделений УИС по преодолению современных вызовов исполнению уголовных наказаний, достижению целей и решению задач, сформулированных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, опирается не только на соблюдение прав и социальных гарантий сотрудников, но привлечение их к различным видам ответственности при совершения противоправных действий и преступлений.

Можно констатировать о наличии органической взаимосвязи указанных важнейших правовых категорий. Их влияния на состояние психологического климата в коллективах сотрудников УИС, успешное выполнения профессиональных компетенций, предусмотренных их функционалом. Наступление профессионального выгорания, а также коррупционного поведения как вида аддитивного поведения сотрудников УИС.

Особенности привлечения сотрудников УИС отражены в статье 15 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ. Нормативный правовой акт выделил указал пять видов ответственности, применяемых в отношении сотрудников УИС, допустивших противоправное поведение или совершивших преступление (дисциплинарную, гражданско-правовую, материальную, административную и уголовную).

На современном этапе профилактики противоправного поведения сотрудников УИС, в том числе с использованием видов и мер ответственности важным условием их применения выступает комплектование и осуществление с ними профессиональной подготовки, проведение служебной подготовки на всех этапах службы сотрудников в УИС, формирование позитивной мотивации профессиональной деятельности сотрудников в различных службах и подразделениях УИС.

Важными элементами реализации ответственности сотрудников УИС является ведомственный контроль за учреждениями и органами УИС со стороны ФСИН России и ее территориальных органов, а также прокурорский надзор.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концеп-

ции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 22.04.2026).

[2] Ковалев О.Г., Мазеина О.Н. Коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов как вид аддиктивного поведения // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29. № 3. С. 404-408.

[3] Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // cdep.ru (дата обращения 22.04.2026).

[4] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 22.04.2026).

[5] Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю. К вопросу выявления коррупционных правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3. № 2.

[6] Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Учебно-практический комментарий под ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. И доп. М.: Проспект, 2019.

[7] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации. Издание шестое. Под ред. Ю.П. Орловского. М.: Контракт, 2014.

[8] Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Проспект, 2011.

[9] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.

[10] Вилкова А.В., Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю. Совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе // Перспективы науки. 2021. № 7 (142). С. 161-163.

[11] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Организационно-правовые и психологические вопросы профилактики коррупции в уголовно-исполнительной системе // Журнал прикладных исследований. 2024. № 3. С. 84-88.

[12] Ковалев О.Г. Современные проблемы комплектования и профессиональной подготовки сотрудников подразделений безопасности учреждений УИС // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 1. С. 291-298.

[13] Ковалев О.Г. Организационно-правовые и психолого-методические основы служебной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2024. № 8. С. 173-177.

[14] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. К вопросу изучения мотивации профессиональной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 45-48.

[15] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Актуальные вопросы профилактики преступлений коррупционной направленности и иных правонарушений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Право и управление. 2025. № 6. С. 252-257.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[17] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС // Антропогогика. 2024. № 1 (13). С. 95-98.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r “On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030” // Consultant.ru (accessed 04/22/2026).

[2] Kovalev O.G., Mazeina O.N. Corrupt behavior of law enforcement officers as a type of addictive behavior // Man: crime and punishment. 2021. Vol. 29. No. 3. pp. 404-408.

[3] Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // cdep.ru (accessed 04/22/2026).

[4] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment” // Garant.ru (accessed 04/22/2026).

[5] Kovalev O.G., Gaponov A.Y. On the issue of detecting corruption offenses in institutions of the penal system // Stolypinsky Bulletin. 2021. Vol. 3. No. 2.

[6] Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part One (article-by-article). Educational and practical commentary edited by A.P. Sergeev. - 2nd ed., revised And additional M.: Prospect, 2019.

[7] Commentary to the Labor Code of the Russian Federation. Sixth edition. Edited by Yu.P. Orlovsky. Moscow: Kontrakt, 2014.

[8] Commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2011.

[9] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.

[10] Vilkova A.V., Kovalev O.G., Gaponov A.Yu. Improving the regulatory legal regulation of the prevention and fight against corruption in the penal system // Prospects of Science. 2021. No. 7 (142). pp. 161-163.

[11] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Organizational, legal and psychological issues of corruption prevention in the penal system // Journal of Applied Research. 2024. No. 3. pp. 84-88.

[12] Kovalev O.G. Modern problems of recruitment and professional training of employees of security units of penitentiary institutions // Stolypinsky Bulletin. 2022. Vol. 4. No. 1. pp. 291-298.

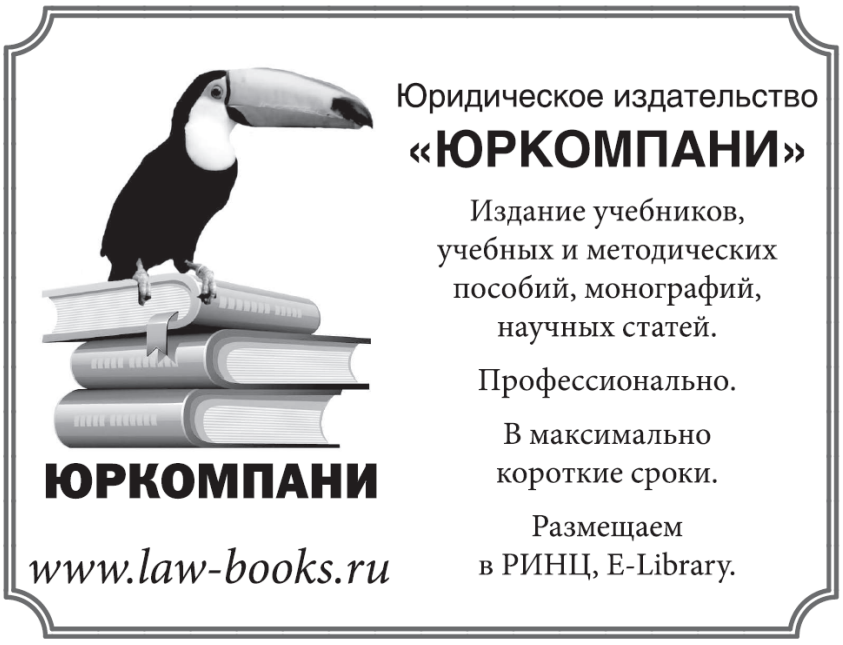
[13] Kovalev O.G. Organizational, legal, psychological and methodological foundations of professional training of employees of the penal enforcement system // Law and management. 2024. No. 8. pp. 173-177.

[14] Vilkova A.V., Kovalev O.G. On the issue of studying the motivation of professional activity of the staff of the penitentiary system // Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. No. 18. pp. 45-48.

[15] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Topical issues of prevention of corruption-related crimes and other offenses in institutions and bodies of the penal system // Law and Management. 2025. No. 6. pp. 252-257.

[16] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[17] Kovalev O.G. Prosecutor's supervision in the system of measures to ensure the rights and social guarantees of prison staff // Antropogogika. 2024. No. 1 (13). pp. 95-98.

-ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-465-468

ТЕСАКОВ Глеб Тимофеевич,
Аспирант 3 года обучения,
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
e-mail: ghleb4985@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОДПИСКИ НА ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ

Аннотация. *В настоящей статье исследуется правовая природа подписки на цифровые сервисы как одной из наиболее распространённых форм организации договорных отношений в цифровой экономике. Обосновывается, что отсутствие специального регулирования указанной конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации предопределяет множественность подходов к её квалификации – от лицензионных соглашений до договоров возмездного оказания услуг. На основе анализа доктринальных позиций и действующего законодательства автор приходит к выводу о комплексном характере подписки, сочетающей элементы различных обязательственных моделей, а также выявляет её сходство с конструкцией аренды при принципиальном отличии объекта.*

Ключевые слова: *цифровая подписка, цифровые сервисы, пользовательское соглашение, смешанный договор, возмездное оказание услуг, лицензионный договор, абонентский договор, интеллектуальная собственность, цифровой контент, гражданское право.*

TESAKOV Gleb Timofeevich,
Postgraduate Student (3nd year),
Russian State Academy of Intellectual Property

THE LEGAL NATURE OF SUBSCRIPTION TO DIGITAL SERVICES

Annotation. *This article examines the legal nature of subscription to digital services as one of the most widespread forms of organizing contractual relations in the digital economy. It is substantiated that the absence of specific regulation of this contractual model in the Civil Code of the Russian Federation predetermines a plurality of approaches to its legal qualification – ranging from license agreements to contracts for the provision of paid services. Based on the analysis of doctrinal positions and current legislation, the author concludes that subscription has a complex legal nature, combining elements of various contractual models, and also reveals its similarity to the lease model while emphasizing the fundamental difference in the object.*

Key words: *digital subscription, digital services, user agreement, mixed contract, paid services contract, license agreement, subscription (abonement) contract, intellectual property, digital content, civil law.*

В условиях стремительной цифровизации экономики и трансформации моделей потребления необходимо правовое осмысление новых форм договорных связей, возникающих в сфере предоставления цифровых услуг. Одной из наиболее распространённых [11] и одновременно наименее однозначно урегулированных конструкций выступает подписка на цифровые сервисы, которая в последние годы стала базовой моделью доступа к контенту, программному обеспечению и различным онлайн-ресурсам. Расширение использования подписочной модели обусловлено не только технологическим развитием, но и изменением потребительского поведения, ориентированного на временное пользование результатами интеллектуальной деятельности и цифровыми благами вместо их приобретения в собственность (что концептуально вовсе невозможно, учитывая их нематериальный характер). Отсутствие надлежащего гражданско-правового регулирования указанной договорной модели обуславливает актуальность исследования.

Сложность надлежащей квалификации соглашений в форме подписки на цифровые сер-

веры обусловлена тем, что сама по себе подписка охватывает широкий спектр объектов и сфер: доступ к аудиовизуальному контенту и потоковым платформам, использование программного обеспечения по модели (SaaS), облачные хранилища данных, образовательные онлайн-платформы, игровые сервисы, а также иные цифровые продукты и услуги, функционирующие в сетевой среде. Вместе с тем классическая теория гражданского права диктует значимость объекта договора для грамотного формирования его предмета: традиционно под объектом договора понимаются материальные блага [1], являющиеся предметом обязательства – конкретного действия, которое одна сторона исполнит в пользу другой [12]. Зачастую именно характеристики объекта предопределяют тип соглашения, который будет в отношении него заключен. Так, к примеру, в отношении имущественных прав не могут быть заключены соглашения, предполагающие установление вещного титула.

В этой связи Е.Б. Подузова предлагала рассматривать договорные конструкции, предлагающие пользование благами в цифровом формате, в качестве лицензионных соглашений [2]. Ключевым аргументом в пользу указанной позиции выступает то, что по своей природе объекты, в отношении которых у пользователя появляется право доступа, по своей природе являются результатами интеллектуальной деятельности. Следовательно, в отношении них могут заключаться только те типы соглашений, по которым возможно распоряжение исключительным правом, и переход соответствующих правоотношений в цифровую плоскость не может порождать принципиально иной договорной конструкции [3]. В силу положений ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), лицензионное соглашение предоставляет право лицензиату использовать результаты интеллектуальной деятельности в установленных таким договором пределах [13]. Существенными условиями лицензионного договора выступают предмет, выраженный в указании конкретного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а также способы их использования [4].

Вместе с тем, по указанной логике, соглашения о подписках на электронные сервисы зачастую будут представлять собой сублицензионные соглашения, поскольку конечным пользователем, который приобретает право использовать тот или иной РИД, соглашения непосредственно с создателем этого объекта (то есть первоначальным обладателем исключительного права [5]) не заключается. Следовательно, указанное разрешение на использование поступает к нему от иного лица, поставщика цифрового контента, который должен иметь права его использовать – получить их он может либо по договору отчуждения исключительного права на РИД, либо по лицензионному с возможностью дальнейшего предоставления прав пользования соответствующим объектом.

Однако, как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, при приобретении цифрового контента посредством онлайн-подписки в неё включаются не только условия предоставления права пользования соответствующим пакетом объектов, но и обязательства лица, располагающего правами на указанный контент, по организации и поддержании функционала платформы, необходимой для фактического доступа к таким объектам [6]. Фактически получается, что поставщик цифрового контента обязан также оказывать ряд услуг, необходимых для его воспроизведения пользователем.

На основании указанного Е.Д. Ворникова квалифицирует исследуемые соглашения в качестве договоров возмездного оказания услуг [7]. Отнесение соглашений о предоставлении цифрового контента по модели подписки к договору возмездного оказания услуг обусловлено тем, что их юридическая конструкция строится вокруг длящегося обязательства исполнителя по совершению совокупности действий, направленных на обеспечение доступа пользователя к цифровому контенту, а не на передачу обособленного результата во временное пользование. Полагаем, что полезный эффект для пользователя возникает не в момент «передачи» контента, а в процессе функционирования сервиса, включающего поддержание работоспособности платформы, обработку запросов, обновление и доставку контента, а также обеспечение непрерывности доступа. При таком подходе предмет обязательства выражается также в деятельности, не имеющей материального результата и потребляемой в процессе её осуществления, что соответствует классическим признакам договора возмездного оказания услуг [14].

В рамках нашего анализа следует упомянуть также Федеральный закон от 15.10.2025 №376-ФЗ, который внёс изменения в ст. 16.1 Закона «О защите прав потребителей». Согласно этим изменениям, при оплате услуг, оказываемых на основании абонентского договора в интернете, исполнителю запрещено использовать для получения периодических платежей реквизиты банковского счёта потребителя или данные о его электронных средствах платежа, которые потребитель ранее предоставил и в отношении которых выразил отказ от использования при расчётах [15]. Несмотря на то что в приведённой норме термин «подписка» прямо не используется, её содержание позволяет сделать вывод о регулировании именно соответствующей модели договорных отношений: длящийся характер обязательства, автоматизированность расчётов и про-

лонгируемость доступа к сервису. Более того, А.А. Древалаев и М.С. Агабабаев определяют цифровую подписку как особый вид взаимодействия с сервисом, в рамках которого клиент получает доступ к определенному контенту или услугам на условиях периодических платежей [8]. В этой связи можно сделать вывод, что законодатель, описывая соответствующие отношения через их функциональные признаки, фактически квалифицирует соглашения о предоставлении цифрового контента по подписке в качестве абонентских договоров (договоров исполнения по требованию, подчиняющихся правилам п. 1 ст. 429.4 ГК РФ).

При этом также считаем важным отметить, что конструкция подписки на цифровые сервисы в правовом смысле реализуется через механизм пользовательских соглашений, выступающих формой закрепления условий соответствующего обязательства и способом его включения в гражданский оборот. Именно пользовательское соглашение определяет содержание подписочной модели: порядок предоставления доступа к цифровому контенту, условия оплаты и автоматического продления, объём предоставляемых прав, ограничения использования, а также основания и процедуру прекращения доступа. А с точки зрения юридической природы такие соглашения, как правило, оформляются в виде договора присоединения, при котором пользователь принимает заранее сформулированные условия путём совершения конклюдентных действий (регистрация, оплата, активация подписки), что корреспондирует положениям ст. 428 ГК РФ о заключении договора и присоединении к нему. При этом подписка не существует как самостоятельная форма вне пользовательского соглашения, а представляет собой конкретный способ структурирования и реализации прав и обязанностей сторон в его рамках, где именно через условия соглашения определяется как предмет обязательства, так и его динамика во времени, включая пролонгацию, изменение и прекращение.

В совокупности изложенных подходов видится справедливым вывод Д.Д. Джумагулова о том, что договор цифровой подписки представляет собой комплексный договор, сочетающий в себе признаки нескольких правовых конструкций. Проведенный исследователем анализ судебной практики подтверждает указанную позицию, поскольку неоднократно отечественные суды склонялись к признанию указанных договоров смешанными [9]. При этом, как справедливо отмечает В.В. Харунжа, регулирование онлайн-подписки, помимо уже упомянутых нами норм о лицензионных соглашениях и возмездном оказании услуг, обеспечивается также за счет требований, установленных законодательством о персональных данных и об информации [10], ведь данные, предоставляемые пользователем, и порядок работы с ними неизбежно включаются в пользовательское соглашение.

Отсюда представляется обоснованным вывод о том, что подписка на цифровые сервисы по своей экономико-правовой функции тяготеет к модели временного предоставления блага за плату и тем самым обнаруживает сходство с конструкцией аренды, однако не может быть отождествлена с ней в силу принципиально иного объекта – не индивидуально-определённой вещи, а комплекса прав и возможностей доступа к результатам интеллектуальной деятельности и цифровой инфраструктуре. В этой связи подписка не укладывается в рамки какого-либо одного поименованного договора и подлежит квалификации как смешанный договор, сочетающий элементы возмездного оказания услуг, лицензионного предоставления прав использования и иных обязательственных моделей, реализуемых через пользовательское соглашение платформы, включая политику конфиденциальности и сопутствующие документы, регламентирующие порядок и условия использования соответствующих электронных сервисов.

Список литературы:

[1] Гражданское право : учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр : в 4 томах / ответственный редактор, доктор юридических наук, профессор Е. А. Суханов ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023. Т. 1: Общая часть / [А. В. Асосков, В. С. Ем, В. В. Витрянский и др.]. - 2023. – 622 с.

[2] Подузова, Е. Б. Пользовательское соглашение, соглашение о конфиденциальности: особенности содержания в контексте использования технологий искусственного интеллекта / Е. Б. Подузова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 2(147). – С. 71-78. – DOI 10.17803/1994-1471.2023.147.2.071-078. – EDN VTPJXJ.

[3] Коржова, И. В. Способы заключения договоров с использованием цифровых технологий / И. В. Коржова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2(182). – С. 152-154. – EDN SNVMGC.

[4] Калиничева, Е. П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калиничева Елена Петровна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 193 с. – EDN QFJCEN.

[5] Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань, 1891. – 313 с.

[6] Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2022. – 1126 с.

[7] Ворникова Е.Д. Трансформация договора возмездного оказания услуг в цифровой экономике / Е.Д. Ворникова // Право и бизнес. – 2023. – № 4. – С. 16-18.

[8] Древалев А. А. развитие программ подписки на рынке легковых автомобилей / А.А. Древалев, М.С. Агабабаев // Естественно-гуманитарные исследования. – 2022. – №44 (6). – с. 419-421

[9] Джумагулов Д.Д. Проблемы согласования воли сторон при заключении договоров цифровой подписки / Д.Д. Джумагулов// Закон. – 2025. – № 9. – С. 171-181.

[10] Харунжа, В. В. Онлайн-подписки и защита прав потребителей: новые вызовы для гражданского права / В. В. Харунжа // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 34. – С. 253-262. – EDN DHAFWV.

[11] Цифровой потребитель в России 2025: исследование GetPayAll о подписках как новой норме // Cnew. 2025. [электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-07-22_ tsifrovoj_potrebitel_v_rossii (дата обращения: 16.04.2026)

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.

[14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.

[15] Федеральный закон от 15.10.2025 № 376-ФЗ «О внесении изменения в статью 16.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 42. ст. 6085.

References:

[1] Civil law: textbook for students studying in the field of training 40.03.01 Jurisprudence, qualification Bachelor: in 4 volumes/executive editor, Doctor of Law, Professor E. A. Sukhanov; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Department of Civil Law. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2023. T. 1: General part/[A.V. Asoskov, V.S. Em, V.V. Vitriansky and others]. - 2023. - 622 p.

[2] Poduzova, E. B. User Agreement, Confidentiality Agreement: Features of Content in the Context of the Use of Artificial Intelligence Technologies/E. B. Poduzova//Actual Problems of Russian Law. – 2023. - T. 18, NO. 2 (147). - S. 71-78. – DOI 10.17803/1994-1471.2023.147.2.071-078. – EDN VTPJXJ.

[3] Korzhova, I.V. Methods of concluding contracts using digital technologies/I.V. Korzhova//Law and state: theory and practice. – 2020. – № 2(182). - S. 152-154. – EDN SNVMGC.

[4] Kalinicheva, E.P. License agreement as the basis for the obligation: specialty 12.00.03 “Civil Law; business law; family law; international private law”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/Kalinicheva Elena Petrovna. - Rostov-on-Don, 2011. – 193 c. – EDN QFJCEN.

[5] Shershenevich G.F. Copyright of literary works. - Kazan, 1891. - 313 p.

[6] Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation/executive editor A. G. Karapetov. - Moscow: Statute, 2022. - 1126 p.

[7] Vornikova E.D. Transformation of the contract for the provision of paid services in the digital economy/E.D. Vornikova//Law and business. – 2023. – № 4. - S. 16-18.

[8] Drevalev A.A. development of subscription programs in the passenger car market/A.A. Drevalev, M.S. Agababaev//Natural and humanitarian research. – 2022. – №44 (6). - p. 419-421

[9] D.D. Dzhumagulov. Problems of agreeing on the will of the parties when concluding digital subscription agreements/D.D. Dzhumagulov//Law. – 2025. – № 9. - S. 171-181.

[10] Harunzha, V.V. Online subscriptions and consumer protection: new challenges for civil law/ V.V. Harunzha//Issues of Russian justice. – 2024. – № 34. - S. 253-262. – EDN DHAFWV.

[11] Digital consumer in Russia 2025: GetPayAll research on subscriptions as a new norm//Cnew. 2025. [electronic resource]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-07-22_tsifrovoj_ potrebitel_v_rossii (accessed on: 16.04.2026)

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 hour). Art. 5496.

[14] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[15] Federal Law of 15.10.2025 No. 376-FZ “On Amending Article 16.1 of the Law of the Russian Federation “On Protection of Consumer Rights “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 42. Art. 6085.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-469-475
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье анализируются правовые риски, связанные с применением робототехнических систем в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) с акцентом на сохраняющуюся доктринальную неопределенность статуса робототехники как предмета и средства преступления, а также как инфраструктурного элемента, опосредующего реализацию полномочий личного состава. Особое внимание уделяется повышенной причиняющей способности автономных роботов, аспектам, связанным с сочетанием программной и аппаратной составляющих и их влиянию на структуру преступности и объем потенциального вреда в условиях деструктивных воздействий, включая дистанционное управление, координацию действий нескольких устройств и возможность длительной автономной работы без непосредственного человеческого участия. Отмечается, что действующее законодательство не рассматривает использование робота в качестве квалифицирующего признака, а общая отсылка к «специально изготовленным техническим средствам» не покрывает типичные ситуации эксплуатации серийной робототехники при совершении преступлений, в том числе в учреждениях УИС, где такие устройства становятся элементом стандартной служебной инфраструктуры. Аргументируется необходимость дифференциации уголовной ответственности с учетом вида робототехнической системы, степени автономности, характера ее служебного использования в учреждениях УИС и уровня фактического влияния алгоритмических решений на наступление общественно опасных последствий. Вводится в рассмотрение принцип сохранения существенного человеческого контроля в качестве критерия правомерности применения робототехнических систем в пенитенциарной деятельности и основания для распределения ответственности между оператором, администратором алгоритма и разработчиком, включая случаи опосредованного причинения вреда через некорректное программирование или настройку автономной системы. Сформулирована система правовых ограничений на внедрение робототехники в деятельности ФСИН России, включая требования алгоритмической прозрачности, предсказуемости поведения автономных систем, технологической верифицируемости их решений и исключения ситуаций отсутствия субъекта преступления при причинении существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система Российской Федерации, ФСИН России, робототехническая система, автономная интеллектуальная система, искусственный интеллект, уголовно-правовые риски, повышенная причиняющая способность, алгоритмическая прозрачность, человеческий контроль, квалифицированный состав преступления, пенитенциарная безопасность, дифференциация ответственности, правовые ограничения, средства совершения преступления, цифровизация.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL LAW RISKS AND RESTRICTIONS ON THE USE OF ROBOTIC SYSTEMS IN INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article analyzes the legal risks associated with the use of robotic systems in the activities of institutions of the penal system of the Russian Federation (Penal System), with an emphasis on the ongoing doctrinal uncertainty regarding the status of robotics as both an object and a means of committing a crime, as well as an infrastructural element mediating the exercise of personnel authority. Particular attention is paid to the enhanced harm-causing capacity of autonomous robots, aspects related to the combination of software and hardware components, and their impact on crime patterns and the scope of potential harm under conditions of destructive interference including remote control, coordination of multiple devices, and the ability to operate autonomously for extended periods without direct human involvement. It is noted that current legislation does not treat the use of a robot as a qualifying feature, and the general reference to «specially manufactured technical means» does not cover typical scenarios involving the use of mass-produced robotics in the commission of crimes, including within penal institutions, where such devices are becoming part of the standard operational infrastructure. The article argues for the need to differentiate criminal liability based on the type of robotic system, the degree of autonomy, the nature of its official use in penal institutions, and the actual extent to which algorithmic decisions contribute to socially dangerous consequences. The principle of retaining substantial human control is introduced as a criterion for the lawfulness of using robotic systems in penitentiary activities and as a basis for allocating responsibility among the operator, the algorithm administrator, and the developer including cases of indirect harm caused by incorrect programming or configuration of an autonomous system. A system of legal restrictions on the deployment of robotics in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia is formulated, encompassing requirements for algorithmic transparency, predictability of autonomous system behavior, technological verifiability of their decisions, and the prevention of situations where no crime subject exists when substantial harm is caused to public relations protected by criminal law.*

Key words: *Penal system of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service of Russia, robotic system, autonomous intelligent system, artificial intelligence, criminal law risks, enhanced harm-causing capacity, algorithmic transparency, human control, qualified crime elements, penitentiary security, differentiation of liability, legal restrictions, means of committing a crime, digitalization.*

Введение

Технологический переход к использованию робототехнических систем в деятельности учреждений ФСИН России формирует новую конфигурацию уголовно-правовых рисков, поскольку сочетает высокую причиняющую способность роботов с высокой концентрацией уязвимых объектов в пенитенциарной среде [1, с.14]. Анализ уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, показывает, что роботы рассматриваются как сложные цифровые объекты с программной и аппаратной составляющими и обладают автономным причиняющим потенциалом, который увеличивается по мере развития технологий искусственного интеллекта [2, с.64]. Для учреждений УИС этот фактор приобретает особое значение, поскольку, например, даже ограниченная по массе полезная нагрузка беспилотного летательного аппарата способна обеспечить доставку запрещенных предметов в зону режима, а оснащение робота взрывным устройством трансформирует единичный инцидент в угрозу массового поражения осужденных и личного состава исправительного учреждения.

Материалы и методы

Робототехническая система в контексте деятельности ФСИН России может быть определена как совокупность программной и технической подсистем, предназначенная для выполнения охранных, надзорных, транспортных и досмотровых функций в условиях изоляции осужденных, при этом часть решений при использовании такой системы принимается в автоматическом режиме. Специализированный робот может рассматриваться как сложный объект, включающий программное обеспечение, определяющее набор функций и пределов действий, и аппаратную часть, представленную конструктивными элементами, приводами, датчиками, радарами и иными сенсорными компонентами. Такая конструктивная характеристика в условиях функционирования учреждений УИС означает, что одна и та же робототехническая система одновременно выступает и как объект уголовно-правовой охраны (имущество, оснащенное специфическими функциями контроля и воздействия), и как средство совершения преступления (например, при доставке запрещенных предметов на территорию учреждения), и как как техническая инфраструктура, обеспечивающая исполнение наказания (например, система автоматизированного интеллектуального видеонаблюдения).

Применение технологий искусственного интеллекта ведет к повышению степени автономности роботов и усложняет вопрос определения субъекта ответственности за возможный причи-

ненный вред. В условиях УИС аналогичная проблема может проявляться в задачах автоматического применения принудительных мер (например, включение звукового или светового воздействия, блокировка дверей, распределение охранных ресурсов), когда автономный алгоритм фактически завершает объективную сторону возможного преступления (например, причинение вреда здоровью через некорректное использование специальных средств) при минимальном участии оператора [3, с.330; 4, с.160; 4, 5.153].

Перспективные направления применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России можно сгруппировать по четырем основным функциональным блокам: охрана внешнего периметра, внутренний надзор за поведением осужденных, доставка грузов, а также досмотр и мониторинг. Возможность перемещения роботов по грунту, в воздушной и водной среде, а при необходимости и в подземном пространстве, служит предпосылкой для использования их в деятельности учреждений УИС как в качестве наземных патрульных платформ, так и в виде беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для воздушной разведки и контроля периметра [6, с.242; 7, с.53]. Современная тенденция к росту полезной нагрузки беспилотных систем и повышению их энергообеспечения увеличивает не только их полезный потенциал для применения в деятельности пенитенциарного ведомства, но и приводит к росту угроз использования робототехники для противоправных действий [8, с.50; 9, с.134].

Системное внедрение робототехники в учреждениях ФСИН России обуславливает необходимость рассмотрения ряда проблемных правовых вопросов. Первый из них связан с тем, что в действующем УК РФ отсутствуют легальные определения «робототехническая система», «автономная интеллектуальная система» и «искусственный интеллект», что затрудняет формирование однозначной практики квалификации деяний, совершенных с их использованием. Далее, общие положения об обстоятельствах, отягчающих наказание, охватывают только случаи использования «специально изготовленных технических средств», что не позволяет учесть использование серийных робототехнических платформ при внезапно возникшем умысле на совершение преступления. И, наконец, признаки состава преступления, характеризующие средства совершения преступления (оружие, взрывные устройства, средства вычислительной техники), не включают робота как индивидуально-неповторимый объект, совмещающий свойства нескольких категорий одновременно.

С учетом данных факторов возникает задача перехода от общей концепции уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с робототехникой, к конструированию уголовно-правовых ограничений применения робототехнических систем в пенитенциарных учреждениях. Под правовыми рисками в таком контексте следует понимать риски неверной квалификации деяний, связанных с роботами, возникновения ситуаций отсутствия субъекта уголовной ответственности, нарушения прав осужденных и сотрудников вследствие непрозрачной работы алгоритмов, а также неадекватного распределения ответственности между участниками разработки и эксплуатации роботов. В деятельности ФСИН России эти риски усиливаются особым статусом осужденного, режимным характером территории и повышенными требованиями к обеспечению безопасности и охраны здоровья лиц, находящихся под стражей [10, с.265].

Повышенная причиняющая способность робототехнических систем выступает ключевой объективной предпосылкой установления специальных уголовно-правовых ограничений их применения в УИС. Роботы обладают увеличенным причиняющим потенциалом по сравнению с традиционными материальными объектами благодаря сочетанию мобильности, возможности переносить грузы значительных габаритов и массы, использоваться для доставки взрывчатых веществ и координированных действий группы устройств. Например, скоординированное применение нескольких БПЛА для одновременной доставки оружия в разные участки колонии способно радикально изменить баланс сил при групповых неповиновениях, но в действующей модели уголовно-правовой оценки такой сценарий не находит отражения как качественно иной по уровню общественной опасности.

Сложная природа робота как объекта уголовно-правовой охраны в учреждениях ФСИН России проявляется в том, что посягательство на робототехническую систему выходит за рамки обычного преступления против собственности. Так, например, неправомерное завладение охранным роботом-патрульным затрагивает не только имущественный интерес государства, но и режим исполнения наказания, безопасность осужденных, личного состава и иных лиц, находящихся на территории учреждения. Стандартный подход, при котором робот рассматривается как имущество и включается в предмет хищения либо повреждения, не отражает повышенную опасность нарушения функционирования роботизированной инфраструктуры исполнения наказаний. Если, например, наземный робот, несущий функции видеонаблюдения и физического блокирования периметра, выводится из строя посредством программного воздействия, нарушается не

только право собственности, но и обеспеченность надлежащего режима охраны, что должно находить отражение в конструкции состава преступления.

Робот как средство совершения преступления в учреждениях УИС демонстрирует специфические характеристики, уже частично описанные для общей сферы общественных отношений. Поскольку робототехника позволяет выполнять объективную сторону посягательства при нахождении субъекта на значительном удалении от преступного события за счет дистанционного управления и устойчивых каналов связи, в условиях пенитенциарного учреждения это может приводить к реализации сценариев, когда организатор, находящийся вне учреждения, посредством БПЛА осуществляет доставку запрещенных предметов в локальную зону или инициирует применение взрывного устройства на территории охраняемого объекта.

В качестве отдельного аспекта следует рассмотреть способность роботов согласовывать свои действия, что может быть проиллюстрировано действиями роя БПЛА, когда программа нескольких автономных устройств одновременно блокирует ключевые входы и выходы из режимных корпусов, создавая условия для массовых беспорядков или захвата заложников, хотя ни один из операторов технически не участвует в каждой конкретной операции. Уголовно-правовая оценка подобных действий в существующей конструкции института соучастия осложняется тем, что роботы не признаются субъектами преступления, а цепочка передачи управляющих команд может быть распределена между несколькими лицами и организациями.

Действующее уголовное законодательство в явном виде не рассматривает робота как признак, позволяющий дифференцировать ответственность за преступления, совершенные как с его использованием, так и в отношении него. В УК РФ отсутствуют составы преступлений, в которых робот выступал бы в качестве признака, характеризующего средство совершения преступления. Вместе с тем, потенциал роботов в повышении общественной опасности деяний требует дифференциации ответственности.

В условиях пенитенциарной системы данный пробел проявляется острее. Преступления, совершаемые осужденными и иными лицами в учреждениях ФСИН России, традиционно характеризуются высокой латентностью и концентрацией в ограниченном пространстве, а внедрение робототехники создает новый уровень рисков, не учитываемый нормами о преступлениях против порядка управления, правосудия или режима исполнения наказаний. Нормы об отягчающих обстоятельствах, включающие использование «специально изготовленных технических средств», по обоснованию исходного текста, не применимы к большинству случаев использования серийных роботов в преступных целях. Это тем более верно для УИС, где значительная часть робототехники, скорее всего, будет закупаться как готовые промышленные решения и адаптироваться к условиям конкретного учреждения без «специального изготовления» под преступный замысел.

Сюда же примыкают ограничения, вытекающие из автономности и непредсказуемости поведения систем с искусственным интеллектом. Поскольку развитие технологий ИИ ведет к переходу от жестко запрограммированных алгоритмов к системам, способным к самообучению и выбору новых алгоритмов действий, затрудняется выявление субъекта ответственности за вред, причиненный автономным роботом. В условиях функционирования учреждений УИС это приводит к возникновению рисков ситуаций, когда, например, автономная система надзора или управления доступом сможет самостоятельно вырабатывать паттерны реагирования (например, блокировку дверей при определенной комбинации показаний датчиков), которые в конкретной обстановке могут приводить к гибели или травмам людей, при отсутствии прямого управления роботом со стороны оператора.

Отсутствие специального регулирования создает институциональное ограничение, связанное с тем, что в традиционном уголовном праве субъектом преступления является физическое лицо, достигшее установленного возраста, однако на уровне позитивного права роботу не может быть придан статус субъекта ответственности. Поэтому при высокой автономности роботов возникает вопрос о субъекте ответственности, который в нынешней модели решается исключительно через поиск виновного среди разработчиков, операторов или иных участников обращения робота. В контексте деятельности УИС такая конструкция увеличивает риск ситуаций, когда вред значителен, а доказать вину конкретного должностного лица затруднительно из-за сложной архитектуры программного обеспечения и распределенных полномочий по его настройке.

Результаты и обсуждение

Исходя из вывода о повышенной причиняющей способности робота, можно сформулировать систему уголовно-правовых ограничений применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России. Первое ограничение связано с обязательной привязкой внедрения

автономных интеллектуальных систем к принципу сохранения существенного человеческого контроля над критически значимыми решениями. Это означает, что любые действия робота, способные повлечь причинение вреда жизни и здоровью осужденных или сотрудников (применение силы, использование специальных средств, изменение режима доступа к помещениям, управление инженерной защитой), должны оставаться либо полностью инициируемыми человеком, либо подлежать немедленному постфактум-контролю с возможностью документированного вмешательства.

Второе ограничение связано с алгоритмической прозрачностью как нормативным требованием к робототехническим системам, внедряемым в УИС. Для пенитенциарной практики это означает, что структура алгоритмов и журналы принятия решений автономными системами должны быть доступны для последующей проверки следственными органами и судами, включая возможность экспертного восстановления логики действий робота при наступлении вредных последствий [11, с.111].

Третье ограничение относится к материализации автономности в дифференциации уголовной ответственности. Человеческое участие при использовании робота для совершения преступления может сводиться к программированию или однократному вводу целевой команды, после чего робот самостоятельно реализует объективную сторону состава преступления. В УИС аналогичная ситуация может возникнуть, когда должностное лицо задаст автономной системе задачу усиления наблюдения или блокировки доступа, а алгоритм, действуя в условиях неопределенности, ошибочно выберет меры, приводящие к тяжким последствиям. Уголовно-правовое регулирование должно отражать этот сдвиг, устанавливая специальные правила оценки вины при опосредованном причинении вреда через автономную интеллектуальную систему, в том числе через формулирование специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неправомерное программирование или настройку робототехнических систем в учреждениях ФСИН России.

Четвертый элемент системы ограничений сводится к разграничению видов робототехники и учету характера ее использования. Необходима дифференциация ответственности за посягательства в отношении различных видов робототехники и за деяния, в объективной стороне которых присутствует признак использования робота, например, с использованием, трехуровневой системы: роботы охранного и надзорного назначения (периметр, видеонаблюдение, патрулирование), роботы логистического и сервисного назначения (доставка, уборка, обслуживание) и роботы специализированного воздействия (средства физического сдерживания, дистанционные системы применения спецсредств). Характер рисков и требуемые ограничения должны различаться для каждой группы, что следует отразить как в конструкциях специальных составов, так и в формулировке квалифицирующих признаков.

Целесообразно ввести квалифицирующий признак «с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы» в составы преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. Речь идет об основаниях для установления повышенной ответственности за деяния, причиняющая способность которых возрастает за счет использования робота. В пенитенциарном контексте такой признак может быть предусмотрен, например, для ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы или из-под стражи) и ст. 205 УК РФ (террористический акт), если деяние совершено с использованием робототехнической системы или автономной интеллектуальной системы.

Дополнительно на уровне ведомственного законодательства возможно выделение самостоятельного состава, связанного с неправомерным доступом к робототехнической инфраструктуре учреждений УИС и ее использованием в преступных целях. На уровне толкования закона и судебной практики целесообразно закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ специальные правила квалификации деяний, при которых объективная сторона преступления полностью выполнена автономным роботом, а роль человека ограничилась программированием или удаленной постановкой цели. Целесообразно, чтобы соответствующее разъяснение Пленума закрепило бы, что в подобных ситуациях деяния квалифицируются по общим составам преступлений против личности, правосудия или порядка управления с указанием на использование автономной интеллектуальной системы; описывало бы подход к установлению вины лица, которое осуществляло программирование и настройку робота, несмотря на отсутствие его физического присутствия на месте совершения преступления; прямо указывало на недопустимость ссылки на «ошибки алгоритма» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность при наличии заведомых нарушений при проектировании и внедрении системы в условиях УИС.

Выводы

Совокупность изложенных положений показывает, что уголовно-правовые риски и ограничения применения робототехнических систем в деятельности ФСИН России не сводятся к традиционной проблематике охраны общественных отношений, связанных с робототехникой. Специфика пенитенциарного ведомства в данном вопросе выражена в высокой концентрации уязвимых объектов, особом режиме территорий, нормативной обязанности государства обеспечить безопасность осужденных, что трансформирует вопрос в задачу построения иерархии ограничений, в которой технологические возможности роботов заведомо подчинены требованиям уголовного и уголовно-исполнительного права [12, с.37]. Предложенная система ограничений и отдельных изменений законодательства может служить основой для последующей правотворческой работы по формированию устойчивого режима правомерного и эффективного использования робототехники в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. Влияние семейного неблагополучия на формирование преступного поведения подростков // Закон и право. 2023, № 1. С. 159-161.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The use of identity systems to ensure security at sensitive facilities of the ugo-catch-executive system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. The influence of family trouble on the formation of criminal behavior of adolescents// Law and law. 2023, № 1. S. 159-161.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in government institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in the processing of data in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penal system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

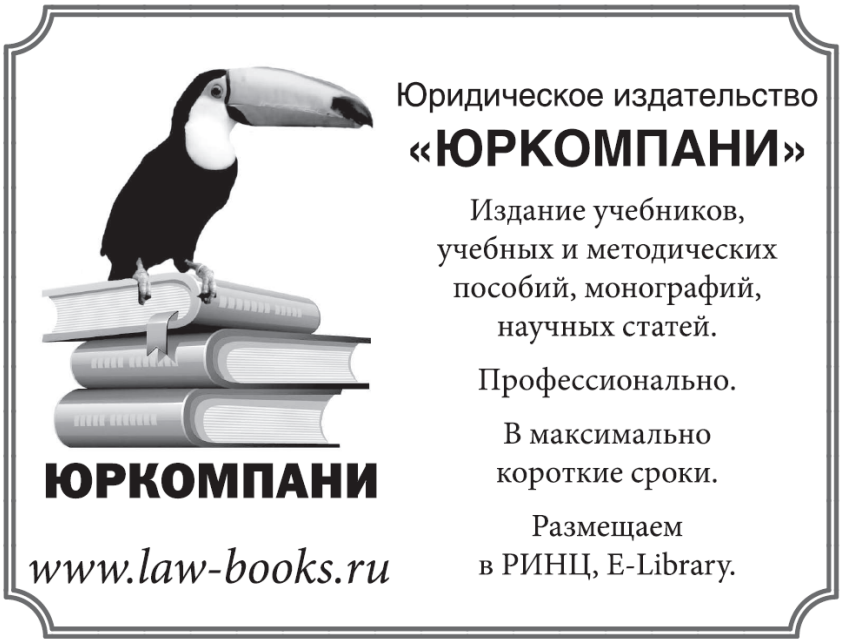
[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects//Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-476-481

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 2 курса Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

ОЦЕНОЧНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ МЕР ЗАЩИТЫ В ИНТЕРНЕТЕ: КРИТЕРИИ КВАЛИФИКАЦИИ И БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются пределы правовой охраны технических мер защиты (ТМЗ) в цифровой среде в контексте статьи 1299 ГК РФ, международных стандартов охраны ТМЗ и подходов, закрепленных в европейском праве. Обосновывается, что правовая охрана ТМЗ не должна приобретать самостоятельный и абсолютный характер, отрываясь от задач защиты авторских прав и правомерных оснований использования произведений. На основе норм российского законодательства, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и доктринальных подходов предлагается оценочная модель пределов применения ТМЗ, включающая анализ функционального назначения технологии, ее коммерческого использования вне обхода, наличия условий для правомерного использования, эффекта нейтрализации и соразмерности гражданско-правовых последствий. Особое внимание уделяется технологиям смешанного назначения и рискам формального подхода при квалификации действий как обхода ТМЗ. Делается вывод о необходимости оценочного подхода, позволяющего обеспечить баланс интересов правообладателя и пользователя, повысить предсказуемость правоприменения и снизить риск расширительного толкования запрета обхода.*

Ключевые слова: *технические меры защиты; обход ТМЗ; статья 1299 ГК РФ; цифровой контент; технологии смешанного назначения; баланс интересов; правомерное использование; соразмерность ответственности.*

PANCHENKO Vladislav Yuryevich,
Doctor of Law, Professor,

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

EVALUATIVE MODEL OF THE LIMITS OF APPLICATION OF TECHNOLOGICAL PROTECTION MEASURES ON THE INTERNET: QUALIFICATION CRITERIA AND BALANCE OF INTERESTS

Annotation. *The article examines the limits of legal protection of technological protection measures (TPMs) in the digital environment in the context of Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation, international TPM protection standards, and approaches established in European law. It is argued that the legal protection of TPMs should not become autonomous and absolute, detached from the goals of copyright protection and lawful grounds for the use of works. Based on Russian legislation, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, and doctrinal approaches, the author proposes an evaluative model for determining the limits of TPM application, including an analysis of the functional purpose of a technology, its commercial use outside circumvention, the availability of lawful use scenarios, the effect of neutralization, and the proportionality of*

civil-law consequences. Attention is paid to dual-use technologies and to the risks of a formalistic approach when qualifying conduct as TPM circumvention. The article concludes that an evaluative approach is necessary to ensure a proper balance of interests between right holders and users, improve predictability in law enforcement, and reduce the risk of overly broad interpretation of anti-circumvention rules.

Key words*: technological protection measures; circumvention of TPMs; Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation; digital content; dual-use technologies; balance of interests; lawful use; proportionality of liability.*

ТМЗ в цифровом обороте фактически задают режим доступа к произведению и контролируют способы использования, определяемые правообладателем и условиями лицензионного предоставления доступа на цифровой платформе. По наблюдению А. А. Поповича, технические способы защиты выполняют двоякую функцию: обеспечивают превентивную охрану и выступают инструментом пресечения при попытке нарушения, что усиливает роль технологического контроля в механизме защиты прав [1]. Вместе с тем жесткий характер технологических ограничений способен затрагивать и законные модели использования.

В этой связи А. Н. Кирсанов подчёркивает, что правовое регулирование ТМЗ должно исходить из обеспечения баланса интересов правообладателя и пользователя; без этого запрет обхода рискует трансформироваться в механизм избыточного ограничения правомерного доступа [2]. Следовательно, ключевым становится вопрос не только о наличии ТМЗ и факте их нейтрализации, но и о пределах правовой охраны технологического режима с учётом законных исключений и соразмерности ответственности.

Научная новизна настоящего исследования состоит в формулировании оценочной модели пределов применения ТМЗ в цифровой среде, основанной на совокупной оценке функционального назначения технологии, ее коммерческого применения вне обхода, наличия условий для правомерного использования, юридически значимого эффекта нейтрализации и соразмерности гражданско-правовых последствий. Практическая значимость предлагаемого подхода заключается в возможности его использования для унификации квалификации спорных ситуаций в правоприменительной практике.

Правовое регулирование ТМЗ в российском праве закреплено в ст. 1299 ГК РФ: законодатель определяет ТМЗ как технологии, устройства или их компоненты, контролирующие доступ либо предотвращающие (ограничивающие) действия, не разрешённые правообладателем [3]. Одновременно установлен запрет обхода и запрет оборота средств обхода, что подчёркивает самостоятельность правовой охраны технологического режима как объекта защиты, а не только охрану исключительного права на произведение.

При анализе запрета обхода ТМЗ и связанных с ним гражданско-правовых последствий принципиально учитывать действующую редакцию ст. 1299 ГК РФ, поскольку изменение нормативной конструкции ответственности усиливает значение точного разграничения между действиями, образующими обход ТМЗ, и последующим нарушением исключительного права. В противном случае возникает риск формального расширения сферы применения ответственности только на основании технического факта вмешательства.

Доктрина обращает внимание на необходимость корректной квалификации именно обхода по смыслу ст. 1299 ГК РФ. О. В. Мельников указывает, что при применении данной нормы принципиально установить, что имело место нейтрализующее вмешательство в ТМЗ, а не любая техническая модификация, поскольку от этого зависит правовая оценка последствий и выбор гражданско-правовой реакции [4].

Границы допустимого технологического контроля в российской модели проявляются через п. 4 ст. 1299 ГК РФ, который ориентирует правоприменение на сохранение возможности законного использования в случаях, предусмотренных законом. Эта логика согласуется с международным Договором Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (WCT), требующим охраны эффективных мер в отношении действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом [5], и с положениями Директивы 2001/29/ЕС, закрепляющими запрет обхода при общей рамке баланса исключительного права и исключений.

Дополнительным аргументом в пользу оценочного подхода является то, что охрана ТМЗ в международном и европейском регулировании не сводится к абсолютному запрету любой технической возможности обхода. Напротив, соответствующие положения ориентируют правоприменение на защиту от действий, не разрешенных правообладателем или не допускаемых законом, что предполагает учет правомерных оснований использования и исключает формальный подход к квалификации. В этой логике правовая охрана ТМЗ должна соотноситься с целями защиты исключительного права, а не подменять собой весь режим использования произведения.

Наиболее конфликтным сегментом являются технологии смешанного назначения, обладающие самостоятельными правомерными функциями, но могут применяться и для нейтрализации ТМЗ. Верховный Суд РФ разъяснил, что запрет изготовления и распространения средств обхода не охватывает технологии, изначально разработанные и продаваемые для иных целей; суду необходимо установить возможность их коммерческого использования вне обхода. Указанный подход позволяет отказаться от формального отождествления технической возможности обхода с противоправностью и переводит квалификацию в плоскость оценочного анализа.

В доктрине данное направление поддерживается аргументом о необходимости анализа функциональной направленности. А. А. Попович показывает, что для разграничения допустимых решений и средств обхода существенны назначение технологии и её фактическая роль в нейтрализации защиты [1]. А. М. Пушков, анализируя влияние цифровых технологий на систему охраны авторских и смежных прав, обращает внимание на риск неоднородности практики именно там, где оценка смешанной функциональности подменяется формальными признаками и не учитывает экономико-технологическую реальность использования решения [7].

Самостоятельное значение имеет вопрос о пределах ответственности. В части компенсации как меры гражданско-правовой ответственности Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев, М. В. Радецкая и соавт. подчеркивают необходимость учитывать характер нарушения и справедливость взыскания, поскольку компенсационная модель требует механизма соразмерности и предсказуемости [8]. Эти выводы особенно значимы для дел об обходе ТМЗ, где возможен разрыв между степенью технологического вмешательства и объёмом имущественных последствий.

Оценочная модель пределов применения технических мер защиты в Интернете вытекает из нормативной конструкции ст. 1299 ГК РФ [3], а также согласуется с положениями WCT [5] и общеевропейским подходом Директивы 2001/29/ЕС [6], в рамках которых охрана ТМЗ ориентирована на пресечение действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом. При этом доктрина справедливо обращает внимание на риск расширительного толкования запрета обхода, когда технологический режим начинает охраняться как самостоятельная цель, независимо от того, достигается ли баланс интересов правообладателя и законного пользователя. В этой части А. Н. Кирсанов обоснованно указывает на необходимость оценки применения ТМЗ через призму баланса интересов правообладателя и пользователя и допустимости ограничения правомерного доступа, особенно в цифровой среде, где доступ часто реализуется через платформенную модель [2].

В рамках предлагаемого подхода ключевым является установление фактического назначения конкретной технологии: используется ли она для контроля доступа и предотвращения неправомерных действий либо фактически блокирует любые формы доступа и использования, включая правомерные сценарии. Такая постановка вопроса согласуется с выводами А. А. Поповича о функциональной направленности технических способов защиты и необходимости соотносить их применение с охраняемым интересом, не допускающим подмены правовых механизмов технологическим запретом как таковым [1]. Далее подлежит оценке коммерческая и технологическая природа решения с точки зрения смешанной функциональности, включая наличие у средства самостоятельного экономически оправданного применения вне обхода, особенности его рыночного продвижения и фактическую направленность на нейтрализацию защиты. Здесь применим ориентир Верховного Суда РФ о том, что запрет оборота не должен автоматически охватывать технологии, изначально разработанные и распространяемые для иных целей; суду следует устанавливать реальность коммерческого использования решения вне обхода [9]. В доктринальной плоскости А. М. Пушков обращает внимание на уязвимость практики при формальном подходе к смешанной функциональности, когда легальная функция используется как универсальный аргумент, нивелирующий анализ фактической роли решения в нейтрализации защиты [7].

Следующий элемент модели связан с обеспечением возможности правомерного использования: российский законодатель прямо закрепляет пределы технологического контроля через механизм п. 4 ст. 1299 ГК РФ [3], что требует учитывать не только факт применения ТМЗ, но и то, обеспечивается ли при этом доступ для случаев, когда использование допускается законом. В связке с этим оценивается юридически значимый эффект нейтрализации, поскольку в доктрине подчёркивается, что для квалификации действий как обхода необходимо выявить нейтрализующее вмешательство, приводящее к утрате защитной функции либо к созданию возможности совершать действия, которые ТМЗ призваны предотвращать; О. В. Мельников также отмечает значимость разграничения нейтрализации защиты и иных технических модификаций, не образующих состав обхода по смыслу ст. 1299 ГК РФ [4]. Завершающим элементом модели выступает критерий соразмерности последствий. Даже при

наличии признаков нарушения требуется индивидуализировать гражданско-правовую реакцию и исключать несоразмерный имущественный результат. В этом смысле существенны выводы Е. А. Павловой, В. О. Калятина, В. А. Корнеева, М. В. Радецкой и соавт., которые подчёркивают, что компенсация как мера ответственности должна применяться с учётом характера нарушения и справедливости взыскания, что прямо релевантно делам об обходе ТМЗ [8].

С прикладной точки зрения предлагаемая модель одновременно конкретизирует предмет судебного доказывания по делам об обходе ТМЗ. Для правильной квалификации суду необходимо установить не только наличие ТМЗ и факт технического вмешательства, но и охранительную функцию конкретной меры, характер нейтрализующего эффекта, наличие самостоятельного коммерческого применения спорной технологии вне обхода, а также связь вмешательства с заявленным правомерным использованием. Такой подход позволяет избежать подмены юридической оценки формальным выводом о том, что сама по себе техническая возможность обхода уже свидетельствует о противоправности поведения.

Практическая ценность оценочной модели проявляется в ситуациях, где внешне присутствует правомерный доступ к контенту, однако действия пользователя или поставщика технологии затрагивают охраняемый технологический режим и создают риск подмены правовых границ технологическим контролем. Наиболее типичным является сценарий, когда пользователь получает доступ по подписке либо иной лицензионной модели, но затем нейтрализует технические ограничения для последующего копирования, переноса на иные устройства, обхода ограничений количества просмотров либо дальнейшего распространения. В таком случае исходной точкой квалификации выступает то, что ст. 1299 ГК РФ охраняет технологический режим защиты как самостоятельный объект правовой охраны, а потому правомерность доступа не тождественна правомерности нейтрализации защиты. По логике доктрины А. А. Поповича, принципиально установить назначение и охранительную функцию применённой меры, а также характер действий по её устранению, чтобы разграничить допустимые действия пользователя в пределах доступа и действия, направленные на разрушение режима защиты [1]. Дополнительно существенен вопрос о правомерном использовании: если пользователь ссылается на законный интерес, правоприменение должно учитывать механизм п. 4 ст. 1299 ГК РФ и оценивать, исключает ли ТМЗ предусмотренные законом сценарии использования либо же нейтрализация преследует цель, не связанную с правомерным использованием. В части ответственности подход должен учитывать ориентиры справедливости и соразмерности: в противном случае риск заключается в том, что санкция фактически будет определяться не характером нарушения, а лишь техническим фактом вмешательства; доктринально это описано как проблема корректного применения компенсационной модели.

К следующей группе относятся ситуации, связанные с технологиями смешанного назначения. Программы, устройства или компоненты могут иметь легальные функции (например, обеспечивать совместимость, воспроизведение, конвертацию, управление устройствами), но одновременно использоваться для нейтрализации ТМЗ. Здесь центральным становится не само по себе наличие правомерной функции, а реальность и самостоятельность коммерческого использования вне обхода, а также фактическая роль технологии в нейтрализации защиты. Верховный Суд РФ прямо ориентирует суды на проверку того, была ли технология изначально создана и распространена для целей, не связанных с обходом, и возможно ли её коммерческое использование в иных целях. Этот подход дополняется доктринальными замечаниями о риске формализма: А. М. Пушков подчёркивает, что оценка смешанной функциональности должна учитывать технологическую и экономическую реальность использования решения, иначе правовая охрана становится непредсказуемой [7]. С учетом изложенного в каждом конкретном деле подлежит оценке совокупность факторов, включая назначение и позиционирование средства, наличие инструкций и маркетинговых материалов, ориентированных на обход, наличие доказуемого рынка применения, не связанного с обходом, а также характер нейтрализующего эффекта. В этой части значимы выводы О. В. Мельникова о том, что квалификация обхода предполагает установление именно нейтрализующего вмешательства, влияющего на работу защитного механизма, а не любую модификацию цифровой среды [4].

К следующей группе относятся случаи, при которых ТМЗ фактически блокируют предусмотренные законом сценарии правомерного использования либо делают их недостижимыми при наличии правомерного доступа. В такой конфигурации модель позволяет удержать анализ в пределах права: если технологический режим превращается в фактический запрет законного использования, пределы охраны должны оцениваться через п. 4 ст. 1299 ГК РФ и общий принцип баланса интересов, о котором пишет А. Н. Кирса-

нов [2]. С практической точки зрения это означает, что суд должен анализировать не только наличие ТМЗ и сам факт вмешательства, но и то, имелось ли у лица законное основание для соответствующего использования, обеспечивалась ли возможность реализации такого основания без нейтрализации защиты, и насколько вмешательство было необходимым и соразмерным цели законного использования. Такой подход снижает риск того, что запрет обхода будет применён расширительно и станет инструментом технологического ограничения правомерного доступа, не предусмотренного законом.

Правовая охрана технических мер защиты в цифровой среде представляет собой самостоятельный элемент механизма защиты авторских прав, однако она не может рассматриваться как абсолютная и автономная по отношению к пределам правомерного использования. Нормативная конструкция ст. 1299 ГК РФ, во взаимосвязи с международным стандартом WCT[3] и подходом Директивы 2001/29/ЕС, задаёт общий вектор: запрет обхода направлен на пресечение действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом, и потому требует учёта правомерных оснований использования и механизмов сохранения баланса интересов. Доктрина подчёркивает, что применение ТМЗ должно оцениваться с позиции баланса интересов правообладателя и пользователя, а квалификация действий как обхода ТМЗ предполагает установление нейтрализующего эффекта, затрагивающего защитную функцию, а не любую техническую модификацию. В условиях распространения технологий смешанного назначения ключевым становится оценочный подход: разъяснения Верховного Суда РФ обязывают проверять реальность коммерческого использования решения вне обхода, а доктринальные позиции подчёркивают необходимость учитывать функциональную направленность и фактическую роль технологии в нейтрализации защиты. Предлагаемая оценочная модель, построенная на анализе назначения технологии, коммерческой применимости вне обхода, наличия условий для правомерного использования, эффекта нейтрализации и соразмерности последствий, позволяет повысить предсказуемость квалификации и унифицировать правовую оценку спорных ситуаций, одновременно снижая риск расширительного толкования запрета обхода. В части ответственности применение модели должно сопровождаться индивидуализацией имущественных последствий, поскольку компенсационная конструкция требует соотнесения взыскания с характером нарушения и справедливостью результата, на чём настаивают ведущие представители доктрины в сфере исключительных прав.

Список литературы:

[1] Попович А. А. Технические способы защиты авторских прав в сфере использования цифровых информационных технологий: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2023.

[2] Кирсанов А. Н., Попович А. А. Обеспечение баланса интересов сторон в области применения технических средств защиты авторских прав // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 40–45.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

[4] Мельников О. В. Технические средства защиты авторских прав // Вестник магистратуры. 2018. № 5–2 (80). С. 127–129.

[5] Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (WCT) (Женева, 20 декабря 1996 г.) (подлинный текст) // WIPO Lex. WIPO Lex No. TRT/WCT/001. Ст. 11 (Обязательства в отношении технических мер).

[6] Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе (Directive 2001/29/EC) // Official Journal of the European Communities. 2001. L 167. 22 June. P. 10 et seq. Ст. 6.

[7] Пушков А. М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 38–41.

[8] Павлова Е. А., Калятин В. О., Корнеев В. А., Радецкая М. В., Евстигнеев Э. А., Кольздорф М. А., Туркина А. Е., Спиридонова Н. Б. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Часть 1 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

References:

[1] A. Popovich. Technical methods of copyright protection in the field of digital information technology use: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3. M., 2023.

[2] Kirsanov A. N., Popovich A. A. Ensuring the balance of interests of the parties in the field of the use of technical means of copyright protection// Legal science. 2022. № 11. S. 40-45.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496.

[4] Melnikov O. V. Technical means of copyright protection//Bulletin of magistracy. 2018. № 5–2 (80). S. 127-129.

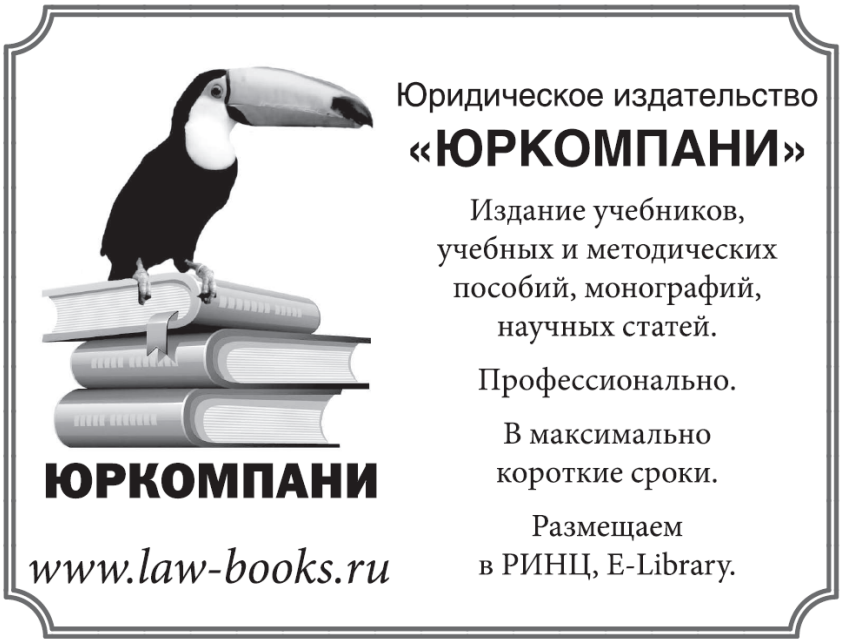
[5] World Intellectual Property Organization Copyright Treaty (WCT) (Geneva, 20 December 1996) (original text)//WIPO Lex. WIPO Lex No. TRT/WCT/001. Art. 11 (Obligations regarding technical measures).

[6] Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society (Directive 2001/29/EC)//Official Journal of the European Communities. 2001. L 167. 22 June. P. 10 et seq. Art. 6.

[7] Pushkov A.M. Problems of copyright protection in the digital environment//IP. Copyright and related rights. 2022. № 1. S. 38-41.

[8] Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Korneev V.A., Radetskaya M.V., Evstigneev E.A., Kolzdorf M.A., Turkina A.E., Spiridonova N.B. Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. Part 1//Journal of the Intellectual Property Court. 2022. № 2 (36). S. 152-190.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 “On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-482-487

СКОПЦОВ Н.А.,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
ORCID: 0009-0007-7867-0441,
e-mail: n.skoptsovv@mail.ru

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Цель. Настоящее исследование направлено на выявление закономерностей трансформации правового регулирования экологической безопасности в области использования атомной энергии. Автор ставит задачу систематизировать этапы развития законодательства и проанализировать современные правовые позиции судебных инстанций, определяющие баланс между промышленным развитием и защитой окружающей среды.*

Методы. В основу работы положен комплексный подход, включающий историко-генетический метод, позволивший реконструировать эволюцию правовых норм, и формально-догматический метод, примененный для анализа федеральных норм и правил в области использования атомной энергии. Эмпирическую базу составили опубликованные материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации за 2010–2025 гг., обобщенные автором. Также использован сравнительно-правовой метод для сопоставления российской таксономии устойчивого развития с международными стандартами.

Результаты. Впервые предложена и научно обоснована авторская периодизация развития правового обеспечения экологической безопасности в атомной отрасли, включающая четыре концептуальных этапа: от периода «государственной монополии на риск» до этапа «интеграции в экономику замкнутого цикла». Проведена систематизация правовых позиций высших судебных инстанций, в результате которой выявлены ключевые принципы: презумпция экологической безопасности при соблюдении технических регламентов и приоритет государственной экспертизы над субъективными оценочными суждениями. Проведен критический анализ соответствия российских норм стандартам Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Выводы. Научная новизна исследования заключается в обосновании тезиса о том, что современное правовое регулирование в атомной отрасли перешло от модели компенсации вреда к модели превентивного управления жизненным циклом ядерных материалов. Сделан вывод о необходимости закрепления в законодательстве дифференцированного подхода к ядерным материалам, направляемым на регенерацию, для устранения их отождествления с радиоактивными отходами в рамках перехода к устойчивому развитию.

Ключевые слова: *ядерная безопасность, охрана окружающей среды, государственное регулирование, устойчивое развитие, радиационный риск, судебная практика, замкнутый ядерный топливный цикл, таксономия устойчивого развития, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.*

SKOPTSOV N.A.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

NUCLEAR ENERGY AND ENVIRONMENTAL PROTECTION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. *Purpose. This study aims to identify the patterns of transformation of the legal regulation of environmental safety in the field of nuclear energy use. The author aims to systematize the stages of legislation development and analyze modern legal positions of judicial instances that determine the balance between industrial development and environmental protection.*

Methods. The work is based on a comprehensive approach, including the historical-genetic method, which allowed reconstructing the evolution of legal norms, and the formal-dogmatic method applied to the analysis of federal norms and rules in the field of nuclear energy use. The empirical base consists of decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation for 2010–2025. A comparative legal method was also used to compare the Russian sustainable development taxonomy with international standards.

Results. For the first time, an original author's periodization of the development of legal support for environmental safety in the nuclear industry is proposed and scientifically substantiated, including four conceptual stages: from the period of "state monopoly on risk" to the stage of "integration into the circular economy." The systematization of legal positions of the highest courts was carried out, as a result of which key principles were identified: the presumption of environmental safety when complying with technical regulations and the priority of state expertise over subjective value judgments. A critical analysis of the compliance of Russian norms with the standards of the International Atomic Energy Agency (IAEA) was carried out.

Conclusions. The scientific novelty of the research lies in substantiating the thesis that modern legal regulation in the nuclear industry has moved from a model of damage compensation to a model of preventive management of the life cycle of nuclear materials. It is concluded that it is necessary to consolidate in legislation a differentiated approach to nuclear materials sent for regeneration to eliminate their identification with radioactive waste as part of the transition to sustainable development.

Key words*: nuclear safety, environmental protection, state regulation, sustainable development, radiation risk, judicial practice, closed nuclear fuel cycle, sustainable development taxonomy, Federal Environmental Industrial and Nuclear Supervision Service.*

1. Introduction / Введение

Правовое обеспечение экологической безопасности при использовании атомной энергии является одной из наиболее динамично развивающихся областей современного права. В условиях глобального изменения климата и необходимости декарбонизации мировой экономики ядерная генерация рассматривается как критически важный инструмент достижения низкоуглеродных целей. Однако правовой статус атомной энергетики остается предметом острых дискуссий, где сталкиваются интересы энергетического суверенитета и экологического консерватизма.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного осмысления того, как правовые механизмы адаптировались к технологическому прогрессу, от первых реакторов военного назначения до современных систем безопасности поколения III+ и инновационных проектов замкнутого ядерного топливного цикла. В данной статье автор анализирует исторический путь развития норм, систематизирует современную судебную практику и предлагает научное видение правового будущего отрасли в контексте таксономии устойчивого развития.

2. Methods / Методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, позволивший рассмотреть правовые институты в их развитии и взаимосвязи. В работе применены:

1. Историко-правовой анализ: изучено свыше 80 нормативных актов СССР и Российской Федерации для построения авторской периодизации.
2. Сравнительно-правовой метод: проведено сопоставление российских Федеральных норм и правил (ФНП) со стандартами безопасности МАГАТЭ (серия Safety Standards Series) и требованиями Регламента ЕС 2020/852 (EU Taxonomy).
3. Метод юридической герменевтики: применен для интерпретации мотивировочных частей решений Верховного Суда Российской Федерации, что позволило выявить скрытые правовые позиции регулятора.
4. Статистический анализ: обработаны данные об экологической эффективности атомной генерации в сравнении с иными видами возобновляемых источников энергии для аргументации раздела Discussion.

3. Results / Результаты

3.1. Авторская периодизация правового регулирования

В ходе исследования автором была разработана и обоснована модель развития атомного права, базирующаяся на смене приоритетов объекта защиты.

Таблица 1. Периодизация развития правового обеспечения экологической безопасности в атомной отрасли
Table 1. Periodization of the Development of Legal Support for Environmental Safety in the Nuclear Industry

Этап	Временной период	Ключевая правовая характеристика
I. Ведомственный (закрытый)	1945 – 1970	Приоритет национальной обороны. Экологические нормы отсутствуют или носят характер внутренних инструкций по радиационной гигиене персонала.
II. Институциональный	1970 – 1986	Выделение атомного права в самостоятельную отрасль. Появление первых международных конвенций. Экология рассматривается как сопутствующий фактор.
III. Защитно-превентивный	1986 – 2011	Формирование концепции «глубокоэшелонированной защиты». Создание независимого регулятора (Ростехнадзор). Принятие базовых ФЗ № 170 и № 174.
IV. Эколого-интеграционный	2011 – н.в.	Внедрение принципов устойчивого развития. Законодательное закрепление статуса ядерной энергетики как «зеленого» актива. Регулирование замкнутого цикла.

Научная новизна данной модели заключается в выделении четвертого этапа, где право перестает быть лишь инструментом ограничения и становится инструментом легитимации отрасли через экологические стандарты.

4. Систематизация правовых позиций судебных инстанций

Анализ судебной практики позволяет выявить ключевые правовые позиции, определяющие подход судов к соотношению экологической безопасности и использования атомной энергии.

4.1 Судебный контроль нормативной базы лицензирования

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает дела об оспаривании нормативных правовых актов, регулирующих безопасность в области использования атомной энергии. В рамках таких дел суд проверяет соответствие ведомственных нормативных актов федеральному законодательству, актам более высокой юридической силы, а также пределам компетенции федеральных органов исполнительной власти.

Так, в решении от 10 февраля 2022 г. № АКПИ21-983 Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о законности нормативного правового акта Ростехнадзора и указал на необходимость его оценки с точки зрения соответствия установленным законодательством требованиям к содержанию и пределам полномочий органа, его принявшего. Данное дело демонстрирует, что судебный контроль распространяется на нормативную базу, регулирующую безопасность объектов, поднадзорных Ростехнадзору.

4.2 Споры о лицензиях на эксплуатацию АЭС: процессуальные ограничения для граждан

Прямые дела об оспаривании решений Ростехнадзора о выдаче лицензий на эксплуатацию атомных электростанций рассматриваются судами общей юрисдикции. Однако ключевой особенностью данной категории споров является наличие процессуальных ограничений, связанных с определением круга надлежащих заявителей.

В определении Басманного районного суда г. Москвы от 6 сентября 2011 г. по делу № 2-2832/11 рассматривалось заявление гражданина о признании незаконным решения Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору о выдаче лицензии на эксплуатацию энергоблока атомной электростанции. Заявитель ссылался на нарушение его

прав на благоприятную окружающую среду, радиационную безопасность и получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также указывал на отсутствие оценки воздействия на окружающую среду при выдаче лицензии.

Суд прекратил производство по делу, указав, что действующее законодательство о лицензировании не предусматривает возможности оспаривания решения о выдаче лицензии по инициативе гражданина, не являющегося надлежащим субъектом соответствующего требования. При этом суд исходил из того, что аннулирование лицензии возможно только по заявлению лицензирующего органа при наличии предусмотренных законом оснований, а права заявителя в рассматриваемой ситуации непосредственно не затрагиваются.

4.3 Правовая позиция о процессуальной легитимации

Сформированный в приведенной практике подход позволяет сделать вывод о том, что в сложившейся судебной практике граждане, как правило, не признаются надлежащими заявителями по требованиям об оспаривании решений лицензирующего органа о выдаче лицензий на эксплуатацию объектов использования атомной энергии. Аннулирование лицензии связывается с инициативой лицензирующего органа и наличием установленных законом оснований.

Данная позиция ограничивает возможности общественного экологического контроля в судебной форме, поскольку проверка соблюдения лицензионных требований в значительной степени относится к компетенции государственного регулятора.

Таким образом, анализ судебной практики выявляет два взаимосвязанных вектора: с одной стороны, суды осуществляют контроль за нормативной базой лицензирования (включая проверку актов Ростехнадзора), с другой — в большинстве случаев отказывают гражданам в признании их надлежащими заявителями при оспаривании конкретных лицензионных решений.

5. Discussion / Обсуждение

5.1. Сравнительный анализ: Российская Федерация и МАГАТЭ

Существует мнение о недостаточном соответствии национальных ФНП международным рекомендациям. Однако детальное сравнение показывает обратное. Например, российские требования к устойчивости атомных электростанций к внешним экстремальным воздействиям (НП-001-15 «Общие положения обеспечения безопасности атомных станций») в ряде положений превосходят стандарты МАГАТЭ серии IAEA Safety Standards Series No. SSR-2/1 (Rev. 1). В частности, в России законодательно закреплена обязанность учитывать сочетание маловероятных событий (например, землетрясение и наводнение одновременно), что стало обязательным в международных стандартах лишь после аварии на АЭС Фукусима-1.

5.2. Таксономия устойчивого развития: РФ vs ЕС

Важнейшим аспектом обсуждения является признание ядерной энергетики «экологически устойчивой». Российская таксономия (Постановление Правительства РФ № 1587) классифицирует атомную энергетику как «зеленую» без дополнительных ограничений по срокам эксплуатации, в то время как европейская таксономия (EU Taxonomy) вводит жесткие временные рамки и требования по глубокому геологическому захоронению отходов к 2050 году. Автор полагает, что российская модель является более реалистичной, так как она стимулирует развитие технологий регенерации ядерного топлива, а именно замкнутый ядерный топливный цикл (ЗЯТЦ), что де-факто снимает проблему накопления отходов.

5.3. Правовой статус отработавшего ядерного топлива

Одной из ключевых коллизий является отождествление в некоторых нормативных актах отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) с радиоактивными отходами. С научной точки зрения, это препятствует внедрению принципов циркулярной экономики. Предлагается законодательно закрепить статус ОЯТ как «ценного энергетического ресурса ограниченного оборота», что потребует изменения подходов к экологическому страхованию и налогообложению.

6. Conclusions / Выводы

1. Научная новизна. В работе впервые систематизирована эволюция атомного права как переход от «безопасности через секретность» к «безопасности через устойчивое развитие». Автором доказано, что правовое регулирование в Российской Федерации сегодня характеризуется превентивностью и глубокой интеграцией технических норм в юридическую ткань.
2. Эффективность контроля. Государственное регулирование, осуществляемое Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору, обеспечивает уровень защиты, соответствующий и в ряде случаев превышающий международные стандарты МАГАТЭ.
3. Судебная доктрина. Сформированная судебная практика подтверждает легитимность «технократического подхода», где соответствие ФНП является ключевым критерием законности деятельности.

4. Рекомендации. Для дальнейшего развития отрасли необходимо:

– Гармонизировать терминологию в части разделения ресурсов и отходов ядерного цикла.
– Разработать упрощенный правовой режим для малых модульных реакторов, сохраняя при этом жесткость экологических барьеров.

Список литературы:

[1] Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. Москва : Норма, 2023. 672 с.

[2] Иойрыш А. И. Концепция атомного права. Москва : Наука, 1988. 350 с.

[3] Выпханова Г. В. Энергетическое право и экологическое право: проблемы и перспективы взаимодействия // Энергетическое право. 2021. № 1. С. 14–22.

[4] Супатаева О. А. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности при использовании атомной энергии // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15, № 2. С. 165–182.

[5] Романова В. В. Актуальные задачи правового обеспечения реализации крупных энергетических проектов // Юрист. 2022. № 5. С. 34–41.

[6] Шуплецова Ю. И. Правовая охрана окружающей среды при использовании атомной энергии // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 132–140.

[7] Каспрова Ю. А. Правовое регулирование обеспечения радиационной безопасности при использовании атомной энергии : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2019. 215 с.

[8] Beyer J. Environmental Law in the Nuclear Sector // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2021. Vol. 39, no. 3. P. 291–315.

[9] Heffron R. J., Ashley M. F. The Role of Nuclear Energy in the Low-Carbon Energy Transition // Environmental Science & Policy. 2023. Vol. 140. P. 118–127.

[10] Pelzer N. Nuclear Law. The Law of the Peaceful Uses of Nuclear Energy // Encyclopedia of Public International Law. 2020. P. 45–62.

[11] Stoiber C. Nuclear Safety and Environmental Protection // Nuclear Law Bulletin. 2019. No. 102. P. 7–28.

[12] Gourion P. Droit de l’énergie et sécurité nucléaire // Revue de droit nucléaire. 2022. No. 4. P. 112–130.

[13] Kim G. J. International Nuclear Law: Evolution of Environmental Standards // Global Law Review. 2024. Vol. 12. P. 45–59.

[14] Miller S., Thompson R. Nuclear Governance in the ESG Era // Sustainability and Energy Law. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 201–215.

[15] Tanaka H. Radioactive Waste Management: Legal Comparison of Japan and Russia // Pacific Energy Journal. 2025. Vol. 3, no. 1. P. 15–30.

[16] Williams T., Chen L. Small Modular Reactors: New Regulatory Challenges for Environmental Law // Energy Policy Review. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 550–568.

[17] Anderson M. Deep Geological Repositories: The International Legal Framework // Environmental Policy and Law. 2023. Vol. 53, no. 1. P. 12–25.

[18] Schmidt F., Weber H. Decommissioning of Nuclear Power Plants: A European Legal Perspective // European Energy and Environmental Law Review. 2025. Vol. 34, no. 2. P. 88–104.

[19] Rossi A. Transition to a Circular Nuclear Economy: Legal and Economic Implications // International Journal of Nuclear Law. 2024. Vol. 10, no. 3. P. 210–235.

[20] Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4552.

[21] Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 39. Ст. 6831.

[22] IAEA Safety Standards Series No. SSR-2/1 (Rev. 1). Safety of Nuclear Power Plants: Design. Vienna : IAEA, 2016. 88 p.

References:

[1] Brinchuk M. M. Environmental law: textbook. Moscow: Norma, 2023. 672 p.

[2] Ioyrysh A.I. The concept of atomic law. Moscow: Science, 1988. 350 s.

[3] G.V. Vypkhanova. Energy Law and Environmental Law: Problems and Prospects of Interaction// Energy Law. 2021. № 1. S. 14-22.

[4] Supataeva O. A. Legal problems of ensuring environmental safety in the use of atomic energy// Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. VOL. 15, NO. 2. S. 165-182.

[5] Romanova V. V. Actual tasks of legal support for the implementation of large energy projects// Lawyer. 2022. № 5. S. 34-41.

[6] Shupletsova Yu. I. Legal protection of the environment in the use of atomic energy//Journal of Russian Law. 2018. № 9. S. 132-140.

[7] Kasprova Yu. A. Legal regulation of radiation safety in the use of atomic energy: dis.... cand. jurid. sciences. Moscow, 2019. 215 pp.

[8] Beyer J. Environmental Law in the Nuclear Sector // Journal of Energy & Natural Resources Law. 2021. Vol. 39, no. 3. P. 291–315.

[9] Heffron R. J., Ashley M. F. The Role of Nuclear Energy in the Low-Carbon Energy Transition // Environmental Science & Policy. 2023. Vol. 140. P. 118–127.

[10] Pelzer N. Nuclear Law. The Law of the Peaceful Uses of Nuclear Energy // Encyclopedia of Public International Law. 2020. P. 45–62.

[11] Stoiber C. Nuclear Safety and Environmental Protection // Nuclear Law Bulletin. 2019. No. 102. P. 7–28.

[12] Gourion P. Droit de l'énergie et sécurité nucléaire // Revue de droit nucléaire. 2022. No. 4. P. 112–130.

[13] Kim G. J. International Nuclear Law: Evolution of Environmental Standards // Global Law Review. 2024. Vol. 12. P. 45–59.

[14] Miller S., Thompson R. Nuclear Governance in the ESG Era // Sustainability and Energy Law. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 201–215.

[15] Tanaka H. Radioactive Waste Management: Legal Comparison of Japan and Russia // Pacific Energy Journal. 2025. Vol. 3, no. 1. P. 15–30.

[16] Williams T., Chen L. Small Modular Reactors: New Regulatory Challenges for Environmental Law // Energy Policy Review. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 550–568.

[17] Anderson M. Deep Geological Repositories: The International Legal Framework // Environmental Policy and Law. 2023. Vol. 53, no. 1. P. 12–25.

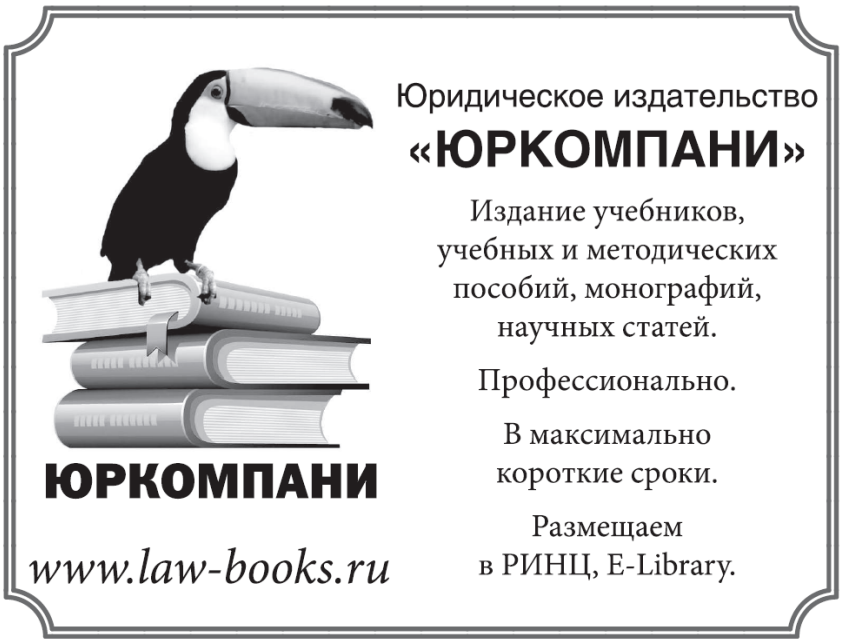
[18] Schmidt F., Weber H. Decommissioning of Nuclear Power Plants: A European Legal Perspective // European Energy and Environmental Law Review. 2025. Vol. 34, no. 2. P. 88–104.

[19] Rossi A. Transition to a Circular Nuclear Economy: Legal and Economic Implications // International Journal of Nuclear Law. 2024. Vol. 10, no. 3. P. 210–235.

[20] Federal Law of 21.11.1995 No. 170-FZ "On the Use of Atomic Energy "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Art. 4552.

[21] Decree of the Government of the Russian Federation of 21.09.2021 No. 1587 "On Approval of Criteria for Sustainable Development Projects in the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 39. Art. 6831.

[22] IAEA Safety Standards Series No. SSR-2/1 (Rev. 1). Safety of Nuclear Power Plants: Design. Vienna : IAEA, 2016. 88 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-488-490

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: eva.mats@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук,
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: olbyk75@mail.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
e-mail: lopaeva77@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель,
Уральский государственный аграрный университет,
кафедра философии,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук,
Уральский государственный аграрный университет,
доцент кафедры философии,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ НА БИООРАЗНООБРАЗИЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы биорзнаобразия, его значимость и причины сохранения. На сегодняшний день весьма актуальной среди ученых является проблема сохранения биоразнообразия в связи с активной деятельностью человека. Утрата биоразнообразия проявляется в виде сокращения или полной утраты разнообразия видов растений и животных. Сохранение биологического разнообразия отражено в различных Конвенциях, Программах и Списках различного уровня, среди них наиболее значима Международная Конвенция о торговле видами дикой фауны и флоры.*

Ключевые слова: *биоразнообразие, нормативная база, деятельность человека, глобальные проблемы, угрозы, сохранение биоразнообразия, парки.*

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

RAZHINA Eva Valerievna,
Candidate of Biological Sciences,
Ural State Agrarian University
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences,
Ural State Agrarian University
Professor of the Department of Biotechnology
and Food Products

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products

SINKO Vera Nikolaevna,
Senior Lecturer,
Ural State Agrarian University Department of Philosophy

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Philosophy

THE IMPACT OF ANTHROPOGENIC FACTORS ON BIODIVERSITY

Annotation*. The article discusses the issues of biodiversity, its significance, and the reasons for its preservation. Today, the problem of biodiversity conservation is highly relevant among scientists due to human activities. The loss of biodiversity manifests itself in the form of a decrease or complete loss of plant and animal species diversity. The preservation of biological diversity is reflected in various Conventions, Programs, and Lists at different levels, with the International Convention on Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora being the most significant.*

Key words*: biodiversity, regulatory framework, human activities, global problems, threats, biodiversity conservation, parks.*

Понятие «биоразнообразие» получило распространение в 1980 году. Широко применяемое в фундаментальных и прикладных исследованиях биологии, а также в сфере использования биологических ресурсов, оно стало неотъемлемой частью природоохранного движения. Это развитие было обусловлено осознанием исключительности каждого биологического вида и насущной потребностью в сохранении всего многообразия живых организмов ради обеспечения устойчивого развития биосферы и человечества. Необходимо для поддержания жизни на Земле и устойчивого развития экосистем. В связи с этим основной задачей, стоящей перед учеными, является сохранение глобального биоразнообразия путем реализации ряда мероприятий, которые будут направлены на борьбу с угрозами, связанными с антропогенным воздействием на окружающую среду [1].

По данным ученых, биоразнообразие для общества имеет большое значение не только с экологической точки зрения. «Сохранение биоразнообразия — это не только защита окружающей среды, но и важнейшая задача в области глобальной охраны окружающей среды» [2].

В результате деятельности человека происходят необратимые процессы в природной среде, которые сказываются на биоразнообразии, что влечет за собой исчезновение видов и популяций, деградацию экосистем, а также утрату генетического и экологического потенциала. По мнению ученых, основными причинами изменения биоразнообразия являются: загрязнение окружающей природной среды, рост населения, изменение климата и многое другое — все эти факторы наносят значительный урон биологическому разнообразию [3].

Основными угрозами, наносящими вред биоразнообразию, являются антропогенные факторы: разрушение и загрязнение среды обитания, изменение климата. Они приводят к ухудшению состояния экосистем, уменьшению численности

видов и утрате генетического разнообразия. Защита биологического разнообразия флоры и фауны основана на нормативной базе. Для защиты и сохранения биологического разнообразия используют конвенции, программы и т. д. Наиболее значимой считается Международная конвенция о торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Convention on International Trade in Endangered Species, CITES), которая берет свое начало в 1973 г. вместе с Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В Конвенции указаны 675 видов животных и растений, торговля которыми запрещена. По данным Малаевой Е. В. (2022), к растительным видам отнесены орхидеи, саговники, кактусы, папоротники, насекомоядные растения и большое количество разнообразных видов древесных растений [2, 4].

Исследования Малаевой Е. В. подтверждают и другие ученые. Так, по данным Черятовой Ю. С., изменение климата, вызванное антропогенной нагрузкой, приводит к изменению произрастания растительности, что влечет за собой смену растительных формаций и изменяет растительный покров. Как итог — непрерывный естественный отбор растений, вызывающий изменение фитоценоза [5].

Природные ареалы и связанные с ними сообщества служат фундаментом для сохранения многообразия форм жизни. Защита этих территорий способствует поддержанию генетического фонда, укреплению стабильности природных систем и обеспечению их функциональности, приносящей пользу. Реабилитация подорванных экосистем — ключевой аспект природоохранной деятельности, направленной на сохранение биоразнообразия. Для достижения этой цели применяются разнообразные подходы, включая реинтродукцию представителей флоры и фауны, восстановление растительного покрова и режима водотоков. Активное участие добровольцев и просветительские кампании играют существенную роль в формировании осознанности о важности биоразнообразия и активизации участия общественности в его охране. Во многих частях планеты уже реализованы успешные инициативы и проекты по укреплению биоразнообразия, в частности, создание заповедников, восстановление природных ландшафтов и просветительские программы [6].

Таким образом, обеспечение биологического разнообразия в контексте демографического роста и климатических изменений является непростой задачей. Среди основных трудностей можно выделить потребность в корректировке природоохранных стратегий с учетом меняющихся условий, разработку передовых технологий для восстановления экосистем и повышение уровня информированности населения.

Список литературы:

[1] Стратегии сохранения биоразнообразия территорий разного масштаба (к 20-летию Национальной стратегии сохранения биоразнообразия России) / Г. С. Розенберг, А. В. Васильев, Л. М. Кавеленова [и др.] // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2021. № 3(167). С. 44-51.

[2] Ларионова И. С., Адаев Н. Л., Чураев А. Г. Проблемы сохранения биоразнообразия в свете глобальных климатических угроз // Индустриальная экономика. 2023. № 1. С. 84-91.

[3] Nonić M., Milovanović M., Šijačić-Nikolić M. Conservation of biodiversity and forest genetic resources in Serbia // Сибирский лесной журнал. 2020. No. 4. P. 30-34.

[4] Малаева Е. В. Биотехнология как современный метод сохранения биоразнообразия // Грани познания. 2022. № 3(80). С. 17-19.

[5] Черятова Ю. С. Значение мониторинга биоразнообразия в вопросах сохранения экосистем Земли /// Биосферное хозяйство: теория и практика. 2024. № 8(73). С. 65-70/

[6] Худякова, Л. С. Сохранение биоразнообразия и экосистем - новый приоритет в зеленой повестке // Международная экономика. 2023. № 11. С. 813-823.

References:

[1] Strategies for the conservation of biodiversity of territories of various sizes (on the 20th anniversary of the National Strategy for the Conservation of Biodiversity of Russia)/G. S. Rosenberg, A. V. Vasiliev, L. M. Kavelenova [et al.]//Use and protection of natural resources in Russia. 2021. № 3(167). S. 44-51.

[2] Larionova I. S., Adaev N. L., Churaev A. G. Problems of biodiversity conservation in the light of global climate threats//Industrial economy. 2023. № 1. S. 84-91.

[3] Nonić M., Milovanović M., Šijačić-Nikolić M. Conservation of biodiversity and forest genetic resources in Serbia // Сибирский лесной журнал. 2020. No. 4. P. 30-34.

[4] Malaeva E.V. Biotechnology as a modern method of biodiversity conservation//Faces of knowledge. 2022. № 3(80). S. 17-19.

[5] Yu. S. Cheryatova. The Importance of Biodiversity Monitoring in the Conservation of Earth's Ecosystems///Biosphere Management: Theory and Practice. 2024. № 8(73). S. 65-70/

[6] Khudyakova, L. S. The preservation of biodiversity and ecosystems is a new priority on the green agenda//International Economy. 2023. № 11. S. 813-823.

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-491-495
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

РАЗРАБОТКА УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОМПЬЮТЕРНЫМ ИНЦИДЕНТАМ ДЛЯ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В работе авторы рассматривают образовательный процесс на курсах повышения квалификации по направлению информационная безопасность. Определены особенности разрабатываемой программы. Авторы определили исходя из актуальных угроз тематику занятий, порядок и последовательность их проведения. В статье приводится краткое описание каждого тематического образовательного периода. Выделена целевая аудитория и определены целевые умения, на формирование которых направлено обучение. Авторы уделяют большое внимание практическим занятием при освоении курса.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, учебная программа, обучение сотрудников, угрозы, инцидент.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution
Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

DEVELOPMENT OF A TRAINING PROGRAM TO IDENTIFY AND COUNTERING COMPUTER INCIDENTS FOR REFRESHER COURSES

Annotation. *In the work, the authors consider the educational process in continuing education courses in the field of information security. The features of the developed program are determined. The authors determined the topic of classes, the order and sequence of their conduct based on current threats. The article provides a brief description of each thematic educational period. The target audience has been identified and the target skills for the formation of which the training is aimed are determined. The authors pay great attention to the practical lesson in mastering the course.*

Key words: *information security, curriculum, employee training, threats, incident.*

Разработка учебной программы по информационной безопасности для курсов повышения квалификации требует глубокого знания предметной области и современного её состояния, а также знать, уметь и владеть педагогическими приемами и методами, направленными на эффективное обучение за ограниченное время. Отличительной особенностью всех курсов повышения квалификации от классического обучения по программам высшей школы является ограниченный промежуток времени в который необходимо уложить актуальные очищенные от лишней академичности знания, при этом не скатываясь к сухому изложению информации и развитию навыков без осознания материала, а наоборот формируя опережающее эвристическое понимание проблем информационной безопасности.

Рассмотрим программу повышения квалификации по направлению Информационная безопасность с названием «Выявление и противодействие компьютерным инцидентам». Данное направление нацелено на системных администраторов, администраторов безопасности, сотрудников занимающихся обработкой инцидентов и других сотрудников ИТ отделов, занимающихся защитой информации, реагированием на атаки и угрозы.

Интернет полон мощных хакерских утилит, и злоумышленники широко их используют. Если в организации есть подключение к Интернету и один или два недовольных сотрудника, то информационная система гарантированно будет атакована. Начиная с единичных проверок интернет-инфраструктуры организации до сотен в день и злонамеренного инсайдера, злоумышленники медленно и скрытно проникают в самые важные информационные ресурсы, минуя системы защиты и обнаружения. Для противодействия этим вторжениям обучающиеся должны понимать инструменты и методы взлома компьютерных сетей. Они должны детально понимать тактику и стратегию злоумышленников, и для этого недостаточно теоретических занятий необходим практический опыт поиска уязвимостей и обнаружения вторжений, а также осознание комплексного плана обработки инцидентов. В нем рассматриваются последние передовые коварные векторы атак, классические атаки, которые все еще распространены, и достаточно часто встречаются. Эффективность обучения по данному направлению как ни с каким другим тесно переплетается с практическими занятиями. «Теория, мой друг, суха, / Но зеленеет жизни древо» (Из трагедии «Фауст» (ч. I, сцена IV) Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832), перевод Бориса Пастернака). Вместо того, чтобы просто учить нескольким приемам хакерской атаки, эффективен пошаговый процесс реагирования на компьютерные инциденты и подробное описание того, как злоумышленники взламывают системы, чтобы системный администратор мог подготовиться, обнаружить и противостоять атакам. Отдельным направлением является рассмотрение правовых вопросов, связанных с реагированием на компьютерные атаки, включая мониторинг сотрудников, взаимодействие с правоохранительными органами и сбор и сохранение доказательств. Апогеем обучения по этой программе будет наличие знаний и умений, позволяющих обнаружить брешь в системе информационной безопасности организации раньше злоумышленников и устранить их.

Примерная программа может иметь вид.

ДЕНЬ 1: Пошаговое расследование инцидентов и расследование компьютерных преступлений

В этом разделе рассматривается пошаговая модель обработки инцидентов, которая была отработана на практике с участием опытных специалистов по обработке инцидентов и доказала свою эффективность в сотнях организаций. Этот раздел предназначен для того, чтобы предоставить обучающимся полное погружение в процесс обработки инцидентов, используя шесть этапов (подготовка, идентификация, локализация, уничтожение, восстановление и извлеченные опыта), необходимых для подготовки к компьютерному инциденту и борьбы с ним. Во второй части этого раздела рассматриваются практические примеры из практики. В этом разделе представлена информация о шагах, которые может предпринять системный администратор для повышения шансов на поимку и преследование злоумышленников.

ДЕНЬ 2: Компьютерные и сетевые хакерские атаки (часть 1).

На первый взгляд безобидная утечка данных из сети организации может дать ключ, необходимый злоумышленнику для взлома системы. Этот однодневный курс охватывает первые две фазы многих компьютерных атак связанные с разведкой и сканированием.

ДЕНЬ 3: Компьютерные и сетевые хакерские атаки (часть 2).

Компьютерные злоумышленники постоянно совершенствуют свои методыи по-новому атакуют сети и системы. Этот день посвящен третьей фазе многих хакерских атак - получение доступа. Злоумышленники используют различные стратегии для перехода систем от уровня сети до уровня приложения. В этом разделе подробно рассматривают атаки, от переполнения буфера и методов форматной строковой атаки до перехвата сеансов предположительно безопасных протоколов.

ДЕНЬ 4: Компьютерные и сетевые хакерские атаки (часть 3).

Этот учебный день начинается с изучения одной из любимых техник злоумышленников для взлома систем: червей. Рассматривается эволюция червей за последние два года и экстраполяция этого процесса в будущее для анализа грядущих суперчервей, с которыми в будущем можно столкнуться. Обучение плавно переходит к веб-приложениям, часто используемым злоумышленниками. Поскольку самодельные веб-приложения большинства организаций используют открытое программное обеспечение, злоумышленники внедряют SQL запросы, осуществляют межсайтовый скриптинг, клонируют сеансы и множество других механизмов.

ДЕНЬ 5: Компьютерные и сетевые хакерские атаки (Часть 4).

Этот день обучения охватывает четвертый и пятый этапы многих хакерских атак: поддержание доступа и отслеживание следов. Компьютерные злоумышленники устанавливают черные ходы, применяют руткиты, а иногда даже манипулируют самим ядром системы, чтобы скрыть свои преступные следы. Каждая из этих категорий инструментов требует специальной защиты для базовой системы. В этот день рассматриваются наиболее часто используемые образцы вредоносного кода, а также обсуждаются будущие тенденции развития вредоносных программ, в том числе возможности вредоносного ПО на уровне BIOS и комбинированные вредоносные программы.

ДЕНЬ 6: Мастерская хакерских инструментов.

За прошедшие годы индустрия безопасности стала умнее и эффективнее противостоять хакерам. К сожалению, хакерские инструменты становятся умнее и сложнее. Один из наиболее эффективных способов остановить врага - это на самом деле проверить окружение с помощью тех же инструментов и тактик, которые атакующий может использовать против вас. Этот семинар позволит обучающимся применить на практике то, чему они научились за пройденный курс.

По окончанию обучения слушатели должны уметь:

– Для защиты корпоративной среды применять углубленные процессы обработки инцидентов, включая подготовку, идентификацию, локализацию, ликвидацию и восстановление.
– Проанализировать структуру общих методов атак, чтобы оценить распространение атакующего по системе и сети, предвидя и предотвращая дальнейшую активность атакующего.
– Использовать инструменты и доказательства для определения типа вредоносных программ, используемых в атаке, включая руткиты, трояны и бэкдоры, выбирая соответствующие средства защиты и тактику реагирования для каждого из них.
– Использовать встроенные средства командной строки, такие как Windows tasklist, wmic и reg, а также Linux netstat, ps и lsof, чтобы обнаружить присутствие злоумышленника на компьютере.
– Анализировать таблицы ARP маршрутизатора и системы вместе с таблицами CAM коммутатора для отслеживания активности злоумышленника по сети и идентификации подозреваемого.
– Использовать дампы памяти и инструмент Volatility для определения действий злоумышленника на компьютере, установленного вредоносного ПО и других вычислительных машин, которые злоумышленник использовал в качестве опорных точек в сети.
– Получать доступ к целевой машине с помощью Metasploit, а затем обнаруживать артефакты и последствия эксплуатации с помощью анализа процессов, файлов, памяти и журналов.
– Проанализировать систему, чтобы увидеть, как злоумышленники используют инструмент Netcat для перемещения файлов, создания бэкдоров и создания ретрансляторов в целевой среде.
– Запустить сканер портов Nmap и сканер уязвимостей Nessus, чтобы найти дыры в целевых системах, и применить такие инструменты, как tcpdump и netstat, для обнаружения и анализа последствий сканирования.

Список литературы:

[1] Вилкова, А. В. Проблемы непрерывного обучения персонала информационной безопасности / А. В. Вилкова,В. М. Литвишков, Б. А. Швырев // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 29–31.

[2] James Governor, Dion Hinchcliffe, Duane Nickull. Web 2.0 Architectures: What Entrepreneurs and Information Architects Need to Know. — O'Reilly, 2009. — 276 p. — ISBN 978-0596514433.

[3] Amy Shuen. Web 2.0: A Strategy Guide. — O'Reilly, 2008. — 272 p. — ISBN 978-0-596-52996-3.

[4] Bernd W. Wirtz et al. Strategic Development of Business Models (англ.) // Long Range Planning. — 2010. — Vol. 43, no. 2-3. — P. 272-290. — ISSN 0024-6301. — doi:10.1016/j.lrp.2010.01.005. Архивировано 5 ноября 2012 года.

[5] Jones, B. Web 2.0 Heroes: Interviews with 20 Web 2.0 Influencers. — Wiley, 2008. — 273 p. — ISBN 9780470241998.

[6] Skudalova, O. V. Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development /O. V. Skudalova et al. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, no. 8.– Pp. 2996–3002.

[7] Pedley, D. Understanding the UK cyber security skills labour market / D. Pedley, D. McHenry, H. Motha, J. Shah.– URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf

[8] Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a callfor views, Executive Summary. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executive-summary.

[9] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[10] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[11] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[16] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

References:

[1] Vilkova, A. V. Problems of continuous training of information security personnel/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov, B. A. Shvyrev//World of Science, Culture, Education. – 2019. – № 4 (77). –S. 29-31.

[2] James Governor, Dion Hinchcliffe, Duane Nickull. Web 2.0 Architectures: What Entrepreneurs and Information Architects Need to Know. — O'Reilly, 2009. — 276 p. — ISBN 978-0596514433.

[3] Amy Shuen. Web 2.0: A Strategy Guide. — O'Reilly, 2008. — 272 p. — ISBN 978-0-596-52996-3.

[4] Bernd W. Wirtz et al. Strategic Development of Business Models (англ.) // Long Range Planning. — 2010. — Vol. 43, no. 2-3. — P. 272-290. — ISSN 0024-6301. — doi:10.1016/j.lrp.2010.01.005. Archived 5 November 2012 at the Wayback Machine.

[5] Jones, B. Web 2.0 Heroes: Interviews with 20 Web 2.0 Influencers. — Wiley, 2008. — 273 p. — ISBN 9780470241998.

[6] Skudalova, O. V. Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development /O. V. Skudalova et al. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, no. 8.– Pp. 2996–3002.

[7] Pedley, D. Understanding the UK cyber security skills labour market / D. Pedley, D. McHenry, H. Motha, J. Shah.– URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf

[8] Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a callfor views, Executive Summary. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executivesummary.

[9] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[10] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[11] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

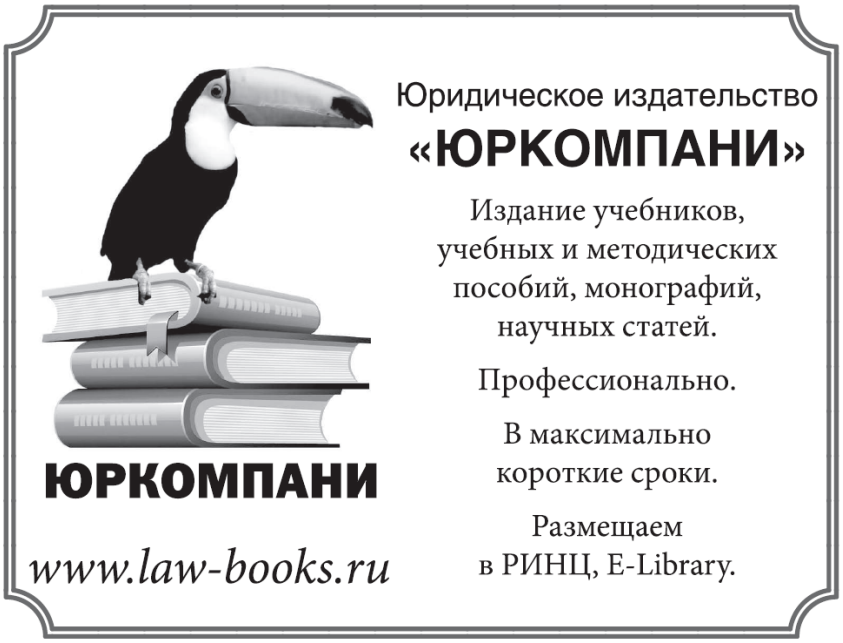
[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[16] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-496-500

ВАСИЛЬЕВ Роман Викторович,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
старший преподаватель кафедры техносферной и
экологической безопасности Уральского государственного
аграрного университета, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБУЧЕНИЕ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МЧС РОССИИ ОКАЗАНИЮ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация*. В статье рассматриваются теоретические и практические основания обучения курсантов вузов МЧС России оказанию первой помощи как важнейшему компоненту их профессиональной подготовки. Подчеркивается, что первая помощь в деятельности сотрудников МЧС России выступает не как вспомогательный, а как системообразующий элемент профессиональной компетентности, непосредственно связанный с сохранением жизни и здоровья пострадавших до этапа оказания квалифицированной медицинской помощи.*

Ключевые слова*: первая помощь, курсанты, профессиональная подготовка, педагогические подходы, практические навыки.*

VASILIEV Roman Viktorovich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg,
Senior Lecturer at the Department
of Technosphere and Environmental Safety
of the Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

FIRST AID TRAINING FOR UNIVERSITY CADETS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS: PEDAGOGICAL APPROACHES AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation*. The article discusses the theoretical and practical foundations of teaching first aid to university cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia as an essential component of their professional training. It is emphasized that first aid in the activities of EMERCOM employees does not act as an auxiliary, but as a system-forming element of professional competence, directly related to the preservation of life and health of victims before the stage of providing qualified medical care.*

Key words: *first aid, cadets, professional training, pedagogical approaches, practical skills.*

Современный этап развития системы высшего образования в силовых и ведомственных вузах России характеризуется усилением внимания к качеству профессиональной подготовки специалистов и в том числе таких чья профессиональная деятельность связана с тушением пожаров и проведением аварийно-спасательных работ, а также ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций. В связи с этим особое значение приобретает обучение курсантов вузов МЧС России оказанию первой помощи, поскольку именно от уровня сформированности соответствующих знаний, умений и навыков во многом будет зависит эффективность выполнения профессиональных задач дальнейшей службы.

Кроме того, актуальность рассматриваемой проблемы определяется следующими факторами. Во-первых, сотрудники МЧС России регулярно сталкиваются с последствиями дорож-

но-транспортных происшествий, пожаров, техногенных аварий, обрушений, природных катастроф и иных экстремальных событий, в которых пострадавшие нуждаются в немедленной первой помощи. В таких обстоятельствах время становится критически значимым ресурсом: первые минуты после получения травмы, кровотечения, остановки дыхания или сердечной деятельности нередко определяют исход для пострадавшего. Следовательно, выпускник вуза МЧС России должен быть подготовлен не только к проведению аварийно-спасательных работ, но и к быстрому, грамотному, безопасному и психологически устойчивому оказанию первой помощи. Во-вторых, специфика служебной деятельности сотрудников МЧС России предполагает выполнение профессиональных задач в сложной и динамичной обстановке и первая помощь пострадавшим оказывается в условиях дефицита времени, ограниченности необходимого оборудования для оказания помощи, наличия внешних угроз, большого числа пострадавших и высокого уровня психоэмоциональной нагрузки. Это означает, что традиционная передача теоретических знаний без достаточной практической отработки оказывается недостаточной. В-третьих, проблема обучения оказанию первой помощи носит междисциплинарный характер. С одной стороны, требуется обеспечить усвоение нормативно закрепленных алгоритмов оказания первой помощи. С другой стороны, необходимо сформировать у обучающихся способность адаптировать свои действия к конкретной ситуации, учитывать характер повреждений, соблюдать приоритет собственной безопасности и взаимодействовать в составе подразделения. Таким образом, речь идет не только о предметном обучении, но и о построении особой образовательной среды, максимально приближенной к условиям будущей профессиональной деятельности.

Следует подчеркнуть, что подготовка курсантов вузов МЧС России по вопросам оказания первой помощи не может рассматриваться как отдельный компонент подготовки, а является важной частью их профессионального развития. Она должна осваиваться во взаимосвязи со служебными задачами, нормами безопасности, психологической готовностью, знанием правовых основ и способностью выполнять различные задачи в условиях чрезвычайных ситуаций. Поэтому первая помощь в системе подготовки будущих специалистов МЧС России должна рассматривается комплексно: как учебная дисциплина, как совокупность практических умений и как значимый элемент профессионального поведения [1].

По мнению В.А. Балабанова, обучение курсантов в вузах МЧС России навыкам оказания первой помощи следует рассматривать как одно из ключевых направлений профессиональной подготовки, поскольку именно оно непосредственно связано с основной задачей пожарно-спасательных подразделений, способствующая снижению количества пострадавших и погибших при чрезвычайных ситуациях. Ученый отмечает, что данная подготовка не может ограничиваться только изучением алгоритмов первой помощи, а должна также обеспечивать развитие психологической готовности к эффективным действиям в условиях стресса и экстремального воздействия.

Е.К. Ильина, О.К. Дюкарева, К.А. Гирченко отмечают, что наибольшая эффективность обучения оказанию первой помощи достигается при сочетании теоретической подготовки с практико-ориентированными методами обучения, направленными не только на усвоение знаний, но и на готовность применять их в реальных условиях [3].

Д.Е. Опарин отмечает, что высокая смертность при пожарах обусловливает особую значимость грамотного и своевременного оказания первой помощи пострадавшим непосредственно на месте происшествия. Автор подчеркивает, что первая помощь в чрезвычайных ситуациях должна осуществляться по четкому алгоритму, включающему оценку обстановки, обеспечение безопасности спасателя и пострадавшего, проверку сознания и признаков жизни, проведение сердечно-легочной реанимации, остановку кровотечения, иммобилизацию, наложение повязок, мониторинг состояния пострадавшего и его последующую передачу медицинским работникам. При этом, знание алгоритма должно обязательно сопровождаться практической отработкой навыков на тренировочных средствах [4].

А.А. Карапузиков и Н.П. Мураев отмечают, что ожоги относятся к числу травм, требующих незамедлительного и компетентного вмешательства, а качество первой помощи во многом определяет успешность последующего лечения и восстановления пострадавшего. Авторы подчеркивают, что выбор мер первой помощи зависит от степени и глубины ожогового поражения. Кроме того, исследователи указывают на необходимость дальнейшего совершенствования средств и методов оказания первой помощи при ожогах [5].

С.А. Мухина, М.Н. Гаврилова, О.В. Полозова и И.С. Зимина отмечают, что обучение оказанию первой помощи должно строиться с учетом методических противоречий, существующих в специ-

ализированных источниках, и ориентироваться на так называемый «диалог методик», предполагающий сопоставление и адаптацию различных подходов. Авторы подчеркивают, что нормативно-правовые акты задают общее направление разработки методики обучения, однако не решают в полной мере практические вопросы формирования навыков. По мнению исследователей, целесообразно делать акцент на обучении с использованием подручных средств, поэтапном освоении отдельных элементов первой помощи, а также на детализации механизмов повреждений, травм и действий по предотвращению или минимизации их последствий. Кроме того, авторы указывают на необходимость создания открытой и легко модернизируемой информационной базы, которую можно адаптировать под особенности конкретной целевой аудитории [6].

Научно-педагогический анализ показывает, что эффективность обучения оказанию первой помощи во многом определяется выбором методологических оснований образовательного процесса. Одним из базовых в данном случае выступает компетентностный подход, ориентирующий образовательную систему не только на усвоение теоретической информации, но и на достижение измеримого результата, выражающегося в способности курсанта действовать в реальной или моделируемой чрезвычайной ситуации. В логике компетентностного подхода важным становится не сам факт знания алгоритма сердечно-легочной реанимации, остановки наружного кровотечения или обеспечения проходимости дыхательных путей, а умение своевременно распознать критическое состояние пострадавшего, принять решение, выбрать адекватную последовательность действий и реализовать ее с учетом конкретных условий обстановки.

Наряду с этим существенное значение имеет деятельностный подход, в рамках которого обучение строится через выполнение практических действий, решение ситуационных задач, моделирование профессионально значимых эпизодов и многократную отработку алгоритмов. Данный подход особенно важен применительно к подготовке курсантов МЧС России, поскольку в реальной служебной деятельности необходима не только информированность, но и операциональная готовность к действию. Именно поэтому практико-ориентированное обучение позволяет обеспечить переход от знания к действию, от понимания к устойчивому навыку, от учебной ситуации к профессиональной.

Значимым представляется и контекстный подход, предполагающий приближение содержания, методов и организационных форм обучения к условиям будущей профессиональной деятельности [7]. Его реализация в подготовке курсантов требует включения в образовательный процесс сценариев, отражающих специфику работы пожарно-спасательных подразделений: оказание первой помощи при эвакуации пострадавших из зоны задымления, при политравме после дорожно-транспортного происшествия, при термических поражениях, при воздействии опасных факторов среды, шума, неблагоприятных погодных факторов и психоэмоционального напряжения. Применение контекстного подхода делает обучение более осмысленным, повышает учебную мотивацию курсантов и способствует формированию переноса усвоенных умений в профессиональную деятельность.

Важное значение в подготовке курсантов имеет симуляционное обучение. Применение специальных манекенов, тренажеров, учебных симуляторов и средств имитации травм обеспечивает условия для многократной, управляемой и безопасной отработки необходимых практических действий. Достоинством использования такого оборудования является возможность постепенно формировать необходимые навыки от первоначального освоения алгоритма до выполнения сложных задач обстановке, близкой к реальной. При этом курсанты не только учатся действовать правильно, но и понимают, к каким последствиям могут привести допущенные ими ошибки, что будет способствовать развитию у них профессиональной ответственности.

Обучение оказания первой помощи требует не только знания приемов, но и психологической готовности действовать в стрессовой ситуации. В экстремальной ситуации пострадавший может находиться в тяжелом состоянии, проявлять выраженный болевой синдром, паническое поведение, а сама обстановка может сопровождаться угрозой повторного поражения, большим количеством раздражителей и необходимостью быстрого принятия решений. В подобных условиях курсант должен сохранять самообладание, действовать последовательно и не утрачивать способности к оценке обстановки. Следовательно, педагогическая модель обучения первой помощи должна включать элементы стресс-подготовки, формирование навыков саморегуляции, развитие устойчивости внимания, способности к распределению задач и взаимодействию в команде.

Практические аспекты организации обучения курсантов вузов МЧС России оказанию первой помощи предполагают необходимость соблюдения ряда дидактических условий. Во-первых, обучение должно носить систематический и поэ-

тапный характер. Недостаточно включить в образовательную программу единичный учебный модуль: формирование устойчивых навыков требует повторяемости, усложнения задач, возврата к ключевым алгоритмам на разных этапах подготовки. Во-вторых, необходимо сочетание теоретического объяснения с немедленной практической отработкой. Теоретический материал должен выступать основой для практического действия, а не самоцелью. В-третьих, обязательным условием является объективный контроль сформированности умений, включающий не только тестирование знаний, но и оценку точности, скорости, последовательности и безопасности действий в симулированных условиях.

Не менее важным является вопрос мотивации обучающихся. Для курсантов вузов МЧС России первая помощь не должна восприниматься как второстепенная дисциплина по отношению к специальным дисциплинам в системе профессиональной подготовке. Напротив, осознание ее прямой связи с сохранением жизни и здоровья людей, а также с обеспечением профессиональной результативности должно становиться устойчивым мотивирующим фактором. Формированию такой мотивации способствует включение в образовательный процесс анализа реальных профессиональных случаев, разбор типичных ошибок, обсуждение последствий несвоевременной или неправильной помощи, а также акцент на социальной и нравственной значимости деятельности спасателя.

Таким образом, обучение курсантов вузов МЧС России оказанию первой помощи следует рассматривать как комплексную педагогическую задачу, решение которой возможно при опоре на компетентностный, деятельностный, контекстный и симуляционный подходы. Практическая эффективность такой подготовки обеспечивается системностью обучения, междисциплинарной интеграцией, регулярной отработкой навыков, включением стрессовых компонентов, а также применением современных образовательных технологий. В конечном счете качество подготовки в данной области определяет не только уровень профессиональной компетентности будущего сотрудника МЧС России, но и его способность в критический момент сохранить человеческую жизнь, что придает рассматриваемой проблеме особую социальную, профессиональную и педагогическую значимость.

Список литературы:

[1] Васильев, Р. В. Современные методы оказания первой помощи пострадавшим на пожарах / Р. В. Васильев // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 654-657. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-654-657. – EDN SVZHWA.

[2] Балабанов, В. А. Опыт подготовки обучающихся в вузе МЧС России к оказанию первой помощи пострадавшим в чрезвычайной ситуации / В. А. Балабанов // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 17. – С. 27-32. – EDN TXNYPF.

[3] Ильина, Е. К. Обучение учащихся к оказанию первой помощи в чрезвычайных ситуациях: теоретическое обоснование проблемы / Е. К. Ильина, О. К. Дюкарева, К. А. Гирченко // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 6-1(11). – С. 20-22. – EDN XYGGSR.

[4] Опарин, Д. Е. Алгоритм оказания первой помощи при чрезвычайных ситуациях / Д. Е. Опарин // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 мая 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 9-11. – EDN IPPJKZ.

[5] Карапузиков, А. А. Оказание первой помощи пострадавшим при ожогах / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Государство, общество, личность: история и современность : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 23–24 апреля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 160-163. – EDN MGSXHB.

[6] Методические особенности обучения студентов оказанию первой помощи / С. А. Мухина, М. Н. Гаврилова, О. В. Полозова, И. С. Зимина // Вестник Марийского государственного университета. – 2020. – Т. 14, № 4(40). – С. 424-430. – DOI 10.30914/2072-6783-2020-14-4-424-430. – EDN NBKDBK.

[7] Роль компетентностного и контекстного подходов в повышении мотивации при изучении специальных дисциплин ВУЗов МЧС России / А. А. Карапузиков, Т. Ф. Гайнуллин, А. А. Кузьменко, А. Д. Низяков // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 2(91). – С. 220-223. – EDN NSLQFY.

References:

[1] Vasiliev, R.V. Modern methods of first aid to victims of fires/R.V. Vasiliev//Education and law. – 2025. – № 12. - S. 654-657. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-654-657. – EDN SVZHWA.

[2] Balabanov, V. A. Experience in preparing students at the EMERCOM of Russia to provide first aid to victims in an emergency/V. A. Balabanov//Priority scientific areas: from theory to practice. – 2015. – № 17. - S. 27-32. – EDN TXNYPF.

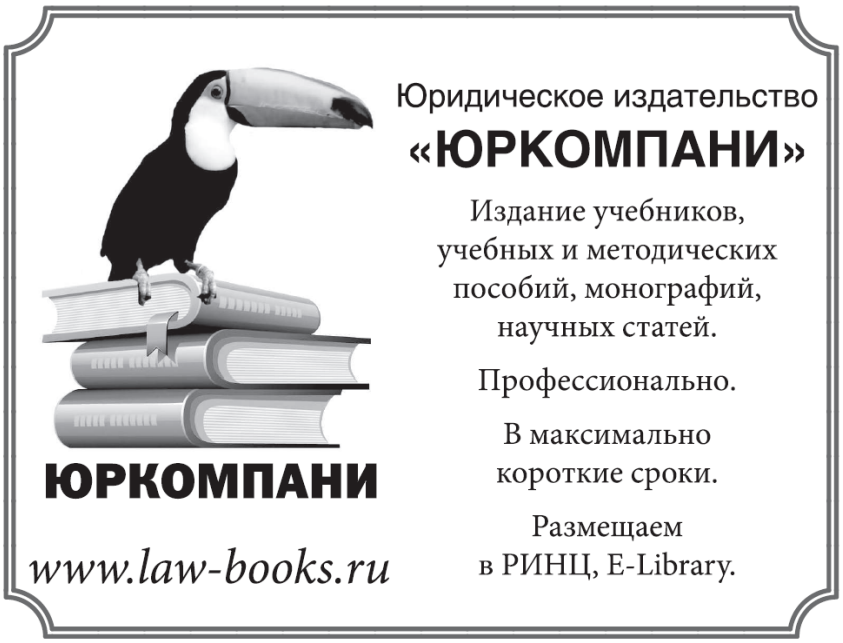
[3] Ilyina, E.K. Teaching students to provide first aid in emergency situations: theoretical justification of the problem/E.K. Ilyina, O.K. Dyukareva, K.A. Girchenko//National Association of Scientists. – 2015. – № 6-1(11). - S. 20-22. – EDN XYGGSR.

[4] Oparin, D. E. Algorithm for first aid in emergency situations/D. E. Oparin//Science, education, innovation: topical issues and modern aspects: collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 10, 2022. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G. Yu.), 2022. - S. 9-11. – EDN IPPJKZ.

[5] Karapuzikov, A. A. First aid to victims of burns/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//State, society, personality: history and modernity: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference, Penza, April 23-24, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 160-163. – EDN MGSXHB.

[6] Methodological features of teaching students to provide first aid/S. A. Mukhina, M. N. Gavrilova, O. V. Polozova, I. S. Zimin//Bulletin of Mari State University. – 2020. - T. 14, NO. 4 (40). - S. 424-430. – DOI 10.30914/2072-6783-2020-14-4-424-430. – EDN NBKDBK.

[7] The role of competence and contextual approaches in increasing motivation in the study of special disciplines of universities of the Ministry of Emergencies of Russia/A. A. Karapuzikov, T. F. Gainullin, A. A. Kuzmenko, A. D. Nizyakov//Scientific notes of Oryol State University. – 2021. – № 2(91). - S. 220-223. – EDN NSLQFY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-501-505

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы совершенствования процесса профессиональной подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России (далее – ОО ФСИН). Указывается на важность профессиональной компетентности научно-педагогических работников. Акцентируется внимание на значимости обновления методов, приемов, средств и технологий обучения. Отмечается важность применения самых современных методов и приемов деятельности преподавателей при реализации ими информационной, структурно-систематизирующей, мотивационно-стимулирующей и интерактивной дидактических функций, а также функций закрепления, контроля и самоконтроля знаний курсантов.*

Ключевые слова: *курсанты, ОО ФСИН, обучение, методы, приемы, средства, технологии, функции.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal
Correction Service of Russia Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

IMPROVING THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF CADETS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article discusses issues of improving the process of professional training of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (hereinafter referred to as the Federal Penitentiary Service). The importance of the professional competence of scientific and pedagogical workers is indicated. Attention is paid to the importance of updating teaching methods, techniques, means and technologies. It is noted the importance of using the most modern methods and techniques of teachers' activities in their implementation of informational, structural-systematizing, motivational-stimulating and interactive didactic functions, as well as the functions of consolidation, control and self-control of cadets' knowledge.*

Key words: *cadets, OO FSIN, training, methods, techniques, means, technologies, functions.*

Непрерывное развитие науки довольно сильно влияет на изменения в образовательной отрасли. Появляются новые противоречия между требованиями к специалисту высокотехнологичного общества и уровнем его профессиональной подготовки. Недостаточно эффективным оказывается связь между образованием и производством как составляющими научно-технического прогресса. Это вызывает необходимость разработки в системе высшего образования новых технологий качественной подготовки специалистов, способных влиять на развитие современной экономики и общественных отношений, социальной и культурной сфер жизни

российского общества, которое выдвигает перед высшей школой ряд жизненно важных задач, которые касаются введения новых образовательных стандартов, разработки отличных от предыдущих критериев качества обучения[4].

Подготовка специалистов УИС в ОО ФСИН России требует применения научно-педагогическими работниками современных технологий, методов, приемов и средств для качественного предоставления курсантам новых знаний, развития у них соответствующих умений и навыков будущей профессиональной деятельности. Она неразрывно связана с компетентностью преподавателей, владением ими инновационными технологиями обучения и способностью с помощью них обеспечивать формирование знаний у обучающихся.

Компетентность научно-педагогического работника проявляется в безупречном исполнении им своих обязанностей, достаточном владении знаниями по преподаваемой дисциплине, опыте работы в определенной сфере деятельности. Его профессиональная компетентность заключается в личностных возможностях, основанных на способности самостоятельно и качественно обеспечивать цели процесса передачи знаний курсантам в результате владения теорией обучения и практикой ее воплощения во время аудиторных и других видов занятий.

Профессиональная компетентность преподавателя включает в себя не только его профессиональные знания, но и профессиональные умения, профессиональные навыки, профессиональные позиции и установки, индивидуальные особенности и т.д. Все они характеризуют педагога как специалиста с индивидуальным стилем работы, присущими лишь ему возможностями, которые опираются на осознание возрастных особенностей курсантов и их способности к усвоению учебного материала, творческому применению сформированных на методологическом, теоретическом, методическом, технологическом уровнях дидактических знаний.

Профессиональная компетентность научно-педагогического работника не может быть достаточной без понимания достижений современной науки, поэтому его научная заинтересованность помогает формированию теоретических знаний и практических навыков, расширяет мировоззрение. Исходя из вышесказанного можем утверждать, что проблема обновления технологий обучения, методов, приемов, средств в ОО ФСИН может решаться лишь при условии творческого труда профессионально компетентных кадров, которые осознают, что образование является одним из двигателей прогресса государства и пытаются наполнять ее содержательную часть инновациями. К ним относим новаторские способы и приемы педагогических действий, основанные на:

- моделировании, организации нестандартных лекционно-практических и семинарских занятий;
- переформатировании аудиторного, группового и дополнительного обучения;
- разработке новой системы контроля оценки компьютерных, мультимедийных технологий, учебно-методической продукции нового поколения и т.д. [2].

Реализация указанных позиций будет способствовать подготовке высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов УИС.

Целью нашей статьи является освещение взглядов на использование новых технологий, методов, приемов и средств в процессе профессиональной подготовки курсантов.

Модернизация системы высшего образования приводит к актуализации вопроса повышения качества профессиональной подготовки, влияет на проектирование учебной среды. В профессиональной подготовке курсантов ОО ФСИН необходимо создание учебных программ, предусматривающих:

- различные формы смешанного обучения, использование сетевых ресурсов;
- интеграцию педагогических форм и методов обучения с информационными технологиями и телекоммуникациями;
- создание интерактивных личностно-ориентированных электронных учебников, образовательных сайтов.

В современных научных исследованиях термин «профессиональная подготовка» предусматривает совокупность специальных знаний, умений, навыков, качеств, трудового опыта, обеспечивающих возможность успешной деятельности по определенной профессии [1].

Преподаватель определяет цель и задачи обучения по конкретному предмету, устанавливает междисциплинарные связи, обдумывает содержание, современные формы и методы проведения лекционных, лабораторных, практических, семинарских занятий, консультаций, рецензирования, защиты курсовых работ, руководство практикой и дипломными работами, учебно-исследовательской деятельностью курсантов. Он должен владеть методикой преподавания и управления учебно-познавательной деятельностью обучающихся, учитывать особенности каждого из них, мотивироватьна расширение своих знаний. Работа педагога требует постоянного поиска новых методов, приемов и разработки информационно-коммуникативных, информационно-образовательных и других технологий,

которые мотивированы необходимостью улучшения качества обучения и стремлением оптимального наполнения его содержания новейшей информацией. Кроме этого, содержание подготовки будущих специалистов УИС в ОО ФСИН влияет на осознание преподавателем необходимости сохранения достижений и традиций отечественной высшей школы[3].

Характеризуя понятие метода как способа представления информации курсанту в ходе его познавательной деятельности мы должны понимать, что традиционные методы, представленные в классификациях ученых, частично уходят в прошлое, а остаются актуальными лишь те, которые подвергаются обновлению, могут быть применяемыми в нынешних условиях в сочетании с самыми действенными современными технологиями, которые помогают сделать процесс обучения эффективным. Подобное комбинирование способствует оптимальной подаче необходимого материала во время аудиторных и других занятий с курсантами. При этом большое значение имеют индивидуально-направленные методы изложения необходимой информации, структурирование индивидуальной системы знаний, учет предыдущих занятий по теме.

Оправданным в процессе обучения курсантов остается известный всем коммуникативный метод, который способствует речевому общению человека и определяет его поведение, делает возможным быстрое усвоение нового материала, обеспечивает общение двух и более людей как участников процесса, в рамках которого происходит коммуникация. Актуальным представляется и метод проблемного изложения, поскольку он базируется на мотивации преподавателем курсантов к поиску путей решения проблемы, приводит к пополнению его знаний через самостоятельный поиск ранее неизвестной информации.

Совершенствованию процесса обучения в ОО ФСИН могут способствовать такие методы как:

- анализ проблемных ситуаций,
- анализ альтернатив,
- ситуативное моделирование,
- ситуационное проектирование,
- метод прогнозирования,
- имитационная игра,
- ролевая игра,
- моделирование профессиональных ситуаций и т.д.[5].

Структурной составляющей метода является прием, который считают достаточно действенным его элементом. Приемы корректировки действий курсантов во время учебного занятия могут быть разнообразными, ведь научно-педагогический работник должен постоянно владеть ситуацией и направлять процесс обучения. Перед ним стоит задача корректировки ответов курсантов, их обоснования во время проведения беседы и т.д.

Для повышения качества обучения можно использовать новые приемы проверки знаний, при которых курсанты осуществляют самопроверку и самостоятельно оценивают свой уровень усвоения материала.

Таким образом, каждый из названных выше методов включает ряд приемов, которые функционируют в рамках его действия и помогают преподавателю ОО ФСИН достигать поставленной цели в работе с курсантами. К современным эффективным средствам обучения относятся аудио-, видео-, электронные информационные носители (программированные учебные пособия, научные журналы, словари, тексты лекций, виртуальные лабораторные работы, учебное сотрудничество в онлайн-режиме, тестирование), которые в сочетании с традиционными средствами приносят существенные результаты, могут способствовать усвоению курсантами новых знаний как на аудиторных занятиях, так и во время самоподготовки. Важным в этом ключе является создание электронных учебно-методических комплексов, в результате чего обеспечивается реализация информационной, структурно-систематизирующей, мотивационно-стимулирующей и интерактивной дидактических функций, а также функций закрепления, контроля и самоконтроля. К основным составляющим комплексов относятся:

- аннотация дисциплины;
- программа дисциплины;
- рабочая учебная программа дисциплины;
- задания для проведения семинарских и практических занятий;
- ориентировочные модульные контрольные задания;
- методические рекомендации или задания для самостоятельной работы курсантов;
- методические рекомендации для выполнения курсовых, дипломных работ;
- тексты лекций или их аннотации.

Технологии обучения играют важную роль в процессе профессионально-педагогической подготовки. Они используются в системе высшего образования как средства информации для курсантов, которые должны с их помощью получать знания. Технологии как средства познания в процессе обучения включают в себя базы данных, которые могут использоваться при изучении любого учебного предмета. Рассматривая новейшие технологии обучения отмечаем их влияние на выделение принципиально новых подходов к преподаванию.

Таким образом, совершенствование и обновление методов, приемов, средств и технологий обучения в ОО ФСИН должно происходить путем моделирования результатов; нормативного урегулирования использования электронных учебно-методических ресурсов в образовательном пространстве; внедрения учебных материалов в соответствии с современными требованиями, а также разработки новых стандартов, методик преподавания дисциплин, критериев оценивания и контроля знаний. Перспективным является внедрение в работу с курсантами моделирования и конструирования, поскольку таким образом они осваивают не только диагностические и познавательные функции, но и тренинговые.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В., Полякова Е.Н. Основные формы и методы индивидуально-воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Глобальный научный потенциал. - 2018. - №2 (83). - С. 6-7.

[2] Вилкова А.В., Ромашев Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[3] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[4] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[6] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А.В. Преобразование коллектива сотрудников в коллектив воспитателей // Глобальный научный потенциал. - 2018. - №3 (84). - С. 13-14.

[11] Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2018. - №4. - С. 7-8.

[12] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Илюшина И.Л. Социально-философский контекст инновационного развития школьного образования // Человеческий капитал. - 2019. - №6 (126). - С. 120-126.

[13] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Григорьева М.А. О влиянии деструктивного поведения на личностный выбор индивида // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. - 2019. - №5 (125). - С. 141-147.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova E.N. Basic forms and methods of individual educational work with employees of the penitentiary system//Global scientific potential. - 2018. - №2 (83). - S. 6-7.

[2] Vilkova A.V., Romashev Vilkova A.V. Overcoming the deviant behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[3] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[4] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary

system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[6] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

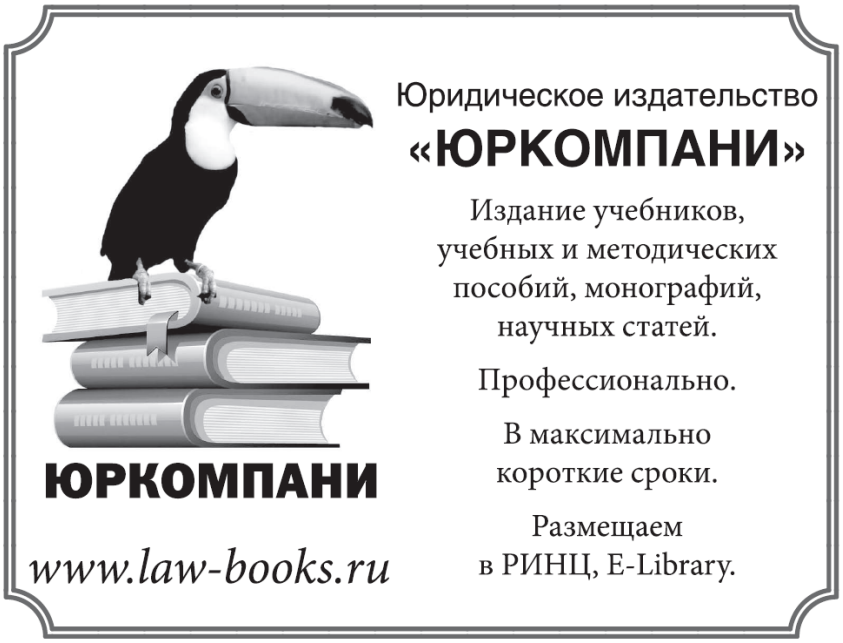
[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] A.V. Vilkova. Transformation of the team of employees into a team of educators//Global scientific potential. - 2018. - №3 (84). - S. 13-14.

[11] Vilkova A.V. Professional training of the personnel of the penal system: spiritual and moral education//Penal system: law, economics, management. - 2018. - №4. - S. 7-8.

[12] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Ilyushina I.L. Socio-philosophical context of innovative development of school education//Human capital. - 2019. - №6 (126). - S. 120-126.

[13] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Grigorieva M.A. On the influence of destructive behavior on the individual's personal choice//Human capital. Scientific and practical journal. - 2019. - №5 (125). - S. 141-147.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-506-510

ЛЕЩЕНКО Светлана Александровна,
доцент кафедры английского языка
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доцент кафедры иностранных языков ВШУ РУДН,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *Статья представляет описание лингвометодических подходов при формировании коммуникативной культуры несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях. Рассматриваются педагогические технологии, затрагивающие широкую область проблем применения современных направлений лингвистики и методики в образовательной среде несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, исправление, коммуникативная культура, межкультурная коммуникация; поликультурная среда.*

LESHCHENKO Svetlana Alexandrovna,
Associate Professor, Department of English,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSLA),
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Higher School of Economics, RUDN University,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

IMPROVEMENT OF COMMUNICATION CULTURE OF JUVENILE CONVICTS BY LINGUOMETODIC MEANS IN EDUCATIONAL SPACE

Annotation. *The article presents a description of linguometodic approaches in the formation of a communicative culture of juvenile convicts in penitentiary institutions. Pedagogical technologies are considered that affect a wide range of problems in the application of modern areas of linguistics and methodology in the educational environment of juvenile convicts serving sentences.*

Key words: *juvenile convicts, correction, communication culture, intercultural communication; multicultural medium.*

Сегодня одной из существенных задач пенитенциарной системы Российской Федерации и системы образования является обучение несовершеннолетних осужденных, которые бы могли, после освобождения из мест лишения свободы, постоянно саморазвиваться и

имели потенциал к дальнейшему самообразованию, а также конструктивно могли решать поставленные перед ними цели и осуществлять деловую коммуникацию на иностранных языках. В процессе образования на протяжении всей его карьеры для решения этой задачи важную роль играет языковая подготовка. В государственных обязательных стандартах среднего и высшего профессионального образования Российской Федерации среди самых важных и актуальных этапов обучения отмечается формирование делового иноязычного общения у будущих специалистов, которое заключается в умении не только передавать на иностранном языке информацию, но и свободно общаться в социальной и профессиональной сферах [5, с. 1].

Наиболее эффективным сегодня можно считать коммуникативный подход в обучении иностранному языку, который является самым распространённым в развитии и формировании коммуникативных иноязычных навыков и умений. Коммуникативные навыки можно трактовать как соблюдение требований, установленных критериев, стандартов в определенных сферах деятельности и при решении определенного вида задач, обладание необходимыми активными знаниями, умение уверенно достигать результатов и овладевать ситуацией [4, с. 2].

Владение коммуникативными навыками определяет способность и желание обучающегося общаться на иностранном языке. Коммуникативные компетенции предполагают формирование навыков и умений по основным видам речевой деятельности, таким как: говорение, чтение, аудирование и знание фонетики, грамматики, лексики.

Практика преподавания иностранного языка может выходить за границы формирования способности понимать человека, говорящего на иностранном языке, выражать свои мысли, а также извлекать информацию из прочитанного материала. Обучение иностранного языка следует рассматривать, прежде всего, как передача опыта средствам межэтнического и межкультурного общения с целью реализации коммуникативных и когнитивных потребностей специалиста.

Личность, владеющая иностранным языком, имеет уровневою архитектуру от вербально-семантического и лингво-когнитивного до деятельностно-коммуникативного. Говоря о формировании языковой личности и являясь объектом лингводидактики можно отметить, что на деятельностно-коммуникативном уровне происходит слияние с социокультурным компонентом [1, с. 299].

Следует отметить, что иностранные языки играют важную роль в процессе интеграции личности в поликультурное многообразие мира. Развитие иноязычной культуры предполагает приобретение информации о различных сферах жизни изучаемого языка в стране, формирование заинтересованного и толерантного отношения к традициям этой страны и ее народа, а также развитие навыков межкультурного общения и формирование мотивации к эффективному обучению иностранному языку.

Знакомство несовершеннолетнего осужденного с представителями культуры изучаемого языка позволяет им лучше понять литературу, поэзию, традиции, а также пробудить у студентов интерес к самобытности своей культуры и научить толерантности. Это означает, что помимо дидактических задач, иностранные языки несут педагогическую функцию. Кроме того, знакомство с культурой другого народа позволяет почувствовать свою причастность к мировому культурному обществу.

Современное видение концепции «преподавание иностранного языка» постепенно получило более широкий подход «преподавание языка и культуры иностранных языков». Понимание реальности происходит на уровне концептуализации, где концепт является центральной отправной точкой динамических психических процессов. «Концепт (от лат. conceptus «понятие») определяется как дискретная психическая формация, которая является базовой единицей ментального кода человека, имеет относительно упорядоченную внутреннюю структуру, является результатом познавательной деятельности человека и общество и несет сложную, энциклопедическую информацию о субъекте или явлении, о толковании этой информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к этому явлению или субъекту» [2, с. 56].

Систематизированные представления о мире объективно создаются лингвистическими ресурсами - в различной степени номинативности, структурированности и сложности. Лингвистическое или языковое представление ментального образа осуществляется лексическими, фразеологическими, синтаксическими, текстовыми средствами. Такие понятия соответственно обычно называются лексическими, фразеологическими, синтаксическими, текстовыми концептами [2, с. 28].

Во многих научных исследованиях наблюдается возрастающий интерес к лингвометодической связи когнитивной лингвистики и педагогики (дидактики). Возможность для преодоления дистанции между когнитивно-коммуникативной теорией и практической аудиторной работой является весьма ощутимым. «Существует поразительное сходство между развитием (теоретической) когнитивной лингвистики и современными методиками обучения иностранным языкам. Когнитивные подходы в грамматике сходятся к использованию основанной / сетевой языковой модели, которая контрастирует с контекстным подходом

языка и поддерживается базовыми грамматическими нормами. Таким же способом, преподавание иностранного языка в целом и обучение грамматики в частности перешли от повторяющихся действий к сознательным, коммуникативным / контекстным методам» [4, с. 60].

При формировании успешной межкультурной коммуникации следует отметить, что перевод текстов в разных стилях и жанрах играет важную роль как средство передачи информации. Для выполнения своей коммуникативной задачи текст несет сообщения конкретному читателю, причем каждое текстовое сообщение формируется с использованием строго определенного, устоявшегося набора языковых средств, а тексты, в свою очередь, можно классифицировать по видам информации: познавательной, релевантной, экспрессивной, эстетической.

Представленный текстовый материал может содержать различную информацию, но обычно доминирует только одна. Согласно содержанию текста, каждый текстовой материал имеет свою коммуникативную и информативную функции. Практически каждый текст содержит разнообразные фигуры речи либо прочие ресурсы придания выразительности материалу, имеющие особенную функцию языковых единиц–риторическую. Перевод различных видов стилистических особенностей с языка на язык требует специальной трансформации, которые помогают сохранить или изменить исходные эмоциональные и эстетические сведения.

Стилистические приемы разных языков в основном одинаковы, однако их речевое функционирование отличается. Одни и те же методы имеют разную частоту использования, несут разные функции и имеют разную плотность в стилистике каждого языка, что объясняет необходимость преобразований. Стилистические изменения должны обязательно присутствовать, как грамматические и лексические замены. При выполнении лексических и грамматических преобразований переводчик следует принципам передачи лексического или грамматического значения слова или формы [3, с.82].

Известно, что при передаче стилистического значения переводчик должен прибегнуть к тем же способам – воссоздать тот же эффект в переводе, то есть передать читателю похожую реакцию, хотя ему часто приходится добиваться этого, прибегая к совершенно другим речевым способам. Переводчик может необязательно сохранять стилистический прием, но он должен передать смысл контекста.

На наш взгляд, стилистические методы перевода применяются в тех случаях, когда объектом перевода являются стилистически маркированные единицы исходного текста.

Очевидно, что некоторые из них вообще не могут быть переведены, другие требуют значительных преобразований, и только очень небольшая часть стилистически маркированных элементов исходного текста получает типовую интерпретацию.

Таким образом, коммуникативная культура несовершеннолетних осужденных является важной составной частью профессиональной компетентности будущих специалистов, что находит свое отражение, в том числе, и в лингвистическом поле. Совершенствование и развитие иноязычной коммуникативной культуры несовершеннолетних осужденных является одним из важнейших аспектов процесса формирования духовно-нравственных ценностей.

Список литературы:

[1] Лещенко, С.А. Проблемы формирования личности в информационном пространстве / С.А. Лещенко // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 18-19 апреля 2019 г.) / редкол.: Э.П. Комарова (отв.ред) [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 299-301.

[2] Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 252 С.

[3] Broccias, C. (2008). Cognitive linguistic theories of grammar and grammar teaching. In S. DeKnop, & T. De Rycker (Eds.), Cognitive approaches to pedagogical grammar (pp. 67-90).

[4] Коммуникативная культура [Электронный ресурс]. – URL: http://comm-psy.ru/2010/10/71-kommunikativnaya-kultura/ [дата обращения: 23.03.2020].

[5] Министерство образования и науки Российской Федерации

[6] Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально- педагогический университет» Выпускная квалификационная работа [Электронный ресурс]. – URL: http://elar.rsvpu.ru/bitstream /123456789/23275/1/RSVPU_2017_717.pdf [дата обращения: 17.03.2020].

[7] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[8] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в

современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[9] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[10] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[11] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[14] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[17] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[18] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[19] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[20] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[21] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[22] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[23] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[24] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Leshchenko, S.A. Problems of personality formation in the information space/S.A. Leshchenko// Anthropocentric sciences: an innovative view of education and personality development: materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Voronezh, April 18-19, 2019)/ed.: E.P. Komarova (ed.) [et al.]. - Voronezh: Publishing and Printing Center “Scientific Book,” 2019. S. 299-301.

[2] Popova Z.D. Semantic-cognitive analysis of language/Z.D. Popova, I.A. Sternin. - Voronezh: Origins, 2007. - 252 C.

[3] Broccias, C. (2008). Cognitive linguistic theories of grammar and grammar teaching. In S. DeKnop, & T. De Rycker (Eds.), Cognitive approaches to pedagogical grammar (pp. 67-90).

[4] Communication culture [Electronic resource]. - URL: http://comm-psy.ru/2010/10/71-kommunikativnaya-kultura/ [access date: 23.03.2020].

[5] Ministry of Education and Science of the Russian Federation

[6] Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State Vocational Pedagogical University" Graduation qualification work [Electronic resource]. - URL: http://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/23275/1/RSVPU_2017_717.pdf [access date: 17.03.2020].

[7] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[8] Vilkova A. V., Antipov A. N., Strogovich Yu. N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[9] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[10] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[11] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[14] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[15] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[17] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[18] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[19] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[20] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[21] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[22] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[23] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[24] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

- МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-511-515

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института
ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shilovtsev@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат с.-х.н., доцент кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ И ОХРАНА ТРУДА В МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *Обеспечение охраны труда в медицинских учреждениях осуществляется на основе комплекса законодательных и нормативных актов. Их ключевая задача – гарантировать безопасность медицинского персонала в ходе выполнения профессиональных обязанностей. В условиях здравоохранения эти требования приобретают первостепенное значение. Медицинские работники ежедневно подвергаются воздействию повышенных профессиональных рисков, таких как контакт с инфекционными агентами, вредными химическими веществами, а также испытывают значительные психоэмоциональные нагрузки и другие неблагоприятные факторы.*

Ключевые слова: *охрана труда, безопасность, работники здравоохранения, условия труда, медицинские учреждения.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SINKO Vera Nikolaevna,
senior lecturer of the philosophy department,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support of State
and Municipal Administration
Ural Federal University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

OCCUPATIONAL SAFETY AND HEALTH IN MEDICAL INSTITUTIONS

Annotation*. Occupational safety and health in healthcare facilities is ensured by a set of laws and regulations. Their key objective is to guarantee the safety of medical personnel while performing their professional duties. In healthcare settings, these requirements are of paramount importance. Healthcare workers are exposed daily to increased occupational risks, such as contact with infectious agents and harmful chemicals, and also experience significant psycho-emotional stress and other adverse factors.*

Key words*: occupational health and safety, health workers, working conditions, medical institutions.*

Цель – анализ безопасности и охраны труда в медицинских учреждениях.

Для достижения этой цели необходимо изучить теоретические аспекты безопасности труда работников в медицинских учреждениях.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Охрана труда в медицинских учреждениях регламентируется комплексом законодательных и нормативных актов, направленных на обеспечение безопасности работников в процессе их профессиональной деятельности. Основу регулирования составляют положения ТК РФ, который обязывает работодателей создавать безопасные условия труда для всех категорий сотрудников. [1]

В сфере здравоохранения эти требования приобретают особую значимость, поскольку медработники ежедневно сталкиваются с повышенными профессиональными рисками, включая контакт с инфекционными заболеваниями, воздействие вредных химических веществ, психоэмоциональные нагрузки и другие факторы. [2]

Организация безопасности в медицинских учреждениях представляет собой сложную многоуровневую систему, требующую особого подхода в связи со спецификой профессиональной деятельности медицинского персонала. Медицинская среда характеризуется уникальным сочетанием факторов риска, которые существенно отличаются от других отраслей и требуют разработки специализированных мер защиты.

Основной особенностью медицинской деятельности является постоянный контакт с биологически опасными материалами. Медицинские работники ежедневно подвергаются риску инфицирования при проведении манипуляций с кровью и другими биологическими жидкостями, при уходе за инфекционными больными и выполнении инвазивных процедур.[3]

Этот риск усугубляется возможностью передачи особо опасных инфекций, устойчивых к медикаментозному лечению. Помимо биологических факторов, значительную опасность представляют химические вещества, используемые в лечебно-диагностическом процессе – дезинфицирующие средства, цитостатики, наркотические анальгетики и другие фармацевтические препараты, способные оказывать токсическое воздействие при неправильном обращении.

Важнейшим аспектом организации безопасности в медицинских учреждениях является создание эффективной системы инфекционного контроля. Эта система включает комплекс архитектурно-планировочных решений, предусматривающих зонирование помещений, организацию правильных потоков движения пациентов и персонала, а также применение современных методов дезинфекции и стерилизации. Особое внимание уделяется воздушно-капельной передаче инфекций, что требует оснащения помещений специальными системами вентиляции и обеззараживания воздуха. [4]

Техническая безопасность в медицинских организациях предполагает тщательный контроль за эксплуатацией сложного диагностического и лечебного оборудования. Медицинская аппаратура, особенно в отделениях лучевой диагностики и физиотерапии, может представлять потенциальную опасность как для пациентов, так и для персонала при нарушении правил эксплуатации. Это требует регулярного технического обслуживания, поверки оборудования и строгого соблюдения регламентов работы.

Психологическая безопасность медицинского персонала заслуживает отдельного внимания. Постоянный контакт с человеческим страданием, необходимость принятия оперативных решений в критических ситуациях, высокая ответственность за жизнь и здоровье пациентов создают значительную психоэмоциональную нагрузку. Это обуславливает необходимость разработки программ психологической поддержки, организации оптимального режима труда и отдыха, создания условий для профессиональной реабилитации.

Особую сложность представляет обеспечение безопасности в экстренных ситуациях. Медицинские работники скорой помощи, сотрудники приемных отделений и реанимационных бригад часто работают в условиях, требующих особых мер защиты – при дорожно-транспортных происшествиях, в очагах массовых поражений, при контакте с агрессивными пациентами. Это требует специальной подготовки и оснащения.

Современные подходы к организации безопасности в медицинской среде предполагают внедрение комплексных систем управления профессиональными рисками, основанных на постоянном мониторинге условий труда, анализе потенциальных угроз и разработке превентивных мер. Особое значение придается автоматизации опасных процессов, использованию дистанционных методов диагностики и лечения, внедрению «безопасных» технологий выполнения медицинских манипуляций.

Важнейшим компонентом системы безопасности является непрерывное обучение персонала. Специальные тренинги по технике безопасности, отработка действий в чрезвычайных ситуациях, регулярное обновление знаний о новых рисках и методах защиты становятся неотъемлемой частью профессиональной подготовки медицинских работников. При этом особый акцент делается на формировании культуры безопасности, когда соблюдение защитных мер становится естественной частью профессионального поведения.

Организация безопасности жизнедеятельности в медицинской среде требует комплексного, системного подхода, учитывающего все аспекты профессиональной деятельности медицинского персонала.

Медицинские работники, осуществляющие профессиональную деятельность во вредных и опасных условиях труда, имеют право на целый ряд гарантий и компенсаций, предусмотренных российским трудовым законодательством. Эти меры социальной защиты направлены на минимизацию негативного воздействия профессиональных факторов на здоровье сотрудников и

компенсацию возможного ущерба, причиняемого организму в процессе выполнения трудовых обязанностей.

Медицинские работники, которые в течение рабочего дня (смены) контактируют с вредными производственными факторами не менее половины продолжительности рабочего дня, установленной законодательством, имеют право на бесплатное получение молока в объеме 0,5 литра за смену. Выдача молока осуществляется в дни фактической занятости работника на работах с вредными условиями труда.

Для медицинских работников, контактирующих с неорганическими соединениями цветных металлов (за исключением соединений алюминия, кальция и магния), установлена норма выдачи 2 грамма пектина в составе пищевых продуктов. Это могут быть фруктовые соки, желе, джемы, мармелады и другие продукты, обогащенные пектином. Выдача таких продуктов должна осуществляться перед началом рабочего дня.

Особые правила установлены для медицинского персонала, работающего с антибиотиками. Вместо молока таким работникам выдают кисломолочные продукты или колибактерин. Это связано с тем, что обычное молоко может снижать эффективность антибактериальной терапии при возможном попадании антибиотиков в организм медицинского работника.

Лечебно-профилактическое питание выдается медицинским работникам, занятым на работах с особо вредными условиями труда. Перечень таких работ утвержден Приказом Минтруда России №298н. Питание выдается в виде горячих завтраков перед началом рабочего дня либо в виде специализированных продуктовых наборов для домашнего потребления. Состав рационов лечебно-профилактического питания разработан с учетом нейтрализации конкретных вредных факторов, воздействующих на организм работника.

Помимо перечисленных основных льгот, медицинские работники, занятые во вредных и опасных условиях труда, имеют право на ряд дополнительных гарантий и компенсаций.

Во-первых, это обеспечение средствами индивидуальной защиты (СИЗ). Работодатель обязан за свой счет предоставлять медицинским работникам специальную одежду, специальную обувь и другие средства индивидуальной защиты (респираторы, перчатки, защитные очки и т.д.), соответствующие характеру выполняемой работы и условиям труда. Все выдаваемые СИЗ должны проходить обязательную сертификацию или декларирование соответствия.

Во-вторых, медицинские работники, занятые во вредных условиях, проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические медицинские осмотры. Эти осмотры проводятся за счет средств работодателя и направлены на раннее выявление профессиональных заболеваний и предотвращение их развития. В некоторых случаях (например, для работников психиатрических учреждений) предусмотрено также обязательное психиатрическое освидетельствование.

В-третьих, многие медицинские учреждения за счет собственных средств или средств, полученных от приносящей доход деятельности, организуют санаторно-курортное лечение для своих сотрудников, работающих во вредных условиях. Такая возможность обычно предусматривается коллективными договорами.

В-четвертых, для медицинских работников, занятых в особо опасных условиях (например, в инфекционных отделениях), может предусматриваться дополнительное страхование от несчастных случаев и профессиональных заболеваний сверх обязательного социального страхования.

Система гарантий и компенсаций для медицинских работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, представляет собой комплекс мер, направленных на сохранение здоровья медицинского персонала и компенсацию негативного воздействия профессиональных факторов. Эти меры включают в себя как материальные компенсации (повышенная оплата труда, дополнительные отпуска), так и организационные мероприятия (сокращение рабочего времени, обеспечение СИЗ, медицинские осмотры).

Эффективная реализация этих гарантий требует совместных усилий работодателей, профсоюзных организаций и контролирующих органов. Работодатели обязаны не только формально соблюдать установленные нормы, но и создавать реальные условия для их выполнения. Профсоюзы призваны осуществлять контроль за соблюдением прав медицинских работников. Государственные инспекции труда должны оперативно реагировать на нарушения трудового законодательства в этой сфере.

Выводы:

Совершенствование системы гарантий и компенсаций для медицинских работников, занятых во вредных условиях труда, остается актуальной задачей. Это особенно важно в условиях возрастающих нагрузок на систему здравоохранения и повышения требований к качеству медицинской помощи. Дальнейшее развитие этой системы должно идти по пути расширения перечня компенсационных мер, увеличения размеров гарантированных выплат и улучшения условий труда медицинского персонала.

Список литературы:

[1] Трудовой Кодекс Российской Федерации.

[2] Балныкова, Б. О. Охрана труда медицинского работника / Б. О. Балныкова, Е. Э. Старкова, О. Л. Филимонова // Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 16 декабря 2022 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. – С. 27-31. – DOI 10.52376/978-5-907541-62-7_027. – EDN XADAZM.

[3] Григорьева, Е. В. Организация систем безопасности труда и охраны здоровья медицинского персонала / Е. В. Григорьева // Процессы техносферы: региональный аспект : Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25–26 марта 2022 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2022. – С. 50-54. – EDN IWNGNO.

[4] Миндибаева, А. Р. Актуальные проблемы безопасности и охраны труда медицинских работников / А. Р. Миндибаева, Л. А. Абдрахимова // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – 2024. – № S3. – С. 170-173. – EDN HTGKZJ.

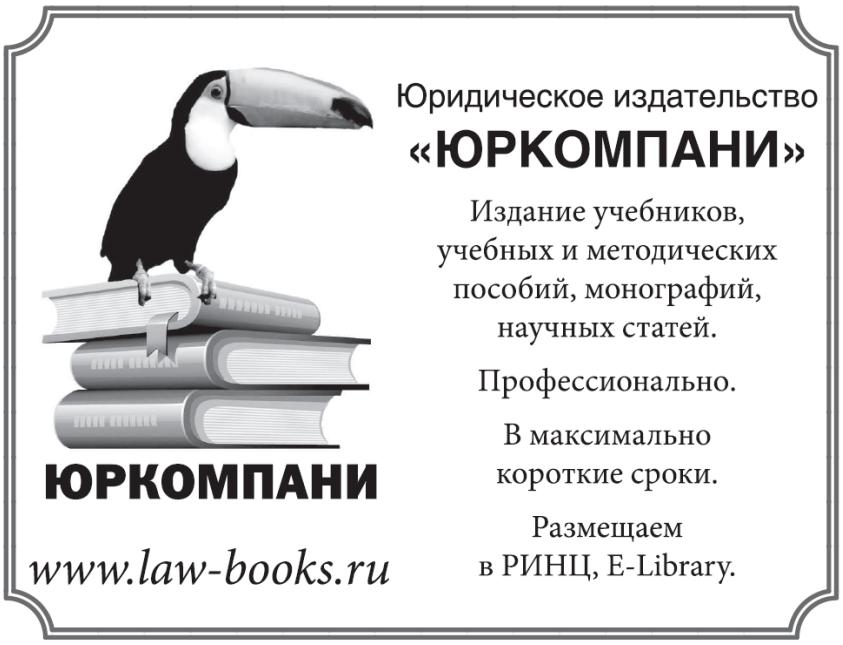
References:

[1] Labor Code of the Russian Federation.

[2] Balnykova, B. O. Labor protection of a medical worker/B. O. Balnykova, E. E. Starkova, O. L. Filimonova//Topical issues of public health and health: collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Smolensk, December 16, 2022. - Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2022. - S. 27-31. – DOI 10.52376/978-5-907541-62-7_027. – EDN XADAZM.

[3] Grigorieva, E.V. Organization of occupational safety systems and health protection of medical personnel/E.V. Grigorieva//Technosphere processes: regional aspect: Collection of materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, March 25-26, 2022. - Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, 2022. - S. 50-54. – EDN IWNGNO.

[4] Mindibaeva, A. R. Actual problems of safety and labor protection of medical workers/A. R. Mindibaeva, L. A. Abdrakhimova//Bulletin of the Bashkir State Medical University. – 2024. – № S3. - S. 170-173. – EDN HTGKZJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-516-522

МАГОМЕДОВА Раисат Хизриевна,
студентка 1 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

МАГОМЕДНАБИЕВА Асия Гаджимурадовна,
студентка 1 курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: asiamagomednabieva67@gmail.com

Научный руководитель:
ГАДЖИМАГОМЕДОВА Шумайсат Солеймановна,
Старший преподаватель кафедры
«Философии и Гуманитарных дисциплин»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Соруководитель:
ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТКАЗА ВРАЧА В ГОСПИТАЛИЗАЦИИ КАК ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОГО ЗВЕНА НАСТУПЛЕНИЯ СМЕРТИ ПАЦИЕНТА

Аннотация*. В статье рассматриваются проблемные аспекты установления причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи и наступлением смерти пациента в ситуациях неосторожного сопричинения. Анализируется судебно-следственная практика по делам о ятрогенных преступлениях. Предлагается авторская классификация видов неосторожного сопричинения вреда при оказании медицинской помощи, а также критерии дифференциации ответственности медицинских работников. Обосновывается необходимость унификации подходов судебно-медицинской экспертизы к установлению причинно-следственной связи.*

Ключевые слова*: отказ в госпитализации, причинно-следственная связь, смерть пациента, неоказание медицинской помощи, судебно-медицинская экспертиза, ятрогенные преступления, ч. 2 ст. 109 УК РФ, ст. 124 УК РФ, врачебная ошибка, правовая медицина.*

MAGOMEDOVA Raisat Khizrievna,
1st year medical student of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Dagestan State Medical University”
of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

MAGOMEDNABIEVA Asia Gadzhimuradovna,
1st year medical student FSBEI HE
"Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

Supervisor:
GADZHIMAGOMEDOVA Shumaysat Soleimanovna,
Senior Lecturer,
Department of Philosophy and Humanities,
FSBEI HE Dagestan State Medical University,
Russia, Makhachkala

Co-Director:
KHALIKOV Abdulkhalik Sultansaidovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Humanitarian Disciplines,
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Dagestan State Medical University,
Russia, Makhachkala

LEGAL ASSESSMENT OF A DOCTOR'S REFUSAL TO HOSPITALIZE AS A CAUSAL LINK IN THE ONSET OF A PATIENT'S DEATH

Annotation*. The article discusses the problematic aspects of establishing a causal relationship between defects in the provision of medical care and the patient's death in situations of negligent co-causation. The article analyzes the judicial and investigative practice in cases of iatrogenic crimes. The author proposes a classification of the types of negligent co-causation of harm in the provision of medical care, as well as criteria for differentiating the responsibility of medical professionals. The article substantiates the need for unifying the approaches of forensic medical examinations to establishing a causal relationship.*

Key words*: refusal to hospitalize, cause-and-effect relationship, patient death, failure to provide medical care, forensic medical examination, iatrogenic crimes, Part 2 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation, medical error, legal medicine.*

Актуальность исследования. Право пациента на своевременное и качественное медицинское обслуживание, включая госпитализацию при наличии жизненных показаний, относится к числу фундаментальных прав, гарантированных ст. 41 Конституции РФ и Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Однако практика правоприменения свидетельствует о сохраняющихся случаях отказа медицинских работников в госпитализации пациентов, находящихся в тяжёлом или критическом состоянии, что в ряде ситуаций приводит к летальному исходу. По данным судебной статистики, количество уголовных дел, возбуждённых по ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) и ч. 2. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей), демонстрирует устойчивую динамику роста. При этом наиболее сложным и дискуссионным вопросом как для следствия, так и для суда остаётся установление прямой причинно-следственной связи между отказом в госпитализации и наступлением смерти.

Степень научной разработанности темы. В науке уголовного права проблематика причинной связи при неоказании медицинской помощи рассматривалась в работах таких авторов, как А.И. Рарог, Г.А. Есаков, Р.Д. Шарапов. В области медицинского права вопросы госпитализации и ответственности за отказ в её проведении анализировались в публикациях А.В. Тихомирова, Ю.Д. Сергеева, Н.В. Павловой. Однако большинство исследований либо носят общетеоретический характер, либо фокусируются на гражданско-правовых аспектах. Специальных работ, посвящённых именно судебно-медицинским и уголовно-правовым критериям оценки отказа в госпитализации как причинно-следственного звена наступления смерти пациента, в доступной

литературе недостаточно. Отсутствует также единая методика судебно-медицинской экспертизы по данной категории дел.

Проблема исследования заключается в противоречии между объективной потребностью правоприменительной практики в чётких критериях установления причинной связи между отказом врача в госпитализации и смертью пациента, с одной стороны, и отсутствием законодательно или ведомственно закреплённых алгоритмов такой оценки — с другой. Это противоречие порождает правовую неопределённость, ведёт к неоднородной судебной практике и снижает эффективность как уголовно-правовой, так и гражданско-правовой защиты прав пациентов.

Цель настоящего исследования — разработка критериев судебно-медицинской и уголовно-правовой оценки отказа врача в госпитализации как обстоятельства, находящегося в причинной связи со смертью пациента, а также выработка практических рекомендаций для правоприменительных органов.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать судебно-следственную практику по делам об отказе в госпитализации, повлёкшем смерть пациента, за период 2019–2024 гг.;
2. Выявить типичные дефекты оказания медицинской помощи, допускаемые врачами при принятии решения об отказе в госпитализации;
3. Определить критерии, используемые судебно-медицинскими экспертами для установления прямой причинной связи между отказом и летальным исходом;
4. Разработать алгоритм оценки причинно-следственной связи для использования в экспертной и судебной практике.

Основная часть

1. Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 47 уголовных дел и 23 гражданских дела, рассмотренных судами общей юрисдикции в период с 2019 по 2024 год, в которых предметом разбирательства являлся отказ медицинского работника в госпитализации пациента, повлёкший летальный исход. Дела отбирались методом сплошной выборки из общедоступных баз судебных актов (ГАС «Правосудие», sudact.ru) по ключевым словам: «отказ в госпитализации», «ст. 124 УК РФ», «ч. 2 ст. 109 УК РФ», «смерть пациента». Дополнительно проанализировано 19 заключений судебно-медицинских экспертиз (СМЭ), выполненных в рамках указанных уголовных дел, в части описания причинно-следственных связей.

Методологическую основу работы составили: формально-юридический метод (анализ норм УК РФ, Федерального закона № 323-ФЗ, порядков оказания медицинской помощи); сравнительно-правовой метод (сопоставление подходов различных судебных инстанций к оценке причинной связи); казуистический метод (детальный разбор отдельных прецедентных дел); а также метод теоретического моделирования (разработка алгоритма экспертной оценки).

2. Теоретические основы ответственности за отказ в госпитализации

2.1. Нормативно-правовое регулирование вопроса

Обязанность медицинского работника оказать помощь больному, в том числе путём госпитализации, закреплена на нескольких нормативных уровнях. Прежде всего, это ст. 41 Конституции РФ, гарантирующая право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Далее — ст. 11 Федерального закона № 323-ФЗ, согласно которой отказ в оказании медицинской помощи при угрозе жизни пациента не допускается.

Уголовно-правовая конструкция ответственности за отказ в госпитализации может реализовываться по двум основным составам.

Во-первых, это ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному». Объективная сторона выражается исключительно в бездействии (неоказании помощи без уважительных причин). В отличие от этого, ненадлежащее оказание помощи (активные действия, выполненные с дефектами), повлекшее смерть, охватывается составом ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Во-вторых, это ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». Данный состав применяется в ситуациях, когда врач формально помощь оказал (например, осмотрел пациента, назначил лечение на дому), но допустил дефект в виде необоснованного отказа в госпитализации, что и привело к смерти. Отличие от ст. 124 УК РФ состоит в том, что при квалификации по ст. 109 УК РФ деяние признаётся более общественно опасным, поскольку предполагает не пассивное бездействие, а активное ненадлежащее исполнение обязанностей.

Кроме того, возможна гражданско-правовая ответственность медицинской организации по ст. 1064, 1068 ГК РФ — возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью пациента, а также компенсация морального вреда (ст. 151, 1100 ГК РФ). В проанализированной выборке в 12 случаях родственники умершего одновременно с уголовным преследованием врача подавали гражданские иски на суммы от 500 тыс. до 3 млн рублей.

2.2. Понятие «госпитализация» в праве и медицине

Важной теоретической проблемой, выявленной в ходе исследования, является отсутствие легального определения термина «госпитализация» в российском законодательстве. На практике под госпитализацией понимают помещение пациента в стационар лечебно-профилактического учреждения для круглосуточного наблюдения, диагностики и лечения. Однако отсутствие нормативного закрепления ведёт к тому, что в судебных спорах сторона защиты врача нередко апеллирует к тому, что формально «отказа в госпитализации» не было, поскольку пациенту предложили дневной стационар, либо рекомендовали обратиться в другую больницу.

С точки зрения правовой медицины, для целей установления причинной связи следует различать:

– Экстренную госпитализацию — при состояниях, угрожающих жизни (шок, кровотечение, ОКС, инсульт, дыхательная недостаточность). Отказ в такой госпитализации практически всегда расценивается как грубый дефект.
– Плановую госпитализацию — при заболеваниях, не создающих непосредственной угрозы жизни в ближайшие часы. Здесь отказ может быть обоснован отсутствием мест, необходимостью дообследования и т.д.
– Паллиативную госпитализацию — для купирования симптомов у неизлечимых больных. Отказ в такой госпитализации требует отдельной оценки, поскольку он может не находиться в причинной связи со смертью от основного заболевания.

3. Эмпирический анализ судебной практики

3.1. Общая характеристика проанализированных дел

Из 47 уголовных дел обвинительный приговор был вынесен в 31 случае (66%), оправдательный — в 9 случаях (19%), ещё в 7 делах (15%) производство прекращено по нереабилитирующим основаниям (смерть обвиняемого, истечение сроков давности, примирение с потерпевшим с выплатой компенсации). Распределение по квалификации: ст. 124 УК РФ — 28 дел, ч. 2 ст. 109 УК РФ — 19 дел. При этом в 8 делах врач был осуждён по совокупности обеих статей.

Наиболее частые нозологии, при которых отказ в госпитализации повлёк смерть:

– Острый коронарный синдром (ОКС) и инфаркт миокарда — 14 дел (30%)
– Острое нарушение мозгового кровообращения (ОНМК, инсульт) — 11 дел (23%)
– Тяжёлая сочетанная травма — 7 дел (15%)
– Острый панкреатит — 4 дела (9%)
– Сепсис и инфекционные заболевания — 5 дел (11%)
– Декомпенсация хронической сердечной недостаточности — 6 дел (12%)

3.2. Типичные дефекты оказания помощи при отказе в госпитализации

Анализ материалов дел позволил выделить следующие повторяющиеся дефекты:

Дефект 1: Неверная оценка тяжести состояния пациента. В 22 делах (47%) экспертная комиссия установила, что врач скорой или приёмного покоя недооценил витальные показатели (АД, ЧСС, сатурацию, уровень сознания). Характерный пример: пациент с жалобами на давящие боли за грудиной, АД 90/60, тахикардия 120 ударов в минуту. Врач диагностировал «межрёберную невралгию» и отказал в госпитализации, назначив обезболивающие. Через 6 часов — смерть от обширного инфаркта. Экспертиза: прямая причинная связь.

Дефект 2: Отсутствие врачебного консилиума или консультации заведующего. В 15 делах (32%) врач единолично принял решение об отказе в госпитализации без согласования с более опытным коллегой, хотя внутренние регламенты медицинской организации это требовали. Суд в данных случаях расценивал это как нарушение должностной инструкции.

Дефект 3: Формальная ссылка на отсутствие мест без подтверждения. В 10 делах (21%) врач в карте вызова указал «отказ в госпитализации в связи с отсутствием свободных коек», однако не предпринял попыток связаться с другими стационарами, не активировал механизм межбольничной транспортировки. Эксперты признали это не уважительной причиной, а формальным подходом.

Дефект 4: Неправильное оформление отказа. В 8 делах (17%) отказ в госпитализации вообще не был документально зафиксирован в медицинской карте. Врач устно сказал пациенту или родственникам «идите домой», после чего пациент умер. В такой ситуации доказать отсутствие умысла крайне сложно для защиты, а суд трактует отсутствие записи как попытку скрыть дефект.

Дефект 5: Игнорирование динамики состояния. В 6 делах (13%) пациент был осмотрен, ему было предложено амбулаторное лечение, но через 3–6 часов состояние резко ухудшилось, родственники повторно вызвали скорую, однако время было упущено. Врач первой бригады не дал рекомендаций о том, при каких симптомах нужно срочно вызывать помощь повторно.

3.3. Прецедентные дела (кейсы из практики)

Кейс №1. Прямая причинная связь установлена. (Областной суд, 2021)

Пациент М., 54 года, вызвал скорую помощь с жалобами на интенсивную боль в эпигастрии, тошноту, слабость. Фельдшер бригады поставил диагноз «острый гастрит», отказал в госпитализации, назначил спазмолитики. Через 8 часов пациент скончался. При вскрытии — острый деструктивный панкреатит с панкреонекрозом. Судебно-медицинский эксперт указал: «При своевременной госпитализации в хирургический стационар, проведении инфузионной терапии, ингибиторов протеаз возможно было предотвратить летальный исход. Отказ в госпитализации находится в прямой причинной связи со смертью». Фельдшер осуждён по ч. 2 ст. 109 УК РФ к 2 годам ограничения свободы.

Кейс №2. Причинная связь не установлена. (Верховный суд республики, 2022)

Пациентка К., 71 год, страдала диссеминированным раком молочной железы с метастазами в лёгкие и печень. Врач онкологического диспансера отказал в повторной госпитализации, сославшись на отсутствие показаний для активного противоопухолевого лечения, и перевёл пациентку на паллиативное наблюдение на дому. Через 12 дней пациентка умерла от прогрессирования основного заболевания. Родственники обратились в суд, обвинив врача в отказе в госпитализации. Комиссионная СМЭ установила: «Смерть наступила от основного заболевания. Даже при условии экстренной госпитализации за 12 дней до смерти, прогноз оставался абсолютно неблагоприятным ввиду генерализации опухолевого процесса. Причинная связь между отказом в госпитализации и смертью отсутствует». В уголовном деле отказано, гражданский иск отклонён.

Кейс №3. Спорная ситуация, Верховный Суд РФ изменил решение. (Определение ВС РФ № 45-УД22-15)

Врач приёмного покоя отказал в госпитализации пациенту с подозрением на инсульт, поскольку при КТ-исследовании очаговой патологии не выявлено, а неврологический дефицит был минимальным. Пациент направлен домой. Через 48 часов — смерть от лакунарного инфаркта с отёком мозга. Суд первой инстанции оправдал врача, указав, что на момент осмотра показаний к госпитализации не было. Прокуратура обжаловала. Верховный Суд РФ отменил оправдательный приговор, указав: «При подозрении на острое нарушение мозгового кровообращения, даже при отсутствии КТ-подтверждения, пациент подлежит госпитализации в сосудистый центр для динамического наблюдения в течение минимум 24 часов, что предусмотрено клиническими рекомендациями. Отказ в госпитализации в данном случае является грубым нарушением стандарта». Дело направлено на новое рассмотрение.

4. Критерии установления причинной связи

На основе анализа экспертных заключений и судебных решений предлагается выделить три обязательных критерия, при одновременном наличии которых отказ в госпитализации признаётся находящимся в прямой причинной связи со смертью пациента:

Критерий 1. Наличие объективных показаний к экстренной госпитализации. К ним относятся: угрожающие жизни изменения витальных функций (уровень сознания по шкале Глазго менее 14, сатурация менее 92%, систолическое АД менее 90 мм рт.ст., ЧСС более 130 или менее 40 ударов в минуту); острый болевой синдром, не купирующийся анальгетиками; подозрение на ОКС, инсульт, острую хирургическую патологию. Наличие хотя бы одного из этих признаков делает отказ в госпитализации заведомо необоснованным.

Критерий 2. Отсутствие альтернативных методов лечения на дому. Если состояние пациента допускает полноценное амбулаторное лечение с подтверждённой эффективностью (например, неосложнённый гипертонический криз, ОРВИ без дыхательной недостаточности), отказ в госпитализации может быть признан правомерным. Однако при сомнении в эффективности амбулаторной помощи приоритет отдаётся госпитализации.

Критерий 3. Реальная возможность предотвращения летального исхода при своевременной госпитализации. Это наиболее сложный для экспертизы критерий. Он требует ответа на вопрос: «Если бы пациент был госпитализирован на Х часов раньше, какие медицинские мероприятия могли быть проведены и с какой вероятностью они предотвратили бы смерть?». В практике эксперты используют понятие «потеря шанса на выживание». Если своевременная госпитализация повышала бы шанс на выживание более чем на 50%, причинная связь признаётся доказанной. Если шанс был менее 10% (например, при молниеносном сепсисе), связь, как правило, отрицается.

5. Алгоритм судебно-медицинской оценки отказа в госпитализации

На основе выделенных критериев предлагается следующий алгоритм для судебно-медицинских экспертов и следователей:

Шаг 1. Установить факт отказа в госпитализации. Проверить медицинскую документацию (карта вызова скорой помощи, амбулаторная

карта, журнал приёмного покоя). Наличие или отсутствие письменной фиксации отказа.

Шаг 2. Определить тип госпитализации, в которой было отказано (экстренная, плановая, паллиативная).

Шаг 3. Оценить объективные показания к госпитализации на момент осмотра (по критерию №1). Использовать шкалы объективной оценки тяжести (например, шкалу NEWS2 для оценки витальных функций).

Шаг 4. Проанализировать уважительность причин отказа. Были ли места в стационаре? Предпринимал ли врач попытки перевода? Был ли оформлен письменный отказ пациента?

Шаг 5. Ретроспективно смоделировать сценарий «при своевременной госпитализации». Какое лечение было бы проведено? Каков средний прогноз выживаемости при данной патологии?

Шаг 6. Сформулировать вывод о причинной связи по трёхчленной шкале:

– Прямая причинная связь (отказ в госпитализации является необходимым условием наступления смерти);
– Косвенная (условная) причинная связь (отказ снизил шансы на выживание, но смерть могла наступить и при своевременной госпитализации);
– Отсутствие причинной связи (смерть наступила от основного заболевания независимо от госпитализации).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. По теоретико-правовым аспектам. Отказ врача в госпитализации, повлёкший смерть пациента, может квалифицироваться по ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) либо по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Отсутствие легального определения «госпитализации» в российском законодательстве создаёт трудности для правоприменителя и требует восполнения данного пробела.
2. По эмпирическим данным. В 66% проанализированных уголовных дел суды выносят обвинительные приговоры. Наиболее частые нозологии: острый коронарный синдром (30%) и инсульт (23%). Типичные дефекты: неверная оценка тяжести состояния (47%), отсутствие врачебного консилиума (32%), формальная ссылка на отсутствие мест (21%).
3. По критериям причинной связи. Предложены три критерия, при наличии которых отказ в госпитализации признаётся находящимся в прямой причинной связи со смертью: (а) объективные показания к экстренной госпитализации; (б) отсутствие равноэффективных альтернатив лечения на дому; (в) реальная возможность предотвращения летального исхода при своевременной госпитализации.
4. Практические рекомендации. Врачам рекомендуется письменно фиксировать мотивированный отказ, согласовывать его с заведующим, предпринимать попытки перевода пациента в другой стационар.
5. Научная новизна. Впервые на репрезентативной выборке судебных дел систематизированы типичные дефекты оказания помощи при отказе в госпитализации и разработан алгоритм экспертной оценки причинной связи.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). — Текст : непосредственный.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. — Текст : непосредственный.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. — Текст : непосредственный.

[4] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». — Текст : непосредственный.

[5] Никулина В.А. «Не навреди»: нормативная и экспертная оценка последствий неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи / В.А. Никулина. — Текст : непосредственный // Правоприменение. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 119–128. — DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).119-128

[6] Калинин Р.Э. О необходимости разработки медицинских критериев причинно-следственной связи по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи / Р.Э. Калинин, Е.Х. Баринов. — Текст : непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2024. — Т. 67, № 6. — С. 5–11. — DOI: 10.17116/sudmed2024670605

[7] Нагорная И.И. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников: новый подход / И.И. Нагорная. — Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. — 2021. — № 1. — С. 147–157. — DOI: 10.34076/20713797_2021_1_147

[8] Бимбинов А.А. Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности / А.А. Бимбинов. — Текст : непосредственный // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26, № 7. — С. 125–137. — DOI: 10.12737/jrl.2022.077

[9] Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика / Г.А. Есаков. — Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 1. — С. 81–96.

[10] Шмаров Л.А. Бездействие и причинность / Л.А. Шмаров. — Текст : неосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2021. — Т. 64, № 2. — С. 58–62. — DOI: 10.17116/sudmed20216402158

[11] Ковалев А.В. Квалификация неоказания помощи больному в судебно-медицинской практике / А.В. Ковалев, Д.С. Кадочников, А.А. Мартемьянова. — Текст : непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2015. — Т. 58, № 1. — С. 4–7. — DOI: 10.17116/sudmed20155814-7

[12] Божченко А.П. К вопросу о правилах и медицинских критериях определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека / А.П. Божченко. — Текст : непосредственный // Медицинское право. — 2022. — № 2. — С. 32–38.

[13] Врачебные дела: юридическая и экспертная оценка проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи : монография / отв. ред. А.А. Мохов. — Москва : Блок-Принт, 2024. — 368 с. — Текст : непосредственный.

[14] Семина Т.В. Уголовная ответственность врача в современной России : монография / под общ. ред. Т.В. Семиной. — Москва : Проспект, 2021. — 352 с. — Текст : непосредственный.

[15] Калинин Р.Э. Использование альтернативных источников данных в судебно-медицинской экспертизе по материалам «врачебных» дел / Р.Э. Калинин, Е.Х. Баринов. — Москва : Проспект, 2023. — 176 с. — Текст : непосредственный.

[16] Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : учебно-практическое пособие / Г.Н. Борзенков. — Москва : Зерцало-М, 2013. — 256 с. — Текст : непосредственный.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993). - Text: direct.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ. - Text: direct.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ. - Text: direct.

[4] Federal Law No. 21.11.2011 of 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation.” - Text: direct.

[5] Nikulina V.A. “Do no harm”: regulatory and expert assessment of the consequences of non-provision or improper provision of medical care/V.A. Nikulina. - Text: direct//Enforcement. — 2025. - T. 9, NO. 4. - S. 119-128. — DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).119-128

[6] Kalinin RE. On the need to develop medical criteria for causal relationship in cases of inadequate medical care/RE Kalinin, E.Kh. Barinov. - Text: direct// Forensic medical examination. — 2024. - T. 67, NO. 6. - S. 5-11. — DOI: 10.17116/sudmed2024670605

[7] I.I. Nagornaya. Criminal liability for professional crimes of medical workers: a new approach/I.I. Nagornaya. - Text: direct//Russian Law Journal. — 2021. — № 1. - S. 147-157. — DOI: 10.34076/20713797_2021_1_147

[8] Bimbinov A.A. Causing harm in the provision of medical care as the provision of services that do not meet safety requirements/A.A. Bimbinov. - Text: direct//Journal of Russian law. — 2022. - T. 26, NO. 7. - S. 125-137. — DOI: 10.12737/jrl.2022.077

[9] Yesakov G.A. Causal connection in difficult situations: criminal law science and judicial practice/G.A. Yesakov. - Text: direct//Right. Journal of the Higher School of Economics. — 2016. — № 1. - S. 81-96.

[10] L.A. Shmarov Inaction and Causality/L.A. Shmarov. - Text: indirect//Forensic medical examination. — 2021. - T. 64, NO. 2. - S. 58-62. — DOI: 10.17116/sudmed20216402158

[11] Kovalev A.V. Qualification of non-provision of assistance to a patient in forensic practice/A.V. Kovalev, D.S. Kadochnikov, A.A. Martemyanova. - Text: direct//Forensic medical examination. — 2015. - T. 58, NO. 1. - S. 4-7. — DOI: 10.17116/sudmed20155814-7

[12] Bozhchenko A.P. On the question of the rules and medical criteria for determining the severity of harm caused to human health/A.P. Bozhchenko. - Text: immediate//Medical law. — 2022. — № 2. - S. 32-38.

[13] Medical cases: legal and expert assessment of problems of inadequate medical care: monograph/rev. ed. A.A. Mokhov. - Moscow: Block Print, 2024. - 368 p. - Text: direct.

[14] T.V. Semina. Criminal liability of a doctor in modern Russia: monograph/under the general. ed. T.V. Semina. - Moscow: Prospect, 2021. - 352 p. - Text: direct.

[15] Kalinin R.E. Use of alternative data sources in forensic medical examination based on materials from “medical” cases/R.E. Kalinin, E.Kh. Barinov. - Moscow: Prospekt, 2023. - 176 p. - Text: direct.

[16] Borzenkov G.N. Crimes against life and health: law and law enforcement practice: educational and practical manual/G.N. Borzenkov. - Moscow: Zertsalo-M, 2013. - 256 p. - Text: direct.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-523-528
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ТАТИКЯН Азат Андреевич,
Студент 2 курса магистратуры
Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: azattatikyan@mail.ru

ПРОДЛЕНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПАТЕНТА НА ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ И СООТНОШЕНИЕ С ИНСТИТУТОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПАТЕНТА

Аннотация. *В статье исследуются проблемы продления срока действия евразийского патента на лекарственное средство на территории Российской Федерации и его соотношение с российским институтом дополнительного патента, введённым с 1 января 2015 года. Актуальность темы обусловлена функциональной близостью российской и евразийской моделей продления при их существенном конструктивном расхождении, а также вступлением в силу с 1 февраля 2026 года новой редакции правила 16 Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, которая уточняет порядок продления, но сохраняет ряд пробелов. Целью статьи служит оценка того, в какой степени изменения 2025 года в евразийском регулировании способны решить проблему правовой определённости объёма охраны при продлении евразийского патента на территории Российской Федерации, и насколько евразийская модель соотносима с российским институтом дополнительного патента. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. По итогам исследования обосновывается, что различие между двумя моделями носит не только процедурный, но и конструктивный характер: российская модель основана на выдаче нового охранного документа с уточнённой формулой, тогда как евразийская ограничивается продлением прежнего охранного документа. Предлагается критерий правовой определённости продлённой охраны и формулируются рекомендации по совершенствованию евразийского регулирования.*

Ключевые слова: *евразийский патент; продление срока действия патента; лекарственное средство; дополнительный патент; статья 1363 ГК РФ; Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции; формула Маркуша; объём правовой охраны; правовая определённость; Суд по интеллектуальным правам.*

TATIKYAN Azat Andreevich,
Master's Degree Student (Year 2),
Faculty of International Law, Moscow State Institute
of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation

EXTENSION OF THE TERM OF A EURASIAN PATENT FOR A MEDICINAL PRODUCT IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL CERTAINTY AND THE RELATIONSHIP WITH THE INSTITUTION OF A SUPPLEMENTARY PATENT

Annotation. *The article examines the problems of extending the term of a Eurasian patent for a medicinal product in the territory of the Russian Federation and its relationship with the Russian institution of the supplementary patent, introduced on 1 January 2015. The topic is relevant due to*

the functional proximity of the Russian and Eurasian extension models despite their substantial structural divergence, as well as the entry into force on 1 February 2026 of the new wording of Rule 16 of the Patent Instruction to the Eurasian Patent Convention, which clarifies the extension procedure but retains a number of gaps. The purpose of the article is to assess the extent to which the 2025 amendments to the Eurasian regulation are capable of resolving the problem of legal certainty of the scope of protection upon extension of a Eurasian patent in the territory of the Russian Federation, and to what extent the Eurasian model is compatible with the Russian institution of the supplementary patent. The methodological framework includes formal legal, systemic, comparative legal and doctrinal methods. The article concludes that the distinction between the two models is not only procedural but also structural: the Russian model is based on the issuance of a new protective document with a clarified claim, whereas the Eurasian model is limited to extending the existing patent itself. A criterion of legal certainty of the extended protection is proposed, and recommendations for improving the Eurasian regulation are formulated.

Key words: *Eurasian patent; patent term extension; medicinal product; supplementary patent; Article 1363 of the Civil Code of the Russian Federation; Patent Instruction to the Eurasian Patent Convention; Markush formula; scope of legal protection; legal certainty; Intellectual Property Court.*

Введение

Фармацевтическая отрасль выступает одной из наиболее важных стратегически и социально для государства и граждан, с одной стороны, и экономически привлекательных для бизнеса, с другой. Находясь на стыке подобных интересов, она неизбежно нуждается в сбалансированном регулировании, учитывающем потребности всех заинтересованных сторон. Одним из инструментов поддержания такого баланса выступает продление срока действия патентов на изобретения, представляющее собой один из наиболее чувствительных институтов патентного права в сфере фармацевтики.

В доктрине обоснован подход, в соответствии с которым продление монополии на лекарственный препарат не является лишь компенсацией за регуляторную задержку, а представляет собой специфическую льготу, направленную на стимулирование вывода на рынок реального запатентованного продукта. Как подчёркивает А. В. Залесов, патентная монополия предоставляется государством на стандартный срок за раскрытие обществу нового, неочевидного специалисту и промышленно применимого технического решения [1], тогда как продление вознаграждает именно за его внедрение в хозяйственный оборот путём прохождения клинических испытаний и регистрационных процедур.

В российском праве после вступления в силу изменений в пункт 2 статьи 1363 ГК РФ с 1 января 2015 года продление осуществляется посредством выдачи дополнительного патента с новой формулой, характеризующей конкретный продукт. В евразийском праве используется иная модель: правило 16(5) Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции допускает продление срока действия евразийского патента в отношении того государства-участника, национальное законодательство которого предусматривает продление, однако новый самостоятельный охранный документ, по своей сущности аналогичный российскому дополнительному патенту, при этом не выдаётся.

Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 07.06.2023 № 1495-р) прямо называет среди слабых сторон отрасли несовершенство правоприменительной практики в области патентования лекарственных средств. Как отмечает А. В. Латынцев, сфера лекарственного обеспечения является одной из наиболее социально значимых, непосредственно связанных с реализацией прав на охрану здоровья, и потому требует повышенного внимания в части соблюдения баланса частных и публичных интересов [2]. Президиум Суда по интеллектуальным правам в постановлении от 18.10.2021 № С01-435/2021 по делу № СИП-461/2020 также указывает, что выдача дополнительного патента не должна необоснованно препятствовать развитию науки и деятельности третьих лиц с применением решений по истечении срока действия основного патента.

Проблематика продления патентной охраны лекарственных средств получила в российской доктрине широкое освещение. Наиболее последовательно тему разрабатывает А. В. Залесов, которому принадлежит серия публикаций: о правовой природе продления [1], о противоречии продления нескольких патентов на одно лекарственное средство [3], о проблемах правового регулирования [4] и о недействительности дополнительного патента [5]. Автор прослеживает эволюцию института от введения в 2003 году до реформы 2015 года и фиксирует, что даже после введения дополнительного патента его правовая судьба явно не урегулирована действующим законодательством. Е. Е. Назина, анализируя практику применения подзаконных актов о продлении, обратила внимание на то, что требование

идентичности формулы изобретения активному ингредиенту, установленное подзаконным актом, не согласуется с положениями статьи 1363 ГК РФ, а при буквальном толковании делает невозможным продление практически любых патентов на фармацевтические продукты [6]. А. В. Латынцев предлагает закрепить в законодательстве принцип «одно лекарственное средство — продление одного патента» и ввести возможность прекращения дополнительного патента при отмене регистрации препарата [2]. Наиболее комплексное исследование представлено в монографии под общей редакцией Л. А. Новосёловой [7].

Вместе с тем соотношение российской модели дополнительного патента и евразийской модели продления в контексте изменений 2025–2026 годов на данный момент не исследовано достаточно. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что различие между двумя моделями квалифицируется как конструктивное, а не только процедурное, предлагается критерий правовой определённости продлённой охраны, и показывается, что изменения правила 16 Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции проблему не решают, хотя и смягчают её в определённой степени.

Цель статьи состоит в определении того, в какой степени изменения 2025 года в евразийском регулировании способны решить проблему правовой определённости объёма охраны при продлении евразийского патента на территории Российской Федерации, и насколько евразийская модель соотносима с российским институтом дополнительного патента.

Российская модель: дополнительный патент как новый охранный документ с новой формулой

Согласно пункту 2 статьи 1363 ГК РФ, если с даты подачи заявки на выдачу патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству, до дня получения первого разрешения на применение прошло более пяти лет, срок действия исключительного права продлевается с выдачей дополнительного патента. Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение, утверждённый приказом Минэкономразвития России от 03.11.2015 № 809, предусматривает, что формула изобретения характеризует продукт, на применение которого получено разрешение, если совокупность признаков, определяющих объём правовой охраны, идентична активному ингредиенту лекарственного средства.

Для понимания значения реформы 2015 года необходимо учитывать предшествующую практику. Как детально описывает А. В. Залесов, до 2015 года «и по национальной, и по евразийской процедуре уполномоченные ведомства продлевали несколько патентов с разной датой подачи, относящихся к одному лекарственному средству», причём «обычно, продлив патент на формулу Маркуша, затем — патент на соединение и наконец — на конкретную форму (или полиморф), оригинатор добивался удивительного результата, что он обладает монополией на конкретный препарат на российском рынке в течение 27–28 лет» [5]. Президиум Суда по интеллектуальным правам в постановлении по делу № СИП-25/2022 подтвердил, что с 2015 года действие исключительного права продлевается только на конкретное соединение или композицию лекарственного средства, которое проходило клинические испытания и на применение которого было получено разрешение.

Реформа 2015 года означала, что дополнительный патент удостоверяет новый объём прав, поскольку должен содержать новую формулу изобретения, характеризующую конкретный продукт, на применение которого получено первое разрешение. При этом механизм продления приобрёл двойственный характер: с одной стороны, продлевается срок действия основного патента, с другой — выдаётся самостоятельный дополнительный патент с новой формулой.

Е. Е. Назина справедливо указывает, что данный институт породил серьёзные практические проблемы. Порядок, утверждённый приказом Минэкономразвития России от 03.11.2015 № 809, установил требование «идентичности» признаков формулы активному ингредиенту, однако это требование, строго говоря, не согласуется с текстом статьи 1363 ГК РФ, которая говорит лишь о совокупности признаков запатентованного изобретения, характеризующей продукт [6]. Более того, между датой вступления в силу новой редакции (1 января 2015 года) и принятием подзаконных актов (январь 2016 года) Роспатент в течение года не мог рассматривать ходатайства о продлении ввиду отсутствия регламентирующих документов.

Судебная практика подтверждает как работоспособность, так и сложность российской модели. В решении Суда по интеллектуальным правам от 12.05.2025 и постановлении президиума этого же суда от 15.09.2025 № С01-1033/2025 по делу № СИП-208/2024 суды исходили из необходимости проверки идентичности продукта по формуле дополнительного патента и лекарственного средства по регистрационному удостоверению. В решении от 25.07.2023 по делу № СИП-920/2022 продление было признано недействительным в части, а в постановлении президиума от 21.09.2023 по делу № СИП-954/2022 суд разграничил принципиальную возможность продле-

ния и возможность его продления на условиях выдачи именно того дополнительного патента, формула которого представлена патентообладателем, подтвердив, что формула дополнительного патента подлежит самостоятельной проверке.

Евразийская модель: продление без выдачи нового охранного документа

Евразийская модель построена принципиально иначе. Согласно правилу 16(5) Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, продление осуществляется Евразийским патентным ведомством с учётом условий национального законодательства соответствующего государства. При этом евразийское ведомство не выдаёт аналогичный российскому дополнительный патент, а продлевает действие уже существующего евразийского патента. При удовлетворении заявления сведения о продлении публикуются в Бюллетене Евразийского патентного ведомства в порядке, предусмотренном приказом ЕАПО от 05.03.2009 № 8.

Как отмечает А. В. Залесов, именно практика Евразийского патентного ведомства первоначально предлагала альтернативный путь: ограничение монополии конкретным изобретением «в рамках патента с тем же номером и путём изменения формулы», то есть без выдачи нового охранного документа [5]. Однако этот путь не предполагал формирования самостоятельного документа, из которого третьи лица могли бы непосредственно установить точные границы продлённой охраны столь же явно, как в случае с российским дополнительным патентом.

Анализ данных Реестра евразийских патентов и Фармреестра Евразийского патентного ведомства показывает, что свидетельство о продлении, как правило, не содержит самостоятельной формулы изобретения с объёмом охраны, идентичным активному ингредиенту. Формулировка «продлён в отношении» определённых пунктов и продукта указывает на объект продления, но сама по себе не создаёт уточнённых пределов охраны исключительного права, оставляя их в рамках уже существующих пунктов оригинальной формулы.

Судебная практика по делу № СИП-1030/2020 подтвердила работоспособность евразийской модели: решением Суда по интеллектуальным правам от 20.05.2022 было признано законным продление евразийского патента № 007251 (компании «Pfizer», препарат «Яквинус»), несмотря на то, что формула содержала общую структурную формулу.

Изменения правила 16 Патентной инструкции и пределы их правового значения

Изменения правила 16 Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, принятые решением Административного совета Евразийской патентной организации от 14–15 октября 2025 года и введённые в действие с 1 февраля 2026 года, представляются значимыми по двум основным направлениям.

Во-первых, уточнён объект охраны, в отношении которого продлевается срок действия исключительного права: прямо указано, что действие продлённого патента распространяется на изобретение, относящееся к охраняемому патентом продукту, на применение которого получено разрешение уполномоченного органа, и на указанное в разрешении применение этого продукта.

Во-вторых, расширены основания для возражения по правилу 16(7): помимо несоблюдения национальных условий продления, возражение допускается в случае признания евразийского патента недействительным либо его ограничения в той мере, в какой продукт более не охраняется формулой. Порядок подачи и рассмотрения таких возражений определён приказом ЕАПО от 27.07.2021 № 34.

Представляется, что изменения 2025 года имеют важное, но ограниченное значение. Проблема определённости объёма охраны после продления состоит не в отсутствии словесной привязки к разрешённому продукту, а в отсутствии самостоятельного охранного документа с новой формулой. Новая редакция правила 16(5) объясняет, на какой продукт и на какое применение должна распространяться охрана, но не отвечает на вопрос: каким именно образом этот продукт соотносится с исходными пунктами формулы изобретения, если она построена как формула Маркуша.

Российская модель решает эту проблему через дополнительный патент с новой скорректированной формулой, давая юридически самостоятельный и более определённый объект охраны с новым сроком действия. Евразийская модель оставляет в основе исходную формулу и дополняет её публикацией. Для третьих лиц это различие принципиально: установление точных границ охраны требует самостоятельного толкования исходной формулы в сочетании с регистрационным удостоверением. Расширение оснований для возражения по правилу 16(7) также не решает проблему окончательно: оспаривание является средством последующего контроля, а не механизмом первоначальной юридической фиксации объекта охраны.

Нерешённая проблема правовой судьбы дополнительного патента

Особого внимания заслуживает проблема, которую А. В. Залесов квалифицирует как отсут-

ствие урегулирования правовой судьбы дополнительного патента при признании недействительным основного [5]. Как указывает автор, в действующей практике Роспатент при рассмотрении возражения против основного патента не распространяет заключение коллегии Палаты по патентным спорам о патентоспособности объекта на дополнительный патент, и лицо, получившее удовлетворение своего возражения по основному патенту, должно обращаться с новым, идентичным возражением против дополнительного патента.

Эта проблема получила судебное подтверждение в решении Суда по интеллектуальным правам от 01.03.2024 по делу № СИП-1039/2023, где суд указал, что статьи 1363 и 1398 ГК РФ предусматривают подачу возражения против каждого патента в отдельности и не предусматривают автоматической корректировки дополнительного патента при признании основного частично недействительным. Монография под общей редакцией Л. А. Новосёловой справедливо отмечает парадоксальное следствие: если возражение против дополнительного патента не поступит, он продолжит действие, что противоречит назначению и смыслу правового механизма продления [7].

Данная проблема проявляется ещё острее в евразийской системе, где отсутствует сам институт дополнительного патента. Если российская модель хотя бы создаёт формальный объект для оспаривания (дополнительный патент), то при евразийском продлении предметом спора становится решение Евразийского патентного ведомства о продлении, оспаривание которого, как показало дело № СИП-1030/2020, само по себе поднимает вопрос о компетенции национального суда.

Сравнительно-правовой контекст

Сравнительный анализ подтверждает, что обе развитые западные модели обеспечивают более высокий уровень определённости, чем евразийская. Как отмечает А. В. Залесов, в западных системах продление осуществляется либо продлением одного патента (и только одного) с ограничением его формулы по объёму до конкретного фармацевтического продукта, как в США, либо предоставлением исключительного права на конкретное лекарственное средство с выдачей удостоверяющего это право документа — дополнительного охранного сертификата (Supplementary Protection Certificate, SPC) в Европейском союзе [5].

Европейская модель, закреплённая Регламентом (ЕС) № 469/2009 Европейского парламента и Совета от 6 мая 2009 г. о дополнительном охранном сертификате для лекарственных средств, предусматривает выдачу самостоятельного охранного документа на конкретный продукт. Российский механизм после реформы 2015 года значительно сблизился с европейской моделью, однако сохранил аналогичное американской модели указание на продление срока действия основного патента [7].

На этом фоне евразийская модель выглядит менее определённой: она продлевает прежний охранный документ по конкретным пунктам формулы изобретения без его последующего уточнения.

Критерий правовой определённости продлённой охраны и предложения по совершенствованию регулирования

На основе проведённого анализа предлагается критерий правовой определённости продлённой охраны в фармацевтической сфере. Такая определённость достигается лишь тогда, когда из официально опубликованных сведений и из самой патентной формулы третье лицо может без обращения к внешнему толкованию установить три элемента одновременно: конкретный продукт, конкретное разрешённое применение и пределы правовой охраны, сохраняющейся после продления.

Российская модель дополнительного патента обеспечивает все три элемента даже с учётом обоснованных замечаний Е. Е. Назиной о неясности требований к формуле [6] и А. В. Залесова о неясности правовой судьбы дополнительного патента [5]. Евразийская модель обеспечивает первые два элемента через публикацию. В то же время третий элемент, служащий для определения пределов правовой охраны, остаётся производным от пунктов исходной формулы, которые могут быть существенно шире конкретного продукта.

Дальнейшее совершенствование должно идти по пути точечного повышения прозрачности евразийской модели. Во-первых, целесообразно закрепить обязанность указывать в публикации о продлении дату подачи заявления, номер и дату разрешения на применение, а также формулу изобретения с объёмом правовой охраны, идентичным активному ингредиенту. Во-вторых, следует рассмотреть введение в Порядок Евразийского патентного ведомства требования о представлении формулы, отвечающей условиям национального законодательства, в качестве обязательного приложения к свидетельству о продлении. В-третьих, по аналогии с предложением А. В. Латынцева для российского права [2], целесообразно закрепить возможность прекращения продления евразийского патента при отмене регистрации лекарственного препарата.

Заключение

Продление срока действия евразийского патента на лекарственное средство и российский институт дополнительного патента выполняют одну и ту же компенсаторную функцию, но основаны на разных юридических механизмах. Российская модель после реформы 2015 года строится на выдаче нового охранного документа с новой формулой, обеспечивая более высокий уровень формальной определённости, несмотря на то, что сам институт всё ещё нуждается в дальнейшей доработке.

Евразийская модель строится на продлении прежнего патента с конкретизацией объекта через перечисление применимых пунктов формулы изобретения и привязку к продукту. Изменения правила 16 Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, введённые в действие с 1 февраля 2026 года, уточнили режим продления, но не устранили главного конструктивного разрыва между российскими и евразийскими правилами в виде отсутствия новой скорректированной формулы.

Различие между евразийским продлением и российским дополнительным патентом имеет не только процедурное, но и конструктивное значение. Дальнейшее совершенствование регулирования должно быть направлено на обеспечение правовой определённости через обязательное приложение уточнённой формулы к свидетельству о продлении и повышение подробности публикуемых сведений.

Список литературы:

[1] Залесов А. В. Правовая природа продления монопольного патентного права на лекарственное средство // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 6. С. 6–12.

[2] Латынцев А. В. Особенности пролонгации патентной охраны в отношении лекарственных средств // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 85–92.

[3] Залесов А. В. О противоречии продления нескольких патентов, относящихся к одному лекарственному средству // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2022. № 5. С. 23–32.

[4] Залесов А. В. Проблемы правового регулирования продления срока действия патента на лекарственное средство и агрохимикат в Российской Федерации // Право и экономика. 2022. № 6. С. 47–53.

[5] Залесов А. В. Недействительность дополнительного патента на лекарственное средство // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2023. № 6. С. 43–52.

[6] Назина Е. Е. Дополнительный патент на изобретение: возможности и проблемы // Патентный поверенный. 2017. № 1.

[7] Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения: монография / под общ. ред. Л. А. Новосёловой. М.: Проспект, 2024.

References:

[1] Zalesov A. V. The legal nature of the extension of the monopoly patent right for a medicinal product//Patents and licenses. Intellectual rights. 2022. № 6. S. 6-12.

[2] Latyntsev A. V. Features of the prolongation of patent protection in relation to medicines//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2024. № 4 (46). S. 85-92.

[3] Zalesov A. V. On the contradiction of the renewal of several patents related to one drug//Intellectual property. Industrial property. 2022. № 5. S. 23-32.

[4] A. Zalesov. Problems of legal regulation of the extension of the validity of a patent for a medicine and an agrochemicals in the Russian Federation//Law and Economics. 2022. № 6. S. 47-53.

[5] Zalesov A. V. Invalidity of Additional Patent for Medicinal Product//Intellectual Property. Industrial property. 2023. № 6. S. 43-52.

[6] Nazin E. E. Additional patent for invention: possibilities and problems//Patent attorney. 2017. № 1.

[7] Renewal of patents for medicines: regulation and practice of use: monograph/under the general. ed. L. A. Novosyolova. M.: Prospect, 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-529-538
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shilovtsev@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ПОЛИКЛИНИКЕ

Аннотация. *Анализ травматизма на рабочем месте является важным для обеспечения безопасных условий труда сотрудников. Эффективный контроль и другие меры приводят к снижению рабочих травм и способствуют созданию качественной рабочей среды. В статье представлена оценка травматизма среди сотрудников поликлиники.*

Ключевые слова: *травматизм, работники здравоохранения, охрана труда, здоровье, условия труда.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,

Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SINKO Vera Nikolaevna,
senior lecturer of the philosophy department,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Theory,
Methodology and Legal Support of State
and Municipal Administration, Ural Federal University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer, Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

ANALYSIS OF STATISTICS ON ACCIDENTS AND OCCUPATIONAL DISEASES IN A CLINIC

Annotation*. Analyzing workplace injuries is essential for ensuring safe working conditions for employees. Effective monitoring and other measures reduce workplace injuries and contribute to a high-quality work environment. This article presents an assessment of injuries among outpatient clinic employees.*

Key words*: injuries, healthcare workers, occupational safety, health, working conditions.*

Цель – анализ условий травматизма работников поликлиники.

Для достижения этой цели необходимо провести анализ уровня травматизма.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Здравоохранение – сфера деятельности, требующая внимания к вопросам безопасности и здоровья как пациентов, так и сотрудников. Важность охраны труда нельзя недооценивать, ведь именно от неё зависит способность медицинского персонала выполнять свои обязанности эффективно и без ущерба для собственного здоровья и здоровья пациентов [1].

Анализ травматизма на рабочем месте является важным для обеспечения безопасных условий труда сотрудников [2]. Эффективный контроль и другие меры приводят к снижению рабочих травм и способствуют созданию качественной рабочей среды. В данном анализе представлена оценка травматизма среди сотрудников поликлиники за период с 2019-2024 гг.

Целью данного исследования является выявление актуальностей в динамике количества происшествий, чтобы предложить решения по их предупреждению и минимизации в будущем.

В *таблице 1* приведены данные о количестве профессиональных травм, полученных сотрудниками ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., указывающий на процентное соотношение случаев травмирования к общему числу работающего персонала, которое на протяжении указанного времени составляло 124 человека.

Таблица 1. Данные о травматизме сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг. [Составлено на основании статистических данных, предоставленных ГАУЗ СО ГБ № 1]

Год	Количество травм
2019 г.	8
2020 г.	6
2021 г.	9
2022 г.	5
2023 г.	3
2024 г.	7

Наглядно, данные таблицы данные о травматизме сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., представлены на *рисунке 1.*

Рисунок 1. Данные о травматизме сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг.

Из представленной таблицы видно, что в течение исследуемого периода были колебания в количестве происшествий, связанных с травматизмом сотрудников. Самый высокий процент травмирования был зафиксирован в 2021 году, который может быть связан со специфическими условиями работы во время пандемии или другими факторами, требующими дополнительного рассмотрения. Самый низкий процент был выявлен в 2023 году, свидетельствуя о потенциальной эффективности мер по улучшению условий и охраны труда в этом периоде.

На протяжении последних лет безопасность на производстве остается одним из главных направлений в области охраны труда. Проведение регулярного анализа происшествий с травмами позволяет выявить потенциальные риски и разработать меры профилактического характера. В *таблице 2* представлена динамика изменения количества различных типов травм за период с 2019-2024 гг. ГАУЗ СО ГБ № 1. Анализируя эти данные, можно проследить актуальность и эффективность внедряемых мер безопасности.

Таблица 2. Динамика типов травм на производстве за период с 2019-2024 гг. ГАУЗ СО ГБ № 1

Тип травмы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Порезы и уколы	2	1	3	-	3	2
Химические ожоги	1	-	2	2	-	1

Термические ожоги	-	1	1	1	-	1
Ушибы и травмы от падений	3	2	2	1	-	1
Переломы	1	1	-	-	-	-
Растяжения и повреждения связок	-	-	2	-	-	-
Инфекционные уколы	1	1	1	1	-	1
Отравления	-	-	-	-	-	1
Психологические травмы	-	-	1	-	-	-
Итого	**8**	**6**	**9**	**5**	**3**	**7**

Наглядно данные таблицы 2 представлены на *рисунке 2.*

Рисунок 2. Динамика типов травм на производстве за период с 2019-2024 гг. ГАУЗ СО ГБ № 1

Исходя из проанализированных данных можно заметить, что количество порезов и уколов демонстрирует стабильные показатели за весь период, исключая 2022 г., когда данные отсутствуют. Это может свидетельствовать о последовательности в работе с острыми инструментами.

Частота химических ожогов и инфекционных уколов остается низкой, что может указывать на эффективные меры защиты от химически вредных веществ и соблюдение санитарных норм.

Отмечается снижение числа ушибов и травм от падений, говорящее о возможном улучшении условий труда и увеличении внимания к физической безопасности персонала.

Общее число травм по большинству категорий снижается с каждым годом, что может свидетельствовать о повышении уровня безопасности на производстве. Особое внимание стоит уделить отсутствию появлению новых типов травм, таких как отравления в 2024 г., что требует дополнительного рассмотрения и возможно, корректировки мер по обеспечению безопасности.

В *таблице 3* представлена классификация травм по степени тяжести за период с 2019-2024 гг., сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1. Травмы были разделены на четыре категории: легкие, средние, тяжелые и потенциально смертельные. Эта классификация позволяет лучше понять динамику травматизма и выявить основные типы травм, которые происходили в указанный период.

Таблица 3. Динамика травматизма сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., в соответствии с классификацией травм по степени тяжести

Год	Легкие травмы	Средние травмы	Тяжелые травмы	Потенциально-смертельные травмы	Итого
2019 г.	6	1	1	-	8
2020 г.	3	2	1	-	6
2021 г.	6	1	1	1	9
2022 г.	5	-	-	-	5
2023 г.	3	-	-	-	3
2024 г.	4	2	1	-	7

Наглядно данные таблицы 3 представлены на *рисунке 3.*

Рисунок 3. Динамика травматизма сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., в соответствии с классификацией травм по степени тяжести

Анализ показывает, что общее количество травм в период с 2019 по 2024 год колебалось, достигая пика в 2021 году. Легкие травмы (порезы) составляют основную часть всех зарегистрированных случаев, в то время как тяжелые травмы (переломы) были зафиксированы только в 2019 и 2020 годах. Потенциально смертельные травмы (отравления) наблюдаются только в 2024 году.

В *таблице 4* представлено распределение зарегистрированных травм по различным отделениям поликлиники за период с 2019-2024 гг. Анализ травматизма в поликлинике позволяет выявить участки, где происходит минимальное количество травм, и определить необходимость принятия мер по улучшению безопасности.

Учитывая разнообразие отделений, таких как врачебные кабинеты, лаборатория, физиотерапия и другие, данное исследование поможет в разработке эффективных мероприятий по снижению уровня травматизма.

Таблица 4. Динамика травматизма сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., по различным отделам поликлиники

Отдел/Участок	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Врачебный кабинет	3	2	5	2	2	3
Лаборатория	1	2	1	2	1	1
Физиотерапия	1	0	1	0	0	1
Кабинет манипуляций	2	1	1	1	0	2
Регистратура	1	1	1	0	0	0
Администрация	0	0	0	0	0	0
Итого	**8**	**6**	**9**	**5**	**3**	**7**

Наглядно данные таблицы 4 представлены на *рисунке 4.*

Рисунок 4. Динамика травматизма сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 за период 2019-2024 гг., по различным отделам поликлиники

Анализ показал, что наибольшее количество травм зарегистрировано во врачебных кабинетах, что может быть связано с высоким уровнем взаимодействия между медицинским персоналом и пациентами.

Физиотерапия и кабинет манипуляций также имеют фиксированные случаи травматизма, что указывает на необходимость внимания к безопасности в этих участках.

Лаборатория и регистратура показали минимальное количество травм, что может свидетельствовать о более безопасной рабочей среде в этих отделениях.

В *таблице 5* представлено количество зарегистрированных травм по должностям сотрудников поликлиники за период с 2019 по 2024 год. Анализ травматизма позволяет выявить, какие категории сотрудников подвергаются наибольшему риску травматизма, и выявить необходимость мер безопасности на рабочем месте.

Таблица 5. Анализ травматизма по должностям сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Должность	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Врачи	3	1	2	1	1	2
Медсестры	2	3	4	3	1	3
Санитары	2	1	1	0	1	1
Административный персонал	0	0	1	0	0	0
Физиотерапевты	1	1	1	1	0	1
Итого	**8**	**6**	**9**	**5**	**3**	**7**

Данные таблицы 5 представлены на *рисунке 5.*

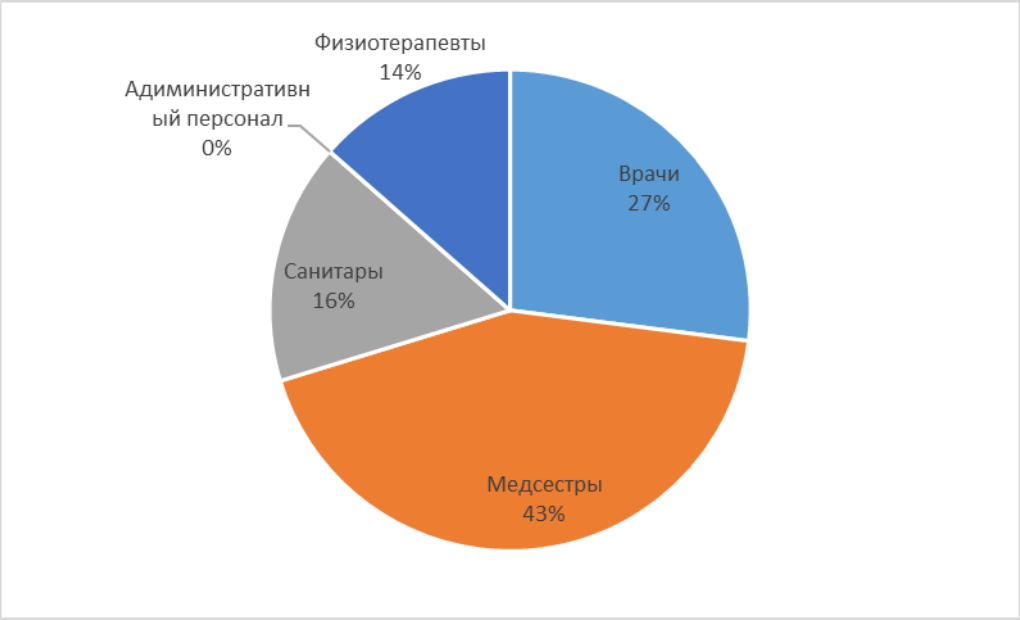

Рисунок 5. Анализ травматизма по должностям сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Анализ показал, что врачи и медсестры являются наиболее подвержены травмам в поликлинике. Врачи зарегистрировали 27% случаев травм за период с 2019-2024 гг., что может быть связано с их активным взаимодействием с пациентами и выполнением медицинских процедур.

Медсестры также имеют значительное количество травм 43% за анализируемый период, что указывает на высокую физическую нагрузку и необходимость работы с пациентами в различных условиях.

Санитары зафиксировали 16% случаев травматизма, что может быть связано с выполнением физически сложных задач, таких как перемещение пациентов и уборка.

Административный персонал не имеет травм, что свидетельствует о более безопасных условиях труда в их области.

Физиотерапевты зарегистрировали 14% случаев травм, что также требует внимания к безопасности в их работе.

В *таблице 6* представлено распределение зарегистрированных травм среди сотрудников поликлиники по категориям опыта работы за период с 2019-2024 гг. Анализ травматизма по опыту работы позволит выявить возможные корреляции между стажем сотрудников и частотой травм, что может помочь в разработке эффективных мер по повышению безопасности на рабочем месте.

Таблица 6. Анализ травматизма по опыту работы сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Опыт работы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Итого
Менее 1 года	4	2	4	2	2	3	17
1-3 года	2	1	3	2	1	2	11
4-6 лет	2	2	1	0	0	1	6
Более 6 лет	0	1	1	1	0	1	4
Итого	**8**	**6**	**9**	**5**	**3**	**7**	**38**

Наглядно данные таблицы 6 представлены на *рисунке 6.*

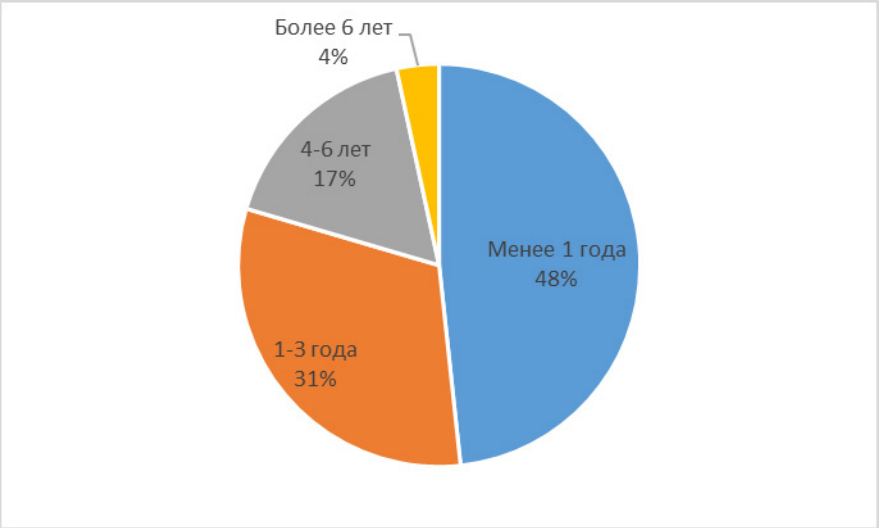

Рисунок 6 . Анализ травматизма по опыту работы сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Анализ таблицы показывает, что сотрудники с опытом работы менее 1 года зарегистрировали наибольшее количество травм 48% за период с 2019 - 2024 гг. Это может свидетельствовать о том, что новички могут сталкиваться с трудностями в адаптации к рабочим процессам и недостатком уверенности в выполнении своих обязанностей.

Сотрудники с опытом от 1 до 3 лет также имеют значительное количество травм 31%, что может указывать на необходимость дополнительного обучения и поддержки в этом периоде, когда они уже имеют некоторый опыт, но все еще могут быть подвержены риску.

Сотрудники с опытом работы от 4 до 6 лет зарегистрировали только 17% случаев травматизма, что может свидетельствовать о том, что они более уверенно выполняют свои обязанности и обладают необходимыми навыками для минимизации рисков.

Наконец, сотрудники с опытом более 6 лет имеют наименьшее количество травм 4%, что может говорить о том, что они адаптировались к рабочей среде и развили устойчивые привычки, способствующие безопасности.

В *таблице 7* представлены основные причины травм, произошедших в поликлинике за период с 2019-2024 гг. Анализ этих причин позволит выявить ключевые факторы, способствующие травматизму, и определить области, требующие внимания для повышения безопасности на рабочем месте.

Таблица 7. Основные причины травм сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Причина травмы	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Итого
Небезопасное оборудование	2	1	2	1	1	0	7
Недостаточная подготовка персонала	3	2	3	2	1	3	14
Недостаток персонала	1	1	1	1	0	3	7
Условия труда	2	1	2	1	1	1	8
Психологические факторы	0	1	1	0	0	0	2
Итого	**8**	**6**	**9**	**5**	**3**	**7**	**38**

Наглядно данные таблицы 7 представлены на *рисунке 7.*

Рисунок 7. Основные причины травм сотрудников ГАУЗ СО ГБ № 1 (2019-2024 гг.)

Анализ показывает, что наиболее частой причиной травм является недостаточная подготовка персонала, что подтверждается 14 зарегистрированными случаями за указанный период. Это может указывать на необходимость более тщательного обучения и повышения квалификации сотрудников, особенно новичков и тех, кто работает с потенциально опасным оборудованием.

Небезопасное оборудование также является значительной причиной травм в 19% случаев, что подчеркивает важность регулярного технического обслуживания и проверки оборудования для обеспечения его безопасности.

Условия труда 21% также играют важную роль, поэтому следует обратить внимание на организацию рабочего пространства и соблюдение стандартов безопасности.

Недостаток персонала 18% может способствовать повышению нагрузки на сотрудников, что также увеличивает риск травм. Психологические факторы, такие как стресс и перегрузка, могут оказывать влияние на безопасность работников, что требует дополнительного внимания.

Выводы:

Анализ травматизма в поликлинике за период с 2019-2024 гг. выявил ряд ключевых факторов, влияющих на безопасность сотрудников и пациентов. В ходе исследования были рассмотрены различные аспекты, включая распределение травм по должностям, опыту работы, а также основные причины их возникновения.

Врачи и медсестры оказались наиболее подверженными травмам, что может быть связано с их активным взаимодействием с пациентами и высоким уровнем физической нагрузки. Это подчеркивает необходимость внедрения программ повышения безопасности и обучения для данных категорий сотрудников.

Сотрудники с опытом работы менее 1 года зарегистрировали наибольшее количество травм. Это указывает на необходимость более тщательной подготовки новичков и внедрения программ наставничества, чтобы помочь им адаптироваться к рабочим условиям и развить необходимые навыки.

Список литературы:

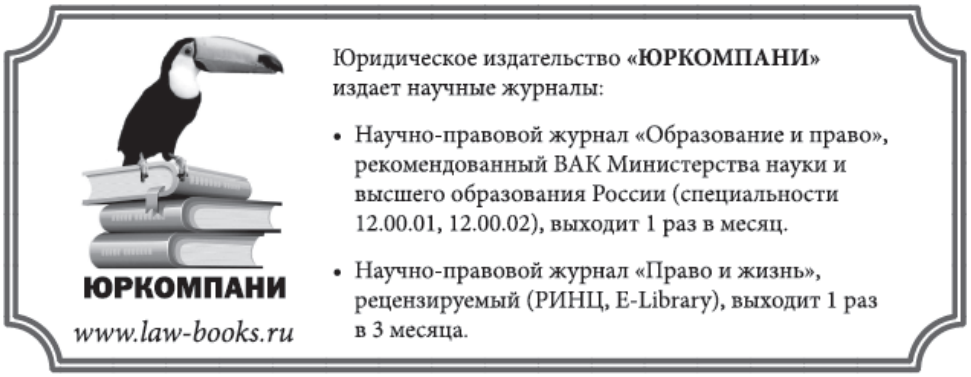
[1] Вредные условия труда медицинских работников [Электронный ресурс] // Академия профессиональных стандартов. – URL: https://dpoaps.ru/blog/vrednye-usloviya-truda-medicinskih-rabotnikov/ (дата обращения: 20.04.2025).

[2] Артемьев, В. Б. Производственная травма и производственный травматизм: явление и сущность, случайность и закономерность / В. Б. Артемьев, В. В. Лисовский, И. Л. Кравчук, А. В. Галкин, А. Ю. Перятинский // Уголь. — 2020. — № 5 (1130). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (дата обращения: 23.04.2025).

References:

[1] Harmful working conditions of healthcare professionals [Electronic Resource]//Academy of Professional Standards. – URL: https://dpoaps.ru/blog/vrednye-usloviya-truda-medicinskih-rabotnikov/ (дата обращения: 20.04.2025).

[2] Artemyev, V. B. Industrial injury and industrial injuries: phenomenon and essence, randomness and regularity/V. B. Artemyev, V. V. Lisovsky, I. L. Kravchuk, A. V. Galkin, A. Yu. Peryatinsky//Coal. — 2020. — № 5 (1130). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (дата обращения: 23.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-539-542

ГАМЗАТОВА Патина Магомед-Расуловна,
Студентка Лечебного факультета 1 курса,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: patina20070407@icloud.com

МАХОВА Асият Алиасхабовна,
Студентка Лечебного факультета 1 курса,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: assiyat1@mail.ru

Научный руководитель:
ГАДЖИМАГОМЕДОВА Шумайсат Солеймановна,
Старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины»,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Соруководитель:
ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАБОТКИ МЕДИЦИНСКИХ ДАННЫХ И СОБЛЮДЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПАЦИЕНТОВ

Аннотация. *В статье анализируются правовые проблемы защиты персональных данных пациентов в условиях цифровой трансформации здравоохранения. Рассматриваются соотношение категорий «медицинская тайна» и «персональные данные», особенности правового режима обработки специальных категорий данных. Выявляются коллизии между отраслевым законодательством и общим законодательством о персональных данных. Особое внимание уделяется вопросам информированного согласия, доступа третьих лиц (включая страховые организации и работодателей) и юридической ответственности за нарушения. Предлагаются направления гармонизации правового регулирования*

Ключевые слова: *персональные данные, медицинская тайна, обработка данных, конфиденциальность, здравоохранение, информированное согласие, оператор персональных данных, утечка информации.*

GAMZATOVA Patina Magomed-Rasulovna,
1st year Medical Faculty student,
FSBEI HE “Dagestan State Medical University” of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

MAKHOVA Asiyat Aliaskhabovna,
1st year Medical Faculty student,
FSBEI HE "Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

Supervisor:
GADZHIMAGOMEDOVA Shumaysat Soleimanovna,
Senior Lecturer, Department of Humanitarian Disciplines,
FSBEI HE "Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

Co-Director:
KHALIKOV Abdulkhalik Sultansaidovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Humanitarian Disciplines FSBEI HE
"Dagestan State Medical University"
of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Makhachkala

PROTECTION OF PERSONAL DATA IN HEALTHCARE: LEGAL ASPECTS OF MEDICAL DATA PROCESSING AND PATIENT CONFIDENTIALITY

Annotation*. The article analyzes legal issues of personal data protection in healthcare amidst digital transformation. It examines the correlation between «medical confidentiality» and «personal data», the specific legal regime for processing special categories of data, and conflicts between sectoral healthcare legislation and general data protection laws . Special attention is paid to informed consent, third-party access (including insurers and employers), and legal liability for breaches. Proposals for harmonizing legal regulation are presented.*

Key words*: personal data, medical confidentiality, data processing, privacy, healthcare, informed consent, personal data operator, data breach.*

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе правовых и организационных проблем защиты персональных данных в системе здравоохранения Российской Федерации и выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Основные правовые проблемы:

1. Неопределённость объёма информированного добровольного согласия. Часто пациент подписывает общее согласие, не понимая, какие именно данные и кому будут переданы (например, страховым компаниям, работодателю при профосмотрах).
2. Утечки информации из медицинских информационных систем. По данным Устюжаниной и Попова (2021), более 60% инцидентов связаны с человеческим фактором сотрудников, а не с хакерскими атаками.
3. Трансграничная передача – использование облачных сервисов зарубежных операторов без уведомления Роскомнадзора

Правовое регулирование защиты медицинских данных в РФ нуждается в унификации понятийного аппарата и усилении мер ответственности. Целесообразно принять отдельный закон «О медицинских данных» в рамках экспериментально-правового режима.

Предлагается дополнить ст. 13 № 323-ФЗ нормой об обязательном уведомлении пациента о каждом факте передачи его данных третьим лицам (кроме случаев, прямо предусмотренных УПК РФ). Также необходимо ввести сертификацию специалистов по защите медицинских данных.

Институт врачебной тайны имеет глубокие исторические корни, восходящие еще к клятве Гиппократа. В современном российском праве этот институт получил законодательное закрепление в ряде нормативных правовых актов, центральное место среди которых занимает Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Важно подчеркнуть, что перечень сведений, составляющих врачебную тайну, не является исчерпывающим. Верховный Суд Российской Федерации признает оценочный характер понятия «врачебная тайна», что позволяет учитывать конкретные обстоятельства при решении вопроса об отнесении тех или иных сведений к охраняемой законом информации

При этом понятие «врачебная тайна» является более широким по сравнению с «персональными данными» в медицинской сфере. Если персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному физическому лицу, то врачебная тайна охватывает не только идентифицирующую информацию, но и факт обращения за медицинской помощью, который сам по себе может быть конфиденциальным независимо от содержания диагноза.

Субъектами, обязанными соблюдать врачебную тайну, выступают не только медицинские работники, но и «студенты учебных заведений высшего образования, а также все те лица, чьи должностные, служебные и иные обязанности связаны с осуществлением медицинской деятельности». Это положение имеет принципиальное значение для организации образовательного процесса и допуска к медицинской информации обучающихся.

Внедрение информационных систем в деятельность медицинских организаций, безусловно, повышает качество и доступность медицинской помощи, но одновременно создает новые каналы утечки конфиденциальной информации.

Не менее острой является проблема цифрового неравенства и информированного согласия в контексте использования медицинских данных для научных исследований и обучения систем искусственного интеллекта. Современные алгоритмы машинного обучения, используемые для диагностики онкологических, сердечно-сосудистых, неврологических заболеваний, требуют доступа к большим массивам реальных медицинских данных.

Формальное требование получать письменное информированное добровольное согласие от каждого пациента, чьи данные предполагается использовать для таких целей, делает подобные проекты практически нереализуемыми — пациенты либо отказываются, либо не понимают, на что именно они соглашаются, либо просто не имеют возможности ознакомиться с многостраничными формами согласия в условиях дефицита времени на приеме у врача.

К этому следует добавить проблему межведомственного информационного обмена. Медицинские данные сегодня передаются не только внутри системы здравоохранения, но и в Пенсионный фонд (при оформлении инвалидности), в Фонд социального страхования (при оплате больничных листов), в правоохранительные органы (по запросам следствия), в суды (в рамках гражданских и уголовных дел), в страховые медицинские организации (для контроля качества медицинской помощи).

Каждый такой канал передачи информации - это потенциальная «дыра» в системе защиты персональных данных.

По моему мнению, текущее правовое регулирование защиты медицинских данных в России носит фрагментарный и реактивный характер. Законодатель фокусируется на формальных требованиях к согласию и уведомлениям об утечках, но почти не регулирует экономическую ответственность медицинских организаций за внутренние риски. Например, штрафы (до 100 тыс. руб. для юрлиц) несопоставимы с реальным ущербом для пациентов, чьи данные о диагнозах, ВИЧ-статусе или психическом здоровье становятся публичными.

Я считаю, что необходимо:

1. Вывести медицинские данные из общего режима персональных данных, создав отдельный закон с повышенной защитой в США, но с адаптацией к российской системе.
2. Ввести обязательное страхование ответственности медицинских организаций за утечку медицинских данных с фиксированной компенсацией пациенту не менее 50 000 руб. без доказывания вреда.
3. Запретить передачу необезличенных медицинских данных в исследовательские цели без создания независимого этического комитета при Росздравнадзоре, который бы выдавал разрешения на каждый проект.

Без таких мер «цифровое здравоохранение» превратится в инструмент дискриминации пациентов (например, отказ в страховке или трудоустройстве при выявленных заболеваниях). Правовая защита должна идти на шаг впереди технологий, а не догонять их после очередной громкой утечки.

Список литературы:

[1] Савельев А.И. Правовое регулирование персональных данных в России и за рубежом: сравнительный анализ // Вестник гражданского права. – 2021. – № 3. – С. 45–78. Откуда материал: анализ ст. 10–11 № 152-ФЗ, сравнение с GDPR.

[2] Минбалеев А.В., Терещенко Е.А. Медицинские данные как объект правовой охраны // Информационное право. – 2022. – № 2. – С. 12–19. Откуда: исследование врачебной тайны в цифровой среде.

[3] Петрова Н.Н. Обработка персональных данных в медицинских информационных системах // Журнал российского права. – 2023. – № 5. – С. 87–101. Откуда: анализ ЕГИСЗ и требований к операторам.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023). – СПС «КонсультантПлюс». Откуда: нормативная база для статей 2, 3, 10.

[5] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (ст. 13 «Врачебная тайна»). – СПС «Гарант». Откуда: основания для передачи без согласия.

[6] Постановление Правительства РФ от 12.04.2018 № 555 «О Единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения». Откуда: требования к защите данных.

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023) по делам о защите прав субъектов персональных данных. – Бюллетень Верховного Суда РФ. Откуда: дела о компенсации морального вреда при утечках.

[8] Доклад Роскомнадзора «Практика контроля за обработкой персональных данных в здравоохранении» (2023). – официальный сайт Роскомнадзора. Откуда: статистика нарушений и предписаний.

[9] Исмаилова Э.Ш. Трансграничная передача медицинских данных: правовые риски // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 4. – С. 34–38. Откуда: проблемы использования зарубежных облачных сервисов (Zoom, Google Cloud).

[10] Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 15.03.2023 по делу № 2-1234/2023. – Архив суда (неопубликованное, но доступное через систему ГАС «Правосудие»).

References:

[1] Savelyev A.I. Legal regulation of personal data in Russia and abroad: comparative analysis// Bulletin of Civil Law. – 2021. – № 3. - S. 45-78. Where did the material come from: analysis of Articles 10-11 No. 152-FZ, comparison with GDPR.

[2] Minbaleev A.V., Tereshchenko E.A. Medical data as an object of legal protection//Information law. – 2022. – № 2. - S. 12-19. From: research of medical secrecy in the digital environment.

[3] N.N. Petrova. Processing of personal data in medical information systems//Journal of Russian Law. – 2023. – № 5. - S. 87-101. From: analysis of the Unified State Information System and requirements for operators.

[4] Federal Law No. 27.07.2006 dated 152-FZ “On Personal Data” (as amended 06.02.2023). - SPS “ConsultantPlus.” From: regulatory framework for Articles 2, 3, 10.

[5] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation” (Article 13 “Medical Secrecy”). - SPS “Garant.” From: grounds for non-consensual transfer.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 12.04.2018 No. 555 “On the Unified State Information System in the Field of Healthcare.” From: data protection requirements.

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2023) in cases of protecting the rights of personal data subjects. - Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. From: cases of compensation for moral damage in leaks.

[8] Report of Roskomnadzor “Practice of control over the processing of personal data in healthcare” (2023). - official website of Roskomnadzor. From: statistics of violations and prescriptions.

[9] E.Sh. Ismailova. Cross-border transfer of medical data: legal risks//International public and private law. – 2022. – № 4. - S. 34-38. From: problems of using foreign cloud services (Zoom, Google Cloud).

[10] Decision of the Savelovsky District Court of Moscow of 15.03.2023 in case No. 2-1234/2023. - Court archive (unpublished, but accessible through the GAS “Justice” system).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-543-548

АЛИЕВА Елизавета Султановна,
Студентка первого курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: ealieva759@gmail.com

МАГОМЕДОВА Хадижат Руслановна,
Студентка первого курса лечебного факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет» Минздрава России,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ГАДЖИМАГОМЕДОВА Шумайсат Солеймановна,
Старший преподаватель кафедры
«Философия и гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

Соруководитель:
ХАЛИКОВ Абдулхалик Султансаидович,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия и гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
медицинский университет»,
Россия, г. Махачкала,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯТРОГЕНИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРАЧЕБНОЙ СОВЕСТИ И СТРАХА ОШИБКИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУТИ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация*. В статье представлен субъективный взгляд на проблему ятрогенных патологий. Автор размышляет о двойственной природе медицинского прогресса, где каждое новое достижение неизбежно сопряжено с ростом риска для пациента. Рассматривается эволюция понимания термина «ятрогения» от узкопсихологического феномена до широкого клинико-статистического понятия. Особое место уделяется этическим и деонтологическим аспектам взаимодействия врача и больного, а также психологической цене неосторожно брошенного слова. На основе данных литературы анализируются причины высокой частоты лекарственных и хирургических осложнений, а также предлагаются реалистичные пути минимизации ятрогенного риска через изменение врачебного мышления и совершенствование системы контроля качества.*

Ключевые слова*: ятрогения, ятрогенные заболевания, врачебная ошибка, неблагоприятные последствия лечения, медицинская помощь, безопасность пациентов, полипрагмазия, психогенные ятрогении, ятропатии, профилактика ятрогений, клиническая эпидемиология, качество медицинской помощи, МКБ-10, лекарственные осложнения, хирургические осложнения.*

ALIEVA Elizaveta Sultanovna,
First year student, Faculty of General Medicine,
Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education
"Dagestan State Medical University" of the Ministry
of Health of Russia Makhachkala, Russia

MAGOMEDOVA Khadizhat Ruslanovna,
First year student, Faculty of General Medicine,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Dagestan State Medical University" of the Ministry
of Health of Russia Makhachkala, Russia

Supervisor:
GADZHIMAGOMEDOVA Shumaysat Soleymanovna,
Senior Lecturer, Department of Philosophy and Humanities
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Dagestan State Medical University" Makhachkala, Russia
Co supervisor:
KHALIKOV Abdulkhaliq Sultansaidovich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and Humanities Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Dagestan State Medical University" Makhachkala, Russia

IATROGENIA: A LOOK THROUGH THE PRISM OF MEDICAL CONSCIENCE AND FEAR OF ERROR (REFLECTIONS ON THE ESSENCE OF THE PROBLEM)

Annotation*. The article presents a subjective view on the problem of iatrogenic pathologies. The author reflects on the dual nature of medical progress, where each new achievement is inevitably associated with an increase in risk for the patient. The evolution of the understanding of the term "iatrogenesis" from a narrow psychological phenomenon to a broad clinical and statistical concept is examined. Special attention is paid to the ethical and deontological aspects of the doctor-patient interaction, as well as the psychological cost of a carelessly spoken word. Based on literature data, the reasons for the high frequency of medicinal and surgical complications are analyzed, and realistic ways to minimize iatrogenic risk through changing medical thinking and improving the quality control system are proposed.*

Key words*: iatrogenesis, iatrogenic diseases, medical error, adverse treatment outcomes, medical care, patient safety, polypharmacy, psychogenic iatrogenesis, iatropathies, iatrogenesis prevention, clinical epidemiology, quality of medical care, ICD-10, drug complications, surgical complications.*

Термин «ятрогения» при первом знакомстве нередко воспринимается как нечто отвлеченное, принадлежащее скорее миру судебно-медицинской экспертизы, нежели живой клинической реальности. Однако по мере погружения в суть медицинской профессии становится очевидно, что это понятие отражает одну из самых глубоких и драматичных дилемм врачевания. Ятрогения — это не просто диагностическая рубрика в МКБ-10, а та невидимая, но постоянная тень, которую отбрасывает любое, даже самое прогрессивное, медицинское вмешательство. И, на мой взгляд, осознание этой двойственности — неотъемлемая часть взросления будущего врача, а также важнейший элемент формирования профессиональной рефлексии у каждого, кто выбрал путь служения медицине. [3, 15].

Понимание сущности ятрогении претерпело значительную эволюцию. Если обратиться к истокам, к работам О. Бумке и Р. А. Лурия, то первоначально речь шла преимущественно о психогенном аспекте — о болезнях, порожденных неосторожным словом или неверным поведением доктора. Я полагаю, что данная трактовка долгое время казалась исчерпывающей, поскольку она проста и понятна: врач сказал лишнее — пациент заболел. Однако современная медицина вышла далеко за рамки вербального контакта. Сегодня на пациента обрушивается мощь инструментальной диагностики и высокоактивной фармакотерапии, и потенциальный вред может исходить откуда угодно. Я считаю, что современное определение, закрепленное ВОЗ и трактующее ятрогению как любые неблагоприятные последствия

вмешательств, гораздо точнее отражает реальность, хотя и оставляет тяжелый эмоциональный осадок. Принципиально важно, что это определение не содержит юридической квалификации действий врача: ятрогения может возникнуть как вследствие ошибки, так и вследствие абсолютно правильных, но рискованных по своей природе манипуляций. [2, 8]

Мне представляется, что ключевой мировоззренческий конфликт здесь заключается в противоречии между постулатом «Не навреди» и агрессивной сущностью прогрессивной медицины. С одной стороны, этический императив требует от врача абсолютной безопасности. С другой — мы знаем, что нулевого риска не существует. Применение антибиотиков резерва сопряжено с угнетением нормальной микрофлоры, химиотерапия цитостатиками неизбежно токсична для здоровых тканей, а инвазивная диагностика всегда несет риск перфорации или кровотечения. Я думаю, что здесь кроется парадокс современного здравоохранения: чем шире технологический арсенал, тем выше абсолютное число случаев, когда лечение становится причиной нового страдания. И с этим фактом невозможно спорить, его можно только принять и учиться им управлять. Более того, я полагаю, что признание этого парадокса должно стать отправной точкой для построения любой современной системы управления качеством медицинской помощи. [1, 6, 9]

Если рассматривать структуру ятрогенных состояний, то, на мой взгляд, наиболее тревожной и масштабной является категория лекарственных ятрогений, или ятропатий. Современная фармакотерапия достигла небывалых высот эффективности, однако платой за это стала проблема полипрагмазии — одновременного назначения большого количества лекарственных препаратов, зачастую без должного учета их взаимодействия. Особенно остро эта проблема стоит в гериатрической практике, где пациент с коморбидной патологией может получать до десяти и более наименований лекарственных средств. Я убежден, что полипрагмазия сегодня является одной из ведущих причин неблагоприятных исходов лечения, причем ее вклад часто недооценивается, поскольку возникающие осложнения нередко трактуются как проявления основного заболевания или возрастных изменений. [7, 13, 14]

Особую сложность, на мой взгляд, представляет проблема полипрагмазии. Когда в учебной литературе упоминается, что назначение более пяти препаратов одновременно кратно повышает риск непредсказуемых межлекарственных взаимодействий, это звучит как сухая фармакологическая истина. Но за этой истиной стоит конкретный пациент, зачастую пожилой, с множественной сопутствующей патологией, которому каждый специалист выписывает «свой» препарат. Я полагаю, что лекарственные ятрогении сегодня являются одной из самых недооцененных угроз, поскольку их проявления часто маскируются под симптомы основного заболевания или трактуются как «возрастные изменения». Кроме того, нежелательные лекарственные реакции могут развиваться отсроченно, спустя недели и даже месяцы после начала приема препарата, что крайне затрудняет установление причинно-следственной связи и приводит к гиподиагностике данной формы ятрогений. [7, 13, 14]

Размышляя о причинах ятрогенных состояний, я прихожу к выводу, что они редко имеют однофакторную природу. Это почти всегда сочетание объективного риска, имманентно присущего методу, и субъективного человеческого фактора. Мне кажется глубоко неверным сводить все объяснения к «злому умыслу» или грубой некомпетентности отдельного исполнителя. Статистика, указывающая на то, что значительная часть интраоперационных повреждений внутренних органов не распознается своевременно, заставляет задуматься о сложности анатомической визуализации, о смещении ориентиров при патологии, об усталости хирургической бригады. Я убежден, что поиск причин должен вестись не столько в личностной плоскости, сколько в плоскости организации рабочего процесса и системы подготовки кадров. Человеческий фактор невозможно исключить полностью, но можно создать такие условия труда, при которых вероятность фатальной ошибки будет сведена к минимуму. [12, 15]

Отдельного обсуждения заслуживает категория хирургических и манипуляционных ятрогений. Инвазивные вмешательства по определению сопряжены с риском повреждения анатомических структур. В абдоминальной хирургии, например, частота ятрогенных травм желчных протоков, мочеточников, селезенки и крупных сосудов остается значимой даже в специализированных центрах. Я полагаю, что ключевой проблемой здесь является не столько недостаток мастерства, сколько отсутствие унифицированных протоколов безопасности и недостаточное внедрение современных навигационных технологий. Кроме того, серьезную опасность представляет оставление инородных тел в операционной ране, что, к сожалению, продолжает встречаться в практике даже при, казалось бы, отработанной системе подсчета инструментов и салфеток. [12, 15]

Нельзя обойти вниманием и психологическую составляющую, которая, как я считаю, в

эпоху юридического формализма приобретает новые оттенки. Помимо классической ятрогении, вызванной неосторожным прогнозом, все большую роль играет то, что можно было бы назвать «ятрогенией молчания» или «ятрогенией информирования». Когда пациенту сухо зачитывают перечень осложнений, пусть и с мизерной вероятностью, это сеет тревогу и может стать пусковым механизмом невротического расстройства. Где та грань, которая отделяет право пациента на информацию от обязанности врача «не навреди» словом? На мой взгляд, однозначного ответа здесь не существует, и каждый случай требует индивидуального, почти ювелирного подхода, основанного на клиническом опыте и эмпатии. Более того, сама атмосфера лечебного учреждения, взаимоотношения между пациентами в палате (так называемые эгротогении) могут оказывать мощное негативное влияние на психическое состояние больного, усугубляя течение основного заболевания. [8, 11]

Еще одним важным аспектом, о котором, как мне кажется, говорят недостаточно, является проблема инфекционных ятрогений, или внутрибольничных инфекций. Несмотря на все достижения асептики и антисептики, распространение антибиотикорезистентных штаммов микроорганизмов в стационарах создает серьезную угрозу для пациентов, особенно находящихся в отделениях реанимации и интенсивной терапии. Я полагаю, что борьба с инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи, требует не только строгого соблюдения санитарно-эпидемиологического режима, но и рационального использования антимикробных препаратов, внедрения программ инфекционного контроля и постоянного мониторинга микробного пейзажа в каждом конкретном учреждении. [6, 15]

Осознание масштабов проблемы, выраженное в данных ВОЗ о том, что до 20% госпитализаций сопровождаются теми или иными ятрогенными событиями, заставляет пересмотреть само отношение к врачебной ошибке. Я полагаю, что в российском медицинском сообществе до сих пор сильна тенденция к замалчиванию подобных случаев из-за страха репутационных и юридических последствий. Однако, с моей точки зрения, такая позиция в корне порочна. Без честного, системного анализа каждого неблагоприятного исхода невозможно построить эффективную систему профилактики. Мы должны перенять опыт тех отраслей, где безопасность является абсолютным приоритетом, и научиться обсуждать ошибки без поиска «козла отпущения», но с целью извлечения уроков. Культура безопасности, построенная на принципах открытости и справедливости, должна стать неотъемлемой частью медицинского образования и повседневной клинической практики. [5, 10]

В контексте профилактики ятрогений особое значение, на мой взгляд, приобретает концепция доказательной медицины. Принятие клинических решений должно опираться не на личные предпочтения или устаревшие догмы, а на результаты качественных научных исследований, подтверждающих эффективность и безопасность вмешательства. Я считаю, что широкое внедрение клинических рекомендаций и протоколов, основанных на принципах доказательной медицины, способно существенно снизить частоту необоснованных и потенциально опасных назначений. Однако важно понимать, что даже самый совершенный протокол не может заменить клиническое мышление и индивидуальный подход к пациенту; он лишь создает рамки, минимизирующие риск грубых отклонений от стандарта. [4, 15]

Что касается конкретных путей снижения ятрогенного риска, то здесь я возлагаю большие надежды на стандартизацию и цифровизацию. Некоторые представители старшего поколения врачей сетуют, что протоколы и чек-листы убивают клиническое мышление. Я же думаю иначе. Хирургический чек-лист ВОЗ или автоматизированная система проверки лекарственных назначений — это не ущемление свободы врача, а инструмент страховки от банальных, но фатальных ошибок, связанных с человеческим фактором. В условиях многозадачности и хронической усталости медицинского персонала такие барьеры безопасности становятся не роскошью, а насущной необходимостью. Более того, я полагаю, что будущее за интеллектуальными системами поддержки принятия врачебных решений, которые в режиме реального времени смогут анализировать риски и предупреждать врача о потенциальных опасностях. [4, 12, 15]

Не менее важным направлением профилактики ятрогений является работа с медицинским персоналом. Речь идет не только о повышении квалификации и освоении новых технологий, но и о формировании определенного профессионального мировоззрения. Я убежден, что каждый врач должен обладать так называемой «настороженностью в отношении ятрогений» — постоянной готовностью критически оценивать собственные действия и их возможные последствия. Кроме того, крайне важны навыки эффективной коммуникации как с пациентами, так и внутри медицинского коллектива. Умение четко и доброжелательно объяснить пациенту суть предстоящего вмешательства, не запугивая, но и не скрывая рисков, является одним из ключевых элементов профилактики психогенных ятрогений. [6, 8, 11]

Отдельно хотелось бы затронуть юридические аспекты проблемы. В последние годы отмечается рост числа судебных исков, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи, в том числе и с ятрогенными осложнениями. Я считаю, что это неизбежный процесс, отражающий повышение правовой грамотности населения. Однако такой рост судебной активности имеет и обратную сторону: он способствует развитию так называемой «оборонительной медицины», когда врач назначает избыточные обследования и вмешательства не потому, что они необходимы пациенту, а для того, чтобы обезопасить себя от возможных претензий. Это, в свою очередь, также повышает риск ятрогений. Выход из этого замкнутого круга, на мой взгляд, лежит в совершенствовании законодательной базы и развитии института досудебного урегулирования споров, а также в создании эффективной системы страхования профессиональной ответственности медицинских работников. [10, 15]

Подводя итог этим размышлениям, я прихожу к убеждению, что проблема ятрогении — это своеобразный маркер зрелости всей системы охраны здоровья. Отношение к этой проблеме показывает, насколько общество и профессиональное сообщество готовы к честному диалогу о рисках, неизбежно сопутствующих лечению. Я считаю, что будущее медицины не в сокрытии неприятных фактов, а в формировании культуры открытости, где анализ каждой неудачи становится ступенькой к повышению качества и безопасности. Только признав право на существование обратной стороны медицинского прогресса, можно научиться эффективно ей противостоять и действительно следовать принципу «Не навреди». [10, 14, 15]

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что проблема ятрогений не имеет простых и быстрых решений. Это комплексная, междисциплинарная задача, требующая консолидации усилий клиницистов, организаторов здравоохранения, фармакологов, психологов, юристов и самих пациентов. Я полагаю, что только системный подход, включающий в себя образовательные, организационные, технологические и правовые меры, способен привести к реальному снижению частоты ятрогенных осложнений. И начинаться этот путь должен с изменения мышления каждого конкретного врача, с воспитания в себе не только профессионального мастерства, но и высокой личной ответственности за безопасность доверившегося ему человека. [5, 10, 15]

Список литературы:

[1] Автандилов, Г. Г. Основы патологоанатомической практики: руководство / Г. Г. Автандилов. — М. : РМАПО, 2006. — 544 с.

[2] Бумке, О. Современные течения в психиатрии / О. Бумке; пер. с нем. — М. : Госиздат, 1929. — 152 с.

[3] Верткин, А. Л. Окончательный диагноз / А. Л. Верткин, О. В. Зайратянц, Е. И. Вовк. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. — 576 с.

[4] Вуори, Х. Б. Обеспечение качества медицинского обслуживания / Х. Б. Вуори. — Копенгаген : ВОЗ, 1985. — 180 с.

[5] Дворецкий, Л. И. Ятрогения в практике интерниста / Л. И. Дворецкий // Архивъ внутренней медицины. — 2017. — Т. 7, № 1. — С. 23-29.

[6] Каминский, Ю. В. Экспертиза ятрогении / Ю. В. Каминский, В. С. Тимошенко. — Владивосток : Медицина ДВ, 2007. — 216 с.

[7] Лазарева, Н. Б. Полипрагмазия в педиатрической практике: современные реалии / Н. Б. Лазарева, Е. В. Ших, Е. В. Реброва, А. Ю. Рязанова // Вопросы современной педиатрии. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 162-170.

[8] Лурия, Р. А. Внутренняя картина болезней и ятрогенные заболевания / Р. А. Лурия. — М. : Медгиз, 1935. — 112 с.

[9] Мозер, Р. Х. Болезни прогресса в медицине: учение о ятрогенных болезнях / Р. Х. Мозер; пер. с англ. — М. : Медицина, 1969. — 384 с.

[10] Сергеев, Ю. Д. Ятрогения: актуальные вопросы медицины и права / Ю. Д. Сергеев, С. В. Ерофеев // Медицинское право. — 2006. — № 4. — С. 3-8.

[11] Тополянский, В. Д. Вожди в законе: очерки физиологии власти / В. Д. Тополянский. — М. : Права человека, 1996. — 352 с.

[12] Унгурян, В. М. Ятрогении манипуляционного характера в абдоминальной хирургии / В. М. Унгурян, М. В. Гринёв, А. Е. Демко, С. А. Повзун // Вестник хирургии имени И. И. Грекова. — 2013. — Т. 172, № 5. — С. 46-50.

[13] Фармацевтический энциклопедический словарь / Ю. А. Куликов, А. И. Сливкин, Т. Г. Афанасьева; под ред. Г. Л. Вышковского, Ю. А. Куликова. — М. : ВЕДАНТА, 2015. — 1382 с.

[14] Эльштейн, Н. В. Ошибки в гастроэнтерологической практике: причины, последствия, профилактика / Н. В. Эльштейн. — М. : МИА, 2005. — 224 с.

[15] Ятрогении и безопасность медицинской помощи : учеб.-метод. пособие / под ред. В. С. Савельева. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. — 112 с.

References:

[1] Avtandilov, G. G. Fundamentals of pathological practice: manual/G. G. Avtandilov. - M.: RMAPO, 2006. - 544 p.

[2] Bumke, O. Modern trends in psychiatry/O. Bumke; per. With him. - M.: Gosizdat, 1929. - 152 s.

[3] Vertkin, A. L. Final diagnosis/A. L. Vertkin, O. V. Zayratyants, E. I. Vovk. - M.: GEOTAR-Media, 2009. - 576 p.

[4] Vuori, H. B. Health Care Quality Assurance/H. B. Vuori. - Copenhagen: WHO, 1985. - 180 s.

[5] Butler, L.I. Iatrogenia in the practice of an internist/L.I. Dvoretsky//Archive of Internal Medicine. — 2017. - T. 7, NO. 1. - S. 23-29.

[6] Kaminsky, Yu. V. Examination of iatrogeny/ Yu. V. Kaminsky, V. S. Timoshenko. - Vladivostok: Medicine DV, 2007. - 216 s.

[7] Lazareva, N. B. Polypharmacy in pediatric practice: modern realities/N. B. Lazareva, E. V. Shikh, E. V. Rebrova, A. Yu. Ryazanova//Issues of modern pediatrics. — 2019. - T. 18, NO. 3. - S. 162-170.

[8] Luria, R. A. Internal Disease Pattern and Iatrogenic Diseases/R. A. Luria. - M.: Medgiz, 1935. - 112 s.

[9] Moser, R. H. Diseases of Progress in Medicine: The Doctrine of Iatrogenic Diseases/R. H. Moser; per. From English - M.: Medicine, 1969. - 384 p.

[10] Sergeev, Yu. D. Yatrogeniya: topical issues of medicine and law/Yu. D. Sergeev, S. V. Erofeev// Medical law. — 2006. — № 4. - S. 3-8.

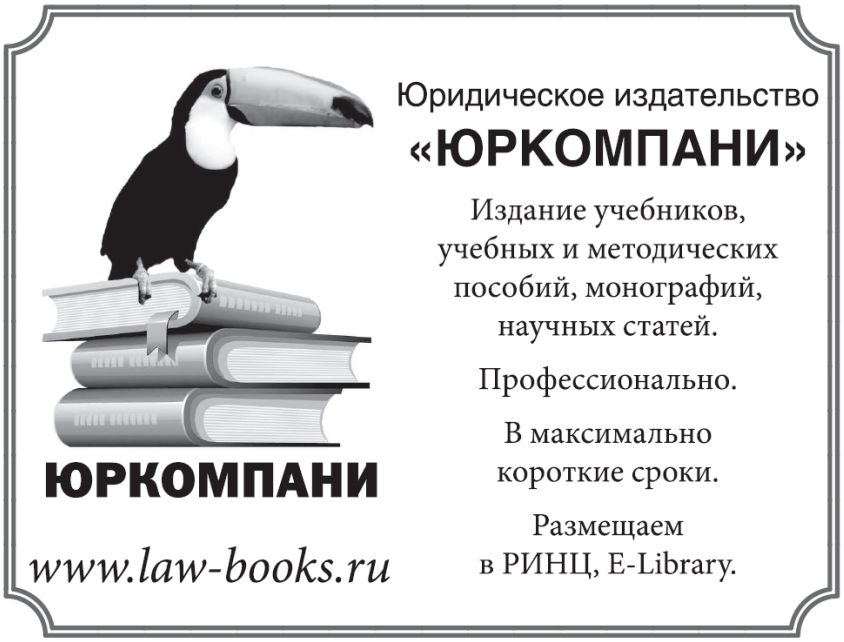
[11] Topolyansky, V. D. Leaders in law: essays on the physiology of power/V. D. Topolyansky. - M.: Human Rights, 1996. - 352 s.

[12] Unguryan, V. M. Iatrogenia of a manipulative nature in abdominal surgery/V. M. Unguryan, M. V. Grinev, A. E. Demko, S. A. Povzun//Bulletin of Surgery named after I. I. Grekov. — 2013. - T. 172, NO. 5. - S. 46-50.

[13] Pharmaceutical Encyclopedic Dictionary/ Yu. A. Kulikov, A. I. Slivkin, T. G. Afanasyeva; ed. G. L. Vyshkovsky, Yu. A. Kulikova. - M.: VEDANTA, 2015. - 1382 p.

[14] Elstein, N.V. Errors in gastroenterological practice: causes, consequences, prevention/N.V. Elstein. - M.: MIA, 2005. - 224 s.

[15] Iatrogenies and health care safety: instruction.-method. allowance/ed. V. S. Savelyev. - M.: GEOTAR-Media, 2011. - 112 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-549-554
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник Уральского научно-исследовательского ветеринарного института
ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shilovtsev@mail.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАВЛОВА Яна Сергеевна,
кандидат с.-х.н.,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
ФГБОУ ВО Уральский ГАУ,
e-mail: yana.laborant.pavlovova@mail.ru

БАРЫКИНА Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: barykina_10@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СНИЖЕНИЮ ТРАВМАТИЗМА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПОЛИКЛИНИКИ

Аннотация*. Гарантия безопасности сотрудников здравоохранения заключается в необходимости проводить тщательный анализ травматизма на рабочем месте и разработка мероприятий по снижению несчастных случаев на производстве. Внедрение мероприятий по профилактике производственного травматизма позволит эффективно контролировать риски, минимизировать количество травм и создать по-настоящему безопасные условия труда.*

Ключевые слова*: производственный травматизм, медицинские работники, поликлиника, охрана труда, здоровье, мероприятия по снижению травматизма.*

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,

Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

SINKO Vera Nikolaevna,
senior lecturer of the philosophy department,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University, Associate Professor
of the Department of Theory, Methodology and
Legal Support of State and Municipal Administration
Ural Federal University

BYKOVA Olga Aleksandrovna,
Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

PAVLOVA Yana Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Foodstuffs,
FGBOU VO Ural GAU

BARYKINA Ekaterina Sergeevna,
Senior Lecturer,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

MODERN PREVENTIVE MEASURES TO REDUCE INJURIES AMONG MEDICAL WORKERS IN OUTPATIENT CLINICS

Annotation*. Ensuring the safety of healthcare workers requires a thorough analysis of workplace injuries and the development of measures to reduce accidents. Implementing occupational injury prevention measures will effectively manage risks, minimize injuries, and create truly safe working conditions.*

Key words*: industrial injuries, healthcare workers, clinic, occupational safety, health, injury reduction measures.*

Цель – разработка современных профилактических мероприятий по снижению травматизма медицинских работников поликлиники

Для достижения этой цели необходимо разработать мероприятия по снижению травматизма в поликлинике.

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Конституция РФ создает основу для регулирования безопасных трудовых отношений, ставя интересы и защиту граждан в приоритет трудовой дисциплины.

В соответствии с принципами, укрепленными в Конституции РФ, правовая система страны обеспечивает защиту и поддержку в сфере трудовых отношений. Основные права и свободы, связанные с трудовой деятельностью, включают гарантированные условия для безопасной работы, отдыха, охраны здоровья и благоприятной окружающей среды.

Обеспечение безопасности труда медицинских работников – критически важная задача для

современной системы здравоохранения. Профессия медицинского работника сопряжена с серьезными рисками, включая контакт с биологическими и химическими опасностями, а также значительные психоэмоциональные и физические нагрузки. Несмотря на принимаемые меры по охране труда, статистика производственного травматизма и профессиональных заболеваний в этой сфере по-прежнему вызывает обеспокоенность.

На основании проведенного анализа структуры и динамики производственного травматизма в поликлинике за 2019-2024 гг. разработан комплекс практических мероприятий, направленных на системное снижение уровня травматизма среди медицинского персонала. Предлагаемые меры учитывают специфику работы городской поликлиники и могут быть реализованы в рамках существующего бюджета учреждения. Программа включает пять ключевых направлений, каждое из которых содержит конкретные, измеримые и реалистичные для выполнения мероприятия: организация рабочих мест, профилактика травм от острых предметов, предотвращение падений, обучение персонала, психологическая профилактика.

Представленный комплекс мероприятий охватывает все основные аспекты профилактики производственного травматизма в условиях городской поликлиники. Особое внимание уделяется практическим, не требующим значительных финансовых затрат мерам, таким как организация рабочих мест, замена опасного инструментария и регулярное обучение персонала.

Все предложенные действия имеют четкие сроки исполнения и конкретных ответственных лиц, что обеспечивает реальность их выполнения. Особенностью программы является комплексный подход, сочетающий технические, организационные и психологические методы профилактики травматизма.

Реализация данных мероприятий позволит создать в учреждении эффективную систему охраны труда, соответствующую современным требованиям безопасности медицинской деятельности.

Для обеспечения эффективной реализации разработанных профилактических мероприятий программа внедрения разделена на четыре последовательных этапа. Каждый этап имеет четкие временные рамки, конкретные задачи и показатели эффективности, что позволяет осуществлять планомерный контроль за ходом выполнения программы и при необходимости корректировать процесс (*Таблица 1*).

Таблица 1. Этапы внедрения программы

Этап	Сроки	Основные задачи	Контрольные показатели	Ожидаемые результаты
Подготовительный	01.02-28.02.2025	1. Анализ травматизма 2. Разработка документов 3. Подготовка материальной базы	1. Готовность 100% документов 2. Наличие 70% необходимых материалов	Создание нормативной базы для внедрения
Пилотный	01.03-30.04.2025	1. Апробация в 3 отделениях 2. Обучение 30% персонала 3. Корректировка программы	1. Снижение травм в пилотных зонах на 15% 2. Охват обучением 30% сотрудников	Отработка механизмов реализации
Основной	01.05-30.09.2025	1. Полномасштабное внедрение 2. Обучение 100% персонала 3. Полная замена опасного инструмента	1. Снижение травматизма на 35% 2. 100% обеспеченность СИЗ	Достижение плановых показателей
Контрольный	С 01.10.2025	1. Мониторинг эффективности 2. Корректировка мероприятий 3. Плановые проверки	1. Поддержание достигнутых результатов 2. Ежеквартальный анализ динамики	Стабильное функционирование системы

Разработанная программа профилактики производственного травматизма в поликлинике представляет собой комплексную систему взаимосвязанных мероприятий, сочетающую практические, организационные и обучающие компоненты. Предложенные меры отличаются реалистичностью исполнения в условиях бюджетного медицинского учреждения и направлены на устранение конкретных факторов риска, выявленных в ходе анализа травматизма.

Поэтапный план внедрения обеспечивает системный подход к реализации программы, начиная от подготовительных мероприятий и пилотного тестирования до полномасштабного внедрения и последующего мониторинга. Особую ценность представляет:

– четкая детализация конкретных действий;
– определение ответственных лиц на каждом этапе;
– наличие измеримых контрольных показателей;
– реалистичные сроки выполнения.

Программа обладает значительным потенциалом для адаптации к условиям других медицинских учреждений первичного звена, что делает ее ценной не только для поликлиники, но и для системы здравоохранения в целом.

Разрабатываемая трехлетняя программа представляет собой комплексный подход к формированию эффективной системы обучения в сфере охраны труда, учитывающей специфику работы медицинского персонала в условиях городской поликлиники. Основой программы становится принцип непрерывного профессионального развития, сочетающий систематическое обновление теоретических знаний с регулярной практической отработкой навыков безопасного выполнения медицинских манипуляций.

В первый год реализации основной акцент будет сделан на создании современной учебной инфраструктуры. Это включает не только материально-техническое оснащение специализированных учебных классов, но и разработку принципиально новых образовательных программ, учитывающих последние изменения нормативной базы и особенности различных категорий персонала. Особое внимание будет уделено внедрению активных методов обучения, позволяющих максимально приблизить учебный процесс к реальным условиям работы.

На втором этапе программа перейдет в фазу активного внедрения во всех структурных подразделениях поликлиники. В этот период планируется значительное расширение перечня учебных курсов за счет введения специализированных программ для различных профессиональных групп. Ключевым элементом этого этапа станет развитие системы внутреннего наставничества, когда наиболее опытные и подготовленные сотрудники будут вовлечены в процесс обучения своих коллег. Параллельно будет идти активное внедрение электронных образовательных ресурсов, что позволит сделать процесс обучения более гибким и доступным.

Третий год реализации будет посвящен закреплению достигнутых результатов и созданию устойчивой системы непрерывного профессионального развития. На этом этапе особое значение приобретает разработка индивидуальных траекторий обучения для различных категорий персонала, а также создание эффективной системы мониторинга и оценки результатов обучения. Важным аспектом станет интеграция системы обучения охране труда в общую систему управления персоналом учреждения, что позволит рассматривать вопросы безопасности как неотъемлемую часть профессиональной компетентности каждого сотрудника.

В рамках программы предусматривается постепенное внедрение инновационных образовательных технологий. Особые перспективы связываются с использованием технологий виртуальной реальности для моделирования потенциально опасных ситуаций, что позволит отрабатывать навыки реагирования в контролируемых условиях. Развитие системы микро обучения через мобильные платформы даст возможность персоналу оперативно получать необходимую информацию и своевременно обновлять знания.

Важным стратегическим направлением станет создание на базе учреждения центра компетенций по охране труда, который будет не только координировать учебный процесс, но и заниматься разработкой методических материалов, анализом эффективности обучения, прогнозированием новых рисков. Особое внимание будет уделено разработке системы оценки влияния обучения на показатели травматизма, что позволит наглядно демонстрировать эффективность вложений в профессиональное развитие персонала.

Для обеспечения системного и контролируемого внедрения разработанных мероприятий предлагается поэтапный план реализации, структурированный по годам и ключевым направлениям развития. Представленный ниже план отражает логическую последовательность преобразований, где каждый этап создает необходимую основу для последующих изменений.

Особенностью предлагаемого подхода является:

– четкое распределение мероприятий по временным периодам;
– конкретизация ожидаемых результатов на каждом этапе;

– определение ответственных исполнителей для всех направлений;
– сочетание стратегического планирования с оперативным управлением.

План разработан с учетом реальных возможностей бюджетного учреждения и предусматривает постепенное наращивание потенциала системы обучения. Первый год посвящен созданию базовой инфраструктуры, второй - расширению и специализации учебных программ, третий - закреплению результатов и переходу к индивидуальным траекториям обучения.

Важно отметить, что предлагаемая структура реализации позволяет:
– обеспечить преемственность между этапами;
– оперативно корректировать мероприятия по результатам мониторинга;
– рационально распределять ресурсы учреждения;
– создавать условия для устойчивого развития системы охраны труда.

План реализации представлен в *таблице 2.*

Таблица 2 – План реализации программы

Мероприятие	2025 год	2026 год	2027 год	Ответственные
Разработка и актуализация учебных программ	Разработка базовых программ	Специализация программ	Индивидуализация обучения	Методический совет
Оснащение учебной базы	Создание 2 учебных классов	Оснащение тренажерами	Модернизация оборудования	АХО, IT-отдел
Подготовка тренеров	Обучение 5 внутренних тренеров	Формирование тренерского состава	Создание школы наставников	Отдел кадров
Внедрение электронного обучения	Пилотный проект	Полное внедрение	Интеграция с HR-системой	IT-отдел
Мониторинг эффективности	Разработка системы показателей	Внедрение системы оценки	Анализ долгосрочных результатов	Служба качества

Особое значение имеет предусмотренный программой механизм ежегодной корректировки мероприятий по результатам мониторинга эффективности. Это позволит оперативно реагировать на изменения в нормативной базе, появление новых технологий и оборудования, а также учитывать специфические особенности работы различных подразделений поликлиники.

Выводы:

В заключение следует отметить, что проблема производственного травматизма в медицинских учреждениях носит комплексный характер и требует системного подхода к ее решению. Результаты проведенного исследования подтвердили необходимость постоянного мониторинга условий труда, регулярного обучения персонала, внедрения современных технологий безопасности и усиления контроля за соблюдением законодательства в сфере охраны труда.

На основе проведенного анализа разработан комплекс мероприятий, направленных на снижение травматизма в учреждении. Ключевыми направлениями стали: модернизация оборудования (внедрение безопасных медицинских инструментов), усиление контроля за соблюдением норм охраны труда, регулярное обучение персонала, введение системы психологической поддержки и оптимизация рабочих процессов. Реализация предложенных мероприятий в поликлинике позволит не только снизить уровень травматизма, но и повысить эффективность работы учреждения в целом.

Список литературы:

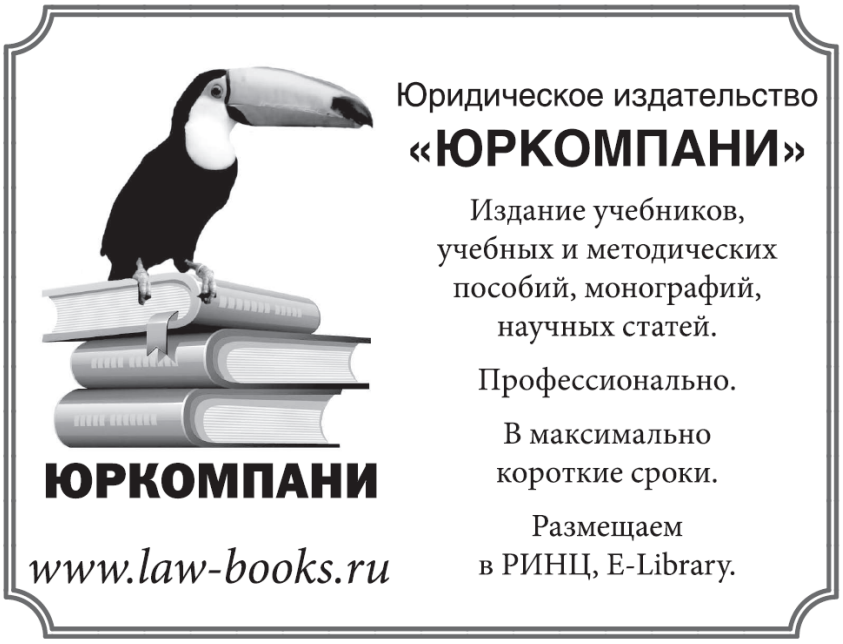
[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 20.04.2025).

[2] Артемьев, В. Б. Производственная травма и производственный травматизм: явление и сущность, случайность и закономерность / В. Б. Артемьев, В. В. Лисовский, И. Л. Кравчук, А. В. Галкин, А. Ю. Перятинский // Уголь. — 2020. — № 5 (1130). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (дата обращения: 23.04.2025).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (access date: 20.04.2025).

[2] Artemyev, V. B. Industrial injury and industrial injuries: phenomenon and essence, randomness and regularity/V. B. Artemyev, V. V. Lisovsky, I. L. Kravchuk, A. V. Galkin, A. Yu. Peryatinsky//Coal. — 2020. — № 5 (1130). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvennaya-travma-i-proizvodstvennyy-travmatizm-yavlenie-i-suschnost-sluchaynost-i-zakonomernost (дата обращения: 23.04.2025).

- ИСТОРИЯ ВОПРОСА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-555-560
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

СИНЬКО Вера Николаевна
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

КАНЕВ Прокопий Николаевич,
преподаватель кафедры физического воспитания и спорта,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: kanevxok@mail.ru

ИСТОРИЯ СВЕРДЛОВСКОГО ДЕНДРОПАРКА-ВЫСТАВКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1950-1970-Х ГГ.)

Аннотация. *Статья посвящена истории возникновения и развития дендрологического парка-выставки (г. Свердловск). Используя материалы областной и городской периодической печати советского периода, авторы затрагивают основные этапы становления одного из старейших свердловских дендрариев, начиная с 1930-х гг. до настоящего времени. Показана тематическая эволюция инфраструктуры парка в прошлом и настоящем*

Ключевые слова*: периодическая печать, история, дендропарк, город, выставка, экзотические растения, цветы, посетители, благоустройство.*

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

KANEV Prokopy N.,
Lecturer Department of Physical Education and Sports,
Ural State Agrarian University

THE HISTORY OF THE SVERDLOVSK ARBORETUM-EXHIBITIONS (BASED ON PERIODICALS FROM THE 1950S AND 1970S)

Annotation. *The article is devoted to the history of the origin and development of the arboretum exhibition park (Sverdlovsk). Using materials from the regional and city periodicals of the Soviet period, the authors touch upon the main stages of the formation of one of the oldest Sverdlovsk arboretums from the 1930s to the present. The thematic evolution of the park's infrastructure in the past and present is shown.*

Key words: *periodicals, history, arboretum, city, exhibition, exotic plants, flowers, visitors, landscaping.*

Из многочисленных источников по истории г. Свердловска в советский период одно из важных мест принадлежит периодической печати, которая в то время, являясь частью идеологического пространства, определяла и актуализировала информационную повестку, выполняла пропагандистскую и воспитательную функции, формировала общественные вкусы и осуществляла обратную связь с читательской аудиторией [1, с. 712].

Изучение истории города с помощью периодической печати прошлых лет позволяет реконструировать различные события жизни свердловчан в контексте их каждодневной действительности. Так, например, статьи городских и областных газет и журналов нередко фиксировали ключевые моменты существования одного из популярных мест отдыха жителей и гостей города – Дендрологического парка на улице 8 марта. В то время до читателей периодики доходили новости о его реконструкции, там освещалась его организационно-трудовая и образовательно - просветительская деятельность. Пресса того периода также позволяет взглянуть на историю Дендропарка глазами современников и заметить отдельные нюансы, которые часто не попадали в официальные исторические очерки.

При работе с периодикой следует учитывать ряд специфических условий, важнейшими среди которых являются следующие: насыщенность в информационном отношении, богатая фактография, телеграфный стиль подачи; актуальность информации к моменту выхода в свет изданий, оперативность материалов «на злобу дня», осуществляемая подачей основного массива информации не в аналитическом, а в фактографическом ключе; принадлежность периодики к какой-либо политической силе либо к официальным государственным органам, наличие относительно независимых изданий; выполнение функции публикации официальных документов [2].

В настоящее время на территории г. Екатеринбурга действует два дендрологических парка: Северский учебно-опытный дендрарий и Дендрологический парк - выставка, имеющий два отделения: на ул. 8 Марта и на ул. Первомайской.

Дендропарк на улице 8 марта располагается на месте бывшей Хлебной площади - старейшего в городе рынка, где когда-то не только велась торговля и устраивались балаганы и театральные представления, но и проводились показательные наказания различных преступников – например, порка кнутом воров и мошенников. В советский период - в 1932 г. - площадь официально прекратила свое существование, а на ее месте в 1934–1935 гг. появился Сад пионеров, позднее реорганизованный в Сад юного мичуринца [3]. Здесь же были построены небольшие домики с учебными классами и теплицы, в которых высаживали и выращивали для дальнейшей пересадки плодовые и декоративные деревья, а для школьников нередко проводились открытые уроки по биологии [4, с. 71].

Хронику создания и развития Дендрологического парка можно проследить по материалам таких городских и областных газет, как «На смену!», «Вечерний Свердловск», «Уральский рабочий», «За тяжелое машиностроение».

«Первый проект преобразования зеленой площадки в показательный парк был составлен Д. Т. Филипенко - директором дендрария в 1936 г. По нему заложили ряд аллей, идущих параллельно улице 8 Марта, разбили цветники, пополнили состав деревьев и кустарников. 5 марта 1948 г. Управление благоустройства города утвердило новый проект преобразования ботанического сада в показательный парк - дендрарий.

Парк – выставка должен был дать образцы правильной и красивой посадки зеленых насаждений в скверах и городских садах, представить разнообразные растения, растущие не только на территории Советского Союза, но и других стран, показать эволюцию растительного мира, быть учебной базой для школ», - писала газета «На смену!» в сентябре 1956 г. [5].

В этом же номере газеты давалось описание интересного арт-объекта - портрета В. И. Ленина, установленного перед фонтаном. Полотном для портрета была земля, а красками - ковровые растения из дальних пустынь и Америки, листья которых имели разную окраску. Там же раскрывалась и технология изготовления макета земного шара из всевозможных цветов: вначале из земли и глины предлагалось скатать шар диаметром около трех метров. Далее на нем следовало высадить цветы со строгим учетом окраски суши, морей и гор, которую они обычно имеют на географической карте. В результате таких действий получался настоящий глобус, только увеличенного размера.

С 1949 г. в парке начали организовывать и проводить выставки цветов и насаждений для клумб. В 1952 г. парку была подарена коллекция цитрусовых растений из г. Сочи, а к 1955 г. в питомнике дендрария уже выращивалось более 80 видов разнообразных деревьев и кустарников.

Изначально в парке высаживалось больше цветов, чем деревьев. Об этом довольно часто писалось в заметках местных газет: «Поражает в парке обилие самых разнообразных цветов, ярких, душистых: пионов, георгинов, астр, альпийских восточных маков, гладиолусов и других, делающих парк похожим на сказочный ковер. Многие считают чудесным уголок роз. Они здесь самые разнообразные - как по размеру, так и по окраске. Красные, белые, розовые, малиновые с причудливой игрой оттенков, розы поражают своей дивной красотой. И не случайно поэтому так восторженно пишут об этом в Книге отзывов посетители парка: «Мы восхищались, глядя на цветы. Сколько труда, любви и умения надо приложить, чтобы вырастить их такими» [6].

В Дендропарке были устроена метеорологическая станция. Для отдыха горожан устанавливались красивые беседки. Участки парка представляли не только растительность Урала и Сибири, но и европейской части Советского Союза и Дальнего Востока. Для школьников был интересен уголок эволюции растений, где они могли проследить развитие нескольких классов растений от их простейших форм и до самых совершенных.

Через газетные статьи можно заметить, как менялся облик парка, как добавлялись новые элементы благоустройства. Так, например, вместо установленного в начале 1950-х гг. на центральной площади парка памятника И. В. Сталину там был размещен большой фонтан-чаша. «Ее диаметр – 6 метров. Вес фонтана 48 тонн. Он отлит из чугуна на заводе Уралхиммаш. Бьет 26 струй. Четыре центральных достигают высоты в четыре метра. Вода взлетает вихрем брызг, а затем стекает сверкающим каскадом из чаши к подножию. Сделана электрическая подсветка», - писала по этому поводу газета «Уральский рабочий» 9 июля 1953 г. [7].

Там же нередко публиковались фотографии и зарисовки отдельных мест парка: часовня Александра Невского, беседки и скульптурные группы [8, 9, 10].

Свердловская периодическая печать отражала изменения функций парка: от оказания помощи школам и вузам города в освоении знаний по ботанике и декоративному садоводству, от ознакомления с растительным богатством СССР и зарубежных стран до места отдыха горожан. «С 15 февраля отделом зеленого строительства в дендрологическом парке - выставке были орга-

низованы занятия специальных курсов, на которых обучались рабочие города и районов области, отвечающие у себя на предприятиях за «зеленый наряд». И вот учеба закончена. Сегодня с утра 40 будущих мастеров зеленого строительства и цветоводства сдают выпускной экзамен», - рапортовала газета «Вечерний Свердловск» в 1959 г. [11].

Стоит заметить, что дендропарк часто принимал участие в общегородских мероприятиях. К примеру, в 1978 г. в Историческом сквере состоялся «Праздник цветов», на котором «дендропарк Ленинского района показал большое разнообразие душистых флоксов» [12]. В газете «Вечерний Свердловск» от 22 августа 1961 г. можно было увидеть фото одной из выставок цветов, которые проводились в самом Дендропарке [13]. Эта же газета в октябре 1970 г. сообщала о продаже хризантем: «…будет представлено около сорока сортов этих цветов. Посетители могут сразу же купить полюбившийся – на срез и прямо в горшочке» [14]. В дендрарии регулярно организовывались выставки - коллекции древесно-кустарных растений, рекомендуемых для озеленения, однолетних и многолетних цветов, образцов живых изгородей [15]. В 1970 г. дендропарк принял участие в городской выставке цветов, проходившей в расположенном напротив Доме крестьянина, история которого когда-то была тесно связана с парком [16]. «С большой выдумкой оформлен цветочный массив дендрологического парка. В белом цветении стоит пышный куст сирени, буйно цветут разноцветные розы, а у подножия тонких березок растут ирисы, левкои, нарциссы. Гирляндами раскинулись красные гвоздики. Голубые ели украшают этот уголок природы. Сотрудники дендропарка показали посетителям новую форму цветочного оформления - ландшафтную, которая позволяет приблизить цветочные насаждения к естественным условиям», - так описывали корреспонденты молодежной газеты «На смену!» это событие [17].

О том, что впервые со времени своего основания дендрологический парк будет работать зимой газета «На смену!» сообщала в октябре 1958 г.: «Если вам зимой захочется отдохнуть, подышать свежим воздухом, полюбоваться убранством деревьев, заходите в дендрологический парк» [18]. В этой же статье говорилось о подготовке парка к зиме: «Сотрудники дендрария готовятся к зиме. Перекапывают участки, которые были под цветами, убирают опавшие листья, ботву. Там, где летом цвели розы, пионы, флоксы, гладиолусы, сейчас правильными рядами расположены небольшие кучки земли. Так укрываются на зиму корни этих многолетних цветов.

Стволы яблони белятся известковым раствором. Кусты малины, которая не всегда может перенести капризы уральской погоды, пригнуты к земле. У сирени обрезают сухие ветки и поросль. Чтобы ранней весной зацвели нарциссы и тюльпаны, их семена высаживают уже сейчас. А гости тропиков и субтропиков уже переселились в оранжерею. Здесь финиковая пальма, кипарис, филодендроны, олеандр. А вот раскинул широкие, красивые листья табак, среди темной зелени проглядывают красные длинные плоды томатного дерева!» [19].

В парке за всю его бытность трудились не только сотрудники дендрария. Нередко руководству дендропарка приходилось обращаться за помощью к другим организациям, потому что работы всегда было много. Часто здесь можно было увидеть школьников и студентов техникумов, которые осенью сгребали опавшие с деревьев листья, собирали семена древесных и кустарниковых пород. Из этих семян потом выращивали саженцы, которые впоследствии высаживались на улицах города.

Множество статей в городской периодической печати было посвящено уникальным экзотическим растениям в оранжереях дендропарка. К примеру, в 1962 г. газета «На смену!» так поэтично отзывалась о заграничных «питомцах»: «Гости из субтропиков далеких заморских стран чувствуют себя в оранжерее, как дома. Зацветает апельсиновое дерево. На персиковом уже образовались завязи. Два года подряд снимают с него 200-граммовые нежные плоды. «Хитрит» лимонное дерево. Оно «умудряется» одновременно и цвести, и плодоносить. Желтые пузатые лимоны притягивают к земле ветки.

Тонким ароматом дышит оранжерея декоративных субтропических растений. Пора цветения пришла и к ним. Цветет филодендрон (монстера) - житель Южной Америки. Цветет он редко, любопытным соцветием, напоминающим зеленый кукурузный початок. Белым пухом цветочков осыпан питоспорум (смолосемянник). Яркой зеленью радуют глаз тис ягодный, криптомерии, кипарисы.

Но весна не только пора обновления. Для банана японского эта весна — приближение гибели.

Представьте себе длинный четырехметровый стебель, который венчают опахала полутораметровых широченных листьев. Это и есть декоративный банан, обитатель японских лесов, в Свердловский дендрарий завезенный из Сочи в 1953 г. С того времени банан зацветает всего второй раз. И когда отцветет - погибнет, оставив лишь молодую корневую поросль - своих наследников… Лето пока только в оранжерее. Но скоро оно морем цветов выплеснется в дендрарий [20].

«Остров цветов», «В филиале райского сада», «Цветет японский банан», «Здесь уже весна», «Украсим город садами», «Парк радостных неожиданностей» - такими заголовками пестрели местные газеты, освещавшие события жизни дендропарка, завоевавшего популярность у жителей города и его гостей.

Таким образом, история Дендропарка-выставки на ул. 8 марта часто становилась предметом публикаций в периодической печати, которая освещала ключевые этапы развития инфраструктуры парка, вклад сотрудников в выращивание растений и уход за ними, роль парка в общественной жизни города и значимые события, связанные с ним.

«Екатеринбургский дендропарк – больше, чем просто зеленая зона. Это место силы, где история соседствует с современностью, а уникальные растения и их преданные хранители создают особый мир… Дендропарк притягивает идейных людей, небезразличных, живущих любимым делом и полностью отдающихся ему. Их энтузиазм, знания и ежедневный труд – невидимая, но самая крепкая опора, на которой держится хрупкая и прекрасная экосистема в сердце большого города», - так пишут сегодня уже в современных газетах о популярной достопримечательности города [21].

В настоящее время екатеринбургский Дендропарк разделен на несколько секторов: участок декоративных цветов, участок декоративных деревьев и кустарников для озеленения, географический участок, участок происхождения и эволюции растений, плодово-ягодный участок, питомники древесно-кустарниковых растений, теплицы и оранжереи, в которых цветы выращиваются не только для их демонстрации, но и для продажи. Здесь же организуются обзорные и тематические экскурсии по оранжереям, ведутся научные исследования, осуществляются образовательные программы.

Список литературы:

[1] Трофимов А. В. Советская журнальная периодика 1950-х годов как источник по истории городской повседневности / А. В. Трофимов. — Текст: электронный // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 712-716.

[2] Ипполитов Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3-2. С. 501-509.

[3] См. К истории возникновения и существования Хлебной площади в г. Екатеринбурге (XIX-XX вв.) / В. Н. Синько, А. В. Шиловцев, О. Р. Ильясов [и др.] // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 342-347.

[4] Синько В. Н., Шиловцев А. В., Ражина Е. В. и др. / Екатеринбургский дендрологический парк - выставка: история и современность // Российский научный вестник. 2025. № 5. с. 395-401.

[5] На смену». 5 сентября 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/92545

[6] Там же.

[7] Уральский рабочий. 1953. 9 июля.

[8] Вечерний Свердловск. 13 июля 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/104137

[9] За тяжелое машиностроение. 5 мая 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/110146

[10] На смену! 29 июля 1958 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95342

[11] Вечерний Свердловск. 13 марта 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/103003

[12] На смену 24 августа 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/86445

[13] Вечерний Свердловск» 22 августа 1961 [Электронный ресурс]. URL: г.http://elib.uraic.ru/handle/123456789/100162

[14] Вечерний Свердловск». 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/103285

[15] Цветут альпийские фиалки // Газета «Свердловский строитель». 5 марта. 1960 г.

[16] См. К 100-летию Свердловского дома крестьянина: (история открытия) / А. В. Шиловцев, В. Н. Синько, О. Р. Ильясов [и др.] // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 453-458.

[17] На смену! 1970. № 078 (21 апреля). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85256

[18] «На смену!» 1958. № 210 (23 октября). [Электронный ресурс]. http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95411

[19] Там же.

[20] На смену! 1962. № 070 (8 апреля). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/92916

[21] Уральский рабочий. 12 августа 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://уральский-рабочий.рф/news/item/60805

References:

[1] Trofimov, A. V. Soviet Magazine Periodicals of the 1950s as a Source on the History of Urban

Everyday Life. — Text: electronic // Documentary Heritage and Historical Science: Proceedings of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th Anniversary of the Department of History and Archives at the Ural University (Yekaterinburg, September 11–12, 2020). Yekaterinburg: Ural University Press, 2020. Pp. 712-716.

[2] Ippolitov, G. M. Classification of Sources in Problem-Thematic Historiographical Research and Some Methodological Approaches to Their Analysis // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2011. No. 3-2. Pp. 501- 509.

[3] See. To the history of the emergence and existence of the Bread Square in Yekaterinburg (XIX-XX centuries) / V. N. Sinko, A. V. Shilovtsev, O. R. Ilyasov [et al.] // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. Pp. 342-347.

[4] Sinko V. N., Shilovtsev A. V., Razhina E. V., et al. / Yekaterinburg Arboretum - Exhibition: History and Modernity // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 395-401.

[5] On the Change. September 5, 1956 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/92545

[6] Ibid.

[7] Ural Worker. 1953. July 9.

[8] Evening Sverdlovsk. July 13, 1959 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/104137

[9] For Heavy Engineering. May 5, 1959 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/110146

[10] To the next shift! July 29, 1958 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95342

[11] Evening Sverdlovsk. March 13, 1959 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/103003

[12] On August 24, 1978 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/86445

[13] Evening Sverdlovsk, August 22, 1961 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/100162

[14] Evening Sverdlovsk. October 24, 1970 [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/103285.

[15] Alpine violets are blooming // Sverdlovsk Builder newspaper. March 5. 1960.

[16] See. On the 100th anniversary of the Sverdlovsk Peasant House: (the history of the discovery) / A. V. Shilovtsev, V. N. Sinko, O. R. Ilyasov [et al.] // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. Pp. 453-458.

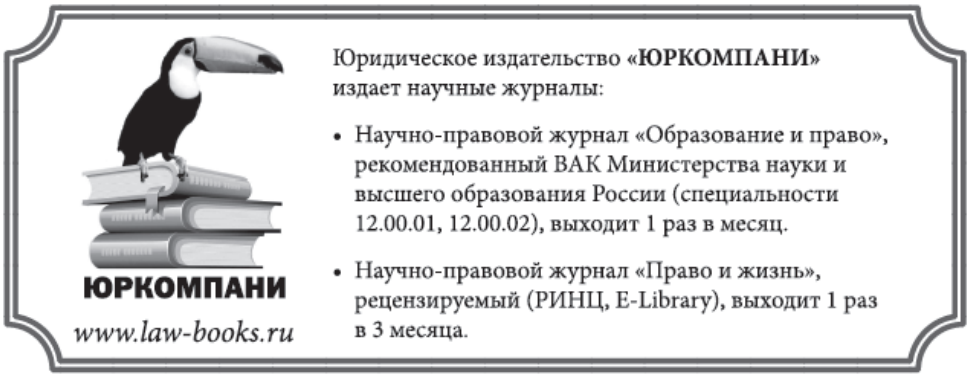
[17] To the next! 1970. No. 078 (April 21). [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/85256

[18] “To the next!” 1958. No. 210 (October 23). [Electronic resource]. http://elib.uraic.ru/handle/123456789/95411

[19] Ibid.

[20] To the Change! 1962. No. 070 (April 8). [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/92916

[21] Ural Worker. August 12, 2025. [Electronic resource]. URL: https://ural-worker.ru/news/item/60805

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-561-565

СВЕТЛОВ Александр Игоревич,
старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
SPIN-код: 5475-3710, AuthorID: 784242,
e-mail: svetlov.jur@mail.ru

ШКАЛИКОВ Денис Александрович,
обучающийся 3 курса бакалавриата
факультета по подготовке специалистов
для судебной системы (юридического факультета)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
SPIN-код: 3368-7960, AuthorID: 1338703,
e-mail: denis.jesus.laine@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ПРАВОПРЕЕМНИКА СССР)

Аннотация. *Беспрецедентный геополитический слом 1991 года обнажил очевидную неготовность институтов международного права к дезинтеграции глобальных акторов. По сути, юридическое осмысление трансформации СССР до сих пор балансирует между политической целесообразностью и догматикой, что обретает совершенно иное звучание на фоне конституционных поправок 2020 года. Авторы статьи нацелены на историко-правовой анализ формирования статуса Российской Федерации как государства-продолжателя.*

Ключевые слова: *Венские конвенции; государство-продолжатель; континуитет; международное право; постсоветское пространство; правопреемство государств.*

SVETLOV Alexander Igorevich,
Senior Lecturer, Department of General Theoretical Legal Disciplines,
North-West Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

SHKALIKOV Denis Aleksandrovich,
3rd year undergraduate student of the Faculty of Law
of the North-West Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

PROVIDE A HIGH-QUALITY TRANSLATION INTO ENGLISH. CURRENT PROBLEMS OF STATE SUCCESSION IN THE POST-SOVIET SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE SUCCESSOR STATE OF THE USSR)

Annotation. *The unprecedented geopolitical upheaval of 1991 revealed the apparent unpreparedness of international law institutions to the disintegration of global actors. In fact, the legal understanding of the transformation of the USSR still balances between political expediency and dogma, which takes on a completely different meaning in the context of the 2020 constitutional amendments. The author of this article aims to provide a historical and legal analysis of the formation of the status of the Russian Federation as a successor state.*

Key words: *Vienna Conventions; successor state; continuity; international law; post-Soviet space; state succession.*

Распад Союза ССР в декабре 1991 года породил один из наиболее масштабных случаев государственного правопреемства в истории современного международного права. На месте единого государства, занимавшего одну шестую часть суши и обладавшего постоянным членством в Совете Безопасности ООН, в течение нескольких дней возникло пятнадцать самостоятельных субъектов международного права (с собственными территориями, населением, неизбежными претензиями на союзное наследие). Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года [3]; в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года не предусматривали механизма, который способен справиться с подобной ситуацией. Оба документа ориентировались, в первую очередь, на случаи деколонизации, а отнюдь не на распад крупного федеративного государства с разветвлённой системой международных обязательств.

В рассматриваемом контексте практика правопреемства СССР породила совершенно новую правовую категорию – «государство-продолжатель», принципиально отличную от традиционного понятия «государство-правопреемник». Российская Федерация не просто унаследовала часть прав и обязанностей СССР. Она продолжила его международно-правовую личность, то есть, юридически осталась тем же субъектом международного права со всеми вытекающими отсюда привилегиями (прежде всего, постоянным местом в Совете Безопасности ООН) [10] и бременем, в том числе, принятием совокупного внешнего долга СССР.

Историко-правовая проблематика данного феномена сохраняет актуальность по нескольким причинам. Во-первых, применённая модель правопреемства не имела прецедентов в международной практике. Она не была заблаговременно закреплена в конвенционных механизмах. Во-вторых, ряд связанных вопросов (в том числе, относительно государственного имущества за рубежом, архивов, взаимных расчётов между государствами СНГ) так и не получил юридического завершения. В-третьих, конституционно-правовое измерение проблемы обрело новый импульс с принятием поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году, впервые на уровне Основного закона закрепивших правопреемство России по отношению к СССР [1].

Немаловажно и то, что разграничение между континуитетом и правопреемством в международном праве до сих пор остаётся предметом доктринальных разногласий. По существу, случай Российской Федерации предоставил международно-правовой науке уникальный эмпирический материал: как ведут себя нормы и принципы о правопреемстве в ситуации, для которой они, строго говоря, не создавались? Ответ на этот вопрос имеет как академическое, так и сугубо практическое значение. Тем более, что на постсоветском пространстве и сегодня не завершены определённые разграничительные процессы.

Институт правопреемства государств является одним из наиболее разработанных в международном публичном праве, хотя он и не лишён концептуальных противоречий. Традиционно под правопреемством понимается переход прав и обязательств от предшественника к преемнику вследствие определённых юридически значимых изменений территории. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года (далее – Конвенция 1978 года) закрепила это понимание в статье 2(1)(b), определив правопреемство как смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года (далее – Конвенция 1983 года) [4] воспроизвела аналогичное определение применительно к государственному имуществу, архивам, долгам [6].

Между тем, оба документа имеют существенный изъян с точки зрения практического применения. Они до сих пор не вступили в силу в универсальном масштабе. Конвенция 1978 года формально действует лишь среди очень ограниченного круга стран, а конвенция от 1983 года и вовсе была ратифицирована в 7 государствах. В итоге правопреемство СССР оказалось урегулированным не через конвенционные механизмы, а посредством двусторонних и многосторонних соглашений в рамках СНГ, а также через сложившуюся практику, которая опирается на принципы обычного международного права.

В доктрине международного права различается несколько моделей государственного правопреемства: поглощение, разделение (дезинтеграция на несколько новых субъектов), отделение части территории, особый случай – континуитет, при котором государство рассматривается как тот же самый субъект международного права, невзирая на территориальные изменения или смену наименования. Именно к последнему варианту, как было признано международным сообществом, наиболее близок статус России, но со значительными оговорками, которые потребовали выработки самостоятельной категории [5].

Ключевой теоретической трудностью остаётся чёткое разграничение понятий «континуитет» и «правопреемство». Обоими терминами описывается преемственность правовых пози-

ций, однако они имеют принципиально различную природу. В рамках континуитета предполагается, что государство не прерывало своего юридического существования (изменились лишь его пространственные характеристики или название). Правопреемство же исходит из того, что прежнее государство прекратило существование и новый субъект международного права получает права и несёт обязанности предшественника в определённом объёме [10].

Применительно к постсоветской ситуации концептуальная сложность состояла в следующем: СССР юридически прекратил существование согласно Беловежским соглашениям от 8 декабря 1991 года [2], подписанными главами одиннадцати государств – участников СНГ. Текст документа начинался сразу с констатации факта прекращения существования СССР: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства — учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР, как субъект международного права и геополитическая реальность, прекращает свое существование». Это, казалось бы, исключало континуитет в строгом смысле слова. Вместе с тем, именно в той же декларации страны СНГ выразили поддержку пребыванию России на месте СССР в международных организациях (и, прежде всего, в Совете Безопасности ООН). 24 декабря 1991 года, не прибегая к процедуре приёма нового члена, Российская Федерация формально заняла место СССР в ООН. Генеральный секретарь организации зафиксировал это в уведомительном порядке, что само по себе стало беспрецедентным правовым решением.

Вследствие этого отечественная и зарубежная доктрина оказалась перед необходимостью выработать новую правовую категорию, которая не вписывается в классическую оппозицию «континуитет / правопреемство». В российской науке международного права её принято обозначать как «государство-продолжатель». В отличие от правопреемника, оно не «наследует» права предшественника, а «продолжает» их. Это влечёт принципиально иные правовые последствия: в частности, международные договоры СССР не «переходят» к России как к новому государству, а просто остаются в силе, ибо субъект договора формально не изменился [7].

Правовое закрепление статуса государства-продолжателя складывалось постепенно и опиралось на несколько уровней регулирования. На международном ключевым стало решение Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года. В развитие этого документа Россия 13 января 1992 года направила странам – членам ООН ноту, в которой заявила о принятии на себя всех обязательств СССР согласно Уставу ООН и продолжении участия в заключённых под его эгидой договорах. Иными словами, Российская Федерация не просто объявила о правопреемстве; она заявила о тождестве своего международно-правового статуса с советским.

На внутригосударственном уровне понятие «государство-продолжатель» получило закрепление в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» 1995 года [11]. Так, согласно статье 3 данного акта, его действие распространяется на договоры, в которых Россия выступает в качестве продолжателя СССР. Наконец, поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года внесли в статью 67.1 положение о том, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории»[8]. Тем самым данный статус получил конституционное закрепление.

Одновременно с этим уместно обратить внимание на терминологическую непоследовательность конституционной нормы. Законодатель использует термин «правопреемник», а международно-правовой статус России – именно статус продолжателя. Это принципиально иное понятие. По всей видимости, конституционная формулировка 2020 года отражает общепонятное словоупотребление, но не вполне точна с точки зрения доктрины международного права. Указанная коллизия – не просто академическая. Она способна порождать неоднозначное толкование в ситуациях, когда суды или органы госвласти обращаются к основаниям правопреемства.

Невзирая на то, что правопреемство СССР в своих основных параметрах можно считать урегулированным, ряд значимых проблем сохраняет юридическую остроту. В первую очередь, это касается государственного имущества СССР за рубежом. Принятый в рамках «нулевого варианта» принцип, по которому Россия приняла на себя весь советский долг в обмен на все зарубежные активы, реализовывался непоследовательно: часть имущества оказалась «заморожена» в спорах между претендентами. Ряд государств СНГ в различные периоды выдвигал требования о пересмотре этого принципа и получении своей доли зарубежного советского имущества. Это само по себе указывает на неустойчивость достигнутого консенсуса.

Другой практически значимой проблемой остаётся правопреемство в отношении государственных архивов. Советские архивные фонды в силу исторически сложившейся централизации сосредоточены, главным образом, на территории России. Соглашение о правопреемстве в отношении государственных архивов бывшего СССР 1992 года декларировало принцип территориаль-

ной принадлежности документов, однако практика его применения обнаружила существенные расхождения. Часть государств, в первую очередь, страны Балтии, не входящие в СНГ, так и не урегулировали данный вопрос посредством двусторонних договоров с Россией.

Нельзя обойти и конституционно-правовое измерение проблемы. Поправки 2020 года не просто закрепили правопреемство на уровне Конституции; они вызвали вопрос о том, как соотносится внутреннее конституционное понятие «правопреемник СССР» с международно-правовым статусом «государства-продолжателя». Эта терминологическая коллизия до сих пор не разрешена ни доктриной, ни судебной практикой.

Таким образом, правопреемство государств постсоветского пространства – один из наиболее сложных прецедентов в истории международного права. Распад СССР отчетливо продемонстрировал концептуальные пробелы конвенционных механизмов: Венские конвенции 1978 и 1983 годов не были рассчитаны на дезинтеграцию столь крупного субъекта. Статус России как государства-продолжателя представляет собой уникальный правовой феномен, который выходит за границы дихотомии «континуитет – правопреемство». Россия органично продолжила международную личность СССР, легитимно сохранив место в Совете Безопасности ООН, ядерный статус; приняв внешний долг в рамках «нулевого варианта». В отличие от нее, остальные бывшие республики стали странами-правопреемниками, заново вступавшими в ООН и принимавшими лишь часть обязательств. Дальнейшее глубокое теоретическое осмысление и последовательное нормативное усовершенствование этого сложнейшего правового института объективно необходимо для надежной защиты национальных интересов, справедливого разрешения потенциальных межгосударственных споров, неуклонного укрепления международно-правовых позиций на фоне динамично меняющегося глобального правопорядка. Это открывает новые перспективы для будущих междисциплинарных изысканий в области теории государства и права.

Список литературы:

[1] Алексеев Д.С. Преемственность в политике России в отношении стран постсоветского пространства: от Ельцина к Путину // Постсоветское пространство и современный мир. Итоги тридцатилетия. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции. – Саратов: 2022. – С. 28-31.

[2] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года // Электронный фонд – URL: https://docs.cntd.ru/document/1900745 (дата обращения 09.03.2026).

[3] Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров. Принята 23 августа 1978 г. // Официальный сайт ООН – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (дата обращения 05.03.2026).

[4] Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов. Принята 7 апреля 1983 г. // Электронный фонд – URL: https://docs.cntd.ru/document/1902936 (дата обращения 10.03.2026)

[5] Витушко В.А. Постсоветское право: на рубеже веков // Проблемы гражданского права и процесса. Сборник научных статей. – Гродно: 2022. – С. 11-19.

[6] Гошуляк В.В., Пархоменко А.Г. Российская Федерация – правопреемник СССР // Наука. Общество. Государство. – 2025. – Т. 13. – № 1 (49). – С. 61-68.

[7] Елькина А.С. Российская Федерация и особенности международного правопреемства в связи с распадом СССР: преемник или продолжатель? // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности. – Москва: 2021. – С. 232-235.

[8] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // СПС Консультант – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.03.2026).

[9] Любый И.А. Российская Федерация как правопреемница СССР // 30 лет современной России. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Омск: 2022. – С. 72-74.

[10] Устав Организации Объединённых Наций (полный текст) // Официальный сайт ООН – URL:https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 06.03.2026).

[11] Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.12.2020 N 429-ФЗ) // СПС Консультант URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения 07.03.2026).

References:

[1] Alekseev D.S. Continuity in Russian policy towards the countries of the post-Soviet space: from Yeltsin to Putin//Post-Soviet space and the modern world. Results of the thirtieth anniversary. Collection of scientific articles based on the materials of an international scientific conference. - Saratov: 2022. - S. 28-31.

[2] Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States of December

8, 1991//Electronic Fund - URL: https://docs.cntd.ru/document/1900745 (date of appeal 09.03.2026).

[3] Vienna Convention on Succession of States in Respect of Treaties. Adopted on August 23, 1978// UN official website - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml (date of reference 05.03.2026).

[4] Vienna Convention on Succession of States in Respect of State Property, State Archives and State Debts. Accepted April 7, 1983//Electronic Fund - URL: https://docs.cntd.ru/document/1902936 (date of appeal 10.03.2026)

[5] Vitushko V.A. Post-Soviet law: at the turn of the century//Problems of civil law and process. Collection of scientific articles. - Grodno: 2022. - S. 11-19.

[6] Goshulyak V.V., Parkhomenko A.G. Russian Federation - successor of the USSR//Science. Society. State. – 2025. - T. 13. – № 1 (49). - S. 61-68.

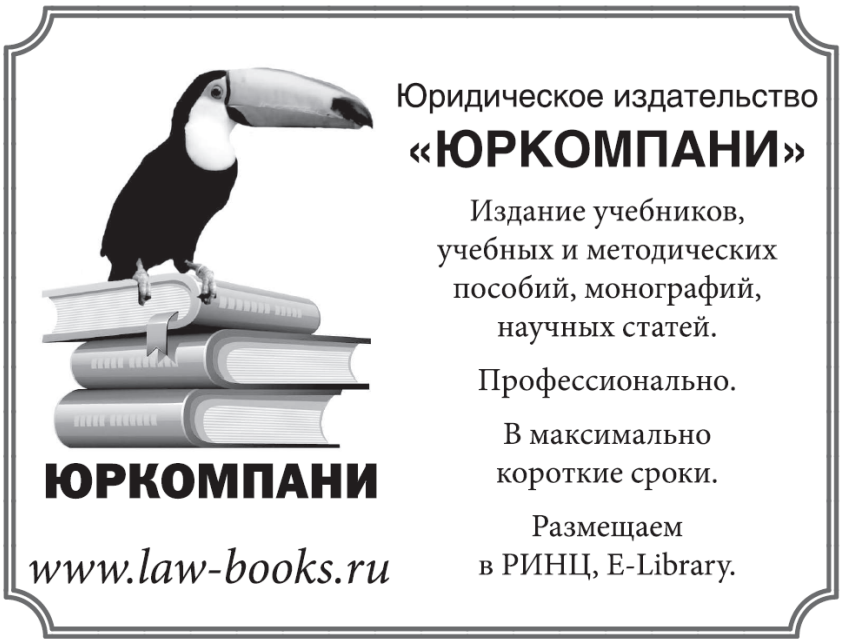
[7] Elkina A.S. The Russian Federation and the peculiarities of international succession in connection with the collapse of the USSR: successor or successor ?//Current problems of international relations, international law and security. - Moscow: 2021. - S. 232-235.

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 [as amended]//SPS Consultant - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of appeal 10.03.2026).

[9] Lyuby I.A. Russian Federation as the legal successor of the USSR//30 years of modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - Omsk: 2022. - S. 72-74.

[10] Charter of the United Nations (full text)// UN official website - URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (date of reference 06.03.2026).

[11] Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation” dated 15.07.1995 N 101-FZ (as amended by Federal Law 08.12.2020 N 429-FZ)//SPS Consultant URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (date of request 07.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-566-570
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права РАН,
Институт государства и права Российской академии наук,
e-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИИ СССР: БАЛАНС СУВЕРЕНИТЕТА ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИК

Аннотация. *Проблематика осуществления правовой охраны конституции, как основного закона государства, продолжает оставаться значимой и актуальной на современном этапе. Конституционное обновление 2020 г. было направлено, в том числе на поиск оптимальной модели конституционного контроля – одного из знаковых атрибутов конституционализма. В этой связи особый интерес представляет исследование и переосмысление советского опыта реализации надзорных функций и конституционного контроля Верховным судом СССР в начале 20-х годов с учетом существовавших подходов к правовой охране конституции, специфике правоприменения в федеративном государстве, необходимости эффективного разграничения союзного и республиканского суверенитетов.*

Ключевые слова: *советский конституционализм, советская федерация, Верховный суд СССР, конституционный контроль, конституционный надзор, правовая охрана конституции, республиканский суверенитет, законность.*

DANILEVSKAIA-URBANOVA Inna Leonidovna,
senior research assistant of constitutional law
and constitutional justice sector of the Institute
of State and law of the Russian Academy of Sciences,
candidate of legal sciences. The Institute of State and law
of the Russian Academy of Sciences

THE SUPREME COURT OF THE USSR IN THE SYSTEM OF LEGAL PROTECTION OF THE CONSTITUTION OF THE USSR: THE BALANCE OF SOVEREIGNTY OF THE FEDERATION AND THE REPUBLICS

Annotation. *The issue of legal protection of the constitution, as the fundamental law of the state, remains significant and relevant today. The 2020 constitutional update was aimed, among other things, at finding an optimal model for constitutional review—one of the hallmarks of constitutionalism. In this regard, a study and rethinking of the Soviet experience of implementing oversight functions and constitutional review by the Supreme Court of the USSR in the early 1920s is of particular interest, taking into account existing approaches to legal protection of the constitution, the specifics of law enforcement in a federal state, and the need to effectively delineate union and republican sovereignty.*

Key words: *soviet constitutionalism, Soviet Federation, Supreme Court of the USSR, constitutional control, constitutional supervision, legal protection of the constitution, republican sovereignty, legality.*

Институт правовой охраны конституции, конституционного контроля в России прошел непростой путь трансформации, эволюционируя от идеологизированных и политизированных конструкций в советскую эпоху к современным правовым механизмам. Понимание этой эволюции необходимо для исторической точности и для извлечения практических уроков, которые могут быть применимы в актуальной юридической практике. Конституционный контроль в

современных условиях испытывает серьезную трансформацию, обусловленную как внутренними изменениями, так и глобальными геополитическими сдвигами. На первый план выходят вопросы сохранения и укрепления суверенитета, адаптации институтов контроля к фундаментальным цифровым вызовам, задачи безопасности государства и его конкурентноспособного и технологического экономического развития.

Период 20-х до начала 30-х годов XX в. занимает особое место в отечественной истории становления института правовой охраны Основного закона: Верховный суд СССР, наделенный рядом полномочий в сфере правовой охраны конституции, конституционного контроля и надзора, участвовал в формировании единого правового пространства, общесоюзных императивов, пробуя стать механизмом интеграции в молодой советской федерации с разнообразными и ещё не устоявшимися региональными правовыми традициями.

Ключевых различий в понятиях «конституционный контроль» и «конституционный надзор» советские практика и доктрина тогда не содержала, вместе с тем, в научной литературе конституционный контроль, как функция Верховного суда по общему надзору за законностью и конституционные полномочия Верховного суда обосновывались, как «своеобразные» судебные функции [1, 185-187]. В этот же период теоретический интерес к институту правовой охраны конституции проявился в опубликовании значительного числа содержательных, сравнительных научных работ, в центре внимания которых были вопросы конституционного правосудия, законодательной регламентации конституционного надзора, в том числе, в зарубежных странах, роли в этой деятельности высших государственных и судебных органов, классификации нарушений конституционности. Анализировалась не только идея судебного рассмотрения конституционных вопросов в капиталистических странах, но и опыт её практической реализации, в частности, в деятельности Верховного федерального Суда США. Советскими исследователями признавалось, что пролетариат при создании советской системы использовал многое из того, что добыто буржуазной культурой, однако в самой идее судебного конституционного контроля усматривалась теория разделения властей, неприемлемая для классового, советского суда, который не мог быть независимым от политической власти, поскольку является одной из её функций; подход к такому контролю, как «сверх» судебному, тоже был неприемлем, учитывая, что в союзном масштабе гарантией сохранения конституционной законности мог являться не высший, независимый от власти конституционный суд, а только высший политический орган государственной власти Союза, представляющий волю господствующего класса [2, 501; 3, 4].

Функции верховного судебного контроля были закреплены за Верховным судом СССР, учрежденном при ЦИК СССР в знаковом для советского государства и права 1922-ом году на основании Договора об образовании Союза ССР суверенными государствами – РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республикой (ЗСФСР). В этом же году В.И. Лениным в его письме «О «двойном» подчинении и законности» была обоснована идея привлечения судебных органов к осуществлению общего надзора за законностью, где речь шла прежде всего о единообразном понимании и применении законности во всей республике и во всей федерации [5]. В 1922 г. проходит судебная реформа, сопровождавшаяся сменой официальных идеологических установок, с созданием многозвенной судебной системы, нацеленной на охрану сложившегося «советского правопорядка», происходит переход от прежнего отрицания права как атрибута буржуазной и «эксплуататорской» государственности к новому пониманию права как системы норм, санкционированного государством и обеспеченного силой государственного принуждения [6]. Вместе с тем, одновременно сохраняется понимание закона как орудия и подход в пролетарском правосознании к нормам конституции, как к созданным не навсегда и в своей политической сущности основанным на принципе революционной целесообразности, сохраняя «подвижность, приспособление конституции к жизненным требованиям, делая её могущественным орудием пролетариата в деле строительства пролетарского государства» [4, 6]. Как верно отмечает академиком РАН А.Н. Савенковым, право — это вещь, основанная на традиции, это не инструкция для переписывания каждый день, поскольку в его основе ценностные основания, на которых строится гражданская и культурная идентичность. И эти ценности для общества важно сохранить [7, 322].

Поворотным моментом в преобразовании правовой природы союзных республик и юридической основой для реализации полномочий Верховного суда СССР в сфере правовой охраны конституции стала первая Конституция Союза ССР 1924 г., в которую вошел составной частью Договор об образовании СССР. Формулировка о функциях Верховного суда СССР в области общего и конституционного надзора за законностью была внесена в конституционный проект в июне 1923 г. по инициативе комиссии ЦК РКП (б), руководившей работой по подготовке проекта Конституции [8, 187].

Ещё при разработке конституционного проекта, в процессе правового оформления государственного устройства страны, особое внимание уделялось решению принципиальных вопросов объединения республик, проблеме суверенитета в части соотношения прав союзного государства и его членов, компетенции федерации и ее субъектов. На XI Всероссийском съезде Советов при обсуждении положений проекта Конституции Союза ССР 1924 г. Д.И. Курский отмечал закрепление в проекте основных, существенных суверенных прав союзных республик, самым характерным из которых являлось право свободного выхода из Союза. При этом главнейшей конституционной функцией Верховного суда определили подготовку заключений о законности или незаконности с точки зрения Конституции тех или иных действий или постановлений союзных республик [9,147, 150]. Стояла задача разработать конкретные формы сочетания сильной центральной власти с суверенными правами национальных республик – членов федерации, но борьба шла не только против национал-уклонистских элементов, стремящихся максимально ограничить полномочия и компетенцию общесоюзных органов, лишить их реальной власти с таким расчетом, чтобы вместо единого союзного государства получилась фактически конфедерация республик, следовало найти оптимальную структуру ЦИК СССР, представляющую все союзные, автономные республики и другие национально-государственные образования на основе равноправия [8, 168-169]. Такая структура была найдена и в 1923 г. по инициативе Пленума ЦК РКП (б) XII съезд одобрил создание второй равноправной палаты - Совета Национальностей в составе ЦИК.

Сочетание интересов Союзного государства и каждого члена государства с обеспечением непрерывности осуществления государственной власти на общесоюзном уровне, единство законотворчества и управления были закреплены в 1924 г. Конституцией СССР в виде «границ» союзного и республиканского суверенитетов, компетенций в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти СССР и его субъектов, в связи с чем и задачи конституционного надзора приобретали особый, принципиальный характер, учитывая сложившееся де-факто и де-юре федеративное устройство советского государства. На первом месте стоял вопрос об установлении единой общесоюзной законности и, следовательно о структуре, полномочиях и компетенции высших органов государственной власти - ЦИК СССР и его Президиума, на которые возлагалось не только издание общесоюзных законодательных актов, но и осуществление конституционного контроля и надзора за исполнением Конституции СССР и общесоюзного законодательства. Право конституционного контроля ЦИК СССР и его Президиума в научной литературе трактовали как неограниченное, учитывая, что оно состояло не только в наблюдении за исполнением Конституции, но и в праве отмены всех актов, противоречащих союзной Конституции [8,185].

В эту систему «двух уровней» суверенитетов советской федерации был встроен и Верховный суд Союза ССР, реализующий, в том числе, функции конституционного надзора и правовой охраны конституции. Диапазон задач Верховного суда в сфере правовой охраны Основного закона был регламентирован в главе 7 Конституции СССР 1924 г., среди которых была дача заключений о законности с точки зрения Конституции Союза ССР тех или иных постановлений Центральных Исполнительных Комитетов и Советов Народных Комиссаров союзных республик, а также Совнаркома Союза по требованию Президиума ЦИК Союза.

Принцип разделения властей в его классическом смысле, как известно, толковали в СССР как определенную систему разделения труда между органами пролетарской диктатуры [10, 469]. Суверенитет реализовывал верховный орган власти СССР - Съезд Советов, а в период между съездами – Центральный Исполнительный Комитет – ЦИК Союза ССР. Обширный союзный суверенитет иллюстрировали конституционные полномочия Президиума ЦИК СССР, в частности, его право приостанавливать и отменять постановления Совета Народных Комиссаров и отдельных народных комиссариатов СССР, а также центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров союзных республик, приостанавливать постановления съездов советов союзных республик с последующим внесением этих постановлений на рассмотрение и утверждение ЦИК СССР. Кроме того, на Президиум ЦИК СССР возлагалось разрешение вопросов о взаимоотношениях между Советом Народных Комиссаров Союза ССР и республиканскими народными комиссариатами, а также между центральными исполнительными комитетами союзных республик и их президиумами.

Конкретизировались конституционные полномочия Верховного суда в Положении о Верховном суде СССР и Наказе 1924 г., устанавливая право Верховного суда по собственной инициативе делать представления о приостановлении и отмене по мотивам несогласованности с Конституцией СССР постановлений и распоряжений центральных и союзных наркоматов. Закрепление данного права позволяло ему охранять суверенные права союзных республик от излишнего, противоречащего союзной Конституции вмеша-

тельства органов Союза, что соответствовало мысли В.И. Ленина о необходимости действенных мер для защиты прав национальностей в Союзе ССР [8, 186-187]. Можно отметить, что у каждой союзной республики Конституцией признавалось наличие суверенитета, но суверенитета, ограниченного в пределах, установленных Конституцией, которая перечисляла предметы компетенции Союза ССР, а вне этих пределов, согласно Конституции, каждая союзная республика самостоятельно осуществляла государственную власть.

В течение первого десятилетия существования Верховного суда СССР спорным являлся вопрос о приоритете его функций. Ряд государственных деятелей того времени (А.С. Енукидзе, Д.И. Курский и др.) признавали ведущей функцией судебный конституционный надзор. Фактически почти половина всех вопросов, которые рассматривались в 1925 - 1929 гг. на Пленуме Верховного суда СССР, относилась, по терминологии того периода, к конституционному (общему) надзору, а остальные являлись судебно-надзорными либо организационными [11,8].

С точки зрения конституционных взаимоотношений между Союзом СССР и союзными республиками можно обратить внимание на структуру Пленума Верховного суда, в состав которого по должности входили председатели верховных судов союзных республик, что обеспечивало защиту интересов суверенитета и суверенных прав союзных республик, республиканскую самостоятельность, поскольку они возражали против самой постановки на пленуме вопросов не только о прямом опротестовывании постановлений пленумов верховных судов союзных республик, но даже и о даче им каких бы то ни было разъяснений. На тех же основаниях определялся состав народных заседателей, двенадцать из двадцати пяти которых утверждались из числа кандидатов, представляемых президиумами ЦИКов союзных республик [1,188; 11, 8].

Высказывались предложения расширить конституционные права Верховного суда Союза, сделать его конституционным судом первой инстанции, чтобы только в случае обжалования спорный конституционный вопрос подлежал бы рассмотрению Президиумом ЦИК Союза. Этим предполагалось сохранить неоспоримым авторитет Президиума ЦИК, учитывая, что Конституция 1924 г. наделила ЦИК СССР и его Президиум рядом полномочий в сфере конституционного контроля, например, правом приостанавливать постановления Съездов Советов союзных республик. Но данное предложение критиковалось, как возможное ущемление суверенных прав союзных республик, учитывая, что республики непосредственно обращались в Президиум ЦИК по вопросам неконституционности, а в случае создания конституционного суда первой инстанции в Верховном суде, республики получали ещё один стоящий над ними верховный орган [2, 502].

Окончательных решений в сфере правовой охраны Основного закона, Верховный суд СССР не принимал. Отмечались сложности в понимании законности и несогласованности в нарушениях актов союзных республик с точки зрения Конституции и самих взаимоотношений Союза и союзных республик, реализации Верховным судом задач по преимуществу конституционного воспитания, а не привлечения виновных в конституционных нарушениях к дисциплинарной ответственности [12].

Являясь консультативным органом при Президиуме ЦИК СССР, Верховный суд занимался, по сути, укреплением правопорядка, обеспечением единства правового пространства и предотвращения хаоса в законодательстве, сохранением союзного суверенитета и легитимацией власти, защитой интересов общегосударственного значения с учетом специфики республик. Советская власть, как отмечал Н.А.Бердяев, была не только властью коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она имела объективную природу всякого государства и была заинтересована в защите государства [13, 120].

Представляется, что ранее сформулированные исследователями выводы о недолговечности и непродуктивности институционального урегулирования вопросов судебной правовой охраны Конституции Верховным судом СССР [14, 15] обусловлены, в том числе тем, что в период формирования советского конституционализма не до конца были определены ключевые принципы федерализма и строительства советской федерации, не урегулированы противоречия в признании права наций на создание своих государств с конституционно-закрепленным признанием ограниченного суверенитета союзных республик при сохранении единой политической и экономической системы и стремлением к усилению централизации власти.

В новых условиях целесообразно вернуться к имеющемуся историческому опыту практики Верховного Суда как гаранта конституционного порядка, учитывая необходимость наличия серьезного системного подхода к конституционно-правовому регулированию федеративных отношений, придания созидательного импульса развитию отечественной государственности и государственно-территориального устройства в контексте решения первостепенной задачи укрепления суверенитета нашего государства.

Список литературы:

[1] Советский федерализм. Сборник. Под общей редакцией М.О. Рейхеля. М.-Л.: Государственное издательство. – 1930. – 274 с.

[2] Загорье Б. Нужна ли нам судебная охрана конституции? //Вестник советской юстиции. № 17 (123). 501-502 с.

[3] Дябло В.К. Судебная охрана конституций. М.: НКЮ РСФСР. 1928. – 118 с.

[4] Лебединский В.Г. Конституционный надзор в Союзе ССР и методы его осуществления. // Советское строительство. № 9 (26). 1928. 5-21 с.

[5] Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности. ПСС. Издание пятое. Т.45. М.: Издательство политической литературы. – 1970. С.197-201.

[6] Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в период НЭПа. Автореф. дисс. к.ю.н. М., 2010. 20 с.

[7] Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. Монография. М.: Проспект. – 2020. - 448 с.

[8] Курицын В.М. Становление социалистической законности. М.: Издательство «Наука». – 1983.- 192 с.

[9] Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юридическое издательство. – 1948. - 199 с.

[10] Энциклопедия государства и права. Под ред. П.Стучка. М.: Издательство Коммунистической академии., 1930. – 1184 с.

[11] Митюков М.А. О некоторых теоретических аспектах судебного конституционного надзора в СССР (1924-1933 гг.). //Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. 7 – 16 с.

[12] Винокуров А.Н. О конституционном надзоре. //Вестник Верховного Суда СССР. 1925. № 1. 3-6 с.

[13] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. – 224 с.

[14] Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924-1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М.: Формула права, 2005. – 208 с

[15] Митюков М.А. Верховный Суд СССР как орган конституционного надзора (1924-1933 гг.): источники и историография вопроса с позиции конституционалиста. //Советский конституционализм (1918-1925 гг.): доктрины, институты и репрезентации. Сборник материалов круглого стола. Под ред. К.С. Коровина. Екатеринбург: Издательство ФГБУ ВО «Уральский государственный юридический университет». – 2019. С.4-9

References:

[1] Soviet federalism. Compilation. Under the general editorship of M.O. Reichel. M.-L.: State Publishing House. – 1930. - 274 p.

[2] Zagorye B. Do we need judicial protection of the constitution ?//Bulletin of Soviet Justice. № 17 (123). 501-502 p.

[3] Diablo V.K. Judicial protection of constitutions. M.: NKYU RSFSR. 1928. - 118 s.

[4] Lebedinsky V.G. Constitutional supervision in the USSR and methods of its implementation .// Soviet construction. № 9 (26). 1928. 5-21 p.

[5] Lenin V.I. On “double” subordination and legality. PSS. Edition five. T.45. M.: Publishing house of political literature. – 1970. P.197-201.

[6] A.V. Bondarenko. The judicial system of the RSFSR during the NEP. Autoref. diss. Ph.D. M., 2010. 20 s.

[7] Savenkov A.N. State and law during the crisis of modern civilization. Monograph. M.: Prospect. – 2020. - 448 s.

[8] Kuritsyn V.M. The formation of socialist legality. M.: Publishing house “Science.” - 1983.- 192 p.

[9] Kursky DI. Selected articles and speeches. M.: Legal Publishing House. – 1948. - 199 s.

[10] Encyclopedia of State and Law. Ed. P. Stuchka. M.: Publishing House of the Communist Academy., 1930. - 1184 s.

[11] Mityukov M.A. On some theoretical aspects of judicial constitutional supervision in the USSR (1924-1933) .//Bulletin of Tomsk State University. 2006. № 292. 7-16 s.

[12] Vinokurov A.N. On constitutional supervision .//Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1925. № 1. 3-6 s.

[13] Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955 M.: Nauka, 1990. - 224 s.

[14] Mityukov M.A. Judicial constitutional supervision 1924-1933: issues of history, theory and practice. M.: Formula of Law, 2005. - 208 s

[15] Mityukov M.A. Supreme Court of the USSR as a body of constitutional supervision (1924-1933): sources and historiography of the issue from the position of a constitutionalist .//Soviet constitutionalism (1918-1925): doctrines, institutions and representations. Round Table Proceedings. Ed. K.S. Korovin. Yekaterinburg: Publishing House of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Law University.” – 2019. S.4-9